

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

0 01 00 4426147 6

ЗАРУБЕЖНАЯ К

Ирвин

ШОУ

Богат, бедняк

Ирвин ШОУ
1913 — 1984

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Ирвин
ШОУ

Богат, бедняк

Роман

Москва
«ЭКСМО-ПРЕСС»
2000

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
Ш 81

Разработка оформления *А. Яковлева*

Шоу И.
Ш 81 **Богач, бедняк: Роман /Пер. с англ. В. В. Чухно. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. — 736 с. (Серия «Зарубежная классика»).**

ISBN 5-04-003238-2

До сегодняшнего дня русские читатели не имели возможности прочесть роман Ирвина Шоу «Богач, бедняк» в полном объеме, без сокращений — книга публиковалась в нашей стране с многочисленными купюрами, затронувшими в основном интимную жизнь персонажей.

В этом издании впервые представлен новый, полный перевод одного из лучших и наиболее любимых читателями американских романов XX века.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

ISBN 5-04-003238-2

© Перевод. Издательство «Око», 2000
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 2000

*My way**

Все, что я видел и чувствовал, в той или иной мере запечатлено в моих произведениях. В совокупности они представляются мне теперь, на склоне лет, чем-то вроде летописи мировых событий за последние почти шестьдесят лет в восприятии одного отдельно взятого американца.

Ирвин Шоу

Любовь к раскладыванию по полочкам и всяческому классифицированию свойственна значительной части человечества. Эти не худшие в отношении порядка и организованности люди не терпят безыдейного хаоса и неопределенности, в каком бы живописном свете это не представлялось их более легкомысленным современникам.

Из их среды вышли создатели французского регулярного парка с его подстриженной «под ноль» флорой и проложенными по ниточке дорожками, а также всевозможные систематизаторы, нормировщики и вообще представители точных наук. Не подлежит сомнению, что именно эти добрые люди долгое время точили зубы на искусство, которое ошибочно считалось стихией творческой и по этой причине якобы не поддающейся делению на отряды и семейства.

Современная наука и здесь, как могла, способствовала наведению порядка. Давно уже никого не удивляют характеристики типа «прогрессивный писатель», «поэт-социалист», «выразитель интересов среднего класса», «автор романов на семейно-бытовую тему», «оставшийся верным детективному жанру». Привычно-успокоительное журчание слов, увы, только запутывает дело: эти общие определения характеризуют не писателя, а того занудного критика, которому выпало счастье поучить других жизни и правильному пониманию искусства.

* «*My Way*» («Мой путь») — название одной из самых популярных песен американского певца и киноактера Фрэнка Синатры, которая давно стала своего рода символом американского национального характера, свободолюбивого, упорного и немного романтического.

Гораздо больше человеку читающему говорят сами имена тех, кому когда-то удалось хоть на некоторое время завладеть его мыслями и воображением — Джек Лондон, Теодор Драйзер, Джером Сэлинджер, Кен Кизи, Джон Апдайк, Ирвин Шоу...

Автор романа «Богач, бедняк», не прочитать который одно время у нас считалось просто неприличным для образованного человека, родился 27 февраля 1913 года в городе Нью-Йорке. Судьба словно позаботилась о том, чтобы с самого появления на свет прочно связать Ирвина Шоу с бурной и затейливой историей XX века. Уже через год Первая мировая война грохотом пушек, облаками душливых газов и миллионами убитых и покалеченных возвестила о начале новой эпохи в мировой истории.

Старая Европа, с ее рафинированной культурой и иллюзорной верой в необратимость развития цивилизации и исторический прогресс, безвозвратно ушла в прошлое. После Первой мировой войны и целой череды увенчавших ее кровавых революций человечество перешло на совершенно иную ступень развития; не случайно в глазах многих подлинным рубежом между XIX и XX веком стал не 1901 год, а именно 1914-й.

Ирвин Шоу позднее вспоминал, что, хотя ему в то время не исполнилось еще и семи лет, он хорошо запомнил звон колоколов, свистки и всеобщее ликование, с которым все вокруг встретили окончание боевых действий в Европе. Так, под тревожный аккомпанемент далекой войны, прошло его детство.

С отрочеством и юностью будущему писателю повезло больше: они пришлись на годы послевоенного экономического процветания Америки. «Сухой закон», который, если судить по гангстерским кинофильмам, внес столько разнообразия в американские будни 1920-х годов, на жизненный путь юного Ирвина никакого влияния не оказал — возраст еще был не тот. Зато тоску и безнадежность Великой депрессии 1929—1930 годов писатель уже, по собственному признанию, смог оценить в полной мере. Поэтому и радовался от души, когда в 1932 году президентом был избран Франклин Д. Рузвельт — человек, справедливо олицетворявший в глазах многих американцев новый путь развития страны.

Ирвин Шоу постепенно присматривался к жизни и не торопился удивлять мир какими-либо нестандартными решениями. Как и многие рассудительные юноши, он пришел к выводу, что, как там сложится его дальнейшая жизнь, это вопрос, а вот образование еще никому не помешало. Его выбор пал на Бруклинский колледж Нью-Йоркского университета. Учеба в этом, безусловно, достойном заведении не очень обременяла Шоу: одновременно он с большим воодушевлением играл в футбол за команду колледжа и пробовал себя в литературе.

Уже тогда он показал себя как юноша в равной мере и талантливый, и способный упорным трудом выжимать из своих способностей наивысший результат. Ирвин Шоу стал лучшим игроком в своей футбольной команде и одновременно одну за другой сочинял драмы, вызывавшие восхищение у однокурсников.

Сами по себе эти успехи мало что значили — каждый может припомнить одаренных одноклассников и сокурсников, которым все прочили большое будущее, но... не сложилось. Лень, звездная болезнь, неумение организовать и правильно распорядиться свалившимся на тебя даром — все это быстро сводит на нет любые блестящие перспективы. Ирвин Шоу благополучно выдержал испытание славой районного, а затем и городского масштабов, потому что понял: талант, который приносит своему обладателю исключительно моральное удовлетворение, просто забава и ничего больше.

Он стал помещать свои фельетоны в нью-йоркских газетах и журналах и добился своего: его заметили и оценили. Острый и совсем не поверхностный ум, несомненные литературные способности обратили на него внимание тех, кто нуждался в авторе со свежим взглядом на мир и хорошо подвешенным языком — политиков и разномастных общественных деятелей. Кроме сочинения речей и выступлений для любимцев публики, Ирвин Шоу в студенческие годы зарабатывал перепечаткой текстов на машинке, частными уроками и т. п. Он явно стремился если не стать полностью независимым, то хотя бы получить надежную опору в жизни.

В 1934 году Шоу закончил учебу, но отнюдь не поиски своего «места под солнцем». Перспектива жить своим умом и на собственные средства все меньше пугала его — Ирвин Шоу начал по-настоящему верить в себя, а труда он никогда не боялся. Некоторое время он работал профессиональным футболистом, затем — продавцом, школьным учителем, шофером... Жизнь поворачивалась к нему новыми яркими и неожиданными гранями, и будущий всемирно известный писатель старательно приглядывался к ней, жадно впитывая впечатления. Впоследствии многие читатели навсегда проникнутся к Ирвину Шоу симпатией именно из-за его тонкой наблюдательности, умения понять другого человека через окружающие его вещи, малозаметные психологические жесты, нюансы поведения и т. п.

Все эти годы Ирвин Шоу оставался верен своей главной страсти — писательству, и в 1936 году это постоянство было вознаграждено сполна. Его пьеса «Похороните мертвых» (1936) была поставлена на Бродвее и имела шумный успех. Сюжет пьесы основывался на событиях разгоревшейся в Испании Гражданской войны, которая в те годы приковывала к себе внимание всего

мира. Так Америка обзавелась своим драматургом по фамилии Шоу, причем еще при жизни знаменитого англичанина^{*}.

Успех молодого автора неожиданно получил резонанс и по другую сторону океана: русский перевод пьесы был опубликован в журнале «Новый мир» за тот же 1936 год. Основную роль в этом смелом шаге сыграло идейное совпадение авторской позиции Шоу с официальной советской точкой зрения на испанские события.

Это могло стать пунктом первым в отработанной схеме, благодаря которой советской власти удалось приручить не одного западного автора: публикация, «наведение мостов», выплата гонорара за публикацию массовым тиражом, приглашение в Союз на поездку по стране и встречи с читателями, снова выплаты гонораров (в случае благоприятного расказа о поездке) и т. д. Теодор Драйзер, к примеру, в родных Штатах жил не очень богато и вполне искренне симпатизировал коммунистам. Так вот, он до конца жизни остался очарованным советскими людьми и аккуратными переводами из СССР, которые иногда ему доставляли неброско одетые люди с усталыми добрыми глазами и хорошей осанкой.

С Ирвином Шоу, судя по всему, дружба не состоялась, потому что перевод его следующего романа «Молодые львы» (1948) появился в советской печати лишь в 1962 году. Между тем, по мнению многих, этот роман является едва ли не лучшим произведением Шоу. «Молодые львы» написаны о Второй мировой войне, о фашизме и насилии как способе улаживания многих проблем, о том, насколько трудно, сражаясь со Злом, не превратиться незаметно в часть его самого.

Об этой войне Ирвин Шоу знал уже не понаслышке. На фронт он отправился рядовым добровольцем, хотя ему было что терять: приобретя известность, он перебрался в Голливуд, где быстро стал одним из лучших сценаристов, одновременно продолжая писать пьесы для театра и радиопостановок (очень модный жанр для Америки 1930-х годов). Он повоевал в Европе и Северной Африке, на Ближнем Востоке и закончил службу военным корреспондентом.

«Молодые львы» стали блестящим дебютом Шоу-романиста, вызвавшим единодушные симпатии читателей и критики, что бывает не так уж часто. Разумеется, долго такая идиллия не продлилась: последующие произведения Ирвина Шоу публика раскупала с не меньшим энтузиазмом, а вот критики в один голос за-

^{*} Джордж Бернард Шоу (1856—1950) — английский писатель и драматург, лауреат Нобелевской премии (1925), автор пьес «Дома вдовца» (1892), «Профессия госпожи Уоррен» (1894), «Цезарь и Клеопатра» (1901), «Пигмалион» (1913), «Святая Иоанна» (1923) и др.

говорили о затянувшемся творческом кризисе и о «хорошем писателе, играющем в несерьезные игры». В который раз окружающие путем воспитательных «кнутов и пряников» пытались совместить двух писателей: Ирвина Шоу реального и созданного их искусствоведческим воображением.

Впрочем, самого Ирвина Шоу эти упреки мало смущали, он ориентировался на читающую публику — тех, кто действительно ждал и любил его книги. Писатель старался не разочаровывать поклонников своего таланта и сочинял, по его собственному признанию, где только мог — в поездах, на кораблях, в редакции журнала «Нью-Йоркер», в пустыне Мохаве, в Риме, Лондоне, Каире и т. д. Страсть к литературе и путешествиям владела им до самой смерти в мае 1984 года в швейцарском городе Давосе.

За более чем пятьдесят лет литературной деятельности Ирвин Шоу написал больше десятка романов, пять пьес, несколько сборников рассказов и киносценариев. Из послевоенных романов заслуживают упоминания «Люси Краун» (1956), «Две недели в чужом городе» (1960), «Вечер в Византии» (1973), «Ночной портье» (1975), «Хлеб по водам» (1981) и «Допустимые потери» (1982).

Наибольшим успехом из всего, написанного Ирвином Шоу в зрелом возрасте, пользовалась диалогия «Богач, бедняк» (1970) и «Нищий, вор» (1977). Эта захватывающая история о членах семьи Джордахов, по-разному ведущих свою «битву жизни» в Америке образца XX века, была переведена на многие языки мира, в том числе и русский. На этот раз перевод был осуществлен лет через десять после опубликования первого из романов в США и оказался едва ли не наполовину короче оригинала. Из «Богача, бедняка» исчезли все политически неблагонадежные моменты, секс и просто куски текста, которые советский переводчик считал слишком трудными для перевода.

Даже в таком, мягко говоря, «журнальном» варианте, роман «Богач, бедняк» завоевал в СССР широчайшую популярность, о чем свидетельствуют зачитанные до дыр номера журналов «Иностранная литература» в библиотеках и многократные переиздания книги. То, что осуществлено в настоящем издании, можно назвать лишь запоздалым исполнением долга перед писателем: впервые осуществлен полный, без всяких купюр и сокращений, перевод одного из самых известных и популярных романов Ирвина Шоу.

Рассказы и новеллы Ирвина Шоу у нас известны гораздо меньше, а между тем в них его дар рассказчика и тонкого, умного наблюдателя проявился едва ли не с большим блеском, чем в крупных романах. Всего за свою жизнь Ирвин Шоу написал восемьдесят четыре рассказа, публиковавшихся в таких известнейших американских журналах, как «Нью-Йоркер», «Харперс», «Плей-

бой». Шестьдесят три из них он объединил в 1978 году в итоговый сборник «Новеллы: пять десятилетий».

...Произведения Ирвина Шоу многие годы не покидали списки бестселлеров, их переводили на разные языки, по ним снимали кинофильмы, ставили спектакли. Поскольку сам писатель, как и его герои, был аполитичен и не торопился открыто примкнуть к какой-либо партии или движению, за него это часто старались сделать другие. Ирвина Шоу такие попытки оставляли равнодушным: на свои главные вопросы он выяснил ответы давным-давно. С тех пор прошло немало времени и многое изменилось, но писатель так и остался верен своим принципам: «Меня то превозносили до небес, то нещадно ругали, но я всегда жил той жизнью, которая мне нравилась и которую я выбирал сам».

Вадим Татарин

Часть
первая

Посвящается сыну

Часть первая

Глава I

1945 год

I

Мистер Доннелли, школьный тренер по легкой атлетике, закончил занятия раньше обычного, так как на площадку пришел отец Генри Фуллера — того самого, что лучше всех в команде толкал ядро — и сообщил сыну, что получил телеграмму из Вашингтона, в которой говорилось, что брат Генри, воевавший в Германии, пал в бою. Выждав, пока парень переоденется и уйдет с отцом из школы, мистер Доннелли свистком собрал остальных ребят и объявил, что они могут расходиться по домам — в знак уважения к Генри.

В это же время на своей площадке тренировалась бейсбольная команда, но у них в этот день никто не терял братьев, поэтому они продолжали тренировку.

Рудольф Джордах (лучший результат в беге с низкими барьерами на двести метров) отправился в раздевалку и, сняв одежду, прошел в душевую. Бегал он сегодня мало и даже не успел понастоящему вспотеть, но дома у Джордахов вечно не хватало горячей воды, и он не упускал возможности принять душ всякий раз, как оказывался в гимнастическом зале. Школу построили в 1927 году, когда у людей еще водились деньжата, поэтому душевые были просторные и горячей воды хватало на всех. В школе имелся даже плавательный бассейн. Обычно Рудольф после тренировки еще и плавал, но сегодня не стал — это было бы неуважительно по отношению к Генри.

Ребята в раздевалке говорили вполголоса и, против обыкновения, не дурачились. Смайли, капитан команды, встал на скамейку и заявил, что если состоится панихида, то им всем следует скинуться на венок. «Пятьдесят центов с носа будет вполне достаточно», — сказал он. По лицам парней сразу было видно, кто может себе позволить выложить пятьдесят центов, а кто нет. Рудольф никак не мог, но постарался сделать вид, что может. Предложение Смайли в первую очередь поддержали те из ре-

бят, кого родители каждую осень, перед началом занятий, возили в Нью-Йорк, чтобы закупить им всякой одежды на целый учебный год.

Рудольф покупал то, что продавалось на месте, в Порт-Филипе, в универмаге Бернштейна. Тем не менее одет он был аккуратно и даже со вкусом: рубашка с галстуком, свитер под кожаной ветровкой и коричневые брюки, оставшиеся от костюма (пиджак давно протерся на локтях, и Рудольф его больше не носил). «А вот Генри Фуллер был одним из тех, кто покупал себе одежду в Нью-Йорке, хотя вряд ли это могло ему сегодня служить утешением», — подумал Рудольф.

Не задерживаясь, он быстро вышел из раздевалки. Ему не хотелось возвращаться домой с ребятами: в этом случае он не избежал бы разговора о брате Генри Фуллера. Рудольф не очень симпатизировал Генри — тот был несколько глуповат, что, в общем-то, вполне естественно для толкателя ядра — и не склонен был изображать ему чрезмерное сочувствие.

Школа располагалась в жилом квартале, к северо-востоку от центральной деловой части города, и со всех сторон была окружена сдвоенными домиками, каждая из половин которых предназначалась для одной семьи. Домики были воздвигнуты приблизительно в то же время, что и школа, то есть в пору большого строительства в городе, и первоначально ничем не отличались друг от друга, но со временем хозяева перекрасили окна и двери, так что они стали самых разных цветов, и пристроили кто эркер, кто балкон, кто еще какую-нибудь деталь, лишь бы чем-то отличаться от соседей, что, впрочем, им не совсем удавалось.

Рудольф, держа учебники под рукой, шагал по растрескавшемуся тротуару. День был по-весеннему ветреный, но не очень холодный, и Рудольф чувствовал себя как-то по-особенному приподнято, даже празднично — возможно, оттого, подумал он, что тренировка была легкой и их отпустили раньше. На многих деревьях набухли почки, а на некоторых уже распустились первые листья.

Школа стояла на холме, и Рудольф мог видеть внизу реку Гудзон, все еще казавшуюся по-зимнему студеной, шпили городских церквей, а поодаль, в южной части города, высилась труба завода Бойлана, производившего кирпич и черепицу. На нем работала Гретхен, сестра Рудольфа. Вдоль реки тянулось полотно железной дороги из Нью-Йорка. Порт-Филип имел не очень привлекательный вид, хотя когда-то был красивым городком, сплошь состоявшим из больших белых домов в колониальном стиле, перемежавшихся с массивными викторианскими каменными особняками. Промышленный бум двадцатых годов вызвал приток в Порт-Филип рабочего люда, селившегося в узких и темных домишках, вырвавшихся как на дрожжах во всех районах

города. Но в результате разразившегося затем экономического кризиса почти все остались без работы, и построенные на скорую руку бараки опустели, а Порт-Филип, как недовольно говорила мать Рудольфа, превратился в сплошные трущобы. Это не совсем соответствовало истине. В северной части города все еще было множество красивых больших домов и широких улиц, и дома эти, несмотря на непростые времена, содержались в образцовом порядке. Даже в тех районах города, которые утратили свой первоначальный вид, до сих пор можно было увидеть внушительные особняки, выглядевшие весьма презентабельно позади обширных газонов и старых деревьев. Их владельцы с семьями ни за что не хотели выезжать оттуда.

С войной в Порт-Филип вновь пришло процветание. Кирпичный и цементный заводы работали теперь на полную мощность, и даже кожевенный завод и обувная фабрика Байфилда, получившие армейские заказы, возобновили свою работу. Но в то же время люди из-за войны не обращали особого внимания на внешний вид города — у них хватало и других забот,— так что Порт-Филип выглядел, пожалуй, еще более запущенным, чем прежде.

«Найдется ли хоть один человек, кто смог бы отдать жизнь, обороняя или, наоборот, завоевывая этот город, как отдал свою жизнь брат Генри Фуллера, сражаясь за какой-то безвестный городок в Германии?» — подумал Рудольф, глядя сверху на залитое нежарким весенним солнцем беспорядочное скопление домов. Он сомневался в этом.

Втайне, хотя и понимая, что для этого нет оснований, Рудольф надеялся, что война продлится еще как минимум года два: скоро ему будет семнадцать, а, значит, через год после этого он сможет записаться в добровольцы. Он видел себя с серебряными нашивками лейтенанта и представлял, как ему отдают честь рядовые или как он под пулеметным огнем противника ведет в атаку свой взвод. Через такого рода испытания должен пройти каждый мужчина. Жаль только, что нет больше кавалерии. Вот было бы здорово мчаться на коне, размахивая саблей, и на всем скаку повергать наземь презренного врага!

Разумеется, дома он не осмеливался говорить на подобные темы. Упаси Бог: стоило кому-нибудь в присутствии матери хотя бы заикнуться о том, что война может затянуться и ее сына могут забрать в армию, как с ней начиналась истерика. Он знал, что некоторые его ровесники выдают себя за восемнадцатилетних и таким образом попадают на фронт — да что там ровесники: были известны случаи, когда пятнадцатилетние, даже четырнадцатилетние ребята воевали в морской пехоте и получали медали за храбрость. Но он никогда бы не пошел на это из жалости к матери.

Как всегда, он сделал крик, чтобы пройти мимо дома мисс Лено (она преподавала у них в школе французский), но не увидел ее.

Тогда он свернул на Бродвей, главную улицу Порт-Филипа, тянувшуюся вдоль реки и переходившую в автостраду Нью-Йорк — Олбани. Он мечтал завести собственную машину, вроде тех, которые проносились сейчас мимо него по Бродвею. Если бы у него была машина, он каждую неделю ездил бы в Нью-Йорк на выходные. Он не очень-то себе представлял, что делал бы в Нью-Йорке, но все равно обязательно туда бы ездил.

Несмотря на свое претенциозное название, Бродвей в Порт-Филипе представлял собой ничем не примечательную, хотя и широкую улицу, по обе стороны которой рядом с большими магазинами, где продавалось все, что угодно — от готового женского платья до дешевых ювелирных изделий и спорттоваров, — ютились скромные мясные и продовольственные лавки. Как и всегда, Рудольф не мог спокойно пройти мимо витрины армейского магазина, где, наряду с брюками и рубашками из прочной хлопчатобумажной ткани, рабочими ботинками, карманными фонариками, складными ножами и тому подобными товарами, были выставлены также рыболовные принадлежности. Он остановился и долго глазел на тонкие, изящные удочки с приделанными к ним дорогими катушками с леской. Рыбачил он большей частью на Гудзоне, а когда открывался сезон ловли форели, ходил и по его притокам, но рыбацкое снаряжение у него было совсем нехитрым.

Пройдя по короткому переулку, он свернул на Вандерхофф-стрит, где и стоял его дом. Эта улица шла параллельно Бродвею, словно пытаясь соперничать с главной магистралью, но безуспешно — точно так же бедняк в мешковатом костюме и стоптанных башмаках напрасно старался бы создать впечатление, будто он разъезжает на «кадиллаке». Магазины здесь были совсем маленькие, товары на витринах — с толстым слоем пыли, точно владельцы и сами понимали: все равно их никто не купит. Многие витрины еще с начала тридцатых годов оставались заколоченными досками. Когда перед войной в городе меняли канализацию, строители вырубали на Вандерхофф-стрит все деревья, росшие вдоль тротуара и делавшие улицу тенистой, а посадить вместо них новые никто с тех пор так и не удосужился. Улица была очень длинной, и, чем ближе Рудольф подходил к своему дому, тем более убогой она становилась, как если бы то обстоятельство, что она идет к югу, было само по себе равноценно упадку.

Мать, как всегда зябко кутаясь в шаль, стояла за прилавком. Их булочная располагалась на углу, поэтому в ней было две витрины, и мать не уставала повторять, что поскольку вместо стен

у них повсюду одни лишь стекла, то не удивительно, что в помещении такой холод. В тот момент, когда он вошел, она вкладывала в кулек из оберточной бумаги сдобные булочки с хрустящей корочкой для ожидавшей у прилавка маленькой девочки. В главной витрине, выходящей на Вандерхофф-стрит, красовались пирожные, торты и сладкие пирожки. Раньше отец сам выпекал их в пекарне, занимавшей подвал под булочной, но когда началась война, рассудил, что от этого больше хлопот, чем прибыли, и теперь каждое утро их доставляли сюда на грузовике из городской пекарни, а Аксель Джордах ограничивался выпечкой хлеба и булочек. Кондитерские изделия, пролежавшие в витрине три дня, Аксель забирал наверх, домой, и их съедала семья.

Рудольф подошел к матери и поцеловал ее, а она ласково потрепала его по щеке. Мать всегда выглядела усталой и постоянно шурилась, так как непрерывно курила и дым все время попадал ей в глаза.

— Почему так рано? — спросила она.

— Сегодня тренировка была короткой, — ответил он, но не сказал почему. — Ты иди наверх, а я побуду здесь за тебя.

— Спасибо, Руди, — сказала она. — Какой ты у меня хороший.

И мама поцеловала его. Она всегда была с ним ласковой. Ему хотелось бы, чтобы она целовала не только его, но также брата и сестру — хоть изредка, — однако она никогда этого не делала. И он ни разу не видел, чтобы она целовала отца.

— Ну что ж, пойду займусь обедом, — произнесла она, имея в виду ужин: в отличие от всех остальных в семье, она называла ужин обедом.

Покупкой продуктов у них в семье занимался отец: он утверждал, что жена не умеет покупать дешево, а, кроме того, не в состоянии отличить хорошего продукта от плохого; ну а что касается приготовления пищи, то этим, за редкими исключениями, занималась мама.

А она тем временем вышла на улицу. Жили они в том же доме, двумя этажами выше, но булочная не имела прямого выхода в вестибюль, к лестнице, ведущей в их квартиру. Рудольф увидел сквозь стекло, как мать, съезжившись под порывами ветра и наклонив седеющую голову, проходит мимо витрины, шаркая ногами, словно старуха. Трудно было поверить, что ей всего лишь слегка за сорок.

Он взял книгу и принялся читать. В ближайшие час — полтора вряд ли следует ожидать наплыва покупателей. Читал он речь английского политика 18-го века Эдмунда Берка, называвшуюся «По вопросу примирения с колониями», — ее нужно было прочесть к следующему уроку английского языка и литературы. Речь была настолько убедительной, что оставалось только удивляться,

как это члены парламента — люди, скорее всего, опытные и неглупые — могли не согласиться с Берком. Интересно, что было бы с Америкой, если бы они послушались его? Не исключено, что здесь, так же как и в Англии, до сих пор сохранились бы графы, герцоги и замки. Это было бы потрясающе! Только представить: сэр Рудольф Джордах, полковник порт-филиппского королевского гвардейского гарнизона!

В булочную зашел рабочий-итальянец за буханкой белого хлеба, и Рудольф, отложив в сторону Берка, обслужил его.

Семья Джордахов ела на кухне. В полном составе они собирались за столом только по вечерам: отец ночью работал в пекарне, а днем отсыпался. Сегодня у них на ужин была тушеная баранина. Несмотря на карточную систему, недостатка в мясе они никогда не испытывали: отец дружил с мясником, мистером Хасом, и тот, тоже немец, не спрашивал с Джордахов карточек.

Рудольфу было как-то не по себе оттого, что он ест баранину с черного рынка в тот самый день, когда Генри Фуллеру стало известно о гибели брата, но объяснять отцу такие деликатные тонкости он не решился, а ограничился тем, что попросил положить ему поменьше мяса и побольше гарнира — картошки с морковью.

Зато у брата Рудольфа, Томаса (единственного блондина в семье, не считая матери, которую, с ее сединой, блондинкой никто бы уже назвать не решился), на душе было, судя по всему, вполне спокойно: баранину он уплетал с завидным аппетитом. Хотя и младше Рудольфа на год, Томас был уже ростом с брата и гораздо шире в плечах. Старшая сестра Рудольфа, Гретхен, как всегда ела мало — следила за фигурой. Мать вообще почти не приоткрывала рот. А вот отец, крупный мужчина, сидевший за столом по-домашнему, без пиджака, ел непомерно много и то и дело вытирал тыльной стороной ладони свои густые черные усы.

Гретхен встала из-за стола, не дожидаясь десерта — вишневого пирога трехдневной давности. Она спешила в военный госпиталь, расположенный на окраине города, где дежурила пять вечеров в неделю, на добровольных началах помогая медсестрам.

— Смотри не давай солдатам шупать себя. У нас в квартире не так много места, чтобы выделять тебе детскую, — напутствовал ее отец своей всегдашней шуточкой.

— Па! — укоризненно воскликнула Гретхен.

— Знаю я этих солдат, — не унимался Аксель. — Так что гляди в оба.

Гретхен была аккуратной, скромной и очень хорошенькой девушкой, и Рудольфу было неприятно, что отец позволяет себе говорить с ней подобным образом. Уж если на то пошло, она была единственной в семье, кто хоть что-то делал для победы в войне.

После ужина Томас тоже куда-то ушел — он всегда уходил по вечерам. Уроков он никогда не готовил и получал в школе только плохие отметки. Хотя ему скоро должно было стукнуть шестнадцать, он никак не мог вылезти из младших классов. На него не было никакой управы.

Аксель Джордах отправился в гостиную почитать газету перед тем, как спускаться в подвал, где ему предстояло работать всю ночь, а Рудольф остался на кухне, чтобы помочь матери: она мыла посуду, а он вытирал. «Если я когда-нибудь женюсь,— подумал он,— то уж моей жене не придется мыть посуду».

Когда с посудой было покончено, мать установила гладильную доску и принялась гладить, а Рудольф поднялся в их общую с братом комнату и сел за уроки. Он прекрасно понимал, что только учеба может избавить его от необходимости есть на кухне, выслушивать одни и те же грубоватые шуточки отца и вытирать посуду — а поэтому никто в классе не сдавал экзамены лучше него.

II

«А что если положить в одну из булочек отраву,— подумал Аксель Джордах, вымешивая тесто.— Просто так, ради смеха. Чтобы проучить эту публику. Один только разок — ну, скажем, сегодня. Интересно, кому бы она досталась?»

Он отхлебнул виски из горлышка. К утру в бутылке почти ничего не останется. Руки его по самые локти были в муке, лицо он тоже запачкал мукой, поминутно вытирая ладонью потный лоб. «Клоун, да и только,— подумал он,— осталось только выступать в цирке».

Из окна, открытого навстречу мартовской ночи, в подвал залетал пропитанный запахом водорослей ветерок с реки, напоминая ему о Рейне, но в пекарне воздух был нестерпимо раскаленным от жаркой печи. «Впечатление, что я попал в ад,— подумалось ему.— Сажу здесь и разжигаю адов огонь, чтобы, выпекая хлеб для других, зарабатывать на хлеб себе. Так сказать, пеку в преисподней булочки-плетенки».

Он подошел к окну и набрал полные легкие воздуха. При этом на его широкой груди под мокрой от пота майкой вздулись сильные, разработанные долгими годами работы мышцы. Текущая в полукилометре от их дома река уже освободилась от ледяного покрова, и бесконечные ряды льдин, влекомые ее волнами, напоминали марширующие мимо города войска с севера, несущие с собой последнее напоминание о недавнем зимнем холоде. От Порт-Филипа до Рейна добрых четыре тысячи миль. А через Рейн по наспех возведенным переправам длинной чередой, возможно, ползут в данную минуту танки и пушки. Ка-

кой-то лейтенант рискует перебежать по одной из таких переправ на другой берег, хотя и знает, что она любую минуту может взлететь на воздух. А другого лейтенанта, с противоположной стороны реки, предадут военному суду и расстреливают за то, что он не выполнил приказа взорвать эту переправу, — иначе говоря, за то, что остался в живых первый лейтенант... Стоящие друг против друга армии противников. *Die Wacht am Rhein**. В воды Рейна уже успел помочиться Черчилль... Родная река Джордаха. Легендарная река. В ее глубинах живут сирены, на берегах растут виноградники. А сколько *Schlössen***! Кельнский собор по-прежнему стоит на своем месте, но, кроме него, почти ничего не осталось. Виденные Джордахом фотографии в газетах пугали. Во что только превратился его любимый старый Кельн! Руины, перепаханные стенами мертвых тел. Почему такое могло случиться с городом, прекраснее которого нет на свете?! Джордах задумался о своей молодости, а затем, встрепенувшись, сплюнул в окно, — в сторону текущей поблизости, а не той, далекой, реки. Где же ты, пресловутая непобедимая немецкая армия? Подумать только, как много народу перебито! Он снова сплюнул и провел языком по свисающим кончикам черных усов. Благословенная Америка! Чтобы попасть сюда, ему пришлось пойти на убийство. Еще раз глубоко вдохнув речной воздух, Аксель, прихрамывая, отошел от окна и возвратился к работе.

На витрине булочной, стоявшей прямо над подвалом, в котором сейчас работал Аксель, красовалась вывеска: БУЛОЧНА А. Джордаха. Двадцать лет назад, когда появилась вывеска, надпись на ней гласила: БУЛОЧНАЯ А. Джордаха, но в одну из зим буква «Я» отвалилась, и Аксель так и не собрался приладить ее на место. Впрочем, отсутствие «Я» никоим образом не повлияло на количество продаваемых им булочек-плетенок.

Рядом с печью лежала кошка и неотрывно смотрела на Акселя. Имени у нее не было: никто не удосужился назвать ее. Держали ее в пекарне исключительно для того, чтобы она не подпускала к муке мышей и крыс. Когда Акселю нужно было позвать ее, он просто говорил: «Эй, кошка!» И та, наверное, так и считала, что ее зовут Кошка. Она целую ночь не отводила от Акселя глаз, ночь за ночью. Ей полагалась миска молока в день; остальное ее пропитание составляли мыши и крысы, которых ей удавалось поймать. Кошка смотрела на него так, что он был абсолютно уверен: единственная ее мечта — увеличиться минимум раз

* *Die Wacht am Rhein* (нем.) — «Пост на Рейне» (название известной в Германии патриотической песни). *Здесь и далее примечания переводчика.*

** *Schlössen* (нем.) — замки.

в десять, чтобы стать величиной с тигра, а после этого броситься на него и наконец-то наестся досыта.

Джордах подошел к пылающей жаром печи, открыл дверцу и, морщась от ударившей в лицо раскаленной струи воздуха, поставил первый в эту ночь противень с булочками.

III

В тесной, узкой комнате наверху, где они жили вдвоем с братом, Рудольф, покончив с уроками, сочинял по-французски любовное письмо своей преподавательнице французского мисс Лено. Сейчас он искал в англо-французском словаре слово «желание». Слова «случайно» и «в своем воображении» он уже нашел. Незадолго до этого он прочел «Волшебную гору» Томаса Манна, и хотя в целом книга показалась ему скучной,— за исключением главы о спиритическом сеансе,— на него большое впечатление произвел тот факт, что любовные сцены в романе были написаны на французском языке. Он старательно, со словарем в руке, перевел их на английский. Объясняться в любви по-французски казалось ему верхом изысканности. Как бы там ни было, но одно можно было утверждать с полной уверенностью: на всем протяжении реки Гудзон вряд ли нашелся бы еще один шестнадцатилетний юноша, который бы в этот вечер писал любовное письмо по-французски.

«*Enfin*,— писал он, старательно выводя буквы, так чтобы они были похожи на печатные (такую манеру письма он выработал за последние два года),— *enfin, je dois vous dire, chère Madame, quand je vous vois par hasard dans les couloirs de l'école ou se promenant dans votre manteau bleu-clair dans les rues, j'ai l'envie*,— французское слово „*l'envie*“ было самым близким по значению из всех, что он смог отыскать в словаре, слову „желание“,— *très profond de voyager dans le monde d'où vous êtes sortie et des visions délicieuses de flâner avec vous a mes côtés sur les boulevards de Paris, qui vient d'être libéré par les braves soldats de votre pays et le mien. Votre cavalier servant, Rudolph Jordache (французский класс 326)*».

Рудольф прочитал написанное, затем — первоначальный английский вариант письма. Он постарался написать его на таком английском языке, который, с его точки зрения, как можно больше соответствовал бы строю и характеру французского:

«*В завершение я Вам должен сказать, дорогая мадам, что, увидев Вас случайно в школьном коридоре или на улице, когда Вы прогуливаетесь в своем голубом пальто, я преисполняюсь огромным желанием отправиться с Вами в путешествие в ту часть мира,*

из которой Вы родом, и в моем воображении возникает восхитительная картина: мы с Вами бредем под руку по бульварам Парижа, только что освобожденного отважными солдатами Вашей и моей стран. Ваш покорный слуга Рудольф Джордах».

Он с удовольствием перечитал французский вариант. Что и говорить: хочешь быть элегантным — пиши по-французски. Ему нравилось, как мисс Лено произносит его имя — Жордаш, мягко и музыкально, как, собственно, оно и должно было бы звучать, а не Джордах, на американский манер, или, хуже того, Джордейк, как произносят некоторые из американцев.

Затем, с сожалением, Рудольф порвал оба письма на мелкие кусочки. Он прекрасно знал, что никаких писем французенке посылать не будет. До этого он писал ей уже шесть раз, но неизменно уничтожал свои послания, понимая, что она может счесть его сумасшедшим и, чего доброго, пожаловаться директору школы. И уж, конечно, он совсем не хотел, чтобы отец, или мать, или Гретхен, или Том нашли в его комнате любовные письма — не важно, на каком языке.

И все же он испытывал чувство своеобразного удовлетворения. То, что он сидит в жалкой, крошечной комнатке над булочной в полукилометре от холодного, по-весеннему неприглядного Гудзона и в то же время пишет такие письма, вселяло в него своего рода веру в себя, в свое необыкновенное будущее. Придет день, и он действительно отправится в далекие путешествия, он будет плавать по рекам побольше и покрасивее, чем этот Гудзон, писать на разных языках письма прекрасным женщинам из высшего общества — и не только писать, но и отсылать их.

Рудольф встал из-за стола и взглянул на себя в маленькое зеркало с неровной поверхностью, висящее над выдавшим виды дубовым туалетным столиком. Он часто смотрелся в зеркало, стараясь разглядеть в своем лице черты того человека, каким ему предстояло стать. За своей внешностью он следил самым тщательным образом. Его прямые черные волосы были всегда идеально зачесаны назад; редкий темный пушок на переносице он периодически выщипывал; чтобы не было прыщей, старался не есть сладкого; приучал себя не хохотать во все горло, а лишь улыбаться, да и то не слишком часто. Был очень консервативен в цвете выбираемой им одежды, постоянно работал над своей походкой, стараясь держаться прямо, с достоинством, и ходить не спеша, легким, скольльзящим шагом. Он регулярно подпиливал ногти, и раз в месяц Гретхен делала ему маникюр. Драк он избегал — ему не хотелось, чтобы его лицо обезобразил перебитый нос, а длинные худощавые руки были в садинах, с распущенными суставами пальцев. Чтобы держаться в форме, он занимался спортом — легкой атлетикой. А когда тянуло полюбоваться природой

и побыть в одиночестве, ловил рыбу на искусственных мушек (если рядом были другие рыбаки) или на обыкновенных червей (если вокруг никого не было).

— *Votre cavalier servant*, — обратился он к зеркалу по-французски, глядя на свое отражение. Он хотел добиться того, чтобы, говоря на этом языке, он и выглядел как француз, как это происходило с мисс Лено: стоило ей, обращаясь к классу, заговорить по-французски, как лицо ее преображалось и становилось типично французским.

Он сел за желтый дубовый столик, за которым всегда занимался, и, пододвинув к себе лист бумаги, попытался нарисовать в своем воображении мисс Лено. Она была довольно высокой, с узкими бедрами, с тонкими, стройными ногами и полной грудью, всегда рельефно выступавшей вперед. Ходила она на высоких каблуках, любила украшать свою одежду всякими ленточками и щедро мазала губы. Вначале он нарисовал ее одетой, но не добился большого сходства — не помогло даже то, что он добавил у висков по локону и заштриховал потемнее губы. Затем он попытался представить, как она выглядит без одежды, и нарисовал ее обнаженной — сидящей на высоком табурете и смотрящейся в ручное зеркальце. Закончив, он некоторое время смотрел на свое творение, затем, воскликнув: «О, Господи, что за глупости у меня в голове!», порвал рисунок. Ему было стыдно за себя. Видно, он все-таки заслуживает того, чтобы жить над булочной. Узнай кто-нибудь из родных, о чем он думает и чем занимается...

Рудольф стал раздеваться, решив, что пора ложиться. Он не хотел, чтобы мать, спавшая этажом ниже, знала, что он еще не спит, и ходил по комнате в носках. Ему приходилось вставать каждое утро в пять часов и развозить на тележке, прицепленной к велосипеду, свежий хлеб и булочки постоянным клиентам, поэтому мать ругала его за то, что он вечно недосыпает.

Когда-нибудь, когда он станет богатым и многого добьется в жизни, ему, должно быть, будет приятно рассказывать о том, как он в молодости, вставая ни свет ни заря, доставлял булочки в гостиницу при вокзале, в закусочную «Туз» и в гриль-бар Синовского. Вот только если бы имя у него было какое-нибудь другое — уж во всяком случае не Рудольф.

IV

А в кинотеатре «Казино» Эррол Флинн* расправлялся на экране с япошками. Томас Джордах сидел в последнем ряду темного зала и уминал карамельки из пакетика, который он выудил из ав-

* Эррол Флинн (1909 — 1959) — голливудский киноактер.

томата в фойе, опустив в щель вместо монеты свинцовый жетон. По части изготовления таких жетонов он был большой спец.

— Подкинь-ка мне одну, приятель,— обратился к нему Клод нарочито грубым голосом, каким гангстеры в фильмах просят дать им новую обойму с патронами 45-го калибра для своей «пушки». Дядя Клода Тинкера был священником, и Клод, чтобы ни у кого не могло возникнуть невыгодных для его особы ассоциаций, старался говорить и вести себя, как «крутой» парень. Том шелчком подбросил карамельку в воздух, и Клод, поймав ее, сунул в рот и принялся громко жевать. Ребята сидели полулежа и положив ноги на спинки пустых кресел впереди себя. В кинотеатр они, как и обычно, проникли через окошко мужского туалета в подвале — решетку на окне они сорвали еще в прошлом году. Чтобы ни у кого не возникало никаких подозрений, один из них обычно входил в зрительный зал с расстегнутой ширинкой.

Тому надоело смотреть картину. Когда Эррол Флинн с помощью различных видов оружия уничтожил в одиночку очередной взвод японцев, он буркнул:

— *Phonus bolonus*.

— На каком это языке вы изъясняетесь, профессор? — начал их обычную игру Клод.

— Это латынь,— ответил Том.— Означает — чушь собачья.

— До чего же хорошо вы владеете иностранными языками! — восхищенно произнес Клод.

— Глянь-ка вон туда,— сказал Том.— Видишь впереди справа солдата с девчонкой?

В нескольких рядах от них сидел в обнимку с девушкой какой-то солдат. Зал был полупустой, и рядом с парочкой, да и сзади нее, никого не было.

Клод нахмурился:

— Слишком он здоровенный. Посмотри, какая у него шея.

— Генерал, атакуем на заре,— объявил Том.

— Загредишь в больницу, вот увидишь,— попытался предостеречь его Клод.

— Хочешь поспорим, что нет?

Том снял ноги со спинки кресла, встал и двинулся по проходу между рядами. Его кеды ступали по изношенному ковру, покрывающему пол «Казино», совершенно бесшумно. Том всегда ходил в кедах. В них он чувствовал себя увереннее, зная, что в любой момент может дать деру. Он улыбался в темноте, чувствуя, как на него накатывается какое-то особое, пьянящее возбуждение, как это всегда происходило в подобных случаях.

Клод неуверенно плелся следом. Это был долговязый парень с худыми как палки руками, острой беличей мордочкой, длинным носом и бесформенными, влажными губами. Он был близорук и носил очки, которые отнюдь не украшали его. Умея ма-

нипулировать людьми, он действовал исподтишка и всегда выходил сухим из воды, не уступая в этом отношении опытным адвокатам, защищающим интересы крупных фирм. Ему каким-то чудом удавалось производить на учителей впечатление прилежного ученика, и они ставили ему хорошие отметки, хотя он практически никогда не открывал учебников. На нем всегда был темный костюм с темным галстуком, и он слегка сутулился, словно постоянно занимался литературным трудом. Двигался он с каким-то извиняющимся видом, неуклюже переставляя ноги, и вообще производил впечатление неприметного, скромного тихони. Но недаром говорится — в тихом омуте черти водятся, и та дьявольская изобретательность, которой обладал Клод, была направлена исключительно на хулиганские затеи. Его отец работал главным бухгалтером на кирпичном заводе Бойлана, а мать, окончившая женский колледж Святой Анны, возглавляла призывную комиссию, занимавшуюся набором молодых людей в армию. Положение родителей, наличие дяди-священника плюс безобидная, хоть и слегка отталкивающая внешность, позволяли Клоду осуществлять все его каверзные замыслы совершенно безнаказанно.

Друзья прошли по пустому ряду к тому месту, где сидели солдат и девушка, и сели сразу же за ними. Рука солдата была прорета в проем блузки его подруги, и он время от времени стискивал ей грудь. Он не снял своей пилотки, и она торчала у него на голове, лихо заломленная на лбу. Рука девушки была где-то внизу между ног солдата. Оба не отрываясь смотрели на экран. На появление ребят ни он, ни она не обратили никакого внимания.

Том сидел сзади девушки и вдыхал исходящий от нее приятный запах каких-то цветочных духов, которыми она щедро полила себя. Этот аромат смешивался с масляным, коровьим запахом, исходящим из пакета с попкорном, который оба жевали. Клод сидел за солдатом. У того была маленькая голова, но он был высок, плечист, и его пилотка загоразивала Клоду пол-экрана, так что ему приходилось наклоняться то влево, то вправо, чтобы хоть как-то следить за происходящим в фильме.

— Говорю тебе, слишком у него большие габариты, — прошептал Клод. — Небось, килограммов восемьдесят весит, а то и больше.

— Не дрейфь, — тоже шепотом ответил Том. — Начинай.

Голос его звучал уверенно, но он чувствовал, как у него поджилки трясутся и нервно подрагивают кончики пальцев. Эти привычные для него признаки страха, смешанного с сомнениями, делали предвкушение того острого удовольствия, которое он получит от финала этой сцены, еще более упительным.

— Ну, давай же, — сердито прошептал он Клоду. — Так и будем сидеть здесь всю ночь?

— Ты — босс, тебе виднее, — ответил Клод и, подавшись вперед, легонько похлопал солдата по плечу: — Извините, сержант, не могли бы вы снять пилотку? Мне ничего не видно.

— Я не сержант, — не оборачиваясь и не снимая пилотки, ответил солдат и продолжал пялиться на экран и одновременно тискать свою девчонку.

С минуту ребята сидели молча. Они давно уже отработали тактику провоцирования ссор и хорошо знали свои роли. Теперь была очередь Тома. Он наклонился вперед и уже грубее похлопал солдата по плечу:

— Мой друг очень вежливо попросил вас снять пилотку. Вы мешаете ему наслаждаться кинокартиной. Если вы не снимете пилотку, мы будем вынуждены позвать администратора.

— Здесь навалом свободных мест, — раздраженно двинувшись в кресле, ответил солдат. — Если твой приятель хочет смотреть кино — пусть пересядет.

И он возвратился к столь успешно совмещаемым им занятиям — искусству и сексу.

— Заводится, — шепнул Том Клоду. — Жми дальше.

Клод снова дотронулся до плеча солдата:

— Я страдаю от редчайшей болезни глаз. Мне хорошо видно только с этого конкретного места. Если я пересяду, изображение начнет расплываться, и я не смогу определить, кто на экране, — Эррол Флинн или Лоретта Янг*.

— Значит, ты не туда попал — тебе надо было к окулисту, а не в кино, — отозвался солдат.

Девушке понравилась шутка, и она рассмеялась. Звуки, которые она при этом издавала, создавали впечатление, будто она с бульканьем пьет воду и жидкость попадает не в то горло. Солдат тоже захохотал, довольный своим остроумием.

— Нехорошо смеяться над физическими недостатками, — проговорил Том.

— Особенно теперь, когда идет война и столько героев возвращаются калеками, — подхватил Клод.

— Какой же вы после этого американец? — В голосе Тома зазвенели патриотические нотки. — Я вас спрашиваю: какой вы после этого американец?

— А ну-ка валите отсюда, шкеты, — обернулась к ним девушка.

— Хочу вас предупредить, сэр — вы будете лично отвечать за слова вашей приятельницы, — сказал Том.

— Не обращай на них внимания, Анджела, — сказал солдат. Голос у него был тонкий — высокий тенор.

Некоторое время ребята снова сидели молча, а затем Том, избравшая японца, закричал пронзительным фальцетом:

* Лоретта Янг (р. 1913) — американская кинозвезда.

— Моряк, сегодня вечером твоя умирай! Янки — пес, сегодня моя отрезай тебе яйца.

— А ну-ка не выражаться при даме! — повернул к нему голову солдат.

— Готов поспорить, он похрабрее самого Эррола Флинна, — не унимался Том. — Бьюсь об заклад, что у него дома целый сундук медалей, но он их не носит из скромности.

Солдат начинал злиться по-настоящему:

— Заткнетесь вы наконец или нет, шпана поганая? Мы пришли сюда смотреть кино, понятно?

— А мы пришли сюда заниматься любовью, — и Том нежно погладил Клода по щеке. — Не правда ли, жаркая моя?

— Сожми мою грудь еще крепче, дорогой! — простонал Клод. — Соски мои набухли и трепещут в истоме.

— Я весь горю, — страстно проговорил Том. — Твоя кожа нежна, словно попочка у младенца.

— Вложи язык в мое ушко, дорогой, — громко прошептал Клод. — О-о-о-о-о! Какое блаженство! Я сейчас кончу.

— Ну все, хватит! — взорвался от возмущения солдат и даже извлек руку из блузки девушки. — Проваливайте отсюда!

Он говорил так громко и разгневанно, что несколько человек в передних рядах обернулись и зашикали на них.

— Мы заплатили хорошие деньги за эти места и никуда не уйдем, — заявил Том.

— Это мы еще посмотрим, — и солдат встал с места: ростом он оказался чуть ли не с два метра. — Сейчас позову билетера.

— Да наплюй ты на этих малолетних ублюдков, Сидней, — нашел, с кем связываться, — сказала девушка. — Сядь и успокойся.

— Я уже говорил тебе, Сидней, ты несешь личную ответственность за слова своей дамы, — с угрозой произнес Том. — Это мое последнее предупреждение.

— Билетер! — через весь зал крикнул солдат, повернувшись лицом к последнему ряду, где под светящейся надписью «Выход» одиноко дремал служитель в потертой форме с позументами.

— Ш-ш-ш, — послышалось со всех сторон.

— Вот это настоящий солдат! — заметил Клод. — В трудную минуту он зовет подкрепление на подмогу.

— Прошу тебя, сядь, Сидней, — дергала девушка солдата за рукав. — Это всего лишь обнаглевшие сопляки.

— Застегни свою кофточку, Анджела, — обратился Том к девушке, — а то сиськи видно.

И он тоже встал с места — на случай, если солдат бросится на него.

— Я тоже прошу вас: сядьте, пожалуйста, — вежливо сказал солдату Клод, будто и не замечая идущего к ним по главному

проходу билетера.— Сейчас будет лучшее место в картине, а из-за вас я его пропущу.

— Что здесь происходит? — спросил, подойдя к ним, билетер,— рослый человек лет сорока с усталым, изможденным лицом. Днем он работал на мебельной фабрике, а вечерами — в «Казино».

— Выведите этих пацанов отсюда,— потребовал солдат.— Они сквернословят в присутствии женщины.

— Я только попросил его снять пилотку,— сказал Клод.— Ведь так, Том?

— Именно так, сэр,— подтвердил тот.— Причем вежливо попросил. Понимаете, у него редкая болезнь глаз.

— Что, что? — озадаченно переспросил билетер.

— Если вы сейчас же не выбросите их отсюда, я сам с ними разберусь,— пригрозил солдат.

— Почему бы вам, ребята, не пересесть на другое место? — спросил билетер.

— Он ведь вам объяснил,— сказал Клод.— У меня глазная болезнь редкой формы.

— У нас свободная страна,— заявил Том.— Заплатил деньги — садись, где тебе нравится. Он думает, что он какой-нибудь Адольф Гитлер, а? Напялил военную форму и считает, что сразу стал большой шишкой. Держу пари, он япошек и в глаза не видал. Приперся сюда и подает плохой пример американской молодежи — на виду у всех трахается с девицей. А еще в форме!

— Если вы сейчас же не вышвырнете их отсюда, я их изуродую,— с глухой яростью произнес солдат, то сжимая, то разжимая кулаки.

— Ты действительно сквернословил, я слышал это собственными ушами,— сказал билетер, обращаясь к Тому.— В нашем кинотеатре это не допускается. Убирайся отсюда!

Теперь уже гудел весь зал. Билетер перегнулся через кресло и схватил Тома за свитер. Почувствовав на себе его сильную руку, Том понял — с этим типом лучше не связываться.

— Идем отсюда, Клод,— сказал он, вставая, а затем, обращаясь к билетеру, добавил: — Хорошо, мистер, пусть будет по-вашему. Мы не хотим скандала. Верните нам деньги за билеты — и мы уйдем.

— Черта с два!

— Я знаю свои права,— снова усаживаясь на место, заявил Том и, заглушая пушечную стрельбу на экране, звонко крикнул на весь зал: — Ну, давайте, бейте меня,— рады, что таким вымахали!

— Ладно, ладно,— вздохнул билетер,— отдам я вам ваши деньги, только катитесь отсюда подальше.

Ребята поднялись. Том с кривой улыбкой посмотрел на солдата:

— Я предупреждал тебя, что ты доиграешься. Буду ждать тебя на улице.

— Иди скажи своей мамочке, чтоб сменила тебе пеленки,— ответил солдат, тяжело опускаясь в кресло.

В фойе билетер выдал каждому из ребят по тридцать пять центов из собственного кармана и взял с них расписки для предъявления владельцу кинотеатра. Том подписался фамилией учителя алгебры, а Клод — фамилией президента банка, с которым по долгу службы имел дело его отец.

— И чтобы я вас здесь больше никогда не видел! — бросил им вдогонку билетер.

— В кинотеатр никому ходить не возбраняется; это общественное место,— сказал Клод.— Только попробуйте нас не впустить — будете иметь дело с моим отцом.

— А кто твой отец? — с беспокойством спросил билетер.

— Придет время — узнаете,— угрожающе произнес Клод.

И друзья неторопливо вышли из кинотеатра. На улице они хлопнули друг друга по спине и разразились громким хохотом. До конца сеанса оставалось еще полчаса, так что они зашли в закусочную на другой стороне улицы и на деньги, полученные от билетера, заказали по куску пирога и по чашке кофе. Радио за стойкой было включено, и диктор говорил о последних военных успехах американской армии в Германии и о вероятном решении верховного немецкого командования отвести войска к Баварским Альпам, на укрепленные позиции, чтобы стоять там насмерть.

Том слушал, недовольно скривив в гримасе свое по-детски круглое лицо. Он ничего не имел против войны как таковой, но его тошнило от всех этих идиотских разглагольствований о самопожертвовании, идеалах и «наших храбрых ребятах». Уж его-то ни за какие коврижки не заманишь в армию — ни в американскую, ни в любую другую.

— Эй, дамочка,— крикнул он официантке, сидевшей по ту сторону стойки и полировавшей ногти,— а нельзя ли включить какую-нибудь музыку? (Ему хватало патриотизма и дома — Рудольф и Гретхен только об этом и говорили).

— Разве вас не интересует, кто победит в этой войне? — спросила официантка, окинув ребят томно-ленивым взглядом.

— А мы не годимся к военной службе,— ответил Том.— Редкая болезнь глаз.

— О, мои бедные, бедные глаза! — простонал Клод, и оба дружно рассмеялись.

Когда сеанс окончился и зрители начали выходить из «Казино», друзья уже поджидали солдата у дверей кинотеатра. Том

снял с руки и отдал на хранение Клоду свои часы, чтобы они не разбились. Он стоял совершенно неподвижно, усилием воли заставляя себя сохранять самообладание; руки его плетью висели по бокам, и он только на то и надеялся, что солдат не ушел до конца сеанса. А Клод с потным и побледневшим от нервного возбуждения лицом расхаживал взад и вперед по тротуару.

— Ты уверен, что справишься с ним? — то и дело спрашивал он у Тома. — Уж слишком он, гад, здоровенный. Я должен знать — ты *абсолютно* уверен?

— За меня не беспокойся, — отвечал Том. — Главное, сдерживай толпу: мне нужно свободное место, чтобы я мог двигаться. — Его глаза сузились: — А вот и он.

Солдат с девушкой вышли на улицу. На вид ему было года двадцать два — двадцать три. Лицо угрюмое, рыхлое. Для своих лет он был полноват, и его форма слегка оттопыривалась на преждевременном брюшке. Тем не менее он производил впечатление дюжего парня. На рукаве гимнастерки не было ни нашивок, ни других знаков различия. Он с собственническим видом держал девушку за руку повыше локтя, направляя ее через толпу. Том подошел к солдату и остановился прямо перед ним, загородив ему дорогу.

— Это опять ты? — раздраженно буркнул солдат. Он на секунду остановился, затем двинулся дальше, толкнув Тома грудью.

— Ты чего толкаешься? — хватая его за рукав, сказал Том. — Стоп: дальше ты не пойдешь.

Солдат остановился и смерил его удивленным взглядом. Том был сантиметров на десять ниже его, этакий белокурый херувим в старом синем свитере и баскетбольных кедах.

— Слишком ты бойкий для своего роста, малыш, — процедил солдат. — А ну-ка не пугайся под ногами. — И он оттолкнул его в сторону.

— Ты соображаешь, кого ты толкнул, а, Сидней? — и Том резко пихнул его рукой в грудь.

Собравшийся вокруг народ с любопытством наблюдал за происходящим: Солдат покраснел от злости:

— Держи руки при себе, малявка, не то я сделаю тебе больно.

— Что это на тебя нашло, пацан? — спросила девушка у Тома. Перед выходом из кинотеатра она снова накрасила губы, но не совсем удачно: на подбородке у нее остались размазанные следы от помады, и внимание публики ее очень смущало. — Если ты так шутишь, то это совсем не смешно.

— Я не шучу, Анджела, — ответил Том.

— Брось называть ее Анджелой, понял? — еще больше вскипел солдат.

— Я требую, чтобы передо мной извинились.

— Это как минимум,— поддержал его Клод.

— Извиниться? За что, хотел бы я знать? — воззвал солдат к стоящим вокруг них зевакам.— Эти парни явно с приветом.

— Или ты извинишься за то, что твоя девушка оскорбила нас в кино, или увидишь, что я с тобой сделаю,— твердо произнес Том.

— Пошли, Анджела, мы еще успеем выпить пива.— Солдат повернулся, чтобы идти дальше, но Том вцепился ему в рукав и с силой дернул. Послышался треск ткани, и рукав у плеча лопнул по шву.

Солдат резко повернул голову и, увидев прореху, так и взвился на Тома:

— Ах ты, гаденыш, ты же мне порвал форму!

— Я тебя предупреждал: никуда ты дальше не пойдешь,— сказал Том и, немного отступив назад, согнул руки в локтях, принимая боевую позу.

— Ну, это тебе даром не пройдет.— Солдат изо всех сил размахнулся, но Том успел увернуться, и рука солдата лишь задела его за левое плечо.

— Ой-ё-ёй! — громко запричитал Том и, схватившись правой рукой за плечо, согнулся пополам, точно от нестерпимой боли.

— Вы видели? — повернулся Клод к толпе.— Вы видели, как этот тип ударил моего друга?

— Послушай, парень,— обратился к солдату седой мужчина в плаще,— тебе не стыдно? Он же еще совсем мальчишка.

— Да я его просто шлепнул разок,— начал виновато оправдываться солдат.— Он пристаёт ко мне уже целый...

Том неожиданно выпрямился и ударил солдата снизу кулаком в челюсть, но не слишком сильно, по касательной — так чтобы не отбить у него боевой задор. Теперь солдата уже ничто не могло остановить.

— Ладно, малец, ты сам напросился,— и он двинулся на Тома.

Том подался назад. Вместе с ним отступила и толпа.

— Посторонитесь,— тоном профессионального рефери воскликнул Клод.— Очистите для них место.

— Сидней,— завизжала девушка,— ты же убьешь его!

— Не бойся,— успокоил её солдат.— Я ему только дам небольшую взбучку. Научу мальца уму-разуму.

Том извернулся и левой рукой нанес солдату короткий боковой удар в голову, а правой саданул в живот. У солдата перехватило дыхание, он глухо крикнул, а Том, по-боксерски подпрыгивая, отскочил назад.

— Это возмутительно,— проговорила какая-то женщина.— Такой верзила, а издевается над ребенком. Неужели никто не может прекратить это безобразие?!

— Ничего страшного,— отозвался ее муж.— Сама слышала: отшлепает его маленько, и на этом все закончится.

Солдат медленно развернулся и изо всех сил замахнулся правой рукой, но Том поднырнул под нее и обоими кулаками двинул солдата в район солнечного сплетения. Солдат от боли согнулся вдвое, и Том в ту же секунду нанес ему короткий удар в лицо. Сплевывая кровь и бессильно размахивая перед собой руками, солдат попытался войти в клинч. Том снисходительно разрешил ему захватить себя, но тут же свободным правым кулаком сильно ударил его по почкам. Солдат медленно опустился на одно колено и сквозь текущую со лба кровь невидящим взглядом уставился на Тома. Анджела плакала. Толпа безмолствовала. Том отступил назад. Он даже не запыхался, лишь под нежным светлым пушком на щеках проступил легкий румянец.

— Боже мой,— прошептала женщина, та самая, что недавно призывала «прекратить это безобразие»,— а ведь с виду совсем ребенок.

— Сам встанешь или помочь? — спросил Том у солдата. Тот молча взглянул на него и изнеможенно повел головой, пытаясь стряхнуть заливающую глаза кровь. Анджела присела рядом с ним и стала прикладывать к кровоточащим ссадинам на лице носовой платок. Драка длилась не более тридцати секунд.

— На сегодня всё, граждане,— объявил Клод, вытирая с лица пот.

Широко шагая, Том прошел сквозь расступившуюся перед ним толпу. Люди подавленно молчали, не в силах прийти в себя после только что увиденного ими жестокого зрелища и пытаясь понять, смогут ли они когда-нибудь забыть эту сцену.

Догнав Тома в тот момент, когда тот собрался поворачивать за угол, Клод восхищенно воскликнул:

— Здорово! Просто здорово! Сегодня ты превзошел самого себя. Какая реакция! И какие приемчики!

— «Сидней, ты же убьешь его!»,— пропищал Том, передразнивая девушку, и презрительно фыркнул. Он был очень доволен собой. Полузакрыв глаза, он снова пережил в памяти то сладостное потрясение, которое испытал, когда его кулак содрал кожу с лица солдата и проехал по кости или когда почувствовал рукой длившееся краткий миг холодное прикосновение металлических пуговиц на гимнастике.— Да, получилось неплохо. Жаль только, что все быстро закончилось. Нужно было подразнить его еще хоть немного. Он оказался просто кучей дерьма. В следующий раз выберем парня, который умеет драться.

— Да, это было здорово,— с восторгом повторил Клод.— Я получил огромное удовольствие. Вот бы взглянуть завтра на его физиономию! Ну, и когда продолжим наши подвиги?

Том пожал плечами:

— Не знаю. Когда буду в настроении. Пока.

Ему хотелось поскорее избавиться от общества Клода и, оставшись наедине с самим собой, снова мысленно пережить каждый момент этой драки. Клод привык к неожиданным переменам в настроении своего друга и относился к ним с должным уважением: талант имеет право на капризы.

— Пока,— ответил он.— До завтра.

Том махнул ему на прощание рукой и свернул за угол. Идти ему до дома было еще далеко. Когда у него появлялась охота драться, им с Клодом приходилось забираться в другую часть города: в своем районе Тома уже все знали и, когда видели, что на него «находит», старались с ним не связываться.

Он быстро шагал по темной улице, а когда попадались редкие фонари, вприпрыжку обскакивал вокруг каждого и шел дальше. Что ж, он показал им, где раки зимуют! Еще и как показал! И не то еще покажет. *Всем им!*

Повернув за последний угол, он увидел свою сестру, приближавшуюся к дому с другого конца улицы. Гретхен шла очень быстро, опутив голову, и не заметила его. Том нырнул в ближайший подъезд на другой стороне улицы и притаился. Ему хотелось избежать разговора с сестрой. С тех пор как он себя помнил, где-то с восьми лет, она ни разу не сказала ему ничего интересного или приятного. Гретхен торопливо, чуть ли не бегом, подошла к двери рядом с витриной булочной и достала из сумочки ключ. Пожалуй, стоило бы хоть разок выследить ее и выяснить, чем она на самом деле занимается по вечерам.

Гретхен открыла дверь и вошла в дом. Выждав, пока, по его расчетам, она поднялась к себе в комнату, Том перешел улицу и остановился у старого, потемневшего от времени каркасного здания, служившего ему домом с самого рождения. Да, он родился в этом доме. Появился он на свет преждевременно, когда этого никто не ожидал, и везти его мать в больницу уже не было времени. Господи, сколько раз он слышал эту историю! А ведь что тут особенного — родиться в своем доме?! Королева, например, в этих случаях не покидает дворца, и принцы всегда появляются на свет в королевской опочивальне.

Дом выглядел так, будто в нем никто не живет и его вот-вот будут сносить. Том с досадой сплюнул. Он стоял, смотрел на дом и чувствовал, что его приподнятое настроение улетучивается. Из подвального окошка, как всегда по ночам, на тротуар падал свет — отец трудился в своей пекарне. Лицо Тома помрачнело. Вся жизнь провести в подвале! Что он знает, кроме этого подвала? Да ничего!

Том вставил в замочную скважину ключ, бесшумно открыл дверь и, осторожно ступая по скрипучей лестнице, поднялся

на третий этаж, где была их с Рудольфом комната. Бесшумно возвращаться домой было для него делом принципа. Когда он уходит и когда приходит — этого никто знать не должен, особенно в такую ночь, как нынешняя. На рукаве его свитера была кровь, и ему не хотелось, чтобы кто-нибудь из родных обнаружил это и поднял шум.

Войдя в комнату, он тихонько прикрыл за собой дверь и услышал ровное дыхание крепко спящего брата. Уж этот его безупречный, примерный брат, настоящий джентльмен, пахнувший зубной пастой, лучший ученик в классе и всеобщий любимчик. Он никогда не придет домой весь в крови, он всегда ложится спать рано, чтобы, хорошо отдохнув, вовремя явиться в школу и сказать свое неизменное «Доброе утро, мэм», он никогда не пропустит уроков. Не зажигая света, Том быстро разделся, небрежно бросив одежду на спинку стула. Ему точно так же не хотелось бы отвечать на расспросы брата, как и разговаривать с сестрой. Рудольф не был его союзником. Они стояли по разные стороны баррикады. Ну и пусть себе остается на своей стороне. Лично ему, Тому, наплевать.

Но когда он ложился в их общую двуспальную кровать, Рудольф проснулся.

— Ты где был? — спросил он сонно.

— В кино.

— Ну и как?

— Мура.

Братья лежали в темноте и молчали. Рудольф отодвинулся как можно дальше от Тома. Он считал унижительным спать с братом в одной кровати. В комнате было прохладно: окно распахнуто настежь, и с реки дул свежий ветер. Рудольф всегда открывал на ночь окно. Уж если существует какое-нибудь общепринятое полезное правило, то будьте уверены — Рудольф обязательно будет его соблюдать. И спал он как положено — в пижаме. А Том — в одних трусах. По этому поводу у них как минимум два раза в неделю возникали споры.

Рудольф втянул носом воздух:

— Послушай, от тебя ужасно несет. Как от какого-то дикого зверя. Чем это ты, интересно, занимался?

— Ничем, — ответил Том. — Разве я виноват, что от меня так пахнет?

«Не будь он моим братом, — подумал он, — я бы так его отделал за эти слова, что на нем живого места бы не осталось».

Какая жалость, что у него нет денег и он не может сходить в заведение Элис, что за железнодорожной станцией. Именно там, за пять долларов, он утратил свою невинность, и после этого ходил туда еще несколько раз. Это было летом, когда он подра-

батывал на землечерпалке на реке. Отцу он говорил, что ему платят десять долларов в неделю, хотя получал меньше. Вот бы ему сейчас ту рослую темноволосую дамочку Флоренс из Вирджинии. Он приходил к ней два раза, но взяла она с него как за один раз — пять долларов, потому что ему было только четырнадцать и он был девственником. Да-а, это было бы как раз то что надо — достойный финал для такого вечера. Он не признавался Рудольфу, что бывал у Элис, и не сомневался, что брат до сих пор сохраняет невинность, — должно быть, он считает ниже своего достоинства думать о сексе или же мечтает о кинозвезде, а может быть, он педик или с каким-нибудь другим вывихом. Нужно будет как-нибудь взять да выложить Рудольфу все подробности и посмотреть, какое у того будет выражение лица. Дикий зверь! Что ж, если его таким считают, он им и будет — диким зверем!

Он закрыл глаза и попытался снова воскресить в памяти, как выглядел солдат, когда стоял на одном колене на тротуаре и по лицу его текла кровь. Он увидел его совершенно отчетливо, но никакого удовольствия не почувствовал.

Его начала бить дрожь. И хоть в комнате было действительно холодно, дрожал он не от этого.

V

Гретхен сидела в своей комнате и смотрелась в приставленное к стене небольшое зеркало на туалетном столике. На самом деле это был старый кухонный стол, купленный ею на дешевой распродаже за два доллара и перекрашенный в розовый цвет. На простеленном на столе чистом полотенце были аккуратно расставлены баночки с кремом и три флакончика с духами, а рядом лежали щетка для волос с серебряной тыльной частью, подаренная ей на восемнадцатилетие, и маникюрный набор. На ней был старый купальный халат. Потертая фланель приятно ласкала кожу и создавала знакомое с детских лет ощущение уюта и тепла, которое она испытывала, когда, бывало, прибегала домой с холода и надевала халат перед тем, как ложиться спать. А сегодня она как никогда нуждалась в уюте и тепле.

Кусочком «клинекса» Гретхен стерла с лица кольдкрем. Белую кожу и синие с фиолетовым отливом глаза она унаследовала от матери, а черные прямые волосы — от отца. Гретхен была очень красива, как и мать в том же возрасте. Так, по крайней мере, утверждала миссис Джордах и постоянно заклинала свою дочь не дать увянуть своей красоте. «Увянуть» было любимым ее словечком. «Как только женщина выходит замуж, — внушала ей мать, — сразу же начинается ее увядание. Этот процесс начинается с первого же прикосновения мужчины и с каждым по-

следующим лишь усиливается». Она не читала дочери наставления о том, как ей вести себя с мужчинами, — она верила в «добродетельность» Гретхен (это слово мать тоже любила повторять), но в то же время, пользуясь своим положением матери, заставляла ее носить платья свободного покроя, скрывавшие очертания ее фигуры. «Зачем напрашиваться на неприятности? — любила повторять миссис Джордах. — Они и сами не заставят себя ждать. У тебя, возможно, и старомодная фигура, но неприятности могут быть очень даже новомодные».

Однажды мать призналась ей, что в юности хотела стать монахиней. Размышляя о жизни в монастыре, Гретхен каждый раз ловила себя на том, что воспринимает затворничество чисто с чувственной стороны, и это ее беспокоило. Ведь монашкам не позволено иметь детей. А между тем ей, Гретхен Джордах, было дано появиться на белый свет, ей девятнадцать лет, она сидит в своей комнате перед зеркалом в эту мартовскую ночь в середине двадцатого столетия — и все благодаря тому, что ее мать не послушалась зова сердца и не стала монахиней.

«После того, что случилось сегодня, я и сама бы, пожалуй, ушла в монастырь, — с горечью подумала Гретхен. — Но ведь для этого надо по меньшей мере верить в Бога...»

Сегодня, как и всегда после работы, она отправилась в госпиталь, где долечивались раненные в Европе солдаты. Находился госпиталь на окраине города. Гретхен дежурила там на добровольных началах пять вечеров в неделю: разносила по палатам книги, журналы и жареные пончики, читала почту тем, у кого были повреждены глаза, писала письма за тех, кто был ранен в руку. Ей ничего не платили, но зато она чувствовала, что хоть чем-то помогает общему делу. В общем-то ей даже нравились эти дежурства. Раненные были ей трогательно благодарны и во всем ее слушались — совсем как дети, — да и, кроме того, в госпитале она была избавлена от преследующих ее похотливых мужских взглядов и назойливых домогательств, с чем ей приходилось целый день иметь дело на службе.

Конечно, от ее внимания не могло ускользнуть, что некоторые медсестры или такие же, как она, сиделки из добровольцев время от времени куда-то исчезают вместе с врачами или выздоравливающими офицерами, но она с самого начала дала всем понять, что она не из таких. Вокруг было столько готовых уступить девушек, что к Гретхен никто особенно и не приставал. Чтобы полностью оградить себя от любого рода нескромных домогательств, она вызвалась дежурить в переполненных палатах для рядовых, где практически невозможно было остаться с кем-либо наедине более чем на несколько секунд. Вообще Гретхен держалась с муж-

чинами приветливо и непринужденно, но ей даже думать было противно о том, что кто-нибудь из них может допустить с ней вольности. Впрочем, еще учась в школе, она иногда позволяла целовать себя на вечеринках или в машине по дороге домой после танцев, но неумелые попытки молодых парней, ее ровесников, «завести» ее оставляли Гретхен равнодушными — более того, казались ей нелепыми, негигиеничными и даже в чем-то смешными.

Никто из учившихся с ней ребят не интересовал ее, и она презирала тех девчонок, которые сходили с ума по героям-футболистам или по парням с собственной машиной. Все это казалось ей ужасно глупым. Единственным достойным внимания мужчиной она считала мистера Поллака, учителя английского языка и литературы, немолодого уже человека лет пятидесяти с взъерошенными седыми волосами, говорившего тихо, интеллигентно и читавшего им вслух Шекспира на уроках. «Завтра, завтра, завтра,— а дни ползут, и вот уж в книге жизни читаем мы последний слог...»^{*} Она легко могла представить себя в объятиях мистера Поллака, и ей были бы приятны его нежные, поэтичные, скорбные ласки, но он был женат, имел двух дочерей ее возраста и никогда не запоминал имен своих учеников. А что касается ее девичьих грез, то она о них уже и думать забыла.

Но Гретхен не сомневалась: рано или поздно в ее жизни произойдет что-то очень большое и необыкновенное — правда, не в этом году и не в этом городе.

Сегодня, как и обычно, Гретхен надела свой серый, несколько великоватый халат, которым ее наделили в больнице, и отправилась в обход по палатам. Она чувствовала себя здесь на своем месте, она была нужна этим вежливым и никогда ни на что не жалующимся молодым парням, пострадавшим за свою страну; она даже испытывала к ним нечто, похожее на материнское чувство.

В палатах тускло горели ночники. В соответствии с больничным распорядком, солдаты должны были уже лечь спать. Прежде чем закончить обход, Гретхен, как всегда, подошла к кровати одного из своих подопечных Толбота Хьюза, которого ранило в горло, из-за чего он не мог разговаривать. Толбот был самым молодым в палате и вызывал у нее особенно острое чувство жалости. Ей очень хотелось верить, что прикосновение ее руки и улыбка с пожеланием доброй ночи помогают ему легче переносить долгие, бессонные, наполненные болью ночные часы. Выйдя из палаты, она принялась за уборку общей комнаты, где выздоравливающие солдаты писали письма, читали, играли в карты, шашки и шахматы, слушали граммофонные пластинки. Она акку-

^{*} «Завтра, завтра, завтра, — а дни ползут, и вот уж в книге жизни читаем мы последний слог...» — слова Макбета, когда он узнает о смерти жены («Макбет», акт V, сцена 5, перевод Б. Пастернака).

ратно сложила в стопку журналы, разбросанные на столе в центре комнаты, сняла с шахматной доски фигуры и сложила их в специальный ящик, положила две пустые бутылки из-под кока-колы в корзину для бумаг. Она любила эти минуты в конце дежурства, когда она оставалась одна и все приводила в порядок, а вокруг теплой общей комнаты — сердцевины всего госпитального комплекса — спали сотни молодых людей, спасшихся от смерти, освободившихся от необходимости воевать, исцеляющихся и душой и телом от пережитых ими ужасов и страданий и ставших еще на один день ближе к дому и мирной жизни.

Всю свою жизнь она прожила в маленькой, тесной квартирке, и в этой просторной общей комнате с ее приятными на глаз светло-зелеными стенами и глубокими, мягкими креслами она любила предаваться себя хозяйкой уютной, элитной квартиры, навещающей порядок после удачной вечеринки.

Не переставая что-то мурлыкать себе под нос, она закончила уборку и собиралась было выключить свет и идти в раздевалку, как вдруг в комнату вошел прихрамывая высокий молодой негр в надетом поверх пижамы темно-бордовом больничном халате.

— Добрый вечер, мисс Джордах, — сказал он.

Его звали Арнольд. Он находился в госпитале уже очень давно, и Гретхен успела его хорошо узнать. В госпитале было только два негра, и обычно они держались вместе. Сегодня она впервые увидела одного без другого. Гретхен всегда старалась держаться с ними особенно приветливо. Арнольда ранило во Франции. В грузовик, за рулем которого он сидел, попал снаряд, и осколком ему раздробило ногу. Арнольд рассказывал ей, что родом он из Сент-Луиса, где окончил среднюю школу, и что у него одиннадцать братьев и сестер.

Он много времени проводил за чтением, надевая при этом очки. Читал он, казалось бы, без разбора: и журналы, и комиксы, и пьесы Шекспира — словом, все, что попадалось под руку, — но Гретхен быстро поняла, что у него хороший вкус. Он и внешне выглядел интеллигентным молодым человеком, напоминая одного из тех умненьких студентов в очках из какой-нибудь африканской страны, которые предпочитают одиночество шумной компании и библиотеку пивному бару. Время от времени Гретхен приносила ему книги — или из дома (свои собственные и Рудольфа), или из городской библиотеки. Арнольд прочитывал их очень быстро, хорошо с ними обращался и возвращал не задерживая, но никогда не высказывал своего мнения о прочитанном. Гретхен объясняла это тем, что он или стесняется ее, или не хочет выглядеть в глазах других солдат слишком большим умником. Она и сама много читала, причем все подряд, но последние два года на ее литературные вкусы большое влияние стали оказывать католические пристрастия мистера Поэлака. Поэтому

она давала читать Арнольду такие разнородные вещи как «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» Томаса Гарди, баллады Эдны Сент-Винсент Миллей, стихотворения Руперта Брука и «По эту сторону рая» Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда.

— Добрый вечер, Арнольд,— приветливо улыбнулась она, когда молодой человек вошел в комнату.— Что-нибудь ищете?

— Не-а. Просто брожу, не могу заснуть. Когда увидел, что здесь горит свет, подумал: значит, наша красавица мисс Джордах еще не ушла, так почему бы не зайти к ней и не скоротать время вместе? — и он ей улыбнулся, сверкнув прекрасными белыми зубами.

В отличие от всех других, называвших ее просто Гретхен, Арнольд всегда обращался к ней по фамилии. У него был слегка провинциальный выговор, привезенный им и всей его семьей с фермы в Алабаме, когда они перебрались с Юга на Север. Он был очень черный и очень худой — халат на нем висел как на вешалке. Насколько Гретхен знала, ему, чтобы спасти ногу, сделали не то две, не то три операции, и ей казалось, что она видит вокруг его губ страдальческие складки.

— А я как раз собиралась выключить свет,— поспешила сказать она: следующий автобус проезжал мимо госпиталя где-то минут через пятнадцать, и она не хотела опоздать на него.

Оттолкнувшись здоровой ногой, Арнольд подпрыгнул, сел на стол и стал раскачивать ногами.

— Вы даже не представляете, какое это счастье — просто смотреть вниз и видеть, что у тебя две ноги... Но вы идите, мисс Джордах, идите. Не обращайтесь на меня внимания. У входа, наверное, уже стоит какой-нибудь симпатичный молодой человек, и мне не хотелось бы, чтобы вас из-за меня слишком долго ждали.

— Никто меня не ждет, и никуда я не спешу,— ответила Гретхен. Ей было стыдно, что она хотела выпроводить молодого человека из комнаты ради того, чтобы успеть на автобус. Ведь, в конце концов, это не последний автобус.

Арнольд достал из кармана пачку сигарет и протянул ей. Она покачала головой:

— Спасибо, я не курю.

Он закурил, шурясь от дыма. Его движения были уверенными и неторопливыми. До призыва в армию, как она знала от него самого, он играл в школьной футбольной команде в Сент-Луисе, и даже сейчас в этом раненом солдате чувствовался спортсмен.

— Почему бы вам не присесть, мисс Джордах? — предложил он, похлопав по столу рядом с собой.— Вы, должно быть, ужасно устали — все время на ногах, всё бегаєте, крутитесь ради нас.

— Мне это даже полезно,— ответила Гретхен.— На работе я целый день сижу не вставая.— Но она все же взобралась на стол рядом с ним, давая этим понять, что не так уж спешит уходить.

— У вас красивые ноги,— заметил Арнольд.

Гретхен посмотрела на свои не слишком модные, зато практичные коричневые туфли на низких каблуках, затем перевела взгляд выше.

— Вроде ничего,— сказала она: ей и самой нравились ее ноги — стройные, не слишком длинные, с изящными щиколотками.

— В этой армии научишься разбираться в ногах,— философски произнес Арнольд — таким тоном, как если бы говорил о том, что научился в армии чинить радиоприемники или ориентироваться на местности с помощью карты. В его голосе не звучало и намек на жалость к самому себе, и Гретхен прониклась еще большим состраданием к этому обходительному, сдержанному парню.

— У вас все будет хорошо, вот увидите, — поспешила успокоить она его.— Говорят, врачи сделали с вашей ногой чудеса.

— Это точно,— хмыкнул он.— Только вряд ли старому Арнольду далеко уйти после того, как он выйдет отсюда.

— А сколько вам, кстати, лет, Арнольд?

— Двадцать два. А вам?

— Девятнадцать.

— У нас обоих замечательный возраст,— улыбнулся он.

— Да, пожалуй, вот только если бы нам не помешала война.

— О, я на нее не жалею.— Он затаился.— Благодаря войне я вырвался из Сент-Луиса, война сделала меня мужчиной.— В его голосе слышалась ирония.— Теперь я уже не желторотый юнец; я знаю, что к чему и на каком свете нахожусь. К тому же повидал новые места, встречался с интересными людьми. Вы когда-нибудь бывали в Корнуолле, мисс Джордах? Это в Англии.

— Нет, не бывала.

— Кстати, фамилия Джордах,— поинтересовался Арнольд,— не из тех ли она пошла мест?

— Нет,— ответила Гретхен,— она немецкая. Мой отец приехал сюда из Германии. В первую мировую войну он служил в немецкой армии и тоже получил ранение в ногу.

— Поди ж ты, разные войны — один результат,— усмехнулся Арнольд.— Ну и много он бегает, ваш отец?

— Ну, он, конечно, слегка прихрамывает,— дипломатично ответила Гретхен,— но это ему не мешает.

— Так вот, о Корнуолле,— продолжал Арнольд, покачиваясь взад и вперед на столе: похоже, он был уже сыт разговорами о войне и ранениях.— У них там растут пальмы, а города маленькие и древние — после них кажется, что Сент-Луис был построен только вчера. Длинные, широкие пляжи. Да... Англия... А народ там на редкость симпатичный и гостеприимный. Приглашали нас к себе домой на воскресный обед. Вообще англичане

меня порядком удивили. Всегда считал их заносчивыми. Во всяком случае, таково было общее представление о них в тех кругах Сент-Луиса, в которых я вращался в мои молодые годы.

Эта последняя его фраза, произнесенная чересчур напыщенно и с явной иронией в голосе, вызвала у Гретхен ощущение, что он над ней смеется.

— Да, людям нужно больше знать друг о друге,— сдержанно отозвалась она, не в восторге от того, что говорит такие избыточные истины, но в то же время чувствуя, что тон их беседы изменился и что ей нужно быть начеку, не поддаваясь очарованию завораживающе мягкого голоса Арнольда с этими его ленивыми, южными интонациями.

— О да, намного больше,— ответил он и, опершись на руки, повернулся к ней лицом: — А что бы я мог, например, узнать о вас, мисс Джордах?

— Обо мне? — удивленно произнесла она и неестественно рассмееялась. — Да обо мне нечего узнавать. Я обыкновенная провинциальная секретарша, ничего не видевшая, нигде не бывавшая и обреченная на серую жизнь до конца своих дней.

— Не могу с вами согласиться, мисс Джордах,— посерьезнел Арнольд. — Никак не могу. Если и есть на свете девушка, которую ждет замечательное будущее,— так это именно вы. В вас чувствуется прирожденный стиль и непринужденное умение нравиться. Могу побиться об заклад, что по меньшей мере половина ребят в этом госпитале были бы счастливы жениться на вас, стоит вам поманить только пальцем.

— Я пока не собираюсь замуж,— сухо проговорила Гретхен.

— Ясное дело, не собираетесь,— понимающе кивнул Арнольд. — Зачем такой девушке, как вы, торопиться с замужеством, а потом сидеть в четырех стенах?! Тем более, у вас такой широкий выбор.

Арнольд погасил окурок, ткнув его в стоявшую на столе пепельницу, и тут же, сунув руку в карман халата, автоматически вынул из пачки следующую сигарету, но не стал закуривать.

— Я познакомился в Корнуолле с одной девушкой,— снова заговорил он,— и мы провели с ней вместе целых три месяца. Хорошенькая, нежная, веселая девушка — о такой можно только мечтать. Собственно, даже не девушка (она была замужняя, но это ничего не меняло), ее муж в тридцать девятом году уехал в Африку и с тех пор не появлялся; по-моему, она даже забыла, как он выглядит. Мы с ней часто ходили в пабы*, а когда я по воскресеньям получал увольнительную, она угошала меня приго-

* *Паб* (англ. pub — сокр. от public house) — в Англии: нечто среднее между пивной, кафе и рестораном; место, где в неформальной обстановке любят встречаться англичане.

товленным ею домашним обедом, после чего мы занимались любовью и чувствовали себя счастливыми, словно Адам и Ева в райском саду.

Арнольд замолчал и некоторое время задумчиво смотрел в потолок. В пустой, просторной комнате царила мертвая тишина.

Затем он продолжал:

— В Корнуолле я впервые почувствовал себя человеком. Наверно, я должен быть благодарен армии, которая превратила сент-луисского мальчишку Арнольда Симмза в мужчину... День, когда поступил приказ покинуть тот городок и отправиться на передовую, был самым грустным в моей жизни.

Он снова замолчал, вероятно вспоминая этот старый город на берегу моря, пальмы и хорошенькую, нежную, веселую девушку, чей муж никак не возвращался из Африки.

Гретхен тоже молчала. Она всегда испытывала неловкость, когда говорили об интимных сторонах жизни. Ее не обескураживало то, что она сохраняет девственность, потому что это был ее собственный выбор; ее больше смущала собственная стыдливость, неспособность воспринимать секс и разговоры о нем легко, как нечто вполне естественное, — а именно так, совершенно непринужденно, относились к сексу многие девушки в школе, где она училась. Пытаясь быть честной с самой собой, она должна была признать, что в ее пуританстве главным образом повинны родители, чью спальню отделял от ее комнаты лишь узкий коридор. Ей всегда было слышно, как в пять часов утра из пекарни возвращался ковыляя ее отец — его тяжелые шаги по ступенькам лестницы будили ее, — затем до нее доносился его низкий голос, хриплый от виски, к которому он прикладывался всю ночь, и жалобные протесты матери. Потом раздавались звуки, красноречиво говорившие о физическом надругательстве над бедной женщиной, а наутро лицо матери являло собой страдальческую маску мученицы.

И вот сегодня, в этом спящем госпитале, в комнате, где, кроме них, больше никого не было, Гретхен впервые в своей жизни выслушивала столь откровенные признания мужчины о его интимной жизни. Девушку помимо ее воли словно сделали очевидицей, пусть даже лишь в ее воображении, того акта, мысли о котором ей так хотелось изгнать из своего сознания. *Адам и Ева в райском саду*. Два слившихся тела — белое и черное. Она старалась не думать об этом, но ничего не могла с собой поделать. В откровенности парня было что-то многозначительное, намеренное: то были не просто ностальгические воспоминания вернувшегося домой солдата о чем-то сокровенном, пережитом им за годы войны, — нет, за этими словами, произносимыми мелодично звучащим, обволакивающим ее сознание шепотом, крылась тайная

цель. И какое-то шестое чувство подсказывало Гретхен, что этой целью является она сама. Внезапно ей захотелось куда-то спрятаться, убежать.

— Когда меня ранило,— продолжал тем временем Арнольд,— я написал ей письмо, но ответа не получил. Кто знает, может, вернулся домой ее муж. С тех пор я ни разу не прикасался к женщине. Впервые мне разрешили выйти из госпиталя в прошлую субботу. Мы с Билли получили увольнительные на весь день. Но в этих краях парочке черных парней абсолютно нечего делать. Это, я вам скажу, не Корнуолл.— Он рассмеялся.— Угрозило же нас с ним попасть сюда! Это, должно быть, единственный в Штатах госпиталь, вокруг которого во всем городе не сыщешь ни одного цветного... Мы с ним выпили по парочке пива на рынке и сели на автобус до речной пристани. Кто-то нам сказал — там, мол, живет негритянская семья. Оказалось, никакая это не семья, а один-единственный старик негр из Южной Каролины. Живет он бобылем в дряхлом доме на берегу реки. Мы угостили его пивом, напелли ему с три короба про наши подвиги на войне и сказали, что в следующее увольнение приедем к нему порыбачить. Как же, держи карман шире! Нам только и остается рыбачить!

— Я не сомневаюсь,— сказала Гретхен, взглянув на часы,— что, когда вас выпишут из госпиталя и вы вернетесь домой, вам обязательно встретится какая-нибудь красивая девушка и вы снова будете счастливы.— Голос ее звучал принужденно и фальшиво, ей было стыдно от этого, но в то же время она все больше нервничала, понимая, что ей нужно поскорее уходить отсюда.— Что ж, мне было очень приятно поговорить с вами, Арнольд, но уже очень поздно, и я должна...

Она хотела было встать со стола, но он схватил ее за руку — не настолько крепко, чтобы ей было больно, но вполне достаточно, чтобы остановить ее.

— Еще не так поздно, мисс Джордах,— произнес Арнольд.— Сказать по правде, я давно уже ждал случая поговорить с вами наедине.

— Я опаздываю на автобус, Арнольд, и я...

— Мы с Уилсоном много говорили о вас,— сказал он, не отпуская ее руку,— и решили пригласить вас провести ближайшую субботу вместе с нами — мы получим на весь день увольнительные.

— Очень мило с вашей стороны и со стороны мистера Уилсона пригласить меня,— проговорила Гретхен, с трудом заставляя свой голос звучать естественно,— но по субботам я ужасно занята.

— Мы, конечно, понимаем, что в этом городе девушке не принято показываться в компании двух черных парней,— произнес

Арнольд лишенным выражения голосом, в котором не чувствовалось ни угрозы, ни особой настойчивости.— Здесь к этому не привыкли. К тому же мы всего лишь простые солдаты...

— Но дело вовсе не в этом...

— Вам нужно в полпервого сесть на автобус, идущий по трассе на север, и доехать до пристани,— продолжал как ни в чем не бывало Арнольд.— Мы приедем туда раньше вас, дадим старику пять долларов на бутылку и отправим его в кино, а сами в его доме приготовим отличную закуску на троих. От остановки повернете налево и пойдете к реке — идти надо где-то с четверть мили,— а там увидите домик: он стоит один, на самом берегу. Вокруг ни души, никто совать нос и мешать нам не будет. Только мы втроем. Все будет культурно и по высшему классу.

— Послушайте, Арнольд, мне нужно домой,— громко сказала Гретхен. Она прекрасно понимала, что кричать не станет — ей было бы потом стыдно за это,— но пусть по крайней мере знает, что она готова позвать на помощь.

— Хорошая еда, прекрасное вино,— шептал улыбаясь Арнольд, все так же крепко сжимая ее руку.— Нас так долго не было на родине, мисс Джордах.

— Я сейчас буду кричать,— с трудом выговорила Гретхен.

Трудно было поверить, что это один и тот же человек. Только что был такой вежливый, дружелюбный, и вдруг... До чего же плохо она разбирается в людях!

— Мы с Уилсоном считаем, что вы потрясающая девушка, мисс Джордах. С тех пор как я вас увидел, только о вас и думаю. То же самое говорит и Уилсон.

— Вы оба сошли с ума. Если я пожалуюсь на вас полковнику...— девушке хотелось освободиться от тисков его руки, но она боялась: а вдруг кто-нибудь войдет и увидит, что они борются? Как она сможет все это объяснить?

— Так вот, мы считаем вас потрясающей девушкой, мисс Джордах,— повторил Арнольд,— и мы готовы вам заплатить. У нас с Уилсоном скопилась приличная сумма за счет причитающегося нам армейского жалованья за несколько месяцев, а кроме того, мне здорово везло в игре в кости в нашей палате. Так что у нас с ним восемьсот долларов на двоих, и они могут быть вашими! Всего за каких-то несколько часов в нашей компании на берегу реки...

Он неожиданно разжал руку, державшую Гретхен, легко прыгнул со стола на здоровую ногу, и, прихрамывая — его большое тело казалось каким-то нескладным в просторном, висящем на нем темно-бордовом халате,— направился к выходу, но у самой двери обернулся и вежливым тоном добавил:

— Не обязательно давать ответ прямо сию минуту, мисс Джордах. Есть еще время подумать. До субботы целых два дня. Мы будем на пристани с одиннадцати утра до самого вечера. Можете

приезжать в любое время, как только освободитесь от домашних дел. Будем вас ждать.

И он вышел ковыляя из комнаты, стараясь держаться прямо и не хвататься для опоры за стенку.

Несколько минут Гретхен сидела не двигаясь. Тишину нарушало лишь монотонное гудение какой-то машины в подвале — звук, который она никогда раньше не замечала. Она коснулась того места на руке выше локтя, где остались отпечатки пальцев Арнольда, затем слезла со стола и, подойдя к выключателю, погасила свет на тот случай, если неожиданно кто-то войдет, — ей не хотелось, чтобы видели ее лицо в эту минуту. Она прислонилась к стене и некоторое время стояла, прижав ладони к лицу, потом быстро прошла в раздевалку, переоделась и почти бегом поспешила к автобусной остановке.

Гретхен сидела за туалетным столиком и стирала с лица остатки кольдкрема, проводя салфеткой по белой, нежной, с едва заметными тонкими прожилками коже под припухшими глазами. На столике перед ней были расставлены всяческие баночки и флаконы, купленные в одном из дешевых магазинов Вулворта и снабженные этикетками, являющимися несомненными синонимами красоты, — «Хейзл Бишоп» и «Коти».

Мы занимались любовью и чувствовали себя счастливыми, словно Адам и Ева в райском саду.

Нет, ей нужно отгонять от себя эти мысли, она не должна думать об этом. Завтра она попросит полковника перевести ее в другое отделение. Туда она уже ни за что не вернется.

Гретхен встала, сбросила с себя купальный халат и осталась совершенно голой. Некоторое время она стояла, освещаемая мягким светом лампы над туалетным столиком, и смотрела на свое отражение в зеркале. Ее высокие, полные груди ослепляли своей белизной, а упругие соски непокорно выдавались вперед. Она перевела взгляд вниз, на таинственный темный треугольник, опасно вырисовавшийся на белом фоне соблазнительно округлых бедер, и подумала: «Такой меня создала природа, и с этим ничего не поделаешь».

Она надела ночную рубашку, выключила свет и забралась в холодную постель. Ей оставалось надеяться, что отец хоть сегодня не станет приставать к матери, требуя от нее любовных утех. У Гретхен и без того хватало впечатлений на один вечер, чтобы выдержать еще и это.

Автобус до Олбани, чей маршрут проходил вдоль реки мимо пристани, отправлялся из города каждые полчаса. В субботу

он будет переполнен солдатами, получившими на выходные увольнение. Целые батальоны молодых людей. Ей представлялось, как она покупает билет на автобусной станции, садится в автобус с той стороны, откуда видно Гудзон, и смотрит из окна на отдаленную серую реку, затем выходит на остановке у пристани и стоит там одна возле бензоколонки. Под подошвами своих туфель на высоких каблуках она ощущает все неровности покрытой гравием дороги, ведущей к Гудзону, и чувствует исходящий от нее запах духов, которые, как она решила после некоторых колебаний перед тем как выйти из дома, ей все же не помешают. И вот она видит покосившийся, давно не крашенный каркасный домик, стоящий на самом берегу реки, а в нем — двух темнокожих молодых мужчин со стаканами в руках, которые безмолвно и терпеливо ее поджидают, словно искушенные в своем деле палачи или живые воплощения фатума; они не встают с места, увидев ее приближение; они уверены в себе, у них в карманах деньги, которыми они заплатят за ее позор, они знают, что она все равно придет, и, когда она входит, молча смотря на нее, понимая, что она пришла сюда, не сумеет совладать с обуявшими ее любопытством и вожделием, и что она прекрасно сознает, чем они будут заниматься втроем.

Она выдернула подушку из-под головы, сунула ее между ног и крепко сжала.

VI

Мать стоит в спальне у окна с кружевными занавесками и смотрит на задний двор за пекарней, заваленный кучами золы. Во дворе каким-то чудом остались два рахитичных деревца, к которым прибита доска, а с нее свисает тяжелый, весь в царапинах кожаный мешок цилиндрической формы, набитый песком, — вроде тех, что используются боксерами-профессионалами для тренировки. В темном, узком пространстве двора мешок кажется повесившимся человеком. Когда-то, в лучшие дни, в таких задних двориках за домами выращивали цветы, а к деревьям были привешены гамаки.

Надев перчатки на шерстяной подкладке, ее муж каждый день выходит во двор и как минимум двадцать минут тренируется, нанося по мешку целые каскады ударов. Он молотит по нему с таким яростным остервенением, будто сражается не на жизнь, а на смерть. Когда Руди подменяет ее в булочной, давая ей отдохнуть, и она, поднявшись наверх и ненароком глянув в окно, видит мужа за этим занятием, у нее неизменно возникает ощущение, что он колотит не мешок с песком, а саму ее.

На матери зеленый сатиновый халат, засаленный на рукавах и воротнике. Она курит, не замечая, как пепел сыплется ей на халат. А когда-то она была самой чистоплотной и аккуратной из всех воспитанниц сиротского приюта, где выросла, — она так и светилась чистотой, точно белый цветок в хрустальной вазе. Сестры-монахини знали, как приучать девушек к опрятности и порядку. И вот теперь она превратилась в неряху, потеряла фигуру, не следит за волосами, не ухаживает за кожей, небрежно одевается. Сестры прививали ей любовь к церкви и церковным обрядам, но вот уже почти двадцать лет, как она не бывала на мессе. Когда у нее родилась Гретхен, ее первый ребенок, она договорилась со священником о крестинах, но муж наотрез отказался даже близко подойти к купели, да и потом никогда не разрешал ей жертвовать на церковь ни единого цента. А ведь по рождению он католик.

Трое некрещеных и неверующих детей и богохульник муж, ненавидящий церковь. Таков тяжкий крест, который она вынуждена нести всю жизнь.

Она никогда не знала своих родителей. Приют в Буффало заменял ей и мать и отца. В приюте ее дали фамилию Пиз. Возможно, это была фамилия ее матери. Мысленно она всегда называла себя Мэри Пиз, а не Мэри Джордах или миссис Аксель Джордах. Когда она покидала приют, настоятельница сказала ей, что, возможно, ее мать — ирландка, но никто не мог за это ручаться. Настоятельница наказала ей помнить, что в ее жилах течет кровь падшей женщины, и не поддаваться соблазнам. Ей тогда было всего шестнадцать лет — розовошекая хрупкая девушка с великолепными золотистыми волосами. Когда у нее родилась дочь, она хотела назвать девочку Коллин в память о своем ирландском происхождении. Но Аксель не любил ирландцев и сказал, что девочке надо дать имя Гретхен. Сказал, что знал в Гамбурге одну шлюху по имени Гретхен. С тех пор как он женился на Мэри, к тому времени прошел только год, но он уже тогда ненавидел свою жену.

С Джордахом она познакомилась в ресторане, что стоял на берегу озера Эри в Буффало. В ресторане она работала официанткой. Устроилась она туда по рекомендации приюта. Ресторан принадлежал супругам Мюллерам, пожилой паре немецкого происхождения. Приют выбрал их потому, что они были люди очень добрые и регулярно посещали мессу. Мюллеры поселили ее в комнате над своей квартирой, хорошо к ней относились и не давали в обиду, так что никто из посетителей не позволял себе даже заигрывать с ней. Три раза в неделю ее отпускали на всю вторую половину дня, чтобы она могла ходить на занятия в вечернюю школу. Не всю же ей жизнь работать официанткой.

Аксель Джордах, огромного роста молчаливый молодой человек, прихрамывавший на одну ногу, эмигрировал из Германии в начале двадцатых годов и работал палубным матросом на озерных паровых катерах, а в зимнее время, когда Великие озера замерзали, частенько приходил к Мюллерам и помогал им в качестве повара и пекаря. В то время он еще почти не говорил по-английски, и ему нравилось бывать в ресторане Мюллеров, где было с кем пообщаться на родном языке. Поварскому искусству он научился еще в первую мировую войну, когда служил в немецкой армии: после ранения он был признан негодным к строевой службе и оставлен работать поваром в госпитале во Франкфурте.

И вот только лишь потому, что в предыдущую войну какой-то незнакомый ей молодой человек в далекой Германии, выйдя из госпиталя после ранения, почувствовал себя чужим в своей стране и решил искать счастья в Америке, она стоит сейчас у окна в убогой комнатухе над булочной в трущобном районе захолустного городка, где каждый божий день, по двенадцать часов в сутки, она все эти годы растрачивала свою молодость, красоту и надежды на лучшее. И конца такой жизни не видно.

Аксель был неизменно вежлив, не позволял себе никаких вольностей с ней и даже не пытался взять ее за руку. Когда он находился в Буффало между рейсами, он провожал ее в вечернюю школу, а потом ждал ее, чтобы сопровождать домой. По просьбе Акселя она стала учить его правильно говорить по-английски. Сама она говорила очень грамотно, произношение ее было безупречным, и это являлось предметом ее гордости. Многие, слыша, как красиво она говорит, считали, что она из Бостона, и это ей чрезвычайно льстило. Все объяснялось тем, что сестра Кэтрин, которую она любила больше всех учительниц в приюте, была родом из Бостона, и ее речь отличалась удивительной чистотой и четкостью, а словарный запас был богат и обширен, свидетельствуя о том, что она женщина начитанная и образованная. «Те, чья речь неряшлива и небрежна, — любила повторять сестра Кэтрин, — это своего рода калеки. Девушка, умеющая говорить, как настоящая леди, может рассчитывать на самое высокое положение в обществе». Мэри во всем подражала сестре Кэтрин, и та, когда девушка покидала приют, подарила ей книгу об ирландских национальных героях, написав на форзаце своим крупным, четким почерком такие слова: «Дорогой Мэри Пиз, самой талантливой из всех моих учениц». Мэри даже писать старалась, как сестра Кэтрин. Под благотворным влиянием сестры Кэтрин девушка и в самом деле начала чувствовать себя настоящей леди, и это породило в ней иллюзию, перешедшую впоследствии в уверенность, что ее отец, которого она не знала, несомненно был джентльмен.

Мэри учила Акселья Джордаха говорить по-английски с тем рафинированным произношением, перенятым у сестры Кэтрин, которое характерно для обитателей самых фешенебельных районов города Бостона, и он оказался на редкость способным учеником. Еще до женитьбы он стал говорить по-английски настолько хорошо, что многие удивлялись, узнавая, что он родился и вырос в Германии. Бесспорно, Аксель был умным человеком, но свой незаурядный интеллект он использовал лишь для того, чтобы мучить ее, себя и всех окружающих его людей.

До того как сделать предложение, он даже не поцеловал ее — ни разу. В то время ей было девятнадцать — столько же, сколько сейчас Гретхен, — и она сохраняла девственность. Аксель был к ней неизменно внимателен, всегда чисто вымыт и тщательно побрит. Возвращаясь из рейсов, он всегда приходил к ней с конфетами и цветами.

Они встречались целых два года, прежде чем он сделал ей предложение. По его словам, раньше он не решался, потому что боялся отказа: как-никак он был иностранец, да к тому же хромал. Ох, и смеялся же он, должно быть, в душе, видя на ее глазах слезы, вызванные его скромностью и нерешительностью. Да, это был настоящий дьявол, коварно готовивший ей ловушку, в которую она угодила на всю свою жизнь!

Она дала согласие, хотя и на некоторых условиях. Возможно, ей казалось, что она любит его. Аксель был довольно привлекательным молодым человеком: черные, как у индейца, волосы; серьезное, вдумчивое, худое лицо; ясные карие глаза, смотревшие на нее мягко и внимательно. Прикасался он к ней с такой нежностью и осторожностью (вспоминала она об этом теперь с неизменной горечью), словно она была из фарфора. Когда она сообщила ему, что рождена, как она выразилась, «вне брака», Аксель сказал, что уже знает об этом от Мюллеров, но это не имеет никакого значения, а, может быть, это даже и к лучшему, поскольку с ее стороны нет родственников, которые могли бы его не одобрить. Сам он был отрезан от своей семьи — вернее от того, что от нее осталось. Его отец погиб в пятнадцатом году на русском фронте, а мать через год вновь вышла замуж и переехала из Кельна в Берлин. Младший брат, которого Аксель недолюбливал, женился на богатой американке немецкого происхождения, познакомившись с ней, когда она приехала после войны в Берлин навестить родственников. Сейчас брат с женой жили в штате Огайо, но Аксель никогда с ним не виделся. Словом, он был таким же одиноким, как и она.

Условия, на которых Мэри согласилась выйти за него замуж, были довольно жесткими. Во-первых, он должен был бросить свою работу матроса — ей не к чему муж, который почти не бы-

вает дома, к тому же матрос — это ничем не лучше, чем черно-рабочий. Во-вторых, они должны уехать из Буффало, где все знали, что она внебрачный ребенок, выросший в сиротском приюте, и где она на каждом шагу будет встречать людей, которых она обслуживала как официантка. И последнее условие — они должны венчаться в церкви.

Аксель согласился на все. Дьявол, суший дьявол в образе человеческого! У него было скоплено немного денег, и мистер Мюллер свел его с человеком, который продавал булочную с пекарней в Порт-Филипе. По ее настоянию он купил для поездки в Порт-Филип приличную шляпу. Не мог же он заключать солидную сделку в какой-то замызганной матерчатой кепке, привезенной им из Европы. Он должен был иметь вид respectable американского бизнесмена.

За две недели до свадьбы Джордах привез невесту осмотреть магазинчик, в котором ей было суждено провести всю жизнь, а заодно и расположенную выше квартиру, где ей предстояло зачать троих детей. Стоял солнечный майский день, и свежеекрашенная булочная с огромным зеленым навесом, защищавшим от яркого солнца витрину с рядами разложенных за зеркальным стеклом пирожных, кексов, сладких пирожков и разного рода печенья, выглядела необыкновенно привлекательной. На поражающей чистотой и яркими красками улице были по соседству и другие небольшие магазины — скобяная лавка, магазин тканей, шляпный магазин с выставленными в витрине дамскими шляпками, украшенными искусственными цветами, и аптека на углу. Это была торговая улица в тихом жилом районе, протянувшаяся до самой реки. Вокруг — большие удобные дома с зелеными лужайками за ними. Мэри и Аксель сидели на скамейке под деревом на берегу реки и смотрели, как мимо по воде, по-летнему голубой, скользят парусные лодки. С белого экскурсионного пароходика, идущего из Нью-Йорка, до них доносились звуки вальса в исполнении духового оркестра. Но из-за хромоты Акселя они, конечно, никогда не танцевали.

О чем она только не мечтала в тот майский, солнечный, наполненный звуками вальса день на реке! Когда они обоснуются в этом городе, она поставит в своей булочной-кондитерской столики со стульями, изменит весь интерьер, повесит на окна гардины, зажжет свечи на столиках и будет подавать посетителям горячий шоколад и чай, а со временем купит соседний магазин — в то время он пустовал — и откроет там маленький ресторан, но не для рабочих, как у Мюллеров, а для коммивояжеров и состоятельной публики. Ей представлялось, как ее муж в темном костюме и с галстуком-бабочкой проводит посетителей к столикам, а официантки в шелестящих муслиновых фартуках спешат

из кухни с заставленными яствами подносами; сама же она сидит за кассой и, выбивая чеки, с улыбкой говорит посетителям: «Надеюсь, вам у нас понравилось?» А вечером, после закрытия ресторана, они с мужем отдыхают в кругу друзей за кофе с пирожными.

Откуда ей было знать, что этот район придет в такой упадок, что люди, с которыми ей хотелось бы поддерживать дружеские отношения, будут гнушаться ею, считая себя выше нее, и что она сама будет гнушаться некоторыми людьми, стремящимися поддерживать с ней дружеские отношения, считая их ниже себя; что соседний дом с пустующим магазином снесут, а на его месте построят большущий гараж, откуда все время будет доноситься стук молотков по чему-то металлическому; что шляпный магазин перестанет существовать; что нарядные здания, выходящие на реку, превратятся в грязные многоквартирные дома со сдачей жилья в наем или вовсе будут снесены, а их место займут свалки, механические и слесарные мастерские?

В ее булочной так и не появились ни столики с горячим шоколадом и пирожными, ни свечи и занавески, ни официантки. Весь груз обязанностей по обслуживанию покупателей лежал на ней одной. Зимой и летом, осенью и весной стояла она за прилавком по двенадцать часов в день, продавая буханки серого хлеба механикам в засаленных спецовках, неряшливо одетым домохозяйкам и грязным ребятишкам, чьи родители напиваются субботними вечерами и дерутся на улице.

Но главные ее мучения начались в первую же брачную ночь. Это произошло во второразрядной гостинице на Ниагарском водопаде (место, удобное для медового месяца, поскольку от Буффало до водопада рукой подать). Все робкие надежды застенчивой, розовощекой, хрупкой девушки, которая еще каких-нибудь восемь часов назад стояла, лучезарно улыбалась, в своем свадебном белом платье (такой ее и запечатлел фотограф) рядом с улыбочивым, но представительным женихом, разлетелись прахом в запятнанной кровью постели под скрип пружин старой гостиничной кровати. Беспомощно распростертая под огромным, покрытым шрамами, смуглым, нечеловечески неутомимым и ненасытным мужским телом, она поняла, что приговорена к пожизненному заключению.

В конце недели, перед возвращением из свадебного путешествия, она написала записку, в которой сообщала, что решила покончить с собой. Потом порвала ее. Таких записок за свою жизнь она напишет еще не одну.

Каковы бы ни были их ночи, но днем Мэри и Аксель казались типичными молодоженами, наслаждающимися медовым месяцем. Он был неизменно предупредителен к ней, всегда под-

держивал ее под локоть, когда они переходили улицу, покупал ей всякие безделушки и водил ее в театр (это была последняя неделя в ее жизни, когда он проявлял хоть какую-то щедрость, но вскоре ей предстояло сделать открытие, что она вышла замуж за патологически скупого человека). Они часто заходили в кафе-мороженое, и он заказывал ей огромные порции пломбира со взбитыми сливками (она была ужасной сладкоежкой), а потом благосклонно, словно добрый дядюшка, наблюдал за тем, как она целыми ложками поглощает любимое лакомство. Он брал ее на речные прогулки к каскадам Ниагарского водопада и нежно держал за руку, когда они гуляли по окрестностям, радуясь солнечному теплу, столь приятному в начале нежаркого северного лета. О том, что бывало между ними по ночам, они никогда не разговаривали. Когда через некоторое время после обеда молодожены удалялись в спальню, в их тела как будто вселялись две совершенно непохожие, чуждые души. У супругов не было единого, понятного обоим языка для обсуждения того абсурдного единоборства, которое происходило между ними по ночам. Воспитанная монахинями в самых строгих правилах, она была стыдлива и полна иллюзий о мужском рыцарстве и благородстве. Аксель же получил образование у шлюх, и, наверно, это дало ему основание полагать, что все достойные женщины, которых можно выбирать в жены, должны лежать в супружеской постели тихо и неподвижно, словно оцепенев от ужаса. Хотя, возможно, он считал, что так должны себя вести *все* американские женщины.

В конце концов он, конечно, понял, что таким молчаливым, пассивным образом его жена выражает к нему отвращение. Это лишь подзадоривало его, и он стал еще агрессивнее. Других женщин с тех пор, как он женился, у него не было. Он даже не смотрел на них. Его единственной страстью, страстью неодолимой и ненасытной, была та женщина, что спала с ним в супружеской постели. Такова уж была ее злая судьба, что единственным женским телом, которым он хотел обладать, было *ее* тело, всегда для него доступное. И вот уже двадцать лет как он осаждает ее, осаждает безнадежно и с ненавистью, какую, должно быть, испытывает полководец огромной армии, которому никак не удастся взять приступом какой-нибудь жалкий загородный домик.

Когда Мэри обнаружила, что беременна, она горько рыдала.

Однако ссорились они не из-за этого, а из-за денег, и, к ее удивлению, оказалось, что у нее острый язык и она умеет больно ранить словами. Чтобы выпросить у мужа какую-то мелочь, ей приходилось становиться мегерой, ну а чтобы заставить его расстаться с десятью долларами себе на новые туфли или, спустя годы, на приличное школьное платье для Гретхен, она целыми месяцами вела с ним тяжелые, изнурительные бои. Он вечно попрекал

ее куском хлеба. И она никогда не знала, сколько денег на его банковском счету. Накопительство стало для него манией, он напоминал какую-то свихнувшуюся белку, решившую, что грядет новый ледниковый период и заготавливающую впрок все, что ей удастся найти. На его глазах разорилась Германия, и он был уверен, что то же самое может случиться и с Америкой. Сформировавшись как личность в Европе, знавшей одни лишь поражения, он считал, что Новый свет не застрахован от той же участи.

Краска на стенах в булочной успела почти полностью облупиться, прежде чем он купил пять банок известкового раствора и заново побелил помещение. Когда к ним приехал его преуспевающий брат, владевший большим гаражом в Огайо, и предложил ему долю в новом автомобильном агентстве, которое можно было выгодно приобрести за несколько тысяч долларов, для чего требовалось взять заем в банке, где у Акселя имелся счет, тот выставил брата за дверь, назвав его вором и махинатором. Брат Акселя был круглолицый, жизнерадостный человек. Свой летний двухнедельный отпуск он проводил в Саратоге и несколько раз в год ездил в Нью-Йорк на театральные премьеры, неизменно беря с собой свою полную, говорливую жену. На нем был добротный шерстяной костюм, и от него приятно пахло лавровишневой туалетной водой. Если бы Аксель последовал тогда примеру своего брата и взял заем в банке, Джордахи жили бы припеваючи до конца своих дней, сам он освободился бы от своей каторжной работы в пекарне, и они могли бы переехать из трущобы, в которую быстро превращался их некогда процветавший район, в более приличное место. Но ее драгоценный муж скорее умрет, чем возьмет лишний цент со своего счета в банке или поставит подпись на векселе. Его соотечественники, приехавшие из Германии с кипами не имеющих в Америке никакой ценности денег и оставшиеся ни с чем, с жадностью смотрели своими голодными глазами на каждый доллар, который проходил через его руки.

Когда Гретхен окончила среднюю школу, о поступлении в университет не могло быть и речи, хотя, как и ее брат Рудольф, она всегда была лучшей ученицей в классе. Ей пришлось сразу же пойти работать, и она должна была каждую пятницу отдавать отцу половину жалованья. «Университеты развращают девушек, делают из них шлюх», — говорил отец. Мать была уверена, что Гретхен выскочит замуж очень рано, за первого же мужчину, который сделает ей предложение, только бы поскорее сбежать от отца. Еще одна безотрадная жизнь в бесконечной цепи загубленных судеб.

Лишь когда дело касалось Рудольфа, Аксель не считался с расходами. Рудольф был надеждой всей семьи. Красивый, с хоро-

шими манерами, вежливый и приветливый, он всем нравился, а учителя попросту восхищались им. Он был единственным из всей семьи, кто целовал Мэри Джордах, уходя утром в школу и возвращаясь вечером домой. И она, и ее муж видели в старшем из двух сыновей вознаграждение за все свои неудачи. У Рудольфа были неплохие способности к музыке, и он играл в школьном духовом оркестре на трубе. В конце учебного года у него появилась собственная труба, купленная отцом; она сверкала, точно была сделана из золота. До этого Аксель никому в семье не делал подарков. Все, что им удавалось получить от него, являлось результатом долгих и яростных препирательств. Странно было слышать в этой убогой, неопрятной квартире ликующие, словно устремляющиеся в поднебесье звуки, издаваемые трубой Рудольфа, когда он упражнялся в игре. Он играл в клубах на танцах, и Аксель дал ему займы тридцать пять долларов на смокинг — неслыханное расточительство с его стороны. Мало того, он разрешил Рудольфу оставлять себе все заработанные деньги. «Не трать их, — сказал он сыну. — Они пригодятся тебе, когда поступишь в университет». А то, что Рудольф будет учиться в университете, ни у кого не вызывало сомнений. Это считалось само собой разумеющимся.

Миссис Джордах чувствовала себя виноватой: ведь всю свою любовь она отдает одному лишь Рудольфу. Но она так выматывается, что у нее не хватает сил на любовь к остальным детям. Она старается лишний раз прикоснуться к Рудольфу, когда только может; она тихонько входит к нему в комнату, когда он спит, и целует в лоб, а вечерами, хоть и падает с ног от усталости, стирает и гладит его рубашки, чтобы он всегда выглядел безупречно. Она вырезает из школьной газеты заметки о его победах на спортивных состязаниях и аккуратно вклеивает выдаваемые ему табели успеваемости в специальный альбом, который держит на своем туалетном столике рядом со своим любимым романом «Унесенные ветром».

Ее младший сын Томас и дочь Гретхен просто живут с ней под одной крышей. А вот Рудольф — это ее собственная плоть и кровь. Когда она на него смотрит, она видит своего отца — таким, каким он ей представляется.

На Томаса она не возлагает никаких надежд. Да и какие могут быть надежды на парня с таким хитроватым и насмешливым выражением на веснушчатом лице. Хулиган, вечно затевает драки, в школе от него одни неприятности, дерзкий, над всеми издевается, делает все по-своему, никого не слушается, приходит домой и уходит, когда ему вздумается, и никакие наказания для него не страшны. Нужно думать, существует где-нибудь такой календарь, на котором кроваво-красным цветом отмечен тот день —

памятная и ужасная дата, — когда ее сына Томаса ждет бесславный конец. И тут уже ничего не поделаешь. Она не любит его и не может протянуть ему руку помощи.

Мать семейства стоит на опухших ногах перед окном, а все ее чада спят в затихшем доме. Измученная бессонницей и изнурительным трудом, расплывшаяся, вечно хворающая, не следящая за своей внешностью, избегающая смотреть на себя в зеркало, вечно пишущая записки о том, что покончит с собой, заметно поседевшая в свои сорок два года, она стоит перед окном и курит сигарету за сигаретой, роняя пепел от сигарет на халат.

Слышится отдаленный гудок паровоза, везущего грохочущий состав с солдатами, которых отправляют в далекие порты навстречу грохоту канонады. Слава Богу, Рудольфу еще нет семнадцати. Она бы умерла с горя, если бы его забрали на войну.

Она закуривает последнюю сигарету, снимает халат, не вынимая сигарету изо рта, и ложится в постель. Лежит и курит. Спать ей предстоит лишь три-четыре часа. Но она знает, что тотчас проснется, едва только на лестнице раздадутся тяжелые шаги мужа, от которого будет разить запахом пота и виски, выпитым за ночь работы в пекарне.

Глава 2

Стенные часы в конторе показывали без пяти двенадцать, но Гретхен продолжала печатать. Ввиду того, что была суббота, остальные девушки уже закончили работать и, собираясь уходить, прихорашивались. Две из них, Луэлла Девлин и Пат Хаузер, пригласили ее на пиццу в какое-нибудь ближайшее кафе, но у нее сегодня не было настроения слушать их пустую болтовню. Когда она училась в школе, у нее были три близкие подруги, Берта Сорел, Сью Джексон и Фелисити Тернер. Это были самые умные девушки в школе, и они вчетвером составляли маленькую, обособленную группу интеллектуалок. Как было бы хорошо, если бы ее подруги — или хотя бы одна из них — остались в городе. Но все трое были из обеспеченных семей и уехали, поступив в университет, а других, хоть сколько-нибудь подобных им, она больше не находила.

Будь у нее достаточно работы, она бы не уходила из конторы до самого вечера, но, увы, она уже допечатывала последние пункты транспортной накладной, которую положил ей на стол мистер Хатченз, и тянуть с этим дальше было нельзя.

Вот уже два дня Гретхен не появлялась в госпитале, позвонив туда и сказавшись больной. Сразу же после работы она возвра-

щалась домой и больше никуда не выходила. О том, чтобы читать, не могло быть и речи — слишком она для этого была взвинчена — и поэтому она решила пересмотреть весь свой гардероб, после чего выстирала и без того идеально чистые блузки и в который раз отутюжила безукоризненно выглаженные платья. Когда с гардеробом было покончено, она принялась мыть голову и укладывать волосы, сделала маникюр, затем стала настойчиво предлагать Руди сделать то же самое и с его ногтями, хотя не далее как неделю назад уже привела их в полный порядок.

В пятницу, не в состоянии уснуть, она спустилась в пекарню, где в это время работал отец, и тот, увидев ее у себя, сделал удивленное лицо, но ничего не сказал. Промолчал он и тогда, когда она села на стул и позвала к себе кошку: «Иди сюда, киска, кис-кис-кис!» Но кошка попятилась назад и поспешила спрятаться: уж она-то знала, что от этих двуногих добра не жди.

— Пап,— сказала Гретхен,— мне нужно с тобой поговорить. Джордах ничего не ответил.

— На работе у меня нет никаких перспектив,— продолжала Гретхен,— там мне повышение никогда не светит, и жалованья мне тоже не прибавят. А когда закончится война, пойдут сокращения, и мне еще здорово повезет, если меня не уволят.

— Война пока не закончилась,— отозвался Аксель.— Еще полно иднотов, ожидающих своей очереди отправиться на тот свет.

— Поэтому я подумала, а не поехать ли мне в Нью-Йорк и не поискать ли там место получше? Я ведь неплохой секретарь, а в газетах попадается столько объявлений о разной работе, за которую платят вдвое больше, чем я получаю сейчас.

— А с матерью ты говорила? — спросил Джордах и принялся лепить из теста булочки, для чего, словно фокусник, делал неуловимо быстрое движение руками, и из кусочка теста, словно по волшебству, получалась нужная форма.

— Нет,— ответила Гретхен.— Она неважно себя чувствует, и я не хотела ее беспокоить.

— Все у нас такие заботливые,— пробурчал Джордах,— что аж слеза прошибает.

— Папа, я говорю серьезно,— продолжала настаивать Гретхен.

— Нет,— отрезал Аксель.

— Но почему?

— Потому что я так решил. Эй, осторожнее, не то запачкаешься в муку!

— Папа, но я ведь буду присылать деньги — и гораздо больше, чем даю сейчас.

— Я сказал — нет,— повторил Джордах.— Когда тебе будет двадцать один, можешь уезжать хоть на край света, но пока тебе девятнадцать, а, стало быть, ты еще несовершеннолетняя, так

что придется тебе, миленькая, мириться с гостеприимством родительского дома как минимум еще два года. Стисни зубы, улыбайся и терпи.

Он вынул пробку из бутылки, сделал большой глоток виски и нарочито грубым жестом вытер губы тыльной стороной ладони, испачкав лицо в муку.

— Я не хочу оставаться в этом городе,— настойчиво произнесла Гретхен.

— Есть города и похуже,— оборвал разговор Джордах.— Поговорим на эту тему через два года.

На часах было уже пять минут первого. Гретхен вынула из пишущей машинки последний лист накладной и положила аккуратно отпечатанные бумаги в ящик стола. Все остальные служащие уже ушли. Она закрыла машинку чехлом, пошла в туалет и посмотрела на себя в зеркало. Лицо у нее горело. Она плеснула холодной воды на лоб, затем достала из сумочки флакончик духов и, слегка намочив палец, прикоснулась им за ушами.

Выйдя из здания конторы, она прошла через главные ворота, над которыми была вывеска «Кирпичный завод Бойлана», и оказалась на улице. И завод, и вывеска, написанная легкомысленно декоративными буквами, как будто это было не промышленное предприятие, а какое-нибудь увеселительное заведение, появились здесь более полувека назад, в 1890 году.

Она оглянулась вокруг, надеясь, что ее ожидает Руди: иногда он заходил за ней на работу, и они шли вместе домой. Он был единственным человеком в семье, с кем можно было поговорить. Если бы Руди ее встретил, они могли бы пообедать в ресторане, а потом — как знать — может быть, разорились бы и на кино. Но тут же она вспомнила, что Руди со своей школьной легкоатлетической командой уехал в соседний город на состязания.

Гретхен не сразу заметила, что идет к автобусной станции. Шла она медленно, то и дело останавливаясь перед витринами магазинов. Конечно же, сказала она себе, ни на какую пристань она не поедет. Сейчас, середь бела день, ее ночные фантазии казались ей нереальными и совсем ее не пугали. И в самом деле, почему бы ей не сесть на автобус и не проехаться вдоль берега? Можно будет сойти в каком-нибудь живописном месте и подышать свежим воздухом. Погода изменилась к лучшему, и весна давала о себе знать все больше. Воздух был теплым и ласковым, высоко в голубом небе плыли маленькие белые облака.

Выходя утром из дома, Гретхен предупредила мать, что после работы поедет в госпиталь, чтобы наверстать пропущенные дни. Она сама не понимала, как у нее вырвалась эта выдумка. Родителям она лгала очень редко, да и не было особой необходимости.

И теперь она сказала матери, что едет дежурить в госпиталь, скорее всего, только потому, что не хотела, чтобы та просила помочь ей в булочной в часы наибольшего наплыва субботних покупателей. Утро было такое солнечное, а небо такое синее, что перспектива провести добрую половину дня в душной булочной далеко не прельщала ее.

За квартал до автобусной станции она увидела своего брата Томаса. Он и еще несколько парней хулиганского вида стояли возле аптеки и забавлялись тем, что бросали монетки, целясь в какую-нибудь расщелину или выбоину в тротуаре: кто ближе всех окажется к цели, тому и достанутся все монеты. Одна из сослуживиц Гретхен, которая была в кинотеатре «Казино» в среду на вечернем сеансе, видела, как Том дрался с солдатом, и рассказала ей. «На твоего брата было просто страшно смотреть,— ужасалась она.— Он же совсем еще мальчишка, а злющий, как дикий зверь. Не хотела бы я иметь такого братца, это уж точно».

Гретхен сказала Тому, что знает про драку. Вообще-то она и раньше слыхала подобные истории. «Ты просто чудовище»,— заявила она, но он лишь самодовольно ухмыльнулся.

Если бы Том заметил ее, она бы повернула назад, не осмелившись входить в здание автобусной станции на его глазах. Но он был слишком увлечен игрой и не видел ее. Она поспешила войти и взглянула на часы. Без двадцати пяти час. Значит, автобус ушел пять минут назад, и ей, конечно, нет смысла торчать здесь еще целых двадцать пять минут, дожидаясь следующего. Но автобус олаздывал с отправлением и все еще был на остановке. Гретхен подошла к кассе:

— Один до Королевской пристани.

Она зашла в автобус и села на свободное место впереди, недалеко от водителя. В автобусе были одни лишь солдаты, но, ввиду относительно раннего часа, они еще не успели напиться и реагировали на ее появление довольно спокойно, без гиканья или свиста.

Вскоре автобус тронулся с места. От монотонного покачивания ее клонило в сон, и она с трудом держала глаза открытыми. За окном мелькали деревья с едва распустившейся листвой, проносились дома каких-то маленьких селений, на мгновение появлялись и тут же исчезали лица людей, поблескивала лента реки. Все казалось свежевывмытым, первозданно красивым и каким-то нереальным.

Затем автобус остановился.

— Королевская пристань, мисс,— объявил водитель.

— Благодарю вас,— сказала она и осторожно сошла со ступеньки на обочину дороги.

Дверь закрылась, и автобус двинулся дальше. Солдаты на прощанье посылали ей через окна воздушные поцелуи. Она улыбнулась и отправила им ответный. Больше она их никогда не увидит,

точно так же, как и они ее. Вряд ли кому-нибудь из них могло прийти в голову, зачем она сюда приехала. Солдаты вновь затаили песню, и вскоре их голоса замерли в отдалении.

Некоторое время она стояла под жарким полуденным солнцем, прислушиваясь к субботней тишине и оглядываясь. Рядом были бензоколонка и магазин. Она зашла в магазин и купила себе бутылочку кока-колы. Обслуживал ее седоволосый старик в чистой, хотя и вылинявшей голубой рубашке. Цвет показался ей очень приятным, она постарается купить себе платье из такой же чистой, симпатичной, светло-голубой хлопчатобумажной ткани и будет носить его летом.

Выйдя из магазина, она села на стоящую у входа скамейку и отпила из бутылки. Напиток был холодный как лед и приятно пощипывал язык и небо. Пила она медленно, наслаждаясь каждым глотком. Спешить было некуда. Она снова оглянулась вокруг. На некотором расстоянии от нее, с другой стороны шоссе, начиналась покрытая гравием дорога, ведущая через лес к реке. По земле, словно какой-то шустрый зверек, пробежала тень от проплывающего облака. Вокруг царила загородная тишина. Деревянная скамейка под ней была теплой от солнца. За все это время мимо нее не проехал ни один автомобиль. Допив кока-колу, она поставила бутылку на землю, затем откинулась на спинку скамейки и подставила лицо приятно припекающему солнцу.

Конечно же, она не пойдет в тот дом на берегу реки. Пускай еда остывает, вино остается не разлитым по бокалам, а ее поклонники томятся в бесконечном ожидании предмета их желаний. Пусть остаются в неведении, что она уже здесь, рядом, пусть им невдомек, что она затеяла с ними рискованную игру — одна против двоих. Ей хотелось рассмеяться, но она боялась нарушить эту сонную тишину.

Как было бы восхитительно довести эту игру до еще более рискованного предела! Например, отправиться к реке по этой покрытой гравием дорожке, между этими березами, стоящими, будто стройные, одетые в белую форму часовые на фоне темного леса, и затем, пройдя полпути и внутренне потешаясь над своими незадачливыми ухажерами, повернуть обратно. А еще лучше, сняв туфли и неслышно ступая по прошлогодним листьям, прокрасться, словно юная ирокезская дева, через лес к реке и там, спрятавшись за деревьями и представляя, будто она агент, ведущий разведку в пользу всех девственниц мира, пошпионить за этими двумя изнывающими от похоти мужчинами, поджидающими свою жертву на крыльце дома разврата, а затем, постояв на краю пропасти, тихохоньку улизнуть оттуда, чувствуя свое превосходство и оставшись совершенно невредимой, если не считать приставших к платью кусочков коры и липких почек с деревьев.

Она встала, перешла через шоссе и уже собиралась ступить на дорогу, ведущую в зеленые заросли леса, как вдруг услышала шум быстро приближающейся со стороны города автомашины. Она остановилась и, повернувшись к шоссе, сделала вид, будто ждет автобус: никто не должен видеть, как она входит в лес, — это могло бы показаться подозрительным.

Поравнявшись с Гретхен, автомобиль затормозил и остановился с другой стороны шоссе, но она даже не взглянула на него, а продолжала смотреть в ту сторону, откуда идут рейсовые автобусы на Порт-Филип, хотя прекрасно знала, что следующего автобуса не будет по крайней мере еще час.

— Здравствуйте, мисс Джордах, — раздался мужской голос.

Чувствуя, как лицо заливает жгучая краска стыда, она взглянула на говорившего. Что за глупость — с какой стати она покраснела?! И что в этом постыдного — стоять на обочине трассы и ждать автобус? Ведь ни одна живая душа не знает про чернокожих солдат, про то, что они поджидают ее, приготовив закуску и выпивку, и про восемьсот долларов. Она не сразу узнала поздоровавшегося с ней человека. Он сидел за рулем открытого «бьюика» образца 1939 года, небрежно свесив с дверцы облаченную в перчатку левую руку, и улыбался ей. Больше в машине никого не было. Потом наконец она поняла, кто это. Мистер Бойлан. Гретхен видела его лишь раз или два в жизни, когда он приходил на носящий его имя завод, что случалось не слишком часто. Это был стройный блондин, загорелый, чисто выбритый, с щетилистыми светлыми бровями. Его ботинки были всегда начищены до блеска.

— Добрый день, мистер Бойлан, — ответила она, не двигаясь с места. Она не хотела подходить ближе, чтобы он не увидел, как она покраснела.

— Интересно, что вы здесь делаете, — да еще так далеко от дома? — судя по интонации его голоса, он не сомневался, что имеет право на такие вопросы, и в то же время чувствовалось, что это неожиданное зрелище — симпатичная молодая девушка в туфлях на высоких каблуках, стоящая одна у края леса — показалось ему забавным.

— Сегодня... сегодня такой чудесный день... — проговорила она, чуть ли не заикаясь. — Я вообще часто совершаю небольшие прогулки за город, когда рано освобождаюсь.

— Одна? — недоверчиво спросил он.

— Я очень люблю природу, — запинаясь, ответила Гретхен. «Он, наверно, считает меня полной дурочкой», — подумала она, и, заметив, как он с иронической улыбкой смотрит на ее модельные туфли, бухнула первое, что пришло в голову: — Не знаю почему, но вдруг села на автобус и поехала. Теперь вот жду обратного рейса в город.

Вдруг она услышала за спиной какой-то шорох, и в ужасе обернувшись, ожидала увидеть солдат, которые, не дождавшись ее, могли отправиться за ней на автобусную остановку. Но это была лишь перебегавшая дорогу белка.

— Что с вами? — спросил Бойлан, удивленный ее испуганным движением.

— Я услышала шорох и подумала, что это змея, — сказала Гретхен. «Да уезжай же ты наконец!» — взмолилась она в душе.

— Для любительницы природы вы, пожалуй, чересчур пугливы, — уже более серьезно заметил Бойлан.

— Меня пугают одни лишь змеи, — только и нашла что ответить Гретхен. Трудно было представить себе более глупый разговор.

— А вы знаете, автобуса еще долго не будет, — взглянув на часы, сказал Бойлан.

— Это не страшно, — неестественно широко улыбнулась Гретхен, точно ждать автобус у черта на куличках было ее любимым занятием по субботам. — Здесь так хорошо и тихо.

— Могу я задать вам один очень серьезный вопрос?

«Начинается, — подумала она. — Сейчас спросит, кого я здесь жду». И стала лихорадочно придумывать, кого ей назвать. Брата? Подругу? Медсестру из госпиталя? Занятая этими мыслями, она не услышала, что он сказал.

— Простите, — пробормотала она, — не могли бы вы повторить еще раз?

— Я спросил, вы еще не пообедали, мисс Джордах?

— Вообще-то я не голодна. Я...

— Садитесь, — велел он, сделав рукой приглашающий жест. — Пообедаем вместе. Перспектива обедать в одиночестве меня никогда не прельщала.

И он, перегнувшись через сиденье, открыл для нее дверцу.

Чувствуя себя маленькой девочкой, во всем подчиняющейся приказаниям взрослых, Гретхен послушно перешла дорогу позади «бьюика» и села в машину. Ей не приходилось встречать никого другого, кроме собственной матери, кто употреблял бы такие изысканные слова как «прельщать» в самой повседневной беседе. В воздухе словно повеяло духом сестры Кэтрин, старой учительницы ее матери.

— Благодарю вас, мистер Бойлан, вы очень любезны, — сказала она.

— Мне всегда везет по субботам, — произнес он, включая зажигание.

Она и понятия не имела, что он хочет этим сказать. Не будь Бойлан владельцем завода, а, значит, ее самым главным начальником, да к тому же человеком немолодым — ему было на вид лет

сорок, сорок пять,— она бы отказалась от приглашения, используя для этого первый пришедший на ум предлог. Она уже жалела о несостоявшейся рискованной прогулке через лес, об этой шекочущей нервы, почти непристойной игре с солдатами, которая могла закончиться тем, что они, разглядев ее за деревьями, бросились бы за ней вдогонку... *Отважные, хоть и хромые индейские воины преследуют добычу на охотничьей территории племени*, только вот вместо боевой раскраски — кругленькая сумма в восемьсот долларов.

— Вам название «Приют фермера» что-нибудь говорит? — спросил Бойлан.

— Да, приходилось слышать,— ответила Гретхен.

Это было название небольшого фешенебельного отеля на живописном обрыве над рекой и дорожного ресторана при нем.

— Неплохое местечко,— заметил Бойлан.— По крайней мере там можно заказать бутылочку приличного вина.

В дороге они не разговаривали: ехал он очень быстро, и гулявший в открытой машине ветер заглушал все слова. Бившие в лицо потоки воздуха заставляли Гретхен шуриться и нещадно трепали ей волосы. На время войны был установлен предел скорости в тридцать пять миль в час (считалось, что это позволяет экономить бензин), но, конечно, такому человеку, как мистер Бойлан, не было необходимости беспокоиться о пустяках вроде экономии бензина.

Время от времени Бойлан поглядывал на нее и иронически улыбался. Он явно не поверил ее выдумке о причинах, заставивших ее в одиночестве отправляться за тридевять земель от города, а затем бессмысленно ожидать автобус, который должен прийти не ранее чем через час. Перегнувшись, он достал из «бардачка» большие солнцезащитные очки и протянул ей. «Для ваших прекрасных голубых глаз»,— прокричал он ей сквозь ветер. Она надела очки и стала чувствовать себя голливудской кинозвездой.

В давние времена, когда из Нью-Йорка в сельские районы штата и провинциальные городки добирались на дилижансах, гостиница «Приют фермера» служила почтовой станцией. На лужайке перед красным с белым окаймлением зданием стояло на подпорках огромное колесо старинной кареты: по всей видимости, хозяин гостиницы полагал, что американцам нравится обедать в атмосфере прошлого. Можно было с полным основанием утверждать, что «Приют фермера» отстоял от Порт-Филипа не только на сотню миль, но и на добрую сотню лет.

Гретхен наскоро причесалась, пользуясь зеркалом заднего обзора. Она чувствовала на себе взгляд Бойлана, и ей было неловко.

— Самое прекрасное зрелище, какое может увидеть мужчина в этой жизни,— произнес он,— это хорошенькая девушка

с поднятыми к голове руками, причесывающая свои волосы. Думаю, именно по этой причине художники любят изображать ее в этой позе.

Гретхен не привыкла слышать подобные вещи ни от ребят, с которыми училась в школе, ни от молодых людей, увивавшихся за ней на работе, и не могла толком понять, нравится ли ей это или нет. Ей казалось, что, говоря такие слова, Бойлан посягает на ее личную жизнь. Но она надеялась, что на сей раз не покраснела. Достав помаду, она начала было подкрашивать губы, но Бойлан, коснувшись ее руки, остановил ее.

— Не делайте этого,— авторитетно заявил он.— И так достаточно. Более чем достаточно. Пойдемте.

Выскочив из автомобиля (с поразительным для своего возраста проворством, на ее взгляд), он обошел его спереди и открыл для Гретхен дверцу. «Да, что значит манеры!» — машинально отметила она про себя, идя рядом с ним к входу. На стоянке перед гостиницей выстроились еще пять или шесть автомашин. Коричневые туфли Бойлана (собственно, это были не туфли, а штиблеты, как она узнала позднее) были по обыкновению до блеска начищены. На нем был пиджак из твида в мелкую ломаную клеточку, серые, широкие, фланелевые брюки, мягкая кашемировая рубашка, а вместо галстука шейный платок. «Он нереальный, точно с обложки журнала,— подумала Гретхен.— Что это, интересно, я делаю в его обществе?»

Она чувствовала себя крайне неловко в своем темно-синем платье с короткими рукавами, которое утром, идя на работу, она так тщательно выбирала, и нисколько не сомневалась, что Бойлан уже жалеет о том, что пригласил ее. Но он галантно открыл перед ней дверь и, пропустив ее вперед и слегка поддерживая под локоть, повел в бар, отделанный под пивную восемнадцатого столетия — повсюду темный мореный дуб, оловянные кружки и тарелки.

В баре, кроме них, было еще две пары. На обеих дамах, еще сравнительно молодых женщинах, были замшевые юбки и вязаные свитера, плотно облегающие плоскую грудь; держались они уверенно и говорили пронзительными голосами. Глядя на них, Гретхен чувствовала неловкость за свой пышный бюст и невольной горбилась, чтобы его не было так заметно. Обе пары сидели за низким столиком в дальнем конце комнаты; Бойлан повел Гретхен в другую сторону, к стойке, и помог сесть на один из стоявших перед стойкой массивных, высоких деревянных стульев.

— Здесь,— сказал он ей тихим, доверительным голосом,— мы будем подальше от этих дам и сомнительной музыки их голосов.

К ним тут же подошел негр-бармен в белоснежной накрахмаленной куртке, готовый принять заказ.

— Добрый день, мистер Бойлан,— деловито, но с ноткой почтения произнес он.— Каким будет ваш выбор, сэр?

— Ах, Бернард,— отозвался Бойлан,— ты задаешь вопрос, который озадачивал философов с самых давних времен.

«Фи, какая дешевая показуха»,— отметила про себя Гретхен и сама поразилась, до чего неуважительно думает о таком человеке как мистер Бойлан.

Бармен в ответ лишь почтительно улыбнулся. Он был безукоризненно, стерильно чист, точно хирург перед операцией. Гретхен искоса глянула на него и подумала: «Знаю я парочку твоих собратьев неподалеку отсюда, которые, попадись я им в руки, не спрашивали бы, каков мой выбор».

— Дорогая,— повернулся к ней Бойлан,— что будете пить?

— Все равно что — на ваше усмотрение,— ответила Гретхен. Ловушек становилось все больше и больше. Откуда ей знать, что она будет пить, если крепче кока-колы она никогда ничего не пила? Она с ужасом ждала, когда принесут меню,— оно наверняка на французском, а она в школе учила испанский и латынь. Латынь!

— Кстати,— произнес Бойлан,— я полагаю, вам уже есть восемнадцать?

— О да,— ответила Гретхен, зардевшись. Почему она всегда так некстати краснеет? Слава Богу, в баре было темно.

— Не хотелось бы, чтоб меня привлекли к суду за растление малолетних,— улыбнулся Бойлан. У него были красивые, безупречно белые зубы,— несомненно, предмет гордости его дантиста. Невозможно было понять, почему мужчина с такой привлекательной внешностью, с такими ослепительными зубами, так элегантно одетый и с такими большими деньгами мог вообще когда-нибудь обедать в одиночестве.

— Бернард, приготовь для дамы что-нибудь сладкое. Пожалуйста, лучше всего, если это будет твой бесподобный дайкири*.

— Благодарю вас, сэр,— слегка поклонился бармен.

«Бесподобный»,— повторила про себя Гретхен. Словечко-то какое. Сейчас никто так не говорит. Ощущение того, что и возраст у нее не тот, и одета она не так, и накрашена не так, настроило ее на враждебный лад.

Она наблюдала, как Бернард выжимает лаймы, бросает в сок лед, затем встряхивает смесь в шейкере ловкими, наманикюреными черными руками с розоватыми ладонями, и ей пришли на ум слова Арнольда: «*Адам и Ева в райском саду*». Если бы мистер Бойлан имел хоть отдаленное представление... Тогда бы

Дайкири — коктейль из рома с лимонным или лаймовым соком и сахаром.

он не стал в столь легкомысленном тоне шутить о растлении малолетних.

Пенистый напиток был восхитительным на вкус, и Гретхен выпила его залпом, словно лимонад. Бойлан, несколько театрально приподняв бровь, с изумлением наблюдал за тем, как быстро исчезает дайкири, а когда стакан был опустошен, сказал:

— Бернард, повтори-ка, пожалуйста.

Бармен принялся приготавливать вторую порцию; обе пары поднялись и перешли в ресторан, так что Гретхен с Бойланом остались в баре одни. Она чувствовала себя уже увереннее. «Вот сейчас-то все и начинается», — подумалось ей. Она не знала, откуда ей в голову пришла эта фраза, но она была уверена — *сейчас все и начинается*. Ей не раз еще предстоит сидеть в полутемных барах за стойкой, и еще не один «добрый дяденька» в дорожной одежде будет угощать ее восхитительными напитками.

Бернард поставил перед ней вторую порцию дайкири, и Бойлан сказал:

— Могу я дать вам совет, моя милая? На вашем месте я бы пил этот коктейль помедленнее. Не забывайте, в нем все-таки ром.

— Да, я помню об этом, — с достоинством ответила она. — Просто мне очень хотелось пить. Я долго стояла на солнце.

— Разумеется, моя милая.

«Моя милая». Никто до сих пор не называл ее так. Ей нравилось это обращение, а особенно, как Бойлан произносит его — нефамильярно и ненавязчиво. Она стала потихоньку, маленькими глотками, как это приличествует настоящей леди, отпивать холодный напиток. Он был так же вкусен, как и первый. Может быть, даже еще вкуснее. Ей начало казаться, что сегодня она покраснеть уже больше не будет.

Бойлан распорядился, чтобы им принесли меню. Они сделают заказ еще в баре, пока будут пить коктейль.

Вскоре, держа в руках два больших, негнущихся меню, в бар вошел метрдотель и с легким поклоном сказал:

— Рад вас снова видеть у нас, мистер Бойлан.

Все были рады видеть мистера Бойлана в его до блеска начищенных штиблетах.

— Вы не против, если я закажу за двоих? — спросил он.

Гретхен знала по кинофильмам, что джентльмены часто заказывают в ресторанах за своих дам. Но одно дело — видеть на экране, и совсем другое — когда это случается непосредственно с тобой.

— Да, пожалуйста, — ответила она и с удовольствием подумала: ну прямо как в романе. Бог ты мой, до чего же хорош коктейль!

Мистер Бойлан и метрдотель коротко, но исчерпывающе обсудили меню и вина. Затем метрдотель ушел, сказав, что при-

гласит их в зал ресторана, как только будет накрыт стол. Мистер Бойлан достал золотой портсигар и предложил Гретхен сигарету. Она отрицательно покачала головой.

— Вы что, не курите?

— Нет.

Гретхен понимала, что, отказываясь от сигареты, нарушает неписанные правила пребывания в ресторане, а значит, не соответствует высоким требованиям, предъявляемым к посетителям таких мест, но ничего не могла с собой поделывать: она уже два или три раза пробовала курить, но у нее тотчас же начинался кашель и краснели глаза, так что она оставила эти попытки. Кроме того, мать ее курила и днем и ночью, а Гретхен ни в чем не хотела походить на мать.

— Это хорошо,— сказал Бойлан, прикуривая от золотой зажигалки, которую он вынул из кармана и положил на стойку рядом с плоским, кожаным чемоданчиком с монограммой своего имени.— Мне не нравится, когда девушки курят. Сигареты заглушают аромат юности.

«Красивые слова, рассчитанные на дешевый эффект»,— подумала Гретхен, но уже без всякого раздражения: он явно старался произвести на нее впечатление, и это ей льстило. Неожиданно ее ноздрей коснулся запах духов, которыми она надушилась в конторе, и она забеспокоилась, а не покажется ли ему этот запах дешевым.

— Признаться,— сказала она, стараясь отвлечь его,— меня удивило, что вы знаете мою фамилию.

— Вот как. Почему?

— Ну, я видела вас всего раз или два на заводе, и вы никогда не заходили в нашу контору.

— А я вас сразу заметил,— признался он,— и, честно говоря, не мог понять, что может делать девушка с вашей внешностью в таком малоприятном и скучном месте, как «Кирпичный завод Бойлана».

— Ну, не так уж там и плохо,— возразила Гретхен.

— Вы так считаете? Что ж, рад это слышать. А я считал, что все мои служащие терпеть не могут завод, и взял за правило появляться там не чаще чем раз в месяц, и то максимум на пятнадцать минут. Он действует на меня угнетающе.

Появился метрдотель.

— Все готово, сэр,— сказал он.

— Оставьте свой коктейль в баре, моя милая,— сказал Бойлан, помогая ей встать со стула.— Бернارد принесет его вам в ресторан.

И они пошли за метрдотелем в зал ресторана. Занято было не более чем восемь-десять столиков: полковник в компании мо-

лодых офицеров и несколько пар в твидовых костюмах. На столиках с блестящей поверхностью, выполненных в псевдоклассическом стиле, стояли цветы и сверкали ряды бокалов. «Вряд ли здесь можно увидеть кого-нибудь, кто делает меньше десяти тысяч долларов в год»,— подумала она.

Когда они вошли в ресторан и стали двигаться вслед за метрдотелем к своему столику у окна, откуда открывался чудесный вид на текущую далеко внизу реку, разговор в зале стих. Гретхен почувствовала на себе взгляды молодых офицеров и машинально поднесла руки к прическе. Она догадывалась, что они о ней думают. Было бы, конечно, лучше, если бы мистер Бойлан был помоложе.

Метрдотель отодвинул для нее стул, она села и с уверенным видом, будто это для нее привычное дело, положила на колени большую, кремового цвета салфетку. Появился Бернард с их недопитыми дайкири на подносе и поставил напитки на стол.

— Благодарю вас, сэр,— произнес он и пятясь удалился.

Затем к их столику снова подошел метрдотель с бутылкой красного вина из Франции, и появившийся сразу вслед за ним официант принес первое блюдо. В «Приюте фермера» явно не испытывали недостатка в персонале.

Метрдотель с церемонным видом налил в большой, глубокий бокал немного вина, и Бойлан, понюхав его, сделал небольшой глоток, затем посмотрел прищурившись на потолок, пробуя выпитое на вкус, после чего, задержав на какое-то мгновение вино во рту, глянул на метрдотеля и одобрительно кивнул:

— Прекрасный выбор, Лоуренс.

— Благодарю вас, сэр,— ответил тот.

«Все эти “благодарю вас”,— подумала Гретхен,— небось, вздуют счет до астрономических цифр».

Метрдотель налил вино сначала в ее бокал, затем в бокал Бойлана. Бойлан поднял бокал за Гретхен, и они отпили по небольшому глотку. Вино было теплое и, как ей показалось, отдавало пылью. Но со временем, хотелось ей надеяться, она сможет привыкнуть к такому привкусу.

— Надеюсь, вам нравится блюдо из сердцевины саговой пальмы? — спросил он.— Я полюбил это блюдо, когда жил на Ямайке. Это было еще до войны, конечно.

— Очень вкусно,— ответила Гретхен, хотя блюдо показалось ей лишенным малейшего вкуса. Зато было приятно сознавать, что ради того, чтобы подать ей небольшую порцию этого деликатеса, потребовалось срубить целую пальму — величественную и огромную.

— Когда закончится война,— сказал Бойлан, неторопливо отделив вилкой очередной кусочек яства,— поеду туда жить. Да-а,

Ямайка. Буду себе круглый год лежать на белом песке и ничего больше не делать. Когда наши парни тысячами вернутся с войны, жить в Штатах станет невыносимо. Мир, в котором будут одни герои,— произнес он насмешливо,— неподходящее место для Теодора Бойлана. Непременно приезжайте туда ко мне в гости.

— Обязательно,— ответила Гретхен.— При моем жалованье на кирпичном заводе Бойлана мне только и остается что мотаться на Ямайку и обратно.

Он рассмеялся.

— То, что начиная с тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года мы неизменно недоплачиваем нашим служащим,— ироническим тоном заявил он,— это предмет особой гордости для нашей семьи.

— Для вашей семьи? — переспросила она. Насколько ей было известно, он был единственным Бойланом в Порт-Филипе. Все в городе знали, что он живет совершенно один (не считая, конечно, слуг) в особняке за каменной оградой огромного поместья за городом.

— Мы — целая империя,— сказал Бойлан.— Наши славные владения простираются от Атлантики до Тихого океана, от поросшего соснами штата Мэн до пропахшей апельсинами Калифорнии. Кроме цементного и кирпичного заводов в Порт-Филипе существуют еще судостроительные верфи Бойлана, нефтяные компании Бойлана, заводы тяжелого машиностроения Бойлана. Они разбросаны по всей нашей необъятной стране, и во главе каждого из них стоит или Бойлан-брат, или Бойлан-дядюшка, или Бойлан-племянник, и каждый из них печется о военной мощи нашей любимой отчизны с немалой для себя прибылью. Есть даже один генерал-майор Бойлан, который, числясь в службе снабжения в Вашингтоне, наносит по ней сокрушительные удары во имя нации. Вы удивляетесь, что нас целая семья. Да стоит только в воздухе запахнуть лишним долларом, как за ним тотчас же примчится кто-нибудь из Бойланов.

Гретхен не привыкла, чтобы с таким пренебрежением говорили о собственной семье; для нее семейные узы были чем-то священным. На ее лице, по-видимому, было написано осуждение, и это, конечно, не укрылось от глаз Бойлана.

— Вы, должно быть, шокированы? — спросил он, снова иронически усмехаясь.

— В общем-то нет,— ответила она и подумала о своей семье.— Но все равно семья есть семья, и каждый в семье хоть чем-то заслуживает, чтобы его любили.

— Ну, я вовсе не такой уж плохой,— отозвался Бойлан.— У нашей семьи есть одно несомненное и очень существенное достоинство, которым я не устаю восхищаться.

— А именно?

— Мы богаты. Мы оч-чень, оч-чень богаты,— засмеялся он.

— И все же,— возразила Гретхен, надеясь, что он не так циничен, каким хочет казаться, а просто устроил представление, чтобы впечатлить легковерную девчонку,— и все же вы работаете, а, кроме того, Бойланы очень много сделали для нашего города...

— О, это уж точно,— подтвердил он.— Они высосали из этого города всю кровь и, естественно, питают к нему чисто сентиментальные чувства. Порт-Филип — самое незначительное из всех владений нашей империи, даже не стоящее того, чтобы на него тратил время настоящий, стопроцентный, не упускающий своих интересов представитель семейства Бойланов. И все же Бойланы не отказываются от Порт-Филипа. Ваш покорный слуга, самый последний и самый ничтожный в семействе, уполномочен жить в заброшенном провинциальном родовом поместье, с тем чтобы дважды в месяц, являясь пред очи своих вассалов, демонстрировать могущество и величие имени империи Бойланов. И я выполняю свои ритуальные обязанности с должной покорностью, а сам жду не дождусь, когда замолкнут пушки, чтобы наконец-то отправиться на Ямайку.

«Он ненавидит не только свою семью,— подумала Гретхен,— но и самого себя». Его быстрые светлые глаза мгновенно заметили перемену в ее лице.

— Вы осуждаете меня, не так ли? — спросил он.

— Вовсе нет,— ответила она.— Просто вы ни на кого не похожи — по крайней мере на тех, кого я знаю.

— Не похож в лучшую или в худшую сторону?

— Даже не знаю,— ответила она.

— Что ж, оставим этот вопрос на позже,— кивнул Бойлан с притворной серьезностью.— А пока что вам надо допить свое вино. Вон уже несут вторую бутылку.

Как-то незаметно они к этому времени умудрились выпить целую бутылку вина, хотя еще не успели дойти даже до основного блюда. Метрдотель поставил перед ними чистые бокалы и принес вторую бутылку. Церемония дегустации была повторена в полном объеме. Вино приятно обожгло Гретхен горло, и в ее лицо ударила кровь. Разговоры в зале ушли куда-то на задний план и доносились до ее ушей ритмичным, успокаивающим, приглушенным шумом, точно отдаленный прибой. Ей вдруг стало удивительно уютно в этом отделанном под старину, рассчитанном на богатых зале, и она громко рассмеялась.

— Почему, интересно, вы смеетесь? — подозрительно спросил Бойлан.

— Потому что я сижу здесь,— ответила она,— хотя могла бы в эту минуту находиться в тысяче других мест.

— Вам нужно пить вино как можно чаще, — улыбнулся Бойлан. — Вино вам очень к лицу.

Он протянул руку и сжал ее пальцы. Кожа у него была сухая, а рука крепкая.

— Вы очень красивы, моя милая, очень, очень красивы.

— Мне тоже так кажется, — ответила Гретхен.

Теперь была очередь Бойлана рассмеяться.

— По крайней мере сегодня, — смущенно добавила она.

К тому времени, когда официант подал кофе, Гретхен была уже изрядно пьяна. Поскольку такое происходило с нею впервые в жизни, она не сознавала свое состояние, а лишь замечала, что все краски стали намного ярче, река внизу засветилась ослепительно синим кобальтом, а заходящее над далекими утесами солнце стало казаться расплавленным золотом. Вся еда представлялась исключительно вкусной, а мужчина, сидевший напротив нее, вовсе не был ее хозяином и незнакомцем, а самым лучшим, самым близким другом. Его симпатичное загорелое лицо светилось дружеским, даже восторженным вниманием, случайное прикосновение его теплой, сухой руки было желанным и успокаивающим, а его смех — наградой ее остроумию. Она готова была поведать ему все, что знала, поделиться с ним всеми своими секретами.

Она рассказала ему несколько анекдотических историй о госпитале — например о солдате, в глаз которого угодила бутылка вина, брошенная восторженной француженкой, когда она встречала доблестных освободителей в Париже. Он был награжден медалью «Пурпурное сердце», вручаемой за ранение в ходе боевых действий, потому что в результате попадания бутылки у него развилась диплопия, то есть двоение в глазах. Или о медсестре и молодом офицере, которые при каждом удобном случае занимались любовью в машине скорой помощи, оставляемой на ночь возле госпиталя. И вот однажды, когда «скорую помощь» неожиданно вызвали в город Покипси, в машине по прибытии на место вызова вместо санитаров были обнаружены совершенно голые мужчина и женщина.

Гретхен рассказывала, и ей становилось все более очевидным, что она невероятно интересная и совершенно уникальная особа, жизнь которой насыщена просто-таки необыкновенными событиями. Она во всех подробностях описала Бойлану проблемы, с которыми столкнулась, играя Розалинду в комедии Шекспира «Как вам это понравится», поставленную ее школьным учителем мистером Поллаком, когда она училась в последнем классе. Мистер Поллак сказал ей тогда, что перевидал десятки Розалинд — и на Бродвее, и во многих других театрах, —

но такую чудесную Розалинду видит впервые. Еще он сказал, что она совершит преступление, если попусту растратит свой талант. А за год до этого она играла Порцию в «Юлии Цезаре» Шекспира, и пришла тогда к выводу, что из нее получился бы великолепный юрист. На ее взгляд, женщины в наши дни должны посвящать себя чему-то серьезному, а не ограничиваться семьей, ведением хозяйства и детьми.

Она даже решилась сказать Тедди (а ко времени десерта мистер Бойлан стал для нее уже просто Тедди) то, чего еще не говорила ни одной живой душе: как только закончится война, она уедет в Нью-Йорк и станет актрисой. Чтобы придать больше вескости своим словам, она прочитала ему монолог из «Как вам это понравится». Читала она очень живо, но язык у нее заплетался, что было неудивительно, если учесть количество выпитого ею дайкири, вина и ликера «бenedиктин».

«Ну же, ухаживайте, ухаживайте за мной,— декламировала она,— я сегодня в праздничном настроении и могу на все согласиться. Что бы вы мне сейчас сказали, если бы узнали, что я ваша самая, самая настоящая Розалинда?»

Когда монолог был закончен, Тедди поцеловал Гретхен руку, что было воспринято ею как дань восхищения ее искусством. Она одарила его благосклонной улыбкой, в восторге от того, что выбрала столь игриво двусмысленную цитату.

Согреваемая неизменным вниманием своего кавалера, она чувствовала себя блистательной, яркой и неотразимой. Она расстегнула две верхние пуговицы платья — зачем скрывать то, чем можно только гордиться?! Да и, кроме того, в ресторане было действительно жарко. Она готова была говорить о вещах, о которых не принято говорить в приличном обществе, и произносить вслух слова, которые до этого видела только на заборах, где их писали озорные мальчишки. Она достигла состояния полной раскованности — этой привилегии аристократов.

— Для меня они просто не существуют,— отвечала она на вопрос Бойлана о мужчинах, работающих с ней в конторе.— Провинциальные донжуаны. Возьмется вокруг тебя, как щенята. Сведут тебя в кино, угостят фруктовой водой с мороженым, а потом лезут обниматься и целоваться на заднем сиденье машины, хватают тебя за разные места, да так грубо, точно ты медное кольцо; за которое держатся на карусели, жутко сопят и хрипят, словно умирающие лоси, пытаются проникнуть языком между губ. Нет, это не для меня. У меня другие интересы. Да и вообще, стоит им только добиться своего, поминай их тогда как звали. Мне некуда торопиться.

Она внезапно поднялась из-за стола:

— Спасибо за восхитительный обед.— И тут же добавила: — Мне нужно в дамскую комнату.

Раньше она никогда не решалась говорить своим кавалерам, когда ходила с ними в кино или на вечеринки, что ей нужно в туалет, хотя иной раз ее мочевой пузырь настолько переполнялся, что готов был лопнуть.

Тедди тоже встал.

— Это в холле, первая дверь налево,— подсказал он.

«Да-а, Тедди все знает, он везде свой человек»,— подумала Гретхен.

Пробираясь между столиками, Гретхен с удивлением обнаружила, что зал пуст. Она шла не торопясь, уверенная, что Тедди следит за каждым ее шагом своими светлыми, умными глазами. Она знала, что хорошо выглядит сзади. У нее грациозно длинная шея, которая выглядит такой белой по контрасту с черными волосами, тонкая талия, соблазнительно округлые бедра, длинные, стройные, точеные ноги. Все это она хорошо знала и поэтому шла намеренно медленно — пусть Тедди рассмотрит ее и тоже убедится в этом раз и навсегда.

Взглянув на себя в зеркало в дамской комнате, она стерла с губ остатки губной помады. «У тебя красивые, яркие губы,— сказала она своему отражению.— Так зачем же ты, дурочка, красишься, как какая-то молодящаяся старая карга?!»

Когда она вышла в холл, Тедди ждал ее у входа в бар. Он уже расплатился и теперь натягивал на руку левую перчатку. Увидев ее, он устремил на нее пытливый, сосредоточенный взгляд.

— Я куплю вам красное платье,— неожиданно сказал он.— Огненно-красное платье, которое будет оттенять этот дивный цвет вашего лица и эту жгучую смоль ваших волос. Стоит вам где-нибудь появиться, как все мужчины будут падать перед вами на колени.

Она рассмеялась: красный цвет действительно был ее цветом. Вот как должен вести себя с женщиной настоящий мужчина и вот что он должен ей говорить! Она взяла его под руку, они вышли из ресторана и направились к автомашине.

На улице похолодало, и он поднял верх «бьюика». Затем завел машину, и они медленно поехали в южном направлении. Все стекла он поднял, и в машине было тепло и уютно. Его правая рука, на которую он предусмотрительно не надел перчатку, лежала на ее руке на сиденье. В салоне ощущался цветочный запах выпитого ими алкоголя, смешанный с запахом кожи.

— Ну а теперь,— заговорил он,— скажите мне, как вы на самом деле оказались на автобусной остановке у Королевской пристани?

Гретхен хихикнула.

— Что-то не нравится мне ваш смех,— сказал он.

— А вам бы не понравилась и причина, по которой я там была,— ответила она.

Некоторое время он ехал молча. Дорога была совершенно пустынной. На шоссе, обсаженном по обеим сторонам рядами деревьев, лежали длинные тени, и машина попеременно наезжала то на темную полосу, то на освещенный бледным солнцем промежуток между тенями.

— Я жду, — сказал Тедди.

«А почему бы и не рассказать? — подумала Гретхен. — В этот замечательный день можно говорить обо всем. Они с Тедди выше ханжеской стыдливости». И она начала рассказывать о том, что случилось в госпитале. Сначала нерешительно, запинаясь, затем все более и более уверенно.

Начала она с того, что описала ему обоих негров, особо подчеркнув, что они чувствовали себя одинокими и несчастными, поскольку они не только калеки, но и единственные негры во всей больнице, затем стала рассказывать об Арнольде: о том, что он всегда казался ей сдержанным и воспитанным человеком — в отличие от других солдат, он никогда не обращался к ней по имени, — о том, что он много читал и вообще производил впечатление умного юноши, о том, как она стала приносить ему книги и как ей было его жаль: такой всегда печальный да еще эта его трогательная история с девушкой из Корнуолла, которая ему так и не написала. Затем она перешла к той ночи, когда он пришел к ней в общую комнату, зная, что все в госпитале спят и она там одна, и рассказала о последовавшей беседе, о его предложении и восьмистах долларах.

— Будь они белыми, — воскликнула она, — я бы обязательно пожаловалась полковнику. А так...

Тедди сосредоточенно правил машиной и понимающе кивал головой, но ничего не говорил — лишь только заметно прибавил скорость.

— С тех пор я ни разу не была в госпитале, — продолжала Гретхен. — Не могла себя заставить туда поехать. Я умоляла отца отпустить меня в Нью-Йорк. Мне была невыносима сама мысль, что придется жить в одном городе с человеком, который осмелился предложить мне такое. Но отец... С отцом бесполезно спорить. К тому же я не могла объяснить ему причину: он тут же поехал бы в госпиталь и убил бы этих двоих на месте. Ну а сегодня... Сегодня было такое чудесное утро. Я и не собиралась идти на автовокзал. Меня, помимо моей воли, понесли туда ноги. Конечно, я и не думала заходить в тот дом. Наверное, мне просто хотелось знать, действительно ли они там. Мне было интересно: неужели существуют люди, способные на такие вещи? Но все равно, хоть я туда и приехала, я просто вышла из автобуса и никуда не пошла. Я просто ждала на дороге — выпила кока-колу, погрелась на солнышке... Я... Может быть, потом я и прошлась бы немного по той

дороге, а, может быть, даже дошла бы до самого конца. Просто так, из любопытства. Ведь я знала, что ничем не рискую. Если бы они меня и заметили, мне бы ничего не стоило убежать от них. Они на своих искалеченных ногах едва могут передвигаться...

«Бьюик» начал замедлять ход. Все время пока Гретхен рассказывала, она не отрывала взгляда от своих туфель внизу, под приборной доской, а теперь подняла глаза и увидела, где они находятся. Бензоколонка. Магазин. И никого в поле зрения.

Машина остановилась у начала покрытой гравием дороги, что вела к реке.

— Это была просто игра,— проговорила она,— глупая, жестокая, женская игра.

— Вы лжете,— сказал Бойлан.

— Что? — ошеломленно переспросила она. В машине было ужасно жарко и душно.

— Вы меня слышали, моя милая,— повторил Бойлан.— Вы лжете. Никакая это была не игра. Вы хотели пойти туда и переспать с ними.

— Тедди,— задыхаясь, пробормотала Гретхен,— пожалуйста... пожалуйста, откройте окно. Мне нечем дышать.

Бойлан перегнулся через ее сиденье и открыл дверь с ее стороны.

— Давайте, идите,— сказал он.— Ступайте, моя милая. Они еще там. Идите и наслаждайтесь. Уверен, это будет нечто такое, о чем вы будете вспоминать с удовольствием всю свою жизнь.

— Прошу вас, Тедди, не надо...— она почувствовала, как у нее все плывет перед глазами, а его голос то замирал в ушах, то вновь приближался — резкий и беспощадный.

— О том, как добраться домой, можете не беспокоиться,— говорил Бойлан.— Я подожду вас здесь. Мне все равно нечего делать. Сегодня суббота, и все мои друзья за городом. Ну, идите же. Потом все расскажете. А я с интересом послушаю.

— Мне нужно выйти,— с трудом выговорила Гретхен. Ей казалось, что голова ее то распухает, то сжимается и что она вот-вот задохнется. С трудом выбравшись из машины, она неровными шагами отошла к обочине, и у нее началась рвота, мучительными конвульсиями сотрясающая все ее тело.

Бойлан неподвижно сидел за рулем и смотрел прямо перед собой. Когда приступы полностью прекратились и она выпрямилась, он коротко произнес:

— А сейчас садитесь в машину.

Чувствуя себя абсолютно разбитой и очень слабой, Гретхен с трудом влезла в машину и обессиленно откинулась на спинку сиденья, прикрыв рот рукой, чтобы не слышен был запах. На лбу у нее выступил холодный пот.

— Вот, возьмите, моя милая, — сочувственно произнес Бойлан, протягивая ей большой шелковый носовой платок. — Он вам не помешает.

Гретхен несколько раз приложила платок ко рту, а затем вытерла пот со лба.

— Спасибо, — прошептала она.

— Так что же теперь будем делать, моя милая? — спросил он.

— Я хочу ехать домой, — жалобно проговорила она.

— Вам нельзя домой в таком состоянии, — сказал он и включил зажигание.

— Куда мы, в таком случае, едем?

— Ко мне домой, — ответил он.

Гретхен была слишком измучена, чтобы спорить, и продолжала неподвижно сидеть, безвольно откинув голову на спинку сиденья и закрыв глаза. Машина стремительно мчалась на юг, по направлению к городу.

Когда они приехали к нему домой, Гретхен первым делом отправилась в ванную и долго полоскала рот зубным эликсиром с приятным привкусом корицы, а потом спала тяжелым, пьяным сном в его постели. Когда через два часа она проснулась, за окном уже начинали сгущаться сумерки. Тогда-то Гретхен и лишилась невинности. После этого он отвез ее домой, не произнеся по пути ни слова.

В понедельник утром, когда она к девяти часам пришла на работу, ее ждал на столе продолговатый белый конверт. На нем были отпечатаны ее имя и фамилия, а в углу приписано: «Лично в руки». В конверте лежало восемь сто долларовых бумажек.

Было очевидно, что он побывал на заводе еще до того, как кто-нибудь явился на работу, а для этого ему, должно быть, пришлось вставать на рассвете и проделывать весь этот путь до города на машине.

Глава 3

В классе царил тишина. Лишь поскрипывали перья по бумаге. Мисс Лено сидела за учительским столом и читала, изредка поднимая глаза и обводя взглядом парты. Ученики писали сочинение на тему «Франко-американская дружба», и им было отведено на это всего полчаса. Парту Рудольфа стояла в задней части класса. Склонившись над бумагой, он списывал страницу за страницей, а сам подумывал про себя, что, может быть, мисс Лено и в самом деле очень красивая женщина да к тому же фран-

суженка до мозга костей, но большого воображения при выборе тем она явно не проявляет.

За орфографическую ошибку или неправильно поставленный диакритический знак над буквой снималось полбалла, а за грамматическую ошибку — целый балл. Объем сочинения требовался не менее трех страниц.

Рудольфу ничего не стоило написать нужные три страницы. Он единственный во всем классе получал высокие оценки за французские сочинения и диктанты, а за последние три контрольные работы ему ставили только «отлично». Он так хорошо говорил по-французски, что мисс Лено стала подозревать, а не родной ли это язык для его родителей и не говорят ли они на нем дома.

— Жордаш,— мило произносила она на французский лад,— это ведь не американская фамилия.

Ее попытки «офранцузить» его не вызвали у него большого восторга. Да, он не хотел быть похожим на других людей, но только не в этом отношении, потому что он считал себя полноценным американцем. Поэтому он сказал мисс Лено, что хотя отец его — немец, дома он всегда слышит только английскую речь, за исключением разве что изредка вставляемых отцом двух-трех немецких словечек.

— Вы уверены, что отец ваш родом не из Эльзаса? — настаивала мисс Лено.

— Он из Кельна,— ответил ей Рудольф, правда, добавил при этом, что его дедушка из Эльзас-Лотарингии.

— Вот видите! — восторженно воскликнула мисс Лено.— Я так и думала.

Рудольфа обижало, что мисс Лено, воплощавшая для него идеал женской красоты и земного очарования, а потому являвшаяся предметом его пылкого обожания, могла хоть на минуту подумать, что он способен солгать ей или что-то скрыть от нее. Он мечтал о том времени, когда сможет наконец признаться ей в своих чувствах. Воображение рисовало ему, как спустя несколько лет он, уже студент университета, уверенный в себе молодой человек с безукоризненными манерами, придет в родной город и, явившись в свою старую школу, встретит ее после уроков, после чего на безукоризненном французском языке сознается ей, что в школьные годы он, застенчивый, робкий мальчик (в этом месте он с грустной иронией улыбнется), питал к ней безумную, безответную страсть. Кто знает, что она скажет ему в ответ и чем это может закончиться?! Истории известны массы примеров пылких романов между женщинами бальзаковского возраста и блестящими юношами, между учительницами и их не по годам развитыми учениками...

Недовольно хмурая брови — тема сочинения была уж слишком банальной,— он перечитал свое сочинение, ища в нем ошибки,

изменил два-три не понравившихся ему слова, переставил надстрочные знаки с одних букв на другие, затем взглянул на часы. Оставалось еще целых пятнадцать минут.

— Эй! — раздался справа от него страдальческий шепот.— Как пишется причастие прошедшего времени от *venir*?

Слегка повернув голову, Рудольф взглянул на своего соседа Сэмми Кесслера, учившегося в основном на «двойки» и «тройки». Тот с видом мученика сидел, сторбившись над полупустым листом бумаги, и умоляюще смотрел на Рудольфа. Рудольф перевел взгляд на учительницу. Мисс Лено была поглощена чтением и, видимо, ничего вокруг не замечала. Он не любил нарушать школьную дисциплину, но в то же время не хотел, чтобы соученики считали его трусом или, чего доброго, любимчиком мисс Лено.

— *Veni*, — прошептал он в ответ.

— С двумя *o*, что ли? — прошептал Кесслер.

— С *и*, балбес, с *и* — ответил Рудольф.

Сэмми Кесслер продолжал прилежно писать, высунув кончик языка и потея. Но выше «тройки» он все равно не получит.

Рудольф снова перевел взгляд на мисс Лено. «Сегодня она как никогда привлекательна», — подумал он. На ней было плотно облегающее коричневое платье из блестящей ткани, собранное складками вокруг бедер, в глубокий вырез щедро проглядывала закованная в корсет грудь, с ушей свисали длинные серьги. На губах рдела ярко-красная помада. Мисс Лено имела обыкновение подкрашивать губы перед каждым уроком. Ее родственники содержали небольшой французский ресторан в театральном районе Нью-Йорка, и в ее облике было гораздо больше от Бродвея, чем от ее родного Сент-Оноре, но Рудольф, к счастью для него, пребывал в полном неведении насчет таких тонкостей.

От нечего делать он принялся рисовать. Под его пером на листке бумаги постепенно выступало лицо мисс Лено. Сходство было несомненным: по локону на обоих висках, густые волнистые волосы, посредине пробор. Рудольф продолжал дальше. Возникли серьги, довольно толстая, гладкая шея. Тут рука его на мгновение замерла. Дальше начиналась опасная территория. Он снова взглянул на мисс Лено. Она продолжала читать. На уроках мисс Лено поддерживала строжайшую дисциплину. Она безжалостно наказывала за малейшее нарушение установленных ею правил. Спряжение во всех формах возвратного неправильного глагола *se taire*^{**}, повторенное десять раз, было самым легким из ее наказаний. Поэтому она могла спокойно сидеть и читать, лишь из-

* *Venir* (фр.) — приходить, приезжать.

** *Se taire* (фр.) — молчать, умолкать.

редка посматривая на класс, чтобы удостовериться, что ученики не шепчутся и не списывают друг у друга.

И тогда Рудольф увлеченно погрузился в сладостный мир эротического искусства. Продлив линию от шеи дальше вниз, он закруглил ее, очертив обнаженную правую грудь. Затем нарисовал левую грудь. Пропорции удовлетворили его. Он хотел изобразить мисс Лено у классной доски, повернутой на три четверти к зрителю, с мелом в вытянутой руке. Рудольф работал вдохновенно. Каждый новый «opus» в портретном рисунке доказывал его растущее мастерство. Бедра дались ему без труда. «Венерин холм» внизу живота он нарисовал таким, каким помнил по альбому с репродукциями и иллюстрированными книгам по искусству, которые видел в библиотеке, вследствие чего эта деталь получилась у него несколько неотчетливой. А вот ноги, на его взгляд, вышли неплохо. Он бы предпочел нарисовать мисс Лено босиком, но ступни у него никогда не получались, так что он изобразил ее в туфлях на высоких каблуках с ремешками над шиколотками — тех, в которых она обычно приходила в школу. Поскольку она у него была с мелом в руке, на доске нужно было что-нибудь написать. *Je suis folle d'amour*, — вывел он, копируя почерк мисс Лено. Затем он стал заштриховывать ей грудь, чтобы сделать ее выпуклой, как в жизни. Он решил, что портрет будет смотреться эффектнее, если положить тени так, будто свет падает с левой стороны. Далее он заштриховал ноги и бедра мисс Лено. Как бы ему хотелось, чтобы в школе нашелся хоть один человек, которому он мог бы показать рисунок и кто был бы способен оценить его. Что касается ребят из его спортивной команды, то хотя он и считал их друзьями, вряд ли они смогли бы воспринять портрет обнаженной женщины с эстетической точки зрения.

Он уже заканчивал заштриховывать ремешки туфель, как почувствовал, что рядом с его партой кто-то стоит. Он медленно поднял голову и увидел, что это мисс Лено. Она испепеляющим взглядом смотрела на его творение. Должно быть, она сумела совершенно неслышно, точно кошка, подобраться к его парте, и никакие туфли на высоком каблуках не помешали ей это сделать.

Рудольф так и застыл от ужаса. Он не знал, что в такой ситуации следует говорить или делать. Темные глаза мисс Лено с накрашенными ресницами горели яростью, она скусывала помаду с губ. Ни слова ни говоря она протянула руку. Рудольф так же молча отдал ей листок бумаги. Свернув его в трубочку, чтобы не было видно, что на нем, мисс Лено повернулась на каблуках и возвратилась к своему столу. За минуту до звонка она громко сказала:

* *Je suis folle d'amour* (фр.) — я схожу с ума от любви.

— Джордах!

— Да, мэ. — Он был горд, что голос его не дрогнул.

— После урока прошу вас подойти ко мне.

— Хорошо, мэ.

Прозвенел звонок. Поднялась обычная для перемен кутерьма. Ребята выскакивали из класса и бежали в другой класс на следующий урок. Рудольф неторопливо сложил в портфель книги, а когда никого в классе не осталось, подошел к столу мисс Лено.

Она сидела с грозным видом не знающего пощады судьи. Тон ее голоса был ледяным:

— *Monsieur l'artiste*, в вашем *chef d'oeuvre* отсутствует одна очень существенная деталь, — мисс Лено, открыв ящик стола, вынула листок бумаги с рисунком и разгладила его резким движением руки. — На нем нет подписи. В то же время, как всем отлично известно, произведения искусства ценятся неизмеримо больше, если они подписаны рукой художника. Поэтому было бы достойно всяческого сожаления, если бы у кого-нибудь могли возникнуть сомнения по поводу авторства этой несомненно впечатляющей вещи, — и она пододвинула рисунок к Рудольфу. — Я буду вам чрезвычайно признательна, мсье, если вы соизволите поставить здесь ваше имя. Только прошу вас, разборчиво.

Рудольф достал из портфеля ручку и в нижнем правом углу рисунка поставил свои имя и фамилию. Делал он это нарочито старательно и медленно, создавая у мисс Лено впечатление, будто он в то же время внимательно рассматривает рисунок. Он не может вести себя перед ней как перепуганный ребенок. У любви есть свои правила. Если он осмелился нарисовать ее обнаженной, у него должно хватить мужества достойно встретить ее гнев. Подпись он украсил затейливой виньеткой.

Мисс Лено стремительным движением руки выхватила рисунок из-под его пера. Грудь ее вздымалась от охватившего ее негодования.

— Мсье, — срываясь на визг, выкрикнула она, — сегодня сразу же после занятий вы пойдете за одной из ваших родительниц и немедленно приведете ее ко мне! — Когда мисс Лено выходила из себя, она начинала делать довольно причудливые ошибки в своем в общем-то правильном английском языке — например путать женский и мужской род. — Я открою им глаза на того молодого человека, которого они вырастили в своем доме. Я буду ждать их здесь, в этом классе. Если до четырех часов вы не явитесь здесь с одним из представителей вашей семьи, последствия будут самыми серьезными. Вы меня поняли?

— Да, мэ. До свидания, мисс Лено.

Что и говорить, для этого сдержанного ответа Рудольфу понадобилось все его мужество. Он вышел из класса неторопливой,

естественной походкой, как если бы ничего особенного не случилось. Этот момент запомнится ему на долгие годы. А мисс Лено сидела за своим столом, продолжая тяжело и неровно дышать, словно только что взбежала по лестнице на последний этаж.

Придя после занятий домой, Рудольф не стал заходить в булочную, где его мать в этот момент обслуживала покупателей, а сразу же поднялся наверх, надеясь найти там отца. Нельзя допустить, чтобы мать увидела этот рисунок. Отец может поколотить его, но это лучше, чем потом всю жизнь читать застывшее в глазах матери осуждение.

Отца дома не оказалось. Гретхен была на работе, а Том никогда не возвращался домой раньше чем за пять минут до ужина. Рудольф умылся и причесался — он хотел встретить свою участь, как подобает джентльмену. Потом спустился в булочную. Мать складывала в пакет булочки для какой-то старухи, от которой пахло, как от мокрой собаки. Он подождал, пока старуха уйдет, затем подошел к матери и поцеловал ее.

— Ну, как прошел сегодня день в школе? — спросила она, нежно коснувшись его волос.

— Как обычно, — ответил он. — А где папа?

— Наверное, на реке, — сказала она. — Зачем он тебе? — добавила она подозрительно: в их семье разыскивали отца только в случае крайней необходимости, что случалось очень нечасто.

— Я просто так спросил, — небрежным тоном ответил Рудольф.

— Разве у вас сегодня не было тренировки? — попыталась она подобраться к сыну с другой стороны.

— Нет, — коротко ответил он.

В этот момент над входной дверью звякнул маленький колокольчик, возвещая о приходе двух покупателей. Мать тут же занялась ими, а Рудольф, облегченно вздохнув — выкручиваться и лгать больше не было необходимости, — кивнул матери и вышел на улицу.

Отойдя от булочной настолько, чтобы его не было видно через витрину, он повернул в переулок и быстро зашагал вниз к реке. На берегу, у самой воды, стоял полуразвалившийся, заброшенный склад, где отец держал свою лодку. Два-три раза в неделю отец ходил туда после обеда и ремонтировал лодку. Рудольф молил Бога, чтобы и сегодняшний день оказался одним из таких дней.

Выйдя к реке, он увидел, что отец, засучив рукава, стоит на дворе перед складом и с большим усердием полирует шкуркой деревянный корпус своего одноместного каноэ, которое он взгромоздил вверх днищем на две пары козел. Твердые мышцы на его руках то вздувались, словно канаты, то разглаживались, следуя

ритму его движений. День был теплый, и, несмотря на веющий с реки ветерок, отец Рудольфа сильно вспотел.

— Привет, папа,— произнес Рудольф.

Отец поднял голову и, что-то буркнув в ответ, снова принялся за работу. Это каноэ он приобрел в почти безнадежном состоянии у закрывавшейся из-за финансовых трудностей мужской школы неподалеку от них, заплатив за него какие-то гроши. К покупке лодки его подтолкнули ностальгические воспоминания о юношеских годах на Рейне и об оздоровительных тренировках по гребле, которой он занимался тогда. Он полностью восстановил лодку, покрыл ее несколькими слоями лака, но постоянно что-то переделывал в ней, добиваясь совершенства, хотя она и так выглядела идеально, а механизм подвижного сиденья, выкрашенный масляной краской, просто сиял. Когда он после ранения в Германии вышел из госпиталя, нога у него была практически недееспособной, а все его большое тело — истощенным и слабым. И Джордах начал с упорством фанатика тренироваться, поставив перед собой цель восстановить былую силу. Работая матросом на озерных катерах, он стал могучим как богатырь, а позднее, переехав в Порт-Филип, изнурял себя многомильными походами на гребной лодке вниз и вверх по реке, чтобы поддержать свою атлетическую форму. Конечно, искалеченная нога не давала ему возможности быстро бегать, но уж если кто-нибудь попался бы ему в эти его волосатые ручищи, то от несчастного осталось бы мокрое место.

— Папа, понимаешь...— начал Рудольф, пытаясь пересилить свою нерешительность.

Отец ни разу в жизни и пальцем его не тронул, но он сам видел, как в прошлом году от так двинул Томаса, что тот упал без сознания.

— Ну, что там еще такое? — спросил Аксель, проверяя широкими, плоскими пальцами, достаточно ли гладко днище лодки. На пальцах с тыльной стороны торчали короткие, черные волосы.

— Дело касается школы,— проговорил Рудольф.

— Неужели у тебя неприятности? *У тебя?* — Джордах взглянул на сына с искренним удивлением.

— Ну, неприятности — это, наверно, слишком сильно сказано,— ответил Рудольф,— но возникли определенные осложнения.

— Какие еще осложнения?

— Понимаешь, эта француженка — ну, та учительница, что преподает нам французский... — все так же нерешительно продолжал Рудольф.— Словом, она хочет с тобой поговорить.

— Со мной?

— Вообще-то, она сказала — с кем-нибудь из родителей,— неохотно уточнил Рудольф.

— Ну, и почему ты решил, что пойду я, а не твоя мать? — спросил Джордах. — Ты матери говорил?

— Мне кажется, ей лучше об этом не знать, — сказал Рудольф.

Джордах снова поднял голову, оторвавшись от своего каноэ, и внимательно взглянул на сына.

— Я считал, — сказал он, — что у тебя с французским все в порядке.

— Так оно и есть, — подтвердил Рудольф. — Но дело не в французском... Сейчас об этом все равно нет смысла разговаривать. Ты должен пойти и поговорить с ней.

Джордах шелчком сбросил с поверхности дерева какую-то соринку, тыльной стороной ладони вытер со лба пот и принялся откатывать рукава рубахи. Затем, как заправский мастеровой, перекинул через плечо свою куртку, натянул на голову матерчатую кепку и направился в сторону школы. Рудольф пошел за ним, не осмеливаясь намекнуть, что, пожалуй, было бы лучше сначала зайти домой и переодеться, а потом уже идти на встречу с мисс Лено.

Когда Рудольф ввел отца в класс, мисс Лено сидела за столом и проверяла сочинения учеников. В здании школы уже никого не было, но снизу, со спортивной площадки, доносились крики ребят. За то время, пока Рудольф ходил за отцом, мисс Лено успела по меньшей мере три раза подкрасить губы. Пожалуй, впервые он заметил, что губы у нее тонкие и кажутся чувственными только благодаря губной помаде. Когда они вошли, она подняла голову и приняла строгий вид. Еще перед дверью школы Джордах надел свою куртку и снял кепку, но все равно выглядел как простой рабочий.

Мисс Лено поднялась им навстречу.

— Это мой отец, мисс Лено, — сказал Рудольф.

— Здравствуйте, сэр, — сухо произнесла мисс Лено.

Джордах ничего не сказал ей в ответ. Он молча стоял перед столом, пожевывая кончик уса, и у него был какой-то пролетарски приниженный и чуть ли не кроткий вид.

— Сообщи ли вам сын, зачем я попросила вас ко мне зайти, мистер Джордах?

— Нет, — ответил Джордах. — Что-то я не припомню такого. — Голос его тоже звучал как-то непривычно кротко, и это было столь на него не похоже, что у Рудольфа мелькнула мысль, а не боится ли он этой женщины.

— Мне стыдно даже об этом говорить, — голос мисс Лено снова звучал пронзительно. — За все годы моего учительства... Это настоящее безобразие!.. И кто бы мог подумать?! Он казался мне таким примерным и прилежным учеником!.. Значит, он не сказал вам, что натворил?

— Нет.

Джордах терпеливо ждал, как если бы был готов стоять перед ее столом весь день и всю ночь, пережевывая то, что от нее услышит.

— *Eh, bien*, — вздохнув, промолвила мисс Лено, — пусть эта тяжкая обязанность ляжет на мои плечи.

Она нагнулась, открыла ящик стола и вынула оттуда рисунок, но не стала смотреть на него, а держала его внизу и на расстоянии от себя.

— Так вот, на моем уроке, когда ваш сын должен был писать сочинение, знаете, чем он занимался?

— Нет, — все так же односложно ответил Джордах.

— Вот чем! — и она театральным жестом сунула ему под нос творение Рудольфа.

Джордах взял рисунок и повернул его к падавшему из окна свету, чтобы как следует разглядеть. Рудольф с тревогой всматривался в лицо отца, пытаясь угадать его реакцию. Он почти не сомневался, что тот здесь же, прямо в классе, развернется и даст ему хорошую затрешину, и думал только о том, чтобы у него хватило мужества вынести удар не дрогнув и не вскрикнув от боли. Однако по лицу Джордаха невозможно было ничего угадать. Казалось, он с интересом рассматривает рисунок, но в то же время у него был несколько озадаченный вид. Наконец он проговорил:

— Боюсь, я не силен во французском.

— При чем тут французский? — раздраженно произнесла мисс Лено.

— Но здесь что-то написано по-французски, — и Джордах ткнул своим толстым указательным пальцем в фразу «*Je suis folle d'amour*», написанную Рудольфом на доске, перед которой стояла нарисованная им обнаженная фигура.

— «Я схожу с ума от любви», ясно? «Я схожу с ума от любви», — раздраженно проговорила мисс Лено и, больше не в состоянии устоять на месте, стала ходить взад и вперед вдоль стола.

— В каком это смысле? — спросил Джордах, недоуменно наморщив лоб, словно никак не мог уразуметь, о чем, собственно, идет речь.

— В том смысле, что это *написано* здесь, — и мисс Лено яростно ткнула дрожащим пальцем в лист бумаги. — Слова на рисунке, написанные вашим гениальным сынком, в переводе означают: «Я схожу с ума от любви». Что же тут непонятного? — Она уже срывалась на визг.

— Теперь понимаю, — сказал Джордах, будто его только сейчас осенило. — А что, по-французски это звучит неприлично?

* *Eh, bien* (фр.) — ну, что ж.

Мисс Лено с большим усилием взяла себя в руки, хотя снова стала скусывать с губ помаду, затем более спокойно произнесла:

— Мистер Джордах, вы, надеюсь, учились в школе?

— Да, но в другой стране, — ответил Джордах.

— В какой бы стране вы ни учились, мистер Джордах, я думаю, в вашей школе вряд ли посчитали бы нормальным, если бы ученики стали рисовать своих учительниц обнаженными, да еще во время урока, не правда ли?

— Вот оно что! — Джордах сделал вид, что крайне удивлен. — Так, значит, это вы?

— Да, я, — отрезала мисс Лено, бросив на Рудольфа осуждающий взгляд.

Джордах стал приглядываться к рисунку еще более внимательно.

— А ведь и вправду похоже, — объявил он. — Неужто учительницы позируют на уроках голыми?

— Мистер Джордах, я не потерплю, чтобы надо мной насмехались, — с холодным достоинством проговорила мисс Лено. — Насколько я понимаю, дальше нам с вами не о чем разговаривать. Будьте любезны, возвратите мне рисунок... — она протянула за листом бумаги руку. — На этом мы с вами распрощаемся. Я же, со своей стороны, сообщу об этом деле кому следует — тому, кто сможет полностью оценить серьезность создавшегося положения. Естественно, я имею в виду директора школы. Я сначала не собиралась относить этот плод непристойной фантазии в кабинет директора и тем самым ставить вашего сына в неловкое и, я бы сказала, крайне неприятное положение, но теперь вижу, что другого выхода мне не остается. Что ж, не смею вас больше задерживать. Еще раз прошу возвратить мне рисунок...

Джордах не торопился отдавать рисунок, он отступил на шаг и спросил:

— Так, значит, говорите, это нарисовал мой сын?

— А кто же еще? — сказала мисс Лено. — Можете полюбоваться: внизу стоит его подпись.

— Вы правы, это подпись Руди, — снова поглядев на лист бумаги, согласился Аксель. — А значит, это *его* рисунок. И чтобы доказать это, даже юрист не нужен.

— Директор свяжется с вами, я думаю, в самое ближайшее время, — продолжала мисс Лено. — А теперь, пожалуйста, верните мне рисунок. Я очень занята и потеряла на эту омерзительную историю и так уже слишком много времени.

— Пожалуй, я оставлю его себе. Вы же сами сказали, что это рисунок Руди, — невозмутимо произнес Джордах. — Видно, у парня большой талант. Потрясающее сходство. — Он восхищенно покачал головой. — Никогда не думал, что у Руди такие спо-

собности. Мы вставим рисунок в рамку и повесим дома. В наши дни за такие вот хорошенькие картинки с голыми женщинами люди платят большие деньги.

Мисс Лено потеряла дар речи и только молча кусала губы, а Рудольф, совершенно ошеломленный поведением отца, смотрел на него во все глаза и не знал, что думать. Идя с ним в школу, он не имел ни малейшего представления, какова будет его реакция, но чтобы отец мог устроить настоящий спектакль, разыгрывая из себя этакое наивного и в то же время хитроватого деревенщину,— этого он никак не мог ожидать.

Наконец мисс Лено опомнилась, и к ней снова вернулся дар речи. Угрожающе перегнувшись через стол, она злобно прошипела:

— У ну-ка убирайтесь отсюда, вы, грязный, полуграмотный иностранец, и забирайте с собой вашего отвратительного сыночка!

— Я бы не советовал вам так выражаться, мисс,— проговорил Джордах, все еще оставаясь спокойным.— Эта школа содержится на деньги налогоплательщиков, а значит — и на мои, так что я не уйду отсюда, пока не посчитаю нужным. К тому же, если бы вы не вышагивали на своих каблуках по школе, виляя хвостом в этой вашей обтягивающей юбочке и не выставляли бы свои сиськи наружу, как двухдолларовая шлюха на углу улицы, может, ребята и не соблазнились бы рисовать вас с голой задницей.

Лицо мисс Лено налилось кровью, а рот перекосялся от ненависти.

— Я знаю таких, как вы. *Sale Boche!** — выпалила она.

Джордах размахнулся и вlepил ей звонкую пощечину. Звук был такой, как будто хлопнула маленькая шутиха во время фейерверка. Голоса на игровой площадке внизу давно затихли, и наступившая в комнате тишина казалась нестерпимо гнетущей. Мисс Лено так и осталась стоять, склонившись над столом и опираясь на руки. Затем рухнула на стул и, закрыв лицо руками, разразилась потоком слез.

— Я не привык, чтобы так со мной разговаривали,— поняла, ты, сучка французская?! Я не для того ехал сюда весь этот долгий путь из Европы, чтобы выслушивать таких, как ты. Будь я французом вроде тех, кто как трусливые кролики задали стрелача после первых же выстрелов грязных бошей, я бы дважды подумал, прежде чем кого-нибудь оскорблять. К твоему сведению — может, тебе от этого полегчает,— в шестнадцатом году я собственными руками всадил штык в спину одному французцу, когда тот пытался удрать домой к своей мамочке.

* *Sale Boche* (фр.) — грязный бош (*бош* — бранное прозвище немцев во Франции).

Джордах говорил ровным, спокойным голосом, точно обсуждал погоду или делал заказ на муку, и Рудольфа невольно начала бить дрожь. Слова отца были исполнены такой злобной ненависти, что от непринужденного, чуть ли не дружеского тона, которым они произносились, леденела кровь в жилах.

А Джордах между тем неумолимо продолжал:

— И если не дай Бог ты решишь после этого отыграться на моем сыне, опять же советую сначала хорошенько подумать. Я живу неподалеку отсюда и в случае чего могу лишний раз прогуляться в школу. Все эти два года мой сын был отличником по французскому языку, и если в конце четверти отметка у него окажется ниже отличной, я не поленюсь заглянуть сюда, чтобы задать тебе несколько интересных вопросов. Пойдем, Руди.

Они вышли из класса, оставив мисс Лено рыдающей за столом.

Некоторое время они шагали молча, а когда дошли до угла улицы, где стояла мусорная урна, Джордах остановился, с рассеянным видом порвал рисунок на мелкие кусочки и выбросил в урну. Потом взглянул на Рудольфа:

— Молокосос ты еще — вот кто ты такой, понял?

Рудольф молча кивнул. И они пошли дальше по направлению к дому.

— У тебя были женщины? — спросил Джордах.

— Нет еще.

— Не врешь?

— Я бы сам тебе об этом сказал.

— Уж пора бы, — проронил Джордах. Некоторое время он шел молча, припадая на одну ногу, потом добавил: — А чего ты, собственно, ждешь?

— Мне торопиться некуда, — с некоторым вызовом ответил Рудольф. Никогда ранее ни отец, ни мать не говорили с ним о сексе, а сейчас для этого был слишком уж неподходящий момент. Перед глазами у него стояло распухшее, безобразное лицо мисс Лено, рыдающей за учительским столом, и ему было стыдно, что эта визгливая дура казалась ему достойной быть предметом его страсти.

— Когда начнешь с этим делом, — продолжал Джордах, — не прикипай ни к одной из них. Меняй их почаще. Если ты вошьешь себе в голову, что для тебя существует только одна-единственная женщина на свете и ты должен во что бы то ни стало ее добиться, считай, что твоя жизнь пропала.

— Понятно, — отозвался Рудольф, хотя знал, что отец не прав. В корне не прав.

После этого они снова шли молча. Когда они повернули за угол, Джордах спросил:

— Ты считаешь, что я не должен был бить ее?

— Да.

— Ты всю свою жизнь прожил в этой стране,— сказал Джордах,— и тебе не понять, что такое настоящая ненависть.

— Ты действительно заколол француза? — Рудольф должен был знать правду.

— Да,— ответил Джордах.— Одного из десяти миллионов. Французом больше, французом меньше — какая разница?

Они были почти у самого дома. Рудольф чувствовал себя подавленным и несчастным. Ему следовало бы поблагодарить отца за то, что тот вступился за него таким решительным образом — мало кто из родителей был бы способен на это,— он все это понимал, но не мог выдать из себя ни слова.

— Он был не единственный, кого я убил,— снова заговорил Джордах, когда они остановились возле булочной.— Я убил еще одного человека, когда война уже закончилась. В Гамбурге, в двадцать первом году. Ножом. Думаю, тебе пора знать побольше о своем отце. Ладно, увидимся за ужином. Мне надо спрятать лодку в сарай.

И, сдвинув кепку на затылок, он заковылял вниз по убогой улице к реке.

Когда в конце четверти были выставлены итоговые оценки, у Рудольфа в графе «французский язык» значилось «отлично».

Глава 4

I

Спортивный зал начальной школы, находившейся неподалеку от дома Джордахов, был открыт до десяти часов вечера ежедневно, кроме субботы и воскресенья. Том Джордах приходил туда два-три раза в неделю — поиграть в баскетбол или просто потренироваться с любившими там собираться сверстниками и ребятами постарше или же сыграть на деньги в кости в мужском туалете, подальше от глаз тренера, который постоянно торчал на баскетбольной площадке и вечно судил никогда не прекращающиеся матчи.

Том был единственным среди ребят его возраста, за кем признавалось право играть в кости. Это право он завоевал кулаками. Однажды, войдя в туалет, когда там полным ходом шла игра в кости, он протиснулся в кольцо ребят между двумя игроками, опустился на колени, швырнул доллар в общую кучу денег и, повернувшись к главарю всей этой компании Санни Джексону, девятнадцатилетнему парню, догуливавшему последние дни перед

призывом в армию, сказал: «Давай сыграем на все». Санни, дюжий, коренастый парень, был воинствен и вспыльчив, почему Том и выбрал его для своего дебюта. С раздражением взглянув на Тома, Санни бросил ему назад долларовую бумажку и презрительно бросил: «Вали отсюда, шпана. Эта игра не для малолетних».

Ни секунды не раздумывая и даже не встав с колен, Том нагнулся вперед и наотмашь ударил его. В последовавшей затем драке Том, собственно, и завоевал репутацию парня, с которым лучше не связываться. Он подбил Санни глаз, разбил в кровь рот, а в завершение отволол в душ, открыл кран и целых пять минут держал под холодной водой. С тех пор, когда бы он ни появлялся в спортивном зале, перед ним всегда почтительно расступались.

Сегодня в кости не играли. Долговязый двадцатилетний парень по фамилии Пайл, ушедший в армию еще в начале войны, демонстрировал самурайский меч, который, по его словам, он собственноручно добыл во время боя на острове Гуадалканале. Пайла демобилизовали после того, как он трижды перенес малярию и чуть не умер. До сих пор еще кожа у него была неестественно желтого цвета.

Том слушал рассказ Пайла о том, как был добыт этот меч, не очень-то веря ему. Шел бой, и Пайл бросил в пещеру гранату — просто так, наудачу, — и оттуда вдруг послышался крик. Со своим лейтенантским пистолетом в руке Пайл подполз к пещере и увидел там убитого японского капитана. Рядом с ним лежал меч. Том в роли такого доблестного героя видел скорее Эррола Флинна на голливудской съемочной площадке, чем художничего порт-филиппского паренюка на тихоокеанском острове. Но он ничего не сказал, потому что был в миролюбивом расположении духа. Да и на такого доходягу, как Пайл, даже рука не поднимется.

— А через две недели я этим мечом отрубил одному япошке голову, — продолжал свой рассказ Пайл.

В этот момент кто-то дернул Тома за рукав. Это был Клод в своем неизменном темном костюме и галстуке.

— Эй, Том, — прошептал Клод; при этом у него в уголках рта пузырьками собралась слюна. — У меня есть для тебя интересная новость. Давай-ка выйдем отсюда.

— Подожди, — отмахнулся Том, — дай дослушать.

— Хотя остров мы взяли, — рассказывал Пайл, — там еще пряталось довольно много япошек. По ночам они выползали, простреливали всю местность и частенько укладывали наших ребят. Командиру это порядком надоело, и он усилил патрулирование острова, посылая по три дозора на день. Он приказал нам полностью очистить местность от этих гадов. Один раз, когда я был в дозоре, мы увидели, как один из япошек пытается перейти вброд

через небольшую речушку. Ну, мы дали ему выйти на другой берег, а потом стали наблюдать, что он будет делать дальше. Он был ранен, но не сильно, и когда вышел из воды, сел на землю, схватился руками за голову и стал что-то лопотать по-своему. В патруле у нас офицеров не было, только капрал да еще шесть других ребят, ну я и говорю им: «Послушайте, парни, не упускайте его, а я сбегаю за своим самурайским мечом, и мы устроим ему казнь по всем правилам». Капрал, понятно, малость струсил — приказ был не убивать их, а брать в плен, — но я же вам говорю, офицеров промеж нас не было, да и потом эти гады, когда захватывали наших парней, всегда отрубали им голову. В общем, мы проголосовали за это дело, ребята связали эту гниду, а я пошел за мечом. Как полагается в этих случаях, мы заставили япошку встать на колени и опустить голову, и он все это сделал так, как будто ему не впервой. Меч был мой, поэтому я и должен был сделать эту работенку. Я хорошенько замахнулся и... бац! Его башка так и покатила по земле — прямо как кокосовый орех, но только с выпученными глазами. Кровища брызнула, наверное, футов на десять. Да-а, — протянул Пайл и любовно положил руку на свой трофей, — меч, скажу я вам, — это штука серьезная.

— Чушь собачья, — громко произнес Клод.

— Что, что? — заморгал глазами Пайл. — Что ты сказал?

— Я сказал, чушь собачья, — повторил Клод. — Никакому япошке ты не рубил голову. Могу поспорить, что ты купил этот меч в какой-нибудь сувенирной лавке в Гонолулу. Мой брат Эл знает тебя, так он говорит, у тебя кишка тонка даже кролика убить.

— Послушай, шкет, — рассердился Пайл, — хоть я и болен, но если ты не заткнешься и не слиняешь отсюда, я тебя так отделаю, что своих не узнаешь.

— Валяй, я жду, — ответил Клод, снял очки и положил их в нагрудный карман пиджака. Без очков он выглядел трогательно беззащитным.

Вздыхнув, Том поднялся и загородил Клода спиной.

— Кто тронет моего друга, — произнес он с угрозой в голосе, — тот будет иметь дело со мной.

— Ладно, согласен, — ответил Пайл, передавая меч кому-то из ребят. — Зеленый ты, парень, зато наглости у тебя хоть отбавляй. Ну так я и отбавлю.

— Брось, Пайл, он убьет тебя, — заметил тот, кому он дал поддержать меч.

Пайл неуверенным взглядом обвел лица стоящих вокруг него ребят. В их глазах он прочел явное предостережение.

— Хотя, конечно, я не для того вернулся домой с войны на Тихом океане, — громко заявил он, — чтобы связываться с разной мелюзгой. Давай-ка сюда меч, мне пора уходить.

И он бежал с поля боя. За ним молча разошлись и другие, предоставив мужской туалет в полное распоряжение Тома и Клода.

— Чего ты хотел этим добиться? — раздраженно спросил Том. — Он совершенно безобидный парень. К тому же ты сам знаешь, что ребята не дали бы мне его избить.

— Мне просто хотелось посмотреть на выражение их лиц, только и всего, — ответил, широко улыбаясь, вспотевший от возбуждения Клод. — Да, что значит сила! Грубая сила!

— С этой твоей грубой силой ты доиграешься, что меня рано или поздно прикончат, — проворчал Том. — Ну ладно, выкладывай, что ты там хотел мне сказать?

— Я видел твою сестру, — сообщил Клод.

— Вот так новость! Он видел мою сестру! Да я ее вижу каждый день, иногда по два раза на день.

— Да, но я видел ее перед универмагом Бернштейна. Я ехал мимо на мотоцикле, и когда увидел ее, специально проехал назад, чтобы убедиться, что это действительно она. А она как раз садилась в большой «бьюик» с откидным верхом, и тот тип, что был за рулем, держал для нее дверцу открытой. Видать, она специально ждала его перед универмагом.

— Большие дела! — сказал Том. — Ну, прокатилась на «бьюике», что тут особенного?

— А ты знаешь, кто сидел за рулем? — Глаза Клода за стеклами очков так и сияли от возбуждения. — Узнаешь — умрешь!

— Не умру. Кто?

— Мистер Теодор Бойлан, собственной персоной, — ответил Клод. — Как это тебе нравится в смысле ее стремительного подъема по общественной лестнице?

— Когда ты их видел?

— Около часа назад. А потом поехал искать тебя.

— Должно быть, он подбросил ее до госпиталя. Она по вечерам там дежурит.

— Сегодня ни в каком госпитале она не дежурит, это уж точно, приятель, — все так же возбужденно произнес Клод, — Я специально поехал за ними на мотоцикле и отстал от них только когда они свернули на ту дорогу, что идет вверх, к его владениям. Так что если ты хочешь ее сегодня увидеть, советую наведаться на усадьбу к Бойлану.

Том не знал, как ему быть. Если бы речь шла о каком-нибудь ровеснике Гретхен, с которым она проехала до реки и там слегка с ним потискалась, это одно дело. Он мог бы тогда даже подразнить сестрицу: *С каким страшилой я тебя видел!* Хотя бы немного отквитался за ее к нему отношение. Но если это старикан вроде Бойлана, да еще такая большая шишка в городе, тогда дело совсем другое. В этом случае он предпочел бы не вмешиваться. Никогда не знаешь, чем все это может закончиться.

— Знаешь, что я тебе скажу, — произнес Клод. — Будь она *моей* сестрой, я бы выяснил, что к чему. У Бойлана еще *та* репутация в городе. Ты бы слышал, что о нем говорят между собой мой отец и дядюшка, когда не знают, что я подслушиваю. У твоей сестренки могут быть очень крупные неприятности...

— У тебя мотоцикл здесь? — прервал его Том.

— Здесь. Но нужно подзаправиться бензином.

Мотоцикл принадлежал Элу, старшему брату Клода, две недели назад призванному в армию. Уезжая, он обещал переломать Клоду кости, если, возвратившись, узнает, что тот в его отсутствие пользовался мотоциклом. Но каждый раз, когда родители куда-нибудь уходили на вечер, Клод выкатывал мотоцикл из гаража, перекачивал в него немного бензина из их второй машины и гонял по городу с час или два, всячески стараясь не попадаться на глаза полицейским — он был слишком молод, чтобы иметь водительские права.

— Ладно, — решился Том. — И в самом деле не помешает взглянуть, чем они там занимаются у Бойлана на холме.

Клод захватил с собой кусок резинового шланга, который висел перекинутый через багажник мотоцикла, и они, зайдя во двор школы — к этому времени уже стемнело, — открыли бензобак какого-то «шевроле», который был там припаркован. Клод вставил в бак шланг и, взяв другой конец в губы, стал сильно всасывать воздух, пока не почувствовал вкус бензина, а затем, быстро вынув шланг изо рта и сплюнув, наполнил бак мотоцикла.

Том сел сзади, и Клод помчался по глухим закоулкам к окраине, а выехав за город, стал взбираться по петливой дороге, идущей на вершину холма, где располагалась усадьба Бойлана.

Подъехав к широко распахнутым главным воротам, обе половинки которых, сделанные из кованого железа, были прикреплены к каменной стене, простиравшейся с каждой стороны, казалось, на целые мили, друзья спешили и спрятали мотоцикл в кустах. Дальше им придется идти пешком, чтобы не быть услышанными. У ворот стоял домик привратника, но со времени начала войны никто в нем не жил. Места эти им были хорошо знакомы: в течение многих лет они, взяв с собой духовые ружья, приходили сюда, перелезали через стену и охотились на птиц и кроликов. Поместье было заброшено и сейчас больше напоминало джунгли, чем ухоженный луговой парк, которым некогда было.

Пройдя через рожицу, они вышли к главному зданию поместья, а когда подошли ближе, увидели стоящий перед особняком «бьюик». Снаружи дом не был освещен, но из-за портьер большого двустворчатого окна на первом этаже пробивался свет.

Осторожно ступая, они подошли к цветочной клумбе перед освещенным окном. Окно доходило почти до самой земли. Одна

из створок была слегка приоткрыта. Портьеры были задернуты довольно небрежно, и когда Клод опустился перед окном на колени и слегка пригнулся, а Том, широко расставив ноги, стал над ним, оба могли заглядывать внутрь одновременно.

Насколько они могли судить, в комнате никого не было. Это была большая, квадратная гостиная, в которой стояли рояль, длинный диван, большие мягкие кресла и несколько низких столиков с лежащими на них журналами. В камине горел огонь. На книжных полках вдоль стен выстроилось множество книг. Комнату освещало несколько ламп. Двустворчатая дверь напротив окна была раскрыта, и через нее они видели коридор и нижние ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж.

— Вот это житуха,— прошептал Клод.— Если бы у меня была такая хибара, я бы поимел здесь всех баб в городе.

— Заткнись,— сказал Том.— Я вижу, нам делать здесь нечего. Уходим.

— Подожди,— запротестовал Клод.— Куда ты торопишься? Мы же только приехали.

— Я не собираюсь торчать здесь всю ночь,— ответил Том.— Стоять, как дурак, на холоде и тарашиться на комнату, в которой никого нет,— меня это не очень прельщает.

— Говорю тебе, имей хоть немного терпения,— продолжал настаивать на своем Клод.— Они, наверное, наверху. Не будут же они там оставаться всю ночь.

Том прекрасно сознавал, что ему не очень хотелось бы увидеть кого-нибудь в этой комнате. Он предпочел бы поскорее убраться отсюда и никогда больше не приближаться к этому дому, но он не мог допустить, чтобы Клод подумал, что он сдрейфил.

— Ну, хорошо, пару минут я могу подождать,— неохотно согласился он и отошел от окна, предоставив Клоду оставаться на коленях и продолжать наблюдение.— Скажешь, если увидишь что-нибудь интересное.

Ночь была прохладная и очень тихая. Туман, поднимавшийся с влажной земли, становился все гуще, и сквозь него не проглядывало ни единой звезды. Где-то далеко внизу слабо мерцали огни Порт-Филипа. Владения Бойлана простирались во всех направлениях от дома, повсюду вокруг них было бесчисленное множество могучих старых деревьев, неподалеку виднелись смутные очертания ограды теннисного корта, а в ярдах пятидесяти от дома — низкие строения бывших конюшен. И всем этим пользуется один человек. Том подумал о тесной кровати, в которой ему придется спать вместе с братом. Хотя, конечно, сегодня Бойлан тоже спит не один в кровати. И Том плюнул с досады.

— Эй,— возбужденно позвал его Клод.— Иди сюда. Скорее. Том не спеша подошел к окну.

— Он только что спустился вниз и вошел в комнату,— прошептал Клод.— Глянь на него. Нет, ты только глянь на него!

Заглянув внутрь, Том увидел Бойлана, стоявшего спиной к окну в дальней части комнаты. Склонившись над столиком, на котором были выставлены бутылки, стаканы и серебряное ведерко со льдом, он наливал в два стакана виски. Бойлан был совершенно голый.

— Разве нормальные люди ходят в таком виде по дому? — прошептал Клод.

— Да заткнись ты! — цыкнул на него Том.

Бойлан небрежно добавил в виски по кубику льда из ведерка и плеснул в каждый стакан содовой из сифона, но не стал забирать их с собой, а сначала подошел к камину, подбросил в огонь полено, затем шагнул к столику возле окна, открыл лакированный ящичек, достал из него сигарету и прикурил от серебряной зажигалки длиной не менее фута. На его губах играла легкая улыбка.

Бойлан стоял от окна так близко, что в свете ламп ребятам хорошо были видны его взъерошенные светлые волосы, тощая шея, выпуклая куриная грудь, дряблые руки, мосластые, узловатые колени и кривоватые ноги. Из растительности между ног свисал член, длинный, распухший, покрасневший. Томом овладела глухая, дикая ярость, точно его подвергли гнусному надругательству, против воли заставив быть свидетелем крайне непристойного зрелища. Будь у него в руках ружье, он не задумываясь застрелил бы подонка. Это тщедушное ничтожество, самодовольно вышагивающее по комнате с гнусной улыбочкой, этот хиляк, похожий на белесого, волосатого слизняка, самоуверенно выставящего на всеобщее обозрение свое худосочное тело, этот его длинный, толстый, розовый орган — что может быть отвратительнее?! Это было даже хуже, во много раз хуже, чем если бы он увидел, как в комнату входит его обнаженная сестра.

Ступая по толстому ковру босыми ногами и оставляя за собой сигаретный дым, Бойлан вышел в прихожую и громко спросил, подняв голову в сторону лестницы:

— Гретхен, принести тебе виски наверх или ты спустишься вниз?

Получив от Гретхен ответ (снаружи его не было слышно), Бойлан кивнул, возвратился в комнату, взял в руки оба стакана, затем снова вышел из комнаты и поднялся по лестнице.

— Бог ты мой, ну и красавчик! — произнес Клод.— Фигура точь-в-точь как у ошипанного цыпленка. Наверное, когда ты богат, можешь быть хоть горбатым уродцем вроде Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери», а девки все равно будут на тебя вешаться.

— Идем отсюда,— глухо сказал Том.

— Ради какого черта? — с удивлением взглянул на него Клод; падающий в промежуток между портьерами свет влажно отражался от стекол его очков.— Представление только начинается.

Том протянул руку и, схватив Клода за волосы, яростным рывком поднял его на ноги.

— Эй, черт поberi, ты что делаешь?! — взвизгнул Клод.— Совсем с ума спятил?

— Раз я сказал — идем отсюда, значит надо идти,— прохрипел Том и сильно дернул Клода за галстук.— И помалкивай о том, что видел, понял?

— А что я такое видел? — заныл Клод.— Ничего особенного я не видел. Тощий старый доходяга с членом, похожим на старый резиновый шланг,— вот и все, что я видел. Так о чем я должен помалкивать?

— Просто помалкивай, вот и все,— Том вплотную придвинулся к Клоду и, глядя ему в глаза, яростно добавил: — Если я от кого-нибудь услышу хоть слово о том, что здесь происходило, я тебя так вздую, что всю жизнь потом не оклемаешься. Ты меня понял?

— Черт возьми, Том,— укоризненно произнес Клод, потирая пострадавшую кожу на голове.— Мы же с тобой друзья.

— Я спрашиваю: ты меня понял? — свирепо повторил Том.

— Ясное дело, понял. Можешь не беспокоиться. Я только не понимаю, чего ты так бесишься.

Том отпустил галстук Клода, круто повернулся и зашагал по газону в сторону ворот. Клод поспешил за ним, бурча себе что-то под нос.

— Мне все постоянно твердят, что ты чокнутый,— сказал он, догнав Тома,— а я всегда тебя защищаю и говорю им, что это они чокнутые, а не ты. Но вот теперь я вижу, почему они так говорят. Ну и бешеный же ты, скажу я тебе!

Том ничего ему не ответил. Он шел очень быстро, почти бегом, так что Клод с трудом поспевал за ним. Когда они дошли до ворот, Клод выкатил из кустов мотоцикл, Том вскочил на заднее сиденье, и они поехали в город, не произнеся за всю дорогу ни единого слова.

II

Чувствуя себя пресыщенной и сонной, Гретхен лежала в широкой мягкой постели, закинув руки за голову и уставившись в зеркальный потолок. В потолке отражался огонь в камине, разожженный Бойланом еще до того, как он стал раздевать ее. Процедура обольщения была продумана хозяином дома на холме

до мельчайших подробностей и проходила в высшей степени плавно и гладко. В доме царили роскошь и уютная тишина, присутствия слуг не ощущалось, телефон никогда не звонил, не было никакой суеты и спешки. Никаким неприятностям из внешнего мира, никаким непредвиденным обстоятельствам — ничему этому не позволено было нарушать священный вечерний ритуал.

Часы внизу мягко пробили десять. Это был тот час, когда обшая комната в госпитале пустеет и раненые солдаты — кто на костылях, кто в инвалидных креслах на колесах — разбредаются по палатам. Последнее время Гретхен ездила в госпиталь не чаще двух-трех раз в неделю. Ее жизнь была теперь сконцентрирована на постели, в которой она сейчас лежала; все остальное потеряло значение по сравнению с этой ненасытной потребностью. Дни проходили в предвкушении этого, а ночи, проведенные не у Бойлана, — в воспоминаниях об этом. Она обязательно загладит свою вину перед ранеными, но как-нибудь попозже, в другое время.

Даже в тот момент, когда она, распечатав конверт, обнаружила в нем восемь стодолларовых банкнот, она все равно знала, что снова окажется в постели Бойлана. Если ему так уж было необходимо унизить ее — что ж, она не возражает. Когда-нибудь она оплатит ему за это.

Ни Бойлан, ни тем более Гретхен никогда не упоминали о том конверте. Во вторник, когда после работы она вышла с проходной завода, Бойлан уже ждал ее за рулем «бьюика». Ни слова не говоря, он открыл для нее дверцу, она села в машину, и он отвез ее к себе домой. Там они сразу же занялись любовью, после чего поехали обедать в «Приют фермера». Оттуда они возвратились к нему домой и снова занялись любовью. Около полуночи он отвез ее обратно в город, высадив за два квартала от дома, и остаток пути она прошла пешком.

Тедди устраивал все наилучшим образом. Прежде всего, он был крайне осторожен — но если ему просто нравилось играть в конспирацию, то для Гретхен это было необходимостью. Им удалось встречаться так, что о них никто ничего не знал. Будучи человеком опытным, он свозил ее в Нью-Йорк к врачу, чтобы тот поставил ей противозачаточный резиновый колпачок — так что уж об *этом* ей беспокоиться не приходилось. В тот же день, в Нью-Йорке, он купил ей обещанное красное платье. Теперь оно висело у него в гардеробе и ждало того времени, когда она сможет его носить.

Да, у Тедди все, за что бы он ни брался, получалось просто безупречно, но Гретхен не испытывала к нему никакой привязанности и уж, конечно, не любила его. Тело у него было хилое и некрасивое — только в своих элегантных костюмах он выгля-

дел в какой-то мере привлекательным. Это был человек ничем не окрыленный, циничный и во всем себе потакающий; признанный неудачник, не имеющий друзей и сосланный могущественной семьей в ветшающий викторианский замок, в котором большинство комнат было постоянно закрыто. Опустошенный человек в полупустом доме. Нетрудно было понять, почему та красивая женщина, чья фотография до сих пор стояла на рояле внизу в гостиной, развелась с ним и ушла к другому.

Тедди не был привлекательным или достойным восхищения человеком, но он обладал другими достоинствами. Отказавшись от традиционных для представителей своего класса занятий — работы, войн, игр, дружбы, — он посвятил себя лишь одному: всю свою изобретательность и накопленную энергию он вкладывал в искусство физической любви. Он ничего от Гретхен не требовал; она должна была лишь присутствовать, быть материалом для его изощренного мастерства. Ему было вполне достаточно упиваться тем, как превосходно он это делает. Все битвы, которые он проигрывал на других фронтах, все свои неудачи он возмещал в тот момент, когда смотрел в лицо женщины, что лежала в его постели. Фанфарами, возвещающими его победы, были исторгаемые им из нее крики удовольствия. Что касается Гретхен, ее мало интересовали его триумфы и поражения в этой области. Она пассивно лежала под ним, даже не обнимая это тщедушное тело и ничего ему не отдавая, а лишь принимая. Он был для нее никто, существо без имени, общее мужское начало, машина любви, абстрактный, существующий сам по себе фаллос, по которому она томилась, сама того не сознавая, всю свою жизнь. Он был рабом ее наслаждений, открывающим для нее врата во дворец чудес.

Она даже не была ему благодарна.

Его восемьсот долларов она вложила в свой любимый томик Шекспира между вторым и третьим актом комедии «Как вам это понравится».

Где-то снова пробили часы, и снизу донесся его голос:

— Гретхен, принести тебе виски наверх или ты спустишься вниз?

— Лучше неси сюда, — крикнула она ему в ответ.

Голос у нее был ниже, чем прежде, с легкой, завлекающей хрипотцой. Она сама замечала, что в нем появились какие-то новые, более разнообразные оттенки, и если бы слух ее матери, притупленный вечными невзгодами и заботами, мог различать такого рода тонкости, она бы по одной уже фразе поняла, что дочь ее беззаботно плывет по волнам того опасного моря, в котором сама она захлебнулась и утонула.

В комнату вошел Бойлан с двумя стаканами виски; его нагота освещалась мерцающим пламенем в камине. Гретхен приподня-

лась на подушках и взяла из его руки стакан, а он присел на край кровати и стряхнул пепел от сигареты в пепельницу на столике у кровати. Они сделали по небольшому глотку. У нее появлялось настоящее пристрастие к шотландскому виски. Он наклонился и поцеловал ее в левую грудь.

— Хочу узнать вкус твоей груди, когда на ней виски,— сказал он.

И он поцеловал вторую грудь. Она сделала второй глоток из стакана.

— Ты сейчас не со мной,— вздохнул он.— Ты не принадлежишь мне. Мне кажется, что ты моя лишь в те моменты, когда я внутри тебя и ты кончаешь вместе со мной. Все остальное время — даже тогда, когда ты лежишь обнаженная в моих объятиях,— тебя нет рядом со мной. Скажи, ты хоть немного принадлежишь мне?

— Нет,— сказала она.

— Бог ты мой! — воскликнул он.— И ей всего-то девятнадцать лет! Кем же ты станешь, когда тебе будет тридцать?

Она улыбнулась. К тому времени она о нем совершенно забыла. Скорее всего, даже раньше. Намного раньше.

— О чем ты думала, пока я ходил за виски? — спросил он.

— О блуде,— ответила она.

— Неужели обязательно произносить такие слова?

Как ни странно, но сам он избегал употреблять откровенные и тем более непристойные выражения и слова. Возможно, в нем до сих пор еще сидел детский страх перед строгой няней, которая, стоило ему произнести плохое слово, тотчас намыливала ему губы хозяйственным мылом.

— Я никогда не говорила подобных слов до встречи с тобой,— и она отхлебнула изрядную порцию виски.

— Но я-то их никогда не произношу,— возразил Бойлан.

— Просто ты ханжа,— сказала она.— А я если уж что-то и делаю, то, по крайней мере, называю это своим именем.

— Не так уж ты много и делаешь,— произнес он, чувствуя себя уязвленным.

— Я всего лишь бедная, неопытная, провинциальная девчонка,— сказала Гретхен.— И если бы мне в тот день не попался на дороге обаятельный мужчина в «бьюике», не напоил бы меня до беспамятства и, воспользовавшись этим, не овладел бы мною,— как знать, возможно, я так и умерла бы увядшей и высохшей старой девой.

— Как бы не так! — ядовито сказал он.— Не останови я тебя, так ты бы со всех ног побежала к тем двум черномазым.

Она двусмысленно улыбнулась:

— Теперь мы этого уже никогда не узнаем.

Бойлан задумчиво посмотрел на нее и произнес:

— Тебе действительно не помешало бы кое-чему научиться.— Он погасил окурок о дно пепельницы с таким видом, словно только что принял какое-то важное решение.— Извини,— сказал он, вставая.— Мне нужно позвонить.

И он направился к лестнице, на сей раз накинув на себя халат.

Гретхен сидела в постели, опершись на подушки, и медленно допивала свое виски. Она отплатила ему. За тот момент сегодня вечером, когда так лихорадочно отдалась ему. И так будет каждый раз.

Вскоре он вернулся.

— Одевайся,— коротко велел он.

Гретхен удивилась. Обычно они оставались в спальне до полуночи. Но ничего не сказала. Встала с кровати и оделась.

— Мы куда-нибудь идем? — спросила она.— Как я должна выглядеть?

— Как считаешь нужным,— ответил он.

В костюме он снова приобрел вид respectable человека, с которым считаются все. Она чувствовала себя рядом с ним в своем скромном платье какой-то маленькой и незначительной. Если бы не боязнь вопросов матери, она давно бы уже достала свои заветные восемьсот долларов, лежащие между вторым и третьим актами «Как вам это понравится», и купила бы себе что-нибудь попримечнее.

Они прошли через затаившийся дом, сели в машину и поехали. Гретхен больше не задавала вопросов. Они проехали через весь Порт-Филип и помчались на юг. Оба молчали. Она не станет его расспрашивать, куда и зачем они едут — нет, она не доставит ему такого удовольствия. Ведь она давно уже вела счет очкам, которые они выигрывали друг у друга.

Ехали они долго, до самого Нью-Йорка. Теперь, даже если они сразу повернут назад, ей не добраться домой раньше рассвета. С матерью уже, наверно, началась истерика. Но Гретхен не стала протестовать. Она не хотела показывать Бойлану, что ее беспокоят подобные пустяки.

Они остановились перед темным четырехэтажным домом, по обе стороны которого тянулись вдоль улицы точно такие же здания. Гретхен была до этого в Нью-Йорке не более трех-четырёх раз, причем два последних раза — за те три недели, что встречалась с Бойланом, поэтому не имела ни малейшего представления, в каком районе города они оказались. Он вышел из машины и, зайдя с ее стороны, как всегда, открыл для нее дверцу. Они спустились по трем ступенькам в маленький цементированный дворик вдоль дома, огражденный железным забором, и Тедди позвонил в дверь. Ждать пришлось долго. У Гретхен было такое

ощущение, что кто-то изнутри их внимательно рассматривает. Потом дверь открылась. На пороге стояла крупная женщина в белом вечернем платье с высоко взбитыми крашеными рыжими волосами.

— Добрый вечер, дорогой,— приветствовала она Бойлана хриловатым голосом и закрыла за ними дверь.

В передней было полутемно, и во всем доме царилла какая-то особенная тишина, будто все полы в нем были покрыты тяжелыми коврами, а стены обиты звукопоглощающей тканью. Но в то же время чувствовалось, что дом полон людей,двигающихся бесшумно и осторожно.

— Добрый вечер, Нелли,— ответил Бойлан.

— Я тебя целую вечность не видела,— заметила женщина, и они, поднявшись по нескольким ступенькам, вошли в маленькую, в розовых тонах гостиную на первом этаже.

— Я был занят,— отозвался Бойлан.

— Понятно,— кивнула Нелли, окидывая Гретхен оценивающим взглядом, в котором тотчас же стало очевидно явное восхищение.— Сколько тебе лет, милочка?

— Сто восемь,— ответил за нее Бойлан, и они с женщиной рассмеялись.

Гретхен стояла и с сосредоточенным видом оглядывала маленькую, задрапированную тканями комнату, сплошь увешанную написанными маслом картинами с изображением обнаженных женщин. Она была полна решимости не проявлять своих чувств, делая вид, будто ее ничего не удивляет. На самом деле она была испугана, как ни старалась подавить в себе этот страх и ничем не выказывать его. В этой бесчувственности она видела свое спасение. Она заметила, что все торшеры в комнате снабжены выключателями в виде шнурков. Белое платье у женщины было с бахромой по подолу и на груди. Случайно ли все это? Гретхен постаралась сосредоточиться на поиске ответа на этот вопрос, хотя больше всего ей хотелось бы повернуться и бежать куда глаза глядят из этого дома с его приглушенными звуками и зловещим ощущением присутствия многих людей, крадущихся из комнаты в комнату над ее головой. Она и понятия не имела, что от нее хотят, что она может здесь увидеть и что с ней будут делать. Бойлан выглядел оживленным и чувствовал себя здесь как дома.

— Думаю, все уже почти готово, дорогой,— сказала женщина.— Еще немного терпения. Может, хотите пока что-нибудь выпить?

— Что скажешь, солнышко? — повернулся он к Гретхен.

— Решай сам,— сдавленно проговорила она.

— Пожалуй, по бокалу шампанского не помешает,— сказал Бойлан женщине.

— Я пришлю его вам наверх,— ответила женщина.— Шампанское у меня охлажденное — я держу его на льду. Пойдемте со мной.

Она повела их в прихожую, откуда по лестнице, устланной ковровой дорожкой, они поднялись в плохо освещенный коридор на втором этаже. Громкий шелест платья женщины почему-то вызывал у Гретхен какое-то тревожное чувство. Бойлан нес свой плащ на руке. Гретхен оставалась в верхней одежде.

Женщина открыла одну из дверей в коридоре и, войдя в комнату, зажгла небольшую лампу. Бойлан и Гретхен последовали за ней. В комнате они увидели двуспальную кровать с шелковым балдахином, огромных размеров мягкое кресло, обитое темно-бордовым бархатом, и три кресла поменьше с золочеными ножками. Большой букет тюльпанов выделялся ярким желтым пятном на столе в центре комнаты. Окна были наглухо зашторены, и звук проезжающих по улице автомобилей почти не был слышен. На одной из стен во всю ее ширину висело старинное зеркало. Комната напоминала номер в старомодном, некогда роскошном, а теперь обветшавшем отеле.

— Горничная будет с шампанским через минуту,— сказала женщина и, шурша платьем, вышла из комнаты, тихонько, но плотно закрыв за собой дверь.

— Милая старая Нелли,— промолвил Бойлан, бросая плащ на обитую тканью скамейку возле двери.— На нее всегда можно положиться. Она, можно сказать, знаменитая личность.— Но он не стал уточнять, чем она знаменита.— Может быть, снимешь пальто, солнышко?

— Это обязательно?

— Не хочешь — не надо,— пожал плечами Бойлан.

Гретхен не стала снимать пальто, хотя в комнате и было тепло. Она подошла к кровати и присела на краешек. Бойлан закурил и, закинув ногу на ногу, удобно устроился в большом кресле. Затем взглянул на Гретхен и, иронически усмехнувшись, невозмутимо проговорил:

— Это публичный дом, если ты еще не догадалась. Ты когда-нибудь бывала в подобном заведении, солнышко?

Понимая, что он дразнит ее, она ничего не ответила. Даже не знала, что на это сказать.

— Скорее всего, нет,— ответил он за нее.— А ведь каждая женщина должна побывать в борделе. Хотя бы раз в жизни. Чтобы увидеть, к чему приводит конкуренция между ними.

В дверь тихонько постучали. Бойлан встал с кресла и открыл дверь. В комнату вошла горничная, тщедушная женщина средних лет в белом фартуке поверх короткого черного платья. В руках она держала серебряный поднос с двумя бокалами и ведер-

ком, из которого выглядывала бутылка шампанского. Она молча поставила поднос на стол рядом с тюльпанами. Лицо ее ничего не выражало. Главной ее обязанностью было делать вид, что ее нет в комнате. Гретхен заметила, что ноги ее были в мягких войлочных тапочках.

Горничная принялась открывать бутылку, но пробка вылезать не хотела, и лицо женщины покраснело от напряжения, а на глаза упала седая прядь. Она сразу стала похожа на тех стареющих прихожанок, которые, с трудом переставляя ноги с варикозными венами, собираются на раннюю мессу перед началом рабочего дня.

— Ничего,— сказал Бойлан.— Я сам это сделаю.— И он взял бутылку из ее рук.

— Ради Бога, извините, сэр,— пробормотала горничная. Не сумев справиться с бутылкой, она сделала свое присутствие замеченным, и тем самым нарушила свою основную обязанность.

Но Бойлану тоже не удавалось откупорить бутылку. Чего он только ни делал — и тянул за пробку, и крутил ее, и даже пытался затолкнуть ее большими пальцами внутрь, сжав бутылку между ногами,— но у него ничего не получалось. Лицо у него тоже покраснело, а горничная молча стояла и виновато наблюдала за его стараниями. Руки у Бойлана были тонкие и слабые, не способные к физическим усилиям.

И тогда Гретхен решила взять дело в свои руки. Она встала, подошла к Бойлану и, взяв у него бутылку, сказала:

— Давай попробую я.

— Интересно, много бутылок с шампанским тебе приходится открывать на кирпичном заводе? — спросил Бойлан.

Гретхен сделала вид, что не слышала вопроса. Крепко ухватившись за пробку своими ловкими и сильными пальцами, она начала ее энергично крутить в обе стороны. Громко хлопнув, пробка вырвалась из ее пальцев и ударилась в потолок. Вспенившееся шампанское вылилось из бутылки и намочило ей руки. Тогда она протянула бутылку Бойлану. Еще одно очко в ее пользу. Он рассмеялся:

— Все-таки от рабочего класса бывает порой какая-то польза.

Пока Гретхен вытирала руки полотенцем, которое дала ей горничная, Бойлан разливал шампанское по бокалам. Горничная повернулась и неслышно выскользнула из комнаты в своих войлочных тапочках. Незаметная, серая мышка в коридорах публичного дома.

Передавая Гретхен бокал, Бойлан сказал:

— Последнее время шампанское из Франции прибывает в Америку более или менее регулярно, хотя, как я слышал, немцы иногда все-таки перехватывают суда. Правда, урожай винограда в прошлом году был, насколько я знаю, не очень хорошим.

Было очевидно, что таким образом Бойлан пытается скрыть досаду, вызванную своим фиаско с бутылкой, с одной стороны, и блестящим успехом Гретхен, с другой.

Они пили шампанское маленькими глотками. Обратив внимание Гретхен на красную линию, идущую по диагонали на наклейке, Бойлан одобрительно произнес:

— У Нелли все всегда самое лучшее. Она бы обиделась, если бы узнала, что я называю ее заведение борделем. Мне кажется, она о нем думает как о своего рода салоне, где она может оказывать свойственное ей безграничное гостеприимство своим многочисленным друзьям мужского пола. Но не думай, моя милая, что все бардаки похожи на этот, иначе тебя ждет большое разочарование.— Он все еще злился из-за своего конфуза с бутылкой и явно хотел отквитаться.— Нелли — один из немногих оставшихся обломков более элегантной эпохи, предшествовавшей нынешнему веку вульгарных людей с улицы и вульгарного секса, столь бесповоротно поглотившему всех нас. Кстати, милая, если у тебя проявится вкус к домам терпимости, ты только меня попроси, и я тебе назову нужные адреса. Иначе ты можешь попасть в совершенно жуткие, грязные места, а нам с тобой не хотелось бы этого, не правда ли? Ну, как тебе нравится шампанское?

— Неплохое,— ответила Гретхен. Она снова села на кровать, всеми силами стараясь сохранять самообладание.

Вдруг, совершенно неожиданно, зеркало осветилось — в соседней комнате зажгли свет. Зеркало оказалась стеклом с односторонней видимостью, так что для Бойлана и Гретхен оно было совершенно прозрачным и они могли видеть, что происходит по другую его сторону. Соседняя комната освещалась свисающей с потолка лампой, затененной абажуром из плотного шелка.

Бойлан глянул на зеркало и удовлетворенно произнес:

— Что ж, оркестр настраивает инструменты, скоро начнется представление.

Он вынул из ведерка бутылку с шампанским, подошел к кровати и сел рядом с Гретхен. Бутылку он поставил на полу рядом с собой.

Сквозь зеркало они могли видеть высокую молодую женщину с длинными, белокурыми волосами. Лицо у нее было довольно красиво, но его портило капризное, своевольное выражение, свойственное избалованным детям или слишком быстро поднявшимся к славе молодым кинозвездам. Зато когда она сбросила с себя розовый, отделанный оборками пеньюар, их взорам предстало поразительной красоты женское тело с длинными, безупречно стройными ногами. Она ни разу не взглянула в сторону зеркала, хотя, без всякого сомнения, ей был известен секрет установленных в заведении Нелли зеркал и она знала, что за ней наблюда-

ют. Сняв с широкой кровати покрывало, женщина легла поверх постели, поражая своими гармоничными, грациозными движениями. Она лежала, не скрывая своих великолепных форм, и ждала; казалось, могли пройти часы и даже целые дни, а она все так же лежала бы, с томным безразличием позволяя любоваться собой. Все это происходило в полной тишине. Через зеркало не проникало ни единого звука.

— Еще шампанского, моя милая? — спросил Бойлан и поднял с пола бутылку.

— Нет, спасибо, — с трудом проговорила Гретхен.

В этот момент дверь в соседней комнате отворилась, и вошел молодой негр.

«Ну и ублюдок же ты, Тедди, мстительный ублюдок и извращенец», — подумала Гретхен, но не двинулась с места.

Негр улыбнулся и что-то сказал девушке. Она жестом выразила согласие и улыбнулась улыбкой победительницы конкурса красоты среди маленьких девочек. Все, что происходило по другую сторону зеркала, было похоже на пантомиму, а две фигуры в соседней комнате казались какими-то отдаленными и нереальными. Это имело необоснованно успокаивающий эффект, как если бы за стеной ничего серьезного не происходило.

На негре был темно-синий костюм, белая рубашка, красный галстук-бабочка в крапинку и светло-коричневые туфли с заостренными носками. Лицо у него было славное, юное, улыбчивое — лицо негра, всегда готового услужить.

— У Нелли большие связи в ночных клубах Гарлема, — сказал Бойлан, глядя на негра, который стал раздеваться, аккуратно вешая свои вещи на спинку стула. — Он, должно быть, играет в каком-нибудь оркестре и не прочь подзаработать лишний доллар, сыграв роль самца на потеху белым. Так сказать, самец — на все руки молодец. — И он усмехнулся собственному остроумию. — Ты уверена, что не хочешь выпить?

Гретхен ничего не ответила. Негр тем временем начал расстегивать брюки. Она закрыла глаза.

Когда она их открыла, то на нем уже ничего не осталось. У него было бронзовое тело, гладкая, лоснящаяся кожа, широкие, слегка покатые плечи, мускулистые руки, тонкая, красиво сужающаяся талия — настоящий атлет в прекраснейшей форме. Мысленно сравнив его с тем, кто сидел рядом с ней, Гретхен почувствовала, как в ней закипает гнев.

Негр пересек комнату и приблизился к кровати. Девушка открыла объятия, готовая принять его. С легкой, кошачьей грацией взобравшись на кровать, он опустился на длинное, белое тело. Они поцеловались, и ее руки обхватили его спину. Затем они поменяли позу, и она начала целовать его, медленно и со знанием

дела — сначала шею, потом соски, одновременно поглаживая рукой его вздымающийся пенис. Ее белокурые волосы ниспадали на мерцающую в свете лампы светло-кофейную кожу, оттеняя ее. Передвинувшись ниже, она стала ласкать языком его плоский, мускулистый живот, отчего ее партнер напрягся и по его телу прошла конвульсивная дрожь.

Гретхен смотрела на них словно завороженная. То, что она видела, казалось ей прекрасным и гармоничным, в этом было смутное обещание для нее самой, — нечто такое, что она не сумела бы выразить словами. Но рядом с Бойланом ей больше не хотелось смотреть на это. До чего же несправедливо, чудовишно несправедливо, что два таких великолепных тела может взять напрокат, точно лошадей из конюшни, такой человек как Бойлан — и то лишь ради своего извращенного удовольствия или мести!

Она встала и, повернувшись спиной к зеркалу, сказала:

— Я подожду тебя в машине.

— Это только начало, детка, — благодушно возразил Бойлан. — Ты только посмотри, что она сейчас делает. Ведь, в конце-то концов, это организовано ради тебя и пойдет тебе только на пользу. Ты будешь пользоваться большим успехом у...

— Увидимся в машине, — прервала его Гретхен и, выскочив из комнаты, быстро сбежала по лестнице.

Женщина в белом платье стояла в передней возле двери. Она ничего не сказала, но, открывая дверь Гретхен, насмешливо улыбалась.

Гретхен вышла на улицу и села в машину. Бойлан вышел минут через пятнадцать, неторопливо уселся за руль и включил мотор.

— Ты зря не захотела остаться, — проговорил он. — Они честно заработали свои сто долларов.

Весь обратный путь они ехали молча. Уже начинало светать, когда он остановил машину перед булочной.

— Ну и как? — нарушил наконец он молчание. — Эта ночь тебя чему-нибудь научила?

— Да, — ответила Гретхен. — Мне нужно найти кого-нибудь помоложе. Всего хорошего.

Машина развернулась и уехала, а Гретхен подошла к входной двери и вставила в замочную скважину ключ. Поднимаясь по лестнице, она увидела, что в спальне родителей, расположенной напротив ее собственной, горит свет. Мать сидела на деревянном стуле, неподвижно оставившись в коридор. Гретхен остановилась и посмотрела на мать. У той были совершенно безумные глаза. Мать есть мать, что тут поделаешь. Они пристально посмотрели друг другу в глаза.

— Иди спать, — сказала мать. — В девять я позвоню на твою работу и скажу, что ты заболела и не сможешь прийти.

Гретхен вошла в свою комнату и закрыла за собой дверь. Запираться она не стала, потому что ни на одной двери в доме замков не было. Она подошла к полке и взяла томик Шекспира. Но восьмисот долларов между вторым и третьим актами «Как вам это понравится» не оказалось. Деньги, все так же аккуратно сложенные в конверте, лежали в другом месте — в середине пятого акта «Макбета».

Глава 5

I

В доме Бойлана не светило ни одного окна. Все жители Порт-Филипа и округи собрались в центре города праздновать День победы. Томас и Клод могли видеть отсюда, как ракеты и «римские свечи» прочерчивают светящиеся дуги в ночном небе над рекой, и слышать буханье миниатюрной пушки, из которой в обычное время палили каждый раз, когда местные футболисты забивали соперникам гол на школьных междугородных футбольных матчах. Стояла ясная, теплая ночь, и с вершины холма Порт-Филип казался сплошным, мерцающим ковром из ярких, переливающихся огней — повсюду в городе, и в домах, и на улицах, был зажжен электрический свет.

Утром этого дня стало известно, что немцы капитулировали.

Томас и Клод уже вдоволь набродились по городу, с трудом продираясь сквозь высыпающие на улицы толпы, и досыта насмотрелись на девушек, целующих солдат и матросов, и на всех этих ликующих людей, выходящих из домов с бутылками виски в руках. К вечеру Томас начал испытывать чувство настоящего отвращения к происходящему. Здоровенные лбы, в течение четырех лет всячески увиливавшие от призыва в армию, чиновники всех мастей, щеголявшие в военной форме, но ни разу не отъехавшие дальше ста миль от своего дома, торгаши, за время войны нажившие целые состояния на черном рынке, — все они теперь целовались, орали и надирались как свиньи, будто каждый из них собственноручно уколошил Гитлера.

— Скоты, — бросил он Клоду к концу дня, глядя на веселящуюся толпу. — Вот бы проучить их как следует!..

— Хорошая мысль, — согласился Клод. — Было бы неплохо отпраздновать это событие на наш вкус, устроить, так сказать, наш собственный маленький фейерверк.

После этого он о чем-то задумался, молча глядя на публику, которая к этому времени пришла в настоящий раж. Он снял очки

и принялся сосредоточенно покусывать дужку — верный признак того, что он вынашивает какую-то каверзную затею. Томас хорошо знал эти предзнаменования, но сегодня не был склонен идти на риск. Затеять драку с солдатами, да и со штатскими тоже, — не самая удачная мысль в такой день.

Наконец Клод изложил свой план празднования победы, и Томас вынужден был признать, что задумано совсем неплохо.

Так они оказались на холме Бойлана. Том нес небольшой бак с бензином, а Клод — мешочек с гвоздями, молоток и охапку ветоши. Осторожно пробравшись через густой подлесок, они вышли к полуразвалившейся оранжерее на безлесном возвышении примерно в пятистах ярдах от особняка. Они подъехали к владениям Бойлана не обычным путем, а по проселочной пыльной дороге с другой, по отношению к Порт-Филипу, стороны холма. Эта дорога вела к тыльной части дома. Мотоцикл они оставили за стеной поместья, рядом с заброшенным гравийным карьером, а сами вошли на территорию усадьбы через калитку садовника.

Из-за пыльных, почти полностью разбитых стеклянных стен оранжереи тянуло затхлым запахом сгнивших растений. Рядом с просевшим строением, с одной его стороны, лежали длинные сухие доски и ржавая лопата — друзья приметили их еще раньше, во время одной из своих предыдущих вылазок. Томас взял лопату и стал копать, а Клод выбрал две большие доски и начал сколачивать из них крест. Свой план они во всех деталях обсудили еще в городе и теперь действовали без лишних слов.

Закончив с крестом, Клод щедро полил его бензином. Затем они вдвоем подняли крест и вставили в выкопанное Томасом углубление. Томас засыпал ямку землей и хорошенько утрамбовал ее у основания креста обратной стороной лопаты и ногами, чтобы сооружение было устойчивее. Затем Клод смочил оставшимся бензином ветошь, и на этом подготовительная стадия была закончена. Послышался докатившийся наверх по склону холма звук пушечного выстрела, и в тот же момент ночное небо осветилось взвившимися высоко вверх, но быстро погасшими огнями фейерверка.

Том был спокоен и уверен в себе. Он не считал, что совершает нечто такое уж предосудительное. Просто хочет дать очередной щелчок по носу этим лицемерным взрослым, устроившим там, внизу, свое тошнотворное представление. Уж он сможет их отвлечь от слюнявых поцелуев и пения «Усеянного звездами знамени». Ну и, конечно, особое удовольствие он получит оттого, что аттракцион свой они с Клодом устраивают на земле этого ублюдка Бойлана. Зато Клод был взвинчен до предела. Он пре-

* «Усеянное звездами знамя» — национальный гимн США.

рывисто дышал, точно ему не хватало воздуха, брызгал слюной и часто протирал носовым платком запотевающие очки. Для него эта затея была актом, исполненным особого значения, — ведь его дядя был священником, а отец заставлял его по воскресеньям ходить в церковь на мессу и каждый Божий день читал ему нравоучения о том, что такое смертный грех. почему нужно держаться подальше от распушенных протестанток и что значит оставаться чистым в глазах Иисуса Христа.

— Давай, — тихо произнес Томас, отходя в сторону.

Клод дрожащей рукой зажег спичку и, наклонившись, поднес ее к пропитанной бензином ветоши у основания креста. Она тотчас вспыхнула, и в тот же момент Клод, пронзительно вскрикнув, бросился бежать. Рука его была объята пламенем, и он несся куда глаза глядят, не переставая вопить. Томас кинулся за ним, крича ему вслед, чтобы он остановился, но Клод продолжал нестись как одержимый. Однако Томас все же нагнал его и, сбив с ног, навалился грудью на его руку, чтобы погасить пламя. О том, что может пострадать его свитер, он даже не думал.

Через минуту все было закончено. Клод лежал на спине и, держась за обожженную руку, всхлипывал, не в силах произнести ни слова.

Томас встал и посмотрел на распростертого на земле друга. На лице у того выступили крупные капли пота, хорошо видные в огненном свете пылающего креста. Нужно поскорее убираться отсюда. В любую минуту здесь могут оказаться люди.

— Вставай, — сказал он, но Клод не сдвинулся с места; он лишь перекатывался с боку на бок, глядя прямо перед собой остановившимися от боли глазами.

— Вставай, тебе говорят, — и Томас энергично потряс его за плечо. Тот, повернув к нему перекошенное от страха лицо, уставился на него невидящим взглядом. Томас нагнулся, взвалил Клода себе на плечо и, продираясь сквозь заросли кустарника, бросился бежать вниз по склону холма к калитке садовника. Он старался не слушать, как Клод беспрестанно причитает: «О Господи, о Господи Иисусе, о Матерь Божья!»

Он тяжело бежал, спотыкаясь под весом своего друга, и его все время преследовал какой-то приторный запах. «Это же пахнет горелым мясом», — наконец сообразил он.

А внизу, в городе, продолжали палить из пушки.

II

Аксель Джордах, медленно греб, преодолевая течение, к середине реки. Сегодня он спустил свое каноэ на воду не для того, чтобы поупражняться в гребле, а чтобы оказаться как можно дальше от людей. Он решил устроить себе в эту ночь выходной —

первый выходной среди недели с двадцать четвертого года. Пусть его постоянные покупатели едят завтра хлеб фабричной выпечки. В конце концов, немецкая армия не каждый день капитулирует — последний раз это было целых двадцать семь лет назад.

На реке было прохладно, но его согревал толстый, под самое горло, синий свитер, сохранившийся еще с тех пор, как он служил палубным матросом на Великих озерах. К тому же он захватил с собой бутылку, чтобы не так чувствовался холод, да и не мешало бы выпить за здоровье тех идиотов, которые вновь привели Германию к полному краху. Джордах не был патриотом какой-либо одной страны, но ту землю, на которой родился, он просто-таки ненавидел: это она сделала его на всю жизнь хромым, отняла возможность получить образование, изгнала на чужбину и вызвала в нем крайнее отвращение к любой политике, ко всем политиканам, генералам, священникам, министрам, президентам, королям и диктаторам, к любым завоеваниям и поражениям, любым кандидатам и любым партиям. Он был рад, что Германия проиграла войну, но не чувствовал себя таким уж счастливым, что ее выиграла Америка. Он надеялся, что еще протянет двадцать семь лет, чтобы быть свидетелем того, как Германия проигрывает следующую свою войну.

Аксель думал о своем отце, маленьком, богобоязненном домашнем тиране, мелком заводском служащем, который, воткнув в дуло ружья пучок цветов и горланя патриотические песни, отправился бодрым маршем на фронт, — ликующий, воинственный баран, погибший в бою под Танненбергом. Он уходил на войну, гордясь своими двумя сыновьями, вскоре тоже отправившимися сражаться за «фатерланд», и своей женой, скорбевшей о муже не слишком долго: не прошло и года, как она приняла мудрое решение выйти замуж за адвоката, всю войну управлявшего доходными домами в районе площади Александерплатц в Берлине.

«*Deutschland, Deutschland über alles*»*, — насмешливо пропел Джордах, положив весла и повинувшись течению Гудзона, которое тут же стало относить его к югу, затем поднес ко рту бутылку курузного виски и выпил за ту огромную ненависть к Германии, которая вынудила его, тогда еще совсем молодого человека, демобилизованного калеку, покинуть родину и уехать за океан. Конечно, Америка тоже не рай, но здесь, по крайней мере, он и его сыновья остались живы и их дом пока еще не разрушен.

До него доносились отдаленные залпы маленькой пушки, и в воде отражались вспышки ракет. «Глупцы, — думал Джор-

* «*Deutschland, Deutschland, über alles*» (нем.) — «Германия, Германия превыше всего»: первые слова и название национального гимна Германии; в настоящее время мелодия гимна остается прежней, но слова изменены.

дах,— чему радуются? Они никогда еще не жили так хорошо, как сейчас. Через пять лет им придется торговать яблоками на углах и рвать друг друга на части, стоя перед фабриками в очередях безработных. Если бы они хоть немного соображали, они бы сейчас не праздновали, а молились в церкви, чтобы японцы продержались еще хотя бы лет десять».

Внезапно высоко на холме, за городом, вспыхнул огонь, быстро принявший форму креста, пылающего на краю горизонта. Джордах рассмеялся: *Мы делаем свое дело, и наплевать нам на победу! Берегитесь, католики, негритосы и евреи — мы не дадим вам о нас забыть. Сегодня танцуйте и веселитесь, а завтра будете гореть, как этот крест. Америка есть Америка. Мы здесь, чтобы напомнить вам, кто тут на самом деле хозяин.*

Он снова отхлебнул виски, любуясь зрелищем горящего над городом креста и заранее предвкушая то удовольствие, с каким он будет читать все это велеречивое нытье, которое непременно появится в обеих городских газетах по поводу оскорбления, нанесенного памяти отважных воинов всех рас и вероисповеданий, отдавших жизнь за идеалы, на которых основана Америка. А воскресные проповеди! Обязательно надо будет сходить в церковь, а то и в две, и послушать, что по этому поводу скажут эти чертовы святоши.

«Если мне когда-нибудь придется узнать, кто зажег этот крест,— подумал Джордах,— я с удовольствием пожму ему руку».

А огонь разгорался все больше. Должно быть, недалеко от креста, с подветренной от него стороны, стояло какое-то строение и, по всей вероятности, оно было из сухого дерева, потому что не прошло и минуты, как заревом осветилось полнеба.

Спустя короткое время Джордах услышал звон колоколов на пожарных машинах, стремительно несшихся по улицам города к холму, где разгорался пожар.

«Недурственная ночка,— подумал он,— особенно ее окончание».

Он допил виски и стал не спеша грести к берегу.

III

Рудольф стоял на ступеньках школы и ждал, когда выстрелит пушка. На лужайке перед школой толпились сотни девушек и парней. Они кричали, пели и целовались. Если не считать поцелуев, то подобное происходило в те вечера по субботам, когда школьная команда в очередной раз выигрывала в большом футбольном матче.

Наконец ребята, возившиеся с пушкой, зарядили ее, и грянул выстрел. Все закричали «ура».

Рудольф приложил к губам трубу и заиграл «Америку»^{*}. Все притихли, и неторопливая мелодия некоторое время звучала соло. Торжественные звуки гимна пронеслись над головами стоявших внизу школьников и устремились куда-то вдаль. Затем мелодию подхватило несколько голосов, а вскоре запели все:

*Америка, Америка,
Благословенный край,
Где всяк подряд
Друг другу брат,
Где настоящий рай...*

Закончив петь, снова прокричали дружное «ура», и Рудольф заиграл «Звездно-полосатый флаг — навек». Играть этот марш и стоять на месте было совершенно невыносимо, поэтому ноги сами понесли его по лужайке. Юноши и девушки двинулись следом, и вскоре за ним шагала целая процессия. Сначала они маршировали вокруг лужайки, затем вышли на улицу. Ребята, отвечающие за пушку, выволокли ее со школьного двора и, заняв место сразу же за Рудольфом, гордо покатали ее во главе процессии. На каждом перекрестке они останавливались и палили из нее под громкое «ура» девушек и ребят. Прохожие аплодировали и приветственно размахивали флажками.

Рудольф вышагивал во главе колонны, играя мелодию за мелодией: и «Колумбию, жемчужину океана», и «Когда наступает артиллерия», и школьный гимн, и «Вперед, христианские воины», а ликующая процессия бодро шествовала вслед за ним по улицам города под звуки его трубы. Рудольф привел их на Вандерхофф-стрит, к булочной, там остановился и исполнил для матери «Когда улыбаются ирландские глаза». Мать выглянула из окна наверху и, вытирая платком слезы, помахала ему. А он попросил ребят произвести салют в ее честь, пальнув из пушки. Прогремел выстрел, раздался восторженный рев молодых голосов, и мать откровенно расплакалась. «Хоть бы причесалась, прежде чем открывать окно, — огорченно подумал он. — И, конечно же, как всегда, с сигаретой во рту!» В подвале свет не горел — значит, отца там нет. Впрочем, оно и к лучшему: подобрать мелодию для отца было бы не так просто — и в самом деле, что можно сыграть ветерану немецкой армии в такой вечер, как этот?

Рудольф с удовольствием пошел бы к госпиталю и исполнил бы серенаду для своей сестры и ее солдат, но идти туда слишком уж далеко. Поэтому, закончив выступление для матери затейливой каденцией, он повел процессию в центр города под мело-

^{*} «Америка» (точнее, «Америка прекрасная») — патриотический гимн, один из наиболее популярных и часто исполняемых в США.

дию популярной песенки Йельских студентов «Була-Була». Чем черт не шутит — а что если в следующем году, после окончания школы, и ему удастся поступить в Йельский университет?! В эту праздничную ночь все казалось возможным.

Он и сам не заметил, как оказался на улице, где жила мисс Лено. Сколько раз он приходил сюда и, прячась под деревом на другой стороне улицы, подолгу глядел на освещенное окно на втором этаже, за которым была она! Окно и сейчас светилось.

На сей раз он не стал прятаться под деревьями, а, остановившись на самой середине улицы, смело поднял взгляд на ее окно. Многочисленная толпа школьников загрохотала узкую улочку, по обе стороны которой тянулись ряды скромных домиков на две семьи с крошечными газонами впереди. Ему было жаль мисс Лено, такую одинокую, живущую так далеко от своего родного дома и, наверное, думающую в этот момент о своих друзьях и родственниках, гуляющих по праздничным улицам Парижа. Ему хотелось заглядывать вину перед этой бедной женщиной, показать ей, что он простил ее, а заодно доказать, что он гораздо более глубокая натура, чем она думает, а не просто какой-то там грязный мальчишка, сын неотесанного немца-сквернословца, свихнувшийся на порнографических рисунках. Он поднес к губам трубу и заиграл «Марсельезу». Сложная, торжественная мелодия, при звуках которой в воображении возникали развевающиеся на ветру флаги и картины баталий, наполнила убогую улочку, и юноши и девушки начали подпевать, но без слов, потому что их никто не знал. «Бог ты мой,— думал Рудольф,— никогда еще школьной учительнице в Порт-Филипе не оказывалась такая честь!» Он проиграл «Марсельезу» от начала и до конца, но мисс Лено так и не показалась в окне. Из соседнего дома выбежала какая-то девушка с белокурой косичкой и, став неподалеку от Рудольфа, смотрела на него и слушала, как он играет.

Он исполнил французский гимн еще раз, но стараясь играть более виртуозно, с импровизациями, со сменой ритма, с переходами от мягкого и медленного звучания к металлическому и быстрому. Наконец окно открылось, и оттуда выглянула мисс Лено в домашнем халате. Она посмотрела вниз, на улицу, но Рудольф не смог рассмотреть выражение ее лица. Он шагнул поближе к фонарю, чтобы его было лучше видно, и, нацелив трубу прямо на мисс Лено, заиграл громко и звонко. Она не могла не узнать его. С минуту она неподвижно стояла и слушала, потом захлопнула окно и опустила шторы.

«Французская шлюха»,— подумал он и, закончив «Марсельезу» на насмешливо-плаксивой ноте, отнял трубу от губ. Девушка из соседнего дома все еще стояла рядом. Она обняла и поцеловала его. Вокруг закричали «ура», и грянул выстрел из пушки. Рудольф широко улыбнулся: поцелуй был восхитителен. Кстати,

он ведь знает, где живет эта девушка, так что... Он снова поднес трубу к губам и, двинувшись с места и покачиваясь в такт музыке, начал играть «Тигр-рэгтайм», направляясь к Мейн-стрит; процессия танцующим шагом устремилась за ним.

Всюду праздновали победу.

IV

Она закурила очередную сигарету. «Одна в пустом доме»,— подумала она и плотно закрыла все окна, чтобы не слышать веселых криков, оглушительной музыки и залпов фейерверка, доносившихся из центра города. Ей нечего было праздновать. В эту ночь, когда мужа были с женами, дети с родителями, друзья с друзьями, когда даже незнакомые люди обнимались на улицах, с ней никого не было, никто ее не обнимал.

Она пошла в комнату дочери и зажгла свет. Все здесь было безукоризненно чистым, кровать заправлена тщательно выглаженным покрывалом, медная настольная лампа начищена до блеска, на свежеевыкрашенном туалетном столике расставлены в один ряд баночки и флакончики, аккуратно разложены различные приспособления для наведения красоты. «Профессиональные орудия труда»,— с горечью подумала Мэри Джордах.

Она подошла к небольшому книжному шкафу из красного дерева. Книги в образцовом порядке, расставлены строго по алфавиту. Она взяла толстый томик Шекспира и отрыла его в том месте, где между страницами «Макбета» лежал конверт. Заглянув в конверт, она удостоверилась, что деньги на месте. Дочь даже не удосужилась перепрятать деньги в другое место, хотя поняла, что матери все известно. Она вынула конверт из Шекспира и аккуратно поставила томик на место. Затем сняла с полки первую попавшуюся книгу — антологию английской поэзии, которой Гретхен пользовалась, когда училась в последнем классе (утонченная пища для утонченного ума девушки) — и, открыв ее, вложила конверт с деньгами между страницами. Пусть доченька поволнуется насчет своих денежек.

В глаза ей бросились строки:

*Бейтесь, бейтесь, бейтесь,
Волны, о серые скалы;
Вейтесь, вейтесь, вейтесь,
Думы, в главе усталой*.*

Ах, до чего изысканно, до чего утонченно!..

* Строки из стихотворения английского поэта *Альфреда Теннисона* (1809 — 1892) «Бейтесь, волны».

Мэри поставила книгу на полку и вышла из комнаты, не потрудившись выключить свет.

Она прошла на кухню. В раковине лежала посуда, оставленная ею не вымытой после съеденного в одиночестве ужина. Загасив окурок в сковородке, наполовину заполненной жирной водой (Мэри поужинала свиной отбивной — довольно грубая пища для этого времени дня), она глянула на плиту, открыла газ в духовке, пододвинула к плите стул, открыла дверцу духовки, села и сунула туда голову. Запах газа был крайне неприятным. Так она просидела несколько минут — а может быть, секунд. Звуки веселья на улицах города проникали и через закрытое кухонное окно. Она где-то читала, что в праздничные дни — а чаще всего, на Рождество и на Новый год — самоубийств бывает больше, чем в любое другое время.

Запах газа чувствовался все сильнее. У нее начала кружиться голова. Она вынула голову из духовки и закрыла газ. Торопиться некуда.

Она встала и пошла в гостиную, одинокая хозяйка дома. Гостиная у них была небольшая. Посредине на потёртом рыжеватом ковре стоял квадратный дубовый стол с приставленными к нему со всех сторон четырьмя деревянными стульями. В комнате чувствовался запах газа. Она села за стол, вынула из кармана карандаш и искала глазами лист бумаги, но ничего, кроме ученической тетради, в которой ежедневно вела учет торговли в булочной, не увидела. Она никогда не писала писем, и никто не писал ей. Вырвав из задней части тетради несколько чистых листов, она принялась писать на разлинованной бумаге:

«Дорогая Гретхен! Я решила покончить с собой. Знаю — это грех, но больше жить не могу. Это письмо пишет одна грешница другой. Говорить, что я имею в виду, думаю, нет необходимости. Ты знаешь, о чем я говорю.»

На нашей семье лежит проклятие — на мне, на тебе, на твоём отце и на твоём брате Томе. Один лишь Рудольф пока избежал его, хотя, возможно, когда-нибудь проклятие это обрушится и на него, но, слава Богу, я не доживу до того дня. А называется это проклятие сексом. Сейчас я хочу признаться тебе в том, что скрывала от тебя всю твою жизнь: я — незаконнорожденная. Я никогда не видела ни своего отца, ни своей матери. Мне даже страшно подумать, какую жизнь, должно быть, вела моя мать и как низко она пала, а потому меня не удивило бы, если бы ты пошла по ее стопам и окончила жизнь в канаве. Ну, а отец твой — настоящее животное. Ты спишь в соседней с нами комнате, а поэтому понимаешь, что я имею в виду. Он распинал меня на кресте своей похоти все эти двадцать лет. Он — бешеный зверь. Бывали случаи, когда я думала, что он убьёт меня. А однажды я собствен-

ными глазами видела, как он чуть не до смерти избил человека, который задолжал ему за булки восемь долларов — подумать только, каких-то восемь долларов! Твой брат Томас — достойный сынок своего отца, и меня бы не удивило, если бы он закончил жизнь в тюрьме, а то и на виселице. Я живу в клетке с тиграми.

Хотя, возможно, во всем этом есть и моя вина. Я оказалась слишком слабой и позволила твоему отцу отвести меня от церкви, сделать из моих детей безбожников. Я всегда была слишком измотанной, слишком загнанной, чтобы любить тебя, как следует и защищать от отца и его влияния. Ты же всегда казалась мне такой опрятной, такой аккуратной и так хорошо вела себя, что это усыпляло мои страхи. А в результате случилось то, о чем ты знаешь лучше меня».

Она отложила карандаш и с удовлетворением прочла написанное. Когда ее беспутная дочь, эта развратная шлюха, найдет свою мать мертвой и прочтет лежащее на ее подушке послание из могилы, она горько пожалеет, что предавалась сладострастному пороку. И каждый раз, позволяя мужчине коснуться себя рукой, Гретхен будет вспоминать обращенные к ней последние слова матери.

«В твоих жилах течет дурная кровь,— продолжала она писать дальше,— и теперь у меня нет никаких сомнений, что ты склонна к греху от природы. В комнате у тебя чистота и порядок, но в душе твоей грязь, как в конюшне. Твоему отцу следовало бы жениться на такой, как ты, потому что вы с ним два сапога пара. Знай же мою последнюю волю: уезжай подальше из дома, чтобы своим примером не испортишь Рудольфа. Если в этой ужасной семье будет хоть один порядочный человек, Господь, быть может, простит прегрешения остальным».

Музыка и радостные крики на улице становились все громче. Вдруг Мэри услышала звуки трубы и поняла, кто это. Под окном играл Рудольф. Она встала из-за стола, открыла окно и выглянула на улицу. Да, это был он, ее сын, во главе процессии, состоящей, как ей показалось, из тысяч юношей и девушек. Сын играл для нее «Когда улыбаются ирландские глазки».

Она помахала ему рукой, чувствуя, как по ее щекам катятся слезы. Рудольф дал знак ребятам, стоявшим возле пушки, салютовать в ее честь, и улицу оглушил громкий звук выстрела. Она уже откровенно плакала, вытирая глаза платком. Помахав ей на прощанье, Рудольф начал другую мелодию и повел свою армию дальше.

Мэри отошла от окна, села за стол и разрыдалась. «Он спас мне жизнь,— подумала она.— Мой чудесный сын спас мне жизнь!»

Она разорвала письмо на мелкие кусочки, прошла на кухню и, сложив обрывки своего послания в кастрюлю, сожгла их.

V

Большинство солдат были пьяные. Как только по радио сообщили о капитуляции Германии, все ходячие надели форму и, не дожидаясь увольнительных в город, бежали из госпиталя. Но некоторые из них вернулись с бутылками, и в общей комнате сейчас пахло, как в кабаке. Солдаты покачиваясь бродили на костылях по комнате, другие передвигались в инвалидных колясках, все шумели и горланили песни. После ужина праздник переродился в пьяный дебош: солдаты били костылями и палками окна, сдирали со стен плакаты, рвали книги и журналы, делая из них конфетти, которые затем набирали горстями и, словно на масленицу, швыряли друг в друга под раскаты пьяного хохота.

— Я — генерал Джордж Паттон*, — кричал молодой паренек, хотя никто его не слушал; вокруг плеч у него было прикреплено металлическое приспособление, державшее его раздробленную руку подвешенной над головой. — Где твой галстук, солдат? Так, тридцать лет наряда на кухню.

Затем он здоровой рукой схватил Гретхен и, вытащив на середину комнаты, заставил ее танцевать с ним под мелодию песенки «Моли Творца, но передай-ка мне патроны», которую с готовностью пели для него другие солдаты. Он едва держался на ногах, и Гретхен пришлось его крепко держать, чтобы он не упал.

— Я величайший из одноруких танцоров в мире, первокласснейший среди артиллеристов мастер по бальным танцам, и завтра я еду в Голливуд, чтобы танцевать с самой Джинджер Роджерс**. Выходи за меня замуж, детка, и мы будем жить с тобой припеваючи на мою инвалидную пенсию. Мы выиграли войну, детка. Мы сделали мир безопасным для тех, кто получает пенсию по инвалидности.

Его больше не держали колени, и он вынужден был опуститься на пол. Так он и сидел на полу, прижав к коленям голову и тихонько напевая «Лили Марлен».

* *Джордж Смит Паттон (1885 — 1945)* — американский военачальник, сыгравший заметную роль во время Второй мировой войны; был известен под прозвищем Свирепый Паттон.

** *Джинджер Роджерс (1911 — 1995)* — американская киноактриса и танцовщица, снимавшаяся в мюзиклах вместе с известным актером и танцовщиком Фредом Астером. Творчество этого самого знаменитого танцевального дуэта в американском кино легло в основу художественного фильма Федерико Феллини «Джинджер и Фред».

Гретхен ничего не могла поделать с обычно послушными ранеными. Сражение, в котором они яростно швыряли друг в друга конфетти, грозило перерасти в настоящую драку, и она, заставляя себя улыбаться, пыталась их утихомирить. В дверях комнаты появилась одна из медсестер. Она кивком головы подозвала Гретхен, и та вышла к ней в коридор.

— Тебе, пожалуй, лучше уйти отсюда,— посоветовала медсестра тихим, встревоженным голосом.— Скоро они станут совсем неуправляемыми.

— В общем-то, их трудно винить за это,— сказала Гретхен.— Ты ведь согласна?

— Не знаю, может быть, ты и права,— ответила медсестра,— но я стараюсь держаться от них подальше.

Из общей комнаты послышался звон разбитого стекла: какой-то солдат бросил в окно пустую бутылку от виски.

— Пали из всех орудий — надо их поугатать,— крикнул он, а затем, схватив металлическую корзину для бумаги и швырнув ее в другое окно, скомандовал: — Накрой ублюдков минометным огнем, лейтенант! Будем брать высоту!

— Хорошо еще, что у них забирают оружие, перед тем как они сюда поступают,— проговорила медсестра.— Это даже хуже, чем было в Нормандии.

— А ну-ка давай сюда япошек! — проорал кто-то из солдат.— Я изобью их до смерти своей санитарной сумкой. Банзай!

Медсестра потянула за рукав Гретхен.

— Иди-ка сейчас домой,— сказала она,— а завтра утром приходи пораньше, сможешь здесь убраться.

Гретхен кивнула и направилась в раздевалку, а медсестра поспешила дальше. Но, не дойдя до раздевалки, Гретхен повернула назад и прошла по коридору в палатное отделение: прежде чем уйти из госпиталя, она решила заглянуть в палату, где лежали солдаты с тяжелыми ранениями в грудь и голову. В слабо освещенной комнате было очень тихо. Большинство коек пустовало, но на некоторых из них угадывались в полутьме очертания лежащих под одеялами раненых. Она прошла в дальний угол палаты, к последней в ряду койке, где лежал Толбот Хьюз. Рядом с кроватью стояла капельница с глюкозой, медленно переливающейся в вену на его руке. На его изможденном лице лихорадочно горели широко открытые, огромные глаза. Он узнал ее и улыбнулся. Крики и пение, доносившиеся из общей комнаты в дальнем конце коридора, казались отсюда неясным ревом футбольных болельщиков на стадионе. Гретхен тоже улыбнулась и присела на край кровати. Хотя она видела его лишь прошлой ночью, он за это время заметно сдал и выглядел пугающе похудевшим. В его облике было что-то призрачное, и только лишь бинты вокруг его горла казались реальными. Врач, ведущий палату, сказал Гретхен,

что парню не протянуть больше недели. Ей было непонятно, почему он умирает,— ведь врач совсем недавно говорил, что рана у Толбота заживает, хотя, конечно, говорить он никогда больше не сможет. И, казалось, к этому времени он должен был бы поправляться и даже потихоньку вставать. Но он почему-то начал гаять, становясь с каждым днем все слабей и слабей и как бы вежливо, но упрямо настаивая на своем желании отойти в иной мир,— без всякого шума, не причиняя никому беспокойства.

— Хотите, я вам почитаю? — спросила она.

Толбот отрицательно повел головой и с усилием протянул ей руку. Гретхен сжала ее. Фаланги его пальцев были такими хрупкими, что ей казалось, будто она держит в руке птичью лапку. Он снова улыбнулся и закрыл глаза. Она сидела не шевелясь, держа его руку в своей. Так она просидела минут пятнадцать, а может быть, и больше, и за все это время не произнесла ни слова. Увидев, что он заснул, она осторожно, стараясь не разбудить его, высвободила свою руку, встала и потихоньку вышла из палаты. Завтра надо будет спросить у врача, сколько еще жить Толботу Хьюзу, воину победоносной американской армии. Она придет к нему и будет держать его за руку, представляя в своем лице скорбь его родной страны. Она не хочет, чтобы он умирал в одиночестве, этот двадцатилетний паренек, который даже не сможет произнести последнее слово.

Она быстро переделалась в свою обычную одежду и поспешила к выходу из госпиталя. Закрыв за собой парадную дверь, она увидела Арнольда Симмза — он стоял рядом с дверью, прислонясь к стене, и курил. После того их ночного разговора в общей комнате она его ни разу не видела. На мгновение замедлив шаги, она тут же решительно двинулась дальше, торопясь на автобусную остановку.

— Добрый вечер, мисс Джордах,— произнес хорошо известный ей голос, вежливый, с провинциальными интонациями.

Гретхен пришлось остановиться.

— Добрый вечер, Арнольд,— ответила она.

Выражение лица у него было вкрадчиво мягкое, и он делал вид, что не помнит, о чем они тогда говорили.

— Наконец у ребят появился повод вволю побуяннить,— Арнольд мотнул головой в сторону того крыла госпиталя, в котором помещалась общая комната.

— Да уж,— пробормотала она. Ей хотелось поскорее уйти отсюда, но в этом случае он может подумать, что она боится его, и это ее останавливало.

— Наши славные, доблестные и нерасторжимые Соединенные Штаты свершили таки этот подвиг,— сказал Арнольд.— Здорово у них получилось, не правда ли?

Его тон был явно насмешливым.

— Но все мы должны только радоваться победе: — отозвалась она.

Он вынуждал ее говорить напыщенно — ему это хорошо удавалось.

— Я и радуюсь, — сказал он. — Уж можете мне поверить: я просто ужасно радуюсь. И у меня есть хорошая новость. Можно сказать, прекрасная новость — я имею в виду для меня. Поэтому я и поджидаю вас здесь. Хочу поделиться этой новостью с вами.

— Я вас слушаю, Арнольд.

— Меня завтра выписывают.

— Новость и в самом деле хорошая, — пробормотала Гретен. — Поздравляю.

— Спасибо, — ответил он. — В соответствии с официальным заключением военно-медицинской службы Соединенных Штатов, меня признали способным к самостоятельному передвижению с помощью ног. Получено распоряжение доставить меня к ближайшему призывному пункту для немедленного оформления моего увольнения с военной службы. В это время на следующей неделе я буду уже в Сент-Луисе. Прошу любить и жаловать: Арнольд Симмс, новоиспеченный штатский.

— Надеюсь, вам... — она хотела сказать «будет сопутствовать счастье», но осеклась, подумав, что это прозвучало бы глупо и снова-таки напыщенно. — Надеюсь, вам повезет.

Это прозвучало даже еще хуже.

— О, я везучий, — ответил он. — Малыш Арнольд не пропадет. Но это еще не все хорошие новости, перепавшие мне на этой неделе. Для меня это была потрясающая неделя, просто-таки колоссальная неделя. Я получил письмо из Корнуолла.

— Ах, вот как. Очень мило, — ей показалось, что она проговорила это ужасно жеманно, чуть ли не чопорно. — Письмо от той девушки, о которой вы мне рассказывали, не так ли?

Пальмы. Адам и Ева в райском саду.

— Ну, да, — он шелчком отбросил окурок. — Ей недавно стало известно, что ее мужа убили в Италии, и она подумала, что мне будет об этом интересно узнать.

Ей нечего было на это сказать, и она промолчала.

— Что ж, я вас больше никогда не увижу, мисс Джордах, — продолжал он. — Если, конечно, вы не окажетесь проездом в Сент-Луисе. В этом случае вы сможете отыскать мое имя в телефонном справочнике. Я буду обитать в фешенебельном жилом районе. Ну а сейчас не смею вас больше задерживать. Уверен, вас пригласили на какой-нибудь бал в честь победы или на танцевальный вечер в загородный клуб. Я только хотел поблагодарить вас за все, что вы сделали для американских войск, мисс Джордах.

— Желаю успеха, Арнольд,— проговорила она холодно.

— Жаль, что в ту субботу вы не нашли времени приехать на пристань,— произнес он, растягивая слова в свойственной ему манере.— У нас с собой были две отличные курочки, мы их поджарили и устроили себе отличный пикник. Только вот вас нам не доставало.

— Мне хотелось думать, что мы с вами не будем затрагивать этот предмет, Арнольд,— сказала она (лицемерка, лицемерка).

— О, Господи! — проговорил он.— Вы так красивы, что мне хочется сесть на землю и плакать.

Он повернулся, открыл парадную дверь и, хромя, вошел в госпиталь.

Чувствуя себя совсем разбитой, она устало направилась к автобусной остановке. Оказывается, проблемы остаются и после победы.

Она стояла под фонарем и, поглядывая на часы, ждала. Может, шоферы автобусов тоже празднуют победу? Чуть подалее по улице, в тени деревьев, притаилась чья-то машина. Внезапно она тронулась с места и медленно направилась к Гретхен. Это был «бьюик» Бойлана. У нее возникло импульсивное желание спастись бегством в госпиталь.

Бойлан остановил машину рядом с ней и открыл дверцу:

— Могу я подвезти вас, мэм?

— Нет, спасибо.

Они не виделись больше месяца — с тех самых пор, как ездили ночью в Нью-Йорк.

— Я подумал, что мы могли бы поехать куда-нибудь и вместе воздать Господу хвалу за то, что он ниспослал нашей армии победу,— проговорил Бойлан.

— Нет, благодарю. Я буду ждать автобуса.

— Ты получила мои письма? — спросил он.

— Да,— ответила она.

За это время она получила от него два письма. Оба она нашла на своем столе в конторе, и в обоих он просил ее о встрече возле универмага Бернштейна, но она не стала с ним встречаться, а на письма не отвечала.

— Твой ответ, должно быть, затерялся в недрах нашей почтовой службы,— сказал Бойлан.— Почта в наши дни работает не самым лучшим образом.

Гретхен повернулась и пошла в сторону госпиталя. Бойлан вышел из машины и, догнав ее, схватил за руку.

— Поехали ко мне,— хрипло произнес он.— Прямо сейчас.

Его прикосновение на какое-то мгновение лишило ее решимости: хоть она и ненавидела его, ей хотелось оказаться в его кровати. Но она крикнула «Пусти!» и, резко выдернув руку, снова пошла к автобусной остановке. Он шел вслед за ней.

— Ну, хорошо,— сказал он.— Тогда я скажу то, что приехал сказать: я хочу на тебе жениться.

Гретхен расхохоталась. Она и сама не знала почему. От удивления, должно быть.

— Я сказал, что хочу на тебе жениться,— повторил он.

— А я вот что тебе скажу,— отвечала она.— Поезжай-ка ты на свою Ямайку, как и собирался, а я буду тебе писать туда. Адрес можешь оставить у моей секретарши. Извини, мой автобус.

Подкатил автобус, и она вскочила в него, едва только открылась дверца. Подойдя к водителю, она отдала ему билет, прошла в заднюю часть автобуса и села там, подальше от других пассажиров. Ее била дрожь. Если бы автобус пришел хоть минутой позже, она, наверно, сказала бы «да» и вышла бы за Бойлана замуж.

Когда автобус подъезжал к Порт-Филипу, она услышала sireны пожарных машин и, взглянув на вершину холма, увидела бушующий там пожар. Ей хотелось надеяться, что горит главное здание и что оно догорит дотла.

VI

Том вел мотоцикл по узкой проселочной дороге, проходящей за владениями Бойлана, а Клод сидел сзади, ухватившись за него здоровой рукой. У Тома не было большого опыта вождения мотоцикла, а потому он ехал медленно, но все равно Клод стонал ему в ухо каждый раз, как он тормозил или когда их подбрасывало на неровностях. Том не мог определить, насколько серьезно обгорела рука Клода, но понимал, что надо немедленно предпринять какие-то меры. Конечно, в больницу его везти нельзя: сразу начнутся расспросы — что случилось да как случилось, и не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы увидеть связь между обожженной рукой Клода и крестом, горящим в усадьбе Бойлана. И уж, конечно, Клод далеко не из тех героев, что умирают под пытками, так и не разжав губ и не выдав тайны.

— Слушай,— сказал Том, замедлив ход до такой степени, что они поползли черепашим шагом,— у вас, у Тинкеров, есть семейный доктор?

— Да,— ответил Клод.— Он тоже Тинкер, мой дядя.

Ну, конечно, у такой семьи не может не быть домашнего врача, да в придачу еще и дяди. Священники, врачи — кого у них в семье только нет; небось, есть еще и дядюшка-юрист, который, кстати, может им пригодиться в том случае, если их арестуют.

— Где он живет?

Клод еле слышно пробормотал адрес. Он был так испуган, что с трудом говорил. Стараясь держаться подальше от основ-

ных дорог, Том подъехал к большому дому на окраине города. На лужайке перед домом стоял столбик с табличкой: «Роберт Тинкер, доктор медицинских наук». Том остановил мотоцикл и помог Клоду слезть.

— Вот что, — сказал он, — ты пойдешь туда один, понял? Можешь говорить своему дяде все, что тебе взбредет в голову, но обо мне ни слова, ясно? И будет лучше, если твой отец отправит тебя из Порт-Филипа куда-нибудь подальше, причем сегодня же, потому что завтра в городе будет твориться такое!.. Стоит кому-нибудь увидеть тебя с забинтованной рукой, через десять секунд от тебя и мокрого места не останется.

Вместо ответа Клод застонал и повис на Томе. Тот оттолкнул его.

— Стой на своих двоих, приятель, — сказал он. — А сейчас иди и постарайся, чтобы, кроме дяди, тебя никто не увидел. И если я узнаю, что ты продал меня, убью.

— Том! — захныкал Клод.

— Ты меня слышал. Если вякнешь, прикончу, и ты прекрасно знаешь, что я не шучу. — И он подтолкнул Клода к дому.

Клод, пошатываясь, поковылял к двери. Том, не дожидаясь, пока он войдет, поспешил по улице прочь от дома. Над городом, освещая полнеба, все еще полыхал пожар.

Том спустился к реке, к тому месту, где отец держал в заброшенном складе свою лодку. На берегу было темнее, чем в городе, и в воздухе стоял едкий запах ржавеющего металла. Он снял свитер, от которого тошнотворно пахло паленой шерстью, завернул в него камень потяжелее, который нашел тут же на берегу, и швырнул узел в воду. Раздался глухой всплеск, и над черной поверхностью реки взметнулся фонтанчик белой воды. Было жаль расставаться со свитером — он приносил Тому удачу: он всегда надевал его, когда ему предстояло драться, и никогда не проигрывал. Однако бывают случаи, когда приходится избавляться от самых любимых вещей, и это был именно такой случай.

Он шел домой, чувствуя, как его пробирает сквозь рубашку ночной холод. Хотелось бы знать, чем все это закончится и не придется ли ему на самом деле убивать Клода Тинкера.

Глава 6

I

«Типичная немецкая еда, — подумала Мэри Джордах, глядя, как Аксель несет из кухни блюдо с жареным гусем, краснокочанной капустой и клецками. — Иммигрант остается иммигрантом».

Она не помнила, когда в последний раз видела мужа в таком хорошем настроении. Падение Третьего рейха на этой неделе сделало Джордаха веселым и непривычно щедрым. Он жадно проглатывал газеты и потешался над фотографиями немецких генералов, подписывающих в Реймсе* документы. Сегодня было воскресенье, на которое пришелся день рождения Рудольфа — ему исполнилось семнадцать лет. Джордах объявил, что они соберутся и отпразднуют это событие вместе, хотя дни рождения в их семье обычно не отмечались. Он купил Рудольфу в подарок прекрасный спиннинг — сколько стоила эта штука, знал один только Бог. Дочери же разрешил оставлять себе впредь половину жалованья, а не четверть, как раньше. Даже Томасу дал денег на новый свитер взамен потерянного (по словам Томаса) старого. Если бы немецкая армия терпела поражение каждую неделю, жизнь в доме Акселя Джордаха могла бы стать вполне сносной.

— Начиная с этого дня, — объявил Джордах, — мы будем обедать по воскресеньям вместе.

Кровавое поражение нации, к которой он когда-то принадлежал, казалось, пробудило в нем сентиментальный интерес к своей собственной плоти и крови.

И вот вся семья собралась за столом. Рудольф, смущенный виновник торжества, очень нарядный в стоячем воротничке с галстуком, сидел неестественно прямо, словно курсант Уэст-пойнтской военной академии. Гретхен, в белой английской кружевной блузке с длинными рукавами, выглядела воплощением невинности — этакая целомудренная шлюха. Томас, на лице которого блуждала обычная для него плутоватая ухмылка азартного игрока, по случаю такого события был тщательно умыт и причесан. Со Дня победы он необъяснимым образом изменился: приходил домой сразу же после школы, все вечера проводил в своей комнате за уроками и даже, чего раньше никогда не бывало, помогал в булочной. У матери впервые появилась робкая надежда, что, возможно, замолкшие в Европе орудия каким-то чудом превратят всех их в нормальную американскую семью.

Представление Мэри Джордах о нормальной американской семье сложилось главным образом под воздействием лекций сестер-монахинь в сиротском приюте и окончательно сформировалось позднее, под влиянием бесчисленных реклам в популярных иллюстрированных журналах. В типичной американской семье все выглядят хорошо вымытыми, от всех хорошо пахнет, и все улыбаются друг другу. Они постоянно засыпают друг друга по-

* Автор, по всей видимости, имеет в виду документ о безоговорочной капитуляции германских войск, подписанный 8 мая 1945 года.

дарками по самым различным поводам, будь то Рождество, дни рождения, свадьбы, годовщины или День матери*. Их старые, но еще бодрые родители живут на ферме, и у них есть по меньшей мере один автомобиль. Сыновья, обращаясь к отцу, всегда говорят «сэр», а дочери играют на фортепиано и, приходя со свиданий, все рассказывают матери, причем и те и другие пользуются «листерином»**. Завтракают, ужинают, а по воскресеньям и обедают они всегда вместе, каждый в семье посещает церковь по своему выбору, а отпуск они берут в одно и то же время и проводят его в полном составе на морском берегу. Отец семейства каждый день ездит на службу в темном костюме, и его жизнь застрахована на хорошую сумму.

Нельзя сказать, что это представление о типичной американской семье было таким уж четким в ее сознании, но оно являлось хоть туманным, но все же образцом, с которым она соизмеряла все обстоятельства своей жизни. Она была настолько стеснительным человеком и в то же время настолько неисправимым снобом, что совершенно не общалась с соседями, а потому не имела ни малейшего представления о реальной жизни других семей в Порт-Филипе. Богатые стояли слишком высоко, чтобы быть в пределах ее досягаемости, а бедные — слишком низко, чтобы быть за пределами ее презрения. По ее оценкам, какими бы расплывчатыми и бессистемными они ни были, ее муж, она, Томас и Гретхен не могли считаться семьей в полном смысле этого слова и уж тем более семьей, в лоне которой было бы так уж приятно жить. Скорее их можно было сравнить с неуживчивой группой случайных попутчиков, вынужденных вместе совершать путешествие, в которое они отправились не по своей воле, и самое большее, на что им можно рассчитывать, — это чтобы вражда между ними держалась на минимальном уровне.

Рудольф, конечно, был исключением.

II

Аксель Джордах с гордостью поставил на стол блюдо с гусем. Он готовил обед все утро, не подпуская жену даже на порог кухни, хотя и обходился без обычных для него оскорбительных замечаний по поводу ее кулинарных способностей. Гуся он разделил хоть и грубо, но умело, положив всем по здоровенному куску. Первую тарелку он поставил перед женой, чем немало ее удивил.

* *День матери* — официальный праздник в США, отмечаемый во второе воскресенье мая; считается семейным праздником.

** *«Листерин»* — антисептическое средство для полоскания рта и горла.

В честь торжества он купил две бутылки калифорнийского рислинга, который теперь торжественно разлил по бокалам.

— За моего сына Рудольфа, за его день рождения,— провозгласил он хриплым голосом.— Пусть он оправдает все наши надежды и поднимется на самый верх, но, оказавшись там, пусть не забывает про нас.

Все выпили с самыми серьезными лицами, хотя мать заметила, как поморщился Томас. Может быть, вино показалось ему слишком кислым?

Джордах не стал конкретизировать, на какой верх должен подняться его сын. В этом не было необходимости. Все и так знают, что такое верх,— место, куда вход ограничен, место для избранных. Когда человек попадает наверх, он понимает это сразу, и те, чьи «кадиллаки» прибыли туда раньше, встречают его появлению криками «осанна!»

III

Рудольф ел свой кусок не торопясь, выбирая одно только мясо. На его взгляд, гусь был жирноват, а он знал, что от жирной пищи могут появиться прыщи. Капусту он тоже ел умеренно: сегодня ему предстояло свидание с девушкой — с той самой, которая в День победы поцеловала его перед домом мисс Лено,— и ему не хотелось, чтобы от него пахло капустой. А вино он лишь пригубил. Он давно решил, что никогда в жизни не позволит себе напиток. Он всегда будет держать себя в руках — и свое тело, и разум. А еще он решил, на печальном примере своих родителей, что никогда не станет жениться.

На следующий день после того, как он впервые увидел эту девушку, он пошел на улицу, где она жила, и стал прохаживаться перед ее домом. Как и следовало ожидать, где-то через десять минут она вышла в синих джинсах и свитере и помахала ему рукой. Она была приблизительно его возраста, с ясными голубыми глазами и открытой, дружелюбной улыбкой юного существа, с которым никогда еще не случалось ничего плохого. Они прогуливались по ее улице, и через каких-то полчаса Рудольфу казалось, будто они знакомы всю жизнь. Она переехала в Порт-Филип из Коннектикута. Ее звали Джули. Отец ее имел какое-то отношение к компании по производству электричества для города, а старший брат служил в армии во Франции. Поэтому-то она и поцеловала Рудольфа в тот день — от радости, что война закончилась и брат остался жив. Так или иначе, Рудольфу было очень приятно, что она поцеловала его, хотя, вспоминая об этом, первом в его жизни, прикосновении девичьих губ в присутствии стольких людей, он испытывал чувство неловкости и даже стыда.

Джули любила музыку, любила до самозабвения, ей очень нравилось петь, и игра Рудольфа на трубе показалась ей восхитительной. Он пообещал ей, что в следующий раз, когда соберется их клуб, он уговорит ребят из своего оркестра, чтобы она пела у них солисткой.

Ей нравились серьезные мальчики, а Рудольф, вне всякого сомнения, относился к таковым. Он уже успел рассказать о Джули сестре. Рассказывая, он, возможно, чаще, чем было необходимо, произносил ее имя — оно так красиво звучало: Джули, Джули... Гретхен лишь улыбалась в ответ, и ему показалось, что она, чувствуя себя намного взрослее его, отнеслась к его увлечению слишком уж покровительственно. На день рождения она подарила ему синюю фланелевую спортивную куртку.

Он знал, как огорчится мама, когда он ей скажет, что не может пригласить ее вечером на прогулку, но внезапно изменившееся поведение отца вселило в него надежду — а вдруг произойдет чудо и на прогулку пригласит ее отец!

Рудольф был бы рад разделить родительскую уверенность в том, что он поднимется на самый верх, однако у него были на этот счет большие сомнения. Да, он неглуп, но именно поэтому он понимал, что ум сам по себе еще ничего не значит. Для того успеха, которого он должен достигнуть, чтобы оправдать надежды отца и матери, нужно еще много чего — удача, происхождение, талант. Он пока еще не знал, удачлив ли он. Что касается происхождения, то уж на это ему никак не приходилось рассчитывать. Ну, а талант... ему трудно было сказать, есть ли у него какой-нибудь талант. Он хорошо распознавал таланты в других, но в самом себе пока еще не мог разобраться. У некоторых таланты лежат на поверхности. Один из его соучеников, Ральф Стивенс, едва вытягивал на «удовлетворительно» и «хорошо» по большинству предметов, зато в математике был настоящим гением: он играючи решал сложнейшие задачи по физике с применением дифференциального исчисления, в то время как остальные едва справлялись с простейшими алгебраическими уравнениями. Этот талант направлял жизнь Ральфа Стивенса, словно компас. Он знал, куда идет, потому что иного пути для него попросту не существовало.

Рудольф был наделен многими, хотя и небольшими талантами, а вот главного направления у него не было. Например, он неплохо играл на трубе, но не обольщался на этот счет, понимая, что никогда не станет ни Бенни Гудманом, ни Луи Армстронгом. Из четырех ребят, игравших вместе с ним в оркестре, двое превосходили его по мастерству, а двое остальных были ничем не хуже. Прислушиваясь к своей игре как бы со стороны и стараясь дать ей объективную оценку, он видел, что его исполнение довольно-

таки заурядно. И сколько бы он ни работал над собой, многого в музыке ему не достигнуть.

Если говорить о его спортивных достижениях, то он был лучшим в школе в беге с низкими барьерами на двести метров, но, учись он в большом городе, не исключено, что его даже не приняли бы в школьную команду, тогда как, например, Стэн О'Брайан, игравший защитником в футбольной команде, был настоящим спортсменом. Его считали лучшим футболистом во всем штате, и поэтому, хоть он и учился из рук вон плохо, учителя ставили ему достаточно высокие оценки, чтобы не выгонять из школы и держать в футбольной команде. Что касается финтов на футбольном поле, быстроты реакции и точных пасов в самый подходящий момент, то ему не было равных. Он обладал врожденным чутьем большого спортсмена, а быть умным при этом вовсе не обязательно. Поэтому Стэну О'Брайану со всех концов страны, вплоть до Калифорнии, поступали предложения принять его в университет, причем с назначением поощрительной стипендии. Если ему повезет и он не получит серьезных травм, то со временем может попасть в сборную страны и будет жить всю жизнь припеваючи.

Рудольф успевал по английской литературе даже лучше, чем малыш Сэнди Хоупвуд, редактировавший их школьную газету (кстати, у него были вечные проблемы с точными науками), но стоило прочесть хоть одну статью Сэнди, как становилось ясно — рано или поздно он обязательно станет настоящим писателем.

Зато у Рудольфа был редкий дар нравиться людям. Он сознавал это и знал, что именно поэтому его три года подряд выбирают старостой класса. Но он, конечно, понимал, что это нельзя считать настоящим талантом. Он сознательно старался нравиться, и ему приходилось прилагать немало усилий, чтобы ладить с другими людьми, делая вид, будто они его интересуют. Поэтому он с готовностью принимал на себя неблагодарные обязанности распорядителя танцев в школе или главы отдела реклам в журнале и тратил на это много сил и времени — все, что угодно, лишь бы люди ценили его. Нет, умение нравиться — это, в сущности, не талант, думал он, потому что у него нет близких друзей и вообще, если честно признаться, он не очень-то любит людей. Даже его обычай целовать по утрам и вечерам свою мать, а по воскресеньям ходить с ней на прогулки тоже возник не просто так: он делал это, чтобы вызывать у нее чувство благодарности и поддерживать впечатление о себе как о заботливом, любящем сыне. На самом же деле воскресные прогулки тяготили его, и ему было неприятно, когда мать в ответ на поцелуй ласково гладила его, — хотя, конечно, он не подавал и виду.

В нем жило два человека: о существовании одного знал только он, а другого видели все. Правда, он все-таки пытался стать та-

ким, каким казался другим, но видел, что вряд ли это ему удастся. Он знал, что мать, сестра и даже некоторые учителя считают его красивым, но сам он не был в этом уверен. На его взгляд, кожа у него была чересчур смуглая, нос слишком длинный, скулы слишком плоские, глаза недостаточно большие и излишне светлые для оливкового цвета кожи, а волосы слишком черные и тусклые, как у простолюдина. Он внимательно разглядывал в газетах и журналах фотографии учеников таких привилегированных школ, как Экзетер и Сент-Пол, чтобы знать, как они одеваются, и студентов таких университетов, как Гарвард и Принстон, чтобы подражать их внешнему виду, насколько позволял ему его скудный бюджет.

Он шеголял в туфлях с верхом из белой кожи и резиновыми подошвами, а теперь у него еще была модная спортивная куртка, но он понимал: пригласи его на вечеринку выпускники какой-нибудь привилегированной частной школы, они сразу увидят, что он просто неотесанный провинциал, корчащийся из себя человека их круга.

С девушками он был застенчив и еще ни разу не влюблялся, если, конечно, не считать дурацкой истории с мисс Лено. Он делал вид, будто девушки его не интересуют: у него, мол, есть дела поважнее, чем вся эта детская ерунда вроде свиданий, флирта и поцелуев. В действительности же он избегал общества девушек по очень простой причине: он боялся, что, если сблизится с девушкой, она сразу увидит, какой он на самом деле неопытный и смешной мальчишка, несмотря на все его высокомерие и изысканные манеры.

В какой-то степени он завидовал своему брату. Томас жил, как ему хотелось, не боясь, что о нем подумают. У него тоже был своего рода природный дар — неуемная ярость. Его боялись, даже ненавидели, и уж, конечно, его никто не любил, но зато он не терзался сомнениями, какой надевать галстук или как отвечать на уроке английского языка. Он был по-своему цельной натурой и если уж что-либо делал, то не очень-то мучился, взвешивая все «за» и «против», прежде чем делать это.

Что касается сестры, то она была просто красавица — намного красивее, чем большинство кинозвезд, которых он видел на экране, и это само по себе было бесценным даром, возможно, более ценным, чем природный талант.

— Гусь потрясающий, папа,— сказал Рудольф, зная, что отец ждет от него похвалы.— Удался просто на славу.

И хотя он съел уже больше, чем ему хотелось, все же протянул тарелку еще за одной порцией и постарался не поморщиться, увидев, какой огромный кусок положил ему отец на добавку.

Гретхен ела молча. «Когда же я им признаюсь, как выбрать подходящий момент?» — думала она. В пятницу ей сказали, что она уволена с завода и через две недели должна оставить свое место в конторе. Ее вызвал к себе в кабинет мистер Хатченз и после смущенной вступительной речи о том, какой она хороший и добросовестный работник, как великолепно справляется со своими обязанностями и как им в конторе будет не хватать ее, сообщил, что утром получил распоряжение уволить ее и еще одну девушку. Он сказал, что ходил к управляющему и протестовал, но, к сожалению, — и в его сухом голосе послышались нотки искреннего огорчения — это ничего не дало. Управляющий сказал, что очень сожалеет, но ничего поделать не может: в связи с окончанием войны в Европе ожидается резкое уменьшение количества правительственных заказов, поэтому неминуем спад в производстве, и они вынуждены экономить, сокращая штаты. Гретхен и эту девушку приняли в отдел мистера Хатченза последними и поэтому они должны уйти первыми. Мистер Хатченз очень волновался, говоря ей все это. Даже достал платок и несколько раз трубно высморкался, хотя насморка у него явно не было, как бы доказывая этим, что он тут ни при чем. Тридцать лет работы с бумагами сделали и самого мистера Хатченза похожим на какой-то документ, вроде оплаченного счета, пролежавшего между другими бумагами множество лет и оказавшегося, когда он почему-то понадобился и его извлекли на белый свет, ломким, пожелтевшим и потрескавшимся по краям. Чувство сожаления в его голосе, когда он сообщал Гретхен об увольнении, казалось чем-то совершенно неуместным и нелепым, как, например, слезы, проливаемые шкафом для документов.

Гретхен даже пришла бы утешать мистера Хатченза. Она сказала ему, что не собиралась всю жизнь работать на кирпичном заводе Бойлана и понимает, что те, кого последними приняли на работу, должны уйти первыми. Но она не сказала мистеру Хатчензу об истинной причине ее увольнения и чувствовала себя виноватой перед другой девушкой, которую принесли в жертву, чтобы замаскировать акт мести Тедди Бойлана.

Она еще не знала, что ей делать дальше, и предпочитала не сообщать отцу об увольнении, пока не остановится на чем-нибудь определенном. Отец, несомненно, устроит ужасную сцену, так что ей лучше быть во всеоружии. Сегодня, правда, на отца что-то нашло, и он ведет себя почти как нормальный человек, поэтому к концу обеда, когда он еще более размягчится от вина и гордости за одного из своих чад, он, возможно, будет более благосклонен и к другому своему чаду. «Что ж, — решила она, — сегодня самое время: скажу ему за десертом».

Ко дню рождения сына Джордах испек также торт. На сахарной глазури горело восемнадцать свечей — семнадцать, по числу исполнившихся ему лет, и еще одна, чтобы Рудольф продолжал расти. Когда Аксель внес торт в комнату и все начали петь «С днем рожденья тебя, милый Руди», в дверь позвонили. Пение прервалось на полуслове. Звонки в доме Джордахов не раздавались почти никогда. Никто не приходил к ним в гости, а почту им бросали в дверную прорезь.

— Что за черт! — недовольно проворчал Джордах. Он реагировал на любые неожиданности враждебно, словно они сулили ему одни только неприятности.

— Пойду посмотрю, — вскочила с места Гретхен, почти не сомневаясь, что внизу, у двери, ее ждет Бойлан, а перед булочной припаркован его «бьюик»: от Тедди можно ожидать каких угодно выходов. В тот момент, когда Рудольф задувал свечи, она сбегала по лестнице, радуясь, что хорошо одета по случаю дня его рождения и что у нее красиво уложены волосы. Тедди Бойлан еще не раз пожалеет о том, что потерял ее навсегда.

Перед дверью стояли двое: мистер Тинкер и его брат, священник. Мистера Тинкера она знала по заводу, а отца Тинкера, краснолицего здоровяка, похожего на портового грузчика, по ошибке выбравшего не ту профессию, знал весь город.

— Добрый день, мисс Джордах, — сказал Тинкер, приподнимая шляпу. Голос у него был сухой, лишенный всякого оттенка, а длинное, дряблое лицо имело такое выражение, будто он только что обнаружил ужасную ошибку в своих бухгалтерских книгах.

— Здравствуйте, мистер Тинкер. Здравствуйте, святой отец, — ответила Гретхен.

— Надеюсь, мы не помешали? — Тинкер говорил церемонно, и голос его звучал по-церковному, словно священник не его брат, а он сам. — Нам необходимо поговорить с вашим отцом. Он дома?

— Да, — сказала Гретхен. — Прошу вас, приходите... Мы сейчас обедаем, но все равно...

— Не будете ли вы настолько любезны, дитя мое, чтобы попросить его сойти к нам вниз, — сказал священник; у него был бархатистый, уверенный голос человека, привыкшего к тому, что он внушает доверие женщинам. — Нам нужно поговорить с вашим отцом с глазу на глаз по крайне важному делу.

— Тогда подождите, я сейчас его позову, — ответила Гретхен.

Посетители вошли в темную, маленькую прихожую и быстро закрыли за собой дверь, словно боялись, что их увидят с улицы. Гретхен зажгла свет: ей было неловко оставлять их стоять в тесной прихожей, да еще в темноте. Она поспешила вверх по ступенькам, чувствуя, что оба брата смотрят снизу на ее ноги.

Когда она вошла в комнату, Рудольф уже разрезал торт на куски. Все подняли голову и вопросительно посмотрели на нее.

— Кого там приносило? — спросил Джордах.

— Там, внизу, мистер Тинкер, папа,— ответила Гретхен.— Со своим братом, священником. Они хотят с тобой поговорить.

— А почему ты им не сказала подняться наверх? — спросил Джордах, принимая у Рудольфа тарелку с куском торта и тут же откусывая огромный кусок.

— Они не захотели. Сказали, что им нужно поговорить с тобой с глазу на глаз по очень важному делу.

Томас причмокнул, продев язык между зубами, словно у него там застрял кусочек пищи.

— Черт возьми, только священника нам не хватало,— раздраженно произнес Джордах, отодвигая стул от стола.— Эти подонки даже в воскресенье не могут оставить человека в покое.

Но все же он встал и вышел из комнаты. Они слышали, как он, прихрамывая, тяжелыми шагами спускается по лестнице.

— Итак, джентльмены,— не здороваясь, обратился он к непрошеным гостям, стоявшим в прихожей, тускло освещенной сорокаваттной лампочкой,— какое, черт возьми, у вас дело, настолько срочное, что вам обязательно нужно было оторвать рабочего человека от воскресного обеда?

— Мистер Джордах,— сказал Тинкер,— могли бы мы поговорить с вами в каком-нибудь другом месте с глазу на глаз?

— А чем *здесь* вам не нравится? — спросил Джордах, стоя над ними на последней ступеньке и дожевывая торт. В прихожей пахло жареным гусем.

Тинкер бросил взгляд на лестницу и сказал:

— Мне бы не хотелось, чтобы нас случайно подслушали.

— Насколько мне известно,— отозвался Джордах,— у нас с вами нет никаких таких секретов, которые не мог бы слышать хоть весь этот чертов город. Я не должен вам денег, вы мне — тоже.

Тем не менее он сошел со ступеньки, открыл дверь на улицу и, пройдя к булочной, отпер ее ключом, который всегда носил с собой в кармане. Мистер Тинкер и его брат проследовали за ним в магазин. Большое витринное окно булочной, как и всегда по воскресеньям, было закрыто изнутри брезентовой шторой.

VI

А наверху Мэри Джордах ждала, когда закипит кофе. Рудольф то и дело поглядывал на часы, боясь опоздать на свидание с Джули. Томас сидел, налегши грудью на стол, и немудры

кально напевал себе что-то под нос, надоедливо отбивая вилкой ритм по стакану.

— Прошу тебя, перестань,— сказала ему мать.— У меня уже голова раскалывается.

— Извини,— ответил Томас.— Следующий свой концерт я исполню на трубе.

«Хоть бы раз ответил вежливо»,— подумала Мэри Джордах, а вслух раздраженно сказала:

— О чем они говорят так долго? В кои-то веки у нас нормальный семейный обед, так надо же им было явиться...— Она укоризненно взглянула на Гретхен.— Ты ведь работаешь вместе с мистером Тинкером. Признавайся, что ты там натворила?

— Должно быть, обнаружилось, что я украла кирпич,— ответила Гретхен.

— В этом доме даже в такой день не могут разговаривать вежливо,— проговорила мать и с видом мученицы удалилась на кухню за кофе.

На лестнице послышались шаги Джордаха. Когда он вошел в комнату, по лицу его трудно было понять, случилось ли что-нибудь серьезное.

— Том,— сказал он ничего не выражающим голосом,— давай-ка сойдем вниз.

— Мне не о чем говорить с семейством Тинкеров,— ответил Том.

— Зато *им* есть о чем с тобой поговорить,— проговорил Джордах и, повернувшись, вышел из комнаты и снова стал спускаться по лестнице. Томас пожал плечами, щелкнул пальцами сначала левой руки, потом правой, потянув за них поочередно каждой рукой — он всегда это делал перед предстоящим сражением,— затем встал и последовал за отцом.

Гретхен нахмурилась.

— Ты не знаешь, в чем там дело? — спросила она у Рудольфа.

— Должно быть, влип в какую-то неприятность,— мрачно ответил Рудольф. Он уже знал, что опоздает на свидание.

VII

Братья Тинкеры, один в темно-синем костюме, другой в блестящей черной сутане, были похожи на двух воронов на фоне пустых полок и серого мраморного прилавка булочной. Аксель Джордах закрыл за Томасом дверь, а тот подумал: «Закончится тем, что я убью его».

— Добрый день, мистер Тинкер,— поздоровался он, улыбаясь открытой мальчишеской улыбкой.— Добрый день, святой отец.

— Здравствуй, сын мой,— напыщенно ответил священник.

— Скажите ему то, что сказали мне,— обратился к ним Джордах.

— Сын мой,— сказал священник,— нам все известно. Клод во всем признался своему дяде и поступил совершенно правильно. Признание ведет к раскаянию, а раскаяние — к прощению.

— Оставьте эту ерунду для воскресной школы,— оборвал его Джордах. Он стоял, прислонясь спиной к двери, точно боялся, как бы кто-нибудь из присутствующих не убежал.

Томас ничего не говорил. На губах его играла улыбка, как перед дракой.

— Сжечь крест — что может быть более постыдного и свято-татственного?! — продолжал священник. — Да еще в такой день, когда страна славилась отважных молодых героев, павших на поле брани, чтобы приблизить победу! В день, когда я служил у алтаря своей церкви торжественную мессу за упокой их душ. Неужели нам, католикам, мало тех испытаний и нетерпимости, которые выпали на нашу долю в этой стране за наши горькие усилия быть принятыми нашими фанатичными соплеменниками? Неужели нужно было добавлять к ним это ужасное злодеяние, совершенное к тому же двумя мальчиками-католиками? — И священник удрученно покачал головой.

— Мой сын — не католик,— сказал Джордах.

— Его отец и мать были рождены в лоне католической церкви,— парировал священник. — Я наводил справки.

— Отвечай, кто это сделал? — обратился к Томасу Аксель.

— Ну, я,— неохотно произнес Томас. «Только попадись мне эта желтолицая, трусливая сволочь, этот доходяга Клод!» — подумал он.

— Ты хоть представляешь себе, сын мой,— продолжал священник,— что будет с твоей семьей и семьей Клода, если станет известно, кто поставил и поджег святой крест в такой день?

— Нас выдворят из города, вот что будет! — возбужденно проговорил мистер Тинкер. — А у твоего отца даже *бесплатно* не возьмут ни одной буханки хлеба. В городе хорошо помнят, что вы иностранцы, немцы, хоть вам и хотелось бы это забыть!

— Ну, начинается,— сказал Джордах. — Звездно-полосатый флаг, мы самые лучшие в мире, и вся эта чушь!

— Факты есть факты,— резонно заметил мистер Тинкер,— и от них никуда не деться. Более того, если Бойлан узнает, кто поджег его оранжерею, он засудит и вас и нас. Наймет опытного адвоката, и тот представит эту старую развалюху самой ценной недвижимостью во всем штате. — Он погрозил Томасу кулаком. — У твоего отца и цента не останется за душой — вот чем все это закончится. Тебе с Клодом, конечно, на все это наплевать, вы не-

совершеннолетние. А вот мы с твоим отцом будем за все в ответе! Сбережения всей нашей жизни... да что говорить!

Томас видел, как у отца судорожно сжимаются кулаки, точно он хочет схватить его, Томаса, за горло и задушить его.

— Успокойся, Джон,— сказал священник Тинкеру.— Зачем расстраивать мальчика еще больше? Будем надеяться, что его здравый смысл всех нас спасет.— И, повернувшись к Томасу, добавил: — Я не стану тебя спрашивать, какой нечистый попутал тебя подбить нашего Клода на это богомерзкое дело...

— Он разве сказал, что это я придумал? — удивился Томас.

— Такому мальчику, как Клод,— ответил священник,— воспитанному в христианской семье, каждое воскресенье посещающему мессу, никогда бы и в голову не пришла столь отвратительная затея.

— Ну, раз вы так считаете,— буркнул Томас. Нет, черт возьми, он еще доберется до Клода.

— К счастью,— продолжал священник своим размеренным церковным голосом,— когда в тот ужасный вечер Клод пришел с покаленной рукой к своему дяде, доктору Роберту Тинкеру, в доме больше никого не было. Доктор Тинкер оказал мальчику необходимую медицинскую помощь и заставил рассказать, как все случилось, а потом отвез его домой на своей машине. Слава Всевышнему, их никто не видел. Но у Клода очень сильные ожоги, и ему придется ходить с повязкой по крайней мере еще недели три. Дома ему все это время оставаться, конечно, нельзя: может что-нибудь заподозрить горничная или его случайно увидит разносчик заказов из магазина или же зайдет навестить кто-нибудь из его сердобольных школьных товарищей...

— О Господи, Энтони, ты ведь сейчас не в церкви,— прервал брата мистер Тинкер.— Так что оставь свои проповеди.

Его побледневшее лицо дергалось, глаза налились кровью. Шагнув к Томасу, он яростно проговорил:

— Вчера вечером мы отвезли этого малолетнего мерзавца в Нью-Йорк, а сегодня утром посадили на самолет в Калифорнию. У него есть тетка в Сан-Франциско, и, пока с него не снимут повязки, он пересидит у нее, а потом поедет учиться в военное училище, и будь я проклят, если я захочу его увидеть еще хоть один раз, даже если он не появится в Порт-Филипе до самой моей смерти. Твоему отцу, если у него есть голова на плечах, тоже, черт возьми, нужно отправить тебя из города — как можно быстрее и как можно подальше, где тебя не знают и не будут задавать лишних вопросов.

— Не беспокойтесь, Тинкер,— сказал Джордах.— Еще до наступления ночи его не будет в городе.

— Уж позаботьтесь об этом! — произнес Тинкер с нескрываемой угрозой в голосе.

— Ладно, картина ясна,— Джордах распахнул дверь.— А теперь проваливайте отсюда — вы оба мне порядком надоели.

— Мне кажется, нам пора уходить, Джон,— пробормотал священник.— Я уверен, мистер Джордах сделает все, как надо.

Тинкер не мог уйти, не сказав последнего слова:

— Считаю, что ты еще легко отделался, мальчишка, — впрочем, как и вся твоя семейка!

И он величественно вышел из магазина.

— Да простит тебя Бог, сын мой,— проговорил священник и поспешил за братом.

Джордах запер за ними дверь и повернулся к Томасу.

— Ты понимаешь, ублюдох, что повесил меч над моей головой, а? — рывкнул он.— Ну, хорошо, сейчас ты у меня схлопочешь, подонок!

Прихрамывая, он подошел к Томасу и двинул его кулаком. Удар пришелся тому по макушке. Томас пошатнулся, но тут же инстинктивно стал в позу и правой рукой молниеносно нанес отцу сильнейший удар в висок. Джордах не упал, а лишь слегка покачнулся, выставив вперед обе руки. Он с изумлением глянул на сына, голубые глаза которого горели лютой ненавистью. Но тут же Томас улыбнулся и опустил руки по бокам.

— Ну давай, бей, и покончим с этим,— презрительно сказал он.— Не бойся, сыночек больше не ударит своего доблестного папочку.

Джордах размахнулся и ударил его еще раз. Левая сторона лица у Томаса тут же вздулась и побагровела, но он все так же стоял и улыбался.

Джордах уронил руки. Этот удар был символическим, и только. «Никакого толку,— подумал он как в тумане.— Ох, уж эти сыновья...»

— Ладно,— сказал он.— Закончим на этом. Рудольф отвезет тебя на автобусе до Графтона и посадит в первый же поезд до Олбани. Там ты пересядешь на другой поезд и поедешь в Огайо. Будешь жить у моего брата. Я позвоню ему сегодня, и они тебя встретят. Можешь не утруждаться с вещами. Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел, как ты уезжаешь из города с чемоданом.

Он отпер дверь булочной, и они вышли на улицу. Томас заморгал, ослепленный ярким полуденным солнцем.

— Жди здесь,— велел ему Джордах.— Я пришлю к тебе Рудольфа. У меня нет ни малейшего желания наблюдать сцену твоего прощания с матерью.

Он запер дверь булочной и проковылял в дом. И только тогда Томас коснулся напухшей и болезненной на ощупь челюсти.

Через десять минут Джордах вернулся, ведя с собой Рудольфа. Томас стоял, прислонившись к витрине булочной, и безучастно смотрел прямо перед собой. Рудольф нес зеленоватый в полосу пиджак от единственного костюма Томаса, купленного два года назад. Костюм был ему уже мал. Томас не мог в нем свободно двигать плечами, а из узких рукавов нелепо торчали руки.

У Рудольфа от изумления расширились глаза, когда он увидел вздувшуюся щеку брата. Отец тоже выглядел очень плохо, смуглое лицо приобрело бледновато-зеленый оттенок, веки припухли. «Один лишь удар,— подумал Томас,— и посмотрите, что с ним случилось».

— Рудольф знает, что надо делать,— сказал Джордах.— Я дал ему денег. Он купит тебе билет до Кливленда. Вот адрес твоего дяди.— И он протянул Томасу клочок бумаги.

«Я продвигаюсь вверх по общественной лестнице»,— подумал Томас.— Оказывается, в критических случаях и у меня ходят дядюшки. Чем я хуже Клода?»

— А теперь убирайся,— сказал ему Джордах,— и смотри, держи язык за зубами.

Братья повернулись и пошли к автобусной станции. Джордах смотрел им вслед и чувствовал, как в виске, в том месте, куда его ударил Томас, болезненно бьется жилка, и фигуры сыновей, удаляющихся по освещенной солнцем пустой, убогой улице (Рудольф — высокий, стройный, щеголеватый в серых фланелевых брюках и синей спортивной куртке, Томас — ненамного ниже, но шире в плечах и выглядящий мальчишкой в коротком, тесном пиджаке), казались ему расплывчатыми. Когда они повернули за угол и исчезли из виду, Джордах повернулся и пошел по улице в противоположном направлении, к реке. Ему хотелось побыть одному. Брату он позвонит позже. Брат его — размазня, да и жена его тоже, поэтому они, без всяких сомнений, согласятся взять к себе сына человека, который когда-то выставил их из своего дома и ни разу не поблагодарил за регулярно присылаемые ими рождественские поздравительные открытки — единственное свидетельство того, что эти двое столь разных людей, родившихся много лет назад в одном и том же доме в немецком городе Кельне, а ныне живущих в разных частях Америки,— родные братья. Он легко мог себе представить, как его брат говорит своей толстой жене, произнося слова с немецким акцентом, от которого он так и не смог избавиться: «В конце концов, что мы тут можем сделать? Как-никак родные братья!»

— Что произошло, черт возьми? — спросил Рудольф, как только они завернули за угол.

— Ничего,— ответил Томас.

— Он ведь тебя ударил,— продолжал допытываться Рудольф.— Ты бы видел, на кого ты похож.

— Да, это был потрясающий удар,— насмешливо произнес Томас.— Он у нас первый в списке претендентов на титул чемпиона.

— Когда он поднялся наверх, у него был какой-то больной вид,— сказал Рудольф.

— Я ему врезал разочек,— ухмыльнулся Томас, вспоминая, как у него это здорово получилось.

— Ты что, ударил его?

— А почему бы и нет? — снова улыбнулся Томас.— Для чего тогда вообще существуют отцы?

— Господи! И ты остался жив?

— Как видишь,— ответил Томас.

— Теперь понятно, почему он от тебя избавляется,— покачал головой Рудольф.

Он был зол на брата: из-за него приходилось пропустить свидание с Джули. Может быть, пройти мимо ее дома? Это всего лишь в нескольких кварталах отсюда. Нет, нельзя, ведь отец сказал, что Томас должен убраться из города *немедленно*, да и, кроме того, об этом никто не должен узнать.

— Что, черт возьми, с тобой вообще происходит? — сердито спросил он у брата.

— Я — просто нормальный, энергичный, предприимчивый американский парень,— ответил Томас.

— Видно, ты действительно натворил дел,— сказал Рудольф,— если уж отец раскошелился на пятьдесят баксов тебе на дорогу. Чтобы он выложил такие денежки, должно произойти что-то из ряда вон выходящее.

— Я попался на шпионаже в пользу япошек,— невозмутимо ответил Томас.

— Очень уж ты у нас умный! — буркнул Рудольф, и остаток пути до автобусной остановки они прошли молча.

Приехав в Графтон, они вышли возле железнодорожного вокзала. Томас сел под деревом в скверике напротив вокзала, а Рудольф пошел за билетом. Следующий поезд до Олбани отправлялся через пятнадцать минут. Сидевший за окошком кассир, худой и морщинистый человек с солнцезащитным зеленым козырьком на голове, выдал Рудольфу один билет до Олбани. Возможно было, конечно, купить билет до Кливленда с пересадкой в Олбани, но отец предупредил его, что никто, даже кассир, не должен знать конечного пункта назначения его брата. Выйдя в Олбани, Томас сам себе купит билет до Кливленда.

Когда Рудольф брал в кассе сдачу, у него мелькнула мысль купить билет и себе, но в противоположную сторону, до Нью-

Йорка. Почему Томас должен первым уезжать из родительского дома? Но, конечно, никакого билета в Нью-Йорк Рудольф не купил. Он вышел из здания вокзала и, пройдя мимо водителей, дремавших в своих такси образца 1939 года в ожидании следующего поезда, направился через площадь к скверу. Томас сидел на скамейке под деревом, вытянув перед собой широко расставленные ноги, зарыв каблуки своих туфель в худосочную траву газона. Выглядел он совершенно спокойным и безмятежным, словно ничего особенного с ним не произошло.

Рудольф огляделся вокруг и, убедившись, что на них никто не смотрит, протянул брату билет. Тот лениво взглянул на него, но не спешил класть в карман.

— Спрячь, спрячь его, — быстро сказал Рудольф. — Вот сдача с полсотни — сорок два доллара пятьдесят центов. Это тебе на билет из Олбани до Кливленда. Насколько я понимаю, у тебя еще порядком останется.

Томас, не считая, сунул деньги в карман.

— Старик, наверно, готов был удавиться, когда доставал эти бабки из своего тайника, — сказал он. — Ты, случаем, не видел, где он их прячет?

— Нет.

— Жаль. А то бы я мог вернуться как-нибудь темной ночью и свистнуть их у него. Хотя ты все равно не скажешь, даже если б и знал. Мой братец Рудольф не способен на это!

Неподалеку от них остановилась маленькая двухместная машина, за рулем которой сидела девушка, а рядом с ней — лейтенант военно-воздушных сил. Они вылезли из машины и, зайдя в тень, отбрасываемую вокзальным зданием, остановились и поцеловались. На девушке было светло-голубое платье, летний ветер трепал его и крутил вокруг ног. Лейтенант, высокий, стройный молодой человек, настолько загорел, что, казалось, он только что прибыл из пустыни. На его зеленой «куртке Эйзенхауэра» красовались медали и нагрудный знак с крыльями, в руке он держал битком набитую авиасумку. Рудольф смотрел на них, и ему казалось, что он слышит рев тысяч моторов, заполнивший небо над какой-нибудь далекой страной, и он почувствовал — в какой уже раз! — острое сожаление, что родился так поздно и не успел попасть на войну.

— Поцелуй меня, дорогая, — томно произнес Том, — я бомбил Токио.

— Какого черта ты паясничаешь? — возмутился Рудольф.

* «Куртка Эйзенхауэра» — короткая, застегивающаяся на пояс куртка, служившая формой американских военнослужащих во время Второй мировой войны; названа так потому, что была любимой формой генерала Эйзенхауэра.

— Послушай, ты уже с кем-нибудь переспал? — неожиданно спросил Томас.

Слова Томаса были словно эхом вопроса, заданного отцом в тот день, когда он ударил мисс Лено, и это не понравилось Рудольфу.

— А тебе-то какое дело?

— Никакого,— пожал плечами Томас, провожая глазами влюбленную парочку, направившуюся к открытым дверям вокзала.— Просто я подумал, раз уж я уезжаю так надолго, мы могли бы поговорить по душам.

— Ну, если тебе так уж хочется знать, то нет, пока этого не было,— неохотно ответил Рудольф.

— Так я и знал,— сказал Том.— Тогда слушай: у нас в городе, на Маккинли-стрит, есть одно заведение, которое называется «У Элис», и там ты можешь за каких-то пять баксов оторвать себе отличную деваху. Скажешь, тебя брат прислал.

— О себе я как-нибудь сам позабочусь,— ответил Рудольф. Он был на год старше Томаса, но чувствовал себя рядом с ним малым ребенком.

— Зато наша любимая сестрица занимается этим делом регулярно,— сказал Томас.— Ты этого не знал?

— Это меня не касается,— ответил Рудольф, но слова брата поразили его: Гретхен... такая чистая, аккуратная, вежливая... Чтобы его сестра лежала в тесных, потных объятиях мужчины и занималась любовью — Рудольф не мог себе этого представить.

— А хочешь знать, с кем?

— Нет.

— С Теодором Бойланом,— сообщил Томас.— Как тебе это нравится? У нашей сестрицы, нужно сказать, губа не дура!

— Откуда ты знаешь?— Рудольф был уверен, что Томас лжет.

— Я стоял у его дома и через окно наблюдал за ним,— ответил Томас.— Видел, как он вошел в гостиную совершенно голый, причем член у него свисал до самых колен, как у жеребца, затем налил в два стакана виски и крикнул: «Гретхен, принести тебе виски наверх или ты спустишься вниз?»

Томас жеманно улыбался, подражая Бойлану.

— Ну и что, она спустилась вниз? — спросил Рудольф, прерывая рассказ брата, слушать который ему было неприятно.

— Нет. Думаю, она нежилась в его постели там, наверху, и не хотела вставать.

— Ну вот, значит, ты не видел ее,— сказал Рудольф, пытаясь с помощью логики защитить честь сестры.— Стало быть, это могла быть и не она.

— Сколько девушек по имени Гретхен ты знаешь в Порт-Филиппе? — спросил Томас.— Да и, кроме того, Клод Тинкер видел,

как они с Бойланом ехали к нему на холм в его «бьюике». Она встречается с ним возле универмага Бернштейна в те часы, когда считается, что она ухаживает за ранеными в госпитале. Хотя, может быть, Бойлан тоже был ранен — в Испано-американскую войну*.

— Бог ты мой! — ужаснулся Рудольф. — С этим старым страшилищем Бойланом!

Если бы это был кто-нибудь вроде того молодого лейтенанта, который только что вошел с девушкой в здание вокзала, ее можно было бы хоть как-то понять, но с Бойланом!..

— Наверно, она с этого что-то имеет, — небрежно заметил Томас. — Спроси у нее как-нибудь.

— Ты говорил ей, что знаешь?

— Не-а, — ответил Томас. — Пусть себе трахается в свое удовольствие. Меня это не касается. Я ходил туда подсматривать ради смеха. А сама она для меня пустое место. — И он пропел: — «Пам-пам-пам, пам-пам-пам, где берутся дети у мам?»

Рудольф с недоумением смотрел на брата: откуда в нем так рано созрела эта ненависть?

— Если бы мы были итальянцами или кем-то вроде, — медленно проговорил Томас, — или же, на худой конец, джентльменами из какого-нибудь южного штата, мы бы поднялись на холм к этому подонку и отомстили бы за поругание чести нашей семьи. Отрезали бы ему яйца или пристрелили бы его или что-нибудь в таком духе. Мне в этом году будет не до этого, но если ты возьмешь эту миссию на себя, я даю тебе мое благословение.

— Ты можешь удивиться, — ответил Рудольф, — но не исключено, что я действительно чего-нибудь придумаю.

— Ну, ну, — пробормотал Томас. — Могу сообщить для твоего сведения — кое-что в этом направлении я уже сделал.

— Что именно?

Томас смерил Рудольфа пристальным взглядом и ответил:

— Спроси-ка лучше у своего папаши. Он знает. — Томас встал. — Ну, мне пора. Вот-вот придет поезд.

Они прошли на платформу. Лейтенант и девушка снова целовались. «А вдруг он никогда не вернется, — подумал Рудольф. — Вдруг это их последний поцелуй. Ведь, в конце концов, война на Тихом океане еще продолжается и с японцами еще не покончено». Девушка целовала лейтенанта и плакала, а он, стараясь ее утешить, поглаживал ее по спине. Найдется ли когда-нибудь такая девушка, подумал Рудольф, которая будет плакать на станционной платформе, когда *он* будет уезжать от нее?

* *Испано-американская война.* — Томас язвительно намекает на возраст Бойлана: эта война происходила в самом конце XIX в.

К платформе подошел поезд, закутанный в облако сельской пыли. Томас вскочил на подножку.

— Послушай,— сказал Рудольф,— если тебе понадобится что-нибудь из дома, напиши мне. Я уж найду способ переслать.

— Мне ничего не нужно из этого дома,— отчеканил Томас. Его бунт был окончательным и бескомпромиссным. Его еще не сформировавшееся, детское лицо сияло радостью, точно он ехал в цирк.

— Ну что ж,— произнес Рудольф, чувствуя себя как-то неловко,— желаю удачи.

В конце концов, Томас — его брат, и Бог знает когда они теперь увидятся.

— Кстати, я тебя поздравляю,— улыбнулся Томас.— Теперь вся кровать в полном твоём распоряжении, и тебе больше не придется возмущаться, что от меня несёт, как от дикого зверя. Смотри не забывай надевать на ночь пижаму.

«Уж таков мой братец,— подумал Рудольф.— Все такой же ершистый — до самого последнего момента». Томас вошел в тамбур, а затем в вагон, но так ни разу и не обернулся. Поезд тронулся с места. Лейтенант стоял у открытого окошка и махал рукой девушке, а та бежала по платформе за уходящим вагоном.

Поезд все больше набирал скорость, и девушка перестала бежать. Она почувствовала на себе взгляд Рудольфа, и лицо ее сразу же превратилось в закрытую книгу — ни следов печали, ни следов любви. Она резко повернулась на каблуках и поспешила с платформы, а ветер все так же трепал на ней платье. «Подруга солдата,— подумал Рудольф.— Ну и день рождения у меня выдался, черт возьми!»

IX

Гретхен упаковывала чемодан. Большой, потрепанный, подбитый медными заклепками, фибровый желтый чемодан, в котором ее мать, приехав невестой в Порт-Филип, привезла свое приданое. Гретхен не проводила еще ни одной ночи вне дома, поэтому у нее не было своего чемодана. Она приняла решение уехать после того, как отец, встретившись с братьями Тинкерами и вызвав вниз Томаса, поднялся наверх и сообщил, что отсылает Томаса из дома на долгое время. В тот же день она взобралась на чердак — маленькое, узкое помещение, где хранились те из немногих собранных Джордахами за всю жизнь вещей, которые им больше не были нужны,— нашла там материн чемодан и снесла его к себе в комнату. Мать увидела ее с чемоданом и, должно быть, догадалась, что это может значить, но ничего не сказала. Она не разговаривала с дочерью уже несколько недель, начиная

с той ночи, когда Гретхен явилась домой на рассвете после поездки с Бойланом в Нью-Йорк. У нее было такое чувство, что, разговаривая с Гретхен, она может заразиться той бациллой порока, которую носила теперь в себе ее дочь.

Напряженная атмосфера, воцарившаяся в тот день в доме и таившая в себе назревающий скандал, странное выражение в глазах отца, когда он вошел в гостиную и велел Рудольфу идти с ним, — все это заставило ее перестать колебаться и начать действовать. Более подходящего дня для отъезда из дома, чем это воскресенье, возможно, больше ей не представится.

Она тщательно отбирала вещи, которые брала с собой. Чемодан был большой, но не настолько, чтобы вместить в себя все, что ей может понадобиться, и ей приходилось от многого отказываться. Она то вкладывала в чемодан ту или иную вещь, то вновь вынимала, заменяя той, которая ей больше будет нужна. Ей хотелось надеяться, что она успеет покинуть дом раньше, чем вернется отец, но даже если он ее и застанет, она готова встретиться с ним лицом к лицу. Она так ему и скажет, что потеряла работу, а потому едет в Нью-Йорк, чтобы найти себе другую. Когда отец уходил с Рудольфом вниз, на его лице было какое-то безучастное и растерянное выражение, и ей подумалось, что этот день может оказаться единственным, когда она не встретит с его стороны отпора.

Ей пришлось перешерстить почти все свои книги, прежде чем она нашла конверт с деньгами. Что за безумную игру затеяла ее мать?! Закончится тем, что матушка окажется в сумасшедшем доме. Впрочем, Гретхен хотелось надеяться, что она когда-нибудь научится жалеть эту бедную женщину.

Гретхен огорчало, что она уезжает, не попрощавшись с Рудольфом, но уже начинало темнеть, а она не хотела оказаться в Нью-Йорке после полуночи. У нее не было ни малейшего понятия, где она остановится в Нью-Йорке. В конце концов, можно обратиться в Ассоциацию молодых христианок* — они должны ей помочь. Она знала девушек, которые проводили свою первую ночь, приехав в Нью-Йорк, в местах и похуже.

Окидывая последним взглядом свою оголенную комнату, она не испытывала особых эмоций. Ее прощание со своим жилищем, где она провела столько лет, было почти безразличным. Она взяла конверт, в котором больше не оставалось денег, и положила посреди своей узкой кровати, так чтобы он сразу бросался в глаза.

С трудом вынеся тяжелый чемодан в коридор, она увидела мать, сидевшую за столом и курившую. К грязной посуде и остат-

* Ассоциация молодых христианок — международная благотворительная организация, имеющая в разных городах свои общезития, клубы и т. п.

кам обеда на столе — обглоданным гусиным костям, давно остывшей капусте, клецкам, просвечивающим сквозь желеобразный жир, испачканным салфеткам — мать за эти несколько часов даже не прикоснулась; она сидела, уставившись в стену, и курила.

— Ма,— сказала Гретхен, входя в комнату.— Сегодня, наверное, для всех день отъезда. Я вот тоже собрала вещи и уезжаю.

Мэри медленно повернула голову, взглянула на нее воспаленными глазами и глухо спросила:

— Небось, уходишь к своему греховоднику?

Ее словарь оскорбительных выражений явно устарел. Она выпила за эти часы все оставшееся вино и была изрядно пьяна. Гретхен впервые видела мать пьяной, и это почему-то казалось ей очень смешным.

— Ни к кому я не ухожу,— ответила она.— Меня уволили, и я еду в Нью-Йорк искать другую работу. Когда устроюсь, я тебе напишу.

— Блудница,— сказала мать.

Гретхен поморщилась — кто в сорок пятом году помнит такие слова? «Блудница» — это слово делало ее какой-то незначительной и даже смешной. Но она сделала над собой усилие и поцеловала мать в щеку. Кожа у матери была грубая, шершавая.

— Лицемерные поцелуи,— сказала мать, тупо глядя перед собой.— Кинжал в букете роз.

Боже, что за книги она, должно быть, читала в молодости!

Мать откинула тыльной стороной руки прядь волос со лба. Этот ее привычный жест был бесконечно усталым даже тогда, когда ей было всего двадцать лет от роду, и Гретхен вдруг подумала, что мать, должно быть, и родилась уже усталой и измученной, а поэтому ей многое нужно прощать. Она стояла в нерешительности и пыталась отыскать в себе хоть каплю симпатии к этой пьяной женщине, сидящей в клубах табачного дыма за неубранным столом.

— Гусь! — презрительно пробормотала мать.— Кто нынче ест гусей?

«Нет, она безнадежна»,— подумала Гретхен, покачав головой, и, выйдя в коридор, с усилием подняла чемодан и стала спускаться по лестнице. Внизу она отперла дверь и, опустив чемодан на порог, вытолкала его ногой на улицу. Солнце уже садилось, и дома отбрасывали длинные, сине-фиолетовые тени. В тот момент, когда она подняла чемодан, вдруг зажглись уличные фонари. Их бледно-желтый, услужливый свет был столь же преждевременным, сколь и ненужным.

Из-за угла показался спешивший домой Рудольф. Он был один. Она опустила чемодан на тротуар и стояла, ожидая его. «Как хорошо ему в куртке,— подумала она,— какой он чистенький и опрятный». Она была рада, что потратилась ему на подарок.

Заметив сестру, Рудольф перешел на бег.

— Ты куда это собралась? — спросил он, подбежав к ней.

— В Нью-Йорк, — ответила она, стараясь придать голосу беспечное выражение. — Поехали со мной.

— Был бы рад, да не могу, — сказал он.

— Поможешь даме донести чемодан до такси?

— Мне нужно с тобой поговорить, — произнес он вместо ответа.

— Не здесь, — сказала она, взглянув на окно. — Я хотела бы как можно скорее оказаться подальше отсюда.

— Ты права, — произнес Рудольф, беря чемодан. — Здесь не место для разговоров.

И они вместе пошли по улице ловить такси. «До свиданья, до свиданья! — пела про себя Гретхен, проходя мимо знакомых имен. — До свиданья, гараж Клэнси и мастерская по ремонту кузовов! До свиданья, прачечная Сориано! До свиданья, мясная лавка Фенелли! До свиданья, аптека Болтона! До свиданья, „Краски и скобяные изделия“ Уортона! До свиданья, парикмахерская Бруно! До свиданья, „Фрукты и овощи“ Жардино!» Она бодро шагала рядом с братом под весело звучащую внутри нее песенку, но были в этой песне и грустные нотки: иначе и не могло быть — возможно ли оставить родной дом без сожалений в возрасте девятнадцати лет?!

Через два квартала от своего дома они наконец поймали такси, которое отвезло их на вокзал. Гретхен пошла за билетом, а Рудольф сел на ее старомодный чемодан и подумал: «Странно я, однако, отмечаю свой семнадцатый день рождения, прощаясь со своими родственниками буквально на каждой станции Нью-Йоркской центральной железной дороги».

Рудольф не мог с собой ничего поделывать, но ему было больно видеть эту безмятежную легкость в движениях его сестры, эти искорки радости в ее глазах. Ведь, что ни говори, она покидает не только родной дом, она покидает *его*. Он чувствовал себя с ней как-то странно: ведь теперь он знал, что она спала с мужчиной. *Пусть себе трахается в свое удовольствие*. Нет, он бы предпочел не использовать таких выражений, говоря или даже думая о сестре.

— Поезд придет аж через полчаса, — сказала Гретхен, дотрагиваясь до его рукава. — Я бы чего-нибудь выпила. К тому же еще раз отпразднуем твой день рождения. Давай сходим в «Порт-Филиппский Дом» — это рядом, через улицу, — а чемодан сдадим в камеру хранения.

— Лучше я понесу его с собой, — ответил Рудольф, поднимая с земли чемодан. — За хранение нужно платить — целых десять центов.

— Раз в жизни можно и шикануть,— рассмеялась Гретхен.— Давай промотаем наше наследство. Пусть десятицентовики летят направо и налево!

Беря квитанцию на чемодан, он подумал, а не пила ли она все это время, пока его не было дома.

Бар «Порт-Филипского Дома» был пуст, если не считать двух солдат, сидевших возле входа и угрюмо взиравших на стоящие перед ними кружки с пивом. В баре было темно и прохладно, и они с Гретхен могли видеть через окно здание вокзала, которое светилось в сгущающихся сумерках зажегшимися только что яркими огнями. Они сели за столик в задней части комнаты и, когда к ним подошел бармен, вытирая фартуком руки, Гретхен уверенным голосом заказала:

— Два виски с содовой, пожалуйста.

Бармен не стал спрашивать, исполнилось ли им восемнадцать. Гретхен заказывала виски с таким видом, будто всю свою жизнь только и делала, что распивала в барах.

В общем-то, Рудольф предпочел бы кока-колу. В этот день так много случилось, что у него голова шла кругом и без виски.

— Ну, чего ты насупился? — Она шутливо ткнула брата двумя пальцами в щеку.— Забыл, что сегодня твой день рождения?

— Вроде бы помню,— протянул Рудольф.

— Скажи, почему папа отослал Томаса из дома?

— Не знаю. Ни тот ни, другой ничего мне не сказали. Думаю, это как-то связано с Тинкерами. Томми ударил папу — вот это я точно знаю.

— Ну и ну-у,— тихо произнесла Гретхен.— Ничего себе денек, правда?

— Да уж,— согласился Рудольф. «Этот денек был для меня поудивительнее, чем ты можешь себе только представить»,— подумал он, вспомнив, что рассказал ему Том про сестру.

Подошел бармен, принеся виски и бутылку содовой с сифоном.

— Содовой поменьше,— сказала ему Гретхен.

Бармен плеснул из бутылки немного содовой в ее стакан.

— А как вам? — спросил он, поднеся сифон к стакану Рудольфа.

— Мне тоже чуть-чуть,— ответил Рудольф, как и подобает человеку, которому больше восемнадцати лет.

Гретхен подняла стакан и провозгласила:

— За семью Джордахов — это достойное украшение порт-филипского общества.

И они выпили. Рудольф отхлебывал понемногу, еще не привыкнув к вкусу шотландского виски. Зато Гретхен пила жадными глотками, точно ее мучила жажда и она хотела допить первую порцию как можно скорее, с тем чтобы успеть выпить еще один стакан до отхода поезда.

— А семейка у нас что надо,— покачала она головой.— Знаменитая коллекция подлинных мумий Джордахского периода. Почему бы тебе не сесть со мной в поезд и не уехать жить в Нью-Йорк?

— Ты сама знаешь, что я не могу,— ответил он.

— Я и о себе так думала,— возразила она,— а вот решила же.

— А почему?

— Ты о чем?

— Почему ты уезжаешь? Что у тебя случилось?

— Много чего,— уклончиво ответила Гретхен и снова сделала большой глоток виски.— В основном, я еду из-за одного человека.— Она вызывающе посмотрела на брата.— Из-за человека, который хочет на мне жениться.

— Ты о Бойлане?

— А откуда ты знаешь? — Зрачки ее глаз расширились и потемнели в полумраке бара.

— Мне сказал Томми.

— А он как узнал?

«Почему бы и не рассказать ей?» — подумал он. Сама спрашивается. От стыда за нее и ревности к ней ему хотелось сделать ей больно.

— Он был возле дома Бойлана и видел в окно.

— И что именно он увидел? — холодно спросила Гретхен.

— Бойлана. Совершенно голого.

— Бедный Томми,— рассмеялась Гретхен, но в смехе ее звенел металл.— Голый Тедди Бойлан — не такое уж приятное зрелище. Он и меня видел голой?

— Нет.

— Что ж, ему не повезло,— сказала она.— По крайней мере, не зря потратил бы время на свой поход к дому Бойлана.

Сестра проговорила это как-то жестко и безжалостно, словно стараясь ранить саму себя. Такой ее Рудольф никогда не видел.

— А почему он решил, что там была именно я?

— Бойлан громко спросил, спустишься ли ты или принести тебе виски наверх.

— Ах, вот оно что,— воскликнула она.— Значит, это было в ту ночь. В ту незабываемую ночь. Как-нибудь расскажу тебе поподробнее.— Гретхен внимательно взглянула ему в лицо.— Не смотри на меня так грозно. Сестры рано или поздно становятся взрослыми и начинают встречаться с мужчинами.

— Да, но Бойлан...— с горечью произнес Рудольф.— Этот хилый старикан.

— Не такой уж он и старый,— ответила Гретхен.— И не такой уж и хилый.

— Значит, он тебе нравился? — обвиняющим тоном проговорил он.

— Мне нравилось заниматься с ним *этим*, — задумчиво произнесла она, и лицо ее посерьезнело. — *Такого* удовольствия я никогда раньше — за всю свою жизнь — не испытывала.

— Тогда почему ты от него сбегаешь?

— Потому что если я сейчас не уеду, дело может закончиться тем, что я выйду за него замуж. А разве Тедди Бойлан достоин твоей чистой, красивой сестренки? Сложная ситуация, не правда ли? Твоя жизнь ведь тоже не так проста? Не лелеешь ли и ты в своей груди темные, греховные страсти? Не навещаешь ли какую-нибудь взрослую женщину, пока ее муж на службе, а?

— Не издевайся надо мной, — сердито произнес он.

— Ладно, ладно, не буду, — примирительно сказала она, коснувшись его руки, а затем жестом подозвала бармена: — Еще виски, пожалуйста. — Бармен отправился выполнять заказ, а она продолжала: — Кстати, когда я уходила, мама была совершенно пьяна. Она допила все вино, купленное к твоему дню рождения. Кровь ягненка, как говорится. Больше нашей семье ничего и не нужно. — Она говорила о своих ближайших родственниках, как о посторонних людях. — Сумасшедшая пьяная старуха. Обозвала меня блудницей. — Гретхен хихикнула. — Последнее ласковое напутствие дочери, уезжающей в большой город... Беги отсюда, Рудольф, — хрипло произнесла она. — Уезжай, пока они окончательно тебя не искалечили. Беги из этого дома, где ни у кого нет друзей и где никогда не звенит дверной звонок.

— Никто меня не калечит, — ответил Рудольф.

— Послушай, братик, тебе хорошо удастся морочить голову и своей семье, и другим. — Теперь ее враждебность стала откровенной. — Но меня-то ты не обманешь. Ты всеобщий любимец, но самому тебе наплевать на всех людей и весь мир. И если ты считаешь, что такой человек не калека, то можешь хоть сейчас посадить меня в инвалидную коляску.

Подошел бармен и, поставив перед ней стакан с новой порцией виски, долил на полстакана содовой.

— Какого черта! — воскликнул Рудольф, вскакивая из-за стола. — Если ты обо мне так думаешь, ради чего я тут торчу с тобой? Я ведь тебе абсолютно не нужен.

— Верно, не нужен, — согласилась она.

— Держи, вот твоя квитанция на чемодан, — и он протянул ей бумажку.

— Благодарю, — деревянным голосом произнесла она. — Считаю, что ты совершил положенный тебе на сегодня добрый поступок. А я совершила свой.

Рудольф вышел из бара, оставив Гретхен за вторым стаканом виски. Ее миловидное, овальное лицо разругалось, глаза сияли, полные, красивые губы страстно полуоткрылись в ожида-

нии новой жизни, но в их очертаниях угадывалась и какая-то горечь. Мысленно она уже была за тысячу миль от жалкой, убогой квартиры над булочной, от своих отца и матери, от братьев и от любовника. Она была на пути в огромный город, поглощавший по миллиону девушек в год.

Рудольф медленно брел домой. В глазах его стояли слезы жалости к самому себе. Сестра и брат правы. Они верно раскусили его суть. Ему надо постараться стать другим. Но как это сделать, с чего начать? Что должен изменить в себе человек, чтобы стать другим? Гены? Хромосомы? Знак зодиака? Ведь их не изменишь.

Дойдя до Вандерхофф-стрит, он остановился. Ему не хотелось идти домой, не хотелось видеть мать пьяной, не хотелось видеть это загнанное, ненавистное выражение в глазах отца, словно пораженных какой-то болезнью. И он решил спуститься к реке. На горизонте все еще были заметны последние отблески зари, и река скользила мимо, напоминая мокрую стальную поверхность. От нее исходил запах глубокого, сырого погреба, вырытого в известковой земле. Рудольф сидел на полусгнившем причале возле сарая, где отец держал свою лодку, и смотрел на противоположную сторону.

Вдруг он увидел, как что-то плывет по реке. Вглядевшись в темное пятно, он узнал каноэ своего отца. Отец греб, яростно погружая весла в мощном, механическом ритме, безжалостно терзая темную воду. Лодка, преодолевая течение, двигалась вверх по реке.

Рудольф вспомнил, что отец собственноручно убил двух человек — одного ножом, другого штыком.

Он чувствовал себя опустошенным и совершенно разбитым. Выпитое виски жгло ему грудь, во рту был отвратительный вкус.

«Этот день рождения я запомню навсегда», — подумал он.

Х

Мэри Пиз Джордах сидела в темной гостиной, вся укутанная сигаретным дымом. Она не обращала внимания ни на остатки жареного гуся, ни на холодную капусту в беспорядочно стоящих тарелках. «Двое детей уехали от меня, — думала она. — Один — бандит, другая — блудница. Слава Богу, со мной остался мой любимый Рудольф! — пьяно ликовала она. — Ах, если бы сейчас на этой холодной реке поднялся страшный шторм и проглотил бы лодку Акселя вместе с ним! Но только как можно дальше от дома. Каким прекрасным стал бы для меня этот день!»

Глава 7

I

Услышав автомобильный гудок, Том выбрался из-под «форда», с которым возился, стоя в смотровой яме, вытер тряпкой руки и вышел из гаража. Возле одной из бензоколонок стоял «олдс-мобиль» их постоянного клиента мистера Герберта.

— Наполни-ка мне бак,— сказал мистер Герберт.

Мистер Герберт занимался продажей недвижимости и скупал земельную собственность в районе вокруг гаража по низким ценам военного времени, с тем чтобы дождаться послевоенного бума и хорошо заработать на этом. И вот теперь, когда капитулировали японцы, его машина стала появляться возле гаража Джордахов чаще обычного. Он заправлялся бензином только на их заправочной станции, пользуясь талонами, ходившими на черном рынке, которые покупал у того же Гарольда Джордаха.

Томас открыл крышку на бензобаке машины и сунул туда наконецник шланга. День был жаркий, и пары от льющегося в бак бензина волнами поднимались в воздух. Томас отвернул голову в сторону, стараясь не дышать бензином. От работы на бензоколонке у него каждую ночь болела голова. «Эти немцы ведут против меня настоящую химическую войну,— думал он,— хотя война с ними вроде бы и закончена». Томас воспринимал дядю только как немца, хотя отца своего немцем никогда не считал. Дядя говорил с сильным немецким акцентом, а его две белокурые дочери по праздникам надевали баварские национальные наряды. Трапезы в семье дяди Джордаха были обильные и состояли преимущественно из немецких блюд — франкфуртских сосисок, колбасы, копченой свинины и кислой капусты. В доме постоянно звучала проигрываемая на граммофоне немецкая музыка — песни Вагнера и Шуберта, которые обожала миссис Джордах. *Tante** Эльза — так, по просьбе миссис Джордах, называл ее Томас.

Кроме Томаса, в гараже никого не было. Механик Койн болел на этой неделе, а второй подручный уехал на вызов. Два часа дня. Гарольд Джордах еще дома, обедает. Съесть на обед *Sauerbraten mit Spätzle*** , выпить три бутылки светлого пива, а потом сладко вздремнуть на широкой кровати рядом с толстухой женой — для него это было в порядке вещей. Не перерабатывать — вот какого главного принципа в жизни придерживался Гарольд

* *Tante* (нем.) — тетья.

** *Sauerbraten mit Spätzle* (нем.) — жаркое из говядины с клецками пошвабски.

Джордах. Не перерабатывать — не то схлопочешь инфаркт раньше времени.

Горничная Джордахов давала Томасу с собой сумочку с двумя бутербродами и фруктами. Его вполне устраивал такой обед, а главным образом то, что он мог есть в гараже, подальше от дяди и его семьи. Ему было достаточно и того, что приходилось жить с ними в одном доме, — в крохотной каморке на чердаке, где он всю ночь обливался потом: за день тесное пространство под раскаленной от солнца крышей нагревалось до такой степени, что даже ночью там дышать было нечем. Получал он пятнадцать долларов в неделю. Сгоревший в Порт-Филипе крест обернулся недурной выгодой для дядюшки Гарольда.

Бак наполнился до краев, и Томас поспешил вынуть шланг и повесить его на место, после чего закрутил крышку и вытер с заднего крыла машины пролившийся бензин. Затем вымыл ветровое стекло и получил с мистера Герберта четыре доллара тридцать центов. Сверх этого тот дал ему десять центов — «на чай».

— Спасибо, мистер Герберт, — произнес Томас с наигранной благодарностью в голосе и некоторое время стоял, провожая взглядом кативший к городу «олдсмобиль».

Гараж Джордахов стоял на окраине города, и мимо проезжало множество машин и автобусов. Томас зашел в контору, пробил уплаченную сумму на кассовом аппарате и положил деньги в выдвижной ящик под кассой. Он уже закончил смазывать «форд» и мог себе позволить передохнуть. Конечно, будь дядя в гараже, он тут же нашел бы ему работу. Например, заставил бы вычистить туалеты или навести блеск на хромированные части старых машин, выставленных на продажу на стоянке подержанных автомобилей*. Томас лениво подумал: а может, очистить кассу и смыться? Он нажал на клавишу на кассе и заглянул в выскочивший ящик: там, вкуче с четырьмя долларами тридцатью центами мистера Герберта, оказалось ровно десять долларов и тридцать центов. Дядя Гарольд, уходя домой на обед, забирал утреннюю выручку с собой, оставляя в кассе лишь пять долларов бумажками и доллар серебром на сдачу клиентам. Он не стал бы владельцем гаража, заправочной станции, стоянки подержанных автомашин и городского автомобильного агентства, если бы относился к деньгам легкомысленно.

Томас еще не обедал, поэтому, взяв сумочку с бутербродами, вышел из конторы, сел в тени на расшатанный деревянный стул, прислоненный к стене гаража, и стал смотреть на проезжающие мимо машины. Зрелище это всегда доставляло ему удоволь-

* *Стоянка подержанных автомобилей.* — Так в Америке называются своеобразные автомагазины на открытом воздухе.

ствие. Стоянку подержанных автомобилей украшали разноцветные флажки, на которых были указаны цены, а сами продаваемые машины, выстроившиеся по диагонали через всю площадку, чем-то напоминали стоящие на рейде корабли. Напротив, по ту сторону дороги, начинались фермерские поля, вперемешку коричнево-желтые и зеленые. Если сидеть неподвижно, то жара не так уж страшна, а отсутствие дяди Гарольда еще больше наполняло Томаса ощущением довольства и благополучия.

В общем-то ему не так уж и плохо жилось в этом городе. Элизиум, штат Огайо, уступал Порт-Филипу по размерам, зато люди жили здесь гораздо богаче. В городе не было трущоб и не чувствовалось упадка и загнивания, которые дома, в Порт-Филипе, казались Томасу чем-то само собой разумеющимся. Неподалеку от города лежало небольшое озеро. На берегу стояли две гостиницы, работавшие только летом, и множество коттеджей, владельцы которых приезжали сюда отдыхать из Кливленда. Вообще Элизиум своей шеголеватостью и праздничной атмосферой походил на курорт: здесь были хорошие магазины, рестораны, устраивались конные аукционы, а также парусные регаты на озере, в которых участвовали владельцы маленьких яхт. Но прежде всего Элизиум производил впечатление города, у жителей которого водятся деньги,— и в этом заключалось его главное отличие от Порт-Филипа.

Томас вытащил из сумочки аккуратно завернутый в вошеную бумагу бутерброд. Между двумя тонкими кусочками свежего ржаного хлеба лежали бекон, листочки салата-латука и ломтики помидора, обильно сдобренные майонезом. Такие затейливые бутерброды, причем каждый день разные, горничная Джордахов Клотильда стала давать ему сравнительно недавно, а первые несколько недель ему приходилось довольствоваться одной и той же болонской копченой колбасой с толстыми ломтями хлеба. Томасу было даже как-то неловко держать в запачканной маслом, с черными ногтями руке такой привлекательно приготовленный, словно в кафе, бутерброд. Слава Богу, Клотильда не видела, как он съедает произведения ее кулинарного искусства. Она была милая, эта канадская француженка Клотильда,— тихая, спокойная женщина лет двадцати пяти, работавшая в доме Джордахов с семи утра до девяти вечера. Выходной ей давали всего лишь два раза в месяц по воскресеньям, да и то со второй половины дня. У нее были печальные темные глаза и черные волосы. Цвет волос и глаз сами по себе свидетельствовали о ее более низком социальном положении по сравнению с агрессивно белокурой Джордахами, как если бы Судьба, пометив таким образом Клотильду при рождении, еще тогда предназначила ее стать их слугой.

Возвращаясь поздно ночью после бесцельного шатания по улицам города — дядя Гарольд и *Tante* Эльза, как и родители Томаса, не могли удержать его дома по вечерам,— он всегда находил на кухонном столе оставленный Клотильдой для него кусок пирога. К ночи им овладевало какое-то безотчетное беспокойство, и он попросту не мог усидеть дома. Правда, в городе ему тоже нечем было заняться: иногда он играл в софтбол при свете фонарей в городском парке или шел в кино, после чего выпивал пару стаканов содовой, или же «подцеплял» девушек. Но друзей он не заводил: рано или поздно они стали бы допытываться, почему он уехал из Порт-Филипа. Он старался держаться со всеми вежливо и со времени приезда в Элизиум ни разу не дрался. Ему и так хватало прошлых неприятностей. В целом он не чувствовал себя таким уж несчастным. Уже одно то, что он так далеко от отца с матерью и ему не нужно жить с ними в одном доме, действовало на него успокаивающе. А если добавить к этому, что он теперь был избавлен от унижительной необходимости делить кровать со своим братом Рудольфом и что ему больше не нужно было ходить в школу, то он имел все основания считать, что ему повезло. Работа в гараже не казалась ему такой уж неприятной, хотя дядя Гарольд оказался порядочным занудой, вечно суетился и тревожился по пустякам. *Tante* Эльза кудахтала над Томом, как наседка, и постоянно пичкала его апельсиновым соком, считая, что его худоба — следствие недоедания. В общем-то дядя с тетей, хоть и изрядные тюфяки, желали ему добра. Что касается двоюродных сестер Томаса, совсем еще девочек, то он как бы не существовал для них.

Ни дядюшка Гарольд, ни тетушка Эльза не знали, почему его отослали из дома. Правда, дядя пытался выведать у него истинную причину, но тот уклончиво отвечал: просто у него плохо шли дела в школе, что, кстати, вполне соответствовало истине, и поэтому отец решил для его же блага отправить его куда-нибудь подальше, чтобы он сам зарабатывал себе на жизнь. Дяде Гарольду представлялись оправданными любые мотивы, заставляющие отправить парнишку из дома, чтобы он сам зарабатывал себе на жизнь. Тем не менее ему казалось странным, что за все это время Томас не получил из дома ни одного письма и что после того воскресного звонка, когда Аксель сообщил о предстоящем приезде к ним его сына, никаких вестей из Порт-Филипа больше не было. Сам же Гарольд Джордах был примерным семьянином, обожал своих дочерей и не скупился на подарки жене, чей первоначальный капитал, еще до того времени, как он стал его приумножать, позволял ему жить в Элизиуме припеваючи.

Как-то, заговорив с Томом об Акселе Джордахе, дядя Гарольд, вздохнув по поводу того, что они с братом так не похожи характерами, сокрушенно проговорил:

— Мне кажется, Том, все это из-за ранения твоего отца. Слишком сильно оно на него подействовало. Оно заставило его видеть в жизни только темные стороны. Можно подумать, что он один на свете калека.

Но в одном он был совершенно согласен с Акселем Джорда-хом: немцы по натуре своей сущие дети, и развязать войну им ничего не стоит. «Стоит заиграть оркестру, как они начинают маршировать,— говорил дядя Гарольд.— А что хорошего в этой войне? Топаешь под дождем, понукаемый сержантом, спишь в грязи, а не в чистой, теплой постели рядом с женой, подставляешь себя под пули, которыми в тебя стреляют совершенно незнакомые люди, а затем, если тебе повезло и ты выжил, остаешься гол как сокол, если не считать старой солдатской формы, не имея даже собственного ночного горшка, куда бы ты мог пописать! Война выгодна для крупных промышленников вроде Круппа, поставляющих армии пушки и военные корабли, а для маленького человека...— И он пожимал плечами.— Сталинград! Кому это надо?» Хоть Гарольд Джордах и был немцем до мозга костей, он держался в стороне от общественного движения американских немцев. Ему нравилось жить той жизнью, которой он жил, быть тем, кем он есть, и никакими коврижками его нельзя было бы заманить в какую-либо организацию, которая могла бы его скомпрометировать. «Я ни с кем не враждую,— таков был один из основополагающих принципов, по которым он жил.— Мне все равно, с кем я имею дело: с поляком ли, с французом, с англичанином, с евреем — с кем угодно... Пусть даже с русским! Любой может купить у меня машину или десять галлонов бензина и любой мне друг, если он расплатится со мной полноценными американскими долларами».

Томасу жилось в доме дяди довольно спокойно. Он соблюдал установленные в семье правила, но жил своей собственной жизнью. Временами его раздражало упорное нежелание дядюшки давать ему передохнуть пять-десять минут в течение рабочего дня, но в целом он был доволен предоставленным ему пристанищем. В то же время он понимал, что пристанище это временное и рано или поздно он покинет его. Пока же торопиться было некуда.

Он собрался было достать из сумочки второй бутерброд, как к гаражу подъехал «шевроле» образца 1938 года, принадлежащий двум сестрам-близнецам. Описав дугу, машина подкатила к заправочной станции, и Том увидел, что внутри сидит только одна из сестер. Он не знал которая — Этель или Эдна. Как и большинство городских парней, он переспал и с той и с другой, но различать их так и не научился.

«Шевроле», судорожно подергиваясь и поскрипывая, остановился у бензоколонки. Денег у родителей близняшек было

навалом, но они считали, что для шестнадцатилетних девушек, не заработавших ни единого цента в жизни, вполне сойдет и старый «шевроле».

— Привет! — Томас не назвал ее имени, чтобы не опростоволоситься.

— Привет, Том! — отвечала она.

Сестры были очень милovidные девушки — загорелые, с прямыми каштановыми волосами, с рельефными, тугими попками. Кожа у них просто светилась, как если бы они только что вышли из горного родника, и, если не знать, что они переспали со всеми молодыми парнями в городе, любому было бы лестно появиться с ними на людях.

— Ну-ка скажи, как меня зовут? — лукаво улыбнувшись, спросила девушка.

— Да брось ты, — ответил Том.

— Если не скажешь, — настаивала она, — я заправлюсь в каком-нибудь другом месте.

— Валяй, — безразлично произнес Том. — Все равно деньги идут не мне, а дяде.

— Я собиралась пригласить тебя на вечерний пикник на озере, — сказала она. — Возьмем с собой три ящика пива, будем жарить сосиски и есть хот-доги. Но если не угадаешь, как меня зовут, не получишь приглашения.

Том с улыбкой глядел на нее, стараясь выиграть время. Верх машины был опущен, и он заметил на сиденье рядом с девушкой белый купальник: должно быть, она ехала на озеро купаться.

— Мне просто хотелось тебя подразнить, Этель, — сказал он, зная, что у Этель белый купальник, а у Эдны — синий. — Я тебя сразу узнал.

— Тогда налей-ка мне три галлона, — засмеялась Этель. — За то, что правильно угадал.

— А я и не угадывал, — сказал он, беря в руки шланг. — Просто твое лицо запечатлелось в моей памяти на вечные времена.

— Иначе и не могло быть, — отозвалась Этель и, посмотрев на гараж, состроила гримаску: — Как можно работать в этом жутком месте? Такой парень, как ты, мог бы найти что-нибудь и получше. Ну хотя бы место в какой-нибудь конторе.

Когда они познакомились, Томас сказал ей, что ему девятнадцать и что он уже окончил школу. Это было в один из субботних дней, на озере. Она тогда первая заговорила с ним, подойдя к нему после того, как он целых пятнадцать минут красовался, прыгая с трамплина в воду.

— А мне и здесь нравится, — ответил он. — Я и дня не выси-дел бы в конторе. Предпочитаю заниматься делом на свежем воздухе.

— Мне ли этого не знать! — хихикнула она.

В тот день они зашли в лес и занимались любовью на одеяле, которое она держала под откидным сиденьем машины. Потом это повторялось не один раз. Предавался он любовным утехам и с ее сестрой Эдной, причем на том же самом месте и на том же одеяле — правда, в другие дни. Близняшки с детства привыкли делиться друг с другом всем, что у каждой было, и эта привычка осталась у них до сих пор, распространившись на их парней. Во многом благодаря сестрам Том и не спешил уезжать из Элизаума, мирясь с необходимостью работать в гараже. Но вот что он будет делать зимой, когда лес покроется снегом, ему трудно было себе представить.

Том закрыл крышкой отверстие на баке и повесил на место шланг. Этель протянула ему долларовую бумажку, но талона на бензин, как видно, не собиралась давать.

— Эй, а где твой талон? — спросил он.

— Это мой маленький сюрприз, — улыбнулась она. — Они у меня закончились.

— Э, нет! Без талона никак нельзя.

— И это говоришь *ты*, несмотря на наши отношения! — обиженно проговорила она, надув губы. — Ведь Антонию и в голову не приходило спрашивать у Клеопатры какие-то талоны.

— Но ей не нужно было покупать у него бензин, — возразил Том.

— А какая тебе разница, дам я тебе талон или нет? — искренне удивилась Этель. — Ведь все равно мой предок покупает талоны у твоего дяди — вот и получается, что они переходят из одного кармана в другой. Не забывай: идет война.

— Ты что, какая война?! Она же закончилась.

— Но мало что изменилось.

— Ну, хорошо, — смягчился Том. — Обойдемся без талона, но только потому, что ты такая красивая.

— Как ты думаешь, я красивее Эдны? — спросила Этель.

— Куда там ей до тебя!

— Я ей обязательно скажу, что ты считаешь меня красивее.

— А вот этого делать не стоит, — нахмурился Том. — Какой смысл без надобности огорчать человека, тем более свою родную сестру?

Его вовсе не прельщала перспектива потерять половину своего гарема — и все из-за какой-то глупой фразы.

Этель заглянула в пустой гараж.

— Как ты думаешь, люди занимаются *этим* в гараже?

— Давай-ка лучше перенесем это на вечер, ладно, Клеопатра? — ответил Том.

— Хотелось бы испробовать всё, — игриво произнесла она. — Хотя бы по одному разу. У тебя есть свой ключ от гаража?

— Рано или поздно я его раздобуду.

Теперь он знал, чем займется зимой.

— Почему бы тебе не оставить эту грудю железного хлама — хоть не надолго, на какой-то часок — и не съездить со мной на озеро? Я знаю местечко, где мы сможем купаться совсем без ничего.

И она соблазнительно заерзала на покрытом трещинами кожаном переднем сиденье. «Странная штука, — подумал Том. — Две девчонки в одной семье — и обе такие горячие штучки. Интересно, а догадываются ли о чем-нибудь их родители? Небось, считают своих доченек паиньками. И не удивительно: они так благочинно идут рядом с ними на воскресную службу в церковь».

— Я человек рабочий, — ответил ей Том. — На таких, как я, держится наша промышленность. Вот, кстати, почему я не в армии.

— Как было бы здорово, если бы ты был капитаном! — мечтательно произнесла Этель. — Раздевать тебя в форме капитана — да я что угодно готова отдать за это! Расстегивать одну медную пуговицу за другой! И в довершение всего — отстегнуть твою саблю!

— Ладно, укатывай поскорей отсюда, — улыбнулся Том. — Вот-вот возвратится дядя, а что я ему скажу, если он спросит, взял ли я у тебя талон на бензин?

— Так где мы встречаемся? — спросила Этель, включая двигатель.

— У библиотеки в восемь тридцать. Тебя устраивает?

— Договорились, красавчик, — в восемь тридцать. Буду весь день загорать и думать о тебе. Представлять, будто мы с тобой занимаемся *этим*. — И, помахав ему рукой, она укатила.

Том снова уселся на расшатанный стул в тени. «Интересно, — подумал он, — неужели Гретхен разговаривала с этим Теодором Бойланом так же, как Этель со мной?»

Он запустил руку в сумочку и достал второй бутерброд. Сверху, под оберткой, лежал сложенный вдвое листок бумаги. Он развернул его. На бумаге по-детски старательным почерком было выведено карандашом: «Я люблю тебя». Том прищурился. Он сразу же узнал руку Клотильды. Она ежедневно составляла список продуктов, прежде чем заказывать их по телефону на рынке, и список этот всегда клала на одно и то же место — на полку в кухне.

Том тихонько присвистнул и еще раз прочел послание, теперь уже вслух: «Я люблю тебя». Ему только что исполнилось шестнадцать, но голос у него оставался по-мальчишески высоким. Двадцатипятилетняя женщина, с которой он перекинулся не более чем парой слов! Он аккуратно сложил записку, положил ее в карман и, прежде чем приняться за второй бутерброд

(хлеб, бекон, салат-латук и нарезанные дольками помидоры), долго смотрел на проезжающие машины, спешившие по дороге в Кливленд.

Ни на какой пикник он сегодня не поедет, это уж точно!

II

«Пятеро с реки» исполняли вариации на тему модной песенки «Мы всегда неразлучны с тобой». Рудольф солировал на трубе, вкладывая в игру все, на что только был способен, потому что сегодня пришла Джули. Она сидела за столиком одна и, слушая его игру, не отрывала от него глаз. «Пятеро с реки» — так назывался джаз-банд Рудольфа, в котором сам он играл на трубе, Кесслер — на контрабасе, Уэстерман — на саксофоне, Дейли — на ударных и Фланнери — на кларнете. Название своему оркестру придумал Рудольф, и объяснялось оно достаточно просто: их было пятеро, все они жили в Порт-Филипе, а значит на реке Гудзон, а, кроме того, ему казалось, что «Пятеро с реки» звучит и артистически и профессионально.

Им удалось заключить контракт на целые три недели, и каждый вечер, за исключением воскресенья, они играли в придорожном ресторане «Джек и Джилл» на окраине города. Огромный дощатый барак сотрясался от топота ног танцующих посетителей. Вдоль стены тянулась длинная стойка бара, и весь зал был заставлен маленькими столиками. Публика почти ничего не заказывала, кроме пива. Стиль одежды завсегдатаев, особенно по субботним вечерам, как сегодня, был достаточно непринужденным: парни — в теннисках, многие девушки — в брюках. Некоторые девушки приходили группами, без кавалеров. Они стояли у стены, ожидая, когда кто-нибудь пригласит их на танец, или танцевали друг с другом. Выступать в таком заведении — это, конечно, не то же самое, что играть в отеле «Плаза»^{*} или, скажем, на 52-й улице в Нью-Йорке, но платили ребятам неплохо.

Рудольф играл, не отрывая глаз от Джули, и ему было приятно видеть, как она отрицательно качает головой, отказывая пригласившему ее на танец парню в пиджаке и галстук — явно студенту-первокурснику и, судя по внешнему виду, сынку состоятельных родителей.

Родители Джули разрешали ей гулять по субботним вечерам допоздна — они полностью доверяли Рудольфу. Он всегда нравился родителям девушек. И не без оснований. Но если она попадет в лапы какому-нибудь подвыпившему студентушке, ищущему легких любовных побед на танцевальных площадках, эта

* «Плаза» — один из наиболее фешенебельных отелей Нью-Йорка.

кому хлыщу с аффектированной манерой говорить, то кто знает, какие ее могут ждать неприятности. Поэтому отказ Джули одному из таких пижонов Рудольф воспринял как своего рода обещание, скрепившее их отношения почти так же надежно, как обмен обручальными кольцами.

Проиграв три затейливых такта музыкального автографа оркестра и тем самым объявив пятнадцатиминутный перерыв, Рудольф положил трубу и подал Джули знак выйти с ним подышать свежим воздухом: несмотря на открытые окна, в бараке было жарко и сыро, как на дне реки Конго.

Когда они вышли из ресторана, Джули взяла его за руку и они направились к группе деревьев, под которыми стояли машины. Ладонь ее была сухой, теплой, мягкой и какой-то родной. Удивительно, до чего сложные чувства может испытывать человек, когда держит девушку за руку.

— Когда ты играл свое соло, — сказала Джули, — я сидела и вся трепетала. У меня было такое ощущение, словно я свернулась клубочком внутри себя самой — подобно устрице, на которую выдавили лимон.

Сравнение было неожиданным, и он усмехнулся. Джули рассмеялась в ответ. У нее был целый набор диковинных выражений, с помощью которых она описывала разные состояния своей души. «Я чувствую себя сторожевым торпедным катером», — крикнула она ему однажды, когда они запыхавшись плавали наперегонки в городском плавательном бассейне. «Я казалась себе темной стороной луны», — сказала она ему в другой раз, когда мать заставила ее остаться дома и вымыть посуду, из-за чего она опоздала к нему на свидание.

Они прошли в конец автостоянки, подальше от входа в ресторан, на крыльце которого стояли разгоряченные после танцев завсегдатаи, вышедшие подышать свежим воздухом, открыли дверцу какой-то машины, забрались в нее и начали в темноте целоваться. Целовались они ненасытно, тесно прижавшись друг к другу. Ее губы были подобны пиону, ласковой, игривой кошечке, душистой мятной конфете, а кожа на ее шее была на ощупь нежной, как крыло бабочки. Они целовались постоянно и где только могли, но дальше поцелуев не заходили.

Он целовал ее, и ему казалось, что его подхватило стремительным потоком: он то скользил по поверхности вод, то погружался в них, чтобы в следующую минуту вознестись на гребень волн, а затем и вовсе взмыть в вышину, несясь через туманы и облака. Ему казалось, что он, превратившись в свою собственную трубу, играет на самом себе свою собственную песню. Его всего, без остатка, переполняла любовь к этой удивительной девушке... Он мягко оторвал губы от ее губ и поцеловал ее в ямочку на шее, а она запрокинула голову, охваченная сладкой истомой.

— Я люблю тебя,— прошептал он, и его потрясла та огромная радость, которую вызвали во всем его существе эти впервые произнесенные им слова. Она лихорадочно притянула к себе его голову, и он почувствовал, насколько сильны ее руки, эти восхитительные, гладкие руки пловчихи, пахнущие летом и абрикосами.

Внезапно дверца машины открылась, и мужской голос спросил: — Какого дьявола вы тут делаете?

Рудольф выпрямился и еще крепче прижал к себе Джули, как бы беря ее под свою защиту.

— Обсуждаем проблему атомной бомбы,— хладнокровно ответил он.— Что еще, по-вашему, мы можем здесь делать?

Он скорее бы умер, чем обнаружил перед Джули свою растерянность. Человек, задавший вопрос, стоял с той стороны машины, где сидел Рудольф, но в темноте его лица не было видно. И вдруг, совершенно неожиданно для Рудольфа, незнакомец рассмеялся.

— Каков вопрос, таков и ответ,— проговорил он и слегка отступил в сторону, так что на лицо его упал слабый свет одной из немногих лампочек, висевших на деревьях. Рудольф узнал его, узнал эти гладко зачесанные желтоватые волосы и кустистые светлые брови.

— Прошу прощения, Джордах,— сказал Бойлан. Голос его звучал насмешливо.

«Он меня знает,— подумал Рудольф.— Но откуда?»

— Мне очень жаль, но так уж случилось, что вы попали в мою машину,— продолжал Бойлан.— Впрочем, ничего страшного в этом нет, почувствуйте себя как дома. Не буду мешать артисту во время его короткого отдыха. Недаром ведь говорят, что трубачи пользуются особым успехом у дам.

Рудольф предпочел бы услышать эти слова не в этом месте и не от этого человека.

— Так или иначе, я все равно не собирался пока уезжать,— говорил тем временем Бойлан.— Хотелось бы еще чего-нибудь выпить. Когда закончите, вы и ваша дама окажете мне честь, если присоединитесь ко мне у бара и выпьете со мной по стаканчику на сон грядущий.

Слегка поклонившись, он осторожно закрыл дверцу и удалился.

Джули сидела прямо, отодвинувшись к другой стороне машины, и сгорала от стыда.

— Он нас знает,— тихо проговорила она.

— Одного меня,— поправил ее Рудольф.

— А кто он такой?

— Его фамилия Бойлан,— ответил Рудольф.— *Тот самый* Бойлан — из Святого семейства.

— Вот как...— пробормотала Джули.

— Да, вот так, — ответил Рудольф. — Теперь ты, наверное, хочешь уехать? Автобус будет через пару минут.

Ему хотелось защищать ее до конца, хотя он толком не знал, от чего.

— Ну, нет, — решительно, с нотками вызова в голосе, произнесла Джули. — Мне стыдиться абсолютно нечего. А тебе?

— Мне тоже.

— Еще один поцелуй.

Она пододвинулась к нему и распростерла объятия. Но поцелуй получился чересчур скованным. Рудольфу уже не казалось, что он летит в облаках.

Они молча вышли из машины и вернулись в ресторан. Проходя через дверь, они увидели Бойлана — в другом конце бара. Он сидел спиной к стойке, опираясь на нее локтями. Увидев их, он поднял руку в приветственном жесте.

Рудольф подвел Джули к ее столику и заказал ей еще одну порцию имбирного эля, а сам вернулся на эстраду и стал раскладывать ноты для следующего номера.

Когда в два часа ночи оркестр сыграл «Доброй ночи, милые леди» и ребята начали складывать свои инструменты, а посетители стали расходиться, Бойлан все еще сидел за стойкой бара. Самоуверенный человек среднего роста, в серых брюках из тонкой шерстяной фланели и шуршащем полотняном пиджаке, он резко выделялся из толпы парней в теннисках, демобилизованных солдат в рыжевато-коричневой военной форме и молодых ребят в дешевых синих выходных костюмах.

Увидев, что Рудольф с Джули отходят от эстрады и собираются покинуть ресторан, он неторопливой, ленивой походкой приблизился к ним и спросил:

— Вам, детки, есть на чем доехать домой?

— В общем-то, да, — вежливо ответил Рудольф, хотя его и покорило пренебрежительное «детки». — У одного из наших ребят есть машина, и мы все в ней обычно вмещаемся.

Отец Бадди Уэстермана разрешал сыну пользоваться семейной машиной, особенно в те дни, когда оркестр выступал в ресторане или, до этого, в клубе. Контрабас и барабаны они закрепляли наверху машины. Если с ними были девушки, они сначала развозили их по домам, а затем отправлялись в ночную забегаловку «Туз», помещавшуюся в снятом с колес вагоне-ресторане, и подкреплялись на прощание гамбургерами.

— В моей машине будет удобнее, — не допуская возражений тоном произнес Бойлан, взял Джули под руку и направился к выходу. Бадди Уэстерман, видя, что они уходят, вопросительно поднял брови.

— Нас подбросят до города, — сказал ему Рудольф, чувствуя себя в какой-то мере предателем.

Все трое сидели на переднем сиденье «бьюика» — Джули между Бойланом и Рудольфом. Бойлан плавно выехал с автостоянки на шоссе и помчался к Порт-Филипу. Рудольф знал, что нога Бойлана прижимается к ноге Джули. Тело этого человека когда-то прижималось к обнаженному телу Гретхен, и Рудольфу было странно сознавать, что они — Бойлан и он со своей девушкой — сидят так близко друг к другу, да еще на том же самом переднем сиденье, на котором пару часов назад они целовались с Джули, но он старался относиться к этому по-философски спокойно.

Он почувствовал облегчение, когда Бойлан спросил у Джули адрес и сказал, что вначале завезет ее. Иначе, если бы она осталась наедине с Бойланом, ему пришлось бы устраивать сцену ревности. Джули сидела между ними притихшая, не похожая на себя, и, казалось, была чем-то подавлена. Она не отрывала глаз от дороги, несущейся им навстречу в свете фар «бьюика».

Бойлан вел машину быстро и уверенно. Стремительными рывками, как гонщик-профессионал, он обгонял идущие впереди машины. Рудольф не мог не восхищаться тем, как умело Бойлан ведет свой «бьюик», и ему от этого было даже неловко: он не имел права восхищаться Бойланом — ведь это своего рода предательство по отношению к сестре и Джули.

— У вас очень неплохой джаз-банд, — сказал Бойлан.

— Спасибо, — ответил Рудольф. — Но мы слишком мало репетируем, и нам не хватает новых аранжировок.

— Вы отлично держите ритм, — продолжал Бойлан. *Дилетант*. — Я даже пожалел, что уже не танцую — не тот возраст.

Рудольф был вполне с ним согласен. Ему казалось нелепым и даже неприличным, когда танцуют люди, которым за тридцать. И он опять почувствовал за собой вину: ему и это понравилось в Бойлане. Во всяком случае, он был рад, что Бойлан не танцевал на людях с Гретхен, делая из себя и из нее посмешище. Когда мужчины такого возраста танцуют с молоденькими, это кажется просто нелепым.

— Скажите, мисс... — и Бойлан сделал вопросительную паузу.

— Джули, — сказала она.

— Джули... а дальше?

— Джули Хорнберг, — произнесла она с некоторым вызовом: она стеснялась своей фамилии.

— Хорнберг? — переспросил Бойлан. — Я знаю вашего отца?

— Мы в этом городе совсем недавно, — ответила Джули.

— Он, случайно, работает не у меня?

— Нет, — коротко произнесла Джули.

Это был момент торжества! Они чувствовали бы себя униженными, если бы мистер Хорнберг был одним из вассалов Бойлана. Да, Бойлан могуществен, но не все подвластно ему.

— Вы тоже любите музыку, Джули? — спросил Бойлан.

— Нет,— сказала она, к удивлению Рудольфа.

Тем самым она, по-видимому, давала Бойлану отпор, но тот, казалось, не заметил этого.

— Джули, вы очень красивая девушка,— сказал Бойлан.— Глядя на вас, я не могу не радоваться, что для поцелуев, в отличие от танцев, я еще не слишком стар.

«Старый грязный развратник»,— подумал Рудольф, нервно сжимая черный футляр с трубой. Он хотел было попросить Бойлана остановить машину и выйти с Джули, но пешком они доберутся до города не раньше четырех утра. Он с горечью отметил про себя, что практичен даже тогда, когда дело касается чести его девушки.

— Скажите, Рудольф... Вас ведь зовут Рудольфом, не так ли? — обратился к нему Бойлан.

— Да,— сказал Рудольф. Сестрица, должно быть, не очень-то держала язык за зубами насчет своей семьи.

— Так вот, Рудольф, вы, наверно, собираетесь стать профессиональным музыкантом? — Бойлан задал этот вопрос тоном доброжелательного пожилого наставника.

— Нет. Я не настолько хорошо играю,— ответил Рудольф.

— Что ж, разумно,— согласился Бойлан.— У музыкантов собачья жизнь. К тому же им приходится якшаться со всякого рода подонками.

— Ну, в этом я не так уж уверен,— возразил Рудольф: он не мог позволить, чтобы Бойлану *все* сходило с рук.— Не думаю, что такие люди, как Бенни Гудман, Пол Уайтмен и Луи Армстронг,— подонки.

— Кто знает,— произнес Бойлан.

— Они артисты,— сдавленно произнесла Джули.

— Одно другому не мешает, детка,— мягко рассмеялся Бойлан и снова обратился к Рудольфу: — И чем же вы собираетесь заниматься?

— Когда? Сегодня? — Рудольф прекрасно понимал: Бойлан имеет в виду его планы на будущее, но ему не хотелось, чтобы тот знал о нем слишком много. У него было смутное подозрение, что такого рода информация может быть в один прекрасный день использована против него.

— Ну, сегодня, я надеюсь, вы отправитесь домой и хорошенько выспитесь,— невозмутимо произнес Бойлан.— Вы это вполне заслужили: играть на эстраде так много часов подряд — это изнурительный труд.

Рудольфу виделось в словах Бойлана скрытое издевательство, и это возмущало его. Лицемерные слова сочувствия. Форма, противоречащая содержанию.

— Нет,— продолжал Бойлан,— я имел в виду не сегодня, а потом. Какую карьеру вы себе намечаете?

— Пока не знаю,— ответил Рудольф.— Сначала надо поступить в университет.

— Так вы собираетесь учиться в университете? — В голосе Бойлана слышалось снисходительное удивление.

— А почему бы ему не учиться в университете? — запальчиво спросила Джули.— Он круглый отличник, а недавно его приняли в Аристу.

— Вот как? — с едва уловимой иронией произнес Бойлан.— Прошу прощения за мое невежество, но что такое Ариста?

— Так называется наше почетное школьное общество,— ответил Рудольф, приходя Джули на помощь; кроме того, ему не хотелось, чтобы его защищали так наивно, по-детски.— В общем-то ничего особенного. Практически всякий, кто умеет читать и писать...

— Ты прекрасно знаешь, что это не так! — возмущенно воскликнула Джули, негодуя против такого самоуничижения.— Члены общества — самые способные ученики в школе. Если бы меня приняли в Аристу, я бы не стала так принижаться.

«*Принижаться*» — типичное южное словцо,— подумал Рудольф.— Интересно, не встречалась ли она с каким-нибудь парнем-южанином, когда жила в Коннектикуте?» И в нем зашевелился червь ревности.

— Не сомневаюсь, что это большая честь, Джули,— примитивно произнес Бойлан.

— Но это действительно так,— не успокаивалась Джули.

— Рудольф просто скромничает,— сказал Бойлан.— Обычное мужское кокетство.

Атмосфера в машине стала ощутимо напряженной: Джули, сидевшая между Бойланом и Рудольфом, злилась на обоих. Бойлан протянул руку и включил радио. Из несущейся мимо них ночи в машину вплыл голос диктора — он читал новости. Где-то произошло сильное землетрясение, но они не успели услышать где. Сотни погибли, тысячи остались без крова — и все это произошло в посвистывающем, доносящемся до них со скоростью 186000 миль в секунду ночном эфире, представляющем собой особый мир — мир радио.

— Казалось бы, теперь, когда закончилась война, Господь Бог мог бы немного передохнуть,— задумчиво произнесла Джули.

Бойлан с удивлением посмотрел на нее и выключил радио.

— Господь Бог никогда не знает отдыха,— промолвил он.

«Старый лицемер,— подумал Рудольф.— И он еще говорит о Боге — после всего, что натворил!»

— А в какой университет вы собираетесь поступать, Рудольф? — спросил Бойлан, повернув голову в его сторону, но скосив глаза на едва видимую в полумраке округлую, высокую, еще по-девичьи небольшую грудь Джули.

— Я еще не решил.

— Да-а,— протянул Бойлан.— От вашего решения будет зависеть многое. Люди, которых вы там встретите, могут повлиять на всю вашу дальнейшую жизнь. Хотите, я замолвлю за вас словечко в моей альма-матер? Сейчас, когда наши доблестные герои возвращаются с войны домой, ребятам вашего возраста будет нелегко поступить в университет.

— Спасибо,— поблагодарил Рудольф: только этого ему не хватало! — У меня еще есть несколько месяцев впереди, и я успею сделать свой выбор. А в каком университете вы учились?

— В Вирджинском,— ответил Бойлан.

«Всего лишь в Вирджинском! — презрительно подумал Рудольф.— В Вирджинский университет поступить не фокус. А он говорит о нем с таким видом, будто это Гарвард, или Принстон, или, на худой конец, Амхерст».

Они подъехали к дому Джули. Рудольф непроизвольно взглянул на окно мисс Лено в соседнем доме. Там было темно.

— Ну вот мы и на месте, детка,— проговорил Бойлан.

Рудольф открыл дверцу со своей стороны и вышел из машины.

— Было очень приятно познакомиться и побеседовать с вами.

— Спасибо, что подвезли,— сухо сказала Джули и, выйдя из машины, проскочила мимо Рудольфа к крыльцу. Рудольф поспешил за ней. Он ведь не может отпустить ее, не поцеловав на прощанье. Пока она, наклонив голову, так что волосы свесились ей на лицо, рылась в сумочке, ища ключ, он попытался взять ее за подбородок, чтобы поцеловать в губы, но она рассерженно отстранилась.

— Лизоблюд,— выпалила она и зло передразнила: — *В общем-то ничего особенного. Практически всякий, кто умеет читать и писать...*

— Джули!

— Здорово же у тебя получается подслуживаться к богачам!

Рудольф никогда не видел ее лицо таким бледным и отчужденным.

— Старый потаскун, вот кто твой Бойлан! Думает, никто не догадается, что он красит волосы. Да и брови тоже! Бог ты мой: некоторые готовы душу продать, лишь бы их прокатили на шикарной машине!

— Джули, ты ко мне несправедлива.

«Если бы она знала всю правду о Бойлане, то можно было бы еще понять ее гнев,— подумал Рудольф.— Но так разозлиться только из-за того, что он старался быть вежливым!..»

— Держи при себе свои руки!

Она уже нашла ключ и теперь нащупывала им замочную скважину. От нее по-прежнему восхитительно пахло абрикосами.

— Я зайду за тобой завтра часа в четыре...

— Не утруждай себя! — оборвала его Джули. — Подожди, пока я заведу себе «бьюик», тогда и приходи. Зачем тебе девушка без машины? — Она наконец повернула ключ, проскользнула мимо Рудольфа шуршащей, ароматной, разгневанной тенью и исчезла за захлопнувшейся дверью.

Рудольф медленно побрел обратно. Если это и есть любовь, то сто лет она ему снилась! Он сел в машину и закрыл дверцу.

— Быстро же вы распрощались, — промолвил Бойлан, трогаясь с места. — В мое время мы не торопились.

— Ее родители не любят, когда она приходит домой слишком поздно.

Бойлан ехал по городу в направлении Вандерхофф-стрит.

«Конечно же, он знает, где я живу, — подумал Рудольф. — И даже не пытается это скрывать».

— Очаровательная девушка, эта малышка Джули, — сказал Бойлан.

— Да.

— Вы с ней только целуетесь и ничего больше?

— Это мое личное дело, сэр, — ответил Рудольф. Даже гнев на этого человека не мешал ему восхищаться собой: здорово же он ему ответил — холодно и лаконично. Нет уж, Рудольф Джордах никому не позволит обращаться с собой как с плебеем!

— Да, вы, безусловно, правы, — согласился Бойлан и, вздохнув, добавил: — Но искушение, должно быть, велико. В вашем возрасте... — Он не закончил фразы, словно давал Рудольфу понять, что он, Бойлан, в свое время осчастливил бесконечную череду девственниц, лишив их целомудрия.

— Кстати, — продолжал он преувеличенно безразличным тоном, — вы не получаете писем от своей сестры?

— Иногда, — настороженно ответил Рудольф.

Гретхен писала ему через Бадди Уэстермана. Она не хотела, чтобы ее письма читала мать. Жила она в центральной части Нью-Йорка, в общежитии Ассоциации молодых христианок. Изо дня в день она обивала пороги театров, пытаясь устроиться в какую-нибудь труппу, но продюсеры не горели желанием нанять девушек, игравших на школьной сцене Розалинду, поэтому работы она до сих пор не нашла, зато уже успела влюбиться в Нью-Йорк. В первом письме она извинялась перед Рудольфом за свое некрасивое поведение в день отъезда из Порт-Филипа — она была слишком взвинчена и сама не понимала, что говорит. Но она по-прежнему считала, что ему противопоказано надолго задерживаться в Порт-Филипе. Семья Джордахов — настоящая трясина, писала она, и ничто ее в этом не разубедит.

— Как она поживает? — спросил Бойлан.

— Неплохо.

— Мы ведь, знаете ли, с ней знакомы,— нейтральным тоном сказал Бойлан.

— Да, я знаю.

— Она вам обо мне говорила?

— Нет, насколько я помню,— ответил Рудольф.

— Ага...

Что значило это «ага», сказать было трудно.

— У вас есть ее адрес? Иногда я бываю в Нью-Йорке и мог бы, когда выдастся время, угостить эту милую девочку хорошим ужином.

— К сожалению, адреса ее у меня нет,— солгал Рудольф.— Она постоянно переезжает с места на место.

— Что ж, ясно.— Бойлан, конечно, понимал, что Рудольф говорит неправду, но не стал настаивать.— Если она напишет и укажет свой новый адрес, дайте мне, пожалуйста, знать, хорошо? У меня есть одна ее вещичка, и, возможно, она хотела бы получить ее обратно.

— Хорошо.

Бойлан свернул на Вандерхофф-стрит и затормозил перед булочной.

— Вот мы и приехали,— сказал он.— Дом честных тружеников.— Издевка была очевидна.— Что ж, спокойной ночи, молодой человек. Благодарю за приятный вечер.

— Спокойной ночи,— ответил Рудольф, выходя из машины.— Спасибо, что подвезли.

— Ваша сестра как-то мне говорила, что вы заядлый рыболов,— сказал Бойлан.— Так вот, в пределах моих владений протекает неплохая речушка, и в ней водится рыба. Сам не знаю, откуда она берется. Теперь там и близко никто не бывает. Если хотите попытать счастья, добро пожаловать в любое время.

— Спасибо,— ответил Рудольф: он знал, что его подкупают, и понимал, что поддается,— клюет, как та рыба, которую его приглашают ловить.— Обязательно заеду.

— Ну вот и отлично,— удовлетворенно произнес Бойлан.— Кухарка приготовит нам что-нибудь из рыбы, которую вы поймаете, и мы пообедаем вместе. Вы интересный юноша, и мне очень приятно было побеседовать с вами. Возможно, к тому времени, когда вы ко мне заглянете, вам уже напишет сестра, и вы будете знать ее адрес — как вы считаете?

— Вполне возможно,— ответил Рудольф.— Еще раз спасибо. Бойлан помахал ему рукой на прощанье и уехал.

Поднимаясь по темной лестнице в свою комнату, Рудольф еще снизу услышал громкий храп отца. В субботние ночи отец не работал и потому сегодня был дома. Рудольф как можно тише прошел мимо двери, ведущей в комнату родителей, и, осторожно

ступая, поднялся еще на один этаж, к себе в комнату. Он не хотел, чтобы проснулась мать,— тогда не избежать разговора с ней.

III

— Да, я намерена продавать свое тело и не стесняюсь говорить об этом! — заявила Мэри-Джейн Хэкетт, приехавшая из штата Кентукки.— На талант уже спроса нет. Им подавай одно только тело. Оголенное и аппетитное. Вот увижу первое же объявление о наборе танцовщиц для шоу, сразу же скажу «Прощай, Станиславский!» и начну крутить своим задом для увеселения публики, лишь бы только платили.

Гретхен и Мэри-Джейн Хэкетт сидели в тесном, обклеенном афишами «предбаннике» театрального агентства Николза на 46-й Западной улице, дожидаясь вместе с другими девушками и молодыми людьми приема. В той части комнаты, которая была отделена от стола секретарши Николза перегородкой и где находились ожидающие, стояло всего лишь три стула. Секретарша, с лица которой не сходило кисло-раздраженное выражение, что-то печатала на машинке; ее пальцы стучали по клавишам с такой яростью, как будто английский язык был ее личным врагом и она решила как можно быстрее с ним расправиться.

Третий стул занимала характерная актриса с меховой накидкой на плечах, хотя на улице, даже в тени, было тридцать градусов выше нуля.

Каждый раз, как открывалась дверь, чтобы впустить следующего актера или актрису, секретарша, не переставая печатать, провозглашала:

— Чья очередь? Проходите.

Все они пришли в агентство, прослышав, что Бейард Николз набирает актеров для нового спектакля, в котором участвуют шесть персонажей — четверо мужчин и две женщины.

Мэри-Джейн, высокая, стройная, плоскогрудая девушка, зарабатывала себе на хлеб, работая манекенщицей, но Гретхен с ее слишком округлыми формами на эту работу рассчитывать не могла. Мэри-Джейн сыграла в двух провалившихся пьесах на Бродвее; кроме того, она проработала половину сезона в захудалой труппе, сколоченной на одно лето,— и все это давало ей основание держаться с уверенностью ветерана сцены.

Обеда вдвоем актеров и актрис, стоящих в грациозных позах вдоль стен, на которых висели афиши некогда поставленных Бейардом Николзом пьес, она заметила:

— Господи, кто бы мог подумать, глядя на афиши со всеми этими нашумевшими спектаклями, которые Николз ставил, начиная с далеких тридцатых годов, что у него жалкая крысоловка вместо

конторы! Мог бы уж не поскудиться и позаботиться о кондиционере для своих посетителей. Куда там! И с центом не расстанется — а ведь какие, должно быть, зашибает деньги! Сама не знаю, зачем я сюда пришла. Он скорее удавится, чем согласится платить более или менее приличный гонорар, да при этом еще, небось, прогрызет голову дурацкими нравоучениями о том, как Рузвельт своей неэкономной политикой разорил Америку.

Гретхен бросила на секретаршу беспокойный взгляд: помещение было настолько маленьким, что вряд ли та не услышала слов Мэри-Джейн. Но секретарша с невозмутимым видом печатала дальше, поглощенная сражением с ненавистным ей английским языком.

— Ты только глянь на них,— продолжала Мэри-Джейн, пренебрежительно кивнув в сторону молодых людей.— Хоть бы один был выше моего плеча. Пока не начнут ставить пьесы, в которых героиня должна все три акта простоять на коленях, мне нечего рассчитывать на роль. Боже, что происходит с американским театром?! Актеры — какие-то недоростки, а если и попадется кто-нибудь выше пяти футов — непременно окажется голубым.

— Фи, Мэри-Джейн,— жеманно произнес высокий юноша.

— Ну хорошо, когда ты в последний раз целовал девушку? — спросила у него Мэри-Джейн.

— В двадцать восьмом году,— ответил он,— в честь избрания Герберта Гувера президентом.

Все в приемной добродушно рассмеялись. За исключением секретарши — она все с тем же отрешенным видом продолжала печатать.

Хотя Гретхен пока что не удалось получить свою первую работу в Нью-Йорке, ей нравилась атмосфера нового мира, в который она окунулась. Здесь все разговаривали просто и без церемоний, все называли друг друга по имени (например, любой, кому довелось играть с Альфредом Лантом* хотя бы в одной пьесе, пусть даже это были несколько фраз в начале первого действия, мог называть его просто Альфредом), все старались помочь друг другу. Если какая-нибудь девушка слышала, что где-то ищут исполнительницу на свободную роль, она сразу же сообщала об этом всем своим подругам и даже могла одолжить подходящее платье для собеседования с режиссером. Гретхен ощущала себя членом большого гостеприимного клуба, право на вход в который давали не происхождение и деньги, а молодость, увлеченность театром и вера в талант друг друга.

* *Альфред Лант (1882 — 1977)* — выдающийся американский театральный актер.

В подвальном помещении драгстора* Уолгрена, где все они собирались, чтобы за бесчисленными чашками кофе поделиться своими впечатлениями от последних премьер, позлословить насчет тех, кому достался слишком легкий успех, посмеяться над актерами-любовниками, кумирами женщин, пародируя их манеру игры, посокрушаться о распаде «Группового театра»**, Гретхен приняли как свою. Она могла наравне со всеми рассуждать там о том, какие идиоты эти критики или как нужно играть роль Тригорина в «Чайке», сетовать на то, что больше не осталось актрис, подобных Лоретте Тейлор***, или возмущаться некоторыми продюсерами, готовыми переспать с каждой девушкой, приходящей к ним в агентство. Через каких-то два месяца после приезда в Нью-Йорк, в потоке молодых голосов, в которых слышалось произношение, характерное и для Джорджии, и для Мэна, и для Техаса, и для Оклахомы, ее собственный голос почти утратил особые нотки, привезенные ею с убогих улиц Порт-Филипа, а сам Порт-Филип превратился в крохотную точку на горизонте ее памяти.

Теперь она могла спать хоть до десяти утра, не испытывая урызаний совести. Она ходила в квартиры к молодым неженатым мужчинам и просиживала там до рассвета, репетируя сцены из пьес и нимало не заботясь о том, что подумают люди. Одна девушка-лесбиянка в общежитии Ассоциации молодых христианок, где Гретхен дали место, пока она не найдет работу, попыталась было ее соблазнить, но ее ждало разочарование. Несмотря на это, они с Гретхен остались хорошими друзьями, иногда обедали вместе и ходили в кино. Гретхен посещала балетный класс — три часа в неделю, — чтобы научиться грациозно двигаться по сцене. Она совершенно изменила свою походку: шла ли она по улице или поднималась по лестнице, голова ее оставалась совершенно неподвижной, так что если бы у нее на голове стоял стакан с водой, из него не пролилось бы и капли. «Непринужденная безмятежность» — так называла эту манеру ходить экс-балерина, у которой Гретхен брала уроки.

У Гретхен появилась уверенность, что, когда люди смотрят на нее, они принимают ее за уроженку Нью-Йорка. Ей казалось, что она полностью избавилась от былой застенчивости.

* *Драгстор*, или *американская аптека* — заведение, сочетающее аптеку, магазин товаров первой необходимости и иногда кафе-закусочную; пионером создания драгсторов был Чарлз Уолгрин, организовавший первую сеть таких заведений в 1909 году.

** «*Групповой театр*» — одно из наиболее влиятельных объединений в американском театре, основанное в 1931 году; в своих постановках «*Групповой театр*» использовал систему Станиславского.

*** *Лоретта Тейлор* (1884 — 1946) — американская драматическая актриса.

Она часто ужинала с молодыми актерами и будущими режиссерами — знакомыми по драгстору Уолгрину или же по театральным агентствам и репетиционным классам — и платила за себя сама. Но любовников она не заводила: не всё сразу, прежде надо найти работу.

Был момент, когда она чуть было не написала Тедди Бойлану с просьбой прислать то красное платье, которое он ей когда-то купил. Но с этим тоже можно было не торопиться — вряд ли в ближайшее время ее пригласят туда, где уместно появиться в таком дорогом платье.

Дверь кабинета открылась, и вышел Бейард Николз, а с ним невысокий худощавый человек в темно-бежевой форме капитана ВВС.

— Если что-нибудь подвернется, Уилли,— говорил капитану Николзу,— я дам тебе знать.

У Николза был печальный голос покорившегося своей судьбе человека. Он помнил только о своих провалах. Его глаза равнодушно, словно невидящие огни маяка, скользнули по ожидающим в приемной людям.

— Загляну к тебе на следующей неделе — тогда ты уж не отвертись и угостишь-таки меня обедом,— сказал капитан.

У него был довольно низкий голос, почти баритон, что мало вязалось с его хрупкой фигурой (судя по всему, он весил не более шестидесяти килограммов) и сравнительно небольшим ростом (немногим выше метра шестидесяти). Держался он очень прямо, словно все еще ходил в курсантах авиашколы. Но лицо у него было совершенно нетипичным для военного: непокорные каштановые волосы, слишком длинные для человека в форме, обрамляли высокий лоб, выпуклый и массивный, что придавало ему отдаленное сходство с Бетховеном, а глаза у него были ярко-голубые, словно из веджвудского фарфора.

— Учти: ты все еще живешь на деньги Дядюшки Сэма*, — тем временем говорил ему Николз,— а значит, и на мои: ведь я исправно плачу налоги. Так что угощать обедом буду не я тебя, а ты меня.

Достаточно было посмотреть на мистера Николза, чтобы убедиться, что капитан не очень-то разорится, даже если и угостит его обедом. Работа продюсера прямым образом отражалась на работе желудка мистера Николза: театр для него был елизаветинской трагедией, ежедневно идущей в его пищеварительном тракте, происходящие в пьесах убийства пагубно действовали на его двенадцатиперстную кишку, а его постоянно подавленное состояние угрожало ему язвой. И он вечно собирался бросить пить —

* *Дядюшка Сэм* — шуточно-ироничное прозвище правительства Соединенных Штатов.

начиная с каждого последующего понедельника. Помочь ему мог или психиатр, или новый брак.

— Мистер Николз...

Вперед шагнул высокий молодой человек — тот самый, которого Мэри-Джейн заподозрила в гомосексуализме.

— На следующей неделе, Берни,— отмахнулся от него Николз и снова обвел приемную невидящими, как огни маяка, глазами.

— Мисс Сондерз,— обратился он к секретарше,— зайдите ко мне на минутку.

При этом Николз произвел томное, меланхолическое движение рукой и скрылся за дверью своего кабинета. Секретарша дала из своей пишущей машинки последнюю очередь по Гильдии драматургов*, которой было адресовано печатавшееся ею письмо, встала и последовала за своим шефом, взяв с собой блокнот для стенографических записей.

— Леди и джентльмены,— заявил капитан, обращаясь ко всем присутствующим,— все мы напрасно тратим время на это актерское дело. Я предлагаю заняться сбытом освободившегося после окончания войны армейского имущества. Спрос на бывшие в употреблении базуки будет огромный! — И, взглянув на возвышающуюся над ним Мэри-Джейн, которая встала со стула и подошла к нему поздороваться, добавил: — Привет, малютка.

— Рада видеть тебя живым после той вечеринки, Уилли,— сказала Мэри-Джейн, целуя его в щеку, для чего ей пришлось нагнуться.

— Признаться, все тогда слегка перебрали,— проговорил капитан.— Мы смывали с наших душ мрачные воспоминания о былых битвах на полях сражений.

— Вернее, заливали их и едва сами не утонули,— заметила Мэри-Джейн.

— Не жури нас за наши маленькие радости,— отозвался капитан.— Не забывай: пока вы здесь рекламировали корсеты, мы летали под зенитным огнем в зловещих небесах над Берлином.

— Ты что, действительно летал над Берлином? — удивилась Мэри-Джейн.

— Разумеется, нет,— и он улыбнулся Гретхен, давая понять, что это было лишь маленьким преувеличением с его стороны, дабы впечатлить ее своей доблестью; затем, снова переведя взгляд на Мэри-Джейн, он сказал: — Я стою и терпеливо жду, малютка.

— Ах да,— торопливо произнесла Мэри-Джейн.— Познакомьтесь. Гретхен Джордах — Уилли Эбботт.

* Гильдия драматургов — профсоюз, осуществляющий контроль за контрактами, подписываемыми продюсерами с драматургами, композиторами и т. д.

— Я счастлив, что судьба направила меня на 46-ю улицу именно сегодня,— сказал Эбботт.

— Здравствуйте,— смущенно проговорила Гретхен и едва преодолела побуждение встать со стула: что ни говори, а все-таки капитан.

— Вы, наверное, тоже актриса? — спросил Эбботт.

— Пытаюсь ею стать.

— Ужасная профессия,— заметил Эбботт.— Играть Шекспира перед нашей невежественной публикой!

— Хочешь показать, какой ты умный, да, Уилли? — насмешливо заметила Мэри-Джейн.

— Из вас получится великолепная жена и отличная мать, мисс Джордах. попомните мои слова,— сказал Эбботт.— Но почему я раньше нигде вас не видел?

— Она недавно в Нью-Йорке,— ответила за нее Мэри-Джейн, тем самым как бы давая понять Гретхен: легче на поворотах, это не твоя территория! Неужели она ревнует?

— Ох, уж эти мисс девушки, которые недавно в Нью-Йорке! — воскликнул Эбботт.— Можно, я посижу у вас на коленях?

— Уилли! — одернула его Мэри-Джейн.

Гретхен рассмеялась, а за ней и Эбботт. У него были очень белые, ровные, красивые зубы.

— Я в детстве почти не знал материнской ласки.

Из кабинета вышла секретарша Николза и объявила:

— Мисс Джордах, мистер Николз готов вас принять.

Гретхен встала, удивленная тем, что мисс Сондерз и Николз помнят ее имя,— ведь она в агентстве всего только в третий раз и еще ни разу не говорила с ним. Она нервно разгладила складки на платье и прошла через качающуюся дверцу перегородки, которую держала для нее открытой мисс Сондерз.

— Просите тысячу долларов в месяц и десять процентов с кассового сбора за каждый спектакль,— бросил ей вслед Эбботт.

Гретхен прошла через дверцу перегородки и на какое-то мгновение замерла у двери кабинета Николза.

— Остальные могут расходиться,— провозгласила мисс Сондерз.— У мистера Николза через пятнадцать минут деловая встреча за ленчем.

— Безобразие! — воскликнула дама в меховой накидке, играющая характерные роли.

— Я здесь ни при чем — я просто передаю то, что сказал начальник,— ответила в оправдание мисс Сондерз.

Гретхен испытывала самые противоречивые чувства: и радость от перспективы получить работу, и страх при мысли, что ее могут не взять, и вину перед другими за то, что их отвергли, а ее выбрали, и, наконец, досаду оттого, что теперь Мэри-Джейн полу-

чила возможность одна уйти с Уилли Эбботтом, летавшим под зенитным огнем над Берлином.

— Встретимся позже,— сказала ей Мэри-Джейн, но не уточнила где. Эбботт ничего не сказал.

Кабинет Николза оказался ненамного больше приемной. Голые стены, письменный стол завален рукописями пьес в переплете из искусственной кожи, возле стола — три пожелтевших деревянных кресла, окна покрыты пылью. И вообще кабинет производил удручающее впечатление: казалось, у его хозяина дела идут из рук вон плохо и первого числа каждого месяца он с трудом наскребает денег, чтобы заплатить за аренду помещения.

Николз встал, когда вошла Гретхен, и жестом пригласил ее сесть в одно из кресел, затем сказал:

— Очень мило с вашей стороны, мисс Джордах, что у вас хватило терпения дожидаться.

После этого он тоже сел и, остановив на ней пристальный взгляд, долгое время молча смотрел на нее с кислым выражением лица, точно ему предлагали картину, в подлинности которой он сомневался. Гретхен так нервничала, что боялась, как бы у нее не задрожали коленки.

— Вероятно, вы хотели бы знать, есть ли у меня опыт работы в театре,— глухим голосом произнесла она.— Хоть ничем таким я и не могу похвастать, но тем не менее...

— Нет,— прервал он ее,— в данном случае меня ваш опыт не интересует. Мисс Джордах, роль, на которую я хочу вас попробовать, честно говоря, абсурдна.— Он печально покачал головой, словно ему было прискорбно сознавать, на какие нелепые поступки толкает его выбранная им профессия.— Скажите, вы согласились бы играть в купальнике? Вернее, в трех купальниках.

— Как вам сказать...— она неуверенно улыбнулась.— Это зависит от ряда причин.

Идиотка! От каких таких причин?! От размера купальника, что ли? От размера роли? От размера ее бюста? Она подумала о своей матери. Та ни разу не была в театре. Счастливица!

— Боюсь, что роль, которую я хочу вам предложить,— это роль без слов,— продолжал Николз.— Девушка просто проходит по сцене три раза, по разу в каждом акте, причем в разных купальниках. Дело в том, что действие пьесы, во всех трех актах, происходит на берегу моря, в пляжном клубе.

— Понимаю,— сказала Гретхен.

Она злилась на Николза. Из-за него она упустила Уилли Эбботта, позволив ему уйти с Мэри-Джейн. Попробуй теперь его найти! *Ах, капитан, капитан...* В городе шесть миллионов жителей! Человек входит в лифт, за ним закрываются дверцы — и он уже утерян навеки. И все это лишь ради того, чтобы пройтись по сцене! Да еще практически голой!

— В пьесе эта девушка является своего рода символом: так, по крайней мере, утверждает автор,— говорил тем временем Николз (за этой его короткой фразой скрывались долгие часы поединка с казуистическими доводами автора, и прозвучала сейчас эта фраза подобно колоколу на тонущем корабле).— Символом молодости и чувственной красоты. Символом извечной тайны, которую несет в себе женщина. Символом пугающей эфемерности прекрасной женской плоти. Это не мои слова — я цитирую автора. Когда она проходит по сцене, каждый мужчина в зале должен почувствовать все это и подумать: «Боже, как жаль, что я женат!» Я снова-таки цитирую. У вас есть купальник?

— Да... кажется, есть,— растерянно проговорила она и тут же, досадуя на себя, повела головой и уверенно повторила: — Конечно, есть.

— Вы не смогли бы прийти в театр Беласко* сегодня в пять часов, взяв с собой купальник? Там будут режиссер и автор пьесы.

— Да, буду ровно в пять,— кивнула Гретхен.

Прощай, Станиславский! Она почувствовала, что краснеет. Ханжа! Работа есть работа, и нечего тут смущаться.

— Что ж, было очень приятно познакомиться с вами, мисс Джордах,— скорбным голосом проговорил Николз и встал. Она тоже встала. Он проводил ее до дверей и предупредительно открыл их перед ней. В приемной никого не было, если не считать мисс Сондерз, по-прежнему строчащей на машинке, словно из пулемета.

— Прошу меня извинить,— непонятно почему пробормотал Николз и исчез за дверями своего кабинета.

— Счастливо оставаться,— сказала Гретхен, проходя мимо мисс Сондерз.

— До свиданья, мисс Джордах,— ответила та, не поднимая головы. От нее пахло потом. *Эфемерная плоть. Я цитирую автора.*

Выйдя в коридор, Гретхен не сразу вызвала лифт, а подождала, пока с шек не сойдет краска стыда. Когда лифт наконец пришел, внутри оказался какой-то молодой человек в форме офицера-конфедерата**, с кавалерийской саблей в ножнах на боку

* *Театр Беласко* — назван именем бывшего владельца театра, одного из выдающихся и самых колоритных деятелей американского театра, драматурга и менеджера *Дэвида Беласко* (1854 — 1931); расположен на 44-й улице в Нью-Йорке.

** *Офицер-конфедерат (истор.)* — офицер армии Конфедерации: так называлась армия Конфедеративных Штатов Америки — объединения рабовладельческих штатов Юга, отделившихся от США в декабре 1860 — мае 1861 г., вследствие чего между Севером и Югом началась Гражданская война 1861—1865 гг.

и в шляпе, являющейся частью формы,— широкополой фетровой шляпе с перьями, придающей молодому человеку лихой вид. Но из-под шляпы выглядывало носатое прозаическое лицо обыкновенного нью-йоркского парня образца 1945 года, ужасно дисгармонирующее с романтической формой прошлого века.

— Неужели этим войнам никогда не будет конца? — дружелюбно произнес он, когда Гретхен входила в лифт.

В кабине лифта было жарко и душно, и она чувствовала, как на лбу у нее выступают капельки пота. Когда они спустились вниз, она вынула из сумки салфетку «клинекс»^{*} и вытерла лоб.

Дверцы лифта закрылись за ней, и она вышла на улицу, по обеим сторонам которой высились геометрически правильные, прямоугольные здания; на их фасадах светлые горизонтальные полосы из стекла чередовались с темными полосами из железобетона. Возле входа стояли Эбботт и Мэри-Джейн. Гретхен улыбкулась. Пусть в Нью-Йорке и проживает шесть миллионов, но эти двое все-таки ждали ее!

— Как насчет того, чтобы пообедать вместе? — спросил Уилли.

— Я просто умираю с голоду, — ответила Гретхен.

Они шли по теневой стороне улицы — две высокие девушки с маленьким, стройным офицером между ними, бойким, жизнерадостным и совершенно не стесняющимся своего невысокого роста: в конце концов, такие прославленные полководцы как Наполеон, Троцкий, Цезарь и Тамерлан тоже ведь были коротышками.

Она стояла в артистической грим-уборной театра совершенно голая и рассматривала себя в зеркале. В прошлое воскресенье она ездила с Мэри-Джейн и ребятами на пляж «Джоунз-Бич», и кожа на ее плечах, руках и ногах слегка порозовела от солнца. В такую жару она не носила пояса и чулок, поэтому на ее гладких, округлых бедрах не было унижительных следов от тугих резинок. Она перевела взгляд на свою высокую, полную грудь. *Хочу узнать вкус твоей груди, когда на ней виски.*

За обедом она выпила два коктейля «кровавая Мэри», а затем Уилли заказал на троих бутылку белого вина. Уилли пил много и с удовольствием.

Вдоволь насмотревшись на себя, Гретхен принялась надевать свой черный цельный купальник. В нижней части купальника, между ногами, на ткани остались песчинки после пляжа. Надев купальник, она отступила на несколько шагов назад, потом снова подошла к зеркалу, не спуская с себя оценивающего взгляда. *Символ извечной тайны, которую несет в себе женщина. Походка у нее, пожалуй, слишком уж скромная. Где же ее непринужденная безмятежность?*

* «Клинекс» — мягкая салфетка из тонкой гигроскопичной бумаги.

Уилли и Мэри-Джейн в эту минуту ждали ее в баре ресторана «Алгонкин» — они болели за нее, и им не терпелось узнать, чем все закончится.

Она попробовала пройтись менее скромной походкой.

В этот момент в дверь постучали, и голос помощника режисера прокричал из-за двери:

— Мисс Джордах, если вы готовы, мы вас ждем.

Зардевшись, она открыла дверь. Ей хотелось надеяться, что в резком, ослепительном свете софитов, падающем на сцену, когда проходят репетиционные просмотры, ее румянца никто не заметит.

Она вышла из артистической и пошла вслед за помощником режиссера.

— Просто пройдитесь туда и обратно несколько раз, вот и все,— сказал он, когда они вышли на сцену.

В неосвещенном зале где-то в районе десятого ряда темнели чьи-то неясные фигуры. Пол на сцене был не подметен, голые кирпичи задней стены наводили на мысль о римских развалинах. Теперь она была уверена, что ее стыдливый румянец заметен не только из зала, но его можно при желании увидеть и с улицы.

— Мисс Гретхен Джордах! — выкрикнул помощник режиссера в темную бездну зала, и у нее появилось ощущение, словно она бутылка с письмом, брошенная в полночные волны моря. *Вот я и поплыла.* Ею овладело желание бежать отсюда.

Гретхен прошла через сцену. Ей казалось, будто она взбирается на крутую гору. Зомби в купальнике.

Из зала не доносилось ни звука. Гретхен прошла в обратную сторону. По-прежнему ни звука. Она прошла туда и обратно еще два раза, боясь, что занозит босые ноги.

— Прекрасно, мисс Джордах, благодарю вас,— послышался унылый голос Николза из десятого ряда, прозвучавший плоско и звонко в пустом зале.— Если вы найдете возможным зайти ко мне завтра, мы с вами подпишем контракт.

Оказывается, все так просто. Краски стыда на ее лице как не бывало.

Войдя в маленький бар «Алгонкина», в котором, как всегда, царил зеленоватый полумрак, так что посетителям казалось, будто они на дне моря, Гретхен увидела, что Уилли сидит за стойкой один, по обыкновению очень прямо, и не спеша попивает виски. В руке она несла небольшую прорезиненную пляжную сумку с купальником. Он сразу заметил ее и повернулся на вращающемся стуле к ней лицом.

— Наша красавица выглядит не просто как красавица,— с шуточной напыщенностью проговорил он,— а как красавица,

только что получившая в театре «Беласко» роль женщины, несущей в себе извечную тайну. Разумеется, я цитирую.— (За обедом, еще до того как Гретхен отправилась в «Беласко», она рассказала Уилли и Мэри-Джейн о том, как проходило собеседование у Николза, и те, слушая ее, умирали со смеху.)

— Вы угадали,— сказала она, садясь рядом.— Перед вами — будущая Сара Бернар.

— Сара Бернар ни за что не справилась бы с вашей ролью,— подхватил ее шутку Уилли.— Ведь у нее одна нога была деревянной! Ну что, будем пить шампанское?

— А где Мэри-Джейн?

— Ушла. У нее свидание.

— Ладно, будем пить шампанское,— с улыбкой ответила Гретхен. И оба рассмеялись.

Когда бармен поставил перед ними бутылку с шампанским, Уилли наполнил бокалы, и они выпили за Мэри-Джейн. За ее восхитительное отсутствие. Гретхен пила шампанское второй раз в своей жизни. В ее памяти возникла лишенная звуков, обставленная с кричащей роскошью комната в четырехэтажном доме на тихой, боковой улочке, одностороннее зеркало и распростершаяся на широкой кровати великолепно сложенная проститутка с невинным лицом маленькой девочки.

— У нас с вами обширный выбор,— сказал Уилли.— Мы можем остаться здесь, в баре, и пить вино всю ночь напролет. Можем пойти куда-нибудь поужинать. Можем заняться любовью. Можем пойти в один дом на 56-й улице, куда меня пригласили на вечеринку. Вы любите шумные компании?

— Мне не так часто приходилось бывать на вечеринках, но я с удовольствием бы пошла,— ответила Гретхен, пропуская мимо ушей предложение заняться любовью. По-видимому, это была шутка. Уилли умел обращать в шутку буквально все, и трудно было сказать, когда он говорит серьезно. Наверное, даже в разгар войны, когда всем им приходилось несладко, он умудрялся шутить среди рвущихся снарядов и падающих самолетов с горящими крыльями. О войне она судила по кинохронике и художественным фильмам на военную тему. *Сегодня гробанулся старина Джонни, ребята. Бедолага. Теперь, видать, мой черед.* Так ли все это происходило на самом деле? Надо будет у него спросить, когда она познакомится с ним поближе.

— В таком случае решено: идем на вечеринку,— заявил Уилли.— Но торопиться нам некуда. Там будут гулять всю ночь, поэтому, прежде чем мы с вами ринемся в безумный водоворот удовольствий, мне хотелось бы кое-что о вас узнать.

Он налил себе еще один бокал шампанского. Рука у него слегка подрагивала, и бутылка, постукивая о край бокала, выбивала мелодичную дробь.

— Что вас интересует?

— Начнем с самого начала,— начал он свой допрос.— Место жительства?

— Общежитие Ассоциации молодых христианок, центр Нью-Йорка,— ответила Гретхен.

— О Боже! — простонал он.— Как вы думаете, если я обряжусь в женское платье, у меня есть шанс сойти за молодую христианку и получить комнату рядом с вашей? Я ведь маленький, да и щетина у меня светлая. Поэтому, даже когда я небрит, она почти незаметна. И я могу раздобыть себе подходящий парик. К тому же мой отец всегда мечтал о дочери.

— Боюсь, ничего не выйдет,— улыбнулась Гретхен.— Старуха, которая выдает нам ключи, за милую отличит парня от девушки.

— Так, идем дальше. Как у вас на мужском фронте?

— В настоящий момент у меня никого нет,— после некоторого колебания ответила Гретхен.— А у вас?

— Согласно Женевской конвенции, военный, в случае если он попал в плен, обязан сообщать только свою фамилию, ранг и личный номер.— Он улыбнулся и взял ее руку в свою.— Но вам я готов рассказать о себе все без утайки. Готов до конца обнажить свою душу. Я расскажу вам в мельчайших подробностях о том, как еще в колыбели хотел убить своего отца; как до трех лет меня не могли отнять от материнской груди; какие вещи мы с мальчишками вытворяли летними вечерами с дочкой соседа за амбаром.— Неожиданно лицо его стало серьезным, и он, откинув волосы с высокого выпуклого лба, проговорил: — Думаю, лучше будет, если вы об этом узнаете раньше, чем позже. Я женат.

Шампанское обожгло ей горло.

— Когда вы шутили, вы мне нравились больше,— пробормотала она.

— И самому себе тоже,— все так же серьезно сказал Уилли.— Но положение мое не так уж безнадежно. Я собираюсь с ней развестись. Жenuшка нашла себе другие развлечения, пока муженек играл в солдатики.

— А где она... ваша жена? — Ей трудно было произнести это слово. «Как глупо,— подумала она.— Ведь я знакома с ним всего лишь пару часов».

— В Калифорнии,— ответил он.— В Голливуде. Похоже, я неравнодушен к актрисам.

За тридевять земель. За раскаленными пустынями, непроходимыми горами, плодородными нивами. По ту сторону обширной, прекрасной Америки.

— И давно вы женаты?

— Пять лет.

— Кстати, а сколько вам лет? — спросила она.

— А вы обещаете, что не бросите меня, если я скажу вам правду?

— Какие глупости! Так сколько?

— Двадцать чертовых девять,— несколько смущенно проговорил он.— Так-то вот.

— Двадцать девять? — удивилась Гретхен.— Но выглядите вы максимум на двадцать три. Как вам это удается?

— Очень просто — с помощью пьянства и разгульного образа жизни,— ответил Уилли.— Мой мальчишеский вид — это моя беда. Я будто сошел с рекламы одежды для подростков в универмаге «Сакс». Двадцатидвухлетние девушки стыдятся появляться со мной на людях. Когда меня производили в капитаны, командир бригады сказал: «Уилли, вот тебе золотая звезда за то, что ты в этом месяце вел себя в школе как примерный мальчик». Может быть, отрастить усы?

— Вечно юный Уилли Эбботт,— рассмеялась Гретхен.

Его молодежь придавала ей уверенности в себе. Она невольно подумала о властном и слишком уж взрослом Тедди Бойлане.

— А чем вы занимались до войны? — спросила она: ей хотелось побольше узнать об Уилли.— И откуда вы знаете Бейарда Николза?

— Помогал ему в двух постановках. Я — зенитная артиллерия. Занимаюсь рекламой. Самое скверное занятие в мире. Хотите, чтобы ваш портрет попал в газету, малышка? — Отвращение в его голосе было неподдельным, и, если ему так уж хотелось выглядеть постарше, он вовсе не должен был отращивать усы — ему достаточно было заговорить о своей профессии.— Уходя в армию, я думал, что наконец-то избавлюсь от этой тяготины. Ан нет: начальство, ознакомившись с моим личным делом, поставило меня заниматься так называемыми «связями с общественностью». Меня следовало бы арестовать за то, что я ношу офицерское звание. Хотите еще шампанского?

И Уилли налил им обоим. Горлышко бутылки отбивало о стенки бокалов исполненный горечи код Морзе, пожелтевшие от никотина пальцы мелко дрожали.

— Но вы же были во время войны в Европе,— недоумевала Гретхен.— Вы же летали.

За обедом он рассказывал ей об Англии.

— Всего несколько вылетов, достаточных для того, чтобы получить *Авиационную медаль**, благодаря которой я, ходя по Лондону, не чувствовал себя так, будто на мне ничего нет. Я летал

* *Авиационная медаль*. — Учреждена в 1942 г.; вручается военнослужащим, отличившимся во время полетов.

пассажиром. Мне оставалось лишь восхищаться тем, как воюют другие.

— И все же вы тоже подвергались опасности быть убитым, как и все остальные.

Унылый вид был ему не к лицу, и ей хотелось вывести его из мрачного состояния.

— *Я слишком молод, чтобы умирать, полковник,* — улыбнулся Уилли. — Ну что ж, давайте допьем нашу шипучку — и вперед: нас ждут развлечения и удовольствия, которыми так славы Нью-Йорк.

— А когда вы собираетесь увольняться из ВВС?

— А я, считайте, в бессрочном отпуске, — ответил он. — Форму ношу просто потому, что в ней бесплатно пускают на спектакли. Кроме того, мне надо два раза в неделю ездить в госпиталь на Стейтен-Айленде, где меня лечат от травмы позвоночника, а без формы никто не поверит, что я капитан.

— Травма позвоночника? Вы были ранены?

— Не совсем. Просто мы слишком энергично приземлились, и нас прилично потрянуло. Так что мне сделали небольшую операцию на позвоночнике. Лет через двадцать я буду всем рассказывать, что этот шрам у меня от шрапнели. Ну что, выпили все до дна, как и подобает послушной маленькой девочке?

— Да, — ответила Гретхен.

Всюду одни только раненые! И она подумала об Арнольде Симмзе, сидевшем рядом с ней на столе в бордовом больничном халате и посматривавшем на свою искалеченную ногу, из-за которой он никогда не сможет бегать, о Толботе Хьюзе, у которого было выпотрошено все горло, отчего он молча и покорно умирал на ее глазах в углу палаты, и, наконец, о своем отце, охромевшем в первую мировую войну.

Уилли расплатился, и они вышли из бара. «Интересно, — подумала Гретхен, — как ему удастся держаться так прямо с его больной спиной?»

Сумерки окутали нью-йоркские улицы сиреновой кисеей. Стоявшая весь день невыносимая жара спала, и воздух стал ласковым, душистым и теплым. Дул слабый ветерок, и казалось, будто он несет с собой сладкий запах лугов. Над небоскребами высоко в угасающем небе плыл бледный фарфоровый месяц. Они шли по вечерним улицам, держась за руки.

— Хотите знать, что меня приятно в вас поразило? — спросил Уилли.

— Что?

— Вы согласились пойти на вечеринку, но ни словом не обмолвились, что хотели бы съездить домой и переодеться.

Она не стала ему объяснять, что на ней ее лучшее платье и ей попросту не во что переодеться. Это было василькового цвета льняное платье, застегивающееся сверху донизу, с короткими рукавами и тугим, в талию, поясом из красной ткани. Она надела его, когда заехала после обеда в общежитие за купальником. Купила она это платье за шесть долларов девяносто пять центов в магазине Орбаха. Это была единственная «тряпка», на которую она разорилась с тех пор, как приехала в Нью-Йорк.

— А вы не будете меня стыдиться, появившись со мной у своих утонченных друзей? — спросила она.

— Уверяю вас, по меньшей мере половина моих *утонченных друзей* будут сегодня у ваших ног, умоляя дать им ваш номер телефона, — улыбнувшись, ответил он.

— И я должна им его давать?

— Только через мой труп, — свирепо ответил Уилли.

Они медленно шли по Пятой авеню*, останавливаясь возле каждой витрины. Универмаг «Финчли» демонстрировал спортивные куртки из твида.

— Представляю, как бы я выглядел в такой куртке, — сказал Уилли. — Она придавала бы массивность и объемность моей фигуре. *Разве вы его не знаете? Это мистер Эбботт, земельный собственник. Он так же шершав и груб, как твид, из которого сшита его любимая куртка.*

— Нет, вы вовсе не шершавы, — рассмеялась Гретхен. — Если уж и сравнивать вас с какой-нибудь тканью, то вы скорее шелковистый.

— Что ж, обещаю быть шелковистым и впредь, — улыбнулся в ответ Уилли.

Дольше всего они простояли перед книжным магазином «Брентано», разглядывая выставленные на витрине новинки, в том числе целый ассортимент недавно вышедших пьес: Одетс, Хеллман, Шервуд, Кауфман, Гарт**.

— Да-а, жизнь литератора, — вздохнул Уилли. — Должен признаться в одном грехе. Я пишу пьесу. Как и положено капитану ВВС.

— И когда-нибудь ваша пьеса будет выставлена на витрине? — спросила она.

— Дай-то Бог! — снова вздохнул он. — А вы хорошая актриса?

* *Пятая авеню* — одна из центральных авеню Манхэттена, средняя часть которой считается символом элегантности и процветания; на Пятой авеню расположены крупнейшие универсальные и ювелирные магазины Нью-Йорка.

** *Клиффорд Одетс* (1906 — 1963), *Лиллиан Хеллман* (1905 — 1984), *Роберт Шервуд* (1896 — 1955), *Джордж Кауфман* (1889 — 1961), *Мосс Гарт* (1904 — 1961) — американские драматурги.

— Я актриса одной роли... Роли женщины, несущей в себе извечную тайну.

— Разумеется, я цитирую,— подхватил он, и оба рассмеялись. Они понимали, что глупо столько раз смеяться над одним и тем же, но это доставляло им огромное удовольствие. Они оба придумали эту бесхитростную игру, в чем для них и заключалась ее особая прелесть.

С Пятой авеню они свернули на 55-ю улицу. Возле «Сент-Риджиса» остановилось такси, и оттуда вышла группа празднично одетых людей, отмечающих свадьбу. Невеста была очень юная, стройная и изящная — белый тюльпан. Ее женихом был молодой лейтенант пехотных войск — никаких нашивок, никаких орденских ленточек за боевые заслуги, свежевыбритый, абрикосово-щекий, «зеленый».

— Благословляю вас, дети мои,— произнес Уилли, когда они с Гретхен проходили мимо.

Невеста улыбнулась — белоснежный радостный мотылек — и послала им воздушный поцелуй.

— Благодарю вас, сэр,— несколько скованно ответил лейтенант, сдерживая себя от побуждения отдать честь старшему по чину.

— Прекрасная ночь для свадеб,— сказал Уилли, когда они отошли на некоторое расстояние.— Температура воздуха — немногим более двадцати пяти градусов, видимость неограниченная, военные действия не ведутся.

Им нужно было идти в район между Центральным парком и Лексингтоном. Когда они, покинув 55-ю улицу, прошли через парк, из-за угла показалось такси и поехало в направлении к Лексингтону. Единственной пассажиркой была Мэри-Джейн. Проехав несколько десятков метров, такси остановилось. Выйдя из машины, Мэри-Джейн поспешила на другую сторону улицы и скрылась за входной дверью пятиэтажного дома.

— Мэри-Джейн,— сказал Уилли.— Вы успели заметить?

— Угу.

Они замедлили шаг. Уилли внимательно посмотрел на Гретхен и сказал:

— Знаете, у меня появилась прекрасная мысль. Давайте не пойдем туда, а лучше устроим свою собственную вечеринку.

— Признаться, я очень надеялась, что вы это скажете,— облегченно вздохнула Гретхен.

— Рота, кру-у-гом! — скомандовал он, затем ловко, по-военному, повернулся и шелкнул каблукками. И они пошли обратно, в сторону Пятой авеню.

— Меня не очень-то прельщала перспектива наблюдать за тем, как вы раздаете свой телефонный номер моим *утонченным* друзьям.

Она в ответ лишь стиснула его руку. Теперь она была почти уверена, что Уилли спал с Мэри-Джейн, но она все равно не выпускала его руки из своей.

Они отправились в бар гостиницы «Глаза», в «дубовом» зале которого выпили мятного джулепа^{*} из запотевших ото льда оловянных кружек.

— За Кентукки!^{**} — провозгласил Уилли.

Он не придерживался общепринятого мнения о том, что нельзя мешать разные алкогольные напитки, и в этот день пил и шотландское виски, и шампанское, и бурбон.

— Я — ниспровергатель устоявшихся заблуждений, — прокомментировал он свое поведение.

Из «Глазы» они пошли на Пятую авеню и сели в двухэтажный автобус, идущий в центр. Ехали они на верхнем этаже автобуса, на свежем воздухе. Уилли снял пилотку с двумя серебряными нашивками и офицерской плетеной ленточкой на ней, и ветер тут же растрепал ему волосы, отчего он стал выглядеть еще моложе. Гретхен хотелось привлечь его к себе, положить его голову на свою грудь и поцеловать в макушку, но вокруг было слишком много людей, поэтому она ограничилась тем, что взяла его пилотку и стала гладить пальцами плетеную ленточку и серебряные полоски, вышитые на ней.

Сойдя с автобуса на Восьмой улице, они нашли свободный столик на открытой площадке ресторана «Бревурта», и Уилли заказал мартини.

— Для аппетита, — пояснил он. — Мартини подает сигнал боевой тревоги желудочному соку.

«Алгонкин», «Глаза», «Бревурт», полученная работа, капитан Уилли Эбботт — и все это за один день! Целый рог изобилия с сюрпризами.

На ужин у них был жареный цыпленок, дыня и бутылка калифорнийского красного вина из долины Напа^{***}.

— Мы должны быть патриотами, а потому будем пить американское вино, — сказал Уилли. — Тем более, что мы, американцы, победили в войне.

Почти всю бутылку он выпил сам. Но сколько бы он ни пил, алкоголь, казалось, не воздействовал на него. Глаза у него оставались такими же ясными, язык не заплетался.

* *Мятный джулеп* — популярный в США коктейль из виски-бурбона с сахаром, толченым льдом и мятой.

** *За Кентукки!* — этот тост Уилли произносит потому, что бурбон, являющийся основной составляющей коктейля «мятный джулеп», первоначально изготавливали в графстве Бурбон, штат Кентукки.

*** *Долина Напа* — центр известного винодельческого района на западе штата Калифорния.

Они молчали и глядели друг на друга. «Если я не поцелую его в самое ближайшее время,— подумала Гретхен,— то попаду в сумасшедший дом».

После кофе Уилли заказал для обоих коньяк. Сколько же он истратил за день? Гретхен прикинула в уме: обед втроем, ужин, все эти рестораны, вся эта выпивка — никак не меньше пятидесяти долларов!

— Вы человек богатый? — спросила она, когда он расплачивался.

— Только духовно,— ответил Уилли и вывернул бумажник на стол: из него выпали шесть купюр — две по сто долларов и четыре по пять.— Перед вами все состояние Уилли Эбботта. Хотите, включу вас в свое завещание?

Двести двадцать долларов! Гретхен была потрясена тем, как у него мало денег и как расточительно он их бросает на ветер. Даже у нее на банковском счету лежало больше — то, что осталось от восьмисот долларов, которые ей дал Бойлан,— и все же она никогда не позволяла себе обедать больше чем на девяносто пять центов. Неужто она вся в отца? От этой мысли ей стало не по себе.

Она смотрела, как Уилли сгребает купюры, затем небрежно сует их в карман, и не знала, что тут можно сказать.

— Война мне показала, чего стоят деньги,— пробормотал он.

— А росли вы в достатке? — спросила Гретхен.

— Отец служил таможенником на канадской границе,— ответил Уилли.— К тому же был честным. Нас было шестеро детей. Жили мы как короли. Мясо целых три раза в неделю!

— А я дрожу буквально над каждым центом,— призналась Гретхен.— Потому что слишком хорошо знаю, во что безденежье превращает людей,— на примере своей матери.

— Пейте, пейте, не стесняйтесь. И уверяю вас, вы не пойдете по стопам своей матери,— убежденно произнес Уилли.— А что касается меня, то в самом ближайшем будущем я засяду за свою золотоносную пишущую машинку — на этот раз всерьез и надолго.

Они допили коньяк. У Гретхен слегка кружилась голова, но пьяной она себя не чувствовала. Нет, нет, она ни капли не пьяна.

— Как вы думаете, можем ли мы с вами утверждать на основании нашей сегодняшней встречи,— спросил Уилли, когда они, встав из-за стола и пройдя вдоль подстриженной живой изгороди, отделявшей открытую площадку ресторана от улицы, вышли на тротуар,— что пара стаканчиков хорошего вина только украшает вечер?

— Нет, нет, больше я сегодня не буду пить,— поспешно проговорила Гретхен.

— Устами женщины глаголет мудрость, — торжественно провозгласил Уилли. — Мудрость матери, взятая от земли. Мудрость жрицы в храме оракулов. Дельфийские изречения. Истины, искусно сокрытые в загадочных словесах. Что ж, пусть будет по вашему — сегодня мы больше не будем пить. Такси! Такси!

— Но мы прекрасно дойдем и пешком, — попыталась она помешать ему. — Отсюда до общежития минут пятнадцать, не больше...

Но в этот момент заскрипели тормоза остановившегося возле них такси, Уилли распахнул перед ней дверцу, и ей пришлось сесть в машину.

— Отель «Стэнли», Седьмая авеню, — сказал он водителю, усаживаясь рядом с Гретхен.

Они поцеловались. Благоуханный оазис губ: шампанское, шотландское виски, кентуккский бурбон с мятой, красное вино из долины Напа в испанской Калифорнии, дар Франции — коньяк. Гретхен прижала его голову к своей груди и уткнулась лицом в густые шелковистые волосы.

— Я мечтала об этом весь день, — прошептала она.

Так она и сидела, крепко прижимая его к себе, этого солдата-ребенка. Он ловкими, проворными пальцами расстегнул две верхние пуговицы на ее платье и прильнул губами к ложбинке между грудей. А она, уткнувшись подбородком в его волосы, смотрела вперед, видя перед собой спину и затылок водителя, всецело поглощенного красными и зелеными огнями светофора и перебегающими дорогу неосмотрительными прохожими. На нее же с Уилли он не обращал никакого внимания, твердо усвоив основную заповедь таксиста: чем бы ни занимались пассажиры на заднем сиденье, это его не касается. С освещенной фотографии над панелью приборов на нее сердито, чуть ли не вызывающе взирало лицо водителя, человека лет сорока, страдающего, судя по кругам под глазами, болезнью почек. Это был человек, повидавший все в своей жизни и уж несомненно знающий Нью-Йорк как свои пять пальцев. Под фотографией, согласно недавним предписаниям городской полиции, значилось имя таксиста — Илай Лефкович. Гретхен навсегда запомнит это имя: Илай Лефкович, нелюбопытный возница колесницы любви.

В этот поздний час машин на улицах было немного, и такси беспрепятственно мчалось к жилым кварталам города. Пилот, несущийся в ночных небесах.

Еще один, последний, поцелуй, все так же проигнорированный Илаем Лефковичем, и она, застегнув пуговицы, вновь приобрела вид скромной, невинной девушки.

Фасад отеля «Стэнли» производил внушительное впечатление. Архитектор, по-видимому, бывал в Италии или видел дворцы

Венеции на фотографиях. В результате он соорудил нечто среднее между дворцом дождей и драгстором Уолгрина: этакий кусочек Адриатического побережья на Седьмой авеню.

Когда они вошли в вестибюль отеля, Уилли пошел за ключом, а Гретхен ждала возле входа. Пальмы в кадках, темные деревянные стулья в псевдоитальянском стиле, яркий, резкий свет, снующие мимо женщины с лицами сержантов полиции и с крашеными светлыми кудряшками, как у дешевых кукол. По углам кучки мужчин, обсуждающих, на какую лошадь поставить на следующих скачках. Приехавшие в командировку военнослужащие. Две длинноногие, с поджарыми задиками и наклеенными ресницами девицы, по виду статистки стрип-шоу, какая-то пожилая женщина в мужских рабочих ботинках, читающая журнал для девушек-подростков «Севентин» (видимо, мать одной из таких девушек), коммивояжеры, недовольные неудачным днем, детективы, бдительно глядящие в оба, чтобы вовремя разоблачить порок,— кого здесь только не было!

Гретхен с независимым видом пересекла вестибюль и подошла к лифту, как если бы она здесь была одна, и даже не взглянула на Уилли, когда тот подошел с ключом в руке. Искусство обманывать — одно из немногих искусств, которому не нужно учиться. В лифте они делали вид, что не знают друг друга.

— Седьмой этаж,— сказал Уилли лифтеру.

На седьмом этаже не было даже намека на Италию. Зодчему хватило вдохновения лишь на шесть этажей. Узкие коридоры, облупившаяся темно-коричневая краска на металлических дверях, некогда белые кафельные полы без ковров. *Простите, ребята, мы больше не можем вас дурачить. Лучше уж вам знать всю правду: вы в Америке.*

Когда они шли по узкому коридору к номеру Уилли, ее каблуки отбивали четкую дробь, напоминающую перестук копытцев пони по мощеной дороге. Их тени метались по плохо освещенным стенам, словно стаи растерянных полтергейстов, оставшихся здесь со времен бума 1925 года. Они остановились у двери, в точности похожей на все другие двери и отличающейся лишь номером: 777. Магический набор цифр — отель на 7-й авеню, 7-й этаж, комната 777.

Уилли открыл ключом дверь, и они вошли в номер.

— Лучшее будет, если я не стану зажигать свет,— сказал Уилли.— Комната жутко убогая, но это единственное, что мне удалось получить. Да и то разрешили остановиться всего на пять дней. Гостиницы в городе переполнены.

Но огни сияющего электричеством Нью-Йорка, пробивающиеся сквозь щели между покоробленными пластинками металлических жалюзи, достаточно освещали номер, чтобы Грет-

хен увидела, где она оказалась. Крохотная комнатуха, узкая односпальная кровать, жесткий деревянный стул с прямой спинкой, раковина, ванной нет, на комодке темнеет груда офицерских рубашек.

Он начал неторопливо раздевать ее. Сперва снял красный пояс, потом расстегнул верхнюю пуговку на платье, затем вторую, третью и так одну за другой. Она считала их, определяя их количество по движениям его пальцев. Он расстегивал пуговицы, стоя перед ней на коленях. Седьмая, восьмая, девятая, десятая, одиннадцатая... Какие творческие замыслы дизайнеров, какие побуждения портних заставили их принять это роковое решение — пришить к платью не десять и не двенадцать пуговиц, а именно **ОДИННАДЦАТЬ**?!

— Еле управился,— сказал Уилли, расстегнув последнюю пуговицу.

Он снял с ее плеч платье и аккуратно повесил на спинку стула: настоящий офицер и джентльмен. Она повернулась к нему спиной, чтобы он снял с нее бюстгальтер,— сказывалась школа Бойлана. Свет, проникающий через жалюзи, делал ее спину полосатой, как у зебры. Уилли долго возился с застежками лифчика, но у него ничего не получалось.

— Неужели нельзя придумать что-нибудь попроще? — досадливо проговорил он.

Засмеявшись, Гретхен пришла ему на помощь, и вот на ней уже нет бюстгальтера. Она снова к нему повернулась, и он мягкими движениями спустил ее невинные белые хлопчатобумажные трусики до самых щиколоток, и она, выйдя из трусиков и сбросив с ног туфли, подошла к кровати и одним движением откинула покрывало вместе с одеялом и верхней простыней. Белье далеко не первой свежести. Интересно, была ли в этой постели Мэри-Джейн? Впрочем, это не так уж и важно.

Она лежала вытянувшись на кровати. Ноги она распрямила, так что лодыжки касались друг друга, руки положила по обеим сторонам тела. Он сделал несколько шагов, остановился над ней и вложил руку между ее бедер. Опытные, искусные пальцы.

— Долина наслаждений,— произнес он.

— Раздевайся,— сказала она.

Она наблюдала, как он срывает с себя галстук и лихорадочно расстегивает пуговицы. Когда он снял рубашку, она увидела, что на нем высокий медицинский корсет, с крючками и шнурками. Корсет доставал почти до подмышек и шел вниз, скрываясь под поясом брюк. Так вот почему он так прямо держится, этот молодой капитан. *Мы слишком энергично приземлились, и нас прилично трянуло.* Вот она, пострадавшая плоть солдата.

— Ты когда-нибудь занималась любовью с мужчиной, носящим корсет? — спросил Уилли, развязывая шнурки.

— Что-то не припоминаю,— ответила она.

— Это временно,— пробормотал он смущенно.— Еще пару месяцев, и его снимут. По крайней мере, так меня уверяют врачи.

Он торопился, но шнуры ему не повиновались.

— Может быть, включить свет? — спросила она.

— Нет, нет, ни в коем случае!

В этот момент зазвонил телефон — он стоял на столике у изголовья кровати.

Они посмотрели друг на друга, но ни он, ни тем более она не стали снимать трубку, надеясь, что звонки сами собой прекратятся.

Но телефон продолжал трезвонить.

— Лучше послушать,— сказал Уилли.

— Я тоже так думаю,— согласилась Гретхен.

И он поднял трубку:

— Алло!

— Капитан Эбботт? — спросил строгий мужской голос.

Уилли держал трубку, не очень плотно прижимая к уху, и Гретхен все было слышно.

— Да,— ответил Уилли.

— Мы имеем основания полагать, что в вашем номере находится молодая дама.— Местоимение *мы* звучало так, будто его произносит какая-нибудь королевская особа, восседающая в тронном зале роскошного дворца на берегу Средиземного моря.

— Вы полагаете правильно,— сказал Уилли.— И что из этого следует?

— Напоминаю: у вас одинарный номер,— продолжал голос,— рассчитанный на проживание одного человека.

— Верно,— ответил Уилли.— Но я не стану возражать, если вы дадите мне две комнаты. Назовите номер, и я сейчас же переберусь.

— К сожалению, все номера заняты. Свободных не будет до ноября.

— Тогда давайте, Джек, сделаем вид, будто мой номер двойной,— сказал Уилли.— Можете учесть это в моем счете.

— Боюсь, я не могу этого сделать,— ответил голос.— Номер 777 — одинарный номер, и предназначен для проживания одного человека. Так что даме придется покинуть отель.

— Но дама здесь не проживает, Джек,— продолжал возражать Уилли.— Она просто пришла ко мне в гости. К тому же она моя жена.

— У вас есть свидетельство о браке, капитан?

— Дорогая,— громко сказал Уилли, поднеся трубку поближе к уху Гретхен,— у тебя есть с собой наше брачное свидетельство?

— Нет, оно дома,— так же громко ответила Гретхен.

— Сколько раз тебе говорить, чтобы ты без него не приезжала! — произнес Уилли тоном раздраженного супруга.

— Прости, дорогой, — кротко ответила Гретхен.

— Она оставила его дома, — сказал он в трубку. — Завтра мы его вам предьявим. Я попрошу его прислать срочной почтой.

— Капитан, пребывание молодых дам в номерах у мужчин в нашем отеле запрещено, — твердо заявил голос.

— С каких это пор? — начал выходить из себя Уилли. — Будто вы не знаете, что ваше заведение славится от Америки до Бангкока как притон сутенеров, букмекеров, проституток, торговцев наркотиками и скупщиков краденого. Если бы на ваш отель набрел хотя бы один честный полицейский, то вашими постояльцами были бы заполнены все нью-йоркские тюрьмы.

— У нас сменилась администрация, — настаивал голос. — Мы вошли в число самых уважаемых отелей Нью-Йорка и хотим, чтобы у нашей гостиницы сохранялась безупречная репутация. Если через пять минут, капитан, ваша дама не покинет отель, то я вынужден буду подняться к вам в номер.

Гретхен к этому времени уже встала с кровати и сейчас натягивала на себя трусики.

— Не торопись, — умоляюще сказал ей Уилли.

Она лишь улыбнулась в ответ.

— Пошел ты к известной матери, Джек! — выругался Уилли и, швырнув трубку, принялся застегивать свой корсет, яростно дергая за шнурки. — А мы еще воевали за этих гадов! Самое ужасное то, что сейчас в этом чертовом городе ни за какие коврижки не найдешь свободного номера.

Гретхен рассмеялась. Уилли сердито посмотрел на нее, затем тоже расхохотался.

— В следующий раз, — сквозь смех проговорил он, — не забудь, ради Бога, захватить с собой свидетельство о браке.

Они с величественным видом прошли через вестибюль к выходу, вызываясь держась за руки и всем своим видом показывая, что в этом конфликте с администрацией победа осталась за ними. По меньшей мере половина людей в вестибюле выглядели как штатные детективы, так что им трудно было угадать, кто из них обладатель голоса, говорившего по телефону.

Им не хотелось прощаться, поэтому они поехали на Бродвей и выпили оранжад в ларьке «Недик» — привкус тропиков в северных широтах, — а затем, отправившись на 42-ю улицу, зашли в ночной кинотеатр и, сидя среди бомжей, извращенцев, солдат, ожидающих рейсового автобуса, и людей, страдающих бессонницей, посмотрели «Окаменевший лес» с Хамфри Богартом в роли герцога Манти.

Когда картина закончилась, им по-прежнему не хотелось расставаться, так что они посмотрели «Окаменевший лес» еще раз.

Выйдя из кинотеатра, они решили прогуляться по ночному городу, и он проводил ее до самого общежития Ассоциации молодых христианок. Они шли мимо притихших, пустых административных зданий, похожих на павшие крепости, защитники которых были безжалостно истреблены.

Когда они, стоя перед общежитием, целовались на прощание, уже начинало светать. Уилли с отвращением поглядывал на огромное, темное здание, ставшее приютом для молодых христианок. Над входом горел фонарь, освещавший добропорядочным юным леди, возвращавшимся из города, путь к их добропорядочным ложам.

— Как ты думаешь, за все годы существования этого славного заведения хоть одна его обитательница предавалась любви в его целомудренных покоях? — спросил он.

— Сомневаюсь, — ответила она.

— Даже мурашки по спине бегают, когда смотришь на этот оплот девичьей чистоты, — с мрачной улыбкой произнес он, а затем, покачив головой, добавил: — И вот появляюсь здесь я, этакий Дон Жуан, пылкий любовник в корсете. Если ты назовешь меня лопухом, я не обижусь.

— Не надо так огорчаться, — сказала она. — У нас впереди сколько угодно ночей.

— Когда, например?

— Да хоть завтра — вернее, сегодня, — ответила она.

— Надеюсь, что сумею пережить этот день и дождаться вечера, — без тени улыбки произнес он. — Посвящу эти долгие часы каким-нибудь добрым делам, вроде поисков гостиничного номера. Будь это хоть Кони-Айленд, Вавилон или Пелем-Бей, но я обязательно найду для нас комнатку. Для капитана Эбботта и миссис Эбботт. Возьми с собой саквояж — на всякий случай, чтобы усыпить бдительность всяческих королей Викторий*. Набей его старыми номерами журнала «Тайм», в случае если мы будем умирать со скуки и решим скоротать время за чтением.

Последний поцелуй, и он побрел прочь, маленький и немного жалкий в первом свете зарождающегося дня. Хорошо еще, что на нем офицерская форма. Если он вдруг решит появиться сегодня вечером в гражданской одежде, то вряд ли хоть в одной гостинице поверят, что он достиг брачного возраста.

* *Королев Викторий*. Здесь английская королева Виктория упоминается в нарицательном смысле; как символ викторианской, пуританской морали, основанной на узости мировоззрения, лицемерии, ханжестве и нетерпимости.

Когда он скрылся, повернув за угол, она поднялась по ступенькам и, напустив на себя скромно-невинный вид, вошла в общежитие. Дежурная, сидевшая за столом, посмотрела на нее долгим, многозначительным взглядом, но она как ни в чем ни бывало взяла у старушки свой ключ и сказала ей «Добрый вечер» с таким видом, будто заглядывающий в окна рассвет был всего лишь оптическим обманом.

Глава 8

I

Клотильда мыла Томасу голову. Окутанный паром, он сидел в большой ванне дяди Гарольда и *Tante* Эльзы, глаза его были закрыты, и он дремал, словно разомлевшая на солнце ящерица. Дядя Гарольд, *Tante* Эльза и обе их дочери уехали отдыхать в Саратогу, где они каждый год проводили две недели, и Том с Клотильдой остались одни в целом доме. Было воскресенье — выходной в гараже. Откуда-то издалека доносился звон церковного колокола.

Ловкие, проворные пальцы Клотильды массировали кожу его головы, втирали в нее душистую мыльную пену, ласково пробегали по затылку. Клотильда купила для него в драгсторе особое, сандаловое, мыло, причем за свои собственные деньги. Ну а когда дядя Гарольд возвратится, придется Тому мыться обычным своим мылом, старым добрым «айвори», пять центов за кусок. Ведь если дядюшка унюхает запах сандалового мыла, он сразу заподозрит неладное.

— Ну-ка, Томми, промоем волосы,— сказала Клотильда.

Том погрузил голову в воду, и Клотильда принялась энергично полоскать ему волосы, пока они полностью не промылись от пены, после чего он отфыркиваясь вынырнул.

— А теперь руки,— велела Клотильда.

Она опустила на колени у ванны и стала отчищать маленькой щеточкой черную, вьешуюся в кожу грязь на его ладонях и под ногтями. Руки ее двигались быстро, ритмично, сквозь пену поблескивало обручальное кольцо. Клотильда была совершенно голая. Ее темные волосы ниспадали каскадом на полные, слегка отвисшие груди. Даже в такой позе, на коленях, Клотильда мало походила на служанку.

Она терла и терла, пока его ладони не стали розовыми, а ногти — безупречно чистыми. Подвергнув его руки тщательному осмотру, она положила щеточку на край ванны и сказала:

— Теперь примемся за остальное.

Он встал в ванне во весь рост, и она, поднявшись с колен, принялась намыливать все его тело. У нее были широкие, крепкие бедра и стройные ноги. Очень смуглая, со слегка приплюснутым носом, высокими скулами и длинными прямыми черными волосами, она напоминала Тому иллюстрацию в школьном учебнике истории, на которой были изображены индейские девушки, приветствующие в лесу первых белых поселенцев. На правой руке у нее белел шрам — полумесяц с рваными краями. Это случилось давно, еще в Канаде: муж ударил ее горящим поленом. Она не любила говорить о муже. Когда Том смотрел на нее, к горлу у него подступал комок и он сам не понимал, хочется ли ему смеяться или плакать.

Прикосновения ее материнских рук к его телу были легкими, любящими и в то же самое время нескромными и не совсем материнскими: они то скользили между ягодиц, втирая в кожу душистое мыло, то проникали между бедер, обещая неземное блаженство, и в ответ в его яичках начинал звучать целый оркестр — гобои и фаготы, кларнеты и флейты. Как ни странно, но, вынужденный слушать орущий с утра до вечера граммофон *Tante* Эльзы, Том постепенно полюбил музыку Вагнера.

— Нам удалось-таки хоть в чем-то цивилизовать этого дикаря, — с удовлетворением говорила *Tante* Эльза, гордясь своим культурным влиянием на племянника, что было для нее полной неожиданностью.

— А сейчас ноги, — сказала Клотильда.

Он послушно поставил ногу на край ванны, напоминая подковываемого коня. Наклонившись, не обращая внимания на свисающие волосы, она мылила ему пальцы ног и места между пальцами, вода по ним мочалкой с таким сосредоточенным видом, будто полировала серебряную церковную утварь. Он теперь знал, что даже пальцами ног можно испытывать чувственное наслаждение.

Закончив мыть ему ноги, она оценивающим взглядом посмотрела на его блестящее в клубах пара тело и серьезно заметила — она никогда не шутила:

— У тебя тело юноши. Ты похож на святого Себастьяна*, только без стрел.

Для него явилось новостью, что его тело может представлять собой какую-то ценность, помимо его прямого предназначения. Он был сильным, ловким, хорошо играл во все игры и здорово дрался, но ему и в голову не приходило, что кому-нибудь может

* *Святой Себастьян* — христианский святой, мученик. Будучи офицером императорской гвардии в Риме, обратился в христианство. По приговору императора Диоклетиана его должны были казнить лучниками. Был тяжело ранен стрелами, но выжил; позже был насмерть забит дубинками.

доставить удовольствие просто смотреть на него. В то же время ему было немного стыдно, что у него на груди пока еще нет волос и что его мужское достоинство там, внизу, довольно-таки скромно.

Вскинув руки, она собрала волосы в высокий узел на голове, а затем тоже забралась в ванну. Взяв кусок мыла, она принялась намыливаться, тщательно и методично, без тени кокетства. Ее смуглая кожа поблескивала сквозь пену. После этого оба опустились в ванну и спокойно лежали, обхватив друг друга руками.

Если бы дядя Гарольд, *Tante* Эльза и их две дочери внезапно заболели в Саратоге и умерли, Том навсегда бы остался жить в этом доме, в этом маленьком городке Элизиуме.

Когда вода стала совсем прохладной, они выбрались из ванны и Клотильда, взяв одно из любимых больших полотенец *Tante* Эльзы, тщательно вытерла Тома. После этого она принялась мыть ванну, а Томас пошел в спальню Джордахов и лег в свежую постель, на чистые накрахмаленные простыни.

За окнами с вставленными в них сетками жужжали пчелы; зеленые шторы, защищающие спальню от солнца, делали ее похожей на грот, комод у стены напоминал корабль в зеленом море. Ради одного такого дня стоило сжечь хоть тысячу крестов...

Вошла Клотильда, шлепая по полу босыми ногами. Ее волосы снова были распущены, но уже по другому случаю. На ее лице застыло то мягкое, отстраненное и сосредоточенное выражение, которое он так полюбил и по которому даже стал томиться.

Когда она ложилась рядом с ним, от нее повеяло ароматом сандалового мыла. Ее рука протянулась к нему мягко и даже несмело. Прикосновение чистой любви, проявление испытываемой к нему огромной нежности, вне зависимости от чисто физического контакта,— это было так непохоже на ненасытную похотливость вечно хихикающих школьниц-двойняшек или на профессиональное сладострастие той женщины с Маккинли-стрит в Порт-Филипе. Ему казалось невероятным, что кому-то доставляет удовольствие прикасаться к нему подобным образом.

Том взял ее нежно, ласково, под неустанное жужжание пчел между оконными стеклами. Он не торопился, ожидая, чтобы у них получилось одновременно, обученный этому ею, быстро и досконально овладевший тонким искусством любви с помощью этого широкого индийского тела. Когда все было окончено, они молча лежали рядом, и он чувствовал, что ради нее готов на что угодно. Он с радостью сделал бы все, что бы она ни попросила.

— Полежи пока,— сказала она, нежно поцеловав его в шею.— Я позову, когда все будет готово.

Она выскользнула из кровати, и он слышал, как она, одевшись в ванной комнате, спускается по лестнице в кухню.

Том лежал и глядел в потолок. Он испытывал чувство огромной благодарности к ней, но в то же время ему было невыносимо горько. Он ненавидел себя за то, что ему всего шестнадцать лет и он ничего не в состоянии для нее сделать. Она щедро дарила ему себя, по ночам он незаметно проскальзывал в ее комнатушку, но не мог даже пригласить ее погулять в парке или подарить ей какой-нибудь пустяк вроде шарфика, потому что тут же начались бы разговоры, а острый глаз *Tante* Эльзы сразу обнаружил бы яркую обновку в ящике старого комода в каморке Клотильды за кухней. Он не мог увести ее из этого ужасного дома, где она ишачила как рабыня. Вот если бы ему было двадцать лет...

Святой Себастьян. Кто он?

В спальню беззвучно вошла Клотильда и объявила:

— Кушать подано. Пойдем поедим.

Он сказал ей с кровати:

— Когда мне будет двадцать, я обязательно приеду сюда за тобой.

— Ты мой мужчина,— улыбнулась она и рассеянно покрутила обручальное кольцо на пальце.— Только поторопись, а то все остынет.

Он пошел в ванную комнату, оделся и спустился в кухню.

На кухонном столе между двумя приборами стояли цветы. Флоксы. Темно-голубые. В этом доме она была и за садовника. Она знала, как ухаживать за цветами. «Наша Клотильда — сокровище,— говорила *Tante* Эльза.— В этом году розы у нас вдвое крупнее, чем в прошлом».

— Тебе бы иметь свой сад,— сказал Том, садясь за стол.

Не в состоянии сделать ей материальный подарок, он старался говорить ей приятные вещи — по любому поводу. Он был бос, линолеум приятно холодило его ступни. Его тщательно зачесанные тугие светлые кудри еще не высохли и оттого казались темнее. Клотильда любила, чтобы все вокруг было чистым, аккуратным, начищенным до блеска, будь то кастрюли, сковородки, стол, прихожая или юноша. И он старался следить за собой, доставляя ей этой малостью хоть какую-то радость.

Она поставила перед ним большую тарелку густой рыбной похлебки.

— Я говорю, как было бы здорово, если бы у тебя был свой собственный садик,— повторил он.

— Ты лучше ешь, а не разговаривай,— сказала она, садясь за стол напротив него.

За рыбной похлебкой последовала нежная баранья ножка с молодым картофелем, поджаренным в одной сковородке вместе с ножкой и посыпанным свежей петрушкой, миска молодого горошка в масле, хрустящий салат ромэн со свежими поми-

дорами. Сбоку на столе стояло блюдо с только что испеченными горячими булочками и большим куском сливочного масла, а рядом — запотевший кувшин холодного молока.

Клотильда сосредоточенно наблюдала за тем, как он ест, каждый раз улыбаясь, когда он протягивал тарелку за добавкой. Пока Джордахи отдыхали в Саратоге, она каждое утро ездила на автобусе за продуктами в соседний город, тратя на это свои личные деньги. Если бы она делала свои покупки в Элизиуме, то владельцы продуктовых магазинов наверняка доложили бы миссис Джордах, что служанка в ее отсутствие приобретала у них лучшие куски мяса и отборные фрукты, и та догадалась бы об этих маленьких пирах на кухне.

На сладкое Клотильда подала ванильное мороженое, приготовленное утром ею самой, и горячий жидкий шоколад: Клотильда хорошо знала вкусы своего возлюбленного. Если вначале она давала ему знать о своей любви бутербродами с беконом и помидорами, то теперь, когда ей ответили взаимностью, она и вовсе закармливала его.

— Клотильда, почему ты здесь работаешь? — спросил Том.

— А где же мне работать? — удивилась она.

Голос у нее был низкий, и говорила она несколько монотонно, почти без интонаций. В ее речи чувствовалось, что она из канадских французов: некоторые буквы она произносила на французский лад.

— Да где угодно. В магазине, на фабрике. Кем угодно, но не прислужой.

— Я люблю домашнюю работу. Люблю готовить, — отвечала она. — Мне не так уж здесь и плохо. Твоя тетя хорошо со мной обращается. Она меня ценит. И спасибо ей, что она взяла меня к себе, когда я приехала сюда два года назад. Я ведь тогда в городе никого не знала, и у меня за душой не было ни цента. И мне нравятся дочки хозяйки. Они всегда такие чистенькие. А что бы я делала в магазине или на фабрике? Складываю и вычитаю я очень медленно, а машин и станков страшно боюсь. Нет, мне нравится работать по дому.

— Но это *чужой* дом, — настаивал Том: его бесила мысль, что эти две жирные свиньи помыкают ею как хотят.

— Нет, это *наш* дом — еще целую неделю, — сказала Клотильда, ласково коснувшись его руки.

— Мы даже не можем вместе появиться на улице, пойти куда-нибудь вечером.

— Ну и что? — пожалыла она плечами. — Что мы от этого теряем?

— Но мы вынуждены от всех таиться! — раздраженно проговорил он, чувствуя, что она начинает злить его.

— Ну и что? — снова пожалыла она плечами. — Как много на свете прекрасных вещей, ради которых стоит таиться. Не все хоро-

шее происходит в открытую. А, кроме того, может быть, мне нравятся тайны.— И ее лицо осветилось мягкой улыбкой, тем более привлекательной, что улыбалась она так редко.

— Вот, например, сегодня...— упрямо продолжал он, пытаясь заронить в эту безмятежную и покорную крестьянскую душу хотя бы подобие мятежной искры.— Неужели после такого...— и он выразительно помахал рукой над столом,— такого *банкета* мы с тобой останемся дома?! Это просто несправедливо. Нам следовало бы куда-нибудь пойти, придумать что-то особенное, а не сидеть дома сложа руки.

— И что же мы можем придумать? — спросила она серьезно.

— Ну, не знаю... все, что угодно,— ответил он.— В парке выступает духовой оркестр. Можно посмотреть бейсбольный матч.

— Музыки мне хватает и дома,— спокойно сказала она.— Сам знаешь, граммофон твоей *Tante* Эльзы ни на минуту не умолкает. На бейсбольный же матч лучше сходить тебе одному, а мне скажешь потом, кто выиграл. Мне и тут хорошо. Приберусь потихоньку, а потом буду ждать, когда ты придешь домой. Пока я уверена, что ты вернешься домой, мне больше ничего не нужно, Томми.

— Без тебя я никуда не пойду,— сказал он, сдаваясь, затем встал и добавил: — Я помою посуду.

— Это не обязательно,— мягко возразила она.

— Сказал, помою — значит, помою! — непререкаемым тоном повторил он.

— Ты — мой мужчина,— сказала она и снова улыбнулась, но не с собственническим видом, а с простодушной гордостью.

Следующим вечером, возвращаясь на своем расшатанном велосипеде из гаража домой, он, повинувшись неожиданному импульсу, остановился возле городской библиотеки, прислонил велосипед к решетке и вошел в здание. Это было тем более странно, что он почти ничего не читал, даже спортивные новости в газетах, а в библиотеки и подавно никогда не заглядывал. Возможно, это нерасположение к чтению было своего рода реакцией на то, что его брат и сестра вечно сидели уткнувшись носом в какую-нибудь книгу, а головы у них были забиты нелепейшими возвышенными идеями.

Какая-то особая тишина в читальном зале и негостеприимный взгляд, которым библиотекарьша окинула его грязную, засаленную одежду, смуглили Тома. Он неуверенно бродил между полками, заставленными тысячами книг, и не знал, в какой из них искать нужную ему информацию. В конце концов он вынужден был возвратиться к столу библиотекарьши.

— Извините, мэм,— обратился он к ней,— можно у вас спросить?

Библиотекарша была занята тем, что ставила на карточках, выписанных на вновь поступившие книги, библиотечные штампы, тем самым приговаривая книги к тюремному заключению на предназначенных для них полках. Делала она это резким и словно злорадным движением руки.

— Слушаю вас,— ответила она, подняв голову и недружелюбно посмотрев на Тома: она могла определить «нелюбителя» книг с первого взгляда.

— Мне хотелось бы найти что-нибудь о святом Себастьяне, мэ, — сказал Том.

— А что именно вас интересует о нем?

— Ну, не знаю, хоть что-нибудь,— ответил он, уже жалея, что пришел сюда.

— Пройдите в справочный отдел и посмотрите в Британской энциклопедии,— сказала библиотекарша.— В томе, на котором значится САРС – СОРК.

«Да, она уж знает свою библиотеку, эта дамочка»,— подумал Том.

— Большое спасибо, мэ.

Он решил, что с завтрашнего дня станет после работы отмыывать с помощью хозяйственного мыла фирмы «Койн» хотя бы верхний слой грязи, въедающейся в кожу, и переодеваться в чистое прямо в гараже. Сейчас к нему, Тому, относятся как к бродячей собаке, а ведь избежать этого не так уж и сложно. Да и Клотильде будет приятно.

Ему потребовалось целых десять минут, чтобы разыскать Британскую энциклопедию. Вытащив с полки том с буквами САРС – СОРК на корешке, он положил его на стол, сел и принялся перелистывать страницы в поиске нужной статьи. Так, САРСУЭЛА, СВЕДЕНБОРГ, СГРАФФИТО, СЕБАСТЬЯНО ДЕЛЬ ПЬОМБО. Подумать только, чего только нет в этой энциклопедии!

Вот оно: «СЕБАСТЬЯН, СВЯТОЙ — христианский мученик, чей день отмечается 20 января». Дальше шел один небольшой абзац — это и все, что было посвящено святому Себастьяну. Стало быть, он не такая уж и важная птица.

«Когда лучники оставили его умирать,— читал Том,— набожная женщина Ирина пришла туда ночью, чтобы унести его тело и предать земле, но, увидев, что он еще жив, доставила его к себе домой и стала врачевать его раны. Едва успев выздороветь, Себастьян поспешил к императору, чтобы снова бросить ему дерзкий вызов. Тот велел его тут же схватить и насмерть забить дубинками».

(«Дважды укокошить одного и того же человека! — подумал Том.— Ну и ну! Да эти католики — просто психи!» Но он по-прежнему не понимал, почему Клотильда упомянула имя этого святого, когда он, Том, стоял голый в ванне.)

«К святому Себастьяну обращаются с молитвами преимущественно в тех случаях, когда начинается эпидемия чумы,— читал дальше Том.— Красивый молодой воин, этот святой — излюбленный персонаж религиозной живописи. Как правило, его изображают нагим и пронзенным стрелами. Он истекает кровью от тяжелых, но не смертельных ран».

Том задумчиво закрыл книгу. *Красивый молодой воин... Как правило, его изображают нагим...* Теперь все ясно. Клотильда. Удивительная Клотильда. Она не умеет говорить слова любви — она выражает испытываемое к нему чувство обращением к образам своей религии, потчеванием его вкусной едой, своим нежным, ласковым телом — словом, всем, чем угодно, кроме слов.

Он всегда считал, что внешность у него не ахти какая,— желторотый на вид паренек с плоской, дерзкой физиономией. И вдруг святой Себастьян! Следующий раз, когда он увидит своих красавцев-родственников, Рудольфа и Гретхен, он сможет посмотреть им прямо в глаза и сказать: «Зрелая, опытная женщина сравнила меня не с кем-нибудь, а со святым Себастьяном, красивым молодым воином!» Впервые с тех пор, как он уехал из дома, ему захотелось встретиться с братом и сестрой.

Он встал, поставил книгу на место и собрался было уже уходить из справочного отдела, как вдруг ему пришло в голову, что Клотильда — это ведь тоже имя какой-то святой. Он поискал и вынул из батареи томов тот, на котором было написано КАСТ — КОЛД.

Имея уже некоторый опыт, он быстро нашел то, что ему было нужно. «КЛОТИЛЬДА, СВЯТАЯ (? — 544) — дочь бургундского короля Хильперика, супруга Хлодвига, короля франков».

Том представил себе Клотильду, обливающуюся потом над печкой в кухне Джордахов или стирающую грязное белье дяди Харольда, и помрачнел. Пристало ли заниматься этим дочери бургундского короля Хильперика, супруге Хлодвига, короля франков!.. Родители определенно не думают о том, какое будущее ждет их ребенка, когда дают ему имя.

Прочтя до конца абзац, посвященный святой Клотильде, Том пришел к выводу, что ничего особенного она не свершила, если не считать обращения в христианство своего мужа, строительства церкви и всякого такого прочего. Еще у нее были крупные неприятности со своей семьей. Но ни слова не было сказано, почему ее удостоили этой высокой чести — быть причисленной к лику святых.

Том закрыл книгу и поставил на место, не собираясь больше задерживаться в библиотеке: ему хотелось поскорее возвратиться домой, к Клотильде. Но, прежде чем уйти, он остановился у столика библиотекарши и сказал:

— Спасибо, мэм.

В этот момент он почувствовал какой-то сладкий запах и только тогда заметил на столике большую чашу с нарциссами — зеленые копьевидные стебли, основания которых были закреплены в ложе из многоцветных галечных камешков, увенчались ароматными белыми цветками. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, Том спросил:

— Можно, я запишусь в вашу библиотеку?

Она удивленно на него взглянула и поинтересовалась:

— А вы когда-нибудь были записаны в какую-нибудь библиотеку?

— Нет, мэм, раньше у меня не было времени для чтения.

Библиотекарша снова бросила на него недоумевающий взгляд, но все же достала бланк читательского билета и, спросив у Тома фамилию, возраст и адрес, вписала все это в билет каким-то странным, наклоненным в обратную сторону, почерком. Затем поставила штамп, вписала дату и вручила билет Тому.

— А могу ли я взять книгу прямо сейчас? — спросил он.

— Ради Бога, — сказала она.

Он возвратился в справочный отдел и снял с полки тот том Британской энциклопедии, на корешке которого стояло САРС — СОРК. Он возьмет книгу домой и будет перечитывать статью о святом Себастьяне до тех пор, пока не запомнит ее наизусть. Но когда он возвратился к столику библиотекарши, чтобы она выдала ему книгу, та покачала головой и раздраженно сказала:

— Отнесите это назад. Неужели вы не знаете, что книги из справочного отдела не выдаются на дом?

Он пошел в справочный отдел и поставил том на место. «Ну и дела! — с негодованием подумал он. — На тебя тычут пальцами за то, что ты не читаешь книг, но стоит тебе сказать „Ладно, буду читать, только дайте мне книгу“, тебе ее в конце концов не дают, ссылаясь на какие-то идиотские правила!»

И все же, выходя из библиотеки, он довольно поглаживал рукой по карману, в котором лежал его читательский билет.

На ужин были жареные цыплята, картофельное пюре и яблочный сок, на десерт — пирог с черникой. Они ели на кухне, лишь изредка перебрасываясь словами. Когда Клотильда начала убирать со стола, он подошел к ней, обнял и сказал:

— Ты — Клотильда, дочь бургундского короля Хильперика, супруга Хлодвига, короля франков.

— О чем это ты? — спросила она, взглянув на него расширившимися от удивления глазами.

— Мне захотелось узнать, откуда произошло твое имя, — сказал он. — Я зашел в библиотеку и посмотрел в энциклопедии. Так вот, ты — королевская дочь и жена короля.

Клотильда долго на него смотрела, не опуская рук с его талии, затем поцеловала в лоб. Словно благодарила за подарок.

II

В плетеной корзинке, выложенной на дне влажным папоротником, уже пестрели две рыбины. Как и говорил Бойлан, речушка, текущая по его владениям, действительно кишела рыбой. В том месте, где речка пересекала границы его поместья, она была запружена небольшой плотиной. Оттуда она текла, извиваясь, через все земли Бойлана до второй плотины. На другом конце его владений речку пересекала проволочная сетка, преграждавшая рыбе путь вниз по течению и удерживавшая ее в пределах поместья. Дальше река текла серией каскадов до самого Гудзона.

Рудольф был в старых вельветовых брюках и резиновых сапогах, какие носят пожарные. Сапоги он купил поношенные, к тому же они были ему велики, поэтому идти вдоль берега реки, то и дело продираясь сквозь заросли терновника и переплетенные ветки деревьев, было нелегко. Он сходил на последней остановке автобуса, а дальше нужно было идти пешком, причем долго и все время в гору. Но игра стоила свеч. Он уже привык считать эту речку с изобилующей в ней форелью чуть ли не своей частной собственностью. За все то время, что он начал приходить сюда удить рыбу, ему ни разу не встречался ни хозяин поместья Бойлан, ни кто-либо другой. И Рудольфа это не удивляло — речушка протекала где-то в полукилометре от главного дома усадьбы.

Накануне всю ночь лил дождь, и даже сейчас, в конце дня, серый воздух был все еще насыщен влагой. В мутной воде форель клевала плохо, лишь тычась в приманку, но не заглатывая ее, но уже от одного того, что вокруг ни души и ни звука — только плеск воды о камни, — он чувствовал себя счастливым. Через неделю начинались занятия в школе, и оставшиеся дни он старался провести как можно более полноценно.

Расположился он возле одного из двух декоративных мостиков, перекинутых через речку. Когда он в очередной раз закинул удочку, на поросшей сорняками гравиевой дорожке, ведущей к мостику, послышались чьи-то шаги. Быстро смотав леску на катушку спиннинга, он замер в ожидании. На дорожке появился Бойлан — без шляпы, в замшевой куртке, с пестрым шарфом вокруг шеи и в высоких ботинках с крагами. На мостике он остановился.

— Добрый день, мистер Бойлан, — поздоровался Рудольф, чувствуя себя несколько неловко: а вдруг тот уже забыл, что приглашал его ловить рыбу на своей речке, или сказал это просто

так, из вежливости, надеясь, что он не воспримет это приглашение всерьез.

— Ну как, что-нибудь поймали? — спросил Бойлан.

— Да вот, пока только две — лежат в корзинке.

— Совсем неплохо для такого дня, как этот, — заметил Бойлан, бросив взгляд на мутную воду. — Да еще на блесну.

— А вы тоже рыболов? — поинтересовался Рудольф, подходя ближе к мостику, чтобы они могли разговаривать не крича.

— Был когда-то, — ответил Бойлан. — Ладно, не буду вам мешать. Я просто вышел прогуляться. Возвращаться я буду этой же дорогой и, если мне повезет и я еще застану вас, то, надеюсь, вы согласитесь составить мне компанию за рюмочкой-другой у меня в доме.

— Большое спасибо, — ответил Рудольф, но не стал его завещать, что непременно дождется его возвращения.

Помахав ему рукой, Бойлан продолжил свою прогулку.

Рудольф решил поставить другую блесну, достав ее из-под ленты старой коричневой фетровой шляпы, которую он брал с собой, когда отправлялся на рыбную ловлю или в случае, если шел дождь. Быстрыми и точными движениями он завязал на леске узлы. Как знать, может быть, когда-нибудь он станет хирургом. Он представил себя в белом халате, с повязкой на лице. Закончив операцию, он быстро и умело накладывает шов на рану пациента.

— Думаю, больной будет жить, сестра, — говорит он усталым голосом.

Сколько же нужно лет, чтобы стать врачом? Три года подкурсов, четыре года в медицинском колледже, а потом еще два года интерном. Девять лет — и уйма денег на обучение. Где их взять? Так что лучше забыть об этом.

Когда он забросил удочку в третий раз, рыба наконец клюнула. Мутно-коричневая вода вспенилась белой рябью. Должно быть, попалась крупная. Он подтягивал леску медленно и осторожно, стараясь обойти камни и водоросли. Дважды он почти ухватил рыбу и дважды она уходила, так что оба раза ему пришлось отпускать леску. На третий раз, почувствовав, что форель устала, Рудольф взял сачок и вошел в речку. Ледяная вода тут же хлынула ему за голенища. После нескольких попыток он в конце концов подцепил рыбу сачком и только тогда заметил, что Бойлан уже вернулся и стоит на мостике, наблюдая за ним.

— Bravo! — воскликнул Бойлан, когда, хлюпая сапогами, Рудольф вышел на берег. — Чистая работа.

Рудольф оглушил форель о землю и положил ее в корзинку рядом с двумя другими, а Бойлан тем временем сошел с мостика и, приблизившись к нему, наблюдал за его действиями.

— Я никогда бы не смог собственноручно убить живое существо, даже рыбу,— сказал Бойлан, взглянув на свои руки в перчатках, а затем добавил: — Эти рыбы похожи на миниатюрных акул, не правда ли?

Рудольфу казалось, что они попросту похожи на форель, но вслух он этого не сказал.

— Мне никогда не приходилось видеть акул,— вместо этого ответил он и, сорвав еще несколько побегов папоротника, уложил их на дне корзинки, подоткнув под рыб.

Отца ждет сюрприз — форель на завтрак. Он обожает форель. Это своего рода дивиденды, которые отец получает, вложив деньги в подаренные Рудольфу на день рождения рыболовные снасти — спиннинг и все остальное.

— А на Гудзоне вы рыбачите? — спросил Бойлан.

— Очень редко. Бывают сезоны, когда в наши верховья поднимается даже такая редкая гостья как шэд.

— Когда мой отец был мальчишкой,— сказал Бойлан,— он ловил в Гудзоне лососей. Можете себе представить в таком случае, что водилось в Гудзоне, когда здесь жили индейцы! Это было, конечно, еще до Рузвельтов*. В те времена в лесах по берегам Гудзона можно было встретить и медведей, и рысей, и оленей.

— Ну, оленей можно встретить и в наше время,— сказал Рудольф.— Я лично видел их не один раз.

Ему никогда в голову не приходило задумываться над тем, каким был Гудзон в те далекие времена, когда его воды бороздили ирокезские каноэ.

— Да, олени здесь есть,— отозвался Бойлан.— Более того, от них страдают посеvy хлеба.

Рудольф с удовольствием снял бы сапоги и вылил из них воду, но носки у него были штопаные, и ему совсем не хотелось демонстрировать Бойлану далеко не безупречные образцы рукоделия матери.

Словно читая его мысли, Бойлан сказал:

— Мне кажется, вам стоило бы разуться и вылить из сапог воду — она, должно быть, ледяная.

— Это уж точно,— проговорил Рудольф, стягивая сапоги.

Бойлан, казалось, ничего не заметил. Он обводил взглядом разросшийся, неухоженный лес, который находился в собственности его семьи со времен Гражданской войны.

— Когда-то отсюда отлично просматривался дом,— задумчиво сказал он.— Всех этих зарослей, этого подлеска и в помине не было. На этой земле круглый год, летом и зимой, работало де-

* ...до Рузвельтов. В США было два президента по фамилии Рузвельт: 26-й президент *Теодор Рузвельт* (1858 — 1919) и 32-й президент *Франклин Делано Рузвельт* (1882 — 1945).

сать садовников, а сейчас сюда приходят одни лишь чиновники из рыбной инспекции, да и то раз в год. Садовников в наши дни нанять практически невозможно. Впрочем, в этом и смысла нет...

Глядя на непроходимые заросли кустарникового дуба, перемежающиеся с ольшаником и кустами кизила, на которых не было ни единого цветка, Бойлан произнес:

— Чего только здесь не растет! Настоящий девственный лес. *Лес, не оскверненный человеком.* Не помню, кто это сказал.

— Лонгфелло, — тут же, не задумываясь, произнес Рудольф, вновь натягивая сапоги на насквозь промокшие носки.

— Вы, наверное, много читаете? — проговорил Бойлан.

— Просто Лонгфелло мы проходили в школе, — с напускной скромностью ответил Рудольф.

— Рад слышать, что наша система образования не забывает о наших бардах, этой гордости нации, об их привольных, безыскусственных песнях, — сказал Бойлан.

«Снова эти напыщенные речи, цветистые выражения, — подумал Рудольф. — На кого, интересно, он пытается произвести впечатление этой своей иронической напыщенностью?» Рудольф и сам не был поклонником Лонгфелло, но кто такой Бойлан, в конце концов, чтобы говорить о поэте с таким пренебрежением? Сам он написал хоть одно стихотворение в своей жизни? Если и написал, то можно себе представить, что это за шедевр!

— Да, кстати, у меня, кажется, где-то должны быть болотные сапоги. Купил я их Бог знает когда, и они мне совсем не нужны. Если они окажутся вам по ноге, можете взять их себе. Почему бы вам не зайти ко мне и не примерить?

Рудольф собирался прямо с речки вернуться домой. До автобусной остановки было не близко, к тому же он торопился: родители Джули пригласили его на домашний ужин, а потом они с ней собирались пойти в кино. Но болотные сапоги... Новые стоят не меньше двадцати долларов.

— Спасибо, сэр, — сказал он.

— Не называйте меня «сэр», — поморщился Бойлан. — Я и без того чувствую себя достаточно старым.

Они пошли по заросшей дорожке к дому.

— Давайте я понесу корзинку, — предложил Бойлан.

— Она не тяжелая, — ответил Рудольф.

— Прошу вас, — настаивал Бойлан. — Может, хоть тогда мне будет казаться, что я сделал сегодня что-то полезное.

«А ведь ему нерадостно живется на свете, — удивленно подумал Рудольф. — Точно так же, как и моей матери». И он отдал корзинку Бойлану, а тот повесил ее себе на плечо.

Огромный дом стоял на холме весь заросший плющом — неуместная в наше время готическая крепость из нетесаного кам-

ня, надежно защищающая ее обитателей от рыцарей в доспехах и колебаний на бирже.

— Нелепое сооружение, не правда ли? — пробормотал Бойлан.

— Да.

— А вы словоохотливый собеседник, — рассмеялся Бойлан, открывая массивную дубовую дверь. — Прошу вас, входите.

«Через эту дверь не раз проходила моя сестра, — подумал Рудольф. — Мне следовало бы повернуться и уйти отсюда».

Но он не сделал этого.

Они оказались в большом темном холле с мраморным полом и широкой лестницей, идущей изгибаясь вверх. Тут же возник пожилой слуга в сером пиджаке из альпаки и галстучке-бабочке, как если бы одно появление Бойлана в доме приводило в действие хорошо отлаженный невидимый механизм по обслуживанию хозяина.

— Добрый вечер, Перкинз, — сказал Бойлан. — Это мистер Джордах, молодой друг нашей семьи.

Перкинз слегка поклонился. По его виду сразу можно было догадаться, что он англичанин. У него было лицо человека, беззаветно преданного своему королю и своей стране. Он принял у Рудольфа потрепанную фетровую шляпу и положил ее на продолговатый стол у стены с такой торжественностью, будто возлагал венок на королевскую могилу.

— Перкинз, — обратился к слуге Бойлан, — не будете ли вы столь любезны, чтобы сходить в оружейную комнату и поискать там мои старые болотные сапоги? Мистер Джордах — заядлый рыболов. Вот, полюбуйте, — и он открыл корзинку.

Перкинз взглянул на форелей и с видом придворного поставщика провизии для королевской семьи проговорил:

— Превосходные экземпляры, сэр.

— Не правда ли? — подхватил Бойлан: было очевидно, что хозяин и слуга играют друг с другом в какую-то сложную игру с непонятными для Рудольфа правилами. — Отнесите на кухню и скажите кухарке, чтобы она приготовила их на ужин. Надеюсь, вы не откажетесь со мной поужинать, Рудольф?

Рудольф колебался: в этом случае ему придется пропустить свидание с Джули. Но он ведь ловил рыбу в речке Бойлана и тот собирается подарить ему сапоги, так что не принять приглашение было бы невежливо.

— Вы не позволите мне от вас позвонить? — спросил он.

— Разумеется, — ответил Бойлан и, повернувшись к Перкинзу, произнес: — Скажите кухарке, что нас будет двое на ужин.

Что ж, сюрприз для Акселя Джордаха отменялся: форель на завтрак он не получит.

— И вот что еще, — остановил Бойлан слугу. — Принесите мистеру Джордаху пару мягких теплых носков и полотенце.

Он сильно промочил ноги. Сейчас, будучи молодым, он не обращает на это внимания, но лет через сорок, когда он, подобно нам с вами, будет страдать от ревматизма и, скрипя всеми суставами, сможет лишь с трудом добираться до камина, он еще вспомнит этот день.

— Слушаюсь, сэр,— ответил Перкинз и отправился выполнять поручения. Интересно было бы знать, с чего он начнет — с кухни или с оружейной комнаты?

— Думаю, вы почувствуете себя гораздо удобнее, если снимете сапоги прямо здесь, в холле,— заметил Бойлан, вежливо давая понять Рудольфу, что не будет в большом восторге, если тот станет оставлять за собой мокрые следы по всему дому.

Рудольф послушно снял сапоги, и опять Бойлан имел возможность увидеть его штопаные носки — новый удар по его самолюбию.

— Прошу вас, пройдемте сюда,— сказал Бойлан, распахивая перед ними двустворчатую, богато украшенную резьбой дверь, ведущую из холла.— Надеюсь, Перкинз проявил к нам сострадание и разжег камин. В этом доме прохладно даже в самые жаркие дни. Когда на дворе июль, здесь, в лучшем случае, ноябрь. А в такой сырой день, как сегодня, в доме впору хоть на коньках кататься.

Проходя через дверь, которую Бойлан предупредительно держал перед ним открытой, Рудольф, необутый, да еще в штопаных носках, чувствовал себя крайне неловко. В изысканном фразерстве Бойлана ему слышались насмешливые нотки.

Никогда в жизни он не бывал в такой огромной гостиной, как та, в которой оказался сейчас. И меньше всего она напоминала о ноябре. Высокие окна наглухо закрыты бордовыми бархатными портьерами. На стенах ряды полок с книгами. Много портретов с изображенными на них нарумяненными дамами в нарядах девятнадцатого столетия и внушительного вида бородатыми пожилыми мужчинами. Большие, писанные маслом пейзажи в паутине трещин (Рудольф узнал на некоторых из них знакомые ему места в долине реки Гудзон; правда, на картинах были запечатлены пахотные угодья и леса, которых теперь и в помине не оставалось). Рояль, на котором разбросаны переплетенные в альбомы ноты, у стены — стол с множеством бутылок на нем. Просторный мягкий диван, столик с кипой журналов, несколько глубоких кожаных кресел. Неимоверных размеров светлый персидский ковер, которому, по всей видимости, не менее двух, а то и трех сотен лет (неискушенному глазу Рудольфа ковер показался просто выцветшим и потертым).

Перкинз и в самом деле разжег огонь в большом, широком камине. На толстой железной решетке уютно потрескивали по-

ленья. Лампы — в гостиной их было шесть или семь — излучали мягкий вечерний свет. Рудольф тут же пообещал себе, что когда-нибудь и у него будет гостиная, подобная этой.

— Какая замечательная комната! — искренне восхитился он вслух.

— Слишком велика для одного человека, — сказал Бойлан. — Когда ходишь по ней, особенно ночью, стук собственных шагов раздается как-то гулко и одиноко... А не выпить ли нам по стаканчику виски?

— Спасибо.

И ему вспомнилось, как они с сестрой в привокзальном баре пили на прощание виски. А сейчас она из-за этого человека в Нью-Йорке. Хотя, может быть, это и к лучшему? Она написала, что нашла работу. Играет в театре. Вернее, пока репетирует. Обещает сообщить, когда состоится премьера. Платят ей шестьдесят долларов в неделю. Из общежития Ассоциации молодых христианок она ушла, и у нее теперь новый адрес. Просила не говорить об этом ни матери, ни отцу.

— Вы, кажется, хотели позвонить, — напомнил ему Бойлан, наливая виски. — Телефон вон там, на столе у окна.

Сняв трубку, Рудольф ждал, пока ответит телефонистка. Со стоящей на рояле фотографии в серебряной рамке ему улыбалась привлекательная блондинка, волосы которой были уложены по старой моде.

— Назовите, пожалуйста, номер, — раздался в трубке голос телефонистки.

Он назвал номер Джули. Как было бы хорошо, если бы ее не оказалось дома! Сказать родителям, что он не сможет прийти, куда проще, чем сказать это ей самой. Какой же он все-таки трус! В своем воображении он давно уже вел своеобразный дневник, в котором ставил сам себе оценки за те или иные свои поступки. Так вот, сегодня он заслужил «единицу».

После двух длинных гудков ему ответил (увы!) голос Джули.

— Джули... — начал было он.

— Руди! — ее нескрываемая радость была для него хуже всяких упреков. К тому же присутствие Бойлана сковывало ему язык.

— Джули... — снова произнес он. — Я насчет сегодняшнего вечера... Появились кое-какие обстоятельства, из-за которых...

— Какие еще обстоятельства? — прервав его, спросила Джули ледяным тоном. Трудно было поверить, что эта милая девушка, которая умеет петь, точно жаворонок, способна говорить таким резким, металлическим голосом.

— В данный момент я не могу об этом говорить, но когда мы с тобой...

— Почему, интересно, ты не можешь говорить об этом в данный момент?

Он взглянул на Бойлана, стоящего к нему спиной, и, понизив голос, пробормотал:

— Я правда не могу. Давай лучше встретимся завтра, и я тебе все объясню, ладно? Завтра будет идти тот же самый фильм, так что мы сможем...

— Иди ты к черту! — И она бросила трубку.

Рудольф был просто-таки ошарашен. У него не укладывалось в голове, как юная, нежная Джули может быть такой... такой *бессердечной*?

— Договорились, Джули, — сказал он в онемевшую трубку. — Значит, до завтра. Пока.

«Неплохо сыграл», — подумал он, и положил трубку.

— Вот ваше виски, — громко произнес Бойлан, стоявший в другом конце комнаты. По его виду трудно было сказать, слышал ли он телефонный разговор или нет. Рудольф подошел к нему и взял стакан.

— Ваше здоровье! — провозгласил Бойлан, поднося виски к губам.

Рудольф не мог заставить себя ответить ему тем же тостом. Он выпил, и по его телу почти сразу же разлилось приятное тепло. Вкус виски показался ему на этот раз вполне сносным.

— Первый глоток виски за целый день, — сказал Бойлан, потряхивая кусочками льда в стакане. — Спасибо, что составили компанию. Не люблю пить один, а мне просто необходимо было выпить. Сегодня пришлось заниматься страшно скучными материями. Да вы не стойте, садитесь, — и он указал на большое кресло возле камина.

Рудольф сел, а Бойлан, став в картинной позе с одной стороны камина и положив согнутую руку на каминную доску, единственным украшением которой была стоящая посередине глиняная китайская фигурка лошади, могучей и воинственной на вид, продолжал:

— Ко мне приходили страховые агенты. По поводу этого нелепого пожара в День победы. Вернее будет сказать, в ночь победы. Проторчали почти всю вторую половину дня. Вы, кстати, видели, как горел этот крест?

— Нет, я только слышал об этом, — ответил Рудольф.

— Странно, почему было выбрано именно мое поместье? — с ноткой недоумения в голосе проговорил Бойлан. — Ведь я не католик и уж тем более не негр и не еврей. Куклуксклановцев явно ввели в заблуждение. Страховые агенты интересовались, нет ли у меня врагов. Вы что-нибудь слышали в городе на этот счет?

— Нет, ничего, — осторожно ответил Рудольф, боясь сказать что-нибудь лишнее.

— Наверняка есть,— убежденно произнес Бойлан.— Враги, я имею в виду. Только они себя не афишируют. Жаль, что крест был недостаточно близко к дому. Я был бы счастлив, если бы сгорел и этот мавзолей... Послушайте, вы совсем не пьете.

— Почему же, пью, но я из тех, кто пьет медленно.

— Мой дед строил этот дом на века. И что же? Я живу здесь один, и века эти закончатся, скорее всего, вместе со мной,— сказал Бойлан и рассмеялся.— Извините, я, кажется, чересчур разболтался. Но в этих местах не так уж часто встретишь человека, который имел бы хоть малейшее представление, о чем идет речь, когда с ним разговариваешь.

— Тогда почему вы здесь живете? — с максималистски юношеской логикой спросил Рудольф.

— Я обречен,— ответил Бойлан мелодраматичным и в то же время ироническим тоном.— Я прикован к этой скале, и орел клюет мою печень. Может, вы и на этот раз скажете, что за образ я имею в виду?

— Прометей.

— Потрясающе! Вы что, и это проходили в школе?

— Да.

Его так и подмывало добавить: «Я еще и не то знаю, мистер».

— Семья, ее давление на человека — это страшная вещь,— произнес Бойлан. Он уже допил свое виски и, отойдя от камина, налил себе еще.— Живешь с постоянным ощущением, что должен оправдать возлагаемые на тебя надежды, что не имеешь права подвести семью. Скажите, Рудольф, на вас тоже давит бремя обязательств перед семьей? Есть ли у вас предки, чайний которых вы не смеете обмануть?

— У меня нет предков,— ответил Рудольф.

— Настоящий американец,— улыбнулся Бойлан.

В комнату вошел Перкинз, неся высокие, выше колена, резиновые болотные сапоги, полотенце и пару светло-голубых шерстяных носков.

— Вот и ваши сапоги,— сказал Бойлан.— Оставьте все это здесь, Перкинз. Благодарю вас.

Перкинз поставил сапоги возле Рудольфа, повесил полотенце на ручку кресла, а носки положил на край стоящего рядом с креслом стола.

Сняв носки, Рудольф хотел было сунуть их в карман, но Перкинз не дал ему этого сделать, взяв их у него. Рудольфу было ужасно неудобно перед слугой: мокрые заштопанные носки — в этом роскошном доме! Вытерев ноги полотенцем, восхитительно пахнущим лавандой, Рудольф надел принесенные ему носки. Мягкая шерсть. Он встал и натянул сапоги. На одном из них, на колене, зияла треугольная дырка. Рудольф понимал, что было бы невежливым упоминать об этом.

— Как раз впору, — сказал он.

«Пятьдесят долларов, — пронеслось у него в голове. — Как минимум, пятьдесят». В этих сапогах он чувствовал себя д'Артаньяном.

— Я купил их, кажется, еще до войны, — сказал Бойлан. — Когда от меня ушла жена. Думал, что всерьез займусь рыбной ловлей.

Рудольф украдкой бросил на него быстрый взгляд — не шутит ли он? Но в глазах его собеседника не было ни искорки смеха.

— Чтобы не было одиноко, завел собаку, огромного ирландского волкодава. Назвал его Брутом. Замечательный пес. Он у меня был пять лет. Мы необыкновенно привязались друг к другу. А потом его отравили. Должно быть, кто-то из моих вассалов, — и Бойлан невесело рассмеялся. — Вы ведь знаете значение слова «вассал», Рудольф?

Эти задаваемые учительском тоном вопросы начинали раздражать Рудольфа.

— Знаю, — коротко бросил он.

— Разумеется, — сказал Бойлан, не настаивая на том, чтобы Рудольф дал определение слову. — Да, определенно у меня есть враги. Хотя, может быть, Брут попросту гонялся за чьими-то курами, и за это его отравили.

Рудольф снял сапоги и с неуверенным видом держал их в руках.

— Положите их, — произнес Бойлан, заметив его затруднение, — а я скажу Перкинзу, чтобы он отнес их в машину перед тем, как я отвезу вас домой. Боже, да они, кажется, порваны, — воскликнул Бойлан, заметив прореху.

— Ничего страшного, я отдам их на вулканизацию, — поспешил его заверить Рудольф.

— Нет, нет, я скажу Перкинзу, и он сам приведет их в порядок. Он обожает заниматься починкой вещей, — Бойлан сказал это с таким видом, будто Рудольф пытается лишить Перкинза самого большого для того удовольствия — заделывать дырки в резиновых сапогах.

Подойдя к столу, где стояли бутылки, Бойлан добавил себе виски и спросил:

— Хотите, я покажу вам дом, Рудольф?

Бойлан, обращаясь к нему, каждый раз называл его имя.

— Да, с удовольствием, — ответил Рудольф. Ему было любопытно взглянуть на оружейную комнату. Он видел лишь одну оружейную в своей жизни, — в Бруклине, когда ездил в Нью-Йорк на легкоатлетические соревнования.

— Что ж, пошли, — сказал Бойлан. — Это поможет вам понять, что значит иметь предков, — ведь вы и сами когда-нибудь им станете. Вы получите представление о том, как предки могут досаждают своим потомкам. Можете взять с собой ваше виски.

В холле стояло большое бронзовое изваяние: тигрица, вонзившая когти в спину буйвола.

— Искусство, — задумчиво произнес Бойлан. — Будь я патриотом, я должен был бы в годы войны отдать эту скульптуру на переплавку, и из нее отлили бы пушку. — Он распахнул створки огромной двери, украшенной резными купидонами и гирляндами, и включил свет. — Бальный зал.

Громадная комната была, пожалуй, не меньше гимнастического зала в школе. С высокого, где-то с двухэтажное здание, потолка свисала закутанная в простыню огромная хрустальная люстра. Лампочек в люстре было много, но горело лишь несколько, и свет, пробивавшийся сквозь ткань драпировки, был приглушенным и тусклым. Вдоль отделанных темными деревянными панелями стен стояли десятки стульев в чехлах.

— Отец мне рассказывал, что однажды его мать пригласила сюда на бал семьсот человек. Оркестр играл одни только вальсы. Двадцать пять вальсов подряд. Целая толпа собралась — не меньше, чем в вашем клубе, Рудольф. Кстати, вы по-прежнему играете в «Джеке и Джилле»?

— Нет, — ответил Рудольф. — Срок нашего трехнедельного контракта истек.

— Какая очаровательная девушка, эта ваша маленькая... забыл ее имя.

— Джули.

— Ах, да, Джули. Я ведь ей не понравился, не так ли?

— Она мне этого не говорила.

— Передайте ей, что я считаю ее прелестной девушкой, как бы она ко мне ни относилась. Передадите?

— Хорошо, передам.

— Семьсот человек, подумать только! — восхищенно произнес Бойлан. Он положил правую руку на талию воображаемой партнерши, а левой взял ее правую руку и сделал несколько вальсовых па. Виски из стакана пролилось ему на руку.

— В свое время я пользовался большим успехом на балах, устраивавшихся для юных леди, которые выходят в свет, — проговорил Бойлан, вынимая из кармана носовой платок и вытирая руку. — Может быть, я и сам устрою бал. Скажем, накануне сражения при Ватерлоо*. Вы ведь знаете, о каком сражении я говорю, не правда ли?

* *Сражение при Ватерлоо* (по названию населенного пункта в Бельгии). В этом сражении, состоявшемся 18 июня 1815 г., английские войска под командованием герцога Веллингтона одержали победу над армией Наполеона, что положило конец наполеоновским войнам.

— Да, знаю, — ответил Рудольф. — Доблестные офицеры Веллингтона и все такое прочее. Я ходил на «Бекки Шарп» несколько раз.

«И, кроме того, я читал Байрона», — мог бы добавить Рудольф, но ему не хотелось козырять своими знаниями перед Бойланом.

— Скажите, а вы читали «Пармскую обитель»?*

— Нет, — ответил Рудольф.

— Советую прочитать, когда станете повзрослее, — сказал Бойлан, обводя полутемный бальный зал последним беглым взглядом, прежде чем выйти. — Бедняга Стендаль: последние годы своей жизни он прозябал в итальянском городке Чивитавеккья, где и умер почти в безвестности, чтобы быть признанным лишь последующими поколениями.

«Ну, хорошо, ты читал этот роман, а я не читал, и что из того?» — подумал Рудольф, но в то же время он был польщен, что Бойлан удостоил его беседой на литературные темы.

— А моя Чивитавеккья — здесь, в Порт-Филипе, — произнес Бойлан с ноткой горечи в голосе, выключил люстру и, глядя в темное пространство бального зала, пробормотал: — Приют сов и привидений.

Они снова вышли в холл, и Бойлан, оставив двери бального зала открытыми, повел Рудольфа в заднюю часть дома.

— Это — библиотека, — сказал Бойлан, отворяя дверь в огромную комнату, стены которой с пола до потолка были уставлены бесконечными рядами книг. Через дверь повеяло запахом кожи и пыли. — Собрания сочинений в кожаных переплетах. Полный Вольтер, Киплинг, ну и так далее...

Бойлан тут же закрыл дверь и открыл другую.

— А это оружейная комната, — провозгласил он, зажигая в ней свет. — Все называли ее охотничьей комнатой, но дедушка мой был человеком большого размаха и предпочитал называть ее оружейной.

Комната была отделана полированным красным деревом. В застекленных шкафчиках хранились дробовики и охотничьи ружья. Стены увешаны трофеями — оленьими рогами, чучелами фазанов с длинными яркими хвостами. Ружья поблескивали свежей смазкой. Чистота необыкновенная, нигде ни пылинки. Шкафчики сделаны из красного дерева, их шарообразные медные

* «Бекки Шарп» — кинофильм по роману английского писателя Теккерея «Ярмарка тшеславия», названный по имени главной героини Рибекки (Бекки) Шарп. Один из героев романа, Джордж Осборн, погибает в сражении при Ватерлоо.

** Скажите, вы читали «Пармскую обитель»? — Бойлан вспомнил этот роман не случайно: его автор, французский писатель Стендаль, принимал участие в наполеоновских войнах.

ручки начищены до блеска — казалось, что находишься в каюте корабля.

— Вы, случайно, не занимаетесь охотой, Рудольф? — спросил Бойлан, усаживаясь верхом на стул с кожаным сиденьем в форме седла.

— Нет. — У Рудольфа так и чесались руки потрогать эти великолепные ружья.

— Если хотите, я научу вас стрелять, — предложил Бойлан. — У меня где-то должен быть старый учебный стенд для стрельбы по тарелкам. Охотиться, правда, здесь у нас не на что — почти ничего не осталось. Разве что кролики, да изредка попадет олень. Во время охотничьего сезона часто слышу выстрелы неподалеку от дома, но с браконьерами бороться бесполезно. — Он обвел взглядом комнату. — Подходящее место для самоубийства, — а затем продолжал: — Да-а, когда-то эти края были настоящим раем для охотников. Перепела, куропатки, дикие голуби, олени. Но это было давно! Я уж и не помню, когда последний раз стрелял из ружья. Может, если буду учить вас, и сам вспомню молодость. Это занятие для мужчин. Мужчина по природе своей — охотник. — Не было сомнений, что Бойлан прежде всего имеет в виду себя. — Думаю, репутация хорошего стрелка вам может только помочь для продвижения в мире. В колледже я учился с парнем, который женился на одной из самых богатых наследниц в Северной Каролине, и все благодаря тому, что у него был меткий глаз и твердая рука. Отец владел бумагопрядильными фабриками. Купались в деньгах. Парня звали Ривз. Из бедной семьи, но с прекрасными манерами, и это тоже не помешало. А вам хотелось бы стать богатым?

— Да.

— А чем вы намерены заняться после колледжа?

— Даже не знаю, — ответил Рудольф. — Надеюсь, что-нибудь подвернется.

— Я бы вам посоветовал остановиться на юриспруденции, — сказал Бойлан. — Америка — страна юристов. И год от года потребность в них возрастает. По-моему, ваша сестра говорила мне, что вы капитан команды в школьном дискуссионном клубе. Это действительно так?

— Да.

Упоминание о сестре насторожило его.

— Кстати, мы с вами могли бы как-нибудь съездить в Нью-Йорк и навестить вашу сестру, — сказал Бойлан, когда они выходили из оружейной. — А что касается стрельбы, я прикажу Перкинзу отыскать на этой неделе учебный стенд и заказать несколько глиняных летающих мишеней. Когда все будет готово, я вам позвоню.

— У нас нет телефона.

— Ах да! — пробормотал Бойлан. — Помню, как-то раз я пытался отыскать номер Джордахов в телефонной книге и не нашел. Что ж, в таком случае черкну вам пару слов. Кажется, я помню ваш адрес. — Он скользнул каким-то отстраненным взглядом по мраморной лестнице и сказал: — Там, наверху, ничего интересного. В основном, спальни — большинство из них закрыто. Кроме того, там гостиная моей матери, в которой уже давно никто не принимает гостей... Если не возражаете, я поднимусь переодеться к ужину. Чувствуйте себя как дома. Налейте себе еще виски.

И Бойлан (его фигура казалась снизу маленькой и тщедушной) стал подниматься по лестнице наверх. Возможно, второй этаж и в самом деле не представлял бы никакого интереса для его молодого гостя, если бы не одно обстоятельство: в какой-то из спален стояла кровать, на которой его сестра потеряла невинность.

III

Рудольф, вернувшись в гостиную, наблюдал, как Перкинз накрывает ужин на столе перед камином. Руки этого достойного слуги-джентльмена священнодействовали над бокалами и фужерами. Мысли Рудольфа, когда он смотрел на Перкинза, невольно обращались к Вестминстерскому аббатству*, к Уголку поэтов**, к чему-то старинному и торжественному. Вот он извлекает из серебряного ведерка со льдом бутылку белого вина. Еще одна бутылка, с красным вином, стояла откупоренная на буфете.

— Я позвонил в мастерскую насчет сапог, сэр, — сказал Перкинз. — Их починят к следующей среде.

— Благодарю вас, мистер Перкинз, — ответил Рудольф.

— Рад быть вам полезным, сэр.

Сэр! Причем дважды за какие-то двадцать секунд!

Перкинз снова принялся священнодействовать. Рудольфу хотелось по малой нужде в туалет, но он даже заикнуться не смел об этом такому величественному джентльмену, как Перкинз. Спустя некоторое время Перкинз, двигаясь плавно и бесшумно,

* *Вестминстерское аббатство* — особая королевская церковь в Лондоне, место коронации английских монархов; в ней похоронены многие выдающиеся люди, такие как Исаак Ньютон, Чарльз Дарвин и др. В *Уголке поэтов* покоятся такие знаменитые писатели и поэты, как Дж. Чосер, А. Теннисон, Чарльз Диккенс и многие другие.

** *Уголок поэтов* — см. предыдущее примечание.

словно «роллс-ройс», величаво выплыл из комнаты. Рудольф встал, подошел к окну и, раздвинув портьеры, выглянул на улицу. Начинало темнеть. Снизу, из долины, клубами поднимался туман. Рудольф подумал о своем брате, Томе. Возможно, он стоял именно за этим окном и наблюдал из темноты за голым мужчиной с двумя бокалами виски в руках.

Рудольф потягивал виски, чувствуя, как алкоголь потихоньку начинает брать свое. Может быть, в один прекрасный день он вернется сюда и купит этот дом вместе с Перкинзом и всем остальным в придачу. В конце концов, это ведь Америка!

Вошел Бойлан. Он всего лишь сменил замшевую куртку на вельветовый пиджак, надел его поверх той же клетчатой шерстяной рубашки и накинув на шею все тот же пестрый шарфик.

— Я не стал принимать ванну, чтобы не заставлять вас ждать, — сказал он, подходя к бару. — Надеюсь, вы меня извините.

Рудольф почувствовал, что от Бойлана пахнет каким-то дорогим одеколоном.

— В столовой было бы слишком холодно, — продолжал Бойлан, взглянув на стол перед камином, затем налил себе виски. — Когда-то там ужинал президент Тафт¹. Стол был накрыт на шестьдесят персон — все высокопоставленные лица. — Он подошел к роялю, сел на пуф, поставил стакан рядом с собой и взял несколько аккордов. — Вы случайно не играете на скрипке, Рудольф?

— Нет.

— А на каком-нибудь другом инструменте, кроме трубы?

— Практически нет. Разве что могу подобрать какую-нибудь мелодию на пианино.

— Жаль. А то могли бы попытаться сыграть дуэтом. Но о дуэтах для фортепьяно и трубы я, признаться, ни разу не слышал.

И Бойлан начал играть. Рудольф не мог не признать, что играет он хорошо.

— Узнаёте эту вещь, Рудольф? — спросил он, не переставая играть.

— Нет.

— Шопен. Ноктюрн ре-бемоль мажор. Знаете, что говорил Шуман о музыке Шопена?

— Нет.

«Лучше бы он не разговаривал, когда играет», — подумал Рудольф: ему нравился ноктюрн Шопена.

— «Его музыка — это пушка, усыпанная цветами» — что-то в этом роде, — сказал Бойлан. — Надеюсь, я не ошибаюсь, и это

¹ Тафт, Уильям Ховард (1857 — 1930) — 27-й президент США (1909 — 1913).

в самом деле слова Шумана. Думаю, это высказывание можно в полной мере отнести к любой музыке — к музыке вообще.

В комнату вошел Перкинз и произнес:

— Ужин готов, сэр.

Бойлан перестал играть и, встав из-за рояля, спросил:

— Рудольф, может быть, вам нужно в туалет? И вы, должно быть, хотите помыть руки?

Наконец-то!

— Да, благодарю вас.

— Перкинз,— повернулся Бойлан к слуге,— проводите мистера Джордаха в ванную комнату.

— Прошу вас сюда, сэр,— сказал Перкинз.

Когда Рудольф с Перкинзом вышли из комнаты, Бойлан снова сел за рояль и продолжил играть с того места, на котором его прервали.

Ванная помещалась возле парадного входа. Это была просторная комната с окнами из витражного стекла, отчего казалось, будто это не ванная, а какое-то церковное помещение. Унитаз напоминал королевский трон. Краны над раковиной, казалось, были сделаны из золота. Рудольф мочился под волшебные звуки ноктюрна Шопена, долетавшие из гостиной. Он жалел, что остался на ужин. У него было ощущение, что Бойлан пытается заманить его в ловушку.

Непростой он человек, этот Бойлан. Тут тебе и Шопен, и болотные сапоги, и виски, и поэзия, и оружейная, и сожженный крест, и отравленная собака... Рудольф чувствовал, что не готов ко всему этому и ему трудно будет противостоять Бойлану. Теперь он понимал, почему Гретхен решила, что должна бежать от этого человека.

Когда Рудольф вышел из ванной в холл, у него возникло побуждение выскользнуть из дома через парадную дверь. Если бы он мог, никем не замеченный, забрать свои сапоги, он, возможно, удрал бы отсюда. Но разве мыслимо проделать весь этот долгий путь к автобусной остановке в носках, а затем возвращаться в них в город?! К тому же в бойлановских носках.

Он вернулся в гостиную и стоял, наслаждаясь музыкой Шопена. Закончив играть, Бойлан встал, вежливо взял Рудольфа за локоть и повел к столу, где был накрыт ужин. Перкинз наполнил бокалы белым вином. В центре стола, в глубокой медной супнице, красовалась отварная форель в соусе. Но Рудольф был разочарован — он предпочитал жареную форель.

Они сели за стол друг против друга. Перед каждым — три разных бокала и целый набор ножей и вилок. Перкинз переложил форель на серебряное блюдо с отварным молодым картофелем и, подойдя к Рудольфу, остановился сбоку. Рудольф остано-

рожно взял с блюда кусок форели и пару картофелин. Он чувствовал себя растерянным от обилия всех этих бокалов и приборов, но старался не выказывать своего замешательства.

— *Truite au bleu*, — проговорил по-французски Бойлан, и Рудольф с удовлетворением отметил, что произношение у него далеко не безупречное, во всяком случае по сравнению с произношением мисс Лено. — Нужно сказать, кухарке удается это блюдо на славу.

— Голубая форель, — повторил по-английски Рудольф. — Именно так готовят ее во Франции.

На этот раз Рудольф не мог отказать себе в удовольствии похвастаться перед Бойланом: французский язык и Франция были его сильными сторонами, и в этом отношении он имел явное преимущество перед Бойланом.

— Откуда вы знаете? — удивился Бойлан. — Неужели вы бывали во Франции?

— Нет. Об этом я узнал опять-таки в школе. Мы получаем еженедельную газету на французском языке, которая используется в учебных целях, и в одном из номеров я прочел статью о французской кухне.

Бойлан положил себе еще один большой кусок форели. Отсутствием аппетита он явно не страдал.

— *Tu parles français?*

Рудольф сразу же обратил внимание, что Бойлан употребил местоимение «*tu*», то есть «*ты*». А между тем в одном учебнике по французской грамматике, который Рудольф когда-то штудировал, обращалось внимание учащихся на то, что форму «*tu*», то есть форму местоимения второго лица единственного числа, следует применять осторожно, поскольку она является фамильярной и используется только в обращении к слугам, малолетним, солдатам рядового состава и людям, занимающим низкое социальное положение.

— *Un petit peu*.*

— *Moi, j'étais en France quand j'étais jeune*** , — сказал Бойлан с режущим ухо акцентом. — *Avec mes parents. J'ai vécu mon premier amour a Paris. Quand c'était? Mille neuf cent vingt-huit, vingt-neuf. Comment s'appelaient-elle? Anne? Annette? Elle était délicieuse****.

«Может быть, она и была восхитительна, эта первая любовь Бойлана, — подумал Рудольф, наслаждаясь снобистским созна-

* *Un petit peu* (фр.). — Немного.

** *Moi ... jeune* (фр.). — Некоторое время я жил во Франции, еще когда был молодым.

*** *Avec ... délicieuse* (фр.). — Со своими родителями. В Париже я встретил свою первую любовь. Когда же это было? В 28-м или 29-м году. Уж не помню, как ее звали. Анн? Аннетт? Она была восхитительна.

нием превосходства над этим заносчивым человеком (по крайней мере в этом вопросе),— но ей явно не удалось научить его говорить на своем языке без акцента».

— *Tu as l'envie d'y aller? En France?** — спросил Бойлан, как бы экзаменуя Рудольфа по французскому языку: ведь Рудольф сказал Бойлану, что немного говорит по-французски, и поэтому тот, видимо, решил подвергнуть его испытанию.

— *J'irai, je suis sûr***,— ответил Рудольф, стараясь говорить точно с той же интонацией, что и мисс Лено (а имитировать он умел превосходно).— *Peut-être après l'Université. Quand le pays sera rétabli****.

— Бог ты мой! — воскликнул Бойлан.— Вы говорите совсем как француз.

— Заслуга моей учительницы.— Последний букет, брошенный к ногам мисс Лено, этой *французской сучки*, как назвал ее отец.

— Может быть, вам стоит попробовать себя на дипломатическом поприще? — сказал Бойлан.— Нашей стране нужны способные молодые люди. Но сначала вам придется жениться на дочери богатых родителей. Сами вы не сможете столько платить за обучение.— Он отпил немного вина.— Было время, когда я хотел жить в Париже. Но у семьи было на этот счет иное мнение. У меня сильный акцент?

— Ужасный.

— Ох, уж эта юношеская прямолинейность,— рассмеялся Бойлан, а затем, посерьезнев, добавил: — А, может быть, это семейная черта? Ваша сестра тоже не стеснялась говорить то, что думает.

Некоторое время они ели молча. Рудольф внимательно следил, как Бойлан пользуется ножом и вилкой. Меткий стрелок, прекрасные манеры...

Перкинз убрал со стола посуду из-под рыбы и подал отбивные с вареным картофелем и зеленым горошком. Рудольф подумал, что матери было бы чему поучиться по части кулинарии в этом доме. Перкинз разливал красное вино по бокалам с таким видом, будто принес его из своих собственных винных подвалов. «Интересно, а что ему известно о Гретхен?» — подумал Рудольф. Он был уверен, что все. Разве не Перкинз убирает постель в спальне наверху?

— Она уже нашла работу? — спросил Бойлан, словно они и не прерывали начатый разговор.— Как-то она говорила мне, что хочет стать актрисой.

* *Tu ... France? (фр.)* — А ты хотел бы туда съездить? Во Францию?

** *J'irai, je suis sûr (фр.)*.— Я поеду туда, я уверен.

*** *Peut-être ... rétabli (фр.)*.— Может быть, после университета. Когда восстановят Францию.

— Не знаю, — ответил Рудольф: он не хотел рассказывать Бойлану о сестре. — Давно не было от нее писем.

— Как вы считаете, она может иметь успех? — ничуть не смутившись, продолжал расспрашивать Бойлан. — Вы когда-нибудь видели ее на сцене?

— Только раз. В школьном спектакле.

Шекспир, искромсанный и исковерканный. Костюмы шили сами. Персонажи в пьесе были самого разного возраста — от юношеского до старческого. Мальчик, который играл Жака*, очень нервничал. Он то и дело дергал себя за бороду: боялся, как бы она не отклеилась. Гретхен выглядела странно в обтягивающем ее ноги мужском трико и была слишком красивой для изображаемого ею юноши, но слова произносила внятно и хорошо.

— Как, по-вашему, у нее есть талант? — спросил Бойлан.

— Думаю, да. В ней чувствуется что-то такое... Когда она в школе выходила на сцену, в зале сразу же переставали кашлять.

Бойлан рассмеялся, и Рудольф понял, что сказал он это совсем по-детски.

— Я имею в виду, — поспешил он исправить свой промах, — что все только на нее и смотрели, следили затаив дыхание за каждым ее движением — не то что в случае с другими актерами. Наверное, это и есть талант.

— Согласен, — кивнул Бойлан. — Она необыкновенно красивая девушка. Впрочем, вы ведь ее брат, а, значит, вряд ли замечали ее красоту.

— Почему же, замечал, — возразил Рудольф.

— Вот как? — рассеянно пробормотал Бойлан. Казалось, он утратил интерес к разговору. Сделав знак Перкинзу, чтобы тот убрал грязные тарелки, он встал, подошел к большому граммофону и поставил Второй фортепьянный концерт Брамса. Музыка гремела так громко, что ужин они закончили в полном молчании. На десерт был подан сыр пяти сортов на деревенном блюде, салат из фруктов и сливовый пирог. Неудивительно, что Бойлан успел нарастить солидное брюшко.

Рудольф украдкой взглянул на часы. Если удастся уйти в ближайшее время, он еще успеет встретиться с Джули. В кино идти уже поздно, но на то, чтобы загладить перед ней свою вину и помириться с ней, времени у него хватит.

После ужина Бойлан пил черный кофе из маленькой чашечки и коньяк. На граммофоне стояла пластинка с записью какой-то симфонии. Рудольф после целого дня рыбалки чувствовал себя усталым. От двух бокалов вина его разморило и клонило ко сну. Бойлан держался вежливо, но отчужденно. Рудольф догадывался, что разочаровал Бойлана, ничего не рассказав о Гретхен.

* Жак — персонаж пьесы Шекспира «Как вам это понравится».

Бойлан сидел, погружившись в глубокое кресло, с полузакрытыми глазами. Он весь ушел в музыку и лишь изредка подносил ко рту рюмку с коньяком или чашечку с кофе. «С таким же успехом он мог бы сидеть один или со своим ирландским волкодавом»,— обиженно подумал Рудольф. Должно быть, Бойлан вместе со своей собакой проводили здесь развеселые вечера, подобные этому, прежде чем ее не отравили соседи. «Может, он размышляет над тем, не предложить ли мне должность собаки, чтобы со мной коротать вечерние часы? — Рудольф улыбнулся при этой мысли.— Но с условием, что мы должны будем сидеть в полном молчании».

На пластинке, вероятно, была царापина, и, когда послышалось шелканье и одно и то же место повторилось несколько раз, Бойлан раздраженно поморщился, встал и выключил граммофон.

— Какая досада! — сказал он, обращаясь к Рудольфу.— Вот таким образом наш механический век мстит великому Шуману. Но, может быть, вы устали и хотите, чтобы я отвез вас домой?

— Да, пожалуйста,— с облегчением произнес Рудольф и встал с кресла.

— Пойдите,— сказал Бойлан, взглянув на его ноги.— Вы ведь не можете идти в таком виде.

— Если мистер Перкинз принесет мои сапоги, то...

— Ваши сапоги наверняка еще не высохли,— возразил Бойлан.— Погодите, я что-нибудь вам найду.— Он вышел из гостиной и поднялся по лестнице.

Рудольф обвел комнату неторопливым взглядом. Как здорово быть богатым! Интересно, увидит ли он когда-нибудь эту комнату снова? Когда-то ее видел и Томас, хотя его сюда и не приглашали.

Он вошел в гостиную совершенно голый, причем член у него свисал до самых колен, как у жеребца, затем налил в два стакана виски и крикнул: «Гретхен, принести тебе виски наверх или ты спустишься вниз?»

Теперь, после того как Рудольф имел возможность лично пообщаться с Бойланом, он должен был признать, что Том, пародируя голос Бойлана и его манеру говорить, был удивительно точен. Он верно подметил и это монотонное звучание его речи, которое свойственно многим хорошо образованным людям, и это отсутствие вопросительных интонаций, когда он о чем-нибудь спрашивал, и эти едва заметные пренебрежительные нотки в голосе.

Рудольф недоуменно покачал головой. Неужели Гретхен была искренней, когда призналась ему: «*Мне нравилось заниматься с ним этим?*» Он снова услышал поразившие его слова, произ-

несенные ею в стационарном баре «Порт-Филипского Дома»: «Такого удовольствия я никогда раньше — за всю свою жизнь — не испытывала».

Он беспокойно ходил по комнате, ожидая Бойлана. Затем, остановившись у столика, где стоял граммофон, взглянул на название пластинки, которую Бойлан остановил из-за царапины: «Третья (Рейнская) симфония Шумана». Что ж, по крайней мере, хоть какая-то польза от визита: в следующий раз, услышав это произведение, он будет знать и композитора и название. Увидев серебряную зажигалку, наверное, с фут длиной, он взял ее в руки и с любопытством стал рассматривать. На ней была выгравирована монограмма «Т. Б.», что, очевидно, означало «Теодор Бойлан». Одна из тех демонстративно дорогих вещиц, предназначенных для того же, для чего бедным служат гораздо более дешевые приспособления — в данном случае, обыкновенные спички. Он шелкнул крышкой, и из зажигалки вырвался язычок пламени. *Пылающий крест. Враги.* В этот момент он услышал шаги по мраморному полу холла и, погасив зажигалку, поспешил положить ее на место.

В гостиную вошел Бойлан, неся небольшую дорожную сумку и пару темно-бордовых мокасин.

— Примерьте, Рудольф,— сказал он.

Мокасины были не совсем новые, но идеально вычищенные,— с кожаной бахромой, на толстой подошве. Рудольфу они пришлись точно по ноге.

— Оказывается, и у вас узкая ступня,— одобрительно произнес Бойлан: один аристократ обращался к другому.

— Дня через два я их верну,— сказал он, когда они шли к выходу.

— Можете не беспокоиться,— ответил Бойлан.— Им, наверное, не меньше ста лет. Я их уже давно не ношу.

Аккуратно сложенная удочка Рудольфа, корзинка и сачок уже лежали на заднем сиденье «бьюика». На полу, за передним сиденьем, стояли его мокрые сапоги. Рудольф не забыл забрать свою старую фетровую шляпу со стола в холле, но не осмелился надевать в присутствии Перкинза и все еще держал ее в руке. Бойлан небрежным движением бросил сумку на заднее сиденье, и, когда они сели в машину, сразу же включил на полную громкость радио. Полились звуки джаза, передаваемого одной из радиостанций Нью-Йорка, поэтому всю дорогу до Вандерхофф-стрит они молчали. Остановив «бьюик» перед булочной Джордахов, Бойлан выключил радио.

— Ну, вот мы и приехали,— сказал он.

— Большое вам спасибо,— проговорил Рудольф.— За все.

— Это вам спасибо,— ответил Бойлан.— Мне было очень приятно провести этот вечер в вашем обществе.

Когда Рудольф взялся за ручку дверцы, чтобы выйти из машины, Бойлан сказал, легко коснувшись его локтя:

— Не могли бы вы оказать мне одну небольшую услугу?

— Конечно.

— В этой сумке... — Бойлан повел головой в сторону заднего сиденья, — есть кое-что для вашей сестры. Мне бы очень хотелось, чтобы она это получила. Не могли бы вы при удобном случае передать ей эту сумку?

— Откровенно говоря, я не знаю, когда ее увижу, — ответил Рудольф.

— Это не так уж срочно, — сказал Бойлан. — То, что я прошу передать, ей, в общем-то, нужно, но можно не торопиться.

— Хорошо, — согласился Рудольф: в конце концов, Бойлан не просит сообщить ему адрес Гретхен. — Обязательно передам. Как только ее увижу.

— Вы очень любезны, Рудольф, — проговорил Бойлан и, взглянув на часы, добавил: — Еще не так поздно. Может, зайдем куда-нибудь и чего-нибудь выпьем? Что-то меня не прельщает перспектива провести остаток вечера в одиночестве в моем тоскливом жилище.

— К сожалению, завтра мне очень рано вставать, — сказал Рудольф.

Ему хотелось побыстрее остаться наедине с самим собой, разобраться в своих впечатлениях о Бойлане и определить, какие опасности и какие возможные преимущества сулит ему дальнейшее знакомство с этим человеком. Перегружать себя новыми впечатлениями Рудольфу вовсе не было нужно: ему хватало и того, что он о нем уже знал. Как Бойлан ведет себя, когда пьян, как он держится с незнакомцами в баре, не флиртует ли с женщинами, не заигрывает ли с матросами — зачем ему это знать? Впрочем, это интересная мысль — а что если Бойлан и в самом деле гомик? Что если он заигрывает с ним, Рудольфом? Эти изящные руки на клавишах рояля, эти подарки, которыми успел обсыпать его Бойлан, эта слишком экстравагантная для мужчины одежда и, наконец, эти как будто случайные, но слишком уж частые к нему прикосновения...

— Рано — это во сколько? — спросил Бойлан.

— В пять, — ответил Рудольф.

— В пять утра? Бог ты мой! — поразился Бойлан. — Интересно, что можно делать в такую рань?

— Скажем, развезить на велосипеде булочки, испеченные за ночь моим отцом, — ответил Рудольф.

— Понятно, — протянул Бойлан. — И в самом деле, должен же кто-то доставлять покупателям булочки. — Он рассмеялся. — Хотя вы совсем не похожи на доставщика булочек.

— Это не главное мое предназначение в жизни,— заметил Рудольф.

— А какое же главное?

Бойлан рассеянно выключил фары. В машине было темно: они стояли прямо под уличным фонарем. В подвале булочной свет не горел — отец еще не приступал к ночной выпечке. Интересно, если бы задать этот вопрос отцу, неужели бы он ответил, что его главное предназначение в жизни — печь булочки?

— Пока не знаю,— сказал Рудольф и в свою очередь дерзко спросил: — А ваше?

— Тоже не знаю,— ответил Бойлан.— И тоже пока. А вы не могли бы мне подсказать?

— О нет.

Этот человек состоит из миллиона совершенно различных, не похожих друг на друга людей. Будь Рудольф постарше, возможно, он сумел бы сложить из этих разрозненных кубиков целостную картину, чтобы увидеть Бойлана таким, каков он на самом деле, но пока что ему это было не по силам.

— Жаль,— разочарованно проговорил Бойлан.— А я думал, острый глаз юности сумеет разглядеть во мне нечто такое, чего я сам увидеть не в состоянии.

— А сколько, интересно, вам лет? — спросил Рудольф. Бойлан так много говорил о своем прошлом, что оно словно растянулось на целые столетия, точно он жил еще в те времена, когда планета наша была намного более зеленой, во времена индейцев и президента Тафта. Рудольфу только сейчас пришло в голову, что Бойлан не столько стар, сколько старомоден.

— А сколько бы вы мне дали, Рудольф? — спросил Бойлан преувеличенно неринужденным тоном.

— Даже не знаю...— Рудольф колебался. Все мужчины старше тридцати пяти лет казались ему одного возраста, за исключением, пожалуй, дряхлых седобородых старцев, которые сторбившись ковыляли, опираясь на палку. Он никогда не удивлялся, читая в газетах о смерти тридцатипятилетних.— Пятьдесят?

— Ваша сестра была великодушнее,— рассмеялся Бойлан.— Намного великодушнее.

«О чем бы они ни говорили, Бойлан неизменно и под любым предлогом переводит разговор на Гретхен,— подумал Рудольф.— Он просто не может удержаться от этого».

— И все-таки, сколько? — настаивал Рудольф.

— Сорок,— ответил Бойлан.— Только что исполнилось. У меня еще вся жизнь впереди.— И иронически добавил: — Увы.

«Нужно быть чертовски самонадеянным,— подумал Рудольф,— чтобы позволить себе произнести это „увы“».

— Как вам кажется, каким вы будете в сорок лет? — все тем же непринужденным тоном спросил Бойлан.— Таким, как я?

— Нет,— твердо ответил Рудольф.

— Очень разумный ответ. И так, вы не хотите походить на меня. Верно ли я вас понял?

— Да,— коротко ответил Рудольф. Он напрашивался на этот ответ, так пусть его и получает.

— А позволено ли мне узнать, почему? Вам что-то во мне не нравится?

— Кое-что,— ответил Рудольф.— Но дело даже не в этом.

— Почему же, в таком случае, вы не хотели бы походить на меня?

— Что я могу сказать? — задумчиво проговорил Рудольф.— Мне, конечно, хотелось бы жить в таком же доме, в каком живете вы. Хотелось бы иметь так же много денег и книг, сколько имеете вы. Хотелось бы ездить на такой же роскошной машине, на какой ездите вы. Хотелось бы уметь так же хорошо говорить, как вы,— во всяком случае, хотя бы временами. Хотелось бы так же много знать, сколько знаете вы, и иметь возможность, подобно вам, ездить в Европу...

— Но, несмотря на все это...

— Но, несмотря на все это,— вы человек одинокий,— закончил Рудольф начатую Бойланом фразу.— И жизнь вам не доставляет особой радости.

— Значит, по-вашему, когда вам исполнится сорок, вы не будете чувствовать себя одиноким и разочарованным?

— Думаю, что не буду.

— То есть вы хотите сказать, что у вас будет красивая, любящая жена, каждый день ожидающая вас на станции, чтобы отвезти на машине домой после долгого трудового дня в городе? — Бойлан говорил таким тоном, словно рассказывал малышам волшебную сказку.— У вас будут очаровательные, умные, обожающие вас дети, которых вы в пылу патриотизма с гордостью отправите на следующую войну? У вас будут...

— Я не собираюсь жениться,— прервал его Рудольф.

— Ах, вот как? — иронически улыбнулся Бойлан.— Вы, видно, досконально изучили институт брака и решили, что он не для вас? Я в вашем возрасте был другим. Знал, что женюсь. И женился. Я мечтал, что мой пустынный замок на холме наполнится детским смехом... И все же — как вы, несомненно, заметили,— в настоящее время я не женат, и в моем доме почти не слышно смеха — ни детского, ни любого иного. Впрочем, еще не слишком поздно...— Он достал из золотого портсигара сигарету и щелкнул зажигалкой. В слабом, неверном свете вспыхнувшего огня волосы его казались совсем седыми, а на лицо глубокими складками легли резкие тени.— Говорила ли вам сестра, что я сделал ей предложение?

— Да.

— А она не объяснила, почему решила мне отказать?

— Нет.

— Может быть, она также сказала, что была моей любовницей?

Слово «любовница» покорило Рудольфа, показалось ему грязным. Если бы Бойлан спросил вместо этого: «Может быть, она также сказала, что я спал с ней?», Рудольф посчитал бы такой вопрос менее неприличным. Любовница... это звучало так, будто Гретхен — один из предметов собственности Теодора Бойлана.

— Да,— ответил он,— она и это сказала.

— Вы меня осуждаете? — голос Бойлана звучал непривычно резко.

— Да.

— Почему?

— Вы для нее слишком старый.

— Отказав мне, она ничего не потеряла,— проговорил Бойлан.— А вот я — потерял... Когда увидите ее, скажите, что предложение остается в силе. Скажете?

— Нет.

Бойлан, казалось, пропустил это «нет» мимо ушей.

— Скажите ей, что мне невыносимо ложиться в постель, зная, что ее не будет рядом со мной. Могу открыть вам один секрет, Рудольф. Я не случайно оказался тогда в этой забегаловке «Джек и Джилл». Сами понимаете, я никогда не посещаю такие места. Но я специально узнал, где вы играете. А когда вы с Джули вышли из дансинга, я пошел следом за вами. Мне не хватало Гретхен, и, возможно, подсознательно я надеялся найти в брате хоть что-нибудь от сестры...

— Ну, мне пора отправляться спать,— безжалостно сказал Рудольф и, открыв дверцу, вышел из машины. Затем открыл вторую дверцу, достал с заднего сиденья удочку, корзинку, сачок и пожарные сапоги и надел свою нелепую фетровую шляпу. Бойлан сидел в машине и, шурясь от дыма, курил, глядя прямо перед собой на ровные линии огня по обеим сторонам Вандерхофф-стрит, словно проверяя на практике правильность услышанной им когда-то от учителя рисования теории перспективы, согласно которой параллельные линии не пересекаются в бесконечности — или, может быть, все-таки пересекаются?

— Не забудьте, пожалуйста, сумку,— напомнил ему Бойлан.

Рудольф достал с сиденья и сумку. Она оказалась удивительно легкой, как если бы была пустой. Какая-нибудь невесомая адская машина — последнее слово научной мысли.

— Еще раз спасибо за прекрасный вечер,— сказал Бойлан.— Боюсь, удовольствие от него получил один только я. И заплатил я за это удовольствие всего лишь парой рваных болотных сапог,

которые мне все равно не нужны. Дам вам знать, когда будет установлен стенд для стрельбы. Что ж, можете уходить, молодой неженатый доставщик булочек. Я буду думать о вас в пять часов утра.

Он включил мотор, и машина рванула с места.

Рудольф стоял и смотрел вслед задним огням машины, этим красным сигналам-близнецам, несущимся в бесконечность и как бы предупреждающим его: «Стоп, Рудольф!» Затем он открыл ключом дверь и втащил привезенные вещи в прихожую. Включил свет и взглянул на сумку. Застежка на сумке была открыта, с ручки свисал привязанный к кожаному ремешку ключ. В надежде, что мать не проснулась, он открыл сумку.

Внутри лежало небрежно свернутое огненно-красное платье. Рудольф вынул его и, дав ему расправиться, внимательно рассмотрел. Это было гипюровое платье, с глубоким вырезом впереди. Он попытался представить, как выглядела бы в нем его сестра,— ведь оно практически ничего не скрывало.

— Это ты, Рудольф? — произнес голос матери сверху, как всегда скорбный и слегка раздраженный.

— Да, ма, это я.— Он поспешно выключил свет.— Я на минутку выйду за вечерними газетами — совершенно забыл о них.

Он взял сумку с платьем и торопливо выскочил из прихожей, прежде чем мать успела спуститься вниз. Ему трудно было сказать, кого он пытается защитить,— себя ли, Гретхен или, может быть, мать.

Выйдя на улицу, он быстрым шагом направился к Бадди Уэстерману, жившему совсем рядом, в следующем квартале. Ему повезло: у них все еще горел свет. Дом Уэстерманов был очень большим и старым. Мать Бадди, улыбчивая и добродушная женщина, не возражала, чтобы «Пятеро с реки» репетировали у нее в подвале. Она хорошо относилась к приятелям сына и после репетиций угощала их молоком и кексами. Но сегодня Рудольфу не хотелось, чтобы она знала о его приходе. Он снял с ручки ключ, запер сумку на замок, а ключ положил в карман. Затем подошел к дому и тихонько свистнул, подавая Бадди условный сигнал.

Бадди не заставил себя долго ждать.

— Эй, что случилось? — спросил он, выйдя на улицу.— Уже почти ночь.

— Послушай, Бадди,— сказал ему Рудольф,— ты не мог бы взять эту сумку к себе — всего на парочку дней? — И Рудольф протянул ему сумку.— Хочу сделать подарок Джули, но моя мамаша не должна знать об этом.

Весьма правдоподобная ложь: всем в округе было известно, какие скряги эти Джордахи. Кроме того, Бадди знал, что миссис Джордах против того, чтобы Рудольф встречался с девушками.

— Ладно, давай,— согласился Бадди и взял сумку.

— Услуга за услугу — когда-нибудь и я тебе пригожусь,— Рудольф был искренне ему благодарен.

— Ты и сейчас можешь оказать мне услугу: не фальшивь на высоких нотах в «Звездной пыли»,— Бадди был лучшим музыкантом в их джазе, и это давало ему право говорить такие вещи.— Что-нибудь еще?

— Нет, это все.

— Кстати,— сказал Бадди,— сегодня вечером я видел твою Джули. Прохожу мимо кинухи, а она как раз туда заходит. Причем не одна, а с каким-то типчиком, которого я не знаю. Намного старше ее — года двадцать два — двадцать три, а то и больше. Я подхожу к ней и спрашиваю: «А где же Рудольф?», а она мне: «Не знаю и знать не хочу». Такие-то вот дела.

— Это хороший ее знакомый,— неуклюже соврал Рудольф.

— Ладно, мое дело — поставить тебя в известность, а ты уж сам разбирайся, какой он ей знакомый — хороший или не хороший,— сказал Бадди.— Увидимся завтра.

И он скрылся за дверью с сумкой в руке.

Рудольф отправился дальше по улице, к ночному ресторанчику «Туз». Зайдя туда, он купил вечернюю газету, сел за стойку бара и, заказав молоко с пончиками, принялся просматривать спортивную страницу. В этот день играли «Гиганты», и он обрадовался, узнав из газеты, что они выиграли. А в целом, был ли это день для него хорошим или плохим, он никак не мог разобраться.

IV

Томас поцеловал Клотильду и пожелал ей спокойной ночи. Она лежала под одеялом, волосы ее разметались по подушке. Чтобы ему было лучше видно и он ни на что не наткнулся, она повернула лампу в сторону двери. Ее лицо светилось нежной улыбкой, когда она на прощанье коснулась его щеки. Он подошел к двери, бесшумно открыл ее, вышел и так же тихо закрыл за собой. Полоска света под дверью исчезла — Клотильда выключила лампу.

Через кухню он пробрался в прихожую, а оттуда — к темной лестнице, ведущей на чердак. В руках он нес свитер. Из спальни дяди Гарольда и *Tante* Эльзы не доносилось ни звука, хотя обычно оттуда слышался такой могучий храп, что сотрясался весь дом. Видно, дядя Гарольд сегодня спит на боку. В Саратогге никто из них так и не умер, а дядя Гарольд умудрился похудеть на три фунта — помогли воды, которые он исправно пил все эти две недели.

Неслышно ступая по узкой лестнице, Томас поднялся на чердак, открыл дверь в свою комнату и зажег свет. На его кровати в своей полосатой пижаме сидел дядя Гарольд.

Щурясь от яркого света, дядя Гарольд улыбался какой-то странной, приторно-зловещей, беззубой улыбкой: у него не хватало четырех верхних передних зубов, и он носил мост с искусственными зубами, но на ночь их вынимал.

— Добрый вечер, Томми,— прошепелявил он.

— Привет, дядя Гарольд,— ответил Томас. Он знал, что волосы у него всклокочены и что от него пахнет Клотильдой. Зато он не знал, что здесь делает дядя Гарольд. За все это время дядя ни разу не поднимался к нему на чердак. Томас понимал, что ему следует быть очень осторожным и в том, *что* он будет говорить дяде, и в том, *как* он будет это говорить.

— Уже довольно поздно, не правда ли, Томми? — произнес дядя Гарольд, стараясь говорить как можно тише.

— В самом деле? — удивился Томми.— Я не смотрел на часы.

Он стоял у двери, подальше от дяди Гарольда. В комнате хоть шаром покати — у Томаса почти не было своих вещей. На ночном столике лежала книга — «Всадники из Перпл-Сейджа». Библиотекарша сказала, что ему понравится. Дядя Гарольд, сидя в своей полосатой пижаме, казалось, заполнял собой все пространство крошечной комнатушки, кровать под тяжестью его дородного тела провисла.

— Уже почти час ночи,— проговорил Дядя Гарольд, брызгая слюной по причине недостающих зубов.— Не слишком ли поздно для подростка, который рано встает на работу? К твоему сведению, Томми, подросток должен спать как минимум восемь часов.

— Я не знал, что уже так поздно,— пробормотал Томас.

— Интересно, какие такие развлечения могут заставить подростка твоего возраста забыть о времени до такой степени, чтобы он явился к себе в комнату в час ночи? А, Томми?

— Я просто бродил по городу.

— Ну да, конечно,— насмешливо проговорил дядя Гарольд.— Яркие, волшебные огни ночного Элизима, городишка в штате Огайо.

Томас притворно зевнул и потянулся всем телом.

— Мне ужасно хочется спать,— сказал он, бросив свитер на спинку единственного в комнате стула.— Боюсь, могу заснуть, не успев добраться до кровати.

— Скажи, Томми, ведь тебе у нас неплохо живется, верно? — брызгая слюной, прошептал дядя Гарольд.

‘*Всадники из Перпл-Сейджа*’ — приключенческий роман популярного в свое время американского писателя *Зейна Грея* (1872 — 1939).

— Верно.

— И кормим мы тебя хорошо, как если бы ты был нашим сыном, ведь так?

— Да, я наедаюсь.

— У тебя есть дом и крыша над головой,— продолжал дядя Гарольд: «крыша» из-за прорехи в зубах прозвучала у него как «квыша».

— Я всем доволен и ни на что не жалуюсь,— ответил Томас, тоже стараясь говорить потише, чтобы не разбудить *Tante* Эльзу: не хватало еще, чтобы они прорабатывали его дуэтом.

— Ты живешь в чистом, хорошем доме,— не унимался дядя Гарольд.— Мы относимся к тебе как к члену семьи. У тебя есть свой личный велосипед.

— Я же вам говорю: мне здесь нравится.

— У тебя хорошая работа, и тебе платят столько же, сколько взрослым. Ты получил возможность освоить очень полезную профессию. Сейчас, когда домой возвращаются миллионы людей, на страну надвигается безработица, но тебе ничего не грозит, потому что для механика всегда найдется работа. Разве я не прав?

— Я и сам могу позаботиться о себе,— пробормотал Томас.

— Да, ты можешь позаботиться о себе,— укоризненно проговорил дядя Гарольд.— Я очень хотел бы на это надеяться. Но все-таки ты моя плоть и кровь, и когда позвонил твой отец, я приютил тебя в своем доме, не задавая лишних вопросов, разве не так? А ведь в Порт-Филипе у тебя были крупные неприятности, ведь правда? Но дядя Гарольд никогда не приставал к тебе с расспросами, мы с *Tante* Эльзой без лишних слов взяли тебя к себе.

— Я действительно попал в небольшую переделку,— сказал Томас,— но ничего серьезного.

— Повторяю: я не задаю никаких вопросов,— и дядя Гарольд с величественно-великодушным видом сделал рукой жест, означающий, что он отказывается от всякого рода допросов с пристрастием; при этом его пижамная куртка расстегнулась, обнажив толстые розовые складки выпирающего из-под резинки брюк живота, набитого пивом и сосисками.— Разве я требую за все это чего-то невозможного? Или жду благодарности? Вовсе нет. Я рассчитываю совсем на немного: чтобы молодой человек хорошо себя вел и вовремя ложился спать. Причем в свою собственную постель, Томми.

«Ах, вот оно в чем дело,— подумал Томас.— Этот гад все знает!» Но он промолчал.

— Ты, Томми, живешь в respectableм, ничем не запятнанном доме,— продолжал свой монолог дядя Гарольд.— Наша семья пользуется большим уважением в городе. Твою тетюшку принимают в лучших домах. Ты бы удивился, если бы я назвал тебе

сумму предоставленного мне банком кредита. Мне даже предлагали баллотироваться от Республиканской партии в Законодательное собрание штата Огайо, хотя я и не родился в Америке. У моих дочерей прекрасные платья. Лучше их, пожалуй, не одевается ни одна девушка в городе, а может быть, и за его пределами. Они примерные ученицы. Я могу показать тебе их табели успеваемости, и ты сам увидишь, что о них пишут учителя. Каждую неделю я сам отвожу их на машине в воскресную школу при церкви. И эти чистые, невинные души спят, словно ангелы, прямо под твоей комнатой, Томми.

— Так, общая картина ясна, — произнес Томас. Скорей бы уже этот старый дурак выговорился.

— Нет, ты не бродил до часу ночи по городу, Томми, — скорбным голосом продолжал дядя Гарольд. — Я знаю, где ты был. Мне захотелось пить, и я пошел на кухню, чтобы достать из холодильника бутылку пива, как вдруг я услышал какие-то звуки. Мне даже стыдно говорить, что это были за звуки, Томми. В твои то годы, в доме, где живут мои дочери...

— Ну и что тут такого? — угрюмо буркнул Томас. Он представил себе, как дядя Харольд подслушивает за дверью, и ему стало противно.

— Ну и что тут такого?! И это все, что ты можешь сказать, Томми? Ну и что тут такого?!

— А что еще я могу вам сказать?

Как было бы здорово, если бы он мог признаться, что любит Клотильду, что лучше этого в его поганой жизни ничего не было, что Клотильда тоже его любит и что, будь он постарше, он забрал бы ее из этого распроклятого дома, такого приторно чистенького и добропорядочного, из этой чертовой респектабельной семьи, подальше от этих тошнотворно примерных, белобрысых девчонок! Но, конечно, он не мог сказать всего этого. Он вообще ни черта не мог сказать. Его язык был скован, и он задыхался от собственного бессилия.

— Я хочу услышать, что тебе стыдно за ту грязную связь, в которую ты позволил себя втянуть этой невежественной, хитрой крестьянке, — громко шептал дядя Гарольд. — Я хочу, чтобы ты пообещал мне никогда больше не прикасаться к ней. Ни в этом доме, ни в каком-либо другом месте.

— Ничего такого я не обещаю, — ответил Томас.

— Я говорю с тобой по-доброму, Томми, — увещевал его дядя Гарольд. — Я проявляю деликатность, которой ты не достоин. Я говорю с тобой тихо и спокойно, как и надлежит рассудительному и снисходительному дядюшке. Мне вовсе не нужны скандалы в этом доме. Я не хочу, чтобы твоя тетя Эльза узнала, что ее дом был осквернен и что ее дети подвергались опасности быть подвергнутыми... ах, я даже не могу найти подходящих слов, Томми.

— Я ничего не обещаю,— упрямо повторил Томас.

— Хорошо, ты ничего не обещаешь,— повторил вслед за ним дядя Гарольд.— Но тебе и не надо ничего обещать. Когда я выйду из этой комнаты, куда, ты думаешь, я пойду? Разумеется, в комнату за кухней. А уж Клотильда-то пообещает мне много чего, уверяю тебя.

— Напрасно надеетесь,— выпалил Томас, но даже ему самому слова эти показались малоубедительными и детскими.

— Думаю, что не напрасно, Томми,— все так же шепотом сказал дядя Гарольд.— Она пообещает мне все, что угодно. Ей ничего другого не остается. Если я ее уволю, куда она денется? Вернется в Канаду к своему пьянице мужу, который вот уже два года как ее разыскивает, чтобы избить до смерти?

— Она может найти себе другую работу. Ей совсем не обязательно возвращаться в Канаду.

— Это *ты* так считаешь,— хмыкнул дядя Гарольд.— Тоже еще мне специалист по международному праву! Тебе кажется, все так просто? Ты думаешь, я не обращусь в полицию?

— А при чем тут полиция?

— Ты еще совсем дитя, Томми,— сказал дядя Гарольд.— Может, ты и научился вставлять свою штуку между ног замужней женщины, но что касается умственного развития, ты остаешься малым ребенком. Она ведь развратила малолетнего, Томми. И малолетний — это не кто иной, как ты, понял? Тебе ведь всего шестнадцать. А это преступление, Томми. Серьезное преступление. Америка — цивилизованная страна, и дети здесь оберегаются законом. Если ее и не посадят в тюрьму, то по крайней мере вышвырнут из Америки как иностранку, развращающую малолетних. У нее нет американского гражданства, и ей придется вернуться в Канаду. Эта история непременно попадет в газеты, так что муженек будет поджидать ее. О да, уверяю тебя, она пообещает мне все, что угодно,— повторил дядя Гарольд, вставая.— Мне жаль тебя, Томми. Но ты не виноват в этом. Это у тебя в крови. Твой отец всегда шлялся по проституткам. Мне было стыдно здороваться с ним на улице. А твоя мать, если ты этого еще не знаешь, незаконнорожденная. Ее воспитали монахини в сиротском приюте. Спроси у нее, знает ли она, кто ее отец. Или хотя бы кто ее мать... Ладно, ложись-ка спать, Томми.— Он хлопнул Томаса по плечу, как бы утешая его.— Ты неплохой парень и ты мне нравишься. Я был бы рад сделать из тебя порядочного человека, которым могла бы гордиться наша семья. И поверь мне, я хочу тебе только добра... Ладно, тебе нужно хоть немного поспать.

И дядя Гарольд, пивная бочка в бесформенной полосатой пижаме, вышел из комнаты, неслышно ступая босыми ногами. Он прекрасно сознавал свою власть.

Томас погасил свет и, бросившись ничком на кровать, яростно ткнул кулаком в подушку.

На следующее утро он спустился вниз раньше обычного, чтобы до завтрака успеть поговорить с Клотильдой, но дядя Гарольд уже сидел за обеденным столом и читал газету.

— Доброе утро, Томми,— поздоровался он, бросив на племянника беглый взгляд. Его вставные зубы были на месте. Он шумно прихлебывал кофе.

В комнату вошла Клотильда со стаканом апельсинового сока для Томаса. Она даже не взглянула на него. Лицо ее было потемневшим и отрешенным. Дядя Гарольд словно не замечал ее присутствия.

— В Германии творятся жуткие вещи,— сказал он, не отрывая взгляда от газеты.— Русские насилуют женщин в Берлине — прямо на улицах. Они ждали этой возможности более сотни лет. Люди живут в подвалах. Если бы я не повстречал твою *Tante* Эльзу и не приехал в Америку еще совсем молодым, то неизвестно, что бы со мной сейчас было.

Снова вошла Клотильда с беконом и яйцами для Томаса. Он пристально всматривался в ее лицо, пытаясь распознать в ее глазах какую-то искорку, какой-то знак. Но глаза ее ничего не выражали — они были мертвы.

Позавтракав, Томас встал, собираясь идти на работу. Он решил, что заглянет домой днем, когда никого, кроме Клотильды, не будет.

Дядя Гарольд оторвал глаза от газеты и, взглянув на Томаса, сказал:

— Передай Койну, что я буду в полдесятого. А с утра мне нужно побывать в банке. И скажи ему, что мистер Дункан заедет за своей машиной к двенадцати,— к этому времени она должна быть полностью готова и вымыта. Я обещал ему.

Томас кивнул и вышел из столовой — как раз в тот момент, когда по лестнице спускались девочки, обе толстые и белобрысые. «Мои ангелочки»,— услышал он голос дяди Гарольда, когда они вошли в столовую и, пожелав ему доброго утра, поцеловали его.

Ему удалось вырваться из гаража лишь в четыре. Тетя Эльза в этот день недели возила дочерей к стоматологу, всегда беря для этого вторую машину. У обеих были плохие зубы, и они носили ортодонтические скобы, то есть, проще говоря, пластинки для исправления зубов. Дядя Гарольд — Том знал это точно — находился в это время в демонстрационном зале. Так что Клотильда должна быть дома одна.

— Вернись где-то через полчаса,— сказал он Койну.— Мне нужно кое с кем встретиться.

Койну это не очень понравилось, но пусть он катится к чертям собачьим.

Когда Томас подъехал на велосипеде к дому, Клотильда поливала из шланга газон. На небе сияло солнце, и водяные брызги переливались разноцветной радугой. Газон был не очень большой и частично затенялся липой. Клотильда работала в белоснежном халате. *Tante* Эльзе нравилось, чтобы у прислуги был вид медсестер,— своего рода реклама идеальной чистоты. Мол, в этом доме можно хоть с пола есть.

Клотильда взглянула на Томаса лишь мельком — в тот момент, когда он спешил с велосипеда,— и тут же снова принялась за поливку газона.

— Клотильда, зайдем в дом, надо поговорить,— сказал Томас.

— Разве не видишь — я занята.— Она повернула наконечник шланга вокруг оси, и, когда брызги сузились в сплошную струю, направила ее на расположенные вдоль фасада дома грядки с петуниями.

— Ну-ка, посмотри мне в глаза,— сказал он.

— Разве ты не должен быть сейчас на работе? — пробормотала она, упорно отворачиваясь от него.

— Скажи, он ночью заходил к тебе? — спросил Томас.— Я имею в виду, мой дядя?

— Заходил, ну и что?

— И ты его впустила?

— Это *его* дом,— хмуро ответила Клотильда.

— Ты ему что-нибудь обещала? — Его голос то и дело срывался на крик, но он ничего не мог с собой поделать.

— Какая тебе разница? Лучше возвращайся на работу. Я не хочу, чтобы нас видели вместе.

— Я еще раз спрашиваю: ты ему что-нибудь обещала?

— Ну, я сказала, что никогда больше не буду оставаться с тобой наедине,— отрезала она.

— Но ты же сказала это просто так, чтобы отделаться от него, ведь правда? — умоляющим голосом произнес Томас.

— Нет, я сдержу свое обещание.— Она снова вертела в руках наконечник шланга. На пальце поблескивало обручальное кольцо.— Между мной и тобой все закончено.

— Нет, не закончено! — Томасу хотелось схватить ее и хорошенько встряхнуть.— Беги из этого чертова дома! Найди себе другую работу. Я тоже уйду, и мы...

— Не говори чепухи,— резко оборвала его Клотильда.— Ты же знаешь, что я совершила *преступление*,— передразнила она дядю Гарольда.— И он добьется, чтобы меня выслали из страны. Мы с тобой не Ромео с Джульеттой. Ты школьник, а я кухарка. Возвращайся-ка лучше в гараж.

— Неужели ты ничего не могла ему сказать в ответ? — Томас был в отчаянии. Он боялся, что не выдержит и разрыдается прямо здесь, на глазах у Клотильды.

— А что я могла сказать? — грустно проговорила Клотильда. — Он совершенно необузданный человек. И он страшно ревнивый, а когда мужчина ревнивый, говори с ним, не говори — все равно что горохом об стенку.

— Ревнивый? — насторожился Томас. — То есть как это?

— Он уже два года как пытается забраться ко мне в постель, — невозмутимо сказала Клотильда. — Ночью, как только его жена заснет, он приходит и скребется в мою дверь, как котенок.

— Ах ты жирный ублюдок! — возмущенно воскликнул Томас. — Ничего, в следующий раз, когда он припрется к тебе, я его встречу как следует!

— Нет, ты не сделаешь этого, — уныло проговорила Клотильда. — Потому что в следующий раз я впусти его. Уж лучше тебе знать заранее.

— Подожди, я тебя правильно понял? Ты собираешься впустить его к себе?!

— Я ведь простая служанка, — сказала она. — И жизнь моя — жизнь служанки. Я не хочу потерять работу, оказаться в тюрьме или вернуться в Канаду. Так что забудь обо всем. *Alles kaput*. Это были замечательные две недели. И ты очень славный мальчик. Извини, что у тебя столько из-за меня неприятностей...

— Вот ты значит как! Вот ты значит какая! — закричал он. — Так знай, я никогда больше не коснусь ни одной женщины, никогда!..

У него сдавило горло, и он, не в состоянии говорить, бросился к велосипеду, вскочил на него и помчался куда глаза глядят, не разбирая дороги, оставив Клотильду с шлангом в руке над розами. Он ни разу не обернулся и поэтому не видел слез отчаяния на смуглом лице Клотильды.

Святой Себастьян, пронзенный целым градом стрел, несся во весь опор к гаражу. А позже придет время и для дубинок.

* *Alles kaput* (нем.) — всему конец.

Часть
вторая

Часть вторая

Глава I

1949 год

Доминик Джозеф Агостино сидел за маленьким письменным столом в уютившемся за гимнастическим залом кабинете и читал о самом себе заметку в газете, развернутой на спортивной странице. На его перебитом носу восседали круглые, старомодные очки для чтения, скрывавшие маленькие, черные глазки под глубоким шрамом на переносице и придававшие его круглому лицу экс-боксера смягченное и в то же время сосредоточенное выражение великовозрастного прилежного школьника. Три часа пополудни, в зале никого нет. Самое прекрасное время дня. До пяти часов делать нечего, а в пять он проводит занятия по ритмической гимнастике с группой членов клуба, желающих похудеть, в основном пожилых бизнесменов. После этого ему, скорее всего, предстоит несколько раундов по боксу с более подготовленными членами клуба, и он должен будет соблюдать осторожность, чтобы, не дай Бог, никого из них не покалечить.

Заметку о нем напечатали накануне. Интересного материала в тот день почти не было, так как любимцы города, баскетбольная команда «Ред Сокс», куда-то уехали, вот в газете и вспомнили о старом боксере.

Доминик был уроженцем Бостона, и в свое время, до того как ушел в отставку, был известен под именем Джо Агос или под кличкой Бостонский красавчик, данной ему за то, что он, не обладая сильным ударом, вынужден был постоянно плясать по рингу, чтобы не быть убитым. В конце двадцатых — начале тридцатых годов ему посчастливилось встретиться с несколькими известными боксерами легкого веса, и спортивный обозреватель, слишком молодой, чтобы застать Доминика на ринге, не пожалел красок, расписывая в заметке его поединки с такими знаменитостями как Канцонери или Макларнин, когда те были еще на пути к славе. Далее обозреватель писал, что Доминик все еще сохраняет хорошую форму (хотя это далеко не соответствовало действительности), и цитировал его шутливую фразу насчет того, что, мол,

некоторые молодые члены клуба «Эксклюзив» уже «достаю» его на тренировках, а поэтому он подумывает взять себе помощника или по крайней мере надевать на поединки бейсбольную маску, чтобы и в дальнейшем сохранять свою красоту (обыгрывалось прозвище Доминика Бостонский красавчик). Доминик вовсе не шутил, когда говорил о помощнике. В целом заметка была выдержана в доброжелательном тоне и делала из Доминика этакое ветерана золотого века бокса, научившегося за годы, проведенные на ринге, относиться к жизни по-философски. А что ему оставалось, как не относиться к жизни по-философски, если он потерял все, что заработал за жизнь,— все до единого цента. Об этом он, правда, предпочел репортеру не говорить, и в заметку это не попало.

На столе Доминика зазвонил телефон. Это был швейцар, собиравший, что к нему пришел какой-то молодой паренек. Доминик ответил швейцару, чтобы тот его пропустил.

Парнишке было лет девятнадцать — двадцать на вид. Одет в полинялый голубой свитер, на ногах полукеды. Этаким херувимчик со светлыми волосами, голубыми глазами и детским лицом. Доминика поразило его сходство с Джимми Макларнином — тем самым Джимми Макларнином, который на поединке в Нью-Йорке в те далекие годы едва не отправил его, Джо Агоса, на тот свет.

Руки паренька были запачканы глубоко въевшимся в кожу машинным маслом, смыть которое, несмотря на все его усилия, он, очевидно, не мог — Доминику догадаться об этом большого труда не стоило. Столь же очевидным было и то, что никто из членов такого фешенебельного клуба, как «Эксклюзив», не стал бы приглашать простого паренька потренироваться или сыграть партию в сквош*.

— С чем пришел? — спросил Доминик, глядя на парнишку поверх очков.

— Во вчерашней газете я прочитал о вас заметку,— пробормотал юнец.

— Ну, и что дальше? — С членами клуба Доминик был неизменно улыбчив и вежлив, зато отыгрывался на посторонних.

— Там было написано, что вам, мистер Агостино, стало сложновато в вашем возрасте управляться с молодыми членами клуба, ну и всякое такое прочее,— сказал паренек.

— Ну, и что из этого?

— Вот я и подумал, что, может быть, вы возьмете меня в помощники...— неуверенно произнес паренек.

* *Сквош* — спортивная игра, напоминающая теннис, но в качестве корта здесь служит нечто вроде коробки с высокими стенками, внутри которой два игрока поочередно отражают ракетками удары отскакивающего от стенки мяча.

— Ты что, боксер?

— Не совсем,— ответил парень.— Но хотел бы им стать. Как-то так получается, что я постоянно дерусь.— Он улыбнулся.— И я сказал себе, а почему бы мне не получать за это, кроме удовольствия, еще и деньги?

— Ну-ка пойдем со мной.

Доминик встал, снял очки и, выйдя из кабинета, направился через гимнастический зал в раздевалку. Паренок шел за ним. В раздевалке никого не было, если не считать Чарли, служителя, который, положив голову на стопку полотенец, дремал у двери.

— Ты взял с собой во что переодеться? — спросил Доминик у юнца.

— Не-а,— ответил тот.

Доминик дал ему старый спортивный костюм и легкие ботинки и, пока парень переодевался, рассматривал его. Длинные ноги, мощные, слегка покатые плечи, массивная шея. Вес где-то килограммов под семьдесят. Хорошие руки. Ни следа жира.

Пройдя с паренком в ту часть гимнастического зала, где в углу были сложены маты, Доминик бросил ему пару полукилограммовых боксерских перчаток. Чарли, последовавший за ними из раздевалки, завязал обоим на перчатках шнурки.

— Посмотрим, на что ты способен, малыш,— произнес Доминик и, согнув руки в исходной позиции, принял боксерскую стойку. Чарли с интересом наблюдал за ними.

Руки паренек, как и следовало ожидать, держал слишком низко, и Доминик нанес ему левой два удара по корпусу, но тот оба раза успел закрыться. Тогда Доминик обрушил на парня целый град ударов потяжелее и даже вынудил его войти в клинч, но, несмотря на некоторые промахи, парнишка дрался совсем неплохо, а его увертливость и реакция просто-таки поразили Доминика, не говоря уже о том, что некоторые из его ответных ударов были весьма чувствительны. «Да,— подумал Доминик,— у парнишки есть задатки боксера». Сумеет ли он их развить — это другой вопрос, но в том, что он прирожденный боец, у Доминика сомнений не было.

— О'кей, на этом закончим,— сказал Доминик после трех минут боя и опустил руки. К нему тотчас же подскочил Чарли и стал развязывать шнурки на перчатках.— А теперь внимательно слушай меня, малыш. Хочу, чтобы ты хорошенько усвоил,— здесь тебе не какой-нибудь бар, где собираются уголовники, а привилегированный клуб для джентльменов. А джентльмены приходят сюда не для того, чтобы их калечили. Они приходят, чтобы держать себя в форме и обучаться мужскому искусству самообороны. И если ты вздумаешь избивать их, как сейчас пытаешься избить меня, ты у меня в один миг вылетишь отсюда. Ясно?

— Куда уж яснее,— ответил парень.— Но вы же сами велели мне показать, что я умею делать.

— Пока не больно-то много,— сказал Доминик.— Но у тебя неплохая реакция, и ты хорошо двигаешься. Где ты сейчас работаешь?

— Последнее время работал в Бруклайне*,— сказал паренек.— В гараже. А сейчас хочу найти себе место, где можно было бы хоть руки не пачкать.

— Когда бы ты смог приступить к работе?

— Да хоть сейчас. Я имею в виду, сегодня. Из гаража я ушел — еще на прошлой неделе.

— Сколько тебе там платили?

— Полсотни в неделю,— ответил парень.

— Думаю, смогу тебе выбить тридцать пять, не больше,— сказал Доминик.— Зато ты можешь поставить себе раскладушку в кабинете массажа и спать там. Будешь помогать чистить плавательный бассейн, пылесосить маты, ну и тому подобное, а также следить за сохранностью спортивного инвентаря.

— Идет,— сказал паренек.

— Тогда считай, что ты принят,— провозгласил Доминик.— Как тебя звать?

— Томас Джордах,— ответил паренек.

— Так вот, Том, главное для тебя — не впутываться ни в какие истории,— веско произнес Доминик.

Какое-то время Томасу удавалось следовать совету Доминика и не впутываться ни в какие истории. Он был проворен в работе, со всеми почтителен и, помимо основных обязанностей, охотно выполнял мелкие поручения Доминика и членов клуба. Он взял за правило всегда и всем улыбаться, а к пожилым членам клуба проявлял особенное внимание. Ему нравилась освященная временем атмосфера клуба: сдержанно спокойная, утонченно роскошная — и в то же время дружеская и непринужденная. Когда его присутствие в гимнастическом зале не было обязательным, он любил побродить по клубу, подолгу задерживаясь в обитых деревянными панелями читальном и игорном залах с их невероятно высокими потолками, затаенным полумраком, глубокими кожаными креслами и украшающими стены живописными полотнами, на которых были изображены подернутые дымкой времени виды Бостона тех далеких дней, когда по улицам ездили кабриолеты, а моря бороздили парусные корабли. Работа у него была не слишком обременительная, а среди дня и вовсе воцарялось

* *Бруклайн* — небольшой городок под Бостоном (не путать с Бруклингом, районом Нью-Йорка).

затишье, когда ему вообще было нечего делать, и тогда он просто сидел и слушал рассказы Доминика о былых днях на ринге.

Доминик не проявлял излишнего любопытства насчет прошлого Тома, а тот не считал нужным рассказывать ему о долгих месяцах, проведенных в скитаниях по стране, о ночлежках в Цинциннати, Кливленде и Чикаго, о бесчисленных заправочных станциях, где он получал временную работу, или о том, как ему повезло в Сиракузах и он около полугода пробыл коридорным в гостинице. Там он зашибал неплохие деньжата, приводя в номера к постояльцам проституток, пока однажды на него не набросился с ножом сутенер, решивший, что его подопечные девушки дают смазливому парню с детской физиономией, пробуждавшему дремавшие в них материнские чувства, слишком большие коммиссионные. Томас успел-таки выхватить у него нож, но карьеру коридорного пришлось прекратить. Он ничего не рассказывал Доминику и про то, как грабил пьяных на станциях надземной железной дороги в Чикаго или крал случайно оставленные в номерах деньги, когда работал в гостинице; делал это он не столько ради самих денег, к которым был достаточно равнодушен, а скорее чтобы испытать острые ощущения.

Доминик учил Томаса, как правильно и точно наносить удары, используя в качестве воображаемого противника подвешенный на канате тренировочный мешок с песком, и в дождливые дни, когда в гимнастическом зале не было ни души, тот мог часами колотить по мешку, нанося удары все чаще и чаще; дробный стук его кулаков гулким эхом отдавался в огромном, пустом зале. А порой, когда у Доминика появлялось настроение показать, что еще есть порох в пороховницах, он, пользуясь тем, что членов клуба в зале не было, тоже надевал перчатки и отрабатывал с Томасом различные комбинации и приемы. Он показывал ему, как выбрасывать правую руку в ударе, как держать голову и локти, делая выпад перед нанесением удара, как переносить вес на пятки и увертываться от кулаков противника, ныряя или наклоняя туловище в сторону, но ни в коем случае не допуская, чтобы противник прямым ударом свалил его с ног. Но пока что Доминик не разрешал ему боксировать с членами клуба, так как не был в нем до конца уверен и не хотел неприятностей. Зато с ним стал заниматься тренер по теннису и через несколько недель сделал из него довольно приличного игрока, так что в тех случаях, когда кто-нибудь из членов клуба, не отличающихся слишком большим мастерством в игре в сквош, оказывался без партнера, с ним на корт выходил Том. В игре он был быстрым, подвижным и, проигрывая, никогда не огорчался, а если выигрывал, то умел делать вид, что победа далась ему с большим трудом. Его партнерам это нравилось, и неудивительно, что вскоре у него к концу каждой

недели стало набегать долларов по двадцать — тридцать одних только чаевых.

Он сумел свести дружбу с клубным поваром, главным образом благодаря тому, что нашел для того надежный источник приобретения приличной марихуаны, а иногда и сам покупал ее для него. В благодарность повар бесплатно кормил его — и завтраками, и обедами, и ужинами.

Томас проявлял достаточно такта, чтобы не вступать в разговоры с членами клуба, если те сами не обращались к нему. В клубе «Эксклюзив» состояли, в основном, адвокаты, маклеры, банкиры и чиновники промышленных и судоходных компаний. Если ему случалось поднять телефонную трубку, то он, внимательно выслушав все, что просили передать членам клуба звонившие женщины, в основном жены или любовницы, кратко и толково сообщал выслушанную информацию их мужьям или возлюбленным, в то же время делая вид, будто не понимает точного смысла переданного.

Он никогда не проявлял особой склонности к выпивке, и даже те члены клуба, которые имели обыкновение пропустить после тренировки стакан-другой виски, относили это к его достоинствам.

Его поведение не диктовалось какими-нибудь далеко идущими планами. Просто он понимал, что пользоваться расположением достойнейших граждан Бостона, посещающих такой фешенебельный клуб как «Эксклюзив», намного для него лучше, чем если бы они относились к нему плохо. И потом, ему надоело бродяжничать и постоянно попадать во всяческие переделки, неизменно заканчивавшиеся драками, вынуждавшими его бежать и снова оказывавшиеся на бесконечных дорогах благословенной Америки. Он рад был тому непривычному для него ощущению покоя и уверенности в будущем, которое создавала в нем работа в клубе, и ценил доброе отношение к себе со стороны завсегдатаев «Эксклюзива». Может быть, то, чем он занимался в клубе, и нельзя было назвать началом успешной карьеры — и он отдавал себе в этом полный отчет, — но это, пожалуй, был лучший год во всей его жизни. Точно так же он не стремился сделать себе карьеру на боксерском поприще. Когда Доминик заговаривал с ним насчет того, что ему стоило бы подписать какой-нибудь контракт на участие в турнирах боксеров-любителей — хотя бы для того, чтобы узнать себе цену, — тот старался перевести разговор на другую тему.

Иногда Томасом овладевало какое-то смутное беспокойство, ему становилось как-то тревожно на душе, и тогда он, отправившись в центр города, подбирал на улице какую-нибудь шлюшку и проводил с ней всю ночь, а утром, чувствуя, что все как рукой сняло, платил хорошие деньги за хорошую работу.

Что касается Бостона, то он ему даже нравился, — во всяком случае, больше, чем любое другое место, где он когда-либо прежде бывал, — хотя днем в центральной части города он старался не появляться. Он был уверен, что у полиции есть ордер на его арест за совершенное им «нападение с целью нанесения побоев»: в последний свой день в гараже, когда на него с тяжелым гаечным ключом в руках напал старший мастер, он его так отделал, что тот едва остался жив. Сразу же после этого, не теряя ни секунды, он бросился в пансион, где снимал небольшую комнату и, быстро побросав в чемодан свои вещи, через десять минут выскочил из дома, сказав хозяйке, что ему нужно срочно ехать во Флориду. Но из Бруклайна он не стал уезжать, а направился в Ассоциацию молодых христиан, и те взяли его в свое общежитие, где он и отсиживался следующую неделю, пока не наткнулся в бостонской газете на статью о Доминике.

Некоторые из джентльменов клуба «Эксклюзив» нравились ему больше, другие меньше, а кое-кто совсем не нравился, но он старался держаться со всеми в одинаковой степени ровно и приветливо. Ему не нужны были новые сложности в жизни — их у него и так было предостаточно. Он не стремился узнавать кого-либо из членов клуба ближе, чем это было необходимо, и тем не менее у него не могло не складываться о каждом из них того или иного мнения — подспудно, помимо его воли. И в самом деле, разве можно не изменить к человеку отношение после того, как увидел его совершенно голым, со свешивающимся до земли брюхом, или случайно подсмотрел, как он с идиотским выражением лица млеет от удовольствия, когда какая-нибудь дамочка, еще не остывшая после проведенной с ним в постели ночи, сладострастно чешет ему спину, или же когда он рвет и мечет из-за такого пустяка, как проигранная партия в сквош.

Что касается Доминика, тот ненавидел всех членов клуба в равной степени. Причина была одна: у них есть деньги, у него — нет. Доминик родился и вырос в Бостоне и не выделялся среди других жителей города ни произношением, ни манерой одеваться, ни даже внешностью, но с кровью отца ему передалась психология типичного сицилийского крестьянина, который, работая на богатого хозяина, только и мечтает о том, как бы сжечь его замок и перерезать горло всем членам его семьи. Свои кровожадные инстинкты Доминик, естественно, скрывал за маской теплой сердечности и безусловно вежливых манер: он никогда не забывал сказать мистеру Смиту, только что вернувшемуся из отпуска, как хорошо тот выглядит после отдыха, или поздравить тучного мистера Джонсона, отчаянно сражающегося со своим весом, с тем удивительным фактом, что тому за столь короткое время удалось похудеть на целых пять килограммов, или же выразить мистеру

Джексону, морщащемуся от боли, вызванной растяжением связок, свое искреннее сочувствие.

«Вон идет самый отъявленный мошенник в Массачусетсе», — шептал Доминик Томасу, когда на пороге раздевалки появлялся какой-нибудь важного вида седоволосый джентльмен, и тут же, обращаясь к джентльмену, восклицал:

— Наконец-то, сэр, мы имеем удовольствие снова вас видеть. Нам вас очень недоставало. Должно быть, навалилось много работы?

— Да-а, работа, работа, — отвечал джентльмен, скорбно покачивая головой. — За ней и неба над головой не увидишь.

— Как я понимаю вас, сэр! — сочувственно произносил Доминик и тоже покачивал головой. — Ну, ничего. Сейчас пойдем в зал и сделаем все по порядку. Начнем с поднятия тяжестей, затем попаримся, потом поплаваем, а закончим массажем. Сами увидите: всю вашу усталость как рукой снимет, а о недугах и думать забудете. Ночью будете спать, как младенец.

Томас внимательно наблюдал за Домиником и прислушивался к тому, как он разговаривает с членами клуба, учась у него столь полезному искусству лицемерия. Ему нравился этот суровый экс-боксер, который, несмотря на все свои льстивые речи, в глубине души исповедовал анархию и насилие.

Ему также нравился мистер Рид, добродушный, общительный президент текстильного концерна, предпочитавший играть в сквош именно с Томасом, причем даже в тех случаях, когда вокруг было достаточно много партнеров, ожидающих своей очереди выйти на корт. Риду было лет сорок пять. Уже успевший несколько пополнеть, он тем не менее до сих пор играл довольно прилично, и их поединки с Томасом по большей части заканчивались вничью. Как правило, в первых геймах преимущество было на стороне Рида, но к концу сета он выдыхался и начинал проигрывать. «Молодые ноги — это молодые ноги, и тут ничего не поделаешь», — говорил он со смехом, направляясь после часа игры с Томасом в душевую и вытирая полотенцем пот с лица. Они играли регулярно три раза в неделю, и после каждой игры, когда они остывали, Рид угощал Томаса кока-колой и совал ему в руку пятидолларовую бумажку. У Рида была одна причуда — в правом кармане пиджака у него всегда лежала аккуратно сложенная сотня. Стодолларовая бумажка, по его словам, когда-то спасла ему жизнь. Однажды, когда Рид был в одном ночном клубе, там случился пожар, и погибло много народу. Он лежал под грудой мертвых тел недалеко от двери и не мог ни шевельнуться, ни (из-за обожженного раскаленным воздухом горла) позвать на помощь. Услышав, что пожарники разгребают тела, он, собрав последние силы, продел руку в карман брюк, где, как он знал,

лежала сотенная бумажка, с трудом вытащил ее, и, сумев высвободить руку, слабо помахал ею. Пожарник заметил бумажку, вынул ее из его руки и, сняв с него несколько тел, оттащил его в безопасное место. Рид пролежал в больнице две недели, долго не мог говорить, но выжил. И с тех пор в нем жила вера в могущество стодолларовой банкноты. Томасу он тоже посоветовал всегда носить в кармане сотенную бумажку. А еще он советовал ему копить деньги и вкладывать их в акции, потому что молодым ногам не всегда оставаться молодыми.

Неприятности начались, когда со дня его появления в клубе прошло ровно три месяца.

Как-то, придя в раздевалку после вечерней партии в сквош с Брустером Ридом, Томас, открыв свой шкафчик, каким-то шестым чувством ощутил, что кто-то рылся в его одежде, словно что-то искал, хотя явных следов и не было видно. Затем, рассмотревшись внимательнее, он заметил, что из заднего кармана брюк выглядывает его бумажник, как если бы кто-то вынул его, а потом второпях не вложил до конца. Томас взял бумажник и пересчитал деньги. Все четыре пятидолларовые бумажки были на месте. Он добавил к ним еще одну, только что полученную от Рида, и положил бумажник в карман. В боковом кармане брюк у него лежали три долларовые купюры и какая-то мелочь. Они тоже оказались на месте. Журнал, который он читал перед уходом из раздевалки и положил, как он помнил, на верхнюю полку передней обложкой вверх, оставался все там же, но был посредине открыт.

Томас хотел было запереть шкафчик, но тут же решил не делать этого. «Черт возьми,— подумал он,— если в этом клубе есть настолько бедные люди, что они воруют даже у меня, то ради Бога, пожалуйста!» Он разделся, поставил ботинки на нижнюю полку и, завернувшись в полотенце, пошел в душевую, где уже плескался и довольно побряхывал Брустер Рид.

Вернувшись после душа в раздевалку, Томас, подойдя к своему шкафчику, увидел приколотую к внутренней стороне дверцы записку, написанную почерком Доминика и гласившую: «Зайди ко мне сразу после закрытия клуба. Д. Агостино».

И лаконичность записки, и сам факт ее написания (учитывая, что они с Домиником видят друг друга десятки раз в день) означали одно: произошло что-то серьезное. Что-то, сулящее ему, Томасу, неприятности. «Опять двадцать пять!» — подумал Томас и, одевшись, собрался было потихоньку выскользнуть из клуба, чтобы никогда больше не возвращаться туда, но, поразмыслив с минуту, решил, что, поскольку никакой вины за ним нет, делать этого он не будет. Он пошел на кухню, пообедал, а потом

снова отправился в раздевалку, где и коротал время, болтая о всяких пустяках с Чарли и тренером по теннису. Ровно в десять — время закрытия клуба — он явился в кабинет Доминика.

Тот сидел за своим столом и, медленно переворачивая страницы, читал последний номер «Лайфа». Когда вошел Томас, он глянул на него, аккуратно закрыл журнал и отложил его в сторону. Затем встал из-за стола, подошел к двери, выглянул в коридор, чтобы проверить, нет ли там кого, и снова закрыл дверь.

— Садись, малыш, — сказал он.

Томас сел и, дожидаясь, пока Доминик займет свое место за столом напротив него, спросил:

— Что там случилось?

— Много чего, — ответил Доминик. — Весь клуб стоит на ушах, и целый день, с самого утра, эти чертовы джентльмены выкручивают мне руки.

— А я тут при чем?

— Именно это мне и хотелось бы выяснить, — вздохнул Доминик. — Не буду ходить вокруг да около, малыш, а лучше скажу тебе сразу: кто-то повадился шарить по бумажникам наших джентльменов и таскать из них бабки. Какой-то умник, который крадет у того пятерку, у того десятку, а остальные деньги не трогает. Расчет прост: эти жирные сволочи так богаты, что почти все они и понятия не имеют, сколько у них в кошельках денег, а если кто-нибудь и хватится какой-нибудь там десятки или двадцатки, то попросту думает, что потерял ее или ошибся, когда считал свои денежки последний раз перед этим. Но есть среди них один тип, который на сто процентов уверен, что никогда не ошибается. Я имею в виду этого ублюдка Грининга. Так вот, он утверждает, будто вчера, в то время как он тренировался со мной, кто-то тяпнул у него из шкафчика десять долларов. Сегодня он целый день сидел на телефоне, обзванивая других членов клуба, и теперь все вдруг прозрели, вспомнив, что последние несколько месяцев их постоянно обкрадывали.

— И все-таки, какое отношение это имеет ко мне? — спросил Том, хотя прекрасно понимал какое.

— После телефонных разговоров с членами клуба Грининг пришел к заключению, что все это началось примерно в то время, когда появился здесь ты.

— Ну и дерьмо! — возмущенно воскликнул Томас.

Грининг, человек лет тридцати с холодными, рыбьими глазами, работал в конторе биржевого маклера, а в клуб приходил боксировать с Домиником. В юности он выступал в полутяжелом весе за какую-то школьную команду на западе Штатов и до сих пор сохранял приличную форму. Доминика он просто-таки истязал, настаивая на проведении с ним четырех поединков в не-

делю, каждый по три двухминутных раунда, и Доминик, не осмеливаясь отвечать на атаки Грининга в полную силу, сходил с ринга измученным и в синяках.

— Еще и какое дерьмо, — согласился Доминик. — Он сегодня заставил меня пойти с ним в раздевалку и обыскать твой шкафчик, но, слава Богу, у тебя там не оказалось ни одной десятки. И все же он собирался вызвать полицию. Хотел, чтобы они взяли тебя на учет — в качестве подозреваемого.

— И что вы ему на это сказали? — спросил Томас.

— Уговорил его не делать этого, — ответил Доминик. — Сказал, что потолкую с тобой.

— Ну вот, вы и толкуете со мной, — сказал Томас не слишком почитительным тоном. — Что дальше?

— Скажи, ты брал эти бабки?

— Нет. Вы мне верите?

Доминик устало пожал плечами:

— Даже не знаю. Знаю только одно: кто-то спер эти деньги, и деться от этого некуда.

— За день в раздевалке бывает тьма народу — и Чарли, и парень, отвечающий за плавательный бассейн, и тренер по теннису, и члены клуба, и вы...

— Не говори ерунды, малыш! — резко оборвал его Доминик. — Нашел время для шуточек.

— Ну хорошо, почему сваливать на меня? — возмущился Томас.

— Я тебе уже объяснял: кражи начались примерно тогда, когда появился здесь ты. Неужто не ясно? Черт возьми, да некоторые уже поговаривают о том, что неплохо бы на шкафчиках поставить замки. А здесь, между прочим, никогда ничего не запыралось — с самого основания клуба. Наша джентльменская братия подняла такой шум, что можно подумать, будто подобного преступления не было со дней Джесси Джеймса*.

— Так что я теперь должен делать? Увольняться, так я понимаю?

— Нет, конечно, — покачал головой Доминик. — Просто будь осторожен. Старайся все время быть у кого-нибудь на виду. — Он вздохнул. — Может, потихоньку все и уляжется... Надо же, чтобы эту распроклятую десятку тягнули не у кого-нибудь, а у этой сволочи Грининга!.. Пойдем, я угощу тебя пивом. — Он медленно встал и потянулся. — Ну и денек!

Когда Томас вошел в раздевалку, там, как ему сначала показалось, не было ни души. Его посылали с пакетом на почту, и теперь, возвратившись оттуда, он хотел переодеться в свою

* *Джесси Джеймс (1847 — 1882)* — знаменитый бандит, герой многочисленных вестернов, баллад и преданий.

спортивную форму. Наверху, на втором этаже, проходила межклубная встреча по сквошу, и все пошли туда болеть за своих. Все, кроме высокого, стройного молодого джентльмена по фамилии Синклер, тоже входившего в команду клуба, но игравшего позже. Он уже переоделся, готовясь выйти на корт, белый свитер был ему очень к лицу. Синклер недавно получил диплом юриста в Гарварде. Его отец тоже состоял членом клуба. Семья была одной из самых богатых в Бостоне, и имя Синклер часто упоминалось в газетах. Синклер-младший работал в адвокатской конторе отца в деловой части города, и Томасу не раз приходилось слышать, сколь высоко пожилые члены клуба отзывались о профессиональных качествах молодого юриста, суля ему блестящее будущее.

И вот сейчас, бесшумно идя по узкому пространству раздевалки в своих мягких теннисных туфлях, Томас неожиданно увидел молодого Синклера, который стоял перед открытым шкафчиком, запустив руку во внутренний карман висящего там пиджака, и, по всей видимости, собирался вытащить оттуда бумажник. Томасу трудно было сказать, чей это шкафчик, но что не Синклера, это он точно знал: шкафчик Синклера находился недалеко от его собственного, с другой стороны прохода. Обычно приветливое, розовощекое лицо Синклера было сейчас бледным и напряженным, на лбу выступили капельки пота.

Томас в нерешительности остановился, соображая, не лучше ли будет повернуть назад и исчезнуть из раздевалки, прежде чем Синклер заметит его. Но в этот момент Синклер ловким движением руки извлек бумажник наружу, поднял глаза и увидел Тома. Некоторое время они стояли, молча уставившись друг на друга. Уходить было слишком поздно. Затем, словно очнувшись, Томас быстро подошел к молодому джентльмену и крепко схватил его за руку повыше кисти. Синклер часто и тяжело дышал, словно только что пробежал стометровку.

— Советую положить бумажник на место, сэр, — шепотом произнес Томас.

— Да, конечно, — промямлил Синклер. — Сейчас положу. — Он тоже говорил шепотом.

Томас не спешил отпускать его руку. Он лихорадочно соображал: если он разоблачит Синклера, то под тем или иным предлогом его обязательно выгонят с работы. Членам клуба будет неприятно присутствие в клубе какого-то презренного служащего, опозорившего человека их круга. Если же промолчит...

Наконец, стараясь выиграть время, Томас сказал:

— Вам ведь известно, сэр, что все подозревают меня?

— Ужасно сожалею об этом, — пробормотал в ответ Синклер. — Извини.

Его била мелкая дрожь, но он даже не пытался высвободить свою руку.

— Вы сейчас сделаете три вещи,— медленно проговорил Томас.— Первое: возвратите бумажник на место; второе: пообещаете больше не заниматься этим...

— Обещаю, Том. Я очень тебе благодарен...

— И третье: докажете мне, насколько вы благодарны, мистер Синклер,— продолжал Том.— Вы прямо сейчас напишете долговую расписку на пять тысяч долларов и в трехдневный срок вручите их мне наличными.

— Ты что, с ума сошел? — выдохнул Синклер, и капельки пота на его лбу стали еще заметнее.

— Ладно,— произнес Томас,— тогда я подыму сейчас шум.

— Такие, как ты, на все способны,— с ненавистью проговорил Синклер.

— Встречаемся в баре отеля «Турейн» — четверг, ровно в одиннадцать вечера,— сказал Томас.— Вечер расплаты, так сказать.

— Хорошо, я приду,— еле слышно пробормотал Синклер.

Томас отпустил его руку, подождал, пока бумажник будет возвращен на место, в карман пиджака, затем достал маленькую записную книжку, где вел учет мелким расходам, которые делал, выполняя различные поручения, открыл его на чистой странице и протянул Синклеру карандаш.

Тот некоторое время молча смотрел на подsunутую ему под нос раскрытую записную книжку, но в руки брать не спешил. Конечно, будь у него нервы покрепче (и Томас это прекрасно понимал), то он мог бы попросту повернуться и уйти. И вздумай Томас потом рассказать кому-нибудь об этом случае, Синклер поднял бы его на смех. Хотя, с другой стороны, какое-то пятно подозрения все равно бы на нем осталось. К несчастью для Синклера, нервы у него были на пределе. Он все-таки взял записную книжку и черкнул на открытой странице расписку.

Томас взглянул на написанное, положил записную книжку с карандашом в карман, затем аккуратно закрыл дверцу шкафчика и отправился вверх наблюдать за игрой.

А через пятнадцать минут на корт вышел Синклер и разгромил противника во всех шести геймах.

Увидев позднее Синклера в раздевалке, Томас почтительно поздравил его с победой.

Надев костюм, белую рубашку и галстук, чтобы сойти за джентльмена, Томас отправился в отель «Турейн» и без пяти одиннадцать вошел в бар. Там, как и в большинстве подобных заведений, царил полумрак, зал был заполнен не более чем на треть. Он выбрал столик в углу и сел лицом ко входу. Вскоре к нему подошел официант, и Томас заказал бутылку пива «Бадвайзер». Пять тысяч долларов, пять тысяч!.. Ровно на столько

они ограбили его отца, а теперь он забирает награбленное у них. Интересно, пришлось ли Синклеру обращаться за деньгами к своему отцу и вынужден ли он был объяснять, зачем ему понадобилась такая большая сумма? Скорее всего, нет. У Синклера, должно быть, хватает своих собственных денег, и ему ничего не стоит снять со счета в банке пять тысяч наличными. Лично против Синклера Томас ничего не имел. Это был приятный молодой человек с хорошими, доброжелательными глазами, тихим голосом и вежливыми манерами. Время от времени он давал Томасу очень полезные советы насчет того, как лучше всего подавать мяч в сквоше или отбивать короткие удары. Если бы стало известно, что он страдает kleptomанией, его карьере тут же пришел бы конец. Такого рода вещи для репутации юриста смертельны.

Он попил пиво и поглядывал на вход. В три минуты двенадцатого дверь открылась, и в бар вошел Синклер. Остановившись у порога, он неуверенно всматривался в полутемный зал. Томас встал и помахал ему рукой.

— Добрый вечер, сэр,— поздоровался он, когда Синклер подошел к его столику.

— Добрый вечер, Том,— ответил тот ровным голосом и сел на банкетку рядом с Томасом, но пальто снимать не стал.

— Что будете пить? — спросил Томас, когда к ним подошел официант.

— Шотландское виски с водой, пожалуйста,— ответил Синклер своим вежливым, с гарвардскими интонациями, голосом.

— А мне, пожалуйста, еще одно пиво,— сказал Томас.

Некоторое время они сидели молча. Синклер нервно барабанил пальцами по столу и рассеянно оглядывал зал.

— Ты часто сюда приходишь? — спросил он наконец, нарушив затянувшееся молчание.

— Не очень.

— Кто-нибудь из клуба бывает здесь?

— Ни разу не видел.

Подошел официант и поставил перед ними пиво и виски. Синклер с жадностью отпил из стакана и сказал:

— Если хочешь знать, я брал эти деньги не потому, что они мне нужны.

— Догадываюсь,— ответил Томас.

— Это болезнь,— продолжал Синклер.— Я болен, и хожу к психиатру.

— Очень разумно,— произнес Томас.

— И ты со спокойной совестью делаешь такое с больным человеком?

— Да, сэр,— ответил Томас.— Со спокойной совестью.

— Какой же ты все-таки негодяй! Это ты хоть понимаешь?

— Нет, сэр, не понимаю,— все так же хладнокровно ответил Томас.

Синклер расстегнул пальто, продел руку во внутренний карман и, вытащив продолговатый, пухлый конверт, положил его на банкетку между собой и Томасом.

— Здесь вся сумма полностью,— сказал он.— Можешь не пересчитывать.

— Не сомневаюсь,— ответил Томас и сунул конверт в боковой карман пиджака.

— Я жду,— сказал Синклер.

Томас вынул расписку и положил на стол. Синклер бросил на нее беглый взгляд, порвал, а кусочки бросил в пепельницу.

— Что ж, спасибо за виски,— сказал он, вставая, и, пройдя мимо стойки, направился к выходу — красивый молодой человек, весь облик которого безошибочно говорил о хорошем воспитании, утонченности, блестящем образовании и преуспевании.

Томас проводил его взглядом, не спеша допил свое пиво, расплатился за выпитое и, пройдя в вестибюль отеля, снял себе на ночь комнату. Поднявшись в номер, он запер дверь, спустил шторы и пересчитал деньги. В конверте были одни сотенные бумаги, все до единой новенькие. У него мелькнуло подозрение, а не помечены ли они, но проверить этого он не мог.

Спал он на широкой двуспальной кровати и за ночь отлично выспался, а утром позвонил в клуб и сказал Доминику, что семейные обстоятельства заставляют его срочно съездить в Нью-Йорк и что вернуться он сможет только в понедельник после обеда. За три месяца работы в клубе он не брал ни единого выходного, и Доминику ничего не оставалось как отпустить его, но не позднее, чем до понедельника.

Когда поезд остановился у перрона порт-филипского вокзала, моросил мелкий осенний дождь, и в такой серый, промозглый день город казался еще менее привлекательным, чем обычно. Томас не взял с собой пальто, поэтому, встав с поезда и пройдя через вокзал на площадь, он вынужден был отвернуть воротник пиджака, чтобы холодные дождевые капли не попадали ему за шиворот.

Привокзальная площадь мало чем изменилась, разве что перекрасили в другой цвет «Порт-Филипский Дом» да открыли в новом здании из желтого кирпича фирменный радиوماгазин, в витринах которого были выставлены телевизоры и портативные радиоприемники. Запах реки был таким же, каким его помнил Том.

Он мог бы, конечно, взять и такси, но после стольких лет отсутствия ему хотелось прогуляться по Порт-Филипу пешком.

Улицы родного города исподволь подготовят его к... а вот к чему, он и сам толком не знал.

Он миновал автобусную станцию. Вспомнилась последняя поездка на автобусе с братом, когда тот провожал его до Графтона. *От тебя несет, как от дикого зверя.*

А вот и универмаг Бернштейна, место свиданий его сестры с Теодором Бойланом. *«Голый мужчина в гостиной. Пылающий крест».* Счастливые воспоминания детства.

Вот школа, в которой он учился. *Желтый от малярии демобилизованный солдат, самурайский меч, кровь, хлещущая из отрубленной головы япошки.*

А вот церковь святого Ансельма, в которой проповедует дядюшка Клода Тинкера. *Я воздаю хвалу нашему Господу, что Клода с его обожженной рукой в городе никто не видел.*

За все то время, что он шел от вокзала, никто с ним не поздоровался. Люди с незнакомыми, непроницаемыми лицами торпливо проходили мимо него — кто навстречу, а кто обгоняя его, — и все вокруг было окутано унылой пеленой дождя. Вот оно — триумфальное возвращение, вот он — восторженный прием блудного сына, вернувшегося в родные места...

Томас свернул на Вандерхофф-стрит. Дождь все усиливался. Он провел рукой по оттопыренному нагрудному карману пиджака, где лежал конверт с деньгами. За эти годы улица неузнаваемо изменилась. Он прошел мимо мрачного квадратного здания, похожего на тюрьму. В нем размещалась какая-то фабрика. Некоторые магазины были заколочены, на других висели вывески с незнакомыми именами.

Чтобы дождь не заливал глаза, Томас шел с опущенной головой, а когда поднял ее, остолбенел от удивления: на том месте, где раньше была булочная и стояло жилище Джордахов, в котором он родился и вырос, высился четырехэтажный многоквартирный дом с огромным продовольственным магазином, супермаркетом, на первом этаже. Он прочел вывески на витринах: *«Большой выбор продуктов. Наборы для жаркого из ребер. Бараньи лопатки».* Дверь, через которую то входили, то выходили женщины с хозяйственными сумками, располагалась на том же самом месте, где в доме Джордахов был вход, — оттуда они попадали в переднюю.

Томас медленно шел вдоль магазина, заглядывая в витрины. За столиками, стоящими сразу за входной дверью, сидели девушки, разменивавшие покупателям бумажные деньги на мелочь. Ни одну из них он не знал. Заходить в супермаркет у него не было большого желания. Ни ребер для жаркого, ни бараньих лопаток он покупать не собирался.

Он неуверенно двинулся дальше. Гараж, стоявший по соседству с булочной, был перестроен, и на вывеске красовалось имя

нового владельца, а когда он заглянул внутрь, знакомых лиц не увидел. Он пошел дальше и, когда прочел на вывеске магазина, стоящего перед самым углом, знакомую надпись «Фрукты и овощи Жардино», даже обрадовался. Войдя в магазин, он увидел саму миссис Жардино, которая была занята с какой-то надоедливой покупательницей: старушка хотела купить фасоль и торговалась с хозяйкой.

Наконец старушка ушла, и миссис Жардино повернулась к нему:

— Я вас слушаю.

У миссис Жардино, маленькой бесформенной женщины, был хищный крючковатый нос, а над верхней губой красовалась бородавка, из которой торчали два длинных, толстых, черных волоса.

— Миссис Жардино,— начал Томас, поправляя воротник на пиджаке, чтобы придать себе более respectable вид,— вы, вероятно, меня не помните, но когда-то я был, можно сказать, вашим соседом. Мы держали здесь булочную... Помните? Булочная А. Джордаха.

— И который же вы из них? — спросила миссис Жардино, глядя в него близорукими глазами.

— Самый младший.

— А-а, как же, помню. Маленький гангстер.

Томас попытался улыбнуться, давая миссис Жардино понять, что по достоинству оценил ее несколько грубоватую манеру шутить, но та не ответила ему улыбкой.

— Ну хорошо, что тебе надо? — спросила она

— Меня здесь долгое время не было,— ответил Томас.— Приехал вот навестить родных, а булочной не увидел.

— О, ее снесли Бог знает когда,— с некоторым раздражением пожалала плечами миссис Жардино, перекладывая яблоки таким образом, чтобы не было видно пятнышек.— Разве твои не сообщали тебе об этом?

— Мы некоторое время не переписывались,— ответил Томас.— Вы не знаете, где их можно найти?

— Откуда мне знать? Они всегда задирали нос и не разговаривали с нами, грязными итальяшками.— Она демонстративно отвернулась от него и стала перебирать пучки салатного сельдерея.

— Все равно большое спасибо,— проговорил Томас и направился к двери.

— погоди,— остановила его миссис Жардино.— Когда ты уезжал, твой отец был еще жив?

— Да, конечно,— ответил Томас.

— Ну так вот, он умер.— В ее голосе звучало нечто, похожее на злорадство.— Утонул. В нашей реке. После этого твоя мать куда-то уехала, а дом, где вы жили, снесли. А потом,— с горечью

сказала она,— на том месте построили этот чертов супермаркет, который нам как кость в горле.

Вошел покупатель: ему нужно было два килограмма картофеля, и миссис Жардино принялась отвешивать ему товар. Томас вышел на улицу.

Возвратившись к супермаркету, он некоторое время постоял перед ним, словно ожидая услышать от него хоть что-нибудь о своей семье, но тот ничего ему не сказал. Он хотел было спуститься к реке, но и река ничего ему не расскажет. И он побрел назад, к железнодорожному вокзалу. По дороге зашел в банк, арендовал себе сейф и положил туда четыре тысячи девятьсот долларов, оставив сотню себе. Какая разница, где держать деньги? Пусть лежат себе в Порт-Филипе, а еще лучше было бы их бросить в реку, где утонул отец.

Возможно, он и нашел бы мать и брата, если бы обратился на почту, но у него не было особого желания их видеть. Он приехал сюда не к ним, а к отцу. Чтобы вернуть ему долг.

Глава 2

1950 год

Светило яркое июньское солнце. Рудольф, облаченный в черную мантию и увенчанный черной шапочкой с квадратным верхом, сидел среди других выпускников колледжа, одетых, как и он, во все черное (торжественное одеяние было выдано им напрокат) и внимал обращенной к ним речи.

— И вот сейчас, в тысяча девятьсот пятидесятом году, в самой середине столетия,— громогласно вещал оратор,— мы, американцы, должны спросить у себя: Что мы имеем? Чего хотим? В чем наша сила? В чем наша слабость? И, наконец, куда мы идем? — Оратор, важное правительственное лицо, специально приехал из Вашингтона по личной просьбе президента колледжа, его бывшего однокашника и друга по Корнеллскому университету — несомненно, более блестящему учебному заведению, чем скромный колледж Уитби.

«И вот сейчас, в тысяча девятьсот пятидесятом году, в самой середине столетия, я, американец, спрашиваю у себя: Что я имею? Чего хочу? В чем моя сила? В чем моя слабость? И, наконец, куда я иду? — так думал Рудольф, беспокойно ерзая на складном стуле, стоящем среди множества точно таких же стульев на газоне, где собрались выпускники.— Что я имею? Степень бакалавра гуманитарных наук, четыре тысячи долларов долга и уми-

рающую мать. Чего хочу? Быть богатым, свободным и любимым. В чем моя сила? В том, что я способен пробежать двести метров за двадцать три и восемь десятых секунды. В чем моя слабость? В том, что я слишком честен. Куда я иду? Ну, это *ты* мне должен сказать, дружище», — и он бросил иронический взгляд на Большу Шишку из Вашингтона.

Важный вашингтонский политик был, оказывается, приверженцем сохранения мира на всей земле — причем любимыми средствами.

— В настоящее время, — с напыщенным видом говорил он, — на всем земном шаре неуклонно идет наращивание военной мощи, и единственную надежду на сохранение мира на земле нам следует связывать с военной мощью Соединенных Штатов. Да, для предотвращения войны Соединенные Штаты нуждаются в вооруженных силах таких размеров и мощи, чтобы они в любой момент могли нанести контрудар любому агрессору, тем самым сдерживая экспансионистские устремления последнего.

Рудольф обвел взглядом ряды выпускников, его товарищей по учебе. Половина из них — ветераны Второй мировой войны, обучение которых, согласно «солдатскому биллю о правах»*, оплачивалось государством. Многие из них женаты; их подруги по жизни, сделавшие себе по случаю торжественного события новые прически, сидели сразу же за мужьями, некоторые держали младенцев на руках, потому что их не с кем было оставить дома. «Домом» для большинства из них служили трейлеры или снятые внаем тесные комнатухи; там они и жили, пока их мужья боролись за право получить вожеленные дипломы, по случаю вручения которых они и пришли сегодня. Рудольфу было бы *очень* интересно услышать мнение этих женщин по поводу «наращивания военной мощи».

Рудольф сидел рядом с Брэдфордом Найтом, краснощеким, круглолицым молодым человеком родом из Талсы. Найт, закончивший войну сержантом, воевал на европейских фронтах в составе пехотных войск. В колледже у Рудольфа не было ближе друга, чем Найт. Этот кажущийся неповоротливым парень с ленивым, протяжным оклахомским выговором на самом деле обладал энергичной, открытой натурой и быстрым, в некоторой степени циничным умом. Учиться в Уитби посоветовал Найту его бывший командир, пехотный капитан, в свое время окончивший этот же колледж. Он дал Найту рекомендательное письмо на имя декана, ведающего приемом студентов, с которым тот

* «Солдатский билль о правах» — ряд законов об обеспечении солдат, демобилизованных после войны. Согласно этим законам, солдатам, в частности, оплачивалось обучение в университетах и колледжах.

и приехал в Уитби. Они с Рудольфом выпили за время учебы целое море пива и оба любили ходить на рыбалку. Брэд приглашал Рудольфа поехать после окончания колледжа вместе с ним в Талсу, где они вместе с его отцом могли бы заняться нефтяным бизнесом. «Тебе и двадцати пяти лет не стукнет, как ты станешь миллионером, сынок,— убеждал его Брэд.— В наших краях земля просто пропитана нефтью. Сможешь покупать себе хоть по сто „кадиллаков“ в год». Отец Брэда действительно стал миллионером до того, как ему исполнилось двадцать пять, но сейчас у него была полоса неудач («Временное явление»,— жизнерадостно утверждал Брэд), и он из-за денежных затруднений даже не смог приехать на выпускную церемонию.

Тедди Бойлана тоже не было на церемонии, хотя Рудольф и посылал ему приглашение. Да и как он мог не пригласить человека, заплатившего за его обучение? Но Бойлан не захотел приезжать. «Боюсь, я не смогу заставить себя проехать целых пятьдесят миль в погожий июньский день только ради того, чтобы выслушать занудную речь какого-нибудь политика-демократа, произнесенную перед выпускниками третьестепенного сельскохозяйственного колледжа». Уитби вовсе не был сельскохозяйственным колледжем (хотя в нем и имелся достаточно большой сельскохозяйственный факультет), и Бойлан это прекрасно знал, но он никак не мог простить Рудольфа за то, что, когда в сорок шестом году предложил финансировать его обучение, тот наотрез отказался поступать в какой-нибудь из университетов Лиги плюща*. «Но это вовсе не означает,— говорилось дальше в письме, написанном острым, прямым почерком Бойлана,— что это событие не будет нами отмечено. Как только весь этот спектакль и вся эта бессмысленная болтовня будут окончены, приезжай прямо ко мне, чтобы за бутылкой шампанского мы с тобой смогли поговорить о том, чем ты займешься в дальнейшем».

Рудольф выбрал колледж Уитби, а не Йельский или Гарвардский университет, в силу нескольких соображений. Во-первых, если бы он послушался Бойлана и поехал учиться в один из этих университетов, то его долг был бы намного больше, чем четыре тысячи долларов. Во-вторых, из-за своего скромного происхождения и постоянного безденежья он все четыре года пребывания в университете чувствовал бы себя чужаком среди юных аристократов американского общества, чьи отцы, деды и прадеды

* *Лига плюща* — группа самых престижных частных колледжей и университетов на северо-востоке США, в том числе Йельский университет, Корнеллский университет, Гарвардский университет и др. Называются так потому, что, по английской традиции, стены этих университетов увиты плющом.

тоже оканчивали Йель и Гарвард, чьи сестры порхают, как бабочки, с одного великосветского бала на другой и чьи руки никогда не знали физического труда. В Уитби же бедность являлась нормой. Мало кто из студентов Уитби не подрабатывал летом, чтобы осенью было чем заплатить за учебники и одежду. Конечно, и в Уитби были свои чужаки (к ним, конечно, не относились такие случайно попавшие туда люди, как Брэд) — например книжные черви, день и ночь сидевшие над учебниками и избегавшие общения с сотоварищами, или политизированные молодые люди, распространявшие листовки в поддержку Организации Объединенных Наций либо воззвания против обязательной воинской повинности.

Еще одной причиной, заставившей Рудольфа выбрать Уитби, было то обстоятельство, что колледж находился сравнительно недалеко от Порт-Филипа и по воскресеньям он мог навещать свою мать — эту оставшуюся без друзей, крайне подозрительную, полусумасшедшую и очень больную женщину, которая теперь почти совсем не покидала своей комнаты и которую просто нельзя было оставлять без присмотра.

Но уже летом своего первого года в колледже, когда он начал по вечерам и субботам подрабатывать в универмаге Колдервуда, ему удалось подыскать себе в Уитби недорогую двухкомнатную квартиру с небольшой кухонькой, куда он вскоре перевез и мать. Там она сейчас и ждала его. Присутствовать на выпускной церемонии она из-за плохого самочувствия не смогла. Кроме того, она призналась ему, что ей не хотелось бы позорить его своим видом. Ну, позорить — это, пожалуй, слишком сильно сказано (подумал Рудольф, оглядывая ряды аккуратно, но очень скромно одетых родителей своих сокурсников, с торжественными лицами слушавших речь оратора), однако, с другой стороны, она не поразила бы присутствующих ни своей красотой, ни великолепием своего наряда. Одно дело — быть хорошим сыном, и совсем другое — не считаться с реальностью.

Так что Мэри Пиз Джордах, которая сидела в эту минуту в своем кресле-качалке у окна снятой сыном убогой квартирки, вытянув распухшие, отказывающиеся ей служить ноги, в накинутой на плечи шали, сплошь обсыпанной сигаретным пеплом, не могла увидеть, как ее сыну вручают диплом об окончании колледжа, этот свернутый в трубку лист плотной, имитирующей пергамент бумаги, в которой подтверждалось присвоение ему степени бакалавра гуманитарных наук.

Отсутствовали и другие близкие Рудольфу люди — и Гретхен, связанная с ним по крови, но не сумевшая приехать из-за каких-то проблем с ее маленьким ребенком, и Джули, связанная с ним даже более прочными, чем кровные, узами, но вынужденная при-

существовать в тот день на своей собственной выпускной церемонии в колледже Барнарда, и Томас, еще один кровный родственник, неизвестно где обретающийся в настоящее время, и, наконец, Аксель Джордах, несущийся в своей лодчонке, с обгаренными кровью руками, по бесконечным стремнинам Вечности.

Никто не приехал к нему в его выпускной день... Но, может быть, это и к лучшему.

— Мошь военной машины ужасающа, — гремел из динамиков голос оратора, — но мы можем противопоставить ей еще более могучую силу — стремление простых людей к миру.

Рудольф с полным основанием мог отнести себя к простым людям, а это значило, что человек из Вашингтона обращался лично к нему. Теперь, наслышавшись от своих старших сокурсников о прелестях войны, он уже не завидовал счастливым, сражавшимся на Гуадалканале, гибнувшим в песках Туниса или стоявшим насмерть на реке Рапидо.

Рафинированный, бархатистый голос оратора все лился и лился над солнечной, зеленой лужайкой, окруженной со всех сторон зданиями колледжа, выстроенными в колониальном стиле из красного кирпича. Разумеется, вашингтонский чиновник не мог обойтись в своей речи и без осанны Америке, стране великих возможностей. Половина его слушателей еще совсем недавно имела замечательную возможность положить голову во имя этой благословенной Америки, но оратор сегодня говорил о будущем, а не о прошлом: о великих возможностях, предоставляемых своим гражданам той самой Америкой, которой он пел осанну, — и в области научных исследований, и в сфере обслуживания, и в деле оказания помощи тем народам, которым повезло меньше, чем американцам. Судя по всему, он был совсем не плохим человеком, этот высокопоставленный правительственный чиновник, и Рудольфу даже было приятно сознавать, что в высших эшелонах власти в Вашингтоне есть подобные люди. В то же время его взгляды на те возможности, которые открываются для молодого человека в Америке пятидесятых годов, были, мягко говоря, слишком возвышенными, идеализированными, прекраснодушными и вашингтонскими. Возможно, они и годились в качестве ораторского приема в торжественной речи на выпускной церемонии, но вряд ли они совпадали с приземленными взглядами тех трехсот с лишним сыновей бедняков, которые сидели перед этим человеком во взятых напрокат черных мантиях, ожидая, когда же наконец им вручат дипломы об окончании этого маленького, плохо финансируемого колледжа, известного (если вообще в данном случае применимо слово «известный») лишь своим сельскохозяйственным факультетом. Они и понятия не имели, как они будут зарабатывать себе на хлеб в этой «стране

великих возможностей», имея на руках диплом такого колледжа, как этот.

Рудольф увидел, как в переднем ряду, отведенном для преподавательского состава, профессор Дентон, заведующий кафедрой истории и экономики, повернулся к сидящему справа от него соседу, профессору Ллойд, заведующему кафедрой английского языка и литературы, и что-то прошептал ему на ухо. Рудольф улыбнулся, представив себе, *какими* могут быть комментарии профессора Дентона по поводу ритуальных разглаговльствований правительственного чиновника. Дентон, маленький, свирепый, седеющий человек, понимавший, что на дальнейшее продвижение в научной карьере ему уже не стоит рассчитывать, а потому вечно всем недовольный, был, ко всему прочему, еще и приверженцем давно устаревших популистских теорий*. Читая студентам лекции, он мог часами распространяться о том, какой огромный урон американскому экономическому и политическому устройству нанесли Большие Деньги и Большая Бизнес, начиная со времен Гражданской войны. «Американская экономика, — уверял он своих студентов, — это азартная игра в кости, в которой, благодаря существующим в стране законам, богатым выпадают одни лишь семерки, а всем остальным — одни только двойки».

Профессор Дентон имел обыкновение по меньшей мере один раз в семестр напоминать студентам о том, как в 1932 году Дж. П. Морган**, представ перед членами Постоянного комитета конгресса, сообщил им, что не заплатил ни единого цента подоходного налога. «Хочу, чтобы вы обратили на этот факт особое внимание, джентльмены, — с горечью восклицал профессор Дентон, — равным образом как и на столь же любопытный факт, что в том же 1932 году я, получая обычное преподавательское жалованье, был вынужден уплатить в федеральный бюджет целых пятьсот двадцать семь долларов и тридцать центов».

Проповедуемые профессором Дентоном популистские теории не вызывали у студентов той реакции, на которую он рассчитывал, — более того, реакция эта была прямо противоположной. Вместо того, чтобы воспламениться негодованием и рваться, взявшись за руки, в бой за реформирование несправедливой системы, все они, включая Рудольфа, только и мечтали о том времени, когда сами смогут достигнуть вершин богатства и власти и, подобно Дж. П. Моргану, будут освобождены от уплаты подо-

* *Популистские теории* — теории, которые исповедывали члены «Популистской партии», существовавшей в США с 1891 по 1908 гг. и добивавшейся ослабления позиций крупного капитала. Они также выступали за общее снижение налогов и введение прогрессивного налога.

** *Морган, Джон Пирпонт (1837 — 1913)* — финансист и промышленник, основавший в начале XX в. мощную монополистическую группу.

ходного налога (у профессора Дентона обязанность граждан уплачивать налоги называлась «узаконенным порабощением электората»).

А когда профессор Дентон прочел в «Уолл-стрит джорнале» статью, в которой описывалась новая хитроумная система налогообложения, позволяющая мелким и средним нефтяным компаниям избегать уплаты львиной доли налогов, и посвятил студентов в суть этой системы, чтобы затем подвернуть ее уничтожающей критике, Рудольф слушал его с особенным интересом, больше всего восхищаясь как раз теми ее сторонами, которые у профессора Дентона вызывали особое возмущение: Надеюсь, что наступит тот благословенный день, когда ему представится возможность воспользоваться преимуществами, обеспечиваемыми этой системой, Рудольф старательно записывал все, что сообщал им профессор Дентон.

Стараясь получать лишь хорошие и отличные отметки (не ради них самих, а ради тех знаний, за которые их ставили), Рудольф, естественно, скрывал от профессора Дентона, что повышенный интерес к его лекциям он проявляет не как его верный ученик и последователь, а скорее как разведчик, собирающий на вражеской территории ценную информацию. Он прослушал у Дентона три курса, сдав итоговые экзамены на отлично, и теперь тот предложил ему место ассистента преподавателя на кафедре истории с выплатой аспирантской стипендии.

Несмотря на свое внутреннее несогласие с некоторыми наивными взглядами и теориями профессора Дентона, Рудольф уважал его намного больше, чем других преподавателей колледжа, считая, что только у Дентона он и научился чему-то стоящему.

Свое истинное мнение о профессоре Дентоне, как и обо всех других преподавателях, а также о методах их преподавания, Рудольф тщательно скрывал от сокурсников. В колледже его считали не только прилежным и серьезным студентом, но и очень благовоспитанным молодым человеком.

А оратор между тем завершал свою речь, не забыв в заключительной фразе упомянуть имя Господа Бога. Наградой ему были аплодисменты. После этого началась самая торжественная часть церемонии — получение выпускниками дипломов. Их вызывали, одного за другим, к столу, и президент колледжа, сияя широкой улыбкой, вручал каждому перевязанный цветной ленточкой свиток бумаги. Он страшно гордился тем, что ему удалось заполучить на церемонию важного правительственного чиновника из Вашингтона. Нетрудно представить, каковой была бы реакция пре-

* «Уолл-стрит джорнал» — влиятельная ежедневная политико-экономическая газета деловых кругов Америки.

зидента, если бы он прочел письмо Бойлана, в котором тот называл Уитби «третьестепенным сельскохозяйственным колледжем».

Затем выпускники пропели гимн колледжа, а духовой оркестр исполнил подобающий случаю марш. Официальная часть церемонии на этом была завершена, и выпускники двинулись к рядам, где сидели их родители и родственники, и те вместе с ними разбрелись по территории колледжа. Пестрая смесь из черных мантий и ярких женских платьев выглядела необычайно живописной под сенью зеленых дубов — казалось, что на луг, усеянный полевыми цветами, спустилась стая черных воронов, которые принялись с важным видом расхаживать по траве.

Все пожимали друг другу руки. Рудольф старался по возможности ограничить количество достающихся на его долю рукопожатий: ему еще многое нужно было успеть за оставшуюся часть дня и вечер. Подошел профессор Дентон и тоже пожал ему руку. Маленький, сгорбленный человек в очках с серебряной оправой и толстыми стеклами.

— Джордах, — сказал Дентон, на мгновение задержав его руку в своей. — Подумайте над моим предложением. Обещаете?

— Да, конечно, сэр, — ответил Рудольф. — Вы очень добры ко мне.

Жизнь преподавателя колледжа... Безмятежная и безденежная. Почтительное отношение к старшим на кафедре. Через год — ученая степень магистра. Еще через несколько лет — степень доктора философии. В сорок пять — должность профессора, а если повезет, то и заведование кафедрой...

— Очень заманчивое предложение, сэр, — произнес Рудольф.

На самом деле ничего заманчивого он в нем не видел.

Между Рудольфом и Брэдом заранее было договорено, что сразу же после официальной части торжеств, при первой же удобной возможности, они уедут из Уитби. Так они и сделали. Стараясь не привлекать к себе внимания, они выбрались из толпы и, сдав взятые напрокат мантии и шапочки, поспешили на автостоянку, где Брэд оставил свой старенький, довоенного выпуска «шевроле» с откидным верхом. Его сумки с вещами уже лежали в багажнике, и он готов был на следующий день отправиться в путь, в свою Оклахому, где земля под ногами насквозь пропитана нефтью.

Автостоянку они покидали первыми. Выехали на дорогу и даже не оглянулись назад. Вскоре альма-матер исчезла за поворотом дороги. Они оставили там четыре года своей жизни. Но молодые редко бывают сентиментальными. Пора сентиментальности придет к ним позже, лет через двадцать, и тогда они впервые поймут, что такое ностальгия по юности.

— Давай заедем на минутку в универмаг, — сказал Рудольф. — Я обещал Колдервуду.

— Непременно, сэр,— томным голосом произнес Брэд.— Ну, как тебе мое произношение? Чувствуется блестящее образование?

— Типичнейший представитель правящих классов,— ответил Рудольф.

— Да-а,— протянул Брэд,— значит, я не зря потратил здесь время. Как ты думаешь, Руди, сколько может зарабатывать крупный правительственный чиновник — вроде того, что приезжал к нам сегодня?

— Ну, не знаю... тысяч пятнадцать-шестнадцать в год,— ответил Рудольф наугад.

— Мизер,— презрительно бросил Брэд.

— Плюс разные привилегии.

— Это еще тридцать баксов в год,— сказал Брэд.— Не облагаемые налогом. Интересно, он сам написал свою речь?

— Думаю, что сам.

— Тогда ему платят чересчур много,— протяжно проговорил Брэд и начал напевать «В Канзас-Сити всё по моде»; затем, перестав петь, спросил: — Как ты считаешь, молодые девчонки там будут?

Он говорил о вечеринке, которую, по случаю выпускного дня, устраивала у себя Гретхен. Джули тоже обещала приехать, если, конечно, ее отпустят родители.

— Думаю, что будут,— ответил Рудольф.— У них всегда застанешь каких-нибудь девчонок — когда бы к ним ни пришел.

— В нынешних газетах нам пытаются втолковать,— брюзгливо произнес Брэд,— что сегодняшняя молодежь стала ужасно распушенной, что мораль ее сильно упала, особенно после войны, ну и всякое такое прочее, но я во все эти сказки не верю. В колледжах нужно срочно вводить совместное обучение. Это ненормально, когда вокруг тебя одни мужские физиономии. Вот, например, посмотришь на тебя — и сразу видно, что ты типичнейший представитель изголодавшихся по сексу бакалавров гуманитарных наук, получивших образование в колледже, где учатся лишь лица мужского пола. Я тебе серьезно говорю.— И он принялся насвистывать какую-то веселую песенку.

Они ехали через город Уитби. После войны здесь стали много строить и перестраивать: росли, словно грибы после дождя, небольшие фабрики, украшенные клумбами и газонами, придававшими этим традиционно непривлекательным предприятиям такой вид, будто люди приходят туда не трудиться в поте лица, а отдыхать и развлекаться; переделывались фасады магазинов и лавочек, отчего улицы приобретали совсем иное обличье: казалось, что ты попал в восемнадцатое столетие в какой-нибудь живописный старинный городок в одном из английских графств;

обшитое досками и выкрашенное белой извештой строение, в прошлом служившее городской ратушей, было полностью реконструировано и приобрело новый, элешантный вид: в нем теперь помещался летний городской театр. В окрестностях города люди из Нью-Йорка стали приобретать фермерские дома, куда они приезжали отдыхать на уик-энды и в отпуск. За четыре года, проведенные Рудольфом в Уитби, городок неузнаваемо изменился и приобрел право считаться процветающим, о чем свидетельствовали не только охотно приобретаемые многими состоятельными людьми новые участки под застройку (в городе вырос целый жилой район, получивший название Гринвуд), но и значительно расширенное поле для игры в гольф, на котором к прежним лункам добавили целых девять новых. Для того чтобы построить себе дом в Гринвуде, нужно было купить в этом районе участок земли площадью не менее одного гектара. В городке даже возникла небольшая колония художников, и каждый раз, когда президент колледжа начинал переманивать к себе преподавателей из других университетов, он в качестве одного из самых веских аргументов приводил тот факт, что возглавляемое им учебное заведение расположено в одном из самых перспективных городов на Восточном побережье Америки, бурно растущих не только размерами, но и качеством жизни. В Уитби, подчеркивал он, все более ошутимой становится *особая* культурная атмосфера.

Небольшой универмаг Колдервуда стоял на самом оживленном углу главной торговой улицы города. Он открылся на этом месте еще в конце девяностых годов прошлого столетия и сначала служил в качестве обыкновенного провинциального магазинчика, где продавалось все, что могло понадобиться жителям маленького, похожего на деревню, сонного городка, а также фермерам и студентам колледжа, но по мере того как рос город, становясь все менее провинциальным, расширялся и видоизменялся магазин. Теперь он занимал длинное, двухэтажное здание, и в его витринах с зеркальными стеклами было выставлено великое многообразие товаров. Рудольфу сначала давали временную работу, в основном в летний период, когда покупательная активность горожан и приезжих резко возрастала и универмагу не хватало рук. Он помогал принимать и регистрировать поступающий товар, а также выполнял другую вспомогательную работу. К своим обязанностям он относился столь добросовестно, а его предложения по улучшению работы были такими дельными и полезными, что Дункан Колдервуд, потомок первого владельца магазина, не мог не повысить его в должности. И все же универмаг Колдервуда до сих пор оставался достаточно небольшим торговым заведением, и один человек вполне мог справиться сразу с несколькими обязанностями. Поэтому Рудольф был одновременно

и продавцом, и оформителем витрин, и составителем рекламных текстов, и консультантом по найму и увольнению персонала. Кроме того, он по несколько раз в день выходил в торговые залы и помогал посетителям выбрать нужную им покупку. Летом, когда он работал полный день, ему платили пятьдесят долларов в неделю.

Дункан Колдервуд, худошавый, немногословный янки лет пятидесяти, женился довольно поздно, но тем не менее успел стать отцом трех дочерей. Кроме универмага, он владел большим количеством недвижимого имущества как в городе, так и за его пределами. Каким именно количеством, никто точно не знал, а он не распространялся на этот счет. Он никогда не болтал лишнего и знал цену деньгам.

Когда Брэд подъехал к входу в универмаг, Рудольф, со словами «Я долго не задержусь», выскочил из машины на улицу.

— Не торопись,— бросил ему вдогонку Брэд.— У меня вся жизнь впереди.

Он расстегнул ворот рубашки и ослабил узел галстука. Наконец-то он мог вздохнуть свободно. Он опустил верх машины, откинулся на сиденье и, закрыв глаза, с удовольствием подставил лицо теплему летнему солнцу.

Приблизившись к магазину, Рудольф, прежде чем войти, остановился перед одной из витрин, которую он заново оформил за три дня до этого, и с удовольствием отметил, что получилось совсем неплохо. В витрине были выставлены плотницкие инструменты, и Рудольф расположил их таким образом, чтобы они образовывали строгий, абстрактный рисунок, чтобы их металлические части как можно более завлекательно поблескивали на солнце и чтобы витрина не выглядела слишком загроможденной. Время от времени Рудольф ездил в Нью-Йорк и изучал витрины магазинов на Пятой авеню, где он и черпал некоторые из идей, которые затем воплощал в жизнь, декорируя витрины для Колдервуда.

Открыв дверь, Рудольф вошел в главный торговый зал на первом этаже, окунувшись в успокаивающий гул, производимый множеством голосов покупателей, большей частью женщин, и в привычный запах одежды, женских духов и изделий из кожи,— запах, который он успел полюбить. Продавцы ему улыбались и приветственно махали рукой, а некоторые, с кем он был накоротке, поздравляли его с окончанием колледжа; он тоже улыбался и махал им в ответ. К нему здесь относились с большой симпатией, особенно люди постарше. Никому из них и в голову не приходило, что он имеет отношение к приему и увольнению сотрудников.

Кабинет Колдервуда помещался сразу же за торговым залом, в другом конце универмага. Дверь кабинета, как и всегда, была настежь распахнута — он любил быть в курсе того, что проис-

ходит в магазине. Подойдя к двери, Рудольф увидел, что Колдервуд сидит за столом и пишет авторучкой письмо. Хоть он и держал секретаршу — ее комната располагалась рядом с его кабинетом, — некоторые вещи, касавшиеся его бизнеса, не положено было знать даже ей. Каждый день ему приходилось писать собственноручно четыре-пять писем. Он сам наклеивал на конверты марки и лично относил письма на почту. Дверь комнаты, в которой сидела секретарша, была, в отличие от двери ее босса, всегда закрыта.

Рудольф стоял у двери и ждал, когда его пригласят войти. Хоть Колдервуд и держал дверь открытой, он не любил, когда ему мешали.

Дописав предложение, Колдервуд перечитал его, затем поднял голову. У него было гладкое, желтоватое лицо, узкий, длинный нос, черные волосы и залысины на лбу. Прежде чем пригласить Рудольфа войти, он перевернул письмо и положил его текстом вниз. У него были большие, неуклюжие руки фермера, и он с трудом управлялся с такими деликатными вещами, как тонкий листок бумаги. Рудольф же гордился своими руками — тонкими, изящными, с длинными пальцами. Он считал, что у него руки аристократа.

— Входи, Руди, — наконец сказал Колдервуд: голос у него был сухой и невыразительный.

— Добрый день, мистер Колдервуд, — отозвался Рудольф и вошел в казенную, аскетичного вида комнату, обитатель которой не видел необходимости создавать в ней уют. На стене висел цветной календарь с изображенным на нем универмагом Колдервуда (календарь раздавали покупателям в первый день каждого нового года бесплатно), а на столе стояла фотография трех дочерей Колдервуда, сделанная еще тогда, когда они были маленькими. Никаких других украшений в комнате не было.

К большому удивлению Рудольфа, Колдервуд встал и, обойдя стол, пожал ему руку.

— Как все прошло? — спросил он.

— Без особых сюрпризов, — ответил Рудольф.

— Ты рад, что все позади?

— В смысле учебы? — спросил Рудольф.

— А в каком же еще? Да ты не стой, присаживайся.

Колдервуд возвратился на свое место за столом и опустился в деревянное кресло с прямой, высокой спинкой, а Рудольф сел в другое деревянное кресло, стоявшее справа от стола. В мебельном отделе на втором этаже Колдервуд выставил десятка два чудесных, удобных кожаных кресел, но они предназначались для посетителей, и только для них.

— Думаю, что рад, — ответил Рудольф.

— Кстати, большинство американцев, сколотивших себе миллионные состояния в прошлом или делающих это теперь, не заканчивали университетов,— сказал Колдервуд.— Надеюсь, ты это знаешь?

— Да, знаю,— ответил Рудольф.

— Миллионер просто берет и нанимает тех, у кого университетское образование,— продолжал Колдервуд.— Он хорошо им платит, и те делают для него всю ту работу, которая требует специальных знаний.— Голос его звучал чуть ли не агрессивно: сам он не имел даже среднего образования.

— Постараюсь не допустить, чтобы образование помешало мне стать богатым,— произнес Рудольф.

Колдервуд засмеялся — сухо и отрывисто.

— Уж постарайся, Руди,— проговорил он. Затем выдвинул ящик стола, взял оттуда бархатную коробочку, на крышке которой было выведено затейливыми золотыми буквами имя владельца ювелирного магазина, и протянул Рудольфу.

— Это тебе,— сказал он.

Рудольф открыл коробочку. В ней лежали великолепные швейцарские наручные часы с черным замшевым ремешком.

— Ну что вы, сэр, это слишком дорогой подарок! — Рудольф надеялся, что Колдервуд не заметил по его голосу, насколько он удивлен.

— Ты заслужил его,— ответил Колдервуд и, поднеся руку к белому, накрахмаленному воротничку, смущенно поправил узел своего узкого галстука: щедрость была для него непривычна.— Ты столько сделал для магазина. У тебя хорошая голова на плечах и прирожденный талант к торговле.

— Огромное вам спасибо, мистер Колдервуд,— сказал Рудольф. Да-а, вот это *настоящая* выпускная речь, не то что вашингтонская околесица насчет растущей военной мощи и оказания помощи тем народам, которым повезло меньше, чем американцам.

— Послушай, Руди, ты ведь уже догадываешься, что я собираюсь кое-что тебе предложить?

— Да, сэр.

Колдервуд некоторое время сидел с выражением сомнения на лице, затем встал, прочистил горло и подошел к висевшему на стене календарю, словно хотел уточнить дату, прежде чем сделать решительный шаг. На нем был его обычный черный костюм с жилетом под ним, на ногах высокие, под щиколотки, ботинки. «Мне нравится, когда щиколоткам есть на что опереться»,— говорил он.

— Руди,— наконец сказал он.— Как ты смотришь на то, чтобы работать у меня на полной ставке?

— Ну, это зависит от многого, — осторожно ответил Рудольф. Он ожидал подобного предложения и уже решил для себя, на каких условиях согласится.

— От чего, например? — воинственно спросил Колдервуд.

— Прежде всего от того, какую работу вы мне предложите, — ответил Рудольф.

— Ту же, которую ты делал и раньше, — сказал Колдервуд. — Только ее будет больше. Будешь заниматься всем понемногу. Тебе обязательно, чтобы твоя должность имела название?

— Опять-таки, все зависит от названия.

— Зависит, зависит... — раздраженно повторил Колдервуд, а затем неожиданно рассмеялся. — Интересно, кто это придумал, будто молодежь легкомысленна?.. Ладно, как тебе нравится название «помощник управляющего»?

— Для начала сойдет, — невозмутимо ответил Рудольф.

— А не вышвырнуть ли мне тебя из этой комнаты? — процедил Колдервуд, и его светлые глаза в тот же миг стали враждебными и ледяными.

— Мне не хотелось бы показаться неблагодарным, — твердо произнес Рудольф, — но я должен знать, на что мне рассчитывать в будущем. У меня есть ряд других предложений, и я хотел бы сделать правильный выбор...

— Небось, рвешься в Нью-Йорк, как и все другие желторотые глупцы? — презрительно проговорил Колдервуд. — Хочешь за какой-нибудь месяц-другой взять приступом великий город? Хочешь шляться там по всем этим вечеринкам? Ведь так?

— Не совсем так, — ответил Рудольф (он просто считал, что ему еще рано ехать в Нью-Йорк). — Уитби нравится мне намного больше.

— И он заслуживает этого, — более спокойно произнес Колдервуд и снова сел в свое деревянное кресло; затем, вздохнув, миролюбиво сказал Рудольфу: — Послушай, Руди, годы берут свое, и я начинаю стареть. Врач говорит, что мне нельзя так много работать. «Переложите часть своей нагрузки на других, — вот что он мне говорит. — Поезжайте куда-нибудь отдохнуть, старайтесь продлить свою жизнь». Словом, обычная докторская болтовня. Постоянно пугает меня — дескать, содержание холестерина в крови превысило у меня всякие нормы. Это теперь у них любимый прием — чуть что пугать содержанием холестерина в крови. Не знаю, как они раньше без него обходились, без этого холестерина... Ну, вот. А кроме того, у меня нет сыновей... — И он гневно посмотрел на фотографию своих дочерей, троекратно не оправдывавших его ожиданий дожидаться наследника. — С тех пор как умер отец, мне пришлось вести семейное дело, можно сказать, в одиночку. И вот теперь наступает время, когда

я должен найти того, в чьи руки я мог бы его передать. Кому бы мог, так сказать, вручить эстафету. Уж, конечно, не какому-нибудь шустрому сопляку, одному из тех самоуверенных юнцов, только что окончивших школу бизнеса, которые только и делают, что переиначивают все по-своему и начинают требовать своей доли в деле после каких-нибудь двух-трех недель работы.— Он слегка наклонил голову и испытующе посмотрел на Рудольфа из-под своих черных, густых бровей.— Начнешь с сотни в неделю, а через год посмотрим. Разве это не выгодное предложение?

— Вполне,— ответил Рудольф: он рассчитывал максимум на семьдесят пять.

— У тебя будет свой кабинет,— сказал Колдервуд.— В старой упаковочной комнате на втором этаже. С табличкой «Помощник управляющего» на двери. Но в часы пик ты должен находиться в торговом зале. Ну что, договорились?

— Договорились.

И они пожали друг другу руки. Рука у Колдервуда была крепкой и энергичной, так что не очень верилось в повышенное содержание холестерина в его крови.

— Думаю, ты хотел бы немного отдохнуть, прежде чем приступить к работе,— сказал Колдервуд.— И я тебя понимаю. Сколько тебе нужно — недельки две, месяц?

— Я буду здесь завтра, ровно в девять утра,— ответил Рудольф, вставая.

Колдервуд улыбнулся, блеснув искусственными зубами.

— Надеюсь, я не совершаю ошибку, беря тебя своим помощником,— проговорил он.— Что ж, до завтра.

Как только Рудольф вышел из кабинета, Колдервуд перевернул листок бумаги и, неуклюже стиснув толстыми пальцами авто-ручку, принялся дописывать письмо.

А Рудольф шел по торговому залу не торопясь, глядя на прилавки, продавцов и покупателей новыми глазами — оценивающими глазами собственника. У двери он остановился, снял свои старые, дешевые часы и надел вместо них новые.

Брэд сидел за рулем и дремал, разморенный ласковым солнцем, но, когда Рудольф садился в машину, проснулся и резко выпрямился.

— Что новенького? — спросил он, включая зажигание.

— Старина Колдервуд решил мне сделать подарок,— и он показал Брэду часы.

— Видать, у него доброе сердце,— сказал Брэд, трогаясь с места.

— Сто пятнадцать долларов, если покупать в магазине,— сообщил со знанием дела Рудольф.— Пятьдесят, если оптом.

Он не стал говорить, что завтра к девяти утра ему надо быть на работе. Хвалиться особенно нечем: место помощника уп-

равляющего у Колдервуда — это вам не сказочно богатый нефтью Огайо.

Мэри Пиз Джордах сидела в своем кресле-качалке у окна и смотрела на улицу, с нетерпением ожидая Рудольфа. Он обещал заехать домой сразу же после выпускной церемонии: ей хотелось поскорее увидеть диплом. Конечно, было бы неплохо приготовить по этому случаю праздничный обед, чтобы Рудольф смог пригласить на него своих друзей, но у нее для этого не хватило бы сил. Кроме того, она никого из них не знала. И не потому, что он в колледже не обзавелся друзьями. Напротив. Телефон не переставал звонить целыми днями, и молодые голоса постоянно спрашивали Рудольфа: «Это Чарли. Руди уже пришел?» или «Это Брэд. Руди дома?» Но он никогда не приглашает друзей зайти к нему домой. И правильно делает. Ей тоже было бы стыдно кого-нибудь сюда приглашать. Две темные комнаты над магазином тканей, неприглядный, без единого деревца, переулок. Должно быть, такова у нее судьба — прожить всю жизнь над магазинами. Через улицу, прямо напротив них, живет семья негров. С утра до вечера из их окна глазект на нее черные лица. Только и умеют что насиловать женщин, эти черные. В приюте она узнала о них много чего такого, о чем даже страшно подумать.

Она взяла трясущейся рукой очередную сигарету и закурила, затем небрежно смахнула с шали пепел. На улице был июнь, сияло жаркое солнце, но в шали она чувствовала себя уютнее.

Итак, несмотря ни на что, Рудольф получил-таки приличное образование. Выпускник колледжа, он может теперь держать голову высоко. Теперь он ничем не хуже других. Дай Бог здоровья этому Теодору Бойлану. Она ни разу его не видела, но, судя по рассказам Рудольфа, человек он умный и щедрый. Хотя Рудольф вполне заслуживает такого к себе отношения. С его-то манерами и умом... Людям *нравится* помогать ему. Что ж, теперь перед ним открыты все дороги. Правда, когда она спрашивала, чем он собирается заниматься после колледжа, он ей ничего определенного не говорил. Но у нее не было никаких сомнений, что у него *есть* планы на будущее. У Рудольфа всегда были четкие планы на свою дальнейшую жизнь. Вот только бы им, этим планам, не помешала какая-нибудь девица, которой удастся зарканить его и заставить на себе жениться. Мэри стало даже не по себе от этой мысли. Рудольф — хороший мальчик, о таком заботливом сыне можно только мечтать. Что бы она без него делала после той ночи, когда исчез Аксель? Но даже самые лучшие из сыновей словно безумеют, стоит в их жизни появиться какой-нибудь девчонке: они готовы отказаться от всего — и от дома,

и от родителей, и от карьеры — ради ее чарующих глаз и той штучки под ее юбкой. Рудольф так и не познакомил мать со своей девушкой, Джули; ей лишь было известно, что та учится в колледже Барнарда в Нью-Йорке и Рудольф ездит к ней туда по воскресеньям (только представить себе все эти бесконечные мили туда и обратно!) и возвращается очень поздно, часто под утро — бледный, синяки под глазами, взбудораженный, неразговорчивый: и слова от него не добьешься. Но, несмотря на все это, они встречаются с Джули уже целых пять лет! Он словно заиклился на ней, и другие девушки его не интересуют. Нужно поговорить с ним, сказать ему, что, пока он молод, ему нужно брать побольше от жизни, получать от нее удовольствие. Да стоит ему только поманить пальцем, как на шею ему бросятся сотни девушек.

И все-таки ей следовало хоть чем-то отметить этот день. Скажем, испечь пирог. Сойти вниз и купить бутылку вина. Но ей было страшно даже подумать, что придется спускаться по лестнице, представлять перед глазами соседей, а затем — и этого она боялась больше всего — карабкаться по ступенькам наверх... Рудольф поймет и простит ее. И потом, ему все равно нужно ехать в Нью-Йорк, чтобы отпраздновать это событие с друзьями. А больная, старая мать пусть сидит одна у своего окна, всеми брошенная и забытая. Да, таковы даже лучшие из сыновей...

И вдруг она увидела, как из-за угла на большой скорости, визжа тормозами, вынеслась машина. В машине сидел Рудольф, его черные волосы развевались — настоящий принц! На большом расстоянии она видела совсем неплохо, даже лучше, чем когда-либо прежде, но все, что было вблизи, расплывалось перед глазами. Она давно уже перестала читать: глаза нестерпимо болели от напряжения, причем зрение ухудшалось настолько стремительно, что очки ей помогали неделю, самое большее две, а потом от них не было никакого толку. Да, старые, негодные глаза. Ей еще нет и пятидесяти, но глаза ее умирали — раньше, чем она сама. По щекам Мэри Пиз Джордах потекли слезы.

Подъехав к дому, машина остановилась, и из нее выпрыгнул Рудольф. Такой легкий, грациозный. В прекрасном синем костюме. С его стройной фигурой, широкими плечами, длинными ногами он был создан для красивой одежды. Она поспешно отпрянула от окна. Хоть он и не говорил ей ничего насчет этого, она и сама прекрасно знала, насколько ему не нравится, что она целый день сидит у окна и безотрывно смотрит на улицу.

С трудом встав на больные ноги, она уголком шали вытерла глаза и, медленно проковыляв к стулу, села возле столика, служившего у них обеденным столом. На лестнице раздалися шаги Рудольфа, и она поспешила погасить сигарету, сунув окурочек в пепельницу.

Открылась дверь, и в комнату вошел ее сын.

— Ну, вот,— сказал Рудольф,— можешь полюбоваться.— Он развернул свиток диплома и положил его перед ней на столе.— Это по-латыни.

Она могла разобрать лишь его имя и фамилию, написанные готическими буквами. Снова на глаза навернулись слезы.

— Ах, если бы знать, где сейчас твой отец,— чуть ли не с мстительным удовлетворением выговорила она.— Пусть бы увидел, чего ты сумел достигнуть без его помощи.

— Мама,— мягко напомнил ей Рудольф,— отец давно умер.

— Он всех нас дурачит! — воскликнула она.— Уж я-то знаю его как облупленного. Вовсе он не умер, а просто сбежал.

— Мама...— снова начал Рудольф, но она прервала его:

— Он сейчас сидит в какой-нибудь забегаловке, попивает свое виски и потешается над нами. Ведь тело его так и не было найдено.

— Пусть будет по-твоему,— с усталой покорностью вздохнул Рудольф.— Ладно, мне нужно пойти собрать вещи в дорогу: хочу остаться на ночь в Нью-Йорке.

Он прошел в свою комнату, достал сумку и стал бросать в нее бритвенные принадлежности, пижаму, чистую рубашку и тому подобные вещи.

— Может, тебе что-нибудь нужно купить? — спросил он у матери.— Что у тебя сегодня на ужин?

— Ничего не надо, я открою консервы,— ответила она.— Скажи, ты едешь в Нью-Йорк с этим парнем?

— Да,— ответил он,— с Брэдом.

— С тем самым, из Оклахомы?

— Ну да. А что такое?

— Ничего, но мне не нравится, как он водит машину,— пробормотала она.— Несется, как угорелый. И вообще — я не доверяю приезжим с Запада. Не лучше ли воспользоваться поездом?

— Какой смысл тратить лишние деньги на билет?

— А какой прок от денег, если ты погибнешь, экономя их?!

— Мама...

— Скоро у тебя будет достаточно денег. С твоими способностями, да еще с этим...— И она любовно провела рукой по плотной, похожей на пергамент бумаге с латинскими словами на ней.— Ты когда-нибудь задумывался над тем, что будет со мной, если, не дай Бог, что-нибудь с тобой случится?

— Не беспокойся, со мной ничего не случится,— и он застегнул молнию на сумке. У него было мало времени, и она прекрасно видела, насколько он торопится. Торопится оставить ее одну у окна.

— Если я останусь одна, без тебя, меня выбросят на помойку как какую-нибудь паршивую собаку,— брюзгливо пробормотала она.

— Мама,— с упреком произнес Рудольф,— Сегодня ведь праздник. Ты должна чувствовать себя счастливой в этот день.

— Надо вставить твой диплом в рамку и повесить на видное место, — сказала она. — Ладно, можешь ехать и веселиться со своими друзьями. В конце концов, ты это вполне заслужил. Только не кутите всю ночь — надо хоть немного поспать. Где останавливаешься? Ты можешь мне дать номер телефона, чтобы я могла позвонить, если будет необходимость?

— Никакой такой необходимости не будет.

— И все-таки?

— Ну хорошо, это номер телефона Гретхен, — сдался он.

— Этой блудницы! — Они никогда не говорили о Гретхен, но Мэри Пиз Джордах прекрасно знала, что он видится со своей сестрой.

— О, Господи! — простонал Рудольф.

Лучше бы она попридержала свой язык, хотя, с другой стороны, пусть лишний раз услышит, что она думает о его блудливой сестричке.

Он наклонился к матери и поцеловал ее на прощанье; своим поцелуем он также давал ей понять, что просит прощения за вырвавшееся у него «О, Господи!» Она прижала его к себе. От нее пахло духами, которые он подарил ей на день рождения: она еще с утра надушилась.

— Ты так и не рассказал мне о своих планах на будущее, — с легким укором произнесла она. — Ведь настоящая жизнь начинается у тебя только сейчас. Я так надеялась, что ты присядешь рядышком хоть на минутку и расскажешь, какой тебе видится твоя дальнейшая жизнь. Может, останешься хоть на капельку, а я приготовлю чаю?..

— Завтра, мама, ладно? — торопливо проговорил он. — Поговорим обо всем завтра — обещаю.

Он снова поцеловал ее, и она выпустила его из своих объятий. Минута — и он исчез, легко сбежав по лестнице вниз. Она с усилием встала и, припадая на обе ноги, доковыляла до своего кресла-качалки. И вот она снова сидит у окна — больная, одинокая, никому не нужная старая женщина. Пусть видит ее — она больше не хочет прятаться.

Машина в этот момент уже отъезжала от дома. Рудольф даже не обернулся.

Сыновья... Все они рано или поздно уезжают от матерей. Все как один. Даже лучшие из них.

Старенький «шевроле», с трудом вскарабкавшись по крутому склону холма, въехал в знакомые каменные ворота. У тополей, выстроившихся по обеим сторонам подъездной аллеи, был похоронный, угрюмый вид, несмотря на ярко светившее июньское солнце. Огромный дом, притаившийся за неухоженными клум-

бами и запущенными цветочными бордюрами, незаметно, но неуклонно ветшал.

— *Падение Дома Ашеров**, — пробормотал Брэд, огибая большую клумбу перед террасой. Рудольф бывал в этом доме настолько часто, что привык к нему и воспринимал его без всяких эмоций. Для него это был просто дом Тедди Бойлана, и ничего больше. — Кто же здесь обитает — может быть, сам Дракула?

— Здесь обитает один из моих друзей, — ответил Рудольф. Он никогда не упоминал Брэду о Бойлане. Бойлан относился к той стороне его жизни, которая не касалась Брэда. — А лучше сказать, один из друзей семьи. Если бы не он, я не смог бы учиться в колледже.

— Ты говоришь о бабках? — спросил Брэд, остановив машину и критически оглядывая каменную громаду здания.

— Да, — ответил Рудольф. — В основном, о них.

— А что, у него нет денег на садовника?

— Ему это просто не нужно. Ладно, идем, сейчас познакомимся с ним. Нас, между прочим, ждет шампанское. — И Рудольф вышел из машины.

— Мне застегнуть верхнюю пуговичку? — спросил Брэд.

— Лучше застегни, — сказал Рудольф.

Он стоял, ожидая, пока Брэд справится с непослушной пуговицей воротника и потуже затянет узел на галстуке, и, возможно, впервые заметил, какая у того короткая и толстая шея — в полном смысле плебейская шея.

Они прошли по покрытой гравием террасе к массивной, дубовой входной двери, и Рудольф надавил на кнопку звонка. Он был рад, что с ним Брэд. Его не прельщала перспектива оказаться с Бойланом один на один, учитывая, какую новость он ему преподнесет. Приглушенное дребезжание звонка, доносившееся до них из глубин дома, звучало, словно замогильный вопрос в мрачном склепе в безлунную ночь: *З-з-здесь ес-с-сть кто-нибудь из-з-з живых?*

Наконец дверь отворилась. На пороге стоял Перкинз.

— Добрый день, сэръ, — почтительно произнес он.

Они услышали звуки рояля. Рудольф узнал сонату Шуберта. Тедди Бойлан часто водил его на концерты в Карнеги-холл** и ставил пластинки с лучшими образцами классической музыки. Ему нравилось то нескрываемое удовольствие, с которым Рудольф слушал музыку, а также то, как быстро он узнавал проигрываемые произведения и запоминал имена композиторов. За очень корот-

* «Падение Дома Ашеров» — название рассказа американского писателя Эдгара Аллана По (1809 — 1849). Рассказ изобилует ужасами.

** Карнеги-холл — концертный зал в Нью-Йорке, где выступают лучшие певцы, музыканты и симфонические оркестры мира.

кое время у Рудольфа развился безупречный вкус в музыке, и он легко отличал хорошее исполнение от плохого, посредственную музыку от великой. «Я, между прочим, уже собирался оставить занятия музыкой — как раз перед тем, как мы с тобой познакомились,— признался он как-то Рудольфу.— Не люблю слушать музыку в одиночестве, а еще меньше — в компании людей, которые ничего в ней не смыслят и только делают вид, что слушают ее с интересом».

Перкинз повел молодых людей в гостиную. Хоть до нее было не больше двадцати шагов, Перкинз шествовал с таким величественным видом, будто возглавлял целую процессию. Брэд, имевший привычку сутулиться, невольно выпрямился и подтянулся, испытывая нечто похожее на благоговейный ужас в этом огромном и мрачном холле.

— Мистер Джордах со своим другом,— провозгласил Перкинз, распахнув дверь в гостиную.

Бойлан доиграл исполняемый им пассаж и поднял голову от рояля. На столе они увидели бутылку шампанского в ведерке, а рядом — два высоких хрустальных бокала.

Бойлан встал и улыбнулся.

— Добро пожаловать, Руди,— сказал он, протягивая ему руку.— Рад тебя видеть.

Бойлан недавно провел около двух месяцев на юге и был теперь бронзовым от загара. Его волосы, брови и ресницы сильно выгорели на солнце. Рудольф сразу заметил, что в его лице что-то неуловимо изменилось, и, пожимая ему руку, пристально в него всматривался, пытаясь определить, что именно, но не смог.

— Позвольте вам представить моего друга, Брэдфорда Найта,— произнес Рудольф.— Мы учились на одном курсе.

— Здравствуйте, мистер Найт,— сказал Бойлан, пожимая Брэду руку.

— Рад с вами познакомиться, сэр,— протянул Брэд в своей оклахомской манере.

— Насколько я понимаю, вас тоже можно поздравить,— сказал Бойлан.

— По идее, да,— расплылся в улыбке Брэд.

— Нам понадобится еще один бокал, Перкинз,— обратился Бойлан к слуге, подходя к столику, где стояло ведерко с шампанским.

— Слушаюсь, сэр,— ответил Перкинз и направился к двери, снова возглавив воображаемую процессию.

— Ну, как вам понравилась речь этого демократа из Вашингтона? — насмешливо спросил Бойлан, поворачивая шампанское в ведерке со льдом.— Он упоминал о злодеях богачах, соющих кровь из народа?

— В основном, он говорил об атомной бомбе,— ответил Рудольф.

— Дьявольское изобретение тех же чертовых демократов,— пробормотал Бойлан.— А он, случайно, не уточнял, на кого они сбросят ее в следующий раз?

— Мне показалось, что он ни на кого ее сбрасывать не собирается,— ответил Рудольф: ему не нравился насмешливый тон Бойлана, и он предпочитал встать на сторону этого человека из Вашингтона.— В общем-то, он говорил вполне разумные вещи.

— Неужели? — иронически произнес Бойлан, снова повернув бутылку с шампанским. Может, в душе он республиканец?

И вдруг Рудольф понял, что именно изменилось в лице Бойлана: под глазами у него не было привычных мешков. Должно быть, он хорошенько отоспался за время отдыха на юге.

— А у вас здесь совсем неплохо, мистер Бойлан,— с восхищением произнес Брэд; все это время он с откровенным любопытством рассматривал огромную комнату.

— Слишком здесь все показное,— небрежным тоном ответил Бойлан.— Таковым был стиль в моей семье... Вы ведь родом с Юга, не так ли, мистер Найт?

— Нет, из Оклахомы, мистер Бойлан.

— Когда-то мне приходилось бывать в Оклахоме,— проговорил Бойлан,— и, по правде сказать, я нашел те места удручающими. Вы собираетесь туда возвращаться?

— Да. Выезжаю прямо с утра,— ответил Брэд.— Я пытался уговорить Руди тоже поехать со мной...

— Ну, и как? — обратился Бойлан к Рудольфу.— Ты едешь?

Рудольф отрицательно покачал головой.

— Честно говоря,— заметил Бойлан,— я слабо представляю тебя в Оклахоме.

Вошел Перкинз с третьим бокалом в руке; он подошел к столу и поставил бокал рядом с двумя другими.

— Ну, вот,— сказал Бойлан.— Можем начинать.

Раскрутив проволоку, он умело высвободил пробку из горлышка и, когда она с сухим, хлопающим звуком выскочила из бутылки, разлил пенящуюся жидкость по бокалам. Обычно Бойлан предоставлял открывать бутылки Перкинзу, и то, что сегодня он взял эту миссию на себя, Рудольф расценил как знак того, что Тедди придает этому дню особое значение.

Протянув один бокал Брэду, а другой Рудольфу, Бойлан поднял свой собственный бокал и провозгласил тост:

— За будущее! За то неизвестное завтра, в котором таятся неожиданности и опасности, достижения и успехи!

Немного отхлебнув из бокала, Брэд с восхищением воскликнул:

— Да-а, разве сравнить кока-колу с этой шипучкой!

Рудольф нахмурился: Брэд демонстративно строил из себя деревенщину — как бы в пику Бойлану с его манерной галантностью и безукоризненной вежливостью.

— Не правда ли? — с невозмутимым видом отозвался Бойлан и, повернувшись к Рудольфу, сказал: — А что если мы пойдем в сад и допьем остальное на свежем воздухе? Это всегда придает событию особую праздничность — пить вино на лоне природы.

— В общем-то, — сказал Рудольф, — у нас не так уж много и времени...

— Вот как? — Бойлан удивленно поднял брови. — А я полагал, мы вместе пообедаем в «Приюте фермера». Вы, конечно, тоже приглашены, мистер Найт.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Брэд. — Как скажет Руди.

— Дело в том, что вечером нас ждут в Нью-Йорке, — пробормотал Рудольф.

— Понятно, — произнес Бойлан. — Несомненно, вы спешите на вечеринку. И, конечно, соберется одна молодежь.

— Да, вроде того.

— Что ж, это вполне естественно, — проговорил Бойлан, вновь наполняя бокалы. — Еще бы, в такой день... А твоя сестра тоже там будет?

— Собственно, мы собираемся у нее на квартире. — Рудольф не умел и не любил лгать.

— Передай ей от меня привет, — проговорил Бойлан. — Надо не забыть послать подарок для ее ребенка. Напомни, это мальчик или девочка?

— Мальчик.

Рудольф сообщил ему, что родился мальчик, в тот самый день, как сам об этом узнал.

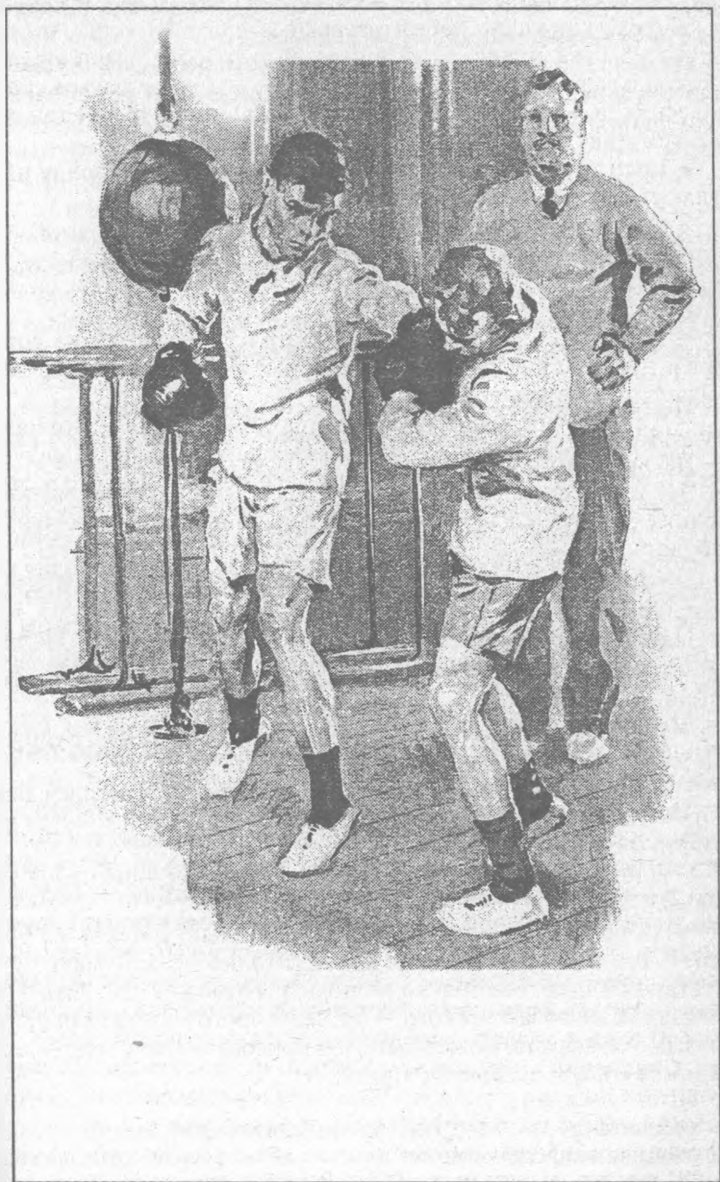
— Пошлю ему что-нибудь из серебра, — продолжал Бойлан. — скажем, серебряную тарелочку, чтобы он ел оттуда свою овсяную кашку. В нашей семье, — сказал он, обращаясь к Брэду, — была традиция дарить новорожденному мальчику пакет акций — естественно, я говорю об акциях тех компаний, которыми владела семья. Но дарить нечто подобное племяннику Рудольфа (хотя, поверьте, я и очень привязан к Рудольфу), было бы с моей стороны дурным тоном. Точно так же нас связывают хорошие отношения и с сестрой Рудольфа, хотя последние годы мы почти перестали общаться.

— А вот когда я появился на свет, отец записал на мое имя нефтяную скважину, — сказал Брэд. — Но потом оказалось, что скважина эта сухая. — И Брэд громко расхохотался.

Бойлан вежливо улыбнулся:

— Важен не сам подарок, а проявленное внимание.

— Может быть, может быть, но только не в Оклахоме, — сказал Брэд.

— Рудольф,— и Бойлан снова повернулся к своему молодому другу.— Я собирался обсудить с тобой в спокойной обстановке, за обедом, кое-какие небезынтересные для тебя вещи, но поскольку ты так сильно торопишься — а я вполне понимаю, что в такой вечер, как этот, тебе побыстрее хочется оказаться среди ровесников,— я хотел бы тебя попросить, чтобы ты уделил мне две-три минуты своего времени прямо сейчас...

— Если хотите,— вмешался в разговор Брэд,— я пойду прогуляюсь на свежем воздухе.

— *Очень деликатно с вашей стороны, мистер Найт,— вежливо проговорил Бойлан, хотя и не пытался скрыть насмешку в голосе,— но нам с Рудольфом скрывать от вас нечего. Не так ли, Рудольф?*

— Не знаю,— настороженно ответил Рудольф: он не собирался попасться в ловушку, в которую, как он не сомневался, пытается заманить его Бойлан.

— А теперь послушай, о чем я хотел тебе сказать,— заговорил деловым тоном Бойлан.— Я купил тебе билет на «Куин Мэри»* — туда и обратно. Отплытие — через две недели, так что у тебя достаточно времени и для того, чтобы повидаться с друзьями, и для оформления паспорта, и для приготовления к путешествию. Я набросал для тебя список мест, в которых тебе стоило бы побывать, когда приплывешь в Европу: Лондон, Париж, Рим, ну и так далее — обычный набор. В Европе ты сможешь как бы завершить свое образование, придать ему дополнительный лоск, ибо настоящее образование человек получает уже *после* окончания колледжа. Не правда ли, мистер Найт?

— Я не смогу поехать,— плоским голосом произнес Рудольф и поставил бокал на стол.

— В каком смысле не сможешь? — искренне удивился Бойлан.— Ты ведь уѣхал мне прожужжал о том, как тебе хочется побывать в Европе.

— Поеду, когда заработаю достаточно денег,— буркнул Рудольф.

— Ах, вот оно в чем дело! — снисходительно усмехнулся Бойлан.— Ты, видно, не так меня понял. Это подарок. Путешествие пойдет тебе только на пользу. Поможет избавиться — уж извини меня за эти слова — от некоторого налета провинциализма. А в августе, может быть, и я присоединюсь к тебе — скажем, где-нибудь на юге Франции.

* «Куин Мэри» — английский трансатлантический лайнер — самое крупное пассажирское судно в истории кораблестроения; спущен на воду в 1934 г. и использовался до 1964 г. В 1967 г. продан американскому консорциуму и в настоящее время стоит на приколе в городе Лонг-Бич, штат Калифорния; служит в качестве плавучего музея и гостиницы.

— Спасибо, Тедди, но нет,— твердо произнес Рудольф.— Я не могу.

— Как знаешь,— пожал плечами Бойлан.— Нужна известная мудрость, чтобы понимать, когда можно отказываться от подарка, а когда лучше принимать его. Даже если это и сухая скважина.— (Кивок в сторону Брэда.) — Разумеется, если ты будешь занят чем-то другим в это время...

— Да, буду,— ответил Рудольф. «Сейчас начнется»,— подумал он и весь внутренне сжался.

— А могу ли я поинтересоваться, чем именно? — И Бойлан налил себе шампанского, на сей раз пренебрегши двумя другими бокалами.

— С завтрашнего дня я приступаю к работе у Колдервуда,— ответил Рудольф.— Имеется в виду, я буду работать у него на полной ставке.

— Бедный мальчик,— сочувственно произнес Бойлан.— Представить только, до чего веселенькое лето тебя ожидает. Честно говоря, меня удивляют твои вкусы. Тебе, надо полагать, больше нравится продавать кастрюли и сковородки каким-то несчастным домохозяйкам в забытой Богом дыре, чем отдыхать на юге прекрасной Франции. Что ж, ты сам делаешь выбор, и будем надеяться, у тебя есть для этого достаточные основания. Ну, а потом, когда закончится лето,— ты уже решил, чем займешься? Будешь поступать в университет на юридическое отделение, как я тебе советую, или попробуешь сдать экзамены в Институт дипломатической службы?

Вот уже больше года Бойлан убеждал Рудольфа выбрать одну из этих профессий, ясно давая понять, что сам отдает предпочтение юриспруденции. «Молодому человеку без средств, но с твоими способностями и умом,— писал он Рудольфу,— профессия юриста открывает самую широкую дорогу к успеху и власти. Америка — страна адвокатов. Сейчас компаниям уже невозможно обходиться без хорошего, квалифицированного юриста, и зачастую он поднимается до ключевого положения в компании или даже становится ее управляющим. Мы живем в непростое время, с каждым днем становящееся все более сложным, и юрист, хороший юрист, оказывается единственным надежным проводником, который может вывести нас из лабиринта всех этих сложностей, за что общество щедро вознаграждает его. Это относится и к политике. Ты только посмотри, каков процент юристов в сенате. Почему бы и тебе не выбрать карьеру юриста с ее блестящими перспективами? Видит Бог — стране нужны такие люди, как ты, люди честные и способные, и именно они должны занимать достойное место на Капитолийском холме вместо всех этих жалких клоунов, которые заседают в конгрессе в настоящее время.

Дипломатическая служба — тоже вполне достойный вариант. Хотим мы этого или не хотим, но мы, американцы, сегодня правим всем миром или, во всяком случае, призваны это делать. Поэтому на те посты, занимая которые человек получает возможность оказывать столь огромное влияние как на наши судьбы, так и на судьбы наших друзей и врагов, мы должны ставить наших лучших людей».

Да, ничего не скажешь, Бойлан — большой патриот. Лишившись возможности влиять «как на наши судьбы, так и на судьбы наших друзей и врагов» (то ли из-за лени, то ли из-за нежелания марать руки), он все же не потерял интереса к общественно-политической жизни и имел по многим вопросам достаточно определенные взгляды. Единственный человек в Вашингтоне, о котором Бойлан в разговорах с Рудольфом упоминал с уважением, был Джеймс Форрестол, министр военно-морских сил США. «Я бы не мог тебе дать лучшего совета,— писал Бойлан далее в письме,— даже если бы ты был моим собственным сыном. Может быть, услуги, оказываемые обществу дипломатами, оплачиваются и менее щедро, чем услуги юристов, зато ты вел бы жизнь настоящего джентльмена в обществе джентльменов, и все мы имели бы основания испытывать за тебя гордость. Положение дипломата дало бы тебе возможность, кроме всего прочего, сделать выгодную партию, и тебя могли бы назначить послом. Я готов оказывать тебе всяческое содействие, и буду делать это с радостью. Лучшей наградой для меня было бы получаемое от тебя время от времени приглашение на ленч в посольстве, а также сознание того, что и я сыграл какую-то, пусть и ничтожную, роль в твоём продвижении к успеху».

Вспомнив все это, а также тот взгляд, который Колдервуд бросил на фотографию своих дочерей, Рудольф тоскливо подумал, что, оказывается, все нуждаются в сыне или по крайней мере в том, кто бы мог его заменить, и представляют его только таким, каким хотят его видеть, и никаким иным.

— Я жду, Рудольф,— тем временем говорил Бойлан.— Ты не ответил на мой вопрос. Какую из двух возможностей ты выбираешь?

— Ни ту, ни другую,— ответил Рудольф.— Я пообещал Колдервуду оставаться в его магазине по меньшей мере один год.

— Вот как,— деревянным голосом проговорил Бойлан.— Не высоко же ты метишь.

— Почему же, напротив,— возразил Рудольф.— Но я хочу добиться всего своими собственными руками.

— Что ж, придется отменить заказ на билет до Европы,— холодно проговорил Бойлан.— Больше не смею тебя задерживать, тем более, что тебя ждут друзья. Рад был с вами познакомиться,

мистер Найт. Если вам случится снова выбраться из Оклахомы, вы всегда можете ко мне приехать вместе с Рудольфом. — Допив свое шампанское, он вышел из гостиной — загорелый блондин в безупречно сидящем на нем пиджаке, с ярким шелковым шарфом вокруг шеи.

— Ну и ну... — покачал головой Брэд. — Какая муха его укусила?

— Дело в том, что он когда-то встречался с моей сестрой, — ответил Рудольф, направляясь к двери.

— Бр-р-р, до чего холодный субъект, — и Брэд передернул плечами.

— Тут ты сильно ошибаешься, — отозвался Рудольф. — Как раз все наоборот. Ладно, уходим отсюда.

Когда они проезжали через ворота, Брэд, не проронивший ни слова с тех пор, как они покинули дом, наконец заговорил:

— У твоего Бойлана какие-то ненормальные глаза. Неестественные, что ли. Вот только не пойму почему. Впечатление, будто кожа у него вокруг глаз... как бы это лучше выразиться? — и он запнулся, подыскивая нужное слово. — Как будто она застегнута на молнию. Ну да, точно: могу об заклад побиться — он недавно сделал пластическую операцию на лице.

«Верно, — подумал Рудольф. — Это все объясняет. И отсыпание на юге здесь совсем ни при чем».

— Скорее всего, ты прав, — произнес он вслух. — От Тедди Бойлана можно ожидать чего угодно.

«Кто они такие, все эти люди?» — спрашивала она у себя, глядя на лица гостей.

— Выпивка на кухне, — приветливо сказала она новой паре, только что вошедшей в широко распахнутую дверь.

Вот придет Уилли, и она узнает, как кого зовут. Он пошел за льдом в ближайший бар на углу. У них никогда не возникало проблем ни с шотландским виски, ни с бурбоном, ни с джином, ни с красным вином, которое они держали в двухлитровых кувшинах, а вот льда у них всегда не хватало.

В комнату набилось уже человек тридцать, не меньше, причем половины из них она никогда раньше не видела, а гости всё продолжали прибывать. Сколько их еще будет, она не ведала. Иногда у нее появлялось ощущение, что Уилли приглашает всех, кто только попадает к нему на улице по дороге домой. На кухне ей помогала Мэри-Джейн, исполнявшая роль барменши. Мэри-Джейн недавно рассталась со вторым мужем и до сих пор хандрила, так что ее нужно было приглашать на все вечеринки, а также другие увеселения. Испытывая благодарность за то, что ее жа-

леют, она старалась всячески всем угождать, разнося напитки, моя стаканы, освобождая пепельницы от окурков и провожая домой задержавшихся гостей, у которых не было провожатых. Без помощниц, подобных Мэри-Джейн, просто не обойдешься на вечеринках, особенно таких многолюдных, как эта.

Гретхен поморщилась, увидев, как один из гостей, похожий на ковбоя из вестерна, стряхивает пепел на пол, а затем бросает на ковер окурок и гасит его, раздавливая каблук. Комната выглядела такой хорошенькой, когда они с Уилли были дома одни, — нежно-розовые стены, ровные ряды книг на полках, накрахмаленные занавески на окнах, безупречно чистая циновка перед камином, пышно взбитые подушечки на диване, выскобленное до блеска дерево.

У нее было такое впечатление, что Рудольф чувствует себя не в своей тарелке на устроенной в его честь вечеринке, хотя он никак этого и не проявлял. Как и всегда в тех случаях, когда он оказывался в одной комнате с Джонни Хитом, они, забившись в угол гостиной, о чем-то увлеченно беседовали. Говорил, главным образом, Джонни, а Рудольф его слушал. Хотя Джонни Хиту было где-то около двадцати пяти лет, он уже стал партнером в одной из брокерских контор на Уолл-стрит и, по слухам, сумел сколотить себе целое состояние на бирже. Это был очень приятный, вежливый молодой человек, скромный на вид, консервативно одетый, с умными, живыми глазами. Гретхен знала, что Рудольф иногда приезжал в Нью-Йорк специально для того, чтобы пообедать в каком-нибудь ресторане с Джонни или сходить с ним на бейсбол. Когда бы ей ни доводилось случайно услышать их разговор, они беседовали об одном и том же — о биржевых сделках, слиянии фирм, создании новых компаний, прибыли, налоговом прикрытии и тому подобных вещах, ужасно скучных для Гретхен, но, судя по всему, бесконечно интересных для Рудольфа, хотя он и не имел отношения ни к биржам, ни к слиянию с фирмами, ни к любого вида компаниям.

Однажды, когда она спросила у Рудольфа, почему из всех ее гостей он выбирал для бесед только Джонни, брат, взглянув на нее своими серьезными глазами, ответил:

— Он единственный из твоих друзей, у кого можно научиться хоть чему-то полезному.

Да-а, она не всегда до конца понимала своего брата. Но сегодня ей хотелось сделать *все* для того, чтобы вечеринка, устроенная в его честь, ему пришлась по душе, и Уилли в этом ее всецело поддерживал. Однако почему-то, как бы независимо от ее воли, вечеринка пошла по своему обычному руслу. Так получалось всегда, независимо от того, кто к ним приходил: гости — разные, вечеринки — одни и те же. Кто только ни перебивал у них на ве-

черинках: актеры; актрисы; молодые режиссеры; журналисты; манекенщицы; девушки, работающие на издательскую компанию «Тайм»; режиссеры-постановщики с радио; какие-то обидчивые люди из рекламных агентств; недавно разведенные женщины вроде Мэри-Джейн, рассказывающие всем, что их бывшие мужья — гомосексуалисты; преподаватели из Нью-Йоркского или Колумбийского университета, утверждающие, что они пишут романы; подозрительные молодые люди с Уолл-стрит; эффективные, сексапильные секретарши, после третьей рюмки начинавшие флиртовать с Уилли; бывший пилот, однополчанин Уилли, донимавший Гретхен рассказами о Лондоне; чей-то муж, не получавший удовольствия от своей жены и пытавшийся ухаживать за Гретхен, но под конец вечеринки неизменно выскальзывавший вместе с Мэри-Джейн.

Да, состав гостей менялся, но разговоры велись одни и те же. Спорили о России, об Элджере Хиссе*, о сенаторе Джо Маккарти**; юные интеллектуалки с челками превозносили Троцкого... («Выпивка на кухне», — приветливо сказала Гретхен новой паре, только что вошедшей в дверь: на обоих был свежий загар, говоривший о том, что они весь день провели на пляже)... Кто-то из гостей недавно открыл для себя Кьеркегора или имел счастье разговаривать с самим Сартром, и ему не терпелось рассказать об этом другим. Еще один гость только что приехал из Израиля (или из Танжера?) и тоже непременно хотел поделиться со всеми своими впечатлениями. Сюда приходили, в основном, привлекательные, образованные молодые люди, у которых водились деньги, позволявшие им хорошо одеваться, приглашать друг друга в бары и рестораны или останавливаться в дорогих гостиницах в курортных городах в разгар сезона. Именно о таком круге друзей мечтала юная Гретхен, когда жила в тихом Порт-Филипе. Если бы все эти вечеринки устраивались раз в месяц, то это еще куда ни шло. Пусть даже два раза в месяц, лишь бы гости не роняли пепел на ковер. Но она жила в окружении этих людей уже целых пять лет. Постоянные возлияния на кухне. Бесконечная, непрерывная вечеринка.

Предоставив гостей самим себе, Гретхен вышла на лестничную площадку и поднялась в комнату под крышей, где спал Билли. После появления на свет сына они с Уилли переехали в особняк

* Элджер Хисс (р. 1904) — американский государственный деятель и дипломат, активный соратник президента Ф. Д. Рузвельта.

** Джоозеф Реймонд Маккарти (1908 — 1957) — американский политический деятель, сенатор, лидер наиболее реакционных сил США начала 50-х гг., инициатор гонений на многих прогрессивных деятелей страны. Маккартизмом стали называть политический экстремизм, нетерпимость к инакомыслию, «охоту на ведьм».

на 12-й Западной улице, сняв там верхний этаж. Чердачное помещение они переоборудовали в детскую, сделав в крыше фонарное окно. Кроме кровати Билли и его игрушек, в комнате стоял большой стол, за которым работала Гретхен. Стол был завален книгами и газетами, центральное место на нем занимала пишущая машинка. Ей нравилось работать рядом с маленьким Билли, а стук пишущей машинки его вовсе не беспокоил — напротив, служил своего рода механической колыбельной, под которую он удивительно быстро засыпал. Дитя индустриального века, убаюкиваемое стрекотом «ремингтона».

Она включила настольную лампу. Оказалось, Билли еще не спит. Он лежал в своей кровати в пижаме, рядом с тряпичным жирафом на подушке, и плавно водил руками над головой, словно выписывал узоры в сигаретном дыму, поднимавшемся сюда снизу. Гретхен не запрещала гостям курить — не станешь же им говорить, что дым от их сигарет может не понравиться ее четырехлетнему сыну этажом выше — и поэтому чувствовала себя виноватой перед ним. Она подошла к кровати, нагнулась и поцеловала его в лоб. От малыша исходил запах душистого мыла и сладкий аромат детской кожи.

— Когда я стану большим,— доверительно сообщил ей Билли,— я не буду звать людей в гости.

«В таком случае ты пошел не в отца,— подумала Гретхен,— хоть и точная его копия». И в самом деле: такие же светло-каштановые волосы, на щеках те же ямочки. Ничего от породы Джордахов. По крайней мере, пока что. С другой стороны... И она подумала о Томасе, который в детстве выглядел примерно таким же.

— Засыпай, Билли.— Гретхен склонилась над кроватью и снова поцеловала сына. Потом отошла в другой конец комнаты и села за письменный стол. Как здорово не слышать вокруг себя всей этой бесконечной болтовни! Она не сомневалась: никто внизу даже не заметил ее ухода. Отсутствуй она хоть всю ночь, ее все равно никто не хватится, разве что Уилли. Она взяла в руки учебное пособие «Основы психологии» и принялась рассеянно его перелистывать. Целые две страницы пособия были посвящены описанию пятен, используемых в тестах Роршаха*. Дескать, познай себя и врага своего. Не так давно она поступила на вечерние курсы при Нью-Йоркском университете. Если ей хватит выдержки их не бросить, то через два года она получит специаль-

* *Тест Роршаха* — психодиагностический тест, созданный швейцарским психиатром и психологом *Германом Роршахом* (1884 – 1922); согласно этому тесту, тип личности человека, его интеллект и эмоциональная стабильность устанавливаются с помощью особых пятен на бумаге, имеющих различную форму и взаиморасположение, которые должен интерпретировать исследуемый субъект.

ный диплом. Ее подвигло на посещение курсов сознание своей неполноценности в обществе образованных друзей Уилли, да и при общении с ним самим. Кроме того, ей нравилась неторопливая атмосфера, царившая в учебных аудиториях университета, нравилось находиться среди людей, которые не участвуют в бешеной гонке за деньгами, высоким положением или громкой славой.

После рождения сына ей пришлось уйти из театра. «Театр будет потом,— говорила она себе,— когда Билли подрастет и не будет нуждаться во мне целый день». Но теперь она уже знала, что играть больше никогда не будет. Невелика потеря. Она начала искать работу, которой можно было бы заниматься на дому, и вопрос решился неожиданно просто. Она стала помогать Уилли писать рецензии на радиопередачи, а позднее и на телепрограммы, особенно в тех случаях, когда ему надоедало это занятие или он был занят чем-то другим или же страдал от похмелья. Поначалу он ставил под ее опусами свою подпись, но когда в редакции журнала ему предложили административную работу со значительным повышением зарплаты, она стала подписывать рецензии своим именем. Редактор как-то признался ей — так чтобы никто не слышал,— что она пишет намного лучше, чем Уилли, но к тому времени у нее у самой уже не оставалось ни малейших иллюзий насчет литературных талантов мужа: однажды, разбирая старые вещи в сундуке, она наткнулась на рукопись первого акта его пьесы. Господи, до чего же убого! То, что казалось смешным и талантливым в устной речи Уилли, на бумаге превращалось в сплошные банальности. Конечно, она не высказывала ему своего мнения о его сочинениях и не признавалась в том, что читала пьесу, но, когда ему сделали предложение заняться административной работой в редакции, убедила его не отказываться.

Она глянула на лист желтоватой бумаги, вставленный в машинку. Сверху карандашом был написан пробный вариант заголовка статьи — «Песнь коммерсанта». Гретхен окинула страницу беглым взглядом. «Нашей простодушной доверчивостью,— писала она,— свойственной, как принято считать, всем без исключения американцам, коммерсанты пользовались во все времена, но сейчас они делают это с особенной беззастенчивостью, предлагая нам — а, вернее сказать, навязывая — товары далеко не самого лучшего качества; товары, нам не нужные, а зачастую и опасные для нас. Нам продают суповые наборы, оболыстительно улыбаясь; консервы для завтрака — многозначительно подмигивая; автомашины — цитируя «Гамлета»; слабительное — умалчивая последствия...»

Гретхен нахмурилась. Не то. К тому же какой от этого толк? Кто ее будет слушать, а тем более что-то менять? Ведь все аме-

риканцы уверены, что покупают именно то, в чем нуждаются. Ее гости, развлекающиеся этажом ниже, в своем большинстве процветают именно за счет того, что их хозяйка, сбежавшая от них на чердак, с таким пылом бичует в своей статье. Да и выпивка, которой она их угощает, куплена за деньги, заработанные одним из тех, кто поет «песнь коммерсанта»,— ее дорогим Уилли. Она рывком выхватила лист из машинки и, скомкав, бросила в корзину для бумаг. Все равно эту статью не напечатает. Уилли *первый* позаботится об этом.

Она вновь подошла к кровати Билли. Он крепко спал, прижимая к себе жирафа. Чудо жизни, невинное, доверчивое существо. «Что тебе предстоит покупать, а что продавать, когда станешь взрослым? Какие невзгоды ждут тебя впереди? Какие ошибки? И поможет ли тебе моя любовь?» — думала Гретхен, глядя на сына.

На лестнице послышались шаги, и она поспешно склонилась к ребенку, делая вид, что поправляет ему одеяло. На пороге появился Уилли, поставщик льда для напитков.

— А я уже начинал беспокоиться — тебя нет и нет. Что случилось?

— Просто пытаюсь опомниться после этого бедлама,— ответила Гретхен.

— Ну что ты такое говоришь, Гретхен,— с укоризной произнес он. От выпитого он разругался, на верхней губе выступили капельки пота. Он начинал заметно лысеть, и его лоб еще больше был похож на бетховенский; в то же время он по-прежнему оставался по-юношески моложавым на вид.— Они ведь и твои друзья, не только мои.

— Никакие они не друзья,— досадливо проговорила Гретхен.— Просто любят выпить на дармовщину, вот тебе и вся дружба.

У нее было стервозное настроение. Вызванное статьей раздражение явилось своего рода квинтэссенцией накопившейся в ней неудовлетворенности, которая и заставила ее уединиться на чердаке. И внезапно ей стало неприятно, что ее сын так похож на Уилли. «Я ведь тоже имею отношение к его появлению на свет!» — хотелось ей крикнуть.

— И что же, по-твоему, я должен делать? — спросил Уилли.— Сказать им, чтобы расходились по домам?

— Да! Скажи им — пусть убираются отсюда!

— Ты же сама понимаешь, что это исключено,— увещевал ее Уилли.— Прошу тебя, возвращайся к гостям, дорогая. Иначе они начнут думать Бог знает что.

— Можешь им сказать, что у меня возникла неодолимая потребность покормить сына грудью. Известны племена, в которых матери кормят грудью детей аж до семилетнего возраста.

Ведь у тебя такие эрудированные друзья. Посмотрим, знают ли они и об этом факте.

— Ласточка...— он подошел к Гретхен и обнял ее: на нее пахнуло запахом джина.— Сбавь обороты, прошу тебя. Ты стала ужасно нервной.

— Ах, вот как. Оказывается, ты все-таки это заметил.

— Разумеется, заметил.— Он поцеловал ее в щеку. «Мертвый поцелуй»,— подумала Гретхен: уже две недели как у них ничего не было.— Я знаю, в чем тут причина. Слишком много ты на себя взвалила последнее время — у тебя и ребенок, и работа, и еще эти курсы...— (Уилли постоянно уговаривал ее отказаться от занятий в университете. «Ну зачем тебе эти курсы? — спрашивал он ее.— Ты и так самая умная девушка в Нью-Йорке.»)

— А мне кажется, я еще недостаточно на себя взвалила,— ответила она.— Если я и спущусь к твоим драгоценным друзьям, то лишь для того, чтобы найти среди них подходящую кандидатуру на роль любовника. Это успокоит мне нервы.

Уилли выпустил ее из своих объятий и отступил от нее.

— Очень остроумно,— проговорил он холодно.— Ха-ха-ха.

— Ладно, вперед! Нас ждут великие дела! — она тяжело вздохнула и, погасив настольную лампу, произнесла, передразнивая саму себя: — *Выпивка на кухне, проходите, пожалуйста.*

Он приблизился к ней в темноте и, схватив ее за локоть, спросил:

— Ну что я тебе такого сделал?

— Ничего,— тусклым голосом ответила она.— Итак, гостеприимные хозяева вновь возвращаются к своим дорогим гостям — цветку той изысканной публики, что живет на 12-й Западной улице.

Она выдернула руку из тисков его пальцев и вышла из комнаты. Через минуту вслед за ней спустился и Уилли. Он задерживался, чтобы запечатлеть на лбу сына пропитанный мартини поцелуй.

Войдя в гостиную, Гретхен увидела, что Рудольф уже расстался с Джонни Хитом и, стоя в том же углу, поглощен беседой с Джули. Очевидно, она приехала за время отсутствия Гретхен. Друг Рудольфа, этот оклахомский Бэббит*, до неприличия громко смеялся над какой-то шуткой одной из смазливеньких секретарш. На Джули было черное платье из мягкого бархата, волосы уложены в высокую прическу. «Я постоянно сама с собой борюсь,— призналась она как-то Гретхен,— пытаюсь подавить в себе провинциальную, застенчивую школьницу». Сегодня это ей хорошо удавалось. Пожалуй, даже чересчур. Она выглядела слишком самоуверенной для такой юной девушки. Гретхен была уверена, что у Джули и Рудольфа так ничего и не было. Подумать только —

* *Бэббит* — средний американский буржуа, обыватель (по имени героя одноименного романа Синклера Льюиса).

целых пять лет! Противоестественно — иначе это и не назовешь. Что-то с ней не в порядке, с этой девушкой. А, может быть, с Рудольфом? Хотя, скорее, с обоими.

Гретхен помахала Рудольфу, стараясь привлечь его внимание, но тот ее не видел. Она стала пробираться к нему, но ее остановил руководитель одного из рекламных агентств, слишком изысканно одетый и слишком безукоризненно подстриженный, чтобы выглядеть натурально.

— Позвольте вас поздравить, наша очаровательная хозяйка, — сказал он, своей манерностью и гибкой худощавостью фигуры напоминая английского актера (его звали Алек Листер; он начал свою карьеру посыльным в радиоконпании Си-би-эс, но это было Бог знает когда), — с божественно удавшейся вечеринкой.

— Интересно, можно ли вас причислить к подходящим кандидатурам? — пристально глядя на него, пробормотала Гретхен.

— Что, что? — Листер недоумевал, он нервно перенес бокал из одной руки в другую. Он не привык к сбивающим с толку вопросам.

— Не обращайтесь на меня внимания, — ответила Гретхен. — Просто кое-что вспомнилось — ассоциативное мышление, так сказать. Я рада, что вам нравится собранный мной зверинец.

— Очень даже нравится — и он одобрительно обвел глазами присутствующих. — А еще могу вам признаться, что мне нравятся ваши статьи в журнале.

— Вы мне льстите, — сказала она. — Еще немного таких похвал, и я возомню себя кем-то вроде Сэмюэла Тейлора Колриджа*, воскресшего специально для того, чтобы писать для радио и телевидения.

Листер принадлежал к числу тех гостей, которые легко обижаются, поэтому иронии не понимал, а если и понимал, то воспринимал крайне болезненно. Но у Гретхен было кровожадное настроение, и ей хотелось снять как можно больше скальпов сегодня.

— О чем это вы? — и он с озадаченным видом взглянул на нее: его ставили в тупик уже второй раз за последние полминуты, и он начинал хмурить брови. — А-а-а, ну да, понимаю. — (Лучше бы он не понимал, ибо лицо его тут же приобрело оскорбленное выражение.) — Если мне будет позволено высказать свое личное мнение, Гретхен, — произнес он, прекрасно зная, что в любом доме между Уолл-стрит и Шестидесятой улицей он может высказывать какие угодно мнения, — то, несмотря на тот факт, что ваши статьи действительно великолепны, я все-таки назвал бы их чересчур... как бы помягче выразиться... че-

* Сэмюэл Тейлор Колридж (1772 — 1834) — английский поэт и литературный критик.

ресчур жалящими, что ли. Так, по крайней мере, мне кажется. В них скрыта какая-то враждебность. Я признаю — это и делает их столь интересными, но чувствуется, что их автор не согласен (пардон — не согласна) с существующим порядком вещей...

— Вот как, вы заметили это? — невозмутимо проговорила она.

Он смотрел ей прямо в глаза. Вся показная сердечность в интонациях его голоса исчезла, а его чиновничье лицо приобрело ледяное, безжалостное выражение, заменив за долю секунды доброжелательное выражение привыкшего бывать в светском обществе и терпимого к каким угодно мнениям английского актера.

— Да, заметил,— ответил он.— И не один только я. В наши дни, когда действия почти каждого гражданина страны подвергаются расследованию и рекламодатели вынуждены быть чертовски осторожными, чтобы не заплатить деньги тем, чьи взгляды и мнения могут оказаться неприемлемыми...

— Вы что, предостерегаете меня? — спросила напрямик Гретхен.

— В некотором смысле, да,— ответил он.— И то, считайте, по дружбе.

— Я вам *чрезвычайно* признательна, дорогуша,— легко коснувшись его руки и сладко улыбаясь, произнесла Гретхен.— Но, боюсь, вы слегка опоздали с вашим предупреждением. Я ведь красная. Я убежденная, воинствующая коммунистка, работающая на Москву и нанятая специально для того, чтобы уничтожить радиовещательную корпорацию Эн-би-си, сравнять с землей киностудию «Метро-Голдвин-Майер» и разорить компанию «Ролстон», чтобы она больше не кормила сухими завтраками всю Америку.

— Не обращай на нее внимания, Алек,— она сегодня со всеми колючая.— Рядом с ней стоял Уилли; он крепко сжимал ей руку повыше локтя.— Ей кажется, что сегодня Хэллоуин* и всех надо пугать. Пойдем на кухню и выпьем чего-нибудь покрепче.

— Спасибо, Уилли,— ответил Листер,— но боюсь, мне пора уходить. Меня ждут еще на двух вечеринках — я обещал им, что буду.— Он легко коснулся губами щеки Гретхен и сказал: — Доброй ночи, дорогая. Надеюсь, вы не забудете моих слов.

— Как же, ваши слова будут высечены на мраморе,— ответила она.

Листер повернулся и, глядя прямо перед собой рыбьими, безжизненными глазами, с ничего не выражающим лицом, двинулся к выходу, поставив недопитый стакан на книжную этажерку, где от него обязательно останется белое пятно.

* Хэллоуин — 31 октября, канун Дня всех святых, когда дети ходят по домам и, пугая своими страшными масками и маскарадными костюмами, просят сладости и другие подарки.

— В чем дело? — тихо спросил Уилли. — Ты *настолько* ненавидишь деньги, чтобы ссориться с такими людьми?

— Я ненавижу *его*.

Гретхен отошла от Уилли и, сияя улыбкой, стала проталкиваться через гущу гостей к тому месту, где стояли разговаривая Рудольф и Джули. Говорили они приглушенными голосами, почти шепотом. Чувствовалось, что разговор у них не ладится, и от этого вокруг них словно выросла невидимая стена, отделяющая их от веселящихся и непринужденно беседующих гостей. Джули, казалось, вот-вот расплачется, а у Рудольфа был хмурый, упрямый вид.

— Но это ужасно, — говорила Джули. — Это просто ужасно.

— Какая ты сегодня красивая, Джули, — прервала их разговор Гретхен. — Прямо-таки роковая женщина.

— Я чувствую себя не роковой, а несчастной женщиной, — дрожащим голосом отозвалась Джули.

— А в чем, собственно, дело? — спросила Гретхен.

— Пусть он *сам* лучше скажет, — ответила Джули.

— Как-нибудь в другой раз, — почти не разжимая губ, проговорил Рудольф. — В конце концов, мы собрались сюда веселиться.

— Он хочет постоянно работать у Колдервуда, — сказала Джули. — Начиная с завтрашнего утра.

— Ничто в мире не постоянно, — пробормотал Рудольф.

— Застрянет на всю жизнь за прилавком, — продолжала Джули, — да еще в такой жуткой дыре. Ты разве для этого оканчивал колледж?!

— Я тебе уже говорил, — терпеливо объяснял ей Рудольф, — что нигде застревать не собираюсь, — ни за прилавком, ни в Уитби, ни в каком-либо другом месте.

— Но это еще не все, — кипятилась Джули. — Ну, что же ты не скажешь ей остального?

— А что, есть еще и остальное? — саркастически спросила Гретхен. Ее тоже разочаровал выбор Рудольфа, не сулящий ему ни блестящего будущего, ни славы. Но в этом была и своя положительная сторона — во всяком случае, для нее: работая у Колдервуда, он будет продолжать заботиться о матери, и этот груз не ляжет на ее плечи или на плечи Уилли. Она невольно почувствовала облегчение, и ей было стыдно за это.

— Мне предложили съездить на все лето в Европу, — ровным голосом проговорил Рудольф. — В качестве подарка.

— Кто предложил? — спросила Гретхен, хотя прекрасно знала ответ.

— Тедди Бойлан.

— Я тоже могла бы поехать — родители бы разрешили, я знаю! — воскликнула Джули. — Это было бы самое чудесное лето во всей нашей жизни.

— У меня *нет* времени на самое чудесное лето в нашей жизни,— язвительно заявил Рудольф.

— Поговори с ним, прошу тебя, Гретхен! — умоляюще произнесла Джули.

— Руди,— сказала Гретхен.— Разве тебе не кажется, что ты заслужил право хоть немного развеяться после четырех лет без отдыха?

— Никуда она от меня не денется, эта Европа,— с упрямым видом проговорил Рудольф.— Я поеду туда, когда буду готов для этого.

— Представляю, как обрадовался Тедди, когда ты отверг его подарок,— пробормотала Гретхен.

— Ничего, как-нибудь переживет.

— Мне бы кто-нибудь предложил съездить в Европу! — мечтательно произнесла Гретхен.— Я бы полетела туда как на крыльях..

— Гретхен, ты не глянешь, в чем там дело? — обратился к ней какой-то молодой человек.— Мы хотели включить проигрыватель, но он ни кует ни мелет. Такое впечатление, что ему капут.

— Мы еще побеседуем потом,— сказала она Рудольфу и Джули.— Что-нибудь да придумаем.— И она отошла с молодым человеком.

Подойдя к проигрывателю, она нагнулась и, проведя по стене, проверила, включена ли штепсельная вилка. Так и есть, вилка была вынута. Чернокожая служанка, которая приходила к ним убирать, всегда вынимала вилку проигрывателя, прежде чем включать пылесос, и никогда не втыкала его на место. На простоты Гретхен она неизменно отвечала: «Я не могу лишний раз наклоняться».

Проигрыватель, судя по исходящему от него характерному гудящему звуку, нагрелся, и они включили музыку. Слушали первую пластинку из альбома «Южные моря». Детские голоса, такие трогательные и такие узнаваемо американские, звучавшие так, словно их доносило ветром откуда-то издалека, с воображаемого острова в теплых морях, старательно выводили французские слова песенки «*Dites-Moi*»*. Когда Гретхен глянула в ту сторону, где еще недавно стояли брат и Джули, их там уже не было. «Нет, больше в моей квартире никаких вечеринок не будет, а если и будет, то не чаще, чем единожды в год»,— решила она. Она прошла на кухню и попросила Мэри-Джейн налить ей неразбавленного шотландского виски.

Издали Мэри-Джейн, с ее длинными, рыжими (в данный момент) волосами, с ярко-голубыми тенями и наклеенными ресницами, могла сойти за красавицу, но вблизи это впечатление ми-

* «*Dites-Moi*» (фр.) — «Скажите мне».

гом рассеивалось. Но сейчас, на третьем часу вечеринки, в окружении стольких мужчин, которые чередой приходили к ней на кухню, где она была полной владичицей, и делали ей комплименты, она чувствовала себя королевой, глаза ее сияли, ярко накрашенные губы, влажные и соблазнительные, были полуоткрыты, и она то и дело восклицала охрипшим от виски голосом: «Что за вечеринка! Какой блеск!»

— Скажи, Гретхен, — проговорила Мэри-Джейн, налив ей виски, — этот мужчина... как его там зовут? Ну, тот, высокий, из рекламного агентства...

— Листер, — подсказала ей Гретхен. — Алек Листер. — Сделав глоток, она обвела глазами кухню и ужаснулась: какой кавардак! Но убирать сегодня она не будет — пусть все остается, как есть, — по крайней мере до утра.

— Так вот, — сказала Мэри-Джейн, — этот Алек Листер — просто *потрясающий* мужчина! У него есть кто-нибудь?

— Пришел он, во всяком случае, один.

— Какой он душка! — продолжала восторгаться Мэри-Джейн. — Он прямо обворожил меня, когда сюда заходил. О нем рассказывают самые жуткие вещи. Будто он избивает своих любовниц — мне об этом сказал Уилли, — и она восхищенно захихикала. — *Правда, это звучит возбуждающе?* Ты, случайно, не заметила, у него что-нибудь осталось в стакане? Представь себе: я внезапно возникаю подле него, неся кубок в руке, — некая Мэри-Джейн Хэккетт, его верный виночерпий.

— Он уже ушел — минут пять назад. — Сообщая ей это, Гретхен испытывала нечто вроде мстительного злорадства и в то же время задавала себе вопрос: а с какими это, интересно, женщинами Уилли был настолько близок, что они рассказывали ему о садистских наклонностях Алека Листера?

— Ну что ж, — философски заметила Мэри-Джейн, пожав плечами, — в море осталась еще и другая, пусть и не такая крупная, рыбка.

В кухню вошли двое молодых людей, и Мэри-Джейн, тряхнув длинными волосами, одарила их чарующей улыбкой и томно проговорила:

— Добро пожаловать, мальчики, — наш бар работает круглосуточно.

«Уж у нее-то, — и я уверена в этом на сто процентов, — подумала Гретхен, возвращаясь в гостиную, — никогда не бывает такого, чтобы целые две недели подряд она не занималась любовью. Так что и для разведенных жизнь не заканчивается».

Вечерний воздух был душист и мягок. Рудольф и Джули шли по темной улице по направлению к Пятой авеню. Они не держались за руки.

Там, на вечеринке, когда Гретхен отошла от них в другой конец комнаты, Рудольф сказал Джули:

— Здесь не место для серьезного разговора. Давай лучше выйдем.

Но на улице серьезного разговора тоже не получалось. Джули шла рядом с ним, но старалась не касаться его. Ноздри ее маленьком носа обиженно подрагивали, полные губы были до боли искусаны. «А, может быть, нам лучше расстаться? — думал Рудольф. — Прямо здесь и сейчас? Ведь бесконечно продолжаться это просто не может, и рано или поздно мы все равно расстанемся. Так пусть лучше раньше, чем позже». Но от одной только мысли о том, что он больше никогда ее не увидит, его охватывало отчаяние. И все же он упорно молчал. В войне, которая шла между ними, проиграет тот, кто первым нарушит молчание.

— Я знаю, у тебя в Уитби есть девушка, — сдалась, заговорив, Джули. — Поэтому ты и решил остаться в этом ужасном месте.

Он рассмеялся.

— Можешь сколько хочешь смеяться — меня все равно не обманешь. — В ее голосе было столько горечи, что Рудольф невольно подумал: не может быть, чтобы этот голос когда-то подпевал ему, и уж совсем невозможно, чтобы этот голос однажды произнес: «Я люблю тебя, Рудольф». — Тебя околдовала какая-нибудь кассирша или продавщица ниток или еще кто-нибудь в том же роде. Затащила к себе постель и не отпускает. Этим все и объясняется, в том числе твое поведение со мной.

Он снова рассмеялся, и в этом смехе звучала гордыня убежденного девственника.

— А если нет, то остается думать только одно: у тебя серьезные отклонения в психике, — безжалостно сказала она. — Мы с тобой встречаемся целых пять лет, но ты ни разу не попытался... полюбить меня... я имею в виду — полюбить в полном смысле, до конца.

— А меня и не приглашали, — парировал он.

— В таком случае, — сказала она, — можешь считать, что ты приглашен. Причем сегодня. Прямо сейчас. Мой номер — девятьсот двадцать три, гостиница «Сент-Мориц».

Ему не нравилось, что его соблазняют. В том, что она в порыве отчаяния готова отдаться ему, было что-то унижительное и уродливое. Да еще на какой-то измятой гостиничной постели.

— Нет, — сказал он.

— Значит, ты обманываешь меня, — проговорила она сдавленным голосом. — Или, того хуже, ты какой-то псих, извращенец.

— Я хочу на тебе жениться, — сказал он. — Мы можем пожениться уже на следующей неделе.

— Ах, вот как? А где же, интересно, мы проведем наш медовый месяц? — спросила она. — В отделе летней мебели универ-

мага Колдервуда, что ли? Ведь предлагая тебе свое белоснежное, непорочное тело, я не ставлю ни малейших условий,— насмешливо продолжала она.— Не связываю тебя никакими путами. Мне не нужно никаких свадеб. Я — свободная, эмансипированная, в меру сладострастная американская девушка! В игре, носящей название «сексуальная революция», я одержала победу с разгромным счетом десять ноль в мою пользу!

— Нет,— отрезал он.— И все это я уже слышал. Ты говоришь то же самое, что и моя сестра.

— Псих,— презрительно бросила она.— Ты хочешь заживо похоронить себя в этом жалком городишке, но тебе этого мало, а потому тебе непременно нужно похоронить и меня. Так получается? А ведь все эти годы я считала тебя таким необыкновенным, таким умным; мне казалось, тебя ждет блестящее будущее... Хорошо, я согласна выйти за тебя замуж. Хоть на следующей неделе. Но только при условии, что ты согласишься поехать в Европу, а осенью продолжишь учиться, поступив на юридический факультет. Или же, в крайнем случае, если ты уедешь из Уитби и подыщешь себе какое-нибудь место здесь, в Нью-Йорке,— раз уж тебе так не терпится работать. И мне не так уж важно, кем ты будешь работать,— но лишь бы здесь. Я тоже устроюсь на работу. Мне *хочется* работать. А что мне делать в Уитби? Целыми днями ломать себе голову над тем, какой передник надеть к твоему приходу с работы? Этого ты хочешь?

— Клянусь, что через каких-то пять лет ты будешь жить в Нью-Йорке — или в любом другом месте, где только захочешь.

— Да, ты клянешься...— грустно произнесла она.— Клясться — это проще всего. Но даже если ты и исполнишь свою клятву, я не собираюсь вычеркивать из своей жизни целых пять лет. Я вообще отказываюсь тебя понимать. Ну, объясни мне, ради всего святого,— зачем тебе все это нужно? И почему ты такой упертый?

— Да пойми ты,— убеждал ее Рудольф.— Начиная работать прямо сейчас, сразу же после колледжа, я выгадываю целых два года по сравнению со всеми своими ровесниками. Поверь мне, я знаю, что делаю. Колдервуд полностью мне доверяет. И у него меня ждут большие возможности. Универмаг — это просто стартовая площадка, так сказать исходная точка. Он даже сам не догадывается об этом, но я-то знаю! Я не хочу приезжать в Нью-Йорк в качестве только что вылупившегося птенца, свежее испеченного выпускника никою не известного колледжа. Таких туда приезжают тысячи. Я не хочу обивать всяческие пороги и часами простаивать в приемных, униженно держа перед собой шляпу, точно я нищий, пришедший за подающим. А когда наконец наступит нужное время и я решу приехать в Нью-Йорк, то поверь: меня

будут встречать с почетом — и у парадного входа. Я всю жизнь провел в бедности, а потому сделаю все, чтобы навсегда забыть, что такое бедность.

— Ты — порождение Бойлана,— с горечью проговорила Джули.— Он погубил тебя. Деньги!.. Неужели они для тебя столько значат? Неужели ты живешь ради одних только денег?

— Ты никогда ни в чем не нуждалась, и тебе меня не понять,— ответил он.

— Если даже и так, если деньги для тебя — самое главное в жизни,— продолжала она,— то, получив юридическое образование, ты смог бы...

— Я не могу столько ждать,— горячо сказал он.— Я и так слишком долго ждал. И я сыт по горло учебой. А понадобится мне юрист, я найму его.— (Эхо слов Колдервуда, этого расчетливого прагматика: *Миллионер просто берет и нанимает тех, у кого университетское образование.*) — Если поедешь со мной — прекрасно. Если же нет...— Но он не мог произнести этих слов.— Если же нет...— сбивчиво повторил он.— Ах, Джули, я не знаю, просто не знаю... У меня нет сомнений, что я выбрал правильный путь, и я уверен, что добьюсь успеха, а вот что касается тебя... я просто не знаю, что делать...

— Сколько раз я обманывала родителей, чтобы только быть рядом с тобой!..— Она начала судорожно всхлипывать.— Но ты уже не тот Рудольф, которого я полюбила. Ты — послушная марионетка в руках Бойлана. Я возвращаюсь в гостиницу. Нам больше не о чем говорить.

К этому времени они вышли на Пятую авеню, и безудержно рыдающая Джули махнула проезжавшему мимо такси, и, когда машина, завизжав тормозами, остановилась, она резким рывком открыла дверцу, вскочила внутрь, и дверца с треском захлопнулась.

Он стоял и смотрел вслед машине, пока она не растаяла в ночи. Затем повернулся и медленно побрел к дому сестры. Ночевать он будет у нее, а потому оставил там свою дорожную сумку. Как и всегда, Гретхен постелит ему на диване в гостиной. «Девятысот двадцать три»,— медленно повторил он номер, который ему назвала Джули.

Главным источником доходов Мэри-Джейн были выплачиваемые ей экс-мужьями алименты, и это позволяло ей жить, без преувеличения говоря, на широкую ногу. Рудольфу никогда еще не приходилось лежать на такой широкой и мягкой кровати, как у Мэри-Джейн в спальне.

Спальня мягко освещалась стоящей на туалетном столике лампой, и Мэри-Джейн настояла на том, чтобы свет оставался зажженным. Большая, вся в коврах комната, стены задрапиро-

ваны перламутрово-серым шелком, во всем убранстве чувствуется опытная рука дорогого декоратора. Тяжелые, темно-зеленые портьеры на окнах поглощают шум огромного города.

Все, что предшествовало их любовным утехам, проходило в гостиной — просторном, с высокими потолками, помещении, обставленном позолоченной мебелью, выполненной во французском стиле а ла «директория», и огромными, также украшенными позолотой, зеркалами, отражавшими их пылкие объятия в неральном, призрачном зазеркалье.

— Главное событие этой ночи состоится в моих спальнях, — прошептала Мэри-Джейн после очередного долгого поцелуя и без дальнейших слов повела его в спальню. — Через минуту буду готова.

Она сбросила с ног туфли и, почти не качаясь, величественно проследовала в ванную комнату, куда вела дверь из спальни. Вскоре оттуда послышался звук текущей воды и звяканье бутылок.

«Слишком уж это напоминает прием у врача, — подумал Рудольф без всякого энтузиазма. — Впечатление, что она готовится делать мне операцию аппендицита». Он некоторое время колебался, прежде чем начать раздеваться.

Когда Мэри-Джейн попросила Рудольфа проводить её после вечеринки домой — а было уже далеко за полночь, и почти все гости разошлись, — у него и в мыслях не было, что это может закончиться подобным образом. У него мутилось в голове после выпитого, и он никак не мог дожидаться, когда же уйдут последние гости и он наконец ляжет спать. Больше всего в ту минуту его волновало, перестанет ли кружиться голова, когда он уляжется спать на диване.

И вот теперь, чувствуя себя не в своей тарелке, он хотел было потихоньку выскользнуть из спальни и покинуть роскошные апартаменты Мэри-Джейн, но ее интуиция и немалый опыт подсказали ей, что самое время окликнуть его.

— Еще одна минута, и я выхожу, дорогой, — раздался из ванной ее жизнерадостный голос. — Устраивайся поудобнее.

И Рудольф стал раздеваться. Туфли он поставил рядышком под стул, а одежду аккуратно сложил на сиденье стула. Постель была уже разобрана на ночь (кружевные оборки на наволочках, светло-голубые простыни), и, раздевшись, он сразу же нырнул под одеяло, почувствовав, как по всему его телу пробежала нервная дрожь. Теперь он уже точно знал, что не постучится в гостиничную дверь с номером девятьсот двадцать три.

Он лежал, плотно закрыв глаза, одолеваемый одновременно и любопытством и страхом. «Рано или поздно, но я должен был через это пройти, — подумал он. — И, может быть, выпускной день — самый подходящий для этого день».

Оттого, что он закрыл глаза, ему стало казаться, что комната кренится и вращается каруселью, а кровать — качается, подчиняясь какому-то беспокойному ритму, словно привязанная к причалу лодка в ветреную погоду. Услышав, как открылась дверь ванной и Мэри-Джейн вошла в спальню, он открыл глаза, и его взору предстала высокая, обнаженная женщина с великолепным, гибким телом, с небольшими, но соблазнительно округлыми грудями, со стройными ногами и налитыми, прекрасной формы бедрами, еще не отяжеленными материнством и не тронутыми разгульной жизнью, которой она предавалась. Она стояла над ним и неотрывно смотрела на него из-под полуопущенных век, ветеран бесчисленных постельных битв, привыкшая подбирать оставших от своих частей солдат. На плечи ей ниспадали длинные, темно-рыжие волосы, кажущиеся почти черными в неярком свете настольной лампы.

Его эрекция была стремительной, внезапной и неукротимой — стройный пилон, нацеленный пушечный ствол. Он мог гордиться собой, и в то же время ему было ужасно стыдно, но прежде чем он успел попросить Мэри-Джейн выключить свет, она наклонилась и сдернула с него одеяло. Затем выпрямилась и воззрилась на открывшуюся перед ней картину. По губам ее пробежала мягкая улыбка.

— Вот он какой, братик моей подружки, — прошептала она, — прекрасный маленький братик.

Она мягко его коснулась, и он судорожно взметнулся всем телом.

— Лежи тихо! — велела она.

Ее руки пробежали по его напряженному естеству, словно мягкие, дрессированные зверьки. Легкие пушинки на булате. Его напружиненное тело непроизвольно подрагивало.

— Лежи тихо, сказала тебе! — отрывисто повторила она.

Но скоро все было закончено, постыдно скоро: ударила мощная, дугообразная струя, и из груди Рудольфа исторглись безудержные, конвульсивные рыдания. Она взобралась на кровать, опустилась рядом с ним на колени и поцеловала в губы. Запах ее волос, смешанный с запахом сигаретного дыма и ароматом духов, был настолько густым, что он почти задыхался.

— Извини, — пробормотал он, когда она оторвалась от его губ. — Я просто не мог контролировать...

Она засмеялась мягким, негромким смехом:

— Не надо извиняться. Я чувствую себя польщенной. Считаю это комплиментом.

Она грациозно скользнула в постель рядом с ним, натянула одеяло и прижала Рудольфа к себе. Ее согнутая нога, лежащая на его бедрах, казалась шелковистой на ощупь, оба чувствовали влагу на простыне в тех местах, куда пролилось его семя.

— Ни о чем не беспокойся, маленький братик. Все хорошо,— прошептала она и продела кончик языка ему в ухо. По его телу вновь пробежала конвульсивная дрожь, начиная от того места в ухе, где она двигала кончиком языка, и заканчивая пальцами ног, судорожно напрягшимися в надвигающейся волне наслаждения. Казалось, по его телу проносятся электрические разряды.— Вот увидишь, маленький братик, через пару минут ты будешь, как новенький.

Ему не нравилось, что она называет его «маленьким братиком». Это каждый раз напоминало ему о Гретхен. Когда он уходил с Мэри-Джейн, Гретхен проводила его долгим, красноречивым взглядом.

Предсказание Мэри-Джейн, как и следовало ожидать от такой многоопытной прорицательницы, очень скоро сбылось, тем более, что сбыться ему помогли ее умелые руки. Через несколько минут они сумели вновь пробудить мужское достоинство Рудольфа, и он наконец свершил то, ради чего и был приглашен в эту роскошную опочивальню. Он погрузился в лоно Мэри-Джейн со всем неистовством, накопленным за столько лет воздержания.

— О Боже, пожалуйста, больше я не могу! — воскликнула она наконец в полном изнеможении, и Рудольф, сделав последний мощный рывок, привел обоих к одновременному пику взаимного удовлетворения.

«Извращенец! — услышал он обвиняющий голос Джули.— Псих!» Посмотрела бы она на него в эту минуту и услышала бы сладострастные стоны этой женщины!

— Твоя сестра сказала мне, что ты девственник,— говорила тем временем Мэри-Джейн.

— Давай не будем об этом,— оборвал ее Рудольф.

Теперь, когда все было закончено, они лежали бок о бок, на спине. Нога Мэри-Джейн, лежащая у него на колене, уже не казалась ему столь восхитительно шелковистой — это была просто нога. Мэри-Джейн курила, делая одну глубокую затяжку за другой, и выдыхаемый ею дым медленно поднимался к потолку.

— У меня еще ни разу в жизни не было девственников,— не унималась Мэри-Джейн.— Так это правда?

— Я же тебе сказал — я не хочу разговаривать на эту тему.

— Значит, правда.

— В любом случае, это уже не может быть правдой.

— Тоже верно,— согласилась она.— А почему?

— Что почему?

— Почему такой красивый молодой человек, как ты, до сих пор оставался девственником? — В голосе ее звучало искреннее недоумение.— Ведь, наверно, девчонки с ума по тебе сходили.

— Видимо, им удавалось себя сдерживать... Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— А как насчет этой маленькой симпатяшки, с которой ты встречаешься? — (Комната девятьсот двадцать три).— Как, кстати, ее зовут?

— Джули,— неохотно ответил он: ему не хотелось произносить ее имя в таком месте, да еще после того, что произошло.

— Она разве не сходит по тебе с ума?

— Мы собирались с ней пожениться.

— Почему *собирались*? А теперь разве не собираетесь?

— Теперь не знаю.

— Это *она* не знает, от чего отказывается. Должно быть, это у вас семейное,— сказала Мэри-Джейн.

— Что ты имеешь в виду?

— Уилли говорил мне, что твоей сестре нет равных в постели.

— Уилли давно пора научиться не трепать своим языком.

Рудольф был шокирован: чтобы рассказывать *такое* о своей жене *другой* женщине, да и вообще кому бы то ни было! Теперь он никогда не сможет ни доверять Уилли, как раньше, ни относиться к нему с прежней симпатией.

— Не забывай, это Нью-Йорк,— рассмеялась Мэри-Джейн: Рудольф казался таким забавным с этим его выражением праведного возмущения на лице.— А в Нью-Йорке люди знают друг о друге буквально все. Уилли ведь — мой старый-престарый друг. Мы с ним крутили еще задолго до того, как он познакомился с твоей сестрой. Да и сейчас, если на него находит хандра или ему хочется немного «сменить пейзаж», он по-прежнему приходит ко мне.

— А Гретхен знает об этом? — Рудольф старался говорить спокойно, чтобы Мэри-Джейн не заметила внезапно вспыхнувшего в нем гнева. Вот тебе и Уилли — такой же бабник, как все!

— Не думаю,— ответила Мэри-Джейн безразличным тоном.— Уж кто-кто, а Уилли умеет напустить туману. И никто ведь не подвергает его допросам с пристрастием. Скажи, а ты когда-нибудь баловался с ней — я имею в виду, с Гретхен?

— Да ты что! — Рудольф даже взвизгнул от возмущения.— Она ведь моя родная сестра!

— Большие дела — сестра! — пренебрежительно произнесла Мэри-Джейн.— Если верить восторгам Уилли, то тебе стоило бы попытаться.

— Да ты просто издеваешься надо мной!

«Так оно, наверно, и есть,— подумал он про себя.— Многоопытная, искушенная женщина решила позабавиться, поддразнивая зеленого, провинциального мальчишку».

— Ничего подобного — я говорю серьезно,— голос Мэри-Джейн оставался все таким же невозмутимым.— Мой братец, например, поймел меня, когда мне было пятнадцать. В лодке

на берегу моря... Будь добр, малыш, пойди принеси мне выпить. Виски — на кухне, на столе. С обыкновенной водой. Без льда.

Рудольф встал с кровати. Он был бы рад хоть что-нибудь натянуть на себя: халат или брюки или завернуться в полотенце,— словом, все, что угодно, лишь бы не шлепать по полу в чем мать родила перед этими всезнающими, оценивающими, насмешливыми глазами,— но, если он попытается это сделать, она, конечно, поднимет его на смех, а это ранит его гордость. «Какой черт меня сюда принес?! — подумал он с отчаянием и досадой.— И зачем я вообще с ней связался?»

Ему вдруг стало казаться, что в комнате очень холодно, и все его тело покрылось пупырышками. Он шел к двери, ведущей в гостиную, и старался унять бьющую его дрожь. Мелькая в позолоченных зеркалах смутной, призрачной тенью, он по толстым коврам гостиной прошел на кухню и включил свет. Огромный, белый холодильник, издающий едва слышное, равномерное жужжание; газовая плита у стены; миксер; соковыжималка; висящие на стене в стройном порядке медные сковородки; двойная раковина-мойка из стали; посудомоечная машина и, наконец, красный стол из жаростойкого пластика (мечта каждой американской домохозяйки), освещенный пронзительным белым светом неоновых ламп. В самом центре стола — бутылка шотландского виски. Рудольф открыл буфет (английский фарфор, чашки с цветочным узором, кофейники нескольких видов и размеров, большие деревянные мельницы для перемалывания перца-горошка и другие полезные приспособления для домохозяек, почему-то оказавшиеся в доме этой рыжеволосой соблазнительницы, возлежащей в этот момент на кровати в освещенной настольной лампой спальне и меньше всего напоминающей домохозяйку) и достал два стакана. Открыв кран, он первым делом прополоскал рот (стекающая вода дробилась в стальной раковине мелкими брызгами, издающими звуки, похожие на треньканье ксилофона), а затем, подождав, пока вода станет холодной, взял один из стаканов и, наполнив его до краев, жадно напился. В другой стакан он плеснул щедрую порцию виски и до половины наполнил водой. И вдруг его взгляд упал на стенку за раковиной, и он с отвращением увидел, как в щели прячутся огромные, черные тараканы. «Неряха»,— с презрением подумал он.

Оставив в кухне свет, он понес выпивку хозяйке квартиры, ждущей его возвращения в той части своих владений и на том предмете своей мебели, где она проводит, по всей видимости, почти всю свою жизнь. Что ж, побудем в роли ее прислуги.

— Вот умница,— проворковала Мэри-Джейн, протягивая за виски руку: в свете лампы блеснули ногти — длинные, заостренные, покрытые темно-красным лаком. Затем она приподнялась

на локте (ее рыжие волосы казались кричаще непристойными на фоне кружевной голубизны подушки) и жадно отпила несколько глотков.

— А ты разве не будешь пить?

— Я и так достаточно выпил.

Он взял со стула трусы и надел их.

— Ты что это делаешь? — спросила Мэри-Джейн.

— Собираюсь уходить отсюда, — и он надел рубашку: какое облегчение сознавать, что нагота твоя наконец прикрыта. — Мне к девяти утра на работу.

Он надел свои новые часы. Без четверти четыре.

— Пожалуйста, не уходи, — протянула она тоненьким, детским голоском. — Прошу тебя, не оставляй меня одну.

— Сожалею, но мне нужно идти, — твердо произнес он.

Ни о чем он, конечно, не сожалел. Напротив, ему не терпелось побыстрее оказаться на улице, и, слава Богу, он там будет один и в одежде.

— Я не могу оставаться одна по ночам. Умоляю тебя, не уходи! — голос у нее теперь был жалобный и испуганный.

— Никто тебе не мешает позвонить Уилли, — безжалостно проговорил он, садясь на стул и натягивая носки. После этого он надел туфли.

— Я не засну — я не в состоянии засыпать в темноте, — продолжала умолять Мэри-Джейн.

Он завязывал шнурки и ничего не отвечал.

— О, Господи, ну почему все от меня уходит? — жалобно восклицала она. — Все до единого... Ну, останься, прошу тебя. Всего до шести часов, когда будет светло... пусть даже до пяти — пожалуйста, а, малыш? Я все сделаю, что ты хочешь. Хочешь, я пососу у тебя? Останься. Пожалуйста... — Она стала плакать.

«Слезы, повсюду одни только слезы... Они не могут без слез, эти женщины», — холодно подумал он. Встав со стула, он застегнул рубашку и завязал галстук. Затем подошел к зеркалу (за спиной горько плакала Мэри-Джейн) и внимательно на себя посмотрел. Волосы всклокочены и слиплись от пота. Он прошел в ванную (десятки флаконов духов, тюбики с кремом, алка-зельцер, снотворные таблетки) и, смочив волосы, тщательно их причесал, устраняя последние следы уходящей ночи.

Когда он снова вошел в спальню, Мэри-Джейн уже успокоилась. Она сидела на постели, все еще держа стакан в руке, хотя виски в нем не оставалось. Его встретил холодный взгляд, злые, суженные глаза.

— Последний раз говорю: останься, — с угрозой в голосе произнесла она.

Он надел пиджак и сказал:

— Всего хорошего.

Она яростно швырнула в него стаканом. Он не стал увертываться, и стакан, ударив его по лбу (к счастью для него, по касательной), угодил в висящее над беломраморной каминной полкой зеркало и, брызнув осколками, вдрызг разлетелся.

— Ах ты, маленький говнюк! — злобно прошипела она.

Он молча вышел из спальни и, пройдя через гостиную и прихожую, покинул обиталище Мэри-Джейн. Оказавшись на лестничной площадке, нажал на кнопку звонка, вызывая лифт.

Лифтер, уже немолодой человек, вряд ли смог бы выдержать более длительные путешествия, чем те, что совершал в лифте. Пока они спускались по нещадно скрипящему шахтному стволу, лифтер то и дело осуждающе поглядывал на Рудольфа. «Наверно, пытается сообразить, какой я по счету из ночных гостей Мэри-Джейн», — подумал Рудольф.

Когда лифт, последний раз вздрогнув, замер на месте, лифтер еще раз взглянул на Рудольфа и сказал:

— У вас кровь, молодой человек. На лбу.

— Благодарю вас, — ответил Рудольф.

Лифтер ничего не ответил, но продолжал на него смотреть. Рудольф пересек вестибюль и вышел на улицу. Оказавшись вне досягаемости этих осуждающих старческих глаз, Рудольф достал из кармана носовой платок и приложил ко лбу. Затем взглянул на него — на нем была кровь. Да-а, после битв всегда остаются раны — порой душевные, а порой и телесные. Он повернулся и двинулся к Пятой авеню, сияющей яркими ночными огнями. Пустынная улица гулким эхом вторила его одиноким шагам.

Дойдя до угла, он поднял глаза и взглянул на уличный знак: «63-я улица». Он нерешительно замедлил шаги: гостиница «Сент-Мориц», насколько он помнил, — на 59-й улице, рядом с Центральным парком. *Комната девятьсот двадцать три*. И в самом деле, почему бы ему не прогуляться на свежем предутреннем воздухе? То и дело прикладывая ко лбу носовой платок, он направил свои шаги к «Сент-Морицу».

Если бы у него спросили: «А что ты собираешься делать, когда придешь в гостиницу и увидишь Джули?», он не смог бы толком ответить. Просить ли прощения? Говорить, что согласен на все, лишь бы они были вместе? Признаваться в только что содеянном грехе? Спорить? Оправдываться? Клясться в вечной любви? Предаваться воспоминаниям? Быть нежным? Лечь с ней постель? Забыть обо всем?..

В вестибюле гостиницы никого не было, если не считать дремлющего за конторкой портье. Услышав стук открывшейся двери, портье бросил на Рудольфа равнодушный взгляд, давно привыкнув к одиноким чудакам, бродящим по спящему городу и заглядывающим в гостиницу на огонек, и снова принялся дремать.

— Комната девятьсот двадцать три,— сказал Рудольф в трубку телефона внутренней связи.

Было слышно, как оператор соединяет его с названной комнатой. Щелчок, и раздались длинные гудки. Первый... второй... пятый... седьмой... десятый... Рудольф повесил трубку. Стрелки на стенных часах показывали 4:35. Ночные бары Нью-Йорка уже тридцать пять минут как закрылись. Он медленно вышел из вестибюля. Итак, он снова один — день с этого начинался, этим он и заканчивается. Что ж — возможно, это и к лучшему.

Рудольф остановил проезжавшее мимо ночное такси. Через несколько часов ему начнут платить сто долларов в неделю, так что разориться на такси он, слава Богу, теперь может себе позволить. Забравшись в машину, он сел на заднее сиденье и назвал адрес Гретхен. Но когда водитель развернулся и поехал в южном направлении, в сторону 12-й Западной улицы, Рудольф передумал. У него не было желания видеть сестру, а Уилли — тем более. Ну а сумку они ему как-нибудь перешлют.

— Прошу прощения,— сказал он, наклонившись вперед,— но я решил не ехать на 12-ю Западную улицу. Едем на вокзал «Грэнд-сентрал».

За эти сутки Рудольф не спал ни минуты, но в универмаг Дункана Колдервуда явился ровно в девять часов утра. А вот пробивать свою карточку на табельных часах он не стал, хотя она и была на обычном месте, в предназначенной для нее ячейке. Время личных карточек и табельных часов для него навсегда прошло.

Глава 3

1950 год

Набрав только ему известную комбинацию цифр в замке, Томас открыл свой шкафчик. Вот уже несколько месяцев на всех шкафчиках в раздевалке висели замки, а членов клуба просили оставлять свои бумажники в офисе, где они помещались в запечатанные конверты и клались в сейф. На таком нововведении настоял Брустер Рид, у которого из кармана пиджака вытащили его любимую сотню, которую он считал своим талисманом и повсюду носил с собой. Случилось это в ту самую субботу, когда Томас ездил в Порт-Филип, и Доминик, сообщая эту «приятную новость» вернувшемуся в понедельник помощнику, не скрывал своего удовольствия.

«По крайней мере, теперь они знают, что это не ты,— сказал Доминик.— А то проходу мне не давали, подонки,— дескать, за-

чем ты взял на работу вора?!» Ему даже удалось добиться прибавки зарплаты для Томаса, и тот теперь получал сорок пять долларов в неделю — на десять долларов больше, чем до этого.

Повесив в шкафчик брюки, пиджак и рубашку, Томас надел чистый спортивный костюм, а на ноги — специальные боксерские ботинки. В пять часов ему предстояло принять у Доминика группу, которую тот вел по ритмической гимнастике, и в ней всегда находилось несколько человек, проявлявших желание побоксировать — два-три раунда, не больше. Он уже научился у Доминика умению казаться агрессивным и в то же время не причинять тренирующимся никакого вреда. Равным образом он уже помнил достаточно много фраз, которые нужно произносить, чтобы у членов клуба создавалась иллюзия, будто они постоянно совершенствуются в искусстве кулачного боя.

Из тех четырех тысяч девятисот долларов, которые Томас положил в арендованный им личный сейф в Порт-Филипе, он не тронул ни единого цента. А что касается Синклера-младшего, то и сейчас, встретившись с ним раздевалке, даже если там никого больше не было, Томас почтительно произносил «сэр».

Ему нравилось заниматься с членами клуба ритмической гимнастикой, но, в отличие от Доминика, который относился к ней пренебрежительно и называл ее не иначе как «дуристической гимнастикой», он подходил к делу основательно и делал с классом весь положенный набор упражнений, таких как отжимание в упоре, приседания, прыжки в высоту перекидным способом, сгибание коленей, наклоны с касанием пола, так чтобы колени оставались не согнутыми, круговые движения ногами (имитация езды на велосипеде) и другие. С одной стороны, эти занятия помогали ему самому сохранять хорошую форму, а с другой — ему было забавно видеть, как все эти уважаемые, исполненные сознания собственной важности джентльмены таращат глаза, тяжело дышат и потеют от напряжения. Голос его постепенно приобретал все более властные нотки, и он уже не казался таким юным мальчишкой, как раньше. Он уже привык, просыпаясь по утрам, не испытывать дурных предчувствий и не бояться, что с ним в этот день случится что-то ужасное, от него не зависящее, и ему снова придется отправляться в скитания, чувствуя себя бесприютным отщепенцем общества.

Когда Томас, завершив тренировку по ритмической гимнастике, вошел в малый зал, Доминик и Грининг уже надевали большие боксерские перчатки. Доминик был простужен, а, кроме того, накануне вечером перебрал. Глаза у него были красные, а движения замедленные. В своем старом, висящем мешком тренировочном костюме Доминик выглядел каким-то бесформенным и постаревшим, сквозь растрепанные волосы проглядывала

лысына, отражающая яркие лампы над головой. Грининг, высокий молодой человек (слишком высокий для своего веса), нетерпеливо рассказывал по залу, и его боксерские ботинки, шаркая по покрытому матами полу, производили сухой, агрессивный звук. В ярком свете ламп глаза его казались выцветшими, а светлые, «ежиком», волосы — почти платиновыми. Во время войны он служил капитаном в морской пехоте, имел много наград. Розовощекий, с прямым носом и решительным подбородком, он был по-мужски красив и, если бы его семья не относилась с таким высокомерным презрением к актерской профессии, мог бы сниматься в вестернах и стать кинозвездой. С тех пор как Грининг заявил Доминику, что подозревает Томаса в краже десяти долларов из своего шкафчика в раздевалке, он ни разу не заговорил с юношей, и сейчас, когда тот вошел в зал, где должен был сразиться в боксерском поединке с одним из членов клуба, даже не взглянул в его сторону.

— Ну-ка, помоги мне, малыш, — сказал Доминик, протягивая Томасу руки в перчатках, и тот завязал ему шнурки. Гринингу шнурки завязал Доминик — еще до прихода Томаса.

Доминик глянул на большие часы над дверью зала, чтобы знать, когда пройдут две минуты (время для перерыва на отдых), и, подняв руки в исходное положение, двинулся к Гринингу:

— Я готов, сэр. А вы?

Грининг так и ринулся на него. Он боксировал в традиционной, прямолинейной манере, которой выучился в юности, когда выступал за школу. Длинные руки давали ему возможность наносить в голову Доминику неожиданные, резкие удары. Простуда и похмелье давали о себе знать, и Доминик сразу же стал задыхаться. Уходя от атаки Грининга, Доминик уперся головой тому в подбородок и без особого энтузиазма наносил ему бессильные, вялые удары в живот. Неожиданно Грининг резко отступил назад и правой рукой нанес молниеносный апперкот, который пришелся Доминику прямо в лицо.

«Дерьмо», — подумал Томас, но ничего не сказал, и на лице его не дрогнул ни один мускул.

Доминик опустил на мат и осторожно дотронулся огромной перчаткой к окровавленным губам. Грининг даже не протянул ему руку, чтобы помочь встать. Он стоял и равнодушно смотрел на него, его руки в тяжелых перчатках висели плетью бокам. Доминик, не в силах подняться, протянул руки в перчатках к Томасу.

— Сними их с меня, малыш, — хрипло проговорил он. — На сегодня тренировки мне хватит.

Томас нагнулся, расшнуровал перчатки и стащил их с рук Доминика. Он знал, что старый боксер не любит, когда ему по-

могают вставать, а потому даже и не пытался этого делать. Доминик с трудом встал на ноги и вытер окровавленный рот рукавом.

— Прошу прощения, сэр,— сказал он Гринингу.— Похоже, я сегодня не в форме.

— Лучше было и не начинать,— недовольно произнес Грининг.— Вы бы сразу сказали, что плохо себя чувствуете. Я тогда не стал бы переодеваться. А как насчет тебя, Джордах? — неожиданно повернулся он к Томасу.— Я пару раз видел, как ты работаешь, и вроде у тебя получается. Не хочешь со мной размяться?

«Джордах,— подумал Томас.— Оказывается, он знает мою фамилию». И Томас вопросительно глянул на Доминика. (Да-а, Грининг не чета этим толстобрюхим, дряблым энтузиастам ритмической гимнастики, с которыми разрешает ему боксировать Доминик).

В полуприкрытых, черных глазах Доминика вспыхнула сицилийская ненависть. *Наступила пора сжечь дотла замок ненавистного хозяина.*

— Ну что ж, Том, раз у мистера Грининга есть такое желание,— благодушно проговорил он, сплевывая сгусток крови,— мы не можем ему отказать.

Томас надел перчатки, и Доминик, склонив голову, с каким-то настороженным выражением в глазах, молча зашнуровал их. На Томаса нахлынули знакомые противоречивые чувства: страх и предвкушение удовольствия, нетерпеливое желание расправиться с противником и холодная ненависть, по рукам и ногам пробежали покалывающие электрические разряды, внутри возникло сладостно-ноющее ощущение. Взглянув поверх головы Доминика на Грининга, он заставил себя широко, по-мальчишески ему улыбнуться. Тот смотрел на него с холодным, каменным выражением на лице.

Доминик отступил в сторону.

— О'кей,— произнес он.— Можете начинать.

Выставив левую руку вперед и прикрывая подбородок правой, Грининг сразу же пошел в атаку. «Типичный университетский выскочка»,— презрительно подумал Томас, легко отбив удар левой руки и увернувшись от последовавшего вдогонку за ним удара правой. Грининг был выше, чем он, но всего лишь на три-четыре килограмма тяжелее. Однако двигался намного быстрее, чем мог ожидать Томас, и следующий, очень резкий и сильный удар Грининга пришелся ему в верхнюю часть виска. Томас давно не дрался по-настоящему (последний раз это было в Бруклайне, когда он расправился с напавшим на него старшим мастером в гараже), а вежливые разминки с миролюбивыми джентльменами — членами клуба в счет не шли. Грининг сделал обманный выпад правой, сумев ослабить внимание Томаса, и тут же, выбро-

сив левую руку, неожиданно обрушил на Томаса сбоку сокрушительный хук, угодивший ему прямо в голову. «Да-а,— мелькнуло у Томаса в голове,— сукин сын явно не шутит», и, пригнувшись, нанес левой мощный удар Гринингу в бок и тут же послал правую ему в подбородок. Грининг вошел в клинч и стал бить Томаса правой рукой по ребрам. «Силы у него хватает,— подумал Томас.— Голыми руками его не возьмешь».

Он метнул на Доминика быстрый как молния взгляд, ожидая, что тот подаст ему знак, но Доминик стоял себе с безмятежным видом и никаких знаков не подавал.

«Ладно, займемся тобой всерьез.— Томас почувствовал, как в голову ему ударила кровь.— И я плевать хотел на последствия!»

Они сражались, забыв о положенной двухминутной паузе. Грининг дрался хладнокровно и расчетливо, пользуясь своими преимуществами в росте и весе, зато Томас вкладывал в свои удары все неистовство злости и ненависти, накопившихся в нем за эти долгие месяцы и столь тщательно им скрывавшиеся. «Вот тебе, капитан!» — и на Грининга сыпался град неотразимых ударов: Томас призвал себе на помощь все, чему научился у Доминика,— он нырял, увертывался, умело отражал удары, а потом снова нападал с неодолимым, неистовым напором, произнося про себя все то, что думает об этом высокомерном, жестоком человеке: «Вот тебе, богатенький мальчик! Получай, красавчик! Принимай, полицейская сволочь, товар на свои жалкие десять долларов!»

У обоих из носа и рта текла кровь, но Томас нанес еще один удар, который, как он знал, должен стать началом конца. Грининг, улыбаясь какой-то растерянной, застывшей улыбкой, покачнулся и, едва удержавшись на ногах, отступил назад. Руки его двигались словно по инерции, кулаки молотили воздух слабыми, короткими, беспомощными ударами. Томас, подпрыгивая на пружинистых ногах, стал заходить с другой стороны, готовясь нанести свой последний и решающий удар, но Доминик, стремительно бросившись вперед, встал между ними.

— На сегодня достаточно, джентльмены! — заявил он.— Я думаю, вы и так неплохо подражались.

Грининг пришел в себя достаточно быстро. С лица его сошла эта глупая, беспомощная улыбка, и он холодно смотрел на Томаса.

— Снимите их с меня, Доминик,— это были единственные слова, которые он произнес. Он даже не попытался вытереть кровь с лица.

Доминик развязал Гринингу шнурки на перчатках, и тот, держась высокомерно и прямо, вышел из зала.

— Теперь меня выпрут из клуба,— сказал Томас.

— Скорее всего,— согласился Доминик, развязывая ему шнурки на перчатках.— Но, черт возьми, на это стоило посмотреть!

И он широко улыбнулся.

Прошло три дня, но все было тихо. Кроме Доминика, Грининга и Томаса, в зале в тот вечер никого больше не было. Ни Томас, ни Доминик никому об этой «разминке», естественно, не рассказывали. Нетрудно было предположить, что Грининг не поднимал шума лишь только по той причине, что ему было слишком стыдно признаться перед членами комитета, что его побил в поединке (и избил!) какой-то двадцатилетний мальчишка, к тому же меньше его ростом и весом.

Каждый вечер, после закрытия клуба, Доминик произносил одни те же слова: «Кажется, и сегодня пронесло», и стучал по дереву.

Но на четвертый день к Томасу подошел Чарли, служитель, отвечающий за раздевалку, и сказал:

— Тебя просит к себе Доминик, — сказал он. — Прямо сейчас.

Томас, чувствуя сердцем недоброе, не мешкая отправился в кабинет к Доминику. Тот сидел за своим столом и пересчитывал деньги — девяносто долларов десятками. Когда вошел Томас, Доминик невесело взглянул на него и сказал:

— Вот твоя зарплата за две недели, малыш. Ты уже здесь не работаешь — начиная с этой минуты. Только что закончилось заседание комитета.

Томас сунул деньги в карман. «А я-то думал, что продержусь здесь хотя бы годик», — подумал он.

— Все-таки надо было врезать ему как следует под конец! Напрасно вы мне помешали, Доминик, — с сожалением произнес Томас.

— Это точно, — проговорил Доминик. — Не стоило вмешиваться.

— Вас тоже ждут неприятности?

— Не исключено, — ответил Доминик и добавил: — Береги себя. И заруби себе на носу: никогда не доверяй богачам!

Они обменялись рукопожатием, и Томас направился в раздевалку. Забрав из шкафчика свои вещи, он прошел в вестибюль и, ни с кем не попрощавшись, потихоньку вышел из клуба.

Глава 4

1954 год

Рудольф проснулся ровно без четверти семь. Он никогда не заводил будильник — в этом не было необходимости.

Как и всегда после сна, эрекция. Если не заострять на ней внимание, она и сама пройдет. Минуту-две он лежал неподвижно,

еще не полностью выйдя из сна. В соседней комнате похрапывала мать. Залетающий в открытое окно ветерок шевелил занавески, в комнате было холодно. Сквозь занавески тускло проглядывало бледное зимнее утро, но не могло прогнать затаившийся по углам полумрак. Ряды выстроившихся на полках книг в другом конце комнаты казались длинной, смутной тенью.

Рудольфа ждал не совсем обычный день. Накануне вечером, перед самым закрытием магазина, он зашел в кабинет Колдервуда и положил ему на стол толстый конверт из коричневой оберточной бумаги.

— Не могли бы вы это прочесть, когда у вас будет время?

— Ну, и что ты туда положил? — спросил Колдервуд, подозрительно глянув на конверт и чуть ли не опасливо поддев его пальцем.

— Так просто этого не объяснишь, — ответил Рудольф. — Может быть, вы сначала прочтете, а потом уже мы все обсудим?

— Еще одна из твоих сумасбродных идей? — спросил Колдервуд: объем конверта ему явно не нравился. — Снова хочешь навязать мне какое-нибудь новшество?

— Ага, — улыбнулся Рудольф.

— А знаешь ли ты, молодой человек, — заявил Колдервуд, — что с тех пор как я взял тебя на работу, у меня резко подскочил холестерин?

— Миссис Колдервуд уже сколько раз просила меня повлиять на вас и уговорить отдохнуть хоть пару недель.

— Неужели? — фыркнул Колдервуд. — Так вот, можешь сказать ей, когда она обратится к тебе с этой же просьбой в следующий раз, что я и под страхом смерти не оставлю на тебя магазин — и не то что на две недели, а даже на десять минут.

Но конверт он все-таки взял с собой, когда уходил домой. «Стоит ему только открыть его и начать читать, — посмеиваясь про себя, думал Рудольф, — и он уже не сможет остановиться».

Ужасно не хотелось выбираться из-под теплого одеяла на холод. Неужели даже в такой день он должен вставать чуть свет? Неужели он не может позволить себе полежать еще с десятков минут, обдумывая, что скажет Колдервуду, когда явится к нему в кабинет? Нет, он не должен расслабляться. И не должен травить себе душу сомнениями и переживаниями. Что будет, то будет. Лучше вести себя так, будто это самое обычное утро.

Решительно сбросив с себя одеяло, он вскочил с постели и, быстро пройдя через комнату, закрыл окно. Затем снял пижаму и, унимая дрожь, торопливо облачился в теплый тренировочный костюм. Сев на кровать, надел шерстяные носки и теннисные туфли с толстой, резиновой подошвой. Потом натянул поверх тренировочного костюма куртку из клетчатой шотландки и, тихонько закрыв за собой дверь, чтобы не разбудить мать, вышел на улицу.

Внизу, прохаживаясь перед домом, его ждал Квентин Макговерн, тоже в спортивном костюме, поверх которого был надет объемистый свитер. На голове — натянутая на уши шерстяная вязаная шапочка. Квентину, старшему сыну в жившей напротив негритянской семье, исполнилось недавно четырнадцать. Они с Рудольфом вместе бегали по утрам.

— Привет, Квент,— бросил ему Рудольф.

— Привет, Руди,— ответил тот.— Холодновато сегодня. Мамаша говорит, только чокнутые могут бегать по такому холоду.

— Ничего, она у тебя заговорит по-другому, когда ты привезешь домой золотую медаль с Олимпийских игр.

— Могу представить себе, что бы она сказала! — засмеялся Квентин.

Они энергично зашагали к гаражу, который был сразу же за углом: Рудольф за небольшую плату держал там свой мотоцикл. Он отпер дверь и подошел к мотоциклу. Откуда-то из глубин сознания всплыло воспоминание о другой двери, другом темном пространстве и другом транспортном средстве: лодка-плоскодонка в заброшенном складе, запах реки, мускулистые руки отца.

Он мотнул головой, чтобы избавиться от наваждения, и снова оказался в Уитби, рядом с мальчишкой в спортивном костюме, и не было уже ни лодки, ни реки, ни отца. Выкатив мотоцикл из гаража, он натянул на руки подбитые шерстью рукавицы и, перебросив ногу через сиденье, завел мотор. Квентин взобрался на заднее сиденье, обхватил Рудольфа руками, и мотоцикл, взревев, помчался по улице. От холодного ветра у них сразу же стали слезиться глаза.

До университетского стадиона было всего несколько минут езды (колледж Уитби стал теперь университетом Уитби). Стадион не имел ограды; с одной его стороны стояли трибуны. Рудольф поставил мотоцикл возле трибун и, сняв куртку, бросил ее на сиденье.

— Советую снять свитер,— сказал он Квентину.— Наденешь потом, когда прибежим назад,— ты же не хочешь простудиться на обратном пути.

Квентин окинул взглядом футбольное поле. Над травой клубился призрачный, холодный туман. По телу подростка пробежала зябкая дрожь.

— Наверно, мамаша была права,— пробормотал он.

Учась в колледже, Рудольф забросил занятия спортом — не хватало времени. А сейчас, хотя и был занят с утра до вечера на работе (не забавно ли?), все же находил по полчаса на пробежку, причем каждый день, кроме воскресенья. Делал он это прежде всего для того, чтобы дисциплинировать себя и не терять формы, но со временем ему все большее наслаждение стали доставлять

и тишина раннего утра, и запах травы, и ощущение перемен в природе в разные времена года, и упругость беговой дорожки под ногами. Начинал он бегать один, но однажды утром, выйдя из дому, увидел, что у его подъезда стоит в спортивном костюме Квентин.

— Мистер Джордах, — обратился к нему подросток, — вы не разрешите мне бегать вместе с вами?

Первым побуждением Рудольфа было сказать «нет». На работе его целый день окружали люди, а потому ему нравилось ранним утром побыть одному. Но Квентин, словно чувствуя, что ему хотят отказать, поспешно добавил:

— Я состою в школьной команде по легкой атлетике, и моя дистанция — четыреста метров. Если бы я стал бегать каждое утро, то смог бы улучшить свое время. Вот увидите, мистер Джордах, я не буду приставать к вам с разговорами. Вы только разрешите мне бежать рядом с вами, и все.

Говорил он тихо и робко: ему, видимо, пришлось призвать на помощь всю свою храбрость, чтобы обратиться с подобной просьбой к взрослому человеку, да еще к белому, тем более, что знакомство их сводилось к двум-трем «здравствуйте» за все эти годы. Отец Квентина работал в магазине Колдервуда: доставлял товары на грузовике. «Как-никак коллеги, — подумал Рудольф. — Рабочий класс нельзя обижать. Это недемократично».

— Ладно, — сказал Рудольф. — Пошли.

Паренек нервно, но с облегчением улыбнулся и пошел вместе с Рудольфом в гараж.

Они вышли на беговую дорожку и для начала, чтобы разогреться, пробежали два круга трусцой. Затем, уже в полном темпе, — стометровку. Потом снова бег трусцой. После этого — двести метров наперегонки. А потом опять два круга трусцой. Вслед за этим — коронная дистанция Квентина, четыреста метров. Квентин, долговязый парнишка с длинными, худыми ногами, двигался очень быстро и удивительно грациозно. Рудольф был рад, что разрешил тогда Квентину присоединиться к нему: мальчишка так здорово бегал, что не давал ему расслабляться и заставлял выкладываться до конца.

Пробежав напоследок еще два круга трусцой, Рудольф и Квентин, разгоряченные и потные, быстро натянули на себя верхнюю одежду, сели на мотоцикл и помчались через просыпающийся город на свою улицу.

— До завтра, Квент, — сказал Рудольф, поставив мотоцикл у края тротуара возле своего дома.

— Спасибо, — вежливо ответил Квентин. — До завтра.

Рудольф вошел в дом и поднялся наверх. Ему нравился этот парнишка. Вот уже сколько времени они каждое утро, невзирая

ни на какие препятствия, в том числе на плохую погоду, с неизменным упорством и мужеством повергают вместе в нещадном бою самого коварного врага человека — лень, повторяя свой подвиг вновь и вновь. «Надо будет следующим летом подыскать ему какую-нибудь работу в магазине,— решил Рудольф,— лишний цент семейству Квентина не помешает».

Мать Рудольфа уже встала.

— Как там на улице? — спросила она.

— Холодно,— ответил он.— Ты ничего не потеряешь, если посидишь весь день дома.

Они оба вот уже сколько лет делали вид, будто она, как и все другие женщины, ежедневно выходит на улицу.

Он прошел в ванную и принял душ, пустив сначала обжигающе горячую воду, а затем, на целую минуту,— ледяную. От этого во всем теле началось легкое, приятное покалывание. Вытираясь, он слышал, как мать стучит посудой на кухне, наливая ему апельсиновый сок и ставя варить кофе на газовую плиту. Шаги ее были такими тяжелыми, что казалось, будто на пол выгружают стокилограммовые мешки. Вспомнив, какими длинными, стремительными шагами он бежал всего лишь полчаса назад по обледенелой беговой дорожке, он подумал, что если и у него когда-нибудь ноги станут такими, как у матери, он попросит кого-нибудь пристукнуть себя.

Он ступил на весы, стоявшие у стены ванной, и посмотрел на шкалу. Ровно семьдесят два килограмма. Нормально. Ему ужасно не нравились толстые люди. Настолько, что он однажды добился от Колдервуда увольнения двух продавцов только за то, что они раздражали его своей тучной внешностью, хотя Колдервуду назвал другую причину.

Сойдя с весов, он подошел к зеркалу над умывальником, где на полочке были разложены и расставлены всяческие туалетные принадлежности, и побрызгал под обеими подмышками дезодорантом: зимой в универмаге было слишком жарко, и он не хотел, чтобы от него дурно пахло. Затем начал одеваться. Надел серые фланелевые брюки, мягкую голубую рубашку, темно-красный галстук и коричневую твидовую куртку спортивного покроя. В первый свой год работы у Колдервуда он предпочитал носить строгие, темные костюмы, но, по мере того, как его положение в фирме все более укреплялось, его одежда становилась все менее формальной. Он был слишком молод для занимаемой им должности, а потому считал дурным тоном напускать на себя помпезный вид. По этой же причине он купил себе не автомашину (хотя она была уже ему по карману), а такое демократичное средство передвижения как мотоцикл. Видя, как молодой помощник управляющего лихо подкатывает на ревущем мотоцикле к мага-

зину, во всякую погоду без шляпы, с развевающимися на ветру волосами, никто из его подчиненных, да и покупателей тоже, не мог бы о нем сказать: «Этот желторотый выскочка слишком уж о себе высокого мнения!» Никогда не стоит вызывать у людей такое черное чувство, как зависть, и он это хорошо понимал. На мотоцикле он предпочитал ездить еще и потому, что это помогало ему сохранять здоровый цвет лица, создавать впечатление, будто он много времени проводит на свежем воздухе. От природы он был смуглолиц, отчего круглый год выглядел загорелым, и это особенно бросалось в глаза зимой, на фоне бледных, болезненных лиц. Чувство превосходства над окружающими его людьми у него от этого только укреплялось. Теперь он понимал, почему Бойлан так сильно беспокоился о том, чтобы выглядеть всегда загорелым, не пренебрегая при этом никакими средствами, в том числе услугами кварцевой лампы. Правда, сам Рудольф никогда бы не унизился до искусственного загара, считая это дешевым и нечестным приемом, своего рода мужской разновидностью косметики — ничем не лучше крашенных волос. К тому же это делало бы его уязвимым перед теми людьми, кто знал бы или догадывался о существовании кварцевой лампы, обо всех этих недостойных мужчины уловках.

Он прошел на кухню и первым делом поцеловал мать. Она ответила ему светлой, девически застенчивой улыбкой. В тех случаях, когда он забывал целовать ее по утрам, она неизменно раздражалась за завтраком бесконечными монологами о том, как плохо она ночью спала и насколько неэффективными оказались прописанные врачом лекарства, — считай, выброшенные на ветер деньги. Он не признавался ей, что зарабатывает намного больше, чем раньше, и мог бы снять квартиру поприличнее этой, но он не собирался устраивать у себя вечеринки, а, кроме того, деньги нужны были ему для других целей.

Он сел за кухонный стол и, выпив стакан апельсинового сока, принялся за гренки, запивая их черным кофе. Мать ограничилась чашечкой кофе. Волосы у нее свисали неопрятными, салными прядями, под глазами были пугающе огромные фиолетовые мешки. Но, несмотря на это, Рудольфу казалось, что она выглядит несколько не хуже, чем три года назад. Вполне вероятно, что она доживет и до девяноста лет. Он ничего не имел против этого. Благодаря ей его не призывали в армию — как-никак единственный кормилец тяжело больной матери. Но самый дорогой материнский подарок — это то, что она спасла его от холодных окопов Кореи.

— Ночью мне приснился ужасно странный сон, — сказала она. — Будто я вижу твоего брата Томаса. И будто ему все еще восемь лет. Он был тогда хорошенький, как ангелочек. Вошел ко мне

в комнату и говорит: «Прости меня, мама, прости за все...» — Некоторое время она помолчала, с задумчивым видом попивая свой кофе, затем добавила: — Я сто лет как не видела его во сне. Ты, случайно, не знаешь, где он и что с ним?

— Нет,— ответил Рудольф.

— А ты ничего от меня не скрываешь? — подозрительно спросила она.

— Нет, конечно. Да и зачем мне это?

— Хотелось бы взглянуть на него перед смертью — хотя бы один-единственный разок,— пробормотала она.— Что ни говори, а он моя плоть и кровь.

— Тебе еще рано думать о смерти.

— Может, и так,— вздохнула она.— Мне почему-то кажется, что весной я буду чувствовать себя лучше, и мы снова сможем ходить на прогулки.

— Вот это другой разговор,— улыбнулся Рудольф. Допив кофе, он встал и, поцеловав ее на прощанье, сказал: — Об обеде я сам позабочусь. Что-нибудь куплю по дороге.

— А что? Нет, постой, не надо говорить,— кокетливо произнесла она.— Хочу, чтобы это было сюрпризом.

— Ладно,— улыбнулся Рудольф.— Будет тебе сюрприз.

Входя в универмаг через служебный ход с утренними газетами, купленными по дороге, Рудольф увидел, что сторож, дежуривший ночью, все еще на своем посту, и поздоровался с ним:

— Доброе утро, Сэм.

— Приветствую вас, Руди,— ответил тот. Все старые служащие, которых Рудольф знал еще по тем временам, когда подрабатывал у Колдервуда студентом, по-прежнему называли его по имени — по его настоянию.

— Вы ранняя пташка, Руди,— сказал ночной сторож.— Меня в вашем возрасте невозможно было вытащить по утрам из постели, да еще в такую погоду.

«Поэтому ты и служишь ночным сторожем в твоём возрасте»,— подумал Рудольф, но лишь улыбнулся в ответ и прошел через тускло освещенный, еще не проснувшийся магазин в свой кабинет.

В кабинете у него было чисто и ничего лишнего. Основное место в комнате занимали два письменных стола: за одним сидел он, за другим — мисс Джайлз, его секретарша, уже немолодая, но очень толковая женщина, старая дева. На широких полках были аккуратно разложены стопками журналы «Вог» (американское издание), «Вог» (французское издание), «Севентин», «Глэмор», «Харперс базар», «Эсквайр», «Дом и сад»*. Рудольф регу-

* Почти все перечисленные издания — популярные иллюстрированные журналы для женщин и журналы мод.

лярно и тщательно «прочесывал» все эти издания в поисках свежих идей для улучшения работы различных отделений универмага, их более привлекательного оформления и модернизации. Качество жизни в городе непрерывно и стремительно повышалось. «Новые люди», приехавшие сюда жить из Нью-Йорка, имели много денег и тратили их направо и налево. Да и коренные обитатели города были намного более состоятельными, чем когда-либо в прошлом, и легко перенимали изощренные вкусы приезжих. Колдервуд вел упорные оборонительные бои против превращения своего магазина из солидного заведения для удовлетворения нужд традиционных покупателей, принадлежащих, в основном, к среднему классу, в новомодный торговый центр для улаживания новоявленных богатеев с их ненормальной страстью к разного рода дорогим финтифлюшкам, роскошным безделицам и сверхмодным нарядам. Но благодаря нововведениям, которые Рудольф, несмотря на отчаянное сопротивление Рудольфа, одно за другим проводил в жизнь, доходы универмага стали неуклонно и все более заметно увеличиваться, и противостоять изменениям Колдервуду с каждым месяцем становилось все труднее, а Рудольфу убеждать его в их необходимости все легче. После года сопротивления Колдервуд пошел даже на то, что согласился отдать просторное складское помещение, где хранились доставляемые в универмаг товары (для этой цели можно было выбрать комнату и потеснее), под магазин спиртных напитков при универмаге. Полки магазина были уставлены изысканными французскими винами, которые Рудольф, помня уроки, преподанные ему за долгие годы Бойланом, отбирал лично сам.

С Бойланом он не виделся с тех самых пор, как заезжал к нему отметить окончание колледжа. После этого, летом того же года, он звонил ему два или три раза, спрашивая, не сможет ли тот найти свободное время, чтобы где-нибудь с ним пообедать, но Бойлан каждый раз коротко отвечал: «Нет!» Каждый месяц, не пропустив ни единого разу, Рудольф посылал Бойлану чек на сто долларов в счет уплаты своего четырехтысячного долга, но тот ни разу не удосужился получить деньги ни по одному из чеков. Однако Рудольф постоянно следил за тем, чтобы на его счету в банке было достаточно денег на тот случай, если Бойлан решит получить по всем чекам сразу.

О Бойлане Рудольф вспоминал теперь не слишком часто, а если и вспоминал, то со смесью благодарности и презрения. Обладая такими деньгами и такой неограниченной свободой в действиях, Бойлан мог бы быть, как казалось Рудольфу, намного счастливее. А несчастлив он потому, что в сущности своей он человек слабый. Рудольф, безжалостно борясь с любыми проявлениями слабости в самом себе, был беспощаден и к слабостям

других людей. В этом отношении и Бойлан, и Уилли Эбботт казались ему одного поля ягодами.

Рудольф сел за стол и начал просматривать газеты — «Новости Уитби» и последний выпуск «Нью-Йорк таймс», который был привезен в Уитби самым ранним утренним поездом. На первой странице «Нью-Йорк таймса» сообщалось об ожесточенных боях вдоль 38-й параллели* и о новой волне возглавляемой сенатором Маккарти кампании по борьбе с подрывной деятельностью и внедрением коммунистов в государственные органы Америки. На первой странице «Новостей Уитби» речь шла о голосовании по вопросу принятия новой налоговой системы для школьных советов (большинство голосов против) и о количестве лыжников, осваивающих новый лыжный курорт неподалеку от города. У большого города — большие новости, у маленького — маленькие.

Рудольф раскрыл «Новости Уитби» на второй, а затем на третьей странице. Двухцветная реклама на полстраницы превозносила достоинства поступивших недавно в продажу шерстяных платьев и свитеров. Отпечатали рекламу нечетко, цвета двоились, и Рудольф сделал в настольном перекидном календаре пометку сегодня же позвонить в газету и сказать им, что он по этому поводу думает.

Затем он снова возвратился к «Нью-Йорк таймс» и, раскрыв ее на финансовых страницах, в течение пятнадцати минут внимательно изучал колонки цифр, обозначающих уровень цен акций на фондовой бирже. Его интерес к этим скучным цифрам объяснялся достаточно просто. После того как ему удалось скопить свою первую тысячу, он съездил к Джонни Хиту и попросил его, в качестве личной любезности, помочь ему вложить деньги в какое-нибудь прибыльное предприятие. Джонни охотно согласился и, хотя давно привык иметь дело со счетами в миллионы и миллионы долларов, финансовую операцию Рудольфа воспринимал особенно близко к сердцу, как если бы Рудольф был самым важным клиентом его брокерской фирмы. Сумма вкладов Рудольфа, даже с учетом полученной прибыли, была все еще невелика, но с ходом времени она неуклонно увеличивалась. Закончив просматривать биржевую страницу, он поздравил себя с тем, что в это утро стал на триста долларов богаче, чем в предыдущее утро. Он удовлетворенно вздохнул, пожелав всяческих благ своему другу Джонни Хиту, и, открыв газету на предпоследней странице, взял карандаш и начал решать кроссворд. Если ему удавалось покончить с кроссвордом до девяти часов, то есть ко времени открытия магазина, он принимался за работу с особым воодушевлением, чувствуя себя победителем.

* *Ожесточенные бои вдоль 38-й параллели.* Имеется в виду война в Корее 1950 — 1953 гг.

Так, номер 14 по горизонтали: *имя Хипа* (четыре буквы). Он вписал аккуратными печатными буквами: *Урия*^{*}.

Он уже заканчивал решать кроссворд, как вдруг зазвонил телефон. Взглянув на часы, он одобрительно отметил про себя, что коммутатор приступил к работе вовремя. Затем левой рукой снял трубку.

— Да? — произнес он, вписывая в вертикальную колонку слово *вездесущий*.

— Джордах? Это вы?

— Да, я. С кем я разговариваю?

— Это Дентон, профессор Дентон.

— О, профессор Дентон! Как поживаете, сэр? — вежливо произнес Рудольф, в то же время пытаясь угадать слово из восьми букв, являющееся синонимом слова *людоед*: первая буква — *к*, четвертая — *н*, последняя — *л*.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказал Дентон (голос его звучал как-то странно, и он говорил чуть ли не шепотом, словно боялся, что его могут подслушать), — но не могли бы мы сегодня встретиться?

— Ну, конечно, профессор, — ответил Рудольф, вставляя в клеточки самого нижнего ряда слово *каннибал*. Они с Дентоном виделись довольно часто, — главным образом тогда, когда Рудольф заходил на кафедру за книгами по менеджменту и экономике. — Я буду в магазине весь день.

— Я бы предпочел, чтобы мы встретились в каком-нибудь другом месте. — Интонации Дентона стали еще более странными, слова его словно повисали в воздухе. — Может быть, во время перерыва на ленч?

— Но в моем распоряжении будет всего сорок пять минут...

— Этого вполне достаточно, — скороговоркой произнес Дентон: казалось, ему не хватает дыхания, и он ужасно торопится, чтобы успеть все сказать; это было необычно для него. — читая лекции, он всегда говорил веско и медленно, а голос у него звучал уверенно и громко. — Выберем какое-нибудь местечко, которое поближе к вам. Например, «Рипли». Это ведь сразу же за углом от вас.

— Хорошо, — ответил Рудольф, удивленный странным выбором профессора. «Рипли» больше походил на питейное заведение, чем на кафе или ресторан. Туда в основном приходили рабочие — и не поесть, а выпить. Казалось бы, такого рода места стареющий профессор истории и экономики должен обходить десятой дорогой. — Вас устроит двенадцать пятнадцать?

* *Урия Хип* — один из персонажей романа английского писателя Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим».

— Буду ровно в пятнадцать первого, Джордах. Огромное вам спасибо. Вы чрезвычайно любезны. Значит, до встречи,— все той же скороговоркой произнес Дентон.— Вы даже не представляете, насколько я вам признателен...— И он повесил трубку, словно не договорив последней фразы.

Рудольф какое-то мгновение сидел, сдвинув брови и недоумевая, какая муха могла укусить Дентона, затем медленно положил трубку. Глянув на часы, он увидел, что минутная стрелка стоит на двенадцати, а часовая — на девяти. Двери универмага уже открыты. В кабинет вошла его секретарша.

— Доброе утро, мистер Джордах.

— Доброе утро, мисс Джайлз,— ответил он и раздраженно швырнул «Нью-Йорк таймс» в корзину для бумаг. Девять часов, а он из-за этого Дентона так и не успел решить кроссворд до конца.

Он встал и, выйдя из кабинета, начал свой первый, утренний, обход магазина. Шел он не спеша, одаривая продавцов улыбками. Заметив какие-либо упущения, он не останавливался, делая вид, что не замечает их. Но, вернувшись в кабинет, он продиктует секретарше вежливые служебные записки, адресованные заведующим соответствующими отделами, обращая их внимание на то, что галстуки, выложенные на прилавок в галантерейном отделе, лежат небрежной кучей; что у мисс Кейл в парфюмерном отделе слишком ярко накрашены глаза; что в кафетерии следует улучшить вентиляцию.

С особым вниманием он осматривал те отделы, которых до его прихода в универмаге не было и которые Колдервуд открыл по его инициативе: небольшую секцию товаров для женщин, в которой продавались итальянские свитера, французские шарфы, бижутерия и меховые головные уборы (в секции не было отбоя от покупателей, и торговля шла удивительно бойко); кафетерий (женщины, составлявшие основной контингент покупателей, казалось, приходили в универмаг главным образом для того, чтобы хорошенько там подкрепиться), не только дававший ощутимую часть доходов, получаемых универмагом, но и ставший излюбленным местом встреч домохозяек, где они с удовольствием коротали время за ленчем, болтая со знакомыми и подругами, после чего никогда не уходили без покупок; лыжную секцию, занимающую часть старого отдела спортивных товаров и возглавляемую атлетически сложенным молодым человеком по фамилии Ларсен, от которого городские девушки просто сходили с ума, особенно по воскресеньям в зимние месяцы, когда он ослеплял их на склонах близлежащих холмов и своей внешностью, и виртуозным владением лыжами (Ларсену платили преступно мало, учитывая, сколько покупательниц он заманивал в магазин своими блестящими воскрес-

ными спусками по упомянутым склонам). Ларсен не раз вызывался научить Рудольфа кататься на лыжах, но тот всегда с улыбкой отказывался. «Ломать себе ноги не входит в мои ближайшие планы», — объяснял он.

Отдел пластинок тоже был идеей Рудольфа: в результате его открытия к взрослым покупателям прибавились и молодые люди, охотно сорившие своими карманными деньгами, которыми их обильно снабжали родители. Колдервуд, не выносивший шума и не одобрявший развязного поведения большинства молодых людей (его собственные три дочери — две уже на выданье, а третья, бледная, худосочная девица, еще учившаяся в школе, — вели себя чинно, чуть ли не с викторианской благопристойностью), очень долго не соглашался на создание этого отдела. «Я не хочу превращать свой магазин в притон разнузданных малолетних шалопаев, — говорил он. — Не хочу, чтобы мои уши с утра до ночи осквернял этот варварский шум, который у нынешней американской молодежи сходит за музыку. Так что больше и не заикайся об этом, Джордах. Оставь бедного старого лавочника с его допотопными вкусами в покое».

Но Рудольф не сдавался. Он показал Колдервуду статистические выкладки, красноречиво свидетельствующие о лавинообразном росте сумм, которые молодежь Америки ежегодно тратит на приобретение пластинок. Кроме того, он пообещал Колдервуду установить в новом отделе звукопроницаемые кабины для прослушивания, и тот, как всегда, уступил. Колдервуд часто сердился на Рудольфа, но тот был неизменно вежлив и почтителен и в большинстве случаев знал, как вести себя с ним, чтобы в конце концов добиваться своего. Ну а в кругу друзей Колдервуд откровенно хвастался своим юным помощником, с гордостью говоря о своей проницательности, позволивший ему выбрать из безликих масс такого вундеркинда. Кроме того, он удвоил Рудольфу зарплату, хотя тот и не просил об этом, а на Рождество выдал ему премию — три тысячи долларов. «Этот сукин сын модернизирует не только магазин, — признавался Колдервуд своим друзьям (но, конечно, не в присутствии Рудольфа). — Он модернизирует и меня самого. Хотя, по большому счету, для этого я и нанимал молодого».

Раз в месяц Рудольфа приглашали в дом Колдервудов на обед — унылую пуританскую трапезу, во время которой его дочери хранили молчание, открывая рот лишь в тех случаях, когда к ним обращались, и на которых самым крепким из подаваемых напитков был яблочный сок. Пруденс*, старшая и самая хорошенькая из дочерей, неоднократно приглашала Рудольфа с собой на танцы

* Пруденс — это имя в переводе с английского означает «благоразумие».

в загородный клуб, и он всегда принимал ее приглашения. Там, вдали от родительского дома, Пруденс сбрасывала с себя маску викторианского благоразумия и вела себя как нормальная девушка, но Рудольфу не нужны были сложности, и он не прикасался к ней. В его планы не входила такая банальная и небезопасная вещь, как женитьба на дочери босса.

Он вообще ни на ком не собирался жениться. С этим некуда торопиться. Три месяца назад он получил приглашение на свадьбу Джули. Она выходила замуж за некоего Фицджеральда, и бракосочетание должно было состояться в Нью-Йорке. Рудольф не поехал на свадьбу, но, когда составлял поздравительную телеграмму, на глаза ему накатались слезы. Презируя себя за эту слабость, он с еще большим рвением окунулся в работу, и ему удалось почти забыть о Джули.

Он старался держаться подальше от девушек. Сколько раз, проходя по универмагу, он ловил на себе кокетливые взгляды продавщиц, которые были бы счастливы начать с ним встречаться. Например, мисс Салливан, аппетитная брюнетка из секции товаров для женщин, или мисс Брандивайн, высокая, грациозно-гибкая девушка из отдела товаров для молодежи, или же мисс Соумз — маленькая, пышногрудая блондинка из отдела пластинок, соблазнительно раскачивавшаяся в такт музыке и улыбавшаяся ему с волнующей, притворной застенчивостью, когда он проходил мимо. Он мог бы назвать еще шесть-семь девушек, казавшихся ему привлекательными. Конечно, он был живым человеком и не мог оставаться к этому полностью равнодушным, но умел подавлять в себе искушение и держался со всеми с безупречной, безличной любезностью. В универмаге Колдервуда никогда не устраивали вечеринок, поэтому у девушек не было возможности, пользуясь интимной атмосферой праздника и имея в союзниках алкоголь, приняться за обхаживание Рудольфа всерьез. Ну а та памятная ночь с Мэри-Джейн в Нью-Йорке и его безответный звонок в комнату девятьсот двадцать три гостиницы «Сент-Мориц» надолго отбили у него охоту к любовным приключениям.

Он давно уже решил для себя, что никогда больше не станет просить девушку стать своей женой, если не будет абсолютно уверен, что она ему не откажет.

Проходя через отдел пластинок, он сделал себе зарубку в памяти: нужно будет попросить какую-нибудь женщину постарше, чтобы та тактично намекнула мисс Соумз, что появляться на работе без бюстгальтера под тонким свитером не совсем прилично.

Сидя в своем кабинете, он просматривал вместе с молодым дизайнером Бергсоном эскизы оформления витрин на март, как вдруг на столе у него зазвонил телефон.

— Руди,— это был Колдервуд,— ты не мог бы зайти ко мне на минутку?

Голос звучал ровно, не выдавая никаких эмоций.

— Иду, мистер Колдервуд,— ответил Рудольф и повесил трубку.

— Боюсь, нам придется сделать небольшой перерыв,— сказал он Бергсону.

Бергсон был для них настоящей находкой. Раньше он занимался оформлением декораций в летнем театре Уитби. Рудольфу нравилась его работа, и он однажды предложил ему место дизайнера витрин в универмаге Колдервуда на зимний период. До появления Бергсона витрины оформлялись без единого замысла. Каждый отдел старался заграбастать себе как можно больше места в витринах и, выставляя свои товары, совершенно не заботился о том, как это будет сочетаться с оформлением других витрин. Бергсон поломал эту практику. Это был маленький, грустный молодой человек, затаенной мечтой которого было заниматься художественной постановкой спектаклей в каком-нибудь театре в Нью-Йорке. Возможность подработать зимой, занимаясь оформлением витрин у Колдервуда, была для него как нельзя кстати, и он вложил в это дело весь свой недюжинный талант. Привыкнув обходиться в театре самыми дешевыми материалами — постановщики старались вкладывать в новые спектакли минимум средств,— он поражал Рудольфа своей находчивостью в выборе недорогих подручных средств и делал всю оформительскую работу собственными руками.

Эскизы, разложенные на столе у Рудольфа, были выполнены под общим замыслом «весна на лоне природы», и Рудольф уже успел сказать Бергсону, что лучшего оформления витрины универмага еще не знали. Несмотря на вечно сумрачный вид Бергсона, работать с ним для Рудольфа было одним удовольствием, и часы, проведенные с ним за обсуждением его новых замыслов, казались ему быстротечными минутами. Когда же приходилось обсуждать какие-нибудь вопросы с заведующими отделов (особенно это касалось завбухгалтерии), то тогда, напротив, минуты начинали тянуться так медленно, что казались часами. Рудольф был убежден, что если бы дело было поставлено на нужную ногу, то ему вообще не было бы необходимости просматривать балансовые отчеты или изучать инвентарные ведомости.

Дверь кабинета Колдервуда, как всегда, была настежь открыта и, не успев Рудольф подойти к порогу, как Колдервуд увидел его и сказал:

— Входи, Руди, и закрой за собой дверь.

Бумаги, которые накануне вручил ему в конверте Рудольф, лежали на столе.

Рудольф молча сел в деревянное кресло у стола и стал ждать, что ему скажет Колдервуд.

— Руди,— начал тот мягким тоном,— должен тебе признаться, что ты не перестаешь меня поражать.

Рудольф по-прежнему молчал.

— Прежде всего я хотел бы знать: кто, кроме меня, их видел? — И Колдервуд показал на бумаги.

— Никто.

— А кто их печатал? Мисс Джайлз?

— Нет, я сам — дома.

— Вижу, ты обо всем позаботился, не так ли? — Это было сказано с явной иронией.

Рудольф снова промолчал.

— Откуда ты знаешь, что у меня двенадцать гектаров земли рядом с озером? — без обиняков спросил Колдервуд.

Официально участок принадлежал одной никому не известной корпорации, имевшей нью-йоркский адрес, и Джонни Хиту понадобилось пустить в ход всю свою изобретательность, чтобы установить, кто является истинным владельцем земли.

— Боюсь, я не смогу ответить на ваш вопрос,— сказал Рудольф.

— Боюсь... Не смогу ответить...— недовольно пробурчал Колдервуд, хотя было очевидно, что он принимает объяснение Рудольфа.— Он, видите ли не может ответить. Он предпочитает молчать. «Молчаливое поколение» — так, кажется, называет американскую молодежь «Нью-Йорк таймс»?.. Руди, до сих пор у меня не было ни единого повода подозревать тебя во лжи — с того самого времени, как ты здесь появился, и мне бы очень хотелось надеяться, что ты не будешь мне лгать и на этот раз.

— Я не буду вам лгать,— спокойно ответил Рудольф.

Колдервуд ткнул пальцем в лежащие на столе бумаги.

— Так вот, скажи мне честно: ты задумал все это, чтобы сбросить меня и занять мое место?

— Нет, сэр,— стараясь говорить ровным голосом, ответил Рудольф.— Я просто предлагаю вам способ, с помощью которого вы могли бы с максимальной выгодой для себя использовать ваше положение хозяина универмага и имущество, которым вы владеете. Я пытаюсь поделиться с вами некоторыми своими мыслями о том, как, пользуясь ростом благосостояния горожан, значительно расширить круг ваших коммерческих интересов. Как извлечь максимальную выгоду из нынешнего налогового законодательства и в то же самое время сделать так, чтобы ваше имущество, в случае вашей смерти, перешло вашей супруге и вашим детям максимально юридически защищенным.

— Сколько ты тут написал страниц? — спросил Колдервуд.— Пятьдесят? Шестьдесят?

— Пятьдесят три.

— Ничего себе «некоторые мысли»,— насмешливо фыркнул Колдервуд.— Ты все это сам придумал?

— Да, сам.— Рудольф не стал рассказывать Колдервуду, как в течение многих месяцев методически выуживал нужную ему информацию из Джонни Хита и что как раз Джонни Хиту он и обязан наиболее сложными выкладками, являющимися основой предлагаемого им плана.

— Ну, хорошо, хорошо,— проворчал Колдервуд.— Я подумаю над твоими предложениями.

— Если вы позволите дать вам совет, сэр,— почтительно произнес Рудольф,— то вам стоило бы обсудить этот план с вашими юристами в Нью-Йорке, а также с вашими банкирами.

— А откуда ты знаешь, что у меня есть юристы в Нью-Йорке? — подозрительно спросил Колдервуд.

— Мистер Колдервуд,— чуть ли не с упреком сказал Рудольф,— я ведь работаю у вас уже не первый год.

— Ну, хорошо. Предположим, что, изучив повнимательнее твои бумажки, я скажу «да» и сделаю все в точности так, как ты предлагаешь: объявлю об учреждении открытой акционерной компании, выпущу акции, возьму займы в банках, построю этот чертов торговый центр на берегу озера, да еще и театр в придачу — словом, если я послушаюсь тебя и сделаю все эти идиотские вещи, то в чем, скажи на милость, ты видишь здесь выгоду для себя?

— Я рассчитываю на место председателя совета директоров этой компании, президентом которой, разумеется, будете вы, и, естественно, на соответствующую зарплату,— сказал Рудольф.— Кроме того, мне хотелось бы получить возможность приобрести часть пакета акций в последующие пять лет.— («Старина Джонни Хит,— с благодарностью подумал о нем Рудольф.— Это ты научил меня не размениваться на мелочи. Это благодаря тебе я понял, что нужно не бояться делать большие ставки».) — Я бы в этом случае взял себе помощника, чтобы он исполнял мои обязанности здесь, в магазине, пока я буду занят другими делами.— Он уже написал Брэду Найту в Оклахому с предложением занять эту должность.

— Да-а, ты и в самом деле предусмотрел все до последней мелочи, Руди.— Теперь в голосе Колдервуда звучала откровенная враждебность.

— Я работал над этим проектом больше года,— миролюбиво произнес Рудольф,— и старался предусмотреть все моменты.

— А если я скажу «нет»,— агрессивно проговорил Колдервуд,— что ты тогда собираешься делать?

— Боюсь, что в таком случае мне придется от вас уйти, мистер Колдервуд,— ответил Рудольф.— Проработаю до конца года и буду подыскивать себе что-нибудь более перспективное.

— Только не думай, что ты пуп земли, Руди, — парировал Колдервуд. — Раньше без тебя умел обходиться — думаю, и дальше как-нибудь обойдусь.

— Не сомневаюсь, сэр, — сдержанно ответил Рудольф.

Некоторое время Колдервуд стоял над столом и с мрачным видом взирал на бумаги, затем взял в руку одну из них и, взглянув на нее с особенным отвращением, сердито произнес:

— Надо же, театра ему захотелось. А что прикажешь делать со старым театром?

— Его в следующем году снесут, — невозмутимо ответил Рудольф.

— Да-а, от тебя ничего не скроешь, — с некоторым удивлением пробормотал Колдервуд. — Ведь об этом никто не должен был знать до июля!

— Кто-то всегда проболтается, — проговорил Рудольф.

— А кто-то всегда услышит, так, Руди?

— Совершенно верно, сэр, — улыбнулся Рудольф.

В конце концов Колдервуд сменил гнев на милость и тоже улыбнулся.

— Главное — вовремя подставить ухо, не правда ли, Руди? — подмигнул он Рудольфу.

— Я этим не занимаюсь, — сухо заметил Рудольф. — И вы это отлично знаете.

— Да, знаю, — признал Колдервуд. — Извини, не хотел обидеть. А теперь за работу. Я тебя вызову, если что.

Колдервуд все стоял у стола и смотрел на лежащие на столе листы бумаги. А его помощник шел между прилавками, молодой, элегантный, уверенный в себе и, как обычно, благожелательно улыбался провожающим его взглядами продавцам.

Проект, предложенный Рудольфом Колдервуду, был разработан очень подробно и продуман до мелочей. Прежде всего в нем учитывалось то обстоятельство, что город быстро росвширь и все ближе подступал к озеру. Но в проекте учитывался и тот немаловажный фактор, что соседний городок Сидартон, расположенный примерно в десяти милях от Уитби, тоже расширился в сторону озера, и не так давно оба города соединили новой, современной автострадой. Пригородные торговые центры вырастали на просторах Америки как грибы, и люди все больше привыкали покупать в них все, что им было нужно — от мелочей до самых важных вещей. Участок Колдервуда площадью в целых двенадцать гектаров был расположен в совершенно идеальном месте с точки зрения строительства на нем большого торгового центра, который мог бы обслуживать тех жителей новых районов обоих городов (а также многочисленных приезжих), которым

несподручно делать покупки в старых торговых точках. И если Колдервуд не поспешит с осуществлением нового проекта, то какой-нибудь предприимчивый бизнесмен, а может быть, и целая корпорация не упустят такой уникальной возможности и через год-другой перехватят у Колдервуда инициативу, в результате чего Колдервуду, кроме всего прочего, грозит резкое снижение объемов продаж в его старом универмаге в Уитби. Поэтому Колдервуду нужно было делать сейчас серьезный выбор: или пустить в город мощного конкурента, который со временем его уничтожит, или же приняться самому за строительство нового торгового центра и стать со временем конкурентом своему собственному универмагу.

В своем проекте Рудольф также обосновывал целесообразность строительства, в комплексе с торговым центром, хорошего ресторана и театра, чтобы привлекать покупателей и в вечернее время. Поскольку театр в Уитби традиционно нанимал труппы только на летний сезон, остальное время года его можно использовать в качестве кинотеатра. Кроме этого, Рудольф в своем проекте обосновывал рациональность возведения новых жилых кварталов в районе озера, дома в которых можно было бы продавать (или сдавать) по сравнительно умеренным ценам. Болотистые районы участка, а также земли, не пригодные для жилья, Рудольф предлагал отвести под строительство предприятий легкой промышленности. Он прошел у Джонни Хита отличную школу, а поэтому знал, что малые предприятия, согласно налоговому законодательству, имеют значительные преимущества перед крупными, и в проекте все это было подробно и толково изложено.

Рудольф был уверен, что его аргументация в пользу учреждения акционерной компании открытого типа на основе уже существующей Ассоциации Колдервуда не может не показаться многоопытному коммерсанту убедительной. Стоимость принадлежащего ему недвижимого имущества плюс гарантированные доходы — сначала универмага, а затем и нового торгового центра — обеспечат ему достаточно высокую цену акций. А в случае смерти Колдервуда, его наследникам, то есть вдове и трем ее дочерям, не придется продавать его дело по бросовой цене и платить налог на наследство — вместо этого у них будет возможность продавать акции пакетами, и в то же время они смогут оставить контрольный пакет акций корпорации за собой.

За тот год, который заняла у Рудольфа разработка проекта, ему пришлось самым тщательным образом вникать в налоговое законодательство, в законодательство о компаниях, а также в законодательство о недвижимом имуществе, и он был поражен тем, насколько американская правовая система позволяла деньгам на вполне законных основаниях защищать самих себя. Но даже

если бы это было не так, он никогда бы не стал обходить законы ради собственной выгоды или обогащения. Закон есть закон. Это игра, в которой есть свои правила, и правила эти нужно хорошо знать и подчиняться им. Если бы правила были иными, то все равно необходимо было бы их соблюдать.

Профессор Дентон уже ждал его в баре, явно чувствуя себя не в своей тарелке среди завсегдатаев, которые, судя по их внешнему виду, никогда в своей жизни даже на пушечный выстрел не подходили к колледжу.

— Спасибо вам.— Дентон говорил негромко, торопливым голосом.— Спасибо, что пришли, Джордах. Я заказал себе бурбон. А вы что будете?

— Днем я не пью,— сказал Рудольф и тут же пожалел о своих словах: Дентон может истолковать его слова таким образом, что его бывший студент не одобряет привычек своего профессора, позволяющего себе пить в четверть первого.

— И правильно делаете,— проговорил Дентон.— Совершенно правильно. Голова должна быть ясной. Обычно я и капли в рот не беру до конца занятий, но сегодня...— Он взял Рудольфа за руку.— Может быть, сядем? — И он сделал жест в сторону одной из кабинок, выстроившихся вдоль стены напротив стойки.— Я знаю, вам нужно скоро возвращаться, и не буду вас долго задерживать.— Он оставил на стойке мелочь за свой бурбон, тщательно пересчитав ее всю до единого цента и, по-прежнему держа Рудольфа за руку, повел к выбранной им кабинке. Они сели лицом друг к другу и, взяв в руки по засаленному меню, лежавшему перед каждым из них, принялись его изучать.

— Мне суп и бифштекс по-гамбургски,— сказал Дентон официантке.— И чашечку кофе, пожалуйста. А вам что, Джордах?

— То же самое,— ответил Рудольф.

Официантка выслушала их и старательно записала заказы в своем блокнотике (в ее записях орфографических ошибок было больше, чем букв: грамотность не относилась к сильным сторонам служительницы общепита). Это была седоволосая, рыхлая женщина лет шестидесяти, на которой ярко-оранжевая, слишком откровенная форма выглядела совершенно нелепо. Маленький, кокетливый, отделанный кружевами передник являлся, очевидно, данью, которую Возраст платил Юности. Лодыжки у нее были напухшими, и возвращалась она на кухню заметно шаркая. Рудольф невольно подумал о своей матери, о ее давней, пронесенной через всю жизнь мечте открыть уютный, маленький ресторанчик с канделябрами на стенах и свечами на столиках,— мечте, которой не суждено было осуществиться. Одно утешение — ей не пришлось носить ярко-оранжевую, слишком откровенную форму.

— Насколько я знаю, дела у вас идут неплохо, Джордах, — сказал Дентон; он сидел сгорбившись, его встревоженные глаза казались огромными за толстыми стеклами очков в стальной оправе. Нетерпеливо махнув рукой и тем самым отвергая возражения со стороны Рудольфа, он продолжал: — Да, я частенько об этом слышу, причем от многих людей. Например, от миссис Дентон. Она ваш постоянный клиент. Приходит к вам за покупками как минимум три раза в неделю. Да вы, наверно, и сами ее видите.

— Не далее как на прошлой неделе, — ответил Рудольф.

— Ну, вот. Говорит, что универмаг ваш просто-таки процветает. И что он совершенно преобразился. Такие увидишь только в больших городах. Масса новых товаров. Что ж, людям нравится покупать. И похоже, в наши дни у всех водятся деньги. За исключением, разумеется, преподавателей университетов. — И в самом деле, на всем облике профессора лежала печать бедности. — Но это к делу не относится. Я пришел сюда не жаловаться, Джордах. Несомненно, вы правильно поступили, что не пошли работать на кафедру... Ох, уж этот затхлый мирок учебного заведения! — с горечью проговорил он. — Все пронизано завистью, интригами, предательством, неблагодарностью... Постоянно чувствуешь себя, будто идешь по самому краю пропасти. Уж лучше жить в мире бизнеса. Ты мне, я тебе. Сильный съедает слабого. По крайней мере, все честно и откровенно. Никто не держит камня за пазухой.

— Это не совсем так... — мягко возразил Рудольф. — Я имею в виду, в мире бизнеса.

— Нет, разумеется, нет, — согласился Дентон. — Все зависит от конкретного человека. Не стоит все обобщать, а значит, и упрощать. И нельзя судить о жизни только на основе теорий, теряя представление о реальности. Так или иначе, я рад вашему успеху и уверен, что вы добились его, не поступаясь своими главными принципами.

Появилась официантка с супом. Дентон рассеянно помешал его ложкой и продолжал:

— Если бы я мог начать все с начала, я бы обходил эти увитые плющом стены десятой дорогой. В этих стенах я и стал тем, кого вы сейчас видите перед собой, — недалеким, озлобленным человеком, неудачником и трусом...

— Уж к вам-то эти слова абсолютно неприменимы, — произнес Рудольф, удивленный тем, как говорит о себе Дентон. Профессор всегда казался таким довольным собой. Он так любил красоваться перед студентами, шокируя их своими пламенными речами по поводу сплошного экономического злодейства, которое, на его взгляд, происходит в стране.

— Я живу в постоянном страхе, я просто дрожу от ужаса,— сказал Дентон, отхлебнув ложку супа. — Да, я живу в страхе и ужасе.

— Если я могу вам как-то помочь, профессор,— заверил его Рудольф,— я готов...

— Вы — добрая душа, Джордах,— горячо проговорил Дентон.— Я сразу же вас выделил из других студентов. Серьезность среди общего легкомыслия, участливость среди абсолютной безжалостности — вы заметно отличались от остальных. Вам нужны были знания, а другие думали только о преуспевании в жизни. О, я внимательно наблюдал за вами все эти годы, Джордах. Вы далеко пойдете, поверьте моему слову. Я преподаю молодым людям уже более двадцати лет. Через мои руки прошли тысячи студентов. Я отлично вижу, кто есть кто, и для меня будущее каждого моего студента не является тайной. Так вот, помните мои слова, вы далеко пойдете.

Дентон доел свой суп, и вскоре официантка принесла им бифштексы и кофе.

— Но вы не будете шагать по трупам, чтобы добиться успеха,— продолжал Дентон, тыкая бифштекс вилкой.— Я хорошо знаю вас, знаю ваш характер. Я наблюдал за вами все эти годы. У вас есть принципы, чувство собственного достоинства, вам свойственно благородства ума, вы просто не способны на низкий поступок. Эти глаза многое замечают, Джордах,— как в учебной аудитории, так и за ее пределами.

Рудольф ел молча, терпеливо ожидая, когда же закончится этот поток восхвалений в его адрес: он понимал, что Дентон собирается попросить его о какой-то большой услуге, иначе не стал бы так славословить его.

— До войны,— продолжал Дентон, жуя мясо,— студентов вашего типа было намного больше: молодых людей с ясным мышлением, обязательных, благородных. Большинства из них уже нет в живых — они погибли в таких местах, названий которых мы даже не помним. Но нынешнее поколение... — он с безнадеежным видом пожал плечами,— они хитрые, расчетливые, безответственные, лицемерные. Только и думают, как бы что-то урвать, не прилагая ни малейших усилий. Вы даже не поверите, сколько студентов пытается обмануть меня на зачетах и экзаменах. Ах, если бы у меня были деньги, я бы не задумываясь уехал бы отсюда куда-нибудь подальше и жил бы на каком-нибудь затерянном в океане острове, подальше от цивилизации.— Дентон нервно взглянул на часы и пробормотал: — Да-а, время не стоит на месте.— Затем опасливым взглядом обвел полутемный зал. Соседняя с ними кабинка была пуста, а четверо или пятеро человек, стоявших у стойки возле входа, вряд ли могли их услы-

шать.— Пожалуй, пора перейти к сути дела.— Дентон понизил голос и перегнулся через стол.— У меня неприятности, Джордах.

«Сейчас он попросит меня порекомендовать ему какого-нибудь подпольного акушера,— мелькнула у Рудольфа дикая мысль.— Так сказать, *любовь в храме науки*». И ему представились заголовки в газетах: *«Профессор истории попадает в историю с юной студенткой»* или, например, *«Доктор за решеткой»*. Но он старался ничем не выдать своего игривого настроения и продолжал с невозмутимым видом расправляться со своим бифштексом. По вкусу этот серый, недожаренный продукт очень мало напоминал мясо, а картошка была, очевидно, полита машинным маслом.

— Джордах, может быть, вы недослышали того, что я вам сказал? — прошептал Дентон.

— Вы сказали, у вас неприятности.

— Совершенно верно.— В голосе Дентона слышались характерные нотки преподавательского одобрения — студент, оказывается, слушал его.— Причем *большие* неприятности.— И Дентон, поднеся чашку к губам, сделал глоток: Сократ и его цикута*.— Со мной хотят разделаться.

— Кто?

— Мои враги.— Глаза Дентона, испуганные и затравленные, снова пробежали по залу, выискивая врагов,— они ведь вполне могли переодеться в спецовки рабочих.

— Насколько я знаю,— сказал Рудольф,— к вам в колледже все относились прекрасно.

— Ах, молодой человек,— с горечью произнес Дентон,— если б вы знали обо всех подводных течениях в нашей преподавательской жизни! О том, что творится на кафедре, в кабинетах начальства! Даже в кабинете самого президента колледжа! Вы, студенты, и не подозревали об этом. Моя беда в том, что я слишком прямолинеен. Я слишком откровенно выражаю свои взгляды и мнения. По своей наивности я верил в миф о свободе — по крайней мере в университетских стенах. Но мои враги не дремали и дожидались своего часа. Мой заместитель на кафедре — нуль как ученый, и мне нужно было выгнать его еще сто лет назад, но я жалел его — какая непростительная слабость! — и не делал этого. А он, оказывается, все эти годы метил на мое место и завел на меня досье, где собирал всяческие обо мне сплетни, услышанные от коллег за стаканом вина, а также мои высказывания на лекциях или в частных беседах, причем вырванные из контекста, ну и разные грязные инсинуации. И вот теперь меня собираются принести в жертву, Джордах.

* *Сократ и его цикута*. Древнегреческий философ Сократ, обвиненный в «поклонении новым божествам» и «развращении молодежи», был приговорен к смерти и принял яд цикуты.

— Не могли бы вы более конкретно сказать, что случилось? — попросил его Джордах. — И тогда, возможно, мне легче будет понять, чем именно я могу вам помочь.

— О да, вы *можете* мне помочь — в этом нет ни малейших сомнений, — скороговоркой произнес Дентон и отодвинул от себя тарелку с недоеденным бифштексом. — Они нашли свою ведьму. Оказывается, это я.

— Я все равно не совсем понимаю...

— Охота на ведьм, — сказал Дентон. — Разве вы не читаете газет? *Долой красных из наших учебных заведений!*

— Но вы же не красный, профессор, — рассмеялся Рудольф. — Кому, как не мне, это знать!

— Тише, тише, мой мальчик! — Дентон тревожно огляделся по сторонам. — О таких вещах не кричат на всех перекрестках!

— Мне кажется, вам не о чем беспокоиться, профессор, — ровным голосом произнес Рудольф (он решил делать вид, будто считает опасения Дентона не стоящими выеденного яйца). — А я уже начал бояться, что с вами произошло действительно что-то серьезное. Например, от вас забеременела студентка.

— Вы, конечно, можете смеяться, — сказал Дентон. — Вполне объяснимо в вашем возрасте. Но в колледжах и университетах уже никто не смеется. В чем меня только не обвиняют! Дескать, в 1938 году пожертвовал пять долларов какой-то сомнительной благотворительной организации. Ссылался на своих лекциях на Карла Маркса (как будто можно рассказывать об экономических теориях девятнадцатого столетия, не упоминая имени Карла Маркса!). Подвергал осмеянию экономическую политику страны (а это было всего лишь ироническое замечание насчет сомнительной финансовой операции, которую провернула одна из влиятельных компаний города, но один из моих дебильных студентов передал мои слова своему не менее дебильному родителю, а тот, оказывается, не кто-нибудь, а глава местного отделения «Американского легиона»^{*}). Нет, вы ничего не знаете, мой мальчик, вы попросту ничего не знаете! Знаете ли вы, например, что университет Уитби ежегодно получает от штата субсидию на развитие сельскохозяйственного факультета? Так вот, какой-то пустомеля из законодательной ассамблеи произносит речь, создает специальный комитет и требует проведения расследования: куда, мол, деваются эти субсидии? Ему, видимо, просто хотелось, чтобы его имя попало в газеты. Как же, патриот! Защитник веры! И вот в университете — но об этом никому ни слова, Джордах! — создается комиссия (во главе с нашим пре-

^{*} «Американский легион» — военно-патриотическая общественно-политическая организация, основанная в США в 1919 году с целью защиты интересов ветеранов первой мировой войны.

зидентом) по расследованию в этой связи обвинений, выдвинутых против нескольких преподавателей факультета. Университету во что бы то ни стало необходимо сохранить субсидии, а для этого им нужно бросить на съедение комитету ассамблеи несколько жертв — и первым среди кандидатов оказываюсь я. Теперь вам понятно, что случилось?

— О Господи! — выдохнул Рудольф.

— Вот именно — только и остается уповать на милосердие Господне! Я, конечно, не знаю, каких политических взглядов вы придерживаетесь, но...

— Никаких, — ответил Рудольф. — Я голосую за независимых кандидатов.

— Похвально! Очень похвально! — одобрил Дентон. — Хотя я рекомендовал бы вам голосовать за республиканцев. Но, с другой стороны, я голосовал за Эйзенхауэра, а чего, спрашивается, я от него дождался?! — Он глухо рассмеялся. — Мой сын до конца воевал в Корее, а Эйзенхауэр обещал молниеносно закончить войну. Впрочем, теперь никто об этом не помнит. Да-а, избирательная система у нас далека от совершенства.

— А в чем должна заключаться *моя* помощь, профессор? — спросил Рудольф. — Я имею в виду, конкретная помощь?

— Как раз к этому я и хочу перейти, — сказал Дентон, допивая кофе. — Комиссия собирается для рассмотрения моего дела ровно через неделю, то есть в следующий вторник, в два часа дня. Прошу вас, запомните это время... Суть предъявляемого мне обвинения я знаю лишь в общих чертах: пожертвования в тридцатые годы в пользу благотворительной организации, под вывеской которой, дескать, скрывались коммунисты; заявления атеистического и радикального толка на читаемых мной лекциях; похвальные отзывы о книгах сомнительного характера, рекомендуемых мною студентам для дополнительного чтения. Словом, самая обычная расправа с неудобным преподавателем, для чего используется удобный предлог. Когда в стране ведется такая политика, как сейчас, и этот тип Даллес* грозит всему миру ядерной бомбой, когда самых достойных людей Америки обливают в Вашингтоне потоками клеветы, а затем вышвыривают из Белого дома, как нашкочивших мальчиков на посылках, то что уже говорить о каком-то несчастном провинциальном преподавателе, каким является ваш покорный слуга? Меня можно уничтожить одним лишь сказанным шепотом словом — единственным словом! К счастью, в университете еще помнят, что существует такое понятие, как совесть (хотя я сильно сомневаюсь, что им ее хватит до конца

* Даллес, Джон Фостер (1888 — 1959) — американский государственный деятель, государственный секретарь США в 1953 — 1959 гг., один из активных сторонников «холодной войны».

года), а посему я пока что имею возможность защитить себя, и поэтому мне разрешено пригласить свидетелей, которые могут поручиться за мое доброе имя...

— Что же я должен сказать? — спросил Рудольф.

— Все, что считаете нужным, мой мальчик, — ответил Дентон прерывистым голосом. — Я не собираюсь вас инструктировать. Говорите то, что обо мне думаете. Вы прослушали три моих курса, мы с вами не раз беседовали вне аудитории, вы бывали у меня дома. Вы умный молодой человек и прекрасно разбираетесь в людях. Вы знаете меня, наверное, лучше, чем кто-либо другой в этом городе. Так что говорите все, что считаете нужным. У вас безупречная, без единого пятнышка репутация, в колледже вы пользовались большим уважением, вы преуспевающий, ничем не скомпрометировавший себя молодой бизнесмен, поэтому ваши свидетельские показания будут чрезвычайно важны.

— Да, разумеется, — пробормотал Рудольф. *Предвестие неприятностей. Нападки. Отношение к этому Колдверуда. Втягивание его универмага в политику, да еще в связи с коммунистической пропагандой.* — Конечно, я дам показания. — («До чего же неподходящее для этого время!» — подумал он с раздражением. А потом вдруг почувствовал — пожалуй, впервые в своей жизни — ту гордость собой, которую, должно быть, испытывают трусы, решившиеся на смелый поступок.)

— Я был уверен, что вы согласитесь, Джордах. — Дентон схватил его за руку и с жаром пожал ее. — Знали бы вы, сколько людей, считавшихся моими друзьями все эти двадцать лет, отказали мне! До чего горько видеть, как они увиваются, малодушничают! Наша страна превращается в прибежище затравленных, побитых собак. Хотите, я поклянусь вам, что никогда не был коммунистом?

— Ну что за глупости, профессор! — воскликнул Рудольф и посмотрел на часы. — Боюсь, мне пора возвращаться. Через неделю, во вторник, ровно в два, я буду в университете. — Он полез в карман за деньгами. — Позвольте мне заплатить за себя.

Дентон жестом остановил его.

— Не забывайте, ведь это я пригласил вас, а значит, вы мой гость. Вам уже нужно идти, мой мальчик, так что поторопитесь. Я не хочу вас больше задерживать. — Он встал, в последний раз огляделся по сторонам и, убедившись, что никто за ними не наблюдает, снова горячо пожал Рудольфу руку.

Рудольф взял в гардеробной пальто и вышел на улицу. Через запотевшее окно он увидел, как Дентон снова подходит к стойке и что-то заказывает — несомненно, еще один бурбон.

Рудольф медленно шел по улице к универмагу, не застегивая пальто, хотя ветер был холодный и резкий, а день — пронизы-

вающе сырой. Улица выглядела так же, как и обычно, а люди, проходящие мимо, ничем не напоминали затравленных, побитых собакам. Бедняга Дентон! И он вспомнил, что именно на лекциях Дентона впервые начал смутно себе представлять, каким образом можно стать преуспевающим капиталистом. Ему вдруг стало смешно. А вот несчастному Дентону сейчас, конечно, не до смеха.

После ужасающего ленча в «Рипли» он чувствовал себя полуголодным, а поэтому, войдя в универмаг, первым делом направился в кафетерий, который был у них в подвальном помещении, и выпил солодового молока под щебетание городских домохозяек, пришедших в универмаг за покупками, а заодно поболтать с подругами. Их мир — устоявшийся и безопасный. Они перекусят многослойными бутербродами, запьют их фруктовой водой с мороженым и, вполне счастливые, пойдут покупать платья по пятьдесят долларов, портативные радиоприемники, подставки под телевизоры, сковородки, гарнитуры для гостиной, кремы для кожи. А для универмага это означает неуклонный рост прибылей.

Он смотрел на эти безмятежные, накрашенные лица, на этих жующих, жаждущих тратить и приобретать женщин, среди которых были и матери, и невесты, и девственницы, и старые девы, и любовницы; он прислушивался к их голосам, тоненьким и басовитым, музыкальным и хрипловатым; он вдыхал сложную смесь источаемых ими духов — и думал: «Слава Богу, я не женат и ни в кого не влюблен. Я не хотел бы посвятить свою жизнь ни одной из этих достойных женщин». Он заплатил за молоко и отправился в свой кабинет.

На его столе лежало письмо. Оно было предельно кратким:

«Надеюсь, ты скоро будешь в Нью-Йорке. У меня крупные неприятности, и мне необходимо с тобой поговорить. Целую, Гретхен».

Он пробормотал, второй раз за последний час: «О, Господи!», и бросил письмо в корзину для бумаг.

Из магазина он ушел в четверть седьмого. Колдервуд так ничего ему и не сказал со времени их утреннего разговора. На улице накрапывал дождь. «Только дождя мне сейчас и не хватало», — досадливо думал он, лавируя на мотоцикле между едущими сплошным потоком машинами. Уже почти доехав до дома, он вспомнил, что обещал матери купить что-нибудь на ужин. Чертыхнувшись, он повернул мотоцикл назад, в деловую часть города, где магазины работали до семи вечера. «Хочу, чтобы это было сюрпризом», вспомнил он слова матери. *Через пару недель, мамочка, твоего распрекрасного сынка могут вышвырнуть пинком под зад на улицу. Как тебе понравится такой сюрприз?*

Он купил небольшую курицу, пару пакетов чипсов, банку с зеленым горошком и половину яблочного пирога на десерт. Проталкиваясь через толпу домохозяек, он вспомнил утренний разговор с Колдервудом и с мрачной иронией усмехнулся. *Юный чудо-финансист, окруженный восхищенными поклонницами, отправляется в свой фамильный особняк (фотографии которого мы столь часто можем увидеть в журналах «Лайф» и «Дом и сад»), где его ждет роскошная трапеза.*

В последнюю минуту, уже собираясь выйти из магазина, он купил бутылку шотландского виски. В такой вечер трудно будет обойтись без выпивки.

Спать он лег очень рано, чувствуя себя слегка опьяневшим, и, прежде чем погрузиться в сон, уныло подумал: единственным приятным событием за весь день была утренняя пробежка с Квентином Макговерном.

Неделя прошла как обычно. Встречаясь с Рудольфом в магазине, Колдервуд о проекте не вспоминал, а говорил с ним этим своим скрипучим и слегка раздраженным голосом лишь о текущих делах. Ни по его поведению, ни по каким-либо другим признакам понять, принял ли он окончательное решение или пока еще не принимал, было абсолютно невозможно.

Рудольф позвонил в Нью-Йорк (по телефону-автомату, так как Колдервуд не любил, когда для личных звонков использовались служебные телефоны) и сообщил Гретхен, что сможет приехать лишь в конце следующей недели. Это явно огорчило ее, но она не стала объяснять по телефону, что у нее за неприятности. «С этим можно подождать», — сказала она, и он немного успокоился. «Если с этим можно подождать», — подумал Рудольф, — значит, все не так уж и плохо».

Дентон больше ему не звонил. Наверное, боялся, что Рудольф может сказать по телефону, что передумал являться на комиссию и давать показания в его пользу. А Рудольфа между тем данное им обязательство выступить свидетелем по делу Дентона тяготило все больше. Не исключено, что у комиссии могут быть против Дентона такие улики, о которых тот сам не подозревал или которые сознательно скрывал. И тогда Рудольф будет выглядеть его сообщником, или лжецом, или, в лучшем случае, простофилей. Но больше всего его беспокоило то, что комиссия, собираясь разделиться с Дентоном, будет враждебно настроена к любому свидетелю, который попытается ей помешать. А Рудольф всю свою жизнь стремился нравиться людям, располагать их к себе, особенно тех, кто имеет вес в обществе. Поэтому одна уже мысль о том, что ему придется предстать перед всеми этими учеными, перед их осуждающими, безжалостными лицами, не на шутку его тревожила.

Всю неделю он ловил себя на том, что мысленно произносит перед комиссией речи, стараясь достойно защитить Дентона и в то же время очаровать его судей. Но ни одна из речей по-настоящему не нравилась ему. И он решил, что лучше всего держаться перед комиссией как можно более непринужденно и, в зависимости от настроений на этом судилище, действовать и говорить экспромтом, сообразно обстоятельствам. Хорошо еще, что об этой истории не знает Колдервуд. А если бы узнал?..

К концу недели он вконец извелся и спал очень плохо. Его преследовали сладострастные сны, оставлявшие в нем лишь чувство раздражения и неудовлетворенности: Джули, танцующая обнаженной перед водопадом; Гретхен, томно распростершаяся в каноэ; Мэри-Джейн, раздвигающая ноги, а затем привстающая в постели с голой грудью и перекошенным ртом, изрыгающим проклятия в его адрес; отходящий от пристани корабль, на борту которого стоит девушка и улыбается ему, а он, глядя, как ветер вздымает ей юбки, бежит по пристани что есть силы, отчаянно пытаясь успеть на корабль, но чьи-то сильные руки хватают его и пригвозждают к месту, и корабль уходит в открытое море без него...

В воскресенье Рудольф собирался просмотреть свой экземпляр бумаг, которые он отдал в прошлый понедельник Колдервуду. Ему хотелось сделать в них кое-какие исправления и дополнения, пришедшие ему в голову за эти шесть дней, но, услышав утром звон колоколов, он уже знал, что поработать ему не удастся. Мать, стоило до ее ушей донестись церковному звону, становилась просто невыносимой. Она начинала произносить длинные, скорбные тирады, горюя о том, что вот уже почти тридцать лет живет, как неверующая, и убеждать Рудольфа пойти вместе с ней в церковь, чтобы она смогла побывать на мессе, исповедаться и причаститься.

— Я знаю — мне вечно гореть в аду, — сказала она Рудольфу за завтраком, — и все только потому, что ты не можешь отвести меня в церковь, до которой и идти-то всего три квартала отсюда. Подумать только — какие-то три квартала, и твоя мать сможет надеяться на спасение души.

— Как-нибудь в другое воскресенье, мама, — ответил Рудольф. — Сегодня я очень занят.

— Пока придет это твое другое воскресенье, меня успеют похоронить, и я окажусь в аду, — ныла мать.

— Ты уж постарайся не умирать, ладно, мама? — сказал он, затем встал и, одевшись, ушел, оставив мать дома рыдающей.

Был ясный, морозный день. В бледно-голубом зимнем небе висел яркий, холодный диск солнца. Рудольф был очень тепло одет: плотная куртка на овечьем меху, какие носят военные летчики, на голове вязаная шерстяная шапочка, на глазах огромные защит-

ные очки. Пройдя к гаражу, он выкатил мотоцикл, но не сразу поехал. Некоторое время стоял, держа мотоцикл за руль, и размышлял, какое направление выбрать. Ему никого не хотелось видеть, никаких дел в городе у него не было. Да-а, уж этот досуг, проклятие современного человека.

Затем сел на мотоцикл и, рывком нажав на педаль, завел двигатель. Но некоторое время медлил, прежде чем повернуть ручку газа. И в самом деле, куда ехать? Мимо пронеслась автомашина с лыжами наверху. «Почему бы и нет? Это место не хуже других», — подумал он и поехал вслед за машиной. Он вспомнил, что однажды Ларсен, молодой человек из лыжного отдела магазина, сказал ему, что там, на холмах, в нижней части подъемника стоит амбар, в котором по воскресеньям можно взять напрокат лыжи. По словам Ларсена, если поставить это дело на широкую ногу, то можно было бы там зашибать неплохие деньги. Рудольф уже знал, куда едет, и больше не чувствовал себя неприкаянным.

До лыжных склонов Рудольф добрался почти полностью околеченным. На ослепительно белый снег, освещаемый яркими лучами солнца, было больно смотреть. Вниз по холму легко скользили фигурки лыжников — цветные пятна на белоснежном фоне. Все вокруг казались молодыми, пышущими здоровьем, веселыми. Девушки, в обтягивающих их тугие, круглые попки брюках, если и привлекали к себе похотливые взгляды мужчин, то даже вожделение на этих белых, морозных просторах казалось стерильно чистым и полезным для здоровья.

Некоторое время Джордах стоял и любовался представившимся ему зрелищем, затем почувствовал, как к нему подкрадывается меланхолия, печальное сознание того, насколько он одинок и насколько ему не хватает подобных радостей жизни. Он уже хотел было вернуться туда, где оставил свой мотоцикл, и укачать назад в город, как увидел, что по склону холма к нему стремительно спускается Ларсен. Эффектное торможение с поворотом, облако взрытого снега — и перед Рудольфом стоял молодой заведующий лыжным отделом.

— Доброе утро, мистер Джордах, — поздоровался Ларсен. Широкая улыбка, два ряда ослепительно белых зубов. Через мгновение почти столь же эффектно позади Ларсена остановились две спускавшиеся вместе с ним девушки.

— Здравствуйте, Ларсен, — ответил ему Рудольф. — Вот, приехал взглянуть на амбар, о котором вы мне рассказывали.

— Говорю вам, верное дело, — убежденно произнес Ларсен, а затем, наклонившись, ловким, легким движением освободил крепление лыж. Он был без головного убора, и, когда нагнулся, чтобы открепить лыжи, его длинные, прямые, светлые волосы

упали ему на глаза. Глядя на него, такого ладного в красном свитере, с такими хорошенькими спутницами за его спиной, Рудольф невольно подумал, что уж его-то, этого красавца, словно сошедшего с плаката, рекламирующего лыжные курорты, вряд ли мучат по ночам сны об отходящих от причалов кораблях.

— Здравствуйте, мистер Джордах,— проговорила одна из девушек.— Я и не знала, что вы тоже лыжник.

Он пристально в нее всматривался, пытаясь узнать ее, и она, рассмеявшись, сказала:

— Все равно не узнаете: я — в маске.

На ней были большие, с зеленоватым отливом, защитные очки, почти полностью закрывавшие ее маленькое лицо, и когда она сдвинула их вверх красной, с голубым рисунком, шерстяной шапочки, он наконец узнал ее. Это была мисс Соумз из отдела пластинок — та самая аппетитная блондинка, соблазнительно раскачивавшая бедрами в такт музыке, которая всегда, когда он проходил мимо, улыбалась ему с притворной, а потому волнующей, застенчивостью.

— Доброе утро,— ответил Рудольф, не без приятности заметивший, насколько тонка у нее талия и округлы ее бедра и ягодицы.— Я не лыжник, а скорее любитель подглядывать за лыжницами.

Мисс Соумз снова рассмеялась:

— О, здесь хватает, за кем подглядывать.

— Мистер Джордах,— с некоторой скованностью проговорил Ларсен, успев к этому времени снять с себя лыжи.— Позвольте вам представить мою невесту, мисс Пакард.

Мисс Пакард тоже сняла защитные очки и оказалась столь же хорошенькой, как и мисс Соумз, и примерно того же возраста.

— Очень приятно,— произнесла она.

Невеста... Люди по-прежнему женятся и выходят замуж.

— Я вас на полчаса оставлю, девочки, не возражаете? — сказал Ларсен.— Нам с мистером Джордахом нужно решить один деловой вопрос.

Он воткнул свои лыжи и палки в снег, и они с Рудольфом направились к дороге, а девушки, помахав им рукой, продолжили спуск по склону, к самому низу подъемника.

— Здорово же они держатся на лыжах! — произнес Рудольф, восхищенно проводив их глазами.

— Скорее, посредственно,— снисходительно проговорил Ларсен.— Но у них есть и другие прелести.— И он рассмеялся, сверкнув своими великолепными белыми зубами, столь эффектно оттенявшими загар на его лице. Насколько знал Рудольф, Ларсену платили шестьдесят пять долларов в неделю. Странно, как может человек чувствовать себя таким счастливым, каким, без сомнения, чувствовал себя Ларсен, если он получает всего лишь шестьдесят пять долларов в неделю?

До амбара нужно было идти метров двести. Стоял он прямо у дороги и выглядел вполне внушительно: большое, хорошо защищенное от непогоды строение.

— Там нужно поставить большую железную печь,— сказал Ларсен,— и тогда сразу станет тепло и уютно. Если тут начать дело всерьез, то, по моим прикидкам, только за субботу и воскресенье можно будет сдавать напрокат где-то тысячу, а то и больше пар лыж и примерно двести-триста пар ботинок, ну а если прибавить сюда Рождество, Пасху и другие праздники, то сами понимаете, что это значит. А для выдачи этого добра можно нанять пару пареньков из колледжа — их устроит и маленькая зарплата. Говорю вам, здесь настоящее золотое дно. И если за это дело не возьмемся *мы*, то нас опередят другие. Этому лыжному курорту всего второй год, он начинает входит в моду, и кто-нибудь обязательно скумекает, какая здесь кроется выгода.

Рудольфу его доводы показались достаточно убедительными, и он невольно улыбнулся похожести ситуаций: еще неделю назад он с таким же напором убеждал Колдервуда в выгодности *своих* предложений, приводя *свои* доводы. Да-а, бизнесмену часто приходится выступать сразу в двух ипостасях — сегодня проталкивает свою идею *он*, а завтра кто-то навязывает свои идеи *ему*. «В роли первого,— подумал, улыбнувшись про себя, Рудольф,— я выступаю в рабочие дни, а в роли последнего — по выходным. Если выгорит это дельце, я обязательно повышу Ларсену зарплату».

— А кому принадлежит это место? — спросил Рудольф.

— Не знаю,— ответил Ларсен.— Но это, я думаю, несложно выяснить.

«Бедняга Ларсен,— подумал Рудольф.— Нет у него хватки настоящего бизнесмена. Если бы эта идея пришла в голову *мне*, я бы, прежде чем с кем-нибудь ею делиться, посмотрел бы сначала, а не смогу ли я купить этот амбар сам».

— Я хочу вас кое о чем попросить, Ларсен,— сказал Рудольф.— Узнайте, кому принадлежит этот амбар и что он за него хочет, а если он не собирается его продавать, на каких условиях согласится сдать в аренду.

— Я все понял,— произнес Ларсен, кивая с серьезным видом.— Нужно вести разговор так, чтобы он не запросил слишком много. Правильно, мистер Джордах?

— Совершенно верно,— ответил Рудольф.— Попытка — не пытка. Ну, а теперь хотелось бы как можно скорей убраться отсюда. Я замерз как собака, и не отказался бы от чашечки горячего кофе.

— В миле отсюда, прямо по этой дороге, есть одно неплохое местечко. Сейчас уже почти время для ленча. Так, может быть,

вы согласитесь, мистер Джордах, присоединиться ко мне и моим спутницам и пообедать там вместе с нами?

Первым его побуждением было сказать «нет». Его никогда нельзя было увидеть за пределами магазина с подчиненными, разве что изредка с кем-нибудь из заведующих секторами или же, еще реже, с тем или иным покупателем. Но как раз в эту секунду по всему его телу пробежала произвольная дрожь — он и в самом деле закохенел от холода. Ему все равно нужно куда-нибудь зайти отогреться. *Соблазнительная, изящная, словно живущая в ритме танца мисс Соумз.* Ничего с ним не случится, если он пойдет с ними.

— Спасибо, Ларсен, — ответил он. — Буду очень рад.

И они пошли назад к подъемнику. У Ларсена была основательная, неторопливая, мужская походка, и он уверенно ступал по скользкой дороге в своих тяжелых, с резиновыми подошвами, лыжных ботинках. Рудольфу же в легких, на кожаной подошве туфлях приходилось идти, чтобы не поскользнуться, очень осторожными, семенящими шажками. Он надеялся, что девушки не видят его.

А те уже успели снять свои лыжи и поджидали их. Ларсен хотел было объявить девушкам, что на ленч вместе с ними идет и Рудольф, но мисс Соумз заговорила первая:

— Мы просто умираем с голоду. Неужели никто не накормит нас, бедных сироток?

— Хорошо, хорошо, девочки, — произнес Ларсен начальственным тоном. — Мы как раз собирались отвезти вас на ленч, так что не бойтеся.

— Ах, мистер Джордах, — проговорила мисс Соумз, — неужели вы обедаете вместе с нами? Какая честь! — И она в свойственной ей притворно-застенчивой манере опустила ресницы на свои веснушчатые щеки. Насмешливость в тоне ее голоса была несомненной.

— Я сегодня слишком рано позавтракал, — смущенно пробормotal Рудольф, кляня себя за неуклюжесть ответа. — А поэтому не отказался бы перекусить и чего-нибудь выпить. Я поеду за вами на мотоцикле, — сказал он, повернувшись к Ларсену.

— Так этот красавец *ваш*, мистер Джордах? — спросила мисс Соумз, кивнув в сторону мотоцикла.

— Мой, — ответил Рудольф.

— Вот было бы здорово прокатиться! — воскликнула мисс Соумз. У нее была экспансивная, чуть отрывистая манера речи, и в то же время казалось, будто над порывами, подобными этому, она совершенно не властна. — Может быть, вы позволите мне повисеть на вас, пока мы туда доедем?

— А вы не боитесь замерзнуть? — деревянным голосом произнес он.

— На мне две пары длинных, шерстяных поддевок,— несколько не смущаясь, ответила мисс Соумз.— Так что я вам гарантирую, что доеду живая. Бенни,— обратилась она к Ларсену, как если бы вопрос был решен.— Поезжай без меня. Я еду с мистером Джордахом.

Рудольфу ничего не оставалось как сделать вид, будто ничего особенного не происходит, и он двинулся к тому месту, где оставил свой мотоцикл, а Ларсен принялся закреплять три пары лыж на багажнике на крыше своего новехонького «форда». «Интересно, как он умудрился купить машину, получая шестьдесят пять долларов в неделю?» — с недоумением подумал Рудольф. И в голове у него промелькнула черная мысль, а не химичит ли Ларсен со счетами своего лыжного отдела?

Рудольф сел на мотоцикл и натянул на глаза свои большие защитные очки. Когда мисс Соумз легко запорхнула на сиденье сзади него, крепко обхватив его за талию, он выехал со стоянки и последовал за «фордом» Ларсена. «Фордик» несся очень быстро, и Рудольф едва поспевал за ним. Стало еще холоднее, ледяной ветер резал лицо, но мисс Соумз, крепко прижимаясь к Рудольфу, то и дело кричала сквозь оглушающий шум ветра:

— Как здорово! Я в полном восторге!

В большом, опрятном ресторане было уже полно лыжников, и в зале стоял глухой, разногласый шум. Они прошли в другой конец помещения, где нашли себе свободный столик у окна. В ресторане было тепло, и Рудольф, прежде чем сесть, снял свою теплую куртку. Остальные тоже сбросили с себя свои парки. На мисс Соумз был светло-голубой кашемировый свитер, соблазнительно подчеркивающий округлость ее небольшого, но полного бюста. Рудольфа поверх свитера, надетого на шерстяную рубашку, украшал повязанный вокруг шеи шарф. «Слишком уж неестественно для такого места»,— подумал Рудольф о перенятой от Бойлана привычке, и, делая вид, что ему слишком жарко, поспешил снять с себя шарф.

Для начала девушки заказали себе кока-колу, а Ларсен — пиво. Рудольф нуждался в чем-то покрепче и заказал себе коктейль «оулд-фэшнд» — смесь виски с водой, горькой настойкой и сахаром, приправленную ломтиком лимона и вишней. Когда принесли напитки, мисс Соумз подняла свой стакан и провозгласила тост: «Давайте выпьем за то, чтобы в нашей жизни всегда были подобные воскресенья, без которых мы просто бы умерли от скуки!» и легонько чокнулась с Рудольфом, который сидел на банкетке рядом с ней, чувствуя, как прижимается ее колено к его ноге. Он медленно отодвинул свое колено, так чтобы это движение не показалось ей неестественным, но тут же поймал на себе многозначительный и насмешливый взгляд ее ясных и безмятежно голубых глаз.

Все четверо заказали себе бифштексы. Мисс Соумз спросила, есть ли у кого-нибудь десятицентовик для музыкального автомата, и Ларсен оказался проворнее, чем Рудольф, первым достав из кармана монетку. С десятицентовиком в руке мисс Соумз протиснулась мимо Рудольфа, положив для опоры руку ему на плечо, и прошла к автомату, грациозно покачивая своей округлой, выпуклой попкой, волнующе женственной на фоне ее больших, неуклюжих ботинок.

Зазвучала громкая музыка, и мисс Соумз направилась в обратный путь к столу, идя игриво легким, пританцовывающим шагом в своих тяжелых ботинках. На сей раз, переступая через ноги Рудольфа, она прижалась к нему более откровенно, так что не могло быть ни малейших сомнений, что это не было случайностью, а сев на свое место, оказалась к нему гораздо ближе, чем раньше, и ее колено прижалось к его ноге еще теснее. Если бы он и на сей раз попытался отодвинуться от нее, это было бы слишком заметно, так что он остался на месте.

Ему бы хотелось заказать к бифштексу бутылку вина, но он не решался на это, опасаясь, что остальные воспримут это как стремление щегольнуть перед ними, показать им свое превосходство. В меню значилось калифорнийское красное и калифорнийское белое.

— Может быть, закажем бутылочку вина? — наконец спросил он, решив переложить ответственность на других.

— Я — за, — сразу же откликнулась мисс Соумз.

— Солнышко, а как ты? — повернулся Ларсен к мисс Пакард.

— Я как все... — ответила покладистая невеста Ларсена.

К концу обеда они умудрились выпить целых три бутылки вина на четверых. Ларсен выпил больше других, но остальные тоже не отлынивали.

— Вот удивятся девочки завтра в универмаге, — говорила раскрасневшаяся мисс Соумз, тесно прижимаясь бедром и коленом к Рудольфу и время от времени проводя ногой по его ноге, — когда я скажу им, что меня спаивал в воскресенье не кто-нибудь, а наш великий, неприступный мистер Недотрога собственной персоной.

— Думай, что говоришь, Бетси, — остановил ее Ларсен, обеспокоенно глянув на Рудольфа, чтобы увидеть его реакцию на мистера Недотрогу. — Не распускай своего языка.

Но мисс Соумз пропустила слова Ларсена мимо ушей. Откинув преувеличенно порывистым движением руки (маленькой и пухленькой, как игрушечная подушка) белокурые волосы со лба, она продолжала:

— Своими шикарными столичными манерами и бьющим в голову калифорнийским вином этот Наследный Принц из сказки

обезоружил меня, заставив потерять голову и вести себя на людях неприлично. Да-а, с ним надо держать ухо востро, с нашим мистером Джордахом. — Она приложила к уголку глаза палец и подмигнула. — Когда смотришь на него, кажется, что он из тех людей, которые одним своим взглядом могут заморозить целый ящик пива. Но наступает воскресенье, и все мы вдруг узнаем, кто такой на самом деле мистер Джордах. Хлопают пробки, льется рекой вино, и мистер Джордах, никого из себя больше не строя, запросто пьет со своими подчиненными, громко смеется затасканным шуточкам Бена Ларсена и жмет под столом ножку бедной продавщице из своего универсама. Кстати, мистер Джордах, у вас ужасно костлявые колени.

Рудольф невольно рассмеялся, и другие присоединились к нему.

— Зато у вас они далеко не костлявые, мисс Соумз, — сказал он. — Уж можете мне поверить!

Все снова расхохотались.

— Мистер Джордах, лихой мотоциклист, бесстрашно носящийся по скользким горным дорогам, — он у нас все видит, все знает, все чувствует! — не унималась мисс Соумз. — О, Господи, не могу я больше называть вас мистером Джордахом! А что если называть вас Молодым Хозяином? Или, может быть, вы снизойдете к нам и позволите называть себя просто Руди?

— Да, конечно, называйте меня просто Руди, — ответил он.

Если бы здесь больше никого не было, он схватил бы ее и стал бы жадно целовать это раскрасневшееся, хорошенькое, соблазнительное личико, эти влажные, полунасмешливые, полужовушские губы.

— Значит, решено, с этой минуты ты Руди, — торжественно заявила мисс Соумз. — Слышишь, Соня, называй его Руди.

— Привет, Руди, — равнодушно отозвалась мисс Пакард: ей было все равно — она не работала в магазине.

— А его называй Бенни, — приказала Рудольфу мисс Соумз, глянув на Ларсена.

Ларсен умоляюще взглянул на Рудольфа и проговорил:

— Не обращаете на нее внимания, мистер Джордах. Она когда выпьет, совсем теряет голову. Да разве...

— Чепуха, Бенни, — остановил его Рудольф. — Можешь называть меня Руди.

— Хорошо, Руди, — неохотно произнес Ларсен.

— Руди, непостижимый Руди, человек-загадка, — снова принялась за свое мисс Соумз, попивая вино. — Закрывается магазин, и он растворяется в небытии. Никто его нигде не видит, кроме как на работе — ни мужчины, ни женщины, ни дети. Особенно это касается женщин. На одном только нижнем этаже в нашем магазине я могу насчитать двадцать девушек, включая себя, ко-

торые каждую ночь обливают слезами свои подушки, потому что сохнут по нему — я уж не говорю о продавщицах в других отделах,— но он проходит мимо всех нас с этой своей холодной, бессердечной улыбкой.

— Интересно, где ты научилась так говорить? — удивленно спросил Рудольф, которого слова девушки и смущали, и смешили, и трогали.

— Она у нас начитанная,— ответила за нее мисс Пакард.— Проглатывает по книжке в день.

А мисс Соумз, словно никто и не прерывал ее, продолжала свой монолог:

— Да-а, он таинственность, облаченная в загадочность, как выразился мистер Черчилль, правда, по другому поводу. Кое-кто видел, как он бежит на рассвете в сопровождении юного, чернокожего отрока. От кого и от чего он бежит? И какое послание несет его чернокожий друг? Его также видели в Нью-Йорке, в весьма сомнительных районах. Какие прегрешения за ним водятся в этом гигантском городе? И почему он не грешит там, где живет?

— Бетси,— пробормотал Ларсен слабым голосом.— Давай закруляться и поедем еще покатаемся. У нас впереди целых четыре часа дневного света.

— Настройтесь на ту же самую станцию в следующее воскресенье, и, возможно, вы получите ответы на все эти вопросы,— сказала мисс Соумз.— А теперь можешь поцеловать мне руку.— Она величественно протянула Рудольфу руку ладонью вниз, и Рудольф, покраснев, поцеловал ее.

— Мне пора возвращаться в город,— поспешно проговорил он. Счет уже лежал на столе, и он выложил рядом с ним деньги — пятнадцать долларов, включая чаевые.

Они вышли и увидели, что падает небольшой снежок. Горы нахмурились и выглядели угрожающими, их очертания почти стерлись за снеговой завесой.

— Спасибо за ленч, мистер Джордах,— сказал Ларсен (с него хватило и одного «Руди»).— Было просто здорово.

— Мне тоже было очень приятно, мистер Джордах,— произнесла вслед за Ларсеном мисс Пакард, по-видимому привыкая к роли его супруги.— Спасибо.

— Пойдем, Бетси,— поторопил Ларсен мисс Соумз.— Пару раз скатимся с горки — и винных паров как ни бывало.

— Нет, я возвращаюсь в город с моим добрым, старым приятелем Руди, вверяя свою драгоценную жизнь ему и его славному мотоциклу, столь дерзко бросающим вызов смерти,— провозгласила мисс Соумз.— Ведь так, Руди?

— Смотри, не заочней по дороге,— проговорил Рудольф, глядя на маленькую, беззащитную фигурку в меховой парке,

с этими непомерно большими защитными очками на лбу. Ее голова вместе с шапочкой и очками казалась неоправданно массивной рамой для этого маленького, лукавого личика.

— Сегодня мы больше не расположены кататься на лыжах, — величественно произнесла мисс Соумз. — Нас влекут другие виды спорта, в частности мотоциклетный. — И она, стараясь не качаться, направилась к мотоциклу. — Давай же оседлаем механического коня, Руди, и полетим как на крыльях, — продекламировала она, оглядываясь на Рудольфа.

— Вам не обязательно везти ее, если вы не хотите, — обеспокоенно проговорил Ларсен, испытывая неловкость за девушку.

— Ничего, пусть едет, — успокоил его Рудольф. — Я постараюсь ехать медленно и обещаю вам не уронить ее по дороге.

— Она странная девочка, — сказал Ларсен, чувствуя себя ответственным за ее поведение. — Совершенно не умеет пить. Но поверьте мне, она говорила все это без всякого умысла, а просто спына.

— Ничего страшного не произошло, Бенни, — сказал Рудольф и похлопал Ларсена по могучему, облаченному в свитер плечу. — Не беспокойся. И постарайся поскорее разузнать насчет амбара. — (Назад, в привычный, безопасный мир бизнеса.)

— Да, можете на меня положиться, мистер Джордах, — заверил его Ларсен.

Рудольф завел мотоцикл и, покинув ресторанныю стоянку, выехал на автостраду. Сзади, обхватив его талию руками и тесно прижавшись к нему, сидела мисс Соумз, а возле ресторана стояли Ларсен с мисс Пакард и махали им вслед рукой.

Снег шел не очень густой, но все равно заставлял его ехать на небольшой скорости и осторожно. Лежащие на его талии руки мисс Соумз были на удивление цепкими для такой хрупкой девушки, и, хотя выпитое вино и развязало ей язык сверх положенной меры, она умело сохраняла равновесие и вовремя наклонялась вместе с Рудольфом на поворотах. Время от времени она начинала петь — видимо, те песни, которые целыми днями слушала в своей музыкальной секции, — но завывающий в ушах ветер не давал Рудольфу их расслышать, за исключением лишь маленьких отрывков, да и те, казалось, доносятся откуда-то издалека — словно маленькая девочка в дальней комнате большого дома пела сама для себя свои любимые песенки, и ее прихотливый голос то замолкал, то вновь начинал звучать.

Сегодняшняя прогулка на мотоцикле доставила ему немало удовольствия — впрочем, как и весь этот день. Он уже был рад, что разговоры матери на церковные темы выгнали его из дому.

Когда они доехали до окраины Уитби, он сбавил скорость и спросил у мисс Соумз, где она живет. Оказалось, недалеко

от университета, и, повернув с шоссе, он покатил по знакомым улицам. До наступления вечера было еще сравнительно далеко, но нависшие над головой низкие, темные тучи прежде времени окутали землю сумерками, и уже сейчас в домах, мимо которых они проезжали, горели огни. Увидев знак «Stop», Рудольф был вынужден сбавить скорость и сразу же почувствовал, как рука мисс Соумз медленно сползает с его талии к ширинке. Остановившись там, рука ее начала мягко гладить его мужское достоинство, и мисс Соумз, приблизив губы к самому его уху, тихонько и мелодично рассмеялась.

— Законы штата запрещают отвлекать водителей в дороге, — пробормотал Рудольф. — Это чревато непредсказуемыми последствиями.

Но она, снова рассмеявшись, продолжала водить рукой по тому же самому месту.

Когда они проезжали мимо старика, прогуливающего собаку, тот, насколько успел заметить Рудольф, прямо остолбенел, увидев такое неподобство. Рудольфу ничего не оставалось, как резко повернуть ручку газа, тем самым заставив мотоцикл рвануть вперед, но мисс Соумз так и не убрала руку, а лишь крепко ухватилась ею за то место, которое только что так настойчиво ласкала.

Дом, в котором она жила, оказался старым, дощатым строением, рассчитанным на одну семью, с пожелтевшим газоном впереди. Дом стоял темный, огней в окнах не было.

— Ну, вот я и дома, — воскликнула мисс Соумз и легко соскочила с сиденья. — Мне очень понравилась поездка, Руди, очень. Особенно последние две минуты. — Сняв очки и шапочку, она встряхнула головой, дав волосам рассыпаться по плечам. — Хочешь ко мне зайти? Дома никого нет. Мать с отцом в гостях, брат — в кино. Так что мы можем с тобой плавно перейти к следующей главе.

Он колебался, не зная, как поступить. Затем снова взглянул на дом, попытавшись представить, каков он внутри. Да, конечно, папочка и мамочка в гостях, но могут возвратиться в любую минуту, а братцу может не понравиться кино, и он свалится на них как снег на голову на час раньше времени. Мисс Соумз между тем стояла перед ним, держа одну руку на соблазнительно выгнутом бедре, а другой крутя в воздухе очки с лыжной шапочкой, и насмешливо улыбалась.

— Ну, и что мы решили? — спросила она.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил он.

— Эх ты, трусишка! — сказала она и звонко рассмеялась. Затем побежала к дому. У дверей остановилась, обернулась и показала ему язык. И уже в следующее мгновение темный дом поглотил ее.

Он с задумчивым видом завел мотоцикл и медленно поехал по темнеющим улицам к центру города. Ехать домой не хоте-

лось, поэтому он оставил мотоцикл на стоянке возле кинотеатра и зашел в кинозал. Но на экран почти не смотрел, и если бы у него спросили (когда он вышел на улицу), о чем фильм, который он только что посмотрел, то ничего вразумительного от него не услышали бы.

Эта мисс Соумз никак не шла у него из головы. Ветреная, легкодоступная, маленькая девчонка, которая весь день только и делала что поддразнивала его да насмеялась над ним. Он без восторга думал о том, что на следующий день, хочет он этого или не хочет, ему придется увидеть ее в универмаге. Если бы он мог, то уволил бы ее с работы. Но она, конечно, обратилась бы в профсоюз, и ему пришлось бы как-то обосновывать свое решение об увольнении. И что бы он им ответил? *«Она назвала меня мистером Недотрогой, обращалась ко мне на ты, фамильярно называла по имени, а в конце держала меня за член на улице».* Очень убедительно!

Нет, от мысли об увольнении мисс Соумз ему придется отказаться. Что ж, этот день доказал ему лишь одно: он с самого начала был прав, не желая иметь ничего общего с его подчиненными из магазина.

Пужинал он в ресторане, один, выпив целую бутылку вина, и когда ехал домой, чуть не сшиб уличный фонарный столб.

Спал он той ночью скверно, а когда проснулся, как обычно, без четверти семь и представил, что нужно вставать и бежать с Квентином Макговерном на стадион, то даже застонал от неохоты. Но все-таки встал и все-таки побежал.

Делая свой обычный утренний обход универмага, в отдел пластинок он не стал заходить, однако в лыжный отдел заглянул. Ларсен, очень эффектный в своем красном свитере, произнес «Доброе утро, мистер Джордах» так же почтительно, как и всегда, словно они и не проводили вчерашний день вместе.

Во второй половине дня его пригласил к себе Колдервуд.

— Так вот, Руди,— сказал он,— я подумал над твоими предложениями и обсудил их кое с кем в Нью-Йорке. Завтра мы с тобой туда отправляемся и в два часа встречаемся с моим юристом в его конторе на Уолл-стрит. Тебе нужно будет ответить на ряд вопросов. Поедем одиннадцатичасовым поездом. Пока я ничего не могу обещать, но мои люди считают, что в твоих мыслишках кое-что есть.— Он бросил на Рудольфа внимательный взгляд и с укоризной сказал: — Что-то я не вижу особой радости, Руди.

— Ну, что вы, сэр, я, конечно, рад! Очень рад! — И Рудольф выдавил из себя улыбку. *В два часа во вторник я обещал Дентону явиться на заседание комиссии. Именно в два часа и во вторник.*— Для меня это замечательная новость, сэр.— Он снова попытался

улыбнуться, стараясь придать лицу мальчишеское, наивное выражение: — Наверно, я просто не был готов к этому — я имею в виду, к тому, что это будет так скоро.

— Ленч у нас с тобой будет в поезде, — сказал в завершение Колдервуд и отпустил его.

Ленч с Колдервудом, да еще в поезде, означал, что ему придется обойтись без спиртного. И Рудольф, выходя из кабинета своего патрона, почувствовал вдруг, что его это огорчает даже больше, чем незадача с профессором Дентоном.

Во второй половине дня в его кабинете зазвонил телефон, и мисс Джайлз ответила в трубку:

— Сейчас узнаю, есть ли он на месте. А кто его спрашивает? — И, закрыв трубку ладонью, сообщила Рудольфу: — Профессор Дентон.

Поколебавшись секунду, Рудольф протянул руку за трубкой.

— Добрый день, профессор, — произнес он приветливо. — Как поживаете?

— Джордах, — хрипло проговорил Дентон, — я в «Рипли». Вы не могли бы уделить мне пару минут? Нужно с вами поговорить. «Это даже кстати, — подумал Рудольф. — Все равно пришлось бы ему сказать. Так пусть лучше раньше, чем позже».

— Разумеется, профессор, — ответил он в трубку. — Уже иду. — И, повернувшись к мисс Джайлз, сказал: — Если понадобится кому-нибудь, через полчаса буду на месте.

Войдя в бар, он не сразу увидел Дентона. Тот опять выбрал самую последнюю из кабинок и сидел там, не снимая пальто и шляпы, сгорбившись над столом и обхватив обеими руками стакан с бурбоном. Небритый, помятый, запотевшие, грязные стекла очков. Рудольфу невольно подумалось, что профессор стал похож на какого-нибудь старого забудлыгу, забредшего среди зимы в парк и сидящего там на скамейке с затуманенным, отсутствующим взором. Так он и будет сидеть, пока полицейский не прогонит его, заставив искать какое-либо иное прибежище. Самоуверенный, громкоголосый, ироничный преподаватель из студенческого прошлого Рудольфа, человек остроумный и ценящий остроумие в других, перестал существовать.

— Здравствуйте, профессор, — сказал Рудольф, садясь за стол против Дентона. От универмага до заведения «Рипли» было рукой подать, поэтому Рудольф пришел без пальто. — Рад вас видеть. — И он улыбнулся, как если бы давая этим понять Дентону, что не усматривает в его внешности никаких изменений.

Дентон посмотрел на него тусклым взглядом и даже не протянул руки. Его лицо, обычно румяное, казалось сейчас землисто серым. «Даже кровавые тельца у него утратили волю к жизни», — подумал Рудольф.

— Возьмите и себе чего-нибудь выпить,— глухим голосом проговорил Дентон. Сам он, судя по всему, уже успел пропустить стаканчик. И, скорее всего, не один.

— Мисс,— крикнул Дентон официантке, их старой знакомой в оранжевой форме, стоявшей, опершись на стойку, в другом конце бара и напоминавшей своей позой старую кобылу в упряжи.— Что будете пить? — спросил он у Рудольфа.

— Шотландское виски, пожалуйста.

— Виски с содовой для моего друга, мисс,— сказал Дентон официантке,— а мне еще один бурбон.

После этого он замолчал, снова уставившись застывшим взглядом на зажатый меж рук стакан. По дороге в «Рипли» Рудольф уже решил, как поступит. Скажет Дентону, что хотя завтра он и не сможет дать показания перед комиссией, но готов сделать это в любой другой день, если комиссия согласится отложить слушание дела Дентона. Если же комиссия не пойдет на это, он вечером отправится к президенту университета и скажет ему все то, что должен был сказать на комиссии. В случае, если Дентона такой вариант не устраивает, он может сегодня же написать свое выступление в его защиту, и Дентон сам сможет зачитать текст этого выступления на комиссии. Рудольф откровенно боялся той минуты, когда ему придется изложить все эти варианты Дентону, но о том, чтобы завтра не ехать с Колдервудом одиннадцатичасовым поездом в Нью-Йорк, не могло быть и речи. Он был даже рад молчанию Дентона, отдаляющему неприятный момент начала их разговора, а когда ему принесли его заказ, долго и тщательно размешивал виски и содовую, стараясь превратить звон ложки о стенки стакана в своеобразную музыкальную паузу между их с Дентоном молчанием и началом разговора.

— Мне страшно неудобно, Джордах, что я снова отрываю вас от работы,— не поднимая глаз, невнятно пробормотал Дентон,— но из-за неприятностей человек становится эгоистом. Например, я прохожу мимо кинотеатра и вижу очередь за билетами на смешную комедию. Людям хочется посмеяться. Что же думаю я? А вот что: «Как они могут смеяться, когда у меня такая беда? Как они вообще могут ходить в кино, когда у человека такое горе?» — Дентон горько рассмеялся.— Я, конечно, понимаю, насколько это абсурдно. С тридцать девятого по сорок пятый год в Европе было убито пятьдесят миллионов человек, но я-то сам ходил все это время в кино, да еще по два раза в неделю.— Низко склонившись над столом, он сделал несколько жадных глотков из стакана, по-прежнему держа его между руками. Стакан отбивал о столешницу мелкую дробь, когда Дентон ставил его на стол.

— Скажите мне все-таки, что произошло? — мягко спросил Рудольф.

— А ничего,— ответил Дентон.— Хотя это тоже неправда. Произошло, да еще и как много... Словом, все закончено.

— В каком смысле? — Рудольф старался говорить спокойно, но ему трудно было скрыть радость в голосе. «Значит, все это оказалось ерундой,— думал он.— Бурей в стакане воды. Люди просто не могут быть до такой степени идиотами».— Вы имеете в виду, они прекратили против вас дело?

— Я имею в виду, что это я прекратил дело,— ответил Дентон безжизненным тоном, подняв голову и глядя на Рудольфа погасшими глазами из-под коричневых полей своей выдавшей виды фетровой шляпы.— Я сегодня подал заявление об уходе.

— О, Господи, не может быть! — выдохнул Рудольф.

— Еще и как может,— проговорил Дентон.— Подумать только, после двадцати лет работы! Они сами мне предложили уйти, пообещав в этом случае прекратить дело. И я, представив себе завтрашний день, не выдержал и сдался. И это после двадцати лет работы в колледже!.. Я стар, я слишком стар для борьбы. Будь я хоть на несколько лет моложе... Когда человек молод, он находит в себе силы противостоять абсурду. И ему кажется, что он может добиться справедливости... Моя жена всю эту неделю проплакала. Говорит, что не выдержит такого позора. Конечно, это преувеличение, но все же, когда твоя жена плачет семь дней и ночей подряд, это не может не ослабить твоей воли. Так что все закончено. Я просто хотел поблагодарить вас и сказать, что вам уже не нужно приходить в университет во вторник, в два часа пополудни.

Рудольф сглотнул подступивший к горлу комок облегчения.

— Поверьте, я был бы рад выступить в вашу защиту,— проговорил Рудольф, прекрасно сознавая, что был бы этому далеко не рад. Но в то же время он ведь не отказывался прийти на комиссию, а это уже само по себе было достаточным оправданием его неискренности.— И что же вы собираетесь теперь делать?

— Все-таки нашли люди, которые протянули мне руку помощи,— тусклым голосом произнес Дентон.— Один мой приятель преподает в Международной школе в Женеве, и там мне предложили место. Получать я буду меньше, чем получал здесь, но все же хоть какая-то, да работа. К тому же, я надеюсь, в Женеве нет столько одержимых, как здесь. Да и город, говорят, приятный.

— Но это всего лишь средняя школа,— воскликнул Рудольф,— а вы ведь всю свою жизнь преподавали в колледжах.

— Зато она в Женеве, а это для меня теперь самое важное,— устало проговорил Дентон.— Я хочу уехать из этой проклятой страны.

Рудольф никогда раньше не слышал, чтобы Америку называли «этой проклятой страной», и его потрясла горечь, прозвучавшая в его голосе.

чавшая в словах Дентона. «Америка, Америка, благословенный край...», — пел он еще маленьким мальчиком в школе о той земле, на которой родился, а вместе с ним пели еще сорок мальчиков и девочек, его одноклассников. И Рудольф неожиданно для себя сделал открытие, что, даже теперь, став взрослым, он по-прежнему верит в то, о чем пел, когда был маленьким мальчиком.

— Эта страна не такая уж плохая, какой вам кажется, — сказал он.

— Она даже хуже, чем кажется.

— Вот увидите, всему этому наступит конец, и они сами вас попросят вернуться.

— Никогда! — воскликнул Дентон. — Я не вернусь сюда, даже если меня будут умолять на коленях.

«Человек без родины!» — вспомнился Рудольфу персонаж, о котором им рассказывали во втором или третьем классе. Бедный изгнанник, скитавшийся по морям и океанам, пересаживавшийся с одного корабля на другой, но так никогда и не увидевший родных берегов, не увидевший земли, на которой был рожден, и флага своей страны. «Женева, — подумал он, — эта носящаяся по волнам посудина без флага над головой». Он посмотрел на Дентона, уже превратившегося в изгнанника в этой кабинке захудалого бара «Рипли», и почувствовал к этому человеку не только жалость, но и презрение.

— Я не мог бы чем-нибудь вам помочь? — спросил Рудольф. — Вам не нужны деньги?

Дентон отрицательно покачал головой.

— Мы как-нибудь справимся. На первое время нам должно хватить. Продадим дом. Цены на недвижимость здорово подскочили с тех пор, как я его купил. Страна ведь процветает! — И он сухо, с иронией, рассмеялся. Затем неожиданно встал. — Ну, мне пора домой. Каждый день, после обеда, я даю жене уроки французского.

Он позволил Рудольфу расплатиться за обоих. На улице профессор поднял воротник пальто и стал еще больше похож на старого забулдыгу.

— Я буду вам писать из Женевы, — сказал он, вяло пожав Рудольфу руку. — Самые безобидные письма. Кто знает, может, уже вскрывают письма...

И Дентон, по-старчески шаркая ногами, отправился в сторону своего дома: жалкая, понурая, сгорбленная фигура — старый ученый среди граждан «этой проклятой страны». Рудольф некоторое время смотрел ему вслед, затем повернулся и направил свои шаги в универмаг. Он дышал облегченно и глубоко, чувствуя себя таким молодым и таким счастливым.

Он был из тех, кто стоит в очереди за билетами на кинокомедию, чтобы вдоволь на ней насмеяться, и ему нет дела до тех

прохожих, у кого случилась беда. Пусть пятьдесят миллионов людей погибли в этой войне, но ведь это вовсе не означает, что нужно закрыть все кинотеатры в мире.

Ему было искренне жаль Дентона, но, заставляя забыть о нем, в нем бурлила неумная радость. Начиная с этого момента, все в его жизни будет складываться наилучшим образом, все будет так, как захочет он сам. Этот день он должен воспринимать как явившееся ему доброе знамение свыше, как предзнаменование ждущего его успеха.

На следующий день они с Колдервудом сели на одиннадцатичасовой поезд и отправились в Нью-Йорк. Рудольф чувствовал себя собранным и был настроен оптимистически. И его нисколько не волновало, что, обедая с Колдервудом в вагоне-ресторане, он не сможет заказать себе ничего более крепкого, чем яблочный сок.

Глава 5

1955 год

— Зачем ты за мной приходишь? — недовольно проговорил Билли, когда они шли домой. — Я уже не маленький.

— Скоро ты будешь везде ходить сам, — сказала она, машинально беря его за руку, прежде чем перейти улицу.

— Когда?

— Скоро.

— Но когда скоро?

— Когда тебе будет десять лет.

— Черт возьми!

— Ты не должен говорить таких слов.

— А папа говорит.

— Ты не папа.

— И ты их говоришь.

— Ты не я. Я тоже не должна говорить таких слов.

— Тогда почему ты их говоришь?

— Потому что сержусь на тебя.

— Я тоже сержусь на тебя. Другие ребята ходят домой сами, и мамы не ждут их за воротами, как маленьких.

Сын был прав, и Гретхен это хорошо понимала. Слишком уж она его опекает, и когда-нибудь оба они за это поплатятся (если, конечно, верить доктору Споку*), но ей страшно было даже

* Бенджамин Спок (1903 — 1998) — американский педиатр и педагог, автор знаменитой книги «Ребенок и уход за ним».

представить, что Билли сам, без ее присмотра, будет ходить по Гринич-Виллиджу, где так много машин. Сколько раз она убеждала Уилли, что ради сына им стоило бы переехать куда-нибудь подальше от центра, но Уилли и слышать об этом не хотел. «Неужели ты всерьез думаешь, что я смогу жить в каком-нибудь там Скарздеиле?» — негодуяще вопрошал он, хотя она была уверена, что Скарздейл ничем не хуже, чем Гринич-Виллидж. Она знала немало людей из Скарздейла или из других пригородов Нью-Йорка, и они, на ее взгляд, ничем не отличались от обитателей Гринич-Виллиджа: среди них точно так же были и пьяницы, и бабники, и набожные люди, и политики, и ура-патриоты, и ученые, и самоубийцы — словом, кто угодно.

— Когда же я буду ходить домой сам? — упрямо допытывался Билли.

— Когда тебе исполнится десять лет, — повторила она.

— Но это еще целый год! — разочарованно протянул Билли.

— Ты сам увидишь, как быстро он пролетит, — терпеливо сказала она. — Ну-ка, застегни свое пальто, а то простудишься.

Перед ее приходом он играл на школьной спортивной площадке в баскетбол и все еще был потным. Предвечерний октябрьский воздух дышал прохладой, с Гудзона дул свежий ветер.

— Целый год ждать! — никак не мог успокоиться Билли. — Это, в конце концов, *бесчеловечно*. — И он решительно выдернул свою маленькую руку из ее руки.

Она рассмеялась и, нагнувшись, поцеловала его в макушку, но он поспешно от нее отстранился.

— Только не надо меня при всех целовать! — недовольно проговорил он.

К ним подбежала большая собака, и Билли принялся гладить ее по голове и почесывать за ушами, приговаривая:

— Хорошая собачка, хорошая.

Гретхен хотела было сказать ему: «А ну, прекрати сейчас же!», но сдержалась и терпеливо ждала, когда ему надоест возиться с собакой. Билли любил животных. Он считал, что ни одно живое существо не может причинить ему зла. Ни одно, кроме матери...

Собака постояла возле Билли, повиляла хвостом и побежала дальше.

Они уже были на своей улице, и все опасности с транспортом остались позади. Билли то и дело останавливался и, представляя себе, будто идет по перекладине в гимнастическом зале, осторожно переступал вдоль трещины на тротуаре с расставленными в стороны руками, балансируя и осторожно ставя одну ногу впереди другой по одной линии. Возле облицованного коричневым песчаником особняка, где она жила, Гретхен увидела Рудольфа и Джонни Хита. Они стояли, опираясь на столбики крыльца,

и ждали ее. Каждый держал по бумажной сумке, и из сумок выглядывало по бутылке. На ней было старое пальто и брюки, которые она всегда носила дома, на голове — небрежно повязанная косынка: Гретхен не стала переодеваться, выходя из дома за Билли. Приближаясь в столь неряшливом виде к Рудольфу и Джонни, одетым со строгой щеголеватостью, приличествующей таким молодым бизнесменам, как они (не были даже забыты и шляпы), она чувствовала себя очень неловко.

Она уже привыкла к частым появлениям Рудольфа в Нью-Йорке. В последние полгода он стал приезжать сюда по два-три раза в неделю, неизменно безукоризненно одетый. Рудольф с Колдервудом, при участии брокерской конторы Джонни Хита, оформляли какую-то сделку, но когда она спросила у Рудольфа, в чем она заключается, и тот попытался ей объяснить, деталей она так и не смогла ухватить. Поняла лишь, что дело идет о создании новой корпорации с названием «Д. К. Энтерпрайзиз» (по инициалам Дункана Колдервуда). Благодаря этой сделке Рудольф должен был стать состоятельным человеком и оставить работу в универмаге. По меньшей мере шесть месяцев в году ему предстояло проводить вне Уитби. Он уже и сейчас попросил Гретхен присмотреть ему какую-нибудь небольшую меблированную квартиру в Нью-Йорке.

Было заметно, что и Рудольф и Джонни как-то уж слишком оживлены, словно они и до этого неплохо поддали. Судя по золотым оберткам на горлышках бутылок, в сумках у них было шампанское.

— Привет, мальчики,— сказала она.— Почему заранее не предупредили о своем приходе?

— А мы и сами не знали, что придем,— ответил Рудольф.— Это вышло экспромтом.

И он поцеловал ее в щеку. К ее удивлению, от него не пахло спиртным.

— Привет, Билли,— обратился он к мальчику.

— Привет,— ответил тот небрежно: отношения между дядей и племянником нельзя было назвать слишком сердечными. Билли называл его дядей Руди. Гретхен иногда пыталась объяснить мальчику, что это не совсем вежливо и нужно говорить «дядя Рудольф», но Уилли поддерживал сына: «К чему все эти старые условности? Не делай из мальчика лицемера».

— Прощу в дом,— сказала Гретхен.— Сейчас мы откроем ваше шампанское.

В гостиной царил беспорядок. Теперь это был по совместительству и ее рабочий кабинет: верхнюю комнату она целиком отдала в распоряжение Билли. Сейчас она работала сразу над двумя статьями, которые ей нужно было сдать к концу месяца,

и фрагменты этих статей были разбросаны по всей комнате. Книги, блокноты, заметки лежали и на письменном столе, и на других столах, и на полках. Даже диван не был обойден стороной. Методичность не относилась к самым сильным сторонам Гретхен, и ее спорадические попытки навести порядок заканчивались еще более невообразимым хаосом. Работая, она много курила, и пепельницы с окурками стали неременной принадлежностью обстановки в гостиной. Даже Уилли, который и сам не отличался особым пристрастием к порядку, время от времени начинал бунтовать.

— Разве это дом? — возмущался он. — Да в самой захлавленной редакции самой паршивой газетенки в городе и то больше порядка!

Рудольф окинул комнату быстрым, неодобрительным взглядом, и это не осталось незамеченным его сестрой. Вероятно, он сравнивает ее с той удивительно аккуратной девушкой, какой она была в девятнадцать лет, и сравнение это не в пользу взрослой Гретхен. Глядя на своего элегантного, отутюженного брата, она внезапно почувствовала, как в ней поднимается бессознательный, беспричинный гнев. «Не забывай, дорогой мой братик, что я тащу на своих плечах семью из трех человек и зарабатываю на хлеб тяжким, каждодневным трудом!» — прозвучало у нее в голове.

— Билли, — сказала она сыну, с подчеркнутой аккуратностью вешая пальто и косынку, словно пытаясь этим компенсировать царящий в комнате кавардак. — Беги-ка к себе наверх и принимайся за уроки!

— Но, мама... — запротестовал Билли больше ради проформы, чем из желания оставаться внизу со взрослыми.

— Я тебе *что* сказала, Билли?!

И Билли (делая вид, что с неохотой, но на самом деле с радостью) побежал наверх.

Гретхен достала три бокала.

— И что же мы отмечаем? — спросила она у Рудольфа, открывавшего в это время шампанское.

— А то, что, кажется, дело в шляпе, — ответил Рудольф. — Сегодня мы подписали окончательные бумаги и можем теперь пить шампанское с утра до ночи, причем до конца своей жизни.

Хлопнула пробка, и Рудольф стал разливать пенящееся шампанское по бокалам.

— Это просто замечательно, — вежливо, но без особого энтузиазма произнесла Гретхен. Ей трудно было понять эту абсолютную поглощенность Рудольфа бизнесом.

Они чокнулись.

— Предлагаю выпить за корпорацию «Д. К. Энтерпрайзиз», — торжественно провозгласил Джонни, — а также за председателя

совета ее директоров мистера Рудольфа Джордаха, самого молодого магната в истории бизнеса!

И они с Рудольфом преувеличенно весело рассмеялись: нервы у них все еще были напряжены до предела. Они производили на Гретхен впечатление людей, случайно уцелевших в авиакатастрофе и теперь истерически поздравляющих друг друга с этим невероятным чудом.

Рудольф не мог усидеть на месте. Держа бокал в руке, он беспокойно ходил по комнате, открывал книги, перекалывал бумаги, в беспорядке лежащие на письменном столе, перелистывал газету. Выглядел он похudevшим и каким-то нервным, глаза блестели, щеки ввалились.

В противоположность ему Джонни был круглолиц, мягок, нетороплив в движениях, невозмутим, а теперь, выпив шампанского, и вовсе казался чуть ли не сонным. Он привык иметь дело с большими деньгами и намного спокойнее, чем Рудольф, воспринимал неожиданные повороты судьбы — как к худшему, так и к лучшему.

Рудольф включил радио: передавали «Императорский вальс» Иоганна Штрауса.

— Это *наша* музыка, — сказал он, широко улыбаясь. — Музыка, под которую вальсируют сильные мира сего.

— Ну, тебя уж совсем заносит, — не выдержала Гретхен. — Послушаешь вас, ребята, — так сразу начинаешь чувствовать себя какой-то нищенкой.

— Будь я на месте Уилли, — сказал Джонни, — я бы наскреб более или менее приличную сумму денег — причем каким угодно способом: то ли прося милостыню, то ли взяв займы, то ли попросту украв — и вложил бы их в «Д. К. Энтерпрайзис». Я говорю совершенно серьезно. Эта корпорация высоко взлетит, попомните мое слово.

— Уилли слишком горд, чтобы попрошайничать, слишком известен, чтобы брать займы, и слишком труслив, чтобы красть, — проговорила Гретхен.

— И это она говорит о моем лучшем друге! — воскликнул Джонни, делая вид, что шокирован.

— Когда-то он был и моим лучшим другом, — с полушутливой грустью произнесла Гретхен.

— Давайте выпьем еще шампанского, — сказал Джонни и наполнил бокалы

Рудольф взял со стола листок бумаги и прочел вслух:

— «Век пигмеев». Ну, и о чем ты здесь пишешь?

— Началось это как статья о новых телевизионных программах, — отвечала Гретхен, — но потом, по ходу развития темы, я как-то незаметно перешла и к другим вопросам: спектаклям

этого года, спектаклям прошлого года, книжным новинкам, правительству Эйзенхауэра, архитектуре, общественной морали, образованию... Я в ужасе от того образования, которое Билли получает в школе, так что для меня это большой вопрос.

Рудольф прочел первый абзац и пробормотал:

— Ну, я вижу, ты всем даешь прикурить!..

— А мне и платят за то, чтобы я была стервой,— ответила Гретхен.— Это, можно сказать, мой рэкет.

— Ты и в самом деле видишь мир в таких черных красках, как пишешь? — спросил Рудольф.

— Разумеется,— ответила Гретхен и протянула Джонни пустой бокал.

В этот момент зазвонил телефон.

— Наверное, это Уилли,— сказала Гретхен.— С сообщением, что не сможет прийти к обеду.

Она встала и подошла к письменному столу, где стоял телефон.

— Алло? — произнесла она заранее раздраженным тоном, но, выслушав невидимого собеседника, озадаченно пробормотала: — Одну минутку.— Затем протянула трубку Рудольфу: — Это тебя.

— Меня? — удивленно поднял тот брови.— Но ни одна живая душа не знает, что я у тебя.

— Не знаю, но он спрашивает мистера Джордаха.

— Да, слушаю,— сказал Рудольф, беря трубку.

— Джордах? — Голос был хриплый и приглушенный, как если бы говоривший боялся, что его подслушивают.

— Да.

— Это Эл. Я поставил от твоего имени пять сотен. Сегодня отличные ставки — семь к пяти.

— Одну минутку...— начал было Рудольф, но услышал короткие гудки. Он медленно положил трубку, затем с недоумением произнес: — Странно... Звонил какой-то Эл. Сказал, что поставил за меня пятьсот долларов при ставках семь к пяти. Ну-ка признавайся, Гретхен, в какие ты там игры играешь тайком от всех?

— Во-первых, я не знаю никакого Эла, а, во-вторых, у меня нет пятисот долларов,— ответила Гретхен.— К тому же спрашивали *мистера* Джордаха, а не мисс Джордах.— (Она печаталась под своей девичьей фамилией, и в телефонной книге Манхэттена она значилась как Г. Джордах.)

— Что за чертовщина! — воскликнул Рудольф.— Я кому-нибудь говорил, что буду по этому телефону? — спросил он у Джонни.

— Насколько я знаю, нет,— ответил тот.

— Должно быть, перепутали номер,— сказала Гретхен.

— Маловероятно,— возразил Рудольф.— Сколько может быть Джордахов в Нью-Йорке? Ты когда-нибудь слышала о других Джордахах?

Гретхен отрицательно покачала головой.

— Где телефонная книга Манхэттена?

Она подала ему справочник, и он, открыв его на букву «Д», стал искать фамилию Джордах.

— Нашел,— объявил он в конце концов, и в голосе его чувствовалось удивление.— Т. Джордах. Девяносто третья Западная улица.— Он медленно закрыл книгу и, положив ее на стол, задумчиво повторил: — Т. Джордах... Как ты думаешь, Гретхен, это может быть он?

— Надеюсь, что нет,— ответила она.

— Могу ли я узнать, о чем речь? — спросил Джонни.

— У нас есть брат, и звать его Томас,— ответил Рудольф.

— Младшенький в нашей семье,— сказала Гретхен и, криво усмехнувшись, добавила: — Зато самый удаленный.

— Мы не видели его лет десять, если не больше,— сказал Рудольф.— И даже не представляем себе, где он и что он.

— Да-а, Джордахы — на редкость спаянная семья,— заметила Гретхен. Она сегодня много работала, к тому же не обедала, и шампанское начинало туманить ей голову, так что даже пришлось прилечь на диван.

— И чем он занимается? — поинтересовался Джонни.— Ваш брат, я имею в виду?

— Не имею понятия,— ответил Рудольф.

— Если он следует рано проснувшемуся в нем призванию,— съязвила Гретхен,— то, скорее всего, скрывается от полиции.

— А мы сейчас выясним.— Рудольф взял телефонный справочник и отыскал номер Т. Джордахы на Девяносто третьей Западной улице. Затем набрал номер. Ему ответила женщина. Судя по голосу, молодая.

— Добрый вечер, мадам,— произнес Рудольф ровным, вежливым голосом.— Могу я поговорить с мистером Томасом Джордахом?

— Нет, не можете,— решительно заявила женщина. У нее было высокое, визгливое сопрано.— А кто его спрашивает? — В голосе звучала подозрительность.

— Один его друг,— ответил Рудольф.— Мистер Джордах дома?

— Дома, но спит,— раздраженно ответила женщина.— Ему сегодня вечером драться, и времени на телефонные разговоры у него нет.— И она бросила трубку.

Женщина на другом конце провода говорила так громко, что Рудольфу пришлось держать трубку на расстоянии от уха, поэтому Гретхен и Джонни все слышали.

— Сегодня вечером драться...— повторила Гретхен.— Речь, конечно, идет о боксе. Похоже, это наш Томми.

Рудольф взял со стула возле письменного стола свежий номер «Нью-Йорк таймса» и открыл на спортивной странице.

— Так и есть, — сказал он и прочел вслух: — «Главный поединок вечера: Томми Джордах против Вирджила Уолтерза, средняя весовая категория, десять раундов. Парк „Солнечный сад“».

— «Солнечный сад»? — переспросила Гретхен. — Звучит просто-таки буколически.

— Надо сходить, — заявил Рудольф.

— Зачем это тебе? — удивилась Гретхен.

— Как-никак он мой брат.

— Я обхожусь без него уже десять лет, — сказала Гретхен. — Попытаюсь выдержать еще двадцать.

— А ты, Джонни? — повернулся Рудольф к Хиту.

— Извини, — ответил Джонни, — но вечером я приглашен на обед. Завтра расскажешь мне, как все прошло.

Снова зазвонил телефон. Рудольф бросился к трубке, но это был всего лишь Уилли.

— Привет, Руди, — сказал Уилли: судя по шуму, он звонил из бара. — Нет, можешь не звать ее. Просто передай ей, что, к сожалению, у меня сегодня деловой ужин, и я буду поздно. Пусть не ждет меня и ложится спать.

— Можешь мне не говорить, что он сказал, — криво улыбнулась Гретхен со своего дивана.

— И все-таки выслушай: он не придет на обед.

— И я должна ложиться, не ожидая его, верно?

— Да, почти в точности ~~это~~ слова.

— Джонни, — повернулась она к Хиту, — а не пора ли нам открыть вторую бутылку?

Ко времени, когда они расправились со второй бутылкой, Гретхен успела позвонить приходящей няне, а, кроме того, они с Рудольфом выяснили, где находится этот «Солнечный сад». Затем Гретхен пошла в ванную, приняла душ, сделала себе прическу и надела темное шерстяное платье, хотя не была уверена, что оно вполне *comme il faut** для боксерского состязания. Она похудела за последнее время, и платье на ней немного висело, но, поймав на себе восхищенные взгляды брата и его друга, она успокоилась. «Никогда нельзя позволять себе опускаться до неряшливости в своей внешности, — сказала она себе. — Никогда!»

Дождавшись приходящей няни, Гретхен оставила ей необходимые (по ее мнению) устные указания, и они с Рудольфом и Джонни, выйдя из дома, отправились в ближайший «стейк-хаус**». Джонни, ввиду предстоящего ему обеда, согласился лишь выпить с ними стаканчик виски за стойкой, и, когда, поблагодарив за компанию, собирался уже уходить, Рудольф остановил его:

* *Comme il faut* (фр.) — (здесь) подходит, приличествует.

** *Стейк-хаус* — ресторан, специализирующийся на стейках (то есть на натуральных бифштексах); к мясу традиционно подаются кочанный салат и печеная картофелина.

— Джонни, представляешь — у меня с собой только пять долларов, — и он засмеялся. — Прошу тебя, будь моим банкиром сегодня, и ссуди мне немного.

Джонни достал бумажник и выложил пять десятков.

— Хватит? — спросил он.

— Вполне. Спасибо, — и Рудольф небрежно сунул деньги в карман. Затем снова рассмеялся.

— Что тебя так веселит? — спросила Гретхен.

— Никогда не думал, что придет такой день, когда я не буду в точности знать, сколько у меня денег в кармане, — сказал он.

— Просто ты усвоил привычку богатых не беспокоиться о наличных деньгах, — торжественно проговорил Джонни, — прими мои поздравления. Что ж, увидимся завтра в офисе, Руди. Надеюсь, твой брат победит.

— А я надеюсь, что ему свернут голову, — заявила Гретхен.

Когда они прибыли в «Солнечный сад», состязания были уже в полном разгаре. Билетер провел их к третьему от ринга ряду. Гретхен сразу заметила, что в зале немного женщин, но и те, что пришли, были в чем угодно, но только не темных, а тем более шерстяных платьях.

До этого она еще ни разу не была на боксерских состязаниях, а когда их показывали по телевизору, всегда его выключала. Сама мысль о том, что взрослые мужчины могут избивать друг друга за деньги, казалась ей отвратительной. Лица сидевших вокруг нее мужчин были именно такими, какие должны быть у любителей подобного рода зрелищ, то есть, проще говоря, она никогда еще не видела столько безобразных лиц в одном месте.

Боксеры вели себя на ринге, как ей показалось, довольно миролюбиво, не причиняя друг другу особого вреда, и она наблюдала за тем, как они увертываются от ударов и время от времени входят в клинч, молотя друг друга беспомощными, частыми ударами, без особого интереса, а скорее даже с легким чувством омерзения. Сидящая в сизом табачном тумане публика была апатична, и лишь изредка, когда раздавался глухой звук тяжелого удара, по залу пробегала волна резких, похожих на звериные, выкриков, снова сменявшихся полной апатией.

Рудольф, как она знала, время от времени посещал бои боксеров-профессионалов, и она не раз слышала, как он с воодушевлением обсуждает с Уилли отдельных боксеров, таких, например, как Рей Робинсон. Она повернула голову и украдкой взглянула на брата. Он, в отличие от нее, следил за тем, что происходит на ринге, с нескрываемым интересом. В эту минуту, сидя среди энтузиастов бокса, слыша запах пота и видя красные пятна на бледной коже в тех местах, куда попадали удары, она впервые под-

вергла сомнению свое представление о Рудольфе как о сдержанном и слегка надменном, но хорошо воспитанном и совершенно неагрессивном молодом человеке с безукоризненными манерами. У нее появилось внезапное подозрение, что в нем могут крыться такие черты, которые роднят его и с этими животными на ринге, и с вульгарной толпой, сидящей вокруг нее.

В следующем поединке один боксер рассек другому бровь, и хлынувшая из пореза кровь залила как его самого, так и его противника. При виде крови толпа неистово взвыла, и Гретхен стало настолько противно, что она начала сомневаться, а стоит ли ждать, пока ее родной брат перелезет через эти канаты и станет участником омерзительной, кровавой бойни. К моменту, когда объявили главного поединка, она сидела бледная, едва сдерживая тошноту, и сквозь сигаретный дым и пелену выступивших на глаза слез едва узнала в прворно вскочившем на ринг крупном мужчине в красном халате своего брата Томаса.

Когда секунданты Томаса сняли с него халат и стали натягивать на его забинтованные руки боксерские перчатки, первым, на что Рудольф обратил внимание (испытывая при этом чуть ли не ревность), было почти полное отсутствие волос на теле Томаса. Рудольф же становился все более волосатым: его грудь и плечи покрывали целые заросли завитушек из толстых, жестких, черных волос. Ноги у него тоже поросли черной шерстью, и это ему ужасно не нравилось. Волосатость совершенно дисгармонировала с тем его представлением о себе, которое формировалось у него в сознании долгие годы, и он чувствовал себя крайне неловко летом на пляже — ему казалось, что все смеются над ним. Поэтому он предпочитал не загорать и, едва лишь вылезал из воды, сразу же надевал рубашку.

У Томаса было агрессивное, мускулистое, тренированное тело боксера-профессионала, но в остальных отношениях он почти не изменился. Лицо оставалось все таким же чистым, привлекательным, мальчишеским. Пока шли обычные формальности, предшествующие началу боя, он не переставал улыбаться, но Рудольф все же заметил, как он несколько раз нервно облизнул губы. Когда рефери давал обоим боксерам последние указания перед боем, у Томаса начала подергиваться мышца на ноге под краем его фиолетовых шелковых трусов. Все это время он стоял не поднимая глаз, и лишь в последний момент, когда рефери представлял его публике (*«В этом углу — Томас Джордах, вес — семьдесят один с половиной килограмм»*), обвел толпу быстрым, настороженным взглядом. Если он и заметил Рудольфа и Гретхен, то никак этого не проявил.

Второй боксер, поджарый, жилистый негр, был значительно выше Томаса, и руки у него были гораздо длиннее. Он кивал, слу-

шая последние наставления секунданта, которые тот нашептывал ему на ухо, и с угрожающим видом переступал с ноги на ногу.

Гретхен, щурясь от сигаретного дыма, с застывшей страдальческой гримасой на лице, почти против воли смотрела на могучее, угрожающее противнику гибелью, полуобнаженное тело брата. Ей не нравились безволосые мужчины (Уилли, слава Богу, был покрыт уютным, рыжеватым пушком), а выпуклые, профессиональные мышцы на теле Томаса и вовсе заставляли ее содрогаться от какого-то первобытного ужаса. «*Родной брат, из той же материнской утробы, что и я*», — в это трудно было поверить. За его мальчишеской улыбкой она угадывала скрытую злобу, желание причинить телесную боль, предвкушение удовольствия от причиняемой боли — все то, что отталкивало ее от Томаса, когда они еще жили в одном доме. Мысль о том, что под этими яркими огнями на всеобщее обозрение выставлена, в сущности, ее собственная плоть и кровь, которой надлежит участвовать в этом отвратительном, кровавом представлении, была для нее невыносимой. «Конечно, — думала она, — этого и следовало ожидать, этим и должно было закончиться: разве он может зарабатывать себе на жизнь иначе, чем кулаками?»

Оба не уступали друг другу в силе, оба одинаково быстро двигались. Негр дрался менее агрессивно, но длинные руки давали ему возможность лучше защищаться. Томас наступал напористо, наносил удар за ударом, заставляя негра пятиться, а, загнав в угол и прижав к канатам, не жалел кулаков.

«Убей черномазого!», — выкрикивал чей-то голос из задних рядов всякий раз, как Томас обрушивал на негра сплошной град ударов. Гретхен морщилась, ей было стыдно присутствовать здесь, стыдно за всех мужчин и женщин, находившихся в зале. Ей вспомнился Арнольд Симмз, ковылявший по коридорам госпиталя в своем бордовом халате, тот самый Арнольд Симмз, который говорил ей: «У вас красивые ноги, мисс Джордах» и мечтал о Корнуолле. Ах, Арнольд Симмз, прости меня за сегодняшний вечер!

Матч длился не десять, а восемь раундов. У Томаса кровоточил нос и была разбита бровь, но он не отступал; напротив — упорно надвигаясь на противника, все больше выматывал его своей неустанной, механической, нечеловеческой энергией. Когда гонг возвестил начало восьмого раунда, негр едва двигал руками. Описав длинную дугу, правая рука Томаса сильнейшим ударом в верхнюю часть лба отправила негра в нокаун. Негр сумел подняться лишь на счет восемь, но едва держался на ногах и не в силах был поднять руки, чтобы должным образом прикрываться. Томас, с залитым кровью лицом, но не переставая улыбаться, тотчас же ринулся на него и принялся безжалостно и методически из-

бывать. Гретхен казалось, что за считанные секунды он нанес не меньше пятидесяти ударов. Негр свалился лицом вниз, и зал оглушительно заревел. Но негр попытался подняться, даже привстал на одно колено. А в углу, чуть пригнувшись, затаился настроженный, окровавленный, неутомимый Томас. Казалось, он даже хочет, чтобы противник поднялся и продолжил бой: Гретхен готова была поклясться, что в глазах Томаса мелькнуло разочарование, когда негр беспомощно рухнул на покрывавший ринг брезент и рефери, досчитав до десяти, констатировал нокаут.

Гретхен начало тошнить. Боясь, как бы ее не вырвало, она приложила ко рту носовой платок и была приятно удивлена, ощутив аромат духов, такой экзотический в пропитанном зловонием зале. Съежившись и глядя в пол, она сидела, не смея поднять глаза на ринг. Она боялась, что упадет в обморок и тем самым объявит всему миру о своем роковом родстве с диким зверем, одержавшим победу на ринге.

Рудольф просидел весь матч, не произнеся ни единого слова. Лишь время от времени неодобрительно кривил губы: неуклюжий, кровавый мордобой — ни стиля, ни изящества.

Боксеры покинули ринг. Негр, на которого надели халат и всего обмотали в полотенца, смог протиснуться между канатами лишь с помощью секундантов. Томас же уходил, улыбаясь и с победоносным видом размахивая рукой. Люди, сквозь строй которых он проходил, одобрительно похлопывали его по спине. Спустился он с ринга с противоположной по отношению к Рудольфу и Гретхен стороны и поэтому, идя в раздевалку, не мог их видеть.

Публика начала расходиться, но Гретхен и Рудольф продолжали сидеть, стараясь не смотреть друг на друга и не решаясь как-то комментировать увиденное. Наконец, все еще боясь поднять глаза, Гретхен глухо произнесла:

— Идем отсюда.

— Но мы не можем просто так уйти.

— В каком смысле? — Гретхен с удивлением посмотрела на брата.

— Мы пришли. Мы его увидели. А теперь должны с ним встретиться, — сказал Рудольф.

— Но какое нам до него дело? — досадливо воскликнула она, хотя и сама понимала, что нельзя просто так взять и уйти.

— Ты прекрасно знаешь какое, — ответил Рудольф и, взяв под локоть, заставил ее встать. — Идем.

Он не любил, чтобы ему возражали, этот хладнокровный, с безукоризненными манерами молодой человек, единственный джентльмен в толпе болельщиков, собравшихся в «Солнечном саду».

— Не пойду! Не хочу и не пойду!.. — пыталась сопротивляться Гретхен, хотя прекрасно знала, что Рудольф, несмотря на все

ее возражения, все равно поведет ее к Томасу, их жестокому, злобному, кровавому братцу, победителю на этом ужасном побоище.

У двери его раздевалки стояли какие-то люди, однако Рудольфа они пропустили без всяких слов. Гретхен хотела было остаться за дверью («Лучше подожду здесь,— сказала она.— А вдруг он не одет»), но Рудольф схватил ее за руку и чуть ли не силой затащил в комнату.

Томас, замотав вокруг пояса полотенце, сидел на грязном топчане для массажа, и врач накладывал ему швы на разбитую бровь.

— Ничего страшного,— говорил врач.— Еще один стежок — и дело сделано.

Томас сидел закрыв глаза, чтобы врачу было легче работать. Над бровью у него желтело пятно от антисептика, отчего лицо его казалось перекошенным, и он был похож на клоуна. По всей видимости, он уже принял душ: влажные волосы прилипли к голове и казались темнее обычного. Прилизанные волосы придавали ему вид боксера прошлых времен, когда дрались голыми руками, без перчаток,— изображения этих кулачных бойцов можно увидеть на старых гравюрах. Вокруг стола сидели несколько мужчин, среди которых Рудольф узнал секундантов, обслуживавших Томаса во время боя в его углу на ринге. Какая-то молодая женщина, чьи округлые формы выглядели особенно эффектно в плотно облегающем платье, тихонько вздыхала каждый раз, как иглолка врача вонзалась в кожу над глазом Томаса. У женщины были поразительно черные волосы, на неправдоподобно стройных ногах — черные нейлоновые чулки. Выщипанные высокие брови — две тонкие, словно нарисованные карандашом ниточки — придавали ее лицу удивленное, кукольное выражение. В комнате повис застоявшийся запах пота, жидкой массажной мази, сигарного дыма и мочи: дверь из раздевалки в уборную была открыта. На давно не мытом полу лежало пропитанное кровью полотенце вкуче с фиолетовыми трусами, носками и боксерскими ботинками, которые были на Томасе во время боя. В комнате стояла одуряющая жара.

«Что я делаю в этом омерзительном месте? — спрашивала себя Гретхен.— Как я сюда попала?»

— Готово,— сказал врач, отступая от Томаса; склонив голову набок, он полюбовался своей работой, затем вновь приблизился к Томасу и, приложив к порезу кусочек марли, залепил все это сверху пластырем.— Дней десять — и ты снова сможешь драться.

— Спасибо, док,— ответил Томас и, открыв глаза, увидел Рудольфа и Гретхен.— Господи Иисусе! — воскликнул он удивленно.— А вы здесь что делаете? — И на губах у него появилась кривая улыбка.

— Пришел тебе кое-что передать,— ответил Рудольф.— Сегодня днем мне позвонил какой-то Эл и сообщил, что поставил

за тебя на сегодняшний вечер пятьсот долларов при ставках семь к пяти.

— Старина Эл знает что делает, — одобрительно кивнул Томас, но в то же время бросил на крутобедрую молодую брюнетку обеспокоенный взгляд. Было очевидно — он предпочел бы, чтобы она не слышала этого.

— Поздравляю с отличным боем, — сказал Рудольф и, шагнув вперед, протянул Томасу руку. Тот, поколебавшись какую-то долю секунды, улыбнулся и тоже протянул брату свою покрасневшую, опухшую руку.

— Рада за тебя, Том, — сказала Гретхен: она не могла заставить себя произнести «поздравляю».

— Что ж, спасибо, — ответил Томас: голос его звучал насмешливо. — Думаю, пора вас всех познакомить... Мой брат Рудольф и сестра Гретхен. А это моя жена Тереза, мой менеджер Шульц, тренер Пэдди... ну, и все остальные, — и Томас небрежно махнул в сторону сидевших за столом мужчин.

— Рада с вами познакомиться, — сказала Тереза, и Рудольф узнал писклявый, подозрительный голос, отвечавший ему днем по телефону.

— А я и не знал, что у тебя есть родственники, — удивился Шульц. В его голосе тоже слышались подозрительные нотки, как если бы иметь родственников опасно для жизни или по меньшей мере запрещено законом.

— Я и сам не был в этом уверен, — отозвался Томас. — Как говорится, наши пути разошлись... Эй, Шульц, видать, народ на меня валом валит, если даже брат и сестра пришли сюда и купили билеты?!

— После твоей сегодняшней победы, — ответил менеджер, — «Солнечный сад» стал наш. Гарантирую — теперь ты будешь выступать здесь постоянно. — Шульц был плотным, маленьким человеком с круглым, как мяч, брюшком под зеленым свитером. — Ладно, вам, я думаю, есть о чем поговорить — обменяться, так сказать, последними новостями, так что не будем вам мешать. Завтра заскочу — проведать твой глаз.

И он надел пиджак, с трудом застегнув пуговицы на своем кругленьком животе. Тренер Пэдди поднял с пола боксерские ботинки, перчатки и все остальное, сунул их в сумку и, сказав на прощание: «Ты сегодня отлично работал, Томми», вышел вместе с врачом и остальными из комнаты.

— Итак, мы снова все вместе, — все так же полунасмешливо улыбаясь, проговорил Томас. — Трогательное воссоединение сплоченной семьи. Думаю, это надо отпраздновать. Что скажешь, Тереза?

— Ты никогда мне не говорил, что у тебя есть брат и сестра, — обиженно проговорила Тереза своим визгливым голосом.

— Они просто на несколько лет вылетели из моей памяти,— ответил Томас и, прыгнув с топчана, сказал: — А теперь, если дамы не против подождать за дверью, я хотел бы одеться.

Гретхен с женой брата вышли в коридор. Там никого уже не было, и Гретхен была рада оказаться за пределами душевой, смрадной комнаты.

— Если дамы не против подождать за дверью,— передразнила Тереза, с сердитым видом надевая старое манто из рыжей лисички.— Можно подумать, я никогда не видела его голым.

Она с нескрываемой враждебностью оглядывала наряд Гретхен: черное шерстяное платье, туфли на низком каблуке, строгое двубортное пальто из верблюжьей шерсти с поясом. Вероятно, она воспринимала внешность своей новоявленной невестки как вызов собственному стилю — крашеным волосам, обтягивающему платью, вызывающе соблазнительным ногам, выщипанным бровям.

— Я и не знала, что Томми из такой важной семьи,— заявила она.

— Не такие уж мы и важные,— ответила Гретхен.— Можете успокоиться на этот счет.

— Но вы до этого вечера ни разу не приходили на его матчи,— обвиняющим тоном произнесла Тереза.— Разве не так?

— А я до этого дня и не знала, что он боксер,— ответила Гретхен.— Вы не против, если я присяду? Я ужасно устала.

С другой стороны коридора, на некотором от них расстоянии, стоял стул, и Гретхен, отойдя от Терезы, села на него, надеясь тем самым положить конец разговору. Тереза раздраженно повела плечами под рыжей лисой и начала нервно расхаживать по коридору. Ее высокие каблуки-шпильки нетерпеливо цокали по бетонному полу.

Томас одевался не торопясь, то и дело вытирая полотенцем лицо: несмотря на принятый душ, на лбу и щеках все равно продолжали выступать бусинки пота. Надевая трусы, он целомудренно отвернулся. Время от времени он поглядывал на брата, улыбался, качал головой и приговаривал: «Ну и ну!» или «Черт подери!»

— Как ты себя чувствуешь, Томми? — спросил Рудольф.

— Нормально. Но завтра буду мочиться кровью,— спокойно произнес Томас.— Он пару раз все-таки хорошенько саданул меня по почкам, сукин сын. А в общем-то бой прошел неплохо, как ты считаешь?

— Да,— ответил Рудольф. У него не хватило духу признаться, что, на его взгляд, это была самая заурядная, грубая, второсортная драка.

— Я с самого начала знал, что уложу его,— продолжал Томас.— Хотя ставили не на меня. Семь к пяти! Не так уж и плохо.

Я на этом заработал семьсот долларов.— Он был похож на хвастливого мальчишку.— Жаль, конечно, что тебя угораздило вкунуть об этом при Терезе. Теперь она знает про эти бабки и вцепится в меня мертвой хваткой.

— Вы давно женаты? — спросил Рудольф.

— Официально два года. Когда я ее обрюхатил, я решил: так уж и быть, женюсь.— Томас пожал плечами.— Вообще-то она ничего. Малость глуповата, но ничего. Зато парень получился мировой! — Он как-то зло взглянул на Рудольфа и проговорил: — А может, послать его к дяде Руди? Пусть сделает из него джентльмена. Не то вырастет таким же жалким бродягой, как и его отец.

— Хотелось бы на него взглянуть,— с деревянным лицом произнес Рудольф.

— Ради Бога. В любой момент, когда пожелаешь. Дорогу к нам домой ты, надеюсь, найдешь.— И Томас принялся натягивать на себя черный свитер с воротником под горло, отчего его голос какое-то мгновение звучал приглушенно.— А ты сам-то женат?

— Нет.

— Как всегда, самый мудрый в семье,— ухмыльнулся Томас.— Ну, а Гретхен — она замужем?

— Давно. У нее уже девятилетний сын.

— Да-а, уж она-то не могла засидеться в девках,— кивнул Томас.— Сногшибательная дамочка! Стала еще красивее, верно?

— Да.

— И такая же стерва, как раньше?

— Ну зачем ты так говоришь, Том? — укоризненно произнес Рудольф.— Она была очень милой девушкой, а сейчас — вполне пристойная женщина.

— Тебе лучше судить,— иронически усмехнулся Томас, тщательно причесываясь перед потрескавшимся стенным зеркалом.— Я ведь всегда был чужаком в своей семье.

— Не говори глупостей, Том.

— Кого ты пытаешься обмануть, братишка?! — произнес тусклым голосом Томас и, положив расческу в карман, бросил критический взгляд на свое лицо — опухшее, в синяках и шрамах, с заклеенной пластырем бровью.— Да-а, я сегодня просто красавец. Если бы знал, что придете вы с Гретхен, то, по крайней мере, хоть побрился бы.— Он отошел от зеркала и надел поверх свитера светлый твидовый пиджак.— Судя по твоему виду, Руди, у тебя дела идут неплохо. Ты смахиваешь на вице-президента банка или кого-нибудь в этом роде.

— Не жалуюсь,— ответил Рудольф, хотя сравнение с вице-президентом ему не слишком понравилось.

— Знаешь,— продолжал Томас,— лет пять-шесть назад я ездил в Порт-Филип. Одолела тоска по прошлому. И там я узнал, что отец-то наш, оказывается, на том свете.

— Он покончил с собой,— сказал Рудольф.

— Да. Я об этом узнал от нашей соседки итальянки из овощной лавки.— Томас похлопал по нагрудному карману пиджака, удостовераясь, что кошелек на месте.— Дом наш снесли. И не было уже ни подвала, ни огня в его окошке, привечающего блудного сына,— добавил он насмешливо.— Вместо этого — супермаркет. До сих пор помню, как они заманивали к себе бараньими лопатками.. Ну, а как мама?

— Так себе. Она живет у меня.

— Тебе повезло,— усмехнулся Томас.— Вы по-прежнему в Порт-Филипе?

— Нет, в Уитби.

— Вижу, радиус путешествий у тебя ограничен.

— Еще успею поездить.

У Рудольфа было неприятное ощущение, что брат, разговаривая с ним, все время поддразнивает его, старается его поддеть, внушает ему чувство вины перед кем-то. Он давно уже привык направлять ход беседы, и сейчас, вынужденный вести разговор в ключе, задаваемым братом, с трудом скрывал свое раздражение. Глядя на одевающегося брата, на его великодушное, навещающее страх своей мощью тело, на его медленные, явно причиняющие ему боль движения, он вдруг почувствовал, как на него нахлынула волна жалости и любви к этому физически сильному, бесстрашному, насмешливому человеку, на вид еще совсем мальчишке, смутное желание спасти его от других вечеров, подобных этому, от этой невозможной, вульгарной женщины, набившейся ему в жены, от этой оголтело ревушей толпы, от этих бодренько улыбающихся врачей, накладывающих швы на его раны, от рожавшихся вокруг него, словно стайка надоедливых ос, и живущих за его счет сомнительных типов вроде всех этих секундантов, менеджеров и тренеров. Ему не хотелось, чтобы это теплое чувство было разрушено насмешливостью Томаса, оставшейся в нем с детских лет завистливостью и враждебностью, о которых давно уже пора было забыть.

— А я вот везде успел побывать,— сказал Томас.— И в Чикаго, и в Кливленде, и в Бостоне, и в Новом Орлеане, и в Филадельфии, и в Сан-Франциско, и в Голливуде, и даже в Тихуане. Да ты просто не назовешь такого места, где я бы не был. Словом, ты видишь перед собой человека, значительно расширившего свой кругозор многочисленными путешествиями.

В этот момент широко распахнулась дверь, и в комнату ворвалась Тереза. Ее покрытое толстым слоем косметики лицо пылало гневом.

— Вы что, ребята, решили трепаться здесь целую ночь? — выпалила она.

— О'кей, о'кей, дорогая, — умиротворяюще произнес Томас. — Мы как раз уже выходили. — Затем, повернувшись к Рудольфу, сказал: — Мы хотим пойти куда-нибудь поужинать. Может, вы с Гретхен присоединитесь к нам?

— Мы идем в китайский ресторан, — заявила Тереза. — Я обожаю китайскую кухню.

— Боюсь, сегодня не получится, Том, — ответил Рудольф. — Гретхен нужно спешить домой — она должна отпустить приходящую няню. — Он заметил быстрый взгляд, брошенный братом на Терезу, и понял — тот думает: «Просто Рудольфу стыдно показаться на людях с моей женой».

Но Томас пожал плечами и добродушно проговорил:

— Ну что ж, как-нибудь в другой раз. — Но в дверях резко остановился, словно ему в голову пришла неожиданная мысль: — Скажи, а завтра ты еще будешь в Нью-Йорке — где-то в районе пяти?

— Томми, — нетерпеливо проговорила Тереза, — мы идем ужинать или нет?

— Помолчи, — оборвал ее Томас. — Что скажешь, Руди?

— Да, буду, — ответил Рудольф. Весь следующий день он так или иначе должен был провести в Нью-Йорке: ему предстояла встреча с архитекторами и юристами. — Ты сможешь найти меня в отеле «Уорик»; это в районе...

— Я знаю, где отель «Уорик», — прервал его Томас. — Буду у тебя в пять.

В коридоре их ждала Гретхен. У нее было бледное, напряженное лицо, и на какое-то мгновение Рудольф пожалел, что взял ее с собой. Но лишь на мгновение. «В конце концов, она взрослый человек, — подумал он, — и нельзя же ей вечно прятаться от реальности». Достаточно уже и того, что она под всяческими благовидными предложениями умудряется целых десять лет избегать встреч со своей матерью.

Проходя мимо дверей другой раздевалки, Томас остановился.

— Мне нужно заглянуть сюда на минутку, — сказал он. — Поддержать Вирджила. Пойдем со мной, Руди. Скажешь ему, что ты мой брат и что тебе страшно понравилось, как он дерется. Ему хоть немного полегчает.

— Мы, кажется, никогда не уйдем из этого проклятого места, — проворчала Тереза.

Томас, не обращая на нее внимания, толкнул дверь и пропустил Рудольфа вперед. Темнокожий боксер все еще не переоделся. Свесив руки между колен, он понуро сидел на топчане, а рядом на складном стуле устроилась хорошенькая цветная девушка, вероятно его жена или сестра. Белый секундант осторожно прикладывал пузырь со льдом к огромной вздувшейся шишке над глазом боксера. Глаз у него совсем заплыл. В углу комнаты дру-

гой негр, гораздо старше Вирджила, с более светлой кожей и седыми волосами, возможно отец боксера, аккуратно складывал в сумку шелковый халат, спортивные трусы и боксерские ботинки. Вирджил поднял голову и взглянул на вошедших вторым, здоровым глазом.

— Ну, как ты, Вирджил? — спросил Томас, участливо положив руку на плечи своему бывшему противнику.

— Не очень, — ответил тот. На ринге он казался гораздо старше, но Рудольф теперь видел, что ему не больше двадцати лет.

— Вирджил, познакомься с моим братом Руди, — сказал Томас. — Он специально пришел сказать, что ему страшно понравилось, как ты дрался.

Рудольф пожал боксеру руку, и тот произнес опухшими губами:

— Рад с вами познакомиться, сэр.

— Да, вы отлично сражались, — уверил его Рудольф, хотя ему было жаль парня и хотелось посоветовать бедняге никогда больше не надевать боксерских перчаток.

— Может, я и неплохо дрался, — уныло произнес темнокожий боксер, — но слишком уж он сильный, ваш брат.

— Просто мне повезло, — сказал Томас. — Действительно повезло. Но и мне от тебя хорошенько досталось. Доктору пришлось наложить на бровь целых пять швов.

— Так получилось, Томми, — виновато проговорил Вирджил. — Клянусь, я этого не хотел.

— Верю, верю, дружище, — успокоил его Томас. — Никто и не говорит, что ты сделал это нарочно. Ладно, пойду, мне просто хотелось узнать, что у тебя все в порядке. — И он снова полуобнял парня за плечи.

— Спасибо, что заглянул, — сказал Вирджил. — Ты парень что надо.

— Не унывай, приятель, — сказал ему Томас, и они с Рудольфом, обменявшись с Вирджилом и со всеми остальными рукопожатиями, вышли из комнаты.

— Что можно было там столько времени делать? — сварливо произнесла Тереза, когда они появились в коридоре.

«Да-а, пообщаешься с такой, и на всю жизнь отпадет охота жениться», — подумал Рудольф, идя к выходу.

— Уж слишком они его подталкивали, — сказал Томас, идя рядом с Рудольфом. — У него было несколько легких побед подряд, и они решили, что пора выпускать его на «большой» ринг. Но посмотрев его пару раз в бою, я сразу понял, что они с ним явно поторопились и я его запросто сделаю. Парню не повезло с менеджером. Ты, наверно, заметил, что этого мерзавца даже не было в раздевалке? Он, видите ли, не нашел нужным подождать и узнать, куда отправят Вирджила — домой или в больницу! Какая все-таки дерьмовая профессия, этот бокс!

Томас оглянулся, опасаясь, что Гретхен услышала произнесенное им неприличное слово, но та шла, полностью погруженная в свои мысли, ничего не слыша и не видя кругом.

Выйдя на улицу, они остановили такси. Гретхен настояла на том, чтобы сесть рядом с шофером, а Тереза устроилась на заднем сиденье между Томасом и Рудольфом. От нее исходил одуряющий запах духов, но, когда Рудольф опустил стекло, она энергично запротестовала:

— Ради Бога, закройте! Ветер испортит мне прическу.

— Извините,— пробормотал Рудольф и поднял стекло.

Они ехали в сторону Манхэттена. Все молчали. Тереза держала руку Томаса в своей и, время от времени поднося к губам, целовала ее, словно утверждая на супруга право собственности.

Когда они переехали через Бруклинский мост, Рудольф сказал:

— Том, здесь мы выйдем.

— Может, все-таки поедете с нами? — спросил Томас.

— Там подают лучшие китайские блюда в городе,— сказала Тереза. Поездка в такси ее успокоила. Ей больше не казалось, что от родственников мужа исходит опасность, и она могла позволить себе быть гостеприимной: как знать, может, в будущем это обернется для нее какой-нибудь выгодой.— Вы даже не подозреваете, какого удовольствия лишаетесь.

— Мне нужно домой,— настаивала Гретхен. Голос ее дрожал, она была на грани истерики.— Мне срочно нужно домой.

Если бы не Гретхен, Рудольф все-таки остался бы с братом. После шумного триумфа в «Солнечном саду» Томас будет чувствовать себя покинутым и одиноким, вынужденный ужинать один на один с болтливой женой в каком-то китайском ресторанчике, где никто его не узнает, никто не поздравит с победой, никто не выразит восхищения тем, как он дрался. Надо будет как-нибудь возместить Томасу этот вечер.

Шофер остановил машину, и Гретхен с Рудольфом вышли.

— Пока, родственнички,— сказала Тереза и засмеялась.

— Значит, завтра в пять, Руди,— сказал Томас, и Рудольф утвердительно кивнул головой.

— Спокойной ночи, Томми,— еле слышно проговорила Гретхен.— Прощу, береги себя.

Когда такси отъехало, Гретхен схватила Рудольфа за руку, точно боялась упасть. Рудольф остановил другое такси и назвал шоферу адрес сестры. Оказавшись в темном, замкнутом пространстве машины, Гретхен не выдержала, тесно прижалась к Рудольфу и, сотрясаясь всем телом, горько, навзрыд расплакалась. У него тоже на глаза навернулись слезы. Крепко обняв сестру, он гладил ее по голове. В окошках такси мелькали проносящиеся мимо огни Нью-Йорка, освещая неверным светом искаженные

рыданиями милые черты мокрого от слез лица, и Рудольф, пожалуй, впервые в жизни понял, насколько дорога ему эта сильная и в то же время легко ранимая женщина, его родная сестра.

Наконец перестав плакать, Гретхен выпрямилась и вытерла носовым платком слезы.

— Ради Бога, извини,— смущенно пробормотала она.— Это расплата за то, что я была таким жутким снобом... Этот бедный паренек, этот бедный, бедный паренек...

Когда они пришли домой, няня спала на диване в гостиной. Уилли еще не возвращался. «За это время никто не звонил»,— сообщила им няня. Что касается Билли, то, по словам няни, он долгое время лежал и читал, пока не заснул. Она поднялась наверх и, увидев, что он спит, тихонько погасила свет, стараясь не разбудить его. Няня, молоденькая, застенчивая девушка лет семнадцати, заканчивала среднюю школу. Это было курносое, хорошенькое существо, сама еще, по сути, ребенок, и она ужасно переживала, что ее застигли спящей.

Гретхен налила в два стакана шотландского виски с содовой. Няня успела навести порядок в гостиной, собрала разбросанные по всей комнате газеты и сложила их аккуратной стопкой на подоконнике, взбила подушки на диване.

В гостиной горела одна только настольная лампа, и в комнате царил уютный, успокаивающий полумрак. Гретхен устроилась на диване, поджав под себя ноги, Рудольф восседал в большом мягком кресле. Чувствуя себя выжатыми как лимон, они попили виски медленно, смакуя огненную жидкость, и благословляли долгожданную тишину. Когда у обоих не осталось ни капли, Рудольф молча встал с кресла и, наполнив стаканы, снова опустился в мягкую глубину.

Откуда-то издалека донеслось завывание сирены скорой помощи — чья-то жизнь, висящая на волоске.

— Ему это доставляло удовольствие, понимаешь? — наконец нарушила молчание Гретхен.— Тот паренек был уже совершенно беспомощным, а он наносил по бедняге все новые и новые удары... Раньше я всегда думала (если вообще об этом думала), что бокс — это еще один, правда довольно странный способ зарабатывать себе на жизнь, и не более того... Но сегодня я увидела, что это нечто совсем другое. Ты согласен со мной?

— Да, профессия эта действительно необычная,— задумчиво произнес Рудольф.— Интересно бы знать, о чем думает человек, когда дерется на ринге.

— Тебе не было за него стыдно?

— Я бы выразил это иными словами,— ответил Рудольф.— Меня, конечно, не радовало то, что происходило на ринге.

Но в Америке десять тысяч боксеров, если не больше. И каждый из них *чей-то* сын или брат. Так что же с этим поделаешь?

— Нет, я к этому отношусь совершенно иначе, — сухо проговорила Гретхен.

— Я знаю.

— Эти потные, фиолетовые боксерские трусы! — брезгливо произнесла она, как если бы, избрав себе объект, на котором можно было сосредоточить испытываемое ею отвращение, она получала возможность изгнать из себя весь пережитый в этот вечер ужас. — Так или иначе, но я абсолютно уверена: в том, что наш брат оказался в этом гнусном, омерзительном месте, на этом кровавом ристалище, виноваты мы все — и ты, и я, и родители.

Рудольф потягивал виски и ничего не говорил в ответ. «*Я ведь всегда был чужаком в своей семье*», — сказал ему в раздевалке Том. Чувствуя себя отщепенцем, его младший брат, когда был мальчишкой, реагировал самым простым и грубым образом — пуская в ход кулаки. Став постарше, он все равно продолжал в том же духе. В жилах у всех троих — и у Тома, и у Гретхен, и у него самого — текла кровь их отца, а ведь Аксель Джордах собственноручно убил двух человек! Насколько было известно Рудольфу, Том пока что никого не убивал — и то слава Богу! Может быть, джордаховская порода из поколения в поколение хоть медленно, но все-таки улущается?!

— Боже, как все противно! — говорила между тем Гретхен. — Как все мерзко вокруг! И я уверена, ты чувствуешь то же самое. Скажи, Рудольф, тебя хоть *что-нибудь* радует в жизни?

— Думаю, для меня радости жизни — не самое главное, — ответил Рудольф.

— Ну да, ты ведь у нас монах-коммерсант, — язвительно произнесла Гретхен. — Только вместо обета бедности ты дал обет богатства. Еще неизвестно, какой из них трудней не нарушить.

— Не говори глупостей, Гретхен. — Он уже жалел, что принял ее приглашение посидеть с ней до прихода Уилли.

— А два других обета, — продолжала Гретхен, — это обет целомудрия и обет послушания. Обет целомудрия ты дал во имя нашей матушки, Девы Мэри Пиз Джордах. А обет послушания — Дункану Колдервуду, Преподобному Настоятелю Торговой палаты Уитби.

— Вот увидишь, все теперь будет иначе, — ответил Рудольф, но он предпочел бы не вдаваться в подробности почему.

— Ты что, хочешь перелезть через стену своего монастыря, сбежать из него, а, отец Рудольф? Неужели ты собираешься жениться или предаться плотским утехам или послать Дункана Колдервуда ко всем чертям?

Рудольф встал, подошел к бару и налил себе в стакан содовой, стараясь побороть поднимающийся в нем гнев.

— Насколько я понимаю, Гретхен,— сказал он как можно спокойнее,— ты просто решила выместить на мне свое скверное настроение.

— Извини,— осеклась она, но когда заговорила снова, голос ее оставался по-прежнему жестким.— А-а, что тут говорить — я ведь худшая из троих. Живу я с человеком, которого презираю; занимаюсь работой, которую иначе, чем сволочной, ничтожной и бесполезной, не назовешь; к тому же я самая доступная подстилка во всем Нью-Йорке... Я тебя шокирую, братец? — спросила она насмешливо.

— Мне кажется, ты незаслуженно присвоила себе этот титул,— попытался отшутиться Рудольф.

— Ценю твое остроумие,— отозвалась Гретхен.— Хочешь, я назову тебе полный список? Начнем хотя бы с твоего дружка Джонни Хита. Ты думаешь, он хорошо к тебе относится только за твои прекрасные глаза?

— Ты лучше скажи, что думает обо всем этом Уилли? — парировал Рудольф: он решил не отвечать на прозрачный намек сестры. Какая разница, как и почему они встретились с Джонни Хитом? Главное — чтобы они и дальше оставались друзьями.

— Уилли, естественно, не думает ни о чем. Ему бы только шляться по барам да изредка поймать какую-нибудь пьяную девку. Он довольствуется в этой жизни минимумом работы и не имеет ни малейшего представления о таком понятии как честь. Если бы ему каким-то образом достались подлинные каменные скрижали с текстом десяти заповедей, то первое, о чем бы он подумал,— с какого спонсора содрать побольше денег, чтобы на них повыгоднее организовывать экскурсии на гору Синай.

Рудольф рассмеялся, да так заразительно, что Гретхен не удержалась и тоже расхохоталась.

— Ничто так не способствует пробуждению в человеке ораторского таланта,— торжественно изрекла она,— как неудачные браки.

Смех Рудольфа был вызван не столько остроумием сестры, сколько испытанным им облегчением: слава Богу, она сменила мишени, и он чувствовал себя в безопасности.

— Интересно,— спросил он,— а Уилли знает, какого ты о нем мнения?

— Да,— ответила Гретхен,— и полностью с ним согласен. В том-то и ужас! Он постоянно твердит, что на всем белом свете нет ни одного мужчины, ни одной женщины и даже ни одной вещи, которыми бы он восхищался,— и уж меньше всего самим собой. Но он презирал бы себя еще больше, говорит он мне, если бы не был таким неудачником. Этаким, знаешь ли, романтизм, только перевернутый с ног на голову.

— Зачем же ты с ним живешь? — без околичностей спросил Рудольф.

— Помнишь мое послание, в котором я писала, что у меня крупные неприятности, и просила тебя побыстрее приехать в Нью-Йорк?

— Да, — ответил Рудольф: он действительно хорошо запомнил ее письмо, как и весь тот знаменательный день. Когда он приехал на следующей неделе в Нью-Йорк и спросил у Гретхен, какие у нее неприятности, она ответила: «Уже никаких. Все позади».

— Я тебе написала, потому что решила просить у него развод, — сказала Гретхен, — но сначала мне хотелось с тобой посоветоваться.

— И что же заставило тебя передумать?

Гретхен пожала плечами.

— Как раз тогда заболел Билли. В общем-то ничего серьезного. Сначала врач подозревал аппендицит, но потом оказалось, что никакого аппендицита нет. Мы с Уилли провели у постели Билли всю ночь. И вот я смотрела на них обоих — на лежащего в постели сына, бледного, исстрадавшегося от боли, и на Уилли, суетящегося вокруг него, ужасно встревоженного — и думала: «Ведь он по-настоящему любит мальчика. Имею ли я право пополнять и без того невеселую статистику еще одним распавшимся браком, еще одним обездоленным ребенком, живущим в постоянной ностальгии по полноценной семье и подающим надежды стать на этой почве неврастеником». Но... — голос ее вновь приобрел стальные нотки, — этот трогательный приступ материнской сентиментальности потихоньку прошел. Как знать, если бы наши с тобой родители разошлись, когда мне было девять, возможно, из меня получилась бы нечто более путное...

— Ты этим хочешь сказать, что все-таки решила с ним развестись?

— Только если суд отдаст мальчика на мое попечение, — ответила Гретхен. — Но Уилли на это, конечно же, не согласится.

Рудольф помолчал, о чем-то задумавшись и словно колеблясь, а затем, сделав большой глоток виски, сказал:

— Если хочешь, я постараюсь тебе помочь. — Он никогда не сделал бы подобного предложения, если бы не эти слезы в такси.

— Не представляю, что ты тут сможешь сделать, — с сомнением произнесла Гретхен. — Мне хотелось бы спать с одним мужчиной, а не с десятью, быть честной перед другими и перед собой и заняться наконец-то чем-то полезным. Бог ты мой, я чувствую себя одной из трех сестер в пьесе Чехова, только тоскую я не по Москве, а по разводу. Пожалуйста, налей мне еще, — и она протянула ему стакан.

Рудольф подошел к бару и наполнил оба стакана.

— Послушай, у тебя тут заканчиваются запасы виски.

— Ах, если бы это было действительно так,— вздохнула она.

Снова завывла сирена скорой помощи, все громче и громче, затем ее звук стал постепенно затихать. Приближаясь, она звучала как грозное предупреждение, удаляясь — как горькая жалоба. Эффект Доплера. Может, это та же самая карета скорой помощи, только едущая в обратном направлении? Один из бесконечной серии несчастных случаев, обагряющих кровью ночные улицы города?

Рудольф вручил ей стакан, и она, взяв его в руку, задумчиво на него уставилась.

Откуда-то донесся бой часов. Ровно час ночи.

— Следует полагать,— сказала Гретхен,— что Томми и та особа уже доели свой китайский ужин. Неужели их союз станет единственным примером счастливого брака в истории Джордахов? Неужели они любят, уважают и лелеют друг друга, в полном согласии поглощая свою китайскую пищу и согревая пылкой любовью свое мягкое брачное ложе?

Щелкнул замок входной двери.

— А-а,— протянула Гретхен,— вернулся наш герой, наш увешанный медалями ветеран.

В комнату вошел Уилли и, держась преувеличенно прямо, приблизился к Гретхен и поцеловал ее в щеку:

— Привет, дорогая.

«Какой же он коротышка!» — поразился Рудольф — как и всегда в тех случаях, когда подолгу его не видел. Может быть, это и есть причина всех его недостатков, этот его маленький рост?

— Как поживает наш Принц Коммерции? — улыбнулся Уилли Рудольфу.

— Можешь его поздравить,— сказала Гретхен.— Он сегодня подписал соглашение.

— Что ж, поздравляю,— и Уилли пожал Рудольфу руку. Затем, прищурившись, оглядел гостиную.— Боже, как у вас здесь темно! О чем, интересно, вы говорили — о смерти, о могилах, о черных деяниях, совершаемых под покровом ночи? — Он подошел к бару и налил себе оставшееся виски.— Солнышко, у нас есть еще виски?

Гретхен машинально встала и пошла на кухню.

— Руди,— прошептал он, опасливо глянув ей вслед,— она сильно злится, что я не пришел к обеду?

— По-моему, нет.

— И все равно я рад, что ты здесь,— заговорщически проговорил он.— Иначе мне пришлось бы выслушивать очередную, 725-ю по счету лекцию... Спасибо, солнышко,— сказал он жене, которая вошла с бутылкой виски в руке. Он взял у нее бутылку,

открыл ее и наполнил до краев свой стакан.— И как же, ребятаки, вы провели сегодняшний вечер?

— У нас состоялось великое семейное примирение,— ответила Гретхен, снова заняв свое место на диване.— И для этого мы ходили на бокс.

— Что, что? — недоуменно переспросил Уилли.— О чем это она говорит, Руди?

— Она сама тебе об этом расскажет,— сказал Рудольф, вставая; к последнему своему стакану виски он почти не притронулся.— Мне, пожалуй, пора идти. Я должен завтра подняться с первыми лучами солнца.

Он чувствовал себя неловко в присутствии Уилли. Ему не хотелось делать вид, будто этот вечер такой же, как все, и будто он не узнал от Гретхен всего того, что она ему рассказала. Подойдя к дивану, он поцеловал сестру и направился к двери в сопровождении Уилли.

— Спасибо, что зашел и составил компанию моей женушке,— сказал он.— Я теперь чувствую себя не таким дерьмом, зная, что она была не одна. Понимаешь, не мог отвертеться от этого делового ужина.

«Так получилось, Томми,— вспомнил Рудольф,— клянусь, я этого не хотел».

— Тебе не обязательно передо мной извиняться, Уилли,— сказал он.

— Скажи,— озадаченно проговорил Уилли,— ведь это была шутка — я имею в виду, насчет бокса? Это что, своего рода иносказание, или как?

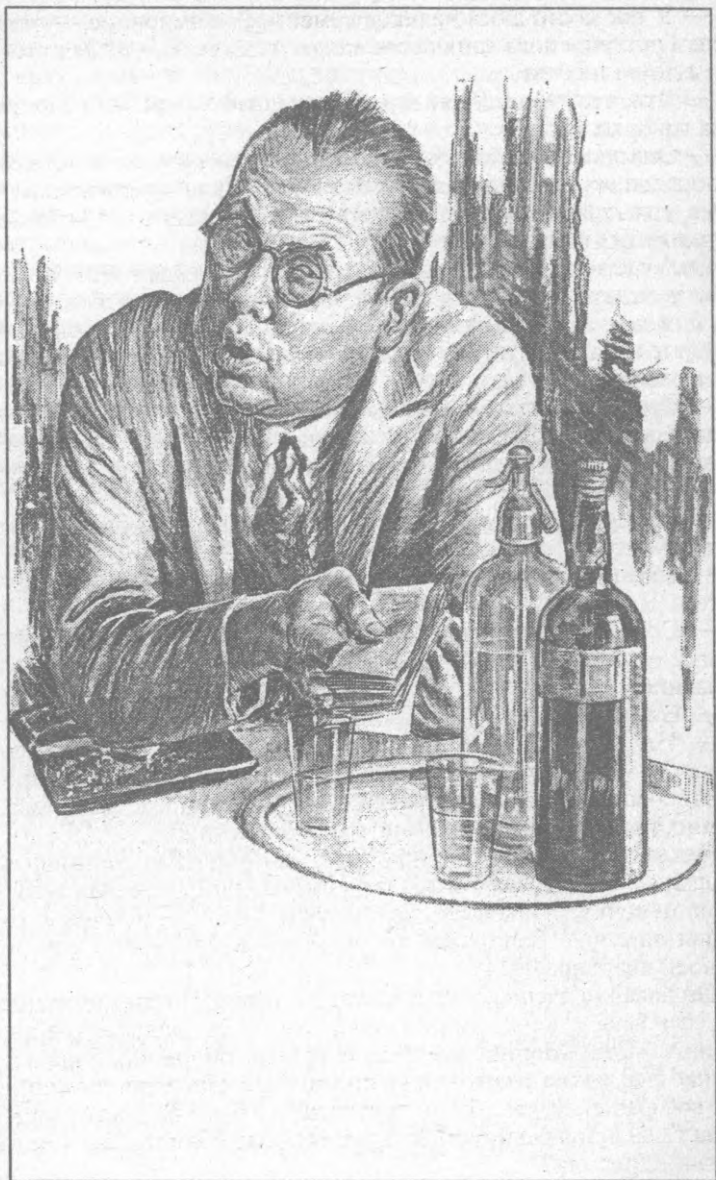
— Но мы и в самом деле ходили на боксерское состязание.

— Нет, я никогда не пойму эту женщину,— пробормотал Уилли.— Когда я хочу посмотреть по телевизору бокс, мне приходится напрашиваться к кому-нибудь в гости. И в то же время... Ладно, посмотрим, как она мне все это объяснит.

Уилли тепло пожал Рудольфу руку, и тот вышел на лестничную площадку, слыша, как Уилли, захлопнув за ним дверь, закрывает ее на цепочку. «Опасность не снаружи, Уилли,— мысленно говорил он ему.— Запираясь, ты оставляешь опасность внутри, в своей квартире».

Он начал медленно спускаться по лестнице. Интересно, думал он, если бы в ту ночь комната номер девятьсот двадцать три гостиницы «Сент-Мориц» все-таки ответила, где бы он, Рудольф, сейчас был, какие бы отговорки произносил, объясняя свое позднее возвращение, стал бы он рогоносцем и была бы в их отношениях та же напряженность и скрытая враждебность, как между Уилли и Гретхен?

Он вышел на улицу, окунувшись в темную ночь, и у него вдруг возникло странное ощущение, будто в эту минуту за ним

наблюдает сам Господь Бог, но, будучи неверующим, он тут же отверг эту нелепую мысль.

Он подумал о данном сестре обещании помочь с разводом, причем чтобы она его получила на ее условиях. Будучи человеком методическим, он во всех своих поступках привык руководствоваться логикой. В данном случае логика подсказывала ему, что прежде всего нужно нанять надежного частного детектива. Но где и как? Джонни Хит — вот кто подскажет! Уж Джонни Хит знает все ходы и выходы в Нью-Йорке. Рудольф тяжело вздохнул: уже сейчас ему была ненавистна та минута, когда он вынужден будет переступить порог конторы частного детектива, ненавистен сам детектив, хотя он его еще и в глаза не видел, — человек, который зарабатывает себе на хлеб, шпиона за конвульсиями и кончиной любви.

Рудольф обернулся и прощальным взглядом окинул дом, из которого только что вышел, — семейный очаг, против которого он вступает в заговор. Он знал, что больше уже никогда не осмелится подняться по этим ступенькам, пожать мягкую руку этому маленькому, по-своему несчастному, отчаявшемуся человеку. У двуличия и коварства тоже должны быть свои пределы.

Глава 6

I

Утром он действительно мочился кровью, но ее было немного, и боли он не чувствовал.

Поезд нырнул в туннель, и он увидел в окне свое отражение. Пластырь над глазом придавал ему несколько зловещий вид, но в остальных отношениях, сказал он себе, его мало что отличает от любого другого человека, решившего съездить в свой банк. Гудзон под октябрьским солнцем выглядел холодно синим, и когда поезд поравнялся с «Синг-Сингом», он подумал о заключенных, которые смотрят сквозь зарешеченные окна на широкую реку, свободно катящую свои волны в безбрежный океан, и завидуют ей. «Эх, горемыки», — произнес он вслух.

Он удовлетворенно похлопал по оттопыривающемуся внутреннему карману пиджака, где лежал бумажник с деньгами. По дороге в центр города он получил у букмекера выигранные им семьсот долларов. Он надеялся, что ему удастся отделаться от Терезы двумястами из них — в крайнем случае двумястами пятьюдесятью, если она будет слишком шуметь.

* «Синг-Синг» — известная тюрьма в штате Нью-Йорк, расположенная севернее Нью-Йорка, то есть выше по течению реки Гудзон.

Продев под пиджак руку, он достал из кармана бумажник. Ему заплатили стодолларовыми бумажками. Он вынул одну из них и внимательно стал рассматривать. На него взирал Бенджамин Франклин, один из отцов-основателей*, больше похожий на чью-то старую, добродушную мать. Он смутно вспомнил про молнию, бьющую в бумажного змея, а затем в памяти всплыла знаменитая фраза: «Все кошки ночью кажутся серыми». Должно быть, этот Франклин был не таким уж мягкотелым добрячком, каким его изобразили на сотенной, иначе не попал бы на самую крупную американскую денежку. И не Франклин ли однажды сказал: «Джентльмены, мы должны вместе выстоять, иначе падем в одиночку»? «Да-а,— подумал Томас,— жаль, что я не окончил хотя бы средней школы» — таково было воздействие на него кусочка американской истории, взорвавшей на него со стодолларовой бумажки. В левом верхнем углу стояла надпись: *«Настоящая купюра является законным платежным средством при расчетах по любым денежным обязательствам, как государственных учреждений, так и частных лиц, и подлежит обмену на другие законные платежные средства в Государственном казначействе Соединенных Штатов или в любом из банков федеральной резервной системы»*. Ну да, еще бы: если уж эту бумажку не считать законным платежным средством, то что тогда, черт возьми, можно вообще им считать?! На бумажке стояла также замысловатая подпись некой Айви Бейкер Прист, Казначая Соединенных Штатов. Ясное дело, если у человека такое причудливое имя, как Айви Бейкер Прист, и она так неразборчиво расписывается, то разве ей обойтись без всех этих мудреных словечек вроде *«законное платежное средство»* вместо *«деньги»* и *«денежные обязательства»* вместо *«долги»*?

Томас аккуратно сложил бумажку вдвое и сунул отдельно от остальных денег в наружный боковой карман, с тем чтобы присоединить к ней другие стодолларовые банкноты, томившиеся столько лет в его личном сейфе под темными подвальныеми сводами порт-филипского банка в ожидании этого дня.

Сидящий впереди человек, который все это время читал газету, перешел к спортивной странице, и Томас увидел, что там напечатан репортаж о вчерашнем поединке. «Интересно,— подумал он,— как бы этот человек прореагировал, если б я сейчас похло-

* *Отцы-основатели* — группа политических деятелей времен Американской революции 1776 года, возглавивших борьбу против британской короны. Бенджамин Франклин (1706 — 1790) — один из них; он был не только государственным и политическим деятелем, но и дипломатом, ученым, изобретателем, просветителем, одним из авторов Декларации независимости США и Конституции США. Среди его изобретений самое известное — громоотвод. Запуская во время грозы бумажного змея, он доказал, что молния является электрическим разрядом.

пал его по плечу и сказал: „Мистер, я — один из тех боксеров, о которых пишут в этой статье. Не хотите послушать, как это было на самом деле, непосредственно от участника боя?“»

Впрочем, репортажи газет о поединке были не так уж плохи, а «Ньюс» на последней странице поместила фото, на котором было видно, как Вирджил пытается встать после рокового для него удара; он, Томас, стоял на снимке в нейтральном углу. Один газетчик написал даже, что этот бой «дает основания считать мистера Джордаха одним из основных претендентов на звание чемпиона». Когда он уже выходил из квартиры, ему позвонил Шульц и радостно сообщил, что какой-то импресарио из Англии, видевший этот матч, пригласил их в Лондон на состязания по боксу, которые начинаются через шесть недель. «Мы выходим на международный уровень,— возбужденно говорил Шульц.— А потом совершим турне по Европе. Ты всех их уложишь. Ни в Англии, ни во всей Европе нет никого в твоём весе, кого можно было бы поставить даже рядом с Вирджилом Уолтерзсом, не говоря уже о тебе. Этот парень из Англии говорит, что часть гонорара будет нам выплачиваться, как он выразился, „под столом“, то есть так чтобы никто об этом не знал, и нам не нужно будет платить этот чертов подоходный налог».

Так что у него были все основания чувствовать себя совсем неплохо в эту минуту, сидя в этом поезде, глядя на проносящуюся мимо тюрьму, многие из обитателей которой и поумнее его, и, возможно, совершили меньше преступных деяний, чем он. Но он не чувствовал себя довольным жизнью. Тереза устроила ему грандиозный скандал за то, что он ничего не говорил ей про свои игры на тотализаторе и про своих, как она выразилась, «заносчивых родственничков». Почему-то ее ужасно взбесило, что он никогда не упоминал ей о своей семье, как если бы прятал от нее какое-то невероятное сокровище.

— Эта твоя сестричка смотрела на меня как на какую-то мразь,— возмущалась Тереза,— а твой задавака братец, когда мы ехали в такси, все порывался опустить стекло, точно от меня воняло, как от куска лошадиного дерьма. И отодвинулся от меня в самый угол — можно подумать, если б он до меня случайно дотронулся, то враз подхватил бы триппер. Подумать только: не видели родного брата целых десять лет — и даже не пожелали выпить с ним чашку кофе! Слишком они для этого благородные. А ты, великий боец, проглотил все это молча, как будто так и надо, и не мог даже поставить их на место.

Все это она сказала ему в постели, после того как они возвратились из ресторана. Он же был расположен предаться любви; как и всегда после ответственного поединка (*перед* сражением он не прикасался к ней целыми неделями), и орган у него так на-

прягся, что его вполне можно было бы использовать вместо бейсбольной биты. Но она закрыла перед ним все свои прелести, как устрица раковину, и даже близко не подпустила его к себе. «Черт подери,— думал он,— я женился на ней не для того, чтобы выслушивать ее болтовню!» К тому же и в лучшие свои моменты Тереза не была таким уж чудом в постели, а если он в пылу страсти, например, взьерошивал ей волосы, она проявляла жуткое недовольство. Да и вообще она старалась под любыми предлогами откладывать акты физической близости между ними — до завтра, до следующей недели, до следующего года, а когда в конце концов раздвигала перед ним свои ноги, то это больше напоминало автоматические ворота, которые раскрываются, если бросить в щель фальшивую монетку. Она постоянно твердила ему, что выросла в религиозной семье, как будто это означало, что вход в сокровенные места всех католичек в мире денно и нощно охраняется архангелом Михаилом с мечом в руке, готовым в любой момент отсечь дерзновенный орган каждому мужчине, кто осмелится вторгнуться в заповедную область. Он мог бы побиться об заклад, что его сестра Гретхен, с ее прямыми волосами, с полным отсутствием макияжа на лице, с этим ее черным платьем и видом недотроги, со всеми ее светскими манерами, тем не менее способна за один двухминутный раунд доставить мужчине больше удовольствия, чем смогла бы Тереза за двадцать десятиминутных раундов.

Ее слова звенели в его ушах всю ночь, и он плохо спал. Но самое ужасное заключалось в том, что она говорила чистую правду. Вот он, взрослый, сильный мужчина, достаточно известный боксер, но стоило в его раздевалке появиться этим его высокомерным родственничкам, сестре и брату, как он снова почувствовал себя глупым, чумазым, никчемным мальчишкой.

Оказывается, можно выигрывать сколько угодно боев, видеть свое лицо в газетах, мочиться кровью после поединков, вызывать восхищение болельщиков и одобрение тренеров, получать приглашения на выступления в Лондоне, а потом в какой-то момент увидеть двух заносчивых чистоплюев, которых давно вычеркнул из своей жизни, — и весь твой мир в один миг рассыпается прахом, и ты снова чувствуешь себя полным ничтожеством. Ну что ж, его чертова братца, этого любимца мамочки и папочки, этого баловня судьбы, брезгливо открывающего окна в душевных такси и боящегося осквернить себя случайным прикосновением к жене своего родного брата, ждет сегодня вечером очень большой и очень неожиданный сюрприз!

И вдруг ему в голову пришла сумасшедшая мысль — а что если он не сойдет с поезда в Порт-Филипе, а поедет дальше, до Олбани, а там переседет на другой поезд и отправится в Элизиум,

штат Огайо, к той единственной в мире женщине, которая прикасалась к нему с любовью, с кем он чувствовал себя настоящим мужчиной, хотя и был молокососом шестнадцати лет?! Да, к ней, к Клотильде, прислужнице своего дяди в постели, к Клотильде, купавшей святого Себастьяна в ванне.

Но когда поезд остановился в Порт-Филипе, Томас сошел с него и сразу же направился в банк — как и намечал.

II

Она старалась не проявлять своего нетерпения, видя, как Билли тянет со своей едой. Чтобы не вызвать никаких подозрений (а у детей на такие вещи поразительное чутье), она еще не переодевалась к предстоящей ей встрече и сидела с сыном в своей обычной домашней одежде — брюках и свитере. Есть ей не хотелось, и она вяло ковыряла вилкой в тарелке. Билли ел очень медленно, играясь с бараньей отбивной и салатом-латуком, вместо того чтобы отправлять их в желудок, но она сдерживала свое раздражение и не торопила его.

— С чего это вдруг я должен идти в Музей естественной истории? — спросил он у нее с возмущением.

— Да ты должен радоваться этому, — сказала она, — как ты этого не понимаешь?

— Только не я. Что мне там делать?

— Но идет весь твой класс.

— А они придурки. Все до единого, кроме, конечно, Конрада Франклина.

Билли жевал один и тот же кусок уже минут пять, не меньше, лишь иногда — чисто символически — перемещая его из одной стороны рта в другую. Гретхен уже начинала подумывать, а не стукнуть ли его разок для ускорения процесса — времени у нее оставалось в обрез. Ей казалось, что часы на кухне тикают все громче и громче, и она боялась на них смотреть, но все же не удержалась и взглянула. Без четверти час. Она должна быть у него без четверти два. А за это время ей нужно отвести Билли в школу, возвратиться домой, принять душ, одеться — причем тщательно, очень тщательно, — и нестись в другую часть города, но, прибыв туда, она должна выглядеть элегантной и привлекательной, а не так, будто только что закончила забег на тысячу метров.

— Поторопись, Билли, — сказала она, поражаясь тому, насколько спокойно, по-матерински, звучит ее голос, хотя в эту минуту она чувствовала себя отнюдь не по-матерински. — На тресте — желе.

— Я не люблю желе.

— С каких это пор? ,

— С этой минуты. Скажи, какой смысл идти и смотреть на все эти старые чучела? Если учителя хотят, чтобы мы знали животных, то пусть показывают нам их живыми, а не мертвыми.

— Если хочешь, в следующее воскресенье мы с тобой ходим в зоопарк,— старалась убажить его Гретхен.

— Но в воскресенье я иду в гости к Конраду Франклину,— заявил Билли и, вынув изо рта многострадальный кусок отбивной, положил его на тарелку.

— Так делать некультурно,— строго проговорила она (а часы тикали все быстрее).

— Но мясо ужасно жесткое.

— Ладно,— сказала Гретхен, протягивая руку за его тарелкой.— Будем считать, что со вторым ты покончил.

— Но я еще не съел весь салат,— возразил Билли, крепко ухватившись за тарелку, а затем начал медленно и старательно разрезать лист латука на мелкие части, придавая им различную геометрическую форму.

«Он ведь не дразнит меня; это просто своего рода самоутверждение,— пыталась уверить себя Гретхен, чтобы сдержаться и не ударить его.— И это должно меня радовать, ибо, в отличие от Уилли, у него, кажется, есть характер».

Больше не в силах наблюдать за неторопливой игрой сына с латуком, она встала и, подойдя к холодильнику, достала оттуда чашку с желе.

— Почему ты сегодня такая нервная? — неожиданно спросил Билли.— Никак не усидишь на месте.

«Ох уж эти мне дети с их дьявольской интуицией! — подумала Гретхен.— Мы являемся в этот мир вовсе не голыми, а с мощным радарным полем вокруг себя».

— Ешь побыстрее,— сказала она, ставя чашку на стол,— а то нам пора уходить.

Билли демонстративно сложил на груди руки и откинулся на спинку стула.

— Я же тебе сказал — я не люблю желе.

Она уже готова была произнести типичную в этих случаях фразу насчет того, что он не встанет из-за стола, пока не съест всего желе, но вовремя остановилась: у нее возникло сильное подозрение, что именно этого Билли и добивается. Неужели в душе ребенка, в этом загадочном хитросплетении противоречивых эмоций, таких как ненависть и любовь, чувственность и наивность, жадность и щедрость, находится место и для инстинктивной способности провидеть истинную сущность вещей? Неужели ее сын каким-то непостижимым, сверхъестественным образом догадывается, зачем его мать едет в другой конец города, и интуитивно пытается воспрепятствовать этому, защитить от это-

го и себя, и своего отца, сохранить целостность домашнего очага, центром которого он, в своем детском эгоизме и высокомерии, искренне считает себя?

— Хорошо,— сказала она.— Сегодня обойдемся без желе. Вставай, нам пора выходить.

Билли умел побеждать: на лице у него не было и тени торжествующей улыбки. Вместо этого он еще раз спросил (скорее у себя, чем у матери):

— И все-таки — зачем мне идти и смотреть на все эти старые чувства?

Открывая входную дверь, она часто и тяжело дышала; ей было ужасно жарко. После того как она оставила Билли у школьных ворот, ей пришлось бежать всю обратную дорогу домой: времени оставалось предельно мало. В гостиной звонил телефон, но она не стала снимать трубку, а поспешила в ванную комнату, срывая с себя на ходу одежду. Наскоро приняв теплый душ, она, прежде чем вытираться, на какое-то мгновение остановилась перед высоким зеркалом и критически себя осмотрела. Нежная, блестящая от влаги кожа, высокая, стройная фигура. «Я могла располнеть, а могла и остаться такой, какой была всегда,— думала она.— Слава Богу, я не стала полнеть и даже похудела. Но не слишком. *Мое тело, это прельстительное, покрытое капельками воды вместилище моей грешной души!*» Она рассмеялась и, упиваясь своей наготой, вышла из ванной, пробежала через гостиную и вбежала в спальню. Там она подошла к комоду, выдвинула нижний ящик и достала из-под груды шарфов надежно спрятанный противозачаточный резиновый колпачок. *Ах, только представить себе, сколько раз ей прослужило это орудие любви!* Она вставила его аккуратно и осторожно, чувствуя себя грешницей. Неужели люди не могут изобрести чего-нибудь получше, чем это механическое приспособление?!

Касаясь себя в этом чувствительном месте, она вспомнила о той странной волне сладострастия, которая внезапно накатилась на нее предыдущей ночью, когда она улеглась в постель. В ее разгоряченном воображении возникли тогда атлетические фигуры боксеров — как белых, так и темнокожих. И хотя еще несколько часов до этого ее тошнило от одного их вида на ринге, теперь, в темноте ночи, они стали объектами ее страстного желания, эти великолепные, мускулистые мужские тела, окружавшие ее со всех сторон. Секс для женщины является, в сущности, бесцеремонным вторжением в ее интимный внутренний мир, грубым нарушением ее душевного покоя, точно так же, как для мужчины таковыми являются удары, наносимые по его телу другим мужчиной. Во взбудораженном сознании Гретхен граница между сладост-

растием, с одной стороны, и рукоприкладством, с другой, удивительным образом стерлась, и удары представлялись ей страстными ласками, а ласки — ударами. Она беспокойно ворочалась с боку на бок, томимая любовным желанием, и, если бы Уилли пришел к ней в постель, она бы приняла его с лихорадочной пылкостью. Но Уилли лежал на своей кровати и мирно похрапывал.

В конце концов она вынуждена была принять снотворное.

Утром она выбросила все это из головы. Постыдные эротические переживания ночи были надежно прикрыты невинной маской дневного света.

Гретхен покачала головой и выдвинула другой ящик, где у нее лежали трусики и бюстгалтеры. Собственно, «трусики» — слишком безобидное и детское, а значит, и лицемерное слово для обозначения предмета одежды, прикрывающего столь опасную территорию. «Корсет» — намного более подходящее слово, хотя оно, конечно, безнадежно устарело. Гретхен давно не носила корсетов: школа Бойлана.

Снова зазвонил телефон, более настойчиво, чем первый раз, но она снова к нему не подошла — нужно было побыстрее одеваться. Открыв шкаф и пробежав взглядом по висящим в нем платьям, костюмам и юбкам, она не колеблясь выбрала простой, строгий, темно-синий костюм. *Зачем ей афишировать яркими рядами свою миссию? А кроме того, роскошное, розовое тело будет оценено намного выше, если появится из-под пуританского облачения.* Она причесала свои длинные, черные волосы, ниспадающие ей на плечи. Трудно было представить, что за этим широким, низким, без единой морщинки лбом — таким ясным и безмятежным — скрыто столько вероломства и тяжелых сомнений.

Такси она не смогла поймать, поэтому дошла до Восьмой авеню и спустилась в метро. Ей нужно было сесть на поезд, идущий в Куинс, и, доехав до Ист-сайда, встать на Пятой авеню и дальше идти пешком.

Выйдя из метро на Пятой авеню, она шла по освещенной осенним солнцем улице, овеваемая легким, прохладным ветерком, и поглядывала на свое отражение в витринах шикарных магазинов, мимо которых проходила, — высокая, молодая женщина в строгом, темно-синем костюме. «Интересно, — думала она, — многие ли из этих женщин, с праздным видом выходящие из универмага „Сакс“, на самом деле идут с той же, что и у нее, миссией, вооруженные противозачаточным резиновым колпачком, надежно сидящем на своем месте?»

Дойдя до угла, она свернула на Пятьдесят пятую улицу и, проходя мимо «Сент-Риджиса», вспомнила, как одним летним вечером много лет назад здесь праздновали свадьбу юная девушка в белом платье и молодой лейтенант. Сколь много ни было бы улиц

в Нью-Йорке, все равно их число ограничено, и рано или поздно оказываешься на той самой улице, где бывал много лет назад, и на том самом месте, память о котором таилась в глубинах сознания столько лет. Сюрпризы урбанистической географии, эхо прежних времен.

Она взглянула на часы. Без двадцати два. У нее еще целых пять минут. Она будет идти очень медленно и предстанет перед ним сдержанной и холодной.

Колин Берк жил на Пятьдесят шестой улице, между Мэдисон-авеню и Парк-авеню. Еще одно эхо прошлого. На этой улице когда-то происходила вечеринка, на которую она в последний момент не пошла. Но разве можно винить человека за то, что он, снимая квартиру в каком-то районе, не смог заранее предусмотреть, чтобы район этот не вызывал у его будущей любовницы нежелательных ассоциаций и воспоминаний?

Она вошла в знакомый белый вестибюль и нажала на кнопку звонка. Сколько раз она уже приходила сюда? И сколько раз нажимала эту кнопку? Двадцать раз? А, может быть, тридцать? Или шестьдесят? Когда-нибудь она обязательно сосчитает.

С той стороны двери послышалось характерное жужжание, задвижка автоматически открылась, и она, толкнув дверь, прошла к миниатюрному лифту и поднялась на четвертый этаж.

Он стоял в дверях — босиком, поверх пиджамы наброшен халат. Они коротко поцеловались — этого пока хватит, торопиться им некуда.

В большой, никогда не знавшей порядка гостиной, на журнальном столике, заваленном ледериновыми папками с пьесами, стояла тарелка с остатками завтрака и недопитая чашка кофе. Берк был театральным режиссером и жил театрально-богемной жизнью, редко ложась раньше пяти утра.

— Выпьешь чашечку кофе? — спросил он.

— Нет, спасибо, — ответила она. — Я только что пообедала.

— Ну да, жизнь строго по расписанию, — произнес он с чуть заметной, мягкой иронией. — Жизнь, которой мне следовало бы завидовать.

— А ты приезжай ко мне завтра, — парировала она с такой же незлой иронией, — и попробуй заставить Билли съесть баранью отбивную. Тогда посмотрим, куда денется твоя зависть.

Берк ни разу не видел Билли, не был знаком с мужем Гретхен, никогда не был у них дома. Их познакомил на каком-то обеде один из редакторов журнала, в котором она иногда печаталась. Предполагалось, что она напишет о Берке статью, так как похвально отзывалась о поставленной им пьесе. Но когда познакомилась с ним, он ей не понравился, показался нагловатым, догматичным и слишком самоуверенным. Статью она так и не написала,

но через три месяца, после нескольких случайных встреч, отда-лась ему — то ли истосковавшись по сексу, то ли мстя Уилли, то ли от скуки, то ли в припадке истерики, то ли чисто случайно, то ли в силу всех этих причин вместе... Она и сама не знала почему, давно уже перестав анализировать мотивы своих поступков.

Берк стоял и медленно потягивал кофе; его темно-серые глаза ласково смотрели на нее из-под грозных, черных бровей. Еще сравнительно молодой человек — ему недавно исполнилось тридцать пять, — он был невысок, ниже Гретхен (*«Неужели я обречена всю свою жизнь любить невысоких мужчин?!»*), но в его открытом, сильном лице, заросшем сейчас колючей черной щетиной, ощущалась такая глубина и интенсивность чувства, такая напряженная работа мысли, что его маленький рост как-то не замечался. Работая режиссером, он привык иметь дело со сложными и своеобразными людьми, научился командовать ими, и властность чувствовалась во всем его облике. Настроение у него быстро менялось, и иногда он бывал очень резок — даже с ней. Он мучительно переживал как свое собственное несовершенство, так и несовершенства других, и в его тоне часто сквозило презрение. Порой, не сказав никому ни слова, он где-то пропал на несколько недель кряду. Он был разведен, слыл донжуаном, и в начале их связи, в прошлом году, Гретхен не сомневалась, что нужна ему по единственной, самой очевидной и самой простой причине, и это ее вполне устраивало, но сейчас, глядя на этого худого, бо-соногого, невысокого человека в мягком темно-синем халате, так изысканно сочетавшемся в цветовом отношении с ее костюмом (какое предвидение с ее стороны!), она была абсолютно уверена, что любит только его и никого другого ей не надо. Она могла бы пойти на любые жертвы, лишь бы оставаться с ним рядом до конца своей жизни.

Когда накануне вечером Гретхен сказала Рудольфу: «Мне хотелось бы спать с одним мужчиной, а не с десятью», она говорила о Берке. И в самом деле, с тех пор как у них началась эта связь, она не занималась любовью больше ни с кем, если, конечно, не считать тех редких случаев, когда к ней в постель заявлялся Уилли, томимый ностальгией и нежностью, чувствующий себя несчастным и жаждущий примирения, пытающийся вспомнить забытые привычки уходящей любви.

Берк спрашивал у нее, продолжает ли она спать со своим мужем, и она говорила ему в ответ правду. Она также признавалась ему, что это продолжает доставлять ей удовольствие. Ей не хотелось ему лгать, и он был единственным из встреченных ею в жизни мужчин, кому она могла говорить все, что придет ей в голову. Он сказал ей, что со дня их знакомства он не спал ни с одной женщиной, кроме нее, и она ему верила.

— Моя прекрасная Гретхен,— произнес он, отнимая чашку от губ,— моя восхитительная Гретхен. Ах, только представить себе,— какое было бы волшебство, если бы ты каждое утро входила ко мне с завтраком на подносе!

— Я вижу,— улыбнулась она,— у нас сегодня хорошее настроение.

— Не совсем,— ответил он и, поставив чашку на стол, подошел к Гретхен и обнял ее.— Мне предстоит сегодня просто кошмарный день. Час назад позвонил мой агент и сказал, что в два тридцать меня ждут в нью-йоркской конторе «Коламбия пикчерз». Они приглашают меня к себе на Запад, чтобы я снял там картину. Я тебе звонил пару раз, но никто не подошел к телефону.

Телефон и самом деле звонил, когда она возвратилась из школы, и еще раз, когда она одевалась. *Что ж, люби меня завтра, а сегодня уж извини* — спасибо тебе, «Коламбия пикчерз», за это. Беда только в том, что завтра Билли уже не пойдет вместе с класом в музей смотреть на чучела зверюшек, тем самым дав ей свободу до пяти часов — нет, ровно в три она должна будет ждать его у школьных ворот. Да-а, любовь по школьному расписанию.

— Я слышала эти звонки,— проговорила она, отходя от него,— но не стала на них отвечать.— Она рассеянно закурила.— Но мне казалось, ты собираешься в этом году ставить пьесу.

— Оставь сигарету — это дурной тон,— сказал Берк.— Когда плохой режиссер хочет показать напряженность в отношениях персонажей, он обязательно заставляет их закурить.

Она засмеялась и погасила сигарету.

— Пьеса еще не готова,— проговорил он, возвращаясь к их разговору.— Судя по темпу, в котором автор ее переделявает, она будет закончена не раньше чем через год. А все другое, что мне предлагают,— прямо-таки страх Божий... Ну, не смотри на меня так печально.

— Вовсе я не печальна,— сказала она.— Просто мне страшно хочется, но меня, увы, отвергают, и придется уйти ни с чем.

Теперь засмеялся он.

— Узнаю свою Гретхен — никаких околичностей и обиняков. А вечером ты никак не сможешь?

— Вечера абсолютно исключены, и ты это прекрасно знаешь. Зачем афишировать наши отношения? Это не в моих правилах.

«Да и этот Уилли может выкинуть какую угодно фортель,— подумала она.— На него иногда вдруг находит, и он начинает регулярно обедать дома — причем бывали случаи, что даже по две недели подряд».

— А картина хоть интересная? — спросила она.

— Как получится,— неопределенно ответил он, пожав плечами; затем потер щетину на подбородке и добавил: — Честно говоря, мне попросту нужны деньги.

— Но прошлый год у тебя как будто был неплохой,— сказала она, понимая, что не стоит затрагивать эту тему, и тем не менее делая это.

— Налоги плюс алименты — и от моего банковского счета остались рожки да ножки.— Он досадливо поморщился.— Линкольн, конечно, сделал великое дело, освободив в 1863 году рабов, но он совершенно забыл про женатых мужчин.

Что ж, любовь, как и почти все остальное в наши дни, стала целиком и полностью подвластна Налоговому управлению Соединенных Штатов. Мы теперь занимаемся любовью в паузах между заполнением налоговых форм.

— Мне следовало бы познакомить тебя с Джонни Хитом и братом,— сказала она.— В области налоговых льгот и лазеек в налоговом законодательстве им просто нет равных.

— Да-а, бизнесмены есть бизнесмены,— проговорил он.— Они в этой сфере как фокусники. Каждый раз, когда мой сборщик налогов видит составленные мной налоговые декларации, отчеты и другие документы, он хватается за голову и рыдает. Итак, вперед на штурм Голливуда! А если честно, то мне это предложение кажется очень заманчивым. И в самом деле, почему бы театральному режиссеру не попробовать себя и в области кинематографии? В наши дни все возможно. Укоренившееся представление о том, что театр — нечто святое, а кино — искусство приземленное и вульгарное, является ничем иным, как обыкновенным снобизмом, и должно быть похоронено вместе с Дэвидом Беласко*. Если ты меня спросишь, кто сегодня самый великий драматический режиссер, я тебе без колебаний отвечу — Федерико Феллини. К этому я могу лишь добавить, что лучшей постановки, чем «Гражданин Кейн»**, я в своей жизни не видел, а ведь это чисто голливудская постановка! Кто знает, может быть, мне суждено стать Орсоном Уэллсом пятидесятых годов...

Произнося свой монолог, Берк ходил взад и вперед по комнате, и Гретхен видела, что то, о чем он говорит, по-настоящему волнует его и что ему действительно хотелось бы попробовать свои силы в новой области.

— Конечно, стоит заговорить о Голливуде, все сразу начинают думать о голливудских шлюхах, но, извини, кто осмелится со всей серьезностью утверждать, что нью-йоркский «Театр Шуберта» — это монастырь? Да, конечно, мне нужны деньги, и вид доллара у меня не вызывает отвращения, но это не значит, что я охочусь за ним (по крайней мере пока что — и, надеюсь, в будущем тоже).

* Дэвид Беласко — см. примечание на стр. 174.

** «Гражданин Кейн» — кинофильм, поставленный в 1941 году известным американским режиссером и актером Орсоном Уэллсом; удостоен премии «Оскар».

Я веду переговоры с «Коламбия пикчерз» уже больше месяца. Они дают мне полную свободу действий: сценарий — какой захочу, автор диалогов — по моему усмотрению, никакого контроля, все съемки — на натуре, окончательный вариант монтажа выбираю я. В общем, я делаю все, что считаю нужным, с соблюдением одного лишь условия: ни в коем случае не превышать смету, ну а смета, должен сказать, достаточно щедрая. Если фильм получится хуже моих постановок на Бродвее, то виноват в этом буду только я сам, и никто другой. Приезжай на премьеру. Мне не помешает твоя поддержка.

Она улыбнулась, но скорее из вежливости.

— Ты не говорил мне, что делс зашло так далеко. Больше месяца...

— Да, такой уж я скрытный парень, — сказал он. — Не хотел тебе говорить, пока вопрос не решится.

Она вновь закурила, пытаясь занять чем-то руки и отвлечь себя. Плётать она хотела на режиссерские штампы с напряженными отношениями между персонажами!

— А как же я? Я ведь останусь здесь... — спросила она сквозь сигаретный дым, хотя и теперь понимала, что лучше бы ей не спрашивать.

— А что тебя так смущает? — проговорил он, задумчиво на нее глядя. — Самолеты ведь летают каждый день...

— Ты имеешь в виду, в каком направлении?

— В обоих.

— И ты думаешь, мы долго так продержимся?

— Пару недель. — Он щелкнул пальцем по стакану на журнальном столике, и раздавшийся мелодичный звон прозвучал, словно бой часов, начинавших отсчитывать минуты, дни и месяцы их разлуки. — А может быть, вечность.

— Если я прилечу туда вместе с Билли, — спросила она, стараясь говорить ровным голосом, — мы сможем жить вместе с тобой?

Он подошел к ней и, взяв ее голову в обе руки, поцеловал ее в лоб. Ей пришлось слегка наклониться, чтобы он до нее дотянулся. Его щетина на мгновение уколола ей кожу.

— О, Боже! — едва слышно проговорил он и отступил от нее. — Извини, но мне нужно бриться, принимать душ и одеваться. Я и так уже опаздываю.

Она смотрела, как он бреется, принимает душ и одевается, а когда он был готов, поехала с ним в такси на Пятую авеню, где находилась контора, в которой ему была назначена встреча. Он так и не ответил на ее вопрос, но попросил позвонить ему вечером, чтобы он мог рассказать ей, чем закончился разговор с представителями «Коламбия пикчерз».

Когда такси доставило их на Пятую авеню, она вышла вместе с Берком и остаток свободного времени посвятила неспешному походу по магазинам, где купила платье и свитер, хотя и знала, что к концу недели все равно сдаст их туда, где купила.

В пять часов вечера она уже была у школьных ворот, одетая в свои обычные брюки и свитер, в старом твидовом пальто, с козынкой на голове, но без резинового колпачка внутри. Она с нетерпением ждала возвращения из Музея естественной истории своего Билли.

III

К концу дня он очень устал. Все утро он провел с юристами, а юристы, как он имел случай лишний раз убедиться, — самые утомительные люди на свете. По крайней мере на его взгляд. Даже те из них, кто работал на него. Неустанная борьба за более выгодные формулировки, дающие дополнительные преимущества; двусмысленный, маловразумительный, неудобоваримый язык; непрерывные поиски лазеек, уверток, завуалированных ловушек и выигрышных компромиссов, а, превыше всего, беззастенчивая погоня за деньгами казались ему отвратительными, хотя, в конечном итоге, наибольшую выгоду из всего этого получал он сам. Но, как говорится, нет худа без добра, и это единственное «добро», которое он усматривал в общении с юристами, заключалось в том, что он еще и еще раз убеждался, насколько был прав, отказавшись от предложения Бойлана финансировать его обучение на юридическом факультете университета.

Во второй половине дня пришли архитекторы и отняли у него остатки сил. Он работал над проектом торгового центра, и его гостиничный номер был завален чертежами. По совету Джонни Хита, он выбрал фирму молодых, подающих большие надежды архитекторов, которые уже получили несколько почетных призов за свои работы, но пока еще не заелись. Это были талантливые, полные энтузиазма молодые люди — тут не было никаких сомнений, — но до этого они работали преимущественно в больших городах и привыкли облекать свои идеи в стекло, сталь и пористый цемент. Рудольфу было известно, что они считают его человеком с безнадежно отсталыми взглядами, и все же он настаивал на традиционных формах и материалах для своего проекта. В душе он был полностью на стороне этих ребят, но вынужден был принимать в расчет консервативные вкусы тех людей, которые будут основными посетителями нового центра. Кроме того — и он это прекрасно понимал, — только традиционный стиль мог получить одобрение Колдервуда.

— Я хочу, чтобы все это было похоже на улочку в какой-нибудь старой уютной деревушке, затерянной на просторах Новой Англии,— говорил он тяжело вздыхающим архитекторам.— Обшитые белой вагонкой дома, башенка над театром, чтобы его можно было принять за церковь. Поймите, это провинциальный, консервативный район, и мы будем обслуживать вчерашних сельских жителей с традиционными вкусами и привычками, а значит, и вся атмосфера в торговом центре и вокруг него должна быть провинциальная и идиллическая. И вот тогда, чувствуя себя в таком окружении уютно и по-домашнему, они будут расставаться со своими деньгами легко и охотно.

Архитекторам все это настолько не нравилось, что они несколько раз порывались бросить проект и уйти, но Рудольф каждый раз сумел уговорить их остаться:

— Ребята, на этот раз сделайте так, как я вас прошу, но уже в следующий раз все будет по-вашему или почти по-вашему. Это ведь первый из целой серии проектов, и каждый новый проект будет все смелее и современнее.

Эскизный проект, который архитекторы представили на его рассмотрение, был пока что далек от того, чего он от них добивался, но, рассматривая последние из принесенных ими чертежей, он уже знал: в конце концов они вынуждены будут отступить.

От напряжения у него разболелись глаза, и он, делая пометки на чертежах, подумал, а не пора ли ему заказать очки? Подойдя к комоду, где стояла бутылка виски, он плеснул себе полстакана, а затем прошел в ванную и разбавил виски водопроводной водой. Отпив небольшой глоток, он развернул на столе следующий чертеж. Над входом в центральное здание центра красовалась вывеска с огромными буквами «КОЛДЕРВУД», и Рудольф при виде ее невольно поморщился. Вывеска, по замыслу архитекторов, должна будет в вечернее время зажигаться неоновыми огнями. Вообще-то идея с неоновой надписью принадлежала самому Колдервуду: старику, оказывается, хотелось славы и бессмертия, и он, по-видимому, считал, что мерцающие многоцветными красками буквы, сделанные из стеклянных трубок и возвещающие миру, кто именно является владельцем центра,— самый прямой путь и к славе и к бессмертию. Тактичные намеки Рудольфа на тот счет, что такая надпись нарушит положенный в основу нового центра изысканный, но скромный стиль, Колдервуд оставлял без внимания.

Зазвонил телефон, и Рудольф взглянул на часы. Том сказал, что придет к пяти; значит, это он. Рудольф снял трубку, но это был не Том. Говорила секретарша Джонни Хита, голос которой он легко узнавал:

— Мистер Джордах? Вам звонит мистер Хит.

Он нетерпеливо ждал, когда наконец услышит голос Джонни, но тот не торопился появляться в эфире. «Если кто-нибудь будет звонить в мою организацию,— думал Рудольф,— он, кто бы это ни был, сможет говорить с тем, кому звонит, без всякого промедления». Сколько, интересно, американцев, звонящих во все-ческие конторы и учреждения, поспешно кладут трубку, услышав пронзительный голос мегеры-секретарши, сидящей, словно цербер, на пути к голосу своего босса? Сколько из-за этого не заключается важных сделок, сколько не произносится приглашений, сколько женщины, позвонивших, чтобы сказать «да», в конце концов говорят «нет»?

Когда с другой стороны провода прозвучал наконец голос Джонни («Алло, это Руди?»), Рудольф, отвечая ему, едва сдерживал раздражение.

— Я узнал то, о чем ты просил,— сказал Джонни.— У тебя есть под рукой карандаш и листок бумаги?

— Да, есть.

И Джонни дал ему название и адрес частного детективного агентства.

— Насколько я знаю, они заслуживают полного доверия,— сказал Джонни.

Слава Богу, он не стал интересоваться, зачем Рудольфу понадобился частный детектив, но, несомненно, о чем-то догадывался.

— Спасибо тебе, Джонни,— сказал Рудольф, записав название и адрес агентства.— И извини за беспокойство.

— Пустяки,— ответил Джонни.— Ты сегодня вечером свободен? Может, сходим куда-нибудь пообедать?

— К сожалению, я занят,— ответил Рудольф.

Но на самом деле у него на этот вечер не было намечено ничего, и если бы секретарша Джонни не заставила его так долго ждать и не испортила бы ему настроения, он, скорее всего, сказал бы «да».

Повесив трубку, Рудольф почувствовал себя еще более усталым и решил отложить звонок в детективное агентство на завтра. Он не помнил, чтобы когда-либо раньше так уставал к пяти часам. Возраст? Он рассмеялся. Ему всего лишь двадцать семь. Он подошел к зеркалу и взглянул на себя. В гладко зачесанных черных волосах ни намек на седину. Никаких мешков под глазами. Ни малейших следов беспутной жизни или скрытых болезней на чистой, смугловатой коже. Если он и устает от работы, то это никак не сказывается на его молодом, сосредоточенном, без единой морщины лице.

И все-таки он невероятно устал. Он подошел к кровати и, не раздеваясь, прилег отдохнуть. Может быть, до прихода Тома он успеет даже соснуть? Но сон к нему не шел. Весь этот день,

даже когда он сидел с юристами и архитекторами, в его памяти то и дело возникали сказанные сестрой прошлым вечером полупрезрительные слова: «Скажи, Рудольф, тебя хоть *что-нибудь* радует в жизни?» Он вчера промолчал, но на самом деле его радовали очень многие вещи. Ему доставляла удовольствие его работа, он любил ходить на концерты хорошей музыки, очень много читал, часто бывал в театре, ходил смотреть встречи по боксу, посещал музеи и картинные галереи, с удовольствием бегал по утрам, ему нравилось ездить на мотоцикле и смотреть на свою мать, сидящую напротив него за столом,— да, он с удовольствием смотрел на это поблекшее, уже давно никем не любимое лицо, радуясь тому, что она до сих пор жива и что она *здесь*, а не там, в могиле,— жива исключительно благодаря его заботам.

А что, интересно, доставляет радость его сестре? Неужели один только секс? Гретхен больна болезнью двадцатого века. Сегодня все основано на одном только сексе, и все живут в погоне за священным оргазмом. То, что все называют любовью, на самом деле является ничем иным как сексом. И если мужчина, живя с женщиной, испытывает порой нечто, похожее на счастье, то за него он платит слишком большую цену, размер которой непропорционален количеству счастья. О какой любви, о каком счастье может идти речь, когда тебя в четыре часа утра держит в своей спальне, словно пленника, вцепившаяся в тебя мертвой хваткой неряшливая женщина, пытаясь заявить на тебя права, а затем, когда ты наконец вырываешься из ее объятий, с ненавистью запускает в тебя стакан всего лишь за то, что она тебе за те два часа, которые ты провел с ней, окончательно осточертела, хотя, когда ты провожал ее домой и поднимался, по ее приглашению, к ней в квартиру, ты ровно ничего ей не обещал?! Или когда легкомысленная, насмешливая девчонка дразнит тебя в присутствии своих друзей, отчего ты чувствуешь себя кем-то вроде очоленевшего евнуха, а потом дерзко хватает тебя за член чуть ли не среди бела дня?! А что, интересно, свело более тридцати лет назад его отца и мать — секс или то, что называют любовью? Но чем бы это ни было, кончилось их счастье, не успев даже начаться, и они жили друг с другом, как парочка обезумевших, диких животных, посаженных в одну тесную клетку в зоопарке и пытающихся сожрать друг друга. А теперь посмотрим на семью второго поколения и, пожалуй, начнем с того же Тома. Какое будущее ждет его в цепких объятиях этой вечно ноющей, алчной, безмозглой, вульгарной куклы? Ну а что можно сказать о самой Гретхен, такой надменной и язвительной, несмотря на свою беспомощную чувственность, так ненавидящей себя за то, что побывала в стольких постелях, и дрейфующей все дальше и дальше от своего никчемного, обманутого супруга. Кто, в конце концов,

опустился до детективов, подглядывания через замочную скважину, адвокатов, бракоразводного процесса — он или она?

«Пусть все они, до единого, катятся к чертям собачьим!» — пронеслось у него в голове. И в этот момент снова зазвонил телефон.

— К вам пришел ваш брат, сэр, — прозвучал почтительный голос в трубке.

— Пожалуйста, скажите ему, чтобы он поднимался в мой номер.

Рудольф соскочил с кровати и поспешно расправил покрывало. Ему не хотелось, чтобы Том, увидев примятую постель, мог подумать, будто он валяется целыми днями в кровати и бездельничает. Столь же торопливо он запихнул эскизы архитекторов в шкаф. Пусть комната выглядит безликой, ничего не говорящей о своем обитателе. И пусть Том не думает, будто он хочет показать ему важной шишкой.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел Томас. «Хоть галстук надел, и то хорошо, — насмешливо подумал Рудольф. — Небось, решил произвести впечатление на портье и коридорных». Он пожал брату руку и сказал:

— Проходи и садись. Будешь пить? У меня здесь бутылка виски, но, если хочешь, я позвоню, и принесут еще что-нибудь.

— Сойдет и виски, — ответил Том. Он сидел, свесив между коленями руки с уже успевшими стать шишковатыми пальцами, явно чувствуя себя не в своей тарелке. Под мешковатым пиджаком угадывались могучие плечи.

— С водой? — спросил Рудольф. — Или позвонить, чтобы принесли содовую?

— Меня устроит и с водой.

«Я обращаюсь с ним, словно нервничающая молодая хозяйка, впервые устроившая вечеринку», — подумал Рудольф, доливая в стакан Томаса водопроводную воду из крана.

— Твое здоровье! — произнес Рудольф, поднимая стакан.

— Будем здоровы, — ответил Томас и сделал несколько жадных глотков.

— Знаешь, в утренних газетах были совсем неплохие отзывы о твоём вчерашнем бое, — сказал Рудольф.

— Знаю, — ответил Томас. — Я тоже читаю газеты... Послушай, Руди, давай не тратить времени зря, а перейдем сразу к делу. — Он сунул руку в карман и вынул оттуда толстенный конверт, затем встал, подошел к кровати и, перевернув конверт, вытряхнул его содержимое на постель. На покрывало сплошным потоком посыпались столондаровые купюры.

— Черт возьми, Том, что это все означает? — воскликнул Рудольф. — Ты с ума сошел, что ли?

Он не имел дела с наличными и, выходя из дома, никогда не брал с собой больше пятидесяти долларов за раз. Поэтому лежащие

на гостиничной кровати груды купюр испугали его, напомнив не раз виденные в гангстерских кинофильмах сцены дележа награбленной добычи между бандитами.

— Здесь одни сотенные.— Томас смял пустой конверт в комок и бросил его в корзину для бумаг.— Ровно пять тысяч. Они твои.

— О чем ты говоришь, Томми? — Рудольф совершенно не понимал, что происходит.— Ты ведь ничего мне не должен.

— Это те деньги, которые должны были пойти на твое обучение в этом чертовом колледже,— объяснил Томас.— Считаю, что я их у тебя отобрал: отец, вызволяя меня, выложил тем подонкам в Огайо ровно пять тысяч. Я хотел отдать их отцу, но он к тому времени уже умер. Так что они по праву твои.

— Тебе они слишком дорого достаются, чтобы так их швырять,— сказал Рудольф, вспоминая вчерашнюю кровавую драку.

— Я не зарабатывал этих денег,— ответил Томас.— Они мне достались совсем легко. Я получил их точно тем же путем, каким их когда-то отняли у отца — с помощью шантажа. Это было уже давненько, и многие годы они лежали под подвальными сводами банка, ожидая своего часа. И вот этот час настал. Так что будь спокоен, братишка. Не беспокойся, я не нес за них наказания.

— Но это же, в конце концов, просто глупо — взять и ни с того ни с сего отдать такие деньги,— недоуменно произнес Рудольф.

— А разве можно ожидать от такого глупого человека, как я, чего-нибудь умного? — иронически усмехнулся Томас.— Ладно, хватит разговоров — бери деньги. Теперь я с тобой в полном расчете.— Он отошел от кровати и, залпом допив виски, сказал: — Ну, хорошо, я, пожалуй, пойду.

— Подожди минутку. Присядь.— Рудольф подтолкнул его к креслу, почувствовав даже при этом легком прикосновении к его рукам железную выпуклость мышц.— Пойми, эти деньги мне совсем не нужны. У меня прекрасно идут дела. Я только что заключил крупную сделку и благодаря ей стану богатым. Я...

— Рад за тебя,— прервал его Томас, упрямо отказываясь садиться,— но это не меняет сути дела. Я давно хотел расплатиться со своей сраной семьей. Именно это я сейчас и делаю.

— Я не возьму их, Том. Положи их, по крайней мере, в банк на имя своего сына.

— Я как-нибудь сам о нем позабочусь, можешь не беспокоиться на этот счет.— В его голосе слышались теперь чуть ли не угрожающие нотки.

— Но это не мои деньги,— растерянно произнес Рудольф.— Что мне с ними делать, черт побери?!

— Помочись на них. Растранижь их на баб. Подари какой-нибудь благотворительной организации,— раздраженно проговорил Томас.— Словом, делай с ними что хочешь, но я отсюда уйду без них — можешь быть в этом уверен.

— Да садись же ты ради Бога! — На сей раз Рудольф толкнул брата гораздо сильнее, рискуя схлопотать от него ответный удар, и тот наконец опустился в кресло. — Нам нужно поговорить.

Рудольф наполнил оба стакана и сел напротив брата на стул. Из приоткрытого окна до них долетали легкие порывы прохладного осеннего ветра, заставляя шевелиться лежащие на кровати деньги, отчего казалось, будто на покрывале лежит, подрагивая от холода, какой-то невиданный, диковинный зверь. Оба — и Рудольф и Томас — поспешили отодвинуться от кровати, как если бы между ними был уговор — деньги достанутся тому, кто первым коснется их.

— Послушай меня, Том, — начал Рудольф, — мы с тобой уже не те дети, которые когда-то спали в одной кровати, действовали друг другу на нервы и, сами того не сознавая, соперничали друг с другом. Мы взрослые люди, и мы братья.

— Где же ты был все эти десять лет, братец? Ты и принцесса Гретхен? — насмешливо и в то же время с горечью спросил Томас. — Вы не послали мне за это время ни единой открытки!

— Извини, брат, — виновато произнес Рудольф. — И Гретхен тоже готова перед тобой извиниться.

— Ну уж нет, — ответил Томас. — Если она когда-нибудь случайно встретится мне на улице, причем я ее увижу первым, то, прежде чем она принесет мне свои извинения, меня уже и близко там не будет.

— Вчера вечером, — настойчиво продолжал Рудольф, — когда мы смотрели, как ты дерешься на ринге, мы с Гретхен вдруг поняли, что все мы — она, ты и я — одна семья и что наш долг — держаться всем вместе и заботиться друг о друге.

— Мой долг этой семье — пять тысяч долларов, и они лежат на этой кровати. А больше никто и никому ничего не должен. — Томас сидел низко опустив голову, так что его подбородок почти касался груди.

— Что бы ты ни говорил, что бы ни думал о том, как я вел себя все эти годы, — сказал Рудольф, — но сейчас я действительно хочу тебе помочь.

— Мне не нужна никакая помощь. — Томас почти допил свое виски.

— Уверяю тебя, нужна, — Рудольф был все так же настойчив. — Послушай, Том, я, конечно, не такой уж специалист, но видел достаточно поединков, чтобы научиться, глядя на боксера в бою, с большой долей точности определять, чего ожидать от него в будущем. Так вот, должен тебе прямо сказать, что когда-нибудь тебя побьют, и побьют здорово. Ты работаешь на уровне любителя. Одно дело — быть чемпионом среди любителей в своей округе, и совсем другое — драться с классными профессионалами,

тренированными, талантливыми, честолюбивыми. А ведь теперь, когда ты стал продвигаться по боксерской лестнице вверх, тебе придется встречаться с асами все чаще и чаще. Поэтому все ближе тот день, когда тебя превратят в котлету. Я уж не говорю о таких травмах, как сотрясение мозга, рассеченная бровь, отбитые почки...

— У меня уже одно ухо наполовину не слышит, — неожиданно признался Том. Профессиональный разговор заставил его покинуть свою раковину настороженности. — Вот уже больше года. Ну и черт с ним, я же не музыкант.

— Но кроме увечий и травм, — продолжал Рудольф, — тебя подстерегает и другая, куда более серьезная опасность: рано или поздно наступит такое время, когда ты начнешь терпеть поражения чаще, чем побеждать, а потом вдруг почувствуешь, что полностью выдохся, и вот тогда-то тебя и побьет какой-нибудь молокосос. Ты и сам видел такие вещи, причем не раз. И это будет концом твоей боксерской карьеры. Ты больше не сможешь участвовать в сколько-нибудь серьезных состязаниях. А сколько ты сумеешь отложить к этому времени денег? Я думаю, ерунду. Тогда возникает вопрос: как ты собираешься зарабатывать себе в дальнейшем на жизнь? В тридцать — тридцать пять лет будешь начинать все сначала? ●

— Хватит каркать, сукин ты сын, — проговорил явно встревожившийся Томас.

— Я просто трезво смотрю на вещи. — Рудольф встал и снова наполнил стакан Томаса, чтобы подольше задержать брата.

— Узнаю старину Руди, — насмешливо произнес Томас. — Всегда найдет успокоительное, доброе словечко для своего младшего брата. — Но поданный Рудольфом стакан виски он все-таки взял.

— Сейчас я стою во главе большой корпорации, — сказал Рудольф. — Мне нужно будет заполнить много вакансий. Уверен, что и для тебя найдется работа — надежное, постоянное место...

— И что же я, интересно, буду делать? Шоферить на грузовике за пятьдесят баксов в неделю?

— Нет, я хотел бы предложить тебе нечто намного лучше, — уверил его Рудольф. — Ты ведь человек далеко не глупый и прекрасно управился бы с работой заведующего сектором или отделом. — Рудольф и сам не знал в эту минуту, искренне ли он говорит или нет. — Все, что для этого требуется, — немного здравого смысла и желание учиться.

— У меня нет ни здравого смысла, ни желания учиться, — заявил Томас. — Ты и сам это прекрасно знаешь... Ладно, мне пора идти, — сказал он, вставая. — У меня все-таки есть семья, и она меня ждет.

Рудольф пожал плечами, глянул на ворох лежащих на кровати стоцолларовых бумажек и тоже встал.

— Как знаешь,— произнес он.— Но наступит такое время...

— Оно никогда не наступит,— прервал его Томас и двинулся к двери.

— Как-нибудь приду к тебе в гости и взгляну на твоего сынишку, если не возражаешь,— сказал Рудольф.— Может быть, прямо сегодня? А потом сходим с тобой и твоей женой куда-нибудь поужинать. Что ты на это скажешь?

— Кукиш с маслом — вот что я скажу! — открывая дверь, ответил Томас. Затем остановился на пороге и добавил: — А вот на какое-нибудь мое сражение ты можешь прийти. Захвати с собой и Гретхен. Болельщики мне никогда не помешают. Но в раздевалку ко мне лучше не заходить.

— И все же подумай о моем предложении. Ты знаешь, где меня найти,— устало произнес Рудольф.— Кстати, ты мог бы приехать в Уитби и навестить мать. Она постоянно о тебе спрашивает.

— О чем именно спрашивает? Вздернули меня или еще нет? — криво усмехнулся Томас.

— Она говорит, что хотела бы увидеть тебя перед смертью — хотя бы еще один раз.

— А теперь вступают скрипки, маэстро! — саркастически проговорил Томас.

Рудольф черкнул на листке бумаги свой адрес в Уитби и номер телефона.

— На случай, если передумаешь, мы живем по этому адресу.

Томас секунду колебался, затем взял бумажку и небрежно сунул в карман.

— До встречи через десять лет, братишка...— сказал он.— А может, и через двадцать...

Он вышел и закрыл за собой дверь. После его ухода комната стала казаться намного просторнее.

А Рудольф все не отрывал от двери задумчивого взгляда. Как долго может жить ненависть? Если в семье, то, наверное, вечно. *«Трагедия в доме Джордахов» (то бишь, в супермаркете)*. Он подошел к кровати, собрал деньги и аккуратно уложил их в другой конверт, затем заклеил его. Относить деньги в банк было уже слишком поздно. Придется запереть их на ночь в сейфе гостиницы.

Он прекрасно понимал, что не может считать эти деньги своими. Завтра он вложит всю сумму в акции «Д. К. Энтерпрайсиз» на имя брата. Когда-нибудь — он был в этом абсолютно уверен — они Томасу еще очень понадобятся, но к тому времени их будет уже не пять тысяч, а гораздо больше. Конечно, деньгами прощения не купишь, это уж точно, а вот исцелить старые раны они, пожалуй, могут.

Рудольф ужасно, просто нечеловечески устал, но о сне не могло быть и речи. Он снова извлек из шкафа оставленные архитекторами чертежи (грандиозные полеты фантазии, бумажные, а вернее, воздушные замки, упования многих лет, пока еще не нашедшие должного воплощения) и принялся внимательно изучать карандашные очертания того, чему через шесть месяцев суждено воплотиться в жизнь, причем под неоновой вывеской «КОЛДЕР-ВУД» на фоне провинциальной ночи. И он снова поморщился.

Раздался телефонный звонок. Это был Уилли, привычно жизнерадостный, но трезвый.

— Дорогой Принц Коммерции,— сказал он в трубку,— как ты относишься к предложению навестить меня и мою старушку на нашей квартире, а заодно и пообедать с нами, после чего мы можем выбраться в какую-нибудь не слишком отдаленную забегаловку?

— Извини, Уилли,— ответил Рудольф,— но сегодня я как раз не могу. У меня свидание.

— Ах вот как,— все так же жизнерадостно произнес Уилли.— Что ж, я тебе по-доброму завидую, принц. До скорого!

Медленно положив трубку, Рудольф подумал, что «до скорого» у них вряд ли получится; во всяком случае, за обедом в своем доме Уилли увидит его *нескоро*.

В ближайшее время, Уилли, советую тебе оглядываться, прежде чем проходить через двери какого-нибудь дома, где тебя ждут.

Глава 7

I

«Дорогой сынок,— читал он строки, написанные круглым, детским почерком школьницы,— твой брат Рудольф был настолько любезен, что дал мне твой нью-йоркский адрес, и я, пользуясь этой возможностью, спешу, после стольких лет перерыва, возобновить общение с моим пропавшим мальчиком».

«О, Господи»,— подумал он,— опять моя драгоценная семейка». Он только что зашел в квартиру и увидел, что на столике в прихожей лежит письмо. С кухни доносился стук кастрюль и лопотание ребенка.

— Я дома,— крикнул он из прихожей, затем прошел в гостиную и, убрав с сиденья игрушечную пожарную машину, сел на обитый оранжевым атласом диван, купленный по настоянию Терезы. Он держал в руке развернутое письмо и никак не мог решить, то ли читать его дальше, то ли выбросить не читая.

В комнату вошла Тереза. Она была в фартуке, на покрытом макижем лице выступили мелкие капельки пота. За ней по пятам полз на четвереньках малыш.

— Тебе письмо,— буркнула она, хмуро глянув на мужа: последние дни, с тех самых пор, как Тереза узнала, что он едет в Англию, но ее с собой не берет, она была с ним не очень любезна.

— Знаю,— сказал он, глядя на листок бумаги в руке.

— Почерк женский.

— А какой же еще, черт возьми, если оно от матери!

— И ты думаешь, я тебе поверю?

— На, смотри,— и он сунул письмо ей под нос.

Тереза прищурилась, пытаясь рассмотреть, что там написано. Она была очень близорука, но не хотела носить очки.

— Что-то слишком молодой почерк для матери,— недовольно пробурчала она, вынужденная отказаться от своих подозрений.— Теперь у тебя еще и мать объявилась. Твоя семейка разбухает, как тесто на дрожжах.

И, взяв ребенка на руки, хоть он и орал во всю мочь, не желая уходить из гостиной, она возвратилась на кухню.

Подозрительность Терезы решила дело: назло ей Томас решил дочитать письмо до конца и узнать, что от него нужно старухе.

«Рудольф рассказал мне о том, как вы встретились,— говорилось дальше в письме,— и, должна признаться, я была более чем шокирована твоим выбором профессии. Впрочем, учитывая характер твоего отца и тот пример, который он тебе подавал, колотя ежедневно этот ужасный мешок с песком, висевший у нас на заднем дворе, я не должна была бы особенно удивляться. И все же я не могу не признать, что это достаточно честный способ зарабатывать себе на жизнь. Твой брат говорит, ты обзавелся семьей и у тебя есть жена и ребенок. Надеюсь, ты счастлив.

Рудольф не стал описывать мне твою жену, но мне хочется думать, что вы с ней живете лучше, чем жила я с твоим отцом. Не знаю, говорил ли тебе об этом Рудольф, но твой отец в один прекрасный вечер взял и куда-то исчез. Вместе с кошкой.

Я чувствую себя очень неважно, и у меня такое ощущение, что дни мои сочтены. Как бы мне хотелось съездить в Нью-Йорк и взглянуть на своего сына и маленького внука, но такие поездки мне не под силу. Если бы Рудольф счел возможным купить машину, а не мотоцикл, на котором он носится по всему городу, я, может быть, и решилась бы на путешествие. В этом случае он, возможно, даже свозил бы меня в церковь в одно из воскресений, и я смогла бы вернуться к вере, от которой многие годы назад твой отец насильно вынудил меня отказаться. Впрочем, мне грех жаловаться. Рудольф очень добр ко мне, заботится обо мне и даже купил мне телевизор, который скрашивает теперь мои одинокие,

длинные дни. Рудольф так много работает над своим проектом, что почти не бывает дома. Приходит только ночевать. Насколько я могу судить, особенно по тому, как он одевается, дела у него идут неплохо. Но он всегда умел хорошо одеваться, и у него всегда водились деньжата в кармане.

Не буду кривить душой и говорить, будто я только и делаю, что мечтаю о воссоединении всей нашей семьи (я давно уже вырвала твою сестру из сердца, и для этого у меня было достаточно оснований), но если бы я снова увидела обоих моих сыновей вместе, то не смогла бы удержаться от слез радости.

Я всегда чувствовала себя слишком усталой — работая всю свою жизнь как лошадь и изнемогая от ненасытных домогательств твоего вечно пьяного отца, — чтобы проявлять в достаточной мере ту любовь, которую я всегда к тебе испытывала, но, может быть, хотя бы теперь, на закате моих дней, я смогу наконец успокоить свою душу, зная, что между нами восстановлен мир.

Судя по тону, с которым Рудольф рассказывал о вашей встрече, ты был с ним не слишком приветлив. Надо полагать, у тебя были на то основания. Он с течением времени становится все более холодным человеком, хотя и проявляет ко мне всю необходимую заботу. Если у тебя нет желания с ним встречаться, я могу дать тебе знать, когда его не будет дома — а это случается все чаще и чаще, иногда по несколько дней подряд — и тогда нашей с тобой встрече никто не помешает. Поцелуй за меня моего внука.

Любящая тебя мама».

«О Господи, — подумал Томас, — эти голоса с того света».

Он долго сидел, не выпуская письмо из руки, глядя в пространство невидящим взглядом и даже не слыша, как его жена на кухне бранит за что-то ребенка. Он думал о тех годах, когда они все вместе жили в одном доме, и о том, что он чувствовал себя тогда сосланным в изгнание даже в большей степени, чем когда это случилось на самом деле и ему было велено никогда больше не появляться на пороге своего дома. Может быть, ему все-таки стоит навестить старушку и выслушать ее запоздалые жалобы на ее любимчика, этого пай-мальчика Рудольфа.

Он возьмет у Шульца машину и свозит мать в церковь — да, обязательно свозит. Пусть вся эта чертова семейка увидит, как они ошибались на его счет.

II

Сев в глубокое кресло напротив Рудольфа и положив на стол свою аккуратную, серую, фетровую шляпу, мистер Макенна от-

крыл новенький портфель из тюленей кожи, достал оттуда подготовленный им отчет и протянул его Рудольфу. В прошлом полицейский, мистер Макенна, выйдя на пенсию, подвизался на благородном поприще частных расследований. Это был полноватый, лысый, благодушный на вид человек, внешне больше похожий на олдермена, чем на частного детектива. Он пришел в номер Рудольфа, чтобы доложить о результатах проделанной им работы.

— В этом отчете, — говорил он Рудольфу, — вы найдете всю необходимую вам информацию об интересующем вас джентльмене. По правде говоря, расследование, которое вы нам поручили, не вызвало у нас особенных затруднений и, если учесть исчерпывающую полноту полученных нами результатов, потребовало на удивление мало времени. — В голосе мистера Макенны было явно разочарование, вызванное бесхитрым поведением Уильяма Эбботта, объекта его наблюдений, длившихся уж слишком недолго и почти не потребовавших применения всех его профессиональных навыков, а также свойственных ему при проведении подобных расследований находчивости и коварства. — Думаю, что, наняв любого компетентного адвоката, супруга упомянутого джентльмена получит развод без особых затруднений. Собранных нами улик вполне достаточно для применения законов штата Нью-Йорк, предусматривающих расторжение брака по причине прелюбодеяния одной из сторон, причем в данном случае совершенно очевидно, что потерпевшей стороной является именно она.

Рудольф смотрел на аккуратно отпечатанные страницы отчета с отвращением. Похоже, подслушивание телефонных разговоров стало таким же привычным делом, как покупка буханки хлеба. За какие-нибудь пять долларов гостиничный портье разрешит вам установить микрофон в любом номере. А секретарши за приглашение в ресторан перероют вам все до единой корзины для бумаг, имеющиеся в офисе, в поисках обрывков любовных писем, а после того как найдут таковые, аккуратно их склеят. Отвергнутые любовницы с готовностью выдадут вам любые секреты своих бывших любовников. Архивы полиции и секретные показания свидетелей стали доступными чуть ли не каждому, кто желает с ними ознакомиться. И самое интересное, чем больше добываемая информация дискредитирует человека, тем охотнее ей верят.

Когда мистер Макенна ушел, Рудольф снял трубку и назвал номер телефона Гретхен. Ему было слышно, как телефонистка вращает диск, затем послышались короткие сигналы «занято». Он встал, подошел к окну и, раздвинув портьеры, выглянул на улицу. День был холодный и серый. Пешеходы, преодолевая сильный, пронизывающий ветер, шли наклонившись вперед, с под-

нятыми воротниками, торопясь укрыться от непогоды. Именно в такие дни приходят с отчетами бывшие полицейские, ставшие частными детективами.

Постояв у окна две-три минуты, он подошел к столу, снял трубку и снова попросил набрать номер Гретхен. Но ее телефон был по-прежнему занят. Он с раздражением бросил трубку и принялся нетерпеливо ходить по комнате. Ему хотелось покончить с этим делом как можно быстрее. На днях он проконсультировался с юристом — одним из своих приятелей, — и тот сказал, что «потерпевшей стороне» (ее имени Рудольф, естественно, не называл) нужно, прежде чем обращаться в суд, покинуть «место совместного проживания», взяв при этом с собой ребенка. Или же добиться, чтобы с квартиры съехал ее супруг. Так или иначе, с момента начала бракоразводного процесса и до его завершения потерпевшая сторона ни в коем случае не должна ночевать под одной крышей с ответчиком.

Рудольф обязательно должен предупредить об этом Гретхен, причем еще до того, как позвонит Уилли и предъявит ему отчет частного детектива. Кроме того, он должен сказать ей, что намеревается поговорить с Уилли немедленно.

Еще один звонок, но по-прежнему сигнал «занято». Да-а, у потерпевшей стороны сегодня болтливое настроение. Интересно, с кем она так долго разговаривает — с Джонни ли Хитом, спокойным и вежливым любовником, приходящим к ней в гости, пожалуй, чаще других, или же с кем-нибудь из тех десяти мужчин, которых, судя по ее словам, она уже больше не хочет видеть в своих любовниках? *Самая доступная подстилка в Нью-Йорке.* Не сестра, а настоящая золотая жила — *сексуальная золотая жила.*

Он взглянул на часы. Без пяти четыре. Уилли, несомненно, сидит сейчас в своей конторе и безмятежно дремлет после выпитых еще до ленча мартини.

Рудольф поднял трубку и назвал номер Уилли. Ответила одна из его двух секретарш — бестелесный сладкий голосок, приученный очаровывать всех, кто звонит в отдел по связям с общественностью.

— Привет, Принц Коммерции, — произнес на другом конце провода Уилли. — Чему обязан такой честью?

«Как минимум, три мартини», — решил Рудольф, услышав его голос.

— Уилли, ты должен немедленно приехать ко мне в гостиницу.

— Послушай, малыш, я, можно сказать, здесь на приколе...

— Уилли, предупреждаю: тебе же будет лучше, если ты сейчас же приедешь.

— Хорошо, — покорно ответил Уилли. — Только закажи мне чего-нибудь выпить.

Уилли, расположившись в том же кресле, в котором недавно сидел экс-полицейский, внимательно читал отчет. О выпивке он и думать забыл. Рудольф стоял у окна и рассеянно смотрел на улицу. Закончив читать, Уилли сказал:

— Ну что ж, из этого потрясающего документа,— и он хлопнул по отчету рукой,— со всей очевидностью явствует, что твой зятек не терял времени зря. Позволено ли мне спросить, что ты с этим собираешься делать?

Рудольф подошел к столу, взял скрепленные вместе страницы и, разорвав их на мелкие кусочки, бросил в корзину для бумаг.

— И что ты этим хочешь сказать? — удивленно поднял брови Уилли.

— А то, что я не собираюсь давать ему ход,— ответил Рудольф.— Никто его не увидит и никто о нем не узнает. Если твоя жена хочет получить развод, ей придется сделать это как-то иначе.

— Так это была идея Гретхен?

— Не совсем. Она сказала мне, что собирается уйти от тебя и в то же время хочет, чтобы ребенок остался с ней, вот я и предложил ей помочь.

— Так сказать, родственные узы сильнее уз брачных? — иронически произнес Уилли.

— Вроде того,— сказал Рудольф.— Но оказывается, в моем случае это не совсем так. По крайней мере на этот раз.

— Ты был очень близок к тому, чтобы заслужить титул говнюка вместо Принца Коммерции,— медленно проговорил Уилли.— Ты хоть понимаешь это?

— Если б не понимал, не порвал бы отчет.

— Ну хорошо, а моя возлюбленная супруга знает, что ты собирал на меня компромат?

— Нет, не знает. И теперь уже никогда не узнает.

— Начиная с этого дня и до последнего своего дыхания,— торжественно заявил Уилли,— я буду денно и ночью петь моему драгоценному зятю осанну! «Посмотри,— скажу я своему сыну,— внимательно посмотри на своего благородного дядюшку. Ты видишь мерцание ореола над его головой?»... Черт подери, неужели в этой гостинице нет ни капли спиртного?!

Рудольф подошел к бару и достал оттуда бутылку. Несмотря на все свои шуточки, Уилли явно был огорошен и отчаянно нуждался в выпивке. Он взял протянутый Рудольфом стакан и одним махом опустошил его.

— Кто же оплатил эти изыскания? — спросил он.

— Я,— ответил Рудольф.

— Ну, и во сколько это тебе обошлось?

— В пятьсот пятьдесят долларов.

— Ты бы лучше обратился ко мне,— сказал Уилли.— Я бы взял за ту же самую информацию вдвое меньше. Должен ли я возместить понесенные тобой расходы?

— Забудь о них,— ответил Рудольф.— Можешь считать это свадебным подарком — я ведь ничего не подарил вам на свадьбу.

— Спасибо тебе, зятек. Подарок просто шикарный — уж лучше какого-нибудь несчастного серебряного блюда... У тебя там в бутылке ничего не осталось?

Наполняя ему стакан, Рудольф сказал:

— Советую не очень-то увлекаться, Уилли. Вечером тебе понадобится ясная голова: разговор предстоит серьезный.

— Могу себе представить... — кивнул Уилли.— Боже, каким счастливым был для меня тот день много лет назад, когда мы пили с твоей сестрой шампанское в баре отеля «Алгонкин»! И какой печальный финал! — Он тускло улыбнулся и добавил: — Я обожал ее в тот день, и я люблю ее до сих пор, но вот он перед тобой, ее супруг, разорванный на кусочки и выброшенный в мусорную корзину.— И Уилли брезгливо взглянул на обрывки отчета, лежащие в эмалированном ведре (в гостинице в качестве корзин для бумаг использовались ведра без ручек) с изображенной на нем сценой охоты: всадники в ярко-красных куртках в погоне за рыжей лисицей.— Скажи, ты знаешь, что такое любовь?

— Нет.

— Я тоже не знаю.— Уилли поставил пустой стакан на стол и встал.— Ну что ж, мне пора. Благодарю за весьма интересные полчаса.

И он ушел, не протянув Рудольфу руки.

Томас подумал, что ошибся адресом, когда подошел к этому дому. Он еще раз взглянул на клочок бумажки, которую дал ему Рудольф в отеле «Уорик». Нет, все правильно, он не ошибся. Жилище это, как и та квартира, в которой они жили в Порт-Филипе, тоже располагалось над магазином. И улица столь же убогая, как Вандерхофф-стрит. Побывав в шикарном номере Рудольфа в отеле «Уорик» и слыша, с какой холодной самоуверенностью он говорит, Томас был уверен, что его брат загребает деньги лопатой. Если это и так, то по дому, в котором он живет, этого никак не скажешь.

Может, он держит старушку здесь, а сам живет в роскошных апартаментах в богатой части города? От этого сукина сына ожидать можно чего угодно!

Томас вошел в тускло освещенный, грязный вестибюль и нажал на кнопку звонка рядом с фамилией «Джордах». Он ждал, но дверь не открывалась. Накануне он позвонил матери и сказал ей, что приедет сегодня. Она ответила, что будет дома. Сна-

чала он хотел приехать в воскресенье, но у него не получилось. Когда он сказал Терезе, что в выходной съездит к матери, она закатила истерику. Воскресенье для нее — особый день, причитала Тереза, и она не допустит, чтобы этот праздник был снят у нее какой-то старой ведьмой, которая даже не прислала открытки, когда она, Тереза, подарила ей внука. Поэтому в воскресенье он никуда не поехал, а вместо этого они с Терезой, завезя ребенка к ее сестре в Бронкс, сходили в кино на Бродвее, после чего пообедали в «Тутс-Шоре». Там Томаса узнал какой-то спортивный обозреватель, и это сделало Терезу такой счастливой, что она даже не стала жалеть о двадцати долларах, потраченных на обед.

Томас снова надавил на кнопку звонка. По-прежнему никакого ответа. «Возможно, — подумал он с горькой иронией, — в последний момент ей позвонил Рудольф и попросил срочно приехать к нему в Нью-Йорк, чтобы почистить ему ботинки или погладить рубашку, и она тут же помчалась на его зов, забыв от радости о своем втором сыне».

Он уже решил было уходить, чуть ли не чувствуя облегчение от того, что не придется с ней встречаться (да и вообще с самого начала это была глупая затея — зачем ворошить прошлое?), как вдруг, уже выходя на улицу, услышал за спиной зуммер автоматического открывания двери и, возвратившись, прошел из вестибюля во внутреннее помещение и стал подниматься по лестнице. Дверь, выходящая на площадку второго этажа, была открыта, и на пороге стояла мать. Выглядела она на все сто лет. Она сделала к нему два-три шага, давшие ей с огромным трудом, и только тогда он понял, почему пришлось столько ждать: для того чтобы пройти из другого конца комнаты к двери и нажать на кнопку зуммера, ей, должно быть, понадобилось не меньше пяти минут. Ее руки были протянуты к нему, по щекам текли слезы.

— Сынок, дорогой мой сынок, — всхлипывала она, обнимая Томаса худыми как палки руками. — Я думала, что никогда больше не увижу твоего лица.

От нее сильно пахло одеколоном. Томас легко коснулся губами ее мокрой щеки, сам толком не понимая, что он в эту минуту чувствует.

Опираясь на его руку, она повела его в квартиру. Крошечная темная гостиная была обставлена мебелью из квартиры на Вандерхофф-стрит. Уже в те годы она выглядела достаточно ветхой, а сейчас и вовсе развалилась. Сквозь открытую дверь он мог видеть соседнюю комнату — узкая кровать, письменный стол, множество книг.

«Если ему по карману покупать столько книг, — подумал Томас, — то уж и на новую мебель мог бы потратиться».

— Садись, садись, сынок, — взволнованно говорила мать, пройдя с ним к единственному в комнате стулу с протертым до дыр сиденьем. — Какой же сегодня замечательный день! — Голос у нее был тонкий, пронзительный от многолетней привычки жаловаться. Распухшие, бесформенные ноги обуты в просторные, мягкие тапочки, какие носят инвалиды. Передвигалась она так, словно много лет назад ее искалечило в автомобильной катастрофе. — Ты выглядишь *божественно*, просто *божественно*! — Он вспомнил: она когда-то вычитала это слово в «Унесенных ветром», оно ей очень понравилось, и с тех пор она вставляла его в свою речь где надо и где не надо. — Я боялась, что у моего мальчика все лицо изуродовано, но ты, напротив, стал просто красавцем. Ты унаследовал свою внешность от меня, а не от отца; это наша порода, сразу видно — типично ирландские черты. Не то что у тех двоих. — Томас сидел на стуле прямо, весь напрягшись, а мать была настолько взволнована, что не стала садиться в свое кресло-качалку, а медленно, неуклюже ходила вокруг сына. Цветастое платье на ее исхудавшей фигуре висело мешком, а опухшие ноги, казалось, принадлежат не ей, а какой-то другой, гораздо более полной женщине. — Какой у тебя прекрасный серый костюм! — воскликнула она, дотрагиваясь до его рукава. — Костюм настоящего джентльмена. А я боялась, что снова увижу тебя в свитере. — И она весело рассмеялась: теперь детство сына было окутано в ее глазах романтической дымкой. — О, я знала — судьба не может быть ко мне столь жестокой, чтобы не дать перед смертью хотя бы еще раз взглянуть на моего сыночка. Мне бы теперь увидеть лицо моего внука — и счастью моему не будет предела. Я уверена, ты носишь его карточку с собой, в своем бумажнике, как и каждый гордый отец.

Томас вынул из бумажника фотографию сына.

— Как его звать? — спросила она.

— Уэсли, — ответил Томас.

— Уэсли Пиз, — произнесла она. — Прекрасное имя.

Томас не стал говорить ей, что его имя — Уэсли Джордах, а не Уэсли Пиз. Он не стал ей рассказывать и о том, что ему пришлось сражаться с Терезой целую неделю, пытаясь уговорить ее не давать ребенку такого претенциозного имени, выбрав что-нибудь попроще. Но Тереза и рыдала, и по несколько раз в день закатывала истерику, и вообще вела себя таким жутким образом, что он в конце концов вынужден был уступить.

Мать смотрела на фотографию долго, неотрывно, на глазах у нее выступили слезы. Затем она поцеловала снимок.

— Какой славный, какой прелестный малыш! — пробормотала она.

Томас не помнил, чтобы мать целовала *его*, когда он сам был «славным, прелестным малышом».

— Ты должен свозить меня посмотреть на него, — сказала она.

— Обязательно.

— И поскорее.

— Как только вернусь из Англии.

— Из Англии? Ну, конечно, едва мы после стольких лет разлуки находим друг друга, ты тут же уезжаешь на другой конец света!

— Но это всего на пару недель.

— Должно быть, у тебя неплохо идут дела, — сказала она, — раз ты можешь позволить себе отпуск за океаном.

— Я еду туда работать, а не отдыхать, — ответил он: ему не хотелось произносить слово «драться». — Дорогу мне оплачивают. — Кроме того, ему не хотелось, чтобы у матери создалось впечатление, будто он богат, тем более, что таковым он и не был. Ему вполне хватало в семье и одной женщины, которая прибирает к рукам все, что он приносит в дом, — до последнего цента.

— Надеюсь, ты понемногу откладываешь на черный день? — обеспокоенно спросила она. — При твоей профессии...

— Ясное дело, — ответил он. — Не беспокойся за меня. — И, обведя взглядом комнату, проговорил: — Ну, уж Руди точно откладывает, и, как видно, не понемногу.

— Ты имеешь в виду нашу квартиру? — вздохнула она. — Не слишком шикарная, это правда, но я не жалею. Руди нанял одну женщину, и та ежедневно приходит сюда и убирает, а также ходит в магазин в те дни, когда мне нездоровится и я знаю, что не одолею лестницу. Он говорит, что подыскивает квартиру попросторнее и на первом этаже, без всяких лестниц. Про свою работу он мне почти ничего не рассказывает, но в прошлом месяце о нем была статья в газете — о том, что он один из самых многообещающих молодых бизнесменов в городе, ну и все остальное в таком же духе — так что, я думаю, дела у него идут неплохо. Но он правильно делает, что экономит. Деньги — причина всех несчастий в нашей семье. Из-за них я раньше времени превратилась в старуху. — Она вздохнула, жалея себя. — Твой отец был помешан на деньгах. Без скандала я не могла выцарапать из него и десяти долларов на каждодневные нужды. Когда будешь в Англии, постарайся осторожненько разузнать, не видел ли его кто-нибудь. Должен же он где-то найтись. Ведь он родом из Европы, и, вполне естественно, мог вернуться туда и скрываться там все это время.

«Совсем чокнулась, — подумал он. — Бедная, старая, выжившая из ума женщина». Руди не подготовил его к этому. Но все же он ей ответил:

— Обязательно разузнаю.

— Ты славный мальчик,— сказала она.— В глубине души я всегда это знала, хоть ты и попал под дурное влияние улицы. Если бы у меня хватало времени быть хорошей матерью, я бы уберегла тебя от многих неприятностей в жизни. Ты должен быть строг со своим сыном. Люби его, но воспитывай в строгости. Твоя жена хорошая мать?

— Нормальная,— ответил он. Ему не хотелось говорить о Терезе. Он взглянул на часы. Этот разговор и эта убогая квартира действовали на него угнетающе.— Послушай,— сказал он,— уже почти час — самое время для ленча. Давай куда-нибудь съездим и пообедаем вместе. Я оставил внизу машину.

— Пообедаем? В ресторане? О, это было бы просто чудесно! — зардевшись, словно юная девушка, воскликнула мать.— Мой большой, сильный сын приглашает свою старую мать в ресторан!

— Мы найдем самое лучшее место в этом городе,— сказал Томас.

Возвращаясь вечером на машине Шульца в Нью-Йорк, он думал об этом дне, проведенном с матерью, и спрашивал у себя, навестит ли ее когда-нибудь еще раз. Его юношеское представление о ней как о ворчливой, вечно всех осуждающей, суровой женщине, фанатически любящей одного сына в ущерб другому, полностью изменилось. Теперь мать казалась ему беззащитной, несчастной старушкой, трогательно одинокой, радующейся малейшему знаку внимания и жаждущей сыновней любви.

В ресторане он предложил ей коктейль, и она, слегка опьянев, сделалась очень смешливой и кокетливо призналась ему:

— Ничего не могу с собой поделать, но мне хочется делать всякие глупости!

После ленча он повозил ее по городу и был поражен, убедившись, что она почти совершенно его не знает. Прожив в Уитби так много лет, она нигде, кроме своей улицы, не бывала — даже в университете, где учился ее сын.

— Я и понятия не имела, что живу в таком красивом городе,— не уставала она повторять, когда они проезжали мимо больших, привлекательных особняков, живописно расположенных среди высоких деревьев и зеленых, несмотря на зиму, газонов. А увидев универмаг Колдервуда, она воскликнула: — Какой огромный! Знаешь, я ни разу в нем не была. Подумать только, ведь Руди практически самостоятельно им управляет!

Оставив машину на стоянке, Томас повел мать в универмаг, где неторопливо обошел с ней все отделы первого этажа, купив ей, хоть она и отказывалась, замшевую сумку за пятнадцать долларов. Она попросила продавщицу завернуть не покупку, а ее ста-

рую сумку; новую же гордо несла в руке, когда они выходили из магазина на улицу.

После ресторана она разговорилась и впервые рассказала ему о своей жизни в сиротском приюте («я была самой способной ученицей в классе, и, когда окончила школу, меня наградили грамотой»), о том, как работала официанткой и стыдилась того, что незаконнорожденная, как посещала вечернюю школу в Буффало, чтобы углубить свое образование, о том, что до замужества никому не позволяла целовать себя, о том, что весила всего лишь сорок пять килограммов в день свадьбы, о том, каким красивым показался ей Порт-Филип, когда они с Акселем приехали осматривать пекарню с булочной, о белом экскурсионном пароходике, идущем вверх по реке, с духовым оркестром, играющем вальсы на палубе, о том, какой привлекательной выглядела Вандерхофф-стрит, когда они впервые ее увидели, о своей затаенной мечте открыть маленький, уютный ресторанчик и о надеждах на счастливую семейную жизнь...

Когда он привез ее домой, она попросила его подарить ей фотографию сына, с тем чтобы она вставила ее в рамку и держала на тумбочке в спальне. Получив карточку, она проковыляла к себе в комнату и возвратилась со старой, пожелтевшей от времени фотографией, на которой она была изображена в молодости — стройная, задумчивая и очень красивая девятнадцатилетняя девушка в длинном, белом платье.

— Держи,— сказала она.— Я хочу, чтобы ты ее взял с собой.

Она молча смотрела, как он бережно кладет фотографию в бумажник, в то отделение, где до этого лежала карточка сына.

— Знаешь,— задумчиво проговорила она,— я теперь поняла, что ты мне ближе, чем кто-либо другой во всем мире. Мы с тобой одинаковые. Мы — простые. Не то что твоя сестра или твой брат. Да, я люблю Руди, и это естественно, но я не понимаю его, а порой и просто боюсь. А ты...— она засмеялась,— ты большой и сильный молодой человек, зарабатывающий себе на жизнь кулаками... Мне с тобой легко, словно мы одного возраста, словно мы брат и сестра. И вообще сегодня... сегодня был такой замечательный день. Я себя чувствовала, как человек, долго сидевший в тюрьме и наконец выпущенный на свободу.

Томас обнял и поцеловал ее, и она порывисто прижалась к нему.

— И еще знаешь что,— проговорила она,— пока ты был здесь, я не выкурила ни одной сигареты.

Сгушались сумерки, и он сбавил скорость. Из головы все не шла встреча с матерью. Возле придорожной закусочной он остановился, зашел в тесное, тускло освещенное помещение и, сев за пу-

стую стойку, заказал себе виски. Затем вытащил бумажник, достал фотографию и долго всматривался в милые черты молодой девушки, превратившейся в его мать. Он был рад, что навестил ее. Может быть, благорасположение, которого он наконец от нее дождался, и не стоит много, но он проделал огромный путь, прежде чем добился его. В эту минуту, сидя один в пустом баре, он испытывал непривычное чувство умиротворения. И пусть даже его хватит ненадолго, этого чувства, но он уже знал, какую оно доставляет радость. В этот день число тех, кого он ненавидел, уменьшилось на одного человека.

Часть
третья

Часть третья

Глава I

1960 год

тро было очень приятным, несмотря на серую плену смога, заполнявшего, точно водянистый бульон, глубокую чашу лежащего в низине Лос-Анджелеса. Гретхен, босиком, в ночной рубашке, проскользнула между портьер и вышла через балконную дверь на террасу. Подернутый дымкой, но залитый ярким солнцем город был виден отсюда, с вершины холма, как на ладони; вдали поблескивало плоское море. Она шла по террасе, глубоко вдыхая утренний сентябрьский воздух, напоенный запахами влажной травы и раскрывающихся цветов. Сюда из города не доносилось ни единого звука; тишину раннего утра нарушали лишь крики выводка куропаток, бредущих через лужайку.

«Насколько здесь лучше, чем в Нью-Йорке, — в который раз подумала Гретхен. — Никакого сравнения».

Она не отказалась бы от чашечки кофе, но Дорис, их служанка, еще не вставала, а, если она сама пойдет на кухню варить себе кофе, Дорис непременно проснется, разбуженная звуком текущей воды и звоном посуды, и начнет суетиться да извиняться, хотя на самом деле будет страшно недовольна, что ее подняли с постели раньше обычного. Будить Билли тоже было еще слишком рано, особенно если учесть, какой ему предстоит день. А о том, чтобы поднимать Колина, даже речи не могло быть — уж это она хорошо усвоила за много лет. Когда она поднялась с их широкой кровати, он крепко спал, лежа на спине со скрещенными на груди руками, с нахмуренными бровями, словно видел во сне спектакль, который не вызывал у него одобрения.

Думая о Колине, спящем в этой своей «ответственной позе» (так Гретхен в шутку окрестила ее), она тепло улыбнулась. Другие позы, которые он принимал во сне, она подразделяла на следующие категории: иронические, трогательные, порнографические и испуганные.

В тот момент, когда ее пробудил тонкий солнечный луч, пробившийся сквозь щель между портьерами, у нее возникло искуше-

ние раздвинуть эти скрещенные руки, но по утрам Колин никогда не занимался любовью. Утром он был страшно зол и алкал крови. Привыкнув к полуночным театральным бдениям в Нью-Йорке, он никак не мог приноровиться к утренней активности киностудии и до полудня, как он сам признавал, был «свиреп, аки дикий зверь».

С удовольствием ступая босыми ногами по росистой траве, Гретхен, обогнув дом, направилась к подъездной аллее, ведущей к парадному входу. Полупрозрачная ночная рубашка из тонкого хлопка, подхваченная легким утренним ветром, плотно облегла ее тело, рельефно подчеркивая округлые формы. Но соседей у них не было, а вероятность появления автомобиля на проходящей мимо дома дороге была в такой ранний час практически равна нулю. Кроме того, в Калифорнии никто не обращает внимания на то, как вы одеты. Она часто загорала в саду нагишом, и ее тело к концу лета становилось шоколадного цвета. Живя в Нью-Йорке, а до этого в Порт-Филипе, она всегда старалась не находиться подолгу на солнце, но, если вы, пребывая в Калифорнии, умудряетесь оставаться незагорелым, это значит, что вы или серьезно больны, или слишком бедны, чтобы позволить себе отпуск на море.

В почтовом ящике возле ворот лежала свернутая в трубку и скрепленная резиновым колечком свежая газета. Гретхен сняла колечко, развернула газету и, медленно идя назад к дому, пробежала взглядом заголовки. На первой странице были помещены фотографии Никсона и Кеннеди, и оба они обещали гражданам Америки рай на земле. Ей было жаль, что Адлай Стивенсон проиграл на съезде Демократической партии, выдвигавшем претендента на президентский пост, Джону Кеннеди. Она не была уверена, что такой молодой и слишком уж обаятельный человек, как Джон Фицджералд Кеннеди, имеет моральное право претендовать на пост президента Соединенных Штатов Америки. «Очаровашка» — так называл его Колин, а очарованием и обаянием, изливаемыми на него каждый Божий день актерами, он, надо сказать, был сыт по горло.

«Нужно не забыть про открепительные талоны для меня и для Колина», — напомнила она себе: в ноябре, во время выборов, они с Колином не смогут быть по делам в Нью-Йорке, а каждый голос против Никсона будет, как она не сомневалась, на вес золота. Правда, с тех пор, как она перестала писать статьи для журналов, политика уже не играла в ее жизни такой важной роли, как прежде. Период маккартизма лишил ее всяких иллюзий относительно ценности личного мнения в Америке и права свободно высказываться, отбив охоту к публичным выступлениям через прессу. Любовь к Колину, чьи политические взгляды никогда не были догматичными, зато всегда отличались экстравагантностью, изме-

нила ее отношение и к своим старым предпочтениям в политике, и к своим старым друзьям. Колин, в зависимости от настроения и взглядов того человека, с кем он в данный момент разговаривал, объявлял себя то отчаявшимся социалистом, то нигилистом, то сторонником системы единого налогообложения, то монархистом. Но каждый раз, когда приходила пора выборов, он неизменно голосовал за демократов. Ни он, ни Гретхен не принимали участия в бурной политической деятельности голливудской братии: не чествовали кандидатов, не подписывали петиций, не ходили на коктейли, устраиваемые для сбора денег в фонды избирательной кампании. Впрочем, они редко когда ходили и на любые другие вечеринки. Колин пил мало и не выносил хмельной болтовни на голливудских сборищах. Он никогда не волочился за юбками, поэтому званые вечера, устраиваемые магнатами Голливуда, куда являлись полчища хорошеньких женщин, не имели для него особой привлекательности. После всех этих лет безалаберной, богемной жизни с Уилли, ее первым мужем, Гретхен наслаждалась безмятежными днями и спокойными ночами, проводимыми в семейном кругу с Колином, ее вторым мужем.

Нежелание Колина вращаться в обществе не отражалось на его карьере. «Только бездарь пляшет под голливудскую дудку», — говаривал он. Его талант заявил о себе уже в первой его картине; вторым фильмом он укрепил свой успех, а теперь, когда заканчивал свою третью за пять лет картину (она была на стадии монтажа и микширования), за ним уже закрепилась репутация одного из самых блестящих режиссеров своего поколения. Единственной его неудачей за этот период явилась постановка новой пьесы в Нью-Йорке, куда он ездил после завершения своей первой картины. После восьми представлений спектакль вынуждены были закрыть, а сам Колин исчез на три недели. Появившись снова, он долгое время оставался угрюмым и молчаливым, и потребовалось несколько месяцев, прежде чем он почувствовал, что готов взяться за новую работу. Он был не из тех, кто спокойно переносит провалы, и Гретхен была вынуждена страдать вместе с ним. А ведь она предупреждала его, что пьеса еще сыра для постановки. И хоть Колин в данном случае не послушался ее, он продолжал спрашивать ее мнение о всех своих работах, требуя абсолютной искренности, и она откровенно говорила ему то, что о них думала. Как раз сейчас ее беспокоил один эпизод в его новом фильме, который накануне вечером они вместе с режиссером по монтажу Сэмом Кори просматривали в студии (в самой первой, черновой редакции). Что-то в этом эпизоде было не так, но она не могла четко сформулировать, что именно. После просмотра она ничего не сказала Колину, но знала, что он заметил ее реакцию и за завтраком будет пытаться, чем ей этот эпизод не по-

нравился. Возвратившись в спальню, где Колин лежал все в той же «ответственной позе», она попыталась вспомнить, кадр за кадром, последовательность событий в этом эпизоде, чтобы быть во всеоружии, когда он проснется.

Взглянув на будильник, стоявший на тумбочке у кровати, она решила, что Колина будить еще рано и, накинув халат, отправилась в гостиную. Письменный стол в углу комнаты был завален книгами, рукописями сценариев, страницами с рецензиями на новые романы (эти страницы они выдирали из «Нью-Йорк таймс» (из воскресного выпуска, где помещался раздел с обзорением книжных новинок), из «Еженедельника издателя» и из некоторых лондонских газет). Дом у них был невелик, и другого места для всех этих кип печатной продукции — а они ее просматривали регулярно в поисках идей для новых фильмов — не находилось.

Гретхен взяла со стола очки, надела их и села досматривать газету. Это были не ее очки, а Колина, но они прекрасно ей подходили, так что она не стала возвращаться в спальню за своими. У нее с Колином даже физические изъяны были одни и те же.

На театральной странице газеты была помещена рецензия на нью-йоркскую премьеру нового спектакля. Особый восторг у автора рецензии вызвала игра какого-то молодого актера, о котором никто никогда раньше не слышал. «Сразу же, как приеду в Нью-Йорк, — подумала Гретхен, — куплю билеты на этот спектакль. Сходим с Колином и сами посмотрим, так ли уж это замечательно». В списке фильмов, демонстрировавшихся в кинотеатрах Беверли-Хиллс, значилась и первая картина Колина, которую вновь пустили в прокат, начиная с выходных. Гретхен аккуратно вырезала это место из газеты, чтобы показать Колину за завтраком. Может быть, дикий зверь в нем будет в таком случае не так свиреп.

Далее она перешла к спортивному разделу, чтобы узнать, какие лошади бегут сегодня в Голливудском парке. Колин любил скачки и играл в тотализатор по-крупному. Она ходила на бега вместе с ним. Последний раз, когда они там были, он выиграл достаточно большую сумму, чтобы купить ей чудесную дорогую брошку в виде изящной веточки... Нет, сегодня, судя по всему, фавориты участвовать не будут, и получить еще одну драгоценность ей не светит. Она уже собиралась отложить газету в сторону, как вдруг увидела фотографию двух боксеров, ведущих тренировочный бой. «Господи, опять он», — подумала Гретхен. Под фотографией было написано: «Боксер среднего веса Генри Кузйлз со своим спарринг-партнером Томми Джордахом готовится к матчу, который состоится на следующей неделе в Лас-Вегасе».

С того вечера в Нью-Йорке Гретхен ни разу не видела брата и ничего о нем не слышала. Она мало что знала о боксе, но все

же достаточно для того, чтобы понять: раз Томас стал чьим-то партнером для тренировок, значит, его спортивная карьера катится под уклон. Она закрыла и аккуратно сложила газету, надеясь, что Колин не обратит внимания на фотографию. Он, конечно, знал о Томасе — она рассказывала ему о нем, как и о многом другом в своей жизни, но ей не хотелось, чтобы, увидев снимок в газете, он проявил желание побывать на этой тренировочной встрече и познакомиться с ее вторым братом.

С кухни послышались звуки — видно, проснулась Дорис, — и Гретхен пошла будить сына. Билли, скрестив ноги, сидел в пижаме на кровати и тихо перебирал струны гитары. Очень светлые волосы, серьезные, задумчивые глаза, румяные щеки, покрытые легким пушком, прямой нос, слишком большой на худом, детском лице, тонкая мальчишеская шея, длинные, как у жеребенка, ноги... Сосредоточенный, не улыбкающий, родной.

Рядом с ним на стуле лежал открытый чемодан с тщательно уложенными вещами — несмотря на безалаберность родителей, а, может быть, именно из-за нее, Билли обожал порядок.

Гретхен подошла к нему и поцеловала в макушку. Никакой реакции. Ни враждебности, ни любви. Он взял последний аккорд и отложил гитару в сторону.

— Ты готов? — спросила она.

— Угу, — ответил он и, сняв одну ногу с другой, соскользнул с кровати. Верхняя часть пижамы растегнута. Худое, длинное туловище (все ребра можно сосчитать), кожа — цвета калифорнийского лета, проведенного на пляжах: скольжение на гребне волны, мальчишки и девочки на горячем песке, соленая морская вода и гитары. Насколько она знала, он пока еще оставался девственником. По крайней мере, в ином он ей не признавался.

— А ты готова? — в свою очередь спросил он.

— Все сумки упакованы, — ответила она. — Осталось только закрыть их.

Билли чуть ли не патологически боялся опаздывать, причем все равно куда — и в школу, и на поезда, и на самолеты, и на вечеринки. Поэтому Гретхен, когда куда-нибудь отправлялась с ним, всегда старалась упаковаться заранее.

— Что ты хочешь на завтрак? — спросила она, готовая в честь такого дня угостить его чем-то особенным.

— Апельсиновый сок.

— И все?

— Мне лучше не есть. Меня тошнит в самолетах.

— Тогда не забудь взять с собой таблетки драмина.

— Ладно.

Он снял пижамную куртку и отправился в ванную чистить зубы. После того как они переехали жить к Колину, Билли неожи-

данно для нее стал стесняться появляться перед ней голым. Видимо, таким образом он выражал свое неодобрительное отношение к тому, что она некоторое время жила с Колином, не оформляя официально их отношений. Наивный, детский максимализм. Впрочем, сам Колин ему очень нравился, он даже восхищался им.

Она пошла будить Колина. Он беспокойно ворочался в постели и разговаривал во сне. «Вся эта кровь!» — бормотал он.

Должно быть, ему снилась какая-нибудь батальная сцена.

Она нагнулась к нему и стала будить, целуя за ухом. Он проснулся, минуту-другую лежал неподвижно, уставившись невидящим взглядом в потолок, а затем сказал:

— Господи, еще совсем ночь!

Гретхен снова поцеловала его.

— Ладно, ладно, согласен — утро, — проворчал он и взъерошил ей волосы. Она пожалела, что сначала зашла к Билли. Она всегда надеялась, что наступит такое утро, в один из государственных или религиозных или каких-нибудь иных праздников, когда Колин займется наконец с ней любовью. Так, может быть, сегодняшнее утро — именно такое утро? Увы, несоординированные ритмы желаний.

Колин попытался встать, но тут же со стоном повалился на спину и, протянув к Гретхен руки, взмолился:

— Помоги бедному старику подняться — вытащи его из пропасти сновидений.

Она взяла его за руку и помогла встать. Колин сидел на краю кровати, тер глаза тыльной стороной ладони и совсем не радовался свету дня.

— Послушай. — Колин перестал тереть глаза и, выразительно взглянув на нее, спросил: — Ведь вчера на просмотре, в предпоследнем куске, тебе что-то страшно не понравилось, разве не так?

«Мог бы хотя бы дождаться завтрака», — подумала она.

— Я ничего такого не говорила.

— А тебе и говорить ничего не нужно. И по твоему дыханию все было ясно.

— Ты еще не проснулся как следует, — попыталась она уйти от ответа. — Выпил бы сначала кофе.

— Выкладывай, дорогая.

— Ну хорошо, — неохотно проговорила она. — Мне действительно кое-что не понравилось, но я вчера не могла понять, что именно.

— А сегодня понимаешь?

— Думаю, что да.

— Итак?

— Это в том эпизоде, когда ему становится все известно и он начинает думать, что это его вина...

— Да, да,— нетерпеливо проговорил Колин,— это одна из ключевых сцен в картине.

— Понимаешь, он у тебя все время ходит по дому и поглядывает на свое отражение — и в маленьком зеркале в ванной, и в зеркале во весь рост в шкафу, и в темном зеркале в гостиной, и в увеличительном зеркальце для бритья, и даже в лужице на крыльце...

— Но это же и дураку понятно,— раздраженно перебил ее Колин.— Он изучает себя. Если говорить банально, заглядывает себе в душу — при разном освещении, в различных ракурсах; он хочет себя понять... И что же тебе не понравилось?

— Две вещи,— спокойно ответила она. (Теперь она и сама понимала, что все это время, с тех пор как вышла из просмотрового зала, подсознательно пыталась ответить на этот вопрос: что именно ей не понравилось? — и перед тем как заснуть, и глядя утром с террасы на смоговый город, и просматривая газету в гостиной.) — Во-первых, темп. До этого момента события в картине разворачивались быстро, динамично — это общий стиль фильма. И вдруг, словно только для того, чтобы показать зрителю, какой наступил Великий Момент, ты резко снижаешь темп. Это слишком уж очевидно.

— Но в этом весь я,— резким тоном произнес Колин.— А я всегда очевиден.

— Если ты будешь злиться, не услышишь больше ни слова.

— Я и так уже разозлился, но все равно продолжай. Ты сказала «две вещи». Какая вторая?

— Ты слишком уж долго показываешь его крупным планом, как бы убеждая зрителей, что он ужасно мучается, сомневается, вконец запутался...

— Хотя *это* до тебя дошло, и то слава Богу...

— Мне продолжать или лучше оставим этот разговор и пойдем завтракать?

— Следующая дамочка, на которой я женюсь,— досадливо пробормотал он,— будет для разнообразия душой набитой. Продолжай.

— Так вот, тебе кажется, будто ты показываешь мне, как он мучается, сомневается и не может разобраться в своих мыслях и чувствах,— продолжала она,— да и актер тоже думает, что демонстрирует мне, как он мучается, сомневается и не может разобраться в своих мыслях и чувствах, но вместо этого я вижу нечто совсем другое: красивый молодой человек любит себя своим отражением в зеркале, и единственное, что его волнует,— удачно ли падает свет на его глаза.

— Черт подери! — выругался он.— Ты настоящая стерва! Да если хочешь знать, мы делали это эпизод целых четыре дня.

— На твоём месте я бы его вырезала,— ровным голосом сказала она.

— Следующую картину,— саркастически заявил он,— ты снимаешь сама. С утра до ночи будешь торчать на съемочной площадке, а я буду сидеть дома и готовить обед.

— Чего просил, то и получил,— сказала она.

— В следующий раз буду умнее... Ладно, через пять минут жди меня к завтраку.— Он соскочил с кровати и направился в ванную. Колин спал в одних пижамных брюках, без верха, и от простынных швов на его стройной, в меру мускулистой спине остались розовые следы, словно ночью кто-то стегал его. У двери он обернулся и добавил: — Другие женщины, которых я когда-либо знал, считали все, что я делаю, совершенством, но я взял и женился именно на тебе.

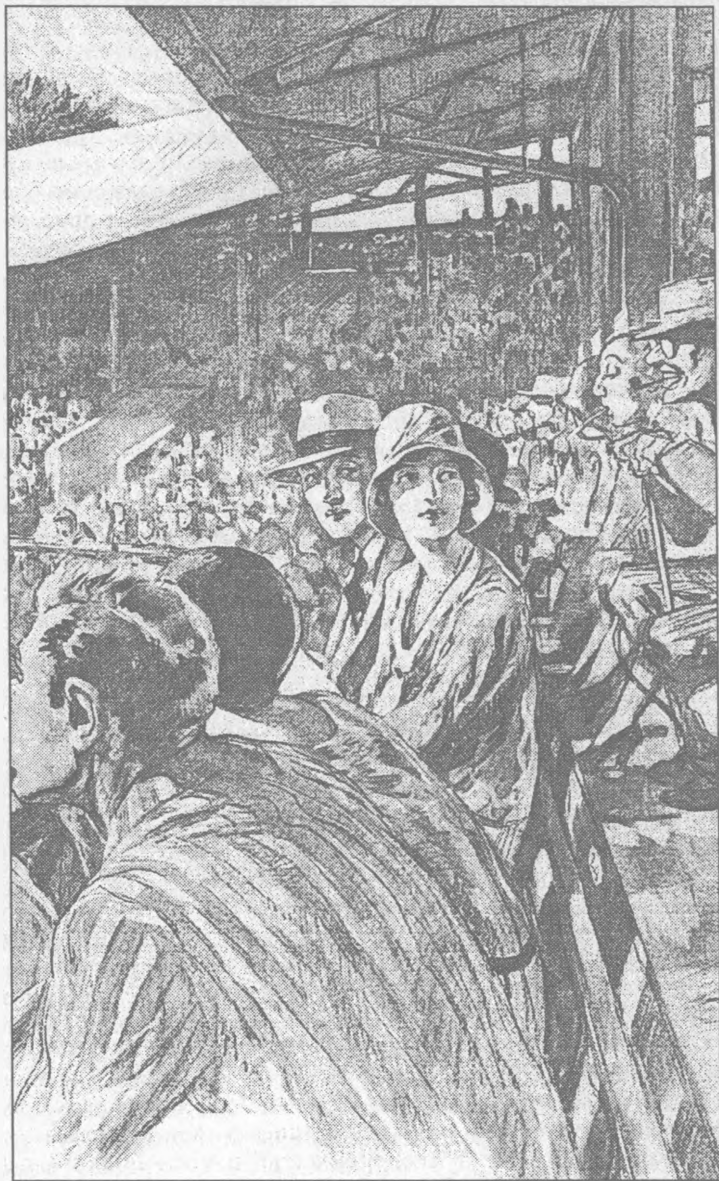
— Они не считали так,— сказала она, лучезарно ему улыбаясь.— Они просто так *говорили*.

Она подошла к нему, и он поцеловал ее.

— Я буду скучать по тебе,— прошептал Колин.— Ужасно скучать.— Затем он решительно отстранил ее от себя.— А теперь иди и позаботься о том, чтобы кофе был действительно черным!

Бреясь, он что-то весело напевал. Чтобы Колин пел в это время дня — это было чем-то неслыханным! Но она понимала: его тоже беспокоила эта сцена в фильме, и теперь, зная, в чем ее слабость, он испытывает огромное облегчение. Она была уверена, что сегодня же он придет в монтажную и с превеликим удовольствием вырежет этот эпизод — результат напряженной четырехдневной работы, обошедшейся студии в сорок тысяч долларов.

В аэропорт они приехали рано, и, когда их сумки и чемоданы скрылись за стойкой регистрации багажа, тревожные морщины на лбу Билли наконец-то разгладились. На нем был серый твидовый костюм, розовая рубашка и голубой галстук — одежда для путешествия. Волосы тщательно причесаны, кожа чистая, без подростковых прыщей на подбородке. Гретхен смотрела на него и думала — какой же у него привлекательный и взрослый вид: он казался намного старше своих четырнадцати лет. Ростом он уже догнал ее и, соответственно, перегнал Колина. В аэропорт их отвез Колин, мужественно старавшийся скрыть от них нетерпение, с которым рвался в студию, к своей работе. Всю дорогу до аэропорта Гретхен сидела в крайнем напряжении, потому что у Колина были весьма своеобразные представления о том, как следует водить машину. «Пожалуй, это единственное, что он делает плохо»,— думала она. Он ехал то очень медленно, словно в состоянии глубокого сна, углубившись в свои размышления, то вдруг им овладевал дух соперничества, и он начинал мчаться, обгоняя все машины подряд, понося их водителей, проскакивая у них перед носом, а затем загоразживая им путь и не давая им вы-

рваться вперед. И каждый раз, когда она не выдерживала и предупредила его о рискованности таких игр, он огрызнулся: «Не будь типичной американской мешанкой!» Сам он был абсолютно уверен, что водит машину великолепно. И в подтверждение этой самооценки обращал ее внимание на тот факт, что еще ни разу не попадал в аварию. Однако его неоднократно останавливали за превышение скорости, и об этих случаях было хорошо известно страховым агентам студии, этим полезным для нее и в то же время сомнительным джентльменам. Но пока что они смотрели на эти досадные инциденты сквозь пальцы.

— У нас еще масса времени,— сказал Колин, глядя на выстроившихся в очередь пассажиров, сдающих багаж.— Пойдемте выпьем по чашечке кофе.

Гретхен знала, что Билли предпочел бы остаться у выхода на посадку, чтобы первым войти в самолет, поэтому сказала Колину:

— Послушай, тебе не обязательно ждать, пока мы улетим. Эти сцены прощания ужасно томительны...

— И все-таки давайте выпьем по чашечке кофе,— настаивал Колин.— Я до сих пор не проснулся толком.

Они проследовали через зал ожидания к ресторану. Гретхен шла между мужем и сыном, и ей приятно было сознавать, что ее спутники так красивы. Люди провожали их троицу восхищенными взглядами, и это делало ее счастливой. «Тщеславие,— думала она,— этот восхитительный грех».

В ресторане они с Колином заказали себе по чашке кофе, а для Билли — стакан кока-колы, чтобы он запил драмами.

— Меня в юности укачивало в автобусе — где-то до восемнадцати лет,— сказал Колин, глядя, как мальчик глотает таблетки.— А потом, когда я первый раз переспал с девушкой, все как рукой сняло.

Билли бросил на него быстрый, внимательный взгляд. Колин всегда разговаривал с ним как со взрослым, и Гретхен иногда сомневалась, правильно ли он делает. Она не знала, любит ли Билли своего отчима, просто ли терпит его или, может быть, ненавидит. Билли никогда не проявлял своих эмоций. Колин же не прилагал ни малейших усилий, чтобы завоевать симпатию мальчика. Он часто бывал с ним резок, но иногда проявлял большой интерес к его школьным делам и помогал готовить уроки. Порой шутил с ним и был очень приветлив, но чаще вел себя отчужденно. Колин никогда не подлаживался к своим зрителям, никогда не потакал их вкусам, и это, конечно, достойно всяческого уважения, но одно дело — творческая принципиальность в работе, и совсем другое — отношения с впечатлительным, замкнутым мальчиком, единственным сыном у матери, бросившей его отца ради любовника, обладающего порывистым и трудным

характером. Однако она должна была признать, что хотя у нее с Колином и бывали ссоры, но никогда из-за Билли. Колин взял на себя все расходы на обучение мальчика, потому что Уилли Эбботт переживал сейчас трудные времена и ему нечем было платить за образование сына, но при этом Колин запретил Гретхен говорить об этом Билли, хотя Гретхен была уверена, что мальчик и сам догадывается.

— Когда я был в твоём возрасте, — продолжал Колин, — меня тоже отправили учиться в другой город. Всю первую неделю я ревел. Весь первый год ненавидел школу. На второй год стал относиться к ней терпимее. А на третий уже был редактором школьной газеты, впервые испытал упоительное чувство власти над людьми и, хотя никому в этом не признавался — даже себе самому, — полюбил школу. В последний год я даже плакал — настолько не хотел с ней расставаться.

— Я совсем не против того, что еду учиться, — сказал Билли.

— Вот и прекрасно, — сказал Колин. — Это хорошая школа, если, конечно, таковые вообще существуют. В наихудшем случае, когда ты выйдешь из нее, ты по крайней мере будешь знать, как написать на английском языке простое повествовательное предложение. На, держи, — он достал из кармана конверт и протянул его мальчику. — Спрячь его и ни в коем случае не говори матери, что там внутри.

— Спасибо большое, — сказал Билли, кладя конверт во внутренний карман пиджака. Затем, взглянув на часы, беспокоенно проговорил: — А не надо ли нам поторопиться?

И они пошли к выходу на посадку. Билли нес в руке гитару. У Гретхен промелькнула беспокойная мысль — а как воспримут гитару в этой старой, respectable «Новоанглийской пресвитерианской школе», куда он едет учиться? «Будем надеяться, что никак, — решила она. — Они, должно быть, уже привыкли ждать чего угодно от четырнадцатилетних мальчишек».

Они услышали, как объявляют посадку.

— Иди вперед, Билли, — сказала Гретхен. — Я хочу попрощаться с Колином.

— Если что-нибудь будет нужно, звони. Естественно, за счет абонента, то есть мой. — И Колин крепко пожал Билли руку.

Гретхен смотрела на лицо Колина, пока он разговаривал с Билли, и видела, как обычно резкие черты смягчило выражение нежности и заботы, а насмешливые глаза под густыми, черными бровями светились лаской и любовью. «Нет, я не ошиблась в нем», — подумала она.

На серьезном лице Билли промелькнула обеспокоенная, потерянная улыбка — шутка ли, путешествие от отца к отцу, — и он направился на посадку, неся гитару за плечом, как патрульный солдат винтовку.

— Не бойся,— сказал Колин, глядя, как Билли, пройдя через двери служебного помещения, направляется к летному полю, на котором замер в ожидании пассажиров большой реактивный лайнер.— У него все будет в порядке.

— Хотелось бы надеяться,— вздохнула Гретхен.— Скажи, в том конверте деньги?

— Несколько баксов,— небрежным тоном произнес Колин.— Чтобы смягчить смену часовых поясов. Бывают моменты, когда мальчишке не выдержать натиск образования без лишнего молочного коктейля или свежего номера «Плейбоя». Надеюсь, Уилли вас встретит в Айдауайлде*?

— Да, конечно.

— Вы вместе повезете парня в школу?

— Да.

— Наверное, это правильно,— тусклым голосом произнес Колин.— При важных событиях в жизни подростка должны присутствовать оба родителя.— Его лицо было отвернуто: он смотрел на проходящих на посадку пассажиров.— Каждый раз, когда я вижу рекламу «Летайте самолетами!» с широко улыбающимися пассажирами, проходящими на посадку, у меня в голове возникает одна и та же мысль: никто, ни один человек, не чувствует себя счастливым, садясь в самолет. До чего же лживо общество, в котором мы живем!.. Скажи, сегодня ты будешь спать со своим экс-мужем Уилли?

— Колин, как ты можешь!

— Такое случается. На многих бывших жен развод действует, как дополнительное возбуждающее средство.

— Катись ты к черту! — И она резко повернулась, чтобы идти на посадку.

Он остановил ее, крепко схватив за руку.

— Ради Бога, прости меня! — умоляюще произнес он.— Я дремучий, сам себя истязаящий, болезненно подозрительный, патологически скептический, беспардонный идиот! — Он улыбался печальной, виноватой улыбкой.— И все-таки — пообещай мне, что не будешь говорить обо мне с Уилли.

— Обещаю.— Она уже простила Колина и сейчас стояла, глядя ему в лицо, чувствуя себя такой родной и близкой ему. Он нежно поцеловал ее. Женский голос объявил по радио, что посадка заканчивается.

— Увидимся через две недели в Нью-Йорке,— сказал Колин.— Без меня не развлекайся и никуда не ходи.

— Не беспокойся,— улыбнулась Гретхен и коснулись губами его щеки. Он круто повернулся и зашагал к выходу из здания

* Так до 1963 года, назывался *Международный аэропорт Кеннеди* — важнейший из трех аэропортов, обслуживающих Нью-Йорк.

аэропорта. Как всегда, он шел с таким видом, будто ему предстоит какая-то опасная схватка, из которой он обязательно должен выйти победителем.

Она грустно улыбнулась и прошла на посадку.

Когда самолет пошел на снижение, Билли вырвало: никакой драматизм ему не помог. Но он успел воспользоваться гигиеническим пакетом, предусмотренным для этих случаев, и сделал это чисто и аккуратно, с трогательно виноватым видом. На лбу у него выступил липкий пот, плечи конвульсивно подергивались. Гретхен гладила его по верхней части спины, не в силах ничем помочь, понимая, что это скоро пройдет, но все равно страда от того, что не может стать между сыном и его мучениями. *Иррациональное материнское чувство.*

Когда приступы рвоты прекратились, Билли тщательно закрыл пакет, встал и, пробираясь между креслами, направился в туалет, чтобы выбросить пакет и прополоскать рот. Когда он возвратился, лицо у него все еще оставалось белым, но пота на лбу уже не было. Он полностью пришел в себя, однако, сев на свое место рядом с Гретхен, с горечью проговорил:

— Какой же все-таки я еще ребенок!

Уилли Эбботт стоял в небольшой толпе, встречавшей рейс из Лос-Анджелеса, и высматривал среди прибывших пассажиров свою бывшую жену и сына. На нем были темные очки. Едва увидев его, Гретхен сразу же догадалась, что накануне он много выпил и темные очки в такой пасмурный и влажный день понадобились ему для того, чтобы скрыть от них с сыном налитые кровью глаза. «Мог бы на этот раз и удержаться,— с горечью подумала она,— ведь столько месяцев не видел сына». Но она подавила в себе раздражение. *Эта видимость дружеских, безмятежных отношений между разведенными родителями в присутствии своего отпрыска. Вынужденное лицемерие разделенной любви.*

Завидев отца, Билли, пробираясь между выходящими пассажирами, поспешил ему навстречу, обнял и поцеловал в щеку. Гретхен не торопилась, чтобы не мешать им. Стоило лишь бегло взглянуть на них, стоящих рядом, как сразу же становилось ясно, что это отец и сын. Хотя Билли был выше отца и намного красивее, их сходство просто бросалось в глаза. И Гретхен подумала с раздражением — который уже раз! — что ее генетический вклад в облик сына не проявлялся ни в малейшей степени.

Уилли широко улыбался (не слишком ли самодовольно?), видя столь явное проявление сыновней привязанности. Когда Гретхен наконец подошла к нему, он, не выпуская из объятий сына, повернул к ней голову и, произнеся «Привет, дорогая», поцело-

вал ее в щеку. Два поцелуя в ту же самую щеку, в тот же самый день, но на двух противоположных сторонах континента: один поцелуй прощальный, другой — привечальный. Что касается бракоразводного процесса, а также вопроса о том, с кем останется их сын, Уилли проявил себя с самой безукоризненной стороны, так что она не могла сейчас не позволить ему называть ее «дорогая» или запечатлеть на ее щеке этот скорбный поцелуй. Она ничего не сказала о его темных очках и сделала вид, что не заметила исходящего от него запаха винного перегара. Одет он был аккуратно, в строгом, сдержанном вкусе, как и полагается родителю, собирающемуся представить своего сына директору привилегированной школы в Новой Англии. Но ввиду предстоящей им на следующий день поездки в школу, ей, конечно, придется позаботиться о том, чтобы он оставался трезвым.

Она сидела одна в небольшой гостиной номера люкс. За окном светились огни вечернего Нью-Йорка, с улицы доносился знакомый, будоражащий шум огромного города. Она наивно полагала, что сын пожелает остановиться вместе с ней в отеле, но еще по дороге из аэропорта Уилли, сидевший за рулем взятой им напрокат машины, сказал ему:

— Надеюсь, ты не против провести ночь на диване? У меня только одна комната, но диван там, слава Богу, имеется. Правда, пара пружин лопнула, но, думаю, в твоём возрасте ты и так прекрасно выспишься.

— Это здорово! — воскликнул Билли: судя по тону его голоса, он был действительно рад. Соглашаясь ночевать у отца, он даже не глянул в сторону матери, не стал искать ее одобрения. Хотя, с другой стороны, она все равно не смогла бы его не пустить.

Когда Уилли спросил у нее, где она собирается остановиться и услышал в ответ: «Отель „Алгонкин“», он иронически поднял брови.

— Это любимая гостиница Колина, — словно оправдываясь, сказала Гретхен. — Она недалеко от театра, так что он может ходить туда — да и в контору тоже — пешком, и это экономит ему массу времени.

Остановив машину перед «Алгонкином», Уилли сказал, не глядя ни на Гретхен, ни на Билли:

— Когда-то давным-давно мы с одной девушкой выпили в баре «Алгонкина» целую бутылку шампанского.

— Утром обязательно мне позвони, — произнесла она, будто и не слышала его слов. — И пораньше — как только проснешься. Нам нужно быть в школе еще до ленча.

Билли сидел на переднем сиденье машины со стороны проезжей части улицы, поэтому когда она вышла из машины на тро-

туар и носильщик взял ее вещи, она даже не могла поцеловать сына и только лишь помахала ему рукой, отпуская его с отцом на ужин в ресторане и на ночевку в однокомнатной квартире, в которой имелся диван с лопнувшими пружинами.

У регистратора ее ждала записка от Рудольфа. Накануне она дала ему телеграмму, в которой сообщала о своем приезде в Нью-Йорк и просила поужинать с ней. В своей записке он ставил ее в известность, что не может с ней встретиться вечером, но утром обязательно позвонит.

Она поднялась в свой номер, распаковала вещи, приняла ванну и некоторое время раздумывала, что бы ей надеть. В конце концов просто накинула халат, потому что понятия не имела, как ей убить этот вечер. Все, кого она знала в Нью-Йорке, были либо друзьями Уилли, либо ее бывшими любовниками, либо коллегами Колина, с которыми он познакомил ее мимоходом три года назад, когда она приезжала на премьеру его потерпевшего фиаско спектакля. Разумеется, никому из них она не собиралась звонить. Ей ужасно хотелось чего-нибудь выпить, но не пойдет же она в бар, чтобы в одиночку там напиваться. «Этот несчастный Рудольф,— думала она, стоя у окна и глядя сверху вниз на Сорок четвертую улицу с ее тысячами прохожих и потоками несущихся машин,— уж мог бы пожертвовать одним-единственным вечером ради родной сестры». Так нет же, разве он может сойти с дистанции в этой его бесконечной погоне за прибылью! А ведь когда Рудольф приезжал по делам в Лос-Анджелес (это было два-три раза за эти годы), она каждую свою свободную минуту отдавала ему, водя его по городу и развлекая, как только могла. «Ничего,— мстительно подумала она,— в следующий раз, когда он приедет к нам в Калифорнию, его в гостинице будет ждать записка похлеще этой!»

Может, все-таки позвонить Уилли? Под предлогом, что она волнуется о самочувствии сына — ведь ему в самолете действительно было плохо. И Уилли ничего не останется, как пригласить ее поужинать с ними. Она подошла было к телефону и подняла трубку, но в последний момент передумала. *Брось, дорогая, свои женские штучки. Неужели твой сын не имеет права провести хотя бы один счастливый вечер с отцом, не чувствуя на себе ревнивого взгляда матери?*

Она беспокойно расхаживала по маленькой, старомодно украшенной и обставленной комнате. Ей вспомнилось, какой она чувствовала себя счастливой, когда много лет назад впервые приехала в Нью-Йорк, каким привлекательным и манящим показался тогда ей город. Она была молода, бедна, одинока, и Нью-Йорк радушно принял ее в свои объятия. Свободно и без страха бродила она по его улицам. Теперь же, когда она стала мудрее, стар-

ше и богаче, великий город превратился для нее в тюрьму, а эта комната — в камеру-одиночку. Муж — за три тысячи миль от нее, сын — в нескольких кварталах отсюда, но ее не оставляло ощущение, будто оба они незримо присутствуют рядом и строго следят за каждым ее шагом. Однако спуститься вниз и поужинать в ресторане отеля — этого они, конечно же, не стали бы ей запрещать. Что ж, еще одна одинокая женщина будет сидеть над бутылкой вина за маленьким столиком в ресторане, стараясь делать вид, будто не прислушивается к чужим разговорам, постепенно пьянеть и неприлично много и живо разговаривать с метрдотелем. Боже, до чего порою нудно чувствовать себя женщиной!

Она прошла в спальню и, вынув из шкафа свое самое простое платье — этакое сооружение из черной ткани, обошедшееся ей в уйму денег и страшно не понравившееся Колину, — стала одеваться к ужину. Наспех нарядившись и причесавшись, она уже была у двери, как вдруг зазвонил телефон.

Она чуть ли не бегом вернулась в комнату. «Если это Уилли, — подумала она, — то отказываться не буду и поужинаю с ними».

Но это был не Уилли. Это был Джонни Хит.

— Привет, — сказал он. — Рудольф сказал, что ты останавливаешься в «Алгонкине», ну а я как раз проходил мимо и подумал — а вдруг я тебя застану...

«Кому ты пытаешься морочить голову? — подумала она. — Просто так без четверти девять вечера никто мимо „Алгонкина“ не проходит». Но вслух радостно произнесла:

— Джонни! Какой приятный сюрприз!

— Я здесь, внизу, — сказал Джонни, и в его голосе слышались отзвуки прежних лет, — так что если ты еще не ужинала...

— Понимаешь, — проговорила она таким тоном, будто ей не хотелось принимать его приглашение (она презирала себя за эти недостойные ее уловки), — я не одета и собиралась заказать ужин в номер. Чувствую себя ужасно усталой после полета, к тому же мне завтра рано вставать...

— Жду тебя в баре, — сказал Джонни и повесил трубку.

«До чего же он самонадеян, этот уолл-стритский сукин сын», — подумала она. Затем сняла платье и надела другое. Но в бар спустилась не сразу, заставив его ждать целых двадцать минут.

— Рудольф ужасно переживал, что не может с тобой увидеться, — сказал Джонни, сидевший за столиком напротив нее.

— Неужели? — саркастически улыбнулась Гретхен.

— Представь себе. Это чувствовалось по его голосу, когда мы говорили по телефону. Поверь мне, он действительно был расстроен. И специально мне позвонил, попросив заменить его и объяснить, почему он...

— Мне хотелось бы еще немного вина,— прервала его Гретхен.

Джонни подозвал официанта, и тот наполнил ей бокал. Они сидели в маленьком французском ресторанчике на одной из пятидесятих улиц. Народу было немного. «Осторожничает»,— подумала она о Джонни. В таком месте вы не рискуете встретить знакомых и можете без всяких опасений поужинать с замужней женщиной, с которой у вас роман. Джонни, должно быть, знает немало подобных мест. Хватило бы на целый путеводитель для донжуанов, не желющих афишировать свои любовные связи. Получился бы настоящий бестселлер. Когда они вошли в ресторанчик, метрдотель, ни о чем их не спрашивая и не переставая приветливо улыбаться, отвел их к уютному столику в углу, где никто не мог подслушать их разговор.

— Если бы у него была хоть малейшая возможность, он обязательно бы пришел,— настойчиво продолжал уверять ее Джонни, незаменимый посредник между поссорившимися друзьями, лютыми врагами, охладевшими друг к другу любовниками и давно не видевшимися родственниками.— Он очень к тебе привязан.— (Это звучало несколько странно в устах человека, который никогда ни к кому не был привязан.) — Ты единственная женщина, которой он по-настоящему восхищается. Он постоянно твердит мне об этом.

— Неужели вам больше не о чем говорить долгими зимними вечерами? — спросила Гретхен и пригубила немного вина — оно ей нравилось, и она пила его смакуя, маленькими глотками. Спасибо Джонни уже хотя бы за то, что он угостил ее таким превосходным вином. А что если ей напиться как следует? Чтобы хорошенько выспаться перед завтрашним тяжким испытанием. Интересно, куда Уилли повел ее сына? Может быть, в такой же ресторанчик, как этот,— где-нибудь на отшибе? Не стесняются ли отцы появляться на людях с сыновьями, с которыми жили когда-то вместе?

— Если хочешь знать,— говорил тем временем Джонни,— в том, что Руди до сих пор не женат, во многом виновата и ты: он восхищается тобой до такой степени, что не может найти себе женщину, хоть сколько-нибудь похожую на тебя.

— Он восхищается мною до такой степени,— парировала Гретхен,— что после того, как мы не виделись почти целый год, не может уделить мне одного-единственного вечера.

— Как ты не понимаешь — на следующей неделе он открывает новый торговый центр в Порт-Филипе,— сказал Джонни Хит.— Один из крупнейших в стране. Разве он не писал тебе об этом?

— Вроде бы писал,— медленно проговорила она.— Наверно, я не обратила внимания на дату.

— Ему нужно управиться еще с тысячью дел, всплывающих в таких случаях в самую последнюю минуту. Он работает по двад-

цать часов в сутки. Как он умудряется это выдерживать, для меня просто загадка. Но ведь ты сама знаешь, каков он в работе.

— Да уж, знаю,— вздохнула Гретхен.— Он живет, чтобы работать, а не работает, чтобы жить. Таких называют «работоголиками».

— А разве твой муж, Колин Берк, не такой же? — спросил Джонни.— Разве он меньше работает? И, наверно, он тоже восхищается тобой, но я что-то не вижу, чтобы он выкроил время приехать в Нью-Йорк вместе с тобой.

— Он приезжает через две недели. К тому же у него совсем другая работа.

— Ну да, конечно,— язвительно произнес Джонни,— снимать картины — это, разумеется, святое дело, и женщина должна гордиться тем, что ее приносят в жертву, тогда как большой бизнес — занятие грязное и презренное, и человек должен умирать от счастья, освобождаясь от этой мерзости хотя бы на один вечер. Откликаясь на зов сердца, он должен все бросить и на крыльях радости мчаться в Нью-Йорк, чтобы встретить у трапа самолета свою одинокую маленькую сестричку и повести ее ужинать.

— Ты защищаешь себя, а не Рудольфа,— сказала Гретхен.

— Обоих,— ответил Джонни.— И его и себя. Впрочем, мне незачем вообще кого-нибудь защищать. Если художнику хочется считать себя единственным стоящим порождением современной цивилизации,— это его дело. Но ожидать, чтобы я, пусть даже меня считают ничтожным, замаранным деньгами невеждой, по одной только этой причине соглашался с ним, просто глупо. Занятия искусством — великолепная приманка для юных девиц, и многие свежеиспеченные художники и выдающие себя за будущих львов толстые писаки пользуются у женщин успехом только потому, что они, так сказать, люди искусства. Но я-то не юная девушка, и меня на этом не купишь. Бьюсь об заклад: если бы я трудился над бессмертными (и никому не нужными) шедеврами в тесной и убогой, но живописной мансарде в Гринич-Виллидже, а не работал на Уолл-стрит в просторном офисе с кондиционером, ты бы вышла за меня замуж еще задолго до того, как познакомилась с Колином Берком.

— А вот и не угадал, дружок,— усмехнулась Гретхен.— Лучше налей мне еще.— И она протянула ему бокал.

Джонни налил ей вина, наполнив бокал почти до краев, а затем, подзвав официанта, заказал еще одну бутылку. Он сидел притихший, застывший, думая о чем-то своем. Гретхен удивила его вспышка — это было совсем на него не похоже. Даже в те моменты, когда они (в далеком прошлом) занимались в постели любовью, он казался хладнокровным и отстраненным, хотя с тех

нической точки зрения был безупречен, как и во всем остальном, за что брался. Необычная для него агрессивность — и внешняя и внутренняя — угасла столь же неожиданно, как и вспыхнула, и он снова стал подобен прекрасно отлаженной, отполированной и хорошо смазанной машине, такому элегантному, но грозному оружию, специально предназначенному для долгой осады и взятия неприступных крепостей. Наконец он заговорил — тихим, почти лишенным всякого выражения голосом:

— Какой же я был дурак, что не сделал тебе предложение.

— Но в то время я была уже замужем. Ты разве забыл?

— Ты была замужем и тогда, когда познакомилась с Колином Берком. Ты это тоже забыла? — возразил Джонни.

— То было совсем другое время,— пожалала плечами Гретхен,— а он был так не похож на других.

— Ты знаешь, я видел его картины,— сказал Джонни,— и они действительно недурны.

— Они превосходны! — поправила она его.

— Глаза любви,— произнес Джонни, криво усмехнувшись.

— Ладно, Джонни, что ты всем этим хочешь сказать?

— Ровно ничего,— ответил он.— Просто терзаю и тебя и себя за то, что упустил свой шанс. Наверное, я тогда просто струсил. А теперь прозрел и вежливо задаю всякие вопросы женщине, которую пригласил на ужин. И так уж случилось, что эта женщина — бывшая жена одного из моих лучших друзей... Надеюсь, ты счастлива с Колином?

— Очень.

— Хороший ответ,— одобрительно кивнул Джонни.— Очень хороший. Женщина находит столь долго избегавшее ее счастье во втором своем браке — и не с кем-нибудь, а с маленьким ростом художником серебряного экрана, которого зато ждет *большое* будущее.

— А сейчас ты кого терзаешь — себя или меня? Может быть, мне лучше встать и уйти?

— Нас еще ждет десерт.— Он коснулся ее руки (у него были гладкие, пухлые пальцы, мягкая ладонь) и проговорил: — Не уходи. Я задал тебе не все вопросы. Скажи мне, что может делать в этой забытой Богом дыре, какой на самом деле является Лос-Анджелес, такая женщина, как ты, словно созданная для Нью-Йорка и жившая здесь самостоятельной, полнокровной и насыщенной жизнью?

— Эта женщина делает, в основном, одно,— без тени улыбки ответила Гретхен, — возносит к Господу Богу благодарственные молитвы за то, что живет не в Нью-Йорке.

— Ну, хорошо, а в свободное от этого время? Только не говори мне, будто тебе нравится сидеть безвылазно дома и занимать-

ся хозяйством в ожидании, когда папочка вернется из студии и расскажет, что ему за обедом сказал сам великий Сэм Голдвин*.

— Если хочешь знать, — его слова задела ее, и она невольно повысила тон, — я очень мало «сiju безвылазно дома», как ты изволил выразиться. Я живу одной жизнью с человеком, которым искренне восхищаюсь, и, по мере своих скромных возможностей, помогаю ему, а это гораздо лучше всего того, чем я занималась здесь, напуская на себя важный и высокомерный вид, тайком изменяя мужу, печатая никому не нужные статьи в журналах и живя с человеком, который с неукоснительной регулярностью, три раза в неделю, до чертиков напивался.

— Ну да, конечно — новая форма феминистской революции, — хмыкнул Джонни. — *Верните нам кухню, детей и церковь!* Боже мой, уж от кого-кого, а от тебя можно было ожидать такое в последнюю очередь...

— Если отбросить церковь, — сказала Гретхен, — то можно сказать, что ты описал мою жизнь на удивление точно. — Она встала. — Что ж, придется обойтись без десерта. К тому же маленьким ростом художникам серебряного экрана нравятся только тощие женщины.

И она направилась к выходу.

— Гретхен! — крикнул он ей вслед. В его голосе звучало искреннее удивление: произошло нечто, чего никогда ранее с ним не случалось и что совершенно не предусматривалось тщательно продуманными правилами игр, в которые он привык играть. Но Гретхен, даже не обернувшись, стремительно вышла из ресторана — еще до того, как стоявший у двери услужливый швейцар успел открыть перед ней двери.

Она быстро шагала в сторону Пятой авеню, но, по мере того как остывал ее гнев, все больше замедлялся ее шаг. Глупо было принимать это так близко к сердцу. Какое ей дело до того, что думает Джонни Хит о ее жизни? Он просто делает вид, что ему нравятся женщины, которых он считает «свободными», потому что с ними он тоже может вести себя свободно. Ему дали от ворот поворот, и он решил свести с ней счеты за это. Разве ему понять, что значит для нее проснуться утром и увидеть рядом с собой в постели Колина? Да, она не свободная женщина, у нее есть муж, точно так же, как и Колин не свободен, у него есть она, но эта взаимная «несвобода» им слаще всякой воли, и обоим им стало только лучше и счастливее жить от такой несвободы. Все эти разговоры о свободе — чушь собачья!

* Сэмюэл Голдвин (1882 — 1974) — кинопродюсер, создатель (в 1917 г.) корпорации «Голдвин пикчерс», которая, слившись в 1925 г. с корпорацией «Метро пикчерс», превратилась во всемирно известную кинофирму «Метро-Голдвин-Майер» (МГМ).

Возвратившись в отель и поднявшись в свой номер, она сразу же подошла к телефону и, подняв трубку, назвала телефонистке номер своего дома в Беверли-Хиллс. В Калифорнии сейчас восемь вечера, и Колин должен быть уже дома. Ей хотелось услышать его голос, хоть она и знала, как он не любит разговаривать по телефону: его голос в трубке часто звучит раздраженно и резко, даже когда звонит она. Короткие гудки — никто к телефону не подходил. Тогда она позвонила на студию и попросила соединить ее с монтажной, но там ей сказали, что мистер Берк уже уехал со студии.

Она медленно повесила трубку и некоторое время ходила по комнате. Затем села за стол и, взяв лист бумаги, начала писать:

«Дорогой Колин, я звонила тебе, но тебя не было дома, а когда позвонила на студию, мне сказали, что ты уехал. Мне сейчас страшно грустно. Один человек, который был когда-то моим любовником, наговорил мне только что всяких гадостей, и это испортило мне настроение. На меня все сразу свалилось одной кучей: в Нью-Йорке одуряюще жарко; Билли, как выяснилось, любит отца больше, чем меня; без тебя мне ужасно тоскливо, и в довершение всего тебя не оказалось дома, так что в голову лезут всякие нехорошие мысли. Я, наверно, спущусь сейчас в бар и выпью стаканчик, а может быть, два или, еще лучше, три, и, если кто-нибудь попытается меня подцепить, позвоню в полицию. Мне трудно себе представить, как я проживу эти две недели, прежде чем увижу тебя. Когда я высказывалась насчет этого эпизода с зеркалами, тебе я, наверно, казалась самодовольной, заносчивой всезнайкой. Ради Бога, прости меня за всю ту чепуху, что я тебе наговорила. Если же ты увидел в моих словах хоть какой-нибудь смысл, обещаю, что и впредь буду оставаться такой же умницей и не скрывать от тебя, что я думаю, но с условием, что и ты будешь оставаться таким же и не скрывать от меня, что ты думаешь. У тебя был помят воротник, когда ты вез нас в аэропорт, а все потому, что я ужасная жена и хозяйка. И все равно я и жена и домохозяйка. Да, домохозяйка! И лучшей профессии на белом свете нет! Если ты не будешь дома и в следующий раз, когда я тебе позвоню, тебя ждет чудовищная, жуткая месть.

Твоя Г.»

Даже не перечитав письма, она вложила его в авиапочтовый конверт, спустилась в вестибюль, ей поставили на конверте штемпель, и она сунула его в прорезь почтового ящика. Эта почтовая бумага, эти чернила, эти летящие ночью самолеты были теми нитями, которые связывают ее с главным в ее жизни человеком,

находящимся от нее в трех тысячах миль по другую сторону огромного, окутанного ночной тьмой континента.

После этого она пошла в бар, но подцеплять ее там никто не стал. Выпив за стойкой два стакана виски и не отвечая на попытки бармена завязать с ней разговор, она поднялась к себе в номер, разделась и легла спать.

Утром ее разбудил телефонный звонок. Это был Уилли.

— Через полчаса будем у тебя,— сказал он.— Мы уже позавтракали.

Бывший муж и пилот вел машину быстро и хорошо. Густые деревья на живописных, пологих холмах Новой Англии, все теснее обступавших дорогу по мере приближения к школе, подернулись первой осенней желтизной. Уилли снова был в темных очках, но на сей раз защищая глаза от яркого солнца, а не скрывая следы похмелья. Его руки на руле не дрожали, не было дрожи и в голосе. По дороге несколько раз останавливались: Билли то и дело укачивало. Но в остальных отношениях поездка была на редкость приятной. Да и на них троих было приятно посмотреть — молодая, красивая американская семья, вполне зажиточная на вид, путешествует в блестящем, новеньком автомобиле по зеленым просторам Америки в чудесный, солнечный сентябрьский день.

Школьные учебные корпуса представляли собой построенные в колониальном стиле, с белыми колоннами, старинные здания из красного кирпича. Среди них были разбросаны старые деревянные особняки, служившие общежитиями для учеников. Повсюду высокие, старые деревья, множество спортивных площадок. Когда они подъехали к главному зданию школы, Уилли пробормотал:

— Поздравляю, Билли,— ты поступил не в школу, а в какой-то загородный клуб.

Оставив машину на стоянке, они поднялись по лестнице в актовый зал, заполненный родителями и школьниками. Приветливо улыбающаяся женщина средних лет, сидевшая за столом в конце зала, регистрировала вновь прибывших. Она пожала всем троим руку, сказала, что очень рада их видеть, а также что «сегодня просто чудесный день, не правда ли?» и вручила Билли нечто вроде цветной бирки, которую он должен был прикрепить к лацкану пиджака, а затем, повернувшись к группе мальчиков постарше — каждый с биркой разного цвета на лацкане,— крикнула: «Дэвид Крофорд!» От группы ребят отделился высокий паренек в очках, на вид лет восемнадцати, и быстро подошел к столу.

— Уильям, знакомься, это Дэвид,— сказала женщина.— Он может тебе устроиться. Если сегодня или в любое время на про-

тяжении учебного года у тебя возникнут какие-либо проблемы, не стесняйся и обращайся прямо к нему.

— Да, Уильям, можешь на меня рассчитывать,— авторитетным голосом старшеклассника подтвердил Крофорд.— Где твои вещи? Пошли, я провожу тебя в твою комнату.

— До чего же непривычно — *Уильям*, — прошептала Гретхен, следуя вместе с Уилли за мальчиками.— Вначале я даже не поняла, к кому она обращается.

— Но это можно считать прогрессом,— ответил Эбботт.— В мое время, когда я учился в школе, все называли друг друга только по фамилии. Нас тогда готовили к военной службе.

Крофорд, с сумкой Билли в руке, вел их через двор к трехэтажному кирпичному зданию явно новой постройки.

— «Силлитоу-Холл»,— сказал Крофорд, когда они вошли в здание.— Твоя комната на третьем этаже, Уильям.

Сразу же за входом была прибита табличка, возвещавшая о том, что общежитие является даром, сделанным школе Робертом Силлитоу, отцом лейтенанта Роберта Силлитоу-младшего, выпуск 1938 года, павшего смертью храбрых за свою страну 6 августа 1944 года.

Гретхен подумала, что ей было бы грустно жить в таком общежитии, но, услышав модную песенку, исполняемую неокрепшими юношескими голосами, и записи ритмических джазовых мелодий, очень похожих одна на другую, хотя и доносящихся из разных комнат, она немного приободрилась и, догнав Крофорда и Билли, стала подниматься по лестнице.

Комната, отведенная Билли, была совсем небольшой. Но в ней хватало места для двух коек, двух письменных столов и двух платяных шкафов. Чемодан Билли, который вместе с другими его вещами они послали вперед, стоял под одной из коек, а под другой, рядом с окном,— другой чемодан с биркой, на которой значилось: *Фурнье*.

— Твой сосед по комнате уже вселился,— сказал Крофорд.— Ты еще с ним не знаком?

— Нет,— тихо ответил Билли.

Он казался ужасно подавленным — больше чем обычно, и Гретхен лишь оставалось надеяться, что этот *Фурнье* не окажется каким-нибудь извергом, педерастом или наркоманом. Внезапно она почувствовала себя совершенно беспомощной: жизнь сына больше не в ее руках.

— Ты его увидишь в столовой,— продолжал Крофорд.— Кстати, скоро будут звонить на обед.— Повернувшись к Гретхен и улыбнувшись ей, он изрек все с тем же ответственным и авторитетным видом: — Естественно, на обед приглашаются и родители, миссис Эбботт.

С уст Гретхен чуть было не сорвалось: «Миссис Берк, а не миссис Эбботт», но, увидев страдальческий взгляд Билли, красноречиво говоривший: «Только не сейчас, мама — *прошу тебя*, не сейчас!», она вовремя прикусила язык. Конечно, рано или поздно ему все равно придется объяснять, почему его отец — мистер Эбботт, а мать — миссис Берк, но пусть хоть не в первый день.

— Спасибо, Дэвид, — отозвалась она неровным голосом и взглянула на Уилли: тот отрицательно покачал головой. — Это очень любезно со стороны школы.

— Советую тебе запастись тремя одеялами, Уильям, — сказал Крофорд, глянув на голую, не застланную койку Билли. — Ночи становятся все прохладнее, а насчет отопления здесь не очень — видно, воспитывают из нас спартанцев. Считают, что, заморозив нас, помогут лучше развиться нашим характерам.

— Одеяла я тебе пришлю из Нью-Йорка, — сказала Гретхен и, повернувшись к Уилли, спросила: — Так как же насчет обеда?..

— Ты ведь не голодна, дорогая? — умоляюще спросил Уилли.

Гретхен прекрасно понимала, что обедать в школьной столовой без надежды хотя бы на один стакан виски — для Уилли совершенно невозможная вещь.

— В общем-то, нет, — ответила она, жалея его.

— Ну а кроме того, мне все равно нужно быть к четверем в Нью-Йорке, — заявил Уилли. — У меня назначена крайне важная встреча... — В его голосе не было убежденности.

Раздались удары колокола, и Крофорд сказал:

— Ну вот и обед. Вход в столовую — рядом с тем местом, где тебя регистрировали, Уильям. А теперь прошу извинить меня, мне нужно пойти умыться. И помни: если что, обращай ко мне.

И он вышел в коридор, этот подтянутый юный джентльмен, в своей форменной куртке и стоптанных за три года пребывания в школе белых ботинках. Когда он открывал дверь, откуда-то донеслись завывания Элвиса Пресли, лихорадочно неистовые и в то же время тоскливые.

— Какой симпатичный юноша, — произнесла Гретхен.

— Посмотрим, каким он станет, когда вы уедете, — пробормотал Билли.

— Ну, тебе пора отправляться обедать, — сказал Уилли.

Гретхен видела, как ему не терпится выпить. В продолжение всего утра он был безупречным отцом и на всем пути из Нью-Йорка не сделал ни единой попытки остановиться у какой-нибудь придорожной закуской. Что ж, он заслужил свой мартини.

— Мы проводим тебя до столовой, — проговорила Гретхен.

К горлу у нее подкатился комок, но она не имела права расплакаться перед Билли. Обведя рассеянным взглядом комнату, она заметила:

— Если вы с этим Фурнье постараетесь хоть немного украсить ваше жилище — например цветами, репродукциями на стенах, нарядными занавесками,— то у вас здесь может стать очень уютно. А какой чудесный вид из окна!

И она стремительно вышла в коридор.

Они отправились через газон к главному зданию, куда уже стекались школьники. Не доходя несколько шагов до входа, Гретхен остановилась. Наступило время прощаться, и она не хотела, чтобы это сцена происходила среди толпы родителей и их сыновей.

— Давайте попрощаемся здесь,— сказала она.

Билли обнял ее и небрежно поцеловал. Она попыталась улыбнуться. Затем он пожал руку отцу.

— Спасибо, что сделали из-за меня весь этот долгий путь,— сказал он обоим, затем повернулся и — в глазах ни слезинки — неторопливо направился к ступенькам крыльца, влившись в поток других мальчишек,— худенькая, долговязая, детская фигурка, безвозвратно ушедшая из-под материнской опеки, чтобы присоединиться к братству полумальчиков-полумужчин, до которых теперь только из далекого прошлого будут доноситься материнские голоса, когда-то утешавшие, баюкавшие и журившие их.

Для других такой же, как все, но для Гретхен единственный и родной, Билли уходил от нее мимо белых колонн, сквозь широко открытые двери в новую жизнь. Гретхен смотрела ему вслед сквозь пелену выступивших на глазах слез. Уилли обнял ее за плечи, и, благодарные друг другу за поддержку, они молча пошли к машине. Описав дугу по огибающей школьную территорию подъездной аллее, Уилли выбрался на обсаженную деревьями, тенистую улицу и поехал вдоль школьных спортивных площадок, пока что пустых: бейсбольное поле — без бейсболистов, ворота футбольного поля — без вратарей, беговые дорожки — без бегунов.

Она сидела на переднем сиденье рядом с Уилли, глядя прямо перед собой. И вдруг услышала, как от него начали исходить какие-то странные звуки. Затем он резко остановил машину под деревом, и она, взглянув на него, увидела, что он, не в силах справиться с собой, судорожно рыдает. Она тоже не могла больше сдерживаться и, порывисто обхватив его руками и крепко прижавшись к нему, дала волю слезам. Так они и сидели, обнимая друг друга и изливая в рыданиях всю накопившуюся в них боль и печаль. Они оплакивали все сразу — и покинувшего их Билли, и лежащую перед ним жизнь, и Роберта Силитоу-младшего, и самих себя, и свою любовь, и миссис Эбботт, и миссис Берк, и выпитое за все эти годы виски, и совершенные каждым ошибки, и свою прежнюю, далеко не безгрешную жизнь.

— Не обращайтесь на меня внимания,— говорила Рудольфу обвешанная фотоаппаратами девушка, когда Гретхен и Джонни Хит, выйдя из машины, приблизились к тому месту, где под огромным плакатом с надписью КОЛДЕРВУД на фоне сентябрьского неба стоял Рудольф. В этот день открывался новый торговый центр на северной окраине Порт-Филипа — Гретхен прекрасно знала этот район: через него проходила дорога к поместью Бойлана.

Гретхен и Джонни не успели на саму церемонию открытия, потому что Джонни не смог уйти из своей конторы раньше обеденного перерыва. Джонни чувствовал себя виноватым перед Гретхен — как за это, так и за разговор в ресторане двумя днями ранее и, пока они ехали на место события, всячески старался загладить перед ней свою вину, так что в конце концов между ними снова восстановились дружеские отношения. Говорил в основном Джонни, но не о себе и не о Гретхен; все время, пока они ехали, он с восхищением объяснял ей, каким образом Рудольфу удалось превратиться в преуспевающего менеджера и предпринимателя. По словам Джонни, Рудольф разбирался в сложной механике современного предпринимательства намного лучше, чем любые другие бизнесмены его возраста, которые когда-либо встречались Джонни за всю его карьеру. Но когда Джонни попытался объяснить ей, в чем именно заключалась гениальность хода, с помощью которого Рудольфу удалось в прошлом году уговорить Колдервуда купить фирму, понесшую за последние три года убытки в два миллиона долларов, она вынуждена была признаться, что это осталось за пределами ее понимания, так что она принимает мнение Джонни о гениальности брата на веру.

Когда Гретхен и Джонни подошли к Рудольфу — он в этот момент что-то записывал в своем рабочем блокноте,— девушка-фотограф, присев в нескольких шагах от него, снимала его из нижней позиции, с тем чтобы он оказался на фоне плаката с именем Колдервуда. Увидев сестру и друга, Рудольф широко улыбнулся и шагнул им навстречу. Этот человек, ворочающий миллионами, жонглирующий, как фокусник, котировками акций на фондовой бирже, в точности знающий, в какие кажущиеся убыточными предприятия вкладывать деньги, с тем чтобы получить в дальнейшем максимальные прибыли, был в глазах Гретхен просто братом, загорелым, красивым молодым человеком в отлично сшитом, хотя и скромном на вид костюме. Гретхен в который уже раз поразились тому, насколько они разные — Рудольф и ее муж Колин. Из того, что говорил ей Джонни, она могла прийти к заключению, что Рудольф во много раз богаче Колина и что Колину даже не снилась та реальная власть над огромным числом людей, которую сосредоточил в своих руках

Рудольф,— но при всем этом Колина никто, включая его родную мать, не смог бы упрекнуть в излишней скромности. Он выделялся в любой компании, держался самоуверенно и заносчиво, легко наживая себе врагов. Рудольф же, в каком бы обществе ни оказался, старался не выпячивать свое «я». Своей мягкостью обращения и доброжелательностью он легко приобретал друзей.

— Прекрасно! — восклицала присевшая на корточки девушка-фотограф, делая один снимок за другим.— Просто великолепно!

— Позвольте вам представить,— сказал, обращаясь к девушке, Рудольф,— мою сестру миссис Берк и моего коллегу мистера Хита. Гретхен, познакомься с мисс... э-э-э... с мисс...

— Мисс Прескотт,— подсказала ему девушка.— Можно просто Джин. Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания.

И девушка, застенчиво улыбувшись, выпрямилась. Она была небольшого роста, с прямыми, длинными, каштановыми волосами, собранными в узел на затылке. Все лицо в веснушках, никакой косметики. Несмотря на висевшие на ней три фотоаппарата и перекинутую через плечо тяжелую сумку с пленками, двигалась она легко и свободно.

— Пойдемте,— сказал им Рудольф.— Я вам покажу наш центр. Если нам встретится мистер Колдервуд, прошу не скупиться на восхищенные возгласы.

Рудольфа все останавливали, пожимали ему руки, поздравляли, восхищенно говорили, что он сделал для города огромное дело. Он улыбался в ответ и скромно бормотал: «Очень рад, что вам здесь понравилось», при этом поражал их всех, да и Гретхен с Хитом, тем, что называл каждого по имени. Мисс Прескотт все это время неумоимо щелкала фотоаппаратом.

Среди собравшейся на церемонию публики Гретхен не увидела ни единой своей соученицы, никого из своих сотрудников по заводу Бойлана. Зато порадоваться триумфу своего бывшего товарища пришли чуть ли не все соученики Рудольфа. Некоторые поздравляли его от всей души, некоторые — с известной долей зависти. По странной прихоти времени, многие из тех, кто подходил к Рудольфу,— солидные, плотные мужчины с женами и детьми («Помнишь меня? Я Ларри Уолтерз. Мы с тобой учились в параллельных классах»),— казались намного старше, грузнее и степеннее, чем их неженатый соученик. Благодаря успеху он принадлежал к другому поколению — поколению более гибких, подвижных и элегантных людей. Гретхен подумала, что и Колин казался гораздо моложе, чем был на самом деле. *Неувядающая юность победителей.*

— Впечатление, что здесь собрался весь город,— сказала Гретхен.

— А так оно почти и есть,— отозвался Рудольф.— Мне даже сказали, что явился и Тедди Бойлан, так что мы можем в любой

момент на него наткнуться.— И Рудольф бросил на сестру внимательный взгляд.

— Тедди Бойлан,— безжизненным голосом повторила она.— Неужели он еще жив?

— По крайней мере так говорят,— ответил Рудольф.— Я его тоже сто лет не видел.

Некоторое время они шли молча, чувствуя себя так, будто между ними пробежала черная кошка.

— Подожди меня здесь пару минут,— сказал ей Рудольф.— Хочу переболтать с дирижером пару словечек. Что-то мало они играют старых, известных мелодий.

— Ему нравится, когда все находится под его личным контролем,— заметила Гретхен, обращаясь к Джонни и глядя, как Рудольф идет к возвышению для оркестра в сопровождении все той же мисс Прескотт.

Когда Рудольф снова подошел к ним, оркестр уже играл «И к нам теперь вернулось счастье». Рядом с ним шли двое — стройная, хорошенькая блондинка в шуршащем льняном белом платье и плотный, лысеющий мужчина, на вид несколько старше Рудольфа. На мужчине был слегка помятый летний костюм в полоску, его лоб покрывали бусинки пота. Гретхен показалось, что она его где-то видела, но где и когда, не могла сразу вспомнить.

— Знакомься, Гретхен, это Вирджиния Колдервуд, младшая дочь моего босса,— представил Рудольф девушку.— Я ей много о тебе рассказывал.

Мисс Колдервуд улыбнулась и застенчиво пробормотала:

— И правда, миссис Берк,— он говорит о вас очень часто.

— Надеюсь, Гретхен, ты помнишь мистера Брэдфорда Найта? — продолжал Рудольф.

— Я вам напомним,— сказал, улыбнувшись, Брэдфорд.— Я тот самый, кто выпил у вас все вино на той вечеринке в Нью-Йорке, когда мы праздновали окончание колледжа.

Стоило ему лишь заговорить, как она его отчетливо вспомнила, этого сержанта в отставке с оклахомским акцентом, увивавшегося за девушками в ее квартире в Гринич-Виллидже. Свой акцент он, судя по всему, во многом утратил, и это пошло ему только на пользу, но вместе с ним он потерял почти все свои волосы, а это явно не пошло на пользу его внешности. Она вспомнила также, что несколько лет назад Рудольф уговорил его переехать в Уитби и стал натаскивать его, готовя к должности помощника управляющего. Рудольфу Брэдфорд Найт очень нравился — она сейчас вспомнила и об этом,— но что особенно она в нем видит, для нее оставалось загадкой. Правда, он утверждал, что Брэд — неглупый и проницательный человек, несмотря на эту свою простецкую внешность, и что он умеет прекрасно ладить

с людьми, будучи при этом пунктуальным, добросовестным исполнителем, и у Гретхен не было оснований ему не верить.

— Конечно, я помню вас, Брэд,— сказала она.— Рудольф говорит, что вы просто незаменимы.

— Вы заставляете меня краснеть, мэм,— и Брэд с притворной застенчивостью потупил глаза.

— Думаю, все мы в той или иной степени незаменимы,— с философским видом изрек Рудольф.

— Нет, далеко не все,— порывисто промолвила девушка. Она говорила с очень серьезным видом, не отводя от Рудольфа глаз, и Гретхен нетрудно было угадать выражение ее взгляда.

Все рассмеялись, кроме самой девушки. «Бедное дитя,— подумала Гретхен,— не на того она направляет эти свои влюбленные взгляды».

— А где, интересно, твой отец? — спросил Рудольф.— Я хотел бы представить ему сестру.

— Он ушел домой,— ответила девушка.— Ему не понравилась речь, которую произнес мэр, потому что тот говорил в основном о тебе, а о нем упомянул всего пару раз.

— Но это естественно,— проговорил Рудольф легким, шутливым тоном.— Ведь как-никак я родился в этом городе, и мэру, естественно, хочется дать всем понять, что это в первую очередь *его* заслуга.

— А еще ему не понравилось, что *она*,— и девушка мотнула головой в сторону мисс Прескотт, которая, отойдя на несколько шагов, собиралась в этот момент снять всю их группу,— фотографирует почти только одного тебя.

— Ревность здесь неуместна,— заметил Джонни Хит.— Он скоро это поймет и успокоится.

— О, вы не знаете моего отца,— сказала девушка и, снова повернувшись к Рудольфу, добавила: — Тебе бы лучше позвонить ему как можно скорее и постараться успокоить его.

— Позвоню ему попозже,— небрежно произнес Рудольф.— Если, конечно, найдется время. Послушайте, через часок мы соберались обмыть это дело. Может быть, и вы с Брэдом составите нам компанию?

— Мне нельзя появляться в барах,— ответила Вирджиния.— И ты хорошо это знаешь.

— Ладно,— кивнул Рудольф.— Тогда вместо этого предлагаю пообедать... Брэд, пройди-ка по всему торговому центру и посмотри, все ли в порядке. Ну а под занавес молодежь, конечно, захочет потанцевать. Проследи, чтобы они прилично себя вели и не очень сорили — но делай это вежливо и прилично. Впрочем, ты и сам все прекрасно знаешь.

— Я бы предпочел, чтобы они танцевали одни менуэты,— объявил Найт.— Пойдем, Вирджиния, я угощу тебя апельсиновым соком — естественно за счет твоего отца.

Хотя девушка и позволила ему увести себя, но ей явно хотелось остаться.

— Да-а, он явно не мужчина ее мечты,— проговорила Гретхен, когда они с Рудольфом и Джонни двинулись дальше.— Неужели он этого не видит?

— Только не вздумай говорить это Брэду,— предостерег ее Рудольф.— Он ведь задумал жениться на ней и, став таким образом членом семьи, хочет основать целую империю.

— А она очень милая девушка,— сказала Гретхен.

— Да, пожалуй,— согласился Рудольф.— Особенно если учесть, что она дочь босса.

В этот момент Рудольфа остановила какая-то крупная, грузная дама — сильно нарумяненная, с густыми тенями на веках, в напоминающей тюрбан шляпе, делавшей ее похожей на киногероиню двадцатых годов — и, подмигнув ему и состроив кокетливую гримаску, проговорила высоким, тоненьким голоском, изображая из себя маленькую девочку:

— *Eh bien, mon cher Rudolph, tu parles français toujours bien?*

Рудольф отвесил даме поклон — этого от него требовал тюрбан дамы — и вежливо отступил:

— *Bonjour, M-lle. Lenaut, je suis très content de vous voir*^{**}. Позвольте вам представить мою сестру миссис Берк и моего друга мистера Хита.

— Рудольф был моим самым способным учеником за все те годы, что я преподаю в школе французский,— проговорила мисс Лено, жеманно закатывая глаза.— Я с самого начала была уверена, что его ждет великое будущее. Это было видно по всему, что он делал,— а главное, по тому, *как* он это делал.

— Вы слишком ко мне добры,— учтиво проговорил Рудольф, и они пошли дальше. Ухмыльнувшись, Рудольф совсем иным тоном сказал: — В школе я писал ей любовные письма, но, слава Богу, не отсылал их. Закончилось тем, что отец вклеил ей пощечину и назвал ее французской сучкой.

— Первый раз слышу об этом,— удивленно произнесла Гретхен.

— А ты много о чем не слышала.

— Как-нибудь вечером мы с тобой усядемся рядышком,— сказала она,— и ты мне расскажешь полную историю Джордахов, хорошо?

* *Eh bien ... toujours bien?* (фр.) — Ну и как, мой дорогой Рудольф, ты говоришь по-французски все так же хорошо?

** *Bonjour ... vous voir* (фр.) — Добрый день, мадемуазель Лено, я очень рад вас видеть.

— Ладно, договорились — как-нибудь вечером,— ответил Рудольф.

— Представляю, до чего приятно возвратиться в родной город в такой день, как этот,— медленно проговорил Джонни.

Рудольф на секунду задумался и небрежно проговорил:

— Я бы этого не сказал. Для меня это просто еще один город. Давайте-ка глянем, что у нас выставлено на продажу.

И он повел их на экскурсию по магазинам торгового центра. Гретхен по своей природе была ненасытной покупательницей и любила приобретать красивые вещи (Колин называл эту ее жажду к приобретательству *патологически гипертрофированным хватательным инстинктом*), а потому гигантский конгломерат дешевых товаров, выставленных в торговом центре Колдервуда на продажу, этот бесконечный поток *предметов*, выливаемых фабриками и заводами Америки на прилавки магазинов, действовал на нее удручающе.

Ибо такие вещи не могут украсить дом, не могут сделать его теплым и уютным; это действительно *предметы*, а не произведения искусства; безликие и стандартные предметы, миллионами производимые бездушными конвейерами, а не людьми. Здесь, в этом новом торговом центре, было сосредоточено все то, что символизировало наш механический век, а Гретхен двадцатый век не любила. И собрано все это было внутри белых, нарочито провинциальных по архитектуре зданий, призванных своим внешним видом привлекать покупателей таких маленьких городов, как Порт-Филип. Но самое печальное заключалось в том, что за всем этим стояла фигура ее брата, которого она любит и которым привыкла восхищаться. Водя их по своему детищу, он с величайшей гордостью, неубедительно выдаваемой за скромность, обозревал это материальное воплощение своей предприимчивости и изобретательности. Когда он будет рассказывать ей историю Джордахов, одну из ее глав она прибережет для себя в своей интерпретации.

После магазинов Рудольф повел их в театр. Вечером в новом театре должна была выступать гастролирующая труппа из Нью-Йорка, и, когда они вошли в зрительный зал, там уже шла генеральная репетиция. При оформлении зала вкусы старика Колдервуда не были решающим фактором. Тускло-розовый цвет стен и темно-красный плюш кресел смягчали строгий, чуть ли не пуританский интерьер. Судя по той легкости, с которой режиссер добивался необходимых в ходе спектакля световых эффектов (ему помогала целая армия осветителей), а также по удачным декорациям и возможности использовать вращающуюся сцену, на техническое оснащение театра не пожалели денег. Глядя на все это, Гретхен впервые за многие годы почувствовала острое сожаление, что оставила сцену.

— Театр просто чудесный, Руди,— сказала она.

— Мне хотелось показать тебе хотя бы *одну* вещь, которая заслужила бы твое одобрение,— ровным голосом проговорил он.

Гретхен мягко коснулась его руки, как бы прося прощения за то критическое (хоть и не высказанное вслух) отношение, которое вызвали у нее другие его свершения.

— Мы хотим открыть такие театры в шести провинциальных городах, подобных Порт-Филипу,— сказал он.— И тогда мы получим возможность ставить свои собственные спектакли и показывать их как минимум по две недели в каждом из этих городов. А это значит, что любой из этих спектаклей будет держаться на сцене по меньшей мере три месяца, причем мы ни от кого не будем зависеть. И я подумал: если у Колина возникнет желание поставить у нас какую-нибудь пьесу по его выбору, то...

— Уверена, что на такой сцене, как эта, он работал бы с удовольствием,— не дала ему закончить Гретхен.— Он всегда ворчит по поводу этих старых сараев на Бродвее. Я обязательно привезу его сюда, когда он придет в Нью-Йорк. Хотя, может быть, это и не такая уж блестящая мысль...

— Почему? — удивился Рудольф.

— Потому что, как правило, он ужасно ругается с людьми, на которых работает.

— Со мной он не будет ругаться,— уверил ее Рудольф (они с Берком понравились друг другу в первую же свою встречу).— К творческим личностям и вообще к людям искусства я всегда относился с величайшим уважением... Ну а теперь нам надо чего-нибудь выпить.

— Боюсь, мне придется отказаться от твоего предложения.— Гретхен взглянула на часы.— В восемь позвонит Колин и страшно будет злиться, если меня не окажется в отеле. Джонни, ты не против, если мы поедem прямо сейчас?

— К вашим услугам, мэм,— галантно ответил тот.

Гретхен склонилась к Рудольфу и поцеловала его на прощанье, на мгновение залюбовавшись этим красивым, родным лицом, освещаемым теплым светом со сцены. Когда она выходила из зала, до нее все еще доносилось шелканье фотоаппарата мисс Прескотт, хорошенькой, неутомимой, неотвязной представительницы репортерской профессии.

Направляясь к машине, они с Джонни проходили мимо бара, в который приглашал их Рудольф. Она бросила через окно рассеянный взгляд, и вдруг увидела в баре знакомое лицо, склонившееся над стаканом у стойки, и с облегчением подумала: «Слава Богу, что мы туда не пошли!», ибо это был Тедди Бойлан. Даже спустя пятнадцать лет после их последней встречи она почувствовала, что он по-прежнему способен нарушить ее душевное

равновесие, а она не хотела, чтобы ее душевное равновесие было нарушено.

Когда она открывала дверь своего номера, там всюю трезвонил телефон. Она подбежала к столу и поспешно схватила трубку. Звонили из Калифорнии, но это был не Колин. Это был директор студии, и он звонил, чтобы сообщить ей, что в час дня в автомобильной катастрофе погиб Колин. Ее мужа не было в живых уже полдня, а она ничего не знала об этом...

Она сдавленным голосом поблагодарила директора студии за невнятные слова соболезнования, повесила трубку и сидела, не зажигая света, бесконечно долгое время.

Глава 2

1960 год

Звук гонга возвестил о начале последнего раунда тренировочного матча. «Старайся почаще загонять его в угол, Томми», — напутствовал его Шульц. Боксер, с которым Куэйлзу предстояло встретиться через пять дней, был известен тем, что стремился загонять противников в угол, и Томас должен был имитировать его стиль. Но Куэйлза не так-то легко было загнать в угол или прижать к канатам. Он стремительно, словно танцующий, перемещался по всему рингу и, молниеносно работая руками, быстрый и неуловимый, наносил короткие, точные удары. Он никогда и никому не наносил серьезных травм, зато отличался увертливостью и профессионализмом. Предстоящий матч должны были показывать по телевидению на всю страну, и за участие в нем Куэйлз получал двадцать тысяч, тогда как Томасу, его спарринг-партнеру, причиталось всего лишь шестьсот долларов. Ему собирались заплатить даже меньше, но Шульц, будучи менеджером обоих боксеров (по крайней мере официально), сумел выжать из организаторов матча шестьсот. Встречу негласно финансировала мафия, а эти парни не привыкли заниматься благотворительностью.

Тренировочный ринг устроили на сцене в театре, и публика, пришедшая посмотреть матч, расположилась на местах оркестрантов. Болельщики нарядились в яркие лас-вегасские рубашки и канареечно-желтые брюки. Томас чувствовал себя на сцене скорее актером, чем боксером.

Со злого, плоского лица в защитном кожаном шлеме на Томаса взирали холодные, бесцветные глаза Куэйлза. На губах Ку-

эйлза, когда он тренировался с Томасом, всегда играла глумливая ухмылка, как если бы само присутствие Томаса на одном с ним ринге было величайшей нелепостью. Он никогда не разговаривал с Томасом, даже не здоровался с ним, хотя оба они, в сущности, ничем не отличались по своему социальному положению. Томаса утешало лишь то, что он регулярно спал с женой Куэйлза и собирался в один прекрасный день рассказать тому об этом.

Куэйлз, танцую на пружинистых ногах, то приближался вплотную к Томасу, то отскакивал от него, нанося при этом острые, частые удары и легко увертываясь от хуков Томаса. Он явно рисовался перед публикой, позволяя Томасу на секунду загонять себя в угол, чтобы затем, ловко уклонившись от размашистого свинга и не дав противнику даже коснуться себя, снова вырваться на середину ринга и продолжать дразнить Томаса, как кошка мышь.

Спарринг-партнерам не полагается наносить травмы основным участникам боксерских состязаний, но шел последний раунд тренировочного матча, поэтому Томас, не думая о последствиях, упорно наступал, стараясь нанести хотя бы один стоящий удар и усадить сукина сына на пол. Куэйлз прекрасно видел, чего добивается Томас, и улыбка его стала еще более издевательской. Он резко уходил в сторону, отбивал удары Томаса еще в воздухе, не давая им достигнуть цели. К концу раунда он даже не вспотел и на теле его не было ни единого следа от удара, хотя Томас все эти две минуты упорно пытался его достать.

— Ты должен был бы платить мне за уроки бокса, ты, олух несчастный, — презрительно проговорил Куэйлз, когда прозвучал гонг.

— Надеюсь, в пятницу тебя прикончат, ты, фраер дешевый, — ответил ему Томас, затем перелез через канаты и пошел в душевую, а Куэйлз еще попрыгал через скакалку, сделал несколько гимнастических упражнений и поработал с легким тренировочным мешком. Он никогда не уставал, этот ублюдок, работал как одержимый, и, судя по всему, его в конце концов ждал титул чемпиона в среднем весе и миллион баксов на счете в банке.

Когда Томас вернулся после душа на сцену (кожа у него на лице, в тех местах на скулах, куда угодили удары Куэйлза, сильно покраснела), Куэйлз все еще продолжал красоваться перед публикой, делая эффектные выпады и нанося удары по воображаемому противнику под одобрительные крики своих разряженных, как клоуны, болельщиков.

Получив от Шульца конверт с пятьюдесятью долларами за два раунда, Томас протиснулся сквозь толпу и вышел на раскаленную лас-вегасскую улицу. После прохлады оборудованного кондиционерами театра жара казалась какой-то искусственной и аг-

рессивно злобной, словно какой-то маньяк-ученый решил уничтожить город самым мучительным способом — поджарив на сковородке нещадно жаркого солнца.

После тренировки Томасу страшно хотелось пить, и, перейдя через пылающую жарой улицу, он вошел в один из больших отелей, которыми изобилует этот район. В вестибюле царил прохладный полумрак. Дорогие проститутки прохаживались в ожидании клиентов, пожилые дамы бросали в игорные автоматы монеты. Миновав столы, за которыми играли в рулетку и кости, он прошел к стойке бара. В этом вшивом городе у всех были кучи денег. Он единственное исключение. За эти две недели в Лас-Вегасе он продул в кости более пятисот долларов — почти все, что он здесь заработал.

Он пощупал в кармане конверт с полусотней, которую дал ему Шульц, и его снова стал одолевать соблазн бросить кости. Но он поборол побуждение и заказал кружку пива. Вес у него сейчас в норме, да и Шульца нет рядом с ним, иначе стал бы орать на него: «Сколько тебе говорить — не пей пива. Хочешь, чтоб тебя разнесло, как бочку?!» Впрочем, Шульцу сейчас наплевать, соблюдает он режим или нет: с тех пор, как появился Куэйлз, верный претендент на чемпионский титул, Томас менеджера уже мало интересовал.

Выпив вторую кружку пива, Томас расплатился с барменом, встал из-за стойки и направился к выходу, но по пути решил задержаться на пару минут, чтобы понаблюдать за игрой в кости. Перед сидевшим во главе стола типом с внешностью провинциального гробовщика высилась целая гора фишек. Игра шла покрупному. Томас вынул из кармана конверт с деньгами и купил у гробовщика несколько фишек. Через десять минут от его полусотни осталась всего лишь десятка, и у него хватило здравого смысла на этом остановиться.

До гостиницы, где он жил, его подбросил один из постояльцев отеля, который как раз направлялся в ту часть города. Постояльца уговорил, по его просьбе, швейцар — Томас не мог себе позволить тратиться на такси. Гостиница была одной из самых дешевых в городе — грязной и обшарпанной. Внизу стояло несколько игровых автоматов и один стол для игры в кости. Куэйлз же поселился в фешенебельном отеле «Сэндз», где всегда останавливаются кинозвезды. Поселился со своей женой, которая целыми днями загорала у бассейна, вливая в себя невероятное количество пунша «плантер». Но она почти каждый день улучала полчаса, чтобы съездить в гостиницу к Томасу и предаться с ним любовным утехам. «У меня страстная натура, — объясняла она Томасу, — а Куэйлз спит один, в отдельной комнате, потому что он серьезный боксер и ему предстоит ответственный матч».

Томас больше не был серьезным боксером, и ему не предстояли ответственные матчи, так что он мог заниматься чем угодно и с кем угодно. Эта дамочка была хороша в постели, так что Томас не жалел, что связался с ней.

В гостинице его ждало письмо от Терезы, но он даже не стал его распечатывать. Он и так знал содержание — очередное требование выслать деньги. Тереза теперь работала гардеробщицей в ночном клубе. Кроме того, она торговала там сигаретами и прочей мелочью и неплохо зарабатывала, особенно за счет чаевых, которые ей щедро давали за то, что она виляла своей аппетитной задницей и демонстрировала свои соблазнительные ножки, надевая рискованно короткие юбки — конечно, в пределах, допускаемых законом штата. Но, несмотря на то, что у нее появились свои собственные деньги, она продолжала выжимать из него все, что он зарабатывал. А в клуб она пошла потому, что, по ее словам, ей осточертело сидеть с утра до вечера в четырех стенах с ребенком, в то время как он, ее муженек, колесит по всей стране и вообще мало бывает дома; она тоже хочет сделать себе карьеру. В ее представлении продажа сигарет в ночном клубе была блестящей карьерой — чем-то сродни шоу-бизнесу. Сына она спланировала своей сестре в Бронкс и, даже когда Томас бывал в Нью-Йорке, возвращалась домой в пять — шесть утра с сумочкой, набитой двадцатками. Бог знает, каким образом она их зарабатывала. Томаса это больше не волновало.

Он поднялся к себе в номер и лег на кровать. Сидеть безвылазно в номере — лучший способ экономить деньги, особенно в таком месте, как Лас-Вегас. Ему нужно было сообразить, как на десять баксов дотянуть до следующей пятницы. Кожа на скулах саднила от недавних ударов Куэйлза. От кондиционера в комнате не было ни малейшего проку, и Томас неподвижно лежал, дыша как рыба, выброшенная на берег, и обливаясь потом.

Он закрыл глаза и заснул тяжелым, беспокойным сном. Ему снилась Франция. Там он провел лучшие дни своей жизни и часто видел себя в снах снова на берегу Средиземного моря. Но это было уже почти пять лет назад, и сновидения о том времени постепенно утрачивали свою яркость.

Когда он проснулся, увиденные во сне картины — лазурное море и белые коттеджи на берегу — еще несколько минут стояли перед его глазами, а когда растаяли, он снова оказался в убогом, с потрескавшимися стенами номере захудалой гостиницы в Лас-Вегасе.

На Côte d'Azur* он приехал после победы на матче в Лондоне. Победа была легкой, и следующая серия матчей, о которых до-

* Côte d'Azur (фр.) — Лазурный берег.

говорился Шульц, должна была состояться в Париже через месяц, так что возвращаться в Нью-Йорк не имело смысла. Том подцепил в Лондоне лихую девчонку, которая сказала, что знает отличный укромный отель в Канне, а, так как после победы Томас купался в деньгах и возомнил, будто ему теперь ничего не стоит уложить любого боксера в Европе одной рукой, он покати́л с ней на уик-энд в Канн. Уик-энд растянулся на десять дней. Шульц посылал в Канн одну за другой отчаянные телеграммы, но Томас продолжал валяться на пляже, много ел — две обильные трапезы в день, — пристрастился к *vin rosé** и в результате прибавил восемь килограммов в весе. Когда он наконец добрался до Парижа, ему едва разрешили выступать в среднем весе, и французский боксер чуть не убил его на ринге. Впервые в жизни Томас был нокаутирован, и его больше никто не приглашал выступать в Европе. Почти все деньги, полученные за предыдущий матч, он просадил на лихую англичанку, которая, помимо своих прочих достоинств, отличалась большой любовью к драгоценностям, и, когда они с Шульцем летели в Нью-Йорк, тот с ним даже не разговаривал.

Француз как бы вынул из Томаса его боксерскую душу, и никто уже не писал в газетах о Томасе как о будущем чемпионе в среднем весе. Паузы между матчами становились все продолжительнее, а платили за каждый бой все меньше. Иногда ему даже приходилось брать деньги у Терезы, и с некоторых пор она перестала подпускать его к себе как к женщине. Если бы не ребенок, он ушел бы от нее не раздумывая.

Лежа на измятой постели в этой невыносимо жаркой лас-вегасской комнате, он предавался невеселым размышлениям о своей жизни, и на память ему пришли слова, сказанные братом в тот день, когда они встретились в отеле «Уорик». Если Рудольф следил все это время за его карьерой, то теперь, небось, говорит их высокомерной сестрице: «Я ведь предупреждал его, что именно так все и закончится».

А, пусть катится братец ко всем чертям!

Кто знает, может, в следующую пятницу у него снова проснется прежний задор, и он одержит-таки победу. Вокруг него снова начнут увиваться болельщики, и он снова вернется в большой спорт. Такое ведь бывало с многими боксерами, причем гораздо старше его. Взять, к примеру, Джимми Брэдока, который опустился до поденщика в спорте, а потом неожиданно побил Макса Баера — боксера тяжелого веса, не раз выступавшего на чемпионатах мира. Просто Шульцу надо выбирать для него подходящих соперников, чтобы ему не приходилось иметь дело

* *Vin rosé* (фр.) — розовое вино.

с «танцорами» вроде Куэйлза. Ему нужны соперники, которые приходят на ринг драться, а не красоваться. Надо будет серьезно поговорить с Шульцем. И не только об этом... У кого бы разжиться деньгами до пятницы, чтобы хоть не помереть с голоду в этом проклятом Лас-Вегасе?

Две-три хорошие победы, и он забудет об этом черном периоде в своей жизни. Две-три хорошие победы, и его снова пригласят в Париж. Как знать, может, он опять окажется на Côte d'Azur, будет сидеть за столиком в уютном кафе на открытом воздухе и, глядя на мачты пришвартованных в бухте яхт, попивать *vin rosé*? А если ему повезет и у него будет достаточно денег, он даже сможет арендовать одну из них и плавать в свое удовольствие вдоль Лазурного берега, подальше от людской суеты. Да, два-три боя в год, и он сможет жить вполне безбедно.

От этих мыслей настроение у Томаса немного повысилось, и он уже собрался было спуститься вниз и на последние десять долларов сыграть в кости, как вдруг зазвонил телефон.

Это была Кора, жена Куэйлза. Истерически рыдая, она визжала в трубку, так что у Томаса звенело в ушах.

— Ему все известно! Абсолютно все! — иступленно кричала она. — Нас выдал какой-то мерзавец коридорный. И муж чуть не убил меня. Кажется, сломал мне нос. Изувечил лицо на всю жизнь...

— Послушай, сбавь обороты, — остановил ее Томас. — Что конкретно ему известно?

— Ты сам знаешь что. И он уже едет к тебе.

— погоди-ка минутку. Ты призналась ему в чем-нибудь?

— Ты что, принимаешь меня за дуру? — взвизгнула Кора. — Конечно, я все отрицала. Тогда он закатил мне пощечину, и сейчас я вся залита кровью. Не пойму, каким образом, но этот подонек коридорный в твоей гостинице подсматривал за нами. Телескоп у него был, что ли? Так вот, тебе нужно убираться из этого города. Не теряй ни минуты. Я же тебе говорю, он едет в твою гостиницу. Один только Бог знает, что он сделает с тобой, а потом и со мной! Только я не собираюсь ждать! Я сейчас же еду в аэропорт. Даже не буду укладывать вещи. Советую тебе сделать то же самое. Но если мы там встретимся, учти, ты не должен подходить ко мне. Ты его плохо знаешь. Он настоящий убийца! Так что быстренько одевайся и уноси ноги. Прямо сейчас!

Томас, не дослушав ее отчаянных воплей, бросил трубку. Потом посмотрел на свой чемоданчик в углу комнаты, встал и, пойдя к окну, посмотрел сквозь жалюзи на улицу. В это время дня, в четыре часа, когда зной становился особенно нестерпимым, на улице обычно не было ни души. Куэйлз пока что не появился. Томас подошел к двери и удостоверился, что она не за-

перта. Затем перенес один-единственный стул, который был в комнате, в угол. Он не хотел, чтобы вскочив в комнату, в первом напоре, Куэйлз сшиб бы его с ног и послал спиной на этот злосчастный стул.

Он сидел на кровати и ждал. По лицу его бродила чуть заметная улыбка. Он никогда не уклонялся от драк, и от этой уклоняться тоже не станет. Напротив, она доставит ему самое большое удовольствие за всю его боксерскую жизнь. Уж маленький гостиничный номер никак не позволит Куэйлзу плясать и увертываться от ударов.

Затем он снова встал и, подойдя к шкафу, достал оттуда кожаную куртку и надел ее, застегнув молнию до верха и подняв воротник, чтобы защитить горло. После этого опять сел на край кровати и снова стал терпеливо ждать, положив локти на ноги и слегка сгорбившись. Вскоре он услышал, как перед гостиницей завизжали тормоза и хлопнула дверца машины, но даже не шелохнулся. Через минуту в коридоре раздались шаги, затем распахнулась дверь, и в комнату вошел Куэйлз, но не стал проходить, а остановился в дверях.

— Привет, — сказал Томас и медленно встал с кровати.

Тогда Куэйлз закрыл за собой дверь и повернул в замке ключ.

— Мне все известно, Джордах, — зловеще проговорил он.

— Что именно? — благодушно спросил Томас, не сводя взгляда с ног Куэйлза, чтобы не быть застигнутым врасплох.

— Насчет тебя и моей жены.

— А, ты про это... — небрежно произнес Томас. — Да, я действительно трахаюсь с Корой. Разве я не упоминал об этом?

Он был готов к первому выпадку и чуть ли не рассмеялся, когда Куэйлз, этот денди ринга, этот король стильного бокса, вслепую стрельнул в него правой — типичный удар неопытного сопляка. И именно потому, что он этого ожидал, ему с легкостью удалось увернуться от удара и сразу же перейти в ближний бой. Рядом не было рефери, растаскивать их было некому, и Томас избивал Куэйлза со сладостной, давно скапливавшейся в нем яростью. Старый уличный кулачный боец, знающий все нужные трюки, он припер Куэйлза к стене, не давая ему выскользнуть в сторону и, отступив шаг назад, нанес ему жесточайший апперкот в подбородок, а затем снова вступил в ближний бой и избивал его чем только мог, — локтями, коленями, головой, — но при этом не давал ему упасть, а держал прислоненным к стене, схватив левой рукой за горло, а беспощадной правой рукой наносил зверские удары по лицу. Когда он наконец отступил от Куэйлза, тот рухнул на забрызганный кровью ковер и остался лежать там лицом вниз, без сознания.

Только тогда он услышал яростный стук в дверь и голос Шульца из коридора. Он отпер дверь и впустил менеджера. Тот с первого взгляда оценил ситуацию.

— Ты, идиот чертов! — рявкнул Шулец. — Я видел эту его безмозглую бабу, и она мне все рассказала. Думал, успею. Что ж, ты у нас чемпион по дракам в гостиничных комнатухах, Томми! Когда надо было сражаться за бабки, так ты не мог одолеть и дряхлой старухи, а вот за бесплатно ты просто гигант мордобоя! — Он опустился на колени у неподвижного тела Куэйлза, перевернул его, внимательно осмотрел разбитый лоб, затем ладонью провел по подбородку. — Кажется, ты сломал ему челюсть. Придурок, кретин! Да и он тоже хорош! Теперь не сможет выйти на ринг не только в эту пятницу, но и через тридцать пятниц. Коекому это не очень понравится. Точнее сказать, совсем не понравится! Эти ребята вложили в этого дегенерата черт знает сколько бабок. — И Шулец свирепо пнул ногой неподвижное тело Куэйлза. — Представляю, как они обрадуются, когда узнают, в какой мешок дерьма ты его превратил. На твоём месте я рвал бы отсюда когти, не дожидаясь, пока я выволоку из гостиницы этого... этого *олуха царя небесного* и доставлю его в больницу. И не останавливался бы, пока не добрался бы до океана, а там сел бы на первый попавшийся корабль и мотал бы на другой конец света. Если хочешь остаться живым, не возвращайся в Америку как минимум лет десять — двенадцать. И не вздумай лететь самолетом: в первом же месте, где он приземлится, тебя будет ждать делегация — и поверь мне, в руках у них будут не розы.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Томас. — Чтобы я шел пешком? У меня всего только десять долларов.

Шулец с беспокойством взглянул на шевельнувшегося Куэйлза, поднялся с колен и сказал Томасу:

— Давай-ка выйдем в коридор.

Затем вынул ключ из замочной скважины, и, когда они вышли из комнаты, запер за собой дверь.

— Хоть ты и заслужил, чтобы тебя продырявили, как решето, но все-таки мы с тобой столько лет были вместе... — Он нервно огляделся по сторонам, затем, достав из кармана бумажник, вытащил из него несколько банкнот и протянул их Томасу. — На, держи. Это все, что у меня есть. Сто пятьдесят долларов. Возьмешь мою машину. Она внизу, ключ — в замке зажигания. Оставишь ее на автостоянке аэропорта в Рено, а оттуда поедешь автобусом на восток. Я им скажу, что ты украл у меня машину. Ни в коем случае не пытайся связаться с Терезой. За ней будут следить. Я сам ей позвоню. Скажу, что ты в бегах и пусть не ждет от тебя вестей. Старайся не задерживаться ни в одном месте и почаще меняй направление. А лучше всего, если ты вообще рванешь из этой

страны — и подальше. Пока ты в Соединенных Штатах, твоя жизнь и двух центов не стоит.— Шульц сосредоточенно сдвинул брови под покрытым шрамами лбом.— Самый безопасный для тебя выход — это наняться на какой-нибудь корабль. Когда доберешься до Нью-Йорка, зайди в гостиницу «Эгейская». Это на Восемнадцатой западной улице. Там полно греческих матросов. Спроси администратора. У него какое-то длиннющее греческое имя, но все зовут его Паппи. Через него ты сможешь получить работу на каком-нибудь грузовом судне, которое не ходит под американским флагом. Назовешь ему мое имя и скажешь, что я прошу его помочь тебе как можно быстрее выбраться из Америки. Он не будет задавать лишних вопросов. Во время войны, когда я был моряком торгового флота, мне довелось оказать ему одну небольшую услугу. И не считай, что ты умнее всех, а потому не вздумай подзарабатывать боксом, выступая под другой фамилией — ни здесь, ни даже в Европе или Японии. Сам понимаешь, чем это может для тебя закончиться. Запомни, с этой минуты ты просто матрос, и больше никто. Уразумел?

— Да, Шульц,— ответил Томас.

— И чтобы я больше о тебе никогда не слышал. Ясно?

— Ясно,— сказал Томас и шагнул к двери своего номера.

— Куда это ты, интересно, направился? — остановил его Шульц.

— У меня там остался паспорт. Он мне может понадобиться.

— Где он?

— В верхнем ящике комода.

— Жди здесь,— сказал Шульц,— я схожу за ним сам.— Он повернул ключ в замке, вошел в комнату и через минуту вернулся с паспортом.— Вот, бери его и постарайся в будущем думать головой, а не членом. А теперь убирайся. Мне сейчас предстоит заново собирать по частям этого недоумка.

Томас спустился по лестнице в вестибюль, прошел мимо стола для игры в кости и направился к выходу. Регистратор, заметив пятно крови на куртке Томаса, как-то странно на него посмотрел, но Томас, ничего ему не сказав, вышел на улицу. Машина Шульца стояла сразу за «кадиллаком» Куэйлза. Томас сел за руль, включил зажигание и, стараясь ехать не очень быстро, взял курс на главную трассу. Быть остановленным в Лас-Вегасе за превышение скорости не входило в его планы. О куртке с пятном крови он позаботится попозже.

Глава 3

Они договорились встретиться в одиннадцать, но Джин позвонила и предупредила его, что на несколько минут опоздает.

Рудольф ответил, что это не страшно,— все равно ему нужно будет звякнуть в несколько мест. Было субботнее утро. За всю неделю он так и не смог выкроить ни одной свободной минуты, чтобы позвонить сестре, и теперь его мучила совесть. Вернувшись с похорон Колина, он взял за правило звонить ей не реже, чем два-три раза в неделю. Он предложил Гретхен переехать в Нью-Йорк и поселиться в его квартире: он там появлялся нечасто, а это означало, что квартира была бы почти полностью в ее распоряжении (Колдервуд отказывался перевести главную контору в Нью-Йорк, и Рудольф жил на своей нью-йоркской квартире не больше, чем восемь — десять дней в месяц). Но Гретхен решила не уезжать из Калифорнии, по крайней мере в ближайшее время. Колин Берк не оставил завещания — во всяком случае, пока что его не нашли, — и его прежняя жена пыталась завладеть через суд львиной долей принадлежавшего ему недвижимого имущества и при этом выселить Гретхен из дома.

Сейчас в Калифорнии было восемь утра, но Гретхен всегда вставала рано, поэтому Рудольф не боялся своим звонком поднять ее с постели. Заказав междугородный разговор, Рудольф сел за стол в маленькой гостиной и стал разгадывать не законченный за завтраком правый нижний угол кроссворда в последнем номере «Нью-Йорк таймс».

Квартиру он снял мебелированной. Она была безвкусно оформлена в кричаще ярких тонах, и стоящие в гостиной металлические стулья чересчур современного дизайна были не слишком удобны, но как временное жилище она его вполне устраивала. К главным достоинствам квартиры Рудольф относил маленькую, но очень удобную кухню с холодильником, производившим неиссякаемое количество льда. Рудольф любил готовить себе сам и есть в одиночестве, читая за столом. В это утро на завтрак у него были гренки, апельсиновый сок и кофе. Иногда приходила Джин и готовила завтрак на двоих, но сегодня она была с утра занята. Джин никогда не соглашалась оставаться на ночь и никогда не объясняла почему.

Зазвонил телефон. Рудольф поднял трубку, но это был Колдервуд, а не Гретхен. Говорил он старческим, тусклым, гнусавым голосом. Для Колдервуда не существовало такого понятия, как суббота или воскресенье. Исключение составляли лишь те два часа в воскресное утро, которые он проводил на службе в церкви.

— Руди,— сказал он, как обычно не тратя времени на такие пустяки, как «здравствуй» или «доброе утро»,— ты сегодня вечером будешь в Уитби?

— Откровенно говоря, мистер Колдервуд, сегодня я не планировал возвращаться,— ответил Рудольф.— У меня здесь намечены кое-какие дела на выходные, а в понедельник должно состояться важное совещание, так что...

— Мне срочно нужно тебя увидеть,— нетерпеливо проговорил Колдервуд. С годами он становился все более ворчливым и раздражительным. Казалось, его угнетает то, что его богатство неуклонно растет, и он негодует на тех людей, которые делают это возможным. Ему не нравилось, что теперь он уже не может принимать никаких важных решений без финансистов и законоведов в Нью-Йорке.

— Я буду в конторе во вторник утром, мистер Колдервуд,— сказал Рудольф.— Нельзя ли нашу встречу отложить на пару дней?

— Нет, до вторника я ждать не могу. И ты мне нужен не в конторе, а у меня дома.— Голос Колдервуда звучал резко и напряженно.— Жду тебя завтра после ужина, Руди.

— Хорошо, мистер Колдервуд,— сказал Рудольф, и Колдервуд, по обыкновению не попрощавшись, положил трубку.

«Какая досада!» — подумал Рудольф. В воскресенье играла его любимая футбольная команда «Нью-йоркские гиганты», и он купил два билета — для себя и для Джин, а теперь из-за этого Колдервуда он не сможет пойти. Когда Джин училась в Мичиганском университете, она встречалась с парнем, который играл за футбольную команду университета, а потому здорово разбиралась в футболе, и ходить с ней на футбольные матчи было одно удовольствие. Пора бы уже старому Колдервуду уgomониться и оставить его в покое.

Снова зазвонил телефон. Он поднял трубку. Голос телефонистки произнес: «Вызывали Калифорнию? Говорите». «Это ты, Руди?» — спросила Гретхен. После смерти Берка голос ее стал глухим и безжизненным, лишившись характерной для него упругости, свежести и полноты, которые так нравились Рудольфу. Но чувствовалось, что она рада слышать брата, хотя это была вялая радость — так говорят тяжело больные, когда их навещают в больнице.

У нее все в порядке, сказала Гретхен. Она целыми днями разбирает бумаги Колина, отвечает на бесконечные письма с выражением соболезнования и консультируется с юристами по вопросам наследства. Затем она поблагодарила за чек, который Рудольф послал ей на прошлой неделе, и сказала, что, как только тяжба о наследстве будет улажена, полностью возвратит все деньги, переведенные им со дня гибели Колина.

— Даже не заикайся об этом,— сказал Рудольф.— Прошу тебя, не надо мне ничего возвращать.

— Хорошо, что ты позвонил,— продолжала Гретхен, будто и не слышала его последних слов.— Я сама собиралась тебе позвонить. Хочь попросить тебя об одном одолжении.

— О каком? — спросил он, но прежде чем она успела ответить, поспешно проговорил: — Не клади трубку, я сейчас.

Звонил аппарат двусторонней оперативной связи. Рудольф пошел к ящичку на стене возле двери и нажал кнопку. Послышался голос привратника, дежурившего внизу в вестибюле:

— К вам мисс Прескотт, мистер Джордах.

— Скажите ей, пожалуйста, что я ее жду, — ответил Рудольф и возвратился к тумбочке, где стоял телефон.

— Извини, Гретхен, — сказал он, снова взяв трубку. — Так о чем ты хотела меня попросить?

— Вчера я получила письмо от Билли, — ответила она. — И мне не очень понравился тон, в котором оно написано. Вроде ничего такого он и не говорит, но в этом весь Билли: никогда не признается, что его беспокоит. Так или иначе, но у меня такое ощущение, что Билли в отчаянии. Так вот, не мог бы ты выкроить время и съездить к нему в школу? Выяснить, в чем там дело.

Рудольф на секунду замялся. Вряд ли племянник доверяет ему настолько, чтобы открыться ему. Не получится ли так, что от его приезда будет больше вреда, чем пользы?

— Раз ты меня просишь, я, разумеется, съезжу, — ответил он. — Но, может быть, для такого тонкого дела лучше подойдет отец?

— О, нет, — решительно проговорила она. — Только не он. На такие вещи он не способен. Он обязательно скажет что-то не то и только испортит все дело.

В этот момент раздался звонок во входную дверь.

— Кажется, звонят в дверь, — проговорил Рудольф в трубку. — Я отойду на секунду.

Он поспешил к двери и, впустив Джин со словами: «Извини, я сейчас разговариваю по телефону», бегом возвратился в гостиную.

— Я вот что сделаю, Гретхен, — сказал он, снова взяв трубку (имя сестры он назвал специально — чтобы Джин не подумала, будто он разговаривает с какой-то другой женщиной). — Не буду откладывать в долгий ящик, а съезжу к нему прямо завтра. Сходим с ним куда-нибудь пообедать, и, может быть, что-то да выяснится.

— Поверь, мне очень не хотелось тебя беспокоить, — смущенно пробормотала Гретхен, — но письмо показалось мне слишком уж мрачным.

— Будем надеяться, что ничего не случилось. А если и случилось, то какие-нибудь пустяки — скажем, занял второе место в беге на двести метров, завалил экзамен по алгебре или еще что-нибудь в этом роде. Сама знаешь, ребята есть ребята.

— Да, но Билли не такой, как другие, — ответила Гретхен: судя по голосу, она едва удерживалась от слез. — Говорю тебе, он на грани отчаяния.

— Позвоню тебе завтра вечером,— сказал Рудольф.— После того как приеду из школы. Ты будешь дома?

— Да, конечно.

Он задумчиво положил трубку, представив себе, как сестра, одна в пустом доме на вершине холма, вознесшемся высоко над морем и городом, ждет его телефонный звонок, печально перебирая бумаги покойного мужа. Он тряхнул головой, отгоняя от себя грустные мысли. Затем посмотрел на Джин, чинно сидящую на стуле с жесткой деревянной спинкой, и улыбнулся ей. На ногах у нее были красные, шерстяные чулки и мокасины. Гладко зачесанные, блестящие волосы, перехваченные чуть ниже затылка черным, бархатным бантом, свободно ниспадали на плечи. Лицо ее, как всегда, сияло розовой чистотой, придавая ей облик примерной школьницы. Стройная, трогательная фигурка была облачена в просторное двубортное пальто из верблюжьей шерсти. Джин уже исполнилось двадцать четыре года, но сейчас она казалась шестнадцатилетней. Она пришла к нему прямо с работы, принеся с собой все свое фотооборудование, небрежно оставив его на полу у входной двери.

— У тебя сейчас такой вид, что меня так и подмывает дать тебе стакан молока с печеньем и погладить тебя по головке,— улыбнулся Рудольф.

— А чего-нибудь покрепче у тебя нет? — спросила она.— Я с семи утра на ногах, исходила весь город, и мне просто необходимо подкрепить свои силы. Только не слишком разбавляй водой.

Он подошел к ней и поцеловал ее в лоб. Она ответила ему улыбкой. «До чего же она милая»,— подумал он, идя на кухню за стаканом и графином воды.

Потягивая из стакана бурбон, Джин просматривала «Нью-Йорк таймс» за прошлое воскресенье на предмет того, какие сейчас в городе интересные выставки. Когда у Рудольфа выпадали свободные субботы, они с Джин обычно ходили по музеям и картинным галереям. Она была нештатным, «вольным» фотографом и часто делала работу для художественных изданий и каталогов.

— Надень туфли поудобнее,— посоветовала она.— Нам сегодня придется много ходить.— Несмотря на маленький рост, голос у нее был низкий и слегка хрипловатый.

— За тобой — хоть на край света,— улыбнулся он.

Они уже выходили, как вдруг опять зазвонил телефон.

— Пусть себе звонит,— сказал он.— Уходим.

Но она остановилась в дверях и удивленно спросила:

— Неужели ты можешь спокойно уйти, когда звонит телефон?

— Еще и как могу.

— А я бы никогда не смогла. А вдруг мне скажут что-то чудесное и необыкновенное?

— Мне по телефону ничего чудесного и необыкновенного еще ни разу в жизни не говорили. Так что уходим.

— Ну, походи сними трубку, прошу тебя. Иначе это будет беспокоить тебя целый день.

— Не бойся, не будет.

— А вот меня будет. Так что я пойду и отвечу.— И она направилась в комнату.

— Ну, хорошо, хорошо.— Он обогнал ее и, подойдя к телефону, снял трубку.

Звонила его мать из Уитби. По тому, каким тоном она произнесла «Рудольф», он сразу понял, что беседа не будет чудесной и необыкновенной.

— Рудольф,— сказала она.— Не хочу портить тебе отдыха,— (мать была твердо убеждена, что он ездит в Нью-Йорк только для того, чтобы развлекаться и отдыхать, находя себе там какие-то невероятные тайные удовольствия),— но отопление у меня не работает, и я уже совсем окончила в этой сквозняковой развалине.

Три года назад Рудольф купил на окраине Уитби живописный фермерский домик восемнадцатого столетия, очень уютный, со старинными, низкими потолками, но мать называла его не иначе как «этот темный погреб» или «эта сквозняковая развалина».

— А Марта не пыталась что-нибудь сделать? — спросил Рудольф. Марта была живущей у них прислугой. Она вела хозяйство, готовила им еду и ухаживала за матерью. Рудольф платил ей немного, хотя и понимал, что за такую работу она должна получать намного больше.

— Марта! — фыркнула мать.— Если бы не ты, я уволила бы ее не раздумывая.

— Мама...

— Когда я сказала ей спуститься в котельную и посмотреть, что там случилось, она наотрез отказалась.— Голос матери поднялся на пол-октавы.— Она, видите ли, боится подвалов! Вместо этого она посоветовала мне надеть свитер. Если бы ты не потакал ей во всем, она бы не осмеливалась давать мне таких дерзких советов и насчет свитеров, и насчет всего прочего,— уверяю тебя. Она уже так растолстела на наших харчах, что не замерзла бы и на Северном полюсе. Когда вернешься домой, если вообще соизволишь вернуться, я просто умоляю тебя — поговори с этой особой.

— Я приеду завтра во второй половине дня и обязательно поговорю с ней,— ответил Рудольф.

Джин смотрела на него и ехидненько улыбалась. Ее родители жили где-то на Среднем Западе, и она их не видела уже более двух лет.

— А пока что, мама, позвони в контору. Там сегодня Брэд Найт. Скажи ему от моего имени, чтобы он прислал кого-нибудь из наших техников.

— Он подумает: старуха совсем с ума спятила.

— Ничего такого он не подумает. Пожалуйста, делай, как тебе говорят.

— Ты даже не представляешь, как здесь холодно,— не унилась мать.— Ветер так и задувает в щели под окнами... Не понимаю, почему мы не можем жить в приличном новом доме, как все нормальные люди.

Старая песня, на которую Рудольф давно уже не реагировал. Когда мать окончательно убедилась, что ее сын зарабатывает очень много денег, в ней внезапно пробудилась необузданная тяга к роскоши. У нее в универмаге был собственный кредит по открытому счету, и, когда в конце месяца приходили счета за ее покупки, Рудольф каждый раз морщился.

— Скажи Марте, чтобы затопила камин в гостиной и держала закрытой дверь,— сказал Рудольф.— Тогда тебе сразу станет теплее.

— Сказать Марте, чтобы затопила камин? — саркастически переспросила мать.— Неужели ты думаешь, она снизойдет до этого? Плохо же ты ее знаешь... Так ты завтра успеешь к обеду?

— Боюсь, не смогу с тобой пообедать,— ответил Рудольф.— Меня пригласил к себе Колдервуд.— Рудольф не мог упрекнуть себя во лжи: хоть он и не будет обедать у Колдервуда, но приглашение прийти к нему он ведь действительно получил. Слукавил он потому, что ему очень уж не хотелось обедать с матерью.

— Колдервуд, Колдервуд... Вечно этот Колдервуд! — раздраженно произнесла мать.— Иногда мне кажется, что я не выдержу и закричу, если еще хотя бы раз услышу это имя.

— Мама, я должен идти, меня ждут,— сказал Рудольф и, вешая трубку, услышал, как мать принялась плакать.

— Почему люди, когда становятся старыми и совершенно невыносимыми, продолжают упорно жить? — проговорил он, повернувшись к Джин.— Все-таки правильно делают эскимосы, сажая своих стариков на льдины и отправляя в открытое море. Ладно, пошли поскорей, а то еще кто-нибудь позвонит.

Выходя из квартиры, Рудольф с радостью отметил, что Джин не стала брать с собой фотоаппаратов, оставив их у него. А это означало две вещи: во-первых, она сегодня в музеях снимать не будет, а во-вторых, она вернется сюда вместе с ним. В этом отношении она была совершенно непредсказуемой. Иногда после походов по городу они возвращались к нему домой вместе, как если бы это само собой разумелось. Но зачастую, ничего ему не объясняя, она брала такси и уезжала к себе домой (она тоже снимала

квартиру, но не одна, а вместе с другой девушкой). А порой появлялась у его двери без всякого предупреждения, хотя и не была уверена, что застанет его дома.

Она всегда поступала так, как считала нужным, эта его маленькая Джин, — независимое, непредсказуемое существо. Он ни разу не бывал у нее дома. Они встречались или у него, или в каком-нибудь баре, и она никогда не объясняла, почему не приглашает его к себе домой. Несмотря на молодость, она производила впечатление самостоятельной и уверенной в себе девушки. Когда она привезла в Уитби пробные отпечатки снимков, сделанных на открытии торгового центра в Порт-Филипе, Рудольф поразился тому, насколько профессионально, даже смело она работает — и это было удивительно для такой молоденькой и застенчивой девушки, какой она показалась Рудольфу при первой их встрече. Но в постели она вовсе не была застенчивой. И каким бы экстравагантным и нестандартным ни было ее поведение в других отношениях, жеманством и притворной стыдливостью она не отличалась. Она никогда не упрекала Рудольфа за то, что из-за своей работы в Уитби он часто надолго исчезал из ее жизни, иногда по полмесяца кряду. На продолжительность их разлук больше жаловался Рудольф, чем она, и он все чаще прибегал ко всякого рода уловкам и ухищрениям — вроде необязательных деловых встреч в Нью-Йорке, срочных консультаций с юристами по надуманным вопросам и так далее, и тому подобное, — лишь бы только провести вечер со своей Джин.

Она не принадлежала к категории девушек, которые спешат обрушить на своих возлюбленных подробности своих биографий. Ему было известно о ней на удивление мало. То немногое, что он о ней знал, сводилось буквально к следующему: родом она со Среднего Запада, отношения с родителями и семьей у нее не сложились, ее старший брат работает в принадлежащей семье фирме, занимающейся чем-то вроде производства лекарств, в двадцать лет она окончила колледж, специализируясь в области социологии, фотографией увлекалась с детства, в Нью-Йорк приехала потому, что преуспеть в этой области можно только в большом городе, ей нравятся работы таких фотографов как Картье-Брессон, Пенн, Капа, Дункан, Клейн (в этом перечне явно не хватало женских имен, и, возможно, со временем она удостоится такой чести).

До Рудольфа у нее были другие мужчины, но на эту тему она не распространялась. Лето любила проводить в круизах. Названия лайнеров Рудольфу не сообщала. Побывала в Европе. С удовольствием посетила бы еще раз понравившийся ей югославский остров. Удивлялась, что Рудольф еще ни разу не выезжал за пределы Соединенных Штатов.

Одевалась она в молодежном стиле, выбирая неожиданные цвета, которые на первый взгляд не сочетались, но уже со второго взгляда казались в чем-то дополняющими друг друга. Дорогих вещей она не носила, и уже после первых трех встреч с ней Рудольф был уверен, что знает весь ее гардероб.

Кроссворды, которые печатались в воскресном выпуске «Нью-Йорк таймс», она решала намного быстрее, чем он. Почерк у нее был мужской, без завитушек. Любила авангардных художников, чью живопись Рудольф не понимал. «А ты смотри на их картины как можно чаще,— говорила ему Джин,— и тогда в один прекрасный день мрак непонимания рассеется, и ты увидишь эти шедевры во всем их великолепии».

В церковь она не ходила. Не плакала, когда смотрела фильмы с печальным концом. Джонни Хит не произвел на нее ни малейшего впечатления. Не боялась попасть под дождь и испортить прическу. Никогда не жаловалась на погоду или пробки на улицах. И ни разу не сказала: «Я люблю тебя».

— Я люблю тебя,— сказал он.

Они лежали рядом в постели, натянув одеяло до подбородка, его рука покоилась на ее груди. Семь часов вечера, и в комнате уже темно. Они побывали в этот день в двадцати картинных галереях, но мрак непонимания пока для него не рассеялся. Пообедали в итальянском ресторанчике, владелец которого ничего не имел против клиенток в красных шерстяных чулках. За обедом Рудольф сообщил ей, что не сможет завтра пойти с ней на футбол, и объяснил почему. Джин восприняла это без особых эмоций, и он отдал ей билеты. Она сказала, что пойдет с одним знакомым, который когда-то играл полузащитником в команде Колумбийского университета. Ела она с аппетитом.

Оба сильно продрогли за время блужданий по городу — декабрьский день выдался на редкость промозглым,— и когда вернулись домой, Рудольф приготовил себе и ей горячего чаю с ромом.

— Жаль, что здесь нельзя разжечь огонь,— сказала она, сбросив мокасины на пол и свернувшись калачиком на диване.

— Следующую квартиру сниму с камином,— отозвался он.

Когда они поцеловались, оба почувствовали исходящий от губ смешанный запах рома с лимоном.

Потом они предались любви — не торопясь, пройдя весь путь до конца.

— Таким и должен быть субботний зимний вечер в Нью-Йорке,— произнесла она, когда, оторвавшись друг от друга, они тихо лежали рядом.— Искусство, спагетти, ром, вождделение.

Он засмеялся и крепко прижал ее к себе. Сколько лет воздержания — он сожалел о них. Хотя, с другой стороны,— может быть,

именно благодаря воздержанию он оказался готов для любви, свободен для Джин.

— Я люблю тебя,— сказал он.— И хочу на тебе жениться.

Минуту она лежала неподвижно, затем отодвинулась от него, откинула одеяло, встала и молча начала одеваться. «Я все испортил»,— подумал он, а вслух спросил:

— Почему ты молчишь?

— Этот предмет я никогда не обсуждаю голой,— как-то слишком серьезно произнесла она.

Он снова рассмеялся, но ему было не до смеха. Интересно, много ли раз эта красивая, уверенная в себе девушка, с ее таинственными повадками, обсуждала вопрос о своем замужестве? Со многими ли мужчинами? Никогда раньше он не испытывал ревности. Бесплезное, ненужное чувство.

Он смотрел, как стройная, грациозная женская фигура легко движется по темной комнате, слышал шуршание ткани. Затем она прошла в гостиную. Дурной знак? Или добрый? Оставаться лежать и никуда не идти? Или поспешить за ней на крыльях любви? Он ведь не собирался ей говорить «Я люблю тебя» или «Я хочу на тебе жениться». Это получилось спонтанно.

Он выскочил из кровати и быстро оделся. Джин сидела в гостиной, среди всей этой казенной мебели, и крутила ручку настройки приемника. Голоса дикторов сменяли один другого, но все как один звучали бархатисто и гладко. Если такой голос произнесет «Я люблю тебя», ему ни за что не поверишь.

— Налей мне чего-нибудь,— сказала она, не поворачиваясь и продолжая рассеянно крутить ручку приемника.

Он налил обоим по стакану бурбона с водой. Она пила, как мужчина. Какой из прежних любовников научил ее этому?

— Ну так как? — Он стоял перед ней, чувствуя себя в невыгодном положении, выступая в роли просителя. Он пришел из спальни босой, без пиджака и без галстука. Да-а, не совсем традиционный наряд для такого торжественного случая как предложение руки и сердца.

— Какой же ты лохматый! — сказала она.— А тебе так даже лучше — с лохматыми волосами.

— Может, это язык у меня лохматый? — с горечью произнес он.— Может быть, ты не поняла, что я сказал тебе в спальне?

— Почему же, поняла.— Она выключила радио и села в кресло, держа стакан с бурбоном в обеих руках.— Ты хочешь на мне жениться.

— Точно.

— Давай сходим в кино,— предложила она.— Тут за углом идет картина, которую я давно хочу посмотреть...

— Не уходи от ответа.

— Завтра ее показывают последний день, а тебя завтра уже не будет.

— Кажется, я задал тебе вопрос.

— Ты считаешь, я должна быть польщена?

— Вовсе нет.

— Ну что ж, я действительно польщена. А теперь пошли в кино...

Но она продолжала сидеть на месте и вроде бы не собиралась никуда уходить. В комнате горела одна лишь настольная лампа, и свет, падавший из-под абажура, оставлял ее лицо в тени. Она казалась хрупкой, беззащитной, и Рудольф, глядя на нее, знал, что не ошибся, сказав ей в постели неожиданные для него самого слова любви. Это была не просто вспышка нежности в холодный, декабрьский день; это было глубокое осознание того, что ему нужна эта девушка. В этот день он сам для себя открыл, насколько не мыслит без нее своей жизни.

— Я не знаю, как буду жить, если ты скажешь «нет», — пробормотал он.

— Так уж и не знаешь? — Наклонив голову, она смотрела в свой стакан и помешивала жидкость пальцем. Ему была видна только ее макушка и поблескивающие в свете лампы ниспадающие на плечи волосы.

— Да, не знаю.

— А если без преувеличений?

— Ну, хорошо, пусть даже и знаю, — сдался он. — Да вот только тебе не скажу.

Теперь настал ее черед рассмеяться:

— По крайней мере, звучит честнее и не слишком напыщенно.

— И все-таки я жду ответа, — настаивал Рудольф. Он взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе прямо в лицо. В ее глазах было смятение и испуг, маленькое личико побледнело.

— В следующий раз, когда приедешь в Нью-Йорк, позвони мне, — сказала она.

— Это не ответ.

— Во всяком случае, частичный, — пробормотала она. — А полный ответ пока такой: дай мне время подумать.

— Но почему?

— Потому что я сделала нечто такое, чем вряд ли могу гордиться, — ответила она, — и теперь мне нужно решить, как выбраться из этого положения и восстановить к самой себе уважение.

— Что же ты такого натворила? — Он не был уверен, что хочет услышать ответ.

— Грубо говоря, я вас продублировала, — понуро проговорила она. — Я имею в виду — тебя и моего другого парня. Обычная женская слабость. Когда у нас с тобой началось, я уже кое с кем

встречалась. И встречаюсь с ним до сих пор. Я делаю то, на что не считала себя способной,— сплю сразу с двумя мужчинами! И второй мой парень тоже хочет на мне жениться.

— Счастливица! — с горькой иронией произнес Рудольф.— Значит, та девушка, с которой ты снимаешь квартиру,— это и есть твой второй парень?

— Нет, нет,— покачала она головой.— Девушка действительно существует. Если хочешь, я могу ее тебе предъявить.

— Поэтому ты никогда и не приглашаешь меня к себе? Он что, живет у тебя?

— Нет, конечно.

— Но он у тебя бывает, ведь так?

Рудольф с удивлением чувствовал, что испытывает в эту минуту настоящую, глубокую боль, но хуже всего было то, что ему доставляло своего рода противоестественное удовольствие проворачивать в ране кинжал, который Джин только что вонзила в него.

— Хочешь знать, что делало тебя в моих глазах особенно привлекательным? — сказала Джин.— То, что ты всегда был слишком уверен в себе, чтобы задавать мне какие-либо вопросы. Если любовь лишит тебя этого достоинства, то уж лучше забудь про любовь.

— Что за проклятый сегодня день! — воскликнул Рудольф.

— Что ж, ситуация, насколько я понимаю, предельно ясна.— Джин встала и осторожно поставила стакан на стол.— Кино на сегодня отменяется.

Он смотрел, как она надевает пальто. «Если она сейчас уйдет,— подумал он,— то больше я никогда ее не увижу». Он подошел к ней, обнял и поцеловал.

— Ты ошибаешься,— тихо проговорил он.— Кино сегодня обязательно состоится.

Она улыбнулась ему, но губы ее дрожали, как если бы улыбка далась ей с большим трудом.

— Тогда поскорей заканчивай одеваться,— пробормотала она.— Страшно не люблю пропускать начало картин.

Он пошел в спальню, тщательно, хоть и быстро причесался, надел галстук, натянул на ноги туфли. Надевая пиджак, он бросил беглый взгляд на помятую постель — изрытое окопами поле битвы.

Вернувшись в гостиную, он увидел, что Джин уже успела навешать на себя все свое фотооборудование. Он попытался уговорить ее оставить эти сокровища у него, но она упорно не соглашалась.

— Я и так загостилась в этой квартире,— сказала она.

Рано утром на следующий день Рудольф отправился в школу Билли. Ведя машину по мокрому от дождя шоссе, непривычно

пустынному ввиду раннего часа, он думал не о Билли, к которому ехал, а о Джин. После кино (картина оказалась ужасной) они зашли в ресторанчик на Третьей авеню. Говорили о вещах малозначащих и не очень для них в ту минуту интересных: о только что просмотренном фильме, о других фильмах, о спектаклях, на которых в этом месяце побывали, о книгах и статьях в журналах, недавно ими прочитанных, о вашингтонских политических сплетнях. Это был разговор незнакомцев. Оба избегали таких щекотливых тем, как брак и семья или любовники-дублеры. Оба чувствовали себя страшно измотанными, как после тяжелого физического труда. Пили больше обычного. Если бы это было первое их свидание, они посчитали бы друг друга страшными занудами. После того как они доели свои бифштексы в уже пустеющем ресторане и выпили напоследок по рюмке коньяку, он с облегчением посадил ее в такси, а сам пошел домой пешком. Он был даже рад, что возвратился в квартиру один, рад царящей в ней ночной тишине, хотя кричащие цвета интерьера и безвкусно модернистская мебель делали его жилище похожим на заброшенный павильон прошлогоднего Марди-Гра*. Неубранная постель была просто грудой помятых простыней и криво лежащих, продавленных подушек, а не священным ложем любви. Спал он тяжело, беспокойно, а, когда, проснувшись утром, вспомнил о вчерашнем вечере и предстоящей ему впереди миссии, унылый декабрьский дождь за окном показался ему вполне созвучным его настроению.

Перед отъездом он позвонил в школу и попросил передать Билли, чтобы тот ожидал его где-то к двенадцати тридцати и что он пойдет с ним куда-нибудь пообедать, но приехал раньше, чем рассчитывал,— в самом начале первого. Хотя дождь к этому времени прекратился и с южной стороны неба сквозь редящие облака начало проглядывать бледное, холодное солнце, на территории школы никого не было видно, никто не входил и не выходил из школьных строений. Весной, летом и ранней осенью, да еще в ясную погоду, «Новоанглийская пресвитерианская школа», судя по рассказам Гретхен, казалась удивительно красивым, живописным местом, но сейчас, под холодным декабрьским небом, без единой живой души вокруг, эти сгрудившиеся вокруг грязных газонов красные, кирпичные здания делали шко-

* *Марди Гра* (вторник на масленой неделе) — праздник в Новом Орлеане и других городах Луизианы, с красочным карнавалом, балаганами и парадами с участием ряженных и джаз-оркестров, которые проходят по центральному улицам города. Марди-Гра стал своеобразным символом Нового Орлеана. Традицию отмечать этот праздник ввели французские поселенцы.

лу похожей скорее на тюрьму, чем на привилегированное частное учебное заведение. Он остановил машину у главного здания школы, вышел и неуверенно огляделся, не зная, где искать племянника. И вдруг из церквушки в метрах ста от главного здания послышалось торжественное пение: молодые голоса дружно выводили «Вперед, вперед, воинство Христово!»

Воскресенье. «Судя по всему, присутствие школьников на церковной службе является здесь обязательным», — подумал он. Неужели в частных школах это практикуется до сих пор? Когда ему было столько же лет, сколько Билли, от него требовалось всего лишь отдавать каждое утро салют национальному флагу и клясться в верности Соединенным Штатам. Вот оно, преимущество обучения в светских муниципальных школах, к тому же бесплатных. Там воочию убеждаешься, что церковь отделена от государства.

Рядом с ним остановился шикарный «линкольн континентал». Неудивительно — школа ведь дорогая. Здесь воспитываются будущие правители Америки. Сам он приехал на «шевроле». Интересно, что бы они сказали, если бы он прикатил сюда на мотоцикле, который у него до сих пор сохранился, хотя он теперь и редко ездил на нем. Из «линкольна» вышел важного вида господин в элегантном плаще, его спутница осталась сидеть в машине. Несомненно, это родители, приехавшие навестить свое чадо, — одного из будущих властелинов Америки. Судя по тому, как держался мужчина, он был по меньшей мере президентом какой-нибудь процветающей компании — румяный, энергичный, в хорошей спортивной форме. Рудольф уже давно научился распознавать этот тип людей.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался Рудольф своим самым официальным голосом, какой приберегал только для президентов компаний. — Не могли бы вы подсказать, где здесь «Силлитоу-Холл»?

— Доброе утро, — любезно ответил тот, широко улыбаясь и демонстрируя прекрасные искусственные зубы стоимостью как минимум в пять тысяч долларов. — Да, конечно, могу. Мой мальчик жил там в прошлом году. Это, пожалуй, лучшее общежитие в школе. Смотрите, вон там. — И он указал на коттедж, находившийся примерно в четырехстах метрах от них. — Если хотите, можете туда подъехать — по той окружной дороге.

— Благодарю вас, — проговорил Рудольф.

Школьники запели церковный гимн. Джентльмен с дорогими зубами прислушался.

— Все-таки есть еще места в Америке, где Господу поют хвалу! — одобрительно произнес он. — Меня это чрезвычайно радует. Побольше бы таких школ.

Рудольф сел в свой «шевроле» и подъехал к «Силлитоу-Холлу». Переступив порог погруженного в тишину здания, он увидел

табличку с именем погибшего лейтенанта. По тесному вестибюлю общежития разъезжала на трехколесном велосипеде маленькая девочка лет четырех в голубом комбинезоне. Вдруг к нему подбежал невесть откуда взявшийся большой сеттер и залаял. Рудольф был несколько озадачен. Странно видеть четырехлетних девочек в общежитии для мальчиков. Появление сеттера — тоже не совсем обычная вещь для такого общежития.

Дверь открылась, и в вестибюль вошла миловидная, круглолицая молодая женщина.

— Замолчи, Бони,— прикрикнула она на собаку и, улыбнувшись Рудольфу, сказала: — Не бойтесь, он не кусается.

«А она что здесь делает?» — очередной раз удивился Рудольф.

— Вы чей-то отец? — спросила женщина, крепко держа Бони за ошейник. Несмотря на то что она сдавила сеттеру горло, тот неистово вилял хвостом, полный любви к хозяйке.

— Не совсем,— ответил он.— Я дядя Билли Эбботта. Я звонил сегодня утром.

По приятному, круглому, молодому лицу пробежала тень какого-то странного выражения — сочувствия ли? подозрения? облегчения?

— Да-да, он вас ждет,— проговорила женщина.— Я Молли Фэрзуэдер, жена старшего воспитателя.

Это объясняло присутствие маленькой девочки, собаки и ее самой. Какие бы неприятности ни были у его племянника, решил Рудольф, эта цветущая, симпатичная женщина ни при чем.

— Мальчики вот-вот должны вернуться из церкви. Может, пока зайдете к нам и чего-нибудь выпьете?

— Мне не хочется причинять вам излишнее беспокойство,— ответил Рудольф, но миссис Фэрзуэдер, сделав гостеприимный жест в сторону своего жилища на первом этаже, уже вела его за собой.

Гостиная Фэрзуэдеров была просторной и уютной. Обставлена старой мебелью, повсюду множество книг.

— Мой муж тоже в церкви,— объяснила миссис Фэрзуэдер.— Но мне кажется, у нас есть где-то херес.— Из другой комнаты донесся детский плач.— Это мой младшенький — видно, решил напомнить о себе,— сказала она и, торопливо налив Рудольфу рюмку хересу и пробормотав «Извините, я сейчас», вышла из комнаты взглянуть, чем было вызвано это «напоминание о себе»; плач тотчас же прекратился. Вернувшись, она, поправив волосы, налила хересу и себе.— Да вы присаживайтесь.

Рудольф сел. Наступила неловкая пауза. Он думал, поглядывая на миссис Фэрзуэдер, что, хотя эта женщина увидела Билли в первый раз в жизни всего несколько месяцев назад, она, должно быть, знает мальчика намного лучше, чем он, приехавший сюда с миссией спасать племянника, который всегда оставался для

него книгой за семью печатями. Надо было попросить Гретхен прочесть ему по телефону это столь встревожившее ее письмо.

— Билли — очень хороший мальчик, — наконец нарушила молчание миссис Фэрзуэдер. — Такой красивый и воспитанный. У нас здесь есть и свои сорвиголовы, мистер...

— Джордах.

— Так вот, мистер Джордах, я говорю, что у нас здесь хватает трудных воспитанников, поэтому мы особенно ценим тех, кто знает, как себя вести. — И она пригубила свой херес. Любуясь привлекательным лицом этой милой женщины, Рудольф подумал, что мистеру Фэрзуэдеру здорово повезло.

— Его мать очень о нем беспокоится, — произнес Рудольф.

— Правда? — Миссис Фэрзуэдер произнесла это как-то слишком быстро, точно ожидала такого поворота беседы. Значит, Гретхен не единственная, кто заметил что-то неладное в Билли.

— На этой неделе она получила от сына письмо, и у нее сложилось впечатление, что Билли, как она выразилась, в полном отчаянии. Конечно, родители всегда склонны преувеличивать, и все же... — Рудольф решил, что не имеет смысла утаивать от этой явно рассудительной и доброжелательной женщины цель своего приезда. — Слово «отчаяние» мне лично кажется чересчур уж сильным, но я все же приехал, чтобы выяснить, в чем дело. Его мать живет в Калифорнии, и... — он замялся. — В общем, она вышла во второй раз замуж.

— О, этим никого не удивишь в нашей школе, — сказала миссис Фэрзуэдер и тут же, рассмеявшись, поправила себя: — Я, конечно, имею в виду не то, что родители наших учеников преимущественно живут в Калифорнии, а то, что многие из них состоят в повторном браке.

— Несколько месяцев назад ее муж погиб.

— Вот оно что, — протянула миссис Фэрзуэдер. — Какой ужас. Может быть, именно поэтому Билли... — Она замолчала на полуслове.

— Вы не замечали за ним чего-нибудь... странного? — спросил Рудольф.

— Вам лучше поговорить об этом с моим мужем. — Она неуверенно коснулась рукой своих коротких волос. — Это по его части.

— Уверен, вы не можете сказать ничего такого, с чем ваш муж полностью бы не согласился, — проговорил Рудольф. Он не сомневался, что в отсутствие мужа она будет держаться менее настороженно и не станет слишком уж выгораживать школу, если в том, что происходит с Билли, действительно виновата школа.

— Давайте я вам еще немного налью, — произнесла миссис Фэрзуэдер и, взяв у него рюмку, наполнила ее хересом.

— Может быть, у него плохие отметки? — продолжал допытываться Рудольф. — Или его терроризирует кто-нибудь из ребят?

— Нет, нет,— ответила миссис Фэруэдер, протягивая ему рюмку.— Отметки у него прекрасные, да и вообще учеба дается ему легко. И мы здесь не допускаем никакого, как вы выразились, терроризирования. Дело вовсе не в этом,— она пожала плечами,— а в том, что своим поведением он ставит нас всех в тупик. Мы с мужем не раз пытались найти к нему ключ, но все наши усилия оказались бесплодными. Он... он какой-то отстраненный, что ли. У него ни с кем нет контакта — ни с ребятами, ни с учителями. Его сосед по комнате попросил перевести его в другой корпус...

— Они что, дрались?

— Только не Билли,— покачала головой миссис Фэруэдер.— Тот мальчик утверждает, что Билли попросту не разговаривает с ним. Никогда! Ни о чем! Он аккуратно убирает комнату, когда его очередь. Никогда не засиживается допоздна за уроками. Ни на что не жалуется. Но когда к нему обращаются, он отвечает только «да» или «нет». Будучи физически крепким мальчиком, он ни в каких играх не участвует. Даже не гоняет вместе со всеми другими футбольный мяч перед «Силлитоу-Холлом» — любимое развлечение мальчиков в теплое время года. По субботам мы проводим спортивные соревнования с соседними школами, и все ребята собираются на стадионе поболеть за свою команду, а он сидит в своей комнате и читает.— Голос миссис Фэруэдер звучал так же тревожно, как и голос Гретхен по телефону.— Будь он взрослым, я бы, пожалуй, сказала, что он страдает меланхолией. Я понимаю — то, что я вам сейчас рассказала, мало чем вам поможет...— Она виновато улыбнулась.— Это скорее описание, чем диагноз, но меланхолия — это единственное слово, которое приходит на ум, когда пытаешься объяснить себе его необычное поведение. Если вам удастся узнать что-нибудь более определенное, нечто такое, чему может помочь школа, мы будем вам только признательны.

Издали, с другой стороны школьного городка, слышался звон церковных колоколов, а вскоре появились и первые мальчики, возвращающиеся со службы.

— Вы не могли бы сказать, где комната Билли? — спросил Рудольф.— Я подожду его там.

Может быть, он увидит в комнате нечто такое, благодаря чему он лучше поймет, как вести себя с мальчиком?

— Да, разумеется,— любезно ответила миссис Фэруэдер.— Его комната на третьем этаже. В конце коридора, последняя дверь налево.

Рудольф поблагодарил миссис Фэруэдер и, оставив ее вместе с двумя детьми и сеттером Бони, вышел в вестибюль. «До чего же приятная женщина»,— думал он, поднимаясь по лестнице. За все годы учебы ему не встречались — ни среди учителей в шко-

ле, ни среди преподавателей в колледже — столь доброжелательные и разумные люди.

Дверь комнаты, подобно большинству других дверей вдоль коридора, была приоткрыта. Зайдя внутрь, он сразу обратил внимание, что вдоль комнаты как бы проходит незримая стена, разделяющая ее надвое. С одной стороны — измятая постель с небрежно брошенными на нее пластинками, на полу рядом с кроватью — груды книг, на стене — вымпелы за спортивные достижения и фотографии девушек и спортсменов, вырезанные из журналов. С противоположной стороны — кровать тщательно заправлена, на стене — никаких вымпелов и фотографий. Лишь две фотографии, но не на стене, а на письменном столе — Гретхен и Колина Берка. Гретхен сидела в шезлонге в саду своего калифорнийского дома, а фотография Берка была вырезана из журнала. Карточки Уилли Эбботта нигде не было видно.

На кровати Рудольф увидел открытую книгу, лежащую вниз обложкой, и, наклонившись, прочел название на переплете — «Чума» Альбера Камю. Странное чтение для четырнадцатилетнего мальчика, вряд ли рассчитанное на то, чтобы избавить кого-нибудь от меланхолии, тем более такого ипохондрика, как Билли.

Если чрезмерную аккуратность можно считать признаком юношеской неврастении, то Билли был явным неврастеником. Впрочем, Рудольф и сам был очень аккуратным в этом возрасте, но его никто не считал ненормальным.

Комната произвела на него угнетающее впечатление, а, кроме того, у него не было желания встречаться с соседом Билли, поэтому он спустился вниз и стал ждать племянника перед входом в общежитие. Солнце уже почти выбралось из-за туч, и лучи его стали ярче, а ребята, группами возвращавшиеся из церкви, были чисто вымытыми и сияющими, так что школа уже больше не напоминала Рудольфу тюрьму. Большинство мальчиков были высокими, гораздо выше, чем его ровесники в свое время. Да-а, Америка прибавляет в росте, причем все считают само собой разумеющимся, что это хорошая тенденция. Но так ли это? «А то как же еще — ведь им будет легче смотреть на нас сверху вниз», — подумал Рудольф.

Племянника Рудольф увидел издали. Он шел в стороне от других, совершенно один. Шел не спеша, с непринужденным видом, с высоко поднятой головой. Он вовсе не выглядел понурым или подавленным. Рудольф вспомнил, как сам в этом возрасте любил ходить один, отрабатывая походку, стараясь не двигать плечами и идти легкими, скользящими шагами, чтобы казаться старше и не выглядеть таким неуклюжим, как его сверстники. Он до сих пор ходил точно так же, но уже не принуждая себя, а по привычке.

— Здравствуйте, Руди,— сказал Билли, подходя к Рудольфу: на лице у него не было и тени улыбки.— Спасибо, что решили меня навестить.

— К вечеру мне нужно быть в Уитби,— сказал Рудольф,— а так как это практически по пути, я решил к тебе заскочить. Подумал — почему бы нам не пообедать вместе? Небольшой крюк в пару часов — и я в твоей школе.

Билли равнодушно смотрел на него и ничего не говорил в ответ. Рудольф не сомневался: парень отлично знает, что визит его дяди отнюдь не случаен.

— Есть ли у вас здесь более или менее приличный ресторан? — пробормотал Рудольф.— Я умираю от голода.

— Отец водил меня обедать в довольно неплохое место,— ответил Билли.— В прошлый раз, когда приезжал сюда.

— И давно это было?

— Месяц назад. Он собирался приехать и на прошлой неделе, но потом написал, что в последнюю минуту человек, у которого он обычно берет машину, должен был срочно уехать из города.

«Скорее всего,— подумал Рудольф,— фотография Эбботта тоже стояла рядом с карточками Гретхен и Колина, но после этого письма Билли убрал ее».

— Тебе ничего не нужно в твоей комнате? И не должен ли ты предупредить кого-нибудь, что едешь обедать со своим дядей?

— В комнате мне ничего не нужно,— ответил Билли,— и я никого ни о чем не должен предупреждать.

Пока они разговаривали, мимо них проходили группы возвращавшихся в общежитие ребят. Они смеялись, поддразнивали друг друга, громко разговаривали, но за все это время Билли не сказал «Привет!» ни одному из них, и ни один из них не подошел к нему. Рудольфу это показалось странным. «Да-а. Как и боялась Гретхен, дело тут явно неладно,— подумал он.— Может быть, даже хуже, чем она думает».

Он на мгновение обхватил рукой плечи племянника (никакой реакции) и сказал:

— Ну что ж, в путь. Будешь показывать мне дорогу.

Они ехали через школьный городок, кажущийся в лучах солнца гораздо более привлекательным, мимо красивых, величественных зданий, в которых работают преданные делу мужчины и женщины, подобные миссис Фэруэдер, мимо игровых и спортивных площадок, призванных способствовать подготовке молодых людей к полезной и счастливой жизни, а рядом с ним сидел молчаливый, неулыбчивый мальчик, равнодушно смотрящий вперед. «Интересно,— подумал Рудольф,— что заставляет одних людей браться за образование других и кто дает им на это право?»

— Я знаю, почему тот человек не дал отцу машину на прошлой неделе,— заявил, принимаясь за бифштекс, Билли.— После того как мы пообедали, отец, выезжая со стоянки, подал машину назад и врезался в дерево, ну и, конечно, помял крыло. Перед обедом он выпил три martini, а после обеда — бутылку вина и две рюмки бренди.

Ох, уж эта беспощадная юность — ничего не умеет прощать. Рудольф был рад, что пьет одну только воду.

— Может, он чем-то был расстроен? — предположил он. Не для того он сюда приехал, чтобы разрушать любовь между отцом и сыном.

— Возможно,— согласился Билли.— Он постоянно чем-то расстроен.

Билли продолжал есть, и Рудольф подумал, что если с мальчиком действительно что-то не так, то на его аппетите это, во всяком случае, не отражается. На обед у них были бифштекс, омары, устрицы, ростбиф, горячие булочки — настоящая, сытная американская еда. Обслуживали их хорошенькие официантки в форменных платьях. Зал ресторана был большим, с несколькими отделениями, столы покрыты красными, в клетку, скатертями. За многими из столов сидели школьники группами в пять-шесть человек, но за каждым столом обязательно присутствовали родители одного из ребят, а остальные были его друзьями, приглашенными им вкусить от родительских щедрот. Интересно, подумал Рудольф, наступит ли тот день, когда и он приедет в какую-нибудь школу подобного типа навестить своего сына и тоже поведет его на обед в ресторан вместе с его друзьями? Если бы Джин сказала ему «да» и стала его женой, то этот день наступил бы где-то лет через пятнадцать. Пятнадцать лет! Каким станет он и какой станет она через пятнадцать лет? И каким был бы их сын в четырнадцатилетнем возрасте? Таким же замкнутым, молчаливым и глубоко несчастным, как Билли? Или же открытым и веселым, как эти мальчики за соседними столами? Останутся ли через пятнадцать лет школы, подобные этой? Будут ли тогда подавать еду, подобную этой? Будут ли отцы школьников, приезжая навещать их на чужих машинах, по-прежнему напиваться и врезаться в деревья в два часа дня? Интересно, каким представлялся наш сегодняшний мир пятнадцать лет назад, когда только что закончилась мировая война и еще не развеялось атомное облако над планетой? Чего ожидали от этого грядущего мира добропорядочные жены и их достопочтенные мужья, гордо восседавшие за семейным столом в окружении своих примерных сыновей?

«Может быть,— мелькнуло у него в голове,— сказать Джин, что я передумал?»

— Как кормят в школе? — спросил Рудольф, чтобы прервать затянувшееся молчание.

— Нормально,— ответил Билли.

— А как ребята?

— Ничего. Хотя, конечно, у меня с ними нет ничего общего. Только и болтают о том, какие большие шишки у них отцы,— как же, обедали с самим президентом Соединенных Штатов и давали ему советы, как управлять страной! Уж слишком они любят хвастаться — и тем, что ездят летом на каникулы в Ньюпорт*, и тем, что у них собственные лошади дома, и тем, что по случаю совершеннолетия их сестер устраиваются балы, обходящиеся их родителям в целых двадцать пять тысяч долларов.

— А ты что им говоришь в таких случаях?

— Ничего. Я сижу себе и помалкиваю.— Взгляд у Билли был откровенно враждебным.— А что я могу им сказать? Что мой отец живет в однокомнатной квартире и за последние два года его трижды уволяли с работы? Или что он напивается за обедом и не может потом выехать со стоянки, не угробив машину? — Все это Билли произнес ровным, без интонаций, голосом, будто он не четырнадцатилетний мальчишка, а зрелый, много переживший муж.

— Ну а твой отчим?

— А что мой отчим? Во-первых, его нет в живых. А, во-вторых, даже когда он был жив, во всей школе не нашлось бы и шести человек, которые о нем слышали. Те, кто пишет пьесы или снимает кино, в их глазах — просто чокнутые.

— А как учителя? — спросил Рудольф, надеясь, что хоть о них он скажет доброе слово.

— Меня они не интересуют,— ответил мальчик, намазывая маслом печеную картофелину.— Все, что они задают, я делаю, а остальное меня не касается.

— Скажи мне честно, Билли, в чем дело? — Рудольф решил, что хватит ходить вокруг да около; лучше спросить у него напрямик. Он слишком плохо знал племянника, чтобы действовать окольными путями.

— Это ведь мама вас попросила приехать, разве не так? — Билли смотрел на него чуть ли не с вызовом.

— Если тебе так уж хочется знать, то да.

— Зря я ее растревожил,— с сожалением проговорил Билли.— Не нужно было ей посылать то письмо.

— Напротив, ты совершенно правильно сделал, что послал. Итак, Билли, что с тобой происходит?

* Город в штате Род-Айленд, фешенебельный приморский курорт, известный как «Король курортов», центр парусного спорта.

— Я и сам не знаю.— Билли к этому времени перестал есть, и Рудольфу было видно, каких усилий стоит ему держать себя в руках и говорить спокойно.— Знаю только, что мне здесь плохо и если я останусь здесь, то умру.

— Что за глупости? Конечно, ты не умрешь,— резко произнес Рудольф.

— Да, я знаю. Просто я хотел этим сказать, что у меня такое ощущение, будто я здесь не выдержу и умру.— Его голос уже не был бесстрастным, в нем звучали жалобные, детские нотки.— Я понимаю, что чувствовать, будто умрешь, и умереть на самом деле,— это разные вещи. Но чувство — это ведь тоже реальность, разве не так?

— Пожалуй, ты прав,— согласился Рудольф.— А теперь объясни мне, что конкретно тебе здесь не нравится.

— Это место не для меня,— начал Билли.— Здесь все обучение рассчитано на то, чтобы сделать из всех этих богатеньких сынков точную копию их папаш. Я вдоволь насмотрелся на этих папаш. Многие из них четверть века назад учились в этой же школе. Они точно такие же, как их сынки, только постарше и уже досрости до того, что могут указывать президенту, как управлять страной. Но папаша, как и их сынки, даже не подозревают о том, насколько великим человеком был Колин Берк; они не слышали ни о том, что он жил, ни о том, что он умер. Я здесь чужой, дядя Руди. Отец, когда сюда приезжает, тоже чувствует себя здесь чужим. Ну а Колин Берк тем более был бы здесь чужим. Если я тут останусь, то к концу четвертого года превращусь в такого же, как все остальные, а я этого не хочу. Я не знаю, что мне делать...— Он уныло покачал головой, и прядь светлых волос упала ему на лоб, такой же высокий, как у отца.— Вы, наверно, считаете, что я говорю чепуху. Наверно, думаете, я просто соскучился по дому или злюсь из-за того, что меня не выбрали капитаном команды, или еще что-нибудь в этом роде...

— Я вовсе не думаю всего этого, Билли. Не знаю, прав ты или нет, но вижу, что причины у тебя серьезные,— сказал Рудольф.

«Соскучился по дому,— мысленно повторил он слова Билли.— Интересно, по какому из них?»

— А эти принудительные походы в церковь,— продолжал Билли.— Семь раз в неделю мне нужно притворяться, будто я верующий. Но я неверующий. Моя мама неверующая и папа неверующий. Колин тоже был неверующим. Почему я должен отдуваться за всю семью и выслушивать эти дурацкие проповеди? «Будь честным в своих поступках, гони прочь нечистые помыслы, не думай о сексе. Господь наш Иисус Христос умер во искупление грехов наших...» Вам понравилось бы семь раз в неделю слушать всю эту чушь?

— Не очень.— В этом отношении парень прав. Сын действительно не должен «отдуваться» за своих атеистов родителей.

— Ну а деньги? — Мимо проходила официантка, и Билли понизил голос, но говорил все с тем же страстным напором.— Откуда брать деньги на мое шикарное образование теперь, когда умер Колин?

— Об этом не беспокойся,— сказал Рудольф.— Я уже говорил твоей матери, что расходы возьму на себя.

Билли взглянул на него с такой ненавистью, с какой смотрят только на самых лютых врагов.

— Вы недостаточно мне нравитесь, дядя Рудольф,— ледяным тоном сказал он,— чтобы принимать от вас такие подарки.

Рудольф был потрясен, но сделал вид, что ничего не произошло,— в конце концов, Билли еще ребенок, ему всего лишь четырнадцать лет.

— А почему я тебе недостаточно нравлюсь? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

— Потому что вы такой же, как они все,— заявил Билли.— Если вам так уж хочется платить за чье-нибудь обучение в этой школе, то можете посылать сюда своего собственного сына, когда он у вас будет.

— Думаю, ты и сам понимаешь, что зашел чересчур далеко!

— Да, понимаю и прошу, конечно, меня простить, но я сказал то, что думаю.— В голубых, осененных длинными ресницами глазах Билли — точно таких же, как у Эбботта-старшего — заблестели слезы.

— Впрочем, я даже восхищаюсь тобой: ты не побоялся сказать мне правду в глаза,— проговорил Рудольф.— В твои годы ребята уже прекрасно умеют лицемерить — особенно перед богатыми дядюшками, если они у них есть.

— Как я могу здесь оставаться, если на другом конце страны моя мама сидит совершенно одна в пустом доме и каждую ночь плачет? — Билли говорил торопливо, проглатывая слова.— Погиб такой человек, как Колин, а от меня хотят, чтобы я орал во всю глотку, болея на этих идиотских футбольных матчах, или слушал, как какой-то бойскаут в черном костюме внушает мне, что мое спасение в Иисусе Христе. Вот что я вам скажу, дядя Руди.— По щекам мальчика текли откровенные слезы; вытирая их носовым платком, он не прекращал своего гневного монолога.— Если вы не заберете меня отсюда, мне ничего другого не останется как сбежать. Уж как-нибудь, да сумею добраться домой и буду помогать матери, чем только смогу.

— Хорошо,— сказал Рудольф.— На этом закончим наш разговор. Пока я не знаю, что буду делать, но обязательно что-то сделаю, причем прямо сейчас. Это тебя устраивает?

Билли с несчастным видом кивнул, еще раз вытер слезы со щек и положил носовой платок в карман.

— А теперь будем заканчивать наш обед,— сказал Рудольф. Сам он почти ничего не ел, но Билли принялся энергично подчищать свою тарелку, затем заказал себе яблочный пирог — гордость ресторанной кухни — и тоже умял его до последней крошки. Когда человеку четырнадцать лет, в нем сочетается все, что угодно — и слезы, и смерть, и жалость, и яблочный пирог, и мороженое; все в нем уживается одновременно, и он не испытывает за это никакого стыда.

После обеда, когда они возвращались на машине в школу, Рудольф сказал, взглянув на сидящего рядом Билли:

— Когда приедем, сразу поднимайся к себе в комнату. Собери вещи, спускайся вниз и жди меня в машине.

Подъехав к «Силлитоу-Холлу», Рудольф подождал, пока Билли — высокая, опрятная фигура в воскресном, сшитом специально для церкви костюме — войдет в общежитие, затем выбрался из машины и постудовал за ним. За его спиной раздавались звонкие крики: «Бросай мне! Слышишь? Бросай мне!» — ребята, бегающие по уже подсохшему газону, играли в мяч, в одну из тех сотен игр, в которых Билли никогда не принимал участия.

В комнате для отдыха, через которую ему нужно было пройти, чтобы попасть в квартиру Фэруэдеров, было полно народу. Ребята играли в пинг-понг, сосредоточенно сидели над шахматными досками, читали журналы, слушали по транзисторному приемнику репортаж о том футбольном матче, в котором играла команда «Нью-Йоркские гиганты» и на который ему не удалось попасть. На мальчиков было приятно смотреть: чисто вымытые, привлекательные, крепкие, воспитанные, довольные жизнью — достойное восхищения будущее Америки. Если бы у него был сын, он был бы рад его видеть в подобной компании в такой же солнечный декабрьский день, как этот. Но его племянник чувствовал себя среди них отщепенцем; ему казалось, что он умрет, если останется в их среде. Что ж, чувствовать себя отщепенцем, как и вообще кем угодно, — это неотъемлемое право каждого гражданина Америки, гарантируемое Конституцией США.

Он позвонил в квартиру Фэруэдеров, и дверь ему открыл высокий, сутуловатый мужчина. Над его лбом свисал завиток волос; розовое лицо светилось приветливой улыбкой. Какие же нервы должен иметь человек, чтобы жить в доме, полном мальчишек?!

— Мистер Фэруэдер? — спросил Рудольф.

— Да, — ответил тот дружелюбно и непринужденно.

— Простите, что беспокою вас, но мне нужно с вами поговорить. Много времени я у вас не займу. Дело в том, что я дядя Билли Эбботта, и мне...

— Ах, да, конечно.— Фэрзуэдер протянул ему руку.— Жена говорила мне, что вы заходили к нам перед обедом. Проходите, пожалуйста.

Он повел его по уставленному книгами коридору в гостиную, которая тоже была с пола до потолка уставлена книгами. Когда мистер Фэрзуэдер закрыл дверь гостиной, шум, царивший в комнате для отдыха и сопровождавший их, пока они шли по коридору, чудодейственным образом испарился. Да, гостиная оказалась надежным убежищем от неугомонной юности. Обитатели квартиры были изолированы от мальчишеского гвалта целыми полчищами книг. Рудольф впервые подумал, хотя и с известной долей самоиронии, а не совершил ли он ошибку, когда отказался от предложенного ему Дентоном места преподавателя в колледже, а, стало быть, от такой же, как у мистера Фэрзуэдера, жизни, до краев заполненной книгами?

В гостиной он увидел миссис Фэрзуэдер, которая уютно сидела на диване и пила из маленькой чашечки кофе. На полу, прислонившись к ее колену, сидела уже знакомая Рудольфу маленькая девочка, рассматривая книжку с картинками. Возле девочки, прижавшись к ней, спал сеттер Бони. Миссис Фэрзуэдер, улыбнувшись Рудольфу, подняла в знак приветствия свою чашку с кофе.

«Какая потрясающая идиллия! — подумал Рудольф, чувствуя уколы зависти.— Разве мыслимо, чтобы люди были *настолько* счастливы?!»

— Прошу вас, садитесь,— сказал Фэрзуэдер.— Хотите кофе?

— Нет, спасибо. Кофе я только что пил, и мне пора уже ехать,— сказал Рудольф, чувствуя себя несколько неловко оттого, что он не отец, а лишь дядя Билли.

Фэрзуэдер уютно устроился на диване рядом с женой. На нем была мягкая, шерстяная рубашка, на ногах — теннисные тапочки с пятнами пролитой зеленки: удобная, домашняя одежда для воскресного дня.

— Ну и как, получился ли разговор по душам? — спросил он. В интонациях его голоса чувствовался легкий налет южного акцента — этакий образованный джентльмен из Вирджинии.

— Да, я поговорил с Билли,— ответил Рудольф.— Только вот не знаю, был ли разговор действительно по душам. Мистер Фэрзуэдер, я хотел бы, чтобы Билли уехал со мной. Хотя бы на несколько дней. Думаю, это совершенно необходимо.

Супруги Фэрзуэдер обменялись многозначительными взглядами.

— Неужели дело так плохо? — спросил Фэрзуэдер.

— Да, очень плохо.

— Мы пытались сделать все, что в наших силах,— сказал Фэрзуэдер, но по его тону чувствовалось, что он ни в чем не считает себя виноватым.

— Я в этом не сомневаюсь, — отозвался Рудольф. — Просто Билли — своеобразный мальчик, и за последнее время в его жизни произошел целый ряд событий, оказавших на него огромное влияние... — «Хотелось бы знать, — подумал Рудольф, — приходилось ли *им* слышать о Колине Берке и скорбели ли *они* об этом безвременном ушедшем из жизни таланте?» — Сейчас нет смысла — да и времени тоже — вдаваться в детали. Возможно, причины, побуждающие Билли к такому странному поведению, надуманны и, более того, являются плодом его фантазии, но чувства, переживаемые им, вполне реальны, и он ужасно страдает.

— Значит, вы хотите забрать его из школы? — спросил мистер Фэрзуэдер.

— Да.

— И когда?

— Через десять минут.

— О Господи! — выдохнула миссис Фэрзуэдер.

— Надолго? — ровным голосом спросил Фэрзуэдер.

— Не знаю. Возможно, на несколько дней. Возможно, на месяц. А может быть, и навсегда.

Наступило неловкое молчание. Из-за окна доносились приглушенные возгласы ребят, продолжавших играть на газоне перед домом в мяч. Фэрзуэдер встал и, подойдя к столу, где стоял кофейник, налил себе кофе.

— Может быть, все-таки выпьете чашечку?

Рудольф отрицательно покачал головой.

— Через две с половиной недели наступают Рождественские каникулы, — сказал Фэрзуэдер. — А через несколько дней начинаются семестровые экзамены. Не кажется ли вам, что стоило бы подождать хотя бы до этого времени?

— Не думаю, что мне следовало бы уезжать отсюда без Билли, — ответил Рудольф.

— А вы говорили с директором школы? — спросил Фэрзуэдер.

— Нет.

— Мне кажется, вам имеет смысл сначала посоветоваться с ним, — сказал Фэрзуэдер. — Строго говоря, я не имею права отпустить моих воспитанников без...

— Чем меньше будет шума, — проговорил Рудольф, — и чем с меньшим числом людей придется общаться моему племяннику, тем будет для него лучше. Поверьте мне.

Супруги Фэрзуэдер снова обменялись взглядами.

— Чарлз, — сказала миссис Фэрзуэдер мужу, — мне кажется, мы и сами сможем объяснить директору ситуацию.

Фэрзуэдер, все еще не отходя от стола, раздумчиво попил свой кофе. Его фигура, освещенная бледным, несмело заглядывающим в окна декабрьским солнцем, выделялась рельефными очертан-

ниями на фоне забытых книгами полок. Розовощекий, задумчивый человек, глава семьи, врачеватель детских душ.

— Пожалуй, ты права,— наконец произнес он.— Мы и в самом деле сможем все ему объяснить. Мистер Джордах, вам не сложно будет позвонить мне через день-два и сообщить ваше окончательное решение?

— Я обязательно позвоню, мистер Фэруэдер.

Фэруэдер вздохнул и задумчиво проговорил:

— В нашей профессии мы терпим столько фиаско... Передайте Билли, что мы всегда будем рады принять его назад. Он способный мальчик и легко нагонит пропущенное.

— Обязательно передам,— ответил Рудольф.— Огромное вам обоим спасибо за все.

Фэруэдер проводил Рудольфа по коридору, открыл дверь, ведущую в мальчишеский водоворот, бурлящий в комнате для отдыха, и молча, не улыбаясь, пожал ему руку, а когда тот вышел, закрыл за ним дверь.

Когда они выехали за пределы школы, Билли, сидевший рядом с Рудольфом на переднем сиденье, сказал:

— Я ни за что сюда не вернусь!

Он даже не спросил, куда они едут.

В Уитби они приехали в половине шестого. На город уже спустились ранние зимние сумерки, и на улицах зажглись фонари. Добрую половину пути Билли спал. Рудольф со страхом думал о той минуте, когда ему придется представить матери ее внука. От нее можно ждать чего угодно, и изысканное приветствие вроде «Отродье потаскухи!» — это еще не самое худшее, что может услышать внук от любимой бабушки. Но Рудольф должен был явиться к Колдервудам сразу же после их семейного воскресного ужина, который обычно заканчивался к семи, так что отвезти Билли в Нью-Йорк, а затем вернуться к семи в Уитби ему никак не удастся. Даже если бы он и успевал, оставить мальчика в Нью-Йорке не у кого. Об Уилли Эбботте не может быть и речи: Грехен просила Рудольфа полностью исключить Уилли из этого дела, и пока что ему это удавалось. Стоило ли забирать Билли из школы только ради того, чтобы оставлять его на попечении вечно пьяного отца?! И Рудольф вспомнил, что рассказывал мальчик об Уилли, когда они обедали в ресторане.

А, может быть, поместить Билли в гостиницу? Но Рудольф тут же отбросил эту мысль: оставлять мальчика одного в казенном, неуютном гостиничном номере было бы слишком жестоко. К тому же это было бы проявлением трусости с его стороны. Нет, так или иначе ему не удастся избежать неприятного разговора со своей матерью.

И все же, когда Рудольф, остановив машину перед своим домом и разбудив Билли, провел его в прихожую и увидел, что дверь в ее комнату закрыта (вероятно, она поскандалила с Мартой, а теперь сидит у себя и дуется), он почувствовал облегчение. Теперь он сможет, передав Билли в руки Марты, поговорить с матерью наедине: подготовить ее к первой встрече с внуком будет задачей не из легких.

Они с Билли прошли на кухню. Марта сидела за столом и читала газету. В духовке что-то готовилось, и оттуда исходил аппетитный запах. Марта вовсе не была толстой, как несправедливо говорила о ней мать. Напротив, это была угловатая, костлявая старая дева лет пятидесяти, убежденная, что от жизни добра ей ждать нечего, и всегда готовая платить обидчикам их же монетой.

— Марта,— сказал он,— это мой племянник Билли. Он проживет у нас несколько дней. Билли устал с дороги, ему надо принять ванну и поесть чего-нибудь горячего. Прошу вас, позаботьтесь о нем. Спать он будет в комнате для гостей, рядом с моей.

Марта положила газету на стол и произнесла:

— Ваша мать сказала, что вы обедать дома не будете.

— Так оно и есть. Мне скоро нужно уходить.

— Тогда на него хватит еды.— Затем, свирепо кивнув в сторону комнаты матери, Марта пробурчала: — Но ни о каких племянниках она мне не говорила.

— Она и сама не знала, что я его привезу,— ответил Рудольф, стараясь говорить непринужденно, чтобы Билли ничего не заметил.

— Это ее полностью доконает,— заявила бестактная Марта.— Ей только и не хватало, чтобы на голову ей свалился ваш племянничек.

Билли молча стоял в стороне: ему не слишком нравилось, как его встречают.

Марта встала из-за стола. Лицо ее не выражало особого радушия — впрочем, оно никогда не бывало у нее особенно приветливым. Но откуда об этом знать Билли?

— Пойдем со мной, молодой человек,— сказала она.— Думаю, у нас достанет места для такого тощего молокососа, как ты.

Рудольф был поражен: в устах Марты это звучало верхом гостеприимства.

— Давай, устраивайся, Билли,— подбодрил он мальчика.— А я через десяток минут поднимусь к тебе посмотреть, ничего ли тебе не нужно.

Билли неохотно поплелся за Мартой. Теперь, когда он чувствовал себя под защитой дяди, любое, даже недолгое расставание с ним таило в себе опасности.

Рудольфу были слышны их шаги по ступенькам лестницы. Мать тоже их может услышать и догадаться, что в ее доме посторонние. Она легко узнавала его шаги, и, когда он, придя домой, направлялся к себе, всегда окликала его.

Рудольф был бы не прочь чего-нибудь выпить после целого дня, проведенного в качестве образцового трезвенника. Он подошел к холодильнику, достал из него немного льда и проследовал в гостиную. К его приятному удивлению, в гостиной было тепло. Должно быть, Брэд все-таки присылал накануне сантехника, и тот сумел наладить отопление в доме. «Слава Богу», — подумал Рудольф, потому что давно заметил своеобразную закономерность: чем холоднее в доме, тем у матери острее язык.

Он налил себе бурбона, разбавил его водой, бросил в стакан побольше льда, а затем, погрузившись в мягкое кресло и с удовольствием вытянув ноги, принялся потихоньку отхлебывать из стакана, наслаждаясь приятной теплотой, разливающейся по телу. Ему нравилась эта комната — не слишком загромождена мебелью, с современными кожаными креслами, датскими деревянными столами, шаровидными стеклянными плафонами и простыми, нейтрального цвета портьерами на окнах; все это было подобрано с большим вкусом, создавая, по контрасту со старинным, низким, из деревянных балок потолком и большими, квадратными окнами, ласкающую глаз гармонию. Мать не замечала этой гармонии и постоянно твердила, что гостиная напоминает ей приемную дантиста.

Он старался оттянуть разговор с матерью и пил не спеша, маленькими глотками, а, когда допил все, заставил себя встать, вышел из гостиной и, пройдя в конец коридора, постучал в дверь. Спальня матери была на первом этаже, с тем чтобы избавить ее от необходимости подниматься по лестнице. Впрочем, сейчас, после двух операций — первая избавила ее от флебита, а вторая от катаракты, — она передвигалась без особого труда, хотя и продолжала кряхтеть и жаловаться.

— Кто там? — спросила она из-за двери резким голосом.

— Это я, мама, — ответил Рудольф. — Ты не спишь?

— Уже не сплю, — сказала она.

Он открыл дверь и вошел.

— Разве тут уснешь, когда по всему дому словно бродит стадо слонов, — проворчала она с кровати.

Мать сидела на постели, откинувшись на подушки, на которые были надеты отороченные кружевами наволочки. На ней был розовый пеньюар, глаза спрятаны за очками с толстыми стеклами, прописанными врачом после операции. Они позволяли ей читать, смотреть телевизор и ходить в кино. Сильные стекла увеличива-

ли ее глаза до огромных размеров, придавая им какое-то диковатое, отсутствующее и бездушное выражение.

За несколько месяцев, прошедших со времени их переезда в новый дом, врачи сумели сделать с ней чудеса. Рудольф, зная насколько эти операции ей необходимы, уговаривал ее согласиться на них еще тогда, когда они жили над магазином, но она категорически отказывалась. «Не хочу лежать в больнице для бедных, — говорила она, — и быть подопытным кроликом для практикантов, которым я не доверила бы оперировать даже собак, не то что людей», и сколько Рудольф ни старался переубедить ее, она все его доводы пропускала мимо ушей. Пока они жили в бедной квартире, она и себя считала бедной, а потому ни на что лучшее, чем какая-нибудь благотворительная лечебница с ужасными условиями и неквалифицированными врачами, не рассчитывала. Но стоило ей переехать в их новое жилище и узнать из газет (Марта читала ей вслух) об успехах Руди на поприще бизнеса, а в довершение всего прокатиться на купленной сыном новой машине, она, предварительно удостоверившись, что ее будут оперировать самые лучшие и самые дорогие хирурги, наконец осмелилась войти в операционную.

Вера в неограниченные возможности денег подняла ее из могилы, придала смысл ее жизни. Самое большее, на что рассчитывал Рудольф, предавая мать заботам медиков, — это то, что она обретет новые силы, и это позволит ей без излишних страданий дожить последние годы, но она неожиданно для него обрела вторую молодость. У матери появился вкус к активной жизни, и теперь всякий раз, когда машина сына была свободна, за руль садилась хмурая Марта и возила мать по всему городу, — и в салон красоты (волосы у нее теперь были завиты и почти голубого цвета), и в городские кинотеатры, и на мессу в церковь. Если же машина была занята, мать вызывала такси и ездила играть в бридж (дважды в неделю) с вновь приобретенными в церкви знакомыми или разъезжала по магазинам. Она купила себе новое издание «Унесенных ветром» и полное собрание романов писательницы Фрэнсис Паркинсон Киз. Когда Рудольфа не было дома, она любила приглашать на ужин священников из церкви, которую посещала.

Ее гардероб был забит платьями, костюмами и шляпками на все случаи жизни, а ее заставленная мебелью комната походила на антикварную лавку: чего там только не было — и позолоченные столики, и шезлонг, и трельяж с десятком флаконов всевозможных французских духов, и многое другое. Впервые в жизни она стала красить губы, и Рудольфу казалось, что с намалеванным лицом, в кричаще безвкусных туалетах мать выглядит просто ужасно, но он не мог не признать, что жизни в ней теперь куда боль-

ше, чем когда либо прежде. Если таким образом она возмещает лишения своего безрадостного детства и долгих лет замужества, он не чувствовал себя вправе отбирать у нее все эти игрушки.

Одно время он подумывал снять ей квартиру в городе и перевезти ее туда вместе с Мартой, которая ухаживала бы там за ней, но быстро отказался от этой мысли, представив себе, каким горестным будет лицо у матери, когда он в последний раз выведет ее за порог дома и как она будет потрясена неблагодарностью сына, которого любила больше всего на свете, которому по ночам, отстояв на ногах двенадцать часов в булочной, гладила рубашки, ради которого пожертвовала своей молодостью, мужем, друзьями и двумя другими своими детьми.

Поэтому он никуда ее не перевозил. Рудольф был не из тех, кто забывает платить долги.

— Кто там наверху? Ты привел в дом какую-то женщину? — спросила она обвиняющим тоном.

— Я никогда не привожу в дом женщин, мама, — ответил Рудольф, — хотя, честно говоря, почему бы мне их и не приводить, если у меня возникнет такое желание?

— В тебе течет кровь отца, — сказала мать: страшное обвинение.

— Это твой внук. Я привез его из школы.

— Шестилетние дети так тяжело не ходят, — сказала она. — Я еще не глухая.

— Это сын Гретхен, а не Томаса.

— Даже слышать не хочу ее имени, — воскликнула мать и заткнула уши пальцами: телевизор обогатил ее многими новыми жестами.

Рудольф сел на край кровати и, нежно взяв мать за руки, отвел их от ушей. «Я был слишком слабохарактерным все эти годы, — подумал он, не отпуская ее рук. — Этот разговор должен был состояться много лет назад».

— А теперь послушай меня, мама, — сказал он. — Билли — очень хороший мальчик, и сейчас он переживает ужасно сложный период, а, кроме того...

— Я не потерплю в своем доме отродье этой шлюхи, — решительно заявила мать.

— Гретхен — не шлюха, — спокойно сказал Рудольф, — и ее сын — не отродье. К тому же этот дом не твой.

— Я так и знала, что рано или поздно ты попрекнешь меня куском хлеба!

Рудольф оставил без внимания это приглашение к мелодраме.

— Билли поживет у нас всего лишь несколько дней, — твердо проговорил он. — Больше всего он сейчас нуждается в заботе и душевном тепле, и он получит их от нас — и от меня, и от Марты, и от тебя.

— А что я скажу отцу Макдоннеллу? — и мать воздела глаза к небесам, у врат которых, по ее представлениям, находился в этот момент отец Макдоннелл.

— Скажешь, что наконец-то до конца уяснила важность такой добродетели как христианское милосердие.

— Ну да,— насмешливо произнесла мать,— только тебе и говорить о христианских добродетелях! Да ты хоть раз в жизни бывал в церкви?

— У меня сейчас нет времени с тобой спорить,— отрезал Рудольф.— Меня уже ждет Колдервуд.— А упомянул я о христианском милосердии, чтобы дать тебе понять, как ты должна вести себя с мальчиком.

— Я и на пушечный выстрел не подпущу его к себе! — воскликнула мать, очевидно прочтя эту фразу в какой-нибудь из своих любимых книг.— Я запру эту дверь, и Марта будет носить мне еду на подносе.

— Поступай как знаешь, мама,— ровным голосом произнес Рудольф,— но, если ты изолируешь себя таким образом, я изолирую тебя от всего остального. Не будет тебе больше ни машины, ни партий в бридж, ни кредита в магазинах, ни салонов красоты, ни ужинов с отцом Макдоннеллом. Подумай об этом.— Он встал.— А сейчас мне пора уходить. Марта собирается покормить Билли ужином. Советую тебе присоединиться к ним.

Когда он выходил из комнаты, его провожали слезы матери. «Какой дешевый прием — угрожать старой женщине,— пристыженно думал он.— Ну почему она вовремя не умерла? С гордостью и достоинством. Без всех этих голубых завитушек, французских духов и пугающих румян».

Выйдя в коридор, он взглянул на высокие стоячие часы, пригостившиеся у стены между дверьми: если его быстро соединят с Калифорнией, он еще успеет поговорить с Гретхен. Он прошел в гостиную и, сняв трубку, заказал разговор с Лос-Анджелесом. Затем налил себе еще бурбону и, опустившись в кресло, стал ждать звонка. Колдервуд может унюхать запах спиртного, и это ему не понравится, но Рудольф уже находил возможным хоть иногда не обращать внимания на старика. Попивая бурбон, он думал о том, что происходило в эту же самую минуту днем раньше. Переплетенные тела на теплой, мягкой постели в полутемной комнате, на полу поспешно сброшенные красные шерстяные чулки, лимонно-ромовый аромат теплого, сладкого дыхания, смешанного с его собственным. Интересно, а лежала ли его мать каким-нибудь холодным декабрьским вечером много лет назад в сладких объятиях возлюбленного и были ли разбросаны на полу ее одежды, сорванные нетерпеливой рукой любовника? Рудольфу трудно было представить себе такое. Он попытался

вызвать в воображении другую картину — старенькую Джин, лежащую в пышной постели и уставившуюся на него глазами, непомерно увеличенными толстыми стеклами очков, с нарумяненным лицом и кричаще накрашенными губами, искривленными в презрительной и алчной улыбке. Он с ужасом отбросил от себя это видение.

Раздался телефонный звонок — это была Гретхен. Рудольф лаконично описал ей события прошедшего дня и сказал, что он доставил Билли в целости и сохранности к себе домой. Если она хочет, чтобы он посадил его на рейсовый самолет Нью-Йорк — Лос-Анджелес, то он сделает это через два-три дня; если же она предпочитает сама приехать на восток, то он ждет ее в своем доме.

— Нет, я не приеду, — сказала она. — Посади его на самолет.

Приятное чувство предвкушения встречи с Джин: у него теперь есть оправдание съездить во вторник или среду в Нью-Йорк.

— Боже, как я тебе благодарна, Руди! — растроганно произнесла Гретхен.

— Пустяки, — ответил Рудольф. — Когда у меня будет свой собственный сын, я надеюсь, ты тоже позаботишься о нем в трудную минуту. Я дам тебе знать, каким рейсом летит Билли. Может быть, я и сам нагряну к тебе в ближайшее время.

Жизнь других людей. Забота о них.

Колдервуд сам открыл Рудольфу. Он был одет по-воскресному — темный костюм с жилетом, белая рубашка, неброский галстук, черные ботинки. В доме экономного Колдервуда никогда не бывало достаточно света, и Рудольфу трудно было разглядеть в темной прихожей выражение лица своего шефа. Голос Колдервуда, во всяком случае, звучал нейтрально, когда он сказал:

— Проходи, Руди. Ты сегодня не совсем пунктуален.

— Извините, мистер Колдервуд, — сказал Рудольф и последовал за стариком внутрь дома. Колдервуд ходил теперь медленно, словно экономил шаги, отпущенные ему между этим моментом и ждущей его в недалеком будущем могилой.

Они прошли в мрачную, отделанную дубовыми панелями комнату, которую Колдервуд называл своим кабинетом. Центральное место в комнате занимал большой письменный стол из красного дерева, возле стола и вдоль стен стояли несколько кожаных кресел с потрескавшимися дубовыми ручками. Застекленные книжные шкафы были набиты делами, папками с оплаченными счетами и протоколами деловых операций двадцатилетней давности, которые Колдервуд, опасаясь излишнего любопытства своих служащих, до сих пор не решался отправить в подвалы универсама, где хранились папки со всеми другими документами.

— Садись, Руди,— он указал на одно из кресел и тут же скорбно заметил: — Вижу, ты уже успел выпить. Мои зятя, к сожалению, тоже пьют.

Две старшие дочери Колдервуда вышли замуж; одна жила теперь в Чикаго, другая — в штате Аризона. Рудольф подозревал, что девушки, выбирая себе спутников жизни, руководствовались не столько любовью, сколько географическими соображениями: лишь бы уехать подальше от отца.

— Но я пригласил тебя не для того, чтобы беседовать на эту тему,— продолжал Колдервуд.— Мне хотелось поговорить с тобой как мужчина с женщиной, причем именно в тот момент, когда миссис Колдервуд и Вирджинии не будет дома. Я их недавно отправил в кино, и нам с тобой никто не мешает поговорить.— Такие долгие предисловия были не в характере старика. Держался он несколько смущенно, что тоже было на него не похоже.

Рудольф терпеливо ждал, что старик собирается ему сказать дальше, но тот все медлил, беря со стола и вертя в руках то нож для разрезания бумаги, то старинную чернильницу.

— Рудольф...— наконец заговорил он и многозначительно прокашлялся,— признаюсь, меня удивляет твое поведение.

— Мое поведение? — с удивлением переспросил Рудольф, и на мгновение у него мелькнуло подозрение, что Колдервуд каким-то образом пронюхал о его встречах с Джин.

— Да, твое поведение,— повторил Колдервуд и огорченно продолжал: — Это на тебя совсем не похоже, Руди. Ты для меня все равно что родной сын. Больше чем сын. Правдивый, открытый молодой человек, на которого полностью можно положиться,— вот каким я тебя всегда считал.

«Ангел во плоти»,— иронически подумал Рудольф, но промолчал, настороженно ожидая дальнейших слов Колдервуда.

— И вдруг на тебя что-то нашло, Руди,— продолжал Колдервуд.— Ты начал действовать за моей спиной, причем без всяких на то оснований. Ты ведь знаешь, что мог бы просто прийти ко мне в дом, позвонить в мою дверь, и я бы тебя с радостью принял.

— Простите, мистер Колдервуд,— сказал Рудольф, думая про себя, что старик, видно, малость спятил,— но я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите.

— Я говорю о чувствах моей дочери Вирджинии, Руди, вот о чем. И даже не пытайся отрицать!

— Но, мистер Колдервуд...

— Ты играешь ее чувствами. Причем непонятно почему. Ты крадешь там, где имел бы право требовать,— в голосе Колдервуда звучал гнев.

— Уверяю вас, мистер Колдервуд, что я...

— Не в твоём характере лгать, Руди.

— А я и не лгу. Я просто не знаю...

— К твоему сведению, Руди,— девушка во всем призналась! — громогласно провозгласил Колдервуд.

— В чём она могла признаться, если и признаваться-то не в чём?! — Рудольф чувствовал себя беспомощным, но в то же время его разбирал смех.

— А моя дочь говорит совсем другое. Она призналась матери, что любит тебя и собирается ехать в Нью-Йорк учиться на секретаршу, чтобы иметь возможность свободно встречаться с тобой.

— Господи Боже мой!

— В этом доме, Руди, имя Господне не упоминается всеу.

— Мистер Колдервуд, самое большое, что я позволил себе с Вирджинией,— заявил Рудольф,— сводится к тому, что я угостил её ланчем и купил ей лимонад с мороженым — и то когда случайно столкнулся с ней в универмаге.

— Ты сумел обворожить её,— сказал Колдервуд.— Она из-за тебя плачет по пять раз в неделю. Невинная молодая девушка не станет так странно вести себя, если её не заманит в силки мужчина.

«Вот она, пуританская наследственность — проявилась-таки наконец, да ещё с какой силой! — подумал Рудольф.— Целых три века минуло с той поры, как нога пилигрима ступила на Плимутский камень*, три века процветания на бодрящем воздухе Новой Англии, и вдруг — бац! — как будто и не было всех этих трехсот с лишним лет!»

(В этот день на Рудольфа навалилось слишком уж много — сначала Билли и школа, затем его мать, а теперь вдобавок ещё и это!)

— Так вот, молодой человек, я хотел бы знать, что ты намерен делать в сложившейся ситуации?

Когда Колдервуд называл его «молодым человеком», от него можно было ожидать чего угодно. Рудольф лихорадочно соображал, чем это может закончиться. Хотя у него и твердое положение в компании, основная власть все же сосредоточена в руках Колдервуда. Можно, конечно, попытаться с ним бороться, но в конечном итоге тот, скорее всего, вышвырнет его из своего дела. И все из-за этой дуры Вирджинии!

— Я, честно говоря, понятия не имею, чего вы от меня ждете, сэр.— Рудольф пытался выиграть время.

* *Плимутский камень* — гранитный камень, на который ступил первый пилигрим, сошедший в декабре 1620 года с английского корабля «Мейфлауэр», доставившего отцов-пилигримов, основателей Плимутской колонии в Северной Америке. На камне выбита цифра «1620». Почитается в США как национальная святыня.

— А что тут понимать? Все очень просто, — сказал Колдервуд. Было очевидно, что он обдумывал эту проблему с того самого момента, как миссис Колдервуд пришла к нему со *счастливой* новостью о позоре их дочери. — Женись на Вирджинии. Но при этом пообещай мне не переезжать в Нью-Йорк. — («У старика просто пунктик насчет Нью-Йорка, — подумал Рудольф. — Для него этот город — средоточие зла».) — Я сделаю тебя своим полноправным партнером, а после моей смерти ты получишь контрольный пакет акций моей корпорации, а, значит, станешь фактическим ее владельцем. Разумеется, миссис Колдервуд и дочери тоже не будут обижены в моем завещании. Я тебе обещаю никогда не напоминать о сегодняшнем нашем разговоре, и никаких упреков ты от меня не услышишь. Руди, для меня большое счастье, что ты станешь членом нашей семьи. Это было заветной моей мечтой уже многие годы, и скажу тебе честно, мы с миссис Колдервуд всегда недоумевали, почему, бывая в нашем гостеприимном доме, ты не проявлял к нашим дочерям никакого интереса, хотя все они у нас хорошенькие (каждая по-своему), превосходно воспитаны и, позволю себе заметить, вполне обеспечены. И мне непонятно, почему, сделав наконец свой выбор, ты не обратился прямо ко мне.

— Но никакого выбора я не делал! — в отчаянии воскликнул Рудольф. — Вирджиния — очаровательная девушка, и станет, я не сомневаюсь, прекрасной женой. Но я и понятия не имел, что она собирается стать *моей* женой...

— Руди, — жестко произнес Колдервуд, — я знаю тебя уже много лет. Ты один из самых толковых людей, с которыми мне довелось встречаться. И мне трудно поверить, что у тебя хватает наглости сидеть здесь и утверждать...

— Да, хватает! — («К черту бизнес! К черту партнерство!») — И я вам скажу, как решил поступить. Я буду сидеть у вас, в этой комнате, пока не вернутся миссис Колдервуд и Вирджиния, а затем при вас и вашей жене прямо спрошу у Вирджинии, ухаживал ли я за ней и пытался ли ее целовать. — (Конечно, все это — чистой воды фарс, но ему ничего другого не остается.) — Если она скажет «да», значит, соврет, и тогда мне останется одно. Я просто поднимусь и уйду, а вы можете делать все что угодно и с вашей чертовой корпорацией, и с вашими чертовыми акциями, и с вашей чертовой дочерью!

— Руди?! — Колдервуд был шокирован словами Рудольфа, но в то же время было заметно, что уверенность старика заметно поколебалась.

— Если бы она сказала мне о своей любви хотя бы немного раньше, — с натиском продолжал Рудольф, стараясь не утратить возникшего у него преимущества и уже не думая о последстви-

ях,— то, может быть, у нас что-то бы и получилось. Мне она действительно нравится. Но сейчас уже слишком поздно говорить об этом. Если хотите знать, вчера вечером, в Нью-Йорке, я сделал предложение другой девушке.

— В Нью-Йорке? — негодуяще переспросил Колдервуд.— Опять этот Нью-Йорк!

— Итак, хотите ли вы, чтобы я сидел у вас в кабинете и ждал прихода дам, или нет? — спросил Рудольф, с угрожающим видом сложив на груди руки.

— Ты рискуешь целым состоянием, Руди,— предостерег его Колдервуд.

— Да, я рискую целым состоянием, ну и что? — с вызовом ответил Рудольф, хотя у него все похолодело внутри.

— Эта... эта твоя девушка в Нью-Йорке,— уныло проговорил Колдервуд,— она приняла твое предложение?

— Нет.

— Вот тебе и любовь! — В голосе Колдервуда чувствовалось явное облегчение. Неистовство нежных, пылких чувств, столкновение страстей, необузданная анархия секса — разве благочестивая душа Колдервуда способна это понять? — Через пару месяцев ты ее забудешь, и тогда, может быть, вы с Вирджинией...

— Ее «нет» относилось лишь к вчерашнему вечеру,— прервал его Рудольф.— Она обдумывает мое предложение... Так мне подождать миссис Колдервуд и Вирджинию? — Его руки все еще были сложены на груди. Таким образом он удерживал их от дрожи.

Колдервуд раздраженно отодвинул чернильницу на край стола, где было ее постоянное место, и медленно произнес:

— По всей очевидности, ты говоришь правду, Руди. Не знаю, что нашло на эту глупышку. Да-а, представляю, что мне скажет жена: «Ты ее не так воспитал, из-за тебя она выросла слишком застенчивой, ты ее слишком оберегал!» Знал бы ты, сколько мне довелось воевать с этой женщиной! Нет, в мое время все было иначе, можешь мне поверить. Тогда девушки не ходили к матерям с признаниями, что влюбились в молодых людей, которые не обращают на них внимания. А все эти проклятые фильмы. Они отнимают у женщин последние остатки ума. Ладно, можешь их не ждать. Я сам все улажу. Иди. Мне нужно успокоиться.

Рудольф встал, и Колдервуд тоже.

— Хотите, я дам вам совет? — спросил Рудольф.

— Ты только и знаешь, что давать мне советы,— досадливо буркнул Колдервуд.— Я и во сне вижу, как ты нашептываешь мне на ухо. Уже многие годы. Иногда я страшно жалею, что ты появился в моем магазине в то лето. Какой еще совет?

— Отпустите Вирджинию в Нью-Йорк, пусть она выучится на секретаршу и год-другой поживет там одна.

— Превосходный совет,— с горечью произнес Колдервуд.— Были бы у тебя свои дочери, ты бы не давал таких советов. Идем, я провожу тебя до двери.

Прежде чем выпустить Рудольфа, Колдервуд коснулся его руки выше локтя и чуть ли не умоляюще проговорил:

— Руди, если та девушка в Нью-Йорке скажет тебе окончательное «нет», обещай, что вспомнишь о Вирджинии и о том, как она любит тебя, ладно? Пусть она и дурочка, но мне невыносимо больно видеть ее несчастной.

— Не беспокойтесь, мистер Колдервуд,— уклончиво ответил Рудольф и спустился по ступенькам крыльца к своей машине.

Мистер Колдервуд стоял в дверях своего дома на фоне скупо освещенной прихожей и смотрел вслед машине Рудольфа, пока она не исчезла за поворотом.

Он был голоден, но прежде чем идти в ресторан, решил заглянуть домой, чтобы посмотреть, как там Билли. Кроме того, нужно сообщить мальчику о разговоре с Гретхен и о том, что через два-три дня он летит в Калифорнию. Узнав эту новость, Билли хоть будет спать спокойнее — возвращение в школу больше ему не грозит.

Открыв своим ключом входную дверь, Рудольф сразу же услышал доносившиеся из кухни оживленные голоса. Он тихо прошел через гостиную и столовую и, остановившись у двери кухни, прислушался.

— Что я больше всего люблю видеть в подрастающих мальчиках, так это чтобы у них был хороший аппетит,— узнал Рудольф голос матери.— Я рада, что ты ешь с таким удовольствием, Билли. Марта, положи ему еще кусочек мяса и добавь салата. Никаких «нет», Билли! В моем доме все дети должны есть салат.

«Бог ты мой!»,— подумал Рудольф.

— И хоть я уже стара, и мне давно пора бы забыть о подобного рода женских слабостях,— продолжала мать,— но мне нравятся, когда у мальчиков приятная внешность в сочетании с хорошими манерами.— Она говорила кокетливым, воркующим голосом.— Знаешь, кого ты мне напоминаешь, Билли? Я, конечно, никогда не говорила этого в его присутствии, потому что боялась его испортить — нет ничего хуже тщеславных детей,— так вот, ты напоминаешь мне твоего дядю Рудольфа. А он, как всеми считалось, был самым красивым мальчиком в городе, да и теперь он самый красивый молодой человек.

— Все говорят, что я похож на отца,— заявил Билли со свойственной четырнадцатилетним бестактностью, но вполне миролюбиво. Судя по его тону, он уже чувствовал себя здесь как дома.

— К сожалению, я не имела счастья познакомиться с твоим отцом.— В голосе матери почувствовался легкий холодок.— Наверно, у тебя есть с ним какое-то сходство, без этого не бывает, но я-то вижу, что ты пошел по нашей линии, причем больше всего ты похож на дядю Рудольфа. Правда, Марта?

— Да, отдаленное сходство улавливается,— пробормотала Марта, всегда готовая подпустить шпильку в адрес матери.

— Такой же умный, внимательный взгляд, такая же волевая линия губ,— ничуть не смутившись, продолжала мать.— Разве что волосы отличаются. Но мне всегда казалось, что волосы не играют существенной роли во внешности человека. Они почти не отражают его характера.

Рудольф толкнул дверь и вошел в кухню. Билли сидел во главе стола, женщины — по обе стороны от него. С гладко зачесанными и еще мокрыми после ванны волосами, он сиял чистотой и с довольным видом уплетал за обе щеки. Мать надела к ужину скромное коричневое платье и с явным удовольствием изображала из себя добрую бабушку. Марта выглядела менее, чем всегда, сердитой, и губы ее были менее, чем обычно, поджаты — казалось, ей было приятно, что в доме хоть на время поселилась юность.

— У вас здесь все в порядке? — спросил Рудольф.— Билли, тебя хорошо покормили?

— Все потрясающе вкусно,— ответил Билли. На лице его не осталось и следа от недавних переживаний.

— Надеюсь, Билли, ты не против шоколадного пудинга на десерт? — спросила мать, лишь мельком взглянув на стоявшего в дверях сына.— Марта готовит исключительно вкусный шоколадный пудинг.

— Я очень люблю шоколадный пудинг,— проговорил Билли.

— Рудольф тоже всегда говорил, что это его любимое блюдо. Правда, Рудольф?

— Угу,— кивнул тот, хотя и не помнил, чтобы ел его чаще раза в год, и уж тем более не припоминал, чтобы когда-нибудь высказывался на этот счет. Но он не собирался мешать полету материнской фантазии в такой вечер, как этот. Чтобы лучше войти в роль бабушки, она даже не нарумянила щек и за это тоже заслуживала снисхождения.

— А знаешь, Билли,— повернулся он к мальчику,— я разговаривал с твоей мамой.

Билли напряженно взглянул на него: над ним снова нависла угроза возвращения в школу.

— И что она сказала?

— Она тебя ждет. Как только смогу вырваться из конторы, то есть во вторник или среду, я отвезу тебя в Нью-Йорк и посажу на самолет до Лос-Анджелеса.

— А как она ко всему этому отнеслась? — спросил Билли; губы у него дрожали, но слез в глазах не было видно.

— Она просто в восторге, что ты едешь домой, — ответил Рудольф.

— Бедная девочка, — вздохнула мать. — На ее долю выпало столько ударов судьбы!

Рудольф старался не встречаться с ней взглядом.

— Но, Билли, — продолжала она, — это ведь означает, что теперь, когда мы с тобой нашли друг друга, ты не проживешь у своей старой бабушки даже недельки. Какая жалость! Хотя, с другой стороны, лед между нами наконец сломан, и я, наверно, смогу навестить тебя в Калифорнии. Правда, это было бы замечательно, Рудольф?

— Это было бы просто здорово.

— Калифорния... — мечтательно произнесла мать. — Мне всегда хотелось там побывать. Все говорят, что это настоящий рай на земле. К тому же там прекрасный климат для старых костей, как мои. Съездить бы туда, а потом уже можно и умирать... Марта, мне кажется, Билли уже готов для шоколадного пудинга.

— Да, мэм, — сказала Марта, поднимаясь из-за стола.

— Рудольф, — обратилась мать к сыну, — а ты не хочешь кусочек? Не желаешь присоединиться к счастливому семейному кругу?

— Нет, спасибо. — У него не было ни малейшего желания присоединиться к счастливому семейному кругу. — Я не голоден.

— Что ж, пожалуй, я пойду спать, — сказала мать и тяжело встала на ноги. — В моем возрасте надо рано ложиться. Надеюсь, прежде чем подниматься к себе наверх, ты зайдешь поцеловать свою бабушку на сон грядущий, а, Билли?

— Да, мэм, — ответил мальчик.

— Бабушка, — поправила его мать.

— Да, бабушка, — послушно повторил Билли.

И она, бросив последний торжествующий взгляд на сына, выплыла из кухни.

Леди Макбет, на чьей совести пролитая в прошлом кровь, так и осталась не разоблаченной в своем преступлении и теперь успешно заведует детским садом для особо одаренных детей, однако в краях намного более теплых, чем Шотландия.

«Матерей нужно не разоблачать, — подумал Рудольф, произнося „Спокойной ночи, мама“, — их нужно стрелять на месте».

Поужинав в ресторане и вернувшись домой, он попытался дозвониться Джин, чтобы спросить у нее, когда она сможет с ним встретиться — во вторник или в среду, но телефон на ее квартире в Нью-Йорке не отвечал.

Глава 4

Задерживай портьеры после захода солнца. Не сиди по вечерам у окна и не смотри на огни раскинувшегося внизу города. Колин любил смотреть на вечерний город (а ты устраивалась рядышком с ним); он не уставал повторять, что это самое прекрасное зрелище на свете, да и вообще Америка лучше всего выглядит по ночам.

Не одевайся в черное. Траур носят внутри, а не снаружи.

Не пиши слишком эмоциональных писем в ответ на соблазна, приходящие от друзей и знакомых людей, не употребляй в этих ответах слов типа «гений», или «незабвенный», или «щедрый талант», или «сильный духом». Отвечай быстро, кратко и вежливо. Не более.

Не плачь в присутствии сына.

Не принимай приглашений на ужин от друзей или коллег Колина, желающих избавить тебя от страданий в одиночестве.

Когда возникнет какая-нибудь проблема, не протягивай руку к телефонной трубке, чтобы позвонить Колину на студию. Его давно уже там нет.

Не поддавайся искушению рассказывать тем людям, которые завершают за Колина его последнюю, незаконченную картину, как он собирался ее снять.

Не давай никаких интервью и не пиши никаких статей. Не будь источником каких-либо подробностей из его жизни. Не превращайся во вдову великого человека. Не пытайся угадать, как он поступил бы в том или ином случае, если был бы жив.

Не отмечай дней его рождения и важных для него годовщин.

Не поощряй проведение ретроспективных показов его картин, фестивалей, памятных собраний в его честь и не принимай приглашений на них.

Не ходи ни на какие просмотры кинофильмов или премьеры спектаклей.

Когда низко над головой пролетают самолеты, только что покинувшие аэропорт, не вспоминай о ваших совместных воздушных путешествиях.

Не пей в одиночестве или в компании, как бы тебе этого ни хотелось. Старайся не принимать снотворных таблеток. Сноси все сцепив зубы.

Освободи письменный стол в гостиной от завалов книг и сценариев. Теперь все это — фальшь.

Вежливо отказывайся от фолиантов с вырезками из газет и журналов, содержащими рецензии на спектакли и фильмы, режиссером которых был твой муж, и любезно подшитыми студией

в тома с кожаным тисненым переплетом. Не читай и не слушай панегириков творчеству своего мужа.

Оставь на виду в доме лишь одну, и то любительскую, фотографию мужа. Все остальные сложи в коробку и спрячь в подвал.

Исключай из своего меню блюда, которые нравились твоему мужу (каменные крабы, соус «чили», *piccata de veau pizzaiola*).

Когда одеваешься, не стой подолгу у платяного шкафа, глядя на свои платья и раздумывая: «В чем бы он хотел меня увидеть в такой день, как этот?»

С сыном держись спокойно и просто. Не делай трагедии из того, что у него неприятности в школе, или что его остановили хулиганы на улице и отобрали все деньги, или что он пришел домой с расквашенным носом. Не льни к нему и не позволяй ему лнуть к тебе. Когда друзья приглашают его на пляж, или сыграть в футбол, или сходить в кино, говори ему: «Хотя мне нужно переделать массу дел по дому, но без тебя я управлюсь с ними даже быстрее».

Не пытайся заменить ему отца. То, что он должен делать вместе с мужчинами, пусть делает вместе с ними. Не лезь из кожи, чтобы развлечь его, боясь, что ему скучно жить одному в обществе скорбящей женщины в домике, стоящем на отшибе, на верху холма, далеко от всех тех мест, где развлекается молодежь.

Не думай о сексе, но и не удивляйся, если все-таки будешь думать о нем.

Не попадись на удочку, если позвонит твой первый муж и с присущим ему эмоциональным накалом предложит тебе снова выйти за него замуж. Если брак, основанный на любви, оказался настолько непрочным, то брачный союз, в основе которого лежит смерть, и вовсе явится катастрофой.

Не избегай тех мест, где вы с мужем были счастливы вместе, но и не старайся бывать в них намеренно.

Выходи чаще в сад, загорай, мой посуду, поддерживай чистоту в доме, помогай сыну делать уроки, не показывай ему, что ждешь от него большего, чем другие родители от своих сыновей. Подвози его к остановке школьного автобуса, забирай его оттуда на обратном пути. Не донимай его поцелуями.

Будь снисходительной к своей матери, которую сын собирается навестить во время летних каникул. Говори себе: «До лета еще так далеко».

Будь осторожна, оказываясь наедине с мужчинами, которыми ты восхищалась при жизни Колина или которыми восхищался он, но особенно с теми из них, кто относится к тебе с восхищением, что не мешает им восхищаться и многими другими женщинами в Лос-Анджелесе, этом городе прекрасных женщин. Три-четыре вечера наедине с такими мужчинами — и их вполне ис-

креннее сочувствие к тебе может незаметно перерасти в нечто иное, так что ты не успеешь опомниться, как они попытаются затащить тебя в постель, и как знать — может, это им и удастся. Будь столь же осторожна, оказываясь наедине с мужчинами, которые восхищались Колином или которыми восхищался он, ибо их искреннее сочувствие к тебе тоже может закончиться тем, что они попытаются затащить тебя в постель. И им тоже может это удалиться.

Не показывай сыну, что живешь только ради него одного,— это самый верный способ потерять его для себя.

Старайся все время быть чем-то занятой. Но только вот чем?..

— Вы уверены, что искали во всех местах, миссис Берк? — спросил мистер Гринфилд, адвокат, рекомендованный ей агентом Колина,— а точнее, один из множества адвокатов, чьи имена значились на входной двери элегантного здания в Беверли-Хиллс, вмещавшего в себя целый улей адвокатских контор. И все эти респектабельные, разумные, хорошо одетые, любезные, улыбающиеся люди — эти блестящие, а потому и обходящиеся так дорого адвокаты — сочувствовали ей, но ничем не могли помочь.

— Я перевернула весь дом, мистер Гринфилд,— ответила Гретхен.— Нашла сотни сценариев и тысячи счетов, многие из которых еще не оплачены, но завещания нигде не было.

Мистер Гринфилд едва сдержал досадливый вздох. Это был молодежавший человек, носивший рубашки с пристегнутыми воротничками (свидетельство того, что он окончил юридический факультет университета) и яркие галстуки-бабочки (дань тому обстоятельству, что он теперь житель Калифорнии).

— А не известно ли вам о существовании каких-либо сейфов в банках, где он мог бы держать ценности и секретные документы?

— Нет, не известно,— ответила Гретхен.— И я не думаю, что такие сейфы у него были. Насчет этого он был человеком совершенно беспечным.

— Боюсь, он был беспечным и насчет многого другого,— проговорил мистер Гринфилд.— Подумать только, не оставить завещания...

— Откуда он мог знать, что ему осталось так мало жить? — возразила она.— Он ведь даже никогда не болел.

— Человек должен быть ко всему готов,— изрек мистер Гринфилд.— Это упрощает потом многие вещи.

Гретхен не сомневалась, что сам мистер Гринфилд начал составлять свои собственные завещания не позже чем с двадцати одного года.

Мистер Гринфилд, позволив наконец себе вздохнуть, сказал:

— Мы, со своей стороны, испробовали все возможности. Трудно в это поверить, но ваш муж никогда не пользовался услугами адвокатов. Все контракты для него составлял его агент, и, по словам агента, ваш муж, как правило, даже не читал этих контрактов. Когда он согласился на развод со своей первой женой, бракоразводное соглашение он позволил составить *ее*, а не своему адвокату, которого, как я уже сказал, у него не было.

Гретхен никогда раньше не приходилось встречаться с первой миссис Берк, но теперь, после смерти Колина, она вынуждена была с ней познакомиться. Когда-то эта женщина была стюардессой, потом манекенщицей. Всегда отличалась любовью к деньгам, но зарабатывать их считала делом не женским и унижительным. После развода получала алименты в размере двадцати тысяч долларов в год, но незадолго до смерти Колина затеяла судебную тяжбу с целью добиться увеличения этой суммы до сорока тысяч, поскольку доходы Колина, с тех пор как он начал работать в Голливуде, значительно возросли. В настоящее время сожительствовала с каким-то молодым человеком. Много времени проводила за границей, а в Америке жила то в Нью-Йорке, то в Палм-Бич, то в Солнечной долине. Замуж за своего молодого человека выходить не собиралась по вполне объяснимой причине: согласно одному из пунктов, которые Колина все же удалось вставить в бракоразводное соглашение, выплата алиментов в случае ее второго замужества автоматически прекращалась. Судя по всему, она и ее адвокаты отлично знали как законы штата, так и федеральные законы, ибо сразу же после похорон, на которых она не присутствовала, на счет Колина в банке и на его недвижимое имущество был наложен судебный арест, что лишило Гретхен возможности продать дом.

Поскольку у Гретхен не было отдельного счета в банке (в случае необходимости ей давал деньги Колин, а оплатой ее счетов занимался его секретарь), она осталась без единого цента в кармане и теперь полностью зависела от Рудольфа. Вдобавок ко всему, Колин не был застрахован: он считал страховые компании самыми бессовестными грабителями в Америке, поэтому Гретхен ничего не светило и с этой стороны. Ввиду того, что катастрофа произошла исключительно по вине Колина (он врезался в дерево из-за собственной небрежности), Гретхен не было у кого потребовать компенсации. Более того, власти округа Лос-Анджелес собирались предъявить иск за нанесенный дереву ущерб.

— Мне хотелось бы выехать из этого дома, мистер Гринфилд, — сказала Гретхен. Особенно тяжело ей было здесь по вечерам: неясные шорохи в темных углах, постоянное подспудное ожидание, что в любую минуту откроется дверь и войдет Колин, проклиная какого-нибудь актера или оператора...

— Я вас хорошо понимаю,— ответил мистер Гринфилд (он действительно оказался вполне приличным человеком).— Но если вы освободите дом, если просто перестанете в нем жить, первая жена мистера Берка наверняка сумеет найти соответствующий параграф в законе, который даст ей основания поселиться в нем. У нее, должен сказать, отличные адвокаты, просто-таки превосходные...— В его профессиональном восхищении не было и тени зависти: все без исключения адвокаты, чьи имена стояли на входной двери элегантного здания, в стенах которого находилась сейчас Гретхен, готовы были отдать дань искреннего восхищения адвокатам, чьи имена стояли на входной двери другого элегантного здания всего лишь в квартале дальше по этой же улице.— Если и существует хоть какая-то лазейка в законе, они обязательно ее отыщут. А в законах, стоит лишь в них покопаться, всегда можно найти нужную лазейку.

— Ко мне это, увы, не относится,— с отчаянием в голосе произнесла Гретхен.

— Это вопрос времени, дорогая миссис Берк.— В тоне мистера Гринфилда прозвучал легкий укор: его всегда удивляла эта вечная нетерпеливость непрофессионалов.— С сожалением должен отметить, что дело это слишком запутанное. Дом был оформлен на имя вашего мужа, деньги по закладной не выплачены. Величина и стоимость его имущества не определены и, возможно, не будут определены еще достаточно долго: ведь мистер Берк получал весьма солидные проценты с доходов от проката поставленных им трех фильмов, и его роялти за прокат этих картин за границей, а также за право экранизации пьес, к которым он имел непосредственное отношение, тоже были немалые.

Перечисление всех этих захватывающих с точки зрения законоведа хитросплетений в деле покойного режиссера, которые предстояло распутать мистеру Гринфилду, прежде чем на этом деле будет поставлен гриф «закрыто», несомненно доставляло этому достойному джентльмену величайшее удовольствие. Если бы юриспруденция не была такой мудреной штукой, он нашел бы себе другую, еще более головоломную профессию.

— Поэтому,— продолжал он,— нам нужно будет получить заключения экспертов и свидетельства служащих студии, а также добиться некоторых взаимных уступок противных сторон. Я уже не говорю о том, что в этом деле могут появиться и другие лица, притязающие на часть имущества мистера Берка — например родственники, о существовании которых вы даже не подозреваете: в подобных делах они имеют обыкновение возникать, точно из-под земли.

— У него не было никаких родственников, кроме брата,— сказала Гретхен,— но брат сказал мне, что ему ничего не нужно.

Брат Колина приезжал на кремацию. Это был молодой подтянутый полковник ВВС, успевший принять участие в Корейской войне. Он полностью взял организацию похорон в свои руки, и даже Рудольф был оттеснен на второй план. Именно он настоял на том, чтобы не было отпевания в церкви. Он сказал Гретхен, что, когда они с Колином беседовали на тему о смерти, оба решили, что предпочли бы темной, сырой могиле кремацию, и пообещали друг другу, что тот из них, кто переживет другого, подвергнет умершего бесцеремонному сожжению. На следующий день после кремации брат Колина нанял частный самолет и, отлетев от берега на несколько миль, развеял прах брата над водами Тихого океана. Перед отъездом он сказал Гретхен, что в случае каких-нибудь неприятностей или трудностей она сразу же должна обращаться к нему. Но вряд ли браваый полковник ВВС смог бы чем-нибудь помочь вдове брата, попавшей в сети законов,— разве что атаковать с бреющего полета первую жену Колина или сбросить пару бомб на контору адвокатов.

— Благодарю вас, мистер Гринфилд, за все, что вы для меня делаете,— сказала Гретхен, вставая.— Извините, что отняла у вас столько времени.

— Ну что вы,— с присущей адвокатам любезностью ответил мистер Гринфилд, тоже вставая.— Естественно, я буду держать вас в курсе дела.

Он проводил ее до дверей своего кабинета, и, хотя по лицу его трудно было что-то сказать, она была уверена, что он не одобряет выбор платья, в котором она к нему пришла,— модного, хорошо пошитого, светло-голубого.

Она шла по длинному проходу между рядами столов, за которыми на пишущих машинках строчили не поднимая голову секретарши, а ей вслед с полок вдоль стен смотрели бесчисленные папки с соглашениями, завещаниями, исками, вызовами в суд, контрактами, материалами дел о несостоятельности, закладными, записками по делам, представленным адвокатами в апелляционный суд, предписаниями о судебных запретах, приказами о вызове в суд по искам о возврате владения движимостью.

Секретарши строчили на своих пишущих машинках, а ей казалось, что они исполняют странный, стрекочущий похоронный марш в память о Колине Берке — изо дня в день, изо дня в день.

Глава 5

Наверху, на самом носу корабля, было пронизывающе холодно, но Томас любил стоять здесь один и неотрывно смотреть на катящиеся один за другим длинные, серые, увенчанные бе-

лыми гребнями валы Атлантического океана. Он приходил сюда в любую погоду, зачастую даже тогда, когда была не его вахта, и, не заговаривая со стоящим рядом вахтенным, часами наблюдал, как нос корабля то зарывается в воду, то выныривает на поверхность и вздымается вверх в белом кружеве пены. На Томаса сниходило удивительное чувство умиротворения, сознание его словно засыпало, и ему ни о чем не хотелось думать.

Судно бороздило океаны под либерийским флагом, но за два рейса они и близко не подходили к берегам Либерии. Человек по имени Паппи, администратор гостиницы «Эгейская», рекомендованный Шульцем, помог Томасу найти работу на грузовом корабле. Он снабдил его одеждой, а также морской брезентовой сумкой для пожитков — все это раньше принадлежало старому норвежскому матросу, умершему в этой гостинице — и устроил на корабль «Элга Андерсен», принадлежавший греческой компании и возивший грузы из Хобокена в Роттердам, Альхесирас, Геную, Пирей. Все восемь дней, которые Томас вынужден был провести в Нью-Йорке, он не покидал своего номера в гостинице «Эгейская», и Паппи лично приносил ему туда еду: Томас не хотел, чтобы его видел кто-нибудь из прислуги и задавал ненужные вопросы. Накануне отплытия корабля Паппи отвез его в Хобокен и стоял на причале до тех пор, пока Томас не поднялся на палубу. Должно быть, услуга, которую Шульц оказал Паппи в годы войны, когда служил моряком в торговом флоте, была далеко не такой пустяковой, как он говорил.

«Элга Андерсен» снялась с якоря на рассвете следующего дня, и, начиная с того момента, найти Томаса в пределах Америки, если бы кто-то и попытался его искать, стало делом совершенно невозможным. Впрочем, отыскать его и в любом другом месте тоже было бы далеко не просто.

Относилась «Элга Андерсен» к судам типа «Либерти»*, имела водоизмещение десять тысяч тонн, была построена в 1943 году и знавала лучшие дни: судно переходило из рук в руки, и его часто менявшихся владельцев интересовала лишь быстрая нажива, а о ремонте никто не думал — делалось лишь самое необходимое, чтобы посудина держалась на воде и хоть как-то передвигалась. Корпус оброс ракушками, двигатели сипели и кашляли, судно много лет не красили, все покрылось ржавчиной. Кормили на «Элге Андерсен» отвратительно, а ее капитан был старым

* Судно «Либерти» — тип грузового судна водоизмещением 10 тыс. тонн, выпуск которых был налажен в США в 1942 г. Впервые в истории строительство судов было поставлено на конвейер, что значительно ускорило их сборку. Суда типа «Либерти» обеспечивали в период Второй мировой войны поставки военных и гражданских грузов в Англию и СССР по ленд-лизу.

религиозным маньяком, который во время шторма становился на колени на своем мостике и начинал молиться. Этого человека во время войны списали на берег за симпатии к нацистам. Командный состав судна был набран из каких-то подозрительных личностей, уволенных с других кораблей за профессиональную непригодность, за пьянство или воровство, а матросы представляли собой пестрый сброд чуть ли не из всех стран, лежащих на берегах Атлантического океана и Средиземного моря; среди них были и греки, и югославы, и норвежцы, и итальянцы, и марокканцы, и мексиканцы, и американцы, причем документы большинства из них при проверке наверняка оказались бы фальшивыми. В кают-компаниях, где ни на минуту не прекращалась игра в покер, чуть ли не каждый день возникали драки, но командный состав судна предпочитал в них не вмешиваться.

Томас за покер не садился, в драки не ввязывался, в разговоры без особой необходимости не вступал, ни на какие вопросы не отвечал, но, несмотря ни на что, испытывал в душе покой, чувствовал, что, бороздя бесконечные океанские просторы, нашел наконец свое место на планете: ни женщин, ни забот о поддержании нужного веса, ни огорчений из-за появления крови в моче по утрам, ни лихорадочных поисков денег в конце каждого месяца. Когда-нибудь он вернет Шульцу сто пятьдесят долларов, которые тот дал ему в Лас-Вегасе. С процентами.

Он услышал сзади шаги, но не обернулся.

— Ночка будет не из приятных,— сказал присоединившийся к нему на носу корабля человек.— Пльвем прямо в пасть шторму.

Томас чертыхнулся про себя. Он узнал голос Дуайера, парня родом со Среднего Запада, разговаривавшего с томными и манерными интонациями, словно педик. К тому же он слегка шепелявил, и передние зубы у него были длинные, как у кролика, отчего его так и прозвали — Кролик.

— А все этот шкипер,— продолжал Дуайер.— Вечно молится на своем капитанском мостике. Недаром говорят: взял священника на судно — будет плавание трудным.

Томас по-прежнему молчал.

— Надеюсь, шторм хоть не будет слишком сильным,— не унимался Дуайер.— А то посудины вроде нашей, эти наспех сколоченные «Либерти», во время шторма часто раскалываются пополам. К тому же мы перегружены. Ты заметил, какой у нас крен на левый борт?

— Нет.

— Еще и какой крен. Это твое первое плавание?

— Второе.

Дуайер нанялся на «Элгу Андерсен» в Саванне, где судно стояло на рейде после возвращения Томаса из первого рейса.

— Чертова галоша! — проговорил Дуайер. — Я нанялся сюда только потому, что мне тут кое-что светит.

«И что же тебе светит?» — Дуайер явно ждал этого вопроса, но Томас молчал, вглядываясь в темнеющий горизонт.

— Понимаешь, — продолжал Дуайер, видя, что Томас не склонен поддерживать разговор, — я получил бумаги на третьего помощника капитана, но на американских судах мне пришлось бы ждать повышения много лет. А на корыте вроде этого, с его командным составом, набранным из всяких подонков, кто-нибудь из них может по пьянке свалиться за борт или в каком-нибудь порту быть схваченным полицией за прежние дела, и вот тут-то у меня появится шанс, понимаешь?

Томас промычал в ответ что-то невразумительное. Он ничего не имел против Дуайера, но и не испытывал особого желания беседовать с ним.

— Ты тоже собираешься сдавать на помощника? — спросил Дуайер.

— Я как-то об этом не думал, — нехотя ответил Томас.

Погода стала заметно портиться, через борт перехлестывались волны. Томас зябко кутался в свой бушлат, под которым у него был плотный свитер с воротником под горло. Старый норвежец, скончавшийся в гостинице «Эгейская», наверняка был крупного телосложения: его одежда пришлась Томасу как раз впору.

— Это единственный стоящий вариант, — говорил тем временем Дуайер. — Я это понял сразу же, как в первый раз вышел в море. Простой матрос или даже матрос первого класса в конце концов оказывается ни с чем. У него собачья жизнь, а в пятьдесят он превращается в старую развалину. Даже если он плавает на американских судах, где тебе и профсоюзы, и Бог знает что еще и где обязательно дают свежие фрукты. Тоже еще мне — свежие фрукты! Тут главное — думать о будущем. Нашивка помощника капитана на рукаве — вот к чему надо стремиться. После этого рейса поеду в Бостон и попытаюсь сдать на второго помощника.

Томас взглянул на него с любопытством. На Дуайере была белая матросская шапочка, натянутая поверх желтой зюйдвестки, на ногах — новенькие рабочие сапоги, тяжелые, высокие, на резиновой подошве. Он был небольшого роста и походил на мальчика, нарядившегося на карнавал в новый аккуратный костюмчик матроса дальнего плавания. От морского ветра у него покраснело лицо, но не так, как у мужчин, проводящих целые дни на воздухе, а скорее как у непривычной к холоду девушки, разругавшейся на морозе. Длинные темные ресницы окаймляли мягкие черные глаза, в которых застыло почти приторное выражение. Рот у него был слишком большой, а пухлые губы —

слишком подвижные. Дуайер непрерывно совал руки в карманы и тут же вынимал их оттуда.

«Черт,— подумал Томас,— этот педик не случайно поднялся ко мне на палубу и не просто так заговорил. И он, видно, неспроста улыбается мне каждый раз, когда проходит мимо. Лучше сразу поставить этого улюбка на место».

— Если ты такая образованная шишка с бумагами помощника в кармане и все такое прочее,— грубо сказал Томас,— то скажи мне, какого черта ты тут делаешь среди нас, простых матросов? Почему не танцуешь в этот момент в белом форменном кителе помощника капитана с какой-нибудь богатой наследницей на шикарном лайнере?

— Никакая я не шишка, Джордах,— словно оправдываясь, произнес Дуайер.— И я совсем не пытаюсь выпендриваться, поверь мне. Просто иногда хочется с кем-то поговорить, а ты примерно одного со мной возраста, к тому же американец и ведешь себя с достоинством; да, я сразу это увидел — с достоинством. Все остальные здесь — просто животные. Вечно надо мной насмеются. Да, я не такой, как они, у меня есть честолюбие. И я никогда не играю с ними в их шулерский покер. Ты, должно быть, и сам это заметил.

— Ничего я не замечал,— ответил Томас.

— Они думают, что я гомик,— сказал Дуайер.— Ты этого тоже не замечал?

— Нет, не замечал,— ответил Томас. В кают-компании он бывал только во время завтрака, обеда и ужина.

— Это мое проклятие,— сказал Дуайер.— Каждый раз когда я пытаюсь наняться на какой-нибудь корабль третьим помощником, повторяется одно и то же. Они смотрят на мои бумаги, на мои рекомендации, пару минут со мной разговаривают, затем начинают как-то странно на меня поглядывать и в конце концов заявляют, что вакансий у них нет. А я всегда наперед знаю по этим взглядам, что меня не возьмут. Но я не гомик, Джордах! Клянусь тебе!

— Никто тебя ни в чем не заставляет клясться,— отозвался Томас.

От этого разговора ему стало не по себе. Он не испытывал желания узнавать о чужих секретах и неприятностях. Ему просто хотелось делать свою работу, плавать по морям и океанам, заходя время от времени в порты, и ни о чем не думать.

— Да у меня, черт побери, и невеста есть! — воскликнул Дуайер и, вытащив из заднего кармана брюк бумажник, вынул оттуда фотографию.— На, можешь взглянуть.— И он сунул снимок Томасу под нос.— Это мы с моей девушкой прошлым летом на пляже в Наррагансетте.

На снимке очень хорошенькая, полненькая девушка в куртке, со светлыми кудряшками, стояла рядом с невысоким, но стройным и мускулистым молодым человеком с фигурой боксера легчайшего веса, в туго обтягивающих ладное тело плавках. Томас подумал, что не удивился бы, если бы оказалось, что Дуайер выходил на ринг, хотя, конечно, сам по себе этот факт еще ни о чем не говорил.

— Разве я похож здесь на гомика? — спросил Дуайер. — И разве такая девушка станет выходить за голубого?

— Нет, — вынужден был признать Томас.

Волна, ударившись о нос судна, обдала фотографию брызгами.

— Лучше спрячь поскорее свой снимок, — сказал Томас. — Не то покоробится от воды.

Дуайер достал носовой платок, вытер карточку и снова положил ее в бумажник.

— Я просто хотел, чтоб ты знал, — сказал он, — что, если иногда я и подойду к тебе поболтать, то в этом ничего такого нет.

— Ладно, — буркнул Томас. — Буду знать.

— Главное, чтобы во всем была ясность, — почти воинственно заявил Дуайер. — Вот и всё. — Он резко повернулся и зашагал прочь от Томаса по узкому дощатому настилу, временно сооруженному над баками с нефтепродуктами, перевозимыми в качестве палубного груза.

Томас мотнул головой, стряхивая с лица холодные, как льдинки, брызги. У каждого свои неприятности и заботы. Полный корабль забот. Но если все на этой чертовой посудине станут подходить к нему и изливать свою душу, то лучше сразу же сигануть за борт.

Он присел за носовым ограждением, прячась от прямого попадания на лицо каскадов ледяных брызг, и лишь изредка поднимал голову, чтобы, выглянув из-за борта, посмотреть, ничего ли не видно впереди, по курсу «Элги Андерсен» — ведь как-никак он нес вахту и обязан был делать свою работу.

«Сдать на помощника капитана, — подумал он. — Почему бы и нет, если уж решил связать свою жизнь с морем?» Надо будет спросить у Дуайера — не специально, а будто бы между прочим, — как это делается. Собственно, ему наплевать, гомик тот или не гомик.

Они вошли в Средиземном море и сейчас проходили мимо Гибралтара, но погода стала даже хуже, чем раньше. Капитан, как и прежде, возносил на своем мостике молитвы Господу Богу и Адольфу Гитлеру. Никто из командного состава не напился настолько, чтобы свалиться за борт, и Дуайер пока не получил повышения. Они с Томасом сидели за металлическим столом,

привинченным к палубе на том месте на корме, где когда-то стояли зенитные орудия и располагались жилые и служебные помещения зенитчиков. Хотя орудия давно уже демонтировали, жилые помещения зенитчиков, оборудованные по меньшей мере десятью писсуарами (должно быть, у зенитчиков, едва над их головой раздавался рев самолетов, начиналось недержание мочи), оставались на месте. В одном из этих помещений Дуайер с Томасом сейчас и сидели.

Море было бурным, судно швыряло с волны на волну, и гребной винт то и дело выныривал из воды, а корма стремительно накренилась то на один борт, то на другой и ходила ходуном, так что Дуайеру и Томасу то и дело приходилось хватать разложенные на столе бумаги, книги и карты, чтобы они не соскользнули на пол. Но бывшие жилые помещения зенитчиков были единственным помещением на корабле, где они могли уединиться и без помех заниматься. А занимались они по меньшей мере часа по два каждый день, и Томас, никогда не отличавшийся усердием в школе, удивлялся, как быстро он усваивает объяснения Дуайера о правилах навигации, о работе с секстантом, о звездных картах и о правилах погрузки, — все это Томасу было необходимо знать как свои пять пальцев, чтобы сдать экзамен на третьего помощника. А еще его удивляло, какое удовольствие доставляют ему эти занятия. Размышляя об этом на своей узкой койке в те ночи, когда он был свободен от вахты, и прислушиваясь к храпу двух других матросов, занимавших одну с ним каюту, он начинал понимать, почему в нем произошла столь разительная перемена. Дело не только в возрасте. Он по-прежнему ничего, кроме учебников, не читал, — даже газет, даже спортивных страниц. Но морские карты, технические описания конструкции кораблей, чертежи двигателей и математические формулы помогут ему найти выход из той беспросветной жизни, которую он вел столько лет. И выход этот был для него единственным.

Дуайер в своей жизни успел поработать как палубным матросом, так и в машинном отделении, и у него было не слишком глубокое, но достаточное представление о судовых машинах и механизмах, а Томасу опыт работы в гараже помогал легче понимать то, что ему рассказывал Дуайер.

Детство Дуайера прошло на берегах озера Верхнее*, и он начал плавать на судах с самого юного возраста. Вскоре после окончания школы он отправился «автостопом» в Нью-Йорк,

* *Озеро Верхнее* — одно из пяти так называемых Великих озер на севере США, на границе с Канадой. Является самым большим по площади пресным озером в мире (82,4 тыс. кв. км). Длина 563 км, ширина 257 км, глубина до 393 м.

а, оказавшись там, сразу же поехал в Бэттери-парк, на берег Нью-Йоркской гавани, чтобы впервые в жизни увидеть суда морского плавания, за прибытием и уходом которых он долго и замороженно наблюдал. Вскоре он нанялся палубным матросом на танкер прибрежного плавания, и с тех пор почти не сходил на сушу. Какие бы мытарства он ни испытывал на борту множества кораблей, на которых ему пришлось плавать, его самоотверженная любовь к морю ни в малейшей степени не убавилась.

Он не расспрашивал Томаса о прошлом, ну а Томас никогда не любил распространяться на эту тему. Он был благодарен Дуайеру за его уроки и постепенно начинал испытывать симпатию к этому похожему на мальчика человеку.

— Придет такой день, — сказал Дуайер, поймав на лету готовую упасть со стола морскую карту, — когда и у тебя и у меня будут собственные корабли. *Капитан Джордах, капитан Дуайер передает вам свои наилучшие пожелания и просит оказать ему честь и подняться на борт его судна.*

— Да-а-а, — протянул Томас, — я так и представляю себе эту картину.

— Наши шансы увеличатся, если начнется какая-нибудь война, — продолжал мечтать вслух Дуайер. — Я не говорю о большой заварухе типа Второй мировой войны, когда было достаточно уметь переплыть на яхтенной лодке через озеро в нью-йоркском Центральном парке, чтобы тебя сделали шкипером какого-нибудь (пусть и завалящего) суденышка. Нам сойдет и небольшая война вроде Корейской. Ты даже не представляешь себе, с какими «бабками» возвращались оттуда ребята — за плавание в зоне боевых действий им платили дай Бог! А сколько ребят, которые не смогли бы отличить своей задницы от кормы корабля, становились хозяевами своих собственных суден! Черт возьми, если Штаты затеют в ближайшее время войну — все равно с кем — и мы с тобой будем к этому времени наготове, то трудно даже сказать, как высоко мы можем подняться...

— Прибереги свои мечты для лучших времен, — прервал его Томас. — А сейчас давай-ка лучше снова займемся делом.

И они склонились над морской картой.

Эта неожиданная идея пришла ему в голову, когда они были в Марселе.

Приближалась полночь. Они с Дуайером только что поужинали в ресторанчике «Дары моря» в *Vieux Port*^{*}. Томас напомнил себе, что они не где-нибудь, а на столь памятном ему южном побережье Франции, и они выпили целых три бутылки *vin rosé* на двоих именно потому, что были на южном побережье

* *Vieux Port* (фр.) — Старая гавань.

Франции, хотя Марсель вряд ли можно считать туристическим курортом. «Элга Андерсен» должна была сняться с якоря в пять утра, а это значило, что в их распоряжении оставалось еще целых пять часов.

После ужина они некоторое время бродили по городу, заходя то в один бар, то в другой, а напоследок заглянули в маленькую темную забегаловку неподалеку от улицы Канзбьер. В забегаловке играл музыкальный автомат, несколько толстых проституток у стойки ждали, когда кто-нибудь предложит им выпить. Томас не отказался бы позабавиться с какой-нибудь девчонкой, но у этих был слишком уж затасканный вид, к тому же от таких можно подцепить и венерическую болезнь вроде триппера, да и вообще слишком уж мало они соответствовали тому типу роскошных женщин, с которыми представляешь себя на южном побережье Франции.

Потягивая вино за столиком у стены и поглядывая затуманенными глазами на толстые ноги проституток, выглядывающие из-под кричаще ярких шелковых платьев, Томас вспоминал десять лучших дней в своей жизни, проведенных в Канне с лихой английской девушкой, столь любившей драгоценности.

— Слушай,— сказал он Дуайеру, который сидел напротив него и пил пиво.— У меня есть идея.

— И что это может быть? — Дуайер настороженно косился на девиц у стойки, боясь, что какая-нибудь из них может подсесть к ним за столик и положить ему на колено руку. За несколько часов до этого он заявил Томасу о своей готовности подцепить первую попавшуюся проститутку, чтобы раз и навсегда доказать тому, что никакой он не педик, но Томас уверил его, что в этом нет особой необходимости, так как для него абсолютно неважно, педик он или не педик. Кроме того, добавил Томас, само по себе это ничего еще не докажет, поскольку ему встречались многие голубые, которые одновременно трахались с женщинами.

— В каком смысле? — Томас не совсем понял реакцию Дуайера.

— Ты ведь сказал, у тебя есть идея.

— А, ну да, идея. И идея отличная — давай не возвращаться на этот чертов корабль.

— Ты что, с ума спятил?! — Дуайер был явно шокирован.— Какого черта мы будем делать в Марселе без нашего корабля? Да нас же посадят в тюрьму.

— Ни в какую тюрьму нас не посадят,— спокойно произнес Томас.— Я же не предлагаю тебе оставаться здесь навсегда. Какой следующий порт у нашей «Элги»? Генуя, не так ли?

— Генуя,— неохотно отозвался Дуайер.— Ну и что?

— Вот в Генуе мы и нагоним «Элгу» — заявил Томас.— Скажем: надрались вдрызг и заснули мертвецким сном, а, когда про-

снулись, «Элги» и след простыл. Поэтому пришлось ехать в Геную. Что они смогут нам сделать? Ну, вычтут «бабки» за несколько дней, вот и все. Никуда они не денутся — у них и так не хватает рабочих рук. После Генуи «Элга» идет прямо в Хобокен, ведь так?

— Ну да.

— А это значит, что перед долгим плаванием в родные Штаты мы сможем отлично провести время на прекрасных берегах Франции. Да и все равно я не собирался оставаться на этой дырявой посудине вечно. Неужели мы не найдем чего-нибудь получше в Нью-Йорке?

— Ну и что мы будем делать до Генуи? — обеспокоенно спросил Дуайер.

— Путешествовать, — ответил Томас. — Устроим себе грандиозное турне! Сядем на поезд и махнем в Канн. В эту «Мекку миллионеров», как любят писать в газетах. Я однажды там был. Лучшее время в моей жизни. Будем валяться на пляже, найдем себе дамочек. Ведь у нас куча денег — все, что нам заплатили за это время...

— Я предпочитаю откладывать свои деньги, — сказал Дуайер. — Они мне еще пригодятся.

— Нужно ведь и расслабляться хоть иногда, — нетерпеливо произнес Томас.

Сейчас, когда Канн был так близок, так доступен, ему была ненавистна сама мысль о возвращении к тоскливой жизни на обшарпанном суденышке с облупившейся краской, ко всем этим вахтам, к необходимости есть помои, которые им давали вместо приличной еды.

— У меня нет с собой даже зубной щетки, — сказал Дуайер.

— Да куплю я тебе зубную щетку! — убеждал его Томас. — Разве не ты прожужжал мне уши о том, какой ты замечательный моряк и как еще мальчишкой ты избородил на рыбацьеи плоскодонке вдоль и поперек свое озеро Верхнее?..

— Какое отношение озеро Верхнее имеет к Канну?

— Эй, морячок... — К ним подошла одна из шлюх — из выреза покрытого блестками платья щедро выпирал ее обширный бюст. — Не хочешь угостить даму стаканчиком вина и приятно провести с ней время? Твой приятель может пригласить другую даму. — Она завлекательно улыбалась, демонстрируя золотые зубы.

— Вали отсюда! — брезгливо процедил Томас.

— *Salaud!* — добродушно бросила шлюха и, сверкая блестками, величественно поплыла к музыкальному автомату.

* *Salaud!* (фр.) — сволочь!

— Ты спрашиваешь, какое отношение озеро Верхнее имеет к Канну? — сказал Томас. — Что ж, я тебе скажу какое. Итак, ты прирожденный моряк, с самого детства плававший в лодчках по озеру Верхнее...

— Погоди, я ведь...

— Нет ты скажи — да или нет?

— Бога ради, Томми, — взмолился Дуайер. — Я же никогда не говорил, что я Христофор Колумб или еще кто-нибудь вроде него. Я действительно плавал в детстве на плоскодонке и моторных лодках, а также...

— То есть надо думать, ты умеешь управляться с лодками — так или нет?

— Ну, допустим, умею, — осторожно произнес Дуайер. — И что из этого следует?

— А вот что, — сказал Томас. — На пляже в Канне дают напрокат парусные лодки с почасовой оплатой, и мне хотелось бы самому увидеть, на что ты способен. По части теории, карт и книг тебе, конечно, нет равных. А вот теперь посмотрим, каков ты в деле. Как отчаливаешь и причаливаешь, как управляешься с парусами. Или я должен и это принимать на веру, подобно твоим заверениям, что ты не педик?

— Томми! — обиженно воскликнул Дуайер.

— Понимаешь, ты мог бы меня кое-чему научить, — продолжал Томас. — Я хотел бы получить уроки у настоящего спеца. А впрочем, черт с тобой. Если ты такой трус, я поеду один. А ты будь пайнкой и послушно возвращайся на судно.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — сказал Дуайер. — Никогда раньше я ничего подобного не делал, но я согласен. К чертовой матери нашу «Элгу»! — И он залпом осушил свою кружку пива.

— Что ж, в путь! — произнес Томас. — Нас ждет грандиозное турне.

Все было не так замечательно, как в запомнившиеся ему далекие дни, потому что рядом с ним был Дуайер, а не та бедовая англичанка. И все-таки было неплохо. Во всяком случае, лучше, чем отстаивать вахты на «Элге Андерсен», жрать всякую дрянь и спать в вонючей каюте с двумя храпящими марокканцами.

Сняв номер в дешевой, маленькой, но оказавшейся не такой уж плохой гостинице на rue d'Antibes*, они сразу же отправились на пляж купаться, хотя еще стояла весна и вода была такой холодной, что долго в ней они не могли выдержать. Но здания были такими же белыми, как и многие годы назад, вино таким же ро-

* Rue d'Antibes (фр.) — Антибская улица; названа в честь курортного городка Антиба, расположенного неподалеку от Канн.

зовым, небо таким же голубым, и так же, как и тогда, в порту на рейде стояли роскошные яхты. Хотя, в отличие от прошлого раза, Томасу не нужно было волноваться из-за излишнего веса, и его не ждала в конце отпуска встреча на ринге с громиллой французом, готовым свернуть ему голову.

Они взяли напрокат маленькую парусную лодку с оплатой за каждый час, и выяснилось, что Дуайер говорил правду — он действительно умел управлять мелкими суднами. За два дня он научил Томаса очень многим вещам, и тот уже уверенно ставил лодку на якорь (из десяти раз у него получилось девять), умел спускать паруса, плавно подходил к причалу и швартовался.

Но больше всего времени они проводили в гавани: неторопливо бродили по пристаням, молча восхищались застывшими у причалов и отдраенными к предстоящему летнему сезону парусниками, шхунами, большими яхтами и катерами.

— Черт подери, — качал головой Томас, — в мире такая уйма денег, и все они у других, а не у нас.

Они облюбовали бар на набережной Сен-Пьер, куда часто заходили матросы и капитаны прогулочных судов. Среди них было много англичан, другие тоже знали английский, хотя и не так хорошо. Томас и Дуайер помногу с ними беседовали. Судя по всему, работать матросам приходилось не слишком много, и бар в любое время дня был заполнен по меньшей мере наполовину. Томас с Дуайером научились пить анисовый аперитив *pastis* — во-первых, его пили все остальные, а, во-вторых, он был намного дешевле, чем виски. Они так и не нашли себе девушек, а те девичьи, что окликали их через окна автомашин на набережной Круазетт или заигрывали с ними в порту, запрашивали слишком много. Но Томас — пожалуй, впервые в жизни — не слишком огорчался, что ему приходится обходиться без женщин. Ему хватало и других впечатлений. Его завораживала жизнь гавани, и он завидовал владельцам всех этих прекрасных судов, стоявших на якоре. Девять месяцев в году — открытое море, и не нужно подчиняться никакому боссу, стоящему над твоей головой, а остальные три месяца, в летний сезон, — на борту собственной яхты стоимостью в сотню тысяч долларов и прогулки в такие места как Сен-Троpez, Монте-Карло и Капри. До чего эффектно входили яхты в Каннскую бухту с красивыми девушками в купальных костюмах на борту, расположившимися на палубе в эффектных, картинных позах. Это совсем иной мир; те, кто в нем живет, пьют и едят, как короли, для них ничего недоступного не бывает.

— Эти парни уже решили для себя все проблемы Вселенной, — сказал Томас Дуайеру на пятый день пребывания в Канне.

Томас подумывал о том, не уйти ли ему совсем с «Элги Андерсен» и не подыскать ли себе работу на одной из яхт в гавани,

но оказалось, что если вы не шкипер, то постоянной работы вам не найти, а те три-четыре месяца в летний сезон, когда вас могут нанять матросом, вы будете получать какие-то жалкие гроши, тогда как в остальное время года вам придется жить, положив зубы на полку. Да, ему нравился Канн, но не настолько, чтобы голодать восемь месяцев в году ради одной только возможности там находиться.

Дуайер был так же ослеплен и заворожен Канном, как и Томас. Может быть, даже в большей степени. И хотя он, в отличие от Томаса, никогда раньше не бывал в Канне, зато лодками и всевозможными судами он восхищался всю свою жизнь. И крутился вокруг них с самого детства. А поэтому то, что для Томаса явилось недавним открытием, для Дуайера было лишь напоминанием о той радости, которую ему в мальчишеские годы доставило первое знакомство с миром лодок, яхт и кораблей.

Одним из постоянных посетителей бара был невысокий, загорелый, седовласый англичанин по фамилии Дженнингз, во время войны служивший в британском военно-морском флоте, а сейчас владеющий большой, двадцатиметровой яхтой с пятью каютами. «Яхта старая и слегка своевольная», — сказал им англичанин, но он знает ее как свои пять пальцев, и она ходит у него по всему Средиземноморью: и на Мальту, и в Грецию, и на Сицилию — куда угодно. Летом он сдает яхту в аренду и плавает на ней в роли чартерного капитана. У него есть агент в Канне, рассказывал им англичанин, который за десять процентов находит для него выгодных нанимателей и оформляет чартерные договоры. Англичанину, можно сказать, повезло. Бывший владелец яхты, на которого когда-то работал Дженнингз, ненавидел свою жену и перед смертью, назло ей, завещал судно ему.

Рассказывая им все это, Дженнингз с удовольствием потягивал свой *pastis*. Его яхта, имевшая несколько странное название «Гертруда-2», приземистая, но чистенькая и приятная на вид, была пришвартована на зиму как раз напротив бара, и, попивая *pastis*, Дженнингз нежно поглядывал на нее. У него были все основания чувствовать себя довольным: уютный бар, приятные собеседники, собственная яхта перед глазами.

— Да-а, ребята, мне грех жаловаться на жизнь, чего тут скрывать, — говорил Дженнингз. — А ведь когда-то приходилось таскать грузы в ливерпульских доках за жалких два шиллинга в день или обливаться кровавым потом, смазывая машины на каком-нибудь корыте в Северном море — а выйдешь на палубу, тут же промерзаешь до костей от зимнего ветра. Здесь же — солнечно и тепло, просто рай, да и налоги ниже. — И он сделал широкий жест в сторону порта, видного как на ладони из окон бара: голу-

бое небо, легкий бриз с моря, мягкое солнце ласково касается покачивающихся мачт судов, пришвартованных к пристани одно рядом с другим.

— Погода для богатых,— медленно проговорил Дженнингз.— Да-а, погода для богатых.

— Хочу задать вам один вопрос, Дженнингз,— сказал Томас: он угощал англичанина, а, значит, чувствовал себя вправе задавать ему вопросы.— Скажите, во сколько может обойтись приличная яхта — ну, например, такая, как у вас?

Дженнингз не торопясь раскурил трубку. Он все делал не торопясь, этот Дженнингз. Теперь, когда он больше не служил на флоте, не смазывал двигателей в машинном отделении, не работал на погрузке кораблей под окрики рычащих на него помощников капитана или боцманов, торопиться ему было некуда.

— Вопрос непростой, приятель,— медленно проговорил он.— Яхты — они как женщины. Одни обходятся дорого, другие дешевле, но высокая цена — еще не гарантия, что ты получишь от них удовольствие,— и Дженнингз рассмеялся, довольный своей шуткой.

— Назовите минимум,— настаивал Томас.— Самый минимум.

Дженнингз почесал в затылке и допил свой *pastis*. Томас тут же заказал ему еще.

— Все зависит от того, как кому повезет,— сказал Дженнингз.— Я знаю случаи, когда люди выкладывали сто, а то и больше тысяч фунтов (причем деньги на бочку) за суда, спроектированные лучшими корабельными инженерами, построенные на лучших судостроительных верфях Голландии или Британии, со всеми мыслимыми и немыслимыми причиндалами — корпусами из лучших марок стали, палубами из тикового дерева, радарам, электрифицированными туалетами, кондиционерами, автоматическими системами управлением курса судна,— а потом подобная яхта становилась для ее владельца чуть ли не обузой, он проклинал тот день, когда купил эту чертову игрушку, и старался избавиться от нее, предлагая любому за какой-нибудь ящик виски, но желающих не находилось.

— Это не наш случай,— коротко произнес Томас.— У нас нет ста тысяч фунтов.

— У нас? — удивленно переспросил Дуайер.— Что ты имеешь в виду под этим «у нас»?

— Помолчи,— оборвал его Томас, а затем, снова повернувшись к Дженнингзу, спросил: — Но ведь ваша яхта не обошлась вам в сто тысяч фунтов, разве не так?

— Нет,— ответил тот.— А я и не говорил, что она мне много стоила.

— Я имею в виду какую-то разумную цену,— сказал Томас.

— Слово «разумный» неприменимо к яхтам,— с важным видом изрек Дженнингз: он уже начинал действовать Томасу на нервы.— То, что является разумным для одного, безумие — для другого. Как я уже говорил, все зависит от случая и везения. Допустим, человек купил небольшое, но вполне приличное судно за двадцать — тридцать тысяч фунтов, но потом оказалось, что его жена страдает морской болезнью, или, скажем, у него целый год плохо шли дела и кредиторы не отстают от него, требуя назад деньги, да еще с процентами, или же, например, все время стоит штормовая погода и поэтому он жалеет, что вообще купил яхту, или, скажем, резко упали цены на акции, потому что в Италии либо во Франции ожидается приход коммунистов к власти, или, допустим, вот-вот должна начаться война, или же, например, им заинтересовалась налоговая инспекция из-за каких-нибудь махинаций: допустим, он не сообщил им, что купил яхту на деньги, тайно положенные в какой-нибудь швейцарский банк, а они об этом пронюхали и нажимают на него, требуя уплаты налогов, да еще и штрафов в придачу, а он, понимая, что дело его швах, пытается срочно продать судно, но, как на грех, именно на этой неделе не находится покупатель... Ты следишь за течением моей мысли, приятель?

— Слежу,— буркнул Томас.— Для этого мне не нужна карта течений.

— Итак, он в отчаянии,— продолжал Дженнингз,— и ему нужно хоть кровь из носу раздобыть к понедельнику пять тысяч гиней. И вот если в этот момент ему подвернешься ты, и у тебя, к примеру, есть как раз пять тысяч гиней...

— Гиней — это сколько? — поинтересовался Дуайер.

— Пять тысяч гиней — это, если я не ошибаюсь, пятнадцать тысяч баксов,— ответил Томас.

— Да, приблизительно столько,— сказал Дженнингз и продолжал: — Или, например, тебе стало известно, что с аукциона продается военный корабль или судно, конфискованное таможенниками за провоз контрабанды. В этом случае оно тоже может достаться совсем недорого — как повезет. Конечно, придется его переоборудовать, но если все делать своими руками, а не платить грабителям с судовой верфью (особенно не стоит доверять этим французишкам с верфью, что находятся на Côte^{*}: они тебя обдерут как липку), и если тебе удастся собрать нужную сумму, экономя буквально на всем, а также если ты найдешь кого-нибудь, кто снабдит тебя в долг до конца сезона всяческим вспомогательным оборудованием и провизией, то, чтобы выйти в море в свой первый чартерный рейс, тебе понадобится на все про все где-то восемь-десять тысяч фунтов.

* Côte (сокр. от Côte d'Azur) (фр.) — Лазурный берег.

— Восемь-десять тысяч фунтов! — ужаснулся Дуайер.— Да для нас это все равно что восемь-десять миллионов долларов...

— Да помолчи ты,— снова оборвал его Томас.— Если постараться, то можно заработать любые деньги.

— Неужели? — иронически произнес Дуайер.— Хотелось бы знать, каким образом.

— Есть разные способы. Как-то раз я за один вечер зашиб три тысячи долларов.

— Да ты что?! И как? — У Дуайера от изумления перехватило дыхание.

Томас впервые с тех пор, как покинул гостиницу «Эгейская», обмолвился о своем прошлом и уже жалел, что сделал это.

— Неважно как,— резко ответил он и, повернувшись к Дженнингзу, спросил: — Вы не могли бы сделать мне одно одолжение?

— Сделаю все, что смогу,— любезно ответил тот.— Только при условии, что это не будет стоить мне никаких денег.— И он ухмыльнулся, этот самодовольный владделец яхты, сумевший поймать удачу за хвост, этот практичный экс-морьяк Королевского военно-морского флота Великобритании, этот старый морской волк, переживший войну и сумевший выбраться из бедности, этот любитель *pastis* и парень не промах.

— Если случайно услышите, что продается яхта,— сказал Томас,— и, если эта яхта не только хорошая, но и недорогая, прошу вас, дайте нам знать, ладно?

— Буду рад помочь, приятель,— сказал Дженнингз.— Только запиши мне свой адрес.

Томас не знал, как ему быть. У него был один-единственный адрес — гостиница «Эгейская», и единственным человеком, которому он его дал, была мать. До драки с Куэйлзом он навещал старушку довольно часто, но каждый раз заранее удостоверился, что не натолкнется на своего брата Рудольфа. А потом, уйдя в море, он писал ей из всех портов, куда заходил его корабль, посылая горы открыток и давая ей понять, что все у него наилучшим образом. Когда он возвратился из своего первого плавания, его в гостинице «Эгейская» ждала целая кипа писем от матери. Единственная беда с ее письмами заключалась в том, что в каждом из них она настойчиво просила его показать ей внука, но он даже сам не решался написать Терезе и узнать, как там его сын — эта единственная ниточка, связывавшая его с Америкой и заставлявшая скучать по ней.

— Оставь мне свой адрес, парень, и я постараюсь тебе помочь,— повторил Дженнингз.

— Дай ему свой адрес,— сказал Томас Дуайеру. Дуайер получил свою почту на адрес штаб-квартиры Национального проф-

союза моряков торгового флота Америки в Нью-Йорке. За ним-то никто не охотится, никто его не ищет.

— К чему тебе все эти пустые мечты? — недоумевал Дуайер.

— Делай, что я тебе говорю.

Дуайер пожал плечами и написал свой адрес, затем протянул бумажку Дженнингзу. Почерк у него был разборчивый и прямой, просто идеальный для ведения вахтенного журнала. *Дуайер, третий помощник капитана*. Как знать — может, он когда-нибудь им и станет.

— Буду глядеть в оба и держать ухо востро, — пообещал Дженнингз, кладя клочок бумаги с адресом в потертый кожаный бумажник.

Томас расплатился, и они с Дуайером зашагали вдоль причала, как всегда внимательно разглядывая пришвартованные суда. Они шли медленно, и оба молчали. Томас чувствовал, как Дуайер бросает на него время от времени беспокойные взгляды.

— Сколько у тебя денег? — спросил Томас, когда они дошли до конца причала, где стояли на якоре рыболовные суда, освещенные ацетиленовыми лампами, а на тротуаре были разложены сохнувшие рыболовные сети.

— Сколько у меня денег, спрашиваешь? — недовольно проворчал Дуайер. — И ста баксов не будет. Как раз хватит на одну миллионную часть океанского лайнера.

— Я имею в виду не сколько у тебя с собой, а сколько *всего*. Ты же мне все время твердишь, что откладываешь «бабки».

— Если ты думаешь, что у меня хватит денег на всякие бредовые затеи, вроде этой...

— Я еще раз повторяю — сколько у тебя всего денег? В банке?

— Две тысячи двести долларов, — неохотно ответил Дуайер. — В банке. Послушай, Томми, перестань морочить мне яйца, потому что мы все равно никогда...

— Так вот, открою тебе один секрет, — сказал Томас. — В один прекрасный день у нас с тобой будет собственная яхта. И она будет пришвартована в этой самой гавани. А здесь погода для богатых, как сказал англичанин. Не беспокойся, деньги мы как-нибудь раздобудем.

— Учти, я не собираюсь нарушать законы, — в голосе Дуайера звучал испуг. — Я за всю свою жизнь не совершил ни единого преступления и буду законопослушным и дальше.

— А кто говорит о преступлении? — сказал Томас, хотя у него, конечно, и мелькнула подобная мысль. За время своей боксерской карьеры он встречал сколько угодно людей, которые, по понятиям Дуайера, должны были бы считаться преступниками, — они носили дорогие, двухсотдолларовые костюмы, ездили в огромных, роскошных автомобилях, рядом с ними всегда были ши-

карные дамы, и все с ними обращались с величайшим почтением, изображая на лице при их появлении огромную радость, — и полицейские, и политики, и бизнесмены, и кинозвезды. Но они не были талантливее или умнее других людей. Ничего особенного в них не было. Преступление — это лишь один из способов зарабатывать себе на жизнь, причем, возможно, не самый трудный. Но ему не хотелось отпугивать Дуайера. По крайней мере покамест. Если когда-нибудь его мечта сбудется, Дуайер ему будет нужен для управления яхтой. Одному ему не справиться. Во всяком случае первое время. А потом видно будет. Не такой уж он и идиот.

Так или иначе, но своего он добьется, сказал он себе, когда они проходили мимо группы стариков, играющих на набережной в boules*. Гавань, в чьих прибрежных водах сгрудились сотни сияющих на солнце прогулочных судов общей стоимостью в миллионы долларов, осталась позади них. В прошлый раз, когда он здесь был, он поклялся, что вернется назад, и вернулся. И обязательно вернется еще раз.

Так или иначе, но своего он добьется.

На следующий день, рано утром, Томас с Дуайером сели на поезд и поехали в Геную. Они оставили себе в запасе еще один день, потому что по дороге хотели посетить Монте-Карло. Может, им повезет в казино?

Если бы Томас, уезжая из Канна и идя по платформе к поезду, оказался в этот момент в другом ее конце, он увидел бы, как из одного из спальных вагонов парижского экспресса вышли его брат Рудольф и хорошенькая, стройная девушка. За ними следовал носильщик, везя целую тележку новеньких сумок и чемоданов.

Глава 6

Когда они вышли из здания вокзала и увидели вывеску агентства «Херц»**, Рудольф сказал:

— Видишь того человека? Он ждет нас с нашей машиной.

Консьерж отеля, в котором они останавливались в Париже, заботился о них, как о родных детях. Он приобретал для них билеты в театры, заказал лимузин, возивший их на экскурсию по замкам департамента Луары, зарезервировал столики в десяти луч-

* *Boules* (фр.) — игра в шары.

** «Херц» — одно из крупнейших агентств США по прокату автомобилей; имеет дочерние отделения во многих странах мира.

ших ресторанах Парижа, позаботился о местах для них в Парижской опере и на ипподроме *Longchamps* в Булонском лесу. Пораженная Джин прокомментировала это так:

— Я бы посоветовала каждой паре молодоженов, уезжающей в свадебное путешествие, брать с собой своего личного парижского консьержа.

Носильщик доставил их вещи к машине, сказал *merci*, получив чаевые, и улыбнулся, хотя и прекрасно видел, что это американцы. А ведь если верить американским газетам, в этом году французы не улыбались американцам. Ожидавший их человек из агентства «Херц» обратился к ним по-английски, но Рудольф, рисуясь перед Джин, перешел на французский, так что остальная часть переговоров, связанных с оформлением проката «пежо» с откидным верхом, проводилась на языке Расина. Рудольф еще в Париже купил Мишленовскую туристическую карту Приморских Альп*, и теперь, прежде чем отправиться в путь, открыл верх машины, сел за руль рядом с Джин и наметил по карте маршрут. Затем включил зажигание, и они отправились в открытом «пежо», без головных уборов, согреваемые ласковыми лучами утреннего средиземноморского солнца, через весь белый город Канн, вдоль берега моря, через Гольф-Жуан, где некогда высадился Наполеон, через Жуан-ле-Пэн с его еще погруженными в предсезонный сон большими отелями, к роскошному, безупречному в архитектурном отношении, светло-кремовому отелю «Мыс», живописно расположенному между сосен на пологом холме.

Управляющий отелем провел их в многокомнатный номер люкс. В номере был балкон, выходящий на спокойное, синее море, к которому спускался прекрасный парк, окружающий отель. Рудольф, не поворачивая головы к управляющему, холодно произнес:

— Благодарю вас, здесь очень мило.

Но ему стоило большого труда удержаться от идиотской, широкой улыбки при мысли о том, насколько похожа сцена, разыгрываемая в эту минуту управляющим, им самим и его молодой женой Джин, на тот сон наяву, который привиделся ему многие годы назад, когда он возвращался с вечеринки домой. Явь оказалась даже ярче, чем сон. Номер просторнее; обстановка роскошнее; воздух ароматнее; управляющий больше похож на управляющего; сам он лучше одет, надменнее и богаче, чем в самых пылких мечтаниях его полунищей юности, ну а Джин в ее эле-

* *Приморские Альпы* — район Франции, включающий Лазурный берег на Средиземном море, где расположены такие известные курортные города, как Ницца, Антиб, Канны и др.

гантном парижском костюме намного красивее, чем та воображаемая девушка, которая в его давнем видении стояла с ним на балконе, выходящем на Средиземное море, и целовала его.

Управляющий поклонился и вышел из номера, а вскоре за ним последовали и носильщики, закончившие расставлять в гигантской спальне многочисленные сумки и чемоданы. И он, реальный, невыдуманный Рудольф сказал своей реальной, невыдуманной жене:

— Давай выйдем на балкон.

И они, выйдя на балкон, поцеловались в лучах солнечного света.

Их брак чуть было не расстроился. Джин все колебалась и колебалась, не говоря ни «да» ни «нет», и каждый раз, когда они виделись — а виделись они очень уж редко, — его все больше подмывало предъявить ей ультиматум. Работа в Уитби и Порт-Филипе отнимала у него так много времени, что ему редко когда удавалось вырваться в Нью-Йорк, а, приехав туда, он узнавал от телефонисток, отвечающих на звонки во время его отсутствия, что Джин просила ему передать, что ее несколько дней не будет в Нью-Йорке в связи со срочной работой за пределами города. Однажды вечером, зайдя после театра в ресторан, он увидел ее в компании худосочного молодого человека с маленькими, круглыми, как бусинки, глазками, с длинными, нечесаными космами на голове и с недельной, темной щетиной на щеках и подбородке. При следующей с ней встрече он спросил у нее, кто это такой, и она призналась, что это тот самый молодой человек, которого она назвала в полушутку его дублером. А когда Рудольф спросил, продолжает ли она с ним спать, она ответила, что это не его дело.

Рудольфа унижало, что его соперник так неказист собой, а, когда он узнал от Джин, что этот мозгляк считается одним из самых известных в стране фотографов, специализирующихся в области моды, настроение у него отнюдь не улучшилось. В тот вечер он решил, что не будет искать с ней встреч и звонить ей, ожидая, пока она первая ему позвонит, но она не звонила, и в конце концов, когда ему стало невмоготу, он сам позвонил ей, мысленно клянясь, что будет с ней только спать, но ни за что на ней не женится.

Ее обращение с ним заставило его в корне изменить представление о себе, во многом лишило его былой самоуверенности и высокомерия. Постоянно гложущее его смутное ощущение, что ситуация, в которой он оказался, крайне для него оскорбительна, покидало его лишь тогда, когда он лежал с ней в постели, где им было так хорошо вместе. Друзья уверяли его, что все их знако-

мые девушки только и думают, как бы окрутить какого-нибудь подходящего парня и выскочить за него замуж. Чего же, в таком случае, недоставало в нем как в мужчине, или как в личности, или как в любовнике, из-за чего обе девушки, которым он сделал предложение, отвергли его?

Поведение Вирджинии Колдервуд лишь усугубляло абсурдную ситуацию, в которой он оказался. Старый Колдервуд последовал его совету отпустить дочь в Нью-Йорк, дать ей возможность жить без опеки родителей и учиться на секретаршу. Но если Вирджиния и изучала машинопись и стенографию, то делала она это не совсем традиционным образом и выбирала для этого нетрадиционное время дня. Ибо каждый раз, когда Рудольф приезжал в Нью-Йорк, он обязательно видел ее возле своего дома: она или пряталась в подъезде напротив, или делала вид, что случайно проходит мимо. Она звонила ему среди ночи, иногда по три, а то и по четыре раза и страстно шептала в трубку: «Руди, я люблю тебя! Я люблю тебя! Я хочу отдаться тебе!»

Ему надоело ее неотвязное преследование, и он, приезжая в Нью-Йорк, стал останавливаться в гостиницах, причем каждый раз менял их. Но Джин почему-то стыдилась приходить к нему в гостиничный номер, так что в результате он лишился, кроме всего прочего, еще и постельных утех. Она по-прежнему не приглашала его в свою квартиру, и он еще не видел то место, где она жила и где, возможно, принимала своего любовника.

Вирджиния постоянно присылала ему пространные любовные письма, в которых с шокирующей откровенностью писала о своем сладострастном желании слиться с ним в испепеляющем экстазе, причем языку, которым она описывала свое вожеление, мог бы позавидовать и сам Генри Миллер, которого, несомненно, она основательно проштудировала. Письма она отсылала и на его домашний адрес в Уитби, и на его нью-йоркскую квартиру, и на его служебный адрес в универмаге. Достаточно будет его секретарше вскрыть по небрежности одно из этих пылких посланий, и старик Колдервуд станет его врагом на всю жизнь.

Когда он рассказал о Вирджинии своей непредсказуемой Джин, та рассмеялась и с насмешливой жалостью произнесла:

— Бедняжка! Видно нелегко быть красивым мужчиной.

А однажды, когда они поздно ночью пришли к нему домой, и он заметил затаившуюся на другой стороне улицы Вирджинию, Джин совершенно серьезно выразила желание сходить за девушкой и привести ее с собой, чтобы пропустить с ней в компании по стаканчику, но он ее удержал.

Все это не могло не сказываться на его работе, и он с удивлением стал замечать, что иногда ему приходится по три-четыре раза перечитывать самые простые отчеты, прежде чем он улавливал

их смысл. Спал он беспокойно и просыпался разбитым. Впервые за всю его жизнь у него появились прыщики на подбородке.

На одной вечеринке в Нью-Йорке Рудольфа познакомили с довольно смазливой грудастой блондинкой, возле которой весь вечер увивались трое мужчин, но она не обращала на них никакого внимания, зато, бросая на него откровенные взгляды, всячески давала ему понять, что хотела бы уйти с вечеринки вместе с ним. В конце концов он отвез соблазнительную блондинку к ней домой (жила она в районе Пятой авеню) и поднялся вместе с ней в ее квартиру. Оказалось, что она богата, разведена, одинока и по горло сыта мужчинами, которые преследуют ее по всему Нью-Йорку. Но его, Рудольфа, она находила потрясающе сексуальной мужчиной (он предпочел бы, чтобы она нашла менее затасканные слова для выражения своего восхищения) и не прочь была с ним поразвлечься. Не теряя времени, они после первого же стакана улеглись в постель, но — какой конфуз — его мужское естество отказывалось пробуждаться, несмотря на все ее телесные совершенства. Уходил он под аккомпанемент ее насмешливого, хрипловатого смеха.

— Тот памятный день, когда ты приехала в Порт-Филип, чтобы запечатлеть на пленке незабываемую процедуру открытия торгового центра, — сказал он Джин, — был роковым днем в моей жизни.

Но что бы ни происходило с ним со дня их знакомства, он уже не был в состоянии разлюбить ее или передумать на ней жениться, и самым его большим желанием было прожить вместе с ней до конца жизни.

Он звонил ей весь день — десять раз, двадцать раз, — но никто не брал трубку. «Позвоню-ка еще один раз — самый последний, — решил он, сидя с безутешным видом в гостиной своей нью-йоркской квартиры. — Если она и на этот раз не ответит, пойду надерусь в стельку, начну приставать к девкам и затею с кем-нибудь потасовку в баре. А когда вернусь домой, буду высматривать на улице Вирджинию Колдервуд, и, если она окажется там, на своем посту, приведу ее сюда и хорошенько трахну ее — со всеми этими выкрутасами, о которых она писала в своих письмах, — ну а потом позвоню в психбольницу и вызову ребят со смирительными рубашками, чтобы забрали нас обоих».

Длинные гудки, один за другим. Он уже собирался повесить трубку, как вдруг на другом конце провода раздался спокойный, девичий голос Джин:

— Алло?

— У тебя что, был испорчен телефон? — спросил он.

— Не знаю,— ответила она.— Меня весь день не было дома.

— Тебя не будет дома и всю ночь?

Долгая пауза. Наконец тихий ответ:

— Нет.

— Мы сможем увидеться? — Он готов был с яростью швырнуть трубку, если она скажет «нет». Однажды он сказал ей, что она вызывает у него только два чувства — либо ярость, либо восторг.

— А ты хочешь?

— Тогда в восемь, ладно? — обрадованно сказал он.— Можешь дома ничего не пить. Я тебя угощаю.— Он выглянул в окно, но Вирджинии Колдервуд не увидел.

— Сначала я должна принять ванну,— ответила она.— И вообще я не люблю нестись сломя голову. Почему бы тебе не приехать ко мне? В таком случае угощать буду я.

— Я слышу звон цимбал и серебристый голос труб! — восторженно воскликнул он.

— Если ты пытаешься поразить меня своей образованностью, то зря стараешься,— строго сказала она, но тут же не выдержала и хихикнула.

— Какой этаж?

— Четвертый,— ответила она.— Лифта нет. Так что иди не торопясь, береги свое сердце.— И она повесила трубку.

Он принял душ и побрился. Рука у него дрожала, и он сильно порезал подбородок. Кровь долго не останавливалась, и, когда он нажал кнопку ее звонка в доме на Сороковой Восточной улице, было уже пять минут девятого.

Дверь ему открыла незнакомка в голубых джинсах и свитере.

— Привет. Меня зовут Флоренс,— сказала она и крикнула: — Джинни, прибыл твой молодой человек.

— Входи, Руди,— донесся до него голос Джин из открытой двери, ведущей из прихожей в гостиную.— Я заканчиваю прихорашиваться.

— Спасибо, Флоренс,— произнес Рудольф и прошел в комнату Джин.

Она сидела совершенно голая за столиком перед маленьким зеркалом и красила ресницы. Он даже не подозревал, что у нее крашенные ресницы. Но ничего по этому поводу не сказал. Как и по поводу того, что она сидит голая. Он с изумлением оглядывал комнату. Стены почти сплошь были покрыты его фотографиями: он улыбался, хмурился, шурился, что-то писал в блокноте. Некоторые снимки маленькие, другие увеличены до огромных размеров. И на всех он выглядел самым выгодным образом. «Всё позади,— радостно подумал он.— Слава Богу, всё позади. Кажется, она решилась».

— Такое впечатление, будто этого парня я где-то уже видел,— сказал он.

— Я так боялась, что ты его не узнаешь,— отозвалась Джин. Розоватое, упругое, изящное тело. Ничуть не смущаясь своей наготы, она продолжала спокойно красить ресницы.

За ужином они говорили о свадьбе. Но к тому времени, когда принесли десерт, они уже были на грани ссоры.

— Больше всего на свете,— с горечью говорил Рудольф,— мне нравятся упрямые девушки; я просто боготворю их.

— Это вовсе не упрямство,— отвечала ему Джин (чем больше они спорили, тем более мрачной она становилась).— Просто я знаю, чего хочу, вот и все. И я знаю, как проведу выходные,— продолжала она.— Останусь дома, сдору все до единой твои фотографии и побелю стены.

Разногласия начались с того, что она слишком уж упорно настаивала на том, чтобы об их вступлении в брак никто не знал, тогда как он хотел бы поставить об этом в известность весь мир. На это она покачала головой и твердо заявила:

— Никаких объявлений в газетах, никаких приглашений.

— Но у меня есть сестра и мать,— сказал Рудольф.— А кроме того, и брат.

— У меня тоже есть брат, а еще и отец. Но я терпеть не могу их обоих. В том-то и дело. А если они узнают, что ты своим сообщил, в то время как я им ничего не сказала, они будут десятки лет метать громы и молнии со своего Запада сюда на Восток. После того как мы поженимся, я не намерена общаться с твоей родней и не хочу, чтобы ты общался с моими родственниками. Никакой родни. Семейные обеды в День благодарения у домашнего очага! Нет уж, увольте!

По этому пункту Рудольф ей уступил, не особенно сопротивляясь. Его женитьба не будет таким уж счастливым событием для Гретхен, всего несколько месяцев назад потерявшей мужа. А мысль о присутствии на свадьбе непрерывно болтающей плаксивым голосом матери в каком-нибудь безобразном платье из тех, в которых она ходит в церковь, тоже не вдохновляла его. И конечно же, он вполне обойдется без сцены, которую может затеять Вирджиния Колдервуд, когда услышит об этой новости. Но в то же время, если он ничего не скажет Джонни Хиту, Колдервуду и Брэду Найту, это может быть причиной некоторых сложностей на работе, особенно если учесть, что он собирается сразу же после церемонии бракосочетания отправиться в свадебное путешествие. Но кое в чем у них было полное единодушие: оба решили, что не будет никакого свадебного обеда, что

они тотчас же после свадьбы уедут из Нью-Йорка, что не будут венчаться в церкви и что медовый месяц проведут в Европе.

Зато они не пришли к единому мнению о том, чем будут заниматься после возвращения из Европы. Джин отказывалась бросить работу и отказывалась жить в Уитби.

— Черт возьми,— кипятился Рудольф,— мы еще не женаты, а ты уже объявила меня кем-то вроде приходящего мужа.

— Но я не домоседка и не люблю маленьких городов,— упрямо заявила она.— В Нью-Йорке у меня есть работа, есть перспективы. Я не собираюсь от всего этого отказываться только потому, что кто-то хочет на мне жениться.

— Джин...— предостерегающе произнес он.

— Ну, хорошо, хорошо,— уступила она.— Вот тебе другой вариант: я не собираюсь от всего этого отказываться только потому, что хочу выйти замуж.

— Так-то лучше,— сказал он.

— Но ты же сам говорил, что для пользы дела контору следовало бы перевести в Нью-Йорк.

— Да, говорил,— согласился Рудольф,— но пока еще она не в Нью-Йорке.

— Поверь, чем меньше я буду мозолить тебе глаза, тем крепче ты станешь меня любить.

— Все как раз наоборот.

— Ну хорошо, я крепче стану тебя любить.

Он согласился и на это ее предложение — жить первое время каждый на старом месте. Согласился, но с большой неохотой.

— Это моя последняя уступка,— сказал он.

— Да, дорогой,— произнесла она с насмешливой покорностью и часто заморгала ресницами, а затем, с преувеличенной нежностью поглаживая его по руке, произнесла: — Я так восхищаюсь мужчинами, которые умеют настоять на своем!

Они рассмеялись, и им снова стало легко и хорошо вместе.

— Для одного сукина сына мы все-таки сделаем исключение и сообщим ему о нашем бракосочетании,— проговорил Рудольф.— Я имею в виду известного тебе доходягу фотографа. Если он хочет прийти на свадьбу, милости просим, только пусть сначала побреется.

— Что ж, с твоей стороны это очень великодушно,— сказала Джин.— Ну а я тоже, видимо, должна проявить великодушие и пригласить на церемонию бракосочетания Вирджинию Колдсвуд.

Счастливые влюбленные пары эгоистичны, а порой даже жестоки. Держась за руки, они вышли из ресторана и отправились в турне по барам на Третьей авеню — тайная помолвка двух

любящих, захмелевших сердец, которым биться в унисон еще многие и многие годы.

На следующий день он купил в ювелирном магазине Тиффани бриллиантовое обручальное кольцо, но она заставила его отнести покупку обратно.

— Терпеть не могу, когда выставляют напоказ свое богатство,— решительно заявила она.— Так что в день свадьбы ты появляешься в ратуше с простеньким золотым колечком.

Не сказать о предстоящей свадьбе Колдервуду, Брэду и Джону Хиту было попросту невозможно, иначе он не смог бы объяснить им, зачем ему вдруг понадобился месячный отпуск. Джин согласилась, что от этого некуда деться, но сказала ему, чтобы он потребовал от них все хранить в тайне.

Колдервуда опечалила эта новость, но Рудольфу трудно было определить, что больше расстроило старика — или то, что Рудольф не достался его дочери, или то, что он оставляет их общий бизнес на целый месяц.

— Надеюсь, ты хорошо обдумал свое решение,— сказал ему Колдервуд.— Я припоминаю эту девицу. Мне тогда показалось, что она похожа на бедную сиротку. Бьюсь об заклад, у нее ни цента за душой.

— Но у нее есть работа, — возразил Рудольф.

— Мне не нравится, когда жены работают,— заявил Колдервуд и, покачав головой, добавил: — Ах, Руди, Руди,— неужели ты не понимаешь, от чего ты отказался?! Ведь все, что у меня есть, могло стать твоим.

«Включая главное твое сокровище,— подумал Рудольф,— эту твою чокнутую Вирджинию Колдервуд с ее порнографическими письмами!»

Что касается Брэда и Джонни Хита, ни тот, ни другой не выразили большого восторга по поводу женитьбы своего друга, но он ведь женился не для того, чтобы угодить им. Однако они все равно явились на церемонию бракосочетания в Городскую ратушу и проводили молодоженов в аэропорт вместе с Флоренс.

Когда они сдавали багаж, выяснилось, что чемоданы и сумки, которые взяла с собой в путешествие Джин, почти на пятьдесят килограммов превышают положенную норму.

— Бог ты мой! — воскликнул Рудольф, впервые по-настоящему чувствуя себя мужем.— Что ты туда могла положить?

— Кое-что из моих вещей, чтобы было во что переодеться,— ответила Джин.— Ты же не хочешь, чтобы твоя жена ходила голый перед всеми этими французами?

— Что-то многовато для девушки, которая терпеть не может, когда козыряют роскошью,— проговорил Рудольф, выписывая чек на оплату излишка багажа.

Он старался говорить в шутовском тоне, но в голову ему начали закрадываться тревожные мысли. За многие годы, на протяжении которых он боялся истратить лишний цент, он научился экономности и бережливости, и было бы обидно, если бы все, что он заработал столь тяжким трудом, было просажено расточительной женой — а ведь жены-транжиры разоряли людей и в десятки раз побогаче, чем он. «Пустые страхи,— успокаивал себя он.— Если она даже и любит тратиться на тряпки, то уж я сумею как-нибудь совладать с этой ее страстью». Сегодня ему казалось, что он может совладать с чем угодно. Он взял ее за руку, и они пошли в бар, где их ждали остальные.

У них было достаточно времени до отлета, и они успели выпить впятером две бутылки шампанского. Джонни Хит пообещал, что позвонит Гретхен и матери Рудольфа и сообщит им новость — рано или поздно они все равно должны узнать.

С каждым днем становилось все теплее. Они подолгу лениво лежали на солнце. Оба стали коричневыми, и волосы у Джин от солнца и соленой воды посветлели. Она давала ему уроки тенниса на кортах отеля и говорила, что у него природный талант к игре. К урокам она относилась очень серьезно и, когда он допускал ошибки, не стеснялась делать ему резкие замечания. Она также учила его кататься на водных лыжах. Он не переставал удивляться, как много разных вещей она умеет делать, причем делать отлично.

Ленч им приносили в снятый ими небольшой коттедж неподалеку от стоянки быстроходных катеров. Они ели холодных лангустов и пили белое вино, а после ленча шли в свой номер в отеле и предавались любви, предварительно закрыв ставни-жалюзи на окнах от полуденного солнца.

На огромных камнях возле трамплина для прыжков в воду и вокруг гостиничного плавательного бассейна лежали почти обнаженные девушки, но он не смотрел на них, хотя две-три из них вполне этого заслуживали.

— Ты ведешь себя противоестественно,— сказала ему Джин.

— Это почему же?

— Потому что ты не поедает их глазами.

— Я поедаю глазами тебя.

— Что ж, продолжай в том же духе,— улыбнулась она.

Они обнаруживали все новые ресторанчики и ели *bouillabaisse** на *terrasse* одного из них, откуда открывался чудесный вид на Антибскую бухту. Когда, возвратившись оттуда, они занялись лю-

* *Bouillabaisse* (фр.) — провансальское рыбное блюдо, нечто вроде ухи.

бовью, от них пахло вином и немного чесноком, но они не обращали на это внимания.

Они ездили осматривать живописные городки, приютившиеся на плоских холмах вдоль побережья, посетили часовню Матисса и небольшую керамическую фабрику в Валлори и пообедали на террасе «Золотого голубя» в Сан-Поль-де-Вансе среди порхающих вокруг белых голубей. Они с удивлением узнали, что голубиная стайка не случайно состоит из одних лишь белых голубей: оказалось, что белые голуби агрессивны по отношению к голубям всех других цветов и попросту прогоняют их. А если в стаю и затесаются их «нечистые» собратья, то хозяин кафе сам отлавливает и убивает их. Грустная история.

Куда бы они ни ездили, Джин брала с собой свои фотоаппараты и без конца снимала его на фоне мачт, крепостных валов, пальм, морских волн. «Я хочу сделать из твоих изображений обои для нашей спальни в Нью-Йорке», — сказала она.

Он больше не торопился набрасывать на себя рубашку, когда выходил из воды на пляже. Джин нравилось, что у него волосы на груди и пушок на плечах.

Они собирались съездить в Италию, когда им надоеет Антибский мыс. На карте они обвели кружочками Ментону, Сан-Ремо, Милан (там надо будет посмотреть «Тайную вечерю»), Рапалло, Санта-Мargarиту, Флоренцию (Микеланджело и Боттичелли!), Болонью, Сиену, Ассизи, Рим. Эти названия звенели на южном солнце мелодично, как колокольчики. Джин уже бывала там раньше. Пройдет еще много времени, прежде чем она перестанет удивлять его.

Но Антибский мыс им не надоедал.

Как-то раз, когда они играли в теннис, он сумел выиграть у нее один из сетов. Она взяла у него реванш в следующих трех сетах, но затем он снова начал у нее выигрывать, и общий счет был в его пользу. Она пришла в ярость, и оставалась такой целых две минуты.

Они послали телеграмму Колдервуду, сообщая ему, что задержатся на неопределенное время.

В отеле они не заговаривали ни с кем, сделав исключение лишь для итальянской киноактрисы, которая была так красива, что с ней нельзя было не заговорить. Джин целое утро фотографировала актрису, а затем отослала снимки в нью-йоркский «Вог». Вскоре из «Вога» позвонили по их гостиничному номеру и сообщили, что фотографии будут помещены в сентябрьский номер.

В этот месяц им все удавалось.

Несмотря на то что Антибский мыс все еще им не надоел, они сели в машину и поехали на юг посмотреть те города, кото-

рые обвели на карте кружочками. Ни один из городов не разочаровал их.

Они сидели в кафе на вымощенной булыжником площади в Портофино, ели шоколадное мороженое, лучшее шоколадное мороженое в мире, смотрели на женщин, продававших туристам с лотков открытки, кружева, вышитые скатерти, и на яхты, стоявшие на якоре в гавани.

Среди них выделялась одна — изящная, белая, метров двадцать в длину, с прекрасными, чистыми, присущими только итальянским яхтам очертаниями.

— Вот какими бывают казалось бы бездушные механизмы — она словно живая! — с восхищением произнес Рудольф.

— Тебе хотелось бы иметь такую? — спросила Джин, лениво ковывая ложечкой в мороженом.

— А кому бы не хотелось? — пробормотал он.

— Я куплю ее тебе, — сказала она.

— Спасибо, — ответил он. — А как насчет «феррари», пальто на норковой подкладке и дома из сорока комнат на Антибском мысе, раз уж ты решила расщедриться?

— Но я не шучу, — сказала Джин, продолжая есть мороженое. — Если ты действительно хочешь, я тебе ее куплю.

Он внимательно посмотрел на нее. Она казалась вполне серьезной и спокойной.

— погоди, что-то я не совсем понимаю, — произнес он. — Не может же «Вог» платить тебе *такие* деньги за твои фотографии.

— А «Вог» здесь ни при чем, — проговорила она ровным голосом. — Все дело в том, что я чудовищно богата. После смерти матери мне осталось просто неприличное количество всяческих акций, облигаций и других ценных бумаг. Ее отец владел одной из крупнейших фармацевтических фирм в Соединенных Штатах.

— И как называется эта фирма? — с подозрением спросил Рудольф.

Она назвала ее, и он, тихо присвистнув, отложил ложку.

— Пока мне не исполнится двадцать пять лет, все оставленное мне наследство будет храниться в банке в виде доверительного фонда, который контролируют в роли опекунов отец и брат, — сказала Джин, — но даже сейчас мой годовой доход по меньшей мере раза в три больше твоего. Надеюсь, я не сильно испортила тебе настроение?

Рудольф разразился хохотом:

— Черт возьми, ну и медовый месяц!

Яхту в тот день она ему не купила, но, в качестве компромисса, подарила ему рубашку шокирующе розового цвета, которую купила в сомнительном магазинчике рядом с гаванью.

Позднее, когда Рудольф спросил у нее, почему она раньше не говорила ему о том, что богата, она ответила несколько уклончиво.

— Ненавижу разговоры о деньгах,— сказала она.— В нашей семье только о них и говорили. Уже в пятнадцать лет я пришла к выводу, что деньги растлевают душу, если думать о них все время. Я ни разу не приезжала домой на летние каникулы с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать. Со времени окончания колледжа я не потратила ни одного цента из оставленных матерью денег. Я разрешила отцу и брату пустить их в дело. Они хотят, чтобы я позволила им и дальше, то есть после того как я выйду из-под их опеки, распоряжаться доходами с моего капитала, но их ожидает большой сюрприз. Не сомневаюсь, они постараются надуть меня при первой возможности, но я не допущу, чтобы меня надували. Особенно они.

— Хорошо, ну а что ты собираешься делать со своим капиталом?

— Попрошу тебя распоряжаться им в моих интересах,— сказала она, но тут же осеклась: — Извини, в наших. Делай с ним все, что сочтешь нужным. Но только не посвящай меня во все эти финансовые подробности. И не трать деньги на то, чтобы жизнь наша превратилась в вялое, роскошное, бесполезное существование.

— Между прочим, все эти недели мы ведем именно такую жизнь,— заметил Рудольф.

— Но с той разницей, что мы тратим *твои* деньги, а ты их заработал *своим* трудом,— сказала Джин.— К тому же это медовый месяц, а не настоящая жизнь.

Когда они приехали в Рим, в отеле Рудольфа ждала телеграмма. Ее прислал Брэдфорд Найт, и она гласила: «Твоя мать в больнице тчк Доктор опасается скоро конец тчк Думаю тебе нужно срочно вернуться».

Рудольф протянул телеграмму Джин. Они только что сдали паспорта администратору и еще не уходили из вестибюля. Джин молча прочла телеграмму и вернула ее Рудольфу.

— Надо выяснить, есть ли вечером самолет на Нью-Йорк,— сказала она (в отель они прибыли около пяти).

— Давай поднимемся в номер,— сказал Рудольф: ему нужно было подумать, что делать в сложившейся ситуации,— но только не в толчее гостиничного вестибюля.

Они прошли к лифту и поднялись к себе в номер, но ничего не говорили, пока сопровождавший их служащий открывал ставни-жалюзи, впуская в комнату предвечерний солнечный свет и шум Рима («Надеюсь, вам понравится в нашем городе»), а при-

шедшие вслед за ним носильщики расставляли их многочисленные чемоданы и сумки. Когда они ушли, Рудольф и Джин некоторое время стояли и молча смотрели на нераспакованный багаж — а ведь они собирались провести в Риме по меньшей мере недели две.

— Нет,— нарушил молчание Рудольф,— мы не будем выяснять, есть ли сегодня вечером самолет на Нью-Йорк или нет. Старушке не удастся полностью лишить меня удовольствия увидеть Рим, пусть даже краешком глаза. Полетим завтра. Еще хоть один день проживем для себя. Мама обязательно продержится до моего приезда. Она ни за что на свете не лишит себя удовольствия умереть на моих глазах. Так что давай распаковываться.

Глава 7

I

Сразу же после приезда в Геную и возвращения на борт «Элги Андерсен» он понял, что ему не избежать столкновения с Фальконетти.

Фальконетти, здоровенный детина с огромными ручищами и маленькой, похожей на репу головой, в свое время отсидел срок за вооруженное ограбление, а на судне держал всю команду в страхе. Играя в карты, он всегда передергивал, но, когда однажды смазчик из машинного отделения уличил его в жульничестве, он набросился на беднягу и, если бы другие матросы, находившиеся в кают-компании, не растащили их, задушил бы несчастного смазчика. Фальконетти привык чуть что — сразу пускать в ход свои пудовые кулаки, и связываться с ним было опасно. Он взял за правило в начале каждого рейса затевать драку с четырьмя-пятью матросами и жестоко избивать их, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, кто среди команды главный. Когда он сидел в кают-компании, никто не осмеливался даже близко подойти к радиоприемнику, и все были вынуждены слушать только те передачи, которые выбирал Фальконетти, а его совершенно не интересовало, нравятся ли они остальным или нет. Среди матросов был один негр, по фамилии Ренуэй, который, как только Фальконетти появлялся в кают-компании, торопился исчезнуть оттуда. Когда Фальконетти в самом начале плавания увидел Ренуэя в кают-компании, он заявил:

— В одном со мной помещении черномазым нет места.

Ренуэй ничего не ответил, но с места не двинулся.

— Эй, черномазый, ты что, оглох? — сказал Фальконетти и, подойдя к столу, где сидел Ренуэй, схватил его под мышки, дота-

шил до двери и вышвырнул из кают-компания. Никто не шевельнулся и ничего не сказал. На «Элге Андерсен» каждый думал только о себе.

Фальконетти должен был деньги по меньшей мере половине команды. Теоретически он брал займы, но никто не надеялся получить свои деньги обратно. Если тот, к кому Фальконетти обращался за деньгами (обычно он просил пять — десять долларов), отказывал ему, он вначале никак на это не реагировал, но через два-три дня обязательно затевал с этим человеком драку, и оканчивалось это для отказавшего подбитым глазом, сломанным носом или выбитыми зубами.

Но Томаса громила не трогал, хотя и был намного крупнее его. Томас же, со своей стороны, не напрашивался на неприятности и сторонился Фальконетти. И все же, хоть Томас вел себя миролюбиво и держался особняком, в нем было нечто такое, что заставляло Фальконетти не связываться с ним.

Но в первый же вечер после отплытия из Генуи, когда Томас с Дуайером вошли в кают-компанию, Фальконетти, сдававший в это время карты, приветствовал их словами:

— А, вот и наши голубки!

И он чмокнул губами, изображая поцелуй.

Сидящие за столом матросы рассмеялись: не смеяться шуткам Фальконетти было опасно. Дуайер покраснел, а Томас спокойно налил себе кофе и принялся читать лежавшую на столе газету «Дейли Американ».

— Послушай, Дуайер, — продолжал Фальконетти, — хочешь, я буду твоим агентом? Домой нам плыть еще черт знает сколько, а время убивать как-то надо, поэтому ты будешь у наших ребят прямо-таки нарасхват. Так ведь, ребята?

Сидящие за столом согласно кивали головой и бормотали что-то нечленораздельное, но чувствовали себя явно неловко.

Томас все так же невозмутимо читал газету и попивал кофе. Он ловил на себе умоляющие взгляды Дуайера, но, пока дело не зашло слишком далеко, не собирался ввязываться в драку.

— Какой смысл давать задаром то, на чем можно хорошо подзаработать и к тому же осчастливить других людей? — не унимался Фальконетти. — Мы с тобой должны установить прейскурант цен на услуги: скажем, пять баксов — поиметь тебя, семь — если ты поимеешь кого-то, десять — отсосать. Мои коммиссионные — десять процентов, как у обычного голливудского агента. Что скажешь, Дуайер?

Дуайер вскочил на ноги и выбежал из кают-компания. Матросы за столом снова рассмеялись. Томас продолжал читать

* «Дейли Американ» — издающаяся в Риме англоязычная газета для американцев.

газету, хотя у него и дрожали руки. Он во что бы то ни стало должен держать себя в руках. Если он избежит такого головореза, как Фальконетти, который терроризирует команды разных кораблей уже не один год, многие могут заинтересоваться, а кто он такой, этот Джордах, и где научился так драться, а там, глядишь, и вспомнят, что когда-то встречали его имя в газетах или видели его на ринге. А в портах много всякого сброда, в том числе и мелких сошек из мафии, готовых броситься к своим боссам и доложить им о подозрительном матросе-боксере.

«Читай эту чертову газету,— сказал себе Томас,— и не раскрывай своей пасти».

— Эй, голубок,— Фальконетти снова влажно чмокнул губами, изображая поцелуй,— неужто ты не пойдешь утешить своего сладенького дружка, неужто дашь ему уснуть в одиночестве и в слезах?

Томас неторопливо свернул газету и аккуратно положил на стол. Затем с чашкой кофе в руке медленно двинулся в другой конец кают-компания. Фальконетти наблюдал за ним, насмешливо улыбаясь. Томас подошел к его столу и выплеснул кофе ему в лицо. Фальконетти даже не пошевелился. В кают-компании повисла мертвая тишина.

— Если еще раз чмокнешь,— процедил Томас,— я с тебя шкуру спущу и ты у меня будешь получать по зубам каждый день, до самого Хобокена.

Фальконетти встал.

— К твоим услугам, любовничек,— презрительно проговорил он и снова чмокнул губами.

— Жду тебя на палубе,— сказал Томас.— Одного.

— Я и сам с тобой справлюсь,— ответил Фальконетти.

Томас круто повернулся и вышел на корму. Там хоть можно свободно двигаться. Не стоит схватываться с таким громилой, как Фальконетти, в тесном пространстве кают-компания.

Море было спокойным, ночь ласковой, в небе ярко сверкали звезды. «Эти чертовы кулаки,— простонал про себя Томас,— нежели всё в моей жизни должны решать эти чертовы кулаки?!»

Он был уверен, что никаких проблем с Фальконетти у него не будет. Этой огромной, мясистой туше с ним не справиться.

Он увидел, как открывается дверь кают-компания и на палубу выходит Фальконетти. Его грузная фигура освещалась висящей на корме лампой, на палубу падала огромная тень. Он был один.

«Может, никто и не узнает, что я бывший боксер? — подумал Томас.— Свидетелей у нас, во всяком случае, не предвидится».

— Ну, иди сюда, ты, жирный ублюдок,— окликнул он Фальконетти. Он хотел спровоцировать того, заставить его броситься на себя. А если первым двинется он, тот может попросту схва-

тить его своими громадными ручищами и бросить на палубу. Да и вообще рассчитывать на то, что Фальконетти будет соблюдать принятые в профессиональном боксе правила, не приходилось.— Шевелись, толстомясая морда. Я не собираюсь ждать тебя целую ночь.

— Учти, ты сам напросился, Джордах,— прошипел Фальконетти и тут же бросился на него, молотя кулаками, как в уличной драке. Томас отступил в сторону и, вложив в удар всю свою силу, двинул ему правой в брюхо. Фальконетти, сдавленно охнув, точно его душили, отпрянул назад. Томас сделал выпад вперед и ударил его в верхнюю часть живота, метя в солнечное сплетение. Фальконетти рухнул на палубу и лежал, извиваясь всем телом, издавая горлом клокочущие звуки. Но сознания он не терял и с ненавистью глядел на стоящего над ним Томаса, хотя и не был в силах произнести ни слова.

«Сработано чисто и быстро»,— с удовлетворением подумал Томас. На Фальконетти не останется ни малейших следов от драки, и, если он не проболтается — а трепать языком не в его интересах: ему необходимо заботиться о своем статусе на корабле,— никто из команды так никогда и не узнает, что произошло на палубе. Ну а Томас тем более будет молчать — Фальконетти получил хороший урок, а пожинать лавры победителя Томасу не нужно.

— Ну вот, жирный ублюдок,— произнес Томас.— Теперь ты, надеюсь, поймешь, что к чему, и будешь держать свою помойку закрытой.

Фальконетти внезапно изогнулся всем телом, и Томас почувствовал, как огромная лапа схватила его за щиколотку и подсекла его. Одновременно в другой руке Фальконетти блеснул нож. Томас не устоял на ногах и упал, но, изловчившись, сумел угодить коленями прямо в лицо Фальконетти и тут же, ухватив его за руку, державшую нож, начал ее выкручивать. Фальконетти не успел еще оправиться от удара в солнечное сплетение, по-прежнему судорожно хватал ртом воздух, и его пальцы, сжимавшие рукоятку ножа, быстро ослабевали. Томас, переместив колени на руки Фальконетти и пригвоздив их к палубе, выхватил у него нож и отбросил в сторону. Затем минуты две методично месил кулаками физиономию распластанного на палубе противника.

Наконец он решил, что с того хватит, и встал с колен на ноги. Инертная туша Фальконетти осталась лежать на месте, вокруг его головы по залитой звездным светом палубе темным пятном растекалась кровь. Томас поднял нож и выбросил его за борт.

Бросив последний взгляд на распластанное на палубе тело Фальконетти, он направился к кают-компани. Грудь его высоко

вздыхалась, он тяжело дышал, но не от усталости, а от радостного возбуждения. «Черт побери, а я ведь получил настоящее удовольствие,— подумал он.— Когда-нибудь, когда я превращусь в выжившего из ума старика и попаду в дом для престарелых, я и там буду затевать драки с санитарями и избивать других стариканов, физиономии которых мне чем-то не понравятся».

Когда он вошел в кают-компанию, в покер уже не играли, но людей в помещении было куда больше, чем до его ухода. Должно быть, те из них, кто присутствовал в начале стычки между ним и Фальконетти, пошли по своим каютам и привели сюда всех остальных матросов, чтобы те увидели завершение инцидента. Открывая дверь, он слышал возбужденный гул голосов, но стоило ему появиться на пороге — а он уже успел успокоиться, дышал ровно и выглядел совершенно невозмутимым,— разговор тут же смолк.

Томас подошел к столу, где стоял кофейник, и налил себе кофе.

— Целых полчаски — коту под хвост,— с сожалением проворкотал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Он сел, снова развернул газету и продолжал как ни в чем не бывало читать ее дальше.

С выплаченными за рейс деньгами в кармане и с переброшенной через плечо сумкой покойного норвежца он спустился по трапу. За ним шел Дуайер. Никто с ними не попрощался. С той штормовой ночи, когда Фальконетти выбросился за борт, матросы словно не замечали Томаса. Ну и черт с ними! Фальконетти сам нарывался на это.

После их схватки Фальконетти начал обходить Томаса десятой дорогой, но, когда лицо его зажило, снова начал приставать к Дуайеру (в тех случаях, если Томаса не было поблизости). Дуайер рассказывал Томасу, что Фальконетти при каждой встрече с ним непременно чмокал губами, изображая звук поцелуя, а однажды ночью, возвращаясь с вахты, Томас услышал из каюты Дуайера отчаянные крики. Дверь была не заперта, и, вскочив в каюту, Томас увидел, что Дуайер лежит на полу, а Фальконетти стаскивает с него брюки. Не долго думая, Томас нанес ему кулаком сильнейший удар в нос, а затем, когда тот бросился к дверям, пинком в зад выдворил его из каюты.

— Я предупреждал тебя и еще раз предупреждаю,— крикнул он ему вдогонку,— если еще раз попадешься мне на глаза, убью, как собаку!

— Господи, Томми,— со слезами на глазах пробормотал Дуайер, натягивая брюки.— Я никогда не забуду, что ты для меня сделал! Тысячу лет буду помнить!

— Не распускай нюни! — ответил Томас. — Больше он тебя не тронет.

И действительно, Фальконетти больше его не трогал — впрочем, и других матросов тоже. Он всячески старался избегать Томаса, но хотя бы раз в день им все равно приходилось наталкиваться друг на друга. И всякий раз Томас, подзывая его пальцем, произносил: «А ну-ка иди сюда, ублюдок». Лицо у Фальконетти начинало нервно подергиваться, и он неохотно, но послушно подходил к Томасу, а тот с силой бил его под дых. Делал он это демонстративно на виду у матросов, но никогда в присутствии кого-нибудь из командного состава. Теперь ему нечего было скрывать: увидев тем вечером, в какое месиво он превратил физиономию Фальконетти, матросы все поняли. Более того, палубный матрос Спинелли сказал вскоре после этого Томасу:

— А я-то все думаю, где я тебя раньше видел?

— А ты меня нигде и не видел, — ответил ему Томас, хотя и понимал, что отрицать бесполезно.

— Ну, не скажи, — настаивал Спинелли. — Лет пять-шесть назад я видел своими глазами, как ты нокаутировал одного негрита в Куинсе.

— Я никогда в жизни не бывал в Куинсе, — твердо заявил Томас.

— Ладно, тебе виднее, — произнес Спинелли примирительным тоном, — меня это не касается.

Томас не сомневался, что Спинелли разболтает о своей догадке всей команде, а из подшивок журнала «На ринге» за прошлые годы установить, что он был профессиональным боксером, не составит никакого труда. Но пока они в открытом море, беспокоиться не о чем. А вот когда они вернутся в Америку, придется держать ухо востро. Тем временем он с безжалостным удовольствием продолжал повергать Фальконетти в прах. Как ни парадоксально, матросы, которых Фальконетти еще недавно так нещадно терроризировал и к которому они теперь относились с величайшим презрением, возненавидели и Томаса. Им было унижительно сознавать, что они столь долго и покорно сносили издевательства такого ничтожества, как Фальконетти, тогда как человек, едва достававший многим из них до плеча, человек, за два рейса ни разу не повысивший голоса, сумел сбить с Фальконетти всю его спесь за какие-то десять минут.

Фальконетти старался не заходить в кают-компанию, когда знал, что там должен появиться Томас. Как-то раз, когда он не успел вовремя скрыться, Томас, войдя в кают-компанию, не стал его бить, а сказал:

— Оставайся на месте, ублюдок. Я приведу тебе твоего лучшего друга.

Он спустился в каюту Ренуэя. Негр был один. Он сидел по-нурившись на краю койки и смотрел перед собой отсутствующим взглядом.

— Ренуэй,— сказал ему Томас,— пойдём-ка со мной.

Ренуэй, боясь не подчиниться ему, покорно поплелся за ним в кают-компанию. Увидев там Фальконетти, он попытался назад, но Томас втолкнул его в помещение.

— Мы просто посидим немного в приятном обществе этого джентльмена,— сказал Томас, кивнув в сторону Ренуэя,— и вместе послушаем хорошую музыку (в кают-компании в этот момент играло радио).

Томас сел с одной стороны от Фальконетти, Ренуэй — с другой. Фальконетти даже не шелохнулся. Он сидел с безучастным видом, опустил глаза, и тупо смотрел на свои огромные, бессильные руки, лежавшие на столе.

— Ладно, на сегодня хватит,— сказал наконец Томас.— Можешь идти, ублюдок.

Фальконетти встал, прошел к двери, стараясь ни с кем не встретиться взглядом, вышел на палубу и прыгнул за борт. Второй помощник капитана, который находился в это время на палубе, видел, как Фальконетти бросается в море, но был слишком далеко, чтобы воспрепятствовать этому. Судно развернулось, и некоторое время команда без особой надежды пыталась найти Фальконетти, но море было слишком бурным, а ночь слишком темной, и отыскать его не удалось.

У пирса Томас и Дуайер взяли такси.

— Угол Бродвея и Девяносто шестой улицы,— сказал Томас шоферу.

Он произнес первое, что пришло ему в голову, но, когда они подъезжали к тоннелю, понял, что назвал этот адрес не случайно: угол Бродвея и Девяносто шестой улицы — это совсем рядом с домом, где он когда-то жил с Терезой и мальчиком. Он переживет, если до конца своих дней не увидит Терезу, а вот сын — совсем другое дело, и, возможно, именно тоска по мальчику заставила его подсознательно дать шоферу этот адрес — а вдруг он случайно увидит Уэсли!

Когда они выехали на Бродвей, Томас вспомнил, что Дуайер собирался остановиться в общежитии Ассоциации молодых христиан на Шестьдесят второй улице и ждать там от Томаса весточки (Томас так и не сказал Дуайеру про гостиницу «Эгейская»).

Такси остановилось на Шестьдесят второй улице, и Томас сказал Дуайеру:

— Тебе, кажется, выходить.

— Ты ведь дашь о себе знать как можно быстрее, да, Томми? — обеспокоенно спросил Дуайер, вылезая из машины.

— Как получится,— уклончиво ответил Томас и захлопнул дверцу машины. Ему сейчас было не до Дуайера с его слюнявыми благодарностями.

Когда они доехали до Девяносто шестой улицы, Томас попросил водителя остановиться и подождать его. Он вышел из машины и, пройдя к углу Бродвея и Девяносто шестой улицы, где обычно играли дети, постоял там, надеясь увидеть Уэсли, но сына среди детей не было. Возвратившись к такси, он сказал водителю ехать до Парк-авеню.

На углу Парк-авеню и Девяносто шестой улицы Томас вышел из такси и, подождав, пока оно скроется из виду, остановил другое такси и велел шоферу ехать до перекрестка Восемнадцатой улицы и Четвертой авеню. Когда они туда прибыли, он прошел в западном направлении один квартал, повернул за угол, потом возвратился назад и только после этого зашагал к гостинице «Эгейская».

За конторкой стоял Паппи. Увидев Томаса, он ничего не сказал, а просто дал ему ключ. Возле кадки с пальмой о чем-то спорили три матроса. Пальма была единственным украшением узкого вестибюля, больше похожего на коридор. В одном месте в вестибюле имелось нечто вроде ниши; там и стояла конторка. Матросы разговаривали на непонятном Томасу языке. Томас быстро прошел мимо них, чтобы они не успели как следует его рассмотреть, и поднялся на третий этаж в комнату, номер которой был указан на ключе. Он опустил сумку на пол и сразу же бросился на продавленную кровать, застланную горчичного цвета покрывалом. Так он и лежал, уставившись на трещины в потолке. Штора на окне была опущена, и он не стал ее поднимать.

Минут через десять раздался стук в дверь. Так стучал только Паппи. Томас встал и впустил его.

— Что слышно? — спросил он.

Паппи пожал плечами. Он носил темные очки, которые не снимал ни днем ни ночью, и определить выражение его лица было невозможно.

— Кому-то известно, что ты здесь,— сказал Паппи.— Вернее, что ты останавливаешься здесь, когда бываешь в Нью-Йорке.

Кольцо замыкалось. У Томаса пересохло в горле.

— А поконкретнее нельзя, Паппи? — спросил он.

— Дней восемь назад сюда приходил какой-то тип,— ответил Паппи.— Интересовался тобой.

— И что ты ему сказал?

— Что никогда о тебе не слышал.

— А он что?

— Он откуда-то знает, что ты здесь останавливаешься. Сказал, что он твой родной брат.

— И как он выглядит?

— Выше тебя, стройный, вес килограммов семьдесят, брюнет, коротко пострижен, зеленоватые глаза, смуглый, загорелый, отличный костюм, разговаривает как выпускник колледжа, ухоженные ногти...

— Точно, это он, мой чертов братец,— пробормотал Томас.— Должно быть, адрес дала ему мать. А клялась никому не говорить. Ни единой душе. Хорошо еще, что не весь город знает... И что ему было надо?

— Хотел поговорить с тобой. Я сказал ему, что, если сюда заглянет кто-нибудь с твоей фамилией, я все ему передам, и он оставил свой телефон. Живет в каком-то Уитби.

— Да, это он. Ладно, позвоню ему как-нибудь на днях. А сейчас у меня голова занята кое-чем поважнее. От братца, кстати, я ни разу еще не слышал добрых вестей... Хочу кое о чем тебя попросить, Паппи.

Паппи кивнул. За те немалые деньги, которые стоили его услуги, он всегда готов был помочь.

— Первое — принеси мне бутылку виски,— сказал Томас.— Второе — раздобудь для меня пистолет. Третье — свяжись с Шульцем и спроси от моего имени, держится ли еще накал и могу ли я, по его мнению, рискнуть повидаться с сыном. И, наконец, четвертое — организуй мне девчонку. Все в такой последовательности.

— Сто долларов,— лаконично сказал Паппи.

Томас достал из бумажника две полсотни и протянул их Паппи вместе с бумажником.

— Бумажник положи в сейф.

Он не хотел, чтобы какая-нибудь девка шарила по его карманам, когда он напьется, и нашла там набитый деньгами бумажник.

Паппи взял бумажник, положил две полсотни в карман и вышел. Он открывал рот только в случае необходимости, и его молчаливость имела свою цену. На пальцах у него красовались два бриллиантовых кольца, а на ногах были туфли из крокодиловой кожи. Томас закрыл за ним дверь, снова лег на кровать и не вставал до тех пор, пока Паппи не вернулся с британским армейским револьвером «Смит-Вессон» со спиленным серийным номером, бутылкой бурбона, тремя банками пива и тарелкой бутербродов с ветчиной.

— Случайно оказался у меня под рукой,— сказал он, отдавая револьвер Томасу. У Паппи много чего случайно оказывалось под рукой.— Только одно условие: не пускай его в ход в гостинице.

— Можешь успокоиться на этот счет,— сказал Томас.

Затем он открыл бутылку и протянул ее Паппи. Тот отрицательно покачал головой:

— Я не пью. У меня слишком чувствительный желудок.

— У меня тоже,— проговорил Томас и, приложившись к бутылке, сделал большой глоток.

— Вижу,— коротко произнес Паппи и вышел из комнаты.

Интересно, что о нем известно этому молчаливому человеку? И что известно другим?

Бурбон не помогал, хотя он выпил уже больше трети бутылки. Перед глазами у него стояли лица матросов, молчаливо застывших у поручней палубы, когда они с Дуайером спускались по трапу. Провожавшие их взгляды были исполнены ненависти. Томас не мог винить их за это. Поставить на место распоясавшегося крикуна и бывшего уголовника — это одно дело, но довести его до самоубийства — совсем другое. В глубине души Томас понимал, что человек, если он действительно считает себя человеком, обязан знать, когда надо остановиться и оставить другому человеческому существу место под солнцем. Конечно, Фальконетти был животным и заслуживал, чтобы ему дали урок, только урок этот должен был заканчиваться не на дне Атлантического океана.

Он снова глотнул виски, вспомнив, какое лицо было у Фальконетти, когда он сказал ему: «Ладно, на сегодня хватит. Можешь идти, ублюдок», и с каким видом Фальконетти встал из-за стола и вышел из кают-компания, провожаемый взглядами матросов.

Нет, виски не помогало.

Много лет назад, когда брат назвал его диким зверем, он обиделся на него, но имеет ли он право обижаться сейчас, если кто-нибудь его так назовет? Он искренне считал, что, если бы его никто не трогал, он тоже никого бы не трогал. Больше всего ему нужен душевный покой, и ему начинало казаться, что море наконец освободило его от унаследованного им бремени жестокости. Они с Дуайером мечтали о будущем, в котором не найдется места насилию и несправедливости, о жизни среди приятных, доброжелательных людей, о плавании на судне, бороздящем волны спокойного, ласкового моря. Но вместо этого на его совести лежит смерть человека, и он вынужден скрываться с пистолетом за пазухой в убогом гостиничном номере, изгнанник в своей стране. Господи, почему он не научился плакать?

Когда Паппи снова постучал в его дверь, бутылка была уже наполовину пуста.

— Я говорил с Шульцем,— сказал Паппи.— Накал еще держится, и тебе лучше уйти в новое плавание, причем как можно скорее.

— Ясно, — кивнул Томас, успевший разомлеть от выпитого.

Итак, накал еще держится... А разве он когда-нибудь жил без накала? Должно быть, у него такая судьба. Одни рождены, чтобы жить в покое и благополучии, другие — чтобы только мечтать об этом.

— А Шульц не сказал, могу ли я хоть издали взглянуть на сына?

— Он не советует, — ответил Паппи. — По крайней мере пока что.

— Он не советует. Осторожный старина Шульц. Ясное дело, он не советует — это ведь не его ребенок. А что говорят обо мне?

— В гостинице только что поселился один грек с «Элги Андерсен», — ответил Паппи. — И вот он сейчас рассказывает в вестибюле о том, как ты убил какого-то типа по фамилии Фальконетти.

— Да-а, если уж ты чем-то не угодил людям, — с горечью произнес Томас, — тебя готовы обвинить во всех смертных грехах.

— Ему известно, что ты в прошлом профессиональный боксер. Так что до тех пор, пока я не найду тебе подходящего судью, лучше не высовывай носа из комнаты.

— А мне особенно и некуда выходить, — пробормотал Томас. — Где, кстати, дамочка, которую ты обещал?

— Будет через час, — ответил Паппи. — Я ей сказал, что твое имя Берnard. Никаких вопросов она тебе задавать не будет.

— Почему именно Берnard? — с раздражением спросил Томас.

— Когда-то у меня был друг, которого звали Берnard, — ответил Паппи и вышел из комнаты, бесшумно ступая туфлями из крокодиловой кожи.

«Ну, и имя — Берnard! — подумал Томас. — Мне этого только и не хватало, чтобы меня называли Берnardом!»

Он не выходил из номера целую неделю. За это время Паппи доставил ему шесть бутылок виски, но ни одной девицы. Томас потерял вкус к потаскухам. Он начал отращивать усы. Однако они получались у него рыжие. В сочетании со светлыми волосами они выглядели неестественно и не столько служили целям маскировки, сколько казались неудачно приклеенным бутафорским аксессуаром. Для тренировки часами заряжал и разряжал пистолет. Старался не вспоминать выражение лица Фальконетти перед тем, как тот выбросился за борт. Целыми днями ходил из угла в угол, как заключенный по камере. У него с собой был учебник по навигации, который дал ему Дуайер, и он заставлял себя хотя бы часа два в день его штудировать. Ему же казалось, что он запросто может проложить курс от Бостона до Йоганнесбурга. Но он ни разу не осмелился спуститься вниз

и купить себе газету. Сам застилал кровать и сам прибирал в комнате, лишь бы его не видела горничная. Он платил Паппи десять долларов в день — в эту сумму входило все, кроме, конечно, спиртного, — и его ресурсы стали неуклонно приближаться к концу. Но каждый раз как он начинал орать на Паппи за то, что тот до сих пор не устроил его на какое-нибудь судно, Паппи лишь пожимал плечами и говорил, что сейчас не сезон и надо набраться терпения. Паппи хорошо было говорить про терпение — сам-то он не знал, что значит сидеть столько времени взаперти, словно зверь в клетке или заключенный в тюремной камере.

В тот день ровно в три часа раздался стук в дверь. Это был Паппи — неурочное время для визита. Обычно он приходил только три раза в день — приносил завтрак, обед и ужин.

Томас отпер дверь. Паппи вошел, как всегда легко и неслышно ступая. Его лицо за темными очками было лишено выражения.

— Что случилось? — встревоженно спросил Томас.

— Только что приходил твой брат, — сообщил Паппи.

— И что ты ему сказал?

— Что, может быть, попытаюсь узнать, где тебя найти. Он вернется через полчаса. Хочешь его видеть?

Томас некоторое время подумал, затем сказал:

— Почему бы и нет? Если этому сукину сыну так невтерпеж меня видеть, то доставим ему такое удовольствие.

Паппи кивнул:

— Как только он придет, я приведу его.

Томас запер за ним дверь, затем, пощупав жесткую поросль на верхней губе, подошел к растрескавшемуся зеркалу в грязной, крошечной ванне и взглянул на себя. Усы выглядели совершенно нелепо, глаза были налиты кровью от бесконечных возлияний. Намывив верхнюю губу, а заодно щеки и подбородок, он тщательно побрился. Ему давно уже не помешало бы постричься. На макушке волосы у него заметно поредели, и там проглядывала ранняя лысина; длинные космы свисали на уши, а сзади ниспадали до самого воротника рубашки. Паппи мог абсолютно все; единственное, чего он не умел, — так это стричь.

Полчаса тянулись дольше, чем обычно.

В дверь постучали, но стучал явно не Паппи.

— Кто там? — тихо спросил Томас. У него было такое ощущение, будто он разучился говорить — ведь, кроме Паппи, он ни с кем не общался, а с Паппи много не поговоришь.

— Это я, твой брат.

Томас отпер дверь. В комнату вошел Рудольф, но, прежде чем пожать брату руку, Томас снова запер дверь на ключ. Он не предложил брату сесть. Рудольф не выглядел заросшим, у него

не проглядывала лысина, и на нем был хорошо отутюженный костюм из легкой полосатой ткани — в эти дни потеплело. «Наверное, ему из прачечной присылают счета метровой длины», — подумал Томас.

Рудольф неуверенно улыбнулся.

— Этот человек внизу, когда я спрашивал тебя, вел себя уж слишком таинственно, — заметил он.

— Он свое дело знает.

— Я уже был здесь пару недель назад.

— Я в курсе.

— И тем не менее ты не позвонил.

— Нет.

Рудольф с любопытством оглядывал комнату. У него было странное выражение лица, точно он не вполне верил своим глазам.

— Должно быть, ты от кого-то скрываешься?

— Без комментариев, как пишут в газетах, — ответил Томас.

— Могу я чем-то помочь?

— Нет.

А что еще он мог ответить брату? Прошу тебя, поищи человека по имени Фальконетти, долгота двадцать шесть градусов двадцать четыре минуты, широта тридцать восемь градусов тридцать одна минута, глубина десять тысяч футов? Или: найди гангстера из Лас-Вегаса, у которого в багажнике машины лежит обрез, и скажи ему, что, дескать, Томас очень сожалеет, что покалечил Гэри Куэйлза, но обещает больше никогда этого не делать.

— Я рад тебя видеть, Том, — сказал Рудольф, — хотя пришел к тебе не со светским визитом.

— Догадываюсь.

— Мама умирает, — сказал Рудольф, — и хочет тебя видеть.

— А где она сейчас?

— В больнице в Уитби. Я сейчас как раз туда еду, и если ты...

— Что ты имеешь в виду под «умирает»? Умирает сегодня? Умрет через неделю? Или через пару лет?

— Умирает сейчас, — ответил Рудольф. — Это может случиться в любую минуту. У нее уже было два инфаркта.

— О, Господи! — Томасу никогда не приходило в голову, что мать может умереть. В его матросском мешке даже лежал для нее подарок — шарф, купленный в Канне. На шарфе была изображена в трех цветах древняя карта Средиземного моря. Люди, которым везешь подарки, не могут умирать.

— Я знаю, что ты иногда с ней виделся и писал ей письма, — продолжал Рудольф. — Понимаешь, она стала очень набожной и хочет перед смертью со всеми помириться. Она и Гретхен попросила приехать.

— А что со мной мириться? — сказал Томас. — Я ничего против нее не имею. Она ничего плохого мне не делала. А вот от меня ей доставалось. Я уж не говорю о нашем чертовом папочке...

— Ну, ладно, — нетерпеливо проговорил Рудольф, — ты едешь со мной? Моя машина внизу, у гостиницы.

Томас молча кивнул.

— Прихвати с собой сумку с самым необходимым, — сказал Рудольф. — Никто не знает, как долго это может продлиться...

— Дай мне десять минут, — сказал Томас. — Только не жди меня у входа. Садись в машину и куда-нибудь поезжай. А через десять минут выруливай на Четвертую авеню и двигайся на север. Я буду идти по краю тротуара в том же направлении. Если меня не увидишь, возвращайся на два квартала назад, потом снова поезжай по Четвертой авеню. Пусть дверь с правой стороны будет слегка приоткрытой. Старайся ехать медленно. Какая у тебя машина?

— Зеленый «шевроле» шестидесятого года.

Томас отпер дверь.

— Когда будешь идти по гостинице, ни с кем не разговаривай.

Заперев за братом дверь, Томас побросал в дорожный несессер бритву, зубную щетку, другие мелкие вещи и, поскольку у него не было чемодана, взял бумажную сумку, в которой Паппи принес ему последнюю бутылку бурбона, и положил туда две рубашки, кое-какое нижнее белье, носки и шарф, предварительно завернув все это в тонкую оберточную бумагу. Чтобы успокоить нервы, сделал еще один глоток бурбона. Решив, что виски не помешает ему и в дороге, он положил наполовину опустошенную бутылку в другую бумажную сумку.

После этого повязал галстук и надел синий костюм, купленный в Марселе. Когда умирает мать, надо быть хоть прилично одетым. Вынув из тумбочки «Смит-Вессон», проверил предохранитель, засунул пистолет за ремень под пиджак и отпер дверь. Затем выглянул в коридор и, удостоверившись, что там никого нет, вышел из комнаты, запер дверь, а ключ опустил в карман.

Когда Томас появился в вестибюле с двумя бумажными сумками в левой руке и дорожным несессером под мышкой, так чтобы правая рука оставалась свободной, Паппи, стоявший за своей конторкой, поднял голову, но ничего не сказал. Томас вышел на улицу, часто заморгал от ослепившего его солнца и направился к Четвертой авеню. Шел он быстро, но не настолько, чтобы создавалось впечатление, будто он от кого-то пытается скрыться.

Не успел он пройти и полутора кварталов, как рядом с ним остановился подъехавший сзади «шевроле». Быстро оглядевшись по сторонам, он впрыгнул в машину.

Едва только они выехали за город, как он почувствовал себя свободнее и начал испытывать удовольствие от поездки. Дул свежий ветерок, вокруг было по-весеннему зелено. Умирала его мать, ему было жалко ее, но его здоровому, крепкому телу и дела не было до умирающих матерей; оно радовалось прохладному ветру, ощущению быстрой езды, приятному сознанию освобождения из тюрьмы, ароматному сельскому воздуху. Он достал бутылку из сумки и протянул Рудольфу, но тот отрицательно покачал головой. Говорили они мало. Рудольф рассказал, что Гретхен вторично вышла замуж и что ее второй муж недавно погиб в автомобильной катастрофе. Еще он сказал Томасу, что и сам женился. «Джордахов только могила исправит», — подумал Томас.

Рудольф ехал быстро, и все его внимание было сосредоточено на дороге. Томас время от времени отпивал из бутылки — не так много, чтобы опьянеть, но достаточно, чтобы чувствовать себя на взводе.

Они ехали со скоростью семьдесят миль в час, как вдруг сзади завывла сирена.

— Черт возьми! — ругнулся Рудольф и вырулил на обочину.

К ним не торопясь подошел патрульный.

— Добрый день, сэр, — сказал он, обращаясь к Рудольфу. (Рудольф относился к разряду тех людей, которым полицейские всегда говорят «Добрый день, сэр».) — Ваши права, пожалуйста.

Но прежде, чем приняться за проверку прав, патрульный направил пристальный взгляд на бутылку, лежавшую на переднем сиденье между Рудольфом и Томасом, и нарочито долго смотрел на нее.

— Вы ехали со скоростью семьдесят миль в час на участке дороги с ограничением скорости до пятидесяти, — произнес патрульный, холодно глядя на красное, обветренное лицо Томаса, на его перебитый нос и синий марсельский костюм.

— Да, я знаю, — сказал Рудольф, — и сожалею об этом.

— К тому же вы пили. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Я не выпил ни капли, — возразил Рудольф. — А за рулем ведь я.

— А это кто такой? — И патрульный указал рукой, в которой держал права, на Томаса.

— Мой брат, — ответил Рудольф.

— У вас есть удостоверение личности? — подозрительно спросил патрульный у Томаса.

Томас вытащил из кармана паспорт. Патрульный раскрывал его медленно и осторожно, словно это не документ, а бомба с часовым механизмом.

— С чего это вдруг у вас с собой заграничный паспорт?

— Я моряк.

Патрульный вернул Рудольфу права, а паспорт Томаса сунул в карман.

— Паспорт я пока оставляю у себя. Бутылку я тоже возьму с собой,— он протянул руку, и Рудольф отдал ему бутылку.— А теперь разворачивайтесь и следуйте за мной.

— Послушайте,— сказал Рудольф,— может быть, вы просто оштрафуете меня за превышение скорости и отпустите нас. Нам совершенно необходимо...

— Разве я не ясно сказал: разворачивайтесь и следуйте за мной,— повторил патрульный и зашагал к своей машине, где за рулем сидел второй патрульный.

Им пришлось повернуть обратно и ехать более десяти миль до полицейского участка. Томасу удалось незаметно от Рудольфа вытащить пистолет из-под пиджака и сунуть его под сиденье. Если полицейские обыщут машину и найдут его пушку, можно загреметь на срок от шести месяцев до года. Соккрытие огнестрельного оружия. Отсутствие разрешения на его ношение.

Задержавший их патрульный сообщил в участке сержанту, что они повинны в превышении скорости, а, кроме того, были уличены и в другом нарушении — в наличии в движущемся автотранспортном средстве открытой бутылки спиртного, а потому должны быть подвергнуты тесту на присутствие алкоголя в крови. Рудольф явно произвел на сержанта впечатление, и он с ним разговаривал извиняющимся тоном, но тем не менее попросил обоих подышать в трубочку, а Томаса заставил помочиться в бутылку.

Когда они наконец вышли из полицейского участка (без бутылки виски, зато с штрафной квитанцией за превышение скорости), на улице уже стемнело. Сержант пришел к выводу, что ни один из них не был пьян, однако задержавший их патрульный, прежде чем вернуть паспорт, долго перелистывал его. Томасу это не понравилось, потому что, как он прекрасно знал, многие полицейские тесно связаны с мафией. Но тут уже он ничего не мог поделать.

— Ты должен был подумать, прежде чем брать меня с собой,— сказал Томас Рудольфу, когда они снова выехали на шоссе.— Меня могут арестовать уже за одно то, что я дышу воздухом.

— Не переживай,— коротко сказал Рудольф и нажал на газ.

Томас пошарил под сиденьем. Его пушка была на месте. Выходит, машину не обыскивали. Хоть в чем-то повезло.

До больницы они добрались в начале десятого. У входа Рудольфа остановила медсестра и некоторое время что-то ему шептала.

— Спасибо,— сказал ей Рудольф каким-то странным, сдавленным голосом, затем подошел к Томасу и произнес: — Мама умерла час назад.

II

— Напоследок она сказала,— вздохнула Гретхен: — «Где бы сейчас ни был твой отец, передай ему, что я его простила». Потом она впала в кому и больше уже не приходила в себя.

— Это был ее пунктик,— сказал Томас.— Она даже просила меня поискать отца в Европе.

Был поздний вечер, и все трое сидели в гостиной дома, в котором Рудольф с матерью прожили последние несколько лет. Билли спал наверху, а Марта сидела на кухне, оплакивая смерть женщины, которая столько лет, изо дня в день, мучила и тиранила ее. Билли сумел упротить Гретхен взять его с собой в Уитби, чтобы в последний раз взглянуть на бабушку. Она разрешила ему ехать, решив, что знакомство со смертью будет для него поучительной вещью. Прежде чем умирающую мать в последний раз положили в кислородную палатку, она успела простить свою дочь.

Рудольф уже распорядился насчет похорон. Он поговорил с отцом Макдоннеллом и согласился на «весь этот спектакль», как он назвал церемонию отпевания в церкви в разговоре с Джин, когда потом звонил ей в Нью-Йорк. Надгробные речи, заупокойная месса — словом, все должно быть, как полагается. Но закрывать в доме окна и опускать шторы он не стал. Он не мог бесконечно потакать матери даже после ее смерти. Джин без особого воодушевления сказала ему, когда они говорили по телефону, что, если он хочет, она приедет, но он ей ответил, что не видит в этом никакого смысла.

Настигнувшая их в Риме телеграмма подействовала на Джин удручающе. «Родственнички! — повторяла она. — Вечно эти чертовы родственнички!» В тот вечер, в Риме, и на следующий день, в самолете, она много пила. Если бы он не поддерживал ее, когда они выходили из самолета, она наверняка свалилась бы с трапа. Когда он уезжал из Нью-Йорка в Уитби, она лежала в постели, хрупкая и обессиленная. Сейчас, сидя с братом и сестрой в притихшем доме, где он столько лет прожил рядом с матерью, Рудольф был рад, что жена не с ним.

— После всех этих лет,— сказал Томас,— в тот момент, когда у тебя умирает мать, ты сдаешь мочу на анализ полицейскому! — Томас один из всех пил, но не пьянел.

В больнице Гретхен поцеловала и обняла его — в своем горе она уже не была заносчивой и высокомерной, она не задирала перед ним нос. Это была теплая, родная, любящая женщина, страдающая душа. Томас чувствовал, что их отношения могут стать другими, они забудут прошлое и наконец помиряются. У него и без того хватало в мире врагов, и пребывать в состоянии постоянной войны со своей семьей ему вовсе не обязательно.

— Меня пугают эти похороны, — признался Рудольф. — Все эти старые дамы, с которыми она играла в бридж! Трудно себе представить, что может сказать в заупокойном слове такой идиот, как Макдоннелл.

— Что ее дух надломили бедность и недостаток любви. Что ее жизнь была посвящена служению Богу, — проговорила Гретхен.

— Вряд ли он ограничится этим, — покачал головой Рудольф.

— Извините, я сейчас. — Томас вышел из гостиной и поднялся в спальню для гостей, отведенную ему и Билли. Гретхен поселилась в другой свободной комнате для гостей. В комнату матери после ее смерти никто пока не входил.

— Он кажется каким-то другим, правда? — сказала Гретхен, когда они с Рудольфом остались одни в гостиной.

— Пожалуй.

— Каким-то присмирившим. Как бы поверженным.

— Во всяком случае, мне показалось, — проговорил Рудольф, — что он изменился к лучшему.

Услышав на лестнице шаги брата, они поспешили оборвать разговор. Томас вошел в гостиную, держа в руках что-то мягкое, завернутое в тонкую бумагу.

— Вот, держи, — сказал он, протягивая сверток Гретхен. — Это тебе.

Она развернула подарок — шарф со старинной картой Средиземного моря. В три цвета.

— Спасибо, — сказала она. — Какая прелесть!

Встала и поцеловала его. Этот поцелуй подействовал на него как-то странно. Он почувствовал, что может сейчас выкинуть какую-нибудь сумасшедшую штуку — разреветься, или начать крушить мебель, или пойти наверх, схватить «Смит-Вессон» и начать палить из окна в луну.

— Я купил его в Канне, — сказал Томас. — Для мамы.

— В Канне? — удивился Рудольф. — Когда ты был в Канне?

Томас сказал, и они поняли, что были там примерно в одно и то же время, может быть, с разницей в один день.

— Это ужасно, — заявил Рудольф. — Чтобы родные братья оказались в одно и то же время на другом краю света и разминутись! Такого больше нельзя допускать. Отныне, Том, мы никогда не будем терять друг друга из виду.

— Да, конечно,— не слишком уверенно ответил Томас.

Ему действительно хотелось видиться с Гретхен, но Рудольф... это совсем другое дело. Из-за Рудольфа ему пришлось слишком много страдать.

— Да, конечно,— повторил он с иной интонацией в голосе.— Надо не забыть сказать своей секретарше, чтобы она прислала тебе копию маршрутов всех моих служебных и развлекательных поездок.— Он встал.— Ладно, пойду спать. День был тяжелый.

И он пошел наверх. Он не чувствовал себя таким уж усталым. Просто ему не хотелось оставаться в одной комнате с Рудольфом. Если б он знал, как найти похоронный зал, где сейчас стоял гроб с телом матери, то выскользнул бы из дома и всю ночь просидел бы возле покойницы.

Чтобы не разбудить сына Гретхен, спавшего в голубой пижаме на другой кровати, он не стал зажигать свет, а оставил дверь слегка приоткрытой, чтобы не раздеваться в полной темноте. У него не было пижамы, и он подумал, что, когда мальчик проснется утром и увидит, что его новоприобретенный родственничек спал в одних трусах, он немало удивится и может не удержаться от какого-либо замечания на сей счет. Хотя, скорее всего, нет. Билли оказался ему славным пареньком, и вряд ли из-за такого пустяка, как пижама, он станет презирать своего дядю. Мальчик был чистенький, от него хорошо пахло душистым мылом. В больнице он обнял свою маму, стараясь ее утешить, и оба они расплакались в объятиях друг друга. Томас не помнил, чтобы в этом возрасте он обнимал свою мать.

Глядя на сына Гретхен, он подумал об Уэсли. Что бы такое придумать, чтобы с ним повидаться? И вообще, как бы найти способ активнее влиять на его жизнь? Ведь нельзя же допустить, чтобы его всю жизнь воспитывала эта аферистка Тереза.

Раздевшись, он закрыл дверь и лег в мягкую, чистую постель. «А вот Рудольф спит в такой постели всю свою жизнь»,— подумал он.

III

На похороны приехал Тедди Бойлан. Вообще народу было на удивление много. Газеты Уитби и Порт-Филипа сочли смерть матери такого видного горожанина, как Рудольф Джордах, событием достаточно важным, чтобы поместить некролог на самом видном месте. О Мэри Джордах писать было почти нечего, так что газеты компенсировали это перечислением достижений и титулов ее сына — председателя правления корпорации «Д. К. Энтерпрайзиз», сопредседателя торговой палаты Уитби, выпускни-

ка *cum laude** университета Уитби, члена совета попечителей университета, члена городских комитетов по благоустройству как Уитби, так и Порт-Филипа, энергичного и многообещающего коммерсанта и бизнесмена.

«Бедная мама,— подумал Рудольф, оглядывая переполненную церковь,— она была бы наверху блаженства, если бы увидела, как много людей пришло почтить ее память».

Заупокойное слово отца Макдоннелла оказалась даже безвкуснее и пространнее, чем опасался Рудольф, и он старался пропускать мимо ушей набор слащавых, лживых фраз, произносимых священником над заваленным цветами гробом. Ему хотелось надеяться, что Гретхен, совсем недавно стоявшая в лос-анджелесском крематории у другого гроба, находит в себе силы не убиваться в эту минуту слишком уж сильно. Он взглянул на нее. Судя по всему, ей удавалось держать себя в руках.

В ветвях деревьев на кладбище распевали птицы, радуясь приходу лета. Когда гроб — под рыдания партнерш покойной по бриджу — опускали в могилу, Рудольф, Томас и Гретхен стояли рядом, друг возле друга. Гретхен держала за руку Билли.

Бойлан нагнал их, когда они уже подходили к выстроившимся в ряд черным лимузинам.

— Извините за бесцеремонность,— скорбным голосом произнес он,— но позвольте мне, Гретхен и Рудольф, выразить вам свое искреннее соболезнование. Такая молодая женщина...

Рудольф не сразу сообразил, что речь идет о его матери. Ему она казалась древней старухой, да и была по своей сути таковой. Мать и в тридцать лет была уже старухой, а умирать начала даже раньше. Сейчас он чуть ли не впервые по-настоящему осознал, что ей было всего лишь пятьдесят шесть лет, почти столько же, сколько Бойлану. Неудивительно поэтому, что он сказал «такая молодая женщина».

— Спасибо, Тедди,— сказал Рудольф, и они обменялись рукопожатием. Судя по тому, как Бойлан выглядел, он не собирался умирать. Волосы у него были того же цвета, что и всегда, лицо загорелое, без морщин, держался он все так же прямо, туфли по обыкновению начищены до блеска.

— Как дела, Гретхен? — спросил Бойлан.

— Хорошо, Тедди, спасибо,— ответила она.

— Насколько я понимаю, это твой сын,— и Бойлан улыбнулся Билли, рассматривавшему его с сосредоточенным и серьезным видом.

— Билли, это мистер Бойлан,— сказала Гретхен,— наш старый знакомый.

* *Cum laude* (лат.) — с отличием (о дипломе, аттестате и т. п.).

— Рад с тобой познакомиться, Билли.— Бойлан пожал мальчику руку.— Надеюсь, в следующий раз мы встретимся по менее печальному поводу.

Билли ничего не ответил. Томас рассматривал Бойлана, прищурившись и, как показалось Рудольфу, едва сдерживая желание откровенно рассмеяться. Может быть, он вспомнил ту ночь, когда видел Бойлана расхаживающим голым по дому на холме и наливающим виски в стакан, чтобы отнести его Гретхен, поджидающей его в постели наверху? О чем только не думают люди на кладбище.

— Мой брат, Томас,— произнес Рудольф.

— Ах, да, твой брат.— Бойлан даже не подал Томасу руку, тут же повернувшись к Рудольфу: — Если у тебя при всей твоей занятости найдется время, то позвони мне, Руди. Мы могли бы как-нибудь поужинать вместе. Должен признаться, что оказался не прав насчет выбранной тобой карьеры. И захвати с собой Гретхен, если она будет свободна. Я буду очень рад.

— Мне нужно возвращаться в Калифорнию,— ответила Гретхен.

— Какая жалость. Что ж, не буду вас больше задерживать.— Он чуть заметно поклонился и направился к своей машине — стройный, холеный джентльмен, даже в своем темном костюме кажущийся белой вороной среди унылых рядов скорбящих жителей маленького провинциального городка.

Они подошли к первому из ожидавших их лимузинов (сестра в него несколько раз порывался и отец Макдоннелл, но Рудольф решительно воспрепятствовал этому), и Гретхен впервые осознала — это стало для нее настоящим открытием,— насколько Рудольф и Бойлан похожи друг на друга; не внешностью, конечно, и, она надеялась, не характером, а отношением к людям, манерой говорить, жестами, стилем одежды, даже походкой. Интересно, сознает ли Рудольф, сколь многим он обязан этому человеку? Как бы он отреагировал, если бы она сказала ему об этом?

Весь обратный путь она думала о Бойлане. Ей следовало бы думать о матери, чью могилу, наверно, еще не успели засыпать землей на залитом солнцем кладбище, оглашаемом летним пением птиц, но она думала о Тедди Бойлане. Она не испытывала к нему ни любви, ни желания, но и отвращения, ненависти или стремления отомстить она тоже к нему не питала. У нее было такое чувство, будто она случайно обнаружила среди ненужного хлама свою старую детскую игрушку, давно забытую, но когда-то любимую куклу, и теперь, держа ее перед собой и разглядывая, она пыталась вспомнить те ощущения, которые кукла вызывала у нее в детстве, и, видя, что это ей не удастся,

раздумывала, то ли выбросить ее, то ли отдать ребенку из соседнего дома. Первая любовь. Первый возлюбленный.

Приехав домой, все решили, что нужно вылить. Билли, бледный, измученный, пожаловался на головную боль и ушел наверх — ему хотелось побыть одному. Марта, несмотря на непрерывно льющиеся потоки слез, пошла на кухню: нужно было приготовить что-нибудь перекусить.

Рудольф смешал себе и Гретхен по мартини, а Томасу налил бурбону со льдом. Томас, сняв тесный в могучих плечах пиджак, расстегнул воротничок и сидел на жестком деревянном стуле, немного ссутулившись и свесив между коленями руки. «Где бы и на чем он ни сидел,— подумал Рудольф, передавая брату стакан с бурбоном,— всегда кажется, будто он примостился на табурете в углу ринга».

Они подняли стаканы и выпили за упокой души матери, хотя никто не произнес ее имени.

Было решено, что сразу же после ленча они все вместе отправятся в Нью-Йорк — им не хотелось задерживаться в доме, куда вскоре начнется паломничество людей с выражением сочувствия и соболезнования. В этот день в дом Рудольфа доставили горы цветов, но он сказал Марте, чтобы она отправила все букеты, кроме одного, в больницу, где умерла мать. А оставил Рудольф букет весенних нарциссов, стоявших, словно маленькие желтые солнца на тонких, грациозных стеблях, в хрустальной вазе на кофейном столике перед диваном. Окна были открыты, и гостиную заливали потоки солнечного света, а с газона доносился тонкий аромат травы, разомлевшей под лучами дневного светила. Эта комната, с ее старинным (восемнадцатое столетие!), низким, из деревянных балок потолком и большими, квадратными окнами, ласкала глаз, была ненавязчиво привлекательной и гармонично обставленной по вкусу Рудольфа, ненавидевшего загроможденные антикварной мебелью, кичащиеся богатством гостиные или же, напротив, агрессивно современные, бездушные, похожие на больничные палаты обиталища.

— Что ты собираешься делать с этим домом? — спросила Гретхен у Рудольфа.

Рудольф пожал плечами:

— Наверно, оставлю себе. Мне все равно придется часто бывать в Уитби. Конечно, для меня одного дом слишком велик... Слушай, Гретхен, а почему бы тебе не поселиться здесь?

Гретхен отрицательно покачала головой. Спорам с адвокатами не было видно конца.

— Я прикована к Калифорнии.

— А как насчет тебя? — спросил Рудольф у Томаса.

— Меня? — с удивлением произнес тот. — Какого дьявола я буду здесь делать?

— Ты мог бы найти себе здесь работу. — (На самом деле Рудольф имел в виду, что он нашел бы брату работу.) — Ты ведь не станешь отрицать, что этот дом получше, чем то место, где ты живешь в Нью-Йорке?

— Я не собираюсь там задерживаться. А что касается этого места, то оно не для меня. Здешние люди глазуют на меня, как на обезьяну в зоопарке.

— Ты преувеличиваешь, — сказал Рудольф.

— Твой дружок Бойлан даже не захотел протянуть мне руку. Если тебе на кладбище не подадут руки, то где же тогда, черт возьми, вообще ее подавать?

— Ну, он особый случай.

— Это уж точно, — и Томас начал смеяться. Смех был сдержанный и негромкий, но в комнате от него почему-то стало тревожно.

— Почему ты смеешься? — спросил Рудольф, а Гретхен озадаченно посмотрела на Томаса.

— В следующий раз, когда увидишь его, — проговорил Томас, — скажи, что он правильно сделал, не пожав мне руку.

— О чем ты говоришь, Том?

— Спроси у него, помнит ли он День победы в сорок пятом году, а точнее, вечер того дня, когда в его поместье подожгли крест, а потом начался пожар?

— Что ты хочешь этим сказать? — резко спросил Рудольф. — Неужели это был ты?..

— Я и один мой приятель. — Томас встал и, подойдя к буфету, налил себе еще виски.

— Зачем ты это сделал? — спросила Гретхен.

— Мальчишество, — ухмыльнулся Томас, бросая в стакан кусочки льда. — Мы ведь победили в тот день.

— Но почему ты выбрал именно его? — настаивала Гретхен.

Томас не сразу ответил; он стоял спиной к Гретхен и, держа в руке стакан, покручивал его, взбалтывая виски со льдом.

— У него тогда была связь с одной девушкой, которую я хорошо знал, — наконец заговорил он. — А я не одобрял этой связи. Следует ли мне назвать имя этой девушки?

— Думаю, не надо, — тихо ответила Гретхен.

— А как звали твоего приятеля? — спросил Рудольф.

— Какая разница?

— Это был Клод? Клод... как его там, не помню уже фамилии? Вы с ним были такие друзья — и водой не разлить. Признавайся — Клод?

Томас улыбнулся, но ничего не сказал в ответ. Онпил стоя, прислонившись спиной к буфету.

— Если не ошибаюсь, он сразу после пожара куда-то исчез,— сказал Рудольф.— Теперь я хорошо припоминаю.

— Да, это уж точно, исчез,— подтвердил Томас и с горечью добавил: — А вслед за ним исчез и я. Это ты тоже припоминаешь?

— Значит, кому-то было известно, что это сделали вы...— сказал Рудольф.

— Да уж, кому-то было известно,— кивнул Томас.

— Тебе еще повезло, что тебя не посадили,— проговорила Гретхен.

— Именно на это и намекал отец, вышвырнув меня из города,— медленно произнес Томас.— Да-а, когда еще как не в день похорон вспомнить старые добрые времена...

— Том,— сказала Гретхен,— ты ведь теперь не такой, правда?

Томас подошел к дивану, где она сидела, наклонился к ней и нежно поцеловал в лоб.

— Надеюсь, что нет,— ответил он, затем выпрямился и сказал: — Пожалуй, я поднимусь наверх, посмотрю, как там Билли. Мне нравится этот парнишка. Думаю, ему станет легче, если он будет не один.

И он, взяв стакан с недопитым бурбоном, вышел из гостиной и пошел наверх.

Рудольф смешал еще два мартини — для себя и для Гретхен. Он был рад, что может чем-то занять свои руки. С таким человеком, как его брат, непросто общаться. Даже после того, как Томас вышел из гостиной, в комнате сохранялась напряженная и тягостная атмосфера.

— Господи,— наконец нарушила тишину Гретхен,— неужели у нас одни и те же гены? В это просто невозможно поверить.

— В семье, как говорится, не без уродов,— сказал Рудольф.— Только вот кто из нас этот урод — ты, я или он?

— Мы вели себя ужасно, Руди,— и ты и я! — воскликнула Гретхен.

Рудольф пожал плечами:

— Наша мать тоже вела себя ужасно, а наш отец вообще был чудовищем. И ты, между прочим, знала, почему они были такими, или, по крайней мере, думала, что знаешь,— но разве это что-то меняло? Я стараюсь не быть чудовищем.

— Чудовищем тебе мешает стать твое везение,— заметила Гретхен.

— Но это не просто везение — я ведь столько работал,— запальчиво возразил Рудольф.

— Колин тоже много работал. Но между вами есть разница — ты никогда не врежешься в дерево.

— Прошу покорно простить меня, Гретхен, за то, что я до сих пор еще жив.— В голосе его звучала обида.

— Пожалуйста, пойми меня правильно. На самом деле я очень рада, что в нашей семье есть хоть один человек, который никогда не врежется в дерево. Но это, конечно, не Том. И насколько мне известно, не я. Возможно, я худшая из нас троих. И вероятно, мне было дано в удел определять судьбы всех членов нашей семьи. Не окажись я как-то раз в субботу, после полудня, на одном шоссе близ Порт-Филипа, жизнь у всех у нас сложилась бы совершенно иначе. Ты знал об этом?

— Я не понимаю, о чем ты?

— Скорее, о ком — о Тедди Бойлане,— хладнокровно ответила Гретхен.— В тот день он попросту подцепил меня. И я стала такой, какая я есть, во многом из-за него. Мужчины, с которыми я спала, попадали ко мне в постель из-за Тедди Бойлана. В Нью-Йорк я убежала из-за Тедди Бойлана. С Уилли Эбботтом я познакомилась из-за Тедди Бойлана. Презирать Уилли я начала оттого, что он недостаточно отличался от Тедди Бойлана, а Колина я полюбила за то, что он был полной противоположностью Тедди Бойлану. В своих гневных статьях, считавшихся такими умными, я нападала на Америку главным образом за то, что она порождает таких людей, как Тедди Бойлан; за то, что она делает жизнь столь легкой для Тедди Бойланов.

— Это похоже на навязчивую идею... Судьбы всех членов нашей семьи! Может, тебе стоит сходить к цыганке, выпросить ее о тайнах профессии, повесить себе на шею амулет и заняться этим делом всерьез?

— Мне не нужно ходить ни к какой цыганке,— ответила Гретхен.— Если бы я не познакомилась с Тедди Бойланом и не легла к нему в постель, думаешь, Том поджег бы крест на холме? Думаешь, его прогнали бы из родного дома и выслали как преступника, если бы не было Тедди Бойлана? Думаешь, он стал бы таким, каков он сегодня, если бы остался в Порт-Филипе и жил дома, в семье, как все нормальные люди?

— Возможно, ты и права,— согласился Рудольф.— Но тогда случилось бы что-то другое, а в результате он все равно стал бы таким же.

— Но случилось именно то, что случилось. А случилось то, что Тедди Бойлан переспал с его сестрой, откуда и пошла вся цепочка. Что же касается тебя...

— О себе я и сам все знаю,— прервал ее Рудольф.

— Ты так считаешь? Неужели ты думаешь, что окончил бы колледж, если бы Тедди Бойлан не одолжил тебе денег? Разве ты одевался бы так, как одеваешься, если б не он? Разве был бы так же помешан на успехе и деньгах, если б не Тедди Бойлан?

Разве стремился бы достигнуть вершин, если б не он? Неужели ты думаешь, что кто-нибудь другой, кроме Тедди Бойлана, подобрал бы тебя на улице, стал бы водить на концерты и по картинным галереям, панькался бы с тобой, пока ты учился, и внушил бы тебе такую уверенность в себе?

Она остановилась и допила свой второй martini.

— Уговорила, — сказал Рудольф. — Так уж и быть, я поставлю ему памятник.

— А почему бы и нет? По крайней мере, ты себе можешь это позволить — при такой богатой жене.

— Это уже удар ниже пояса, — рассердился Рудольф. — Ты ведь прекрасно знаешь, что я ни сном ни духом не подозревал о ее деньгах.

— Об этом-то я и толкую, — проговорила Гретхен. — Твоя джордаховская чудовищность не смогла проявиться в полную силу именно потому, что тебе вечно везет.

— А как насчет твоей собственной, как ты выражаешься, джордаховской чудовищности?

Гретхен внезапно преобразилась — голос ее утратил резкость, лицо стало грустным, мягким, помолодевшим.

— Рядом с Колином я не была чудовищем, — сказала она.

— Я знаю.

— Мне никогда уже не найти второго Колина.

Рудольф ласково коснулся ее руки. Разве можно на нее сердиться — ведь она перенесла такое горе!

— Ты ведь мне не поверишь, если я скажу, что найдешь? — мягко проговорил он.

— Не поверю, — ответила она.

— Ну а что ты собираешься делать дальше? Сидеть и всю жизнь скорбеть?

— Нет, конечно.

— И что же ты решила делать?

— Учиться.

— Учиться? — поразился Рудольф. — В твоём-то возрасте?

— Поступлю на вечернее отделение Калифорнийского университета, — с некоторым вызовом ответила Гретхен. — Там же, в Лос-Анджелесе. Это даст мне возможность заниматься, оставаясь дома и приглядывая за Билли. Я уже заходила к ним на собеседование. Они сказали, что примут меня.

— И по какому же предмету ты собираешься специализироваться?

— Ты будешь смеяться, если я скажу.

— Сегодня я ни над чем не смеюсь, — сказал ей Рудольф.

— На эту мысль меня навел отец одного из соучеников Билли, — смущенно пробормотала Гретхен. — Он психиатр.

— О Боже! — воскликнул Рудольф.

— Это твое «О Боже!», которое выскочило из тебя, стоило мне произнести слово психиатр, — с некоторой обидой произнесла Гретхен, — является еще одним следствием того, что ты такой везунчик.

— Извини.

— Так вот, этот человек несколько раз в неделю работает по совместительству в клинике с непрофессиональными психоаналитиками. У них нет научной степени доктора медицины, но они прослушали курс по психоанализу, сдали экзамен и получили разрешение братья за случаи, не требующие глубоких познаний в области психиатрии. Они применяют групповую терапию, занимаясь с детьми, отказывающимися, несмотря на свои нормальные умственные способности, учиться читать и писать; с детьми, ведущими себя намеренно агрессивно; с замкнувшимися в себе детьми из распавшихся семей; с девушками, выросшими фригидными из-за пуритански-религиозного воспитания или из-за полученной в раннем возрасте психической травмы на половой почве и из-за этого расходящимися со своими мужьями; с негритянскими и мексиканскими детьми, которые начинают ходить в школу намного позже других, а потому не могут догнать остальных учеников и теряют веру в себя; с...

— Иначе говоря, — нетерпеливо прервал ее Рудольф, — ты собираешься вооружиться клочком бумаги, который тебе выдадут после окончания вечернего отделения, и приняться в одиночку решать целую кучу проблем: и негритянскую, и мексиканскую, и религиозную, и...

— Я не знаю, сколько проблем я буду решать, — парировала Гретхен. — Может быть, одну, может быть, две, а может быть, и целую сотню. Но самое главное — это то, что я смогу решить свои собственные проблемы. У меня появится хоть какое-то занятие, и я смогу быть хоть кому-то полезной.

— Не то что твой братец, от которого никому ни малейшей пользы, — произнес Рудольф, уязвленный ее словами. — Ты это хотела сказать?

— Ты меня неправильно понял, — заверила его Гретхен. — Ты приносишь пользу в своей области, а я хочу приносить пользу в своей, вот и все.

— И сколько все это займет у тебя времени?

— Как минимум, года два — я имею в виду, до получения диплома, — ответила Гретхен. — А потом углубленное изучение психоанализа...

— В таком случае, ты никогда не окончишь университет, — сказал Рудольф. — Прежде чем это случится, ты встретишь какого-нибудь мужчину и...

— Не исключено, — неожиданно согласилась Гретхен. — Всякое может быть...

Вошла Марта — красные, заплаканные глаза, понурый вид — и объявила, что в столовой их ждет ленч. Гретхен пошла наверх за Билли и Томасом, и, когда они сошли вниз, вся семья в полном сборе отправилась в столовую. За столом все были очень вежливы друг с другом: «Пожалуйста, передай мне горчицу». — «Большое спасибо». — «Очень мило с твоей стороны, но пока что мне достаточно».

После ленча они сразу же сели в машину и поехали в Нью-Йорк. В этот день Джордахов стало на одного человека меньше.

К отелю «Алгонкин» они подъехали в начале восьмого вечера. Гретхен и Билли решили остановиться там, потому что в квартире Рудольфа, где его ждала Джин, была только одна спальня. Рудольф предложил Гретхен и Билли пообедать вместе с ним и Джин в каком-нибудь уютном местечке, но Гретхен отказалась, сказав, что это не самый подходящий день для знакомства с ее новой невесткой. Рудольф пригласил и Томаса, но тот ответил, что у него вечером свидание.

Томас вышел из машины вместе с Билли и, обняв его за плечи, сказал:

— У меня тоже есть сын. Но он намного младше, чем ты, Билли. Если он станет похож на тебя, когда вырастет, я буду гордиться им.

Билли улыбнулся — первый раз за три дня.

— Том, — сказала Гретхен, прежде чем войти в гостиницу, — могу я надеяться когда-нибудь увидеть тебя?

— Ясное дело, — ответил Томас. — Теперь я знаю, как тебя найти. Я позвоню.

Гретхен с сыном вошли в гостиницу, носильщик нес за ними две сумки.

— Отсюда я поеду на такси, Руди, — сказал Томас. — Тебе, должно быть, не терпится побыстрее попасть домой, к своей жене.

— Я бы не прочь чего-нибудь выпить, — сказал Рудольф. — Давай зайдем в этот бар и...

— Спасибо, но у меня мало времени, — ответил Том. — Мне пора двигаться.

Через плечо брата он поглядывал на поток машин, несущихся по Шестой авеню.

— Том, — настаивал Рудольф, — мне надо с тобой поговорить.

— По-моему, мы уже обо всем поговорили, — холодно произнес Томас. Он попытался остановить проезжающее такси, но водитель уже не брал пассажиров. — Тебе нечего мне сказать.

— Да? Ты так думаешь? — яростно произнес Рудольф.— А что если я тебе скажу, что ты обладатель почти шестидесяти тысяч долларов — по котировке на сегодняшний день? Может, тогда ты запоешь другую песню?

— Ты, видно, большой шутник, Руди — пробормотал ошарашенный Томас.

— Я не шучу. Идем в бар.

Томас послушно пошел за Рудольфом в бар.

— Жду объяснений,— сказал Том, когда официант принес им виски.

— Помнишь те чертовы пять тысяч долларов, которые ты мне тогда навязал? — спросил Рудольф.

— Те грязные деньги? — буркнул Томас.— Ну, помню.

— Ты тогда заявил, что я могу с ними делать все, что хочу,— продолжал Рудольф.— Я хорошо помню твои слова: «Помолись на них. Растрянжирь на баб. Подари какой-нибудь благотворительной организации...»

— Да, это мой стиль,— ухмыльнулся Томас.

— Так вот, я не сделал ни того, ни другого, ни третьего, а вложил их в дело,— сказал Рудольф.

— Что ж, в бизнесе ты всегда кумекал,— отозвался Томас.— Даже когда был пацаном.

— Я вложил их на твоё имя, Том,— выразительно проговорил Рудольф.— В свою собственную компанию, в акции. Стоимость акций за это время здорово выросла. Теперь твой пай стоит приблизительно шестьдесят тысяч долларов. Это полностью твои деньги.

Томас залпом выпил виски, зажмурился и протер глаза. Рудольф продолжал:

— Два последних года я регулярно пытался связаться с тобой, но в телефонной компании мне сообщили, что твой телефон отключен, а, когда я посылал письма по твоему старому адресу, они всегда возвращались обратно со штампом «адресат выбыл». Мама же, пока не попала в больницу, не признавалась, что вы переписываетесь. Я периодически просматривал в газетах спортивные разделы, но не видел о тебе ни слова — ты словно сквозь землю провалился.

— Я выступал перед избирателями западных штатов,— сказал Томас, открывая глаза. Комната казалась будто в тумане.

— Вообще-то я был даже рад, что не могу отыскать тебя,— продолжал Рудольф,— потому что знал — курс наших акций будет все время расти, и не хотел, чтобы у тебя был соблазн продать их прежде времени. Кстати говоря, я и сейчас так считаю.

— Скажи,— спросил Томас,— если я завтра пойду в то место, которое ты мне назовешь, и заявлю, что у меня есть акции

и я хочу их продать, мне действительно отвалят за них шестьдесят тысяч долларов наличными? Я правильно тебя понял?

— Да, но только я тебе не советую...

— Руди,— произнес Томас,— ты, конечно, мировой парень и всякое такое прочее, а я, возможно, ошибался насчет тебя все эти годы, но сейчас я не собираюсь выслушивать ничьих советов. Все, что мне от тебя нужно,— это чтобы ты дал мне адрес того места, где меня ждет человек, готовый вручить мне шестьдесят тысяч наличными.

Рудольф понял, что спорить с ним бесполезно, и сдался. Написав на листке бумаги адрес конторы Джонни Хита, он протянул бумажку Томасу.

— Поезжай туда завтра же,— сказал Рудольф.— Я позвоню Хиту, и он будет тебя ждать. Только, пожалуйста, Том,— будь благоразумным.

— Не беспокойся обо мне, Руди. Начиная с этой минуты я буду таким благоразумным, что ты меня не узнаешь.

Томас заказал еще по стакану виски. Когда он поднимал руку, чтобы позвать официанта, пиджак его распахнулся, и Руди увидел засунутый за пояс пистолет. Но он промолчал. Он сделал для брата все, что мог, а остальное от него не зависит.

— Подожди меня здесь минутку, ладно? — сказал Томас.— Мне нужно позвонить.

Томас вышел в холл, нашел телефон-автомат, разыскал в справочнике номер авиакомпании «Транс уорлд эрлайнс»^{*} и, позвонив по этому номеру, спросил, есть ли завтра самолеты на Париж. Девушка на другом конце провода ответила, что завтра есть один рейс в восемь вечера и спросила у него, хочет ли он заказать места на этот рейс. Томас поблагодарил ее и сказал, что не хочет. Затем позвонил в общежитие Ассоциации молодых христиан и спросил Дуайера. Тот долго не подходил к телефону, и Томас готов был уже повесить трубку и забыть о Дуайере, как вдруг в трубке раздалось:

— Алло, кто говорит?

— Это я, Том. Слушай...

— Том! — радостно воскликнул Дуайер.— Господи, как я ждал твоего звонка! Я уже начал здорово волноваться. Думал, тебя уже нет в живых...

— Ты когда-нибудь закроешь рот?! — оборвал его Томас.— Слушай меня внимательно. Завтра в восемь вечера из аэропорта Айдлауялд летит самолет компании TWA в Париж. Жди

* «Транс уорлд эрлайнс» (TWA) — авиакомпания, обслуживающая 50 городов США и связывающая США с большим числом стран Европы и Дальнего Востока.

меня в шесть тридцать вечера у кассы предварительного заказа билетов. Со всеми вещами.

— Ты хочешь сказать, что заказал места? На самолет?

— Пока не заказывал,— ответил Томас, с досадой подумав, что Дуайер мог бы вести себя более сдержанно.— Мы купим билеты на месте. Я не хочу, чтобы мое имя красовалось в списке пассажиров весь день.

— Да, да, Том, я понимаю.

— От тебя требуется одно — не опаздывай.

— Буду вовремя, не беспокойся.

Томас повесил трубку.

Вернувшись в бар, он, несмотря на возражения Рудольфа, заплатил за виски, а, когда они вышли на улицу, остановил такси. Но прежде чем сесть в машину, он пожал брату руку.

— Слушай, Том,— сказал ему на прощанье Рудольф,— давай пообедаем где-нибудь на этой неделе. Я познакомлю тебя с женой.

— Отличная мысль,— ответил Томас.— Я позвоню тебе в пятницу.

Сев в такси, он сказал шоферу:

— Угол Четвертой авеню и Восемнадцатой улицы.

Он сидел на заднем сиденье развалившись, держа на коленях бумажную сумку со своими пожитками. Когда у человека появляются шестьдесят тысяч долларов, его все начинают приглашать пообедать. Даже собственный брат.

Часть
четвертая

Часть четвертая

Глава 1

1963 год

огда она подъехала к дому, шел проливной, тропический калифорнийский ливень, приминавший цветы, серебряными пулями отскакивавший от черепичных крыш, размывавший оставленные бульдозерами кучи земли на склоне холма и сносивший размытую землю в сады и бассейны соседей. Хотя прошло более двух лет с тех пор, как умер Колин, она по привычке глянула в сторону открытого гаража, чтобы удостовериться, не там ли его машина.

Оставив учебники в своем «фордике» 59-го года, она быстро пробежала к входной двери, и, хотя от дороги до дома было всего лишь несколько метров, волосы у нее успели сильно намочить. Войдя в дом, она сбросила плащ и тряхнула мокрой головой. Затем глянула на часы: полпятого, но в доме было темно, и она включила в прихожей свет. Билли дома не было: он ушел с друзьями в горы на выходные. Ей хотелось надеяться, что в горах погода лучше, чем на побережье.

Она сунула руку в почтовый ящик — какие-то счета, рекламные проспекты и письмо из Венеции от Рудольфа.

Из прихожей она прошла в гостиную, включая на ходу верхний свет, торшер, бра. Скинула мокрые туфли, плеснула в стакан виски, добавила содовой и, забравшись на диван и поджав под себя ноги, почувствовала себя покойно и уютно в теплой, мягко освещенной комнате. Ей уже не чудилось, как бывало прежде, будто из темных углов комнаты слышится какой-то шепот.

Гретхен удалось одержать победу над бывшей женой Колина, и она решила остаться жить в этом доме. Суд постановил, чтобы до окончательного определения размеров состояния Колина ей выплачивалось временное пособие, и теперь она уже не зависела от Рудольфа.

Она открыла его письмо. Какое же оно длинное. Находясь в Америке, он предпочитал общаться с ней по телефону, но сейчас, путешествуя по Европе, прибегал главным образом к услу-

гам почты. Надо полагать, у него масса свободного времени, потому что писал он часто. Она получала от него письма из Лондона, Дублина, Эдинбурга, Парижа, Сен-Жан-де-Луза, Амстердама, Копенгагена, Женева, Флоренции, Рима, Искьи, Афин, а также из маленьких городков, о которых она никогда раньше не слышала и где Рудольф с Джин останавливались по пути в какое-нибудь другое известное место.

«Дорогая Гретхен,— писал он,— в Венеции идет дождь. Джин ушла фотографировать. Она говорит, что в дождь лучше всего чувствуется характер Венеции: кругом одна вода — и сверху и снизу. Я же сижу в уютной гостинице и не испытываю желания любоваться дождливой Венецией. А еще Джин любит снимать людей, находящихся в самых плачевных жизненных обстоятельствах,— говорит, что готовит специальную серию таких фотографий. Она считает, что лишения и старость, а особенно и то и другое вместе, раскрывают характер страны и ее народа наилучшим образом. Я не пытаюсь с ней спорить. Сам-то я предпочитаю видеть красивых молодых людей, освещенных ярким солнечным светом, но я ведь всего лишь ее муж-филистер.

До предела наслаждаюсь чудесными плодами ничегонеделания. После всех этих лет суеты и напряженной работы я обнаружил, что во мне сидит крайне ленивый субъект, которому для полного счастья вполне достаточно глянуть за день на пару шедевров, неспешно бродить по незнакомому городу, часами сидеть за столиком в кафе среди французов или итальянцев, делать вид, будто я что-то смыслю в искусстве, и торговаться в картинных галереях, покупая работы новых художников, о которых никто никогда не слышал и чьи произведения превратят мою гостиницу в Уитби в комнату ужасов.

Как ни странно, но несмотря на то, что наш отец прибыл в Штаты из Германии и в нем было столько же немецкого, сколько и американского, у меня нет ни малейшего желания посетить эту страну, хотя мы и ездим по всей Европе. Джин бывала в Германии, и ее тоже туда не тянет. Она говорит, что по своей сути Германия слишком уж похожа на Америку. Мне остается ей верить на слово.

Джин — самая замечательная женщина на свете, а я — жутко влюбленный муж, поэтому покорно таскаю за ней все эти ее фотоаппараты, лишь бы каждую минуту быть с ней. Разумеется, за исключением тех случаев, когда идет дождь. У Джин удивительно острый глаз, и благодаря ей я за эти шесть месяцев узнал о Европе больше, чем смог бы узнать за шестьдесят лет, если бы путешествовал один. Зато у нее совершенно не развит литературный вкус — она даже газет не читает,— а театр

наводит на нее скуку, так что я, в свою очередь, пытаюсь восполнить эти пробелы в ее образовании. А еще она отлично водит наш маленький „фольксваген“, поэтому я имею возможность наслаждаться видами Альп или, скажем, любоваться долиной Роны, не опасаясь свалиться в пропасть или столкнуться с другой машиной. У нас с ней соглашение: она за рулем по утрам, а за обедом выпивает бутылку вина; во второй же половине дня машину веду я, абсолютно трезвый, ну а вино пью вечером, — или наоборот.

Мы теперь не останавливаемся в одних только феишенбельных местах, как это делали во время медового месяца, потому что, как говорит Джин, „сейчас у нас все по-настоящему“. Но нам от этого только интереснее. Она легко входит в контакт с людьми, а поскольку я говорю по-французски, она по-итальянски и все кругом — в той или иной мере по-английски, мы общаемся с самым широким кругом людей: и с виноградарем из Бургундии, и с массажисткой с биаррицкого пляжа, и с регистром из Лурда, и с художником-абстракционистом, и со священниками каких угодно конфессий, и с рыбаками, и с актером, снимающимся в эпизодах во французских фильмах, и со старыми англичанками, путешествующими в туристских автобусах, и с бывшими британскими десантниками, и с американскими солдатами, несущими службу в Европе, и даже с членом парижской палаты депутатов, который утверждает, что весь мир должен молиться на Джона Фицджералда Кеннеди и связывать с ним свои надежды на лучшее. В случае, если увидишься с Кеннеди, не забудь передать ему эти слова.

Больше всего из европейских народов меня очаровали англичане. Англичан невозможно не полюбить, но сами себя они не очень-то любят. Как нация они были совершенно оглушены последней войной, хотя и сами до конца не осознали этого. Видно, колесики государственных машин после войны стали вращаться не в ту сторону, ибо, сражаясь до последней капли крови за победу в этой войне и проявляя чудеса храбрости, англичане, казалось бы, должны были пожинать плоды завоеванного мира в первую очередь, однако они отдали эти плоды немцам. Конечно, Германия, как и любая другая страна, не должна голодать, но после того, как смолк грохот пушек, англичане были бы вправе жить по меньшей мере не хуже, чем их прежние враги. Думаю, в этом есть и вина Америки.

Как бы там ни было, но ты должна сделать так, чтобы Билл еще до двадцати лет смог пожить некоторое время в Европе, пока она все еще остается Европой, не успев превратиться в Парк-авеню, или в университет Южной Калифорнии, или в Скарздейл, или в Гарлем, или в Пентагон. Может быть,

наша американская жизнь — или по крайней мере некоторые ее стороны — хороша для нас, американцев, но как было бы печально, если бы такое же случилось и с Римом, и с Парижем, и с Афинами!

Я побывал в Лувре, в амстердамском Рейксмюсеуме, в Прадо, видел львов на Делосе и золотую маску в афинском музее, и, если бы теперь, после всего этого, я оглох, онемел и ослеп до конца своих дней, я все равно не пожалел бы об этих шести месяцах, проведенных в Европе».

Зазвонил телефон. Гретхен отложила письмо, встала с дивана и сняла трубку. Звонил Сэм Кори, режиссер-монтажер, когда-то работавший вместе с Колином над всеми его тремя картинами. Сэм, преданная душа, регулярно звонил ей по меньшей мере три раза в неделю и время от времени приглашал ее в студию на просмотр новых фильмов, которые, по его мнению, могли бы ее заинтересовать. Сэму было пятьдесят пять, он был давно и счастливо женат, и она чувствовала себя с ним легко и просто. Он был единственным человеком из окружения Колина, с кем она продолжала поддерживать отношения.

— Гретхен, — сказал Сэм, — сегодня у нас просмотр одной из лент *Nouvelle Vague*^{*}, которую мы только что получили из Парижа. А после этого я приглашаю тебя со мной поужинать.

— Извини, Сэм, — сказала Гретхен, — но сегодня не могу. Вечером ко мне приезжает заниматься один из моих сокурсников.

— Да-а, школьные годы, — иронически протянул Сэм. — Золотые школьные деньки.

Он бросил школу в девятом классе и не испытывал особого благоговения перед высшим образованием.

— Как-нибудь в другой раз, хорошо, Сэм?

— Что за разговор, конечно, — ответил он. — Твой дом еще не смыло с холма?

— Вот-вот смоеет.

— Что ты хочешь — Калифорния, — проговорил он.

— В Венеции сейчас тоже дождь, — заметила Гретхен.

— Откуда у тебя такая сверхсекретная информация?

— Я как раз читаю письмо от брата. Он сейчас в Венеции. И там идет дождь.

Сэм познакомился с Рудольфом, когда тот вместе с Джин гостил неделю у Гретхен. Когда они уехали, Сэм сказал, что Рудольф — отличный парень, только слишком уж помешан на своей жене.

* *Nouvelle Vague* (фр.) — «Новая волна», направление во французском кино конца 50-х — начала 60-х гг.

— Когда будешь писать ему,— сказал Сэм,— спроси, не хочет ли он вложить пять миллионов в одну недорогую картину, которую я хотел бы снять.

Сэм, много лет вращавшийся в обществе невероятно богатых голливудских дельцов, был убежден, что люди, у которых на счету в банке больше ста тысяч долларов, существуют лишь для того, чтобы их можно было доить. Исключение составляют лишь те из них, кто наделен талантом. А Сэм признавал лишь один талант — уметь делать фильмы.

— Уверена, он с радостью согласится,— сказала Гретхен.

— Ладно, девочка, смотри не промокни там,— сказал Сэм и повесил трубку.

Сэм был одним из самых спокойных людей, каких ей только приходилось встречать в своей жизни. В постоянных бурях страстей, бушевавших вокруг него все те годы, что он проработал в студии, он всегда умудрялся сохранять полную безмятежность духа, прекрасно зная свое дело, пропуская через свои руки сотни тысяч миль пленки, исправляя огрехи, допущенные другими, никогда никому не льстя, делая чудеса с материалом, который к нему попадал, решительно бросая работу над картинами, с создателями которых не мог найти общий язык, легко принаравливаясь к все новым и новым стилям, в которых работали разные режиссеры, и делая монтаж их картин со свойственными ему невозмутимостью и отточенным мастерством. Этот человек был наполовину художником, наполовину ремесленником в лучшем смысле этого слова. Он до конца был предан тем немногим режиссерам, творчеством которых восхищался, считая их настоящими профессионалами, людьми, самозабвенно служащими искусству, людьми, требовательными прежде всего к самим себе, а потом уже к другим, и продолжал с ними работать, даже если у них случались провалы. До того как Колин приехал в Голливуд, Сэм видел некоторые его спектакли в Нью-Йорке, и они произвели на него такое впечатление, что он сам нашел Колина и сказал ему, что хочет работать с ним. Несмотря на всю свою скромность, Сэм прекрасно знал себе цену и был уверен — новый режиссер будет лишь благодарен судьбе за то, что она свела его с ним, и их сотрудничество даст прекрасные результаты.

Спустя некоторое время после смерти Колина у Сэма с Гретхен был долгий и серьезный разговор о ее будущем. Он предостерег ее, что, если она будет появляться в Голливуде, ничем конкретным не занимаясь, а чувствуя себя лишь вдовой, от этого ей будет еще тоскливее. За время съемок трех фильмов Колина он достаточно хорошо ее узнал и, конечно, заметил, насколько Колин считается с ее мнением, причем, как он убедился, не без

оснований. Сэм предложил ей работать с ним вместе и обещал научить ее всему, что знал сам. «Для одинокой женщины в Лос-Анджелесе,— сказал он,— наилучшее место — монтажная в киностудии Голливуда. Там она не будет чувствовать себя неприкаянной и брошенной, перестанет чувствовать, будто навязывает свое общество другим людям, у нее появится постоянное и конкретное занятие, вроде выпекания по пирогу каждый день».

Гретхен тогда ответила ему: «Спасибо, нет», потому что не хотела извлекать хоть какую-то выгоду из репутации Колина, а кроме того, уже подала заявление в университет. Однако каждый раз, когда после этого она разговаривала с Сэмом, ее мучил один и тот же вопрос — а не слишком ли она поторопилась сказать «нет»? Люди, окружавшие ее в университете, были слишком молоды и порывисты, жили интересами, казавшимися ей пустыми, схватывали на лету и мгновенно переваривали горы информации, тогда как ей приходилось неделями осваивать тот же материал.

Она вновь удобно устроилась на диване и принялась дочитывать письмо Рудольфа. Итак, он в Венеции. В прекрасной Венеции, с красивой молодой женой, которая к тому же, совершенно случайно, оказалась богатой. Вечное везение Рудольфа.

«Из Уитби долетает сюда недовольное ворчание,— читала она.— Старик Колдервуд крайне неодобрительно смотрит на мое грандиозное турне по Европе, и даже Джонни, скрывающийся за обликом холеного распутника пуританскую совесть, деликатно намекает мне, что я устроил себе слишком долгий отпуск. А я вовсе не считаю это путешествие отпуском, хотя никогда раньше и не проводил время с таким удовольствием. Я считаю эту поездку продолжением своего образования, восполнением пробелов в своем кругозоре, чего я не мог себе позволить, когда окончил колледж, потому что был слишком беден и вынужден был сразу же поступить на работу в универмаг.»

Когда я возвращусь домой, мне придется решить для себя очень многое. Я уже и сейчас подспудно раздумываю над этим — даже в те моменты, когда гляжу на полотна Тициана во Дворце дождей или пью кофе за столиком на Piazza San Marco. Боюсь, что это прозвучит слишком высокопарно, но главное решение, которое я должен принять,— это что делать со своей жизнью. Мне тридцать пять лет, и у меня достаточно много денег (я имею в виду как основной капитал, так и годовой доход), чтобы жить в довольстве до конца дней своих. Даже если бы я по своей природе был расточителен (каковым я не являюсь), а Джин была бы бедна (а уж она-то далеко не бедна), нам все равно вполне бы*

* Piazza San Marco (итал.) — площадь Сан-Марко (Святого Марка).

хватало на безбедную жизнь. В Америке, если уж ты разбогател, надо быть гением или невероятным транжирой, чтобы снова скатиться к бедности. Мне претит мысль о том, чтобы остаток жизни посвятить купле-продаже, тем самым увеличивая мой и без того более чем солидный капитал. Мой инстинкт стяжательства притуплен самим же стяжательством. Перспектива открывать по всей стране все новые торговые центры под вывеской КОЛДЕРВУД и становиться владельцем все новых компаний прельщает меня все меньше. Идея создания торговой империи, о чем мечтают такие люди как Джонни Хит и Брэдфорд Найт, потеряла для меня всякую притягательность, а управление ею представляется мне нуднейшим занятием. Мне нравится путешествовать, и, если бы мне сказали, что я никогда больше не смогу приехать сюда, я чувствовал бы себя абсолютно несчастным. И все же я не хотел бы походить на тех американцев, персонажей Генри Джеймса*, которые, по словам Э. М. Форстера**, высадившись на берега Европы, только и делают, что любуются шедеврами искусства и самими собой. Как ты, должно быть, заметила, я уже и сейчас использую вновь обретенный досуг не только для этого, а пытаюсь наверстать пробелы в своем чтении.

Конечно, я мог бы заняться филантропической деятельностью и раздавать деньги беднякам, художникам или ученым, но, хотя я уже и сейчас делаю щедрые, как мне кажется, пожертвования в различные фонды, я слабо представляю себя в роли арбитра, решающего, кому следует помогать, а кому — нет. Да и, кроме того, это не может быть единственным призванием в жизни, — по крайней мере для меня.

Тебе, должно быть, смешно (как смешно и мне самому), что кого-то из Джордахов мучает проблема, что делать со своими деньгами, но жизнь в Америке полна самых непредсказуемых неожиданностей и причудливых поворотов, чему моя собственная жизнь является наглядным примером.

И еще одно осложняющее обстоятельство. Заключается оно вот в чем. Да, я люблю свой дом в Уитби, как и сам этот городок, и мне действительно не хочется жить ни в каком другом месте. Джин недавно призналась, что ей тоже там нравится, и сказала, что, если у нас когда-нибудь будут дети, хотела бы их воспитывать в Уитби, а не в Нью-Йорке. Что ж, я позабочусь о том, чтобы у нас были дети или хотя бы один

* Генри Джеймс (1843 — 1916) — американский писатель, автор психологических романов, живший, в основном, в Европе, а с 1876 г. — в Великобритании и позднее принявший британское гражданство.

** Эдвард Морган Форстер (1879 — 1970) — английский писатель, автор психологических романов на семейно-бытовые и моральные темы.

ребенок. А в Нью-Йорке мы можем и дальше снимать небольшую квартиру, чтобы периодически приезжать туда, когда нам будет не хватать ощущения водоворота жизни большого города или в те периоды, когда Джин понадобится работать в Нью-Йорке. Но вся беда в том, что в Уитби не найдешь ни одного человека, который жил бы в полной праздности. Соседи решат, что я чокнутый, и жизнь в этом городе потеряет для меня привлекательность. Я не хочу становиться еще одним Тедди Бойланом.

Все это может закончиться тем, что, вернувшись в Америку, я сразу же куплю свежий номер „Нью-Йорк таймс“ и начну штудировать объявления о найме на работу.

Только что пришла Джин, насквозь промокшая, счастливая и чуточку пьяная. Дождь загнал ее в какое-то кафе, и двое венецианских джентльменов щедро попотчевали ее вином. Она передает тебе привет.

Письмо получилось длинное и абсолютно эгоцентричное. Жду от тебя такого же длинного и эгоцентричного ответа. Направишь его на имя парижского отделения „Американ экспресс“*. Пока не знаю, когда мы будем в Париже, но скорее всего в ближайшие две недели.

Целую тебя и Билли. ●

Рудольф.

Р. С. Пишет ли тебе Том? Со дня похорон мамы я не получил от него ни строчки».

Положив на диван тонкие листы почтовой бумаги, густо исписанные твердым, четким почерком брата, она допила свое виски и решила, что пить ей пока хватит. Затем встала с дивана, подошла к окну и посмотрела на улицу. Потоки воды с небес лили все с той же настойчивостью. Город у подножия холма был стер пеленой дождя.

Она размышляла о письме Рудольфа. В переписке они были дружелюбнее и откровеннее друг с другом, чем при личных встречах. В своих посланиях Рудольф обнаруживал черты, которые ему обычно удавалось скрывать и которые ее очень трогали: какую-то неуверенность, отсутствие честолюбия и самонадеянности. Но когда они были вместе, ею иногда овладевало желание ранить его, сделать ему больно. Сквозь строчки писем проступала широта его натуры, готовность простить, и это его

* «Американ экспресс» — американская компания, специализирующаяся на туризме, банковских и страховых услугах.

качество было тем более привлекательным, что он его никогда не афишировал: он ничем не показывал, что знает о каких-то вещах, которые нуждались в прощении. Билли рассказал ей о том, как оскорбил Рудольфа, когда тот приехал к нему в школу, но Рудольф ни разу и словом не обмолвился ей об этом эпизоде и относился к мальчику тепло и заботливо. Каждое его письмо заканчивалось словами: «Целую тебя и Билли».

«Я должна учиться у него душевной щедрости»,— подумала она, глядя на дождь.

Она не знала, что ответить Рудольфу про Тома. Том писал ей не часто, но держал ее в курсе всех своих дел. Так же, как и в случае с матерью, он взял с нее слово не говорить Рудольфу, как его найти. В данный момент Томас тоже находился в Италии. Правда, на другом конце полуострова, значительно южнее, но все же в Италии. Как раз за несколько дней до этого она получила от него письмо из города Порто-Санто-Стефано на Средиземном море, севернее Рима. Том и его приятель, некто Дуайер, наконец подыскали устраивающее их судно за приемлемую цену и всю осень и зиму возились с ним на верфи, чтобы к первому июня подготовить его к плаванию.

«Мы всё делаем своими руками,— писал Том на линованной бумаге крупным детским почерком.— Разобрали дизели, деталь за деталью, а потом снова собрали, и теперь они как новенькие. Поменяли электропроводку, почистили корпус и законопатили щели, отрегулировали гребные винты, починили генератор, соорудили новый камбуз, покрасили корпус и каюты, купили подержанную мебель и тоже покрасили ее. У Дуайера обнаружился настоящий талант интерьерного дизайнера — ты бы посмотрела, во что он превратил салон и каюты! Мы работаем без выходных по четырнадцать часов в день, и результат уже налицо. Чтобы не тратиться на гостиницу, живем на яхте, хотя она пока что стоит на опорах на суше. И Дуайер и я — нукудышные повара, но по крайней мере мы не голодаем. Когда начнем ходить в рейсы, придется нанять повара, чтобы он готовил на всю команду. Думаю, нам хватит команды из трех человек. Если у Билли появится желание приехать к нам на лето, то для него найдется и место, и сколько угодно работы. Когда я его видел, мне показалось, что ему не помешает потрудиться летом на свежем воздухе.»

Мы планируем спустить яхту на воду дней через десять. Имени ей пока что не придумали. Когда мы ее покупали, она называлась „Пенелопа II“, но мне, как простому парню и бывшему боксеру, это название кажется слишком уж неестественным. Кстати о боксе — как ни странно, но здесь никто не дерется.»

Много спорят, а скорее, просто шумят, но я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь занимался рукоприкладством. И слава Богу! Приятно сознавать, что если ты заходишь в бар, то тебе не придется выбираться из него, укладывая посетителей налево и направо. Говорят, в Неаполе все иначе, но пока что я не имел возможности в этом убедиться.

Человек, который управляет здесь верфью, — отличный парень, и, насколько я понял, поговорив с другими, лишнего с нас не берет. Мало того, он нашел нам двух клиентов, готовых зафрахтовать наше судно. Первый чартерный рейс намечен на июнь, второй — на июль, но хозяин верфи говорит, что есть кандидаты и на следующие месяцы. В Штатах у меня бывали стычки кое с кем из итальянцев, но здешние итальянцы совсем другие. Очень приятные люди. Я уже знаю несколько слов по-итальянски, хотя связно говорить еще не могу.

Когда мы спустимся на воду, шкипером будет мой друг Дуайер, хотя судно и куплено на мои деньги. У него есть бумаги на третьего помощника, и он знает, как управляться с яхтой. Но он учит и меня тому, что умеет. В тот день, когда я сумею войти в гавань без посторонней помощи и при этом ни на что не наткнусь, я возьму шкиперство на себя. Когда мы начнем зарабатывать, будем с Дуайером все делить поровну, потому что, во-первых, он мой друг, а, во-вторых, без него у меня ничего бы не вышло.

Еще раз напоминаю тебе о твоем обещании ничего не говорить Руди. Если он узнает, что я не придумал ничего лучше, чем купить на заработанные им для меня деньги дырявую посудину на Средиземноморье, его хватит удар. Ведь по его понятиям, деньги — это то, что лежит в банке, и ни для чего другого они не предназначены. Что ж, каждому свое. Когда у нас все наладится и я начну делать деньги на чартерных рейсах, приглашу его с женой в круиз. Бесплатно. Пусть тогда сам увидит, такой ли уж болван его брат.

Ты рассказываешь о себе не слишком много, но по твоим письмам видно, что живется тебе не больно весело. Сочувствую. Может быть, тебе бросить то, чем ты сейчас занимаешься, и взяться за что-то другое? Если бы мой приятель Дуайер не был так похож на педика, я бы попросил тебя выйти за него замуж и стать нашей поварихой. Шутка.

Если у тебя есть какие-нибудь богатые знакомые, которым хотелось бы этим летом поплавать по Средиземному морю, порекомендуй им меня. Это уже не шутка.

Вероятно, тебе сдается, что твой братец спятил, решил стать капитаном яхты, но, видать, это у меня в крови. В конце концов, как ты знаешь, отец в молодости ходил палубным

матросом по Великим озерам, и у него всю жизнь была своя лодка, на которой он так любил поплавать по Гудзону. Только вот без последнего своего плавания он мог бы и обойтись. А это тем более не шутка.

Наша яхта выкрашена в белый цвет, отделана голубым. Выглядит на миллион долларов. Хозяин верфи говорит, что в том виде, в каком она сейчас, мы могли бы продать ее с наваром как минимум в 10 000 долларов. Но мы ее продавать не будем.

Если окажешься в Нью-Йорке, сделай одолжение, попробуй выяснить, где моя жена, чем она занимается и как там мой сынишка. Я не скучаю по звездно-полосатому флагу и по ярким огням Америки, а вот по сыну страшно скучаю.

Пишу тебе такое длинное письмо, потому что дождь льет как из ведра и мешает нам второй раз покрасить палубную рубку (она у нас будет голубая). Не верь, если кто-нибудь тебе скажет, что на Средиземноморье не бывает дождей.

Дуайер приготовил обед и зовет меня есть. Ты не можешь себе представить, как ужасно пахнет его варевом.

Люблю, целую.

Том».

Дождь в Порто-Санто-Стефано, дождь в Венеции, дождь в Калифорнии. Джордахам не очень везет с погодой. Но по крайней мере двоим из них везет со всем остальным, пусть даже это везение и окажется временным.

— Пять часов — самое гнусное время дня, — сказала вслух Гретхен и, чтобы избавиться от жалости к самой себе, задернула шторы и налила в стакан виски.

В семь часов вечера она вышла из дома, села в машину и поехала в город, чтобы подобрать там Кози Крумаха, ждавшего ее на Уилширском бульваре. Дождь все еще не прекращался, и она съезжала по холму медленно и осторожно. Обгоняя машину, пенясь и бурля вокруг колес, сбегали вниз целые потоки дождевой воды глубиной как минимум сантиметров в пятнадцать. Да-а, Беверли-Хиллс, город тысячи рек.

Кози специализировался по социологии, и они с Гретхен посещали два общих курса лекций, поэтому иногда занимались вместе, особенно перед экзаменами. До этого он учился в Оксфорде, был старше и, как ей казалось, умнее и интереснее других студентов. Он приехал из Ганы, и правительство этой страны выплачивало ему стипендию. Но, насколько она знала, стипендия была не слишком щедрой, поэтому в те дни, когда они работали вместе, она старалась накормить его обедом. У нее было подозрение, что он хронически недоедает, хоть он никогда и не упо-

минал об этом. Но в ресторанах, особенно в тех из них, что были далеко от университета, она появляться с ним не осмеливалась. Кто знает, как будут реагировать метрдотели, если она, белая женщина, придет туда с черным мужчиной, пусть даже он вполне прилично одет и говорит с оксфордским произношением. Но в университете подобных проблем не возникало, а некоторые из преподавателей относились к нему даже с большим уважением, чем к другим студентам, и всегда прислушивались к его мнению. С Гретхен он был неизменно вежлив, но держался несколько отчужденно, словно он преподаватель, а она его студентка. Ни одной из кинокартин Колина он не видел. Хоть он и говорил ей, что в кино ему ходить некогда, но она подозревала, что у него попросту не хватает на это денег. Она ни разу не видела его в компании девушек, и, по-видимому, кроме нее, у него друзей не было. Если, конечно, он относил ее к своим друзьям.

Как правило, он садился к ней в машину на углу Родендрайв и Уилширского бульвара в районе Беверли-Хиллс. У него не было машины, но из Уэствуда, где он жил неподалеку от университета, он подъезжал к Уилширскому бульвару на автобусе. Она медленно ехала вдоль Уилшира и пристально вглядывалась в мутное от воды ветровое стекло (дождь был таким сильным, что дворники не успевали очищать стекло). Наконец, доехав до угла, она увидела Кози. Он был без плаща и даже не поднял воротник пиджака, чтобы хоть как-то защититься от ливня. Голова его была высоко поднята, и он смотрел сквозь затуманенные очки на потоки проезжающего транспорта с таким видом, будто принимал военный парад.

Она остановилась и открыла дверцу, но он не бросился в машину, а сидел с достоинством и не торопясь. Стекающая с одежды вода тут же образовала лужицу на полу вокруг его туфель.

— Кози! — воскликнула Гретхен. — Ты же промок до нитки. Неужели нельзя было спрятаться в подъезде?!

— В моем племени, дорогая моя, — величественно промолвил Кози, — мужчины не прячутся от дождя в подъездах, тем более, что подъездов там нет.

Она была на него ужасно сердита.

— А в моем племени, мой дорогой, — передразнила она его, — в моем изнеженном племени белых доходяг и слабаков у мужчин все же хватает ума прятаться от дождя. Ты... ты... — она гневно подыскивала достаточно хлесткое слово, — ты точно какой-то израильтянин!

Она и сама была поражена неожиданно выскочившим с ее губ словом, и оба какое-то мгновение ошеломленно молчали.

Затем он разразился громким хохотом. Она тоже не удержалась от смеха.

— Кстати,— сказала она,— ты хотя бы вытер свои очки, если это, конечно, не противоречит обычаям твоего племени.

Он послушно вытер очки.

Когда они приехали домой, она прежде всего велела Кози снять пиджак и рубашку и дала ему один из свитеров Колина. После Колина осталось очень много вещей, и она не знала, что с ними делать, поэтому они по-прежнему лежали в ящиках комодов и висели в платяных шкафах на том же месте, что и при его жизни. Время от времени она говорила себе, что надо все это отдать Красному Кресту или какой-нибудь другой благотворительной организации, но так и не собралась этого сделать.

Они ели на кухне — жареные цыплята, зеленый горошек, салат, сыр, мороженое и кофе. К ужину она открыла бутылку вина. (Кози как-то сказал ей, что, обучаясь в Оксфорде, он приобрел привычку пить вино с каждым приемом пищи.)

Всякий раз, когда она угощала его обедом или ужином, он уверял ее, что не голоден и не стоит из-за него беспокоиться, но неизменно съедал все до последнего кусочка, что бы она перед ним ни поставила, хотя готовила она не так уж и хорошо и еда была в лучшем случае терпимой. В отличие от нее, он держал вилку в левой руке — еще одна привычка, приобретенная в Оксфорде. Оксфордский университет он окончил тоже благодаря назначенной ему стипендии. У его отца была небольшая лавка хлопчатобумажных товаров в Аккре, но, если бы не стипендия, его родитель не смог бы найти достаточно денег, чтобы дать столь блестящее образование своему талантливому сыну. Кози уехал из дома шесть лет назад, но сразу же после написания диссертации и получения магистерской степени в Калифорнийском университете собирался вернуться к себе на родину и обосноваться в Аккре, где ему должны были предложить работу в одном из правительственных учреждений.

— А где Билли? — спросил он (обычно они ели втроем), и, когда она ответила, что Билли на выходные уехал, он произнес: — Жаль. Мне не хватает общества твоего малыша.

На самом деле «малыш» Билли был выше ростом, чем Кози, но Гретхен уже привыкла к особенностям речи Кози, ко всем этим «дорогой мой», «дорогая моя», «малыш», и относилась к этому совершенно спокойно.

А дождь между тем все продолжал барабанить по плитам патио за окном, и это действовало на Гретхен расслабляюще, поэтому она не спешила заканчивать ужин и открыла еще одну бутылку вина.

— Сказать по правде,— вздохнула она,— у меня сегодня не рабочее настроение.

— Не хочу и слышать об этом,— строго произнес он.— Не для того я проделал это ужасное путешествие сквозь водопады и наводнения, чтобы просто наесться, а затем уехать домой.

Они допили вино и доели все, что было в тарелках, после чего Гретхен принялась мыть посуду, а Кози взял полотенце и стал вытирать ее. Посудомоечная машина уже полгода как вышла из строя, но Гретхен легко без нее обходилась, потому что за столом у нее никогда не собиралось больше трех человек, и возиться с машиной из-за нескольких тарелок не имело смысла.

Когда с посудой было покончено, Гретхен принесла в гостиную кофейник, и они с Кози, прорабатывая материал, начитанный им на лекциях за неделю, выпили по две чашки кофе. У него был живой и быстрый ум, прошедший за шесть лет отличную тренировку, и Кози раздражало, когда она не поспевала за ним.

— Дорогая моя,— говорил он,— ты не хочешь сосредоточиться. Оставь этот дилетантский подход.

Она с треском захлопнула книгу. С тех пор как они сели за письменный стол, он отчитывал ее в третий или четвертый раз. Словно он... да, словно он строгая гувернантка или большая, толстая, черная няня из прошлых веков. Они сегодня прорабатывали основы статистики, но ничего более нудного, чем статистика, она и представить себе не могла, и чувствовала, что тупеет при одном упоминании об этом предмете.

— Не все же, черт возьми, такие умные, как ты! — воскликнула она в сердцах.— Я ведь не была самой талантливой ученицей во всей Аккре, и мне не выделялась специальная стипендия, дающая мне возможность...

— Моя дорогая Гретхен,— произнес он ровным голосом, хотя и было заметно, что он обиделся на нее,— я никогда не был настолько нескромен, чтобы считать себя умнее или талантливей других.

— Считаешь ты или не считаешь,— все тем же повышенным тоном сказала она (думая про себя: ну вот, докатилась до истерики),— а все равно ты сидишь тут и вещаешь всякие заумные вещи с таким выражением превосходства на лице. Или стоишь в центре города под проливным дождем, напоминая своим видом какого-нибудь дурацкого племенного божка, и зришь сверху вниз на этих несчастных, трусливых белых придурков, проезжающих мимо тебя в своих жалких «кадиллаках».

Кози встал, отступил от стола и, сняв очки, положил их в карман.

— Мне очень жаль,— проговорил он,— но мне представляется, в наших с тобой отношениях имеет место психологическая несовместимость.

— Мне представляется, имеет место психологическая несовместимость,— снова передразнила его Гретхен.— Где ты, интересно, выучился так говорить?

— Пожалуй, Гретхен, мне лучше уйти,— пробормотал он. Лицо его превратилось в отчужденную маску, все его тело напряглось.— Только дай мне время переодеться. Я сейчас.

Он направился в ванную, и было слышно, как он там ходит. Она взяла свою чашку и допила оставшийся в ней кофе. Жидкость была холодной и, от осевшего на дне сахара, казалась слишком сладкой. Она поставила локти на стол и опустила на руки подбородок. Глядя на лежащие на столе в беспорядке книги, она испытывала острое чувство стыда. «Я закатила эту сцену из-за письма Рудольфа,— подумала она.— А может быть, из-за свитера Колина? Но этот несчастный молодой человек с его оксфордским произношением здесь, во всяком случае, ни при чем».

Когда он вышел из ванной, в своей рубашке и пиджаке, все еще бесформенных и влажных от дождя, она стояла и ждала его. Без очков его коротко стриженная голова казалась прекрасной: широкий лоб, тяжелые веки, тонкой резьбы нос, полные, чувственные губы, маленькие, прилегающие к голове уши. И все это выполнено в безукоризненно высеченном черном камне. В то же время в его лице было что-то униженное и жалкое.

— Хочу с тобой попрощаться, дорогая моя,— сказал он.

— Я отвезу тебя в машине,— проговорила с на тихим, смущенным голосом.

— Нет, спасибо, я доберусь пешком.

— Но там все еще льет дождь,— выдохнула она.

— Мы, израильяне,— провозгласил он абсолютно серьезно,— не обращаем внимания на такие пустяки, как дождь.

Она попыталась рассмеяться, но ответных смешинок в его глазах не увидела.

Он повернулся и двинулся к двери, но она ухватила его за рукав.

— Кози,— все так же тихо проговорила она,— прошу тебя, не уходи вот так, как ты уходишь.

Он остановился и вновь повернулся к ней.

— Пожалуйста,— умоляюще добавила она и, приблизившись к нему, поцеловала его в щеку.

Он взял ее голову в обе свои руки и коснулся ее губ своими губами, сначала легко и нежно, а затем крепче и настойчивее. Она почувствовала, как его руки скользят по всему ее телу. «Почему бы и нет? — подумала она.— В самом деле, почему бы

и нет?» И, обняв его, крепко прижала к себе. Но он, оторвавшись от нее, схватил ее за руку и повлек за собой в спальню, однако по пути она вырвалась и опустилась на диван. Не в кровати же, подумала она, где они с Колином любили друг друга.

Кози стоял над ней, возбужденный, нетерпеливый.

— Раздевайся! — коротко бросил он.

— Сначала выключи свет.

Он подошел к выключателю возле двери, щелкнул, и комната окунулась в темноту. Она услышала, как он раздевается, и тоже сбросила с себя одежду. Когда он подошел к ней, она дрожала мелкой дрожью. Ей хотелось сказать ему: «Я совершила ошибку, мне не следовало тебя останавливать. Пожалуйста, иди домой», — но ей было стыдно в этом признаться.

Там, у нее внизу, было сухо, она не хотела его, но он напористо вошел в нее, сделав ей больно. Она застонала, но это не был стон наслаждения. Ей казалось, что ее изнутри разрывают на части. Он был груб, требователен, неукротим, а она лежала под ним неподвижная и пассивная, стараясь не вскрикивать от боли.

Все произошло очень быстро и в полном молчании. Он встал, и она услышала, как он ошупью пробирается к выключателю. Она мгновенно вскочила, бросилась в ванную и заперлась там. Открыв кран, она несколько раз обмыла холодной водой лицо, а затем, пристально рассмотрев свое отражение в зеркале над раковиной, тщательно вытерла остатки помады с губ и размазанные следы вокруг рта. Ей не терпелось принять горячий душ, но она решила не делать этого до его ухода. Она надела купальный халат и долго не выходила из ванной, надеясь, что он за это время уйдет. Но он не ушел. Очевидно, он ждал ее, стоя посреди гостиной, одетый, с бесстрастным лицом. Она попыталась изобразить улыбку, сама не зная почему.

— Впредь, дорогая, не поступай подобным образом никогда и ни с кем, — бесстрастным голосом произнес он. — И тем более со мной. Мне не нужно, чтобы меня терпели. Мне не нужно, чтобы ко мне снисходили. Я не хочу быть частью осуществляемой кем бы то ни было программы расовой интеграции.

Она стояла опустив голову, не в силах произнести ни слова.

— Когда закончишь курс обучения и получишь свою докторскую степень, — проговорил он все тем же лишенным выражения, ледяным голосом, — можешь сколько угодно изображать из себя благодетельницу перед этими беднягами в благотворительных клиниках и других подобного рода заведениях, — этакая красивая, богатая, белая дама, своим благородным примером доказывающая всем этим черномазым и мексиканцам, насколько демократична и щедра эта чудо-страна Америка и насколько любящими и христиански добродетельными могут быть образо-

ванные, красивые белые дамы, особенно если у них нет мужа. Но меня тогда уже здесь не будет. Я возвращусь в Африку и буду молить Бога, чтобы эти благодарные черномазые и эти благодарные мексиканцы наконец сообразили бы что к чему и перерезали горло всем этим прекрасным, образованным, благотворительным белым дамам!

И он не попрощавшись ушел. Она услышала звук закрываемой входной двери.

Через некоторое время она собралась с силами и навела порядок в гостиной, сложив аккуратной стопкой лежавшие на письменном столе в беспорядке книги и отнеся на кухню чашки, блюдца и кофейник, где она поставила их в раковину. «Нет, я слишком стара для учебников,— решила она.— Это не для меня». Затем, чувствуя, как каждый шаг отдается у нее внутри болью, она прошла к входной двери и заперла ее. «Послушай, Арнольд Симмс,— мысленно обратилась она к негру из Сент-Луиса, чей темно-бордовый больничный халат помнила до сих пор.— Можешь теперь быть спокоен. Я расплатилась за все». Она погасила свет во всем доме и отправилась спать.

А на следующее утро она не пошла на две воскресные лекции. Вместо этого позвонила на студию Сэму Кори и спросила, может ли приехать к нему. Ей нужно поговорить с ним.

Глава 2

1964 год

Несмотря на свою беременность, Джин, как и прежде, каждое утро спускалась вниз и завтракала вместе с Рудольфом.

— Я хочу к концу дня устать не меньше, чем ты,— говорила она.— Я не хочу быть похожей на тех американских женщин, которые, провалявшись весь день в постели, стараются каждый вечер, когда их мужья приходят с работы, вытащить бедняг из дома, потому что им некуда девать накопленную за день ничегонеделания энергию. В большинстве случаев семьи распадаются не по причине измен, а из-за этой разницы в уровнях энергии между супругами.

Ей скоро предстояло рожать, и даже свободная ночная рубашка и просторный халат не могли скрыть ее выпирающий живот, а двигалась она по комнатам тяжело и неуклюже. Глядя на нее, Рудольф испытывал чувство вины. Раньше ее походка была легкой и грациозной, а теперь стала семенящей и неуверенной, словно она боялась потерять равновесие, нося перед собой свой

огромный живот. «Природа устроила так,— думал он,— что женщины периодически полностью теряют рассудок, иначе невозможно объяснить их страстное желание рожать детей».

В окна столовой струилось бледное апрельское солнце. Они сидели за столом, ожидая, когда Марта принесет им свежий кофе. После смерти его матери Марта чудесным образом преобразилась. Ела она ничуть не больше, чем прежде, но заметно пополнила, став плавной в движениях и степенной. Резкие складки на лице разгладились, на губах, в прошлом вечно поджатых, играло отдаленное подобие улыбки. «От смерти тоже бывает своя польза»,— подумал Рудольф, наблюдая, как Марта осторожно ставит кофейник перед Джин. В былые времена она бы не церемонилась и грохнула бы этот кофейник на стол, тем самым выражая свое недовольство судьбой.

Лицо Джин, как и вся она, округлилось, и она больше не походила на школьницу, полную яростной решимости добиться лучших отметок в классе. Умиротворенное и женственное, ее лицо мягко светилось в лучах утреннего солнца.

— В твоем облике есть что-то святое,— произнес Рудольф.

— У любого будет облик святого,— отозвалась Джин,— если два месяца обходиться без секса.

— Надеюсь, ребенок оправдает все наши жертвы,— улыбнулся Рудольф.

— Пусть только не оправдает.

— Как он сегодня себя ведет?

— Нормально. Ни минуты не остается в покое — все топает да топает своими солдатскими сапожищами, а в остальных отношениях — нормально.

— А что если это девочка? — спросил Рудольф.

— Если родится девочка, главное, чему я буду ее учить,— это чтобы она не крутила сразу с двумя ухажерами, как это делала ее мама,— ответила Джин, и оба рассмеялись.

— Чем ты с утра займешься? — поинтересовался Рудольф.

— Придет на собеседование претендентка на место няни. Потом привезут мебель для детской, и мы с Мартой будем расставлять ее по местам. Потом я должна принять витамины, затем взвеситься... словом, хлопотливое утро. А у тебя какие планы?

— Я должен съездить в университет,— ответил он.— Сегодня собирается совет попечителей. Кроме того, нужно заглянуть в контору...

— Надеюсь, ты не позволишь этому старому чудовищу Колдервуду снова пилить тебя?

С тех пор как Колдервуд узнал о решении Рудольфа отстраниться от дел в июне, он не переставал донимать его своим постоянным брюзжанием.

— Ну кто, скажи, ради Бога, уходит в отставку в тридцать шесть лет? — приставал он к Рудольфу при каждой встрече, не в состоянии поверить в серьезность его намерений.

— Я ухожу, — каждый раз отвечал ему Рудольф, но старик все равно не верил.

По натуре человек подозрительный, Колдервуд был убежден, что Рудольф на самом деле хитрит, добиваясь более полного контроля над их совместным бизнесом. Решив поэтому пойти на уступки, старик стал намекать Рудольфу, что если он останется, то, так уж и быть, получит более полный контроль. Мало того, Колдервуд даже согласился перевести их центральную контору в Нью-Йорк, однако Рудольф ответил ему, что не собирается жить в Нью-Йорке. Джин теперь разделяла его привязанность к старому фермерскому дому в Уитби и уже обсуждала с архитектором планы его расширения.

— Не беспокойся, я знаю, как разговаривать с Колдервудом, — сказал Рудольф, вставая из-за стола. — Буду дома к обеду.

— Вот это мне нравится, — одобрительно улыбнулась Джин. — Примерный муж, приходящий обедать домой. Что ж, в награду за это я позволю тебе после обеда заняться со мной любовью.

— Зато я тебе этого не позволю, — с шутливой строгостью произнес он и, наклонившись, покрыв поцелуями ее родное, улыбающееся лицо.

До начала заседания совета было еще много времени, и ехал он не спеша, любуясь через окно машины городом, успевшим стать для него родным. Малыши в ярких курточках катались на трехколесных велосипедах по тротуарам, другие малыши в таких же курточках бегали по просохшим после зимы газонам, покрывающимся свежей, весенней зеленью. Молодая женщина в широких брюках катила перед собой детскую коляску с маленьким ребенком, радуясь яркому, теплему солнцу. На теплых ступеньках большого, причудливых очертаний, белого здания мирно дремала старая собака. Он обогнал почтальона Хокинза, и тот приветственно помахал ему рукой. Рудольф помахал ему в ответ. Возле патрульной машины стоял полицейский Слаттери, разговаривая с одним из местных садовников; увидев Рудольфа, он улыбнулся ему и отдал честь. Двое преподавателей с кафедры биологии шли к университету, увлеченно о чем-то споря, и, хоть они не помахали Рудольфу, а, не прекращая разговора, проводили его долгими взглядами, это тоже можно было считать своего рода приветствием. У этой части города, с ее вековыми деревьями, большими деревянными домами и тихими улицами, была своя, простодушная и дружелюбная атмосфера, сохранившаяся с давних времен, и все прошедшие войны, все периоды процветания и депрессии, взлетов и падений будто и не коснулись этих

районов. Рудольфу уже трудно было понять, как он мог стремиться уехать отсюда — из города, где все его знают и приветствуют на каждом шагу, — мечтая поселиться в Нью-Йорке, где ничего, кроме безразличной неопределенности и каменной враждебности, его не ждало.

Дорога в административный корпус университета вела мимо спортплощадки, и Рудольф увидел там Квентина Макговерна. Одетый в серый тренировочный костюм, Квентин трусил размеренным шагом по беговой дорожке. Рудольф остановился и вышел из машины. Квентин подбежал к нему — высокий, серьезный молодой человек с блестящим от пота лицом. Рудольф пожал ему руку.

— У меня занятия начинаются только в одиннадцать, — сказал Квентин, — а сегодня выдался такой прекрасный день. Грех не пробежаться с утра, особенно если учесть, что всю зиму пришлось тренироваться в спортивном зале.

Они больше не бегали вдвоем по утрам. После женитьбы Рудольф под влиянием Джин перешел на занятия теннисом. Да и в любом случае этот ежедневный спартанский подвиг — подниматься, какая бы ни была погода, в семь утра с уютной постели, выскальзывая из теплых объятий жены, — и все ради сомнительного удовольствия три четверти часа побегать вокруг стадиона, сиюсь не отставать от молодого легкоатлета, находящегося в лучшей спортивной форме, казался ему теперь полной нелепостью. К тому же рядом с Квентином он чувствовал себя чуть ли не стариком. Всему свое время.

— Ну, как успехи, Квентин? — спросил Рудольф.

— Вроде неплохо. Двести метров я пробегаю за двадцать две и восемь десятых секунды. Тренер хочет поставить меня на дистанцию в четыреста метров, а также на эстафету.

— И что теперь говорит твоя мама?

Квентин улыбнулся, вспомнив те холодные зимние утра.

— Говорит, чтобы я не слишком задавался. Мама никогда не изменяется.

— А как учеба в университете? — спросил Рудольф.

— Наверно, произошла какая-то ошибка в деканате, — ответил Квентин. — Меня включили в список лучших студентов.

— А что говорит твоя мама на *этот* счет?

— Говорит, это потому, что я цветной, и руководство университета хочет продемонстрировать, какие у него широкие взгляды, — и Квентин едва заметно улыбнулся.

— Если у твоей мамы и в дальнейшем будут сомнения, — сказал Рудольф, — скажи ей, пусть позвонит мне.

— Хорошо, мистер Джордах.

— Ладно, мне пора ехать. Передай привет отцу.

— Мой отец умер, мистер Джордах,— тихо сказал Квентин.

— Ради Бога, извини.

И Рудольф сел в машину. «Черт возьми,— подумал он.— Отец Квентина проработал у Колдервуда по крайней мере лет двадцать пять. Но ни у кого не хватило ума сообщить Колдервуду или мне о его смерти».

Утро уже не казалось ему таким чистым и приятным, как это было до разговора с Квентином.

Все места на автостоянке перед административным корпусом были заняты, и Рудольфу пришлось поставить машину почти в пятистах метрах в стороне от здания. «Всем нынче хочется оставлять свои машины на автостоянках,— подумал он, запирая машину,— и их можно понять». Недавно у него в Нью-Йорке украли из машины радиоприемник, и теперь он запирает ее на ключ, даже если отходил на какие-нибудь пару минут. У него с Джин произошла по этому поводу небольшая размолвка, потому что она никогда не запирает машину, а как-то даже оставила на ночь открытой входную дверь дома, когда он уезжал по делам в Нью-Йорк. «Ты, конечно, можешь сколько угодно любить своих соседей,— сказал ей Рудольф,— но не забывай при этом, что перед соблазном украсть не могут иногда устоять даже лучшие из людей».

Он проверял, надежно ли заперта дверца машины, как вдруг услышал:

— Привет, Джордах!

Рудольф обернулся и увидел Лиона Гаррисона, одного из членов совета попечителей, тоже приехавшего на совещание. Гаррисон был высоким, представительным мужчиной лет шестидесяти, с благородной сенаторской сединой и обманчивой сердечностью в обращении. Он издавал местную газету, которую унаследовал от своего отца вместе с большими участками земли как в самом Уитби, так и за его пределами. Рудольф знал, что дела у газеты идут не слишком хорошо, но особых сожалений на этот счет не испытывал. Редакция газеты состояла из горстки низкооплачиваемых, вечно пьяных, деморализованных личностей, приехавших из многих уголков страны, где их вышибли из других газет. Рудольф взял за правило не верить ни одному слову, напечатанному в этой газете,— даже сообщениям о погоде.

— Как поживаешь, мой мальчик? — спросил Гаррисон, обняв Рудольфа за плечи и шагая вместе с ним к административному корпусу.— Небось собираешься, как всегда, поджаривать нас, старых консерваторов, на костре? — Он громко рассмеялся, показывая, что настроен сегодня миролюбиво.

Рудольфу приходилось не раз иметь дело с Гаррисоном — и прежде всего в связи с рекламированием товаров универсама в его газете. Далеко не все в отношениях с ним ему нравилось.

В самом начале Гаррисон называл его «мой мальчик», затем перешел на Руди, потом стал обращаться к нему по фамилии, а теперь снова решил перейти на «мой мальчик».

— Мои предложения остаются все теми же, — ответил Рудольф. — И одно из них — сжечь здание факультета естественных наук и таким образом избавиться от профессора Фредерикса.

Фредерикс был деканом этого факультета, и Рудольф знал, что может откровенно высказываться по поводу этой личности, потому что многие члены совета придерживались о Фредериксе того же мнения, что и он: преподавание естественных наук на факультете велось хуже, чем в любом другом университете к северу от линии Мэйсона-Диксона^{*}. Фредерикс и Гаррисон были закадычными друзьями, и Фредерикс часто публиковал в газете Гаррисона, носившей претенциозное название «Страж Уитби», свои научные статьи, читая которые, Рудольф краснел от стыда за университет. В частности, по меньшей мере раза три в год на первой полосе «Стража Уитби» появлялись статьи Фредерикса, сообщавшие, что найден новый метод лечения рака.

— Ох, уж эти мне бизнесмены, — со снисходительным добродушием вздохнул Гаррисон. — Вам никогда не оценить роль чистой науки. Главное для вас — не реже чем раз в полгода получать прибыль со своих капиталовложений. Вы так и ждете, чтобы из каждой пробирки вам сыпались доллары.

Но Гаррисон лукавил: владея ценной земельной собственностью в центральных районах города, где земля самая дорогая, он никогда не упускал удобного случая увеличить свой счет в банке, действуя при этом как хладнокровный, опытный бизнесмен. В другие времена он, хотя и был всего лишь издателем жалкой городской газетенки, мнил себя авторитетной литературной фигурой и в качестве таковой энергично ратовал против отмены выпускных экзаменов по латыни или подвергал уничтожающей критике новую программу по английской литературе, поскольку она предусматривала изучение слишком небольшого, по его мнению, числа произведений Чарльза Диккенса.

Мимо них прошла преподавательница психологии из университета, и Гаррисон поклонился ей, коснувшись при этом своей шляпы. «Старомодная галантность и современная ненависть к людям — в этом сочетании весь Гаррисон», — подумал Рудольф.

— Я слышал, в «Д. К. Энтерпрайзис» происходят интересные вещи, — как бы невзначай произнес Гаррисон.

^{*} *Линия Мэйсона-Диксона* — южная граница штата Пенсильвания. До начала Гражданской войны 1861 — 1865 гг. линия символизировала границу между северными, свободными, и южными, рабовладельческими, штатами.

— В «Д. К. Энтерпрайсиз» всегда происходят интересные вещи,— ответил Рудольф.

— На этот раз более интересные, чем обычно,— не унимался Гэриссон.— Поговаривают, что ты собираешься уйти на покой.

— Не надейтесь, я никогда не уйду на покой,— отрезал Рудольф и тут же пожалел, что погорячился. Но Гэриссон обладал удивительным свойством пробуждать худшее в его натуре.

— Я имел в виду, что ты собираешься подать в отставку,— невозмутимо произнес Гэриссон.— В случае, если это произойдет, кто займет твое место? Не Брэдфорд ли Найт?

— Этот вопрос еще не обсуждался,— ответил Рудольф.

На самом деле это было не совсем так, потому что они с Колдервудом уже говорили на эту тему,— правда, пока что не пришли к какому-либо решению. Ему была ненавистна ложь, но, чтобы не лгать такому человеку, как Гэриссон, нужно быть или святым, или идиотом.

— «Д. К. Энтерпрайсиз» много значит для города,— сказал Гэриссон,— причем главным образом благодаря тебе, и это не пустые слова, потому что я не из тех, кто привык льстить. Поэтому мои читатели вправе знать, что происходит за кулисами твоей корпорации.

Его слова на первый взгляд казались банальными и безобидными, но за ними таилась угроза, и оба понимали это.

— Если что-то произойдет, ваши читатели узнают об этом первыми,— заверил он Гэриссона.

Поднимаясь вместе с Гэриссоном по ступенькам административного корпуса, Рудольф не мог избавиться от ощущения, что утро становится все менее радостным.

Дорлакер, новый ректор университета, был достаточно молодым, энергичным человеком, приехавшим в Уитби из Гарварда. Он не давал воли совету попечителей и не плясал под его дудку. С Рудольфом у него сложились дружеские отношения, и он часто бывал с женой в гостях у Джордахов. Они с Рудольфом непринужденно и откровенно обсуждали университетские дела, причем Дорлакер не скрывал своего желания отделаться от большинства членов совета попечителей. Что касается Гэриссона, то он его терпеть не мог.

Заседание проходило по давно заведенному порядку. Председатель финансового комитета сообщил, что, хотя денежные пожертвования непрерывно возрастают, расходы растут еще быстрее, и рекомендовал повысить плату за обучение, а также ограничить число стипендий. Окончательное решение было отложено до более основательного изучения вопроса.

Далее кто-то из членов совета напомнил уважаемым коллегам, что к зданию, где размещается университетская библиотека,

к осеннему семестру будет пристроено новое крыло, где будет размещена литература исключительно по точным наукам, однако новому отделению библиотеки до сих пор не присвоено имя. Другой член совета обратил внимание собравшихся на тот факт, что на прошлом заседании мистер Джордах предложил назвать новое отделение Научной библиотеки библиотекой имени Кеннеди, а еще лучше переименовать всю университетскую библиотеку из Мемориальной библиотеки в библиотеку имени Кеннеди.

Против этого возразил Гаррисон, по мнению которого фигура президента Кеннеди достаточно неоднозначна, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что его политику, как известно, поддерживала лишь половина страны. Гаррисон высказал убеждение, что университет — это не то место, которое должны разделять политические пристрастия, и призвал совет голосовать против предложения мистера Джордаха. В результате голосования было решено дать новому отделению название Научная библиотека имени Кеннеди, а за всей библиотекой оставить старое название — Мемориальная библиотека университета Уитби. Затем Дорлакер поручил мистеру Гаррисону установить, почему университетская библиотека называется мемориальной и в память какой конкретной личности она носит такое название, а затем доложить совету о результатах своих изысканий.

Еще один член совета, которому, как и Рудольфу, пришлось оставить свою машину на достаточно большом расстоянии от административного корпуса, выразил мнение, что студентам на время обучения в университете следует запретить иметь собственные автомобили.

— Принуждать студентов отказываться от собственных автомобилей попросту невозможно, — сказал в ответ Дорлакер, — а потому устанавливать такое предписание было бы неразумно. — Выход из этого положения ректор видел в строительстве еще одной автостоянки.

Далее слово снова взял Гаррисон, которого обеспокоила редакционная статья в студенческой газете, призывавшая провести демонстрацию с требованием запретить ядерное оружие.

— На редактора следует наложить дисциплинарное взыскание, — заявил он, — за вовлечение студентов в политические баталии и за высказанное в статье неуважение к правительству Соединенных Штатов.

Дорлакер ответил ему, что в таком демократическом учреждении как университет никто не может преследоваться за свои взгляды. Студенты, точно так же, как и все остальные, имеют все основания пользоваться неотъемлемым правом граждан Америки на свободу слова. Голосованием было решено не налагать на редактора дисциплинарного взыскания.

— Наш совет,— проворчал Гаррисон,— уклоняется от возложенной на него ответственности.

Рудольф был самым молодым членом совета попечителей и на заседаниях говорил тихо и почтительно. Но ввиду его дружбы с Дорлакером и умению выбивать пожертвования из бывших выпускников университета и из различных фондов (он даже Колдверуда уговорил внести пятьдесят тысяч долларов на пристройку нового крыла к библиотеке), а также благодаря его осведомленности в жизни Уитби и во взаимоотношениях между городом и университетом, он пользовался наибольшим влиянием в совете и прекрасно знал об этом. Участие в работе совета начиналось для Рудольфа как нечто вроде хобби и в первые годы просто льстило его самолюбию, но к настоящему времени дела университета приобрели в его жизни первостепенное значение. Его радовала та доминирующая роль, которую он играл в совете, поскольку это давало ему возможность проталкивать один его проект за другим, несмотря на отчаянное сопротивление таких твердолобых ретроградов, как Гаррисон,— а таких хватало в совете. Новая пристройка к библиотеке, углубленные курсы лекций по социологии и международным отношениям, расширение факультета искусствования с приглашением в штат профессионального художника, передача театра при торговом центре в полное распоряжение факультета драматических искусств по меньшей мере на две недели каждый год,— все это были идеи Рудольфа. Помня о пренебрежительном отношении Бойлана к Уитби, Рудольф был полон решимости сделать все для того, чтобы у людей, подобных Бойлану, не оставалось ни малейших оснований называть университет «сельскохозяйственным колледжем».

Дополнительным источником удовлетворения для Рудольфа являлся тот факт, что он в конце каждого года мог значительно уменьшать размер уплачиваемого им подоходного налога за счет вычитания из полученных им за год доходов львиной доли денежных затрат на путешествия как по Соединенным Штатам, так и за границу, для чего он во всех местах, где бывал, обязательно посещал (в качестве одного из попечителей университета Уитби) колледжи и университеты. Школа, которую он когда-то прошел под руководством Джонни Хита, позволяла ему дурочить налоговую инспекцию легко и как бы автоматически. «Забавы для богатых» — так называл эти игры с Налоговым управлением США его давний приятель Джонни.

— Как хорошо вам известно,— говорил тем временем Дорлакер,— на сегодняшнем заседании мы должны рассмотреть вопрос о кандидатах на замещение вакантных должностей на следующий учебный год. До сих пор остается не занятой должность де-

кана экономического факультета. Мы долго подыскивали достойного кандидата на это место, советовались с преподавательским составом факультета и сейчас хотим вынести на ваше рассмотрение кандидатуру человека, некогда возглавлявшего в нашем учебном заведении объединенную кафедру истории и экономики, человека, который в течение нескольких последних лет работал в Европе и накопил там весьма ценный опыт. Я имею в виду профессора Лоуренса Дентона.

Произнося имя профессора, Дорлакер мельком глянул в сторону Рудольфа и едва заметно ему подмигнул. Рудольф все эти годы переписывался со своим старым учителем и знал, что Дентон просто мечтает вернуться в Америку. Судьба не заставила его превратиться в человека без родины, писал в своих письмах Дентон, а его жена так и не смогла излечиться от ностальгической тоски по стране, где она родилась и столько лет прожила. Рудольф рассказал Дорлакеру о Дентоне все без утайки, и Дорлакер преисполнился к профессору заочной симпатией. Кроме всего прочего, в пользу кандидатуры Дентона говорило еще и то, что он в Европе не терял времени зря и написал там получившую восторженные отзывы книгу о возрождении немецкой экономики.

Восстановление Дентона в прежней должности являлось, на взгляд Рудольфа, подлинным торжеством справедливости. Да, он не дал показаний в пользу своего старого друга в тот час, когда тот отчаянно нуждался в помощи, но, если бы он тогда все-таки выступил в качестве свидетеля, его скорее всего не выбрали бы в совет попечителей, а, значит, он не смог бы добиться теперешней реабилитации Дентона. Он-то хорошо знал, какую работу они с Дорлакером провели среди членов совета, чтобы те подали свои голоса за Дентона в сегодняшнем голосовании. А сейчас он сидел и невозмутимо наблюдал, как Дорлакер делает все необходимые ходы, чтобы продвинуть Дентона в деканы факультета экономики.

— Дентон, Дентон...— пробормотал Гаррисон.— Кажется, я припоминаю это имя. Его ведь вышвырнули отсюда за то, что он был красным.

— Я внимательно просмотрел досье профессора Дентона, мистер Гаррисон,— сказал Дорлакер,— и установил, что против него никогда никаких обвинений не выдвигалось и никакого официального расследования его прокоммунистической деятельности не проводилось. Профессор Дентон сам подал в отставку, чтобы поработать в Европе.

— Но я точно знаю, что он был связан с красными,— упрямо настаивал на своем Гаррисон.— В университете и без него хватает всяческих агитаторов, и нечего еще выписывать их из-за границы.

— В то время страна жила в мутном тумане маккартизма,— мягко сказал Дорлакер,— и множество достойнейших людей Америки были обвинены во всех смертных грехах без малейших на то оснований. К счастью, все это уже далеко позади, и мы теперь можем судить о людях беспристрастно, беря во внимание в первую очередь их способности и профессиональные качества. Лично я буду счастлив доказать, что университет Уитби руководствуется лишь строго академическими соображениями.

— Моя газета не станет молчать, если вы возьмете этого человека,— пригрозил Гаррисон.

— Я считаю вашу реплику не совсем удачной, мистер Гаррисон,— спокойно сказал Дорлакер,— и уверен, что, поразмыслив, вы откажетесь от подобных намерений. А теперь, если никто не хочет что-либо добавить, я полагаю, можно перейти к голосованию.

— Джордах,— спросил Гаррисон у сидящего рядом Рудольфа,— надеюсь, ты не имеешь отношения к этому делу?

— Откровенно говоря, имею,— ответил Рудольф.— Когда я здесь учился, профессор Дентон был моим самым любимым преподавателем, а его лекции — самыми интересными из тех, что я слушал в колледже. Кроме того, я считаю его последнюю книгу об экономике Германии в высшей степени толковой и полезной.

— Ну что ж, голосуйте, голосуйте,— буркнул Гаррисон.— Я перестаю понимать, какого черта я хожу на эти заседания.

Гаррисон был единственным, кто проголосовал против, и Рудольф решил сразу же после заседания послать женевскому изгнаннику телеграмму. Он был рад, что скоро увидит Дентона в стенах университета.

В дверь постучали.

— Войдите,— сказал Дорлакер.

Вошла его секретарша.

— Извините, что помешала, сэр,— сказала она,— но мистера Джордаха срочно просят к телефону. Я сказала, что идет заседание, но...

Рудольф вскочил со стула и бросился к телефону в приемной.

— Руди,— услышал он голос Джин,— мне кажется, тебе лучше приехать домой. И побыстрее. У меня начались схватки.

Джин говорила спокойно и чуть ли не радостно.

— Сейчас буду,— ответил он и, положив трубку, повернулся к секретарше.— Извинитесь за меня перед мистером Дорлакером и членами совета: я должен срочно отвезти жену в роддом. Кстати, будьте добры, позвоните туда и скажите им — пусть они свяжутся с доктором Левиным и сообщат ему, что миссис Джордах будет у них в роддоме самое позднее через полчаса.

Он выскочил из административного корпуса и бросился бежать к машине. Добежав, вынул из кармана ключ, но руки у него тряслись, и он никак не мог попасть в замочную скважину. Когда наконец попал, выяснилось, что дверца не открывается, и он, проклиная того негодяя, который украл у него в Нью-Йорке радиоприемник, стал отчаянно озираться вокруг, надеясь увидеть машину, в замке зажигания которой кто-нибудь случайно оставил ключи. Но такой машины он не увидел. Тогда снова принялся лихорадочно возиться с дверцей, и она наконец поддалась. Он впрыгнул в машину и понесся через университет и тихие улочки за его пределами к своему дому.

Остаток этого долгого дня Рудольф просидел в родильном доме у постели Джин, держа ее за руку. Ему трудно было понять, откуда у нее берутся силы терпеть. Но доктор Левин был спокоен. Сильные боли при первых родах в порядке вещей, уверял он Рудольфа. Доктор Левин заглядывал в палату Джин с таким видом, будто он наносит светский визит вежливости. Когда он предложил Рудольфу спуститься вниз в кафетерий родильного дома и пообедать, Рудольф был шокирован. Неужели доктор думает, что он может оставить жену корчиться в муках, а сам пойдет набивать себе брюхо?!

— Я ведь будущий отец, а не врач-акушер! — негодуяше воскликнул он.

— Мне известны случаи, когда будущие отцы тоже ели, как и врачи-акушеры,— улыбнулся доктор Левин.— Если бы они не поддерживали своих сил, то попросту не доживали бы до того счастливого момента, когда становились отцами.

До чего же он циничен и бессердечен, этот доктор Левин. Если когда-нибудь им с Джин взбредет в голову дикая мысль завести второго ребенка, они обратятся к настоящему врачу, а не к роботу.

Ребенок родился за несколько минут до полуночи. Девочка. Когда доктор Левин вышел из родильного отделения сообщить, что мать и ребенок чувствуют себя хорошо, Рудольф готов был расцеловать его.

Он шел по коридору рядом с каталкой, на которой Джин перевозили в палату, и смотрел на нее. Лицо у нее пылало, она казалась такой беспомощной, измученной, бесконечно уставшей, но пыталась улыбаться ему, хотя это ей стоило невероятных усилий.

— Она скоро заснет,— сказал доктор Левин,— так что вы можете ехать домой.

Но когда Рудольф выходил из палаты, она заговорила неожиданно сильным голосом:

— Руди, прошу тебя, принеси мне завтра мою «лейку». Хотелось бы заснять весь первый день моей дочери.

Доктор Левин отвел его в отделение для новорожденных, чтобы он увидел через стекло свою дочь, которая спала в обществе других пяти младенцев.

— Вон она, — показал доктор Левин на одного из младенцев.

Все шестеро были на одно лицо. Шесть за один день. Бесконечный поток новых жизней. Да-а, врачи-акушеры и в самом деле, должно быть, величайшие циники на свете.

На улице похолодало. Утром, когда Рудольф уезжал из дома, было тепло, и он не взял с собой пальто. Пока он дошел до машины, его начала бить мелкая дрожь. На этот раз он не запер дверцу машины — ему было не до того, — но новый приемник оказался на месте.

Он чувствовал, что слишком возбужден, и знал, что сегодня заснуть не сможет. Как было бы хорошо к кому-нибудь заехать и пригласить к себе, чтобы отпраздновать свое отцовство, но стрелки на его часах показывали второй час ночи, и будить людей он, конечно, не осмелится.

Он включил в машине обогреватель и успел согреться, пока доехал домой. В окнах горели огни: Марта оставила свет, чтобы ему было светлее подъезжать к дому. Он шел через лужайку к входной двери, как вдруг увидел, что от крыльца метнулась какая-то тень.

— Кто здесь? — резко воскликнул он.

Прятавшаяся фигура медленно вышла на свет. Вирджиния Колдервуд. Серое, отороченное мехом пальто, на голове — шарф.

— О Господи, Вирджиния! — поразился он. — Что ты здесь делаешь?

— Я все уже знаю. — Она подошла к нему ближе. С ее бледного, худого, хорошенького лица на него пристально взирали большие, темные глаза. — Я несколько раз звонила в родильный дом. Сказала, что твоя сестра. Я все знаю. Она родила. Родила моего ребенка.

— Вирджиния, тебе лучше пойти домой. — Рудольф отступил назад, чтобы она не вздумала прикоснуться к нему. — Если твой отец узнает, что ты бродишь здесь ночью, он...

— Мне наплевать, кто там и что узнает, — сказала она. — Мне абсолютно не стыдно.

— Давай я отвезу тебя домой, — настаивал Рудольф. (Пусть ее собственные родители разбираются со своей сумасшедшей дочерью, а не он. Да еще в такую ночь.) — Тебе нужно хорошенько выспаться, и тогда ты...

— У меня нет дома, — воскликнула Вирджиния. — Я почувствую себя дома только в твоих объятиях. Отец даже не подозре-

вает, что я в городе. Я пришла к тебе, потому что знаю — мой дом находится здесь, ибо здесь живешь ты.

— Нет, дом твой не здесь, Вирджиния,— с отчаянием, но стараясь говорить терпеливо, произнес Рудольф. Привыкший всегда полагаться на здравый смысл, он чувствовал себя беспомощным перед лицом безумия.— Я живу здесь со своей женой.

— Она увела тебя у меня,— прошипела Вирджиния.— Прошла между нами черной тенью. Я молилась за то, чтобы она умерла в роддоме.

— Вирджиния!!! — В прошлом ее слова или поведение никогда не воспринимались Рудольфом всерьез. Она могла раздражать его, или смешить его, или вызывать у него жалость, но то, что происходило в эту минуту, пугало его. Впервые ему пришлось в голову, что она может быть по-настоящему опасной. Как только ему удастся прорваться в дом, решил он, нужно будет сразу же позвонить в больницу и предупредить их, чтобы они не подпускали ее к отделению для новорожденных и к палате Джин.— Давай сделаем так,— проговорил он неестественно бодрым голосом,— ты сядешь в мою машину, я отвезу тебя домой, а завтра...

— Не разговаривай со мной как с ребенком,— сказала она.— Я давно не дитя. А, кроме того, у меня самой есть машина — я ее оставила на стоянке в квартале отсюда,— так что мне не нужно, чтобы меня отвозили.

— Вирджиния, я страшно устал, и мне нужно хоть немного поспать,— умоляюще произнес он.— Если тебе действительно нужно о чем-то со мной поговорить, позвони мне утром.

— Я хочу заняться с тобой любовью,— заявила она, не двигаясь с места и держа руки в карманах,— на вид обычная, нормальная, хорошо одетая девушка.— Я хочу, чтобы ты меня трахнул прямо сейчас. И знаю, ты этого тоже хочешь. Я читала это в твоих глазах все эти годы — с тех самых пор, как мы познакомились.— Вирджиния говорила тусклым, торопливым шепотом.— Ты просто не осмеливаешься этого сделать. Как и все остальные, ты боишься моего отца. Ну, давай же, возьми меня. Не пожалей. Ты думаешь, я все та же маленькая девочка, какой ты увидел меня в первый раз у нас дома. Не беспокойся, я уже давно не девочка. Я успела кое-чему научиться. Может быть, не столь многому, как твоя драгоценная супруга, спавшая с тем фотографом, и все же... Вижу, ты удивлен, что я знаю об этом. Так вот, я тебе еще и не то могу рассказать.

Но в этот момент Рудольф исхитрился отпереть дверь, быстро захлопнуть ее за собой и запереть на ключ, оставив Вирджинию на крыльце. Она тут же начала неистово колотить кулаками в дверь, и он на всякий случай обошел весь первый этаж, чтобы

проверить, надежно ли закрыты окна и двери. Когда он вернулся к парадной двери, яростный стук маленьких женских кулачков уже прекратился. К счастью, Марта так и не проснулась. Он погасил свет над крыльцом — выключатель был в прихожей изнутри,— прошел в гостиную и позвонил в роддом, предупредив их о Вирджинии, а затем устало поднялся в спальню, кажущуюся такой пустой без Джин.

«С днем рождения, дочка,— тебе повезло: ты родилась в маленьком, тихом, respectableм городе»,— подумал он, засыпая.

Бар загородного клуба пустовал: хоть и была суббота, но большинство членов клуба с теннисных кортов и площадок для гольфа еще не возвращались. Рудольф пил пиво в полном одиночестве. Джин переодевалась в женской раздевалке. Она вышла из больницы всего лишь пять недель назад, но сумела выиграть у него два сета в теннис. Рудольф улыбнулся, вспомнив, с каким ликующим, победоносным видом она уходила с корта.

Загородный клуб помещался в низком, лишенном всяких признаков архитектуры деревянном строении, обшитом снаружи вагонкой. Он находился под постоянной угрозой банкротства, а потому принимал в свои члены всех без разбора, лишь бы они заплатили достаточно скромный вступительный взнос. Летом клуб предоставлял временное членство тем, кто приезжал в эти места на отдых. Бар был украшен пожелтевшими фотографиями бравых джентльменов, завоевывавших первенство в клубных состязаниях тридцать — тридцать пять лет назад. На них были длинные, фланелевые спортивные брюки. Среди прочих фотографий можно было увидеть и засиженный мухами снимок Билла Тилдена и Винсента Ричардса, которые некогда провели показательный матч на теннисном корте клуба.

Ожидая жену, Рудольф взял лежавший на стойке субботний номер «Стража Уитби» и тут же пожалел об этом. На первой странице газеты была помещена статья о возвращении в университет профессора Дентона, изобиловавшая обычными для стиля этой газеты инсинуациями и сфабрикованными высказываниями неназванных лиц, выражавших крайнюю обеспокоенность тем, что юные души студентов будут теперь подвергаться тлетворному влиянию весьма сомнительной личности по имени Дентон.

— Какой же ты сукин сын, Гаррисон! — вслух сказал Рудольф.

— Вы что-то сказали, мистер Джордах? — поднял голову бармен, читавший какой-то журнал на другом конце стойки.

— Пожалуйста, еще одно пиво, Хэнк,— произнес Рудольф.

Он брезгливо отбросил газету в сторону, и тут ему в голову пришла внезапная мысль: а что если попробовать выкупить

у Гаррисона его издание? Это будет настоящим подарком для города. И сделать это, скорее всего, будет нетрудно. Газета по меньшей мере три года не приносит Гаррисону никакой прибыли, и если он не будет знать, что ее хочет купить именно Рудольф, то с радостью избавится от нее, причем уступит за сходную цену. Надо будет в понедельник поговорить об этом с Джонни Хитом.

Решив больше не думать о Гаррисоне, по крайней мере до понедельника, Рудольф не спеша потягивал пиво, как вдруг в бар вошел вернувшийся с гольфа Брэд Найт, а с ним — три его партнера по игре. Увидев его оранжевые брюки, Рудольф невольно поморщился.

— Ты что, участвовал в конкурсе на самую крикливо одетую женщину-жокея? — спросил он у Брэда, когда тот со своими приятелями подошел к стойке.

Найт хлопнул его по спине и рассмеялся:

— В природе, Руди, у самцов всегда более яркое оперение, чем у самок, а по выходным я становлюсь частичкой природы, — и, обратившись к бармену, объявил: — Хэнк, я угощаю всех. Сегодня я в большом выигрыше.

Все четверо сделали заказы и стали сравнивать свои карточки. Выяснилось, что Брэд и тот из троих, с которым он играл в паре, выиграли у двух остальных почти триста долларов. Брэд был одним из лучших игроков в гольф во всем клубе. Как правило, он начинал игру вяло и играл плохо, провоцируя своих соперников делать двойные ставки, а в результате почти всегда выигрывал. Что ж, это его дело. И если его противники могут позволить себе просаживать каждый по сто пятьдесят долларов за одну субботу, это тоже их дело. Но Рудольфу было странно слышать, с какой легкостью двое проигравших говорили о проигранных деньгах. Он не был азартным игроком по своей натуре.

— Я видел, как Джин сражалась с тобой в теннис, — сказал Брэд. — Она выглядит потрясающе.

— О, она из крепкой породы людей, — отозвался Рудольф. — Кстати, Брэд, спасибо за подарок для Инид.

Мать Джин в девичестве звали Инид Каннингем, и, когда Джин достаточно окрепла после родов, чтобы говорить на такие серьезные темы, как обсуждение имени их ребенка, она спросила у Рудольфа, не возражает ли он, если они назовут их девочку в честь матери — Инид Каннингем.

— Не возражаю, — ответил Рудольф. — Да и как же мне возражать, если тот факт, что у нашей дочери будет сразу три имени — Инид Каннингем Джордах — означает, что мы, Джордахы, поднимаемся по социальной лестнице вверх: ведь давать трехсоставные имена — это давняя традиция, начало которой положили в древности аристократы.

Но церемонии крещения не было, да и не могло быть: Джин разделяла атеистические взгляды мужа, хотя сам он предпочитал называть их агностическими. Вписывая все три имени дочери в свидетельство о рождении — Инид Каннингем Джордах,— он подумал, что для такого крошечного существа, как их дочь, весившая всего лишь три килограмма, столько имен и столько в них букв, пожалуй, чересчур многовато. Брэд прислал в подарок новорожденной мисочку, блюдечко и ложечку из чистого серебра, и эта серебряная мисочка была уже восьмой в их доме. Брэд никогда не отличался изобретательностью в выборе подарков. Но, кроме этого, он открыл в банке сберегательный счет на имя Инид с первоначальным вкладом в пятьсот долларов.

— Пусть у девочки будут свои собственные деньги,— сказал Брэд в ответ на протесты Рудольфа по поводу щедрости подарка.— А вдруг ей когда-нибудь понадобится срочно заплатить за аборт?

Один из партнеров Брэда по игре в гольф, Эрик Сандерлин, возглавлял в клубе комитет по гольфу и сейчас, оседлав любимого конька, рассказывал о своем проекте расширения и улучшения площадки для гольфа. К нынешней площадке прилегал большой лесистый участок земли, на котором стояла заброшенная ферма, и Сандерлин начал кампанию среди членов клуба по выпуску займа и приобретению этого участка в собственность клуба.

— Тогда наш клуб смог бы попасть в категорию перворазрядных,— говорил Сандерлин,— и мы попытались бы замахнуться на участие в турнире АПГ*. Число членов клуба наверняка бы удвоилось.

«Эта вечная тяга американцев удваиваться и попадать в категорию перворазрядных»,— подумал Рудольф с раздражением. Сам он в гольф не играл. И все же был рад, что говорят они о гольфе, а не о статье в «Страже Уитби».

— Что скажешь, Руди? — спросил Сандерлин, заканчивая свой коктейль «Том Коллинс». — Подпишешься на заем вместе с нами?

— Еще не знаю,— ответил Рудольф.— Дай мне две недельки подумать.

— А чего тут особенно думать? — агрессивно произнес Сандерлин.

— Наш Руди не принимает поспешных решений,— заявил Брэд.— «Стричься или не стричься?» — даже на решение такого вопроса у него уходит не меньше пары недель.

— Будет очень кстати, если нас поддержит такая видная фигура, как ты,— продолжал Сандерлин.— Я от тебя просто так не отстану.

* АПГ — Ассоциация профессиональных игроков в гольф.

— Не сомневаюсь, Эрик,— ответил Рудольф.

Сандерлин, посчитав слова Рудольфа комплиментом в свой адрес, рассмеялся, и все они, кроме Брэда, направились в душ. Их туфли для гольфа, подошвы которых были с металлическими шипами, дробно стучали по дощатому полу. В клубе существовало предписание не появляться в таких туфлях ни в баре, ни в ресторане, ни в комнате для игры в карты, но никто это предписание не выполнял. «Если вы хотите попасть в категорию перво-разрядных,— подумал Рудольф,— то вам для начала не мешало бы научиться снимать туфли с металлическими шипами, когда вы входите в помещение, где находятся приличные люди».

Бред остался в баре и заказал себе еще одно виски. Лицо у него, как всегда, было красным — от солнца ли, от спиртного ли, сказать было трудно.

— *Такая видная фигура, как ты,*— повторил Бред.— Все в Уитби говорят о тебе так, будто ростом ты с каланчу.

— Потому мне и нравится жить в этом городе,— сказал Рудольф.

— Ты останешься здесь жить и после своего ухода из бизнеса? — спросил Бред, не глядя на Рудольфа; он кивнул в знак благодарности Хэнку, поставившему перед ним стакан с виски.

— А кто говорит, что я решил уйти из бизнеса? — Рудольф не посвящал Брэда в свои планы.

— Ходят такие слухи.

— Кто именно тебе сказал?

— Но ты ведь собираешься выйти из игры, не правда ли?

— Еще раз спрашиваю: кто конкретно тебе это сказал?

— Вирджиния Колдервуд,— признался Бред.

— Вот как.

— Она слышала, как ее отец обсуждал это с матерью.

Снова Вирджиния, эта шпионка, собирательница сплетен и пересудов, ночная тень, выслеживающая его в подворотнях, рехнувшаяся домогательница его любви.

— Мы с Вирджинией уже два месяца как встречаемся,— продолжал Бред.— Славная девушка.

До чего же хорошо он разбирается в людях, этот Брэдфорд Найт, парень из Оклахомы, где простираются широкие равнины и где все воспринимается таким, каким оно кажется на первый взгляд!

— М-да,— произнес Рудольф.

— Вы со стариком обсуждали, кто займет твое место?

— Да, у нас был разговор.

— Ну и кто же этот счастливец?

— Пока что мы не решили.

— Ладно! — Брэд улыбнулся, но лицо его было краснее обычного. — Надеюсь, твой старый однокашник узнает эту новость хотя бы на десять минут раньше, чем все остальные?

— Обещаю. А что еще говорила тебе мисс Колдервуд?

— Ничего особенного, — небрежно сказал Брэд. — Говорила, что любит меня. Ну и всякое другое в том же духе. А ты давно ее видел?

— Давненько. — Рудольф не видел ее с той ночи, когда родилась Инид. Шесть недель — это действительно давно.

— Мы с ней много смеемся вместе, — с гордостью произнес Брэд. — У нее ужасно обманчивая внешность. На самом деле она очень веселая.

Новые грани в характере этой особы. Оказывается, она любит смеяться. Выясняется, она очень веселая. Веселится по ночам под чужими дверями.

— Откровенно говоря, я собираюсь на ней жениться, — сказал Брэд.

— Зачем это тебе нужно? — спросил Рудольф, хотя догадаться зачем было нетрудно.

— Надоело таскаться по бабам, — ответил Брэд. — Скоро мне стукнет сорок, а я уже далеко не тот, что прежде.

«Это не полный ответ, дружище, — подумал Рудольф. — Далеко не полный».

— А может, на меня подействовал твой пример, — продолжал Брэд. — Если семейная жизнь пришлась по вкусу даже *такой видной фигуре, как ты*, — и он ухмыльнулся (какой же он здоровенный, подумал Рудольф, и какое у него красное лицо), — то тем более она понравится не *столь видной фигуре, как я*. Супружеское блаженство — вот зачем!

— Что-то я не замечал особого супружеского блаженства в твоей первой попытке.

— Это точно, — согласился Брэд: его первый брак — он женился на дочери одного нефтепромышленника — продлился всего полгода. — Но тогда я был еще глуп и зелен. К тому же разве сравнить мою первую жену с такой приличной девушкой, как Вирджиния! Надеюсь, на этот раз мне повезет больше.

Рудольф глубоко вздохнул.

— Не думаю, Брэд, что тебе на это раз повезет больше, — тихо произнес он. Потом рассказал ему о Вирджинии Колдервуд. О ее письмах к нему, о телефонных звонках, о засадах у его дома, о последней дикой сцене шесть недель назад.

Брэд слушал молча, а, выслушав, только и сказал:

— Наверно, это просто здорово, когда ты так желанен, дружище.

В этот момент появилась Джин, светящаяся чистотой после душа. Волосы у нее были собраны сзади пучком и перевязаны бархатным бантом, на загорелые ноги — мокасины.

— Привет, мамочка,— произнес Брэд, привставая со стула и целуя ее.— Присоединяйся, Джин, я продолжаю всех угощать.

Они говорили о маленькой Инид, о гольфе, о теннисе, о новых постановках театра Уитби, открытие летнего сезона которого должно было состояться на следующей неделе. Имя Вирджинии Колдервуд не упоминалось. Допив свое виски, Брэд встал и сказал:

— Ну, ребята, мне пора в душ.

Он подписал счет за выпитое и неторопливо направился к выходу, этот полнеющий и лысеющий человек в оранжевых, в обтяжку, брюках и дорогих туфлях для игры в гольф. Металлические шипы на подошвах его туфель оставляли свою порцию дыр в изрешеченном деревянном полу.

А двумя неделями позже Рудольф с Джин получили с утренней почтой приглашение на бракосочетание мисс Вирджинии Колдервуд с мистером Брэдфордом Найтом.

Орган заиграл свадебный марш, и Вирджиния под руку с отцом двинулась по проходу церкви к алтарю. В белом подвенечном платье она выглядела хорошенькой, нежной и хрупкой. Проходя мимо Рудольфа, она даже не взглянула на него, хотя он и Джин стояли в первом ряду. Жених, потный и красный от июльской жары, ждал у алтаря вместе с Джонни Хитом, шафером. На обоих были брюки в полоску и визитки. Все вокруг удивлялись, почему Брэд выбрал шафером не Рудольфа,— но самого Рудольфа это не удивило.

«Все, что здесь происходит,— дело моих рук,— думал Рудольф, рассеянно слушая службу.— Это я пригласил его сюда из Оклахомы. Я ввел его в корпорацию. Я отказался от невесты. Все это дело моих рук. Но несущ ли я за это ответственность?»

Свадьбу справляли в загородном клубе. На длинном столе под навесом стояли закуски, а по всей лужайке под яркими зонтиками — маленькие, круглые столики. На террасе играл оркестр, и жених и невеста, уже переодетые к отъезду в свадебное путешествие, танцевали вальс. Все любовались молодоженами, а вскоре стали присоединяться к ним. Рудольф удивлялся тому, как легко и грациозно танцует Брэд, казавшийся ему всегда таким неуклюжим.

После венчания, как и положено, Рудольф тоже подошел к невесте и поцеловал ее. Вирджиния улынулась ему точно так же, как улыбалась всем остальным. «Может быть, все теперь позади,— подумал он,— и она наконец угомонится?»

Рудольф с Джин тоже присоединились к танцующим — по ее настоянию, хоть он и сопротивлялся, как мог.

— Я не привык танцевать среди бела дня,— ворчал он,— да еще на открытом месте.

— До чего же я люблю свадьбы,— сказала Джин, прижимаясь к нему.— Я имею в виду, чужие.— Затем, проказливо улыбнувшись, проговорила: — Может, произнесешь еще один тост в честь невесты, упомянув о том, каким она может быть преданным другом? Расскажешь в своем тосте о том, как, никого и ничего не боясь, она вечер за вечером поджидала тебя в подворотне возле твоего дома, заботясь о том, чтобы с тобой ничего не случилось, как звонила тебе по ночам, волнуясь, не страшно ли тебе одному в темноте, как предлагала разделить с тобой твою одинокую, холодную постель и согреть тебя своим пылким телом.

— Тссс,— с опаской оглядываясь по сторонам, произнес Рудольф. Слава Богу, что она хоть не знает о той ночи, когда родилась Инид,— он так и не рассказал ей об этом.

— А она выглядит просто красавицей,— не унималась Джин.— Ты не жалеешь, что отказался от нее?

— Я просто в отчаянии,— ответил он.— Не отвлекайся, танцуй.

Оркестр состоял из студентов университета Уитби, и играли они так хорошо, что Рудольф невольно почувствовал уколы зависти. Он вспомнил о тех днях, когда в том же возрасте сам играл на трубе. «Да-а,— подумал он,— нынешняя молодежь все делает лучше, чем мы». Ребята в теперешней порт-филипской легкоатлетической команде пробежали двести метров, его коронную дистанцию, на две секунды быстрее, чем в свое время он.

— Может быть, хватит на сегодня танцев? — с легким раздражением произнес он.— Что за радость переступать с ноги на ногу в такой толпе?!

Они подошли к столу, выпили по бокалу шампанского, и у них завязался разговор с отцом Брэда, приехавшим ради такого случая из Талсы. Это был уже немолодой человек в широкополой ковбойской шляпе «стетсон». Худошавый, с обветренным лицом и глубокими морщинами на загорелой шее, он никак не походил на человека, который приобретал и терял целые состояния; скорее он напоминал снимающегося в эпизодах актера, приглашенного на роль шерифа в каком-нибудь вестерне.

— Брэд мне много о вас рассказывал, сэр,— сказал Найтотец Рудольфу.— И о вашей молодой красавице жене тоже.— Он галантно поднял бокал с шампанским, адресуя свои слова Джин, которая сняла шляпу и была сейчас больше похожа на юную студентку, чем на молодую жену.— Да, мистер Джордах, мой сын перед вами в неоплатном долгу, и не думайте, что он этого не помнит. Когда вы позвонили ему и предложили рабо-

ту в Уитби, он едва сводил концы с концами в Оклахоме. Я и сам в то время, чего уж тут скрывать, был в крайне стесненном положении, не мог наскрести денег даже на ржавую буровую вышку, чтобы помочь моему мальчику. А сейчас, скажу вам без ложной скромности, я снова стою на ногах,— и это после того, когда казалось, что бедному старому Питу Найту никогда уже не подняться. Мы с Брэдом жили тогда в одной комнате и питались одним только «Чили» — три раза в день. И вдруг как гром среди ясного неба — Брэду звонит старый друг Руди. Когда Брэд вернулся из армии, я сказал ему: «Послушай, Брэд, почему бы тебе не внять призывам правительства Соединенных Штатов Америки и, воспользовавшись „солдатским биллем о правах“^{*}, не поступить в колледж, пока для демобилизованных еще действуют льготы, потому что теперь пришли такое время, когда человек, не окончивший колледжа или университета, становится никому не нужным». Брэд у меня хороший парень, у него хватило ума послушаться своего папочку, и вот теперь поглядите-ка на него.— Он с гордой улыбкой посмотрел в ту сторону, где его сын, Вирджиния и Джонни Хит пили шампанское с группой гостей помоложе.— Прилично одет, пьет шампанское, впереди у него прекрасное будущее, женат на красивой, молодой наследнице. Но если он когда-нибудь станет говорить, будто всем этим обязан себе, а не своему другу Руди, то первым, кто назовет его лжецом, будет его старый папа.

К ним подошли Брэд, Вирджиния и Джонни, чтобы засвидетельствовать свое почтение Найту, и старик тут же пошел танцевать с Вирджинией, а Брэд пригласил Джин.

— Сегодня ты что-то не очень весел,— произнес Джонни: что-нибудь скрыть от этих на вид полусонных глаз на его гладком, круглом лице было делом совершенно невозможным.

— Невеста хорошенькая, шампанское льется рекой, на небе яркое солнце, мой друг считает, что поймал Фортуна за хвост — так почему же я буду грустить? — ответил Рудольф.

— И в самом деле, почему? — сказал Джонни.

— Мой бокал пуст,— заявил Рудольф.— Пойдем выпьем еще вина.

И он направился к другому концу длинного стола, где был устроен бар.

— Ответ от Гаррисона мы получим в понедельник,— сказал ему Джонни.— Похоже, он готов дать согласие, так что ты получишь-таки свою игрушку.

Рудольф кивнул, хотя ему не совсем понравилось, что Джонни назвал «Страж Уитби» игрушкой; неужели он не понимает, что на этой газете можно сделать неплохие деньги? Но несмотря

* «Солдатский билль о правах». См. примечание на стр. 255

на скептическое отношение к его идее, Джонни, как всегда в подобных случаях, сумел повернуть и это дело наилучшим образом. Он нашел одного человека, некоего Хэмлина, который задумал создать своего рода информационную сеть в провинциальных районах Америки, для чего скупал газеты в небольших городках, и вот этот-то Хэмлин и согласился купить «Страж Уитби», с тем чтобы через три месяца перепродать газету Рудольфу. Хэмлин, будучи прожженным дельцом, потребовал за свои услуги три процента от покупной стоимости газеты, зато сумел настолько сбить первоначальную цену, запрошенную Гаррисоном, что имело полный смысл пойти на его условия.

В этот момент Рудольфа хлопнули по плечу и, обернувшись, он увидел Сиды Гроссетта, который до предыдущих выборов был мэром Уитби и которого регулярно, каждые четыре года, местное отделение партии посылало делегатом на съезд республиканцев по выдвижению кандидата на пост президента США. Опытный политик и в то же время дружелюбный человек, по профессии адвокат, он сумел пресечь слухи о том, что, занимая пост мэра, брал взятки, однако на последних выборах все же решил не выставлять своей кандидатуры. И правильно сделал, говорили в городе. Нынешний мэр, демократ, стоял тут же, у другого конца стойки бара, и с таким же удовольствием пил шампанское Колдервуда, что и его политический соперник. На свадьбу дочери столь уважаемого человека как Колдервуд пришел весь город.

— Здравствуйтесь, молодой человек, — сказал Гроссетт. — О вас последнее время много говорят в городе.

— Хорошее или плохое? — спросил Рудольф.

— Разве о Рудольфе Джордахе могут говорить что-то плохое? — ответил Гроссетт: недаром он был политиком, а опытные политики, как известно, — хорошие дипломаты.

— Совершенно согласен с вами, — улыбнулся Джонни Хит.

— А, Джонни, привет. — Гроссетт пожал ему руку (он готов был жать руку кому угодно — впереди предстояло еще столько выборов) и, снова повернувшись к Рудольфу, продолжал: — Из надежного источника мне стало известно, что вы в конце месяца покидаете «Д. К. Энтерпрайзиз».

— И что же это за источник?

— Сам мистер Дункан Колдервуд.

— Должно быть, волнения этого дня слишком сильно повлияли на бедного старика, — сказал Рудольф. Ему не хотелось обсуждать свои дела с Гроссеттом или отвечать на его вопросы о своих дальнейших планах.

— В тот день, когда какие-нибудь волнения слишком сильно повлияют на Дункана Колдервуда, прошу вас, позовите меня, и я тут же примчусь, чтобы быть свидетелем великого чуда, —

улыбнулся Гроссетт. — Он утверждает, будто ему ничего не известно о ваших планах на будущее. Более того, он говорит, что не знает, есть ли у вас вообще какие-нибудь планы. Если это действительно так, то у меня могут быть для вас кое-какие интересные предложения... — Он оглянулся вокруг, чтобы удостовериться, что его не подслушивает кто-нибудь из демократов, и вполголоса проговорил: — Может быть, вы могли бы заглянуть ко мне в офис где-нибудь на следующей неделе?

— На следующей неделе я буду в Нью-Йорке.

— Ладно, не буду ходить вокруг да около, — решительно произнес Гроссетт. — Скажите, вам никогда не приходило в голову заняться политикой?

— Лет пятнадцать назад я действительно подумывал об этом, — ответил Рудольф. — Теперь же, став старше и мудрее...

— Не рассказывайте мне эти сказки, — возразил Гроссетт. — Нет таких людей, кто не хотел бы заняться политикой. И особенно это относится к вам. Вы богаты, пользуетесь популярностью, добились большого успеха, у вас красивая жена. Такие люди, как вы, не могут не стремиться завоевать весь мир.

— Только не говорите мне, что я должен выдвигать свою кандидатуру на пост президента США, — особенно теперь, когда Кеннеди нет в живых, — сказал Рудольф.

— Сейчас, конечно, вы шутите, — серьезно проговорил Гроссетт, — но как знать, останется ли это шуткой через десять — двенадцать лет. Нет, Руди, вы должны начать свою политическую карьеру на местном уровне, здесь, в Уитби, где вы всеобщий любимец. Я прав, Джонни? — Он обернулся за поддержкой к шаферу.

— Это точно, он всеобщий любимчик, — кивнул Джонни.

— Родом из бедной семьи, учились в колледже нашего города, красивый, образованный молодой человек, интересуетесь общественной жизнью Уитби...

— А мне казалось, что я больше интересуюсь своей личной жизнью, — сказал Рудольф, чтобы оборвать поток восхвалений.

— Хорошо, шутите сколько угодно, — продолжал Гроссетт. — Но сами подумайте — вы входите в черт те сколько комитетов, а у вас, в сущности, нет ни одного врага на всем белом свете.

— Не оскорбляйте меня, Сид. — Рудольф получал удовольствие, поддевая этого настырного низкорослого человечка, но слушал его внимательнее, чем кому-нибудь могло бы показаться со стороны.

— Я знаю, что говорю.

— Вы даже не знаете, демократ ли я или республиканец. А если вы спросите у Лиона Гarrisона, то он скажет вам, что я коммунист.

— Лион Гаррисон — старый болван, — сказал Гроссетт. — Будь на то моя воля, я объявил бы сбор средств, чтобы город мог выкупить у Гаррисона его газетенку.

Рудольф не удержался и подмигнул Джонни Хиту.

— Я знаю ваши политические убеждения, — наседа на него Гроссетт. — По сути своей вы республиканец, но закваска у вас — Джона Кеннеди. А это самый беспроегрышный вариант. Наша старушка партия нуждается именно в таких людях, как вы.

— Ну вот, теперь вы воткнули в меня булавку с ярлыком, Сид, — недовольно пробормотал Рудольф. (Он не любил, когда его относили к какой-нибудь категории, неважно к какой.) — Остается поместить меня в стеклянный ящик.

— Я хочу поместить вас в ратушу Уитби, а не в ящик, — сказал Гроссетт. — В кресло мэра. И уверяю вас, мне это сделать по силам. Как вам нравится эта мысль? А начиная с этого места, вы начнете взбираться наверх, ступенька за ступенькой. Но вам, должно быть, не хочется стать сенатором? Сенатором от штата Нью-Йорк, я имею в виду. Вы, конечно, считаете это ниже вашего достоинства, не правда ли?

— Сид, я вас просто дразнил, — мягко произнес Рудольф. — На самом деле я польщен вашим предложением. Даже очень польщен. На следующей неделе я обязательно у вас буду, обещаю. А сейчас нам не помешало бы вспомнить, что мы на свадьбе, а не в прокуренном гостиничном номере, и что касается меня, я иду танцевать с невестой.

Он поставил бокал на стол, дружески похлопал Гроссетта по плечу и отправился искать Вирджинию. Он пока что ни разу не танцевал с ней, и если не пригласит ее, то наверняка пойдут разговоры. Уитби — маленький городок, и здесь ничего не остается незамеченным.

Последовательный республиканец и потенциальный сенатор Рудольф Джордах приблизился к невесте. Она стояла под навесом, очаровательная и счастливая, нежно держа своего новоиспеченного супруга за руку.

— Могу ли я иметь честь пригласить вашу невесту на танец? — спросил Рудольф.

— Все, что у меня есть, — твое, — ответил Брэд. — И ты это знаешь.

Рудольф взял Вирджинию за руку, и они присоединились к танцующим. Она танцевала как подобает невесте, держась скромно и с достоинством, ее прохладные пальцы покоились в его руке, ее другая рука легко, как перышко, касалась его спины, ее голова была гордо откинута назад. Она знала, что все присутствующие не сводят с нее глаз: девушки хотели бы оказаться на ее месте, мужчины — на месте ее мужа.

— Я желаю тебе счастья,— сказал Рудольф.— Много, много лет счастья.

Она тихо рассмеялась.

— Да, я буду счастлива,— сказала она, и ее бедра на мгновение коснулись его бедер.— Можешь не сомневаться. Брэд у меня будет мужем, а ты — любовником.

— О, Господи! — простонал Рудольф.

Она укоризненно прижала к его губам пальчик, и они дотанцевали в молчании. Подводя ее обратно к Брэду, он уже понимал, что был излишне оптимистичен. Этой истории никогда не будет конца. Даже через миллион лет.

Рудольф не стал бросать рис вместе с другими гостями, когда новобрачные отбывали на машине Брэда в свадебное путешествие. В этот момент он стоял на ступеньках клуба рядом с Колдервудом, который тоже не бросал рис вслед своей дочери и зятю. Старик хмурился — то ли от беспокоивших его мыслей, то ли от бивших в глаза лучей яркого солнца. Проводив новобрачных, гости вернулись к столу, чтобы выпить перед уходом по последнему бокалу шампанского, но Колдервуд остался стоять на ступеньках, вглядываясь в мерцающую от летней жары даль, в которой исчезла его младшая дочь со своим мужем. Еще в самом начале свадьбы Колдервуд сказал Рудольфу, что хотел бы поговорить с ним, и вот сейчас Рудольф, предупредив Джин, что присоединится к ней позже, стоял рядом с Колдервудом и ждал, что тот ему скажет.

— Ну, и что ты по этому поводу думаешь? — наконец нарушил молчание Колдервуд.

— Это была прекрасная свадьба.

— Я не об этом.

— Вы имеете в виду, как у них сложится совместная жизнь? — произнес Рудольф и пожал плечами.— Разве кто-нибудь может это сказать заранее?

— Он рассчитывает занять твое место.

— Это вполне естественно,— отозвался Рудольф.

— Как было бы здорово, если бы в эту минуту в Нью-Йорк с моей дочерью ехал не он, а ты!

— Жизнь чаще всего идет не так, как нам того бы хотелось,— изрек Рудольф, тут же устыдившись банальности сказанного.

— Это уж точно,— покачал головой Колдервуд.— Вся беда в том, Руди, что я не до конца доверяю ему. Мне не хотелось бы говорить это о человеке, добросовестно работавшем на меня столько лет и к тому же женившемся на моей дочери, но я не могу отделаться от ощущения, что этому парню полностью нельзя доверять.

— С тех пор, как Брэд работает здесь, он не сделал ни единого неверного шага,— напомнил Колдервуду Рудольф. «Кроме одного,— мысленно добавил он.— Не поверил мне, когда я рассказал ему про Вирджинию. Или хуже того — поверил, но все равно женился на ней». Но сказать об этом Колдервуду он, конечно, не мог.

— Разумеется, он твой друг,— продолжал Колдервуд,— и, безусловно, неплохо соображает в нашем деле. Ты знаешь его много лет и доверяешь ему, а потому и вызвал его сюда и поручил ему эту ответственную должность — все это я понимаю и тем не менее нутром чувствую: в нем есть что-то такое...— Колдервуд снова покачал своей большой головой. На его угрюмом желтоватом лице уже лежала печать приближающейся смерти.— Он пьет, он бабник — не возражай, Руди, я знаю, что говорю,— он любит азартные игры, он родом из Оклахомы...

Рудольф усмехнулся при упоминании Оклахомы.

— Я все понимаю,— говорил Колдервуд.— Я уже стар, и у меня есть свои предрассудки. Но тут уж ничего не поделаешь. И я думаю, что в этом частично повинен и ты, Руди,— ты меня попросту избаловал. Никому в жизни я не доверял так, как тебе. Даже когда ты уговаривал меня поступать вопреки голосу моего разума,— а ты даже не представляешь, как часто это бывало,— я все равно был уверен: ты никогда не сделаешь ничего такого, что, по твоему мнению, повредило бы моим интересам или попахивает нечистой игрой или невыгодно отразится на моей репутации.

— Благодарю вас, мистер Колдервуд,— сказал Рудольф.

— Мистер Колдервуд, мистер Колдервуд,— досадливо передразнил его старик.— Ты что, до самой моей смерти будешь называть меня мистером Колдервудом?

— Спасибо, Дункан,— с трудом выговорил Рудольф.

— Чтобы передать дело всей своей жизни в руки этого человека...— В надтреснутом, старческом голосе Колдервуда звучала нескрываемая боль.— Пусть даже это случится после моей смерти, все равно мне это не нравится. Но раз ты утверждаешь...— Он сокрушенно замолчал, не закончив фразы.

Рудольф тяжело вздохнул. Всегда кого-то приходится предавать, подумал он.

— Ничего я не утверждаю,— произнес он спокойно.— В нашем юридическом отделе работает один молодой адвокат. Его фамилия Мейдерз...

— Да, я его знаю,— прервал его Колдервуд.— Такой бледный, в очках. У него двое детей. Он из Филадельфии.

— До того, как поступить на юридический факультет Гарварда, он окончил Уортонскую школу бизнеса. У нас работает больше четырех лет. Знает дело как свои пять пальцев. Не стесняется

задавать любые вопросы, и все они очень толковые. Часто заходит в мой офис, и мы многие вопросы решаем вместе. В любой юридической конторе Нью-Йорка он мог бы зарабатывать намного больше, чем здесь, но ему нравится жить в Уитби.

— Уговорил,— коротко произнес Колдервуд.— Завтра можешь сказать ему.

— Я бы предпочел, чтобы это сделали *вы*, Дункан.— Вторым раз Дункан, но все то же ощущение крайней неловкости.

— Как всегда, мне не хочется делать того, что ты вынуждаешь меня делать,— недовольно проворчал Колдервуд,— и, как всегда, я знаю, что ты абсолютно прав. Да, я скажу ему сам. А сейчас пойдем и выпьем шампанского. Видит Бог, я заплатил за него кучу денег, так почему бы нам немного не выпить?

О новом назначении было объявлено накануне возвращения молодоженов из свадебного путешествия.

Брэд принял новость спокойно, как и подобает настоящему джентльмену, и не стал выспрашивать у Рудольфа, кто принял такое решение. Однако спустя три месяца ушел из корпорации и вместе с Вирджинией уехал в Талсу, где отец взял его в партнеры в свою нефтяную компанию. Когда Инид исполнился год, он прислал на ее сберегательный счет в банке чек на пятьсот долларов.

Брэд регулярно писал Рудольфу — бодрые, шуточные, дружеские письма. Дела у него шли отлично, и зарабатывал он больше, чем когда-либо раньше. Талса ему нравилась: там играли в гольф со свойственным жителям западных штатов размахом, и три субботы подряд он выигрывал по тысяче долларов с лишним. Вирджинию все полюбили, и у нее появилась масса друзей. Она тоже увлеклась гольфом. Брэд предложил Рудольфу сделать вместе с ним капиталовложения в нефть: «Дело бесприигрышное. Будешь стричь купоны, как траву на газоне»,— писал он. По его словам, он хотел хоть как-то отплатить Рудольфу за все, что тот для него сделал, и вот наконец подвернулась такая возможность.

Чувствуя свою вину перед Брэдом — Рудольф не мог забыть тот разговор с Дунканом Колдервудом на ступеньках загородного клуба,— он стал приобретать акции на нефтепромыслы, владельцем которых был Брэд. Тем более, что при уровне доходов Рудольфа, а также с учетом налоговой скидки в двадцать семь процентов, которая предоставлялась нефтедобывающим компаниям, риск потерять на этих вложениях, как считал Джонни Хит, был практически равен нулю. Наведя необходимые справки, Джонни Хит установил, что компания «Питер Найт и сын» имеет высшую категорию кредитоспособности и вложил в ее акции ровно такую же сумму, что и Рудольф,— доллар в доллар.

Глава 3

1965 год

Томас сидел на корточках на передней палубе и, тихонько насвистывая, драил медную катушку якорной лебедки. Хоть июнь только лишь начинался, было уже очень тепло, и он работал босиком и раздевшись до пояса. Его могучий торс стал темно-коричневым от солнца, и цветом кожи он мало чем отличался от самых смуглых греков или итальянцев, служивших матросами на судах, которые стояли на якоре в Антибской гавани. И все же тело у него уже было не столь рельефно мускулистым, как раньше, когда он зачimalся боксом, мышцы не выпирали столь выпуклыми буграми, а стали более плоскими и сглаженными. Когда Томас надевал какой-нибудь головной убор и его лысеющая макушка была прикрыта, он выглядел даже моложе, чем два года назад. Сейчас на нем была белая матросская панама, поля которой были опущены вниз, по самые глаза, чтобы защитить их от ослепляющих отблесков солнца, отражающегося от воды.

Снизу, из машинного отделения, доносился стук молотка — Пинки Кимболл и Дуайер чинили насос. Завтра яхта выходила в первый в этом сезоне чартерный рейс, но во время пробного запуска выяснилось, что левый двигатель перегревается. Пинки, механик с «Веги», самого большого судна из тех, что стояли сейчас в Антибской гавани, взялся разобраться, в чем дело. Небольшие неполадки Дуайер и Томас исправляли сами, но, когда был необходим более серьезный ремонт, им приходилось обращаться за помощью к другим. К счастью, Томас зимой завязал дружбу с Кимболлом, и тот помог им привести «Клотильду» в порядок и подготовить ее к лету. Томас не стал объяснять Дуайеру, почему решил назвать яхту «Клотильдой», когда они, отказавшись от старого названия «Пенелопа», регистрировали ее в Порто-Санто-Стефано под новым именем. Раз яхте нужно было дать женское имя, то почему бы ей не стать «Клотильдой», подумал тогда Томас. Не «Терезой» же ее называть, в конце концов!

Он чувствовал себя счастливым, плавая на «Клотильде», хотя и сам понимал, что она далеко не лучшее судно в Средиземном море. Он знал, что надстройка яхты имеет слишком высоко расположенный центр тяжести, из-за чего у нее пониженная остойчивость; что ее фронтальная поверхность, открытая встречному ветру, чересчур велика, а это приводит к уменьшению ее предельной скорости до двенадцати узлов, а крейсерской скорости — до десяти; что ее бортовая качка становится в разгар шторма чересчур сильной. И тем не менее они с Дуайером, работая не по-

кладая рук месяц за месяцем, добились того, что яхта, на облупленный корпус которой было страшно смотреть, когда они покупали ее в Порто-Санто-Стефано два с половиной года назад, стала достаточно безопасной, комфортабельной и пригодной для плавания. Они уже отплавали на «Клотильде» два сезона, и, хотя ни Томас, ни Дуайер не стали пока что особенно богатыми благодаря яхте, у обоих на счету в банке все-таки было кое-что отложено на черный день. Предстоящий сезон обещал быть даже более удачным, чем два предыдущих, и Томас, надраивая бронзовую катушку и видя в ней отражение солнца, испытывал какую-то тихую радость. До того как он связал свою жизнь с морем, ему и в голову не приходило, что простая, бездумная работа, такая как полировка какой-нибудь медяшки, может доставлять столь острое удовольствие.

На судне он чувствовал себя как рыба в воде, и чем бы ни занимался, все делал с одинаковой радостью. Прогуливаясь вдоль борта от кормы до носа и обратно, он любовно касался поручней, с удовольствием смотрел на свернутые спиралью бунты пенькового троса, аккуратными рядами лежащие на идеально начищенной, тщательно законопаченной, сияющей чистотой палубе из тикового дерева, любовался отполированными до блеска медными рукоятками на старомодном штурвале в рубке, окидывал одобрительным взглядом безупречный строй морских карт, каждая в предназначенной для нее прорези, и туго свернутые сигнальные флажки, лежащие в своих гнездах. Он, за всю свою жизнь не вымывший ни одной тарелки, теперь часами скреб в камбузе кастрюли и сковородки, доводя их до блеска, следил за тем, чтобы в холодильнике была безукоризненная чистота и свежий запах, мыл конфорки и духовку. Когда на борту были пассажиры, Томас, Дуайер и повар, нанимаемый ими на каждый рейс, ходили в светло-коричневых шортах и белоснежных хлопчатобумажных теннисках с оттиснутым на груди синими буквами названием яхты — «Клотильда». По вечерам или в холодную погоду они надевали одинаковые темно-синие толстые матросские свитера.

Он научился смешивать разного рода коктейли и подавал их, как заправский официант, — со льдом, в чуть запотевших красивых бокалах. Одна супружеская пара из Америки даже призналась ему, что выбирает его яхту исключительно из-за его замечательной «кровавой Мэри». В связи с этим следует отметить, что плавание на прогулочных судах, ходящих в Средиземном море из одной страны в другую, представляет собой, пожалуй, самый дешевый вид морского отдыха для тех людей, которые

* «Кровавая Мэри» — популярный в Америке коктейль: водка с томатным соком с добавками вустерширского соуса, сока лайма, а также перца и нескольких капель особого, очень острого соуса.

любят хорошо выпить, потому что в портах этих стран можно брать на борт сколько угодно ящиков беспошлинных спиртных напитков, так что пассажиры в рейсах получают возможность покупать бутылку джина или виски за каких-нибудь полтора доллара. Сам Томас пил редко, разве что немного *pastis* и иногда пиво. Когда арендовавшие яхту пассажиры поднимались на борт, он встречал их в капитанской фуражке с позолоченной кокардой. Он считал, что это создает у его клиентов иллюзию, будто они отправляются не в «домашний» круиз по Средиземному морю, а в настоящее морское плавание, и это придает путешествию некий налет экзотики.

Он выучил несколько фраз по-французски, по-итальянски и по-испански, так что мог с горем пополам объясняться на этих языках, оформляя необходимые бумаги у портового инспектора или бродя по магазинам в каком-нибудь порту. Но на более серьезные разговоры его знаний не хватало. Дуайеру же языки давались легче, и он мог свободно болтать с кем угодно и о чем угодно.

Фотографию «Клотильды», несущейся по волнам сквозь облака брызг, Томас послал Гретхен, и она написала в ответном письме, что поставила снимок на каминную полку в гостиной. «Когда-нибудь, — писала она, — я обязательно приеду к тебе, и ты возьмешь меня на своей яхте в море». Из ее письма он мог заключить, что сейчас она занята какой-то работой на киностудии. Она также сообщала, что свое слово держит и не говорит Рудольфу ни о местопребывании Томаса, ни о том, чем он занимается. Гретхен была единственной нитью, связывающей Томаса с Америкой, и, когда ему было тоскливо или не давали покоя мысли о сыне, он садился за стол и писал ей письмо. По его настоянию, Дуайер в своем письме в Бостон той девушке, на которой собирался жениться, попросил ее, чтобы она, когда будет в Нью-Йорке, заглянула в гостиницу «Эгейская» и поговорила с Паппи, но девушка пока не ответила.

В ближайшее время, самое позднее через год или два, он, несмотря ни на что, собирался сам съездить в Нью-Йорк, чтобы попытаться разыскать сына.

После истории с Фальконетти он ни разу ни с кем не дрался, но тот все еще снился ему по ночам. Хотя Томас не был излишне сентиментальным человеком, он сожалел о смерти Фальконетти и, спустя столько времени, по-прежнему считал себя виновным в том, что тот выбросился за борт.

Закончив возиться с якорной лебедкой, Томас выпрямился и направился на корму, с удовольствием ступая босыми ногами по теплой палубе и одобрительно проводя рукой по поручням, безукоризненно гладким и заново покрытым лаком под красное дерево. Стук молотка в машинном отделении в этот момент пре-

кратился, и из люка появилась ярко-рыжая голова Кимболла, а вслед за ним вылез на палубу и Дуайер. На обоих были зеленые комбинезоны с жирными пятнами от смазки — в тесном пространстве машинного отделения не запачкаться было невозможно. Кимболл тщательно вытер тряпкой руки и выбросил ее за борт.

— Теперь все должно быть в порядке, дружище, — удовлетворенно произнес он. — Ну что, проверим, как она на ходу?

Томас прошел в рулевую рубку и включил двигатели, а Дуайер с Пинки, отдав швартовы, отправились на нос поднимать якорь. Дуайер пустил в ход лебедку и, по мере того как якорная цепь поднималась на борт, смывал с нее шлангом портовую грязь, прежде чем цепь падала в цепной ящик. Для стабильности цепь у них была выпущена почти на полную длину, поэтому к тому времени, когда Пинки крикнул Дуайеру «Якорь чист!», и они вдвоем стали вытаскивать его из воды — Дуайер тянул, а Пинки помогал ему, подхватывая багром, — «Клотильда» оказалась чуть ли не посреди гавани.

За эти два года Томас научился управлять яхтой вполне сносно и уступал штурвал Дуайеру только в редких случаях — например, когда входил в переполненную бухту при плохом ветре. Когда Дуайер с Пинки закончили поднимать якорь, Томас развернул яхту, направив ее к выходу из гавани, и малым ходом двинулся в сторону открытого моря. Миновав рыбаков с удочками, устроившихся в конце дамбы, и обогнув фарватерный буй, он, увеличив скорость, взял курс на Антибский мыс, оставив позади возвышающуюся над морем крепость *Vieux Carré*. Все это время он не отрывал взгляда от измерительных приборов, следя за работой обоих двигателей, и с облегчением вздохнул, убедившись, что даже при увеличенной скорости двигатель левого борта не перегревается. Спасибо старине Пинки. За эти зимние месяцы он сэкономил им по меньшей мере тысячу долларов. «Вега» — судно, на котором Пинки работал механиком, — была совершенно новенькой, и все ее механизмы работали безукоризненно, так что когда она находилась в порту, делать ему на ней было практически нечего. Поэтому он томился от безделья и был только рад, когда ему представилась возможность поковыряться в двигателях «Клотильды», сидя в тесном, душном машинном отделении яхты.

Пинки Кимболл был крепким, кряжистым англичанином с веснушчатым лицом, которое никогда не загорало, все лето оставаясь воспаленно-розового цвета, отчего он и получил свое прозвище*. Пинки, как он и сам признавал, страдал пристрастием к горячительным напиткам и, напиваясь, становился задиристым

* Пинки (pinky — англ.) — розовый.

и затевал ссоры в барах. Он имел привычку скандалить с начальством и редко задерживался на одном судне больше одного года, но, поскольку его хорошо знали в порту как отличного судового механика, без труда находил новую работу. Работать он предпочитал на самых больших яхтах, потому что на малых ему, с его квалификацией, делать было нечего. Родился и вырос он в Плимуте и всю свою жизнь провел на воде. Его удивляло, что такой человек, как Томас, казалось бы мало похожий на прирожденного морехода, объявился в Антибской гавани в качестве владельца и капитана достаточно приличного судна вроде «Клотильды» и что у него к тому же неплохо идут дела.

— Эти уж мне американцы,— говорил Кимболл, покачивая головой.— Вам, черт побери, удастся все, за что вы только ни возьметесь. Неудивительно, что вы владеете всем миром.

Они с Томасом понравились друг другу с самого начала. Встречаясь на набережной, они всегда приветливо здоровались и время от времени угощали друг друга пивом в маленьком баре при въезде в порт. Кимболл без труда догадался, что Томас — бывший боксер, и Томас рассказал ему о некоторых своих матчах, о том, какова жизнь профессионального боксера, о своей победе в Лондоне, о последующих двух нокаутах и даже о последней схватке с Куэйлзом в номере лас-вегасского отеля — эта история пришла воинственному Кимболлу особенно по душе. Но о Фальконетти Томас не упоминал. Дуайер понимал, что ему тоже лучше об этом помалкивать.

— Будь все проклято, Томми,— воскликнул Кимболл,— но, если бы я мог так драться, как ты, я бы очистил от всякой швали все до единого бара, начиная от Гиба и заканчивая Пиреем.

— И в процессе очистки тебе всадили бы между ребрами нож,— спокойно заметил Томас.

— Это уж точно,— согласился Кимболл,— зато какое удовольствие я бы получил перед этим!

Когда он был вдребезги пьян и видел, что в баре появляется Томас, он начинал колотить кулаком по стойке и кричать:

— Видите этого парня? Если бы он не был моим лучшим другом, я бы легко мог справиться с ним одной левой, но в том-то и дело, что он мой друг!

И он нежно обвивал своей татуированной рукой шею Томаса.

Их дружба стала еще крепче после одного случая, происшедшего как-то вечером в небольшом портовом баре в Ницце. Дуайер и Томас забрели туда совершенно случайно. В центре пустого пространства возле стойки они увидели пьяного Кимболла, который что-то громко говорил, обращаясь к группе французских матросов и крикливо одетых молодых людей с бандитскими физиономиями. Томас давно научился распознавать подобных

субъектов и избегал их — это были мелкие хулиганы и гангстеры низкого пошиба, выполнявшие на Лазурном берегу работу для шефов банд, чьи штаб-квартиры находились в Марселе. Инстинкт подсказывал Томасу, что они скорее всего вооружены — если не пистолетами, то по крайней мере ножами.

Пинки Кимболл обращался к ним на ломаном французском, и Томас не понимал, что он им говорит, но по его тону и по мрачным лицам завсегдатаев бара было очевидно, что Пинки их оскорбляет. Кимболл всегда оскорблял французов, когда напивался. А когда напивался в Италии, оскорблял итальянцев. Напиваясь в Испании, оскорблял испанцев. А кроме того, напившись, он, казалось, начисто забывал элементарные правила счета, и тот простой факт, что один не равен пяти (а именно таково было соотношение сил — один Кимболл против по меньшей мере пяти противников) вовсе не смущал его, а, напротив, лишь подзадоривал, и он достигал настоящих вершин в искусстве оскорбительного красноречия.

— Он совсем очумел, — прошептал Дуайер, понимавший практически все, что выкрикивал Кимболл. — Его сегодня точно прирежут. И нас вместе с ним, если узнают, что мы его приятели.

Том крепко схватил Дуайера за руку и потащил за собой к тому месту, где стоял Кимболл.

— Привет, Пинки, — жизнерадостно произнес он.

Пинки резко повернулся к нему, готовый достойно встретить новых врагов.

— А, это ты, — проговорил он, сразу же сбавив тон. — Рад тебя видеть. А я тут пытаюсь втолковать этим *maquereaux** кое-какие элементарные истины для их же пользы...

— Успокойся, Пинки, — оборвал его Томас и, повернувшись к Дуайеру, сказал: — Я хочу сказать этим джентльменам пару слов. А ты будешь переводить. Четко и вежливо. — Он лучезарно улыбнулся стоявшим вокруг них со зловещим видом завсегдатаям и обратился к ним с такой речью: — Как вы, наверно, уже заметили, джентльмены, этот англичанин — мой друг. — Он подождал, пока нервничавший Дуайер переведет его вступительную фразу. Выражение лиц у окружавшей стойку публики нисколько не изменилось. — Но он, к сожалению, пьян, — продолжал Томас. — Думаю, вы понимаете, что мне не хотелось бы, чтобы мой друг пострадал, независимо от того, пьян ли он или трезв. Я позабочусь о том, чтобы он больше не произносил перед вами подобных вещей, но, даже если он что-то скажет, я не допущу здесь никаких беспорядков. Считайте, что сегодня я вроде полицейского в этом баре, и я буду следить за тем, чтобы здесь

* *Maquereau* (фр.) — макрель; *maquereaux* — мн. ч. от *maquereau*.

были тишина и спокойствие. Пожалуйста, переведи,— сказал он Дуайеру.

Дуайер, запинаясь, перевел, а Пинки с отвращением спросил:

— Что за дела, приятель?! Перед кем ты опускаешь флаг?!

— А сейчас,— снова заговорил Томас,— я вас всех угощаю. Бармен! — Он улыбался, произнося эти слова, но мышцы рук у него напряглись, и он готов был в любую секунду броситься на самого здорового из всей компании — корсиканца с квадратной челюстью, одетого в черную кожаную куртку.

Матросы и разряженные ребята с бандитскими лицами переглянулись, не зная, как поступить. Но пришли они в бар не драться, а потому, посоветовавшись, стали один за другим подходить к стойке, чтобы выпить за счет Томаса.

— Тоже еще мне боксер,— насмешливо ухмыльнулся Пинки.— Все вы, янки, такие: ваши войны состоят из одних перемирий.

Но через десять минут он все же дал увести себя из бара.

На следующий день он пришел на «Клотильду», принеся с собой бутылку *pastis*.

— Спасибо тебе, Томми,— сказал он, ставя бутылку на стол.— Если бы ты не появился вчера в самый критический момент, то через пару минут они раскроили бы мне череп. Не понимаю, что это на меня находит, когда я пропущу пару стаканчиков. И самое интересное, я никогда не ~~выхожу~~ выхожу из драк победителем. За свою отвагу я не награжден ничем, кроме шрамов — с ног до головы.— И он рассмеялся.

— Если тебе так уж приспичит побить кому-нибудь морду,— медленно проговорил Томас, вспоминая те дни, когда на него самого вдруг находило неодолимое желание драться, неважно с кем и по какому поводу,— то, по крайней мере, делай это, когда у тебя ни в одном глазу. И никогда не дерись сразу с несколькими, бери их по одному. А главное — не вовлекай в эти дела меня: я свое отвоевал.

— И все-таки скажи мне, Томми, дружище,— спросил Пинки,— что бы ты делал, если бы они все-таки набросились на меня?

— Я бы отвлекал их внимание, пока вы с Дуайером смывались бы из кабака,— ответил Томас,— а потом и сам дал бы деру.

— Отвлекал внимание...— повторил Пинки.— Готов заплатить сто фунтов, чтобы взглянуть, как ты отвлекаешь внимание!

Томас не знал, какие события в жизни Пинки оказали на него настолько сильное влияние, что, стоило ему выпить, и из дружелюбного, покладистого (хоть и любящего крепкое слово) человека он превращался в невменяемого, свирепого зверя. Может быть, придет время, когда Пинки и сам ему это расскажет.

Пинки вошел в рубку, посмотрел на приборы, придирчиво прислушался к работе дизелей.

— Считай, что ты готов к лету, парень,— вынес он свой приговор.— А учитывая, что яхта эта твоя собственная, я тебе даже завидую.

— Готов, да не совсем,— ответил Томас.— У меня не хватает одного человека в команде.

— Как? — удивился Пинки.— А где тот испанец, которого ты нанял на прошлой неделе?

Этого человека Томасу рекомендовали как хорошего повара и стюарда, а, кроме того, нанимаясь на «Клотильду», испанец назвал достаточно скромную сумму в качестве платы за свою работу. Но однажды вечером Томас увидел, как испанец, собираясь сойти на берег, просовывает за верхнюю часть ботинка длинный нож, а затем прикрывает его штаниной. «Зачем тебе нож?» — спросил Томас. «Чтобы меня уважали»,— ответил испанец. На следующий день Томас прогнал его. Ему не нужен был на борту человек, который носит с собой нож, *чтобы его уважали.*

— Я списал его на берег,— сказал Томас Кимболлу (в этот момент они уже вошли в Лагарупский залив) и объяснил почему.— Так что я снова оказался без повара-стюарда. Две ближайшие недели это потерпит. Моим первым клиентам яхта будет нужна только днем, и еду они будут приносить с собой. Но летом я без повара не обойдусь.

— А ты никогда не думал о том, чтобы нанять женщину? — спросил Пинки.

Томас поморщился.

— Кроме стряпни и обслуживания пассажиров повару придется делать еще и физическую работу, причем довольно тяжелую.

— Так ты и возьми *физически сильную* женщину,— сказал Пинки.

— Почти все неприятности в моей жизни произошли именно из-за женщин,— заметил Томас.— Как слабых, так и физически сильных.

— А ты не подумал,— спросил Пинки,— сколько дней за летний сезон тебе приходится терять во всяческих Богом забытых портах, ожидая, пока на берегу постирают и погладят белье пассажирам, в то время как они ворчат, что зря тратят свое драгоценное время?

— Да, и вправду это неудобство,— согласился Томас.— А что, у тебя есть кто-нибудь на примете?

— Естественно,— ответил Пинки.— Стюардесса с нашей «Веги», которой осточертела ее работа. Она просто помешана на море, но вынуждена все лето торчать в корабельной прачечной.

— Ладно,— неохотно пробормотал Томас,— я поговорю с ней. Но скажи ей, чтобы она оставила свои ножи дома.

Ему не нужна была на борту особа женского пола в качестве женщины как таковой. В портах, где он останавливался, к его услугам было сколько угодно девиц — только помани пальцем. Позабавившись с ними, сводив их в ресторан или в ночной клуб и истратив на них несколько баксов (обед, выпивка и все другое), он до следующего порта мог не думать о них, и в его жизни не было никаких осложнений. Что касается Дуайера, то он не знал, как тот устраивается со своей сексуальной жизнью, и предпочитал его об этом не спрашивать.

Нужно было возвращаться назад, и он, развернув «Клотильду» на сто восемьдесят градусов, взял курс на Антибскую гавань. Судно и в самом деле было готово к лету. Какой смысл испытывать ее дальше и сжигать лишнее топливо! Вплоть до следующего дня, когда на борт яхты взойдут его первые клиенты, он должен платить за топливо из собственного кармана.

В шесть часов вечера он увидел на причале Пинки, который шел к «Клотильде» с какой-то женщиной. Невысокая, плотно сбитая, волосы заплетены в две косы. Одета в джинсы и синий свитер, на ногах сандалии на веревочной подошве, которые она сбросила перед тем как подняться по трапу на корму яхты: в портах Средиземного моря приходится, как правило, швартоваться к причалу кормовой частью судна за теми редкими исключениями, когда хватает места, чтобы пришвартоваться бортом.

— Знакомься, это Кейт, — сказал Пинки. — Я рассказывал ей о тебе.

— Здравствуйте, Кейт. — Томас протянул руку, и она пожала ее.

Рука у нее оказалась неожиданно мягкой, и это было тем более удивительно, что она работала в прачечной и готова была выполнять тяжелую работу на судне. Она тоже была англичанкой, родом из Саутхэмптона. Выглядела лет на двадцать пять. Рассказывала о себе тихим, грудным голосом. Сказала, что может готовить, стирать и готова помогать в любой другой работе на судне. Умела говорить по-французски и по-итальянски — «хотя не Бог весть как», сказала она улыбаясь, — во всяком случае, понимала метеосводки на обоих языках. Могла вести судно по нанесенному на карту курсу, готова была стоять на вахте. Умела водить машину, если возникнет такая необходимость. Согласна была работать за ту же плату, что и уволенный испанец с ножом. Ее нельзя было назвать красавицей, но она была ладной, цветущей, привлекательно смуглой женщиной и, разговаривая с людьми, смотрела собеседнику прямо в глаза. Зимой, когда не было работы, она возвращалась в Лондон и устраивалась куда-нибудь официанткой. Она была не замужем, ни с кем не была помолвлена и хо-

тела, чтобы к ней относились как к члену команды, не лучше и не хуже.

— Дикая английская роза, вот она у нас кто такая,— сказал Пинки.— Не так ли, Кейт?

— Брось свои шуточки, Пинки,— ответила девушка.— Не буду скрывать, я очень хочу получить эту работу. Мне надоело мотаться по Средиземному морю в накрахмаленной белой форме и белых чулках, точно я сестра милосердия, и откликаться на эти бесконечные «мисс» или «мадемуазель». Я всегда поглядывала на вашу яхту, Том, когда случалось проходить мимо. И она мне нравится — не слишком большая и не слишком шикарная, не то что те яхты из Британского королевского яхт-клуба, к которым и подойти-то страшно. Она у вас чистая, приятная, дружелюбная на вид. И я могу ручаться, что на борту у вас не бывает слишком много дам, и мне не придется, когда мы прибудем в Монте-Карло, целый день маяться в адскую жару, выглаживая их бальные платья, чтобы они вечером шеголяли в них на балу во дворце.

— Не думайте,— возразил Томас, вступаясь за репутацию своих пассажиров, — что мы берем на борт совсем уже нищих.

— Вы прекрасно понимаете, что я имела в виду,— сказала девушка.— Кстати, я не хотела бы, чтобы вы покупали kota в мешке. Вы уже пообедали?

— Нет.

Дуайер, чувствуя себя глубоко несчастным, пытался в это время что-то приготовить из купленной им утром рыбы, но по звонкам, доносившимся снизу из камбуза, Томас мог с уверенностью сказать, что обед будет готов еще очень нескоро.

— Давайте я приготовлю вам обед,— сказала девушка.— Прямо сейчас. Если вам понравится моя еда, вы берете меня на борт. Тогда я сразу же иду на «Вегу», забираю свои вещи и сегодня же перехожу к вам. А не понравится, так вы все равно ничего не теряете. Пойдете тогда в ресторан — они открыты здесь до поздна. Пинки, оставайся, пообедаешь вместе с нами.

— Ладно,— ответил Томас и, сойдя вниз, велел Дуайеру убираться из камбуза: сегодня к ним — по меньшей мере на один вечер — пришла *cordon-bleu*^{*}. Войдя в камбуз, девушка огляделась и одобрительно кивнула головой. Затем открыла холодильник, ящики буфета, дверцы подвесных шкафчиков, чтобы сориентироваться, где что лежит. Взглянув на купленную Дуайером рыбу, она сказала, что на его месте не покупала бы такую, но, поскольку другой нет, придется обойтись и этой, после чего вы проводила обоих из камбуза, пообещав позвать их, когда будет готов обед. Все, что от них требуется, сказала она, это сходить

* *Cordon-bleu* (фр.) — кухарка экстра-класса.

в город за свежим хлебом и за двумя головками выдержанного камамберского сыра.

Они ели на корме, сразу же за рубкой, поскольку маленькая столовая перед пассажирским салоном использовалась только тогда, когда на борту у них были клиенты. Кейт накрыла на стол, и он выглядел намного наряднее, чем когда его накрывал Дуайер. Она откупорила две бутылки вина, которые заблаговременно поместила в ведроко со льдом, и поставила ведроко на стул возле стола.

На обед она приготовила тушеную рыбу с картошкой и гарнир из лука, чеснока, помидоров, тмина и перца; все это было полито белым вином, а сверху добавлены нарезанные кубиками ломтики бекона. Когда они садились за стол, было еще светло: красноватое солнце, собравшееся прятаться за горизонт, висело в самом низу безоблачного, зеленовато-голубого неба. Перед обедом все трое мужчин умылись, побрились и переоделись в чистое. В ожидании трапезы они сидели на палубе, принохиваясь к одуряющим ароматам съестного, доносящимся из камбуза, и потягивая из стаканов *pastis* (каждый успел выпить уже по два стакана перед едой).

Кейт принесла из камбуза и поставила на стол большую супницу с тушеной рыбой. Хлеб и сливочное масло уже лежали на тарелках рядом с миской салата. Положив каждому по щедрой порции аппетитно пахнущего кушанья, она и сама села за стол, спокойная и уверенная. Томас на правах капитана налил всем вина.

Томас положил в рот небольшой кусок рыбы и стал сосредоточенно жевать. Кейт, опустив голову, тоже принялась за еду.

— Пинки,— сказал Томас,— ты настоящий друг. Скажи честно, ты задумал всю эту историю с Кейт, чтобы превратить меня в толстяка? Кейт, вы приняты на работу.

Она подняла глаза и улыбнулась. Они выпили за нового члена команды.

Даже у кофе был настоящий вкус кофе.

После обеда, пока Кейт мыла посуду, остальные сидели на палубе, наслаждаясь теплым, тихим вечером. Покуривая принесенные Кимболлом сигары, они смотрели, как из-за лиловых холмов, за которыми начинались Приморские Альпы, величественно поднималась луна.

— Банни,— произнес Томас, откинувшись на спинку стула и вытянув перед собой ноги,— это и есть то, о чем мы с тобой мечтали.

Дуайер не стал возражать.

Позднее, поближе к ночи, Томас, Кейт и Пинки отправились к месту стоянки «Веги». Ввиду позднего часа корабль был по-

гружен почти в полную тьму: светились лишь несколько огоньков на капитанском мостике. Кейт и Пинки поднялись на борт, а Томас остался стоять на пристани в нескольких метрах от судна, ожидая, пока Кейт соберет свои вещи. Ему не хотелось вступать в пререкания с капитаном «Веги», если тот вдруг проснется и начнет выражать недовольство по поводу потери члена своего экипажа, причем без заблаговременного предупреждения.

Через четверть часа Кейт с саквояжем в руке появилась наверху трапа и стала бесшумно спускаться вниз. Томас взял у нее саквояж, и они пошли по причалу вдоль крепостной стены, мимо множества судов, причаленных вплотную друг к другу, к тому месту, где была пришвартована «Клотильда». Прежде чем подниматься на борт, Кейт остановилась и некоторое время молча смотрела на бело-голубую яхту, слегка поскрипывающую в те моменты, когда медленно ходящая под ней вода заставляла ее натягивать два швартова, крепко завернутых за кнехты на стенке причала.

— Этот вечер я запомню на всю жизнь,— сказала она, затем сбросила с ног сандалии и, взяв их в руки, босиком поднялась по трапу на борт «Клотильды».

Дуайер их ждал. Он переселился в каюту Томаса, где была вторая койка, а в своей бывшей каюте постелил для Кейт чистые простыни. Томас по ночам храпел — когда-то на ринге ему перебили нос,— и Дуайеру придется с этим смириться. По крайней мере на какое-то время.

Неделю спустя он снова вернулся в свою каюту, потому что Кейт перешла к Томасу. Она сказала, что его храп ей не мешает.

Супруги Гудхарты приезжали на Лазурный берег каждый июнь и всегда останавливались в отеле «Мыс». Мистер Гудхарт, высокий, крупный мужчина с копной седеющих, густых волос, держался прямо, двигался медленно и внешне походил на полковника в отставке. Он владел несколькими хлопкопрядильными фабриками в Северной Каролине, но все дела передал сыну. Миссис Гудхарт была несколько моложе своего мужа и, несмотря на седые волосы, сохранила неплохую фигуру, позволявшую ей ходить в брюках. В прошлом году Гудхарты зафрахтовали «Клотильду» на две недели, и плавание им так понравилось, что еще в начале зимы они списались с Томасом и договорились снять его яхту на такой же срок и в этом году.

Гудхарты были в высшей степени непритязательными пассажирами. Ежедневно в десять часов утра Томас ставил яхту на якорь напротив их отеля, как можно ближе к берегу, и Гудхартов доставлял на яхту один из быстроходных катеров, стоявших на причале. Гудхарты привозили с собой массу всяческой снеди из гостинич-

ного ресторана и корзины с завернутыми в салфетки бутылками вина. Обоим было за шестьдесят, и в те дни, когда штормило, от катера приходилось отказываться. В этих случаях их шофер отвозил супругов в Антибскую гавань, туда, где стояла на причале «Клотильда». Иногда с ними приезжали другие пожилые пары или же Томас по их просьбе забирал их друзей в Канне либо в каком-нибудь другом приморском городе. После этого они заходили в один из проливов между Леренскими островами, лежащими в четырех километрах от побережья, и бросали там якорь на целый день. Между островками никогда не дул ветер, глубина не превышала четырех метров и вода была кристально прозрачной, так что можно было разглядеть, как на дне колышутся водоросли. Гудхарты надевали купальные костюмы и загорали на надувных матрасах, читали или дремали, а иногда ныряли и плавали.

Мистер Гудхарт говорил, что чувствует себя спокойнее, когда рядом с миссис Гудхарт в воде находится Томас или Дуайер. Миссис Гудхарт, крепкая женщина с полными плечами и удивительно молодыми, сильными ногами плавала превосходно, но Томас понимал, что таким образом мистер Гудхарт дает им с Дуайером понять, что они тоже могут наслаждаться прозрачной, прохладной водой в этих чудесных местах между островами и купаться, когда им только вздумается.

Иногда, когда у Гудхартов были гости, Томас расстилал на кормовой палубе одеяло, и вся компания играла в роббер или бридж. Гудхарты никогда не повышали голоса и были чрезвычайно вежливы как между собой, так и со всеми остальными.

Ровно в половине второго Томас смешивал им по коктейлю, и это неизменно была «кровавая Мэри» — ее они предпочитали всем другим напиткам. Потом Дуайер натягивал над палубой тент, и Гудхарты обедали под его сенью тем, что привозили с собой из отеля. На стол выкладывались холодные лангусты, холодный ростбиф, рыбный салат или холодный *loup de mer** с зеленым соусом, дыня с *prosciutto*** , сыр и фрукты. Они всегда привозили с собой так много провизии, что, даже когда с ними обедали их друзья, еды оставалось вдоволь и для команды — не только на обед, но и на ужин. К обеду на каждого была бутылка белого вина.

Единственное, что не получалось у Томаса, — это приготовить приличный кофе, но с появлением на яхте Кейт и эта проблема была решена. В первый же день рейса, когда она вышла из камбуза с кофейником, в белых шортах и белой, туго обтягивавшей

* *Loup de mer* (фр.) — морской окунь.

** *Prosciutto* (итал.) — ветчина.

пышную грудь тенниске с вытесненной на ней синими буквами надписью «Клотильда» и Томас представил ее своим клиентам, мистер Гудхарт одобрительно заметил: «Капитан, плавать на вашей яхте с каждым годом становится все приятнее».

После обеда мистер и миссис Гудхарт спускались в свою каюту на сиесту, и вскоре оттуда начинали доноситься приглушенные звуки, говорившие Томасу о том, что они занимаются там любовью. Они были женаты уже более тридцати пяти лет, и Томаса, знавшего об этом, поражало, что люди в таком возрасте могут предаваться любви и получать от этого явное удовольствие. Гудхарты полностью перевернули все его представления о супружеской жизни.

Где-то в четыре часа Гудхарты снова появлялись на палубе, в купальных костюмах, как всегда респектабельные и немного церемонные, и где-то с полчаса плавали в сопровождении Дуайера или Томаса в приятной, в меру прохладной воде. Дуайер плавал неважно, и, когда миссис Гудхарт заплывала более чем на сто метров от «Клотильды», Томас каждый раз опасался, как бы дело не закончилось тем, что ей придется буксировать Дуайера за собой, но, слава Богу, все обходилось благополучно, и он умудрялся доплывать до яхты сам.

А ровно в пять Гудхарт, только что принявший душ, тщательно причесанный, одетый в хлопчатобумажные брюки, белую рубашку и голубую спортивную куртку, поднимался на палубу и говорил:

— Не кажется ли вам, капитан, что самое время выпить? — и, в тех случаях, когда на борту не было гостей, всегда добавлял: — Почту за честь, если вы присоединитесь ко мне.

Томас приготавливал два виски с содовой и делал знак Дуайеру, чтобы тот включал двигатели и становился за штурвал. Кейт в носовой части поднимала якорь, и «Клотильда», осторожно пробираясь по проливу и огибая остров, так что бело-розовые башенки Канна, маячившие вдаль, оказывались с левого борта, отправлялась в обратный путь, взяв курс на отель «Мыс». А мистер Гудхарт с Томасом сидели на кормовой палубе и попивали свое виски с содовой.

В один из таких дней мистер Гудхарт спросил у Томаса:

— Скажите, капитан, в этих краях много людей с фамилией Джордах?

— Думаю, немного, если вообще они есть, — ответил Томас. — А что?

— Вчера, беседуя с помощником управляющего отелем, — ответил мистер Гудхарт, — я упомянул вашу фамилию, и он сказал, что у них в «Мысе» несколько раз останавливался некий Рудольф Джордах с супругой.

Томас отхлебнул из стакана виски и нехотя проговорил:

— Это мой брат.

Томас поймал на себе пытливый взгляд мистера Гудхарта и без труда догадался, о чем тот думает.

— Наши с ним дороги разошлись в разные стороны,— произнес он коротко.— Он всегда считался самым умным в нашей семье.

— Не знаю, не знаю,— задумчиво сказал Гудхарт и сделал рукой со стаканом широкий жест, включавший и яхту, и солнце, и пенящуюся за кормой воду, и зеленые с охрой холмы на берегу.— Может быть, именно *вы* оказались самым умным в семье. Я работал всю свою жизнь и, только когда состарился и ушел на покой, смог позволить себе проводить по две недели в году в этом раю.— Он невесело усмехнулся.— А ведь я, между прочим, тоже считался самым умным в семье.

В этот момент на палубу поднялась миссис Гудхарт, кажущаяся в широких брюках и просторном свитере гораздо моложе своих лет, и Томас, допив свой стакан, пошел приготовить виски с содовой и для нее. Она никогда не отставала от своего мужа в количестве выпитого.

Мистер Гудхарт платил за фрахтовку «Клотильды» двести пятьдесят долларов в день плюс стоимость топлива, а также по тысяче двести старых франков на питание каждого члена команды. В прошлом году он сверх того выплатил Томасу пятьсот долларов премиальных. Томас с Дуайером дивились, до чего же нужно быть богатым человеком, чтобы позволить себе такое дорогое удовольствие,— и это не считая оплаты счета за номер в отеле «Мыс», считающемся одним из самых дорогих в мире. Они пытались подсчитать, каким должен быть годовой доход у такого человека, и сбились со счета.

— Богач — он и есть богач,— изрек Дуайер.— А представь себе, сколько дней должны вкалывать тысячи бедняг, работающих за станками на хлопкопрядильных фабриках Гудхарта в Северной Каролине и разрывающих себе легкие от надсадного кашля, чтобы он мог две недели провести со своей женой на Средиземном море!

Отношение Дуайера к капиталистам было сформировано еще в юные годы под влиянием его отца, работавшего на заводе и исповедовавшего социалистические взгляды. По глубокому убеждению Дуайера, все без исключения рабочие страдают неизлечимыми болезнями легких и с утра до ночи кашляют.

До знакомства с Гудхартами отношение Томаса к людям с большими деньгами если и не являлось столь прямолинейным и бескомпромиссным, как у Дуайера, то, во всяком случае, представля-

ло собой некую смесь из зависти, недоверия и подозрительности. Он был убежден, что богатые люди стараются при первой возможности сделать какую-нибудь пакость всем тем, кто находится в их власти. Неприязнь, которую он начал испытывать к брату еще в детстве, хотя и по другим причинам, укреплялась по мере того, как у Рудольфа становилось все больше денег. Но Гудхарты сумели основательно поколебать его старые предубеждения против богатых. Они заставили его не только по-новому взглянуть на совместную жизнь супругов, но и пересмотреть свое отношение к пожилым людям, к людям богатым, к людям вообще и в целом к американцам. Жаль, что Гудхарты нанимали его яхту в самом начале сезона и всего лишь на две недели, потому что после них и до самого октября уровень его клиентов, как правило, становился все ниже. Некоторые из тех, кто нанимал его судно, полностью оправдывали самые нетерпимые из взглядов, которые были у Дуайера в отношении правящих классов.

В последний день пребывания Гудхартов на яхте Томас был вынужден сняться с якоря и отправиться в обратный путь к отелю раньше обычного, потому что поднялся сильный ветер и море за пределами островов покрылось белыми барашками. Даже стоя между островами, «Клотильда» начала заметно раскачиваться и до предела натянула якорную цепь. Мистер Гудхарт в этот день выпил больше обычного, и оба они — он и его жена — не стали спускаться в каюту на сиесту. Когда Дуайер поднял якорь, они все еще были в купальных костюмах — правда, надели свитера, защищавшие их от брызг. Но, несмотря на начинавшуюся непогоду, они не хотели покинуть палубу и прятаться внизу, напоминая этим детей, не желающих уходить с удавшегося праздника и наслаждающихся каждой минутой, любая из которых может стать последней. Тон мистера Гудхарта был чуть ли не резок, когда он напомнил Томасу о своем традиционном виски (голова у Томаса была занята другим — как в такую погоду посадить пассажиров у отеля).

Когда они вышли за пределы островов, защищавших судно от ветра, бортовая качка усилилась до такой степени, что сидеть на палубных креслах стало невозможно, и Томас с Гудхартами вынуждены были подняться с кресел и стоять, ухватившись одной рукой за бортовую поручень и держа стакан с виски в другой.

— Думаю, подойти к гостиничному причалу на шлюпке уже не удастся,— заметил Томас.— Так что надо сказать Дуайеру, чтобы он обогнул мыс и шел в Антибскую гавань.

Но мистер Гудхарт удержал Томаса, когда тот повернулся, чтобы идти в рубку.

— Давайте хоть сделаем попытку, — сказал он, глядя на Томаса покрасневшими от выпитого глазами. — Мне даже нравится, когда немного штормит.

— Как скажете, сэр, — ответил Томас. — В таком случае пойду предупрежу Дуайера, чтобы он не менял курса, если он уже решил это сделать.

Дуайер в рулевой рубке уже всю боролся с штурвалом: он действительно собирался повернуть яхту и направить ее в сторону Антибской гавани. Кейт сидела на скамье в задней части рубки и уписывала бутерброд с ростбифом — отсутствием аппетита, точно так же как и морской болезнью, она не страдала.

— Ветер крепчает, — сказал Дуайер. — Я иду вокруг мыса.

— Продолжай держать на отель, — велел ему Томас.

Кейт перестала жевать и с удивлением воззрилась на Томаса.

— Ты что, спятил? — воскликнул Дуайер. — Да там ни одного катера не осталось — их давно отогнали в бухту. Разве не видишь, какой ветер?! А в шлюпке нам ни за что не причалить.

— Знаю, — коротко бросил Томас. — Но они все равно хотят попробовать.

— Напрасная трата времени, — проворчал Дуайер.

Следующим утром им предстояло принять в Сен-Тропезе новых пассажиров, а это вынуждало их отправляться туда сразу же после того, как они ссадят Гудхартов. Даже если бы не было ветра и море было бы совершенно спокойным, им, чтобы успеть подготовить яхту для новых клиентов, пришлось бы заниматься этим прямо на ходу, по пути в Сен-Тропез. Ветер дул с севера (его во Франции называют мистралем), а это означало, что идти им нужно будет как можно ближе к берегу, под его защитой, но это намного удлиняло их путешествие. К тому же они вынуждены будут идти на уменьшенной скорости, чтобы корпус яхты не сильно било о волны. А уж о том, чтобы в такую погоду заниматься на ходу какими-либо работами внизу, ниже палубы, не могло быть и речи.

— Это отберет у нас с десяток минут, не больше, — попытался успокоить Дуайера Томас. — Как только они убедятся, что ничего у них не получится, мы сразу же возьмем курс на Антиб.

— Ты капитан, тебе и решать, — недовольно буркнул Дуайер и, когда в левый борт ударила крутая волна, сбившая «Клотильду» с курса, яростно крутанул штурвалом.

Томас не спешил уходить из рубки, где можно было оставаться сухим, а Гудхарты не торопились покидать палубу. Они насквозь промокли от брызг, но чувствовали себя явно счастливыми. На небе не было ни облачка, сияло яркое солнце, и каждый раз, когда в борт ударяла волна и в воздух взлетало облако брызг, над Гудхартами вспыхивала разноцветная радуга.

Когда они проходили мимо Жуанского залива, оставляя его слева по борту (им было видно, как сильно бросает из стороны в сторону стоявшие там на якоре суда), мистер Гудхарт сделал Томасу знак, что он и миссис Гудхарт не прочь выпить еще по одному стакану виски.

Подойдя к берегу на расстояние около пятисот метров, они увидели, что небольшая пристань ниже отеля абсолютно пуста. Накатывающиеся одна за другой огромные волны с шумом разбивались о бетонную стенку, к которой обычно были причалены катера. Как и предполагал Дуайер, все их до единого отогнали в безопасное место. Над пляжем отеля, расположенном на некотором расстоянии от пристани, у самого подножия утеса, был поднят красный флаг, а поперек лестницы, по которой посетители ресторана «Райский утес» могли спускаться прямо к морю, была перекинута тяжелая цепь. Волны, перехлестывая через ступеньки лестницы, докатывались почти до самой ее середины, затем снова откатывались, пенистые, мутно-зеленые, обнажая лестницу до самого основания, чтобы уступить место следующей гряде волн.

Томас вышел из рубки и, подойдя к мистеру Гудхарту, сказал:

— Увы, сэр, я оказался прав. Подойти на шлюпке к берегу, а тем более высадиться на него — безнадежное дело при таких волнах. Ничего не остается, как идти в Антибский порт.

— Вы можете идти в порт, — спокойно произнес мистер Гудхарт, — а мы с женой решили доплыть до берега сами. От вас лишь требуется подвести яхту как можно ближе к причалу — разумеется, не подвергая ее при этом опасности.

— Смотрите — они подняли красный флаг, — убеждал его Томас. — В воде ни одного человека.

— Что вы хотите — французы, — ответил мистер Гудхарт. — В Ньюпорте мы с женой плавали, когда прибойная волна была как минимум раза в два выше, не правда ли, дорогая? О наших вещах не беспокойтесь, капитан: мы пришлем за ними машину.

— Но это не Ньюпорт, сэр, — сказал Томас, делая еще одну, последнюю, попытку уговорить его. — И берег здесь не песчаный. Вы рискуете быть разбитыми о прибрежные камни.

— Во Франции все на первый взгляд кажется хуже, чем оно есть на самом деле, — возразил мистер Гудхарт. — Еще раз прошу вас: подойдите к берегу как можно ближе, а остальное — наша забота. Мы с женой решили немного поплавать.

— Хорошо, сэр, — сдался Томас и отправился назад в рубку.

Дуайер крутил штурвал то в одну, то в другую сторону, «газую» попеременно левым и правым двигателем, благодаря чему смог приблизиться к берегу примерно на триста метров от ресторанной лестницы.

— Постарайся подойти еще метров на сто,— сказал ему Томас.— А оттуда они поплывут.

— Они что, совсем чокнутые?! — изумленно воскликнул Дуайер.— Им хочется закончить отдых самоубийством?!

— В конце концов, это их кости, и пусть они сами решают, как ими распоряжаться,— раздраженно произнес Томас. Затем, повернувшись к Кейт, распорядился: — А ты пойди и надень купальник.— На нем самом были плавки и свитер.

Кейт молча пошла вниз за купальником.

— Как только мы начнем свой заплыв, начинай отходить от берега,— сказал Томас Дуайеру.— Держись подальше от скал. Когда убедишься, что отошел на безопасное расстояние, разворачивайся и бери курс на порт. А мы с Кейт доберемся туда на машине. Нам хватит заплыва и в одну сторону — плыть назад я не собираюсь.

Через две-три минуты появилась Кейт в старом, выцветшем голубом купальнике. Томас знал, какая она выносливая пловчиха. Он снял свитер, и они с Кейт вышли на палубу. Гудхарты к этому времени тоже сняли свои свитеры и уже поджидали их. На мистере Гудхарте, массивном, ставшем коричневым за две недели, красовались длинные, в цветочках, купальные трусы, и, хотя его мышцы были мышцами уже немолодого человека, в том, что это еще вполне крепкий, физически сильный человек, не могло быть сомнения. На коже миссис Гудхарт были в некоторых местах заметны морщины, но ноги у нее оставались стройными и красивыми.

На половине расстояния между «Клотильдой» и ступеньками лестницы качалась на воде закрепленная на якоре плавучая платформа. Когда к ней подкатывал особенно высокий вал, один ее край вздымало вверх, и она на мгновение принимала почти вертикальное положение.

— Предлагаю плыть сначала к платформе,— сказал Томас.— Там мы сможем отдышаться, и нам будет легче проплыть остальное.

— Мы? — поднял брови мистер Гудхарт.— То есть что значит *мы*? — Он явно был пьян. Миссис Гудхарт тоже.

— Мы с Кейт тоже решили немного поплавать,— ответил Томас.

— Как знаете, капитан,— проговорил мистер Гудхарт.

Он перелез через бортовое ограждение и бросился в воду. За ним прыгнула миссис Гудхарт. Их седые головы то исчезали, то снова появлялись в темно-зеленой, пенящейся воде.

— Твоя задача — не спускать с нее глаз,— сказал Томас девушке,— а я поплыву следом за стариком.

Он прыгнул за борт и услышал, как вслед за ним бултыхнулась в воду и Кейт.

Доплыть до платформы не представляло большого труда. Мистер Гудхарт плыл устаревшим стилем «трэджен», все время держа голову над водой, тогда как миссис Гудхарт плыла традиционным «кролем». Когда Томас повернул в ее сторону голову, ему показалось, что дышит она с усилием и время от времени глотает воду. Но с ней была Кейт, и он мог быть за нее спокойным. Мистер Гудхарт и Томас первые взобрались на платформу, но устоять на ногах не смогли, а потому опустили на колени. Вскоре подплыла миссис Гудхарт, и они помогли ей вскарабкаться на платформу. Она тяжело и часто дышала, и Томасу показалось, что ее тошнит.

— Наверно, нам стоит передохнуть, — пробормотала миссис Гудхарт, стараясь удержать равновесие на мокрой, скользкой, пляшущей на волнах платформе. — А за это время, даст Бог, хоть немного улягутся волны.

— Боюсь, ветер разгуляется еще сильнее, миссис Гудхарт, — мрачно произнес Томас. — Через несколько минут доплыть до берега станет вообще невозможно.

К этому времени Дуайер, опасаясь близости скал, отошел от берега еще метров на пятьсот и сейчас разворачивал судно, готовясь идти в Антиб. Да и в любом случае, если бы миссис Гудхарт снова оказалась на яхте, она не выдержала бы такой качки и кто знает, чем бы это все могло закончиться.

— Вам ничего не остается как сию же минуту плыть с нами дальше, — сказал ей Томас.

Мистер Гудхарт промолчал. Он уже был абсолютно трезв.

— Натаниель, — обратилась миссис Гудхарт к своему мужу, — прошу тебя, объясни этому человеку, что я хочу переждать непогоду здесь, на этой платформе.

— Ты слышала, что он сказал, — ответил мистер Гудхарт. — Ты хотела плыть к берегу, вот и плыви. — И он сполз с платформы в воду.

К этому времени на больших камнях возле берега, куда не долетала морская пена, собралось по меньшей мере человек двадцать зевак, с интересом наблюдавших за тем, что происходило на плавучей платформе.

Томас взял миссис Гудхарт за руку и сказал:

— Ну, поехали! Вместе!

Он встал на ноги и, с трудом сохраняя равновесие, помог подняться и ей, а затем, по-прежнему держась за руки, они прыгнули в воду. Оказавшись в море, миссис Гудхарт почувствовала себя увереннее, и они, держась рядом и синхронно взмахивая руками, поплыли к берегу, взяв направление на ресторанный лестницу.

Оказавшись в непосредственной близости от скал, они почувствовали, как мощный вал подхватывает их и бросает вперед, а затем, откатившись от берега, увлекает их в обратную сторону, в море. Томас, изо всех сил молотя по воде руками и стараясь перекричать шум моря, проорал во все горло:

— Я выйду на берег первым. За мной миссис Гудхарт. Наблюдайте, как я это делаю. Вас подхватывает волна и несет к берегу, вы хватаетесь за ограду и держитесь мертвой хваткой. Я дам сигнал, когда начинать, и тогда плывите изо всех сил. Я подхватываю вас у лестницы. А вы держитесь за меня. Все будет в порядке.

Он не был уверен, что все будет в порядке, но просто обязан был их подбодрить.

Глядя через плечо, он ждал следующей большой волны и, когда она подкатила, энергично заработал руками, стараясь попасть на самый ее гребень. Волна подхватила его и швырнула на металлическую лестницу, но он хитрился вовремя ухватиться за перила ограды и не разжал пальцев, когда откатывающая волна подвлекла его за собой. Затем он встал на ноги и, повернувшись лицом к морю, крикнул миссис Гудхарт:

— Вперед!

Миссис Гудхарт взлетела на гребне волны и обрушилась на лестницу немного выше того места, где стоял Томас, но, когда вал отхлынул, Томас подхватил ее, прежде чем она расшиблась о ступеньки, и, крепко держа испуганную женщину, не дал волне увлечь ее в море. Не теряя ни секунды, он подтолкнул миссис Гудхарт вверх по лестнице, и она, споткнувшись, все же успела взбежать достаточно высоко, за пределы досягаемости очередной волны.

Когда на гребне волны, точно всадник на коне, примчался мистер Гудхарт, он оказался настолько тяжелым, что Томас, подхватив его, чуть было не выпустил из другой руки поручня, и на мгновение ему показалось, что волна вот-вот смоев их обоих в море. Но у мистера Гудхарта хватило сил и сноровки не только уцепиться за перила, но и удержать на месте самого Томаса. Мистера Гудхарта не было необходимости подталкивать вверх по лестнице. Он поднимался быстро и в то же время величаво, устремив на собравшуюся сверху публику уничтожающий взгляд, как если бы они подсматривали за ним в окно его спальни, а он застал их за этим неблаговидным занятием.

С Кейт, когда ее принесла волна, никаких проблем не было: она сама сумела уцепиться за ограду, и они с Томасом не мешкая взбежали по лестнице на верхнюю площадку. Служитель раздевалки дал им полотенца, и они тщательно вытерлись, но, поскольку переодеться было не во что, остались в мокрых купальных костюмах.

Мистеру Гудхарту и его супруге принесли махровые халаты, и, пока Кейт с Томасом вытирались в раздевалке, мистер Гудхарт заказал в прибрежном баре по стакану виски на всех четверых. Он стоял возле стойки бара в горделивой, величавой позе, словно на нем не купальный халат, а римская тога, и, глядя на него, трудно было поверить, что этот человек в течение всего дня вливал в себя виски, а каких-нибудь пятнадцать минут назад чуть не утопил их всех в море.

Позвонив в отель, мистер Гудхарт вызвал свою машину и, когда она прибыла, велел шоферу отвезти Кейт и Томаса в Антиб. Он открыл для них заднюю дверцу и держал ее, пока они усаживались на сиденье, затем наклонился к Томасу и сказал:

— У вас отлично получилось, капитан... Скажите, вы будете в Антибской гавани после обеда? Мы ведь с вами не рассчитались.

Томас собирался отплыть в Сен-Троpez еще до захода солнца, но вынужден был ответить:

— Да, сэр, мы будем в гавани весь этот вечер.

— Что ж, до встречи, капитан. Мы ведь пропустим на прощание по чарочке у вас на борту, не правда ли?

Мистер Гудхарт захлопнул дверцу, и машина стала взбираться по подъездной аллее вверх, к дороге, идущей вдоль побережья на Антиб. По обеим сторонам аллеи росли живописные сосны, и крепнувший ветер нещадно трепал их разлапистые ветви.

Въехав на причал Антибского порта, шофер остановил машину и, выходя из нее, Кейт и Томас заметили, что на обивке заднего сиденья от их купальных костюмов остались влажные пятна. «Клотильды» еще не было в гавани, и они, усевшись рядышком на перевернутую лодку, стали ждать. Плечи у них были завернуты в большие банные полотенца, но, несмотря на это, обоим била мелкая дрожь.

«Клотильда» появилась в Антибской гавани через пятнадцать минут. Когда она подошла к пристани, Томас вместе с Кейт приняла у Дуайера швартовые концы и прикрепила яхту к причалу. Затем, быстро поднявшись на борт, они оба бросились вниз, чтобы поскорее надеть сухую одежду. После этого Кейт сварила кофе и понесла кофейник в рулевую рубку, где они и выпили по чашке горячего, душистого напитка, который им всем троим был так сейчас нужен. А снаружи, за стенками рубки, завывал неугомонный мистраль.

— Уж эти мне богачи,— произнес Дуайер.— Всегда найдут способ унизить нас. Так или иначе, но мы за все им должны платить.

Допив кофе, он вытащил шланг, подсоединил его к гидранту на пристани, и все трое принялись очищать судно от наслоений соли.

После обеда, который Кейт приготовила из того, что осталось от ленча Гудхартов, она собрала накопившиеся за неделю простыни, наволочки и полотенца и, взяв в помощники Дуайера, понесла их в ближайшую прачечную. Мелкие вещи она стирала сама на яхте, а более крупные отдавала в стирку на берегу. Ветер к этому времени уже улегся — так же внезапно, как и возник,— и, хотя за пределами гавани море все еще бушевало, в самом порту было спокойно. «Клотильда», слегка раскачиваясь на волнах, время от времени мягко тыкалась бортовыми упорами в причаленные с обеих сторон суда.

Ночь была теплая, небо ясное, и Томас, сидя на корме в ожидании мистера Гудхарта, курил трубку и любовался звездами. Счет, включающий расходы на топливо, стоимость виски, водки и льда, плату за стирку, а также стоимость питания команды (тысячу двести франков в день на каждого), был составлен Томасом заблаговременно и положен в конверт, который он оставил в рубке. Что касается оплаты аренды яхты, то мистер Гудхарт вручил ему чек в первый же день, когда они с женой взошли на борт «Клотильды». Прежде чем отправиться в город, Кейт сложила вещи Гудхартов (одежду, обувь, запасные купальные костюмы, книги) в две корзины, в которых они были доставлены из отеля на «Клотильду» две недели назад. Корзины стояли возле поручней на корме.

Через некоторое время в конце пристани появились огни автомобиля — должно быть, мистер Гудхарт, подумал Томас. Машина остановилась, и из нее вышел мистер Гудхарт. Томас пошел ему навстречу, и они вместе поднялись по сходням на яхту. Старик был одет по-вечернему — серый костюм, белая рубашка, темный, шелковый галстук. В костюме он выглядел старше и более хрупким.

— Могу ли я вам предложить выпить? — спросил Томас.

— Если можно, виски, капитан,— ответил мистер Гудхарт: к этому времени он окончательно протрезвел.— Если, конечно, вы присоединитесь ко мне.

Он сел в складное, с брезентовым сиденьем палубное кресло, а Томас отправился в пассажирский салон за виски. По пути он зашел в рубку и взял конверт со счетом.

— Миссис Гудхарт слегка простудилась,— сказал мистер Гудхарт, принимая от Томаса стакан,— и легла отдыхать пораньше. Она просила передать вам, что получила от этих двух недель огромное удовольствие.

— Чрезвычайно приятно с ее стороны,— ответил Томас.— Нам было очень приятно ее общество.

Раз у мистера Гудхарта нет желания упоминать об их маленьком приключении, подумал Томас, то он и подавно не собирается затрагивать эту тему.

— Я подготовил счет, сэр,— сказал он и протянул мистеру Гудхарту конверт.— Если вы хотите обсудить его по отдельным пунктам, то...

— В этом нет необходимости,— небрежно проговорил мистер Гудхарт. Затем, вынув из конверта счет и мельком взглянув на него в свете фонарного столба на пристани, достал из кармана пиджака чековую книжку, выписал чек и, протянув его Томасу, произнес: — Я добавил небольшие премиальные для вас и вашей команды.

Томас взял у него чек и бросил взгляд на выписанную сумму: пятьсот долларов премиальных. Как и в прошлом году.

— Вы очень добры, сэр.— (Ах, если бы весь летний сезон состоял из одних Гудхартов!)

Мистер Гудхарт отмахнулся от благодарности.

— Возможно, в следующем году,— сказал он,— нам удастся приехать сюда не на две недели, а на месяц. Ведь никто не заставляет нас просиживать целое лето дома, в Ньюпорте.

Однажды он рассказал Томасу, что с самого детства привык проводить июль и август у себя дома, в кругу семьи, и вот теперь его женатый сын и его дочери со своими детьми тоже проводят свой отпуск в ньюпортском доме, вместе с ним и миссис Гудхарт.

— А на этот месяц мы предоставим дом в полное распоряжение молодого поколения,— продолжал мистер Гудхарт, и Томасу показалось, что старик не столько хочет сообщить ему о своих планах, сколько убедить самого себя, что ему действительно удастся приехать на месяц.— Пусть себе устраивают свои оргии и вообще переворачивают весь дом вверх тормашками, как это умеют делать молодые,— нас ведь все равно там не будет. А может быть, нам даже удастся взять с собой кого-нибудь из внуков, а то и двух, и мы совершим на вашей яхте настоящий круиз.— Мистеру Гудхарту явно понравилась эта внезапно пришедшая ему в голову мысль, и он, удобнее устроившись в кресле и с удовольствием отхлебывая виски, спросил: — Скажите, капитан, если бы нам действительно удалось приехать на месяц, куда бы вы нас могли взять?

— Что я могу вам сказать? — задумчиво проговорил Томас.— Следующие наши клиенты, две французские пары, которых мы завтра должны забрать в Сен-Тропезе, арендовали яхту на три недели, и за это время, если не будет резких изменений в погоде, они собираются совершить круиз вдоль побережья Испании: Коста-Брава, Кадакуэс, Росас, Барселона, затем — Балеарские острова. После этого мы возвращаемся сюда, в Антиб, и берем на борт английскую семью, которая на три недели отправляется

в другую сторону — по приморью Италии и южной Франции: Лигурийское побережье, Портофино, Порто-Венере, остров Эльба, Порто-Эрколе, Корсика, Сардиния, Искья, Капри...

Мистер Гудхарт усмехнулся:

— Вас послушаешь — и невольно начинаешь думать, что наш Ньюпорт ничем не хуже пресловутого нью-йоркского Кони-Айленда*... А вы сами бывали во всех этих местах, капитан?

— Угу.

— И много вам платят за такие круизы?

— Не очень, — ответил Томас. — Причем большинство клиентов выжимают из нас за свои деньги последние соки. Не все настолько великодушны, как вы с миссис Гудхарт.

— Возможно, нас делает мягче старость, — медленно проговорил мистер Гудхарт. — По крайней мере в некоторых отношениях. Как вы думаете, капитан, могу ли я выпить еще стаканчик?

— С условием, если вы не будете сегодня делать новых заплывов, — ответил Томас, беря у мистера Гудхарта стакан.

Мистер Гудхарт рассмеялся:

— Да-а, я вел себя, как лошадиная задница, не правда ли, капитан?

— Ну, раз вы сами так говорите...

Томаса удивило, что мистер Гудхарт может употреблять подобные выражения. Он пошел вниз и приготовил еще два виски с содовой. Когда он возвратился на палубу, мистер Гудхарт, вытянув перед собой свои длинные ноги и запрокинув голову, смотрел вверх на звездное небо. Не меняя позы, он взял у Томаса стакан и расслабленным голосом проговорил:

— Капитан, я решил побаловать себя. Ну и, естественно, свою жену. Я хочу прямо сейчас договориться с вами, что, начиная с первого июня следующего года, я арендую вашу «Клотильду» сроком на шесть недель. И я хочу, чтобы мы посетили все те места с экзотическими названиями, которые вы только что так лихо мне перечислили. Я вам сейчас выпишу чек на сумму задатка. И я торжественно обещаю: если вы нам будете приказывать: «Сегодня никаких заплывов», мы и с места не сдвинемся. Что вы на это скажете?

— Звучит, конечно, заманчиво, но... — и Томас замялся.

— Ну, ну, выкладывайте. Что вас смущает?

— Видите ли, «Клотильда» могла вас устраивать, когда вы ее арендовали по дням, то есть когда вы утром плыли на яхте на острова, весь день купались, отдыхали, а вечером возвращались в свой комфортабельный отель. Но жить на борту судна в тече-

* *Кони-Айленд* — парк аттракционов в южной части Бруклина.

ние шести недель — это совсем другая история. Даже не знаю, что вам ответить. Одним людям это нравится, другим же, кто привык отдыхать с удобствами...

— Вы хотите сказать, что для таких избалованных старых кляч, как мы с женой, ваша яхта недостаточно роскошна, правильно я вас понял? — спросил мистер Гудхарт.

— Дело вот в чем, — проговорил Томас, чувствуя себя ужасно неловко. — Мне бы не хотелось, чтобы всяческие неудобства мешали вам получать от путешествия настоящее удовольствие. Должен вам сказать, что в штормовую погоду «Клотильду» сильно качает, а, когда мы выходим в море, внизу, в каютах, становится душно, потому что мы вынуждены держать все бортовые иллюминаторы закрытыми. Кроме того, у нас, можно сказать, нет ванны, а только лишь душ, к тому же...

— Уверяю вас, капитан, нас это вполне устраивает. Не думайте, будто мы всегда жили в роскоши, как сейчас. Все эти так называемые неудобства, о которых вы говорите, для нас пустяки. — Мистер Гудхарт встал с кресла. — Вы меня заставляете испытывать чувство стыда за себя. Неужели мы с женой производим впечатление людей, которым морское путешествие по Средиземноморью на такой прекрасной яхте, как ваша, может показаться тяжким испытанием?! Бог ты мой, мне даже становится не по себе, когда я подумаю, какое впечатление мы, должно быть, производим на людей.

— Люди привыкают жить той жизнью, которой они живут, — сказал Томас.

— А вам, небось, пришлось жить нелегкой жизнью, — проговорил мистер Гудхарт.

— Она у меня не хуже, чем у многих других, — ответил Томас.

— Но *вы лично* от этого хуже не стали, — заметил мистер Гудхарт, снова садясь в кресло. — Если хотите знать, я бы предпочел, чтобы мой сын вырос таким, как вы, а не таким, какой он сейчас. Да-а, я бы очень хотел, чтобы он был похож на вас.

— Не уверен, что вас бы это очень обрадовало, — с сомнением произнес Томас. («Если бы он знал о Порт-Филипе, — подумал он, — о сожженном кресте в День победы; о том, как я ударил отца; о том, как брал деньги с замужних дам Элизиума, штат Огайо, за то, что ублажал их истомившуюся по сексу плоть; о том, как шантажировал некоего Синклера в Бостоне; о кровавых драках, которые затевал чуть ли не с каждым встречным; о Куэйлзе и его жене в Лас-Вегасе; о Паппи, Терезе и Фальконетти, то вряд ли он сидел бы рядом со мной со стаканом виски в руке, заявляя о том, как расположен ко мне, и сравнивая меня со своим сыном не в пользу последнего».) — Я много чего натворил за свою жизнь, чем не слишком-то сильно горжусь.

— В этом смысле вы мало чем отличаетесь от других, капитан,— спокойно произнес Гудхарт.— Кстати, раз мы заговорили на эту тему,— мне хотелось бы попросить у вас прощения за сегодня. Я, конечно, хватил лишнего, но скорее всего мое поведение объясняется тем, что перед моими глазами целые две недели были двое великолепных молодых людей и одна очаровательная молодая женщина, которые с явным удовольствием и удивительно слаженно работали вместе, двигаясь по яхте с поразительной грацией. Я смотрел на вас троих и чувствовал себя ужасно старым, но мне не хотелось чувствовать себя стариком, хотелось доказать, что я не так уж и стар, поэтому я и совершил этот глупый поступок, подвергнув смертельной опасности жизнь четверых людей. Причем сознательно, капитан, совершенно сознательно, ибо я знал, что вы не отпустите нас с женой одних.

— Я думаю, лучше об этом не вспоминать, сэр,— пробормотал Томас.— Тем более, что все окончилось благополучно.

— Старость — это патология, Том,— сокрушенно произнес мистер Гудхарт.— Ужасная, уродливая патология.— Он осторожно поставил стакан на палубу и встал.— Пожалуй, мне пора возвращаться в отель — хочу взглянуть, не стало ли, не дай Бог, жене хуже.

Он протянул Томасу руку, и Томас крепко пожал ее.

— Что ж, встретимся первого июня следующего года,— сказал мистер Гудхарт и, подхватив обе корзины, спустился по сходням на пристань.

Когда Кейт и Дуайер, неся свежестыранное и выглаженное белье, возвратились из города, Томас сказал им, что приезжал мистер Гудхарт и что он будет их первым клиентом в следующем году, причем собирается арендовать яхту на целые шесть недель. Однако подробностей их разговора он рассказывать им не стал.

Дуайер сообщил ему, что наконец получил от своей девушки письмо. Она побывала в гостинице «Эгейская», но ничего, о чем просил Том, не узнала, потому что Паппи убили. Она писала, что Паппи нашли с несколькими ножевыми ранениями в груди и с кляпом во рту в его собственной комнате и что об этом ей сообщил новый человек, занявший место Паппи за конторкой в вестибюле гостиницы. Убили Паппи три месяца назад.

Томаса эта новость не удивила. Дела, которыми занимался Паппи, были слишком уж рискованными, и его смерть лишь подтвердила это.

По всей видимости, в письме было кое-что и другое, чем Дуайер был заметно расстроен, но он не стал изливать перед Томасом и Кейт свою душу. Впрочем, Томас и сам догадывался, в чем дело. Просто у девушки Дуайера иссякло терпение, и она больше

не желала его ждать. В то же время она не хотела уезжать из Бостона, поэтому заявляла Дуайеру — если он действительно хочет на ней жениться, ему необходимо поскорее возвращаться в Америку. Пока что Дуайер не спрашивал у Томаса совета, как ему поступить, но если бы спросил, то Томас сказал бы ему, что нет такой женщины на свете, ради которой стоило бы оставить море.

Они улеглись спать раньше обычного, потому что в четыре утра им надо было выходить из гавани и брать курс на Сен-Троpez — до того, как поднимется ветер.

Кейт постлала в капитанской каюте, которую обычно занимали пассажиры и которая сегодня была пуста, и в эту ночь они с Томасом, лежа в большой, двойной кровати, впервые с таким комфортом занимались любовью. В тесной же каюте, которую они занимали вдвоем в носовой части яхты, в их распоряжении было две узкие койки — одна над другой.

Кейт, невысокая, плотно сбитая, полногрудая, не могла бы, конечно, демонстрировать новые модели платьев на показах мод, но Томасу еще никогда не встречалась женщина с такой мягкой кожей, как у нее, а в постели она была нежной и в то же время ненасытно страстной. После того как все закончилось, он, лежа в этой широкой, удобной кровати и держа Кейт в своих объятиях, думал о том, как хорошо, что он еще не стар, что Кейт не живет в Бостоне и что Пинки Кимболл уговорил его взять на борт эту необыкновенную женщину.

Прежде чем уснуть, Кейт сказала:

— От Дуайера я сегодня узнала, что, купив эту яхту, ты дал ей новое имя. Интересно, кем была эта Клотильда?

— Так звали французскую королеву, — ответил Томас и, пригнув Кейт к себе еще ближе, добавил: — Я знал эту женщину, когда был совсем мальчишкой. У нее была такая же чудесная кожа, как у тебя.

Круиз вдоль испанского побережья прошел неплохо, хотя у мыса Круз они попали в шторм и им пришлось простоять в порту целых пять дней. «Клотильду» арендовали два толстобрюхих парижских бизнесмена с двумя молоденькими женщинами, определенно не их женами. Бизнесмены то и дело менялись партнерами, но Томас обосновался на Средиземном море не для того, чтобы учить французских дельцов примерному поведению. Пока они оплачивают счета и не позволяют своим дамам расхаживать по яхте на высоких шпильках, оставляющих вмятины на палубе, он не собирался препятствовать их развлечениям. Женщины загорали, лежа на палубе в одних трусиках. Кейт это не слишком нравилось, но у одной из дам были действительно потрясающие сиськи, а, кроме того, это не слишком мешало

«Клотильде» идти своим курсом, хотя, с другой стороны, если бы на их пути попались рифы, а за штурвалом в этот момент стоял бы Дуайер, то он, увлеченный созерцанием соблазнительных округлостей француженки, скорее всего, посадил бы яхту на мель. Обладательница роскошного бюста недвусмысленно дала понять Томасу, что не прочь наведаться темной ночью к нему на палубу и предаться с ним любовным утехам, пока ее Жюль безмятежно похрапывает в каюте. Но Томас ей прямо ответил, что в договоре на аренду яхты такого рода услуги со стороны экипажа не предусмотрены. Ему и без того хватало нервотрепки с капризными пассажирами.

Из-за вызванной штормом задержки обе французские пары высадились в Марселе и оттуда отправились поездом в Париж. Бизнесмены должны были забрать в Париже своих жен и остаток лета провести в Довиле. Расплачиваясь с Томом на пристани *Vieux Port*^{*}, что против мэрии, парижские дельцы дали ему по пятьдесят тысяч франков сверху (для французов это было не так уж и мало). После их отъезда Томас повел Кейт и Дуайера в тот самый ресторан, где они с Дуайером побывали, когда впервые прибыли в Марсель на «Элге Андерсен». Жаль, что «Элги Андерсен» сейчас в порту не было. Как было бы здорово проплыть на бело-снежно-голубой «Клотильде» перед самым носом этой ржавой посудины и салютовать флагом ее старому капитану-нацисту.

У них было целых три дня до начала их следующего чартерного рейса из Антиба. Кейт снова постлала себе и Томасу в большой капитанской каюте. Чтобы выветрился тошнотворный запах духов, она оставила иллюминаторы и двери каюты открытыми на весь вечер.

Они лежали в уютной темноте на мягкой кровати, и вдруг Кейт яростно произнесла:

— Эта французская *poule*^{**}! Трясла тут перед тобой своими голыми буферами. Небось, у тебя все три недели стоял на нее торчком!

Томас рассмеялся. Иногда Кейт выражалась похлестче любого матроса.

— Мне не понравилось, как ты смеешься,— не унималась Кейт.— Предупреждаю тебя — если я когда-нибудь застукаю тебя с подобной мамзель, я тут же выхожу на пристань, хватаю первого попавшегося матроса и прыгаю к нему в постель!

— Есть один надежный способ, с помощью которого ты можешь заставить меня всегда сохранять тебе верность,— сказал Томас.

* *Vieux Port* (фр.) — старый порт.

** *Poule* (фр.) — шлюха.

И Кейт тут же проверила надежность этого способа. Во всяком случае, на эту ночь. Когда она после этого уютно устроилась в его объятиях, он прошептал ей:

— Кейт, каждый раз, когда у нас это бывает, я забываю еще об одной скверной вещи в своей жизни.

Он почувствовал на своем плече ее слезы.

Спешить им было некуда, и они спали на следующий день допоздна, а когда наконец вышли из гавани под лучами полуденного солнца, решили посвятить некоторое время осмотру местных достопримечательностей. Посетили они и Chateau d'If*. Причалив к острову, они походили вокруг крепости, а затем спустились в темницу, где, как считается, сидел прикованный цепями граф Монте-Кристо. Кейт когда-то читала этот роман, а Томас видел снятый по книге фильм. Кейт перевела с французского надписи, говорившие, что в этой тюрьме держали, среди прочих, и протестантов, а потом тех из них, кто выжил, ссылали на галеры.

— Так получается, что кто-то обязательно сидит на чьем-то горбу, — изрек Дуайер. — Если это не протестанты, угнетающие католиков, то, значит, это католики, угнетающие протестантов.

— Ты бы лучше помолчал, коммунист несчастный, — добродушно проговорил Томас и, повернувшись к Кейт, спросил: — Кстати, ты протестантка?

— Да.

— В таком случае я ссылаю тебя на свою галеру.

К тому времени, когда они возвратились на «Клотильду», чтобы отправляться на восток к Антибу, в капитанской каюте уже совсем не пахло духами.

Они возвращались в Антиб без заходов в порты, и Дуайер всю ночь стоял у штурвала, давая Томасу и Кейт возможность поспать. В Антиб они прибыли еще до полудня. Томаса ждали два письма — одно от брата, второе — от кого-то, чей почерк был ему незнаком. Вначале он распечатал письмо от Рудольфа.

«Дорогой Том, — писал брат. — Наконец-то я кое-что узнал о тебе. Судя по всему, дела у тебя идут неплохо. Несколько дней назад мне позвонил мистер Гудхарт и сказал, что плавал на твоей яхте. Как выяснилось, у нас с его фирмой были кое-какие общие дела, и, полагаю, ему было любопытно взглянуть на твоего брата. Они с женой пригласили меня и Джин к себе на коктейль. Ты и сам знаешь, какие Гудхарты симпатичные люди. Они очень тепло

* Chateau d'If (фр.) — замок Иф: замок на маленьком островке Иф в Средиземном море; когда-то использовался в качестве тюрьмы. В замке Иф томился герой романа Александра Дюма «Граф Монте-Кристо».

отзывались о тебе, восторженно говорили о твоей яхте и о твоей жизни на море. Не исключено, что ты сделал лучшее капиталовложение века, сумев таким образом употребить деньги, которые ты заработал на акциях корпорации „Д. К. Энтерпрайсиз“. Не будь я слишком занят — а похоже, я дам себя уговорить баллотироваться в мэры Уитби, — я, не задумываясь, взял бы с собой Джин, сел в самолет и прилетел к тебе, чтобы поборождать на твоей яхте лазурные воды Средиземного моря. Может, в следующем году мне это и удастся. А пока что обращаюсь к тебе с просьбой сдать „Клотильду“ на небольшой срок одному моему другу (как видишь, Гудхарты посвятили меня во все, и я даже знаю название твоей яхты). Ты, возможно, помнишь этого человека — его звать Джонни Хит. Он скоро женится и хочет провести медовый месяц на Средиземном море. Если он будет слишком тебе досаждать, ссади его на плот, и пусть себе путешествует сам.

Ну а если говорить серьезно, я очень рад за тебя и хотел бы получить от тебя ответ. Если я могу тебе чем-нибудь быть полезен, пожалуйста, без всяких колебаний дай мне об этом знать.

Твой Рудольф».

Прочитав письмо, Томас нахмурился. Было неприятно, что ему напомнили, кому он обязан покупкой «Клотильды». Однако письмо было таким дружелюбным, погода такой прекрасной, а летний сезон таким удачным, что глупо было портить себе настроение, вспоминая старые обиды. Он аккуратно сложил письмо и положил его в карман. Второе письмо было от друга Рудольфа, спрашивавшего, может ли он нанять «Клотильду» с пятнадцатого по тридцатое сентября. Вторая половина сентября — это конец сезона, других предложений у Томаса на это время не было, и лишний рейс ему вовсе не помешает. Хит писал, что хотел бы совершить серию морских прогулок вдоль южного побережья между Монте-Карло и Сен-Троpezом. Два пассажира на борту, короткий круиз — конец сезона будет нехлопотливым.

Томас сел за стол и написал Хиту, что готов его встретить пятнадцатого сентября либо в аэропорту в Ницце, либо на вокзале в Антибе.

Узнав, что стараниями Рудольфа им обеспечен еще один рейс, Кейт заставила Томаса написать брату благодарственное письмо. Поставив внизу свою подпись, Томас собрался запечатать конверт, как вдруг подумал — а ведь брат предлагает обращаться к нему за любой помощью. Так почему бы не воспользоваться этим? По крайней мере хуже от этого никому не станет. И в качестве постскриптума он приписал:

«Р. С. Хотел бы тебя попросить об одной услуге. В силу ряда причин я все это время не мог появляться в Нью-Йорке, хотя, возможно, причины эти уже отпали. Поэтому вот уже несколько лет я не получаю о своем сыне никаких известий и даже не знаю, где он сейчас. Равным образом я не знаю, женат ли я еще или уже нет. Мне бы очень хотелось приехать в Америку и повидаться с сыном, а если это возможно, то и на какое-то время взять его с собой сюда, чтобы он поплавал на яхте. Может быть, ты помнишь тот вечер, когда вы с Гретхен зашли ко мне после матча в Куинсе? Тогда в раздевалке был мой менеджер, и я представил его тебе как Шульца. Полное его имя — Герман Шульц. В последний раз, когда я о нем слышал, он проживал в отеле „Бристоль“ на Восьмой авеню, но, возможно, уже больше там не живет. Если ты спросишь в конторе „Солнечного сада“, как его найти, то они по крайней мере тебе скажут, жив ли он и в Нью-Йорке ли он сейчас. Так вот, я уверен, что Шульц должен что-то знать и про Терезу, и про моего парня. Ты ему пока не говори, где я. Но не забудь спросить у него: „Держится ли еще накал?“. Он все поймет. Сообщи мне, разыскал ли ты его и что он тебе сказал. Этим ты мне окажешь огромную услугу, и я буду тебе по-настоящему благодарен».

Зайдя в Антибское отделение связи, он отправил оба письма авиапочтой, а затем возвратился на яхту и присоединился к Дуайеру и Кейт, которые уже готовили ее к прибытию английской семьи.

Глава 4

I

В отеле «Бристоль» такого человека, как Герман Шульц, не помнили, но в бюро рекламы и информации на Мэдисон-Сквер-Гарден его адрес все же удалось разыскать — меблированные комнаты на Пятьдесят третьей Западной улице. За один только август Рудольф приезжал на эту Пятьдесят третью улицу трижды, то есть каждый раз, когда бывал в Нью-Йорке, но ни разу не застал Шульца. «Да», — отвечали ему в меблированных комнатах, — мистер Шульц действительно останавливается здесь, когда приезжает в Нью-Йорк, но сейчас его в городе нет». Где он, этого ему никто не мог сказать. Рудольф оставил свой телефонный номер, но Шульц ему не звонил. Всякий раз, когда Рудольф нажимал звонок на входной двери ветхого дома в этом умирающем районе города, он чувствовал, как по его телу пробегает невольная дрожь

отвращения. Здесь обитали одни лишь забытые Богом старики и окончательно опустившиеся молодые люди.

На этот раз облупившуюся дверь цвета высохшей крови открыл, шаркая ногами, согбенный старик в съехавшем набок парике. Из темной прихожей он близоруко уставился на Рудольфа, стоявшего перед порогом на жарком сентябрьском солнце. Даже на расстоянии от старика несло плесенью и мочой.

— Мистер Шульц дома? — спросил Рудольф.

— Четвертый этаж, в конце коридора, — и старик отступил, пропуская Рудольфа в прихожую.

Поднимаясь по лестнице, Рудольф убедился, что запахом, исходившим от старика, пропитан весь дом. Откуда-то доносились ритмические звуки испанской музыки — очевидно, кто-то включил на полную громкость радио. На площадке второго этажа он увидел обнаженного по пояс толстяка, который сидел, отклонившись на спинку стула и закрыв обеими руками глаза. Появления Рудольфа толстяк даже не заметил, и Рудольф с трудом протиснулся между ним и перилами.

Дверь в комнату в конце коридора на четвертом этаже была открыта. Здесь, под самой крышей, стояла одуряющая жара. На краю незастеленной кровати, на серых, нестиранных простынях, упершись неподвижным взглядом в стену напротив, сидел человек, в котором Рудольф с трудом узнал Шульца — того самого, которого Томас представил ему когда-то в Куинсе как своего менеджера.

Рудольф постучал о дверной косяк. Шульц медленно, с трудом повернул голову в его сторону.

— Чего вам надо? — спросил он. Его голос звучал пронзительно и враждебно.

Рудольф вошел в комнату и протянул руку:

— Я брат Томаса Джордаха.

Шульц ответил правую руку за спину. На нем была грязная исподняя рубашка, вся в темных пятнах от пота. Живот выпирал баскетбольным мячом. Он непрерывно двигал губами, точно во рту у него были плохо подогнанные вставные челюсти. Голова абсолютно лысая, вид болезненный.

— Я никому нежимаю руки, — произнес он. — Артрит. — Он не приглашал Рудольфа садиться — впрочем, и сесть-то, кроме кровати, было некуда.

— Сукин сын, — пробормотал Шульц. — Не хочу слышать даже его имени.

Рудольф достал бумажник и вынул две купюры по двадцать долларов:

— Он просил меня передать вам это.

— Положите на кровать.— Злобное, змеиное выражение, застывшее на лице Шульца, не изменилось.— Вообще-то он должен мне сто пятьдесят.

— Завтра же скажу ему прислать остальные,— сказал Рудольф.

— Давно пора,— отозвался Шульц.— Интересно, что ему нужно от меня на этот раз? Он что, опять кого-нибудь изувечил?

— Нет,— ответил Рудольф.— У него все в порядке.

— Жаль,— буркнул Шульц.

— Он просил меня узнать у вас, сохраняется ли еще накал? — произнес Рудольф.

Ему самому было странно слышать произносимые им слова.

Лицо у Шульца приобрело хитрое, таинственное выражение, и он, искоса взглянув на Рудольфа, спросил:

— А вы ручаетесь, что завтра он возвратит мне и остальные деньги?

— Абсолютно.

— Что ж,— сказал Шульц,— в таком случае можете передать ему, что накал спал. Все давно позади. Этот лопух Куэйлз после того, как ваш сраный братец избил его, не сумел выиграть ни одного боя. А я, между прочим, рассчитывал на нем заработать. Отличный был шанс. Хотя вряд ли эти итальяшки поделились бы со мной. А ведь именно я нашел Куэйлза и дал им возможность зашибить на нем неплохую деньгу... Да, накал полностью спал, все спокойно. Кто сыграл в ящик, кто в тюрюге. Никто теперь и не помнит вашего чертова брата. Даже если он выйдет в День Колумба* на Пятую авеню во главе целой колонны, и то ни одна собака не узнает его. Так ему и скажите. А еще передайте ему: то, что я для него сделал, стоит побольше ста пятидесяти долларов.

— Обязательно передам,— уверил его Рудольф, стараясь говорить так, словно понимает, о чем идет речь.— У меня к вам еще один вопрос от него.

— За такие деньги он задает слишком много вопросов.

— Ему хотелось бы знать, как там его жена.

Шульц рассмеялся — смех его напоминал кудахтанье курицы.

— Эта потаскуха? — Он произнес это слово, выговаривая каждый слог в отдельности.— Она стала знаменитостью — ее фотография попала в газеты. В «Дейли ньюс». Целых два раза. Ее дважды арестовывали за то, что она в барах приставала к мужчинам. В газетах писали, что она назвалась Терезой Лаваль. Уверяла их,

* *День Колумба* — праздник, отмечаемый в нескольких штатах США 12 октября в ознаменование первой высадки Колумба на Багамских островах в 1492 г.; этот день считается днем открытия Американского континента.

что она француженка. Я сразу узнал эту стерву по фотографии. Нашлась еще мне француженка! Все они шлюхи, все до единой. Я мог бы вам рассказать массу интересных историй, мистер...

— Вы не знаете, где она живет? — прервал его Рудольф: его не прельщала перспектива провести полдня в душной, зловонной комнате, выслушивая взгляды Шульца на женщин.— И может быть, вы слышали, где их сын?

— Откуда мне знать? — Шульц отрицательно покачал головой.— Я толком не знаю, где сам живу... Тереза Лаваль! Француженка! — Он снова засмеялся.— Тоже еще мне, француженка!

— Большое спасибо, мистер Шульц,— сказал Рудольф.— Не буду вас больше беспокоить.

— Какое там беспокойство. Даже приятно было поболтать. А вы точно перешлете мне завтра деньги?

— Гарантирую.

— На вас отличный костюм,— сказал Шульц,— но это еще не гарантия.

Рудольф поспешно вышел из комнаты, оставив Шульца все в той же позе на убогой кровати, тупо кивающего головой, одуревшего от жары. Пройдя по коридору к лестнице, он быстро спустился вниз. После меблированных комнат Пятьдесят третья Западная улица показалась ему чуть ли не привлекательной.

II

С телеграммой Рудольфа в кармане он сошел с самолета в Международном аэропорту Кеннеди и вместе с сотнями других пассажиров миновал стойки санитарной и иммиграционной службы. Когда он здесь был в последний раз, аэропорт еще назывался Айдлуайлд. Пуля в голову — слишком дорогая плата за то, чтобы твоим именем назвали аэропорт.

Здоровенный ирландец с жетоном «Иммиграционная служба» на груди посмотрел на Томаса с таким выражением, словно ему была ненавистна сама мысль о том, чтобы пустить его обратно в страну. Он долго листал пухлый, черный том, разыскивая там фамилию Джордах, и, когда не обнаружил ее, был явно разочарован.

После этого Томас прошел в зал таможенного досмотра и стал ждать свой багаж. Сколько народу!словно вся Америка возвращается из Европы после проведенного там отпуска. И откуда у людей столько денег?!

Наверху, на застекленной галерее, толпились встречающие, ожидая родственников, находящихся сейчас внизу. Он отправил Рудольфу телеграмму, указав номер рейса и время прибытия, но брата в толпе встречающих он не увидел. На мгновение в нем

вспыхнуло раздражение. Не для того он сюда прилетел, чтобы носиться по всему Нью-Йорку в поисках брата!

Когда он после плавания с Хитом вернулся в Антиб, его уже неделю ждала телеграмма. *«Дорогой Том,— значилось в ней.— Путь открыт тчк Надеюсь скоро узнать адрес сына тчк Твой Рудольф».*

Увидев наконец на конвейере свой чемодан, он подхватил его и встал в очередь к стойке таможенника. Какой-то идиот из Сиракьюса, потев и запинаясь, рассказывал таможенному инспектору длинную историю о том, где он раздобыл два идентичных женских народных костюма с широкими юбками, сплошь украшенных вышивкой, и для кого они предназначены. Когда подошла очередь Томаса, инспектор сказал ему открыть чемодан и долго в нем рылся. Томас не вез никому подарков, и инспектор его пропустил без всяких вопросов.

Отказавшись от услуг носильщика, он понес свой чемодан сам и сразу же за выходом из здания аэропорта разглядел среди встречающих брата. Рудольф был в легких, широких брюках, в спортивного покроя куртке, без головного убора. Было заметно, что он держится увереннее и хладнокровнее, чем другие. Увидев Томаса, Рудольф помахал ему. Они обменялись рукопожатием, и Рудольф попытался взять у него чемодан, но Томас не выпустил его из рук.

— Как долетел? — спросил Рудольф, когда они шли от здания аэропорта к автостоянке.

— Нормально.

— Машина моя стоит за углом, — сказал Рудольф. — Подожди меня здесь. Я мигом.

Томас смотрел вслед Рудольфу, и ему бросилось в глаза, что у брата все та же легкая, скользкая походка и что он, как и в юности, не двигает при ходьбе плечами.

Он расстегнул воротничок и ослабил узел галстука. Хотя было начало октября, стояла удушливая жара, усугубляемая влажным смогом; в воздухе стоял запах отработанного бензина. Он уже успел забыть воздух Нью-Йорка. И как только люди могут жить в этом городе постоянно?!

Через пять минут появился Рудольф в голубом «бьюике» типа купе. Томас бросил чемодан на заднее сиденье и сел рядом с братом. В машине работала кондиционер, и Томасу стало легче дышать. Рудольф ехал, не превышая положенной скорости, и Томасу вспомнилась их предыдущая совместная поездка в машине, когда их, по пути на похороны матери, остановили за превышение скорости патрульные, и когда на сиденье лежала бутылка бурбона, а под сиденьем был спрятан «Смит-Вессон». Времена меняются. Надо полагать, к лучшему.

— Итак? — спросил Томас.

— Я разыскал Шульца, — ответил Рудольф. — Тогда-то я и послал тебе телеграмму. Он сказал, что накал давно спал. Многие умерли, остальные в тюрьме. Я не стал допытываться, что это значит.

— А как насчет Терезы и сына?

Рудольф нахмурился и принялся манипулировать рычажками кондиционера.

— Даже не знаю, как тебе об этом сказать...

— Давай выкладывай. Я парень крепкий — все выдержу.

— В общем, Шульц не знает, где их искать. Но сказал, что видел фотографию твоей жены в газетах. Причем дважды.

— Чем же это она привлекла их внимание?! — На мгновение Томас даже растерялся. Может, эта ненормальная дамочка попала-таки на сцену или сделала карьеру в каком-нибудь ночном клубе?

— Ее задерживали за то, что она приставала к мужчинам в баре. Оба раза, — ответил Рудольф. — Сожалею, что вынужден сказать тебе об этом, Том.

— Да брось ты эти нежности, — хрипло проговорил Томас. — Этого следовало ожидать.

— Шульц сказал, что она назвала репортерам другую фамилию, но он все равно узнал ее, — сказал Рудольф. — Я навел справки. Это точно она. В полиции мне дали ее адрес.

— Если она не заломит слишком высокую цену, — пробормотал Томас, — то, может, стоит съездить к ней и трахнуть ее?! А вдруг она уже научилась это делать как следует? — Он увидел, как Рудольф поморщился от его слов, но он летел через океан не для того, чтобы сюсюкать и изображать из себя пай-мальчика. — А что ты узнал насчет сына?

— Он в военной школе неподалеку от Покипси, — ответил Рудольф. — Мне удалось узнать об этом всего лишь два дня назад.

— В военной школе... — повторил Томас. — Черт подери! Может, его приняли туда, чтобы офицеры могли перепихиваться с его матерью во время военных учений?!

Рудольф ехал молча, понимая, что Томасу нужно излить испытываемые им досаду и горечь.

— Всю жизнь мечтал, чтобы мой сын был солдатом!.. — продолжал возмущаться Томас. — Откуда ты узнал эти радостные новости?

— Нанял частного детектива.

— Он говорил с этой сучкой?

— Нет.

— Значит, никто не знает, что я здесь?

— Ни одна душа, — ответил Рудольф. — Кроме меня. Я сделал еще одну вещь. Надеюсь, ты не станешь возражать.

— Что именно?

— Поговорил с одним адвокатом, моим приятелем. Не называя никаких имен. Так вот, он говорит, что ты сможешь развестись и получить право на родительское попечение над сыном без всяких сложностей. И все благодаря двум приводам твоей жены.

— Надеюсь, ее рано или поздно посадят, а ключ от ее камеры выбросят в океан.

— Но пока что она отделалась двумя ночами за решеткой и штрафом.

Томас вспомнил свои несколько дней за решеткой в Элизиуме. Хороша семейка: мать и отец побывали в тюрьме, сын — в военной школе, а она мало чем лучше тюрьмы.

— Надеюсь, в этом городе найдутся приличные юристы? — спросил он.

— Еще бы — как-никак это Нью-Йорк, — ответил Рудольф, а затем после паузы сказал: — Послушай, мне сегодня надо обязательно вернуться в Уитби. Если хочешь, поедем со мной. Но можешь остаться и здесь, в моей квартире. Там сейчас никто не живет. Разве что каждое утро приходит убирать горничная.

— Что ж, спасибо. Я, пожалуй, останусь в твоей квартире. Мне хотелось бы завтра, прямо с утра, встретиться с адвокатом, о котором ты говорил. Ты мог бы это устроить?

— Да, конечно.

— Говоришь, у тебя есть адрес жены и ты знаешь, где эта школа?

Рудольф кивнул.

— Это и все, что мне нужно, — сказал Томас.

— Сколько ты думаешь пробыть в Нью-Йорке?

— Ровно столько, сколько потребуется, чтобы закончить дело с разводом и забрать парня из этой военной школы.

Рудольф некоторое время ехал молча, а Томас, повернув голову направо, смотрел через окно машины на пришвартованные в бухте Флашинг-Бей суда. Он был рад, что его «Клотильда» находится сейчас в Антибской гавани, а не в бухте Флашинг-Бей.

— Джонни Хит написал мне из Европы, что ему страшно понравилось свадебное путешествие на твоей яхте, — нарушил затянувшееся молчание Рудольф. — А его невеста просто в восторге.

— Уж не знаю, откуда у нее бралось время для восторгов, — ответил Томас. — Она только и делала, что ходила то вниз, то вверх по ступенькам и каждые пять минут переодевалась. У нее было с собой не меньше тридцати чемоданов. Хорошо еще, что они с Хитом были на яхте только вдвоем. Мы заполнили привезенным ею багажом две пустые каюты.

— Она из очень богатой семьи,— улыбнулся Рудольф.

— Оно и видно. Из нее богатство так и прет. А твой друг оказался неплохим парнем. Нормально переносил штормовую погоду и задавал массу вопросов, так что к концу второй недели смог бы без посторонней помощи смотаться на «Клотильде» до самого Туниса и обратно. Он говорил, что собирается уговорить тебя и твою жену присоединиться к ним и совершить на моей яхте будущим летом круиз.

— Весь вопрос в том, найдется ли у меня время,— ответил Рудольф.

— Ты вроде собираешься баллотироваться в мэры этого захолустного городишка Уитби, так, что ли? — спросил Томас.

— Уитби — далеко не захолустный городишко,— сказал Рудольф.— А тебе эта идея, я вижу, не нравится?

— Да для меня самый лучший из политиков хуже самого отпетого из уголовников,— заявил Томас.

— Может, мне все-таки удастся изменить твоё отношение к политикам...— проговорил Рудольф.

— В кои-то веки у нас появился стоящий человек,— произнес Томас,— так они, понятное дело, тут же его укукошили.

— Всех не убьешь.

— Во всяком случае, они стараются изо всех сил,— сказал Томас.

Он протянул руку и включил радио. Послышался рев толпы, а затем на этом фоне выделился возбужденный голос диктора, комментирующий бейсбольную встречу. Томас тут же выключил радио.

— Чемпионат страны по бейсболу,— пояснил Рудольф.

— Знаю. Слава Богу, я там читаю американские газеты.

— Том,— спросил Рудольф,— неужели ты никогда не скучаешь по Америке?

— А что она мне хорошего сделала? — ответил Томас вопросом на вопрос.— Вот закончу со всеми этими делами и больше никогда сюда не приеду.

— Но это же ужасно!

— На нашу семью и одного патриота достаточно,— отозвался Томас.

— А как же твой сын?

— В каком смысле?

— Сколько времени ты собираешься держать его в Европе?

— Всю жизнь,— сказал Томас.— Разве что тебя изберут президентом и ты наведешь в этой стране порядок, то есть посадишь в тюрьму всех этих жуликов и генералов, полицейских и судей, конгрессменов и дорогостоящих адвокатов. Ну и, конечно, если при этом тебя самого не застрелят. Вот тогда я, может быть, и пошлю его погостить в Америку.

— А как же с его образованием? — настойчиво продолжал Рудольф.

— В Антибе тоже есть школы. И получше всяких дерьмовых военных школ.

— Но он же американец.

— Ну и что? — невозмутимо произнес Томас.

— А то, что он не француз.

— Он и не будет французом, — ответил Томас. — Он будет просто Уэсли Джордахом.

— Он будет человеком без родины.

— А где, по-твоему, моя родина? Здесь? — Томас рассмеялся. — Родиной моего сына будет яхта в Средиземном море. Он будет плавать из одной страны, где делают вино и оливковое масло, в другую, где тоже делают вино и оливковое масло.

Рудольф больше не знал, что сказать, и остальную часть пути до солидного здания на Парк-авеню, где была его квартира, они проехали молча. Швейцар, узнав, что он заехал на пару минут, поставил его машину во второй, внешний ряд. Томаса он оглядел с подозрением: воротничок расстегнут, галстук развязан, синий костюм — со слишком широкими брюками, зеленая шляпа, купленная в Генуе, — с продольной вмятиной и коричневой лентой.

— Твоему привратнику, насколько я понял, не слишком понравилось, как я одет, — усмехнулся Томас, когда они поднимались в лифте. — Скажи ему, что я одеваюсь в Марселе, а всем ведь известно, что Марсель — центр мужской *haute couture** в Европе.

— Пусть тебя не волнует мнение привратника, — сказал Рудольф, открывая дверь и вводя Томаса в свою квартиру.

— Ты недурно устроился, — заметил Томас, остановившись посреди огромной гостиной с камином, с длинным, обитым бледно-золотистым вельветом диваном, с удобными мягкими креслами по обеим его сторонам.

На столах в вазах — свежие цветы, пол от стены до стены устлан светло-бежевым ковром, на темно-зеленых стенах — картины абстракционистов. Окна выходили на запад, и сквозь бахрому приспущенных гардин яркими лучами пробивалось солнце. Мягко жужжал кондиционер, и в комнате был приятно свежий, прохладный воздух.

— Мы приезжаем в Нью-Йорк реже, чем нам бы хотелось. Джин снова в положении и последние пару месяцев чувствует себя, прямо-таки скажем, неважно, — говорил Рудольф. — В этом буфете бар. Лед в холодильнике. Если хочешь обедать не в ресторане, а здесь, скажи завтра утром горничной. Она отлично готовит.

* *Haute couture* (фр.) — высокая мода.

Он провел Томаса в комнату для гостей, которую Джин оформила точно так же, как свободную комнату в их доме в Уитби, придав ей утонченно уютный, слегка пасторальный вид. Рудольф не мог не обратить внимания, насколько неуклюжим выглядит его брат в этом изящно оформленном женской рукой будуаре. Центральное место в комнате занимали две односпальные кровати с лоскутными покрывалами и пологом на четырех столбиках.

Томас бросил свой выдавший виды чемодан, куртку и шляпу на одну из кроватей, и Рудольф сделал над собой усилие, чтобы не поморщиться. На «Клотильде», как писал ему Джонни Хит, Томас поддерживал идеальную чистоту, но, очевидно, сходя на берег, он оставлял свои морские привычки на яхте.

Когда они возвратились в гостиную, Рудольф открыл бар и налил себе и Томасу виски с содовой, а пока они пили, достал бумаги, полученные в полиции, и отчет частного детектива и передал все это брату. Затем позвонил в контору своего приятеля адвоката и договорился, что тот примет Томаса на следующее утро в десять часов.

— Так, — сказал он, когда они допили виски, — чем бы я еще мог тебе помочь? Если хочешь, я съезжу вместе с тобой в военную школу.

— Со школой я справлюсь сам, — ответил Томас, — не беспокойся.

— Как у тебя с деньгами?

— Куры не клюют, — сказал Томас. — Спасибо.

— В случае чего звони мне в Уитби, — сказал Рудольф.

— Договорились, господин мэр, — отозвался Том.

Рудольф пожал Томасу руку и ушел, оставив его у стола, где лежали бумаги из полиции и отчет детектива. Когда Рудольф выходил из дома на улицу, Томас уже был погружен в их чтение.

«Тереза Джордах», — читал Томас в полицейском досье, — она же Тереза Лаваль». Томас ухмыльнулся. У него появился соблазн позвонить ей и, изменив голос, пригласить ее приехать: «Квартира 14В, мисс Лаваль. Это на Парк-авеню между Пятьдесят седьмой и Пятьдесят восьмой улицами». Даже самая недоверчивая из проституток не заподозрила бы, что ее может ждать ловушка по такому адресу. Хотел бы он посмотреть, какое будет у нее выражение лица, когда она позвонит в дверь и на пороге появится он. Томас уже совсем было собрался подойти к телефону и набрать каким-то чудом откопанный частным детективом номер, но в последний момент передумал. Если бы она приехала, он не удержался бы и избил ее, а он приехал в Америку не для этого.

Он побрился, принял душ, воспользовавшись лежавшим в ванной душистым мылом, выпил еще один стакан виски, надел чис-

тую рубашку и синий марсельский костюм, затем спустился на лифте вниз и, выйдя из дома, направился в сгущающихся сумерках к Пятой авеню. По пути он увидел в боковом переулке небольшой стейк-хаус*, зашел туда и поужинал натуральным бифштексом, к которому заказал, в ознаменование прибытия на родину, полбутылки вина, яблочный пирог и мороженое. После этого он не торопясь пошел по Пятой авеню к Бродвею. Бродвей оказался даже хуже, чем его запомнил Томас: какофония звуков, доносящихся из музыкальных магазинов, огромные, еще более крикливые вывески, бесчисленное множество толкающихся, болезненных на вид людей, и все же ему было приятно, что он снова может идти по Бродвею. Теперь он мог ходить где угодно, заходить в любой бар, в любой кинотеатр.

Многие из них умерли, остальные в тюрьме. Слова эти звучали для него музыкой.

Военная школа «Хиллтоп» действительно стояла на вершине холма**, и в том, что школа военная, сомневаться не приходилось. Ее, словно тюрьму, окружала высокая стена из серого камня, и, проехав в ворота, Томас из окна взятой напрокат машины увидел мальчиков в серо-голубой форме, маршировавших строем на пыльном учебном плацу. Погода за эти дни стала прохладнее, и на многих деревьях на территории школы появились первые желтые листья. Подъездная дорога шла мимо плаца, и Томас, остановив машину, некоторое время наблюдал за марширующими. Мальчики были разделены на четыре группы. В ближайшую к нему группу входило где-то тридцать воспитанников, и на вид им было лет по двенадцати — четырнадцать — как раз возраст Уэсли. Томас вглядывался в лица проходящих мимо него мальчиков, но, если даже Уэсли и был среди них, он его не узнал.

Он двинулся дальше и по идущей вверх дороге подъехал к каменному зданию, похожему на небольшой замок. Территория школы была хорошо ухоженной: повсюду аккуратные цветочные клумбы, подстриженные газоны. Другие корпуса школы были больше и внушительнее, но из того же камня, что и маленький замок.

«Тереза, должно быть, берет немалые бабки за свои услуги,— подумал Томас,— если может позволить себе платить за обучение парня в таком заведении».

Он вышел из машины и прошел в здание. В облицованном гранитом холле было темно и прохладно. На стенах висели флаги, сабли, скрещенные ружья и мраморные доски с именами выпуск-

* *Стейк-хаус* — см. примечание на с. 373.

** Название школы «Хиллтоп» (Hilltop) в переводе с английского означает «вершина холма».

ников, погибших в Испано-американской войне, в Мексиканской кампании, в Первой и Второй мировых войнах и в Корее. Холл походил на главную контору какой-нибудь фирмы, рекламирующей свою продукцию. По лестнице спускался коротко подстриженный паренек с множеством затейливых нашивок на рукаве.

— Сынок, где здесь у вас начальство? — обратился к нему Томас.

Парень принял положение «смирно», словно Томас был генералом Макартуром, и звонким, четким голосом произнес:

— Прошу вас сюда, сэр.

Можно было не сомневаться, что в военной школе «Хиллтоп» ученикам прививают уважение к старшим. Может быть, поэтому Тереза и определила сына именно сюда. Должно быть, ей не очень-то хватало уважения со стороны других людей.

Мальчик открыл дверь в большущее помещение. За столами, отгороженными от посетителей небольшим барьером, сидели две женщины.

— Это здесь, сэр, — сказал паренек и, щелкнув каблуками, ловко повернулся кругом и вышел в коридор.

Томас подошел к ближайшему из двух столов. Сидевшая за ним женщина подняла глаза от бумаг, с которыми работала, и спросила:

— Что вам угодно, сэр?

На ней, слава Богу, не было военной формы, и она не щелкала каблуками.

— У меня здесь учится сын, — ответил Томас. — Моя фамилия Джордах. Мне хотелось бы поговорить с кем-нибудь из начальства.

Женщина странно взглянула на него, как если бы эта фамилия ассоциировалась у нее с чем-то не слишком приятным, затем поднялась с места.

— Я доложу о вас полковнику Бейнбриджу, сэр, — сказала она. — Прошу вас, садитесь.

Она указала на скамейку у стены, а сама пошла к двери в другом конце комнаты. Женщина была тучная, на вид лет пятидесяти, чулки на ногах перекручены. В военной школе «Хиллтоп», очевидно, не искушали молодых солдат присутствием соблазнительных дамочек.

Через несколько минут женщина вернулась, открыла в барьере дверцу и сообщила:

— Полковник Бейнбридж готов вас принять, сэр. Извините, что заставила ждать.

Она прошла с ним в дальний конец комнаты и, когда он вошел в кабинет полковника Бейнбриджа, закрыла за ним дверь. В кабинете тоже были развешаны по стенам всяческие флаги и флажки, а между ними — фотографии генерала Паттона, ге-

нерала Эйзенхауэра и самого полковника Бейнбриджа, запечатленного со свирепым лицом в походном мундире, с биноклем на груди, в каске и с пистолетом. По-видимому, снимок был сделан во время Второй мировой войны. На полковнике, вставшем из-за стола навстречу Томасу, была сейчас обыкновенная военная форма американского офицера. Он выглядел более худым, чем на фотографии, был почти совсем лыс, носил очки в серебряной оправе, на нем не было ни оружия, ни бинокля, и вообще он походил на актера, исполняющего роль полковника в пьесе.

— Добро пожаловать в «Хиллтоп», мистер Джордах,— проговорил полковник Бейнбридж. Создавалось впечатление, что он стоит по стойке «смирно», хотя это было не так.— Присаживайтесь.— Выражение его лица было каким-то странным — точное таким же, как у швейцара в доме Рудольфа.

«Если я задержусь в Нью-Йорке еще на какое-то время, мне, видимо, придется купить другой костюм»,— подумал Томас.

— Не хочу отнимать у вас много времени, полковник,— сказал он.— Я приехал повидать своего сына Уэсли.

— Да, да, конечно, я понимаю,— сказал Бейнбридж, слегка запынаясь.— Сейчас будет перерыв в занятиях, и мы тотчас же за ним пошлем.— Он смущенно откашлялся.— Очень приятно увидеть наконец в нашей школе кого-то из семьи этого молодого человека. Насколько я понимаю, вы его отец?

— Да,— ответил Томас.— Именно так я и сказал вашей секретарше.

— Надеюсь, вы меня извините за мой вопрос, мистер... мистер Джордах,— в замешательстве полковник глядел на портрет Эйзенхауэра,— но в заявлении о приеме Уэсли в нашу школу было указано, что отец его умер.

«Дрянь! — подумал Томас.— Какая же она дрянь!»

— Как видите, я жив,— сказал он.

— Да, я это вижу,— нервно ответил Бейнбридж.— Вероятно, вкралась какая-то канцелярская ошибка, хотя непонятно как...

— Несколько лет я жил за границей,— объяснил Томас.— У нас с женой, можно сказать, отношения не сложились.

— Даже если так...— Рука Бейнбриджа рассеянно пробежала по маленькой бронзовой пушке, стоящей на столе.— Конечно, вмешиваться в семейные дела не принято, семья — это святое... Ну а, с другой стороны, я не имел чести познакомиться с миссис Джордах лично... Мы с ней только переписывались. Но она ведь *та самая* миссис Джордах, да? — с отчаянием в голосе спросил Бейнбридж.— Та, что занимается антиквариатом? В Нью-Йорке?

— Возможно, среди ее клиентов и есть антиквары, я не знаю,— ответил Томас.— Суть не в этом, а в том, что мне хотелось бы повидать сына.

— Через пять минут занятия заканчиваются,— сказал Бейнбридж.— Я уверен: он будет рад вас видеть. Очень рад. При сложившихся обстоятельствах встреча с отцом, я полагаю,— это как раз то, что ему нужно...

— Какие еще обстоятельства? С ним разве что-то не так?

— Он трудный мальчик, мистер Джордах, очень трудный. У нас с ним много хлопот.

— А именно?

— Он чрезвычайно... мм... задиристый, что ли.— Казалось, Бейнбридж обрадовался, что нашел подходящее слово.— Постоянно ввязывается в драки. С кем угодно, независимо от возраста и роста. В прошлом семестре он даже ударил одного преподавателя. Собственно, преподавателя естественной истории. Тот после этого целую неделю не мог вести занятия. Молодой Уэсли... он очень ловко... э-э... как бы это сказать... владеет кулаками. Конечно, в таком заведении, как наше, мы только приветствуем, когда воспитанник проявляет умеренную воинственность, так сказать, естественную агрессивность, но Уэсли...— Бейнбридж вздохнул.— Его агрессивность проявляется не просто в мальчишеских драках, а... Нам пришлось нескольких ребят госпитализировать. Причем старшеклассников... Буду с вами предельно откровенен: у него какая-то — я не могу подобрать другого слова,— какая-то взрослая, я бы даже сказал, *матерая* злость, и мы, педагоги, считаем это очень опасным.

«Кровь Джордахов,— горько подумал Томас,— эта проклятая кровь Джордахов!»

— К сожалению, должен вам сообщить, мистер Джордах, что в этом семестре мы дали вашему Уэсли испытательный срок, причем без какого-либо снисхождения.

— Что ж, полковник, в таком случае у меня для вас хорошая новость,— сказал Томас.— Я намерен самым серьезным образом заняться Уэсли и всеми его проблемами.

— Рад слышать, мистер Джордах, что вы берете дело в свои руки. Мы неоднократно писали его матери, но она, видимо, настолько занята, что ни разу нам не ответила.

— Я намерен сегодня же забрать его из вашей школы,— размеренно проговорил Томас.— Вы можете о нем больше не беспокоиться.

Рука Бейнбриджа, поглаживавшая бронзовую пушку, затрепетала.

— Я вовсе не предлагал вам таких радикальных мер, сэр,— сказал он задрожавшим голосом. Битвы в Нормандии и на Рейне остались давно позади; сейчас он был просто стариком, нарядившимся в военную форму.

— Зато я вам их предлагаю,— решительно заявил Томас вставая.

Бейнбридж тоже поднялся из-за стола.

— Но боюсь, что это... это против наших правил,— пробормотал он.— Нам необходимо получить письменное разрешение от его матери. Как бы там ни было, все дела мы вели с ней, и она заплатила вперед за полный учебный год. К тому же мы должны быть уверены в подлинности вашего родства с мальчиком.

Томас достал бумажник, вынул оттуда свой паспорт и положил документ на стол перед Бейнбриджем.

— Как вы считаете, этот человек на фотографии хоть немного похож на меня? — спросил он у старика.

Бейнбридж медленно открыл зеленую книжицу.

— Да, конечно, это вы, и фамилия ваша Джордах,— пробормотал он.— И все же... Поймите, сэр, я все равно обязан связаться с матерью мальчика.

— Я не хочу больше отнимать у вас драгоценное время, полковник,— Томас вынул из внутреннего кармана пиджака выдержку из полицейского досье, заведенного на Терезу Джордах-Лаваль, и протянул бумаги Бейнбриджу,— а потому прошу вас взглянуть на это.

Бейнбридж бегло прочитал документ, снял очки и устало протер глаза.

— Бог ты мой! — с ужасом проговорил он и поспешно вернул бумаги Томасу, словно боялся, что если они еще хоть минуту полежат на его столе, то навсегда попадут в школьные архивы.

— Вы по-прежнему хотите держать парня у себя? — спросил без обиняков Томас.

— Конечно, это меняет дело,— сказал Бейнбридж.— Существенно меняет.

Спустя полчаса они выехали за ворота военной школы «Хилл-топ». На заднем сиденье покоился солдатский сундучок Уэсли, а сам он, все еще в форме, сидел впереди, рядом с Томасом. Мальчик был бледный, прыщавый и не по годам рослый. Угрюмый взгляд и широкий рот с решительно сжатыми губами придавали ему сходство скорее с Акселем Джордахом, чем с отцом. Когда его привели в кабинет полковника и он увидел там Томаса, он не проявил ни малейших эмоций; не менее безразлично отнесся он и к сообщению, что его забирают из школы, и даже не спросил Томаса, куда тот его везет.

— Завтра,— сказал Томас, когда школа осталась позади,— оденем тебя как нормального человека. И запомни — драться ты больше не будешь.

Уэсли молчал.

- Ты меня слышишь?
- Да, сэр.
- Не называй меня «сэр». Я твой отец,— сказал Томас.

Глава 5

1966 год

Увлечшись работой, Гретхен на какое-то время забыла, что сегодня ей стукнуло сорок. Она сидела на высоком металлическом табурете перед *мовиолой*^{*}, нажимала на рычажки и внимательно смотрела на экран, совмещая звуковую дорожку с изображением. На руках у нее были заляпанные эмульсией белые хлопчатобумажные перчатки — защита от оставляемых кино пленкой следов. Она быстро ставила на кусках пленки особые пометки красным мягким карандашом и передавала их своей помощнице, которая в определенном порядке склеивала их и раскладывала в соответствующие лотки. Из соседних монтажных, расположенных на одном с ними этаже в огромном здании на Бродвее, которое традиционно арендуется киностудиями Голливуда в случае, когда съемки проводятся на восточном побережье, доносились обрывки диалогов из фильмов, резкие выкрики, взрывы, оркестровые пассажи и нечленораздельное, визгливое бормотание, когда фонограммы перематывались назад с высокой скоростью. Поглощенная своей работой, Гретхен попросту не замечала этих звуков. Для нее все это стало повседневностью — и стрекот кинопроекторных аппаратов, и эти искаженные звуки, и круглые металлические коробки с кино пленками, стоящие рядами на полках.

Она работала над монтажом уже третьей картины. Сэм Кори вначале взял ее к себе ассистенткой, а затем, как следует обучив, сделал ей настоящую рекламу среди режиссеров и продюсеров и благословил на самостоятельную работу. Обладая высоким профессионализмом, творческой индивидуальностью, прекрасным воображением и при этом совершенно не претендуя на режиссуру, что могло бы вызывать недовольство у тех режиссеров, с которыми она работала, Гретхен была в студии нарасхват и могла сама выбирать себе работу.

Картина, которую она сейчас монтировала, снималась в Нью-Йорке, и после замкнутой, тесной, почти семейной атмосферы Голливуда, где все знали абсолютно всё и про всех, Нью-Йорк пленил ее своей широтой, раскованностью и многоликостью. В свободные часы она пыталась продолжать политическую деятель-

* *Мовиола* — звукомонтажный аппарат (фирменное название).

ность, которой отдавала много времени в Лос-Анджелесе после гибели Колина. Со своей ассистенткой Идой Коуэн она ходила на митинги, где люди произносили речи о необходимости прекратить войну во Вьетнаме и доставлять учеников в школы на специальных школьных автобусах. Она подписывала десятки разных воззваний и старалась заполучить на них подписи влиятельных деятелей кинематографии. Все это помогало ей избавиться от чувства вины перед самой собой за то, что она бросила Калифорнийский университет. Кроме того, Билли уже достиг призывного возраста, и мысль о том, что ее сына могут убить во Вьетнаме, была для нее невыносимой. У Иды не было сыновей, но она принимала даже более активное участие в антивоенных митингах, демонстрациях и в сборе подписей под воззваниями, чем Гретхен. И она и Ида носили на блузках и на пальто значки с требованием запретить ядерную бомбу.

По вечерам, когда не было настроения идти на митинги, она ходила в театр, интерес к которому, после стольких лет перерыва, возобновился у нее с новой силой. Иногда она шла вместе с Идой, маленькой, небрежно одевавшейся, но очень неглупой женщиной примерно одного с ней возраста, с которой у нее установились теплые, дружеские отношения, иногда с Эвансом Кинселлой, режиссером фильма, с которым она сейчас работала и с которым у нее завязался роман, а иногда с Рудольфом и Джин, когда они оказывались в Нью-Йорке, или же с кем-нибудь из актеров, с которыми познакомилась на съемках.

Гретхен смотрела на маленький стеклянный экран и морщилась. Кинселла снял этот эпизод так, что трудно было придать ему ту тональность, которая, как ей казалось, была здесь необходима. Если ей не удастся исправить дело с помощью какого-нибудь хитроумного монтажа или же если сам Кинселла не подскажет ей чего-нибудь в этом плане, то всю эту сцену придется переснимать заново.

Гретхен прервала работу и закурила. Крышки коробок из-под пленки, заменявшие им с Идой пепельницы, всегда были полны окурков. Тут и там стояли пустые чашки, из которых они пили кофе, со следами губной помады.

«Бог ты мой, сорок лет!» — подумала она, затягиваясь.

Никто пока не поздравил ее. А с чем, собственно, поздравлять? Тем не менее она заглянула в почтовый ящик в отеле, надеясь найти там телеграмму от Билли. Но в ящике было пусто. Иде, занимавшейся в этот момент перемоткой на бобины длинных кусков склеенной пленки, которые она вынимала из большой корзины, о своем дне рождения она не стала говорить. Иде самой уже перевалило за сорок — так зачем же лишний раз травить человека душу? И уж тем более она не сказала Эвансу. Ему трид-

цать два. Сорокалетние женщины не напоминают тридцатидвухлетним любовникам о своем дне рождения.

Она подумала о своей матери, стараясь представить, как она восприняла рождение ребенка сорок лет назад. Первенец, к тому же девочка, да и сама мать, в сущности, была еще девочкой — ей едва исполнилось двадцать. Если бы Мэри Пиз Джордах знала тогда, какой вырастет маленькая девочка, которую она прижимала к груди, сколько слез она бы над ней пролила!..

Открылась дверь, и в комнату вошел Кинселла. Поверх широких вельветовых брюк, красной спортивной рубашки и тонкого, кашемирового свитера на нем был белый плащ с поясом. Он отказывался идти на поводу у нью-йоркского стиля в одежде. Плащ был мокрый. Гретхен уже несколько часов не выглядывала в окно и не знала, что на улице идет дождь.

— Привет, девочки, — сказал Эванс, высокий, худощавый мужчина с взъерошенной черной шевелюрой. Подбородок у него отливал синевой, и от этого казалось, что он всегда плохо выбрит. Его недоброжелатели утверждали, что он похож на волка. Гретхен же считала его по-своему привлекательным (о таких, как он, говорят — «интересный мужчина») и по-еврейски уродливым, хотя он и не был евреем. Его экзотическая фамилия Кинселла была подлинной, а не псевдонимом. В прошлом он в течение целых трех лет ходил к врачу-психоаналитику. Он уже сделал шесть фильмов, и три из них имели большой успех, но по своей натуре был ужасным лентяем. Входя в комнату, он прежде всего искал, на что можно было бы удобно опереться, или без всяких церемоний садился на стол, а если видел диван, то сразу же укладывался на него, кладя ноги на ручку. На ногах у него были замшевые полусапожки.

Он поцеловал в щеку сначала Иду, потом Гретхен. Одну из своих кинокартин он снимал в Париже и приобрел у французов привычку со всеми целоваться при встрече. Правда, картину ждал полный провал.

— Мерзкая погода, — сказал он и уселся на один из металлических монтажных столов. Где бы он ни оказывался, он везде чувствовал себя непринужденно, как дома. — Утром мы начали снимать две важные сцены, и вдруг пошел дождь. Хотя это, возможно, и к лучшему: Хейзен еще с утра был пьян как свинья. — (Ричард Хейзен исполнял роль главного героя в картине и, как правило, к середине дня напивался.) — Ну, как у вас дела? — спросил Эванс. — Можем уже смотреть?

— Почти готово, — ответила Гретхен. Она не заметила за работой, как быстро пролетело время. Надо было перед его приходом хотя бы привести волосы в порядок и подкраситься.

— Ида,— сказала она,— возьми с собой последний эпизод и скажи Фредди, чтобы он прокрутил его сразу же за свежеснятым материалом, ладно?

Они прошли в конец коридора, где у них был маленький просмотровый зал.

Эванс незаметно от Иды взял Гретхен за руку и, стиснув ее, тихо проговорил:

— Милая девочка, моя прекрасная, неутомимая труженица.

Они сидели в темном демонстрационном зале и просматривали кадры, отснятые за день до этого,— одну и ту же сцену в разных ракурсах: бесконечное число дублей, из которых они должны будут сделать нечто единое и гармоничное. А потом все эти сцены они смонтируют в кинофильм, надеясь, что ему предстоит завоевать экраны Америки, а с течением времени, дай Бог, и всего мира. Глядя на экран, Гретхен уже в который раз подивилась тому, насколько ярко даже в таком сыром материале проявляется своеобразный, чуть сумасшедший талант Эванса. Мысленно она уже прикидывала, как будет монтировать первый вариант сцены. Судя по кадрам, которые они сейчас смотрели, Ричард Хейзен был пьян и вчера. Если он и дальше будет продолжать в том же духе, то через пару лет вряд ли кто-нибудь предложит ему работу.

— Ну, что скажешь? — спросил Эванс, когда зажегся свет.

— Те сцены, в которых занят Хейзен,— ответила Гретхен,— лучше не снимать во второй половине дня.

— Что, заметно? — Эванс почти лежал в своем кресле, положив ноги на спинку сиденья перед ним.

— Еще и как,— сказала Гретхен.

— Надо будет поговорить с его агентом.

— Лучше поговори с его барменом,— едко заметила Гретхен.

— Алкоголь — это проклятие Кинселлы,— сказал Эванс.— Я имею в виду, когда его пьют другие.

Затем снова погас свет, и они просмотрели эпизод, над монтажом которого Гретхен работала весь этот день. На большом экране он показался Гретхен еще хуже, чем на стеклянном экране киноленты. Однако когда зажегся свет, Эванс произнес:

— Отлично. Мне нравится.

Гретхен работала с Эвансом два года и, сделав с ним до этого одну картину, уже поняла, что к своим фильмам он не очень-то требователен. Когда он посещал своего психоаналитика, тот внушил ему, что для его психического здоровья лучше всего держаться независимо и не допускать, чтобы его критиковали.

— Не могу с тобой полностью согласиться,— сказала она.— Мне хотелось бы еще повозиться с этим куском.

— Напрасная трата времени,— заявил Эванс.— Уверю тебя, все и так прекрасно.

В отличие от большинства режиссеров, он не придавал большого значения монтажу и его мало интересовали детали.

— Не знаю,— сказала Гретхен,— но мне этот эпизод кажется слишком затянутым.

— Именно затянутости я и добивался в этом месте,— сказал Эванс.— Считай, что это художественный прием.— Он пререкался, как упрямый, капризный мальчишка.

— Сам посудите: все эти люди, которые то входят, то выходят из комнаты,— настойчиво продолжала Гретхен,— все эти зловещие тени, таящиеся по углам,— а в результате ничего зловещего так и не происходит...

— Только не пытайся сделать из меня Колина Берка.— Эванс стремительно вскочил на ноги.— Меня звать Эванс Кинселла — напоминаю тебе это на тот случай, если это выскользнуло из твоей памяти,— и Эвансом Кинселлой я и останусь.

— Перестань вести себя, как ребенок,— резко ответила Гретхен. Иногда она забывала, что разговаривает с Эвансом-режиссером, а не с Эвансом-любовником.

— Где мой плащ? Где я оставил этот чертов плащ? — срываясь на крик, спрашивал он.

— Ты оставил его в монтажной.

В монтажную они возвращались все втроем. Эванс был так раздражен, что даже не помог Гретхен нести коробки с пленками, которые они только что просмотрели (она зашла за ними в киноаппаратную). В монтажной он торопливо накинул плащ и направился к двери. Ида составляла перечень сцен, с которыми они сегодня работали, и делала вид, что ничего не замечает. У двери Эванс остановился, затем снова подошел к Гретхен.

— Я собирался пригласить тебя пообедать со мной, а после этого сходить в кино,— сказал он.— Ты не против? — Он улыбнулся с умиротворяющим и слегка виноватым видом — ему была ненавистна мысль, что он кому-то не нравится, пусть даже на короткое время.

— Сожалею,— ответила Гретхен,— но вечером меня в городе не будет. Я еду с братом на выходные в Уитби.

Лицо у Эванса вытянулось: настроение у него менялось через каждую секунду.

— А я, как назло, в выходные волен как птица. И я надеялся, что мы сможем...— Он взглянул на Иду, давая ей понять, что было бы неплохо, если бы она вышла из комнаты, но Ида с невозмутимым видом продолжала работать над своим списком.

— Я вернусь в воскресенье вечером, и мы еще успеем сходить поужинать,— сказала Гретхен.

— Что ж,— проговорил Эванс.— И на том спасибо. Передай своему брату привет. И поздравь его от моего имени.

— С чем?

— Разве ты не видела его фотографию в журнале «Лук»? Теперь твой брат знаменит на всю Америку. По крайней мере, на эту неделю.

— А, ты об этом, — без особого энтузиазма произнесла Гретхен.

В журнале была опубликована статья под названием «Десять восходящих политических звезд, которым еще нет сорока» и помещены две фотографии: на одной — Рудольф с Джин в гостиной их дома, на другой — Рудольф за своим рабочим столом в ратуше. *«Молодой, обаятельный мэр Уитби, женатый на прелестной, богатой молодой женщине, — говорилось в статье, — быстро завоевывает популярность среди влиятельных республиканцев, занятых в местных органах управления. Умеренный либерал, энергичный администратор, он не принадлежит к числу оторванных от жизни политиков-теоретиков: всю свою жизнь он трудился на различных поприщах в своем городе и хорошо знает его нужды. На посту мэра он придал динамичность работе органов городского самоуправления; способствовал оживлению жилищного строительства; вел и ведет нещадную борьбу против загрязнения окружающей среды промышленными отходами; привлек к уголовной ответственности за взятки бывшего начальника полиции и трех полицейских; выпустил заем на строительство новых школ; пользуясь влиянием в совете попечителей университета Уитби, способствовал введению совместного обучения в этом заведении. Дальновидный реформатор, он провел многообещающий эксперимент, закрыв по субботам, начиная со второй половины дня, движение транспорта в центре города, с тем чтобы горожане могли гулять по проезжей части центральных улиц, попутно заходя в магазины. Издаваемая им газета „Страж Уитби“ регулярно публикует принципиальные и нелицеприятные статьи о проблемах как местных, так и национальных органов управления. Газете не раз присуждались премии и награды как лучшему печатному органу среди изданий, выходящих в городах с населением менее пятидесяти тысяч человек. На съезде мэров в Атлантик-Сити мистер Джордах выступил с яркой речью, заслужившей бурные аплодисменты. В составе делегации лучших мэров страны был принят в Белом доме».*

— У каждого, кто читает эту статью, — сказала Гретхен, — может создаться впечатление, будто Рудольф сделал в Уитби все, что только возможно, и единственное, чего ему не удалось, — так это воскресить мертвых. Не иначе как автор статьи — дама, которая без памяти влюбилась в него. Уж мой брат знает, как очаровывать людей.

* «Лук» — иллюстрированный журнал, пользовавшийся большой популярностью в 1940 — 1960-х гг.

— Я вижу, твои чувства к родным и близким не затуманивают тебе глаз, и твои суждения о них суровы и беспристрастны,— улыбнулся Эванс.

— Просто мне хочется думать, что мои родные и близкие не верят в ту чушь, которую о них пишут,— ответила Гретхен.

— Пущенная тобой стрела угодила в цель, дорогая,— сказал Эванс.— Сейчас приду домой и сожгу все свои альбомы с вырезками, где мне поют дифирамбы.

Он поцеловал Иду, затем Гретхен и сказал ей на прощанье:

— Я заеду за тобой в твой отель в воскресенье в семь часов вечера.

— Буду тебя ждать,— ответила Гретхен.

— А пока что я ухожу в дождливую и одинокую ночь,— театральным голосом произнес Эванс и, потуже затянув на своей тонкой талии пояс плаща, вышел из комнаты.

Ох, уж этот Эванс, «слуга двух господ»: Гретхен прекрасно знала, сколь «одинокой» будет его ночь — у него в Нью-Йорке было по меньшей мере две любовницы.

— Никак не могу для себя решить,— пробормотала Ида,— то ли он подонок, то ли гений.

— Ни то ни другое,— отозвалась Гретхен и вновь стала просматривать на мовиоле не понравившийся ей эпизод, пытаюсь понять, можно ли с ним что-нибудь сделать.

Рудольф появился в монтажной ровно в шесть тридцать, являя собой воплощение подающего надежды политика в своем темно-синем плаще и бежевого цвета шляпе. В соседней комнате в этот момент с грохотом несся по рельсам поезд, а в комнате дальше по коридору симфонический оркестр играл увертюру «1812 год». У Гретхен на аппарате перематывалась пленка с эпизодом, над которым она работала весь этот день, и диалоги звучали как громкая, свистящая тарабарщина.

— Господи Иисусе! — воскликнул Рудольф.— Как ты можешь целыми днями это выдерживать?

— Эти звуки ласкают мой слух, но тебе этого не понять,— ответила Гретхен и, закончив перематывать пленку, передала Иде бобину со словами: — Сейчас же отправляйся домой.

Если Иде не предстояло идти на какой-нибудь политический митинг, то она могла работать до десяти, а то и до одиннадцати вечера, поэтому Гретхен вынуждена была прогонять ее домой. Иду страшило свободное время и ничегонеделание.

Рудольф не поздравил ее с днем рождения ни когда они спустились в лифте, ни когда вышли на Бродвей, но Гретхен не стала напоминать ему об этом. Рудольф нес в руке небольшой чемоданчик Гретхен, который она уложила еще с утра. Дождь все не прекращался, а такси нигде не было видно, поэтому они двинулись

к Парк-авеню пешком. Зонтика она с собой не захватила, потому что утром дождя не было. К тому времени, когда они дошли до Шестой авеню, она успела промокнуть до нитки.

— Нью-Йорку нужны по меньшей мере еще десять тысяч такси, — сказал Рудольф. — Уму непостижимо, с чем люди мирятся ради того, чтобы жить в большом городе.

— *Энергичный администратор, умеренный либерал, дальновидный реформатор...* — процитировала Гретхен.

— А-а, ты читала эту статью? Абсолютная галиматья, — рассмеялся Рудольф, но ей показалось, что голос его противоречит словам и на самом деле он доволен.

Когда они вышли на Пятьдесят вторую улицу, дождь лил еще сильнее, чем раньше. У клуба «21»^{*} Рудольф остановил ее и сказал:

— Давай нырнем сюда и чего-нибудь выпьем. Потом швейцар поймает нам такси.

Волосы у Гретхен слиплись от дождя, чулки сзади были заляпаны грязью, она выглядела как мокрая курица, к тому же на лацкане ее пальто красовался значок «Запретим бомбу», а потому идея «нырнуть» в такое знаменитое место, как клуб «21», ее не привела в восторг, но Рудольф уже вел ее к двери.

— Добрый вечер, мистер Джордах, — наперебой здоровались с Рудольфом швейцары, гардеробщицы, администратор, метрдотель, бармен. Со многими из них Рудольф обменялся рукопожатиями.

Понимая, что ни прически, ни чулок спасти уже невозможно, Гретхен не стала заходить в дамскую комнату, а прошла с Рудольфом прямо в бар. Поскольку ужинать они не собирались, столик им был не нужен. Дальний угол стойки оказался свободным, и они заняли там место. Зато в передней части бара к стойке нельзя было подступить, и, судя по виду и голосам тех, кто сидел на стульях вдоль стойки, они занимались преимущественно рекламным делом и нефтедобывающим бизнесом. Запрещать ядерную бомбу эти люди явно не собирались. Женщины, сидевшие рядом с ними, пользовались косметикой фирмы «Элизабет Арден»^{**} и относились к числу тех особ, возле которых такси останавливаются по малейшему мановению руки. Освещение в баре было приглушенным и задумано таким образом, чтобы посетительницы не чувствовали, что напрасно потратили полдня, делая прическу и массаж лица в салонах «Элизабет Арден».

* Клуб «21» — один из наиболее знаменитых и оригинальных ресторанов и ночных клубов Нью-Йорка; славится своей кухней, часто посещается деятелями театра и кино.

** «Элизабет Арден» — одна из крупнейших в США компаний по производству косметических средств; продукция фирмы пользуется большим спросом и является достаточно дорогой.

— Считаю, что ты навсегда погубил свою репутацию в этом заведении, — сказала Гретхен. — Они тебе не простят, что ты посмел появиться здесь с особой, у которой такой вид, как сейчас у меня.

— Они и не таких видели, — пошутил Рудольф.

— Спасибо, братик, за комплимент.

— Ладно, не переживай, — уже всерьез проговорил Рудольф. — На самом деле вряд ли у них так уж часто бывают столь красивые женщины, как ты.

Но она не чувствовала себя красивой. Она чувствовала себя мокрой, дурно одетой, старой, утомленной, одинокой и никому не нужной.

— Не обращай на меня внимания, — через силу улыбнулась Гретхен. — Сегодня у меня день жалости к самой себе... Скажи, как там Джин?

Вторая беременность Джин закончилась выкидышем, и Джин тяжело это переживала. Когда Гретхен бывала у них, Джин казалась ей подавленной и отрешенной; она могла неожиданно резко прервать начатый разговор и, не закончив фразы, встать и уйти из комнаты. Джин забросила фотографию, и, когда однажды Гретхен спросила у нее, собирается ли она снова начать фотографировать, Джин в ответ лишь неопределенно покачала головой.

— Джин? Потихоньку приходит в себя, — коротко ответил Рудольф.

Подошел бармен. Рудольф заказал себе шотландское виски, а Гретхен — мартини. Когда принесли заказы, Рудольф поднял стакан и сказал:

— С днем рождения!

Оказывается, он не забыл.

— Не надо быть ко мне таким добрым, — сказала она, — а то я не выдержу и заплачу.

Он достал из кармана продолговатую коробочку с кожаным верхом и, положив ее на стойку перед Гретхен, сказал:

— Ну-ка, надень.

На коробочке стояло название фирмы — «Картье». Она открыла коробочку и увидела внутри великолепные золотые часы. Сняв свои тяжелые часы из нержавеющей стали, она надела новые и зашелкнула на запястье изящный золотой браслет. Конечно, эти часы отсчитывают какое-то иное время — более драгоценное и весомое. Единственный подарок в день рождения. Едва сдерживая слезы, она поцеловала брата в щеку. «Я должна научиться думать о нем лучше», — решила она, заказывая еще одно мартини.

— Какой еще урожай ты сегодня собрала? — спросил Рудольф.

— Никакого.

— А Билли звонил? — Он спросил это чересчур уж небрежно.

— Нет.

— Два дня назад я случайно встретил его возле университета и напомнил ему, — сказал он.

— Он слишком занят, — с некоторым вызовом проговорила она.

— Может, он не звонит как раз потому, что я напомнил ему? — задумчиво произнес Рудольф. — Тем самым он как бы протестует против того, что на него оказали давление. К тому же он не слишком любит своего дядюшку Руди.

— Он никого не любит, — вздохнула Гретхен.

Билли приехал учиться в Уитби потому, что после окончания школы в Калифорнии заявил, что хотел бы поступить в один из колледжей на востоке страны. Гретхен надеялась, что он будет учиться или в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, или, на худой конец, в университете Южной Калифорнии, что позволило бы ему по-прежнему жить дома, но сын недвусмысленно дал ей понять, что жить дома больше не желает. Он был очень неглупым и способным юношей, но уроками занимался крайне мало, и его отметки не были настолько высокими, чтобы его приняли в какой-либо престижный колледж или университет на востоке США. Гретхен попросила брата использовать свое влияние в университете Уитби, и Билли был туда принят. Билли писал ей редко — иногда она не получала от него писем по два месяца кряду. А когда послание наконец приходило, оно, как правило, оказывалось слишком лаконичным: он перечислял предметы, которые слушает в университете, и сообщал о своих планах на летние каникулы, предпочитая проводить их там же, на востоке страны. Уже больше месяца Гретхен работала в Нью-Йорке, всего в нескольких часах езды от Уитби, но сын ни разу не навестил ее. До сих пор гордость не позволяла ей самой съездить к нему, но больше она выдержать не могла.

— А чем объяснить поведение Билли? — спросил Рудольф.

— Он просто меня наказывает, заставляет страдать, — ответила Гретхен

— Наказывает? За что?

— За Эванса. Я старалась быть как можно более осторожной. Эванс никогда не оставался у меня ночевать, и я тоже всегда спала дома. Я ни разу не ездила с ним за город на выходные, но Билли, разумеется, все равно обо всем догадался и стал со мной крайне холоден. Иногда начинаешь думать, что женщины больше страдают, когда у них *есть* дети, чем когда их нет.

— Это у него пройдет, — успокоил ее Рудольф. — Обычная подростковая ревность, ничего больше.

— Дай-то Бог. Эванса он презирает. Называет его ничтожеством и шарлатаном.

— А он действительно шарлатан?

Гретхен пожала плечами:

— Не думаю. До Колина ему, конечно, далеко, но ведь и я не шла с ним ни в какое сравнение.

— Ты себя недооцениваешь, — мягко возразил Рудольф. — И ты слишком уж изнуряешь себя работой.

— А что еще остается женщине, когда ей перевалило за сорок?

— Ты выглядишь на тридцать, — уверил ее Рудольф. — Да, Гретхен, передо мной красивая, желанная тридцатилетняя женщина.

— Ах, если бы это было так! — вздохнула Гретхен. — Но все равно спасибо, дорогой братик.

— А Эванс не собирается на тебе жениться?

— В Голливуде, — ответила Гретхен, — преуспевающие тридцатидвухлетние режиссеры не женятся на сорокалетних вдовах, разве что те богаты или знамениты или и то и другое вместе. Я же ни то ни другое.

— Он тебя любит?

— Даже не знаю.

— А ты его?

— Тот же ответ. Мне хорошо с ним в постели. Мне нравится с ним работать. Я чувствую к нему привязанность. Он не дает мне забывать, что я женщина. Мне всегда необходимо чувствовать привязанность к какому-либо мужчине, знать, что я нужна ему, и Эванс оказался как раз таким счастливым. Предложи он выйти за него замуж, я бы согласилась не задумываясь. Но он не предлагает.

— Счастливые деньки, — задумчиво проговорил Рудольф. — Ладно, заканчивай свой мартини, и будем уходить. Джин, должно быть, заждалась нас, сидя одна в квартире.

Гретхен взглянула на свои новые часы.

— Сейчас, если верить господину Картье, ровно восемнадцать минут восьмого, — сказала она.

На улице все еще лил дождь, но в тот момент, когда они подходили к выходу, у клуба остановилось такси, и из него вышла молодая пара. Швейцар раскрыл над Гретхен огромный зонт, и она под его защитой прошла к освободившемуся такси. Если ты выходишь из клуба «21», то догадаться, что в Нью-Йорке не хватает десяти тысяч такси, довольно трудно.

Войдя в квартиру, они услышали стук молотка по металлу. Рудольф, а за ним и Гретхен, опрометью кинулись в гостиную. Перед ними предстала следующая картина: Джин сидела посреди комнаты на полу, держа ноги врозь, как играющий в кубики ребенок, в руках у нее был молоток, и она с методической последовательностью крушила лежавшую меж ее колен груды фотоап-

паратов, объективов и другую фототехнику. На Джин были широкие домашние брюки и грязный свитер. Немытые волосы прядями спадали ей на лицо, особенно когда она нагибалась, чтобы нанести очередной удар.

— Джин! — крикнул Рудольф. — Ты что, с ума сошла? Что ты делаешь?

Джин подняла голову и бросила на него сквозь растрепавшиеся волосы игриво-лукавый взгляд.

— Достопочтенному мэру, небось, захотелось узнать, чем это занимается его прелестная, богатая молодая жена? Что ж, я могу объяснить достопочтенному мэру, чем она занимается. Она превращает свои орудия труда в груды мусора. — Язык у Джин заплетался, она была пьяна. Подняв молоток, она грохнула им по большому широкоугольному объективу, и он разлетелся вдребезги.

Рудольф подошел к ней и выхватил молоток. Она не сопротивлялась.

— Достопочтенный мэр забрал у своей прелестной, богатой молодой жены молоток, с помощью которого она превращала свои орудия труда в кучу мусора, — запинаясь, пробормотала Джин. — Не беспокойся, моя дорогая куча, найдутся и другие молотки. Сейчас ты еще маленькая, но ты будешь расти все выше и выше, и наступит день, когда ты станешь одной из величайших и прекраснейших куч мусора в мире, и тогда достопочтенный мэр объявит тебя городским парком, созданным на радость жителей Уитби.

Рудольф, все еще держа в руке молоток, бросил на сестру испуганный, пристыженный взгляд.

— Господи, Джин, — сказал он жене, — в этих обломках — по меньшей мере тысяч пять долларов.

— Достопочтенной супруге не менее достопочтенного мэра фотоаппараты больше не нужны, — провозгласила Джин. — Пусть теперь фотографируют *меня*. Пусть фотографией занимаются бедняки. Талантливые люди. Опля, — и она грациозно, имитируя балерину, взмахнула руками. — Принесите же мне молоток! Руди, дорогой, тебе не кажется, что тебе следует дать своей прелестной богатой молодой жене чего-нибудь выпить?

— Ты и так достаточно выпила.

— Рудольф, — сказала Гретхен, — я, пожалуй, пойду. Все равно мы сегодня уже не сможем поехать в Уитби.

— О, прекрасная Уитби! — подхватила Джин. — Город, где прелестная, богатая молодая жена достопочтенного мэра с одинаковой, приклеенной улыбкой встречает и демократов и республиканцев; где она открывает благотворительные базары и неизменно появляется под руку со своим мужем на банкетах и политических митингах; где ей непременно нужно присутствовать

на церемониях вручения дипломов, на празднествах в честь Дня независимости, на соревнованиях студенческих футбольных команд, на торжественном открытии новых лабораторий, на закладке новых жилых районов с настоящими унитазами для цветных...

— Прекрати, Джин! — резко оборвал ее Рудольф.

— Нет, мне действительно лучше уйти, — повторила Гретхен. — Я тебе позвоню и...

— Любезная сестра почтенного мэра, куда это вы так спешите? — повернулась к ней Джин. — Кто знает, может быть, когда-нибудь ему понадобится и ваш голос. Оставайтесь, и мы уютно, по-семейному посидим и выпьем. Оставайтесь и послушайте, о чем мы здесь говорим. Это может оказаться для вас поучительным. — Она споткнулась на длинном слове. — Всего за сто уроков вы можете узнать, как превратиться в довесок к собственному мужу. Я даже собираюсь заказать себе визитные карточки: *«Миссис Джордах, некогда профессиональный фотограф, а ныне довесок. Один из десяти самых многообещающих довесков в Соединенных Штатах. Специализируется на паразитизме и лицемерии. Читает курс лекций на тему: „Как стать довеском“.* — Она хихикнула. — *Любой девушке с голубой американской кровью гарантируется диплом».*

Гретхен повернулась и тихо вышла из комнаты. Рудольф ее не удерживал. Он неподвижно стоял в мокром плаще, держа в руке молоток и беспомощно уставившись на свою пьяную жену.

Дверь лифта открывалась прямо в квартиру, и Гретхен ждала его стоя в прихожей. Она еще успела услышать, как Джин детским, обиженным голосом говорит: «Ну почему у меня вечно забирают молотки, когда они мне больше всего нужны?», прежде чем пришел лифт и она удрала из квартиры брата.

Вернувшись в «Алгонкин», она позвонила в гостиницу Эвансу, но телефонистка на коммутаторе сказала, что комната, в которой проживает мистер Кинселла, не отвечает. Она попросила телефонистку передать мистеру Кинселле, что миссис Берк на выходные не уезжает и весь вечер будет у себя в отеле. Потом приняла горячую ванну, переделалась, спустилась в ресторан отеля и поужинала.

На следующий день в девять утра позвонил Рудольф. Гретхен была в номере одна: вечером она так и не дождалась звонка Эванса. Рудольф сказал ей, что вскоре после того, как она ушла, Джин легла спать, а когда проснулась, не знала, куда деться от стыда за вчерашнее. Сейчас она в полной норме, и они решили ехать в Уитби, вот только ждут Гретхен.

— Может быть, вам стоило бы провести этот день вдвоем? — спросила Гретхен.

— Напротив, нам лучше не оставаться вдвоем, — ответил Рудольф. — Кстати, твой чемоданчик у нас: это на тот случай, если ты думаешь, что потеряла его.

— Нет, я так не думаю — я помню, где он, — ответила Гретхен. — Буду у вас к десяти.

Одеваясь, Гретхен раздумывала над вчерашней сценой, и на память ей приходили некоторые другие случаи, когда Джин вела себя пусть и не так буйно, но почти столь же странно. Теперь многое становилось ясным. До сих пор Джин удавалось скрывать свою слабость от Гретхен, потому что они не так уж часто и виделись. Но сейчас сомнений не оставалось: Джин — настоящая алкоголичка. Интересно, сознает ли это Рудольф? А если да, то что он намерен делать?

Так и не дождавшись звонка Эванса, хотя было уже без четверти десять, Гретхен спустилась на лифте в вестибюль и вышла на залитую солнцем Сорок четвертую улицу — высокая, стройная женщина с красивыми ногами, мягкими, черными волосами, прекрасной, белой кожей. Отлично сшитый твидовый костюм и блузка из джерси — как раз то, что нужно для загородной поездки на уик-энд. Лишь приколотый к лацкану значок «Запретим бомбу» мог свидетельствовать о том, что в это солнечное весеннее утро 1966 года в Америке не все так благополучно, как кажется.

Когда Гретхен поднялась в квартиру брата и вошла в гостиную, в которой не оставалось и следа от вчерашнего погрома, Рудольф и Джин слушали по приемнику фортепьянный концерт Моцарта. Рудольф вел себя так, будто ничего не случилось, а Джин, которая встала с дивана навстречу Гретхен и поцеловала ее, хотя и была бледнее обычного и в ее движениях чувствовалась какая-то неуверенность, в остальных отношениях, как показалось Гретхен, тоже вполне пришла в себя после вчерашнего вечера. Она бросила на Гретхен быстрый взгляд, в котором та увидела мольбу о понимании и снисхождении, но обратилась к ней своим обычным низко-тембровым торопливым голосом, в котором звучали обычные для нее жизнерадостные нотки:

— Гретхен, ты выглядишь просто потрясающе в этом костюме. И скажи, где мне достать такой значок? Его цвет выгодно оттеняет цвет моих глаз.

— Не забудь надеть этот значок, когда мы в следующий раз поедем в Вашингтон, — сказал Рудольф жене. — Уверю тебя, он будет иметь там огромный успех.

Голос его звучал мягко, и смеялся он своей шутке вполне искренне и без тени издевки.

Все то время, пока они спускались на лифте вниз, а затем ждали, когда человек из гаража подгонит к дому машину, Джин держала Рудольфа за руку, словно маленькая девочка, которую папа берет на прогулку. Ее каштановые волосы, заколотые сзади бантом-бабочкой, сияли чистотой. На ней была мини-юбка, позволявшая по достоинству оценить ее удивительно красивые, стройные, безукоризненно прямые ноги. Она была без чулок, и видно было, что ноги ее успели уже загореть. Как и всегда, она выглядела не более чем на восемнадцать лет.

Рудольф сказал Гретхен:

— Я позвонил секретарше, чтобы она связалась с Билли и сказала ему, что мы ожидаем его у себя дома к обеду.

— Спасибо, Руди,— ответила Гретхен.

Она так давно не видела Билли, что, пожалуй, им и в самом деле лучше встретиться в домашней обстановке, в кругу родственников.

Когда пришла машина, Джин и Гретхен сели на переднее сиденье, рядом с Рудольфом. Он сразу же включил радио, и их до самого Бронкса сопровождала безмятежная, по-весеннему жизне-радостная музыка Моцарта.

Они ехали мимо зарослей кизила, мимо рядов тюльпанов, усеивающих обочины шоссе, мимо лужаек, на которых взрослые и дети играли в бейсбол. Моцарт уступил место Лессеру*, и из приемника полилась знаменитая песенка «Я крошку Эйми полюбил, а разлюбить не смог» в исполнении неподражаемого Рея Болджера**. Джин подпевала ему приятным, низким, музыкальным голосом. Все они прекрасно помнили Болджера в этом мюзикле, помнили, с каким удовольствием его слушали. К тому времени, когда они подъехали к фермерскому дому в Уитби, в саду которого уже начала распускаться сирень цвета ранних сумерек, они почти забыли о вчерашнем инциденте. *Почти.*

Светловолосая, пухленькая Инид, которой уже исполнилось два года, с нетерпением их ждала. Увидев мать, она бросилась к ней и долго не отходила от нее, обнимая и целуя ее. Рудольф проводил Гретхен в комнату для гостей, неся за ней по лестнице ее чемоданчик. Комната была полна цветов, сияла чистотой и радовала идеальным порядком.

Рудольф поставил чемодан у двери и сказал:

— Думаю, ты здесь найдешь все, что тебе может понадобиться.

* *Фрэнк Лессер* (1910 — 1969) — американский композитор, писавший мюзиклы, популярные песни и музыку к кинокомедиям.

** *Рей Болджер* (1904 — 1987) — популярный американский певец, актер и танцор, выступавший в бродвейских мюзиклах и снимавшийся в музыкальных кинокомедиях.

— Руди,— понизив голос, сказала Гретхен,— мы сегодня не должны пить.

— Почему? — В его голосе звучало удивление.

— Не надо искушать Джин. Даже если она сама не будет пить — видеть, как рядом пьют другие...

— Мне кажется, тут не о чем беспокоиться,— беспечно произнес Рудольф.— Вчера она просто была слегка не в себе, поэтому и...

— Она настоящий алкоголик, Руди,— мягко проговорила Гретхен.

Рудольф отмахнулся:

— Не надо преувеличивать, это на тебя совсем не похоже. Временами она действительно бывает на взводе, но с кем этого не случается? Мы ведь с тобой тоже иногда перебираем.

— Мы — совсем другое дело,— сказала Гретхен.— Пойми, ей нельзя пить. Ни капли. Даже пива. И ее нужно по возможности ограждать от людей, которые любят выпить. Руди, я знаю, о чем говорю. Голливуд полон такими женщинами. Многие из них, как и она, находятся в начальной стадии, но есть и такие, кто дошел до ручки. И поверь мне, на них страшно смотреть. Это может ждать и Джин, если ей не помочь. Ты ведь должен оберегать ее.

— А разве я ее не оберегаю? — в его голосе слышались нотки раздражения.

— Руди, спрячь от нее все до единой бутылки со спиртным, какие только есть в доме,— настойчиво проговорила Гретхен.

— Успокойся,— еще более раздраженно ответил Рудольф.— Тут все-таки не Голливуд.

Внизу зазвонил телефон, потом раздался голос Джин:

— Гретхен! Это Билли. Спрашивает тебя. Спускайся вниз.

— Послушайся меня, Руди,— с напором произнесла Гретхен.

— Иди лучше поговори с сыном,— холодно произнес он.

Голос Билли звучал непривычно взросло.

— Здравствуй, мать! Просто здорово, что ты приехала.— Он стал говорить ей «мать» с тех пор, как на сцене появился Эванс. Раньше он всегда называл ее «мамой». Тогда ей казалось, что это звучит слишком по-детски для юноши его возраста, да еще такого высокого, но сейчас она была бы счастлива, если бы снова услышала это ласковое слово «мама».— Послушай, мне страшно неудобно перед Рудольфом,— тем временем говорил Билли,— но тебе придется извиниться перед ним от моего имени, ладно? Он пригласил меня к себе на обед, а у нас в это время игра в бейсбол, и я стою на подаче, так что я приду к нему в гости как-нибудь в другой раз.

— Хорошо, я извинюсь за тебя,— ответила Гретхен.— А когда мы увидимся?

— Сейчас мне трудно сказать.— В голосе Билли чувствовалась явная растерянность.— После игры мы собираемся у одного парня. Будет грандиозная вечеринка с пивом и...

— Где вы играете? — спросила Гретхен.— Я приду посмотреть. Мы сможем поговорить в перерывах.

— Ну вот, ты уже и надулась, судя по голосу.

— Вовсе я не надулась, как ты выражаешься. Где вы играете?

— В восточной части университетского городка,— ответил Билли.— Там спортплощадки идут одна за другой. Ты легко найдешь.

— До встречи, Билли,— сказала Гретхен и повесила трубку.

Из прихожей, где стоял телефон, она прошла в гостиную. Джин сидела на диване и, прижимая к себе Инид, тихонько раскачивала ее, а девочка ворковала от удовольствия. Рудольф готовил коктейль дайкири.

— Мой сын просит извинить его,— объявила Гретхен,— но неотложные дела не позволяют ему сегодня вырваться из университета и он не сможет пообедать с нами.

— Что ж, очень жаль,— ровным голосом произнес Рудольф, но Гретхен заметила, как на какое-то мгновение посуровело его лицо. Он наполнил стаканы коктейлем: один для себя, а другой — для Гретхен; Джин, занятая ребенком, сказала, что пить не будет.

После обеда Гретхен взяла машину брата и поехала в университетский городок. Она бывала в этом районе города не один раз, но ее по-новому поразила спокойная, слегка пасторальная красота улиц, уютные, старые дома, стоящие в живописном беспорядке среди просторных, зеленых лужаек, посыпанные гравием дорожки, причудливым узором прорезающие траву, вековые дубы и вязы. В выходные дни студентов оставалось немного, и университетский городок дремал в безмятежном солнечном забытьи. «Такие места приятно вспоминать всю жизнь,— подумала Гретхен,— они остаются в воображении навсегда, беря сердце меланхолической ностальгией». Если университет — это такое место, где молодых людей готовят к жизни, то как раз этих тихих газонов, этих скромных университетских коридоров, этих просторных учебных аудиторий и не будет хватать выпускникам в их дальнейшей, «взрослой» жизни. Ну а жизнь, с которой столкнутся выпускники Уитби в последней трети двадцатого столетия, уж совсем будет далека от этих умиротворенных, патриархальных картин.

На трех студенческих спортивных площадках шла неспешная игра в бейсбол. Сына она увидела на той из площадок, где играли наиболее вяло и где почти половину игроков составляли

девушки. Одна из девушек сидела на траве и читала книгу, отрываясь от чтения лишь тогда, когда товарищи по команде кричали ей, чтобы она бежала за мячом. Игра, скорее всего, началась давно, потому что, когда Гретхен подошла к линии первой базы, там шел спор: первый филдер одной команды доказывал игрокам другой команды (лежавшим на траве в ожидании своей очереди отбить битой бросок питчера), что его команда выигрывает со счетом девятнадцать — шестнадцать, а не восемнадцать — пятнадцать, как утверждали игроки другой команды. Было совершенно очевидно, что, если бы Билли и вовсе не было бы на поле, этого никто бы и не заметил.

Билли, одетый в выцветшие джинсы с бахромой на штанинах и в серую тенниску, играл в роли питчера. Девушкам он подавал мяч легонько, зато ребятам посылал его резкими, сильными бросками. Он не сразу заметил Гретхен, и она, пользуясь этим, какое-то время стояла и любовалась его лениво-грациозными движениями. Высокий, стройный, длинные волосы спадают на лоб, лицо красивое, чувственное, сильное, слегка капризное — усовершенствованный вариант Уилли Эбботта. Лоб такой же выпуклый и высокий, глаза темнее и посажены глубже, нос длиннее, с трепещущими широкими ноздрями, зубы ровные, юношески белые; на правой щеке, когда он улыбался, появлялась, нарушая симметрию, ямочка.

«Ах, как было бы чудесно, если бы характером он был бы так же хорош, как и лицом!», — подумала Гретхен. Билли в это время послал мяч хорошенькой, пухлой девушке, которая попыталась его отбить, но промахнулась и с деланным отчаянием воскликнула: «Я абсолютно безнадежна!»

В перерыве Билли наконец заметил Гретхен, стоявшую позади первой базы, и подошел к ней.

— Привет, мать, — сказал он, целуя ее в щеку. Когда он увидел значок «Запретим бомбу», в глазах у него вспыхнули насмешливые искорки. — Я же говорил, что найти меня будет нетрудно.

— Надеюсь, я не помешала? — спросила она, понимая, что взяла неверный тон: *люби меня, сынок, я ведь твоя мама.*

— Нет, конечно, — ответил он и крикнул: — Эй, ребята! Кто-нибудь пусть поиграет за меня — ко мне пришли. Увидимся на вечеринке. — Он и не думал представлять ее своим друзьям. — Может, пройдемся? Я тебе покажу университет.

— Рудольф и Джин огорчились, что ты не пришел на обед, — сказала Гретхен, когда они отошли от спортивной площадки. Опять не тот тон.

— Вот как? — безразличным голосом проговорил Билли. — Мне очень жаль.

— Рудольф говорит, что он тебя приглашает уже не первый раз, но ты у него так и не появился.

Билли пожал плечами:

— Сама знаешь, как это бывает. То одно помешает, то другое.

— Мне бы хотелось, чтобы ты хоть иногда заходил к нему,— сказала Гретхен.

— Ладно, буду заходить. *Иногда*. Мы с ним будем обсуждать проблему отцов и детей. Или попытаемся установить, почему все в университете курят марихуану. Его газета только и пишет об этих вещах.

— А ты куришь марихуану?

— Открой, мать, глаза: мы ведь живем в двадцатом столетии.

— Только не надо говорить со мной этим снисходительным тоном! — резко проговорила Гретхен.

— Сегодня такой прекрасный день, — спокойно произнес он. — И мы так давно не видели друг друга. Так давай же не будем ссориться. Видишь вон то здание? Это общежитие, в котором я жил, когда был на первом курсе.

— Твоя девушка тоже играла с вами? — (Как-то он написал ей, что ему нравится одна девушка из их группы.)

— Нет. К ней на выходные приехали родители, и она должна делать вид, будто меня не существует. Ее отец терпеть меня не может, ну а я отвечаю ему точно тем же. Он говорит, что я оказываю на его дочь растлевающее влияние. Он у нее настоящий неандерталец.

— Ты хоть о ком-нибудь можешь сказать доброе слово?

— Могу. Об Альбере Камю, например. Но его уже нет в живых. Кстати, как поживает еще один мой любимец по имени Эванс Кинселла?

— Он, в отличие от твоего Камю, еще жив, — ответил Гретхен.

— Да ну! — воскликнул Билли. — Вот это новость! Просто потрясающая новость!

«Если бы Колин не погиб, Билли не был бы таким, каким стал», — подумала Гретхен. Да, он был бы совсем другим. Рассеянный, очень занятой человек садится за руль, врезается в дерево, и круги от этого всплеска в потоке времени распространяются все шире и шире, проходя через многие поколения...

— Ты когда-нибудь бываешь в Нью-Йорке? — спросила она.

— Бываю, но редко.

— Когда приедешь в следующий раз, дай мне знать заранее, — сказала она, — И я куплю билеты на какое-нибудь шоу. Возьми с собой свою девушку. Я бы хотела с ней познакомиться.

— Да в ней нет ничего особенного, — ответил Билли.

— И все-таки дай мне знать.

— Хорошо.

— Как у тебя с занятиями? — спросила Гретхен.

Билли состроил недовольную гримасу.

— Рудольф говорит, дела у тебя неважные. Все это может закончиться тем, что тебя попросту отчислят из университета.

— Похоже, у мэра этого города работы не слишком-то много,— пробормотал Билли.— Иначе откуда бы у него было время разносить лекции, сколько лекций я прогуливаю за семестр?

— Если тебя вышвырнут отсюда, ты загремишь в армию. Ты *этого* добиваешься?

— А какая мне разница? — безразлично проговорил Билли.— В армии хоть повеселее, чем здесь на занятиях.

— А ты хоть когда-нибудь думаешь обо мне? — Вот этого уж совсем не стоило говорить. Классически проигрышная фраза. Но ничего не поделаешь: что сказано, то сказано.— Каково, потвоему, мне будет, если тебя отправят во Вьетнам?

— Мужчины воюют, женщины плачут,— ответил Билли.— Почему мы с тобой должны быть исключением?

— А ты что-нибудь делаешь, чтобы все это изменить? Чтобы остановить войну, например? Масса студентов по всей стране днем и ночью...

— Им просто делать нечего,— сказал Билли.— Зря тратят время. Война — слишком лакомый кусочек для сильных мира сего. Плевать они хотят на всю эту возню, которую поднимает горстка приклепанных молокососов. Если хочешь, я тоже могу нацепить такой, как у тебя, значок. Ну, а толку от этого? Пентагон тут же затрясется от страха, когда узнает, что Билли Эбботт выступает против ядерной бомбы!

— Билли,— Гретхен остановилась и посмотрела сыну прямо в глаза,— тебя *что-нибудь* в жизни интересует?

— В общем-то нет,— спокойно ответил тот.— А что, потвоему, это плохо?

— У меня только одна надежда,— вместо ответа сказала она,— что это просто позерство. Глупое, мальчишеское позерство.

— Это не позерство,— сказал он.— И я, к твоему сведению, не мальчишка. Я уже вполне взрослый и считаю, что все вокруг прогнило. На твоём месте я бы постарался на какое-то время забыть обо мне. Если тебе трудно высылать мне деньги на обучение, можешь не высылать. А если тебе не нравится, каким я стал, и ты винишь за это *себя*, утешать тебя я не буду: может быть, ты действительно виновата, а может быть, и нет. Прости, что я тебе все это говорю, но это потому, что я не хочу быть лицемером. Помоему, ты будешь гораздо счастливее, если перестанешь обо мне беспокоиться. Так что возвращайся к моему дорогому дяде Рудольфу и к своему дорогому Эвансу Кинселле, а я возвращусь к своему бейсболу.— Он повернулся и пошел по дорожке к спортивным площадкам.

Гретхен смотрела ему вслед до тех пор, пока он не превратился в крошечную серо-голубую фигурку, а затем, медленно и тяжело ступая, направилась туда, где оставила машину Рудольфа.

После этого оставаться на воскресенье в Уитби не было никакого смысла. Она поужинала с Рудольфом и Джин, не проронив за столом почти ни единого слова, а рано утром села на поезд и возвратилась в Нью-Йорк.

В отеле ее ждала записка: Эванс сообщал, что сегодня поужинать с ней не сможет.

Глава 6

1967 год

Джонни Хит сидел в салоне самолета, летевшего в Даллас, и просматривал какие-то бумаги, доставая их одну за другой из портфеля. Рядом с ним сидел Рудольф Джордах и тоже просматривал бумаги, доставая их из своего портфеля. Ему надо было представить на рассмотрение муниципальному совету бюджет на следующий год, и он хмурился, перелистывая толстую смету, подготовленную главным бухгалтером. Цены буквально на все неуклонно росли, и давно пора было повысить зарплату полицейским, пожарникам, учителям государственных школ, канцелярским работникам. Угрожающе возрастало число лиц, нуждающихся в различного рода пособиях, особенно среди негритянского населения Уитби. Планами городского строительства предусматривалось сооружение новой очистной станции, а это требовало значительных капиталовложений. Вместе с тем все боролись против увеличения налогов, и финансовая помощь от штата и федерального правительства сохранялась на прежнем уровне. «Ну вот, — подумал он, — даже на высоте десяти километров я продолжаю ломать голову: откуда взять деньги?»

Джонни Хита, сидевшего в соседнем кресле, тоже волновал вопрос денег, но не общественных, а личных — своих и Рудольфа. Брэд Найт после смерти отца перевел контору из Талсы в Даллас, и Рудольф с Джонни летели туда, чтобы обсудить судьбу своих капиталовложений в акции нефтедобывающей компании «Питер Найт и сын». В последнее время удача изменила Брэду, и Джонни с Рудольфом, как выяснилось, вкладывали деньги в одну пустую скважину за другой. Даже если где-то обнаруживалась нефть, эксплуатация скважин осложнялась то грунтовыми водами, то бесконечными обвалами, то неизвестно откуда взявшимися твердыми породами, пробиться сквозь которые бурением стоило немалых средств. Джонни Хит осторожно навел справки

и пришел к выводу, что Брэд уже давно дает в отчетах ложную информацию и просто присваивает себе их деньги, причем делает это уже не первый год. Цифры, к которым пришел Джонни Хит, выглядели более чем убедительно, но Рудольф не хотел предпринимать против Брэда каких-либо мер, не поговорив с ним лично. Ему казалось невероятным, что человек, которого он знает так давно и так хорошо, может поступить с ним подобным образом. Сомнительная история женитьбы Брэда на Вирджинии Колдервуд, на взгляд Рудольфа, еще ничего не доказывала.

Когда они прилетели в Даллас, Брэд в аэропорту их не встретил. Вместо себя он прислал своего помощника, высокого, дородного мужчину в коричневой соломенной шляпе, полосатом пиджаке и узком галстуке. Он извинился за своего шефа («У мистера Найта совещание», — сказал он) и, выехав на шоссе, над которым стояло порожденное невыносимой жарой сплошное дымчатое марево, отвез их на оснащенном кондиционером «кадиллаке» в отель в центре города, где Брэд снял им номер с гостиной и двумя отдельными спальнями.

Отель был новехонький, и все номера в нем были декорированы в стиле, который, как, по-видимому, считал художник по интерьеру, был усовершенствованием французского интерьерного стиля времен Второй империи*. На длинном столе у стены стояли выстроенные рядами шесть бутылок бурбона, шесть бутылок шотландского виски, шесть бутылок джина и шесть бутылок водки, а также бутылка вермута, ведро с колотым льдом, несколько дюжин бутылок кока-колы и содовой, корзинка с лимонами, огромная ваза с роскошными фруктами и множество бокалов и стаканов различных форм и размеров.

— Пиво и шампанское в холодильнике, — сказал помощник Брэда. — Ни в чем себя не ограничивайте — все оплачено мистером Найтом. Вы его гости.

— Но нам завтра уже улетать, — сказал Рудольф.

— Мистер Найт сказал мне, чтобы я устроил вас с комфортом, — важно проговорил помощник. — Вы не где-нибудь, а в Техасе.

— Если бы все эти яства были у защитников Аламо**, — сказал Рудольф, — то они держали бы до сих пор оборону.

* *Вторая империя* — период правления во Франции императора Наполеона III (1852 — 1870).

** *Аламо* — испанская католическая миссия-крепость в г. Сан-Антонио, штат Техас, место героической обороны около 200 техасских повстанцев во время борьбы за независимость от Мексики 23 февраля — 6 марта 1836 г. Все защитники погибли во время осады крепости четырехтысячным отрядом мексиканцев. Мексиканцы при этом потеряли около 1,5 тыс. человек. Клич «Помни Аламо!» стал призывом к независимости Техаса.

Помощник Брэда вежливо засмеялся и сказал, что мистер Найт скорее всего освободится к пяти.

— Если вам что-нибудь понадобится, джентльмены,— произнес помощник Брэда, прежде чем выйти из номера,— без всякого стеснения звоните мне в контору.

— Хотят втереть нам очки,— сказал Джонни, окидывая взглядом номер и уставленный бутылками стол.

Рудольфа вечная подозрительность Джонни временами начинала раздражать — так было и в данном случае.

— Мне надо позвонить в несколько мест,— сказал Рудольф.— Когда придет Брэд, сразу же дай мне знать.— Он прошел в свою спальню и закрыл за собой дверь.

Прежде всего он позвонил домой. Он старался звонить Джин по меньшей мере три раза в день, где бы он ни находился. В конце концов он последовал совету Гретхен и теперь не держал в доме спиртного, но в Уитби было сколько угодно винных магазинов и баров. Впрочем, сегодня можно было не волноваться: когда он наконец дозвонился, Джин разговаривала с ним бодрым тоном и была в прекрасной форме. «Сегодня в Уитби весь день идет дождь»,— сказала Джин. Она собирается взять Инид на первый детский праздник в жизни дочери. (Два месяца назад она села за руль пьяной — Инид она посадила сзади — и разбила машину, но как Инид, так и сама она отделались лишь царапинами.)

— Как там в Далласе? — спросила Джин.

— На взгляд техасцев, нормально,— ответил Рудольф.— Но на взгляд остальных представителей рода человеческого, вроде нас с Джонни, здесь невыносимо.

— Когда ты вернешься?

— Постараюсь как можно быстрее.

— Не задерживайся,— сказала она.

Он не объяснял ей, зачем ему и Джонни понадобилось лететь в Техас. Не хотел ее расстраивать раньше времени.

Затем он связался со своим секретарем в ратуше. Это был несколько женоподобный, невозмутимый молодой человек. Однако сегодня он утратил свою невозмутимость. Утром студенты устроили перед зданием редакции «Стража Уитби» демонстрацию, протестуя против напечатанной в газете передовой статьи, ратующей за сохранение в университете факультета вневоинской подготовки офицеров запаса. Рудольф сам одобрил эту публикацию, потому что статья была написана в умеренном тоне и отнюдь не призывала сделать военную подготовку принудительной. В статье лишь говорилось, что этот факультет предназначен для тех студентов, кто решил посвятить себя военной карьере, а также тех, кто считает, что они обязаны быть готовы в случае необходимости к защите своей страны. Но голос разума не охладил пыл студентов. В окно редакции (а все окна в ней с зеркальными стек-

лами) бросили камень, и пришлось вызывать полицию. Секретарь сообщил, что в ратушу позвонил разгневанный Дорлакер, ректор университета, и сказал (дословно): «Если он мэр, то почему его нет на месте?» Секретарь не знал, что на это ответить (Рудольф, отправляясь, не считал нужным сообщить ему цель поездки.) Заходил начальник полиции Оттман. Был очень встревожен. Сказал, что у него крайне важное дело к мэру, и лучше бы ему побыстрее вернуться. Дважды звонили из Олбани. Делегация представителей негритянского населения Уитби вручила им петицию — что-то насчет плавательного бассейна.

— Этого достаточно, Уолтер, — устало сказал Рудольф. Повесил трубку и лег на кровать, прямо на нежно-голубое шелковое покрывало. Как мэр Уитби он получал десять тысяч долларов в год и всю эту сумму жертвовал на благотворительность. Бескорыстное служение обществу...

Он поднялся с кровати, злорадно заметив, что на шелковом покрывале остались грязные следы от его туфель, и вернулся в гостиную. Джонни сидел без пиджака за огромным письменным столом и просматривал свои бумаги.

— У меня уже нет ни малейших сомнений, Руди, — сказал Джонни, — что этот сукин сын облапошил нас, как младенцев.

— Об этом потом, — сказал Рудольф. — В данный момент у самоотверженного и бескорыстного слуги общества и так хлопот полон рот.

Он положил в стакан несколько кубиков льда, плеснул на них кока-колы и, подойдя к окну, посмотрел на раскинувшийся внизу Даллас. Небоскребы города, поблескивая на испепеляющем солнце морем окон, поднимались среди бесплодных пустынь бессмысленным извержением стекла и металла, — результат космической катастрофы, неожиданно обрушившейся на Землю, апогей всего неорганического и бездушного.

Рудольф вернулся в спальню и назвал телефонистке отеля номер телефона начальника полиции Уитби. Ожидая звонка, он рассматривал себя в зеркале. Оттуда на него взирал человек, который срочно нуждается в отпуске. Интересно, когда у него будет первый инфаркт? Правда, статистика утверждает, что в Америке инфаркты чаще всего случаются с бизнесменами, а он ведь — по крайней мере теоретически — оставил бизнес. А вот самая высокая продолжительность жизни, как он где-то читал, — у преподавателей университетов и генералов.

Когда его соединили с Оттманом, тот, судя по голосу, был в весьма мрачном расположении духа. Хотя, с другой стороны, он никогда не выходил из этого состояния. Свое *métier** — уголовные и иные преступления — он считал унизительным. Быв-

* *Métier* (фр.) — занятие, профессия.

ший шеф полиции, Бейли, которого Рудольф посадил в тюрьму, был, напротив, добродушным и веселым человеком. Рудольф часто жалел, что пришлось его посадить. Такова цена честности и принципиальности: иногда Рудольфу приходилось поступать вопреки своей воле и личным симпатиям.

— Мы выпустили черта из табакерки, господин мэр,— сказал ему Оттман.— Лейтенант Слаттери сегодня утром, в половине девятого, задержал в кафетерии первокурсника, курившего марихуану. Только подумать — в половине девятого утра! — (Оттман был примерным семьянином, вел регулярную жизнь, и утренние часы были для него священными.) — При нем нашли тридцать граммов марихуаны. Оказался страшно разговорчивым. Рассказал нам, что у них в общежитии минимум пятьдесят человек курят гашиш и марихуану. Сказал, что если мы туда наведаемся, то найдем по меньшей мере полкилограмма наркотиков. У него есть свой адвокат, и нам придется отпустить мальчишку вечером под залог. Но адвокат, как я думаю, успел разболтать об этом случае уже не одному человеку, и в какое это ставит меня положение? Мне только что позвонил Дорлакер и посоветовал держаться подальше от студенческого городка, но ведь скоро об этом узнает весь город, и если я буду сидеть сложа руки, то что обо мне подумают? Университет наш, черт возьми,— не в Гаване и не в Буэнос-Айресе, а в черте Уитби, и закон есть закон.

«Ну и денек я выбрал для поездки в Даллас!» — с горечью подумал Рудольф.

— Дайте мне минутку подумать, мистер Оттман,— сказал он шефу полиции.

— Если мне не будет разрешено появляться на территории университета,— заявил Оттман,— то можете считать, господин мэр, что я уже подал в отставку.

«О, Господи! — подумал Рудольф.— Как все-таки тяжело с этими честными и принципиальными служаками!» Когда-нибудь он и сам попробует эту чертову марихуану, чтобы посмотреть, а о чем, собственно, идет речь. Может быть, это как раз то, в чем нуждается Джин?

— Адвокат этого мальчишки является также адвокатом Лиона Гаррисона,— продолжал Оттман,— и тот уже побывал у меня. Спросил, что я собираюсь предпринять. Как я понял, он настаивает на необходимости проведения специального заседания совета попечителей университета.

— Давайте сделаем так, мистер Оттман,— сказал Рудольф.— Позвоните Дорлакеру и скажите ему, что вы говорили со мной, и я распорядился в восемь вечера произвести обыск в общежитии университета. Ордер на обыск вам даст судья Саттерли, но пре-

дупредите ваших ребят, чтобы они не брали с собой дубинок. Я не хочу, чтобы возникли ненужные осложнения. Слух об обыске быстро распространится по университету, и, может быть, у студентов хватит ума выкинуть наркотики еще до того, как вы туда нагрнете.

— Вы не знаете нынешнюю молодежь, господин мэ, — скорбно произнес Оттман. — У них не хватает ума даже на то, чтобы вытереть себе задницу.

Рудольф дал ему номер своего отеля в Далласе и велел позвонить сразу после обыска. Затем положил трубку и допил кока-колу. Еда, которую им дали в самолете, была ужасной, и теперь его мучила изжога. К тому же он имел глупость выпить два коктейля «Манхэттен»*, которые стюардесса принесла ему на подносе. Так получается, что «Манхэттен» он пьет только тогда, когда находится в воздухе. На земле он ни разу его не пил. Не кроется ли в этом какой-то особый смысл?

Снова зазвонил телефон.

— Руди, это я, — услышал он голос Гретхен.

— Слушаю. — С того дня, как Гретхен сказала ему, что Джин — алкоголичка, отношения между ними стали натянутыми. Гретхен оказалась права, но от этого его холодность не уменьшилась.

— Я позвонила тебе в Уитби, — начала Гретхен, — и Джин мне сказала, как с тобой связаться. — Голос у нее был взволнованный, было очевидно, что она чем-то сильно встревожена. — Надеюсь, я тебя не сильно отвлекаю.

— Нет, нет, — солгал Рудольф с некоторой иронией в голосе. — Я приехал на этот прославленный курорт, Даллас *Les Bains*** , чтобы хоть пару дней отлежаться, задрать ноги, в великолепном номере с кондиционерами. Откуда ты звонишь?

— Из Лос-Анджелеса. Я бы тебя не стала беспокоить, но я просто схожу с ума!

«Да, она выбрала идеальное время, чтобы сойти с ума», — подумал Рудольф.

— Что у тебя случилось?

— Снова сложности с Билли. Ты ведь знаешь, что месяц назад его исключили из университета?

— Первый раз слышу, — ответил Рудольф. — Он никогда не нашептывает мне на ухо своих секретов.

— Он сейчас живет в Нью-Йорке. С какой-то девушкой...

— Гретхен, дорогая, — нетерпеливо проговорил Рудольф, — по меньшей мере полмиллиона ребят в возрасте Билли живут

* Коктейль «Манхэттен» — состоит из смеси виски и вермута; в бокал обязательно добавляется вишенка.

** *Les Bains* (фр.) — бальнеологический (курорт).

с девушками в Нью-Йорке. Благодарю Бога, что он не живет с каким-нибудь парнем.

— Дело вовсе не в ней, — отчаянно воскликнула Гретхен, — а в том, что, поскольку он не студент, его призывают в армию.

— Ну что ж, это пойдет ему только на пользу, — спокойно произнес Рудольф. — За два года армия сделает из него человека.

— Тебе легко так говорить — у тебя дочь, — с горечью сказала Гретхен. — А у меня сын, причем единственный, и я очень сомневаюсь, что пуля во лбу сделает из него человека.

— Не драматизируй ситуацию, Гретхен, — возразил Рудольф. — Тебя послушать, так можно подумать, будто призыв в армию молодого парня автоматически означает, что его непременно убьют. К твоему сведению, практически все призванные ребята, отслужив положенный срок, возвращаются в целости и невредимости.

— Именно поэтому я и звоню тебе, — продолжала Гретхен. — Я хочу быть уверенной, что он возвратится домой в целости и невредимости, и ты должен мне в этом помочь.

— Ну и как же я могу тебе помочь?

— Ты знаешь многих людей в Вашингтоне.

— Если парень бросил университет и у него хорошее здоровье, то никто не сможет освободить его от армии. Даже люди из Вашингтона.

— Я и сама понимаю, что на это трудно рассчитывать, судя по тому, что я слышу и читаю в газетах, — сказала Гретхен. — Но я ведь не прошу тебя полностью избавить его от армии.

— Тогда о чем же ты меня просишь?

— Постарайся использовать свои связи, чтобы после призыва в армию его, не дай Бог, не послали во Вьетнам.

Рудольф тяжело вздохнул. Он и в самом деле знал кое-кого в Вашингтоне, кто мог бы охотно помочь ему в этом деле. Но именно такого рода мелкие взаимные услуги по принципу «ты — мне, я — тебе», практикуемые среди политиков, казались ему заслуживающими особенного презрения. Это противоречило его нравственным принципам и бросало тень на истинные причины, побудившие его избрать политическую карьеру. Другое дело — мир бизнеса; там вполне в порядке вещей, когда к тебе приходит человек с просьбой устроить на какую-нибудь выгодную должность его племянника или двоюродного брата. В зависимости от того, насколько ты обязан этому человеку или насколько много рассчитываешь получить от него в будущем, а иногда и просто в зависимости от того, нравится он тебе или нет, ты помогаешь этому племяннику или двоюродному брату либо не помогаешь. Но если ты наделен властью, вверенной тебе твоими избирателями, которым ты обещал служить верой и правдой и которые ждут от тебя неукоснительного соблюдения законов, а потом используешь эту

власть для того, чтобы уберечь сына своей сестры от угрозы быть убитым в бою, хотя прекрасно знаешь, что эта участь может постигнуть тысяч других ребят того же возраста,— это уже совсем другое дело.

— Гретхен,— произнес он под легкое жужжание проводов, протянутых между Далласом и Лос-Анджелесом,— может быть, тебе удастся найти какой-нибудь другой выход...

— Единственный человек, который мог бы мне помочь,— начиная поднимать голос, сказала Гретхен,— это брат Колина Берка. Он генерал ВВС. Но он сейчас сам во Вьетнаме. А если бы он был здесь, то, я уверена, лег бы костями, но не допустил бы, чтобы Билли отправили воевать.

— Не так громко, Гретхен,— недовольно пробормотал Рудольф, отводя трубку от уха.— Я и так тебя хорошо слышу.

— Я вот что тебе скажу,— она уже срывалась на истерический крик.— Если ты откажешься мне помочь, я сразу же еду в Нью-Йорк, забираю Билли и увожу его в Канаду или Швецию. И обещаю тебе, будет грандиозный скандал — я во всеуслышание заявлю, почему я так поступила!

— Господи, Гретхен,— воскликнул Рудольф,— что на тебя нашло? Климакс начинается, что ли?

Он услышал, как на другом конце провода бросили трубку. Он медленно встал, подошел к окну и стал смотреть на панораму Далласа. Отсюда город выглядел ничем не лучше, чем из окна гостиной.

«Семья,— невесело подумал он.— Вечно эта семья». Он всегда, не колеблясь и не раздумывая, старался помогать семье. Работал вместо отца в пекарне и развозил булочки, заботился о матери, пока она была жива. Не побрезговал иметь дело с частным детективом, выдержал неприятную сцену с Уилли Эбботтом, помог Гретхен получить развод и стал другом ее второго мужа. Сколотил для Томаса достаточно большую сумму, чтобы тот смог покончить с варварской жизнью, которую он вел. Помчался на другой конец континента на похороны Колина Берка, чтобы поддержать сестру в безысходном горе. Рискнул забрать из школы неблагодарного и насмешливого Билли, когда мальчику стало там невмоготу, и устроил его в университет Уитби, хотя отметки у него были такие, что он собственными силами не смог бы поступить даже в техническое училище. Ради умирающей матери разыскал Томаса в гостинице «Эгейская». Нашел Шульца на Пятдесят третьей Западной улице, вернул ему деньги и нанял адвоката, чтобы помочь Тому воссоединиться со своим сыном и развестись с проституткой...

Он не ждал за свои добрые дела благодарности. «Впрочем,— подумал он с горькой усмешкой,— ее никто и не пытался выра-

зять». Зато ему не было в чем себя упрекнуть. Сознывая свои обязанности перед самим собой и другими, он не смог бы спокойно жить, если бы не исполнял их.

Но если сознаешь свои обязанности, то им никогда не будет конца. В этом-то и заключается вся проблема.

Он снова подошел к телефону и заказал разговор с Калифорнией. Когда сестра сняла трубку, он сказал:

— Ладно, Гретхен, на обратном пути я остановлюсь в Вашингтоне и посмотрю, что смогу сделать. Не волнуйся.

— Спасибо, Руди,— тихо сказала она.— Я знала, что ты можешь.

Брэд появился у них номере в половине шестого. От тexasского солнца и тexasских возлияний лицо его стало еще краснее. Он пополнил и раздобыл. На нем был темный, в полоску, летний костюм и голубая рубашка с гофрированными воротником и манжетами, скрепленными огромными жемчужными запонками.

— Извините, что не смог вас встретить в аэропорту, но, надеюсь, мой помощник позаботился о вас по всей форме.— Он плеснул себе бурбону, предварительно бросив в стакан несколько кусочков льда, и лучезарно улыбнулся друзьям.— Вам, ребята, давно было пора навестить меня и самим посмотреть, откуда к вам текут денежки. Мы сейчас бурим новую скважину, и, может быть, завтра я найму самолет и мы слетаем посмотреть, как там идут дела. А в субботу ходим на футбол: главная игра сезона — Тeхас против Оклахомы. Билеты у меня уже есть. Весь город будет стоять на ушах. И только тридцать тысяч счастливых попадут на трибуны, причем все, как один, будут пьяными. Вирджинии, к сожалению, сейчас в Далласе нет. Она жутко огорчится, когда узнает, что вы приезжали, а она вас не смогла увидеть. Поехала навестить своего папочку. Я слышал, он прихварывает. Надеюсь, ничего серьезного. Люблю старикана...

Брэд усиленно изображал из себя этакого рубаху-парня — простецкого, добродушного, щедрого; говорил он скороговоркой, сладкоречиво, с преувеличенным южным акцентом. Смотреть на него и слушать его было и больно и неприятно.

— Прошу тебя, Брэд, перестань нам морочить голову, — оборвал его Рудольф.— Мы прекрасно знаем, почему нет Вирджинии. Она уехала вовсе не затем, чтобы навестить, как ты выразился, своего папочку.

Две недели назад в кабинет к Рудольфу зашел Колдервуд и рассказал, что Вирджиния ушла от Брэда, потому что тот спутался с какой-то киноактрисой, по три раза в неделю мотается из Далласа в Голливуд, а, кроме того, у него финансовые неприятности. Именно после визита Колдервуда Рудольф начал подозревать неладное и поделился своими опасениями с Джонни.

— Дружище,— Брэд отпил виски,— я не понимаю, о чем ты? Я только что разговаривал с женой по телефону, и она сказала, что вернется домой со дня на день, и...

— Ты с ней не разговаривал, и она не собирается возвращаться домой, Брэд. Ты и сам это знаешь,— сказал Рудольф.

— Как знаешь и о многом другом,— добавил Хит (он стоял между Брэдом и дверью, словно боялся, что тот может взять и дать деру).— Но в том-то и дело, что мы тоже об это знаем.

— Черт подери, ребята,— воскликнул Брэд,— если бы я не знал, что мы с вами давние друзья, я мог бы подумать, что вы разговариваете со мной не очень-то дружески.— Несмотря на то что в номере работал кондиционер, Брэд вспотел, и на его голубой рубашке выступили темные, влажные пятна. Он снова налил себе виски, и, когда он клал в стакан лед, его короткие, толстые пальцы с тщательно ухоженными ногтями дрожали.

— Давай выкладывай, Брэд,— сказал Джонни.

— Ну, хорошо, хорошо...— Брэд рассмеялся, а точнее, попытался рассмеяться.— Может, я действительно позволил себе пару раз развлечься на стороне. Но ты ведь меня знаешь, Руди,— у меня не такой твердый характер, как у тебя, и стоит какой-нибудь дамочке покрутить передо мной своим хвостиком, так я делаюсь сам не свой. Ну а Вирджиния придает этому слишком большое значение, она...

— Нам наплевать на твои отношения с Вирджинией,— перебил его Джонни.— Нас интересует, куда подевались наши деньги.

— Вы каждый месяц получаете мой отчет,— сказал Брэд.

— О да, мы получаем твой отчет каждый месяц,— с иронией произнес Рудольф.

— Понимаете, у нас сейчас временная полоса невезения,— Брэд вытер лицо большим, льняным, с монограммой в углу носовым платком и продолжал: — Ну, а что вы хотите — это нефтяной бизнес. Папа так говорил о нашем деле, царство ему небесное: волков бояться — в лес не ходить.

— Мы тут кое-что проверили,— невозмутимо сказал Джонни,— и установили, что за последний год ты украл у каждого из нас приблизительно по семидесяти тысяч долларов.

— Вы, ребята, должно быть, шутите,— пробормотал Брэд. Он сделался почти багровым, на лице застыла бессмысленная улыбка, воротник взмок от пота.— Признайтесь, ребята, вы меня просто разыгрываете. Господи Иисусе, сто сорок тысяч долларов!

— Брэд, хватит! — предостерегающе остановил его Рудольф.

— Ладно, ладно,— наконец сдался Брэд.— Я и сам понимаю, что вы приехали сюда не развлекаться.— Он тяжело опустился на цветастый диван. Тучный, усталый человек с покатыми пле-

чами, уныло сидящий на обитом яркой тканью шикарном диване в самом шикарном номере самого шикарного отеля Далласа.— Я расскажу вам, как все это получилось.

А получилось так, что, когда Брэд год назад поехал в Голливуд на поиски новых инвесторов, он познакомился с восходящей звездочкой Сандрой Дилсон. «Очаровательное, невинное создание»,— мечтательно проговорил Брэд. Он отчаянно влюбился в нее, но она долгое время и близко не подпускала его к себе. Чтобы произвести на нее впечатление, он стал покупать ей драгоценности. «Вы и представить себе не можете, сколько в этом Голливуде дерут за камешки! — сказал Брэд.— Видно, они считают, что те, кто приезжает туда, сами печатают себе деньги». Чтобы впечатлить мисс Дилсон еще больше, он водил ее на скачки и делал огромные ставки. «Сказать по правде,— признался Брэд,— я обвешал эту девушку драгоценностями не менее чем тысяч на четыреста. Но в постели с ней я испытывал такие минуты, которые стоят каждого цента, потраченного на нее,— добавил он с вызовом.— Я люблю ее, я потерял голову из-за нее, я горжусь, что сумел завоевать ее, и готов держать за это ответ».

Чтобы высвободить деньги, Брэд начал фальсифицировать ежемесячные отчеты. В графу «нефтегазразведка и бурение скважин» он вписывал названия давно заброшенных или сухих скважин и завышал стоимость покупаемого оборудования в десять, а то и в пятнадцать раз. Один из его бухгалтеров был в курсе дела, но Брэд хорошо платил ему за молчание, и тот помогал ему составлять липовые отчеты. Кое-кто из других вкладчиков иногда задавал ему неудобные вопросы, но пока что ему удавалось втирать им очки.

— Сколько у тебя вкладчиков на сегодня? — спросил Джонни.

— Пятьдесят два.

— Пятьдесят два идиота! — с горечью воскликнул Хит.

— Никогда раньше я ничем подобным не занимался,— с простодушным видом проговорил Брэд.— У меня безупречная репутация как в Оклахоме, так и здесь, в Техасе. Можете спросить у кого угодно. Люди всегда доверяли мне. И с полным основанием.

— Тебе придется сесть за решетку, Брэд,— произнес Рудольф.

— Ты ведь говоришь это не всерьез, правда, Руди? Ты ведь не сможешь поступишь подобным образом со своим лучшим другом, который был рядом с тобой все эти годы в колледже, скажи, Руди?

— Еще и как смогу,— ответил Рудольф.

— Погодите, погодите минутку,— вмешался Джонни.— Давайте пока не торопиться с разговорами про тюрьму. Нам с тобой, Руди, гораздо важнее попытаться каким-то образом получить наши деньги обратно, чем сажать этого болвана за решетку.

— Вот это другой разговор! — воспрянув духом, воскликнул Брэд.— В таких делах никогда не нужно спешить.

— Сколько у тебя в активах? — спросил Джонни.— Я имею в виду, в данную минуту?

— Это другой разговор,— повторил Брэд.— Теперь мы заговорили на языке бизнеса. Не думайте, что на мне уже можно поставить крест. Мне еще дают деньги в кредит.

— После того как ты выйдешь из этой комнаты, Брэд,— сказал Рудольф,— тебе ни один банк страны не даст ни цента в кредит. Я уж позабочусь об этом.— Он уже не пытался скрывать своего отвращения к этому человеку.

— Да он просто жаждет моей крови, Джонни,— воскликнул Брэд, взывая к Хиту.— Я понимаю, он может злиться на меня, но чтобы до такой степени быть мстительным...

— Ты не ответил на мой вопрос,— настаивал последовательный Хит.— Сколько у тебя сейчас в активе?

— Ну, если судить чисто по бухгалтерским книгам,— ответил Брэд,— то дела действительно выглядят не так уж блестяще. Однако время от времени мне удавалось откладывать кое-что и наличными.— Брэд чуть ли не с гордостью улыбнулся.— На черный день, так сказать. Эти деньги лежат у меня в личных сейфах в разных банках Далласа. Со всеми вкладчиками я, конечно, не в состоянии расплатиться, но вам, ребята, смогу вернуть львиную долю.

— Небось, это деньги Вирджинии? — спросил Рудольф.

— Деньги Вирджинии, как же! — фыркнул Брэд.— Ту сумму, которую старик дал за ней, когда она выходила замуж, он сумел связать такими условиями, что я не смог бы получить и паршивого цента из них, даже если бы подыхал с голоду в грязной канаве.

— Что ж, он оказался гораздо умнее и осторожнее нас,— заметил Рудольф.

— Бога ради, Рудольф,— взмолился Брэд,— не надо сыпать соль на мои раны! Мне и без того тошно.

— И сколько же у тебя наличными? — спросил Джонни.

— Ты ведь понимаешь, Джонни,— уклончиво ответил Брэд,— что эти деньги не оприходованы в бухгалтерских книгах и вкладчикам о них ничего не известно?

— Я все понимаю,— нетерпеливо проговорил Джонни.— Так сколько же?

— Около сотни тысяч. Я мог бы перечислить на ваши счета почти по пятидесяти тысяч каждому. И я гарантирую, что чуть попозже выплачу остальное.

— Это каким же образом, интересно? — безжалостно спросил Рудольф.

— Не забывай, ведь еще остаются скважины, где продолжают разработки...— неуверенно пробормотал Брэд. У Рудольфа

не было сомнений, что он лжет.— И потом, я мог бы съездить к Сандре и объяснить ей, что временно сижу на мели. Она бы возвратила часть драгоценностей, и я бы...

Рудольф с искренним удивлением посмотрел на Брэда и покачал головой:

— Неужели ты действительно веришь, что она их может отдать?

— Она славная девочка, Руди. Я тебя с ней как-нибудь познакомлю.

— О, Господи, Брэд, ты когда-нибудь повзрослеешь?!

— Подожди-ка нас здесь,— сказал, обращаясь к Брэду, Джонни.— Мне надо перекинуться парой слов с Руди.

Он взял со стола свои бумаги и направился к спальне Рудольфа.

— Вы не возражаете, ребята, если я немного выпью, пока вас не будет? — спросил Брэд.

Когда они с Рудольфом вошли в спальню, Джонни плотно закрыл дверь и сказал:

— Нам с тобой надо сейчас принять решение. Если у него действительно, как он говорит, есть наличными почти сто тысяч, то мы можем взять их у него и хоть частично возместить наши убытки, которые в этом случае составят где-то по двадцати тысяч на каждого. Если же мы не возьмем их, то придется обо всем сообщить кредиторам, созвать общее собрание и, вероятно, объявить Брэда банкротом. А может быть, даже возбудить против него судебное дело. В этом случае все кредиторы будут иметь равные права на его деньги, или же, по другому варианту, пропорционально размерам капиталовложений и фактической задолженности Брэда каждому из кредиторов.

— А он имеет право заплатить нам и не заплатить другим? — спросил Рудольф.

— Ну, он пока еще не объявлен банкротом,— ответил Джонни.— И, думаю, суд не сможет предъявить нам обвинение в нарушении закона.

— Нет, так будет несправедливо,— сказал Рудольф.— Пусть лучше эти сто тысяч пойдут в общий котел. И давай сегодня же заберем у него ключи от его сейфов, чтобы он не успел изъять оттуда деньги, прежде чем мы ему помешаем.

— Я так и знал, что ты это скажешь,— вздохнул Хит.— Ты ведь у нас настоящий рыцарь.

— То, что он жулик,— ответил на это Рудольф,— вовсе не означает, что я тоже должен вести себя как жулик ради того только, чтобы возместить свои убытки.

— Я же говорю тебе — суд не сможет предъявить нам претензий,— сказал Джонни.

— Нет, я не пойду на это,— твердо произнес Рудольф.— Ни в коем случае не пойду.

Джонни задумчиво посмотрел на Рудольфа.

— А что бы ты сделал, если бы я сейчас вышел к нему и сказал: «Ладно, я забираю свою половину и выбываю из игры?»

— Я бы поставил в известность об этом общее собрание акционеров,— ровным голосом сказал Рудольф.— И предложил бы возбудить против тебя судебное дело.

— Сдаюсь, мой дорогой,— вздохнул Джонни.— Нет, честный политик никогда не позволит человеку сбиться с пути истинного.

Они вернулись в гостиную. Брэд стоял у окна с полным стаканом виски в руке, с билетами на главную игру сезона в бумажнике, глядя на богатый, полюбившийся ему город Даллас. Джонни объявил ему о принятом ими решении, и Брэд молча кивал, но у Рудольфа было такое впечатление, что Брэд не до конца понимает, что ему говорят.

— Завтра ты должен явиться сюда в девять утра,— объявил ему Рудольф,— то есть до того, как откроются банки. Мы обойдем с тобой все сейфы, о которых ты говорил, и возьмем на себя заботу о твоих деньгах. Выдадим тебе расписку. Если без одной минуты девять тебя здесь не будет, я позвоню в полицию и выдвину против тебя обвинение в мошенничестве.

— Руди,— ноющим голосом произнес Брэд.

— И если хочешь сохранить эти свои шикарные запонки,— продолжал Рудольф,— то лучше спрячь их подальше, потому что еще до конца месяца шериф опишет за долги все твое имущество, вплоть до мелочей, включая и эту голубую рубашку с оборками, которая сейчас на тебе.

— Эх вы, ребята, ребята,— произнес Брэд прерывистым голосом.— Разве можете вы поставить себя на мое место? Вы — богачи, у вас жены миллионерши, у вас есть все, чего вы только ни пожелаете. Откуда вам знать, что значит быть в моем положении...

— Только не пытайся нас разжалобить,— резко оборвал его Рудольф. Он еще ни на кого в жизни не был так зол и с трудом сдерживал себя, чтобы не броситься на этого ублюдка и задуть его своими руками.— Завтра в девять будь здесь.

— Хорошо, я приду,— сказал Брэд.— Насколько я понимаю, вы вряд ли согласитесь сегодня со мной поужинать?..

— Убирайся, пока я тебя не убил! — не выдержав, крикнул Рудольф.

Брэд двинулся к двери.

— Ну что ж, желаю вам хорошо провести время в Далласе. Потрясающий город. И не забудьте,— он обвел рукой комнату и стол с бутылками,— все это за мой счет.

И он вышел из комнаты.

У Рудольфа не было времени позвонить домой на следующее утро, потому что ровно в девять, как ему и было велено, пришел Брэд со связкой ключей от сейфов в различных далласских банках. Глаза у него были воспалены, и, судя по его виду, он всю ночь не спал. Оттман так и не позвонил вечером накануне, хотя Рудольф с Джонни никуда не выходили и ужинали в отеле, чтобы Рудольф не пропустил звонка начальника полиции. Рудольф воспринял это как знак того, что университетская операция Оттмана прошла достаточно гладко и опасения этого достойного стража порядка оказались преувеличенными.

Первым делом все трое отправились к юристу, хорошему знакомому Джонни Хита. Тот составил доверенность на Джонни, дающую ему право действовать от имени и по поручению Рудольфа. Джонни должен был оставаться в Далласе до тех пор, пока не будет полностью покончено с этим делом.

Затем, взяв с собой одного из служащих юридической конторы, они отправились в турне по банкам, где Брэд, на манжетах которого уже не красовались жемчужные запонки, отпирал своими ключами сейфы и доставал оттуда аккуратно сложенные пачки денег. После этого все четверо тщательно пересчитывали купюры, и служащий юридической конторы составлял доверенность, а Рудольф и Джонни подписывали ее, тем самым подтверждая, что они получили от Брэдфорда Найта энную сумму, и ставили дату. Служащий конторы заверял подписи, после чего они из банковского хранилища поднимались в операционный зал банка и вносили изъятую из сейфа сумму на объединенный счет, который тут же отрывался на имя Рудольфа и Джонни: снятие каких-либо сумм с этого счета могло производиться только при условии наличия на денежном требовании или на чеке обеих подписей. Всю эту процедуру Рудольф и Джонни разработали накануне вечером, понимая, что отныне все операции, связанные с именем Брэдфорда Найта, будут подвергаться тщательнейшей проверке.

После изъятия денег из последнего сейфа общая сумма составила девяносто три тысячи долларов, что было достаточно близко к первоначально названной Брэдом суммой, отложенной им, как он выразился, на черный день. Ни Джонни, ни Рудольф не спрашивали у Брэда, откуда он взял эти деньги. Выяснением этого пусть занимаются другие.

Визит к юристу и поход по банкам заняли почти все утро, и Рудольфу пришлось поторопиться, чтобы успеть на самолет, вылетающий из Далласа в Вашингтон ровно в полдень. Выбегая из гостиничного номера с чемоданом и портфелем в руках, Рудольф успел заметить, что из всей армии бутылок, стоявших на столе в гостиной, были открыты лишь кока-кола, которую пил он, и бурбон, который пил Брэд.

Брэд предложил Рудольфу отвезти его в аэропорт на своей машине.

— Пока что я могу считать «кадиллак» своим,— сказал он, сияясь изобразить улыбку,— а потому довезу тебя в аэропорт с комфортом.

Но Рудольф отказался от его услуг и остановил такси. Садясь в машину, он попросил Джонни позвонить в Уитби и передать его секретарю, что сегодня вечером он домой не успеет вернуться, но с ним можно связаться, позвонив в отель «Мейфлауэр» в Вашингтоне.

В самолете он отказался от завтрака и двух положенных пассажирам первого класса коктейлей «Манхэттен». Достав из портфеля составленный главным бухгалтером муниципального совета проект сметы, он попытался с ним поработать, но не мог сосредоточиться на цифрах. Из головы не шел его бывший друг Брэд — опозоренный, обанкротившийся, раздавленный. И все это из-за какой-то пустоголовой, жадной до денег голливудской потаскушки. Отвратительная, но вместе с тем и печальная история. Брэд сказал, что любит ее и ни о чем не жалеет. Да-а, любовь, пятый всадник Апокалипсиса. По крайней мере в Техасе. Рудольфу никогда не приходило в голову ассоциировать Брэда с этим высоким чувством. Брэд из тех, кто создан для кабаков и борделей,— так всегда полагал Рудольф, но оказалось, что тот способен любить. Может быть, он знал об этом уже давно, но просто не хотел признаваться себе, что знает. Почему-то всегда трудно поверить, что другие тоже умеют любить. Быть может, его отказ признать тот факт, что Брэд способен на глубокое чувство,— не что иное, как высокомерие? Он ведь сам любит Джин, но готов ли он погубить себя ради нее, как Брэд? Вряд ли. Что же тогда получается? Неужели он менее способен на всепоглощающую любовь, чем этот болтливый, потный человек в нелепой голубой рубашке с рюшами? И не сам ли он до некоторой степени виноват в том, что для его друга пришел этот страшный день и придут многие такие же дни в будущем? Когда, стоя со стариком на ступеньках загородного клуба в день свадьбы Брэда и Вирджинии, он зачеркнул шансы Брэда занять освобождаемое им место в корпорации Колдервуда, не обрек ли он Брэда, хотя и не отдавал себе тогда в этом отчета, на ту судьбу, которая в конце концов его настигла? Когда он вкладывал свои капиталы в бизнес Брэда, говоря себе, что делает это из чувства вины перед другом, не предвидел ли он в глубине души, что Брэд постарается расквитаться с ним единственным возможным для Брэда способом — мошенничеством? И не хотел ли он на самом деле, чтобы с Брэдом случилось нечто подобное? Ведь это давало ему основания окончательно разделаться с Брэдом, отомстив за то, что тот

не поверил ему насчет Вирджинии. Более того, если бы он уступил домогательствам Вирджинии Колдервуд и переспал с ней, то, скорее всего, она не вышла бы за Брэда и не увезла бы его из того места, где он жил под защитой своего друга. Ибо (в этом не могло быть никаких сомнений) все эти годы он опекал Брэда, помогал ему делать карьеру. Он пригласил его на работу, с которой могли бы справиться (и намного лучше — по крайней мере на первых порах) десятки других людей, а затем взял шефство над ним, постоянно учил его, повышал его квалификацию, при этом выплачивая ему явно завышенную зарплату, так что Брэд имел все основания ожидать, что получит то высокое место в фирме, которое освобождалось после ухода Рудольфа.

Конечно, проще всего было бы, сославшись на свою занятость в Уитби, отправить Джонни Хита в Даллас одного улаживать это дело. Джонни ведь тоже был другом Брэда, и именно его Брэд попросил быть шафером на своей свадьбе, хотя, конечно, их не связывали такие давние и тесные отношения, какие были между Рудольфом и Брэдом. А поэтому встретиться лицом к лицу с Рудольфом и услышать обвинения именно от него для Брэда было намного тяжелее, чем если бы приехал один Джонни. Да и Рудольфу было бы гораздо удобнее послать с этой миссией Джонни, чем ехать вместе с ним в малоприятной роли карателя. Вначале он так и думал сделать, но потом решил, что это с его стороны было бы проявлением трусости. Так что он отправился в Даллас прежде всего потому, что хотел сохранить уважение к самому себе. На самом же деле речь шла не столько о самоуважении, сколько о тщеславии. Неужели постоянно сопутствующая ему удача притупила его чувства, сделала его непроницаемо самодовольным и уверенным в собственной непогрешимости?

Когда Брэда окончательно объявят банкротом, решил Рудольф, надо будет как-то его поддержать, выплачивая ему нечто вроде пенсии. Например, тайком посылать ему по пяти тысяч в год, чтобы ни кредиторы, ни правительство не смогли наложить на эти деньги своей лапы. Но в состоянии ли эти деньги (а Брэду без них не обойтись, и потому он не сможет позволить себе от них отказаться) компенсировать те боль и унижение, которые будет испытывать Брэд, принимая их от человека, отвернувшегося от него в самую трудную минуту его жизни?

Засветилось табло «Пристегните ремни». Самолет начал снижаться. Рудольф вздохнул, сложил бумаги в портфель и пристегнул ремни.

В отеле «Мейфлауэр» Рудольфа ждала телефонограмма от его секретаря с просьбой срочно перезвонить ему в Уитби.

Он поднялся в свой номер (в котором, к его удивлению, не оказалось ни капли спиртного) и позвонил в канцелярию ратуши.

Занято. Он позвонил еще раз, но линия по-прежнему была занята. Тогда он решил связаться с сенатором, на помощь которого рассчитывал, обещая Гретхен оградить Билли от опасностей, грозящих ему, если его пошлют служить в действующую армию Соединенных Штатов. Такие дела не решаются по телефону, и он хотел договориться с сенатором о встрече за ленчем на следующий день, чтобы после этого сразу же улететь в Нью-Йорк.

Но прежде чем звонить сенатору, он на всякий случай снова позвонил в Уитби. На сей раз попытка увенчалась успехом.

— Ради Бога извините, господин мэр,— усталым голосом произнес Уолтер,— но мне кажется, вам нужно срочно возвратиться в Уитби. Вчера, после того как я ушел домой, началось Бог знает что. Я узнал об этом только сегодня утром, иначе постарался бы связаться с вами раньше.

— В чем дело? Что там стряслось? — нетерпеливо спросил Рудольф.

— Все так перемешалось, что я даже не уверен, смогу ли изложить события в нужной последовательности,— сказал Уолтер.— В общем, когда Оттман попытался вчера вечером попасть в общежитие, студенты забаррикадировали вход и не пустили его. Дорлакер попытался уговорить Оттмана отозвать полицейских, но тот отказался. А когда полицейские снова попытались проникнуть в общежитие, студенты начали швырять в них всем, что только попадалось под руку. Оттману угодили камнем в глаз. Говорят, ничего серьезного, но он сейчас в больнице, и полиция отступила — по крайней мере на вчерашний вечер. Потом другие студенты организовали массовую демонстрацию... причем, как это ни прискорбно, перед вашим домом. Я только что вернулся оттуда. Газон перед вашим домом в ужасном состоянии. Миссис Джордах дали успокоительное, и она...

— Остальное расскажете, когда я вернусь в Уитби. Я вылетаю первым же рейсом.

— Я рассчитывал на это,— сказал Уолтер,— а потому взял на себя смелость послать Скэнлона с вашей машиной в Нью-Йорк. Он будет ждать вас в аэропорту «Ла-Гардиа».

Рудольф схватил свои вещи и поспешил вниз, в вестибюль. Расплатившись, он покинул отель. Военной карьере Билли Эбботта придется еще какое-то время побыть в подвешенном состоянии.

Скэнлон, тучный и уже немолодой человек, дышал с присвистом и говорил сильным голосом. Он числился в полиции, хотя ему было под шестьдесят; его вот-вот должны были отправить на пенсию. Он страдал ревматизмом, и то, что его определили к Рудольфу в шоферы, явилось своего рода актом милосердия для Скэнлона. Сразу же после того как Рудольф стал мэром, он, да-

вая понять жителям города, что намерен проводить политику экономии, продал автомашину бывшего мэра, являвшуюся собственностью города, а вырученными деньгами пополнил городской бюджет. Для служебных поездок он использовал свой собственный автомобиль.

— Если бы мне пришлось начинать жизнь сизнова,— задыхаясь, проговорил Скэнлон,— клянусь, я ни за что бы не пошел служить в полицию города, в котором столько этих чертовых студентов или черножопых.

— Скэнлон, пожалуйста! — с упреком произнес Рудольф. Он с первого же дня пытался бороться с лексиконом Скэнлона, но безрезультатно. Рудольф хотел бы добраться до Уитби как можно скорее, а поэтому, сидя на переднем сиденье рядом со старым полицейским, который вел машину до безумия медленно, ужасно нервничал, но Скэнлон бы обиделся, если бы Рудольф сам сел за руль.

— Я серьезно говорю, сэр,— сказал Скэнлон.— И те и другие — настоящие дикари и закон уважают не больше, чем стая гиен. А над полицией только смеются. Конечно, не мое дело вам указывать, господин мэр, но на вашем месте я обратился бы прямо к губернатору и попросил бы прислать войска.

— С этим всегда успеется,— сказал Рудольф.

— Помогите мои слова,— мрачно проговорил Скэнлон.— Дойдет и до этого. Сами ведь знаете, что они натворили в Нью-Йорке и в Калифорнии.

— Уитби — не Нью-Йорк и не Калифорния,— возразил Рудольф.

— Но у нас тоже полно студентов и черножопых,— упрямо произнес Скэнлон и, помолчав, продолжал: — Были бы вы вчера возле своего дома, господин мэр, тогда, может, и согласились бы со мной.

— Да, я слышал об этом,— отозвался Рудольф.— Они вытоптали газон.

— Если бы только это,— просипел Скэнлон.— Я лично там не был, но Руберти все видел и все подробно мне рассказал.— (Руберти тоже был полицейским.) — То, что они там творили,— богомерзко, сказал мне Руберти, просто-таки богомерзко! Они требовали, чтобы к ним вышел мэр, и пели похабные песни. Молоденькие девчушки, а матерились, как портовые грузчики. Потом повыдергивали у вас в саду все растения, а когда миссис Джордах открыла дверь...

— Она открыла дверь? — с ужасом переспросил Рудольф.— Зачем она это сделала?

— Понимаете, они стали бросать в ваш дом камни, комья грязи, банки из-под пива и все время кричали: «Эй, скажи этому

мудиле — пусть к нам выходит!» Мне неудобно вам об этом говорить, господин мэ́р, но этим словом они называли *вас*. Из полицейских там были только Руберти и Циммерман, а остальные в это время находились в университете. Ну а что могли сделать двое парней, пусть даже и полицейских, против этих взбесившихся зверенышей? Их там было человек триста, если не больше. А миссис Джордах открыла дверь и начала на них кричать.

— О Господи Боже мой! — выдохнул Рудольф.

— Лучше будет, если вы услышите это сейчас от меня, чем потом от кого-нибудь другого, — продолжал Скэнлон. — Так вот, когда миссис Джордах открыла дверь, оказалось, что она пьяная. А кроме того, она была в чем мать родила.

Рудольф смотрел прямо перед собой на хвостовые огни едущих впереди автомобилей и время от времени жмурился, когда в лицо ему светили фары встречных машин. Он ничего не сказал в ответ.

— Среди этих шкетов был фотограф из студенческой газеты, — рассказывал дальше Скэнлон, — и он сделал несколько снимков со вспышкой. Руберти бросился за ним, но другие студенты загородили ему дорогу, и этот, с позволения сказать, фотограф успел смыться. Не знаю, что они собираются делать со снимками, но уверен, что ничего хорошего.

Рудольф велел Скэнлону ехать прямо в университет. Главный административный корпус был ярко освещен прожекторами, и у каждого из окон стояли студенты, выбрасывавшие наружу документы из скоросшивателей и осыпавшие громкой бранью окружающих здание полицейских. Стражей порядка было тревожно мало; правда, теперь они уже вооружились дубинками. Подъезжая к стоявшей под деревом машине Оттмана, Рудольф увидел, какое применение было найдено фотографии его жены. Увеличенная до гигантских размеров, фотография голой Джин свисала из окна второго этажа. В ярком свете прожекторов было отчетливо видно ее грациозное и совершенное тело, полные груди, угрожающе сжатые кулаки, искаженное яростью лицо — фотография висела над главным входом в корпус, словно знамя; несколько ниже на каменной облицовке здания были высечены слова: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными».

Когда Рудольф вылез из машины, несколько студентов узнали мэра и приветствовали его дикими, торжествующими воплями. Один из них ухватил за верхний край фотографию Джин и принялся трясти ее, так что тело Джин стало ходить ходуном и извиваться, словно она исполняла какой-то дикий, непристойный танец.

Возле своей машины стоял Оттман; голова и глаз у него были забинтованы, полицейская фуражка сдвинулась на затылок. Толь-

ко шестеро из полицейских были в касках. Рудольф вспомнил, как полгода назад ответил Оттману отказом на просьбу купить полиции еще два десятка касок: Рудольфу тогда казалось, что это ненужный расход.

— Узнав от вашего секретаря, что вы уже на пути к университету, — без всяких предисловий обратился к нему Оттман, — мы воздержались от каких-либо действий до вашего прибытия. Здание они захватили сегодня, в шесть вечера, и насильно удерживают там Дорлакера и двух преподавателей.

Рудольф кивал, слушая Оттмана, и обводил взглядом здание административного корпуса. В одном из окон нижнего этажа он увидел Квентина Макговерна. Квентин был уже аспирантом и работал ассистентом на химическом факультете. Он насмешливо улыбался, выглядывая из окна. Рудольф был уверен, что Квентин видит его и улыбка адресована главным образом ему.

— Вне зависимости от того, как дальше развернутся события, Оттман, — сказал он, — я хочу, чтобы вы арестовали вон того черного молодого человека, в третьем окне слева на первом этаже. Его зовут Квентин Макговерн. Если не сумеете взять его здесь, берите дома.

Оттман кивнул.

— Они хотят с вами встретиться, сэр. Хотят, чтобы вы пошли туда к ним и обсудили сложившееся положение.

— Нам нечего обсуждать, — покачал головой Рудольф. Он не собирался вести с ними переговоры под висящей над головой фотографией обнаженной жены. — Приступайте к очистке здания.

— Это легче сказать, чем сделать, — ответил Оттман. — Я уже трижды приказывал им покинуть корпус, но они только смеются.

— Я сказал, очистите здание. — В Рудольфе кипела холодная ярость, но внешне он оставался спокойным. Он знал, что делает.

— Но как? — спросил Оттман.

— У вас есть оружие.

— Вы же не хотите сказать, что мы должны открывать огонь? — не веря своим ушам, сказал Оттман. — Насколько нам известно, ни один из них не вооружен.

Рудольф секунду колебался.

— Нет, — сказал он, — огонь открывать не нужно. Но у вас есть дубинки и слезоточивый газ.

— А не лучше ли будет подождать, пока им это надоест и они устанут? — спросил Оттман. (Он сам казался гораздо более усталым, чем кто-либо из молодых ребят, захвативших здание.) — А если они будут упорствовать, тогда вызовем войска.

— Нет, я не собираюсь сидеть сложа руки и ждать, — заявил Рудольф. Хоть он и не называл истинной причины вслух, но Оттман и сам прекрасно понимал, что заставляет Рудольфа дейст-

вовать столь решительно: ему во что бы то ни стало нужно было удалить фотографию обнаженной Джин со стены, и как можно быстрее.— Скажите вашим людям начинать с гранат со слезоточивым газом.

— Господин мэр,— медленно проговорил Оттман.— Я прошу вас отдать этот приказ в письменном виде, с вашей подписью.

— Давайте сюда блокнот.

Оттман протянул ему блокнот, и Рудольф, положив его на капот машины, быстро настроил приказ, стараясь при этом писать разборчиво. Подписавшись под приказом, он вернул блокнот Оттману, и тот, аккуратно вырвав лист с написанным, тщательно свернул его вчетверо и положил в нагрудный карман своей форменной куртки. Затем, застегивая на ходу карман, он подошел к группе ожидавших распоряжений полицейских численностью где-то человек в тридцать и отдал им приказ действовать. Они тут же начали надевать противогазы.

Вытянувшись в линию, полицейские стали медленно продвигаться по газону к административному корпусу. Освещенные бесплощадным светом прожекторов, они контрастно выделялись на фоне ярко-изумрудной травы. Линия была неровной и, по мере приближения полицейских к зданию, извивалась, напоминая раненую змею, слишком обессилевшую, чтобы нападать, и беспомощно искавшую какое-нибудь укромное место, чтобы спрятаться там от своих мучителей. Когда первая граната со слезоточивым газом попала в одно из окон первого этажа, оттуда послышался крик. За первой последовали другие гранаты, каждая в свое окно, и лица студентов мгновенно исчезли оттуда. Помогая друг другу, полицейские забирались на окна первого этажа и проникали в здание.

Однако полицейских было недостаточно, чтобы контролировать обратную сторону административного корпуса, поэтому большинству студентов удалось спастись бегством. Рудольф стоял и смотрел вверх, туда, где по-прежнему висела фотография Джин. Едкий запах газа был слышен даже там, где он стоял. Наконец в окне второго этажа появился полицейский и, сорвав фотографию, унес с собой.

Все закончилось, едва успев начаться. Всего было арестовано около двадцати студентов. Трое получили ранение в голову — их лица были залиты кровью; одного унесли на носилках; его руки были прижаты к глазам. Один из полицейских сказал, что парень потерял зрение. «Хотелось бы надеяться,— добавил он,— что это лишь временная слепота». Квентина Макговерна среди арестованных не было.

Из здания вышли Дорлакер и оба профессора. Глаза их слезились. Рудольф подошел к Дорлакеру и спросил:

— С вами все в порядке?

Дорлакер прищурился, чтобы разглядеть, кто к нему обращается, а узнав, разгневанно произнес:

— Я не хочу с вами разговаривать, Джордах. Завтра я выступлю с заявлением перед прессой, и вечером вы сможете прочесть в своей газете, что я о вас думаю.

Он сел в чью-то машину и уехал.

— Нам тоже здесь делать нечего,— сказал Рудольф Скэнлону.— Отвезите меня домой.

Когда они выезжали с территории студенческого городка, мимо них пронеслись, завывая сиреной, машины скорой помощи. Следом ехал школьный автобус, который прислали за арестованными студентами.

— Скэнлон,— сказал Рудольф.— По-моему, с сегодняшнего вечера я уже не мэр Уитби. Как, по-вашему?

Скэнлон ответил не сразу. Он хмурился, глядя на дорогу, а перед поворотом сипло раскашлялся.

— Да, мистер Джордах,— наконец сказал он.— Боюсь, вы уже больше не мэр.

Глава 7

1968 год

I

Когда он сошел с самолета в аэропорту имени Кеннеди, его, в отличие от прошлого раза, никто не встречал. На нем были темные очки, и двигался он неуверенно. Он не написал Рудольфу о своем приезде, зная из писем Гретхен, что у того хватает собственных неприятностей,— он не хотел прибавлять Рудольфу забот о полуслепом брате. Этой зимой, когда «Клотильда» стояла в Антибской гавани и они готовили ее к летнему сезону, лопнул лить и хлестнул его по лицу. На следующий день он начал чувствовать головокружение, и у него стало двоиться в глазах. Чтобы не волновать Кейт и Уэсли, он делал вид, будто ничего не случилось, но написал мистеру Гудхарту письмо с просьбой порекомендовать ему хорошего нью-йоркского окулиста, а, получив ответ, объявил Кейт, что едет в Нью-Йорк для окончания бракоразводных дел. Кейт хотелось, чтобы он на ней побыстрее женился, и ее можно было понять. Она ждала от него ребенка, который должен был появиться где-то в октябре, а сейчас была уже середина апреля.

По ее настоянию, он купил себе новый костюм, и теперь он мог не стыдясь появляться не только перед юристами, но и перед швейцарами. И все же удобнее всего он чувствовал себя в куртке горохового цвета, доставшейся ему в наследство от скончавшегося в гостинице «Эгейская» матроса-норвежца. Несмотря на то что куртка досталась ему давненько, она все еще была в хорошем состоянии, и выбрасывать ее не было никакого смысла.

Багажное отделение было заполнено шумной компанией ярко одетых, загорелых людей, которые приземлились незадолго до его самолета, прибыв с какого-то лыжного курорта в Европе. Они устали все помещение своими лыжами с палками. Разыскивая свой чемодан, он старался подавить свою антипатию к соотечественникам.

Выйдя из здания аэропорта, он взял такси, хотя это и было намного дороже, чем если бы он добирался до Нью-Йорка в автобусе, но одна мысль о том, что нужно таскаться с чемоданом, садиться в автобус, затем вставать с него, а в довершение всего пытаться поймать такси в Нью-Йорке, была для него настолько невыносимой, что он решил не считаться с затратами и ехать с комфортом.

— Гостиница «Парамаунт»,— сказал он водителю и, обессиленно откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза.

Прибыв в гостиницу, он вошел в вестибюль, зарегистрировался, поднялся в свою комнату, оказавшуюся темной и маленькой, и сразу же позвонил окулисту. Томасу хотелось, чтобы тот принял его сегодня же, но отвечавшая ему медсестра сказала, что доктор сможет принять его не раньше одиннадцати утра на следующий день. Делать было нечего, и он, раздевшись, лег спать. В Нью-Йорке было еще совсем рано — шесть часов вечера,— но в Ницце, из которой он прилетел, уже наступила ночь — одиннадцать часов. Он чувствовал себя таким усталым, будто не спал несколько суток.

— Частично повреждена сетчатка,— сказал врач. Осмотр был долгим, тщательным и болезненным.— К сожалению, придется направить вас к хирургу.

Томас кивнул. Очередная травма.

— Сколько это будет стоить? — спросил он.— Я человек рабочий и не могу платить по расценкам Парк-авеню.

— Понимаю,— ответил врач.— Я объясню это доктору Халлиуэллу. У медсестры есть номер вашего телефона?

— Да.

— Она позвонит вам и сообщит, когда вы должны ложиться в больницу.— И врач ободряюще улыбнулся. У него самого глаза были большие и ясные, без повреждений и следов операций.

Три недели спустя он выписался из больницы. Лицо у него было бледное, ни кровинки, и врач предупредил, что он должен длительное время избегать резких движений и тяжелой физической работы. За три недели он похудел почти на семь килограммов, худая шея словно плавала в свободном воротничке рубашки, и костюм висел на нем как на вешалке. Но в глазах теперь у него не двоилось, и, когда он поворачивал голову, она у него больше не кружилась.

Все это обошлось ему чуть больше тысячи двухсот долларов, но дело того стоило.

Он снова въехал в гостиницу «Парамаунт» и, поднявшись в свой номер, сразу же позвонил брату. К телефону подошел Рудольф.

— Руди,— сказал Том.— Как ты?

— Кто это?

— Том.

— Том! Где ты?

— Здесь, в Нью-Йорке. В гостинице «Парамаунт». Мы не могли бы встретиться в удобное для тебя время?

— О чем разговор! — По голосу Рудольфа чувствовалось, что он искренне рад.— Приезжай прямо сейчас. Мой адрес ты знаешь.

Когда он приехал на такси к дому Рудольфа и хотел пройти в вестибюль, швейцар, несмотря на новый костюм, все равно не стал его пропускать. Томас назвал свое имя, и швейцар, нажав на кнопку переговорного устройства, сказал:

— Мистер Джордах, к вам некий мистер Джордах.

Томас услышал в ответ голос брата:

— Пожалуйста, пропустите его.

Проходя через мраморный вестибюль к лифту, Томас подумал о брате: «Несмотря на всю эту охрану, его таки сумели достать».

Когда лифт остановился и открылась дверь, он увидел в коридоре Рудольфа, вышедшего его встречать.

— Господи, Том,— сказал он, пожимая брату руку.— Я так удивился, когда услышал твой голос.— Отступив на шаг, он окинул Томаса критическим взглядом.— Что это с тобой? У тебя такой вид, будто ты после болезни.

Томас мог бы сказать в ответ, что Рудольф и сам выглядит не блестяще, но промолчал.

— Я тебе все расскажу, если ты дашь мне чего-нибудь выпить,— ответил он. Правда, врач его предупредил, чтобы он не слишком увлекался спиртным.

Рудольф провел его в гостиную, где все было так же, как в прошлый раз. Уютная, просторная комната, предназначенная для приятных событий, а не для горестей и неудач.

— Виски? — спросил Рудольф.

Томас кивнул. Рудольф налил и себе. Он был одет слишком строго и официально, как будто находился не у себя дома, а на службе. Томас стоял и наблюдал за движениями Рудольфа, за тем, как тот вынимает из буфета бутылки, разбивает маленьким серебряным молоточком куски льда в ведерке. Брат выглядел гораздо старше, чем при их последней встрече. Вокруг глаз и на лбу у него залегли глубокие морщины. Двигался он медленно и неуверенно, с трудом нашел открывалку для бутылки с содовой, колебался, сколько содовой налить в стаканы.

— Садись же, садись, — сказал он Томасу. — Расскажи мне, что привело тебя в Нью-Йорк? Ты давно здесь?

— Около трех недель, — ответил Томас и, приняв от брата стакан виски, сел на стул.

— Почему же ты мне до сих пор не позвонил? — в голосе Рудольфа чувствовалась легкая обида.

— Мне пришлось лечь в больницу, и мне там сделали операцию, — ответил Том. — На глазах. А когда я болею, я предпочитаю быть один.

— Я тебя понимаю. — Рудольф сел в мягкое кресло напротив брата. — Пожалуй, я и сам такой же.

— Сейчас я в порядке, — продолжал Томас. — Мне предписано какое-то время соблюдать осторожность, а в остальном операция вроде бы прошла хорошо. Ну, твое здоровье. — И Томас поднял свой стакан.

— Твое здоровье, — отозвался Рудольф и внимательно посмотрел на брата. — Ты больше не похож на боксера, Том.

— А ты — на мэра, — сказал Томас и тотчас же пожалел о сказанном.

Но Рудольф только лишь рассмеялся.

— Да, Гретхен говорила мне, что написала тебе об этом. Можно считать, мне малость не повезло.

— Кроме того, она написала, что ты продал свой дом в Уитби, — сказал Томас.

— А какой смысл было там оставаться? — Рудольф задумчиво покручивал виски со льдом в стакане. — Нам вполне достаточно и этой квартиры. Инид сейчас с няней в парке. Она скоро вернется, и ты сможешь увидеть ее. А как поживает твой паренек?

— Неплохо. Ты бы слышал, как он выучился болтать по-французски! А яхтой он управляет даже лучше меня. И никто теперь не заставляет его маршировать целыми днями по плацу.

— Я рад, что ты перевез к себе сына, — сказал Рудольф, и было слышно, что говорит он искренне. — А Билли, сын Гретхен, служит в Брюсселе. В войсках НАТО.

— Знаю. Она мне и об этом написала. А также о том, что это исключительно благодаря тебе.

— Одно из моих последних официальных деяний, — пробормотал Рудольф, — а вернее, полуофициальных. — Рудольф говорил теперь приглушенным, тихим, размеренным голосом, и чувствовалось, что он избегает произносить какие-либо категоричные утверждения.

— Мне жаль, что все так получилось, Руди, — сказал Томас. Впервые в жизни ему было жаль брата.

Рудольф пожал плечами:

— Могло быть и хуже. Тот парнишка мог и умереть, не только ослепнуть.

— Чем ты думаешь теперь заниматься?

— О, я всегда найду, чем заняться, — ответил Рудольф. — Нью-Йорк — грандиозное место для джентльмена, у которого много досуга и который хочет жить в свое удовольствие. Ну а когда вернется Джин, мы с ней, возможно, отправимся путешествовать. Может, даже навестим и тебя.

— А где она сейчас?

— В уютном доме в одном тихом местечке за городом, — ответил Рудольф, позвякивая кубиками льда в стакане. — На самом деле это клиника, где людей отучают от алкоголя. Им удается излечивать почти всех. Она уже там второй раз. После первого раза почти шесть месяцев не брала в рот ни капли. Мне не полагается ее навешать — они там придерживаются чьей-то идиотской теории, — но иногда я звоню директору клиники, и он говорит, что дела у нее идут неплохо... — В этот момент виски попало ему не в то горло, и он закашлялся. — Может быть, мне и самому не мешало подлечиться? — улыбаясь, заметил он, когда приступ кашля наконец прекратился. — Ну а ты? Теперь, когда у тебя с глазами в порядке, какие у тебя планы?

— Мне во что бы то ни стало необходимо получить развод, Руди, — сказал Томас. — И я подумал — может, ты поможешь мне и на сей раз?

— Но тот адвокат, к которому я посылал тебя в прошлый раз, — он ведь сказал, что это дело пройдет без сучка, без задоринки. Тебе надо было сразу же и оформить развод.

— В прошлый раз у меня не было времени, — ответил Томас. — Мне нужно было побыстрее увозить моего парня из страны. А если бы я оставался в Нью-Йорке, мне пришлось бы объяснять Уэсли причину. Но он не должен знать, что я разошелся с его матерью из-за того, что она шлюха. К тому же, если бы я стал тогда разводиться, это заняло бы слишком много времени и я пропустил бы лучшую часть летнего сезона, а я не могу себе этого позволить. А теперь получается так, что мне нужно развестись самое позднее к октябрю.

— Почему именно к октябрю?

— Понимаешь, я живу с одной женщиной. Она англичанка. Замечательная девушка. И в октябре у нас должен родиться ребенок.

— Все ясно,— сказал Рудольф.— Поздравляю. Племя Джордахов непрерывно растет. Может быть, нашему роду не хватало именно английской крови... И что же я должен делать?

— Я не хочу встречаться с Терезой,— ответил Томас.— Если я увижу ее, то не могу за себя ручаться. Пусть даже и прошло столько времени. Так вот, я и подумал — может, тебе или кому-нибудь другому все-таки удастся уговорить ее поехать в Рено* или в другое такое же место...

Рудольф осторожно поставил стакан на стол и сказал:

— Хорошо, постараюсь помочь.

В дверях послышался шум.

— А вот и Инид,— радостно произнес Рудольф.— Ну-ка, иди сюда, малышка!

В комнату вприпрыжку вбежала Инид, хорошенькая девочка в красном пальто. Увидев незнакомого человека, она застыла на месте. Рудольф взял ее на руки и поцеловал.

— Поздоровайся со своим дядей Томасом,— сказал он.— Он живет на большой-пребольшой лодке.

Три дня спустя Рудольф позвонил Томасу в гостиницу и договорился с ним встретиться за ленчем в ресторане «Пи-Джей-Мориарти» на Третьей авеню. Атмосфера в этом заведении была сдержанная, мужская и не слишком роскошная, так что Томас будет чувствовать себя там достаточно комфортно и не станет подозревать Рудольфа в желании козырнуть перед ним своими дорогими привычками.

Когда он вошел в бар, Томас уже поджидал его, попивая из стакана виски.

— Могу тебя поздравить,— сказал Рудольф, усаживаясь рядом с братом на высокий табурет у стойки.— Мадам уже находится на пути в Неваду.

— Ты шутишь! — поразился Томас.

— Я сам отвез ее в аэропорт,— сказал Рудольф,— и оставался там до тех пор, пока самолет не поднялся в воздух.

— Ну, ты даешь, Руди! — восхищенно произнес Томас.— Ты маг и волшебник!

— В общем-то это оказалось не так уж трудно,— сказал Рудольф и заказал себе мартини, чтобы с его помощью развеять тягостные воспоминания о целом утре, проведенном в обществе

* *Рено* — город на западе штата Невада, известный как место, где можно очень быстро и без лишних формальностей оформить брак или развод.

Терезы Джордах.— Она тоже собирается вступить во вторичный брак,— солгал он, надеясь, что его голос звучит убедительно,— и понимает, что будет разумнее, если ее доброе имя (как она выразилась) не будут трепать по судебным залам Нью-Йорка.

— И много она вытрясла из тебя бабок? — спросил Томас: уж он-то знал свою жену.

— Представь себе, ничего,— снова солгал Рудольф.— Она утверждает, что хорошо зарабатывает и что эта поездка ей по карману.

— Что-то на нее не похоже,— с сомнением покачал головой Томас.

— Может быть, жизнь в конце концов смягчила ее.— С каждым глотком мартини Рудольф лгал все убедительнее.

Он препирался с Терезой целых два дня и наконец согласился взять на себя все ее дорожные расходы, включая авиабилет первого класса в оба конца, счет за пребывание в отеле в Рено в течение шести недель плюс пятьсот долларов за каждую неделю пребывания там (за «простой», как выразилась Тереза). Половину всей суммы ему пришлось дать ей вперед, а вторую половину он обещал заплатить, когда она вернется и вручит ему свидетельство о разводе.

Рудольф и Томас отлично пообедали, выпили по бутылке вина. Томас, захмелев, расчувствовался и повторял, что он благодарен Рудольфу по гроб жизни и что все эти годы он был настоящим кретином, не понимая, какой у него замечательный брат.

За коньяком он сказал:

— Послушай, ты на днях говорил, что когда твоя жена выйдет из клиники, вы собираетесь попутешествовать. Так вот, первые две недели июля моя яхта свободна. Я оставляю это время для вас. Приезжайте вместе с женой в качестве моих гостей, и мы совершим небольшой круиз. А если сможет выбраться и Гретхен, возьмите с собой и ее. Ты обязательно должен познакомиться с Кейт. Черт возьми, к тому времени я получу развод, так что вы попадете как раз на свадьбу. Договорились, Руди? И не вздумай отказываться.

— Все зависит от Джин,— неуверенно произнес Рудольф.— От того, как она будет себя чувствовать...

— Это только пойдет ей на пользу,— настаивал Томас.— На борту не будет ни капли спиртного. Руди, ты просто обязан приехать.

— Ну, хорошо,— согласился Рудольф.— Жди нас первого июля. Может, нам с Джин и в самом деле пойдет на пользу, если мы прокатимся за границу.

Томас не позволил брату расплатиться за ленч.

— Это самое малое, чем я могу отблагодарить тебя, — сказал он. — Мы с тобой отметили два важных события в моей жизни: я вернул себе глаз и избавился от жены — и все в течение одного месяца!

II

Через плечо мэра была перекинута лента. Невеста в платье василькового цвета совсем не казалась беременной. Инид в белых перчатках держалась за руку матери и, нахмутив брови, силилась разобраться в таинственных играх, в которые играют взрослые, говоря при этом на каком-то непонятном ей языке. Томас снова стал коричневым, выглядел крепким и здоровым. Он набрал прежний вес, и воротничок белой рубашки туго облегал его мускулистую шею. За спиной отца стоял Уэсли, высокий, стройный подросток пятнадцати лет, в костюме, рукава которого были слишком ему коротки. Лицо его покрывал темный загар, волосы от средиземноморского солнца стали совсем светлыми. За неделю, проведенную на яхте, они все успели хорошо загореть, и в Антиб возвратились только на свадебную церемонию, с тем чтобы потом продолжить круиз. Что касается Гретхен, то она выглядела просто великолепно: гладко зачесанные темные волосы, едва тронутые сединой, обрамляли ее худошавое, прекрасное лицо с большими глазами. «Величественна, как королева, — подумал Рудольф, — благородна и печальна». Такие торжественные события, как свадьба, настраивают людей на возвышенные мысли и «высокий штиль».

Проведя неделю на море, Рудольф, как он и сам знал, выглядел гораздо моложе, чем в тот день, когда сошел с самолета в Ницце. Он стоял и с некоторой долей иронии слушал, как мэр, выговаривая слова с характерным средиземноморским произношением — с раскатистыми «р» и очень твердыми «г», — описывает брачные обязанности невесты. Джин, как и Рудольф, понимала французский, и они обменивались улыбками, слушая выспренние пассажи, произносимые мэром. С тех пор как Джин вернулась из клиники, она не брала в рот ни капли спиртного. Выглядела она обворожительной и изысканно хрупкой среди здоровенных портовых друзей Томаса, чьи обветренные, темные, грубые лица никак не соответствовали надетым ими по торжественному случаю непривычным для них пиджакам и галстукам. В кабинете мэра, залитом солнцем и украшенном летними цветами, царила, как казалось Рудольфу, атмосфера дальних странствий и чувствовался привкус морской соли, а в воздухе витали ароматы сотен средиземноморских портов.

Один лишь Дуайер, то и дело поправлявший белую гвоздику в петлице, казался неулыбчивым и печальным. Томас рассказал брату историю Дуайера, и Рудольф подумал, что, может быть, являясь свидетелем счастья друга, Дуайер в эту минуту жалеет о том, что променял девушку в Бостоне на «Клотильду».

Мэр, крепкий, цветущий мужчина, явно наслаждался той ролью, которую он играл на церемониях бракосочетания. Он был таким же загорелым, как и окружавшие его матросы. «Когда я был мэром города, но в другой части света,— думал Рудольф,— я не слишком-то часто бывал на солнце. Интересно, приходится ли мэру Антиба сталкиваться с проблемой курения наркотиков в студенческих общежитиях? Приходится ли отдавать приказ полицейским применять слезоточивый газ? Ведь Уитби, как и Антиб, на первый взгляд кажется идиллическим городом».

Когда Рудольф впервые увидел Кейт, его откровенно разочаровал выбор брата. Ему нравились хорошенькие женщины, а Кейт, с ее плоским, смуглым, простецким лицом и крепко сбитой фигурой, никак не соответствовала общепринятым стандартам красоты. Она скорее напоминала ему таитянок с картин Гогёна. Конечно, в формировании его предпочтений огромную роль сыграли такие журналы, как «Вог», «Харперс базар» и другие, на страницах которых он, как и миллионы других американцев, привык видеть высоких, стройных, длинноногих красавиц. После них обычные женщины покажутся и приземистыми, и крепко сбитыми, и простецкими.

Ее ливерпульский выговор, медленная и не слишком грамотная речь вначале тоже резали ему ухо. «Как ни странно,— подумал Рудольф,— но американцы, чьи представления об англичанах основываются главным образом на театральных актерах и кинозвездах, а также на приезжающих в Америку с чтением лекций писателях, литературных критиках, мыслителях и других гуманитариях, относятся к британскому просторечию даже более снобистски, чем сами англичане».

Но уже дня через два, наблюдая, как Кейт вместе с Томом и Уэсли безропотно выполняет на яхте какую угодно работу, в том числе и самую тяжелую; видя, с какой искренней любовью и заботой она относится к Томасу и его сыну, Рудольф устыдился своих поспешных выводов об этой женщине. Том — можно сказать, счастливчик. Он так ему и сказал. И Том с ним полностью согласился.

Мэр наконец закончил свою речь, новобрачные обменялись кольцами и поцеловали друг друга. Затем мэр, сияя улыбкой, поцеловал невесту, и у него был необыкновенно гордый вид, будто ему удалось только что совершить невероятно сложный, запутанный обряд.

Последняя свадьба, на которой довелось присутствовать Рудольфу, была бракосочетанием Брэда Найта и Вирджинии Колдервуд. Сегодняшняя свадьба пришлось ему по сердцу неизмеримо больше, чем та в Уитби.

Вслед за молодыми в книге регистрации расписались Рудольф и Гретхен. Чувствуя некоторое смущение, Рудольф поцеловал невесту. Все обменялись крепкими рукопожатиями, и свадебная процессия двинулась по освещенным солнцем улицам этого древнего города, основанного более двух тысячелетий тому назад. Но и в те далекие времена люди, должно быть, были точно такими же, как те, что шли сейчас в свадебной процессии вслед за женихом и невестой.

В ресторанчике «У Феликса» их ждала трапеза из шампанского, дыни и *bouillabaisse*^{*}. Играл аккордеон. Мэр поднял тост за невесту, Пинки Кимболл — за жениха, произнеся при этом несколько фраз на саутхэмптонском варианте французского языка. Рудольф произнес тост за новобрачных на прекрасном французском, чем вызвал всеобщее удивление и бурю аплодисментов. Джин привезла с собой фотоаппарат и щелкала пленку за пленкой. Это были первые снимки после той ночи, когда она разбила всю свою аппаратуру. Причем фотографировать новобрачных предложил не Рудольф. Это была инициатива самой Джин.

Обед закончился в четыре, и гости — многие уже нетвердо стояли на ногах — проводили молодоженов до «Клотильды». На корме стоял большой ящик, перевязанный красной лентой, — свадебный подарок Рудольфа. Он распорядился, чтобы его доставили на яхту, пока все были в мэрии. А ранее он отправил его из Нью-Йорка на имя агента Томаса, распорядившись, чтобы тот держал его на своем складе вплоть до самого дня бракосочетания.

— Это еще что за чертовщина? — спросил у Рудольфа Том, прочитав поздравительную открытку.

— Открой и узнаешь, — улыбнулся Рудольф.

Дуайер сходил за молотком и зубилом, а жених разделся до пояса и в окружении гостей открыл ящик. Внутри был великолепный радар фирмы «Бендикс», а к нему — развертывающее устройство. Перед отъездом из Нью-Йорка Рудольф позвонил Гудхарту и спросил, что бы больше всего хотелось Томасу иметь на «Клотильде». Мистер Гудхарт посоветовал купить радар.

Томас с радостным, торжествующим видом проводил рукой по радару, а гости снова аплодировали Рудольфу, будто он лично изобрел и своими руками сделал это сложное устройство.

В глазах Томаса стояли слезы, пусть и немного пьяные, когда он благодарил Рудольфа.

* *Bouillabaisse* (фр.) — см. примечание на с. 527.

— Радар! — произносил Томас. — Я о нем мечтал столько лет!

— Я посчитал, что это будет вполне уместным свадебным подарком, — сказал Рудольф. — Отмечать линию горизонта, вовремя распознавать лежащие впереди препятствия, избегать аварий — имея эту штуку, многое можно делать.

Кейт, преданная жена морехода, нежно прикоснулась к радару и гладила его, словно он был очаровательным котенком или щенком.

— Вот что я вам скажу, ребята, — произнес сияющий Томас. — Такой потрясающей свадьбы мне и во сне не могло прийтись!

По плану намечалось в этот же день отплыть в Портофино. Оттуда они собирались идти вдоль берега мимо Монте-Карло, Ментоны и Сан-Ремо, затем ночью пересечь Генуэзский залив и на следующее утро прибыть к берегам Италии. Метеосводка была обнадеживающей, и все это путешествие не должно было занять, по словам Томаса, более чем пятнадцать часов.

Дуайер и Уэсли не позволили Томасу и Кейт и пальцем шевельнуть в этот день и усадили их на корме, как обвенчанную королевскую пару на тронах, а сами подняли якорь. С судов, стоявших в порту, раздавались гудки — салют в честь новобрачных. До бакена на выходе из порта «Клотильду» сопровождал рыбацкий катер, полный цветов, и двое матросов бросали цветы в кильватерную струю за яхтой.

Когда «Клотильда» вышла из гавани, подхваченная мягкими, покатыми волнами открытого моря, они увидели в отдалении, на другой стороне залива Ангелов, белые башни Ниццы.

— Прекрасная Франция! — воскликнул Рудольф. — Какое счастье здесь жить!

— Особенно, — добавил Томас, — если ты не француз.

III

Гретхен и Рудольф сидели в шезлонгах на палубе в кормовой части «Клотильды» и любовались закатом солнца. Сейчас они шли напротив аэропорта Ниццы и могли видеть, как каждые пять минут с небесной высоты скатываются на посадку большие реактивные лайнеры. Их крылья блестели на заходящем солнце, и на расстоянии казалось, что они садятся не на землю, а в серебристое море. А взлетающие самолеты медленно взбирались ввысь, над холмами Монако, все еще освещенными солнцем. Как приятно сознавать, подумал Рудольф, что они движутся со скоростью десять узлов — быстрее всех других судов в поле зрения.

Джин внизу укладывала Инид спать. Когда Инид выходила на палубу, на ней всегда был маленький, оранжевый спасатель-

ный жилет, вокруг талии ей привязывали веревку, а другой конец прикрепляли к металлическому кольцу на рубке. Благодаря этому Рудольф и Джин всегда могли быть спокойны, что девочка не вывалится за борт.

Жених отсыпался после выпитого им шампанского. Дуайер и Кейт готовили в камбузе ужин. Рудольф был против того, чтобы Кейт сегодня занималась стиркой, и пригласил всех поужинать в Ницце или Монте-Карло, но Кейт настояла на своем. «Приготовить ужин в такой день — для меня особое удовольствие», — сказала она. Уэсли в синем свитере под горло — к вечеру стало заметно прохладнее — стоял за штурвалом. Он ходил по яхте босиком и чувствовал себя на ней так уверенно, словно родился на море.

Гретхен и Рудольф тоже были в свитерах.

— Как это замечательно, — произнес Рудольф — что можно чуть ли не мерзнуть в июле.

— Ты рад, что приехал? — спросила Гретхен.

— Да, очень, — ответил Рудольф.

— Великое воссоединение семьи, — медленно проговорила она. — Я бы даже сказала — *объединение*, причем впервые на моей памяти. И все благодаря Тому. Кто бы мог подумать, что это удастся именно ему!

— Он сумел понять нечто такое, до чего мы никак не можем дойти, — задумчиво заметил Рудольф.

— Да, это так. Ты обратил внимание — где бы он ни появлялся, его всюду окружает атмосфера любви. Его жена, Дуайер, все его друзья на свадьбе. Даже его сын, — и Гретхен как-то отрывисто рассмеялась.

Она уже рассказала Рудольфу о том, что перед приездом в Антиб навестила Билли в Брюсселе, и Рудольф знал причину этого горького смешка. Билли, отбывавший воинскую повинность вдали от свистящих пуль, сидел за пишущей машинкой в армейской канцелярии. Он стал до предела циничным, у него не осталось и намека на честолюбие, он ни к чему не стремился и просто убивал в армии время, высмеивая все и всех, включая собственную мать. Его абсолютно не интересовали духовные сокровища Старого Света, он путался с какими-то глупыми девчонками в Брюсселе и Париже, курил марихуану, а теперь, возможно, перешел и на более сильные наркотики, рискуя попасть в тюрьму, что, впрочем, было ему так же безразлично, как и исключение из университета Уитби. К матери он по-прежнему относился с ледяной холодностью. За их прощальным ужином в Брюсселе, рассказывала Гретхен, когда разговор коснулся Эванса Кинселлы, Билли показал, что он даже более жесток и циничен, чем ей казалось. «Я знаю, чем живут люди вашего поколения, — заявил он. — У вас

псевдовысокие идеалы, вы восторгаетесь книгами, пьесами и политиками, которые не вызывают у моего поколения ничего кроме хохота, вы болтаете о спасении мира, молитесь то на одного бездарного художника, то на другого — и все ради того, чтобы казаться по-прежнему молодыми, чтобы создать впечатление, будто с нацистами покончили только вчера и будто где-то рядом — за ближайшим углом, в ближайшем баре или в ближайшей постели — нас всех ожидает „прекрасный новый мир“». «В какой-то мере он, пожалуй, прав,— сказала Гретхен.— Жесток, но прав, утверждая, что мир наш насквозь фальшив и лицемерен. Ты ведь знаешь меня лучше, чем кто-либо другой. Так вот, когда настал критический момент в жизни Билли, я ведь не сказала ему „сидись в тюрьму“ или „дезертируй“. Я просто позвонила своему влиятельному братцу и спасла шкуру сына, предоставив другим матерям убеждать своих сыновей садиться в тюрьму, или дезертировать, или идти маршем на Пентагон, или отправляться за смертью в джунгли. Вот таким образом я подписала свое последнее воззвание».

Рудольф, слушая Гретхен, ничего не мог сказать ей в ответ. Он, в сущности, был ее сообщником, и обвинения Билли относились в равной степени к ним обоим.

Но эта неделя на море была столь целительной для его души, а свадьба столь веселой и вселяющей оптимизм, что он сознательно выбросил из головы разного рода мрачные мысли. Наблюдая за стоящим у штурвала загорелым и ловким в работе Уэсли, они с сестрой невольно сравнивали его с Билли, и не в пользу последнего.

— Ты только посмотри на него,— сказала Гретхен, не отрывая глаз от Уэсли.— Можно ли поверить, что его воспитала мать-проститутка, а отец не окончил даже средней школы и прочел не более пары книг за всю жизнь?! Его отца били, преследовали, унижали; с шестнадцати лет он жил среди подонков. Но когда Том решил, что пришло время действовать, он забрал своего сына из военной школы, увез его в другую страну, заставил выучить другой язык и ввел в среду грубых, неотесанных людей, едва умеющих читать и писать. И Том заставил его работать в том возрасте, когда Билли еще просил по субботам два доллара на кино. Что же касается прелестей семейной жизни,— Гретхен засмеялась,— то каюта парня отделена лишь тонкой перегородкой от каюты простой, деревенской женщины, любовницы его отца, зачавшей в грехе. И каков результат? Парень пышет здоровьем, отлично работает, вежлив. И настолько предан своему отцу, что Тому никогда не приходится повышать на него голос. Ему достаточно просто *назвать* ту работу, которой парню нужно заняться, и тот беспрекословно выполняет ее... Черт возьми, дав-

но пришла пора выбросить все старые книги о воспитании детей и написать новые! И уж конечно, этому парню нечего бояться, что какая-нибудь призывная комиссия отправит его во Вьетнам. Его отец не допустит этого. И вот что я еще тебе скажу, Руди. На твоём месте, как только Инид подрастет и сможет расхаживать по яхте без риска свалиться за борт, я бы прислала ее сюда, к Тому, чтобы он воспитал ее... Господи, с каким бы удовольствием я сейчас чего-нибудь выпила. Несмотря ни на что, я уверена, что на этом судне, предназначенном для христианок-трезвенниц, у Тома все-таки припрятана хотя бы одна бутылочка.

— Думаю, ты права,— улыбнулся Рудольф.— Надо спросить у него.

Он встал и прошел в носовую часть судна. Солнце давно зашло, и на море спускалась ночь. Уэсли был занят тем, что зажигал ходовые огни. Увидев проходящего мимо дядю, мальчик приветливо ему улыбнулся.

— Приятные волнения дня доконали отца,— сказал Уэсли.— Он даже не проверил, правильный ли я держу курс.

— Ну, свадьбы бывают не каждый день,— отозвался Рудольф.

— Это уж точно,— улыбнулся Уэсли.— И папе в этом смысле здорово повезло. Потому что в ином случае просто не выдержал бы его организм.

Рудольф пошел дальше и, пройдя через пассажирский салон, спустился в камбуз. Дуайер мыл в раковине салат-латук, а Кейт, уже в обычной рабочей одежде, поливала жиром кусок мяса в духовке.

— Кейт,— сказал Рудольф,— у Тома где-нибудь не припрятана хоть одна бутылочка?

Кейт закрыла духовку, выпрямилась и обменялась обеспокоенным взглядом с Дуайером.

— Но ведь он обещал вам, что, пока вы с Джин на борту, мы все забудем о выпивке,— сказала она.

— Ты не волнуйся, Кейт,— успокоил ее Рудольф.— Джин с малышкой в каюте, а я прошу для себя и для Гретхен. Мы сидим с ней на палубе, и нам стало холодно, вот и все.

— Банни,— повернулась Кейт к Дуайеру,— сходи-ка принеси бутылку.

Дуайер пошел к себе в каюту и вскоре вернулся с бутылкой джина. Рудольф взял два стакана, налил в каждый джину и добавил немного тоника.

Когда он подошел к Гретхен и протянул ей стакан, она скорчила недовольную гримасу и проговорила:

— Джин с тоником... Терпеть не могу эту смесь!

— Если вдруг на палубу выйдет Джин, мы ей скажем, что это чистый тоник. Он отбивает запах джина, и она, надеюсь, ничего не заметит.

— Надейся, надейся,— скептически промолвила Гретхен.

Они отпили по глотку, и Гретхен сказала:

— Эванс обожает джин. Мы даже в этом с ним разные.

— Как у вас с ним?

— Все так же,— небрежно ответила она.— Год от года чуть хуже, но в общем-то все по-старому. Мне, наверно, надо было бы его бросить, но он нуждается во мне. Возможно, как женщина я ему особенно и не нужна, но в то же время он действительно во мне нуждается. В моем возрасте, пожалуй, лучше, когда ты не слишком нужна как женщина, зато в тебе нуждаются по каким-нибудь иным причинам.

На палубе появилась Джин. На ней были плотно облегающие, низко сидящие на бедрах розовые брюки и бледно-голубой кашемировый свитер. Она покосилась на стаканы, но ничего не сказала.

— Как Инид? — спросил Рудольф.

— Спит сном праведника. Она спросила у меня, должны ли Кейт и дядя Томас сохранить кольца, которыми они обменялись, или их можно выбросить.— Джин поежилась.— Я зябну.— Она прижалась к плечу Рудольфа. Он поцеловал ее в щеку, и она тут же продекламировала:

*Лучше пива, лучше вин
Старый, добрый, крепкий джин!*

Тоник не обманул ее. Ни в малейшей степени.

— Дай капельку,— сказала она.

Рудольф колебался. Будь он один, он не выпустил бы стакана из рук. Но устраивать сцену в присутствии Гретхен... Он не мог унижить жену в присутствии сестры и поэтому дал ей стакан. Она отпила маленький глоток и отдала стакан обратно.

На палубу вышел Дуайер и принялся накрывать на стол, прежде всего выставив несколько фонарей «летучая мышь» с закрепленными в них свечами. На столе лежали соломенные салфетки, посередине стояла небольшая ваза с цветами и деревянная миска с салатом. Глядя, как Дуайер, аккуратно одетый в голубой свитер и отутюженные брюки из бумажного твида, расставляет посуду точными, эконоными движениями, Рудольф подумал, что его брату, Кейт и Дуайеру удалось создать на яхте свой собственный, неповторимый и очень привлекательный стиль.

Вдруг что-то глухо ударило о корпус судна, а затем стало тарыхтеть под кормой. Прежде чем Уэсли успел выключить двигатели, судно дернулось, и снизу, из-под палуб, послышался металлический лязг. Дуайер подбежал к перилам и стал пристально вглядываться в кильватерный след, тянувшийся за яхтой в черной воде.

— Вот дьявол! Мы ударились о бревно! — крикнул он, показывая пальцем. — Видите?

Рудольф с трудом различил в темноте какой-то серый, продолговатый предмет, слегка выступающий из воды и покачивающийся на волнах. На палубу выбежал Томас. Он был босиком и без рубашки, но в руках держал свитер. За ним по пятам бежала Кейт.

— Мы напоролись на бревно, — сказал ему Дуайер. — Думаю, пострадал гребной винт, а может, и оба.

— Это опасно? Яхта начнет тонуть? — испуганно спрашивала Джин. — Надо сбегать за Инид!

— Никуда не надо бежать, Джин, — спокойно проговорил Томас. — И яхта тонуть не собирается.

Натянув свитер, Томас прошел в рубку и стал за штурвал. «Клотильда» сбилась с курса и тихонько покачивалась на волнах под слабым бризом. Томас включил левый двигатель. Он работал нормально, и винт крутился как положено. Но когда Томас включил правый двигатель, снова снизу раздался металлический ляг, и «Клотильду» стало потряхивать. Томас выключил правый двигатель, и яхта некоторое время медленно двигалась на левом.

— Поврежден гребной винт, а возможно, и вал, — сказал Томас. Уэсли чуть не плакал:

— Папа, извини, я не заметил бревна.

Томас похлопал сына по плечу.

— Ты тут ни при чем, Уэс, — сказал он. — Абсолютно ни при чем. Спустись-ка в машинное отделение, посмотри, нет ли в трюме воды. — Он выключил левый двигатель, и яхта, через минуту остановившись, снова начала безвольно покачиваться на волнах. — Свадебный подарок от Средиземного моря, — произнес он, но без особой горечи.

Он набил трубку, раскурил ее и, обнимая жену за плечи, спокойно ждал возвращения Уэсли.

— В трюме сухо, — сказал Уэсли, поднявшись на палубу.

— Она у нас крепкая, — облегченно вздохнул Томас. — Наша старушка «Клотильда». — Тут он заметил стаканы в руках у Рудольфа и Гретхен и спросил: — Что, продолжаем праздновать?

— Да, выпили по стаканчику, — ответил Рудольф.

Томас кивнул.

— Уэсли, — повернулся он к сыну, — стануись за штурвал. Мы возвращаемся в Антиб. Будем идти на одном левом двигателе. Держи обороты на нижнем пределе и не спускай глаз с указателей уровня воды и масла. Если начнет падать давление или греться двигатель, сразу же выключай его.

Рудольф догадывался, что Томас предпочел бы стать за штурвал сам, но он хотел дать понять Уэсли, что не считает его виноватым в случившемся.

— Что ж, друзья, — с сожалением проговорил Томас, когда Уэсли включил двигатель и, медленно развернув «Клотильду», взял направление на Антиб. — Боюсь, о Портофино придется забыть.

— О нас можешь не беспокоиться, — сказал Рудольф. — Беспокойся о яхте.

— Сегодня уже ничего нельзя будет сделать, — пробормотал Томас. — А завтра, прямо с утра, наденем маски ныряльщика, спустимся под воду и глянем, что там и как. Если это то, что я думаю, придется заказывать новый винт, а возможно, и вал. А чтобы их поставить вместо старых и хорошенько пригнать по месту, нужно будет вытаскивать яхту на берег. Я, конечно, мог бы сейчас пройти мимо Антиба и остановиться, скажем, в Вильфранше, чтобы там и заняться ремонтом, но мне хотелось бы остаться в Антибе. К тому же здесь и верфь обойдется дешевле.

— Нет, нет, останавливаемся в Антибе! — воскликнула Джин. — Мы все полюбили Антиб.

— Ты хорошая девочка, — сказал ей Томас. — Ну а теперь, почему бы нам не сесть поужинать?

Они могли идти со скоростью не более четырех узлов и, когда прибыли в Антиб, порт был безмолвен и погружен в темноту. Никто не встречал их приветственными гудками, никто не бросал вслед яхте живых цветов.

IV

Ему приснилось, будто кто-то тихо, но настойчиво стучит в дверь и, пытаясь пробиться из таинственных глубин сна на поверхность сознания, Томас подумал: «Это, должно быть, Паппи». Он открыл глаза и увидел, что лежит на койке в своей каюте, а рядом спит Кейт. Теперь, когда он сделал нижнюю койку шире, приделав к ней части старой кровати, им с Кейт стало спать намного удобнее. Приставку можно было складывать на день, что давало им возможность свободно передвигаться по крошечной каюте.

Но стук повторился снова.

— Кто там? — спросил он шепотом, чтобы не разбудить Кейт.

— Это я, Пинки, — прошептал голос за дверью. — Пинки Кимболл.

— Подожди, я сейчас, — сказал Томас и, не зажигая света, оделся.

Умаявшаяся за день Кейт крепко спала.

В брюках и свитере, но босиком, Томас потихоньку открыл дверь каюты и вышел в коридор, где его ждал Пинки. От Пинки разило перегаром, но было так темно, что Томасу трудно было определить, насколько Пинки пьян. Пройдя мимо каюты, где спали Дуайер и Уэсли, Томас поднялся в рубку. Пинки покорно

плелся за ним, но, поднимаясь по ступенькам, споткнулся и чуть было не упал. Томас глянул на часы и прочел на фосфоресцирующем циферблате: два пятнадцать.

— Какого черта тебе надо? — раздраженно спросил Томас.

— Я только что вернулся из Канна, — заплетающимся языком сообщил Пинки.

— Ну и что? Ты всегда будишь людей, когда возвращаешься из Канна?

— А теперь внимательно меня слушай, приятель, — продолжал Пинки. — В Канне я видел твою невестку.

— Ты пьян, Пинки, — брезгливо сказал Томас. — Иди лучше проспись.

— Она в розовых брюках. С какой стати я стал бы трепаться зазря? Не настолько я пьян, чтобы не узнать женщину, которая целый день была перед моими глазами. Я удивился, подошел к ней и говорю: «А я думал, вы на пути к Портофино». А она говорит мне: «Нет, я не на пути в Портофино, потому что у нас была авария. Нам чертовски хорошо и в Антибском порту».

— Не могла она сказать «чертовски хорошо» — она так не выражается, — заявил Томас, отказываясь верить, что Джин может быть где-нибудь в другом месте, а не у себя в каюте, на «Клотильде».

— Да, «чертовски хорошо» я добавил — для выразительности, — сказал Пинки. — Но все равно я ее видел и разговаривал с ней.

— И где именно ты ее видел? — Томас старался говорить как можно тише, чтобы не разбудить других.

— В одном заведении, где показывают стриптиз, — «*La Porte Rose*»*. Это на улице Бивак Наполеона. Она сидела в баре с каким-то здоровенным югославом или кем-то вроде этого, голово-резом на вид. На нем был габардиновый костюм. Я его и раньше видел в этих краях. Он сутенер. Отсидел срок.

— О Господи! А она была выпивши?

— В стельку, — ответил Пинки. — Я предложил отвезти ее в Антиб, но она сказала: «Меня отвезет домой этот джентльмен, когда мы будем готовы».

— Подожди меня здесь, — сказал Томас и, спустившись вниз, прошел через салон в коридор, мимо кают Гретхен и Инид. Оттуда не доносилось ни звука. Здесь, в кормовой части яхты, в коридоре всю ночь горел свет — на тот случай, если маленькой Инид захочется в туалет. Приоткрыв дверь в капитанскую каюту, он увидел через щель, что Рудольф в пижаме спит на широкой кровати один.

* *La Porte Rose* (фр.) — розовые врата.

Томас тихонько закрыл дверь и вернулся к Пинки.

— Да, ты не ошибся,— сказал он.

— Что ты собираешься делать? — спросил Пинки.

— Поеду и заберу ее,— ответил Томас.

— Хочешь, я поеду с тобой? Там публика еще та.

Томас отрицательно покачал головой. От Пинки и в трезвом виде было немного толку, а в пьяном — вообще никакого.

— Спасибо. Иди спать. Увидимся утром.— Пинки начал было протестовать, но Томас, легонько подталкивая его к сходному трапу, сказал: — Иди, иди, ложись.

Некоторое время он стоял, глядя, как Пинки бредет, шатаясь, по пристани, то ныряя в тень, то снова выныривая из нее — все ближе и ближе к его родной «Веге»,— затем сунул руку в карман, достал бумажник и, убедившись, что там еще остались кое-какие деньги, прошел на цыпочках мимо каюты, где спали Дуайер и Уэсли, вошел в свою каюту и разбудил Кейт, легонько тряхнув ее за плечо.

— Только тихо,— сказал он.— Я не хочу перебудить всех на яхте.— И он рассказал ей все, что узнал от Пинки, завершив свой рассказ словами: — Я должен съездить за ней.

— Один?

— Чем меньше будет людей, тем лучше,— сказал он.— Я привезу ее сюда, уложу в постель к мужу, а утром он скажет, что у нее болит голова и ей надо денек полежать, так что никто ничего не узнает. Я не хочу, чтобы Уэсли или Банни видели ее пьяной.

Он также не хотел, чтобы Уэсли и Дуайер были поблизости, если вдруг завяжется драка.

— Я поеду с тобой,— сказала Кейт и уже начала было приподниматься с кровати, но он уложил ее назад.

— Точно так же мне не хотелось бы, чтобы она знала, что ты видела ее пьяной в компании сутенера. Мы ведь теперь должны навсегда оставаться друзьями.

— Будь осторожен, ладно?

— Хорошо, буду,— сказал он и поцеловал ее.— Спокойной ночи, дорогая.

«Любая другая на ее месте закатила бы истерику,— подумал он, выходя на палубу,— но только не Кейт». Он надел сандалии «эспадрильи», которые всегда оставлял на сходнях, прежде чем подняться на судно, и спустился на пристань. Ему повезло: как раз в тот момент, когда он проходил под аркой, подъехало такси, и оттуда вышла пара в вечерних нарядах. Он сел в такси и назвал адрес: улица Бивак Наполеона, Канн.

Когда он вошел в бар «*La Porte Rose*», ее там не было. Не было и никаких югославов в габардиновых костюмах. Двое или трое.

мужчин, облокотясь на стойку, смотрели стриптиз, рядом с ними стояли две проститутки. Посетителей было немного, за одним из столиков недалеко от входа в компании одной из стриптизерш сидели трое мужчин, чья внешность не совсем понравилась Томасу. У края танцевальной площадки расположились две пожилые американские пары. Стриптиз только что начался. Под громкую музыку оркестра рыжеволосая женщина в вечернем платье расхаживала в лучах прожектора, извиваясь и медленно стягивая с руки длинную, доходившую почти до плеча перчатку.

Томас заказал шотландское виски с содовой. Когда бармен поставил перед ним стакан, он сказал, обратившись к нему по-английски и выговаривая слова четко и медленно:

— Я ишу одну американку, которая не так давно здесь была. Каштановые волосы. Розовые брюки. Она была с мсье в габардиновом костюме.

— Не видеть никакая американка,— ответил бармен.

Томас положил на стойку стофранковую бумажку.

— Кажется, начинай вспоминать,— сказал бармен.

Томас положил еще сто франков. Бармен быстро огляделся вокруг, и деньги тут же исчезли. Он взял стакан и начал усердно протирать его. Говорил он, не глядя на Томаса. Оркестр играл очень громко, и можно было не опасаться, что кто-нибудь подслушает.

— За *les toilettes*,— скороговоркой сказал бармен,— будете найти *un escalier*, лестница, которая ведет в подвал. Там спать после работы наш *plongeur*, наш судомойщик. Вы находить то, что искать, в подвале. Зовут этот человек Данович. *Sale type**. Будете осторожный. Он имеет друзья.

Томас наблюдал, как стриптизерша сняла один чулок, помахала им и принялась стягивать подвязку со второй ноги. Делая вид, что продолжает с интересом следить за стриптизом, Томас неторопливо направился к светящейся в конце зала надписи «*Toilettes, Téléphone*». Все вокруг были поглощены зрелищем раздевавшейся в свете прожектора девицы, и Томас был почти уверен, что никто не обратил внимания, как он прошел в арку под надписью. Миновав дурно пахнущие туалеты, он увидел ступеньки, ведущие в подвал, и быстро спустился вниз. Лестница, освещенная тусклой лампочкой, упиралась в тонкую фанерную дверь. Сквозь шум оркестра до него донесся из-за двери умоляющий, с истерическими нотками женский голос, который вдруг резко затих, точно женщине зажали рот рукой. Томас толкнул дверь, но она была заперта. Тогда он отступил назад и с силой ударил в дверь плечом. Прогнившее дерево и хилый замок подались од-

* *Sale type* (фр.) — мерзкий тип.

новременно, и он влетел в подвал. Джин силилась подняться с раскладушки судомойщика. Спутанные волосы свисали ей на лицо. Один рукав у свитера был почти оторван. Мужчина в габардиновом костюме, Данович, стоял рядом с ней лицом к двери. В свете голый лампочки, свисавшей с потолка, Томас разглядел батареи пустых винных бутылок, верстак и разбросанный в беспорядке плотничий инструмент.

— Том! — крикнула Джин. — Забери меня отсюда! — От страха она успела протрезветь, а может быть, и раньше не была настолько пьяной, как показалось Пинки. Она попыталась встать, но Данович грубо толкнул ее обратно, не сводя глаз с Томаса.

— Тебе что надо? — спросил он Томаса. Данович говорил по-английски, но язык у него заплетался. Он был приблизительно того же роста, что и Томас, с широкими массивными плечами. Одна щека у него была обезображена длинным шрамом.

— Я пришел, чтобы отвезти эту даму домой, — сказал Томас.

— Я сам отвезу эту даму домой, когда сочту нужным. *Fout-moi le camp**, янки! — И он грубо толкнул Джин ладонью в лицо, когда она вновь попробовала подняться.

Оркестр сверху стал играть громче: очевидно, стриптизерша рассталась еще с одним предметом одежды.

Томас шагнул к раскладушке.

— Не нарывайся на неприятности, — спокойно сказал он Дановичу. — Дама едет со мной.

— Если она тебе так нужна, что ж, давай, забирай ее у меня, янки. — Данович неожиданно отступил назад, схватил с верстака молоток и занес его над головой.

«Черт возьми, — подумал Томас, — всюду есть свои Фальконетти».

— Пожалуйста, Том! Умоляю тебя! — всхлипывала Джин.

— Даю тебе пять секунд, чтобы ты убрался. — Данович двинулся к Томасу, держа молоток на уровне лица.

Томас понимал: главное — уберечь голову от молотка. Если молоток заденет его даже скользким ударом, все будет кончено.

— Ладно, ладно, — сказал он, слегка отступая и успокаивающе поднося руки. — Я не собираюсь драться. — Но Данович, размахнувшись, опустил на Томаса молоток, однако Томас успел увернуться и, бросившись Дановичу под ноги, изо всех сил боднул его головой в пах. Молоток ударил его по плечу, и оно сразу онемело. Данович потерял равновесие, упал на спину, и Томас, обхватив руками его колени, уселся на него верхом. Падая, Данович, должно быть, ударился головой, так как на какое-то мгновение перестал сопротивляться. Томас воспользовался моментом и схватил его за шею. Данович снова замахнулся молотком и ударил То-

* *Fout-moi le camp* (искаж. фр.) — уматывай отсюда.

маса по локтю, который тот выставил вперед, защищая лицо. Томас потянулся к молотку, другой рукой ткнув Дановича в глаза. Но он не сумел ухватить молоток и тут же почувствовал резкую боль в колене. На этот раз он изловчился и схватил молоток, не обращая внимания на удары, которые Данович наносил ему другой рукой; он выкручивал молоток, пока не вырвал его из руки Дановича, и молоток, отлетев в сторону, упал на цементный пол. Томас метнулся к молотку и схватил его. И он и Данович уже были на ногах, но Томас из-за поврежденного колена двигался с трудом, и ему пришлось переложить молоток в левую руку — правое плечо у него совсем онемело.

Сквозь гром оркестра и собственное шумное дыхание он слышал, как кричит Джин, но ее крики доносились до него приглушенно, словно издалека.

Данович, зная, что Томасу трудно двигаться из-за полученных травм, попытался зайти сзади. Томас заставил себя повернуться. Данович прыгнул на него, и Томас ударил его молотком повыше локтя. Рука Дановича повисла плетью, но он продолжал размахивать левой. Как только он оставил голову без прикрытия, Томас ударил его кулаком по виску — не прямым, а боковым ударом, но и этого оказалось достаточно. Данович пошатнулся и упал на спину. Томас тут же оседлал его и занес молоток над его головой. Данович, задыхаясь, заслонил здоровой рукой лицо. Том трижды ударил его молотком — по плечу, по кисти, по локтю, и все было кончено. Обе руки Дановича безжизненно замерли вдоль туловища. Томас поднял молоток, чтобы прикончить его. Глаза Дановича помутнели от страха, с виска по бледнеющему лицу стекала темная струйка крови.

— Прошу тебя! — кричал он. — Прошу, не убивай меня! *Пожалуйста!* — Его голос сорвался на визг.

Томас сидел на Дановиче сверху, пытаясь отдышаться. Молоток в левой руке все еще был занесен над его головой. Если кто и заслуживал, чтобы его убили, так это Данович. Но Фальконетти тоже заслуживал, чтобы его убили. Нет, пусть это сделает кто-нибудь другой. Томас перевернул молоток другой стороной и запихнул его рукоятку в широко раскрытый, судорожно ходящий рот Дановича. Он чувствовал, как ломает ему передние зубы. Сейчас Томас уже не был способен убить этого человека, но зубы ломал ему с удовольствием.

— Помоги мне встать, — сказал он Джин.

Она сидела на раскладушке, прижав руки к груди, и тяжело дышала, словно тоже участвовала в драке. Медленно, неуверенно поднявшись, она подошла к нему, подхватила под мышки и потянула на себя. Томас поднялся на ноги и, шагнув в сторону от трясшегося Дановича, чуть было не упал. Голова у него кру-

жилась, и комната плыла перед глазами, но мысли не путались. Увидев на спинке единственного в подвале стула белое льняное полупальто Джин, он сказал:

— Надень свое пальто.— Свитер на Джин был порван, и она должна была прикрыть его, чтобы пройти через зал, не привлекая внимания. А он — сможет ли *он* идти? Ему пришлось обеими руками переставлять поврежденную ногу, шаг за шагом, пока они поднимались по лестнице. Дановича они оставили лежать на цементном полу. Из его разбитого рта торчал молоток и, пугаясь, текла кровь.

Когда они проходили через арку под надписью «*Toilettes, Téléphone*», начинался следующий сеанс стриптиза. Шоу в «*La Porte Rose*» шло без перерыва. К счастью, в зале было темно, если не считать луча света, направленного на готовившуюся раздеваться девицу в черной амазонке, в котелке, сапогах и с кнутом. Тяжело опираясь на плечо Джин, Томас умудрялся идти почти не хромя, и они уже выходили из клуба, как один из троицы, сидевшей возле двери, заметил их. Он встал и крикнул им вслед:

— *Allô! Vous la! Les Américains! Arrêtez! Pas si vite!**

Но они уже были за дверью и медленно, с трудом, шли по улице. Мимо проезжало такси, и Томас остановил его. Джин еле втащила его в машину, потом забралась в нее сама, и такси уже мчалось в Антиб, когда человек, окликнувший их в зале, вышел на улицу и стал их искать.

В такси Томас обессилено откинулся на спинку сиденья. Джин, кутаясь в свое белое полупальто, забилась в угол подальше от Томаса. Он не обижался на нее — ему самому был отвратителен исходящий от него запах пота, смешанного с запахом Дановича, крови и сырого подвала. На какое-то время он не то впал в полубезыбие, не то задремал, а когда открыл глаза, машина уже приближалась к Антибской гавани. Джин в своем углу навзрыд плакала, но Томас мог сегодня уже не беспокоиться о ней.

Когда они подъехали к причалу, у которого стояла «Клотильда», он вдруг засмеялся.

Его смех подействовал на Джин как удар кнута, и она тотчас перестала плакать.

— Над чем ты смеешься, Том? — спросила она.

— Я вспомнил этого доктора в Нью-Йорке, — ответил он. — Он советовал мне как можно дольше избегать резких движений и любого перенапряжения. Хотелось бы взглянуть на его лицо, если бы он увидел меня в этой забегаловке!

* *Allô! Vous la! Les Américains! Arrêtez! Pas si vite!* (фр.) — Эй, вы, американцы! Постойте! Не торопитесь!

Он заставил себя без посторонней помощи выбраться из машины, расплатился с таксистом и, хромя, стал подниматься по трапу следом за Джин. У него снова закружилась голова, и он чуть не свалился в воду.

— Помочь тебе дойти до каюты? — спросила Джин, когда они наконец были на палубе.

— Не надо, — отмахнулся он. — Лучше побыстрее спускайся вниз. Скажи мужу, что вернулась, и придумай, как ему объяснить свое отсутствие.

Она потянулась к нему и поцеловала его в губы.

— Клянусь, что до конца своих дней не возьму в рот ни единой капли спиртного, — сказала она.

— Ну что ж, — ответил он, — в таком случае будем считать, что вечер прошел недаром. — Чтобы смягчить свои слова, он легко похлопал ее по нежной, как у ребенка, щеке.

Он провожал ее взглядом, пока она шла через салон в главную каюту, а затем, морщась от боли, с трудом спустился вниз и, пройдя по тесному коридору, открыл дверь своей каюты. Кейт не спала, и в каюте горел свет. Увидев его, она охнула.

— Тсс, — приставил он к губам палец.

— Что там стряслось? — шепотом спросила она.

— Настоящее чудо! — ответил он. — Мне удалось не убить человека. — Он обессилено упал на койку. — А сейчас одевайся. Привезешь мне врача.

Он проснулся рано, разбуженный свистящим шумом хлещущей воды: Дуайер и Уэсли поливали из шланга палубу. Это означало, что они пришли вчера в порт слишком поздно, чтобы сразу же помыть яхту, как они это делали после каждого плавания. Колено у него было плотно забинтовано, а двигая правым плечом, он каждый раз морщился от боли. Но могло быть и хуже. Врач сказал, что переломов нет, однако сильно повреждено колено и, вероятно, разорваны несколько хрящевых связок. Кейт уже встала и сейчас на камбузе готовила завтрак. Он лежал один в постели, вспоминая, сколько раз в своей жизни ему приходилось просыпаться в синяках, испытывая ноющую боль во всем теле. Это его персональный банк памяти.

Опираясь на здоровую руку, Томас с трудом сполз с койки, затем с усилием встал с пола и, делая упор на здоровую ногу, стал рассматривать себя в маленьком зеркальце, стоящем на небольшом столике у стены. Лицо его было изуродовано до неузнаваемости. Там, в подвале, он ничего не почувствовал, но когда сбивал Дановича с ног, он и сам рухнул лицом на неровный цементный пол, и сейчас нос у него был распухшим, губа вздулась, лоб и скулы были покрыты глубокими порезами. Врач обрабо-

тал их спиртом, и теперь они болели меньше, чем ушибы на теле. Но Томас был уверен, что Инид, увидев его, все равно испугается и с криками «мама!» в ужасе бросится к Джин.

Он стоял перед зеркалом голый и видел, что его грудь и плечи почти сплошь в черно-синих кровоподтеках. Увидел бы его сейчас Шульц, подумал он, натягивая брюки. Эта болезненная операция заняла у него не меньше пяти минут, а рубашку он так и не сумел надеть. Он взял ее с собой и поковылял, в основном прыгая на здоровой ноге, в камбуз. Кофейник уже стоял на плите, и Кейт выжимала апельсины. Как только врач уверил ее, что с Томасом ничего страшного не случилось, она немедленно успокоилась и стала прежней Кейт, спокойной и деловитой. Когда врач ушел, Томас, прежде чем заснуть, рассказал ей всю историю без утайки.

— Ты не хочешь поцеловать прекрасное лицо своего жениха? — спросил он, входя в камбуз.

Она улыбнулась, нежно поцеловала его и помогла надеть рубашку. Он не стал ей жаловаться на боль в правом плече, когда он двигал им, надевая рубашку.

— Кто-нибудь уже знает, в каком я виде? — спросил Томас.

— Уэсли и Дуайеру я ничего не сказала, — ответила Кейт, — а остальные еще спят.

— Буду всем говорить, что подрался с пьяным возле «Ле-Камео», — сказал Томас. — Пусть это будет наглядным уроком всем тем, кто решит напиться на собственной свадьбе.

Кейт кивнула.

— Уэсли уже нырял в маске под яхту, — сказала она. — Говорит, что левый винт искорежен, а вал, насколько он мог понять, весь изогнут.

— Нам еще повезет, если мы выйдем из Антиба хотя бы через неделю, — хмуро пробормотал он. — Ладно, поднимусь на палубу и начну им заливать баки.

Кейт взяла поднос с кофейником, апельсиновым соком и стаканами и поднялась по ступенькам на палубу, Томас шел вслед за ней.

— Господи Иисусе, что это ты с собой сделал? — ужаснулся, увидев его, Дуайер, а пораженный Уэсли выдохнул: — Папа, да ты ли это?!

— Я объясню, в чем дело, когда подойдут остальные, — сказал Томас. — Повторять эту историю по сто раз я не намерен.

В этот момент на палубу поднялся Рудольф с дочерью, и Томас по его лицу понял, что Джин уже рассказала ему всю — или почти всю — правду. Инид ограничилась одной фразой:

— Дядя Том, ты сегодня такой смешной!

— Это уж точно, малышка, — улыбнулся ей Томас.

Рудольф никому ничего не сказал. Отсутствие Джин он объяснил тем, что у нее разыгралась мигрень и она решила пока не вставать с постели, а после завтрака он отнесет ей апельсиновый сок. Когда они сели за стол, на палубу поднялась Гретхен.

— Бог ты мой, Том, что с тобой? — в ужасе спросила она.

— Я ждал, когда же наконец кто-нибудь задаст мне этот вопрос, — ответил Томас. Затем он рассказал историю о драке с каким-то напившимся вдрызг матросом возле бара «Ле-Камео». — Только матрос этот оказался не таким пьяным, как я сам, — рассмеявшись, добавил он.

— Ах, Том, — укоризненно произнесла Гретхен, — а я-то думала, ты навсегда бросил драться.

— Я тоже так думал, но тот матрос думал иначе, — ответил он.

— Ты тоже там была, Кейт? — спросила Гретхен.

— Я спала, — спокойно ответила та. — Он ускользнул потихоньку, так чтобы я ничего не слышала. Мужчины — они такие, ты ведь и сама знаешь.

— По-моему, это просто стыдно, — сказала Гретхен. — Взрослые люди — а дерутся, как молодые петушки!..

— Я тоже так думаю, — кивнул Томас. — И мне особенно стыдно, потому что я позволил себя так отделать. Ладно, давайте завтракать.

V

Позже, тем же утром, Томас и Рудольф сидели одни на палубе, в носовой части яхты. Кейт и Гретхен пошли на рынок за покупками, взяв с собой Инид, а Уэсли с Дуайером, надев маски ныряльщика, снова осматривали гребные винты.

— Джин мне все рассказала, — проговорил Рудольф. — Даже не знаю, как тебя благодарить, Том.

— Забудь об этом. Ничего особенного. Просто ей, выросшей в такой приличной семье, все это могло показаться страшнее, чем было на самом деле.

— Мало того, что мы вчера целый день пили, — горько сказал Рудольф. — Так мы с Гретхен в довершение всего хлебнули перед ужином джину с тоником. Ну, и супруга моя не смогла устоять. Алкоголики часто бывают ужасно коварными. Даже не представляю себе, как она сумела выскользнуть из постели, одеться и улизнуть с «Клотильды», не разбудив меня при этом... — Он покачал головой. — Последнее время она так хорошо себя вела, что я успокоился. Но стоит ей выпить рюмку-другую, и она уже собой не владеет. Становится просто другим человеком. Надеюсь, ты не думаешь, что она и в трезвом виде шатается по ночным барам, чтобы подцепить себе какого-нибудь мужчину?

— Ясное дело, нет, Руди.

— Она рассказала мне, как это случилось,— продолжал Рудольф.— К ней подошел какой-то вежливый, приличный на вид молодой человек и сказал, что знает один симпатичный бар в Канне, который открыт всю ночь, и может, если она хочет, свозить ее туда на своей машине, которая стоит возле входа. В любой момент, когда она пожелает, сказал этот тип, он ответит ее назад.

— Вежливый, приличный на вид молодой человек,— повторил Томас, вспоминая лежащего на полу Дановича, изо рта которого торчала рукоятка молотка, раскрошившая ему все зубы, и усмехнулся.— Сегодня утром, могу тебя уверить, он уже не такой вежливый и приличный на вид, каким был вчера.

— Когда они приехали в Канн, оказалось, что симпатичный бар — на самом деле грязный притон с дешевым стриптизом. Черт возьми,— воскликнул он,— мне трудно даже представить себе Джин в подобном месте... Ну, а потом этот тип говорит ей, что в зале бара слишком шумно на его взгляд, но внизу у них есть маленький, уютный клуб, где можно чудесно провести время за бокалом вина...— Рудольф сокрушенно покачал головой.— Все остальное ты знаешь.

— Постарайся не думать об этом, прошу тебя, Руди,— произнес Томас.

— Почему ты не разбудил меня и не взял с собой? — с упреком спросил Рудольф.

— Такие поездки не для тебя, Руди.

— Да, но я ее муж, черт возьми!

— Это еще одна причина, почему я тебя не будил,— ровным голосом сказал Томас.

— Но он мог убить тебя.

— Да, был момент, когда мне и самому так показалось,— признал Томас.

— Или *ты* мог убить его.

— Это единственная хорошая вещь во всей истории,— задумчиво произнес Томас.— Я понял, что никогда не смогу убить человека... Ладно, пойду погляжу, как там дела у наших ныряльщиков.

И он, сильно хромая, побрел на корму, оставив брата наедине с его чувствами благодарности и вины.

VI

Он сидел в одиночестве на палубе, с наслаждением вдыхая прохладный воздух тихого, позднего вечера. Кейт была в каюте внизу, а все остальные уехали на машине в двухдневную поездку по горным городкам Франции, а затем по северу Италии. Про-

шло уже пять дней с тех пор, как «Клотильда» вернулась в Антибскую гавань, но новый гребной винт и вал, заказанные в Голландии, до сих пор не прибыли. Рудольф сказал, что, раз появилась такая возможность, небольшая увеселительная поездка — это как раз то, в чем все они нуждаются. После той страшной ночи Джин как-то тревожно притихла, и Рудольф делал все, чтобы отвлечь ее. Он приглашал Кейт и Томаса тоже поехать с ними, но Томас сказал, что молодоженам хочется побыть вдвоем. Он даже сказал Рудольфу, когда никого не было рядом, что было бы неплохо, если бы он взял с собой и Дуайера. Дуайер все время приставал к Томасу, чтобы тот показал ему пьяного матроса, который так его изукрасил возле бара «Ле-Камео». Томас не сомневался, что Дуайер с Уэсли задумали какой-нибудь сумасшедший план расквитаться с мифическим матросом. Ко всему прочему, Джин взяла привычку ходить за ним по пятам, не спуская с него странного, затравленного взгляда. Стоять целых пять дней на причале в гавани было для всех слишком большим испытанием, и Томас вздохнул с облегчением, когда они с Кейт остались на «Клотильде» одни, пусть и на короткое время.

В гавани не было слышно ни звука, почти на всех судах погасили на ночь огни. Томас зевнул, потянулся и встал. Тело его от ушибов почти уже не болело, и хотя он пока еще волочил за собой ногу, у него уже не было ощущения, когда он поднимался по ступенькам на палубу, что ее переломили надвое в районе колена. Со дня драки он ни разу не занимался с Кейт любовью, и ему подумалось, что сегодня ночью было бы очень неплохо возобновить их близость. Вдруг он увидел, как по пирсу быстро движется машина с погашенными огнями. Напротив «Клотильды» она остановилась. Это был черный автомобиль марки DS-19. Обе дверцы с обращенной к нему стороны открылись, и из автомобиля вышли двое. За ними еще двое. Последним был Данович. С рукой на перевязи.

Если бы на яхте не было Кейт, он нырнул бы за борт, и пусть тогда его ловят. Но в сложившейся ситуации ему ничего не оставалось как только стоять и смотреть, как они приближаются. На стоящих по обе стороны судах не было ни души. Данович остался внизу, а сопровождающая его троица поднялась на борт.

— Итак, джентльмены, — сказал Томас, — чем я вам могу быть полезен?

Что-то тяжелое ударило его по голове.

Он приходил в сознание всего один раз, и то ненадолго. Рядом с ним в больничной палате находились в этот момент Уэсли и Кейт.

— Больше никогда... — произнес он и снова впал в коматозное состояние.

Рудольф вызвал из Нью-Йорка известного нейрохирурга, но тот был еще на полпути в Ниццу, когда Томаса не стало. У него был проломлен череп, объяснил Рудольфу хирург, и произошло обширное кровоизлияние в мозг.

Рудольф перевез Гретхен, Джин и Инид в отель и настрого велел сестре не оставлять Джин ни на минуту.

Он сообщил полиции все, что ему было известно; затем, когда полицейские принялись расспрашивать Джин, у нее началась истерика, и она ничего от них не утаила. Она рассказала им про «*La Porte Rose*», и Дановича задержали, но свидетелей избиения Томаса не нашлось, а у Дановича оказалось неопровержимое алиби на всю эту ночь.

VII

На другое утро после кремации Рудольф и Гретхен съездили на такси в крематорий, и им выдали металлическую урну с прахом брата. Из крематория они поехали в Антибскую гавань, где их ждали Кейт, Уэсли и Дуайер. Джин и Инид остались в отеле. Рудольф решил, что Кейт было бы слишком тяжело стоять в этот день рядом с Джин. «Если даже Джин и напьется, то сегодня у нее на это есть достаточно оснований», — подумал Рудольф.

Гретхен, как и все остальные, уже знала всю правду о том, чем закончилась для Томаса брачная ночь.

— Том — единственный из нас, о котором можно сказать, что он прожил полноценную жизнь, — сказала она брату, когда они ехали в такси среди тысяч машин, везущих отдыхающих к побережью.

— И умер он ради тех, о ком этого нельзя сказать, — произнес Рудольф.

— Ты можешь себя винить лишь в одном, — проговорила Гретхен, — в том, что ты вовремя не проснулся в эту роковую ночь.

— Да, только в этом, — с грустной иронией произнес Рудольф.

После этого они молчали до самой «Клотильды». Кейт, Уэсли и Дуайер, одетые в обычную рабочую одежду, стояли в ожидании их на палубе. У Дуайера и Уэсли были красные от плача глаза, но на лице Кейт, застывшем от горя, не было ни слезинки. Рудольф взошел на борт, держа урну с прахом, за ним на яхту поднялась Гретхен. Рудольф поставил урну на скамейку в рубке, Дуайер взялся за штурвал и включил один двигатель. Уэсли затащил на борт сходни, затем соскочил на берег, чтобы отвязать оба кормовых швартова, а Кейт на борту «Клотильды» наматывала их на барабан. Затем Уэсли ловко, как кошка, перепрыгнул с пристани на корму и побежал на нос помогать Кейт с якорем.

Все это выглядело так обычно, так прозаично, что Рудольфу казалось, будто они начинают очередной рейс, и на палубу из руле-

вой рубки вот-вот выйдет, попыхивая своей трубкой, его младший брат.

Нарядная, безупречно чистая, бело-голубая яхта, освещенная ярким, утренним солнцем, миновала устье гавани и вышла в открытое море. На ее палубе стояли две одинокие фигуры, чья черная одежда казалась такой неуместной в это радостное и яркое утро. Этим только и отличалась «Клотильда» от других прогулочных судов, покидающих Антибскую гавань ради утехи их пассажиров.

На «Клотильде» царила полная тишина. Они еще накануне решили, как будут прощаться с Томасом. Выйдя в море, они с час плыли на юг, все больше удаляясь от берега. На одном двигателе им трудно было отойти далеко в море, и береговая линия ясно просматривалась за кормой.

Ровно через час Дуайер развернул яхту на сто восемьдесят градусов и заглушил двигатель. В пределах видимости не было ни одного судна, и море застыло в таком глубоком покое, что не слышалось ни звука от всплеска волн. Рудольф вынес из рубки урну и открыл ее. Кейт принесла снизу огромный букет белых и красных гладиолусов. Все встали в ряд на корме лицом к бескрайнему, пустынному морю. Уэсли протянул руки и взял урну из рук Рудольфа. Слезы на его глазах уже высохли. На мгновение он неподвижно застыл, а затем медленно высыпал прах отца в море. Это заняло не больше минуты. Неспешно перекачывающиеся волны подхватили пепел и увлекли его с собой в открытое море. Крохотные пылинки — все, что осталось от Томаса, — медленно таяли на голубой глади Средиземного моря.

Рудольф подумал, что тело их отца тоже было унесено в вечность неугомонными волнами.

Женственным, плавным движением округлых, загорелых рук Кейт бросила в море, один за другим, цветы.

Уэсли выпустил из рук металлическую урну и снятую с нее крышку, и они упали за борт — обе лицом вниз — и тотчас же затонули. После этого Уэсли отправился в рубку и запустил двигатель. Яхта была направлена носом к берегу, и он пошел прямым курсом к узкому устью гавани.

Кейт спустилась вниз, а Дуайер прошел на нос яхты, оставив мертвенно-бледных Рудольфа и Гретхен на корме.

Подставив лицо легкому встречному бризу, Дуайер стоял на носу яхты и смотрел, как приближаются залитые ослепительным светом утреннего солнца белые особняки, старые крепостные стены и зеленые сосны.

«Погода для богатых», — вспомнил Дуайер.

Содержание

<i>В. Татаринов. My Way</i>	5
Богач, бедняк (перевод <i>В. В. Чухно</i>)	9
Часть первая	11
Часть вторая	235
Часть третья	413
Часть четвертая	563

Литературно-художественное издание

Ирвин Шоу
БОГАЧ, БЕДНЯК

Редактор *А. Пилипенко*
Подбор иллюстраций *Л. Ровварга*
Подготовка иллюстраций *Е. Шамрай*
Художественный редактор *А. Сауков*
Компьютерная верстка *А. Пилипенко*
Корректоры *И. Желанникова, Н. Коновалова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых монтажей 21.11.00.

Формат 84x108 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64. Уч.-изд. л. 45,6.

Тираж 5000 экз. Заказ 4164.

•
ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97

125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой:

Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333

E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: eksmo_sl@msk.sitek.net

Мелкооптовая торговля:

Магазин «Академкнига»

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ISBN 5-04-003238-2

9 785040 032389 >

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Любите читать?

Нет времени ходить по магазинам?

Хотите регулярно пополнять домашнюю библиотеку и при этом экономить деньги?

**Тогда каталоги Книжного клуба
“ЭКСМО” – то, что вам нужно!**

Раз в квартал вы **БЕСПЛАТНО** получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!

Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо-заявку по адресу: **101000, Москва, а/я 333.**

Телефон "горячей линии" **(095) 232-0018**

Адрес в Интернете: **<http://www.eksmo.ru>**

E-mail: **bookclub@eksmo.ru**

**СЕРИЮ
«ЗАРУБЕЖНАЯ
КЛАССИКА»**

В этой серии собраны сокровища мировой литературы. Стремительно развивается общество, меняются жизненные приоритеты, а людям все еще нужно то, что написано и столетия назад. Перешагнув культурные, временные и языковые границы, эти произведения стали неотъемлемой частью духовного мира каждого просвещенного человека, где бы он ни жил.

ЗИМА '2000:

*П. Мериме «Кармен»
У. Шекспир «Трагедии, комедии, хроники»
Д. Голсуорси «Конец главы»*

Объем книг 600-900 стр. Переплет твердый, эфоиновый, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:
101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

СЕРИЮ
**«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР»**

Вам кажется, что ваша жизнь - сплошная черная полоса? Устали от постоянных неурядиц и злитесь на весь белый свет? Книги известных специалистов помогут вам изменить жизнь в лучшую сторону, избавиться от ненужных комплексов, достичь успеха в деловой сфере, наладить отношения в семье. Здесь вы найдете советы на все случаи жизни!

НОВИНКИ ЗИМЫ 2000:

Д. Карнеги «Язык успеха»
«Искусство убедительного разговора на любую тему»

Все книги объемом 350-550 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:
101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

СЕРИЮ

«ЭКСМО-Классика»

**Выбирайте то, что
проверено временем!**

Вас ждут нестареющие произведения русской
и зарубежной литературы – источник мудрости и вдохновения.

Современное оригинальное оформление, удобный карманный
формат – и любимые классические произведения всегда с вами!

ЗИМА'2000:

Р. Валье-Инклан «Сонаты»
Г. Гарсиа Маркес «100 лет одиночества»

Объем книг 150-300 стр., переплет.

Р. Роллан «Кола Брюньон»
Д.Л. Стрэйчи «Королева Елизавета и граф Эссекс»
Честерфилд «Письма к сыну»
Л. Филатов «Большая любовь Робин Гуда»

Объем книг 150-300 стр., обложка.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

СЕРИЮ
**«КЛАССИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ХУДОЖНИКА»**

Книги профессора Ене Барчаи, много лет преподававшего в Будапештской школе изобразительных искусств, – результат многолетней педагогической деятельности. Книги серии – прекрасные справочники для начинающих художников и для всех, кто имеет какое-нибудь отношение к искусству.

НОВИНКИ ЗИМЫ'2000:

«Анатомия для художников»

Л. Гордон «Рисунок. Техника рисования фигуры человека»

**Л. Гордон «Рисунок. Техника рисования фигуры человека
в движении»**

Л. Гордон «Техника рисования головы человека»

Все книги объемом 128-344 стр., твердые, целлофанированный переплет, шитый блок, иллюстрации.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

Издательство
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

«МИР ПСИХОЛОГИИ»

**РЕКОМЕНДОВАНО
МИНИСТЕРСТВОМ
ОБРАЗОВАНИЯ!**

В этой серии – учебники для колледжей и институтов, необходимые всем будущим психологам и педагогам, а также специалистам!

НОВИНКИ ЗИМЫ'2000:

В. Франкл «Воля к смыслу»

К. Хорни «Ваши внутренние конфликты»

«Руководство по консультированию и психотерапии»

«Детская психотерапия»

Все книги объемом 350-1000 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>